

Евразийский юридический журнал

№ 1 (128) 2019

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)
ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)
МИШАПЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),
Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)
ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ,
Первый вице-президент Российского философского общества)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2018

Подписано в печать 29.01.2019
Формат 62х84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasiatlaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasiatlaw.ru,
www.eurasiatlegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian Law Journal

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHEEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation, First Vice-Chairman of the Russian Philosophical Society).

FAKHRTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV Zufar Maksimovich, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISBI», Kazan)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalam Abdulkarimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS).

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhailovich, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAULENOV Kasim Syrbayevich, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D. in Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymowich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhniy Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

№ 1 (128) 2019

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2018

Signed for printing 29.01.2019

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasianlaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

www.eurasialegal.info

www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н.
(Российская академия наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Ипшатович, к.ф.н.

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., доцент

ГАБРАХМАНОВ Фарит Вадутovich, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadzhdinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

А. Т. Карасев:

О сущности представительной власти

Интервью с доктором юридических наук, профессором
Анатолием Тихановичем Карасевым 12

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Рагимов Т. С.

Теоретико-концептуальные подходы к анализу
евразийской экономической интеграции 17

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Черниченко С. В.

Идеологическая агрессия как применение силы
в международном праве 21

Солнцев А. М.

Некоторые вопросы дискриминации
по религиозному признаку в современном мире 25

Киселева Е. В.

Понятие дискриминации применительно к праву
на свободу мысли, совести и религии: международно-правовые
нормы и практика международных универсальных
и региональных правозащитных структур 29

Колесников А. Ю.

Защита традиционных семейных ценностей
в международном праве 35

Косенков И. А., Штодина И. Ю.

Правовые проблемы разграничения
космического пространства 37

Ли Сюй

Вопрос о правовой природе протокола о присоединении КНР
к Марракешскому Соглашению об учреждении ВТО 42

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Вердиева Дж. А., Салихова С. М.

Проблемы правового регулирования договора
международной воздушной перевозки пассажиров 45

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Мишальченко Ю. В., Алексеев Г. В.

Наднациональное управление и стандарты
общего рынка в Европейском Союзе 47

Войников В. В.

К вопросу о понятии и системе правоохранительного
законодательства ЕС 52

Григорьева М. А.

Организация и структура исполнительной власти
в Испании. Генеральная администрация государства
и административная реформа 55

Молчаков Н. Ю., Чугунов Д. К.

Роль комитета регионов ЕС в процессе углубления
европейской интеграции 58

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Кривельская О. В., Войтович Е. А., Фуфаев А. С.

Административная процедура как часть
административного процесса в США 62

Сидоркина М. С.

К вопросу о существенных признаках корпорации
в правовом порядке Соединенных Штатов Америки 65

Кутелия С. Т.

Формирование конституционализма в Республике Абхазия 68

Аду Я. Н., Гнамми В. Э.

Принудительные и ранние браки в Республике Бенин 70

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Гаджиев А. А.

Анализ национальных подходов к регулированию
наследственных договоров в правовых порядках
Германии и Франции 76

Платонов В. М.

Сравнительный анализ моделей разграничения полномочий
между центральной властью и составными частями
государства в Российской Федерации и Испании 81

Шамсутдинов Р. Р.

Сравнительный анализ правовой защиты государственной
тайны в Соединенных Штатах Америки и Великобритании 87

ПРАВО СТРАН СНГ

Когамова А. Ш.

Закон Республики Казахстан «О государственных услугах»:
ключевые положения, достоинства и слабые стороны 89

Курманалиева А. А.

К вопросу о статусе адвоката в Кыргызской Республике 95

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Биюшкина Н. И.

Генезис понятия «риск в праве» в трудах отечественных
ученых-правоведов XIX - начала XXI вв. 97

Тимонин А. Н.

Государство модерна: опыт критического анализа
идейно-теоретических основ 103

Черникова В. Е.

Роль правового менталитета в формировании правовой
культуры современного российского общества 106

Габрилян Р. Р., Мелекаев Р. К.

Доктринальные подходы зарубежных учёных
к исследованию правового обычая как источника права 109

Сидоров С. А., Абубакиров С. В.

Квалификация преступлений за незаконную разработку
живых природных ресурсов континентального шельфа и
исключительной экономической зоны Российской Федерации:
теоретико-правовой аспект 113

Суталинова (Курманалиева) Н. А.

Социальные основы соотношения и взаимосвязи
принципа гуманизма с другими принципами права 118

Воронков К. И.

Методика условно-досрочного освобождения
от отбывания наказания в виде лишения свободы
в процессе ресоциализации алжирских заключенных:
теоретический аспект 120

Магомедов Р. М.

Проблемы Верховного Суда Российской Федерации 122

Карпенко В. В.

Профессиональная этика в генезисе правоотношений
и правоприменения 124

Омарова Р. М.

Верховенство права на внутригосударственном
и международном уровнях 126

Убайдатов М. М.

Деформация правосознания адвокатов 129

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Хачатуров Р. Л.

Древневосточное право и его нравственные императивы
(на примере Авесты) 131

Аметка Ф. А., Хаваджи Д. Р.

Правовой статус главы государства в Крымском Ханстве:
историко-правовой аспект 134

Мусаев С. А.

Основные направления развития правовой системы
Азербайджана в составе Российской Империи 137

Байназаров И. Н., Игдавлетов И. С.,

Сулейманова М. Н., Фешкин В. Н.

Общие и особенные правовые аспекты вхождения
в состав Российского государства Башкортостана
и Западного Казахстана 141

Важенина И. В.

Полиция и общество в истории Великобритании 143

Пужаев В. В.

Эммануэль Леви о соотношении права и религии 147

Смирнов А. Н.

Распространение прав собственности на землю и закрепощение крестьян в Русском государстве: к методологии исследования 151

Ахмедова Д. А.

СМИ как субъект и участник юридического конфликта 155

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**Моисеева Е. Ю., Удалова В. В., Белоусов А. С.**

Право на криоконсервацию человеческого тела и биоматерии: конституционно-правовой аспект 157

Бородулин В. П.

Публичная власть в Российской Федерации: понятие и содержание 163

Кашулин С. Н.

Гражданские права, обязанности и ответственность граждан и организаций в контрактной системе: конституционно-правовые аспекты 167

Серегина Т. С.

25-летие Конституции Российской Федерации: традиции и новации юридической науки и практики 170

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**Бакулина И. П., Акатьева К. Е.**

Частичная декриминализация побоев в свете общей концепции административной ответственности 175

Булгакова Л. С.

Административно-правовые основы обеспечения экологической безопасности в России 177

Закопырин В. Н., Зверев А. В., Дазмарова Т. Н.

К вопросу об административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения и платных парковок 179

Кашаева А. А., Васильев И. А.

Перспективы реализации в Российской Федерации инструментария футбольных клубов: «Черные списки болельщиков» и взыскание со зрителей убытков 181

Никитин В. В.

Коллизия прав на земельный участок и на здание в правовом регулировании строительства 185

Сидоров С. А., Данилов Н. Ф., Пинчук О. В.

Устранение юридических коллизий, возникающих при возмещении ущерба, причиненного морским биологическим ресурсам административным правонарушением 188

Ахмедов Р. Э.

Проблемы государственного регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в России. Государственная монополия на алкоголь 192

Хутуев В. А.

Правила дорожного движения Российской Федерации: исторический и современный аспекты 194

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО**Борзило Е. Ю.**

Российское антимонопольное законодательство об интеллектуальной собственности: симбиоз и коллизия 197

Абдулмутапиров А. О., Мазанов М. Ш.

Предмет агентского договора 201

Давлетшин А. Р.

Понятие правового режима медицинской тайны 203

Масляный А. А.

Взыскание задолженности на основании исполнительного надписи нотариуса: проблемы правоприменения 206

Орлов А. А., Тихонова В. В.

Вопросы оплаты подрядных работ, выполненных для государственных нужд в отсутствие надлежащего документального оформления 209

Клюканова Л. Г.

Устойчивые города: комплексное развитие урбанизированных территорий и правовые механизмы обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду 213

Орлов А. А.

Особенности изъятия имущества, закрепленного за учреждением или казенным предприятием 220

Поляков В. В.

Особенности заключения договора в торговом обороте Российской империи 223

Родионов Л. А., Азархин А. В.

Развитие понятия бестелесного имущества в целях определения его существенных признаков как объекта гражданского права 225

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС**Долотина Р. Р., Гайнутдинова Г. С.**

Процессуальные штрафы в гражданском судопроизводстве 227

Чуракова Е. Н., Агеева Г. Е., Виленский Н. М.

Проблема отступления от принципа позитивного обжалования в арбитражном процессе (на примере дела ОАО «Волгоцеммаш» против ПАО «Банк Уралсиб») 229

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**Мирзаев М. А., Салихова С. М.**

Наиболее актуальные причины неэффективного использования муниципальных активов 233

Гонтарь С. Г.

Правовое регулирование цифровизации процесса формирования органов власти 236

Мизернюк М. С., Метлицкий Р. Л.

Проблемы взаимодействия социально ориентированных некоммерческих организаций и органов местного самоуправления 239

Ядреев И. В.

Использование государственных языков республик в составе Российской Федерации в деятельности органов местного самоуправления 241

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**Вислинский М. Д.**

Эколого-экономический механизм природопользования в муниципальном образовании (на примере крупнейшего города) 246

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО**Кадимова М. Ш., Алибекова А. М.**

О некоторых проблемах признания права частной собственности на земельные участки 249

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО**Тарасенко З. А.**

Перспективные направления использования вексельных операций в хозяйственной деятельности предприятий 253

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО**Бижигуева К. М., Алиева Э. Б.**

Проблемы налогового контроля и пути совершенствования проведения камеральных налоговых проверок 256

Алексеев А. Г.

Констатация и преодоление объективного вменения в российском праве 258

Комарова Л. В., Фарикова Е. А.

Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений в сфере финансов, контроля, надзора, аудита 260

Цепова Е. А.

Правовая природа международной налоговой прозрачности и ее роль в развитии финансово-правовых отношений с собственниками имущества за рубежом 262

Алексеев А. Г.

Проблемы абстрактного контроля в области расходов государственных финансов 267

НАЛОГОВОЕ ПРАВО**Алиева Э. Б., Мухумаева К. М.**

Презумпции в налоговом праве 269

Алиева Э. Б., Сулейманова А. А. Правовое регулирование вычетов по НДС	271

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Зайцева Е. В. Отдельные аспекты расследования преступлений, предусмотренных ст. 260 УК Российской Федерации (незаконная рубка лесных насаждений)	273
Колесникова Н. А. Разнообразие способов совершения мошенничеств в современных условиях	275
Манна А. А. К., Игнатова М. А. Половые преступления в уголовном праве мусульманских стран	278
Штыкова Е. Р. Признаки организованной преступной группы как формы соучастия в преступлении: вопросы теории и практики	282
Арипшев А. М. Преступления в сфере информационных технологий: киберпреступность	285
Гудима К. Н. Тенденции развития общей части уголовного законодательства Приднестровской Молдавской Республики	287

ЮВЕНАЛЬНОЕ ПРАВО

Баженов О. Н. Вопросы законодательного закрепления и применения уголовно-процессуальных норм, регулирующих домашний арест в отношении несовершеннолетних	289

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Брейтер М. А. Проблема соотношения непроцессуальной информации и процессуальной формы уголовного судопроизводства	291

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Головастова Ю. А. Принципы уголовно-исполнительного права	294

КРИМИНАЛИСТИКА

Жарко Н. В., Назаркин Е. В., Новикова Л. В. Планирование и выдвижение версий на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений	302
Сафаров В. Р., Муртазина Р. Р. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями	305

КРИМИНОЛОГИЯ

Арипшев А. М. Обзор динамики совершенных преступлений и факторы, влияющие на их раскрываемость	308
Савчишкина О. Г. Виктимность социальных групп как элемент системы профилактики семейно-бытового насилия	310

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Булыгин А. В., Крюкова Ю. Я. Проблема эффективности уголовного правосудия: причины и проявления	313
Магомедов Р. М. Основные аспекты деятельности Пленума Верховного Суда Российской Федерации	316
Салмина С. Г., Перцева Е. А. Компаративистские аспекты организации деятельности мирового судьи	319
Перов А. Г. Информационные технологии в судебном процессе как предпосылки формирования единого информационного пространства России	323
Рябкин А. А. Особенности организации и научно-методического обеспечения судебно-экспертных учреждений Российской Федерации	326

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Белоцеркович Д. В., Тонких Е. Е. Общая характеристика деятельности прокуратуры по надзору в сфере безопасности дорожного движения	329
Шериев А. М. Роль прокуратуры по координации деятельности субъектов противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ (на примере Кабардино-Балкарской Республики)	331

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Жамборов А. А. Некоторые вопросы совершенствования огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел	334
Кофтина Ю. Н. Зарубежный опыт правового регулирования процесса замещения должностей государственной правоохранительной службы: конкурсный отбор	337
Майоров А. В., Меньшикова А. Г. Проблемы квалификации превышения должностных полномочий, совершенные сотрудниками правоохранительных органов	340
Салмина С. Г., Негодуйко В. Ю. Особенности и проблемы организации деятельности органов предварительного расследования при раскрытии и расследовании дел о пожарах на объектах нефтегазового комплекса	344
Степанов Г. И., Ким В. О. Актуальные проблемы в обучении боевым приемам борьбы, сотрудников подразделений органов внутренних дел	348
Жамборов А. А. Актуальные вопросы организации и проведения руководителями стрельб занятий по огневой подготовке	350
Хараев А. А. Об основных изменениях организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации	353

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Конева А. Е., Гугунский Д. А. Предотвращение торговли детьми, детской проституции и детской порнографии в Российской Федерации в свете требований факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г.	355

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Егорова У. П. Юридическая природа национально-культурных автономий: региональный аспект на примере Республики Саха (Якутия)	359
Сангулия А. Д. Республика Абхазия как суверенное государство	361

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

Коркмазов А. В. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем как преступление, характеризующееся террористической направленностью	364
Фомин И. С., Шерхов Р. Р. Характеристика деятельности членов организованных групп, объединенных по этническому признаку, имеющие цель экстремистской направленности и террористического характера, в местах лишения свободы	366
Шамсутдинов Р. Р. Правовые аспекты управления безопасностью в области информационных технологий	368

МЕДИЦИНА И ПРАВО

Равочкин Н. Н., Соколов С. В., Гайдай А. В. Медицинское право в России: теория и создание единой отрасли	370

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО

Ростокинский А. В.

Особенности формирования правовой культуры обучающихся в организациях среднего и средне-профессионального образования 373

Миненко Н. А.

Проблемы формирования правовой культуры обучающихся в организациях среднего и средне-профессионального образования (региональные особенности Северо-Кавказского федерального округа) 376

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зубарева Ю. В., Гуденкова О. И., Мышлякова М. М.

Служба социального развития: главные цели, задачи и направления деятельности 379

Нуцалханова П. В., Нуцалханов Г. Н.,

Рамазанова А. Г., Рамазанов М. Г.

Особенности управления малым бизнесом в современных условиях 381

Скруг В. С.

Развитие агропромышленного комплекса России с помощью программно-целевых подходов 384

Ванчухина Л. И., Мирзина И. И.

Особенности контроллинга управления проектами нефтехимической компании 387

Вейс Е. В., Черемисина Н. В.

Статистика уровня жизни населения: теоретические аспекты 389

Гарипова В. В., Спасская Н. В.

Предпринимательство в системе рыночных институтов и финансовые аспекты его функционирования 392

Гереев Р. З.

Инструменты стратегического планирования в проектно-ориентированной организации 394

Добросоцкая С. Ю., Мартынов Б. В.

Экономико-правовые аспекты организации подготовки кадров для цифровизации евразийской транспортной экосистемы на примере межвузовской научно-образовательной платформы 397

Даутова Т. А., Пастух Е. С.

Особенности реализации региональной программы повышения производительности труда и поддержки занятости (на примере деятельности администрации Калининского района ГО г. Уфа Республики Башкортостан) 400

Толикова Е. Э., Крамаренко А. В.

Некоторые вопросы управления таможенными технологиями в процессе интеграции 402

Толикова Е. Э., Кузминова О. А., Синельников Б. А.

К вопросу о соотношении категорий «таможенная инновация» и «инновация в сфере оказания таможенной услуги» 406

Магомедов Р. М., Савина С. В., Асланян В. А.

Программные обеспечения онлайн-сервисов в экономике совместного потребления (sharing economy) 410

Хайруллина Н. Г., Байрамукова Е. И., Гуденкова О. И.

Направления и организация деятельности социальной службы предприятия 413

Шамсутдинова Н. К., Адигамова О. Ф.

Оценка социального капитала студенческой молодежи Республики Башкортостан 415

Шепелин Г. И.

Проблематика формирования инфраструктуры внутреннего водного транспорта 417

Фомичев М. Н.

Историко-правовой и религиозно-правовой контекст происхождения принципов исламского банкинга в государствах Северной Африки 419

Болатчиева Р. Б.

Фьючерсная торговля как основная форма торговли на бирже 421

Гаджиева А. А.

Основные проблемы налогообложения цифровой экономики 423

Гереев Р. З.

Определение перспектив развития предприятия промышленности на основе его финансового состояния 425

Вэй Иян

Сбытовая политика предприятия: механизм реализации 429

Соколова Е. С., Мехдиев Э. Т.

Роль центральных банков стран-участников ЕЭАС в процессе формирования единого финансового рынка 431

Маркевич О. Е.

Проблемы финансово-экономического развития муниципалитетов Российской Федерации 434

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Истамгалин Р. С., Исеева Э. Р., Фазлетдинова Н. Б.

Моральная паника в контексте концепции трансгрессии Ж. Батая 437

Сабилов В. Ш., Соина О. С.

Три круга самодознания (толкование рассказа Ф. М. Достоевского «Кроткая») 440

Судакова Н. Е.

Проблемы идентификации личности в стремительно трансформирующейся реальности: усложнение ультикультурализма в контексте утверждения инклюзивных ценностей 445

Кочкаров Р. М.

Специфика аксиологического понимания права в современной социальной философии 448

Васильченко В. А.

Нужна ли России «мягкая сила» в эпоху Трампа? 451

Демичев И. В.

Структура и внешняя оценка дискурсов общественных объединений 455

Джумабаева Н. В.

Концепция социального капитала: от экономических и социологических аспектов – к философскому осмыслению 459

Поляруш А.А.

Диалектико-синергетический подход к проблеме формирования способностей 463

Бардаков А. В.

Потенциал традиционных религий в патриотическом воспитании в условиях глобализации 467

Дзюба Л. М.

Субъективное время в контексте соотношения социального и исторического 472

Константинов А. Ю.

Микрофизика власти в речи российского преподавателя постуральной йоги через призму неолиберализма 474

Купаев В. О.

Трансформация современной мир-системы: проблема единых наций, стран, государств (тезис Иммануила Валлерстайна) 478

Максимова С. И.

Особенности трансформаций в социальных системах 480

Попов В. В., Максимова С. И., Музыка О. А.

Темпоральность социальных трансформаций 483

Забнева Э. И.

Современная Россия и гражданское общество: философский аспект 486

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Клеандров М. И.

Рецензия на монографию «Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония)», подготовленной авторским Коллективом под редакцией Е. Е. Фроловой и Е. П. Ермаковой 488

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 491

PERSONA GRATA

A.T. Karasev

About the nature of representative government

Interview with Ph.D. in Law, Professor Anatoliy

Tikhanovich Karasev 12

EURASIAN INTEGRATION

Ragimov T. S.

Theoretical and conceptual approaches to the analysis

of Eurasian economic integration 17

INTERNATIONAL LAW

Chernichenko S. V.

Ideological aggression as use of force

in the international law 21

Solntsev A. M.

Some issues of discrimination on religious grounds

in the modern world 25

Kiseleva E. V.

Notion of discrimination in relation to the right to freedom

of thought, conscience and religion: norms of international law

and practice of universal and regional human rights

protection structures 29

Kolesnikov A. Yu.

Protection of traditional family values in international law 35

Kosenkov I. A., Shtodina I. Yu.

The legal problems of delimitation of outer space 37

Li Xu

Question on the legal nature of the protocol on the accession

of the PRC to the Marrakesh Agreement establishing the

World Trade Organization 42

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Verdieva J. A., Salikhova S. M.

Legal regulation of the contract of international

air carriage of passengers 45

EUROPEAN LAW

Mishalchenko Yu. V., Alekseev G. V.

Supranational governance and common market standards

in the European Union 47

Voynikov V. V.

On the issue of the concept and system

of EU law enforcement 52

Grigorjeva M. A.

Organization and structure of executive power in Spain.

General administration of the state and administrative reform 55

Molchakov N. Yu., Chugunov D. K.

The role of the EU committee of regions in the process

of European integration 58

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Krivelskaya O. V., Voytovich E. A., Fufaev A. S.

Administrative procedure as an element of administrative

process in the USA 62

Sidorkina M. S.

On the question of the essential features of a Corporation

in the legal order of the United States of America 65

Kuteliya S. T.

The formation of constitutionalism in the Republic of Abkhazia 68

Adu Ya. N., Gnammi W. E.

Forced and child marriages in the Republic of Benin 70

COMPARATIVE LAW

Gadzhiev A. A.

Analysis of national approaches to the regulation

of inheritance contracts in the laws of Germany and France 76

Platonov V. M.

The comparative analysis of models of differentiation

of powers between the central power and territorial parts

of the state in Russia and Spain 81

Shamsutdinov R. R.

Comparative analysis of state secrets legal protection

in the United States of America and the United Kingdom 87

LAW OF THE SIC COUNTRIES

Kogamov A. Sh.

Law of the Republic of Kazakhstan "On government services":

key points, advantages and disadvantages 89

Kurmanalieva A. A.

On the issue of advocate status in the Kyrgyz Republic 95

THEORY OF STATE AND LAW

Biyushkina N. I.

The genesis of the concept of "risk in law" in the works

of Russian legal scholars the 19th – early 21st centuries 97

Timonin A. N.

State of the modern: an attempt of the critical analysis

of ideological and theoretical bases 103

Chernikova V. E.

The role of legal mentality in the formation

of the legal culture of modern Russian society 106

Gabrilyan R. R., Melekayev R. K.

Doctrinal approaches of foreign scholars

to the study of custom as a source of law 109

Sidorov S. A., Abubakirov S. V.

Qualification of crimes for the illegal development

of the living natural resources of the continental shelf

and the exclusive economic zone of the Russian Federation:

theoretical and legal aspect 113

Sutalinova (Kurmanalieva) N. A.

Social foundations of the relationship and the interrelation

of the principle of humanism with other principles of law 118

Voronkov K. I.

The method of parole from serving a sentence

of imprisonment in the process of the resocialization

of Algerian prisoners: a theoretical aspect 120

Magomedov R. M.

Problems of the Supreme Court of the Russian Federation 122

Karpenko V. V.

Professional ethics of genesis legal relations

and law enforcement 124

Omarova R. M.

Rule of law at the domestic and international levels 126

Ubaydatov M. M.

Deformation of the legal consciousness of lawyers 129

HISTORY OF STATE AND LAW

Khachaturov R. L.

Ancient oriental law and its moral imperatives

(the case of Avesta) 131

Ametka F. A., Khavadzhi D. R.

The legal status of the head of state in the Crimean Khanate:

historical and legal aspect 134

Musaev S. A.

The main directions of development of the legal system

of Azerbaijan as part of the Russian Empire 137

Baynazarov I. N., Igdavletov I. S., Suleymanova M. N.,

Feshkin V. N.

A comparative historical analysis of the history

of Bashkortostan and Western Kazakhstan entering

the Russian state 141

Vazhenina I. V.

Police and society in British history 143

Puzhaev V. V.

Emmanuel Levy on the correlation of law and religion 147

Smirnov A. N.

Distribution of land ownership and enslavement

of peasants in the Russian state: the methodology

of the study 151

Akhmedova J. A.

Media as a subject and party to a legal conflict 155

CONSTITUTIONAL LAW

Moiseeva E. Yu., Udalova V. V., Belousov A. S.

The right to cryopreservation of the human body and human's biosubstance: the constitutional legal aspect..... 157

Borodulin V.P.

The public power in the Russian Federation: questions of the concept and principles of its organization..... 163

Kashulin S. N.

Civil rights, duties and responsibilities of citizens and organizations in the contract system: constitutional and legal aspects..... 167

Seregina T. S.

25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation: traditions and innovations of legal science..... 170

ADMINISTRATIVE LAW

Bakulina I. P., Akatjeva K. E.

Partial decriminalization of beatings in light of the overall concept of administrative liability..... 175

Bulgakova L. S.

Administrative and legal framework for environmental safety in Russia..... 177

Zakopyrin V. N., Zverev A. V., Dazmarova T. N.

To a question of administrative responsibility in the sphere of traffic safety and paid parkings..... 179

Kashaeva A. A., Vasiljev I. A.

Prospects for the implementation of football club's reactions in Russian Federation: "Black lists of spectators" and compensation of material losses from spectators..... 181

Nikitin V. V.

Collision of rights for land parcel and for building in legal regulation of construction..... 185

Sidorov S. A., Danilov N. F., Pinchuk, O. V.

The elimination of legal conflicts arising from the compensation for damage caused to sea biological resources of the administrative offence..... 188

Akhmedov R. A.

Problems of state regulation of production and turnover of ethyl alcohol, alcohol and alcohol-containing products in Russia. State monopoly on alcohol..... 192

Khutuev V. A.

Rules of the road movement of the Russian Federation: historical and modern aspects..... 194

CIVIL LAW

Borzilo E. Yu.

Russian antitrust law on intellectual property: symbiosis and conflict..... 197

Abdulmutalibov A. O., Mazanaev M. Sh.

The subject of the agency contract..... 201

Davletshin A. R.

Concept of legal regime of medical secrecy..... 203

Maslyaniy A. A.

Collecting debt on the basis of executive order of a notary: problems of right application..... 206

Orlov A. A., Tikhonova V. V.

Issues of payment for contract work performed for state needs in the absence of proper documentation..... 209

Klyukanova L. G.

Sustainable cities: integrated development of the urban areas and legal mechanisms of enforcement of the realization of the Right of the citizens to the Safe Environment..... 213

Orlov A. A.

Features of the seizure of property assigned to an institution or public enterprise..... 220

Polyakov V. V.

Features of the contract in the trade turnover of the Russian Empire..... 223

Rodionov L. A., Azarkhin A. V.

Development of the concept of incorporeal property to determine its essential features as the object of civil law..... 225

CIVIL PROCESS

Dolotina R. R., Gaynutdinova G. S.

Procedural penalties in civil procedure..... 227

Churakova E. N., Ageeva G. E., Vilenskiy N. M.

The problem of derogation from the principle of gradual appeal in the arbitration process (on the example of the case JSC "Volgocemmach" vs PSC "Bank "Uralsib")..... 229

MUNICIPAL LAW

Mirzaev M. A., Salikhova S. M.

The most relevant reasons for the inefficient use of municipal assets..... 233

Gontar S. G.

Legal regulation of digitalization of authorities formation process..... 236

Mizernyuk M. S., Metlitskiy R. L.

Problems of interaction between socially oriented non-profit organizations and local governments..... 239

Yadreev I. V.

The use of official languages of subjects of the Russian Federation in activities of local governments..... 241

ECOLOGICAL LAW

Vislinskiy M. D.

Ecological and economic mechanism of nature management in the municipality (on the example of the largest city)..... 246

LAND LAW

Kadimova M. Sh., Alibekova A. M.

About some problems of recognition of the right of private property to the parcels of land..... 249

ENTREPRENEURSHIP LAW

Tarasenko Z. A.

Perspective directions of use of bill operations in the economic activity of enterprises..... 253

FINANCIAL LAW

Bizhitueva K. M., Alieva E. B.

Problems of tax control and ways to improve the conduct of cameral tax audits..... 256

Alekseev A. G.

Objective imputation in Russian law: constation, overcoming..... 258

Komarova L. V., Farikova E. A.

Legal and individual regulation of public relations in the field of finance, control, supervision, audit..... 260

Tsepova E. A.

Legal nature of international tax transparency and its role in the development of financial and legal relations with owners of property abroad..... 262

Alekseev A. G.

Problems of abstract control in public finance spending..... 267

TAX LAW

Alieva E. B., Mukhumaeva K. M.

The presumption in the tax law..... 269

Alieva E. B., Suleymanova A. A.

Legal regulation of personal income tax deductions..... 271

CRIMINAL LAW

Zaytseva E. V.

Certain aspects of the investigation of crimes under article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal logging)..... 273

Kolesnikova N. A.

A variety of ways to commit fraud in modern conditions..... 275

Manna A. A. K., Ignatova M. A.

Sexual crimes in the criminal law of Muslim countries..... 278

Shtykova E. R.

Signs of an organized criminal group as a form of complicity in a crime: questions of theory and practice..... 282

Aripshev A. M. <i>Crimes in the sphere of information technologies: cybercrime</i>	285	Koftina Yu. N. <i>Foreign experience of legal regulation of the process of filling the posts of the state law enforcement service: competitive selection</i>	337
Gudima K. N. <i>Trends in the development of the general part of the criminal legislation of the Transnistria</i>	287	Mayorov A. V., Menshikova A. G. <i>Problems of qualification of abuse of office committed by law enforcement officers</i>	340
JUVENILE LAW		Salmiina S. G., Negoduyko V. Yu. <i>Characteristics and problems of the organization of work of bodies of preliminary investigation in detection and investigation of cases of fires at oil and gas facilities</i>	344
Bazhenov O. N. <i>Issues of legislative anchoring and application of criminal-procedural norms regulating home arrest with respect to minors</i>	289	Stepanov G. I., Kim V. O. <i>Current problems in teaching the combat methods of fighting to the staff of divisions of law-enforcement bodies</i>	348
CRIMINAL PROCESS		Zhamborov A. A. <i>Topical issues of the organization and conduct of shooting training by shooting managers</i>	350
Breyter M. A. <i>The problem of correlation of non-procedural information and procedural forms in criminal proceedings</i>	291	Kharaev A. A. <i>About the main changes of the organization of fire preparation in law-enforcement bodies of the Russian Federation</i>	353
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		HUMAN RIGHTS	
Golovastova Yu. A. <i>Principles of criminal-executive law</i>	294	Koneva A. E., Gugunskiy D. A. <i>Prevention of the sale of children, child prostitution and child pornography in the Russian Federation in the light of the provisions of the 2000 optional protocol to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography</i>	355
CRIMINALISTICS		STATE AND LAW	
Zharko N. V., Nazarkin E. V., Novikova L. V. <i>Planning and extending versions at the initial stage of investigation of penitentiary crimes</i>	302	Egorova U. P. <i>Legal nature of national-cultural autonomies: regional aspect on the example of the Republic of Sakha (Yakutiya)</i>	359
Safarov V. R., Murtazin R. R. <i>Features of investigation of crimes committed by people with mental disabilities</i>	305	Sanguliya A. D. <i>The Republic of Abkhazia as a sovereign state</i>	361
CRIMINOLOGY		SECURITY AND LAW	
Aripshev A. M. <i>Review of the dynamics of the crimes committed and the factors influencing their detection</i>	308	Korkmazov A. V. <i>Organization of or participation in an illegal armed formation as a terrorist offence</i>	364
Savchishkina O. G. <i>Victimhood of social groups as element of a system of prevention of home violence</i>	310	Fomin I. S., Sherkhov R. R. <i>Characteristic of activity of members of the organized groups united on ethnic ground, having an aim of extremist orientation and terrorist character in places of detention</i>	366
JUDICIARY		Shamsutdinov R. R. <i>Legal aspects of information technology security management</i>	368
Bulygin A. V., Kryukova Yu. Ya. <i>The problem of the effectiveness of criminal justice: causes and manifestations</i>	313	MEDICINE AND LAW	
Magomedov R. M. <i>Main aspects of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation</i>	316	Ravochkin N. N., Sokolov S. V., Gayday A. V. <i>Medical law in Russia: theory and single branch creation</i>	370
Salmiina S. G., Pertseva E. A. <i>Comparative aspects of the organization of activities of the magistrate</i>	319	PEDAGOGY AND LAW	
Perov A. G. <i>Information technology in the judicial process as a prerequisite for the formation of a single information space of Russia</i>	323	Rostokinskiy A. V. <i>Features of legal culture formation training in organizations of secondary and secondary professional education</i>	373
Ryabikin A. A. <i>Features of the organization and scientific and methodological support of forensic institutions of the Russian Federation</i>	326	Minenko N. A. <i>Problems of formation of the legal culture of students in organizations of secondary and secondary vocational education (regional characteristics of the North Caucasus Federal District)</i>	376
PROSECUTOR'S SUPERVISION		ECONOMICAL SCIENCES	
Belotserkovich D. V., Tonkikh E. E. <i>General characteristics of the activities of the Prosecutor's office for supervision of road safety</i>	329	Zubareva Yu. V., O. Gudenkova O. I., Myshlykova M. M. <i>Service for social development: the main goals, objectives and activities</i>	379
Sheriev A. M. <i>The role of the prosecutor's office in coordinating the activities of subject stocounter the illicittrafficking of narcotic drugs and psychotropic substances (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic)</i>	331	Nutsalhanova P. V., Nutsalhanov G. N., Ramazanova A. G., Ramazanov M. G. <i>Peculiarities of management of small business in modern conditions</i>	381
LAW ENFORCEMENT AGENCIES			
Zhamborov A. A. <i>Some questions of improvement of fire training of the employees of law-enforcement bodies</i>	334		

Skrug V. S. Development of agroindustrial complex of Russia by means of program and target approaches	384
Vanchukhina L. I., Mirzina I. I. Features of project management of the petrochemical company projects	387
Veys E. V., Cheremisina N. V. Statistics of level of living of the population: theoretical aspects	389
Garipova V. V., Spasskaya N. V. Enterprise in a system of market institutions and the financial aspects of its operation	392
Gereev R. Z. Strategic planning tools in a project-oriented organization	394
Dobrosotskaya S. Yu., Martynov B. V. Economic and legal aspects of the organization of training for the digitalization of the Eurasian transport system on the example educational platform	397
Dautova T. A., Pastukh E. S. The peculiarities of realization of the regional program of raising labor productivity and supporting employment (taking as an example the work of Kalininskiy district council of Ufa the Republic of Bashkortostan)	400
Tolikova E. E., Kramarenko A. V. Some questions of management of customs technologies in the course of integration	402
Tolikova E. E., Kuzminova O. A., Sinelnikov B. A. To a question of «customs innovation» and «innovation in the sphere of rendering customs service» categories ratio	406
Magomedov R. M., Savina S. V., Aslanyan V. A. Software of online services in economy of collateral consumption (sharing economy)	410
Khayrullina N. G., Bayramukova E. I., Gudenkova O. I. Directions and organizational activity of social service of enterprise	413
Shamsutdinova N. K., Adigamova O. F. Evaluation of social capital of student youth of the Republic of Bashkortostan	415
Shepelin G. I. Issues of formation of the infrastructure of inland water transport	417
Fomichev M. N. Historical and legal context of the origin of the Islamic banking principles in North Africa	419
Bolatchieva R. B. Futures trading as the main form of trading on the exchange	421
Gadzhieva A. A. The main problems of taxation of the digital economy	423
Gereev R. Z. Determination of prospects of development of the enterprise of the industry on the basis of its financial condition	425
Wei Yiyang Sales policy of the enterprise: mechanism of implementation	429
Sokolova E. S., Mehdiiev E. T. The role of the Central banks of the countries-participants of UES in the process of forming a single financial market	431
Markevich O. E. Problems of financial and economic development of municipalities of the Russian Federation	434
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
Istamgalin R. S., Iseeva E. R., Fazletdinova N. B. Moral panic in the context of G. Bataille's transgression concept	437
Sabirov V. Sh., Soina O. S. Three circles of self-inquiry (the interpretation of F. M. Dostoevsky's story the «Meek»)	440
Sudakova N. E. Problems of personal identification in rapidly transforming reality: the complexity of multiculturalism in the context of inclusive values statement	445
Kochkarov R. M. The significance of the value approach to the law in contemporary society	448
Vasilchenko V. A. Does Russia need the soft power in the Trump Era?	451
Demichev I. V. Structure and external evaluation of public associations discourses	455
Dzhumabaeva N. V. The concept of social capital: from the economic and sociological facets – to philosophical reflection	459
Polyarush A. A. Dialectic-synergistic approach to the problem of the formation of abilities	463
Bardakov A. V. Potential of traditional religions in patriotic education in terms of globalization	467
Dzuba L. M. Subjective time in terms of correlation of social and historical	472
Konstantinov A. Yu. Power microphysics in Russian yoga teacher`s speech through the Neoliberalism`s optics	474
Kupaev V. O. Transformation of the modern world-system: the problem of united nations, countries, states (thesis of Immanuel Wallerstein)	478
Maksimova S. I. Features of transformations in social systems	480
Popov V. V., Maksimova S. I., Muzika O. A. Temporality of social transformations	483
Zabneva E. I. Modern Russia and civil society: the philosophical aspect	486
BOOK REVIEW	
Kleandrov M. I. Review of the monograph «Resolution of financial disputes in Asia-Pacific countries (Australia, Hong Kong, India, Indonesia, China, Malaysia, New Zealand, Singapore, USA, Thailand, Japan)», edited by E. Frolova and E. Ermakova	488
INFORMATION FOR AUTHORS	491

А. Т. КАРАСЕВ: О СУЩНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Интервью с доктором юридических наук, профессором кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета Анатолием Тихановичем Карасевым.

A. T. KARASEV: ABOUT THE NATURE OF REPRESENTATIVE GOVERNMENT

Professor of Constitutional law sub-faculty of the Ural State Law University Anatoliy Tikhonovich Karasev.

Карасев А. Т.

Визитная карточка:

Карасев Анатолий Тиханович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета.

Член квалификационной коллегии судей Свердловской области. Имеет ведомственные награды, в том числе, медали «За безупречную службу» III степени, «За отличие в службе» I и II степени, а также знак Министерства образования Российской Федерации «За развитие научно-исследовательской работы студентов».

Сферу научных интересов профессора А.Т. Карасева составляют публичная власть, представительная власть, конституционно-правовой статус депутатов, основные права и свободы граждан в сфере народовластия, избирательное право, местное самоуправление, конституционно-правовая ответственность. В своих работах А.Т. Карасев большое внимание уделяет проблемам представительной власти на различных уровнях территориальной организации государства, рассматривает конституционно-правовой статус депутата, анализирует его место и роль в системе представительной власти.

Под научным руководством Анатолия Тихановича Карасева подготовлено и защищено 17 кандидатских диссертаций. В настоящее время осуществляется научное консультирование и руководство подготовкой докторской и 3 кандидатских диссертаций.

Анатолий Тихонович Карасев имеет более 100 научных и учебно-методических работ.

– Уважаемый Анатолий Тиханович, Вы рассматриваете представительную власть как важное звено публичной власти, при помощи которого народ осуществляет свои суверенные права?

– В конституционном праве нет однозначности в подходах к пониманию представительной природы власти. Единый термин заменяют такие понятия как представительная власть, представительная природа, представительная демократия, представительность. Часто представительную власть считают неотъемлемым атрибутом демократически организованной публичной власти, но никак не обосновывают это утверждение. Полагаю, что представительная власть должна рассматриваться как звено публичной власти, при помощи которого народ осуществляет свои суверенные права. Так формируется особый характер связи народных представителей с избирателями. Основными же учреждениями для их осуществления являются государственные и муниципальные органы. С их помощью реализуются права людей на выборность и представление интересов народа; коллегиальность по составу, порядку выработки и принятия решений. Только в своей совокупности соответствующие учреждения могут считаться органами народного представительства. Отдельные свойства приносят лишь определенные элементы отношений представительства в органах власти. Так, например, от качества и направленности избирательной системы зависит уровень представленности гражданского общества в органах власти. Выборность определяет особое место представительных органов власти, их тесную связь с обществом. Демократическое избрание депутатов позволяет гражданам выразить свою

сопричастность, способствует установлению связи между народными представителями и избирателями. Качество представительности имеет особый порядок формирования органов представительной власти, который сосредоточивает в них различные интересы граждан. Такие свойства как выборность, коллегиальность, особый характер связи народных представителей с избирателями должны быть характерны для любого подлинно представительного органа.

Отсюда, под представительной властью следует понимать вид публичной государственной и муниципальной власти, которая осуществляется выборными органами – коллегиальными по составу, порядку выработки и принятия решений. Они призваны представлять интересы граждан соответствующих политико-территориальных образований при осуществлении всех своих властных полномочий. Если органы публичной власти обладают вышеперечисленными свойствами, они могут характеризоваться как представительные органы.

– Означает ли суверенитет народа безграничность народовластия, общенародной воли?

– Конечно, нет. Народовластие имеет свои пределы. Прежде всего, оно ограничено режимом конституционной законности. Поскольку Конституция РФ принята на всенародном референдуме, то можно сказать, что народ сам ограничил свою волю, поставив Конституцию РФ выше своего текущего волеизъявления. Пределы народного волеизъявления могут быть пересмотрены, но в рамках изменения конституционного текста.

– По Вашему мнению, народовластие – это проявление публичной власти в государстве?

– Да, это государственная или муниципальная публичная власть. Государство в юридическом смысле есть политико-правовая фикция, которая оформляет правосубъектность первичного субъекта власти народа государства. Правосубъектность самого государства «оживляют» государственные органы, но они в этих отношениях действуют как представители государства, а значит и народа. В рамках осуществления публичной власти складывается конституционно-правовое отношение между первичным субъектом публичной власти – народом и аппаратом публичной власти, которая осуществляет власть в режиме представительства. Это означает, что власть не только принадлежит народу, но и осуществляется им в различных формах и под его контролем. Конституция России нацелена на обеспечение реального участия народа в осуществлении задач государственной власти, в том числе в сфере подготовки, принятия и контроля за принятыми решениями.

– Анатолий Тиханович, проблема народного представительства в органах власти долгое время являлась «камнем преткновения» различных политических групп и слоев общества. Вы рассматриваете представительную власть как форму реализации права граждан на народное представительство и анализируете данную власть через характеристику содержания народного представительства?

– Да, народное представительство как способ существования публичной власти в общественно-политической практике осуществляется через систему органов власти. Это значит, что представительная демократия реализуется через органы народовластия. Орган народовластия – это предусмотренный нормами права способ осуществления опосредованного народного волеизъявления на основе принципа представительства. Как отмечал О. Е. Кутафин «народовластие необходимо рассматривать и как организационный принцип обладания властью и ее осуществления». Принцип народовластия имеет основополагающее значение для определения формы государства, порядка формирования органов государственной власти, их взаимоотношения и функционирования. В Конституции РФ закреплено, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Кроме вышеизложенного, действующая Конституция Российской Федерации и текущее законодательство предусматривают три организационно-правовые формы реализации властных полномочий народа. Это прямое народовластие, народное представительство, а также «непредставительские» формы участия граждан и других участников политического процесса в осуществлении публичной власти в сфере представительной демократии. Одним из видов органов народовластия, согласно Конституции РФ, являются органы государственной власти. Конституционно-правовой статус этих органов установлен действующей Конституцией РФ, конституциями и уставами субъектов Российской Федерации. Компетенция и порядок деятельности органов государственной власти регламентируются значительным числом текущих законодательных актов. Единство системы государственной власти установлено в Основном законе России и определяет субординацию этих органов власти и принципы взаимоотношений между ними.

Понятие государственной власти персонифицировано. В нем присутствует действующий субъект – народ, а также

государство, его аппарат и органы местного самоуправления, которым народ делегирует свою власть. Соответственно, такого рода властью принято считать возможность народа и государства оказывать воздействие на поведение людей и на происходящие в обществе процессы. Это достигается с помощью убеждения или принуждения.

– Исходя из современного понимания сущности органов государственной власти, можно ли утверждать, что законодательные органы аккумулируют определенную долю народного суверенитета?

– Считается само собой разумеющимся, что законодательную власть осуществляют представительные органы. Однако в научной литературе хоть и не часто, но можно встретить размышления на тему представительной сущности законодательной власти. Действительно ли она представительная и связана с обществом? Как эта представительная сущность воплощается в законодательстве? Обеспечивает ли она надлежащее функционирование органа законодательной власти? Совокупность этих вопросов характеризует природу и механизм демократической государственной власти.

В качестве гипотезы следует сказать, что именно в представительной сущности власти, в ее адекватном отношении к многогранным социальным потребностям, своевременном и полном их переводе в правовое регулирование, содержатся важнейшие проблемы демократии. Демократия, народовластие означают, что власть не только принадлежит народу, но и полностью им осуществляется. Тем самым обеспечивается реальное участие населения в выполнении задач государственной власти и многообразных функций управления. Это касается, в том числе, подготовки, принятия и контроля за принятыми решениями. При этом используются две основные формы демократии – непосредственной и представительной. Представительная демократия означает решение выборными представителями наиболее важных государственных и общественных дел.

Можно отметить, что исходный способ складывания компетенции органов публичной власти – это конституционное правонаделение. Многонациональный народ Российской Федерации является субъектом, который наделяет органы публичной власти полномочиями. По сути, об этом же пишет и Б.С. Эбзеев. По его мнению, народ передает государству не саму власть, а право на ее осуществление. При таком подходе все органы публичной власти осуществляют представительное властвование, имеют природу представительных учреждений. Такая широкая трактовка представительного правления не противоречит позиции, согласно которой качество представительности выделяет органы законодательной (нормотворческой) власти в аппарате публичной власти.

– Роль народных избранников в политической жизни общества переоценить сложно. У народа должны быть свои представители, выражающие его мнение. При этом необходимо помнить, что эти избранники сами являются его неотъемлемой частью. Однако, механизм реализации полномочий депутата до сих пор представляет собой научную и практическую проблему. Какие ее аспекты, на Ваш взгляд, наиболее актуальны?

– Вы совершенно правы, проблема понятия конституционно-правового статуса депутата, его структуры и содержания до настоящего времени остается одной из

требующих пристального внимания и рассмотрения. Это объясняется, прежде всего, тем, что в конституционно-правовом статусе депутата в определенной степени находит свое правовое опосредование идея представительного народовластия. Основу конституционно-правового статуса депутата, несомненно, составляют полномочия депутата. Они состоят из его прав и обязанностей в сфере реализации собственно представительного народовластия, именно через них обеспечивается представление интересов граждан при осуществлении функций представительной власти.

В правах и обязанностях депутата фиксируются определенные стандарты поведения, которые государство считает обязательными и целесообразными для нормального функционирования представительной системы. Кроме того, раскрываются основные принципы взаимоотношений между обществом и государством, представителями и представляемыми. Все другие элементы, которые образуют конституционно-правовой статус депутата, группируются и объединяются вокруг его прав и обязанностей.

Важным средством легитимации органов власти и избранных в эти органы лиц является конституционно-правовое регулирование депутатской деятельности в отношении народовластия. Это касается установления модели депутатского мандата, закрепления его конституционно-правового статуса. Таким образом, конституционно-правовой статус депутата как производный от конституционно-правового статуса гражданина в сфере народного представительства представляет собой системно-интегрированный феномен. Его сущность проявляется в опосредованном политико-правовой природой депутатского мандата структурном единстве составляющих его элементов.

Следует подчеркнуть, что, во-первых, депутатский мандат является средством, связующим депутатов или депутатский корпус с гражданами, прежде всего, в лице избирательного корпуса, в рамках конституционного принципа народовластия. Главное целевое предназначение депутатского мандата – обеспечение режима подлинного народовластия при осуществлении представительной власти.

Во-вторых, депутатский мандат опосредует взаимодействие граждан и депутатов. Оно имеет форму конституционно-правового отношения. В нем праву граждан быть представленными в органах власти противостоит обязанность депутатов, депутатского корпуса обеспечивать полноценную реализацию данного права путем осуществления властных полномочий, исходно принадлежащих первичному субъекту публичной власти.

В-третьих, депутатский мандат содержательно включает в себя обязанность депутата обеспечивать реализацию права граждан на представительство в сфере осуществления публичной власти. Она может как соединяться, так и не соединяться с дополнительными требованиями, которые избиратели адресуют депутатам. Поэтому депутатский мандат следует рассматривать как обобщенную концептуальную основу правовой модели депутатской деятельности, которая определяет основное содержание иных ее элементов.

– Принимаемые на основе Конституции России законы часто опираются на волю незначительной части населения, но распространяются на всех

граждан страны. Воля части населения посредством закона становится всеобщей, и ее осуществление возлагается на исполнительную власть. Не является ли такое положение источником трудностей, с которыми постоянно сталкивается исполнение законов?

– В принимаемых законодательных актах довольно часто нет всеобщей воли, а значит, большая часть населения их просто может не принять. К тому же надо иметь в виду, что в самом законодательном органе законы зачастую принимаются простым большинством. Императив демократии говорит о том, что в законах должны быть представлены интересы и закреплена воля народа. На практике же, как мы видим, действующее законодательство существенно ограничивает не только участие народа в осуществлении представительной власти, но и в контроле за ее деятельностью в интересах народа. Существующая в настоящий момент система свободного депутатского мандата не способствует деятельности представительной или законодательной власти в интересах народа, принятию решений с учетом мнения большинства народа, который не может заставить депутатов действовать во благо народа, а не отдельных личностей из числа той или иной партии. При этом важно иметь такие организационно-правовые механизмы, которые бы позволили гражданам влиять на позицию депутатов, на процесс улавливания ими реальных социальных запросов.

В целях повышения эффективности действующей представительной и законодательной власти видится необходимым изменение природы депутатского мандата. Необходимо ввести императивность выражающуюся в возможности отзыва депутатов, которые ненадлежащим образом осуществляют свои полномочия. Например, не участвуют в работе представительного-законодательного органа, блокируют его работу и т.п. Отзыв депутата может осуществляться либо избирателями соответствующего округа, либо, если депутат представляет политическую партию – отказ в доверии всей партии.

– Общество далеко не безразлично к работе тех, кому доверило депутатский мандат. Речь идет о представлении интересов граждан и защите их интересов в самой демократичной ветви государственной власти – законодательной. Насколько отчетливо представляют себе свою ответственность за деятельность сами народные избранники?

– Современная избирательная система, доминирование «свободного мандата» ведет к определенному отчуждению депутатов от избирателей. В связи с этим одна из главных проблем механизма эффективного воздействия на депутатский корпус заключается в ответственности депутатов за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих конституционно-правовых обязанностей. Она основывается на принципе признания ответственности государства как субъекта права перед гражданами.

Проблема совершенствования института конституционно-правовой ответственности депутатов является проблемой обеспечения эффективности правовых основ народного представительства. Она включает в себя необходимость соотношения ее с неприкосновенностью депутатов.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда России депутатскую неприкосновенность нельзя интерпретировать как установление общего кон-

ституционно-правового принципа, исключающего юридическую ответственность депутатов. Особенностью конституционно-правовой ответственности депутатов является ее ярко выраженная политическая окраска. Как отмечает С.А. Авакьян, государственно-правовые отношения представляют собой разновидность политических отношений и возникают в связи с осуществлением государственной власти народа. Поэтому их участники несут политико-правовую ответственность за свои действия. В этом плане об институте конституционно-правовой ответственности депутатов можно говорить как об одном из важных обеспечительных правовых инструментов представительного народовластия.

– Представительная природа конституционно-правового статуса депутата предполагает не столько формальное исполнение депутатских полномочий, сколько достижение конечного результата депутатской деятельности. Неполучение намеченного результата может стать основанием ответственности народных избранников?

– Полагаю, вполне. В противном случае, вопреки государственным и общественным интересам, формально неэффективное исполнение депутатских полномочий освобождало бы народных представителей от ответственности.

Сложность заключается в том, что в конституционном законодательстве до настоящего времени не нашли должного закрепления конституционные права и обязанности депутатов того или иного уровня представительной власти, злоупотребление которыми или невыполнение которых является основанием для наступления конституционно-правовой ответственности народных избранников. Такое положение дел ведет к дисфункциям власти в сфере представительной демократии.

Однако отзыв депутата предусмотрен законодательством субъектов Российской Федерации. Это противоречие породило конфликтную ситуацию, которую разрешило постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1996 года, в котором Конституционный Суд посчитал, что субъект Российской Федерации вправе учредить институт отзыва депутата представительного органа, рассматривая его в качестве одной из форм непосредственной демократии.

Предусмотренный законодательством ряда субъектов Российской Федерации порядок отзыва депутатов возможен только в условиях мажоритарной избирательной системы, когда избиратели голосуют за конкретного депутата. А как быть с теми депутатами, которые избраны на основе пропорциональной избирательной системы? Складывается ситуация, при которой часть депутатов несут ответственность перед избирателями в виде отзыва, а другая – нет. Фактически политические партии в лице своих депутатов не несут ответственности перед избирателями за реализацию предвыборной программы.

Конституционно-правовая ответственность регламентируется весьма фрагментарно. Поэтому механизм данной ответственности нуждается в дальнейшем совершенствовании путем разработки и возможного принятия федерального закона «Об общих принципах конституционно-правовой ответственности депутатов представительных органов власти». В данном законе могли бы быть установлены единые подходы к системе оснований, видам санкций конституционно-право-

вой ответственности депутатов, процедуре их применения как на федеральном, так на региональном и местном уровнях. Конкретизацию можно предусмотреть в федеральном и региональных законах о статусе депутатов представительных органов соответствующего уровня власти.

– О какой ответственности депутата может идти речь, если народные избранники оградил себя системой юридической неприкосновенности?

– Как верно отметил Б.С. Эбзеев, неприкосновенность депутата вытекает из института народного представительства. Депутат – не частное лицо, он представляет суверенный народ, и потому все иные власти и органы государства ограничены в своих действиях в отношении одного из носителей суверенитета народа.

Депутатская неприкосновенность в законодательстве разных стран понимается по-разному. Во-первых, ее рассматривают как парламентский иммунитет. Это значит, что депутат не может быть подвергнут полицейскому задержанию или аресту, против него не может быть возбуждено уголовное дело без согласия палаты, членом которой он является. Во-вторых, под ней разумеют парламентский индемнитет как неответственность депутата за свои выступления в парламенте и за действия, которые он поддерживал своим голосованием, даже если затем эти действия будут признаны противоправными. Индемнитет также означает и депутатское вознаграждение за парламентскую деятельность. В-третьих, неприкосновенность понимается как гарантия, которая охватывает как иммунитет, так и индемнитет.

Депутатский иммунитет следует рассматривать как депутатскую неприкосновенность. Ее смысл заключается не в том, чтобы освободить депутата от ответственности за совершенные правонарушения, а в том, чтобы создать нормальные условия для осуществления объективно конфликтной депутатской деятельности.

Традиционно законодатель рассматривает парламентскую неприкосновенность в российском конституционном праве как наиболее широкое по объему понятие. Как правовые гарантии народных представителей относительно привлечения к юридической ответственности в ходе парламентской деятельности. Они включают как депутатский иммунитет – неприкосновенность в узком смысле, так и парламентский индемнитет, то есть неответственность. Этим можно объяснить отсутствие положений, которые бы закрепляли невозможность привлечения депутата к ответственности за высказанные мнения, выражение позиции при голосовании и другие действия, которые связаны с осуществлением депутатских прав и обязанностей.

– В своих работах Вы последовательно отстаиваете позицию о том, что депутатский мандат не является частью конституционно-правового статуса депутата. Он выступает средством, которое связывает депутатов и граждан в рамках конституционного принципа народовластия. Как Вы определяете место депутатского мандата в правовой модели депутатской деятельности?

– Основное целевое предназначение депутатского мандата – обеспечение режима подлинного народовластия во взаимодействии граждан и их полномочных представителей при осуществлении представительной власти. Данный подход позволил выделить и обосновать такую категорию как правовая модель депутатской деятельности. В качестве

ее структурных элементов рассматриваются: депутатский мандат, конституционно-правовой статус депутата, принципы депутатской деятельности, основания приобретения и прекращения статуса депутата и другие.

Характер связи депутатов с избирателями определяется природой депутатского мандата. Он выступает юридической основой осуществления функций представительной власти как вида публичной власти. Депутаты наделяются им в результате выборов. Депутатский мандат несет в себе не только юридическое, но и морально-нравственное, этическое содержание. Отсюда одной из важных задач анализа деятельности депутатов, ее правового регулирования, является выяснение природы и содержания депутатского мандата.

Депутатский мандат определяет принципиальное место депутата в его отношениях с гражданами, их организованными и иными объединениями. Приобретение лицом депутатского мандата является основанием возникновения у него специального конституционно-правового статуса депутата. Конституционно-правовой статус депутата и иные элементы правовой модели депутатской деятельности выступают в качестве способа конкретизации депутатского мандата. По сравнению с элементами, которые образуют конституционно-правовой статус депутата – среди них права, обязанности, гарантии, ответственность, депутатский мандат является более устойчивым политико-правовым образованием. Наделяются депутаты соответствующим мандатом в результате их избрания или иной правонаделительной процедуры.

В зависимости от носителя мандата можно выделять и совокупные мандаты избирательных объединений и депутатского корпуса в целом. Они накладываются на индивидуальные мандаты избранных в эти органы депутатов.

Субъектами прямых отношений с гражданами могут быть не только отдельные депутаты и избирательные объединения. Общедепутатские коллегии в целом могут обеспечивать право граждан, народа, населения на представительство. Мандат депутатского корпуса представительного органа власти конкретизируется, прежде всего, в конституционно-правовом статусе данного органа. В частности это касается его ответственности перед гражданами, избирателями.

Выделение мандата депутатского корпуса всех представительных органов страны имеет скорее не юридическое, а социально-политическое значение. Оно позволяет оценить эффективность действий депутатского корпуса в целом в интересах граждан, народа страны.

Таким образом, можно отметить, что, во-первых, депутатский мандат является средством, который связывает или депутатский корпус с гражданами в рамках конституционного принципа народовластия. Главное целевое предназначение депутатского мандата – обеспечение режима подлинного народовластия при осуществлении представительной власти. Во-вторых, депутатский мандат – это определенная форма конституционно-правового отношения. Праву граждан быть представленными в органах власти противостоит обязанность депутатов обеспечивать полноценную реализацию данного права путем осуществления властных полномочий, однако эти полномочия исходно принадлежат первичному субъекту первичной власти. Соответственно депутатский мандат содержательно включает в себя два аспекта: обязанность депутата обеспечивать полноценную реализацию права

граждан на представительство в сфере осуществления публичной власти, а также ту или иную модель взаимоотношений депутата и граждан после выборов.

– Как Вы определяете роль российских органов представительной власти в евразийских интеграционных процессах?

– Россия является одним из активных сторонников интенсификации евразийских интеграционных процессов. Они призваны увеличить экономический потенциал всех государств-участников и создать условия для решения общих социальных проблем. Федеральное Собрание Российской Федерации уделяет вопросам евразийской интеграции первостепенное внимание. Именно Евразийский экономический союз дает возможность рассматривать современное евразийское пространство как уникальную площадку для обмена опытом, создания единого правового пространства, формирования новой интеграционной правовой базы. Главная цель органов публичной власти в евразийской интеграции состоит в том, чтобы на фундаменте мировых интеграционных технологий выстраивать технологии экономической и хозяйственной самостоятельности.

– Какие, на Ваш взгляд, возникают проблемы в результате евразийской интеграции?

В наращивании объединительного потенциала Евразийского экономического союза сохраняется ряд проблем. Их необходимо решать органам публичной власти Российской Федерации при помощи унификации и гармонизации национального законодательства, приведении национальных законов в соответствие с евразийской договорно-правовой базой.

– Спасибо, уважаемый Анатолий Тиханович, за беседу, уверены, что Ваши идеи найдут поддержку у читателей ЕврАзЮж, ученых, деятелей стран нашего Евразийского экономического союза. Позвольте от себя лично и от имени ЕврАзЮж поздравить Вас с 65-летним юбилеем, пожелать крепкого здоровья и новых творческих свершений!

– Большое спасибо за поздравление! Желаю Евразийскому юридическому журналу и всем коллегам успехов в Новом 2019 году!

Интервью брали:

Фархутдинов И. З.,

доктор юридических наук,
профессор, главный редактор
Евразийского юридического журнала,
ведущий научный сотрудник
Института государства и права
(сектор международно-правовых
исследований) Российской
академии наук

Панченко В. Ю.,

доктор юридических наук,
профессор Сибирского федерального
университета, член редакционной
коллегии Евразийского юридического
журнала

РАГИМОВ Тельман Сабирович

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье анализируются существенные положения интеграционных концепций, где исследованы причины и способы интеграционных процессов и объединений. Современная политическая наука предлагает ряд подходов к пониманию явления и процесса «интеграция». Рассмотренные подходы формируют базис теоретико-методологических принципов, применяемых для изучения региональной интеграции. Использование методов в комплексе из приведенных подходов позволит детально изучать регионы и прогнозировать развитие политической и экономической ситуации. При этом эффективная экономическая модель создаст благоприятные условия для перехода к следующей стадии – политической интеграции и формированию Евразийского союза. Однако уже сейчас очевидно, что проект Евразийский экономический союз (ЕАЭС) вышел за рамки простого регионального объединения, и именно от его успешного развития во многом будет зависеть дальнейшее будущее всей евразийской интеграции.

Ключевые слова: интеграция, международная интеграция, евразийская интеграция, процесс интеграции, наднациональный орган, экономическая политика, региональная интеграция, ЕврАзЭС, ЕАЭС.

RAGIMOV Telman Sabirovich

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Civil law sub-faculty of the Moscow Academy of the Russian Investigation Committee

THEORETICAL AND CONCEPTUAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION

The article analyzes the essential provisions of integration concepts, which investigated the causes and methods of integration processes and associations. Modern political science offers a number of approaches to understanding the phenomenon and process of "integration". The considered approaches form the basis of theoretical and methodological principles used to study regional integration. The use of methods in the complex of the above approaches will allow to study in detail the regions and predict the development of the political and economic situation. At the same time, an effective economic model will create favorable conditions for the transition to the next stage – political integration and the formation of the Eurasian Union. However, it is already obvious that the project of the Eurasian economic Union (EAEU) has gone beyond a simple regional Association, and the future of the entire Eurasian integration will largely depend on its successful development.

Keywords: integration, international integration, Eurasian integration, integration process, supranational body, economic policy, regional integration, EurAsEC, EAEU.

Мировая экономическая культура конца XX – начала XXI в. формируется такими системными процессами, как интернационализация, глобализация и интеграция. Современный этап развития мировой экономики характеризуется нарастанием темпов интеграционных процессов.

При рассмотрении феномена интеграции, следует отметить, что данное понятие, является трендом в современном мировом развитии. В середине прошлого века, активизировавшиеся интеграционные процессы открыли возможность многим акторам международных отношений усилить свои позиции с помощью сближения и укрепления связей с другими государствами.

Проанализируем существенные положения интеграционных концепций, где исследованы причины и способы интеграционных процессов и объединений. Для эффективного исследования возникновения интеграционных процессов на евразийском пространстве, необходимо рассмотреть общепризнанные теории интеграции. Согласно политическому словарю М.А. Василика, термин «интеграция» определяется как объединение в целое каких-либо частей¹.

М. Каплан подразумевает объединения двух или нескольких частей в единое целое². Ф. Махлуп отмечает, что понятие «интеграция» стало использоваться в современном понимании в середине прошлого столетия³. По мнению политологов, данный термин стали применять для исследований многих процессов в международной практике, начиная от торговли между странами до вопросов международного морского, воздушного транспорта. Известно, что процесс интеграции ведет к постепенному снижению барьеров в перемещении товаров и услуг, а также рабочей силы и капитала. Этот процесс определяется отказом от устаревшей государственной политики и институтов, которые тормозили интеграцию с одной стороны, и эффективное развитие действующих институтов и инструментов. Исследователи выделяют международную экономическую интеграцию «de facto» (ее называют «реальной интеграцией»), которая предусматривает рост межгосударственного оборота товаров.

Определение интеграции как процесса предполагает развитие такого уровня международных отношений, когда устранено большинство барьеров, следовательно, у этого процесса определен завершающий этап. Однако это невоз-

1 См.: Василик М.А. Политология. Словарь-справочник. - М., 2001. - С. 72.

2 См.: Каплан М. Системный процесс и в международной политике. - М., 2005. - С. 153-169.

3 См.: Махлуп Ф. История мысли экономической интеграции. - Лондон, 1977. - С. 7.

можно в силу ряда причин, например, противоречия и несовершенства национальных экономик и акторов интеграции.

Современная политическая наука предлагает ряд подходов к пониманию явления и процесса «интеграция». Так, представители *теории федерализма* А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих понимают интеграцию как союз государств с передачей части власти наднациональным органам⁴. Согласно данной теории, современные государства не могут в полном объеме обеспечить свою безопасность, их будущее ограничивается лишь государственными границами.

Необходимо распределить властные полномочия между национальными и наднациональными органами.

При этом наднациональный уровень решает вопросы, которые требуют общих усилий, а национальный уровень – вопросы местного характера. Политическая сфера выделяется федералистами как основа интеграции.

Такой теоретический посыл вступает в противоречие с одной из классических теорий региональной интеграции *функционализмом*. Один из основателей данного направления Д. Митрани считал, что лишь политической основы для эффективного развития интеграции недостаточно. В основе интеграции лежит экономическая сфера, затем затрагиваются и другие сферы, в том числе политическая⁵.

Функционалисты полагают, что создание наднациональных органов – это длительный и поступательный процесс, который начинается в результате взаимодействия лидеров государств-участников интеграции, вследствие чего они приходят к пониманию необходимости создания такого органа, который будет наделен широкими полномочиями для эффективного осуществления интеграции.

Представители *неофункционализма* выделяют особую роль негосударственных факторов в интеграционных процессах, к ним можно отнести элиты (политические, бизнес), которые являются опорой строительства региональной интеграции. Неофункционалисты Э. Хаас, Л. Линдберг, Ф. Шмиттер считают, что сотрудничество между государствами, начавшееся в одной сфере (например, в экономике), постепенно станет затрагивать и другие, такие как политическая, социальная. Такая многоцелевая интеграция в итоге приведет к необходимости создания управляющего органа, который наделен наднациональными полномочиями⁶. Последователи данного направления придавали большое значение уровню экономического развития государств-участников интеграции, поскольку этот показатель является важной составляющей будущего равнозначного партнерства.

Основоположник школы интергouver-ментализма С. Хоффман придерживался иных взглядов на интеграцию (данное направление также называется межгосударственным подходом). Он уделял пристальное внимание факту совпадения стратегических интересов стран-участниц интеграции и роли лидеров этих государств, которые руководствуются национальными интересами своих государств. Согласно данному направлению, перемены в международной обстановке способны привести к возникновению угроз интересам государств, именно этот фактор и является определяющим сти-

мулом, основой интеграции и обеспечения национальной безопасности.

Согласно *коммуникативному* подходу (или теории трансакционизма), представителем которого является К. Дойч, основа интеграции – мирное сосуществование, так называемое «общество безопасности». К. Дойч считал, что «общество безопасности» дает уверенность его членам в том, что они не будут враждовать друг с другом, а возникшие проблемы будут разрешать путем переговоров. Участниками процесса интеграции могут быть те государства, которые наработали определенный уровень взаимодействия. Основатель данной теории выделил виды «сообществ безопасности», первое – амальгамированное и второе – плюралистическое. В амальгамированном сообществе передается часть государственных полномочий, органам управления, упрощая национальный суверенитет и уступая место национальным органам, отвечающим за принятие политических решений. Плюралистический тип предполагает наличие общих интересов и ценностей, способствующих возникновению совместных институтов, координирующих процессы коммуникации между участниками, при этом сохраняя самостоятельность в принятии политических решений.

Среди отечественных политологов, например, В.Г. Барановским, понятие «интеграция» рассматривается как состояние, в котором дифференцированные части связаны в одно единое целое и как процесс, ведущий к описанному состоянию⁷. Интеграция часто рассматривается в качестве экономического взаимодействия, как союз национальных хозяйств, проводящих согласованную экономическую политику. При этом необходимо помнить и о других сферах функционирования государства (например, политическая), которые являются составляющим звеном межгосударственного сотрудничества и являются взаимозависимыми. Рассматривая термин «интеграция» через призму глобализации можно выделить две ее составляющих. Во-первых, процессы, связанные с глобализацией, оказывают влияние на усиление взаимозависимости, как на государственном, так и на региональном уровнях. Во-вторых, этот же процесс способствует объединению различных государств в союзы (интеграционные союзы), в соответствии с их политическими, экономическими интересами и ресурсами для устранения негативных последствий глобализации.

Процесс интеграции при наличии определенных условий и стимулов (политических, экономических) может приобретать различные формы, начиная от двухсторонних договоров о сотрудничестве в конкретной сфере до союзов с множеством участников в различных сферах. Устойчивость и эффективность интеграционных союзов зависит от сложности форм интеграции. Например, процесс интеграции в формате двухсторонних соглашений менее стабилен, но при этом более зависим от политико-экономического состояния стран-участниц, чем формат таможенного (или экономического) союза. Экономический аспект интеграции, по мнению многих исследователей, становится эффективным и продуктивным в условиях доминирования перерабатывающей

4 См.: Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. - М., 2004. - С. 63.

5 См.: Мунтян М.А. Основы теории международных отношений. - М., 2006. - С. 78.

6 Там же. - С. 78-80.

7 См.: Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. - М., 1983. - С. 31.

промышленности, с глубоким разделением труда и конкурентоспособностью с точки зрения импортозамещения⁸. Процесс интеграции при всем многообразии форм предлагает ряд преимуществ и выгоды для участников: совместное решение политических вопросов, укрепление и развитие экономики, усиление конкурентоспособности на мировой арене, совершенствование и создание производственных мощностей, повышение уровня безопасности.

Таким образом, понятие «интеграция» подразумевает объединение двух частей и более в одно целое. Интеграция как процесс предполагает взаимодействие участников в политической, экономической, военной формах сотрудничества на самом высоком уровне. Развитие этого процесса способствует увеличению интенсивности взаимодействия в различных сферах путем создания интеграционных союзов в той форме, которая будет соответствовать целям и возможностям государств-участников интеграции. Интеграция, с одной стороны, способствует повышению эффективности взаимодействия акторов международных отношений, с другой – данный процесс является следствием интенсивного сотрудничества государств.

При исследовании и анализе интеграционных процессов на евразийском пространстве следует обратиться к теоретическому базису политической регионалистики. Наиболее значимыми в исследовании процессов региональной интеграции являются политико-исторический, политико-географический и социально-политический подходы⁹. Политико-исторический подход рассматривает региональную интеграцию через призму исторического развития взаимодействий между соседними государствами в основных сферах жизнедеятельности. Данный подход акцентирует внимание на процессах эволюции связей между государствами, которые формируют региональные интеграционные объединения, обладающие определенным экономическим потенциалом, системой внутреннего управления, присущими данному региону. Применяя политико-исторический подход к евразийской интеграции, можно выделить особенность успешной интеграции в данном регионе, которая проявляется в том, что страны-участники интеграционного процесса находились в составе одного государства.

Современная политико-экономическая обстановка в регионе определяется длительным совместным существованием в составе Российской Империи и СССР. В Конституции СССР 1936г. в ст. 13 определено, что «Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик»¹⁰. В Конституции СССР 1977г. в ст. 70 указывается, что «СССР – единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик.

В состав СССР входили 15 республик, которые были объединены общей территорией, идеологией и культурой. Государства, встроенные в процесс евразийской интеграции, объединены общей историей государственного строительства, политической культурой, налаженными экономическими связями. При этом деструктивные воздействия на интеграционные процессы в евразийском регионе оказывают различные интересы глав этих государств. Следовательно, в евразийском регионе процесс интеграции основывается на прочных политико-исторических факторах, которые способствуют сближению государств.

Политико-географический подход исходит из сопоставления политических, экономических и ресурсных потенциалов сообществ. Данный подход, по мнению В.В. Фокиной и Ю.В. Косова, «основывается на рассмотрении перспектив эволюции ведущих регионов и государств международного сообщества и характеризует общемировые тенденции политического развития»¹¹. Указанный подход уделяет особое внимание процессу поглощения маленьких регионов более крупными политическими системами, а также ответной реакции ослабленных государств в виде функциональных трансформаций своих институтов.

Таким образом, пространственная экспансия государств представляется абсолютно естественным процессом. Подчеркивается влияние финансового капитала при определении центра и периферии. Колонизованные территории находятся под определенным контролем центра, государства-метрополии и являются источником дешевой рабочей силы. Применяя указанный подход к евразийскому региону, можно выделить ряд особенностей, например, четко выраженная геополитическая асимметрия. Территория России превосходит своих соседей по региону в три раза, а по численности населения сопоставима со всеми государствами региона. Такая ситуация способствует появлению беспокойства среди руководителей государств евразийского региона и усложняет интеграционные процессы (учитывая разницу в «весе», сложно не сомневаться в равенстве участников интеграции).

Согласно социально-политическому подходу, уровень темпа и результатов развития регионов напрямую зависит от их близости к центру. Регионы, находящиеся поблизости, имеют большие возможности для интенсивного развития. У отдаленных регионов есть риск превратиться в источник ресурсов для более развитых государств. Данный подход уделяет особое внимание социальной жизни государства, так как она определяет стабильность государства в целом. В рамках общественно-политической системы региона возникает центр накопления политического и экономического потенциала. Вокруг такого центра образуются «пояса», регионы, чья роль во внешней политике обусловлена приближенностью к нему. Социально-политический подход выявляет составляющую евразийской интеграции – это культурная и социальная близость участников процесса, которая обусловлена долговременным сосуществованием в соста-

8 См.: Бельянинов А.Ю. Интеграционная политика России на евразийском пространстве: потенциал и перспективы развития: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.04. - М., 2013.

9 См.: Дергачев В.А. Регионоведение. - М., 2010. - С. 84.

10 См.: Косов Ю.В., Фролов В.Е. Интеграционные процессы евразийского региона: анализ основных этапов // Управленческое консультирование. - 2013. - № 10. - С. 101-111.

11 См.: Романова Н.П., Леконцева К.В. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник ЗабГУ. - 2013. - № 6 (97). - С. 95-105.

ве СССР и Российской Империи. Это является базисом для эффективного и долговременного политического и экономического взаимодействия. При этом социально-политические факторы оказывают как созидательное воздействие на процессы сближения, так и дезинтеграционное.

Таким образом, рассмотренные подходы формируют базис теоретико-методологических принципов, применяемых для изучения региональной интеграции. Использование методов в комплексе из приведенных подходов позволит детально изучать регионы и прогнозировать развитие политической и экономической ситуации. Ключом к изучению интеграционных процессов в регионе является разностороннее изучение особенностей становления, и развития региональной интеграции, так как заложенные основы интеграционных процессов часто проявляются на последующих этапах интеграции.

Как известно, Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана (ТС) – это форма торгово-экономической интеграции Беларуси, Казахстана и России, которая формирует единую таможенную зону на территории данных государств. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции, где обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

ЕАЭС был создан на базе ТС и ЕврАзЭС (Евразийского экономического сообщества) для укрепления национальных экономик и их взаимодействия в целях модернизации и повышения конкурентоспособности стран – участниц на мировом рынке.

Следовательно, эти два интеграционных проекта взаимосвязаны напрямую, и, для того, чтобы объяснить основы сотрудничества в рамках ЕАЭС, необходимо выявить причины создания ТС. Цели и задачи ЕАЭС, ярко показывают о полноценной, мощной экономической международной организации¹².

ЕАЭС, как высшая форма экономической интеграции на постсоветском пространстве, представляет собой продолжение проекта ЕврАзЭС, в том числе и Таможенного союза, то есть также имеет основной целью осуществление всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности экономик национальных государств для создания условий стабильного развития с целью повысить жизненный уровень населения государств-членов. Евразийский экономический союз – это объединение, главными задачами которого являются укрепление экономик участвующих стран и их конкуренции на мировом рынке.

Пристатейный библиографический список

1. Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. - М., 1983.
2. Бельянинов А. Ю. Интеграционная политика России на евразийском пространстве: потенциал и перспективы развития. Автореф. дис ... докт. полит. наук. - М., 2013.
3. Василик М. А. Политология: Словарь-справочник. - М., 2001.
4. Дергачев В. А. Регионоведение. Учебное пособие. - М., 2010.
5. Капустин А. Я. Международные организации в глобализирующем мире. - М., 2010.
6. Каплан М. Система и процесс в международной политике. - М., 2005.
7. Косов Ю. В., Фролов В. Е. Интеграционный процесс евразийском регионе: анализ основных этапов // Управленческое консультирование. - 2013. - № 10.
8. Каширкина А. А. Евразийский экономический союз как новая форма евразийской интеграции. Сб. научных трудов. - Минск, 2015.
9. Мунтян М. А. Основы теории международных отношений. Учебное пособие. - М., 2006.
10. Махлуп Ф. История мысли экономической интеграции. - Лондон, 1977.
11. Романова Н. П., Леконцева К. В. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник ЗабГУ. - 2013. - № 6 (97).
12. Этциони А. От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. - М., 2004.

¹² См.: Каширкина А. А. Евразийский экономический союз как новая формация евразийской интеграции // В сборнике: Право в современном белорусском обществе. Сборник научных трудов. – Минск. - 2015. - С. 199-205.

ЧЕРНИЧЕНКО Станислав Валентинович

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, Заслуженный деятель науки РФ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ КАК ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Идеологическая агрессия — нарушение принципа неприменения силы. Её можно рассматривать как вариант применения силы информационного характера. Совет Безопасности вправе давать юридическую оценку действий государства как идеологической агрессии.

Государство-жертва не может ссылаться на ст. 51 Устава ООН. Оно вправе прекратить доступ враждебной информации, но без ущерба для свободы слова и ведения идеологической и политической полемики.

Ключевые слова: идеологическая агрессия, враждебная информация.

CHERNICHENKO Stanislav Valentinovich

Ph.D. in Law, professor, head researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of sciences, Honored Scientist of the Russian Federation

Черниченко С. В.

IDEOLOGICAL AGGRESSION AS USE OF FORCE ON THE INTERNATIONAL LAW

Ideological aggression is a violation of the principle of the use of force. It can be regarded as a variant of the use of force of information character. The Security Council has the right to give a legal appreciation of a state's actions as ideological aggression.

The victim-state cannot refer to art. 51 of the UN Charter. It has the right to block the access of hostile information, but without damage to freedom of speech and ideological and political polemics.

Keywords: ideological aggression, hostile information.

Отстаивание государством своих интересов не должно проводиться путём извращения или нарушения международного права. Это характерно для так называемых двойных стандартов, которые используются, в частности, при описании позиций, занимаемых в области прав человека государствами в зависимости от того, каковы отношения с ними государства, оценивающего такие позиции. Сотрудничество государств по гуманитарным вопросам не может быть неполитическим именно потому, что это — часть межгосударственного сотрудничества. Однако оно не должно быть политизированным в указанном выше смысле.

Обсуждая вопрос о взаимопроникновении идеологизированности и политизированности, надо уделить внимание проблеме идеологической агрессии. В течение какого-то периода этот термин, казалось бы, был забыт. Настало время для того, чтобы вспомнить советское предложение о широком определении агрессии, выдвинутом в ООН в 1953 г. Его нет необходимости воспринимать как истину в последней инстанции. Но он приобретает опять актуальность как показатель разновидности покушения на существование государства. Согласно предложению 1953 г. государство признается совершившим акт идеологической агрессии, которое "а) поощряет пропаганду войны; б) применение атомного, бактериологического, химического и других видов оружия массового уничтожения; в) способствует пропаганде фашистско-нацистских взглядов, расовой и национальной исключительности, ненависти и пренебрежения к другим народам"¹. Некоторые слова из этого предложения нуждаются в уточнении. Другие нашли выражение в действующих нормах международного права.

Главное, что заслуживает внимания в предложении 1953 г., это общая направленность явления, названного идеологической агрессией. Это покушение на информационную безопасность государства. Иногда такое явление именовали психологической агрессией. Но данное выражение, строго

говоря, скорее может быть использовано для обозначения действий индивидов. Психологическое отношение государства для обозначения политики к другому государству не очень уместно, хотя в практике и встречалось.

Утверждать, что есть определенные международно-правовые средства противодействия покушению на информационную безопасность государства — смелое предположение. Они, конечно, есть. Вряд ли, однако, можно говорить о том, что они определены. Критика политики одного государства, предпринимаемая другим государством или государствами в какой-либо области, включая и область прав человека, далеко не всегда может рассматриваться как нарушение принципа невмешательства и, тем более, принципа неприменения силы. Грань здесь подвижна и зависит от многих обстоятельств, которые предугадать практически невозможно. В то же время можно обнаружить общие ориентиры, дающие ключ к решению этого вопроса. Особенно это касается принципа неприменения силы. Ведь агрессия представляет нарушение именно данного принципа.

Определение агрессии принятое Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 г., является лишь определением вооруженной агрессии. Есть основания полагать, что положения этого определения стали выражать международное обычное право. К этому вопросу не нужно возвращаться. Ясно, что юридически значимую оценку совершения акта агрессии должен давать Совет Безопасности.

Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру и любого нарушения мира или акта агрессии, что предусмотрено ст. 39 Устава ООН. Очевидно, что совершение акта идеологической агрессии трудно считать равносильным акту вооруженной агрессии. Если придерживаться мнения, что Совет Безопасности вправе определять совершение акта идеологической агрессии, было бы логичным квалифицировать такой акт как угрозу миру, причем международному миру, так как Совет Безопасности в этом случае может решить, какие действия надо предпринять в соответствии со

1 «Известия», 26 августа 1953 г.

статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Угроза международному миру и безопасности представляет собой нарушения принципа неприменения силы и угрозы ее применения в международных отношениях согласно п.4 ст. 2 Устава ООН. Более точно следует говорить о принципе неприменения силы в межгосударственных отношениях.

Совет Безопасности может прибегать к одним и тем же мерам независимо от того, сочтет ли он ситуацию угрозой международному праву или актом агрессии. Он вправе решить, что угроза миру менее опасна, чем агрессия. Но это находится в пределах его дискреционных полномочий.

Мы можем, однако, думать, что идеологическая агрессия менее опасна, чем вооруженная агрессия, как она определена в резолюции 3314(XXIX). Все же это лишь наше мнение. Зачем конструировать понятие идеологической агрессии, если достаточно считать, что какие-то действия представляют собой угрозу международному миру и безопасности. Но тогда можно спросить, зачем было разрабатывать определение вооруженной агрессии, если определение агрессии входит в компетенцию Совета Безопасности? Известно, что раскрыть содержание общих норм международного права бывает недостаточно для регулирования самых разных вопросов. Довольно часто даже прибегают к рекомендациям, не имеющим юридически обязательного характера. Это, кстати, произошло с определением вооруженной агрессии, принятом резолюцией Генеральной Ассамблеи. Первоначально такое определение рассматривали как своего рода помощь Совету Безопасности, если возникал вопрос об определении вооруженной агрессии. Постепенно это определение стало признаваться как отражающее международное обычное право, раскрывающее в какой-то мере компетенцию Совета Безопасности без ущерба для его права самому определять юридически обязательное решение того, что совершен акт агрессии.

Определение агрессии в широком смысле, сформулированное в предложении 1953г., не может считаться даже рекомендацией, принятой ООН. Это именно предложение, выражающее мнение одного из членов ООН. Та его часть, которая относится к идеологической агрессии, приобрела в начале XXI века опять актуальность. Не стоит думать, что она будет зафиксирована в виде рекомендации ООН. Но она заслуживает употребления в области межгосударственных отношений. В первую очередь она касается недопустимости пропаганды фашистско-нацистских взглядов². Было бы целесообразно отметить, что речь надо вести и о пронацистских взглядах, которые под предлогом защиты свободы слова находят “крышу” в государствах, причисляющих себя к демократическим. Мы можем подчеркнуть в связи с этим, что политизация и идеологизация тесно соприкасаются друг с другом. Их трудно отделить одну от другой, будь то в сфере национального или международного права.

Есть ли различия между понятиями “угроза применения силы” и “угроза миру”? Э.И. Скакунов, исследуя динамику международных конфликтов, высказал мысль, что угроза миру согласно Уставу ООН шире угрозы применения силы³. Он, правда, говорит об этой проблеме, имея в виду, главным образом, применение вооруженной силы. Но его вывод, очевидно, правилен в более общем плане. Угроза миру не сводится только к угрозе применения вооруженной силы. Она может вытекать из факта применения и идеологического давления (которое можно при желании рассматривать как применение силы в широком плане).

Проблема заключается в том, что применение силы нередко рассматривается как нарушение мира в доктрине и практике. Несомненно, применение вооруженной силы в

межгосударственных отношениях представляет собой нарушение мира. Лишь совершенно незначительные по масштабу и последствиям акты применения вооруженной силы (эпизодическое проникновение отдельных вооруженных лиц на территорию сопредельного государства, например) могут быть расценены не как нарушение мира, а как попытка его нарушить⁴.

Можно ли считать какие-либо идеологические акции нарушением мира по смыслу ст. 39 Устава ООН? Видимо нельзя. Отвлекаясь от предложения СССР 1953г. и рассуждая логически, просто нельзя с какой-либо точки зрения отождествлять законченное действие, повлекшее за собой определенный результат и возможность совершения такого действия. Нарушение мира мы толкуем обычно как вооруженное столкновение международного характера или вооруженные столкновения между государствами. Практическое значение этой формулы можно объяснить просто: не всегда есть возможность установить, какая именно из сторон при таком столкновении агрессор, хотя сам факт столкновения бесспорен. Но Устав ООН в ст. 39 гласит, что Совет Безопасности определяет наличие любой угрозы миру. Не указано, что имеется в виду только международный мир. Надо считать, что любое нарушение мира может представлять собой угрозу международному миру и безопасности. Следующее предложение ст. 39 говорит уже о мерах, которые следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира. Тем самым указывается, что не обязательно всякое нарушение мира внутри государства становится угрозой международному миру.

Идеологическая агрессия – “психологическая подготовка к нарушению мира”, рассчитанная на правящие круги того или иного государства и, разумеется, на его население. Нередко ее цель – достигнуть такого результата, которого по каким-либо причинам нельзя получить путем вооруженной агрессии (например, вызвать дестабилизацию обстановки в стране), либо создать морально-политический климат, благоприятствующий последующей вооруженной агрессии. Здесь мы особенно часто видим, что политическая и идеологическая составляющая действия государства, прибегающего к идеологической агрессии, спаяны друг с другом. Идеологические меры давления можно называть информационным посятельством на безопасность жертвы посяательства, создают угрозу миру.

Акты вооруженной агрессии образуют чаще всего и состав вооруженного нападения, выступающего в качестве основания для осуществления самообороны, предусмотренный ст. 51 Устава ООН⁵. Поэтому необходимо помнить, что Совет Безопасности вправе давать юридически значимую оценку совершения вооруженной агрессии, а совершение вооруженного нападения – государство, подвергнувшееся нападению. Может создаться ситуация, когда-то или иное вооруженное нападение не будет признано актом агрессии из-за применения постоянным членом Совета Безопасности “права вето”. Объективно оно существующих признаков акта агрессии от этого не утратит. Данное соображение надо также иметь в виду, когда мы даем характеристику вооруженного нападения в сравнении с компетенцией Совета Безопасности. В международно-правовой литературе отмечалось, что вооруженное нападение имеет более или менее четкое содержание, в то время как содержание вооруженной агрессии варьируется в зависимости от ситуации и не может подлежать точному физическому описанию заранее, так как это входит в рамки дискреционных полномочий Совета Безопасности. Любая неопределенность в описании вооруженного нападения приводит к возможности легализации произвола под предлогом самообороны⁶. Действия, которые односторонне квалифици-

2 Док. A/RES/73/157, 17 декабря 2017. «Борьба с героизацией нацизма, неонацизма и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовый дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости.»
3 Скакунов Э. И. Международно-правовые гарантии безопасности государства. - М.: Международные отношения, 1989. - С. 104.

4 Например, подробно: Фархутдинов И. З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. - М.: ИНФРА-М, 2018. - С. 337-342.
5 Скакунов Э. И. Самооборона в международном праве. - М.: Международные отношения, 1973. - С. 123-127; Донской Д. Агрессия вне закона. - М.: Международные отношения, 1976. - С. 44-46.
6 Донской Д. Указ. соч. - М. 43.

руются как вооруженное нападение, дающие основание для осуществления права на самооборону, не означают автоматически согласно Уставу ООН считаться актом агрессии⁷.

Если допустить, что акты идеологической агрессии могут в случае их особой серьезности являться нарушением международного мира, равноценными актам вооруженной агрессии, возникает вопрос: могут ли они рассматриваться одновременно как основание самообороны, какая-то разновидность или эквивалент вооруженного нападения? Это привело бы к неоправданному расширению понятия самообороны и по существу дало бы возможность ответить вооруженными мерами на идеологическую агрессию без санкции Совета Безопасности, т. е. практически привело бы к реабилитации института превентивной самообороны без решения Совета Безопасности. Между прочим, отметим, что превентивные действия вооруженных сил возможны по решению Совета Безопасности, но не упреждающие или, тем более, предвосхищающие.

В чем смысл введения в политический обиход понятия идеологической агрессии? Если это представляет собой не нарушение мира, а его угрозу, то зачем добавлять понятие идеологической агрессии? Но было бы логичным считать, что возможность посягательства на международную безопасность не обязательно выступает как вооруженная агрессия, но явно считается угрозой международному миру. Это и дает право выделить в особую категорию какие-то меры идеологического давления. И поскольку они, наряду с актами вооруженной агрессии, обладают качеством неправомерного насилия высокой степени интенсивности и посягают на международную безопасность, они могут быть отнесены к актам применения силы, противоречащим Уставу ООН. Грань между теми мерами идеологического давления, которые могут быть отнесены к актам применения силы и другими, менее значительными, входит в идеале в компетенцию Совета Безопасности (как уже говорилось).

Угрозу применения вооруженной силы обоснованно следует рассматривать как применение силы в широком смысле согласно Уставу ООН. В Определении агрессии, принятом в 1974 г., сказано, в частности, что агрессией признается "любая аннексия с применением силы против территории другого государства или части его (ст.3, п.а)".⁸ Не сказано, однако, что имеется в виду только применение вооруженной силы. В то же время данный пункт начинается со слов "вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства". Надо полагать, что под применением силы подразумевается не только применение вооруженной силы, но и угроза её применения, и своего рода информационную, идеологическую обработку посягательства, т.е. предварительную идеологическую агрессию.

Очевидно, что в XXI веке необходимо разработать более детально разъяснение понятия пропаганды войны, составляющую идеологическую агрессию, или применение определенных видов оружия массового уничтожения. Что касается пропаганды фашистско-нацистских взглядов и тому подобное, то здесь все ясно. Можно подумать над тем, что в перечень актов, составляющих идеологическую агрессию, следует включить поддержку на государственном уровне террористической деятельности. Впрочем, нелегко надеяться, что эти мысли приобретут официальный статус. Скорее, это пожелание, которое найдет отклик в доктрине *de lege ferenda*. В виде первой статьи можно сохранить предложение 1953 г., заменив "атомное оружие" на "ядерное оружие".

Принцип неприменения силы или угрозы ее применения не сводит объект агрессии только к территориальной неприкосновенности. Иначе не нужно было бы упоминать в формулировке п. 4 ст. 2 Устава ООН политическую независимость как возможный вариант объекта применения силы. Если придерживаться концепции широкого применения

силы, то ясно, что идеологическая агрессия сама по себе не является нарушением территориальной неприкосновенности государства, а посягает на его политическую независимость.

Отсюда надо сделать вывод, что к идеологической агрессии применим *mutatis mutandis* критерий первенства, т.е. агрессией считается первый совершивший определенные действия. Этот критерий предусмотрен в резолюции 3314 (XXIX) применительно к вооруженной агрессии. Рассуждая логически, его надо применить и к идеологической агрессии, но учитывая специфику последней.

В ответ на информационные действия, которые можно было бы рассматривать как откровенную идеологическую агрессию, государство, ставшее жертвой такой агрессии, не вправе прибегать к подобным же методам, использовать клевету, обман, подстрекательские призывы в качестве контрмеры. Для защиты своей безопасности государство, ставшее объектом идеологической агрессии, вправе прибегнуть к определенным психологическим мерам воздействия на население, наряду с перекрытием каналов поступления враждебной информации. Однако, грань между правом на защиту своей безопасности и свободой выражения мнения, свободой слова и т.п. является весьма неопределенной. Но это не должно служить препятствием для квалификации тех или иных действий как нарушающих международное право. Проблема заключается в том, чтобы надлежащим образом обосновать конкретные действия со стороны государства, нарушающего международное право, как такие нарушения. Агрессия в любом варианте – явление, представляющее опасность для межгосударственных отношений в целом. Какое-либо государство может заявить, что против него совершена агрессия, но это лишь политическое заявление. Оно таковым и останется без решения Совета Безопасности о том, что действительно был совершен акт агрессии. Такого рода политические заявления могут носить, между прочим, предвзятый характер. Достаточно назвать постоянно повторяющиеся обвинения России в агрессии, которые раздавались в выступлениях украинского президента П.А. Порошенко.

Идеологическая агрессия не может, конечно, рассматриваться как какое-то подобие вооруженной агрессии. Она поэтому не дает пострадавшему государству права прибегнуть к ст. 51 Устава ООН, предусматривающей право на самооборону в случае вооруженного нападения.

Если международное правонарушение не является нарушением принципа неприменения силы, ему не должно противопоставляться правомерное применение силы⁹. Если же, однако, такое правонарушение представляет собой нарушение указанного принципа, но лишь как идеологическая агрессия, ему может быть противопоставлено то, что можно обобщенно назвать информационным противодействием, информационной силой.

Нарушение принципа неприменения силы в виде (или форме) идеологической агрессии можно было бы считать дающим право пострадавшему государству прибегнуть индивидуально к адекватным мерам даже материального воздействия – прекращению с агрессором каких-либо официальных контактов, вплоть до разрыва дипломатических отношений и т.д. Но официальное заявление только о том, что совершен акт идеологической агрессии, с международно-правовой точки зрения ничего не даст. Это было бы лишь политическое заявление. Пострадавшему государству было бы целесообразно опираться на нарушение каких-то конкретных норм международного права. Пострадавшее государство не квалифицирует идеологическую агрессию в юридическом смысле, если представить, что это возможно. Совет Безопасности только вправе решить, что-то или иное государство совершило акт идеологической агрессии как угрожающей международному миру.

Почему мы говорим об информационном принуждении (или психологическом принуждении, если учитывать

7 Рыбаков Ю.М. Вооруженная агрессия — тягчайшее международное преступление. - М.: Юрид. литература, 1980. - С. 34.

8 Резолюции принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать девятой сессии 17 сентября — 18 декабря, 1974 год. Т. 1. ООН. - Нью-Йорк, 1975. - С. 181

9 Фархутдинов И. З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. - М.: ЕВРАЗНИИП, 2017. - С. 28-40.

воздействие на население или лиц отвечающих за политику государства), а не об идеологическом принуждении? Мы же называем определенную категорию международных правонарушений идеологической агрессией? Причина, на наш взгляд, заключается в следующем: понятие принуждения органически противоположно понятию идеологии как таковой и идеологической полемике как борьбе идей, мировоззрений, убеждений. Вряд ли можно утверждать, что принуждение не противопоставлено борьбе идей. Информационное принуждение не выполняет задачу убедить в чем-то, а заставить подчиниться, вести себя в соответствии с тем или иными установками. Политизация и идеологизация не преследует целей, лежащих в области борьбы идей. Идеологизация – не сфера идеологии. С какого-то момента идеологизация перестает быть недружественным актом и становится международным правонарушением вплоть до идеологической агрессии, неправомерного применения своего рода информационной силы. Судить об этом с точки зрения юридической квалификации должен был бы, следуя логике наших рассуждений, Совет Безопасности. Что не мешает заинтересованному государству высказывать собственное мнение, подкрепленное ссылками на более конкретные нарушения международного права (например, на грубое нарушение свободы слова).

В юридической литературе встречается термин “политическая агрессия”. Нередко к политической агрессии относят какую-то часть информационной деятельности государства. В связи с этим можно вспомнить следующее высказывание: “Один из часто называемых аспектов политической агрессии – пропаганда...”¹⁰. Но каковы бы ни были мнения специалистов по поводу конкретного содержания пропаганды, причисляемой к агрессии, из всего хода рассуждений, приведенных выше, вытекает, что более приемлемым для обозначения негативной информационной части определенной деятельности государства является “идеологическая агрессия”.

Если мы будем исходить из Устава Нюрнбергского Трибунала, можно полагать, что речь идет о вооруженной агрессии. Действительно, никто не будет спорить, что это самый опасный вид агрессии. В Уставе сказано о планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны, даже не агрессии, а именно агрессивной войны.¹¹ В проекте Кодекса о преступлении против мира и безопасности человечества 1996г., подготовленного Комиссией международного права ООН, уже говорится о планировании, подготовке, развязывании или ведении агрессии, совершенной государством (ст. 16)¹². Этот проект – не действующая норма международного права. Но он показывает тенденцию в толковании понятия агрессии, опирающуюся на Устав ООН.

К действующим нормам относятся принципы Устава Нюрнбергского Трибунала согласно резолюции Генеральной Ассамблеи 95(1) от 14 декабря 1946 г., причем императивные. К действующим нормам международного права надо также отнести и нормы Римского статута. Международного уголовного суда для тех, кто ими связан, т.е. не императивными. Поскольку нас интересует агрессия как действие государства, влекущее международно-правовую обязанность привлекать к уголовной ответственности лиц, причастных к совершению агрессии, стоит затронуть вопрос о связи агрессии с преступлениями против человечности.

Проект Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества включает и преступление агрессии, и преступления против человечности. Их родство сомнений не вызывает. Значит ли это, что они соприкасаются столь тесно, что их можно в каком-то смысле объединить? Оба вида преступлений являются преступлениями против мира и безопасности человечества. Проект предполагает, что государства

обязаны привлекать к уголовной ответственности индивидов, совершающих подобные действия. В этом можно усмотреть их родство. Кроме-того надо говорить в данном случае о преступлениях именно индивидов. Мы же, размышляя об агрессии, обращаем внимание на действия государства, совершающего нарушение международного права, именуемого международным преступлением, т.е. не о преступлении в уголовно-правовом смысле.

Нужно иметь в виду, что мы рассматриваем, в конечном счете, агрессию и как преступление против человечности (как бы ни подходить к понятию агрессии), и как угрожающее существованию человечества. Было отмечено в исследовании, посвященном теории преступлений против человечности, следующее: “Человечность означает как и качество быть человеком – гуманность, так и совокупность всех человеческих существ – человечество”¹³. Действия государства, совершающее его, позволят квалифицировать его как тяжкое нарушение международного права. В то же время должна быть ясна неразрывная связь между действиями государства и индивидами, его совершающего, которое должно вести к уголовному преследованию этих индивидов. Здесь мы должны видеть связь между государством и индивидами, совершающими преступления против человечества. Одновременно надо видеть разницу между составами указанных правонарушений. Именно действия государства, совершающего акт идеологической агрессии, можно было бы рассматривать как противоправное применение силы.

Пристатейный библиографический список

1. Док. A/RES/73/137, 17 декабря 2018, «Борьба с героизацией нацизма, неонацизма и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовый дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости».
2. Донской Д. Агрессия вне закона. - М.: Международные отношения, 1976.
3. Ежегодник Комиссии международного права, 1996, Том II (часть вторая) – Нью-Йорк и Женева, 1997.
4. Известия, 26 августа, 1953 г.
5. Рыбаков Ю.М. Вооруженная агрессия - тягчайшее международное преступление. - М.: Юридическая литература, 1980.
6. Определение агрессии. 3314(XXIX) от 14 декабря 1974 г. // Резолюции принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать девятой сессии 17 сентября – 18 декабря 1974 года. Том 1. - ООН, Нью-Йорк, 1975, с. 181-182.
7. Скакунов Э. И. Самооборона в международном праве. - М.: Международные отношения, 1973.
8. Скакунов Э. И. Международно-правовые гарантии безопасности государства.- М.: Международные отношения, 1989.
9. Устав МВТ для суда наказания главных военных преступников европейских стран оси // Действующее международное право. Том 3. - М.: МНИМП, 1997. - С. 163-765.
10. Фархутдинов И.З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. - М.: ЕВРАЗНИИП, 2017.
11. Фархутдинов И.З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. - М.: ИНФРА-М, 2018.
12. Luban A. Theory of Crimes Against Humanity — Georgetown Law, Faculty Publications, January 2010.
13. Farer T.G. Political and Economic Aggression in Contemporary International Law // The Current Legal Regulation of the Use of Force. - Dordrecht: Boston, Lancaster, 1986.

10 Farer T.G. Political and Economic Aggression in Contemporary International Law // The Current Legal Regulation of the Use of Force.- Dordrecht: Boston; Lancaster, 1986. - P. 123.

11 Действующее международное право. Т. 3. - М.:МНИМП, 1997. - С. 764-765

12 Ежегодник Комиссии международного права, 1996, Том II (часть вторая). – Нью-Йорк и Женева, 1997.

13 Luban A. Theory of Crimes Against Humanity — Georgetown Law Faculty Publications, January 2010. - P.86-87

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИСКРИМИНАЦИИ ПО РЕЛИГИОЗНОМУ ПРИЗНАКУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье рассматриваются вопросы дискриминации по религиозному признаку в современном мире. Акцент делается на изучении международно-правовых мер по противодействию дискриминации христиан в Европе и Африке. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00292.

Ключевые слова: дискриминация, христиане, ОБСЕ, универсальный периодический обзор (УПО), договорные органы по правам человека.

SOLNTZEV Aleksandr Mikhaylovich

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

Солнцев А. М.

SOME ISSUES OF DISCRIMINATION ON RELIGIOUS GROUNDS IN THE MODERN WORLD

The article deals with the issues of discrimination on religious grounds in the modern world. The emphasis is on the study of international legal measures to combat discrimination against Christians in Europe and Africa. The article was prepared with the financial support of RFBR in the framework of the scientific project №18-011-00292.

Keywords: discrimination, Christians, OSCE, universal periodic review (UPR), human rights Treaty bodies.

Сегодня в мире, с сожалением, можно констатировать нетолерантное отношение к различным религиям. Дискриминации подвергаются представители традиционных конфессий, включая христиан и мусульман. Такая дискриминация противоречит международному праву. Соответствующие международно-правовые положения о правах человека зафиксированы в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, Хельсинкском Заключительном акте 1975 г., в котором государства-участники приняли на себя обязательства «уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии», Международном пакте о гражданских и политических правах, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и других международных документах.

Такие вопросы в последнее время активно обсуждаются и в ОБСЕ. Так, в 2017 г. на 26-ой ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ (Минск, 5-9.07.2017 г.) была принята резолюция «О недопустимости дискриминации и нетерпимости в отношении христиан, мусульман и последователей других религий»¹. В п. 4 этой резолюции выражается тревога в отношении растущего числа проявлений нетерпимости, дискриминации, насилия и террористических актов на почве религиозной принадлежности или убеждений в отношении христиан, мусульман и последователей других религий. В резолюции также отмечается значение обязательств государств – участников ОБСЕ о проведении политики уважения и защиты мест отправления религиозных обрядов и учений, религиозных памятников, мест захоронений и святынь (п. 5). Ведь каждый человек согласно международному праву имеет право на свободу религии, свободу отправления религиозных обрядов и исповедования своей религии как единолично, так и сообща с другими по велению своей совести. В п.7 резолюции содержится призыв к политическим,

религиозным и общественным лидерам активизировать усилия по предупреждению и противодействию проявлениям нетерпимости и дискриминации на почве религиозной принадлежности или убеждений в отношении христиан, мусульман и последователей других религий. Далее в резолюции осуждается все проявления нетерпимости, дискриминации, включая насилие и террористические акты в отношении христиан, мусульман и последователей других религий (п.9), а также содержится призыв к консолидации позиции международного сообщества о недопустимости проявлений нетерпимости, дискриминации, насилия и притеснений в отношении христиан, мусульман и последователей других религий.

В рамках настоящей статьи мы хотели бы уделить внимание борьбе с дискриминацией христиан². Христианская Церковь начала подвергаться гонениям с первых лет своего существования. В первые века христиан преследовали потому, что христианство оказалось в противоречии с основными законами Рима, касающимися религиозной жизни его граждан. Правовой порядок империи предъявлял к исповедникам такие требования, которые последние не могли выполнить, оставаясь христианами. Сегодня христиане сталкиваются с многочисленными проблемами в различных частях мира. Особо катастрофическим остается их положение на Ближнем Востоке, хотя этот регион - колыбель христианства. Как верно указывает Министр иностранных дел России С.В. Лавров: «В результате безответственной политики ряда западных стран по смене режимов в регионе обширные ближневосточные территории превратились в зону хаоса и нестабильности, стали рассадником терроризма и экстремизма, источником нелегальной миграции. Ве-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2017-minsk/declaration-25/3557-declaration-rus/file>.

2 Подробнее см.: Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Материалы круглых столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко / Под ред. А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновой, Е.В. Киселевой, Е.С. Алисиевич. – М.: Покров ПРО, 2015.

рующие и священнослужители подвергаются нападениям, преследованиям и убийствам со стороны террористических группировок, становятся жертвами дискриминационных законов и правоприменительной практики, вынуждены покидать места своего постоянного проживания. Нередки случаи безнаказанного осквернения и разрушения христианских святынь. Массовый исход христиан нарушает сложившийся в регионе на протяжении столетий этноконфессиональный баланс»³. В деле содействия возвращению христианского населения в этот регион важную роль может сыграть рабочая группа, созданная Русской православной церковью и Римской католической церковью. Напомним, что в 2016 г. было принято Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла, в п.15 которого говорится: «В то же время, нашу озабоченность вызывает ситуация, складывающаяся в столь многих странах, где христиане все чаще сталкиваются с ограничением религиозной свободы и права свидетельствовать о своих убеждениях, жить в соответствии с ними. В частности, мы видим, что превращение некоторых стран в секуляризованные общества, чуждые всякой памяти о Боге и Его правде, влечет за собой серьезную опасность для религиозной свободы. Мы обеспокоены нынешним ограничением прав христиан, не говоря уже об их дискриминации, когда некоторые политические силы, руководствуясь идеологией секуляризма, столь часто становящегося агрессивным, стремятся вытеснить их на обочину общественной жизни».⁴ Отметим, что подготовлен обширнейший доклад с ужасающими статистическими данными «Преследования и дискриминация христиан в современном мире: причины, масштабы, прогнозы на будущее»⁵. Так согласно этому докладу «каждые пять минут в мире за веру умирает христианин, каждый год 105 тыс. христиан умирают насильственной смертью в результате межрелигиозных конфликтов».

В конце декабря 2017 г. в Вене «на полях» Совета министров иностранных дел ОБСЕ по инициативе России и Венгрии состоялось мероприятие, посвященное безопасности христиан, в том числе на Ближнем Востоке. На встрече присутствовали представители государств-членов ОБСЕ, православной и католической церквей, а также религиозные и общественные деятели, дипломаты и журналисты. В ходе встречи было отмечено, что дискриминация христиан в начале XXI века происходит в том числе в следующих формах:

- положение христиан на Ближнем Востоке и Севере Африки, где верующие и священнослужители подвергаются нападениям со стороны террористических группировок, вынуждены покидать места многовекового проживания своих общин; зафиксированы случаи безнаказанного осквернения и разрушения христианских святынь;
- в Европе происходит выдавливание традиций и символов христианства из общественного пространства ведет к размыванию общеевропейской культурной идентичности⁶;

- притеснения православных на Украине, осквернения и захваты храмов экстремистами, насилие в отношении священнослужителей и верующих дополняются попытками официальных властей ввести ограничения на деятельность канонической Украинской православной церкви⁷.

В целом, можно констатировать, что международная встреча в Вене продемонстрировала растущее понимание международным сообществом необходимости обеспечения безопасности христиан и сохранения традиционных ценностей человечества.

Стоит отметить, что тематика борьбы с дискриминацией христиан проходит не просто в рамках ОБСЕ. Например, все государства ОБСЕ выражают готовность в борьбе анти-семитизмом и в 2014 г. на Министерской встрече в Базеле была принята Декларация о борьбе с антисемитизмом⁸. В последнем абзаце этой Декларации содержался призыв к разработке деклараций о наращивании усилий по борьбе с нетерпимостью и дискриминацией в отношении мусульман, христиан и последователей других религий. К сожалению, ни в Белграде в 2015 г., ни в Гамбурге в 2016 г., ни в Вене в 2017 г. не удалось прийти к консенсусу по таким декларациям из-за политизированной позиции некоторых государств, которые усматривают в подобных документах «неполиткорректность». Отметим, что в 2017 г. было принято «Заявления министров иностранных дел государств – участников Содружества Независимых Государств о недопустимости дискриминации и нетерпимости в отношении христиан, мусульман и представителей других конфессий»⁹, которое затем было распространено в Организации Объединенных Наций, Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе и Совете Европы.

Есть факты, свидетельствующие о массовой дискриминации христиан в Африке. Африканский континент объединяет сегодня 54 государства, в которых проживает более 1,3 миллиарда человек. Согласно имеющейся статистике, 46% населения Африки составляют христиане, т.е. около 600 миллионов человек¹⁰.

Христианская священная история и священное предание неотделимы от древней и раннесредневековой истории

главе колонны премьер-министр Баварии. По результатам переговоров в Баварии был принят новый закон, по которому крест был объявлен символом «культурных и исторических традиций Баварии» и поэтому не может считаться символом конкретной религии. Еспиов В. Бавария: самая «немецкая» Германия. URL:<http://www.geo.ru/putesestvia/231719-samaa-nemeckaa-germanja>

- 7 СООБЩЕНИЕ ДЛЯ СМИ. ОБСЕ. «О совместном российско-венгерском мероприятии в ОБСЕ по проблематике безопасности христиан, в том числе на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2981209.
- 8 Декларация о наращивании усилий по борьбе с антисемитизмом 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/mc/149676?download=true>.
- 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cistrussia2017.mid.ru/novosti-i-sobytiya?p_p_id=101&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_col_id=column-2&p_p_col_count=1&_101_struts_action=%2Fasset_publisher%2Fview_content&_101_redirect=%2Fweb%2Fcistrussia2017%2F-%2Fv-sootvetstvii-s-reseniem-soveta-ministrov-inostrannyh-del-sng-ot-7-aprela-2017-goda-rossijskaa-federacia-kak-gosudarstvo-predsedatel-stvuusee-v-sodruz%3FinheritRedirect%3Dtrue%26redirect%3D%252Fweb%252Fcistrussia2017&_101_assetEntryId=24751574&_101_type=content&_101_urlTitle=zaavlenie-ministrov-inostrannyh-del-gosudarstv-uchastnikov-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-o-nedopustimosti-diskriminacii-neterpimosti-v-otnosenii&redirect=%2Fweb%2Fcistrussia2017%2F-%2Fv-sootvetstvii-s-reseniem-soveta-ministrov-inostrannyh-del-sng-ot-7-aprela-2017-goda-rossijskaa-federacia-kak-gosudarstvo-predsedatel-stvuusee-v-sodruz%3FinheritRedirect%3Dtrue%26redirect%3D%252Fweb%252Fcistrussia2017&inheritRedirect=true.
- 10 В Африке численность христиан превысила численность мусульман // Сайт Церковно-Научного Центра «Православная Энциклопедия» Седмица.ру. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/text/3200526.html>.

стран Северной и Северо-Восточной Африки. В Ветхом Завете и Новом Завете мы неоднократно встречаем упоминания об Африке. Особого внимания заслуживает коптская церковь в Египте. В Восточной пустыне и Верхнем Египте были построены знаменитые монастыри, были созданы шедевры оригинальной коптской архитектуры, иконописи, литературы. В Александрии и Киренаике были созданы христианские литературные произведения на греческом языке¹¹.

И вот сегодня различные средства массовой информации приводят нам ужасающие примеры случаев убийства христиан, насилия в отношении женщин-христианок, насильственного обращения христиан в ислам, обвинения в оскорблении ислама, карающиеся зачастую смертной казнью, разрушения церквей, гонения христиан с исторических земель.

Эскалация насилия в отношении христиан приобретает в последнее время системный характер. Массовый исход христиан из этого региона может нарушить веками складывавшийся религиозный баланс.

Одним из препятствий для того, чтобы эта проблема должным образом рассматривалась на международном уровне, является отсутствие легитимного механизма сбора информации. Можно полагаться на данные различных неправительственных организаций (НПО)¹². Например, НПО «*Gatestone Institute*» называет происходящее в Нигерии «геноцидом христиан» – только июне 2018 г. было убито 238 человек¹³.

В 2014 г. во Франции была опубликована «Черная книга положения христиан по всему миру», в написание которой внесли свою лепту 70 французских и иностранных экспертов, историков, журналистов, священников и правозащитников. По подсчетам авторов, в настоящий момент жертвами дискриминации становятся 150–200 миллионов христиан в 140 странах мира, а христианская религия стала самой гонимой в мире¹⁴.

Для объективности отметим, что есть определенные положительные моменты. Например, в 2016 г. Парламент Египта принял закон, облегчающий строительство новых христианских храмов в стране¹⁵. Согласно положениям этого закона, губернаторы провинций Египта должны отвечать в течение четырех месяцев на запросы относительно строительства новых церквей, представленные им христианскими общинами. В случае отказа губернатор должен привести веские аргументы для обоснования своего решения, а получающая отказ община получает право обратиться в административные суды. В новом законе, среди прочего, говорится, что «размеры церкви должны соответствовать числу граждан, принадлежащих к христианской общине, и должны принимать во внимание прирост населения». Новый закон, несмотря на его несовершенство, является шагом вперед по сравнению

с так называемыми «10 правилами», добавленными в 1934 г. к османскому законодательству Министерством внутренних дел Египта, которое запретило, среди прочего, строить новые церкви около школ, каналов, правительственных зданий, железных дорог и жилых районов. Во многих случаях строгое применение этих правил приводило к отказам на запросы и запрещением строительства церквей в городах и деревнях, населенных преимущественно христианами, особенно в сельских районах Верхнего Египта.

НПО «Открытые двери», зарегистрированная в Великобритании, уже более 60 лет пытается помогать христианам по всему миру. Данная организация ведет базу данных о нарушениях прав христиан и так называемый «черный список государств», где христиане подвергаются дискриминации более всего в мире. Так, из африканских государств в «десятку» входят четыре: Сомали, Судан, Эритрея и Ливия¹⁶. В ряде африканских стран действуют исламские террористические группы, например «Боко харам» (в мае 2014 г. Советом Безопасности ООН внесена в список террористических организаций).

Императорское православное Палестинское общество (ИППО), являющееся одной из старейших российских организаций, которое недавно отпраздновало 135-летие со дня своего учреждения, также неоднократно обращало внимание на проблематику дискриминации христиан в мире¹⁷. ИППО призывало национальные, региональные, международные общественные и гуманитарные организации поднять свой голос в защиту прав христиан Северной Африки, отмечая особую роль межрелигиозного диалога¹⁸ с представителями ислама и других традиционных религий. Более того, ИППО призывало мировое сообщество, влиятельные международные структуры и институты выработать эффективный глобальный механизм противодействия дискриминации по религиозному признаку.

В рассматриваемом ракурсе чрезвычайно высокую значимость приобретает принятие 12 февраля 2016 г. в Гаване (Куба) Совместного заявления по итогам встречи Святейшего Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В п. 8 Совместного заявления отмечается следующее: «Наш взор устремлен, прежде всего, к тем регионам мира, где христиане подвергаются гонениям. Во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки наши братья и сестры во Христе истребляются целыми семьями, деревнями и городами. Их храмы подвергаются варварскому разрушению и разграблению, святыни – осквернению, памятники – уничтожению»¹⁹.

Не стоит забывать, что функции НПО ограничены. Крайне важно придать звучание этой проблеме на международной арене в рамках межгосударственных или экспертных форумов, чтобы государства прислушались и обратили внимание на гнет христиан. Для этого есть специальные международные правозащитные механизмы, к которым относятся: договорные органы по правам человека системы ООН, Уни-

11 Африка: Энциклопедия. В 2-х томах. Том 2 / под ред. А. Васильева. - М.: Инфра-М, 2010. - С. 882.

12 Среди таких НПО: «Открытые двери» («Open Doors»), «Помощь Церкви в нужде» («Aid to the Church in Need»), «Международная христианская солидарность» («Christian Solidarity International»), «Обсерватория христианофобии» («Observatoire de la Christianophobie»), «Институт Гейтстоун» («Gatestone Institute»), католическое агентство «Фидес» («Agenzia Fides»), протестантские Фонд «Варнава» и «Международное христианское попечение» («International Christian Concern»), портал Церковно-Научного Центра «Православная Энциклопедия» Седмица.ру, агентство «Благовест-инфо».

13 Extremist Persecution of Christians // Gatestone Institute. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gatestoneinstitute.org/13312/pure-genocide>.

14 La religion la plus persécutée au monde? Le christianisme (Самая преследуемая религия в мире? – Христианство) // Slate.fr. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://inosmi.ru/world/20141103/224051622.html](http://www.slate.fr/story/93959/christianisme%20; Христианство – самая угнетаемая религия // ИноСМИ.ру. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <a href=).

15 Парламент Египта принял закон, облегчающий строительство новых христианских храмов в стране // Православие.Ру. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/parlament-egipta-prinjal-zakon-oblegchajushij-stroitelstvo-novyh-hristianskih-hramov-v-strane>.

16 The Open Doors World Watch List is an in-depth record of the 50 countries where it is most difficult to live as a Christian // Open Doors. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.opendoorsuk.org/persecution/countries/>.

17 См.: например: Заявление Совета ИППО «О защите христиан в регионе Ближнего Востока и Северной Африки», 28 ноября 2012 г. // Императорское Православное Палестинское Общество. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ippo.ru/world/article/zayavlenie-soveta-imperatorskogo-pravoslavnogo-pal-308191>.

18 См.: Межрелигиозный диалог и его роль в деле защиты христиан Ближнего Востока и Северной Африки от преследований: сборник научных статей / под ред. свящ. Д. Сафонова. М., 2017.

19 Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла (12 февраля 2016 г., Гавана) // Официальный сайт Московского Патриархата. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>.

версальный периодический обзор (УПО), специальные процедуры при Совете ООН по правам человека.

Например, в 2015 г. было принято Совместное заявление 65 государств²⁰ «В поддержку прав человека христиан и других общин, в особенности на Ближнем Востоке»²¹, сделанное по инициативе России, Ватикана и Ливана на 28-й сессии Совета ООН по правам человека. Среди прочего в этом Совместном заявлении содержался призыв ко всем государствам мира «подтвердить свою приверженность уважению прав каждого человека, в частности права на свободу вероисповедания, которое закреплено в основополагающих международных документах по правам человека».

Комитет ООН по правам человека, будучи договорным органом по правам человека, например, выражал по отношению к Судану «обеспокоенность по поводу того, что вероотступничество по-прежнему относится к числу уголовных преступлений в государстве-участнике и что другие формы дискриминации немусульман закреплены на уровне законодательства или применяются на практике». Комитет ООН рекомендовал отменить преступление вероотступничества, которое противоречит ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах²².

При прохождении УПО по отношению к Судану также были высказаны соответствующие замечания от Польши («принять законодательство, запрещающее распространение идей, основанных на расовой и этнической ненависти, подстрекательство к расовой дискриминации и насилию, а также обеспечить полное уважение свободы религии или убеждений и права человека представителей этнических и религиозных меньшинств в соответствии с международными нормами в области прав человека») и от Испании («добиться прогресса в деле декриминализации вероотступничества и отмены других законов и практик, противоречащих свободе религии и убеждений»)²³.

Более того, в отношении Судана Независимым экспертом ООН²⁴ была получена информация об арестах и ограничениях свободы религии или убеждений членов хри-

стианских общин²⁵. Независимый эксперт отметил, что ему поступили многочисленные жалобы в связи с приговором, вынесенным Мариам Ибрагим по обвинению в вероотступничестве. Впоследствии она была освобождена из-под стражи по решению Апелляционного суда. Независимый эксперт настоятельно призвал Судан в полной мере соблюдать право на свободу религии без какой бы то ни было дискриминации²⁶.

Представляется, что в целом за последние годы неправительственным организациям удалось не только собрать информацию о дискриминации в отношении христиан в Африке, но и вывести данную проблематику в формат межгосударственных обсуждений в рамках ООН. Думается, что данный шаг будет немало способствовать активизации деятельности на мировой арене с целью борьбы с дискриминацией христиан.

В целом можно констатировать, что объективная проблема дискриминации христиан по всему миру наконец получает свою огласку в рамках различных международных форумов и в ближайшее время международное сообщество примет конкретные шаги в борьбе с этим негативным явлением XXI века, а Россия продолжит уделять этой важной теме особое внимание на различных международных площадках, в том числе в ОБСЕ.

Пристатейный библиографический список

1. Африка: Энциклопедия. В 2-х томах. Том 2 / под ред. А. Васильева. М.: Инфра-М, 2010.
2. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на мероприятии по проблематике безопасности христиан, в особенности на Ближнем Востоке, организованном по инициативе России и Венгрии «на полях» СМВД ОБСЕ (Вена, 7 декабря 2017 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2981131
3. Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Материалы круглых столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко / Под ред. А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновской, Е.В. Киселевой, Е.С. Алисиевич. – М.: Покров ПРО, 2015.
4. Комитет ООН по правам человека. Заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Судана. 19 августа 2014 г. // Документ ООН CCPR/C/SDN/CO/4.
5. Межрелигиозный диалог и его роль в деле защиты христиан Ближнего Востока и Северной Африки от преследований: сборник научных статей / под ред. свящ. Д. Сафонова. М., 2017.
6. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла (12 февраля 2016 г., Гавана) // Официальный сайт Московского Патриархата. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>.

20 Совместное заявление Российской Федерации, Ватикана, Ливана, Австралии, Австрии, Албании, Андорры, Аргентины, Армении, Белоруссии, Бельгии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Бразилии, Великобритании, Венесуэлы, Венгрии, Гаити, Гватемалы, Германии, Гондураса, Греции, Дании, Замбии, Израиля, Ирака, Ирландии, Исландии, Испании, Италии, Канады, Кипра, Конго, Кубы, Лихтенштейна, Люксембурга, Македонии, Мали, Мальты, Монако, Нидерландов, Норвегии, Панамы, Парагвая, Перу, Польши, Португалии, Республики Корея, Румынии, Сальвадора, Сан-Марино, Сербии, Словакии, Словении, Сирии, Сомали, США, Финляндии, Франции, Филиппин, Хорватии, Чехии, Швейцарии, Эстонии и Японии.

21 Совместное заявление 65 государств «В поддержку прав человека христиан и других общин, в особенности на Ближнем Востоке», сделанное по инициативе России, Ватикана и Ливана на 28-й сессии Совета ООН по правам человека, Женева, 13 марта 2015 г. // Официальный сайт МИД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/1092273; Joint Statement on “Supporting the Human Rights of Christians and Other Communities, particularly in the Middle East” at the 28th Session of the Human Rights Council (Geneva, 13 March 2015) // Сайт пресс-службы Ватикана. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2015/03/13/0186/00415.html>.

22 Комитет ООН по правам человека. Заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Судана. 19 августа 2014 г. // Документ ООН CCPR/C/SDN/CO/4.

23 Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору. Судан. 2016 г. // Документ ООН A/HRC/33/8. П. 138.28, 140.24.

24 Подборка, подготовленная Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека в соответствии с пунктом 15 b) приложения к резолюции 5/1 Совета по правам человека и пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета. Судан. 2016г. // Документ ООН A/HRC/WG.6/25/SDN/2.

25 Report of the Independent Expert on the situation of human rights in the Sudan, Aristide Nononssi. 2015 // UN Doc. A/HRC/30/60. Par. 30.

26 См.: Доклад Независимого эксперта по вопросу о положении в области прав человека в Судане Масхуда А. Бадерина. 2014 г. // Документ ООН A/HRC/27/69. П. 29, 43.

КИСЕЛЕВА Екатерина Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Юридического института
Российского университета дружбы народов

ПОНЯТИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРАВУ НА СВОБОДУ МЫСЛИ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАВООЩИТНЫХ СТРУКТУР*

Статья посвящена исследованию существующих международно-правовых основ противодействия дискриминации с особым акцентом на применимость их к защите христиан от несправедливо неравного обращения. Автор опирается на положения международного права о недискриминации с одной стороны, и о защите права на свободу мысли, совести и религии с другой. Цель работы достигается через раскрытие основных подходов к дискриминации в целом, выделение отдельных видов дискриминации, особо значимых применительно к дискриминации христиан, через обобщение организационных форм межгосударственного сотрудничества по вопросам дискриминации в праве на свободу вероисповедания с особым вниманием к защите от дискриминации христиан и через исследование содержания права на свободу мысли, совести и религии с выявлением аспектов, тесно связывающих провозглашенную свободу и практику ее дискриминационного нарушения применительно к христианам. Примеры региональных норм международного права, включая их международно-правовую интерпретацию, взяты преимущественно из практики Совета Европы, страновые примеры – по европейским государствам.

Ключевые слова: право, международное право, защита прав человека, дискриминация, дискриминация по признаку вероисповедания, дискриминация христиан.

KISELEVA Ekaterina Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

NOTION OF DISCRIMINATION IN RELATION TO THE RIGHT TO FREEDOM OF THOUGHT, CONSCIENCE AND RELIGION: NORMS OF INTERNATIONAL LAW AND PRACTICE OF UNIVERSAL AND REGIONAL HUMAN RIGHTS PROTECTION STRUCTURES**

The article is a research of the existing international legal framework for combating discrimination, with particular emphasis on the applicability of that framework to the protection of Christians from unjust unequal treatment. The author employs the provisions of international law on non-discrimination on the one hand, and, on the other hand, on the protection of the right to freedom of thought, conscience and religion. The goal of the work is achieved through disclosing the main approaches to discrimination in general, highlighting certain types of discrimination that are particularly relevant to discrimination against Christians, through aggregating organizational forms of interstate cooperation on discrimination in the right to freedom of religion with particular attention to protecting Christians from discrimination, and through studying the right to freedom of thought, conscience and religion resulting in identification of aspects that closely link the proclaimed freedom and practice of its discriminatory violations against Christians. Examples of regional norms of international law, including their international legal interpretation, are taken mainly from the practice of the Council of Europe, country examples are taken from European countries.

Keywords: law, international law, human rights protection, discrimination, discrimination based on religion, discrimination against Christians.

Киселева Е. В.

«Исторический опыт ский опыт показывает, что попра-
ние свободы совести неизбежно сопровождается авторита-
ризацией власти, массовыми нарушениями прав человека,
усилением нестабильности в международных отношениях и
глобальными угрозами».

С.А. Бурьянов¹

В мире, где христиане составляют большинство по са-
мым разным оценкам², должно казаться парадоксальным

- 2 См., например: Динамика численности религий в мире. Сост. по World Christian Encyclopedia. 2nd edition. A comparative survey of churches and religions in the modern world. Oxford University Press. 2001 / Съезд лидеров мировых и традиционных религий. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.religions-congress.org/content/view/130/35/lang.russian/>; Hackett C., McClendon D. Christians remain world's largest religious group, but they are declining in Europe. April 5, 2017. Pew Research Centre. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/05/christians-remain-worlds-largest-religious-group-but-they-are-declining-in-europe/>. Примечательно, что статистические изыскания и обобщения на уровне ООН на тему распространенности религий в мире не являются в надлежащей степени доступными и разработанными, несмотря на глубину и разносторонность статистической работы, проводимой ООН в целом. См. имеющиеся данные по религии, полу и городско-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00292.

** The article was prepared in frames of the Project 18-011-00292 supported by the Russian Foundation for Humanities.

1 Бурьянов С.А. Международно-правовые нормы о свободе совести и защите от нетерпимости и дискриминации: проблемы соотношения и повышения эффективности // Образование и право. 2016. № 11. С. 76.

существование дискриминации христиан. Ещё более удивительной должна представляться дискриминация христиан в государствах - наследниках христианской традиции. Однако факты свидетельствуют о всё большем распространении дискриминации христиан, в частности, в Европе. Настоящая статья посвящена исследованию существующих международно-правовых основ противодействия дискриминации с особым акцентом на применимость их к защите христиан, особенно в европейских государствах, от несправедливо неравного обращения, с двоякой опорой: на положения международного права о недискриминации и о защите права на свободу совести, религии и убеждений. Примеры региональных норм международного права, включая их международно-правовую интерпретацию, взяты преимущественно из практики Совета Европы, страновые примеры – по европейским государствам.

Вводные замечания. В то время, как религия относится к числу самых устоявшихся оснований, проводить различия по которым презюмируется неправомерным³, последние десятилетия свидетельствуют о развитии нескольких тенденций касательно прав человека и вероисповедания, требующих как возврата к осмыслению основ международно-правового сотрудничества по вопросам защиты от дискриминации, так и конкретизации отдельных аспектов, прежде в такой конкретизации нуждавшихся в значительно меньшей степени.

Одну из тенденций можно обозначить как увеличение доли населения мира, не относящей себя к приверженцам какого бы то ни было вероисповедания вообще, что в значительной степени относится к традиционно христианским обществам западноевропейских государств⁴. Другая тенденция может быть сформулирована как нарастание напряженности между защитой права на свободу совести и вероисповедания в контексте защиты религиозных меньшинств и поправлением свободы вероисповедания номинального большинства, которое имеет место прежде всего, в государствах европейской культуры применительно к христианам, поскольку христианство в культурном смысле еще признается как имеющее право на защиту⁵, но верующие христиане, как люди, чьи поступки определяет Священное Писание, а не новейшие идеи постгуманистического плана, нередко получают отказ в защите своих прав⁶.

С учетом того, что движущей силой развития правозащитной повестки дня международного сообщества в целом можно определенно считать государства Запада, сочетание двух тенденций приводит к распространению практики на-

вязывания безрелигиозности как стандарта в противоположность уважению традиционных и иных верований. Христиане становятся жертвой нарушений прав человека в нескольких проекциях: христиане, составляющие меньшинство в государствах, где контроль над отдельными участками территории захватывают террористические группы, истребляются в физическом смысле этого слова, подвергаются гонениям в смысле создания невозможных для продолжения жизни условий; вынужденные мигранты из государств Северной Африки и Ближнего Востока, получившие защиту или находящиеся в поиске нее на территории европейских государств и принявшие христианство, подвергаются нападениям и насилию прямо в лагерях беженцев; христиане – граждане государств – наследников христианской традиции ущемляются в правах по причине христианских убеждений, их святыни часто безнаказанно оскверняются, и проч. И всё это происходит при значительном игнорировании государствами проблем нарушения прав человека христиан как в мире вообще, так и под собственной юрисдикцией, в частности.

Нижеследующий материал иллюстрирует отмеченные проблемы (преимущественно третьей группы – относящиеся к дискриминации христиан в государствах Западной Европы) через раскрытие основных подходов к дискриминации в целом, выделение отдельных видов дискриминации, особо значимых в рассматриваемом контексте, через обобщение организационных форм межгосударственного сотрудничества по вопросам дискриминации применительно к праву на свободу совести и вероисповедания с особым вниманием к защите от дискриминации христиан и через исследование содержания права на свободу мысли, религии и убеждений с выявлением аспектов, тесно связывающих провозглашенную свободу и практику ее дискриминационного нарушения применительно к христианам.

Международно-правовые подходы к дискриминации. Отталкиваясь от общего понимания дискриминации как несправедливого неравенства, можно выделить три модели подхода к дискриминации, которые выработало международное сообщество, отразив их в различных международно-правовых документах. Три подхода условно можно обозначить как оценочный, техничный и схематичный.

Оценочный подход к дискриминации отражен в международно-правовых актах, имеющих рекомендательный характер: Декларации Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 20 ноября 1963 г. (ст. 1), Декларации ООН о ликвидации дискриминации в отношении женщин от 7 ноября 1967 г. (ст. 1) и других, а также, отчасти, в преамбулах соответствующих международных договоров. В этих документах дискриминация увязывается как с посягательством на человеческое достоинство (оскорблением достоинства, преступлением против него), нарушением закрепленных в международных правовых актах прав человека, так и с серьезными последствиями для межгосударственных отношений: оно осуждается как отрицание принципов Устава ООН, обозначается как препятствие к поддержанию дружественных и мирных отношений между государствами, как обстоятельство, могущее нарушить международный мир и безопасность. В этом ключе ст. 3 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г. гласит: «Дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и осуждается как наруше-

му/сельскому месту проживания: Population by religion, sex and urban/rural residence // Demographic statistics database / United Nations Statistics Division. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://data.un.org/Data.aspx?d=POP&f=tableCode%3A28>.

3 См., например: Moeckli D. Human rights and non-discrimination in the 'war on terror'. New York: Oxford University Press, 2008. P. 81-84.

4 См.: Динамика численности религий в мире. Сост. по World Christian Encyclopedia. 2nd edition. A comparative survey of churches and religions in the modern world. Oxford University Press. 2001 / Съезд лидеров мировых и традиционных религий. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.religions-congress.org/content/view/130/35/lang.russian/>.

5 См., например, решение Европейского Суда по правам человека по делу Лаутси и др. против Италии 2011 г.: Case of Lautsi and others v. Italy. Grand Chamber. Judgement. 18 March, 2011.

6 См., например: Kishi C. Christians faced widespread harassment in 2015, but mostly in Christian-majority countries. June 9, 2017 // Pew Research Centre. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/09/christians-faced-widespread-harassment-in-2015-but-mostly-in-christian-majority-countries/>.

ние прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами».

Так называемый *технический подход* можно найти в конкретных международных договорах, дающих определения дискриминации (общего определения дискриминации в международных договорах нет): в Конвенции Международной организации труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий 1958 г. (относящейся к числу основополагающих; ст. 1); Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г. (ст. 1); Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (ст. 1) и др. Подобные определения детализируют форму выражения дискриминации (различие, исключение, ограничение или предпочтение), признаки, по которым она запрещена в конкретном документе (например, расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства), связь составляющего дискриминацию деяния с нарушением прав человека (последнее может быть целью или следствием) и круг прав и свобод и/или сфер общественной жизни, где такая дискриминация запрещается (всех прав и свобод; всех прав и свобод, гарантированных соответствующим документом; прав и свобод применительно к конкретной области общественных отношений); иногда документ фиксирует примеры конкретных нарушений прав человека, составляющих дискриминацию. Например, в Конвенции о правах инвалидов 2006 г. дается определение дискриминации по признаку инвалидности в следующем виде: «любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области. Она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении» (ст. 2)⁷.

Применительно к сфере религии специальный договор не был принят, но подобное техническое определение можно найти в ч. 2 ст. 2 уже упомянутой Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г.: «в целях настоящей Декларации выражение “нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений” означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод».

Третий, *схематичный подход* к определению дискриминации заключается в понимании ее как различного обращения, препятствующего полной реализации прав человека (первый элемент), для которого отсутствует законная цель (второй элемент) или – при наличии законной цели – непропорционального (неразумного, необъективного) дости-

жению такой цели (третий элемент). Такой подход можно проследить, наряду с техничным (п. 7), например, в Замечании общего порядка Комитета по правам человека № 18 о недискриминации 1989 г., где он дан от противного: «В заключение Комитет отмечает, что не всякое различие в обращении представляет собой дискриминацию при условии, что критерии такого различия являются разумными и объективными, а задача состоит в том, чтобы достичь цель, которая допускается по Пакту» (п. 13)⁸.

Все три данных подхода служат одной цели – защите человека от дискриминации – и взаимно обогащают друг друга. Ввиду всеобщего признания, начиная с Устава ООН, религии в качестве запрещенного критерия для проведения различий очевидна значимость этих подходов и для защиты от дискриминации конкретно христиан.

Отдельные виды дискриминации. Кроме определений дискриминации, для практической защиты христиан от дискриминации имеет значение также понимание некоторых видов дискриминации, выделяемых как в доктрине⁹, так и на практике¹⁰.

Одним из наиболее распространенных критериев дискриминации является связь с правовым установлением и/или практикой его применения, когда речь идет о прямой и косвенной дискриминации. При прямой дискриминации имеет место дискриминационное предписание нормативно-правового акта (например, запрет христианам занимать определенные должности¹¹) или дискриминационное применение нормативно-правового акта, не являющегося дискриминационным самого по себе (например, непроведение надлежащих расследований по преступлениям, совершенным против христиан, при достаточной добросовестности в отношении других групп лиц¹²). В таком случае мы имеем дискриминацию в качестве цели нормативно-правового акта или правоприменения. При косвенной дискриминации нормативно правовой акт является внешне нейтральным, но его надлежащее применение ведет к дискриминационным последствиям (результатам), например: закон, утверждающий

8 Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 18 – Недискриминация (1989 год) / УВКПЧ ООН. Док. ООН HRI/GEN/1/REV.9(VOL.I). С. 251–254. См. также: Handbook on European non-discrimination law. 2018 edition / European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Handbook_non_discr_law_ENG.pdf. Особенно п. 92–93.

9 См., например: Варламова Н.В. Международно-правовые стандарты защиты от дискриминации // Защита личности от дискриминации. В 3 т. Т. 1 / [Дикман С.С. и др.]. – М.: Новая юстиция, 2009. 424 с. – (Юристы за конституционные права и свободы). С. 10 и далее; Соболева А.К. Юридическая концепция дискриминации // Дикман С.С. и др. Защита личности от дискриминации. Методические рекомендации для преподавателя. М.: Новая юстиция, 2009. С. 9–13; Vandenhoe W. Non-discrimination and Equality in the View of the UN Human Rights Treaty Bodies. Intersentia nv, 2005. P. 33–36.

10 См., например: Handbook on European non-discrimination law. 2018 edition / European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Handbook_non_discr_law_ENG.pdf. P. 39–90.

11 Только мусульмане могут быть членами комиссии по правам человека Мальдивских островов: Заключение замечания Комитета по ликвидации расовой дискриминации. Мальдивские Острова. 14 сентября 2011 г. Док. ООН CERD/C/MDV/CO/5-12. П. 9.

12 См., например: Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений Хайнера Билефельдта. Миссия на Кипр. 24 декабря 2012 г. Док. ООН A/HRC/22/51/Add.1. П. 83 на основе п. 42–52 и др.

7 Примечательно, что концепция «разумного приспособления» в последнее время рассматривается в качестве способа защиты права христиан действовать в соответствии со своими убеждениями, несмотря на противные требования государства, работодателей. См., например: Tackling intolerance and discrimination in Europe with a special focus on Christians. Parliamentary Assembly. Council of Europe. Resolution 2036 (2018). 29 January, 2015. Paras. 1, 2.

равенство по признаку сексуальной ориентации, является основанием для привлечения к ответственности христиан, не желающих в силу убеждений готовить торты для празднования гей-«свадеб» или сдавать для этой цели рестораны или комнаты в гостинице¹³. Если прямая дискриминация – это дефект нормативно-правового акта или правоприменения, то косвенная дискриминация – только нормативно-правового акта.

Другой вариант классификации дискриминирующих актов, не всегда выделяемый и не всеми разделяемый, заключается в связи понятий дискриминации и насилия, когда говорят о насильственной либо ненасильственной дискриминации¹⁴. Ненасильственная дискриминация, думается, не нуждается в пояснении, а вот насилие в отношении группы лиц порой выделяется как одна из форм дискриминации (что стало, например, правовой основой международно-правового осуждения насилия в отношении женщин¹⁵, а применительно к христианам выражается в буквальных гонениях за веру), а иногда – как смежное деяние, о котором говорят наряду с дискриминацией (как например, в отношении преступлений по религиозному признаку)¹⁶. Касательно посягательств на права человека христиан невозможно однозначно обозначить подход: при фиксации нарушений насильственные действия учитываются¹⁷, но в документах обычно озвучиваются «через запятую» с дискриминацией¹⁸.

Примечательным для дискриминации по признаку вероисповедания является выделение дискриминации на основе или во имя какой-либо религии¹⁹.

Отмеченные примеры группировки актов дискриминации позволяют четче представить себе специфику отдельных проблем, которые удостоились к настоящему моменту обособленного регулирования, в данном случае, в сотрудничестве между государствами на универсальном и региональном уровнях.

Формы сотрудничества государств по искоренению дискриминации. Если дополнительно затронуть вопрос об организационных формах межгосударственного сотрудничества по вопросам дискриминации применительно к праву на свободу совести и вероисповедания с особым вниманием к защите от дискриминации христиан, то следует выделить, как минимум, следующие: конкретизация международно-правовых обязательств государств по вопросам искоренения

дискриминации²⁰; рассмотрение докладов государств органами экспертного и политического состава на предмет выполнения международно-правовых обязательств²¹; привлечение внимания международного сообщества и соответствующих государств к конкретным правозащитным проблемам в данной сфере²²; непосредственно защита пострадавших от дискриминации лиц с помощью как судебных, так и квазисудебных процедур²³.

Право на свободу вероисповедания. Касательно права на свободу совести, религии и убеждений в международном праве был отражен ряд элементов этого права, имеющих разное соотношение между правомочиями индивида и возможностью государств их ограничивать.

Среди источников международного права по рассматриваемому вопросу можно назвать как декларативные, так и договорные инструменты: Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. (ст. 18), Европейскую Конвенцию прав и свобод человека 1950 г. (ст. 9), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 18), упоминавшуюся Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г. (ст. 1) и др. Так, ст. 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. детализирует это положение: «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении. 2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. 3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной без-

13 См. конкретные примеры: Report 2014. Europe: The problem of intolerant equality laws. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.intoleranceagainstchristians.eu/index.php?id=27>. Р. 7-8, 10.

14 См., например: Соболева А.К. Юридическая концепция дискриминации // Дикман С.С. и др. Защита личности от дискриминации. Методические рекомендации для преподавателя. М.: Новая юстиция, 2009. С. 9-10.

15 См., например, о европейском регионе: Handbook on European non-discrimination law. 2018 edition / European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Handbook_non_discrim_law_ENG.pdf. Р. 19-20, 66.

16 См., например: Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief, Asma Jahangir. 21 December 2009. UN Doc. A/HRC/13/40. Part III.

17 См., например: Report 2018 / Observatory on intolerance and discrimination against Christians in Europe. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.intoleranceagainstchristians.eu/index.php?id=50>.

18 Другой пример: Резолюция, принятая Советом по правам человека 22 марта 2018 г. Свобода религии и убеждений. Док. ООН А/НRC/RES/37/9. Абз. 5 преамбулы, п. 3 и др.

19 См.: Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief, Asma Jahangir. 21 December 2009. UN Doc. A/HRC/13/40; и др.

20 См., например: Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 22 (48) (статья 18) от 27 сентября 1993 г. Док. ООН CCPR/C/21/Rev.1/Add.4; Солнцев А.М., Конева А.Е. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 82-93.

21 См., например: Комитет по правам ребенка. Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 12 июля 2016 г. Док. ООН CRC/C/GBR/CO/5; Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Договорные органы по правам человека: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М: РУДН, 2015; Абашидзе А.Х., Гольтаев А.О. Универсальные механизмы защиты прав человека. — М: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

22 См., например: Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений о его миссии в Данию. Записка секретариата от 28 декабря 2016 г. Док. ООН А/НRC/34/50/Add.1; Резолюция, принятая Советом по правам человека 22 марта 2018 г. Свобода религии и убеждений. Док. ООН А/НRC/RES/37/9.

23 См.: Vandenhoe W. Non-discrimination and Equality in the View of the UN Human Rights Treaty Bodies. Intersentia, 2005. Р. 110, 123, 140 и др.; Мнения договорных органов по правам человека по сообщениям (жалобам) : практикум / отв. ред. А. Х. Абашидзе. — Москва : РУДН, 2017. — 148 с.

опасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. 4. Участвующие в настоящем Пакте Государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов, обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями».

Соответственно, в качестве элементов права на свободу вероисповедания можно обозначить следующие: право иметь, принимать или менять религию; исповедовать религию; воспитывать детей (включая аспект образования) в соответствии со своей религией. Второй элемент конкретизируется по нескольким направлениям – исповедовать религию человек может единолично и/или сообща с другими; публично и/или частным порядком; реализуя это в отправлении культа, исполнении обрядов, в учении. Характерно, что, с позиций действующего международного права, только этот элемент права на свободу вероисповедания может быть правомерно ограничен государством и лишь при соблюдении перечисленных условий.

В связи с проблемами дискриминации христиан можно отметить несколько аспектов развития (или «развития») понимания права на свободу вероисповедания, среди которых важнейшим, наверное, можно назвать связь между убеждениями человека и его поступками в жизни. Ставшее крылатым выражение «вера без дел мертва», на самом деле взято из Соборного послания апостола Иакова, которое в соответствующей части носит далеко не абстрактный и не обрядовый характер и полностью звучит так: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “идите с миром, грейтесь и питайтесь”, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2:14-17).

В новейшей же практике имеется тенденция рассматривать религию в теоретическом и/или перформансном (обрядовом) ключе, но не в смысле того, что вера человека определяет поступки, начиная от бытового уровня (кому печь торт для торжества, а кому нет)²⁴ или, альтернативно, рассматривать вопрос защиты веры человека как менее значимой, чем защита иных прав или иных прав иных групп лиц (прежде всего, сексуальных меньшинств)²⁵.

Кроме этого, международно-правовые нормы толкуются как не дающие права государству оценивать вероучительные положения по существу (как истинные или ложные, соответствующие канонам веры или не соответствующие и т.п.), из чего логическим следствием является обязательство

государства сохранять нейтралитет²⁶ и равным образом защищать многообразные теистические, нетеистические и атеистические убеждения лиц, находящихся под его юрисдикцией²⁷, а также правомерность преподавания основ вероучения (даже в культурологическом ключе) только при предоставлении возможности альтернативы и/или исключения в отношении желающих таковых²⁸.

Еще один аспект новейшей практики, покушающейся на свободу вероисповедания в дискриминационном ключе, находится в сфере образования, когда убеждения родителей перестают рассматриваться в качестве приоритетных для детей в пользу неких идей, продвигаемых государством через систему образования, право на которое в понимании государства начинает ставиться выше, чем в понимании родителей²⁹.

Некоторые выводы. Действующее международное право содержит достаточно разработанный категориальный и организационный аппарат по противодействию и искоренению дискриминации, применимый, в том числе, и к делам по защите от дискриминации христиан. Предложенный вариант обобщения нормативных подходов к дискриминации (где выделяются оценочный, техничный и схематичный подходы) следует понимать как отражающий разностороннее и взаимно усиливающее значение различных подходов, каждый из которых и все они в совокупности могут быть использованы в защите христиан от дискриминации.

Многие виды дискриминационных практик, выделяемые наукой и правоприменением международного уровня, примеры которых приведены в статье, также отражают отдельные аспекты нарушения прав человека по признаку вероисповедания, которым должен быть положен конец.

Анализ права на свободу мысли, совести и религии в контексте дискриминации позволил выявить и представить читателю отдельные аспекты и примеры эволюции права на свободу вероисповедания, где в отношении христиан, в данном случае, европейских государств нарушаются гарантированные международным правом универсального и регионального уровней права человека.

24 См., например, в этом ключе рассуждения о соотношении понятий «свободы совести» и «свободы вероисповедания»: Скиданова А.Е., Кошелев Е.В. Проблема соотношения правовых категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 100-102.

25 Как в решении ЕСПЧ по делу Эвейда и др. против Великобритании 2013 г. См., например: Киселева Е.В. Традиционное отношение к семье в свете решения ЕСПЧ по делу “Эвейда и другие против Великобритании” // Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Материалы круглых столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы современного международного права”, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко / Под ред А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновы, Е.В. Киселевой, Е.С. Алисиевич. М.: Покров ПРО, 2015. С. 198-205.

26 См.: Мердок Дж. Защита права на свободу совести, мысли и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Совет Европы, Страсбург, 2012. Серия «Пособия по правам человека Совета Европы». С. 47-48. Некоторые авторы говорят даже о недостаточной закреплённости принципа «мировоззренческого нейтралитета государств и других субъектов международного права». См.: Бурьянов С.А. Международно-правовые нормы о свободе совести и защите от нетерпимости и дискриминации: проблемы соотношения и повышения эффективности // Образование и право. 2016. № 11. С. 79.

27 См.: Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 18 – Недискриминация (1989 год) / УВКПЧ ООН. Док. ООН HRI/GEN/1/REV.9(VOL.I). П. 2; Guide on Article 9 of the European Convention on Human Rights. Freedom of thought, conscience and religion / Council of Europe, Directorate of Jurisconsult, updated on 31 May 2018. Para. 10.

28 Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 18 – Недискриминация (1989 год) / УВКПЧ ООН. Док. ООН HRI/GEN/1/REV.9(VOL.I). П. 6; Guide on Article 9 of the European Convention on Human Rights. Freedom of thought, conscience and religion / Council of Europe, Directorate of Jurisconsult, updated on 31 May 2018. Para. 109-110.

29 Как, например, было провозглашено Европейским Судом по правам человека в решении по делу Османоглу и Кочабаш против Швейцарии 2017 г. Ср.: Семенова Н.С. Традиционные ценности в «прав ЛГБТ» в рамках реализации права на образование: международно-правовой подход // Вестник РУДН. Серия “Юридические науки”, 2016. № 4. С. 82-98.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А.Х., Гольтяев А.О. Универсальные механизмы защиты прав человека. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
2. Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Договорные органы по правам человека: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РУДН, 2015.
3. Бурьянов С.А. Международно-правовые нормы о свободе совести и защите от нетерпимости и дискриминации: проблемы соотношения и повышения эффективности // Образование и право. 2016. № 11. С. 75-80.
4. Варламова Н.В. Международно-правовые стандарты защиты от дискриминации // Защита личности от дискриминации. В 3 т. Т. 1 / [Дикман С.С. и др.]. – М.: Новая юстиция, 2009. 424 с. – (Юристы за конституционные права и свободы). С. 9-22.
5. Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Материалы круглых столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы современного международного права”, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко / Под ред А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновой, Е.В. Киселевой, Е.С. Алисиевич. – М.: Покров ПРО, 2015.
6. Мердок Дж. Защита права на свободу совести, мысли и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. – Совет Европы, Страсбург, 2012. Серия «Пособия по правам человека Совета Европы».
7. Мнения договорных органов по правам человека по сообщениям (жалобам) : практикум / отв. ред. А. Х. Абашидзе. – Москва : РУДН, 2017.
8. Семенова Н.С. Традиционные ценности в «прав ЛГБТ» в рамках реализации права на образование: международно-правовой подход // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки», 2016. № 4. С. 82-98.
9. Скиданова А.Е., Кошелев Е.В. Проблема соотношения правовых категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74). С. 100-102.
10. Соболева А.К. Юридическая концепция дискриминации // Дикман С.С. и др. Защита личности от дискриминации. Методические рекомендации для преподавателя. – М.: Новая юстиция, 2009. С. 6-14.
11. Солнцев А.М., Конева А.Е. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 82-93.
12. Guide on Article 9 of the European Convention on Human Rights. Freedom of thought, conscience and religion / Council of Europe, Directorate of Jurisconsult, updated on 31 May 2018.
13. Hackett C., McClendon D. Christians remain world's largest religious group, but they are declining in Europe. April 5, 2017. Pew Research Centre. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/05/christians-remain-worlds-largest-religious-group-but-they-are-declining-in-europe/>.
14. Handbook on European non-discrimination law. 2018 edition / European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Handbook_non_discrim_law_ENG.pdf.
15. Kishi C. Christians faced widespread harassment in 2015, but mostly in Christian-majority countries. June 9, 2017 // Pew Research Centre. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/09/christians-faced-widespread-harassment-in-2015-but-mostly-in-christian-majority-countries/>.
16. Moeckli D. Human rights and non-discrimination in the 'war on terror'. New York: Oxford University Press, 2008.
17. Vandenhoe W. Non-discrimination and Equality in the View of the UN Human Rights Treaty Bodies. Intersentia nv, 2005.

КОЛЕСНИКОВ Алексей Юрьевич

аспирант кафедры конституционного и международного права Белгородского национального исследовательского государственного университета

ЗАЩИТА ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В настоящей статье анализируется текущее состояние института защиты традиционных семейных ценностей, а также производится сравнительно-правовой анализ международно-правовых норм, касающихся защиты традиционной семьи.

Ключевые слова: права человека, традиционная семья, традиционные ценности, международно-правовые акты, либеральные реформы, европейские страны, исламская религия.

KOLESNIKOV Aleksey Yurjevich

postgraduate student of Constitutional and international law sub-faculty of the Belgorod National Research State University

Колесников А. Ю.

PROTECTION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES IN INTERNATIONAL LAW

This article analyzes the current state of the institution for the protection of traditional family values, and also provides a comparative legal analysis of international legal norms relating to the protection of traditional families.

Keywords: human rights, traditional family, traditional values, international legal acts, liberal reforms, European countries, Islamic religion.

Защита прав человека невозможна без существования института защиты традиционных семейных ценностей. До сих пор семья является образующей общество категорией. Более того, как ни странно, традиционная семья является наиболее прогрессивным и приемлемым видом союза в обществе. Такой вывод может подвергнуться сомнению в виду набирающих популярность случаев легализации однополых браков, снятия запретов на усыновление детей однополыми родителями и прочих новшеств. Однако данные случаи, на наш взгляд, не составляют тенденцию. Это лишь частные проявления, обусловленные либерализацией социальной политики в отдельных государствах. Причины таких «уступок» со стороны некоторых европейских государств, на наш взгляд, обусловлены экономическими факторами, а именно кризисом финансовой системы. Подобные послабления в социальной сфере должны снять напряженность в отдельных немногочисленных средах и, одновременно, переключить внимание большинства населения на те противоречия, которые возникают в связи с обозначенными выше реформами.

В абсолютном большинстве случаев, повторим еще раз, традиционная семья по-прежнему является не только приемлемым видом человеческого союза, но и прогрессивным способом организации человеческого сообщества. Никакие либеральные реформы не привели, до сих пор, к повальному отказу людей от традиционных устоев семейных отношений, современная семья постепенно видоизменяется, естественным образом трансформируется, прежде всего в связи с развитием производственных отношений внутри общества, а не в угоду воли отдельных реформаторов. Таким образом, реформы, направленные на разрушение традиционной семьи, несостоятельны как способ, так как они противоречат всеобщей тенденции и лишь опрометчиво возводят отдельные маргинальные проявления человеческих отношений в правило.

Однако несостоятельность мер по разрушению традиционной семьи не обозначает, что данные меры безопасны и безвредны. Очевидная сегодня фашизация общества, то есть

процесс становления такой власти, идеология которой опирается на репрессивный режим, направленный на подавление как раз таки прогрессивных движений и на уничтожение любой возможности народовластия, может привести к такой ситуации, при которой традиционная семья и нетрадиционные семейственные союзы поменяются местами. В этом случае традиционная семья станет объектом жесточайших гонений и будет нуждаться не только в юридической защите, как сейчас, но и будет объектом гражданской обороны.

Верно, на наш взгляд, оценивает текущую ситуацию доктор юридических наук Л. Б. Смирнов: «Традиционная семья как ячейка общества и государства, по замыслу глобалистов является одним из главных препятствий на пути ликвидации государств и, поэтому, подлежит разрушению в первую очередь»¹.

В этой связи, сегодня международное законодательство должно внимательнейшим образом отнестись к созданию механизмов по защите традиционных семейных ценностей. Чтобы сформировать целый комплекс мер по защите указанного объекта, в первую очередь, следует верно определить текущие обстоятельства, в которых находится институт защиты традиционных семейных ценностей как международно-правовой категории.

В этой связи, сравним наиболее значимые международно-правовые нормы, касающиеся защиты прав человека.

Во «Всеобщей декларации прав человека»², на наш взгляд, содержится несколько положений, которые напрямую касаются защиты традиционной семьи, однако формулировка данных положений напрямую этого не отражает.

Так, ст. 12 декларации содержит положение о защите личной и семейной жизни человека. Очевидно, что под неприкосновенностью «семейной жизни» понимается именно

1 Смирнов Л. Б. Традиционная семья, как объект посягательства со стороны глобальной олигархической власти (ГОВ) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 21-24.

2 Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», 10.12.1998.

традиционная семья, по крайней мере, не имеется в виду нечто прямо противоположное.

Далее, в ст. 16 декларации напрямую вводится категория «мужчин и женщин», имеющих право основать семью, при этом резюмируется согласие сторон на вступление в брак, гарантируется недопущение дискриминации. Подчеркивается, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». Для нас категория «естественности и основной ячейки общества» - семьи является наиболее значимой.

Кроме того, ст. 28 декларации, подводя итог всему нормативному акту, устанавливает право человека на «социальный и международный порядок», гарантирующий права и свободы, изложенные в декларации.

Таким образом, какой бы «международный порядок» не был образован, каждый имеет право быть его частью или право быть свободным от него.

Теперь обратимся к «Африканской Хартии Прав Человека и Народов»³, в которой раздел 1 части 1 Хартии полностью посвящен правам человека и народов.

Хартия содержит несколько норм, косвенно оговаривающих права человека, затрагивающих семейные правоотношения, так, например, ст. 8 Хартии предусматривает «свободу совести» и «свободного отправления религиозных обрядов». Таким образом, религиозные нормы, чтобы они не предполагали, не могут влиять на образ жизни человека и не могут быть основанием для воздействия на институты общества. Однако конкретных способов защиты семьи данное положение не содержит.

Иные положения содержит ст. 18 Хартии, где семья, как и в анализируемой выше Декларации, «является ячейкой и основой общества». Однако далее, в п. 2 Хартии следуют более конкретные положения, которые содержат следующее: «Обязанностью государства является оказание помощи семье, которая является хранителем морали и традиционных ценностей, признанных обществом». Полагаем, что комментарии данного пункта статьи излишни – очевидно, что Хартия содержит норму, напрямую направленную на защиту именно «традиционных ценностей», что является, безусловно, позитивным качеством всего международно-правового источника.

Продолжая наше исследование, обратимся к «Всеобщей исламской декларации прав человека»⁴. Данная декларация, имеет положения, которые косвенно касаются института семьи, так, ст. 10, 12, и 13 затрагивают интересы «меньшинств», содержат права на свободу вероисповедания и религии. Так же, как и в случае анализа «Африканской хартии прав человека и народов», мы можем сделать вывод о наличии определенной степени свободы человека от религиозных норм, что естественно может распространяться и на некоторые аспекты семейных правоотношений, опять же косвенно.

Напрямую затрагивают семейные правоотношения положения ст. 19 Декларации «Право на создание семьи и связанные с этим вопросы». Прочитав некоторые положения статьи: «а) Каждый имеет право на брак, создание семьи и воспитание детей в соответствии со своей религией, традициями и культурой» - данный пункт гарантирует защиту семьи в соответствии с религией членов семьи. Очевидно, что все официальные религии предполагают обязательность традиционных ценностей. Таким образом, защищая религиозный брак, декларация защищает и традиционную семью. «в) Каждый мужчина, состоящий в браке, обязан содержать

жену и детей в соответствии со своими средствами» - категории брака определены прямо: мужчина, жена и дети. Таким образом, вопрос об однополых браках снимается, тот же вывод вытекает из следующего положения: «з) В рамках семьи мужчина и женщина должны обладать правом делить между собой обязанности и ответственность в соответствии с полом, способностями, природными возможностями и долгом». Далее, положения ст. 20 декларации «Права замужней женщины» неоднократно подтверждают, что исламские страны рассматривают в качестве жены исключительно женщину, а в качестве мужа исключительно мужчину.

Таким образом, исследуемая Декларация, основанная на положениях исламской религии, естественным образом является гарантом сохранения традиционных семейных ценностей для исламских стран.

Аналогичный вывод можно сделать, анализируя «Каирскую декларацию о правах человека в исламе»⁵. Ст. 5 Декларации закрепляет положения, которые напрямую обеспечивают защиту традиционной семьи: «а) Семья является основой общества и зарождается в результате брака. Мужчины и женщины имеют право сочетаться браком и никакие ограничения по признаку расы, цвета кожи или национальности не могут препятствовать воспользоваться им этим правом». Вновь категория: «мужчины» и «женщины» становится единственно возможной для создания брачных правоотношений.

Ранее мы неоднократно анализировали международные акты, касающиеся защиты прав человека и относящиеся к европейским странам. В данной работе мы приводим для сравнения только «Всеобщую декларацию прав человека» как наиболее показательный международно-правовой акт. В этой связи, мы можем сделать вывод о том, что международное право озабочено интересами семьи, но конкретно защитой традиционных семейных ценностей обеспокоены, в основном, страны традиционного общественно-государственного устройства. Нормы международного права, распространяющиеся на европейские страны, не содержат конкретных положений, касающихся защиты традиционных семейных отношений. Данные нормы обеспечивают гарантии сохранения традиционной семьи лишь косвенно.

В начале работы мы обозначили перспективы развития общества, способные привести к серьезным угрозам сохранения традиционной семьи. Только выработка единой, здоровой, проработанной международной концепции по вопросу места традиционной семьи в современном обществе и ее защиты, способна противостоять возрастающей угрозе ее маргинализации. Международное законодательство, в данной части, нуждается в реформировании. Поиск конкретных путей такого реформирования должен стать задачей последующих исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Смирнов Л. Б. Традиционная семья, как объект посягательства со стороны глобальной олигархической власти (ГОВ) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 21-24.

3 Африканская хартия прав человека и народов (Найроби, 26 июня 1981 года).

4 Всеобщей исламской декларации прав человека // Принята по инициативе Исламского Совета Европы и зачитана 19 сентября 1981 года в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО генеральным секретарем Исламского Совета г-ном Салемом Аззамом.

5 Каирская декларация о правах человека в исламе // Документ A/45/421 Генеральной Ассамблеи ООН.

КОСЕНКОВ Иван Александрович

проектный менеджер, ведущий аналитик Кластера космических технологий и телекоммуникаций «Сколково»

ШТОДИНА Ирина Юльевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД России

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются международно-правовые проблемы возможного разграничения космического пространства. Известно, что вопрос о разграничении воздушного и космического пространств остается открытым на протяжении многих десятилетий, он является предметом длительных дискуссий в Рабочей группе Юридического Подкомитета по Космосу. Для решения проблемы выдвигались различные подходы например - пространственный и функциональный. Однако, на сегодняшний день актуальным уже может стать вопрос об определении особого правового статуса различных частей самого космического пространства, ранее признаваемого неделимым, его разделения на «ближний» и «дальний» космос со своими особыми правовыми нормами, предусматривающими правила использования и исследования таких различных частей космического пространства. Вопрос о необходимости и актуальности такого деления является дискуссионным, однако, как и во многих других вопросах правового регулирования использования космоса, главное состоит в том, чтобы не допускать очередного отставания нормативной базы в этой области от технического прогресса.

Ключевые слова: международное космическое право, Договор по космосу, космическое пространство, разграничение космического и воздушного пространств, разграничение космоса.

KOSENKOV Ivan Aleksandrovich

project manager, leading analyst of the Cluster of space technology and telecommunications "Skolkovo"

SHTODINA Irina Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

THE LEGAL PROBLEMS OF DELIMITATION OF OUTER SPACE

The article deals with the problem of the possible delimitation of outer space. It is a common fact that the problem of air-space delimitation has been discussed for many years in Legal Subcommittee Committee on the Peaceful Uses of Outer Space without results. To solve the problem new approaches were put forth, for example, space and functional. Today another problem becomes more urgent - the problem which deals with establishing the legal regimes of the different parties of outer space, previously considered indivisible, its division on near and deep space, each with its distinguished legal norms that provide for rules of use and research of such different parts of outer space. The issue of necessity and relevance of such division is controversial, however, as in many other issues of legal regulation of the use of space, the main thing is to prevent the backlog of law of outer space from technical progress.

Keywords: international space law, Outer Space Treaty, UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, outer space, delimitation of outer space.

Косенков И. А.

Штодина И. Ю.

XX-XXI век справедливо вошел в историю человечества как эра космонавтики. Активная деятельность по исследованию и освоению космоса позволила отодвинуть границы ойкумены с границ атмосферы до межзвездного пространства¹. Однако, несмотря на все уже достигнутые на сегодняшний день успехи в этой области, а именно исследования ближних и дальних планет, малых небесных тел, все же активное проникновение человека в космос пока еще ограничивается пространством до орбиты Луны (cislunar space). Это объясняется значимостью космических средств, размещенных на этих орбитах для земной экономики. На расстоянии 36000 километров от Земли на геостационарной орбите размещаются

метеорологические спутники и спутники связи. Чуть выше размещены орбиты-кладбища. Практически ими заканчиваются плотно занятые космическими объектами области космического пространства. Ниже располагается средняя орбита, на которой размещены спутники навигационных группировок и, наконец, на орбитах высотой до 2000 километров располагается основное количество космических объектов – это пилотируемые станции, корабли, спутники наблюдения за Землей. В последнее время идет самое интенсивное «заселение» именно этих орбит – частные компании создают группировки из десятков и сотен космических объектов для дистанционного зондирования Земли и телекоммуникаций.

Стоит отдельно отметить, что такие, активно используемые государствами низкие орбиты не имеют пока никакого особого международно-правового регулирования. В то же время геостационарная орбита, например признается ограниченным ресурсом в соответствии со ст. 44 Устава Международного союза электросвязи, которая гласит что при использовании полос частот для радиослужб «... Государства

1 О перспективах развития международного космического права в контексте дальнейшего исследования и освоения космоса см.: Berkman P. A., Vylegzhanin A. N., Yuzbashyan M. R., Mauduit J. Outer space law: Russia – United States common challenges and perspectives // Московский журнал международного права. – 2018. – №1. – С. 16-34.

- Члены должны учитывать то, что радиочастоты и связанные с ними орбиты, включая орбиту геостационарных спутников, являются ограниченными естественными ресурсами, которые надлежит использовать рационально, эффективно и экономно, в соответствии с положениями Регламента радиосвязи, чтобы обеспечить справедливый доступ к этим орбитам и к этим частотам разным странам или группам стран с учетом особых потребностей развивающихся стран и географического положения некоторых стран»². Амбициозные планы компаний One Web и SpaceX по запуску спутниковых группировок из нескольких сотен космических аппаратов на низкую околоземную орбиту ставят перед мировым сообществом задачу адекватного международно-правового регулирования размещения в космическом пространстве таких мегагруппировок и признания низких орбит таким же ограниченным ресурсом, как и геостационарная орбита.

Вопрос делимитации космического пространства в смысле разделения «ближнего» и «дальнего» космического пространства напрямую еще не ставился в доктрине. Основные вопросы до сих пор касались делимитации воздушного и космического пространства, которая до сих пор не осуществлена в международном праве, так как в международных соглашениях отсутствует определение космического пространства. Вопрос о правовом разграничении воздушного и космического пространства стоит безрезультатно на повестке дня Комитета по Космосу уже не один десяток лет. Международно-правовая доктрина предлагает разнообразные трактовки – от высоты в 100 км. над поверхностью Земли до функциональной трактовки, когда космическое право применяется к космическим объектам, совершающим космический полёт (двигаются с определённой скоростью, обеспечивая выход на орбиту и т.д.). Национальное право, при этом, иногда устанавливает верхнюю границу осуществления своей национальной юрисдикции, как например Австралия, ограничивающая своё воздушное пространство высотой в 100 км. над поверхностью, оговариваясь при этом, что не имеет задачи тем самым определить космическое пространство³.

При этом, международным сообществом достигнут консенсус относительно того, что пространство на высоте геостационарной орбиты точно имеет статус космического, так как притязания экваториальных государств на те участки геостационарной орбиты, которые соответствовали их территориям по экватору, высказанные в Боготской декларации 1976 г., были отвергнуты, как противоречащие принципу непризнания космического пространства. При этом, спустя почти 40 лет некоторые экваториальные государства до сих пор придерживаются позиций, озвученных в Боготской декларации, и продолжают предпринимать попытки оправдать свои права на сегменты пространства ГСО, ссылаясь в том числе на отсутствие нижней границы космического пространства⁴.

В связи с чем можно считать актуальным вопрос правового определения ближнего и дальнего космоса? Во-первых, доктринальные наработки могут быть впоследствии использованы международным сообществом тогда, когда этот вопрос приобретёт практическое значение. Если упустить вопрос из вида, он может встать на повестке дня неожиданно, что может повлечь за собой попытку поспешно решить проблему, что в нынешних условиях представляется проблематичным. В пример можно поставить ситуацию с мегагруппировками и малыми космическими аппаратами, упомянутую ранее⁵. Очевидно, задача юристов-международников и со-

стоит в том, чтобы по возможности не отставать в правовом решении задач, которые ежедневно ставятся на повестку дня бурным развитием космических технологий.

Во-вторых, уже сейчас можно предполагать, что человечество в перспективе включит в сферу своей экономической активности не только ближний, но и дальний космос. При этом, в целях планетарной защиты, правила человеческой деятельности в ближнем и дальнем космосе должны быть дифференцированы, например, ресурсные операции с малыми небесными телами могут быть разрешены без ограничений в дальнем космосе, но в ближнем их осуществление может повлечь ущерб чувствительной космической инфраструктуре либо самой планете (представим себе ошибку при буксировке массивного астероида на околоземную орбиту, которая вызывает его падение на Землю ценой в миллионы жизней!). Соответственно, установление «правил игры» при деятельности в ближнем и дальнем космосе с учётом сравнительно высокой уязвимости Земли и земной техносферы является необходимостью и должно носить обязывающий характер. Представляется, что только международное право способно установить такие правила деятельности, ввиду гигантского и международного масштаба ущерба.

В-третьих, применение тех или иных технологических решений может быть обосновано и оправданно в ближнем, либо в дальнем космосе. Этот вопрос ранее затрагивался, например, «Принципами ООН, касающимися использования ядерных источников энергии в космическом пространстве»⁶. Так, в «Принципах...» говорится, что ядерные реакторы могут использоваться: i) в ходе межпланетных полетов; ii) на достаточно высоких орбитах, как они определены в пункте 2b; iii) на низких околоземных орбитах, если после выполнения рабочей части своего полета они хранятся на достаточно высоких орбитах. Дается определение «достаточно высокой орбиты». Это орбита «...продолжительность нахождения на которой достаточно велика, чтобы обеспечить достаточный распад продуктов деления примерно до уровня радиоактивности актинидов. Достаточно высокая орбита должна быть такой, чтобы свести к минимуму риск для нынешних и будущих космических полетов, а также вероятность столкновения с другими космическими объектами. При определении высоты достаточно высокой орбиты учитывается, что части разрушенного реактора также должны достичь требуемого уровня распада до их возвращения в атмосферу Земли». Таким образом, одной из основных идей «Принципов...» является использование ядерных источников энергии для миссий в дальнем космосе и ограничение их использования в ближнем космосе.

В-четвёртых, актуальность этого вопроса может следовать из ст. IX «Договора по космосу»⁷, предписывающей, что государства — участники Договора осуществляют изучение и исследование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, таким образом, чтобы избежать их вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды вследствие доставки внеземного вещества, и с этой целью, в случае необходимости, принимают соответствующие меры. Из данного положения вытекают требова-

towards NewSpace Paradigm // Proceedings of the International Institute of Space Law. 2016. P. 61-74

- 6 Принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. В базе данных договорной секции Организации Объединённых Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outerspace_nucpower.shtml (дата обращения: 03.12.2018).
- 7 Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 03.12.2018). См. также: Волинская О. Н. Юбилей Договора по космосу 1967 г. // Московский журнал международного права. - 2017. - №4. - С. 82-95.

2 Устав Международного союза электросвязи (принят в г. Женеве 22.12.1992, с изм. от 06.11.1998). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121451/ (дата обращения: 03.12.2018).

3 Space Activities Act 1998 с изменениями на 21 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C01070> (дата обращения: 03.12.2018).

4 Международное космическое право / Под ред. Г. П. Жукова Г. П., А. Х. Абашидзе. 2-е изд. -М.:Издательство Юрайт, 2018.- С.69

5 Более подробно см. Stelmakh-Drescher O., Kosenkov I. Capacity-Building of the International Legal Framework for Mitigating Consequences from Non-Operational Satellites – Advancing Space Law

ния планетарной защиты COSPAR⁸ и Руководящие принципы по предотвращению образования космического мусора⁹. Если вопрос защиты ближнего космического пространства от биологического загрязнения не стоит, то для дальнего космоса он весьма актуален в связи с теоретической возможностью существования жизни на Марсе, а также спутниках планет-гигантов, таких как Европа и Энцелад – занесение туда земной жизни затруднит понимание механизмов биогенеза во Вселенной, а также может быть губительным для внеземной жизни. Напротив, вопрос космического мусора актуален для ближнего космоса – орбит, используемых для космической деятельности в целях социально-экономического развития и намного менее актуален для дальнего космоса, где в целях успешного осуществления ответственных и дорогостоящих миссий, руководящими правилами предотвращения образования космического мусора можно пренебречь, в связи с ограниченной активностью человечества в дальнем космосе.

Вместе с тем, необходимо учесть и аргументы против разделения космоса на ближний и дальний. Во-первых, все приведённые вопросы могут решаться либо уже решаются без такого разделения – мы уже ссылались на пример регулирования использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. Во-вторых, дальнейшее «умножение сущностей» может внести путаницу в и без того непростую и страдающую от отсутствия основополагающих определений сферу международного космического права. В-третьих, можно достоверно сказать, что навсегда провести границу, отделяющую ближний космос от дальнего – невозможно. С космической экспансией человечества, то, что раньше было дальним космосом, например, Марс, станет новым ближним космосом и нашим новым домом.

Вероятно, определение ближнего космоса должно быть функционально, включая в себя область космоса, используемую для осуществления деятельности, напрямую направленной на обеспечение земных потребностей. Таковыми в настоящее время являются услуги дистанционного зондирования Земли, телекоммуникаций и навигации. Соответственно, в ближний космос должно включаться всё космическое пространство, в котором располагаются космические объекты, служащие данным целям, т.е. до 36 000 км. над поверхностью Земли, плюс орбиты-кладбища, на которые в соответствии с рекомендациями МСЭ¹⁰ должны уводиться космические объекты, закончившие активное существование на ГСО. Также, вероятно, стоит признать ближним космосом точки Лагранжа в системе «Земля-Луна», в связи с их ограниченными характером и размещением в них ценного научного оборудования, что обуславливает их чувствительность к неблагоприятным воздействиям. Вероятно, эти точки могут быть признаны ограниченными естественными ресурсами в смысле ст. 44 «Устава Международного союза электросвязи»¹¹.

При создании правового регулирования той или иной деятельности, мы должны отталкиваться от объективно существующих общественных отношений. Для перспективных отраслей человеческой деятельности это представляется сложным. Юридическая доктрина здесь может и должна служить средством поиска оптимального режима регулиро-

вания. Возможно, с точки зрения здравого смысла, разделение на ближний и дальний космос может стать правовым конструктом, не регулирующим ни существующих, ни перспективных общественных отношений и в этом смысле бесполезным.

Вероятно, намного более функциональным подходом могло бы стать развитие практики выделения областей космического пространства с особым правовым статусом, для которых действуют особые правила осуществления космической деятельности субъектами международного права. По каким же критериям мы можем выделять такие области?

Во-первых, области, обладающие экономической ценностью. Тенденция приватизации и коммерциализации космической деятельности в настоящее время является общепризнанной. Именно экономические механизмы двигают вперёд развитие космической деятельности по всему миру. В этом ситуация отличается от времён начала покорения космоса, когда основным двигателем космической экспансии были политические мотивы. В связи с этим, именно обеспечение равных и справедливых правил использования космоса в экономических интересах становится приоритетом для международного сообщества, желающего продолжения освоения космического пространства. Соответственно международному сообществу необходимо обсудить расширение возможностей МСЭ по регулированию орбитальных присвоений и на орбиты другого типа, помимо геостационарной, где до сих пор осуществлялась только международная координация радиочастотных присвоений, в связи с тем, что и низкие орбиты постепенно становятся ограниченными естественными ресурсами в смысле ст. 44 «Устава Международного союза электросвязи»¹² в связи с их использованием для мегагруппировок спутниковой связи и дистанционного зондирования Земли.

В перспективе областями экономических интересов человечества могут стать также малые небесные тела, например, астероиды с их запасами ценных минералов и воды, являющейся в космосе самым ценным ресурсом, а также области на/под поверхностью больших небесных тел.

Стоит отметить, что всё-таки минеральные ресурсы небесных тел принципиально отличаются по характеру от орбит хотя бы тем, что их выделение лежит не в плоскости небесной механики, а, скорее, в плоскости космической геологии. Понимание правового характера различных ресурсов космического пространства находится на стыке проблематики делимитации, правового статуса небесных тел и прецедентов регулирования других ограниченных ресурсов, прежде всего – орбитально-частотного.

Как следствие, для деятельности по освоению минеральных ресурсов небесных тел требуется отдельный договор обязывающего характера, устанавливающий комплексный подход к космическим ресурсам, соответствующий положениям Декларации о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран¹³ в соответствии с которой международное сотрудничество в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях осуществляется на благо и в интересах всех государств, независимо от степени их экономического, социального и научно-технического развития, и является достоянием всего человечества.

Во-вторых, области космического пространства, обладающие высокой научной и исследовательской ценностью.

8 Cospar planetary protection policy (20 October 2002; As Amended to 24 March 2011). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cosparhq.cnes.fr/sites/default/files/pppolicydecember_2017.pdf (дата обращения: 03.12.2018).

9 Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml (дата обращения: 03.12.2018).

10 Рекомендация МСЭ-R S.1003-2 (12/2010) «Защита геостационарной спутниковой орбиты как окружающей среды». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.itu.int/dms_pubrec/itu-r/rec/s/R-REC-S.1003-2-201012-I!!MSW-R.docx (дата обращения: 03.12.2018).

11 Устав Международного союза электросвязи (принят в г. Женеве 22.12.1992, с изм. от 06.11.1998). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121451/ (дата обращения: 03.12.2018).

12 Устав Международного союза электросвязи (принят в г. Женеве 22.12.1992, с изм. от 06.11.1998). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121451/ (дата обращения: 03.12.2018).

13 Декларация о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран. Принята резолюцией 51/122 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 1996 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/space.shtml (дата обращения: 03.12.2018).

Простейший пример – точки Лагранжа, в которых удобнее всего размещать космические обсерватории и исследовательские станции. Такими же областями можно назвать Марс, подповерхностные океаны Европы и Энцелада в которых может существовать жизнь. Очень перспективным также является проект по использованию Солнца в качестве гравитационной линзы для наблюдения за другими звёздами для чего необходимо поместить космический аппарат на расстоянии в 550 АЕ от Солнца (1 АЕ – астрономическая единица – расстояние от Земли до Солнца)¹⁴. Такие точки также являются ограниченным ресурсом и имеют большую ценность для цивилизации, а, следовательно, должны охраняться международным правом.

В-третьих, области космического пространства, обладающие культурной и исторической ценностью. В настоящее время существует инициатива по сохранению в качестве объектов исторического наследия мест посадок шести лунных экспедиций. Такую инициативу следует распространить и на иные места, такие как исторические места посадок автоматических аппаратов, таких как «Луна-2» – первая в мире станция, достигшая поверхности Луны и доставившая на её поверхность вымпел с гербом СССР.

Здесь существует любопытная коллизия – существующий механизм внесения в списки объектов всемирного наследия ЮНЕСКО предусматривает внесение предложений странами, имеющими суверенитет над объектом всемирного наследия: Ст. 11 «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» гласит, что каждое государство – сторона настоящей Конвенции представляет, по мере возможности, Комитету Всемирного наследия перечень ценностей культурного и природного наследия, расположенных на его территории, которые могут быть включены в список¹⁵. Однако, поскольку, как известно космическое пространство и небесные тела не подлежат национальному присвоению, ни США, ни Россия не могут внести предложения по присвоению местам исторических посадок статуса объекта всемирного наследия ЮНЕСКО. Тем не менее, потребность в присвоении такого статуса отдельным областям космического пространства существует, а, следовательно, необходим и соответствующий правовой механизм.

Гипотетически может возникнуть коллизия между экономическими, научными и культурно-историческими интересами субъектов космической деятельности, например, на Марсе возможность существования жизни в области богатой ценными ресурсами в месте «примарсения» первых межпланетных зондов или первой пилотируемой экспедиции. В таком случае безусловно необходим механизм выделения областей космического пространства и небесных тел, обладающих той или иной ценностью.

Как же может выглядеть механизм выделения таких областей космического пространства и небесных тел? Видится логичным распространение существующего механизма выделения орбитальных позиций на базе Международного союза электросвязи с целью обеспечения рационального, равноправного, эффективного и экономного использования орбитального ресурса. Без особых усилий этот режим может быть распространён на низкие орбиты для регулирования проектов больших спутниковых группировок. Конечно, существующий механизм имеет множество недостатков – бюрократия, проблема «бумажных спутников» и обеспечения справедливого доступа к ресурсу, ведущие к дефициту орбитально-частотного ресурса, но лучше такой порядок, чем его полное отсутствие.

При проекции данного порядка выделения орбитально-ресурса на вопросы добычи внеземных ресурсов, а также

вопросы обеспечения доступности космического пространства в научных и исследовательских целях и сохранения мест высокой культурно-исторической важности встаёт вопрос какая организация должна заниматься данными вопросами. Представляется, что мандата МСЭ для операционной деятельности в этой сфере будет недостаточно. На наш взгляд правильным будет развитие подхода, основывающегося на главенствующей роли Управления ООН по вопросам космического пространства в процессе операционной деятельности по выделению областей космического пространства с особым правовым статусом.

Такой подход, в частности, установлен в Руководящих принципах обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности, например в Руководящем принципе 6: Совершенствование практики регистрации космических объектов: «6.5 Управлению следует в рамках своих постоянных обязанностей и имеющихся ресурсов быть эффективно вовлеченным в осуществление интегрированных функций, относящихся к: а) сбору информации по проведенным орбитальным запускам (т.е. осуществленным запускам, имеющим своим результатом размещение объектов на орбите вокруг Земли или дальше в космическом пространстве) и по орбитальным объектам (т.е. космическим объектам, запущенным на орбиту вокруг Земли или дальше в космическое пространство); и б) присвоению орбитальным запускам и орбитальным объектам международных обозначений в соответствии с системой обозначений Комитета по исследованию космического пространства, а также предоставлению таких обозначений государствам регистрации. Государствам и международным межправительственным организациям следует поддерживать работу Управления, направленную на поощрение инициатив, призванных позволить государствам поддерживать практики регистрации и рассмотреть возможность внедрения и поддержания практики предоставления регистрационных данных»¹⁶.

Развитие такого подхода в преломлении к определению статуса отдельных областей космического пространства представляется логичным.

По вопросу добычи внеземных ресурсов, например, такой механизм может выглядеть следующим образом: Управление ООН по вопросам космического пространства обеспечивает соблюдение рационального, равноправного, эффективного и экономного использования внеземных ресурсов, выдавая долгосрочные разрешения на разработку ресурсов небесных тел в коммерческих целях. Заявки подаются государствами, которые в свою очередь имплементируют в национальное законодательство положения, которые ещё должны быть выработаны международным сообществом по отношению к использованию внеземных ресурсов. Таким образом, коммерческие компании будут подавать заявку в национальный орган, который будет транслировать поданные заявки на международный уровень.

При этом, необходимо уделять первостепенное внимание вопросам безопасности – деятельность по разработке ресурсов не должна даже допускать возможность того, что в её результате будет нанесён вред (например в результате неверного изменения траектории разрабатываемого небесного тела).

Комплексный подход к обозначенной проблематике ещё предстоит выработать, но он бесспорно лучше складывающейся в настоящее время практики принятия государствами национальных нормативно-правовых актов в одностороннем порядке регулирующих добычу внеземных ресурсов, поскольку только на международном уровне можно обеспечить соблюдение интересов развивающихся стран при эксплуатации безграничных ресурсов открытого космоса. Только международно-правовое регулирование способно обеспечить учёт потребностей развивающихся стран при

14 Телескоп размером с Солнечную систему: гравитационная линза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.porpmeh.ru/science/240651-teleskop-razmerom-s-solnechnuyu-sistemu-gravitatsionnaya-linza/#part1> (дата обращения: 03.12.2018).

15 Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 03.12.2018).

16 Руководящие принципы обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности (Документ ГА ООН А/АС.105/L.315). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cms.unov.org/dcpms2/api/finaldocuments?Language=ru&Symbol=A/AC.105/L.315> (дата обращения: 03.12.2018).

международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, заложенный в Декларации о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран¹⁷.

Такой же порядок подачи заявок видится нам логичным при использовании отдельных участков космического пространства в научных целях. Возможно здесь более подходящим был бы уведомительный режим, представляющий собой дальнейшее совершенствование практики регистрации космических объектов, когда в регистре ООН может быть указано, что космический объект размещён на орбите, представляющей собой ограниченный ресурс.

В том же, что касается исследований небесных тел, представляющих научный интерес, очевидно, что интересы науки должны иметь приоритет над коммерческим использованием космических ресурсов, что должно приниматься во внимание Комитетом при рассмотрении заявок на использование ресурсов государствами.

Что касается сохранения мест культурно-исторической ценности, возможно Управлению ООН по вопросам космического пространства необходимо дать возможность подавать заявки в списки объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, находящихся в космическом пространстве от имени всего человечества, предварительно согласовав их с космическими державами.

В заключение хочется выразить надежду на то, что высказанные соображения покажутся интересными специалистам в области космической экономики и международного космического права, которые продолжат дискуссию относительно статуса областей космического пространства, представляющих интерес для развития человеческой цивилизации. Возможно, идея о разделении пространства на дальнее и ближнее не является самой удачной, но здесь очень многое может зависеть от реализации концепции. Безусловно, в дальнем космосе к космической деятельности могут применяться более мягкие нормы исходя из приоритета успеха исследовательских и ресурсных миссий, а в ближнем мы должны исходить из приоритета планетарной безопасности. Однако возможно более удачным был бы функциональный подход, выделяющий области космического пространства, представляющие наибольший интерес и устанавливающий особые правила использования этих областей. Такой подход представляется более практичным, поскольку базируется на существующих международно-правовых механизмах, а также даёт возможность обеспечить справедливый и стимулирующий подход к исследованию и использованию космического пространства в интересах всего человечества.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 03.12.2018).
2. Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 03.12.2018).
3. Устав Международного союза электросвязи (принят в г. Женеве 22.12.1992, с изм. от 06.11.1998). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www>.

- consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121451/ (дата обращения: 03.12.2018).
4. Принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. В базе данных договорной секции Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outerspace_nucpower.shtml (дата обращения: 03.12.2018).
5. Рекомендация МСЭ-Р S.1003-2 (12/2010) «Защита геостационарной спутниковой орбиты как окружающей среды». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.itu.int/dms_pubrec/itu-r/rec/s/R-REC-S.1003-2-201012-II!MSW-R.docx (дата обращения: 03.12.2018).
6. Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml (дата обращения: 03.12.2018).
7. Руководящие принципы обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности (Документ ГА ООН А/АС.105/L.315). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cms.unov.org/dcpms2/api/financialdocuments?Language=ru&Symbol=A/AC.105/L.315> (дата обращения: 03.12.2018).
8. Вольнская О. Н. Юбилей Договора по космосу 1967 г. // Московский журнал международного права. - 2017. - № 4. - С. 82-95.
9. Международное космическое право / Под ред. Г. П. Жукова Г. П., А. Х. Абашидзе 2-е изд. - М.: Издательство Юрайт, 2018. - 572 с.
10. Телескоп размером с Солнечную систему: гравитационная линза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.popmech.ru/science/240651-teleskop-razmerom-s-solnechnuyu-sistemu-gravitatsionnaya-linza/#part1> (дата обращения: 03.12.2018).
11. Berkman P. A., Vylegzhanin A. N., Yuzbashyan M. R., Mauduit J. Outer space law: Russia – United States common challenges and perspectives // Московский журнал международного права. - 2018. - №1. - С. 16-34.
12. Cospar planetary protection policy (20 October 2002; As Amended to 24 March 2011). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cosparhq.cnes.fr/sites/default/files/pppolicydecember_2017.pdf (дата обращения: 03.12.2018).
13. Space Activities Act 1998 с изменениями на 21 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C01070> (дата обращения: 03.12.2018).
14. Stelmakh-Drescher O., Kosenkov I. Capacity-Building of the International Legal Framework for Mitigating Consequences from Non-Operational Satellites – Advancing Space Law towards NewSpace Paradigm // Proceedings of the International Institute of Space Law. 2016. P. 61-74.

¹⁷ Декларация о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран. Принята резолюцией 51/122 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 1996 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/space.shtml (дата обращения: 03.12.2018).

Ли Сюй

аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

ВОПРОС О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРОТОКОЛА О ПРИСОЕДИНЕНИИ КНР К МАРРАКЕШКОМУ СОГЛАШЕНИЮ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВТО

С развитием Китая увеличилось количество торговых споров между ним и другими членами Всемирной торговой организации. При их рассмотрении Орган по урегулированию споров выносит вердикты, основываясь не только на многосторонних торговых соглашениях в рамках ВТО, но и на конкретных обязательствах Китая, предусмотренных в протоколе о его присоединении к Марракешскому соглашению о создании ВТО и в Докладе рабочей группы о вступлении в ВТО. В некоторых случаях положения данных документов напрямую влияют на результат рассмотрения споров. Установление их юридической природы важно для разрешения будущих споров в рамках ВТО.

Ключевые слова: Протокол о присоединении Китая к ВТО, правовая природа, разрешение споров, Доклад рабочей группы, Марракешское соглашение о создании Всемирной торговой организации, многосторонние торговые соглашения.

Ли Сюй

Li Xu

postgraduate student of International and European law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

QUESTION ON THE LEGAL NATURE OF THE PROTOCOL ON THE ACCESSION OF THE PRC TO THE MARRAKESH AGREEMENT ESTABLISHING THE WORLD TRADE ORGANIZATION

With the development of China, the number of trade disputes between it and other members of the World Trade Organization has increased. In the trial of these disputes, the Dispute Settlement Body is not only based on the multilateral trade agreements under the WTO, but also on China's specific obligations, which is stipulated in the protocol of its accession to the Marrakesh Agreement Establishing the WTO and the Report of the Working Group on the Accession to the WTO. In some cases, the provisions of these documents directly affect the results of dispute resolution. Establishing their legal nature is important for resolving future disputes within the WTO.

Keywords: Protocol on the accession of China to the WTO, legal nature, dispute resolution, Report of the working group, The Marrakesh

Протокол о присоединении к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации (далее «Протокол о присоединении») занимает особое место в системе источников права ВТО. Ст. 12 «Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации» (далее «Соглашение о ВТО» или «Марракешское соглашение») устанавливает общее правило для присоединения к данной организации, но не предусматривает соотношения между юридическими документами о присоединении новых членов с соглашениями ВТО. Соединенные Штаты Америки, Европейский союз и другие страны-члены часто ссылаются на положения Протокола о присоединении Китая к ВТО в качестве основания для судебного иска, и это, несомненно, выдвигает на передний план изучение правовой природы Протокола о присоединении.

Практика урегулирования споров в рамках ВТО показывает, что выяснение правовой природы Протокола о присоединении и его взаимосвязи с многосторонним торговым соглашением ВТО имеет решающее значение для определения конкретных прав и обязательств Китая в рамках ВТО и справедливого разрешения споров. Тем более, до сих пор, как экспертная группа, так и апелляционный орган, не дали убедительного объяснения по этому вопросу. В статье предпринята попытка изучить природу Протокола о присоединении с помощью сравнения данного документа с многосторонними торговыми соглашениями.

1. Сравним с точки зрения субъектов заключения договора и характера соглашения.

Марракешское соглашение является результатом Уругвайского раунда и уставным юридическим документом ВТО

как международной организации. Как Марракешское соглашение, так и прилагаемые к нему многосторонние торговые соглашения, являются многосторонними договорами, достигнутыми всеми членами ВТО после нескольких раундов переговоров и повторных консультаций.

С момента создания ВТО содержание многостороннего торгового соглашения не является статичным. Некоторый контент перестает применяться по окончании переходного периода, а другие расширяют сферу применения со временем: Соглашение ВТО является динамичной концепцией. Для новых членов оно включает в себя все действующие многосторонние торговые соглашения при вступлении. Например, после создания ВТО ГАТТ обозначается как «ГАТТ-1994», а не «ГАТТ-1947». Полагаем, что Соглашение о ВТО дополняется Протоколом о присоединении и Докладом рабочей группы о присоединении к ВТО (далее «Доклад рабочей группы»): первый (соглашение) является категорией правил, а второй (протокол и доклад) гарантией их выполнения. Вместе они составляют единое целое.

Протокол о присоединении является юридически обязывающим международным договором, тесно связанным с многосторонними торговыми соглашениями ВТО и в то же время отличается от них. С одной стороны, правовой основой Протокола является ст. 12 Марракешского соглашения, в соответствии с которой новые члены могут присоединиться к настоящему Соглашению на условиях, согласованных с другими членами ВТО, отраженных в Протоколе о присоединении. В предисловии к Протоколу говорится: «Всемирная торговая организация в соответствии с утверждением конференции Министров ВТО, согласно ст. 12 Марракешского соглашения

соглашается с КНР следующим образом...¹. Итак, Протокол о присоединении представляет собой любой договор, согласованный в рамках международной организации, как указано в ст. 5 «Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями» (далее «Венская конвенция»), принятой Комиссией международного права в 1986 году, и относится к сфере международных договоров, за исключением того, что он основан на Соглашении о ВТО. Сторонами Протокола являются Китайская Народная Республика и Всемирная торговая организация, и обе стороны договора имеют квалификацию субъекта международного права, поэтому с точки зрения международного права, Протокол о присоединении соответствует общему определению двусторонних договоров.

С другой стороны, как многосторонние торговые соглашения, так и Протокол о присоединении должен был быть принят с помощью специальных процедур. Ст. 12.2 Соглашения о ВТО гласит: «Конференция министров утвердит условия для одобрения вступления (новых членов) в ВТО большинством в две трети членов ВТО». Данная процедура голосования совпадает с п. 3 ст. 10 «О внесении поправки в многостороннюю торговлю». Кроме того, международные договоры должны соответствовать процедурам утверждения, установленным внутренним законодательством, прежде чем станут обязательными для государств-участников. Ст. 7 Венской конвенции предусматривает, что в число лиц, имеющих право заключать договоры от имени государства, входят главы государств, главы правительств, министры иностранных дел, кураторы, представители международных организаций и специальные представители, которые имеют свидетельство о полномочиях, выданное главой государства. На 17-м заседании Постоянного комитета девятого созыва Всекитайского собрания народных представителей, состоявшемся 25 августа 2000 г., было принято решение о предоставлении полномочий Госсовету для завершения переговоров о вступлении Китая в ВТО и назначении представителей для подписания Протокола о присоединении Китая к ВТО. Подписание Китаем Соглашения о ВТО и Протокола о присоединении полностью соответствует внутренним процедурам о порядке заключения международных договоров. Кроме того, в п. 4 части III Протокола говорится: «данный Протокол будет представлен в Организации Объединенных Наций для регистрации в соответствии со ст. 102 Устава ООН». Данная процедура также является общепринятым условием многих международных договоров.

В отличие от Протокола о присоединении, Доклад рабочей группы по сути не является международным договором. Он не является обязательным условием вступления в ВТО для членов, но представляет собой отчет о содержании переговоров. По характеру он является «дополнительным материалом», указанным в ст. 32 Венской конвенции. В случае, если содержание Протокола о присоединении неясно или необъяснимо, или является необоснованным, Доклад рабочей группы служит в качестве дополнения для толкования положений Протокола. Однако пункт 1.2 Протокола содержит отсылочные нормы к пункту 342 Доклада рабочей группы, что делает его частью Соглашения о ВТО.

Кроме того, Орган по разрешению споров ВТО (далее ОРС) регулярно ссылается на положения Протокола о присоединении при рассмотрении споров, из чего следует, что Протокол о присоединении является частью Марракешского соглашения и приложенных к нему многосторонних торговых соглашений, и, соответственно, обладает характером многосторонних договоров, в связи с чем другие члены ВТО могут обратиться в ОРС против Китая, они не являются участниками Протокола.

2. Сравниваем аспекты процесса переговоров и содержание договоров.

Процесс переговоров для заключения Протокола о присоединении отличается от процесса заключения многостороннего торгового соглашения. Соглашение о ВТО и сопутствующие ему многосторонние торговые соглашения были заключены в ходе обширных многосторонних переговоров. Стороны, участвующие в них, имеют различные интересы, что обеспечивает необходимые условия для тщательной разработки правил. В процессе формулирования многосторонних международных договоров они, как правило, уделяют больше внимания текстам и стремятся к тому, чтобы содержание было строгим и систематическим. Напротив, переговоры о вступлении в ВТО идут по двусторонним и многосторонним переговорным процессам, которые многие ученые сравнивают со сделкой, заключение которой позволяет государству стать частью многосторонней торговой системы. Таким образом, при разработке Протокола о присоединении, вопрос, будет ли конкретное положение тщательно составлено, зависит не только от способностей кандидата на переговорах, но и степени юридической профессионализации всей переговорной группы. В связи с этим Протокол о присоединении Китая к ВТО в некоторой степени обладает индивидуальными недостатками в формулировке ряда положений.

По структуре многосторонние торговые соглашения являются самостоятельными, их содержание формируется в соответствии с различными предметами регулирования, такими как торговля товарами, торговля услугами, права интеллектуальной собственности, связанные с торговлей, урегулирование споров и т. д. В то же время многосторонние торговые соглашения ВТО единообразно применимы ко всем ее членам, а некоторые специальные правила, например, дифференцированный режим в отношении членов развивающихся стран, в целом применимы к любой развивающейся стране, удовлетворяющей требуемым условиям.

Касаемо структуры и содержания Протокола о присоединении, ст. 12 Марракешского соглашения не накладывает каких-либо ограничений на условия вступления в ВТО, все действующие члены могут вступить в переговоры с кандидатом на согласование условий вступления. Содержание Протокола пересекает все аспекты многосторонних торговых соглашений ВТО, но не представляет отличительных системных характеристик. Протокол о присоединении был составлен на основе многосторонних торговых соглашений, правила его просты; универсальные права и обязанности, оговоренные в соглашениях ВТО, не были в нем переформулированы, состоит он из более двух десятков статей, где четко утверждены специальные обязательства Китая, однако не может полностью отражать права и обязанности Китая в рамках ВТО, поэтому определить права и обязанности страны только на основе самого протокола затруднительно; Протокол должен толковаться и применяться в сочетании с соответствующими правилами соглашений ВТО.

Содержание Протоколов о присоединении позволяет установить объем обязательств нового члена и определить соответствующие его статусу «обязательства ВТО-плюс» и «обязательства ВТО-минус». Содержание индивидуально для каждого присоединяющегося участника, и для присоединившихся стран оно является императивным, а его нарушение может стать предметом рассмотрения ОРС ВТО². По мере увеличения количества членов ВТО, «обязательства ВТО-плюс» и «обязательства ВТО-минус» предоставляют специальные правила поведения для каждого нового члена, совместно расширяют содержание соглашений ВТО. Поскольку Протокол о присоединении является неотъемлемой частью Марракешского соглашения и прилагаемых к нему

1 См.: Protocol on the Accession of the People's Republic of China to the WTO, WT/L/432 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/completeacc_e.htm#chn (date of the application: 19.01.2019).

2 Бикматова Р. Р. Практика применения общих исключений ГАТТ к обязательствам, предусмотренным протоколом о присоединении к соглашению о создании ВТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7158/uid68637_report.pdf (дата обращения: 19.01.2019).

многосторонних торговых соглашений, правила соглашений ВТО демонстрируют тенденцию к фрагментации.

3. Применение положения об особых обязательствах по Протоколу о присоединении Китая к ВТО и многосторонних торговых соглашений.

Выше отмечено, что ст. 12 Марракешского соглашения предусматривает правила присоединения нового члена, но не устанавливает порядок применения Протокола о присоединении, Соглашения о ВТО и прилагаемых к нему многосторонних торговых соглашений. Ст. 1.3 Протокола о присоединении Китая к ВТО предусматривает, что «если иное не предусмотрено в настоящем Протоколе, Китай должен выполнять положения многосторонних торговых соглашений, прилагаемых к Марракешскому соглашению...». Таким образом, согласно указанной статье, при определенных условиях Протокол о присоединении может иметь приоритет в отношении многосторонних торговых соглашений ВТО.

Статья XVI:3 Марракешского соглашения содержит сведения о порядке применения его положений и положений «любого из Многосторонних торговых соглашений» при их коллизии. Автор полагает, что данный порядок не распространяется на Протокол о присоединении. С одной стороны, протокол о присоединении - это двухсторонний международный договор. С другой, согласно ст. 2 Соглашения о ВТО, под многосторонним торговым соглашением понимаются соглашения, указанные в Приложениях 1-4. Протоколы о присоединении в них не указаны. Представляется очевидным, что сделано это намеренно, поскольку протоколы как инструмент присоединения к ВТО появились отнюдь не после января 1995 г., но были хорошо известны еще в период действия ГАТТ 1947³. Из этого следует, что Протокол о присоединении не является одним из многосторонних торговых соглашений и в некоторых случаях положения Протокола применяются преимущественно в отношении других норм ВТО.

Более того, практика урегулирования споров в ВТО показывает, что часто заявитель ссылается на особые обязательства в Протоколе о присоединении в качестве основы для подачи иска в ОРС ВТО. Экспертная группа и апелляционный орган также регулярно используют положения Протокола для разъяснения вопроса соответствия применяемых Китаем мер со своими обязательствами, предусмотренными в нем. Практика ОРС показывает, что по отношению к многосторонним торговым соглашениям, обязательства из Протокола о присоединении обычно имеет преимущественную силу.

Одним из рассматриваемых ОРС дел, в котором затронут вопрос о соотношении положений соглашений ВТО, обязательств Китая и статьи XX ГАТТ явилось дело China-Auto Parts⁴. По данному вопросу ОРС ВТО признал оспариваемые меры Китая необоснованными. Рассуждая о характере обязательств, содержащихся в Докладе рабочей группы, третейская группа указала на следующее: «не вызывает сомнения тот факт, что обязательства из Доклада рабочей группы подлежат исполнению»⁵, но при этом Китаю вменяется нарушение положений ст. III ГАТТ. По мнению Апелляционного органа, в данном случае в первую очередь нарушаются положения Протокола о присоединении и Доклада рабочей группы, а не положения соглашений ВТО. Таким образом, Апелляционный орган смоделировал определенную иерархию данных норм, поставив на первое место нормы Протокола о присоединении и Доклада рабочей группы и только затем положения соглашений ВТО⁶.

В деле «Китай – Сырьевые материалы»⁷ ОРС ВТО разграничил случаи в пунктах 5.1 и 11.3 Протокола о присоединении, используя буквальное и контекстуальное толкование. В пункте 11.3 отсутствует отсылка к Соглашению ВТО, которая имеется в пункте 5.1 Протокола о присоединении. По этой причине ОРС пришел к выводу, что статья XX ГАТТ и исключения, в ней содержащиеся, не применяются к пункту 11.3 Протокола⁸. Это обстоятельство также доказывает преимущественную силу Протокола о присоединении в отношении соглашений ВТО.

Таким образом, анализ правовой природы Протокола о присоединении Китая к ВТО и соотношение его с соглашениями ВТО, позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, по юридической природе Протокол о присоединении является двухсторонним международным договором между государством и ВТО. Тем более, протокол о присоединении, устанавливая правила присоединения к ВТО, является неотъемлемой частью Соглашения ВТО. Его положения неразрывно связаны с положениями многосторонних торговых соглашений и Соглашением о ВТО в целом, поэтому при толковании положений Протокола о присоединении необходимо учитывать содержание других соглашений и материалов ВТО.

Во-вторых, из положений международных договоров и практики ОРС следует, что при определенных условиях положения Протокола имеют преимущественную силу в отношении других норм ВТО.

Пристатейный библиографический список

1. Бикмаметова Р. Р. Практика применения общих исключений ГАТТ к обязательствам, предусмотренным протоколом о присоединении к соглашению о создании ВТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7158/uid68637_report.pdf (дата обращения: 19.01.2019).
2. Сибатян А. С., Тымма С. В. Редкоземельные металлы как повод задуматься о нормативной ценности правовых позиций Органа по разрешению споров ВТО // Международное правосудие. 2015. № 1. С. 102-117.
3. Protocol on the Accession of the People's Republic of China to the WTO, WT/L/432 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/completeacc_e.htm#chn (date of the application: 19.01.2019).
4. Appellate Body Report, China – Measures Related to the Exportation of Various Raw Materials, WT/DS394/AB/R, WT/DS395/AB/R, WT/DS398/AB/R, adopted 22 February 2012, adopted 22 February 2012.
5. Appellate Body Report, China – Measures Affecting Imports of Automobile Parts, WT/DS339/AB/R, WT/DS340/AB/R, WT/DS341/AB/R, adopted 15 December 2008.
6. Panel Report, China – Measures Affecting Imports of Automobile Parts, WT/DS339/R, WT/DS340/R, WT/DS342/R, circulated 18 July 2008.

3 Бикмаметова Р. Р. Указ. соч.

4 Appellate Body Report, China – Measures Affecting Imports of Automobile Parts, WT/DS339/AB/R, WT/DS340/AB/R, WT/DS341/AB/R, adopted 15 December 2008.

5 Panel Report, China – Measures Affecting Imports of Automobile Parts, WT/DS339/R, WT/DS340/R, WT/DS342/R, circulated 18 July 2008.

6 Бикмаметова Р. Р. Указ. соч.

7 Appellate Body Report, China – Measures Related to the Exportation of Various Raw Materials, WT/DS394/AB/R, WT/DS395/AB/R, WT/DS398/AB/R, adopted 22 February 2012, adopted 22 February 2012.

8 Сибатян А. С., Тымма С. В. Редкоземельные металлы как повод задуматься о нормативной ценности правовых позиций Органа по разрешению споров ВТО // Международное правосудие. 2015. № 1. С. 106.

ВЕРДИЕВА Джамиля Абидовна

студентка 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета

САЛИХОВА Сабина Маратовна

студентка 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ВОЗДУШНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРОВ

Центральным звеном, в котором отражается система гражданско-правовых отношений, при осуществлении транспортного процесса является договор перевозки. В настоящее время «воздушное право» находится в постоянном совершенствовании и развитии. Как показывает наука и практика, в законодательной базе недостаточно выражена практическая разработанность многих проблем относительно применения договоров о воздушной перевозке. Корень данных проблем находится в вопросах, которые связаны с обеспечением исполнения всех обязательств перед пассажирами на основании договора воздушной перевозки пассажиров, которые выступают в качестве потребителей услуг.

Ключевые слова: международные перевозки, воздушная перевозка, перевозчик, пассажир, авиакомпания, авиация.

VERDIEVA Jamilya Abidovna

4th year student of the Institute of Law of the Dagestan State University

SALIKHOVA Sabina Maratovna

4th year student of the Institute of Law of the Dagestan State University

LEGAL REGULATION OF THE CONTRACT OF INTERNATIONAL AIR CARRIAGE OF PASSENGERS

The central element, which reflects the system of civil law relations, in the implementation of the transport process is the contract of carriage. Currently, "air law" is in constant improvement and development. As science and practice show, the legislative framework does not sufficiently express the practical development of many problems regarding the application of air transport contracts. The root of these problems lies in issues related to ensuring the fulfillment of all obligations to passengers based on the air carriage agreement of passengers who act as consumers of services.

Keywords: international transport, air transportation, carrier, passenger, airline, aviation.

Для недавнего времени было характерно резкое сокращение количества авиационных пассажирских перевозок, что стало следствием широкомасштабного финансового кризиса. Однако, как отмечает Международная организация гражданской авиации рынок авиаперевозок в 2017 году восстанавливает свое прежнее функционирование. При этом тенденция роста находится на высоком уровне, что является определенным успехом¹.

На основании пункта 1 статьи 786 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) и пункта 1 статьи 103 Воздушного кодекса РФ (ВК РФ) на основании договора перевозки пассажира у перевозчика появляется обязанность по перевозке пассажира до необходимого пункта назначения. Существенным условием договора авиаперевозки пассажира является непосредственный срок доставки в пункт назначения, который устанавливается воздушными перевозчиками. Однако хоть данное условие существует, тем не менее, Федеральные авиационные правила дают возможность перевозчику осуществлять задержку рейса, а иногда и вовсе отменять, перевозчик может поменять тип воздушного судна или изменить маршрут, единственно, что все это должно быть обосновано заботой о безопасности пассажиров, то есть забота о безопасности дает существенные условия изменения условий перевозки для авиаперевозчиков. Помимо этого, инициатором таких изменений могут

выступать государственные органы, обладающие такой компетенцией.

Вместе с тем, статья 792 ГК РФ устанавливает, что перевозчик обязан доставить пассажира, багаж в пункт назначения в сроки, определяемые в порядке, предусмотренном транспортными уставами и кодексами, а при отсутствии таких сроков – в разумный срок. В контексте рассматриваемой статьи прослеживается некое противоречие тому обстоятельству, что срок является существенным условием в договоре воздушной перевозки пассажиров. Следовательно, срок доставки пассажиров подлежит более детальной конкретизации. В этих условиях видится целесообразным избавление от измерения времени понятием разумный срок в содержании статьи 792 ГК РФ.

Важно сказать о том, что непосредственное регулирование условий заключения исследуемых договоров установлено в Воздушном Кодексе. Важным фактом является обязанность авиакомпаний устанавливать правила осуществления воздушной перевозки пассажиров, данные правила обычно публикуются авиакомпаниями на сайтах и часто дублируются на стендах в аэропортах, расположенных рядом с кассами. В данных правилах нет четких гарантий по осуществлению всех пассажиров в четко оговоренные сроки.

Часто можно столкнуться с ситуацией, при которой нарушается время вылета пассажиров, но при этом данное время и не является гарантированным со стороны самого договора, связано это с тем, что оно может меняться из-за необходимости обеспечения безопасности и различных действий по ее обеспечению.

¹ Мальцев В. А., Гриднева О. В. Особенности правового регулирования перевозок на воздушном транспорте в Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2018. № 1 (25). С. 9-17.

Однако для оценки данных условий можно обратиться к нормам Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», где в статье 16 указано: «условия договора, ущемляющие права потребителей по сравнению с правилами установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными»². Исходя из этого можно сделать вывод о том, что при заключении договоров авиаперевозки пассажиров происходит ущемление их прав, так как для пассажиров не гарантируются любые сведения из билетов, время отправления, время перевозки, время прилета, все может быть изменено авиакомпаниями. По нашему мнению, наличие данного пробела в законодательстве по срокам исполнения договора выступает в качестве существенного недостатка при осуществлении регулирования исследуемых отношений, а также оно может быть использовано авиаперевозчиками для совершения различного рода злоупотреблений в данной сфере.

Все это говорит о необходимости недопущения ограничения прав потребителей – пассажиров, а в целях этого предлагается дать следующую редакцию абзацу пятому части 1 статьи 103 ВК РФ: «Срок доставки пассажира и багажа является существенным условием договора и определяется в авиабилете на основании утвержденного в установленном порядке расписания рейсов перевозчика. Время отправки пассажира и багажа может быть перенесено, но не более чем на 3 часа»³. По нашему мнению данное дополнение существенно облегчит график маршрута пассажиров, при их последующем движении иным видом транспорта.

Кроме этого, возникновение некоторых проблем происходит при задержке отправления самого транспортного средства или в случаях его опоздания в пункт назначения. В данном случае перевозчиком должен быть уплачен пассажиру штраф. В этой связи, прослеживается некоторое несоответствие между статьей 795 ГК РФ и статьей 120 ВК РФ, заключаемое в факте того, что в отличие от ГК РФ, ВК РФ определяет штрафные санкции только в случаях просрочки доставки пассажиров, багажа и груза в пункт назначения.

Анализ действующего законодательства в сфере авиаперевозок позволяет сделать вывод, что на современном этапе требуется модернизация актов, содержащих нормы регулирования рассматриваемых отношений, в частности, в четкой проработке нуждаются вопросы ответственности участников договора воздушной перевозки за нарушение тех или иных его условий. По нашему мнению, что восполнение данного пробела необходимо осуществлять с отсылкой к пункту 5 статьи 28 Закона РФ «О защите прав потребителей». На основании этой статьи закона сумма неустойки должна быть ограничена непосредственной стоимостью авиабилета. При этом сам расчет необходимо осуществлять за каждый час просрочки, непосредственно с того момента, когда данная услуга должна была быть полностью исполнена. Примечательно то обстоятельство, что данное правило находит свое отражение, в частности, при выполнении авиаперевозок на территории США. При таких условиях, за каждый час просрочки вылета авиакомпания уплачивает компенсацию, не превышающую стоимость билета более чем в 2 раза.

Думается, применительно к российской действительности подобная система на данном этапе неприемлема в силу ряда причин.

Оперируя ст. 22 ГК РФ в отношении договора перевозки, не допускается никакое соглашение об ограничении или устранении установленной законом ответственности перевозчика. В соответствии со ст. 123 ВК РФ за авиакомпанией закреплено право повысить свой предел ответственности при заключении соглашения с пассажирами, грузоотправителями и грузополучателями. Однако с таким положением в корне нельзя согласиться, поскольку данная норма предполагается чисто гипотетически. Указанная норма, возможно, может найти свое отражение лишь при достаточно сильной конкуренции на рынке авиаперевозок.

Таким образом, в качестве итога указанным выше положениям, подчеркнем, что для достижения эффективного правового регулирования отношений, возникающих из договора воздушной перевозки пассажиров, необходимо устранение вышеуказанных противоречий путем модернизации соответствующих актов, регламентирующих рассматриваемые проблемные вопросы. Особенно это актуально в важности сфере авиаперевозок пассажиров, так как развитие авиаперелетов существенно повышает комфорт и скорость передвижения пассажиров, способствует их мобильности. Но авиатранспорт связан с рядом минусов, устранение которых возможно с помощью модернизации нормативного регулирования и совершенствования в данной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018) // Российская газета, № 59-60, 26.03.1997.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 29.07.2018) «О защите прав потребителей» // Российская газета, № 8, 16.01.1996.
4. Мальцев В. А., Гряднева О. В. Особенности правового регулирования перевозок на воздушном транспорте в Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2018. № 1 (25). С. 9-17.
5. Остроумов Н. Н. Договор перевозки в международном воздушном сообщении. М.: Статут, 2012.

2 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 29.07.2018) «О защите прав потребителей» // Российская газета, № 8, 16.01.1996.

3 Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018) // Российская газета, № 59-60, 26.03.1997.

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института Всероссийского государственного университета юстиции

АЛЕКСЕЕВ Георгий Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института Всероссийского государственного университета юстиции

НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СТАНДАРТЫ ОБЩЕГО РЫНКА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Современные формы международной интеграции привели к формированию стандартов общего рынка, которые отражают становление управления на уровне экономических союзов, в том числе в ЕС. Правовые гарантии единства общего рынка закреплены в учредительных документах интеграционных объединений государств. Разделение суверенной власти между государственными органами и наднациональными институтами способствует разрастанию кризисов, подобных ситуации с «Brexit». Исследование нормативной основы экономической интеграции показывает, что наднациональные власти, ослабляя национальные правительства, подчиняют их правилам общего рынка, которые не всегда оказываются рациональными и приемлемыми в конкретных социально-политических условиях.

Ключевые слова: интеграция, имплементация, гармонизация, суверенитет, регламент, директива, ЕС.

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Constitutional and international law sub-faculty of the St. Petersburg Institute of All-Russian State University of Justice

ALEKSEEV Georgiy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the St. Petersburg Institute of All-Russian State University of Justice

SUPRANATIONAL GOVERNANCE AND COMMON MARKET STANDARDS IN THE EUROPEAN UNION

Modern forms of international integration have led to the formation of common market standards that reflect the development of governance at the level of European Union (EU). Legal guarantees of the solidarity on the common market are enshrined in the constituent documents of the integration associations of states. The division of sovereign power between government agencies and supranational institutions contributes to the growth of crises, such as the situation with Brexit in EU. A study of the regulatory framework for economic integration shows that supranational authorities, by weakening national governments, subordinate them to common market rules, which are not always rational and acceptable in specific socio-political conditions.

Keywords: integration, implementation, harmonization, sovereignty, regulation, directive, EU.

Введение. С момента вступления в силу Договора о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) развивается дискуссия о природе и динамике интеграционных политических процессов в Европе. Институциональная трансформация Европейского Экономического Сообщества в Европейский Союз (ЕС) поставила на повестку дня вопрос о том, насколько глубоко международная организация может вмешиваться во внутреннюю компетенцию государств-участников. С одной стороны, наличие общей валюты, попытки принятия Конституции ЕС в 2004 году и прямые выборы в Европейский парламент свидетельствуют о возникновении государства, с демократическим образом сформированными органами власти, монетарной системой и общим политическим пространством. С другой стороны, каждое государство в составе ЕС защищает свои национальные интересы, и сформировавшийся наднациональный политический класс не имеет всей полноты суверенной власти, реализуя лишь конкретную согласованную со всеми национальными правительствами компетенцию. Лиссабонский договор от 13 декабря 2007 г. создал множество возможностей для развития ЕС, однако не смог разрешить всех политических противоречий внутри Союза.

В начале XXI века американский учёный Алек Стоун Свит (Alec Stone Sweet) точно охарактеризовал механизм ев-

ропейского наднационального конституализма, показав то, как Суд ЕС управляет посредством прецедентов, распространяя на общий европейский рынок действие доктринальных норм, которые определяют аргументацию в процессе принятия решений юристами, судьями и государственными органами¹. Современные исследования демонстрируют, что такая система управления может стать вызовом системе либеральных конституционных ценностей² поскольку использует административную юрисдикцию европейских институтов. Немецкий профессор права Йоханнес Заурер (Johannes Saurer) отмечает, что в процессе регулирования рынка взаимодействие «наднациональных и национальных властей в ЕС существенно отличается от разделения полномочий между федеральной властью и администрацией штатов в федеративной системе США», так как динамика европейской интеграции прослеживается в подотчетности (accountability) как функции «сетевых институциональных отношений, которые связывают европейские административные единицы как с наднациональными, так и с национальными форумами

1 Stone Sweet A. The Judicial Construction of Europe. Oxford New York: Oxford University Press. 2004. 279 p.

2 De Búrca G. Is EU Supranational Governance a Challenge to Liberal Constitutionalism? // The University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85, No. 2. P. 337-368

подотчетности»³. Представляется, что основной проблемой в интеграционных формах государственного устройства является политическая и правовая ответственность государственного аппарата за последствия принимаемых административных решений.

Цели и задачи наднационального управления. Идея создания наднациональной федерации в Европе приобрела характер антивоенной цели в работах американского политолога Льюиса Декстера (Lewis Anthony Dexter), однако гипотетическая и реальная картина «последствий наднационального федерализма» оказались принципиально различными⁴. В условиях современных европейских реалий итальянский специалист в области сравнительного правоведения Марко Дани (Marco Dani) утверждает, что «наднациональная исполнительная власть (supranational executive), в силу своего predominирования и этоса, коррумпирует и постепенно вытесняет национальные конституционные демократии, придавая все более постполитический характер европейскому публичному праву»⁵. Деполизитизация экономики и интеграция рынков становятся самоцелью в современных условиях.

Различного рода глобальные системы международного общения стали оказывать непосредственное влияние на государственность и суверенитет⁶, формируя правосознание на наднациональном уровне. По справедливому мнению А.А. Канунникова «субъекты гражданского общества, не зависящие от национальных правительств и имеющие свои наднациональные объединения, могут открыть новые возможности для создания новой модели управления»⁷. Однако наднациональное управление должно опираться на проверенные, традиционные формы мотивации к труду и легитимации конкретных проявлений власти. Профессор А.О. Иншакова обоснованно полагает, что «создание легитимной нормативно-правовой базы в глобализирующемся социальном пространстве неразрывно связано со стратегиями дискурса масс-медиа, обладающего мощным потенциалом для создания общественного мнения ...»⁸. Очевидно, что общественный контроль над интеграционными процессами имеет обычно правовую, демократическую природу.

Формирование на региональном уровне интеграционных союзов, подобных ЕС, предопределено экономическими реалиями глобальной конкуренции. При этом на национальном уровне необходимы трансформации социального уклада, традиционной экономики и правового базиса её функционирования. Главный научный сотрудник отдела социальных и политических исследований Института Европы Российской академии наук М.В. Каргалова наглядно демонстрирует необходимость реформ в ЕС, отмечая, что «факт

неплатежеспособности систем пенсионного обеспечения несомненно вызовет нарастание социального недовольства в ближайшие годы и, возможно, банкротство пенсионных систем. Пенсионные фонды могут оказаться перегруженными за счёт наплыва иммигрантов. Опасность несут и неассимилирующиеся диаспоры»⁹. Аналогичные проблемы актуальны на постсоветском пространстве. В рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) существуют принципиальные проблемы взаимосвязи наднационального управления с улучшением качества жизни населения.

Для наднационального управления, вне зависимости от политической обстановки, не существует альтернатив задаче «по обеспечению реальной демократии, научно-технического прогресса и устойчивого развития»¹⁰. Профессор С.Ю. Кашкин обоснованно полагает, что «интеграционное право ... представляет собой перманентный поиск своего рода "обобщенной оптимальной правовой модели" реально функционирующего правового регулирования интеграционных отношений на конкретный период...»¹¹. Формирование общего рынка интеграционного объединения требует постоянных усилий со стороны наднациональных институтов по созданию политико-правовых механизмов взаимодействия между суверенными субъектами как внутри интеграционного объединения, так и с привлечением суверенных партнёров. Такое партнёрство, однако, сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, всеобщее признание личных и политических прав граждан требует «универсальных (cosmopolitan) реформ международного экономического права и более действенных средств судебной защиты (judicial remedies) транснационального правопорядка»¹². Во-вторых, широко известно, что «проблема поддержания конкуренции на должном уровне являлась одной из основных экономических и институциональных задач и в то же время трудностей для сообщества»¹³. В-третьих, поскольку опыт реализации судебных доктрин ЕС демонстрирует способность конституционных судов корректировать нормы права межправительственной и технократической природы, наносящие ущерб национальным конституционным принципам¹⁴, постольку во избежание принципиальных споров и конфликтов необходимо согласование представлений об основах публичного порядка и правовом государстве на уровне интеграционного объединения государств.

Таким образом, наднациональное управление использует правовые, экономические и политические методы организации взаимодействия между государственными ап-

3 Saurer J. Supranational Governance and Networked Accountability Structures: Member State Oversight of EU Agencies // *European Journal of Risk Regulation* 2011. Vol. 2, No. 1. P. 51-60.
4 Dexter L. A. Implications of Supranational Federation // *American Sociological Review*. 1942. Vol. 7, No. 3. P. 400-406.
5 Dani M. The Rise of the Supranational Executive and the Post-Political Drift of European Public Law // *Indiana Journal of Global Legal Studies* 2017. Vol. 24, No. 2. P. 399-428.
6 Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Роль средств массовой информации в признании статуса субъектов международного права // *Управленческое консультирование*. 2014. № 11 (71). С. 7-16.
7 Канунников А.А. Глобальное управление: роль и место гражданского общества // *Вестник Московского университета*. Серия 12: Политические науки. 2017. № 4. С. 25-34.
8 Иншакова А.О. Реакция права на вызовы высоких технологий в инновационной России // *Legal Concept*. 2018. Т. 17. № 4. С. 6-15.

9 Каргалова М.В. Размышления о будущем Европейского Союза // *Современная Европа*. 2016. № 4 (70). С. 115
10 Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Международная интеграция, демократия и информационная безопасность государства // *Управленческое консультирование*. 2017. № 3 (99). С. 8-15.
11 Кашкин С.Ю. Методология интеграционного права. часть I: общие основы // *Юридическая наука*. 2018. № 2. С. 14.
12 Petersmann E.-U. Methodology Problems in International Economic Law and Adjudication // *Jindal Global Law Review* 2016. Vol. 7, Iss. 2. P. 279-332.
13 Иншакова А.О., Козлова М.Ю. О необходимости стандартизации категориального аппарата конкурентного права РФ и ЕС // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 76.
14 Dani M. National Constitutional Courts in Supranational Litigation: A contextual analysis // *European Law Journal* 2017. Vol. 23, Iss. 3-4. P. 189-212.

паратами стран, участвующих в процессах международной интеграции. При этом экономические по своей природе интеграционные цели обуславливают гибкость правовых методов обеспечения национального благосостояния в условиях международной интеграции.

Правовые формы взаимодействия интеграционных объединений. Широкая международная интеграция полезна для инфраструктуры государств, поскольку она способствует техническому прогрессу и экономическому развитию, однако в национальной экономике могут возникнуть трудности при сохранении там традиционной экономической модели¹⁵. Сбалансированность экономических интересов государств – участников интеграционных процессов является необходимым условием членства в ЕС. На интеграционные процессы существенное влияние оказывает экономическая ситуация в государствах – партнёрах, которые активно взаимодействуют с ЕС в экономическом плане. Формирование общих для ЕС и ЕАЭС сегментов рынка проблематично в силу того обстоятельства, что институциональная интеграция ЕС отличается от тех принципов международного публичного права, что лежат в основе ЕАЭС как международной организации.

Исследования показывают, что ЕС весьма осторожно относится к политическим процессам, которые отражают тренд евразийской интеграции в СНГ и ЕАЭС. В сложных политических условиях «конкуренция интеграций»¹⁶ и украинский кризис отражают инструменты политической борьбы и имеют весьма ограниченное правовое значение. Использование политической повестки в национальных и наднациональных интересах становится инструментом доминирования и протекционизма, разрушающим правовой порядок, установленный Всемирной торговой организацией (ВТО).

Сложившиеся в формате ЕС механизмы поддержания единства «пространства свободы, безопасности и правосудия» достаточно часто оказываются далеки от принципа справедливости в решении экономических проблем государств и защиты интересов предпринимателей¹⁷. Суд ЕС в значительной степени способствует созданию общего правового пространства ЕС, так как он наделён широкими полномочиями по правоприменению (Art. 9 F, Treaty of Lisbon 17.12.2007 C306/1). Однако политика правоприменения со стороны европейских институтов оказалась недостаточно гибкой, чтобы предотвратить ситуацию с «Brexit» и политические разногласия по вопросу миграционного кризиса. Практика обеспечения справедливости рамках ЕАЭС также предполагает функционирование наднационального Суда ЕАЭС (ст. 19 Договора о Евразийском экономическом союзе» Астана 29.05.2014) (ред. от 11.04.2017)), однако прямое действие права ЕАЭС и юрисдикция Суда ЕАЭС не ограничивают суверенитет государств участников, оставляя значительное пространство для политического разрешения противоречий.

Основные формы наднационального управления предполагают государственно-частное партнёрство с участием транснациональных корпораций и международных неправительственных организаций. Ряд неправительственных организаций в Европе «имеют международный статус и объединены в рамках Конференции международных неправительственных организаций (МНПО), действующей в структуре Совета Европы (СЕ)»¹⁸. При этом, как справедливо отмечает профессор А.В. Кузнецов, «полноценной корпоративной интеграции в СНГ не возникло»¹⁹. Структуры ЕАЭС также не в полной мере обеспечивают консолидацию усилий бизнеса на пространстве евразийской интеграции. Вместе с тем, следует признать, что не только «конкуренция за развитие проектов международных транспортных коридоров (МТК) будет возрастать»²⁰, но также будет наблюдаться чрезвычайно плотная конкуренция на региональных рынках ЕС и ЕАЭС.

Реагирование на происходящие в мире изменения требует модернизации законодательных подходов к регулированию интеграционных процессов. По справедливому замечанию российских учёных С.В. Бахина и Ю.К. Бекетовой, наблюдаются существенные изменения в содержании и методике заключения двусторонних инвестиционных договоров (ДИД). Потенциальными контрагентами России в настоящее время «являются не только государства, но и объединения государств, международные организации, иные образования. Такое расширение круга участников ДИД отражает происходящие в международных отношениях процессы, в частности передачу некоторых полномочий интеграционным группировкам»²¹. Вместе с тем недостаточно признавать специальную правосубъектность участников интеграционных процессов, необходимо создавать собственные привлекательные интеграционные проекты.

Государственно-частное партнёрство необходимо для реализации проектов с использованием государственных инвестиций на основе равноправного сотрудничества²², причём как внутри интеграционных союзов, так на всём евразийском интеграционном пространстве от Лиссабона до Владивостока. Не удивительно, что масштабные исследовательские проекты, сочетающие частное и государственное финансирование и направленные на решение технических задач, составляют основу европейских научных исследований²³. Очевидно,

15 Алексеев Г.В., Морозов Г.Н. Национализация политического класса как фактор обеспечения безопасности страны // Власть. 2017. Т. 25. № 6. С. 90.

16 Мишальченко Ю.В., Изотов А.В. Основные факторы формирования отношения Европейского Союза к процессам евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. № 16. С. 31

17 Иншакова А.О. Шенгенская информационная система: общеевропейский опыт правового развития телекоммуникационных технологий интеграционного объединения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 37.

18 Канунников А.А. Международные неправительственные организации в Совете Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 33

19 Кузнецов А.В. Российские прямые инвестиции как фактор евразийской интеграции // Вопросы экономики. 2014. № 8. С. 58-69.

20 Подберёзкина О.А. Транспортные коридоры в российских интеграционных проектах (на примере ЕАЭС) // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 1 (40). С. 57-65.

21 Бахин С.В., Бекетова Ю.К. Заключение двусторонних международных договоров об иностранных инвестициях: новые подходы Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 160-173.

22 Шумейко Е.Г., Мишальченко Ю.В. Анализ института государственно-частного партнерства в международной и российской правовой практике // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1 (116). С. 15-17.

23 Иншакова А.О. Унифицированное правовое поле инновационного экономического развития и нанотехнологий региональных

что рациональность инвестиционной деятельности повышается в результате привлечения частного капитала, в то время как государственное участие обеспечивает гарантии безопасности проектов, рассчитанных на углубление экономической интеграции в том числе между ЕС и ЕАЭС.

Наднациональное управление не должно использоваться против национальных экономических интересов, так как механизмы императивного вмешательства могут приводить к превалированию дезинтеграционных тенденций. Так, в частности, результатом вмешательства коммунитарных институтов ЕС в британскую экономическую политику стал референдум 23 июня 2016 года, где 51,9% британцев проголосовали за выход страны из ЕС. Такое решение фактически продемонстрировало ответственность ЕС за экономические трудности отдельной страны. Финансовое управление ЕС (EU financial governance), являясь одним из ключевых элементов наднационального управления, станет значительно слабее после выхода Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии из состава ЕС.

Единый рынок требует не только общих антимонопольных норм, но и единого механизма финансового контроля, который выступает частью механизма оценки рисков и прогнозирования²⁴. Интеграционное взаимодействие ЕС и ЕАЭС в этом контексте должно включать в себя координацию работы финансовых агентств интеграционных объединений.

Правовые гарантии единства общего рынка интеграционных союзов предполагают гармонизацию понятийного аппарата и принципов регулирования торговых отношений. Принцип целесообразности – центральный элемент правового режима интеграции в ЕС. Специалист по антимонопольной политике Европейской комиссии Кирил Риттер (Cyril Ritter) отмечает, что формальное «определение рынка полезно только в той степени, в которой оно помогает проанализировать, есть ли вред. Определение рынка – это инструмент, а не конечная цель. Конечная цель – выяснить, есть ли вред»²⁵. Регламенты и директивы ЕС достаточно часто непоследовательны по части дефиниций, но чрезвычайно скрупулёзны в вопросе оценки результатов имплементации директив и исполнения требований регламентов.

Соотношение национального законодательства и наднационального права в ЕС предполагает верховенство права ЕС, в то время как политика ЕАЭС в этом вопросе фактически обратная. Ряд немецких экономистов полагает, «что национальные стандарты сами по себе препятствуют торговле в европейских цепочках создания стоимости, в то время как европейские и международные стандарты способствуют торговле»²⁶. Положительное влияние международных стан-

дартов отражается на импорте в Европу из третьих стран и являются центральным элементом в системе взаимодействия ЕС и ЕАЭС. Как представляется, следуя именно этой логике, ЕС в целом последовательно содействовал присоединению России к ВТО²⁷.

Вопрос об обязательности решений наднациональных судебных органов отражает потенциал судебной защиты прав граждан²⁸ и затрагивает проблему государственного суверенитета. Следует признать, что не все политические силы в ЕАЭС и ЕС заинтересованы в создании общего рынка. Американский профессор Лейна Мосли (Layna Mosley), опираясь на исторические факты, полагает, «что внутривластные институты, а также интересы часто приводят к неспособности правительств применять глобальные кодексы и стандарты»²⁹. Для преодоления этого тренда активно используется мягкое право, которое в рамках глобального экономического управления (global economic governance) создаёт сетевые структуры государственно-частного партнёрства для «создания стандартов, лучших практик и норм»³⁰.

Заключение. Правовая основа наднационального управления регулирует софинансирование корпорациями и государством интеграционных инициатив, способных обеспечить устойчивое экономическое развитие. Государственно-частное партнёрство в ЕС является инструментом повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов в масштабах глобальной экономики. Применение правовых средств разрешения экономических споров в ЕС возможно только при учёте особенностей национального конституционного и регионального правопорядка, которому механизмы наднационального управления должны в полной мере соответствовать.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Г.В., Морозов Г.Н. Национализация политического класса как фактор обеспечения безопасности страны // *Власть*. 2017. Т. 25. № 6. С. 88-95.
2. Бахин С.В., Бекетова Ю.К. Заключение двусторонних международных договоров об иностранных инвестициях: новые подходы Российской Федерации // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017. № 5 (334). С. 160-173.
3. Иншакова А.О. Реакция права на вызовы высоких технологий в инновационной России // *LegalConcept*. 2018. Т. 17. № 4. С. 6-15. DOI: 10.15688/1c.jvolsu.2018.4.1

интеграционных объединений: ЕС, ЕВРАЗЭС, СНГ // *Власть Закона*. 2012. № 2 (10). С.28.

24 Moloney N. International Financial Governance, the EU, and Brexit: The 'Agencification' of EU Financial Governance and the Implications // *European Business Organization Law Review* 2016. Vol. 17, Iss. 4. P. 451-480.

25 Ritter C. Antitrust in Two-Sided Markets: Looking at the U.S. Supreme Court's Amex Case from an EU Perspective // *Journal of European Competition Law & Practice*, 2019. 1p077.

26 Blind K., Mangelsdorf A., Niebel C., Ramel F. Standards in the Global Value Chains of the European Single Market, *Review of International Political Economy*. 2018. Vol. 25 Iss.1. P. 28-48.

27 Калиниченко П.А. Правовые аспекты взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом в рамках Всемирной торговой организации // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 11 (48). С.2618.

28 Мишальченко Ю.В., Яцкина А.В. Международно-правовой потенциал судебной защиты прав граждан интеграционных объединений СНГ, ЕАЭС и ЕС // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 2 (105). С. 159-161.

29 Mosley L. Regulating Globally, Implementing Locally: The financial codes and standards effort // *Review of International Political Economy* 2010. Vol. 17, Iss.4. P. 724-761.

30 Newman A. Posner E. Structuring Transnational Interests: The Second-Order Effects of Soft Law in the Politics of Global Finance // *Review of International Political Economy* 2016. Vol. 23, Iss.5. P. 768-798.

4. Иншакова А.О. Унифицированное правовое поле инновационного экономического развития и нанотехнологий региональных интеграционных объединений: ЕС, ЕВРАЗЭС, СНГ // *Власть Закона*. 2012. № 2 (10). С. 22-34.
5. Иншакова А.О. Шенгенская информационная система: общеевропейский опыт правового развития телекоммуникационных технологий интеграционного объединения // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 11 (96). С. 32-38.
6. Иншакова А.О., Козлова М.Ю. О необходимости стандартизации категориального аппарата конкурентного права РФ и ЕС // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2012. № 2. С. 76-85.
7. Калиниченко П.А. Правовые аспекты взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом в рамках Всемирной торговой организации // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 11 (48). С. 2617-2621.
8. Канунников А.А. Глобальное управление: роль и место гражданского общества // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2017. № 4. С. 25-34.
9. Канунников А.А. Международные неправительственные организации в Совете Европы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 6. С. 33-40. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-6-33-40
10. Каргалова М.В. Размышления о будущем Европейского Союза // *Современная Европа*. 2016. № 4 (70). С. 109-117. DOI: 10.15211/soveurope42016109117
11. Кашкин С.Ю. Методология интеграционного права. часть I: общие основы // *Юридическая наука*. 2018. № 2. С. 6-16.
12. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Международная интеграция, демократия и информационная безопасность государства // *Управленческое консультирование*. 2017. № 3 (99). С. 8-15.
13. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Роль средств массовой информации в признании статуса субъектов международного права // *Управленческое консультирование*. 2014. № 11 (71). С. 7-16.
14. Кузнецов А.В. Российские прямые инвестиции как фактор евразийской интеграции // *Вопросы экономики*. 2014. № 8. С. 58-69.
15. Мишальченко Ю.В., Изотов А.В. Основные факторы формирования отношения Европейского Союза к процессам евразийской интеграции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2014. № 16. С. 26-31.
16. Мишальченко Ю.В., Яцкина А.В. Международно-правовой потенциал судебной защиты прав граждан интеграционных объединений СНГ, ЕАЭС и ЕС // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 2 (105). С. 159-161.
17. Подберёзкина О.А. Транспортные коридоры в российских интеграционных проектах (на примере ЕАЭС) // *Вестник МГИМО Университета*. 2015. № 1 (40). С. 57-65.
18. Шумейко Е.Г., Мишальченко Ю.В. Анализ института государственно-частного партнерства в международной и российской правовой практике // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 1 (116). С. 15-17.
19. Blind K., Mangelsdorf A., Niebel C., Ramel F. Standards in the Global Value Chains of the European Single Market, *Review of International Political Economy*. 2018. Vol. 25 Iss.1. P. 28-48, DOI: 10.1080/09692290.2017.1402804
20. Dani M. National Constitutional Courts in Supranational Litigation: A contextual analysis // *European Law Journal* 2017. Vol. 23, Iss. 3-4. P. 189-212. DOI:10.1111/eulj.12220
21. Dani M. The Rise of the Supranational Executive and the Post-Political Drift of European Public Law // *Indiana Journal of Global Legal Studies* 2017. Vol. 24, No. 2. P. 399-428.
22. De Búrca G. Is EU Supranational Governance a Challenge to Liberal Constitutionalism? // *The University of Chicago Law Review*. 2018. Vol. 85, No. 2. P. 337-368. DOI:10.2139/ssrn.3105238
23. Dexter L. A. Implications of Supranational Federation // *American Sociological Review*. 1942. Vol. 7, No. 3. P. 400-406. DOI:10.2307/2085370
24. Moloney N. International Financial Governance, the EU, and Brexit: The 'Agencification' of EU Financial Governance and the Implications // *European Business Organization Law Review* 2016. Vol. 17, Iss. 4. P. 451-480 DOI:10.1007/s40804-016-0055-x
25. Mosley L. Regulating Globally, Implementing Locally: The financial codes and standards effort // *Review of International Political Economy* 2010. Vol. 17, Iss.4. P. 724-761. DOI: 10.1080/09692290903529817
26. Newman A. Posner E. Structuring Transnational Interests: The Second-Order Effects of Soft Law in the Politics of Global Finance // *Review of International Political Economy* 2016. Vol. 23, Iss.5. P. 768-798. DOI: 10.1080/09692290.2016.1216004
27. Petersmann E.-U. Methodology Problems in International Economic Law and Adjudication // *Jindal Global Law Review* 2016. Vol. 7, Iss. 2. P. 279-332. DOI:10.1007/s41020-016-0033-8
28. Ritter C. Antitrust in Two-Sided Markets: Looking at the U.S. Supreme Court's Amex Case from an EU Perspective // *Journal of European Competition Law & Practice*, 2019. lpy077, DOI:10.1093/jeclap/lpy077
29. Saurer J. Supranational Governance and Networked Accountability Structures: Member State Oversight of EU Agencies // *European Journal of Risk Regulation* 2011. Vol. 2, No. 1. P. 51-60. DOI:10.1017/S1867299X00000611
30. Stone Sweet A. *The Judicial Construction of Europe*. Oxford New York: Oxford University Press. 2004. – 279 p.

ВОЙНИКОВ Вадим Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права
Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕС

В статье проводится анализ системы правового регулирования деятельности ЕС по борьбе с преступностью. В праве ЕС выделяется система правовых норм, регулирующих вопросы осуществления сотрудничества государств-членов в области борьбы с преступностью. Указанную систему автор предлагает именовать правоохранительным законодательством ЕС. В статье определен предмет и метод правового регулирования правоохранительного законодательства ЕС, а также показана его структура.

Ключевые слова: Европейское пространство свободы, безопасности и правосудия, борьба с преступностью, правоохранительное законодательство, полицейское сотрудничество, правовое сотрудничество по уголовным делам.

VOYNIKOV Vadim Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of International and European law sub-faculty of the I. Kant Baltic Federal University

Войников В. В.

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT AND SYSTEM OF EU LAW ENFORCEMENT

This article analyzes the system of legal regulation of the EU activity on combating crime. Within the EU law we can distinguish the systems of legal norms governing the implementation of the cooperation between member states in the field of combating crime. The author suggests that this system should be referred as EU law enforcement legislation. The article defines the EU law enforcement legislation, shows the subject and method of legal regulation, as well as its structure.

Keywords: European area of freedom, security and justice, combating crime, law enforcement legislation, police cooperation, judicial cooperation in criminal matters.

В условиях интеграционного объединения государства-члены не в состоянии самостоятельно решать проблемы, связанные с противодействием криминальной деятельности, тем более, если последняя имеет трансграничный характер. В связи с этим борьба с преступностью занимает особое место в политике Европейского Союза (далее – ЕС, Союз). При этом сам Союз и его органы не наделены правоохранительными функциями, указанные функции реализуются государствами-членами. Основная роль ЕС в правоохранительной сфере состоит в том, чтобы, оставляя за государствами-членами все функции в полицейской и уголовно-процессуальной сфере, одновременно обеспечить эффективный механизм сотрудничества между ними.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть основы правового регулирования деятельности ЕС в области борьбы с преступностью, а также определить понятие и систему правоохранительного законодательства ЕС.

Деятельность по борьбе с преступностью реализуется ЕС в рамках политики в области пространства, свободы, безопасности и правосудия (ПСБП).

Правовые нормы ЕС, регулирующие отношения в области борьбы с преступностью, составляют определенную правовую систему, которую можно обозначить как законодательство ЕС в сфере борьбы с преступностью и международным терроризмом¹ или правоохранительное законодательство ЕС. Предметом правоохранительного законодательства ЕС вступают общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением сотрудничества между государствами-членами ЕС в полицейской, уголовно-процессуальной и

уголовно-правовой сферах, а также в сфере предотвращения преступности.

Основным источником правоохранительного законодательства выступает директива, соответственно большая часть норм правоохранительного законодательства не имеют прямой юридической силы на территории государств-членов. Для их имплементации необходимо принятие соответствующих норм национального права, которые подлежат применению в конкретных отношениях.

В первичном праве ЕС правоохранительному законодательству посвящены положения главы 4 и 5 раздела V ДФЕС, на основе анализа которых можно прийти к выводу о том, что в структуре правоохранительного законодательства выделяется два относительно самостоятельных направления: полицейское сотрудничество (глава 5 раздела V ДФЕС) и правовое сотрудничество по уголовным делам (глава 4 раздела V ДФЕС).

Полицейское сотрудничество представляет собой сотрудничество государств-членов ЕС по линии конкретных правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Система правовых норм ЕС в области полицейского сотрудничества (EU Policing and Security)² состоит из двух основных элементов: институциональная часть, касающаяся функционирования органов полицейского сотрудничества и материальная часть, содержащая норма, которые регулируют отдельные направления полицейского сотрудничества.

Ключевым институциональным элементом полицейского сотрудничества выступает Агентство ЕС по правоох-

1 Право Европейского Союза: учебник для магистров / под ред. С. Ю. Кашкина. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014. - С. 929.

2 Peers S. EU Justice and Home Affairs Law: Forth edition. Volume II: EU Criminal Law, Policing and Civil Law. - Oxford University Press, 2016.

ранительному сотрудничеству (Европол), правовой основой деятельности которого выступает регламент № 2016/794³.

Основная цель Европола состоит в поддержке сотрудничества национальных правоохранительных органов по вопросам предотвращения и раскрытия особо опасных видов преступлений, затрагивающих два или более государства-члена. Таким образом, в компетенцию Европола входят лишь наиболее тяжкие преступления, имеющий трансграничный характер. Перечень таких преступлений содержится в приложении к регламенту № 2016/794.

Материальная часть законодательства ЕС в области полицейского сотрудничества состоит из нормативно-правовых актов, призванных развивать отдельные направления в полицейской сфере. К настоящему моменту наибольшее развитие получило направление, связанное со сбором, хранением, обменом и анализом информации. Кроме того, к материальному компоненту можно отнести вопросы регулирования сотрудничества между полицией государств-членов ЕС в предотвращении преступлений и осуществлении оперативно-розыскной деятельности⁴.

Второе направление правоохранительного законодательства ЕС направлено на осуществление правового сотрудничества по уголовным делам, которое нередко именуется уголовным правом ЕС (EU Criminal Law)⁵ или Европейским уголовным правом (European Criminal Law)⁶.

Понятие «Уголовное право ЕС» имеет собирательный характер⁷ и включает в себя различные направления, касающиеся главным образом гармонизации уголовного и уголовно-процессуального права⁸. В связи с этим в российской юридической науке иногда используются понятия «уголовное и уголовно-процессуальное право ЕС»⁹.

Проф. Гельмут Затцгер выделяет в рамках Европейского уголовного права следующие элементы: нормы права ЕС, устанавливающие санкции за уголовные правонарушения; национальные нормы уголовного права, введенные в рамках гармонизации уголовного законодательства; процедурный элемент, включающий правовое сотрудничество по уголовным делам; положения Европейской конвенции по правам человека¹⁰.

По мнению Проф. Петера Аспа, уголовное право ЕС состоит из трех компонентов: материальный (гармонизация уголовного права); процессуальный (сотрудничество в рамках уголовного процесса) и институциональный (функционирование Евроюста и Европейской Прокуратуры)¹¹.

По нашему мнению, анализ законодательства ЕС позволяет нам выделить три ключевых направления сотруд-

ничества по уголовным делам: сотрудничество государств-членов в уголовно-процессуальной сфере (статья 82, 85, 86 ДФЕС); гармонизация национального уголовного права (ст. 83 ДФЕС); предотвращение преступности (ст. 84 ДФЕС). При этом институциональный компонент выступает частью сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере.

Предотвращение преступности представляет собой область, в которой ЕС оказывает содействие государствам-членам, однако Союз не уполномочен устанавливать единые или гармонизированные правила.

Задача ЕС в области гармонизации уголовного права состоит в том, чтобы обеспечить в разных странах ЕС одинаковый уровень уголовной ответственности за трансграничные преступления. Выполнение данной задачи обеспечивается посредством введения рамочных норм, обязывающих государства криминализировать те или иные общественно-опасные деяния, а также посредством сближения ответственности за преступления трансграничного характера. При этом акты уголовного права принимаются исключительно на национальном уровне.

Сотрудничество в области уголовного процесса представляет собой взаимодействие правоохранительных органов государств-членов ЕС по конкретным уголовным делам. Основная идея такого сотрудничества состоит в том, чтобы обеспечить совместимость и эффективное взаимодействие национальных систем уголовного судопроизводства, а также повысить уровень защищенности участников уголовного процесса. При этом в предмет правового регулирования входят как уголовно-процессуальные отношения, имеющие трансграничный характер, так и отношения, лишенные указанного элемента (в части установления минимальных гарантий).

В системе норм права, регулирующих процессуальное сотрудничество по уголовным делам, следует выделять предметную и институциональную часть.

Институциональная часть включает в себя нормы, регулирующие деятельность специализированных органов, занимающихся реализацией правового сотрудничества по уголовным делам, к которым относятся Евроюст и Европейская Прокуратура.

По состоянию на январь 2019 года правовой основой деятельности Евроюста выступает решение Совета № 2002/187/JHA¹². В ноябре 2018 года принят регламент № 2018/1727¹³ о преобразовании Евроюста в агентство ЕС по сотрудничеству в области уголовного судопроизводства, однако указанный регламент подлежит применению с 12 декабря 2019 года.

Главной задачей Евроюста является развитие и улучшение координации и сотрудничества между компетентными органами государств-членов ЕС в расследовании преступлений, имеющих трансграничный характер. В целях выполнения указанной задачи Евроюст занимается преимущественно информационной и логистической поддержкой правоохранительных органов при осуществлении расследования дел, имеющих трансграничный характер.

Компетенция Евроюста охватывает наиболее тяжкие виды преступлений, указанные в приложении к регламенту о создании Европола. Таким образом, и Европол, и Евроюст осуществляют свои функции в связи с расследованием одних и тех же составов преступлений.

3 Regulation (EU) 2016/794 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol) and replacing and repealing Council Decisions 2009/371/JHA, 2009/934/JHA, 2009/935/JHA, 2009/936/JHA and 2009/968/JHA. OJ L 135, 24.5.2016. - P. 53-114

4 Никишкин И.И. Правовое регулирование полицейского сотрудничества в Европейском Союзе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М, 2015. - С. 12.

5 The needed balances in EU criminal law: past, present and future / edited by Chloé Brière and Anne Weyembergh. - Brüssel, 2016.

6 Satzger H. International and European criminal law. - Baden-Baden: Nomos, 2018. - P. 45-46.

7 Ambos K. European Criminal Law. - Cambridge University Press, 2018. - P. 14.

8 Weyembergh, Anne; Wiczorek, Irene. Is there an EU Criminal Policy? // EU Criminal Justice and the Challenges of Diversity. Legal Culture in the Area of Freedoms, Security and Justice, edited by Renaud Colson and Stewart Field. - Cambridge University Press, 2016. - P. 29.

9 Право Европейского Союза: учеб. пособие / С. Ю. Кашкин и др.; отв. ред. С. Ю. Кашкин. - М.: Проспект, 2009. - С. 262.

10 Satzger H. International and European criminal law. - Baden-Baden: Nomos, 2018. - P. 45-46.

11 Asp P. The procedural criminal law cooperation of the EU. - Stockholm, 2016. - P. 19-20.

12 Council Decision № 2002/187/JHA of 28 February 2002 setting up Eurojust with a view to reinforcing the fight against serious crime, OJ L 063, 06/03/2002. - P. 0001-0013.

13 Regulation (EU) 2018/1727 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on the European Union Agency for Criminal Justice Cooperation (Eurojust), and replacing and repealing Council Decision 2002/187/JHA. Official Journal L 295, 21.11.2018. - P. 138-183.

Вторым элементом институциональной системы правового сотрудничества по уголовным делам выступает Европейская Прокуратура. Согласно статье 86 ДФЕС для учреждения Европейской прокуратуры используется специальная законодательная процедура, требующая единогласия в Совете, которое достичь не удалось. В связи с чем указанный орган был учрежден в рамках продвинутого сотрудничества, в котором участвуют 20 государств-членов¹⁴. Начало работы Европейской Прокуратуры ожидается не ранее 2020 года.

Европейская прокуратура наделена полномочиями по расследованию, судебному преследованию и привлечению к ответственности лиц, совершивших преступления против финансовых интересов Союза. Европейская прокуратура будет осуществлять свою деятельность как единый офис с децентрализованной структурой, состоящей из двух уровней: центральный уровень и децентрализованный уровень. При этом процессуальная деятельность по расследованию преступлений будет осуществляться на децентрализованном уровне, представленном Европейскими делегированными прокурорами. Таким образом, Европейский делегированный прокурор будет выступать в качестве должностного лица национальной правоохранительной системы¹⁵, осуществляющего свою деятельность согласно национальному уголовному процессу в отношении преступлений, предусмотренных национальным уголовным законом¹⁶. Иными словами, все три измерения правоприменительной деятельности (материальное, институциональное и процессуальное)¹⁷ будут подчинены национальному правопорядку.

Предметная часть законодательства, регулирующего процессуальное сотрудничество по уголовным делам, формируется исходя из направлений сотрудничества, указанных в частях 1 и 2 статьи 82 ДФЕС.

В соответствии со статьей 82 ДФЕС предусмотрено два ключевых направления сотрудничества в сфере уголовного процесса. Первое направление связано с упрощением рассмотрения уголовных дел с трансграничными последствиями (часть 1 статьи 82 ДФЕС). Второе направление касается установления минимальных гарантий в отношении участников уголовного процесса и иных процессуальных аспектов. Таким образом, можно выделить два направления в предметной части процессуального компонента: меры по гармонизации (часть 2 статьи 82 ДФЕС) и меры по укреплению сотрудничества (часть 1 статьи 82 ДФЕС)¹⁸.

В частности, к первому направлению относятся такие вопросы, как: правила по обеспечению признания иностранных приговоров и судебных решений; предотвращение конфликтов юрисдикций между государствами-членами; облегчение сотрудничества между судами и иными правоохранительными органами государств-членов и т.д.

Второе направление включает в себя такие вопросы, как: взаимная допустимость доказательств, полученных в другом государстве, права участников уголовного процесса, права жертв преступлений и т.д. В отличие от первого направление

указанные положения касаются не трансграничного элемента уголовной юстиции, а устанавливают гармонизированные нормы в отношении национального уголовно-процессуального права. Иными словами, нормы, принятые в рамках второго направления, устанавливают правила, применяемые ко всем уголовно-процессуальным отношениям, а не только тем, которые имеют трансграничный характер.

Анализ правового регулирования деятельности ЕС в области борьбы с преступностью позволяет сделать вывод о том, что правоохранительное законодательство ЕС имеет собирательный характер и направлено преимущественно на формирование юридической основы сотрудничества государств-членов в правоохранительной сфере. В рамках правоохранительного законодательства ЕС выделяется два ключевых компонента: нормы права, касающиеся полицейского сотрудничества и нормы права, регулирующие правовое сотрудничество по уголовным делам, включая материальный и процессуальный компоненты уголовного права.

Пристатейный библиографический список

1. Никишкин И. И. Правовое регулирование полицейского сотрудничества в Европейском Союзе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 27 с.
2. Право Европейского Союза: учебник для магистров / под ред. С. Ю. Кашкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014. – 1119 с.
3. Право Европейского Союза: учеб. пособие / С.Ю. Кашкин и др.; отв. ред. С. Ю. Кашкин. – М.: Проспект, 2009. – 304 с.
4. Ambos K. European Criminal Law. – Cambridge University Press, 2018. – 663 p.
5. Asp P. The procedural criminal law cooperation of the EU. – Stockholm, 2016. – 228 p.
6. Giuffrida F. The European Public Prosecutor's Office: King without kingdom? – Brussels: CEPS Research Report. No 2017/03. – 45 p.
7. Legal Hubert. EPPO's raison d'être: The challenge of the insertion of an EU body in procedures mainly governed by national law // Shifting Perspectives on the European Public Prosecutor's Office. Edited by Geelhoed, Willem, Erkelens, Leendert Hendrik, Meij, Arjen, Asser Press, Springer, 2018. – P. 189-191.
8. Peers S. EU Justice and Home Affairs Law: Forth edition. Volume II: EU Criminal Law, Policing and Civil Law. – Oxford University Press, 2016. – 480 p.
9. Satzger H. International and European criminal law. – Baden-Baden: Nomos, 2018. – 342 p.
10. The needed balances in EU criminal law: past, present and future / edited by Chloé Brière and Anne Weyembergh. – Brüssel, 2016. – 452 p.
11. Vervaele J., Luchtman M. European Agencies for Criminal Justice and Shared Enforcement (Eurojust and the European Public Prosecutor's Office). Utrecht Law Review. – Volume 10. Issue 5 (December) 2014. – P. 132-150.
12. Weyembergh A., Wiczorek I. Is there an EU Criminal Policy? // EU Criminal Justice and the Challenges of Diversity. Legal Culture in the Area of Freedoms, Security and Justice, edited by Ranaud Colson and Stewart Field. – Cambridge University Press, 2016. – P. 29-47.

14 Council Regulation (EU) 2017/1939 of 12 October 2017 implementing enhanced cooperation on the establishment of the European Public Prosecutor's Office ('the EPPO') OJ L 283, 31.10.2017. – P. 1-71.

15 См. Legal H. EPPO's raison d'être: The challenge of the insertion of an EU body in procedures mainly governed by national law // Shifting Perspectives on the European Public Prosecutor's Office. Edited by Geelhoed, Willem, Erkelens, Leendert Hendrik, Meij, Arjen, Asser Press, Springer, 2018. – P. 189.

16 Giuffrida F. The European Public Prosecutor's Office: King without kingdom? Brussels: CEPS Research Report. No 2017/03. – P. 12.

17 Vervaele J., Luchtman M. European Agencies for Criminal Justice and Shared Enforcement (Eurojust and the European Public Prosecutor's Office). Utrecht Law Review. Volume 10. Issue 5 (December) 2014. – P. 133.

18 Asp P. The procedural criminal law cooperation of the EU. – Stockholm, 2016. – P. 21.

ГРИГОРЬЕВА Мария Александровна

старший преподаватель кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ИСПАНИИ. ГЕНЕРАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА

В данной статье проводится анализ основных нормативных правовых актов Королевства Испания, регулирующих организацию и функционирование сложного механизма исполнительной власти в современных условиях.

Ключевые слова: Испания, исполнительная власть, Правительство, генеральная администрация государства, законодательство.

GRIGORJEVA Mariya Aleksandrovna

senior lecturer of State law and criminal law disciplines sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

ORGANIZATION AND STRUCTURE OF EXECUTIVE POWER IN SPAIN. GENERAL ADMINISTRATION OF THE STATE AND ADMINISTRATIVE REFORM

This article analyzes the main regulatory legal acts of the Kingdom of Spain governing the organization and functioning of a complex mechanism of executive power in modern conditions.

Keywords: Spain, executive power, Government, general administration of the state, legislation.

Прежде чем обратиться к анализу испанского законодательства, регулирующего организацию и структуру исполнительных органов власти, необходимо дать краткую характеристику нормативной базе и видам источников в испанском праве, с тем, чтобы в последующем определиться с терминологией.

Поскольку переводов испанского законодательства на русский язык не так много, особенно в части подзаконного регулирования, то автор столкнулся с необходимостью самостоятельного поиска наиболее адекватных русскоязычных эквивалентов для терминов и понятий.

Многие понятия трудны не столько для перевода, сколько для поиска именно таких слов и выражений, которые бы с одной стороны, были наиболее близки к оригиналу, а с другой, не вызывали бы когнитивного диссонанса у читателя, знакомого с русскоязычной юридической терминологией. Однако, при всем этом, в данной работе мы постарались осуществить перевод если не буквально, то наиболее близко к тексту оригинала. Конечно, сложно было избежать некоторых ассоциаций, мешающих восприятию, например, названия государственных должностей, такие как Генеральный секретарь или Государственный секретарь – непроизвольно ассоциируются с известной советской номенклатурной должностью или же с наименованием главы внешнеполитического ведомства в США, но по нашему мнению, здесь было необходимо переводить понятие буквально, чтобы в дальнейшем избежать путаницы.

Однако вернемся к классификации нормативных правовых актов в Испании. Здесь надо прояснить ряд моментов. Даже поверхностный взгляд на эту систему создает впечатление чего-то знакомого. Действительно, можно явно проследить сходство с российской системой актов. Конечно, прямые параллели, учитывая разницу в государственном устройстве, не совсем уместны. Но все же...

Помимо Конституции Испании 1978 года, как основного документа высшей юридической силы, существует система актов, принятых законодательной властью и исполнитель-

ной. Акты Парламента делятся на законы конституционные (ley organica) и законы ординарные (ley ordinaria). Первые регулируют и разъясняют наиболее важные вопросы государственного устройства, обозначенные в положениях Конституции, вторые – практически все остальные значимые вопросы жизни страны от экономики до образования.

Подзаконные акты, принятые органами исполнительной власти, в общем носят название декретов и делятся на Декреты, имеющие ранг закона и Декреты не имеющие такого ранга (также они могут называться ординарными декретами и регламентами). Декреты издаются Советом Министров. Регламенты – акты более низкого ведомственного уровня, они издаются министерствами (также как и различные циркуляры, резолюции, инструкции, приказы).

Среди декретов в ранге закона выделяются – королевские декреты (Real Decreto) – называемые так потому, что после их издания они подлежат санкционированию Королем Испании (статья 91 Конституции Испании). Королевские декреты – законы (Real Decreto Ley) (статья 86 Конституции)¹ это временные акты, которые принимаются Правительством в срочных и экстраординарных случаях, однако в последующем, в любом случае требующих утверждения Конгрессом.

Надо сказать, что во времена правления Франко и непосредственно перед принятием Конституции Испании 1978 года в испанском административном праве – ни в доктрине, ни в законодательстве – не было столь обычного сегодня употребления термина Генеральная администрация государства. Присутствовало лишь разделение администрации на центральную и локальную. Однако уже через пять лет после принятия Конституции этот термин появился в законе 10/1983 и стал применяться и в других актах, например в известном законе о правовом режиме административных процедур 30/1992 года., статья 2 которого гласит, что к так на-

1 Constitución Española. Cortes Generales «BOE» num. 311, de 29 de diciembre de 1978. Última modificación: 27 de septiembre de 2011 Referencia: BOE-A-1978-31229.

зываемой «публичной администрации» относятся: Генеральная администрация государства, администрации автономных областей, и локальные (местные) администрации².

В законе LOFAGE термин Генеральная администрация государства используется в двояком смысле. В узком – она включает в себя центральные органы власти (например, министерства), а также органы, представляющие Правительство в регионах – делегации в автономных областях, а также администрацию за рубежом (например, посольства)³.

В широком смысле – все перечисленное выше плюс так называемые автономные организмы или публичные организмы. Однако, к сожалению в законодательстве нет ответа на вопросы – что же это за автономные организмы, и, второе – куда в данной системе следует отнести Правительство.

Далее, также не совсем ясно – составляет ли Правительство часть Генеральной администрации государства? На первый взгляд логично предположить, что большая часть деятельности Правительства по своей природе. Поэтому однозначно – Правительство – это часть Генеральной администрации⁴.

Что же это за специальные администрации, которые могут оставаться вне системы Генеральной администрации государства?

Эта проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Откуда вообще возник данный вопрос, – а возник он по той причине, что следуя логике, если существует администрация генеральная (общая), то должна быть и специальная. В начале надо выяснить, есть ли критерий разделения администрации на общую (генеральную) и специальную. К сожалению, анализ законодательства показывает, что в нормативной базе нет единых критериев и это приводит к серьезной путанице. Напрашивается вывод, что когда-то термин «Генеральная» был употреблен просто как синоним слова «Центральная».

Некоторые авторы вообще предлагают убрать это понятие, как вносящее неразбериху или как недочет юридической техники⁵.

Генеральной линией новой конституционной эпохи после 1978 года стало реформирование исполнительной власти. Первоначально было определено, что Правительство будет состоять из Председателя, его заместителей, министров и других членов, точное количество которых не определено.

Если буквально ориентироваться на положения конституции, то может сложиться впечатление, что Правительство находится в подчиненном положении по отношению к парламенту и его значение вторично. Но это не так⁶.

Что касается положения и роли министерств, то надо заметить, что органы исполнительной власти в Испании демонстрируют тенденцию к постоянному увеличению их количества. – как в горизонтальном плане (рост количества министерств), так и в вертикальном – (количество подчиненных ведомств внутри министерских структур также возрастает).

Среди основных нормативных актов, составивших костяк испанского законодательства в сфере регулирования деятельности и структуры исполнительной власти, следует назвать:

Закон 6/1997 от 14 апреля «Об организации и функционировании Генеральной администрации государства»⁷

Закон 50/1997 от 27 ноября «О Правительстве»⁸

Закон 28/2006 18 июля «О государственных агентствах в сфере оказания государственных (публичных) услуг.

Закон 40/2015 с изменениями от 2017 года от 1 октября «О правовом режиме публичного (государственного) сектора»⁹

Все это многообразие, к сожалению, не устраняет необходимости создавать более упорядоченную систему нормативных актов, с учетом заявленных целей административной реформы.

Масштабная реформа имеет перед собой две главные цели – упорядочение внешних связей и отношений государственных органов исполнительной власти с гражданами и организациями, и с другой стороны регулирование внутренней структуры и функций каждого уровня управления.

Структура Генеральной администрации государства должна отвечать принципам функционального разделения полномочий между министерствами, а также территориального разделения на центральные и периферийные (региональные) органы – делегации в автономных областях Испании.

Структурно Генеральная администрация государства состоит из:

1) Центрального организма (министерства).

Центральные органы названы в законе вышестоящими и руководящими. К вышестоящим относятся – Министры и Государственные секретари. К руководящим – Заместители секретарей (вице секретари), генеральные секретари; генеральные технические секретари и генеральные директоры; генеральные вице директоры.

2) Территориального организма. К нему относятся делегации Правительства, представленные Делегатами в ранге Вице секретарей, а также Субделегации в провинции, которыми руководят должностные лица в ранге генеральных вице директоров.

3) Генеральной администрации государства за рубежом. Это послы и постоянные представители в международных организациях.

Все остальные существующие органы исполнительной власти являются подчиненными и зависимыми от указанных выше.

Внутренняя организация министерств выглядит следующим образом.

Должностные лица министерств имеют ранги государственных секретарей и генеральных секретарей. В структуре министерств выделяются Субсекретариаты и Генеральные технические секретариаты, осуществляющие обеспечение административной работы.

Генеральные дирекции в составе министерств подразделяются на генеральные субдирекции.

2 Ley 30/1992, de 26 de noviembre, de Regimen Juridico de las Administraciones Publicas y del Procedimiento Administrativo Comun.

3 Ley 6/1997, de 14 de abril, de Organizacion y Funcionamiento de la Administracion General del Estado.

4 El Gobierno de España y la administracion “general” del estado. Gonzalez Navarro F. P. 124.

5 El Gobierno de España y la administracion “general” del estado. Gonzalez Navarro F. P. 125.

6 El Gobierno de España y la administracion “general” del estado. Gonzalez Navarro F. P. 137.

7 Ley 6/1997, de 14 de abril, de organizacion y funcionamiento de la Administracion General del Estado.

8 Ley 50/1997, de 27 de noviembre, del Gobierno. Jefatura del Estado «BOE» num. 285, de 28 de noviembre de 1997 Ultima modificacion: 2 de octubre de 2015 Referencia: BOE-A-1997-25336.

9 Ley 40/2015, de 1 de octubre, de Regimen Juridico del Sector Publico. «BOE» п.м. 236, de 2 de octubre de 2015 Ultima modificacion: 9 de noviembre de 2017 Referencia: BOE-A-2015-10566.

Создание, преобразование и ликвидация всех органов во внутренней структуре министерств осуществляется путем издания Королевских декретов (*real decreto*) Советом Министров, по инициативе заинтересованного министра и с одобрения Министра финансов и публичной администрации.

Органы более низкого уровня создаются и ликвидируются самим министром путем издания приказа.

Министры возглавляют свой сектор административной работы и выполняют такие функции:

1. Осуществляют управление и регулирование.
2. Определяют цели министерства, утверждают планы, распределяют ресурсы (в пределах выделенного бюджета).
3. Утверждают бюджеты (расходы) министерства и передают их в Министерство финансов.
4. Определяют внутреннюю структуру министерства.
5. Поддерживают связи с автономными областями и со зывают и проводят секторальные конференции.
6. Разрешают административные конфликты.

Государственные секретари напрямую ответственны за деятельность Правительства в соответствующей сфере. Они управляют секретариатами и генеральными дирекциями, находящимися в их подчинении и отвечают за их деятельность перед министрами. Также они координируют проекты и программы в своих секторах, осуществляют надзор.

Вице секретари содействуют вышестоящим органам с точки зрения технического сопровождения, помогают министру в контроле эффективности работы министерства, отвечают за рационализацию и упрощение процедур и методов работы.

Делегации от правительства координируют деятельность Генеральной администрации в регионах, осуществляют надзор, работают в тесном сотрудничестве с местными органами. Делегаты назначаются и отстраняются от должности посредством реального декрета Совета министров по представлению Председателя Правительства.

В каждой автономной области Испании, где существует несколько провинций – обязательно присутствуют субделегации от центральных органов исполнительной власти. Они при необходимости могут быть созданы даже в автономиях, имеющих только одну провинцию в своем составе. Основной их компетенцией является именно осуществление совместной работы с местной властью, особенно в сфере финансирования различных программ.

Субделегации в провинциях на своем более локальном уровне выполняют все предыдущие функции, но также и дополнительно осуществляют контроль соблюдения прав, свобод, обеспечения безопасности граждан. А также управляют объектами государственной собственности в регионах (недвижимость).

Правительство в целом руководит внутренней и внешней политикой, гражданской и военной службой, а также безопасностью государства. Правительство осуществляет исполнительную власть в соответствии с Конституцией и законами. Состоит из Председателя, заместителей председателя и министров. Члены Правительства совместно образуют Совет Министров и уполномоченные правительственные комиссии (*comisiones delegadas del gobierno*)¹⁰.

Председатель Правительства координирует осуществление всех функций. Министры находятся в его прямом подчинении. Он также представляет правительство Испании во внутренней политике и за рубежом, ставит перед Конгрессом вопрос о доверии Правительству, руководит обороной государства в рамках предусмотренных полномочий, визирует нормативные акты, издаваемые Королем. Председатель может подать жалобу о неконституционности, создавать, изменять и удалять министерские департаменты посредством издания реал декрета. Он также предлагает королю кандидатуры на должности заместителей Председателя.

Совет Министров – это коллегиальный орган, осуществляющий следующие функции:

1. Готовит проекты нормативных правовых актов и передает Генеральным кортесам.
2. Готовит проекты законов о государственном бюджете.
3. Объявляет чрезвычайное положение и предлагает конгрессу объявить военное положение.
4. Руководит государственным долгом

Кабинеты – это вспомогательные органы, осуществляющие техническую и административную поддержку. Они помогают и содействуют Председателю и заместителям Председателя Правительства, Министрам и Государственным секретарям.

Пристатейный библиографический список

1. *Constitucion Española*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/legislacion/documentos/ConstitucionCASTELLANO.pdf>. (дата обращения: 01.01.2019 г.).
2. *El Gobierno de España y la administracion “general” del estado*. Gonzalez Navarro F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=2ahUKEwjShYve0MzfAhXHposKHYg3Dxo-QFjADegQIBxAC&url=https%3A%2F%2Fwww.navarra.es%2Fappsext%2FDescargarFichero%2Fdefault.aspx%3FcodigoAcceso%3DPdfRevistaJuridica%26fichero%3DRJ_24_I_3.pdf&usg=AOvVaw3qe7VeGy1c-bwXE7egxkYJU. (дата обращения: 07.01.2019 г.).
3. *Ley 30/1992, de 26 de noviembre, de Regimen Juridico de las Administraciones Publicas y del Procedimiento Administrativo Comun*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/eli/es/l/1992/11/26/30/>. (дата обращения: 08.01.2019 г.).
4. *Ley 40/2015, de 1 de octubre, de Regimen Juridico del Sector Publico*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boe.es/eli/es/l/2015/10/01/40/con/> (дата обращения: 05.01.2019 г.).
5. *Ley 50/1997, de 27 de noviembre, del Gobierno*. (дата посещения 06.01.2019 г.).
6. *Ley 6/1997, de 14 de abril, de Organizacion y Funcionamiento de la Administracion General del Estado*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l6-1997.html/. (дата обращения: 07.01.2019 г.).

¹⁰ *Ley 50/1997, de 27 de noviembre, del Gobierno*. Jefatura del Estado «BOE» num. 285, de 28 de noviembre de 1997 Ultima modificacion: 2 de octubre de 2015 Referencia: BOE-A-1997-25336.

МОЛЧАКОВ Никита Юрьевич

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России

ЧУГУНОВ Даниил Константинович

студент 4-го курса Международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России

РОЛЬ КОМИТЕТА РЕГИОНОВ ЕС В ПРОЦЕССЕ УГЛУБЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Настоящая статья посвящена истории создания, основным функциям Комитета регионов ЕС, а также его роли в процессе развития европейской интеграции. Авторы утверждают, что взаимодействие европейских стран лишь на уровне национальных правительств не создает эффективного механизма углубления европейской интеграции. В силу этого обстоятельства при принятии важнейших решений наднациональными органами требуется учет мнения европейских регионов, появление которых обусловлено в первую очередь процессами децентрализации власти в унитарных государствах и углублением начал федерализма в федерациях. При этом, в статье отмечено и то влияние, которое Комитет регионов, будучи форумом сотрудничества регионов европейских стран, оказывает на демократизацию их территориального устройства. Авторы констатируют, что, несмотря на статус консультативного органа, роль Комитета регионов, особенно после Лиссабонского договора, значительно возросла.

Ключевые слова: сотрудничество регионов европейских государств, Комитет регионов ЕС, консультативный орган, Маастрихтский договор, Лиссабонский договор.

MOLCHAKOV Nikita Yurjevich

Ph.D. in Law, lecturer of Constitutional law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

CHUGUNOV Daniil Konstantinovich

forth year student of the International Law Faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

THE ROLE OF THE EU COMMITTEE OF REGIONS IN THE PROCESS OF EUROPEAN INTEGRATION

This article is devoted to the history of the development and the main functions of the EU Committee of the Regions, as well as its role in the process of development of European integration. The authors state that the cooperation of European countries at the level of national governments itself does not create an effective mechanism for deepening European integration. When adopting important decisions of supranational bodies, it is necessary to take into account the opinion of the European regions, whose appearance is primarily due to the processes of decentralization and the deepening of federalism. At the same time, the article notes the influence that the Committee of the Regions, as a forum for cooperation of the regions of European countries, has on the democratization of the territorial structure. The authors state that, despite the status of a consultative body, the role of the Committee of the Regions, especially after the Lisbon Treaty, has increased significantly.

Keywords: cooperation of the regions of European countries, the EU Committee of Regions, consultative body, Maastricht Treaty, Lisbon Treaty.

Введение

Изучение истории европейских государств во второй половине XX века позволяет идентифицировать две тенденции их развития. С одной стороны, речь идет о расширении и углублении интеграционных процессов между европейскими странами, с другой – о децентрализации территориальной организации публичной власти в них. Характеризуя данную тенденцию, И. А. Алебастрова отмечает, что в современном мире «расщепление властных полномочий происходит в двух противоположных направлениях: посредством их перетекания из единого государственного устья как «вверх», так и «вниз». Иначе говоря, некоторые полномочия государство передает надгосударственным структурам, другие – субгосударственным, т.е. региональным и даже муниципальным»¹. Одной из таких наднациональных структур и является Европейский Союз, в рамках которого в 1994 г. был создан Комитет регионов.

Собственно создание указанного выше органа – есть проявление стремления к построению в рамках ЕС «Европы на принципах демократии, децентрализации власти и субсидиарности»². Можно с уверенностью говорить, что

учреждение Комитета регионов стало одним из стимулов углубления процессов децентрализации власти во многих европейских государствах, о чем свидетельствуют многочисленные исследования отечественных конституционалистов и политологов³.

Однако, несмотря на указанную позитивную тенденцию, ряд российских авторов высказывает мнение относительно целесообразности существования данного органа. Так, например, Е.Ф. Троицкий утверждает, что «при всей символической значимости КоР его реальный вес в принятии решений в ЕС невелик, а эффективность представитель-

<http://www.alleuropa.mgimo.ru/paradiplomatiya-evropeyskich-regionov> (дата обращения: 11.01.2019).

3 См.: Зонова Т. В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. Политические исследования. – 1999. № 5. – С. 155-164; Коданева С. И. Британский регионализм (конституционная реформа). – М.: Юрист, 2004. – С. 29; Каракчиев П. О. Становление европейской политики регионов Великобритании // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 6. – С. 24-28; Сардарян Г. Т. Политические проблемы регионализации Италии: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 113-131; Ракитская И. А. Регионализация в Дании в свете политических трансформаций в Европе (на примере изменений правового статуса автономий Гренландии и Фарерских островов) // Право и управление. XXI век. – 2017. – № 1 (42). – С. 22-30 и др.

1 Алебастрова И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. – М.: Проспект, 2017. – С. 386.

2 Зонова Т. В. Парадиبلوماسية европейских регионов // Вся Европа. – 2011. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

ства Комитетом интересов субнациональных единиц сомнительна. Помимо сугубо консультативного статуса, роль КоР подтачивается внутренней «размытостью» этого института, в котором заседают и представители «сильных» регионов (Германии, Бельгии, Испании), и представители органов местного самоуправления, и делегаты «слабых» регионов, являющихся административными конструкциями (например, Франции, Нидерландов, Венгрии)⁴. Позволим себе не соглашаться с такой позицией – сомнения относительно нее были высказаны нами в предыдущих исследованиях⁵. Скорее, ее существование – есть результат слабой изученности Комитета регионов в отечественной гуманитарной науке. Именно этот пробел мы и постараемся восполнить в рамках предлагаемого небольшого исследования, рассмотрев некоторые аспекты, касающиеся учреждения, развития и деятельности Комитета. На наш взгляд, данный орган является одним из наиболее удачных структурных элементов ЕС, несмотря на свое сравнительно недавнее учреждение.

Исследование

Уже в 70-е годы XX века европейские интеграционные объединения начали задумываться о роли регионов в европейских политических процессах. Несмотря на стремление самостоятельно формулировать и осуществлять политику Европы по всем вопросам на уровне институтов, органов, представляющих сообщества как единое целое, интеграционные объединения (прежде всего, Европейское экономическое сообщество, а затем и Европейский Союз) уже тогда осознали необходимость включения регионов государств в процесс европейской интеграции. Во-первых, такое нововведение должно было способствовать ускорению европейских политических процессов, усилению влияния самих наднациональных структур на региональную политику. Во-вторых, сами регионы начали искать новые варианты развития сотрудничества между собой: организация сотрудничества в области политики, культуры, экономики с участием органов государственной власти национального уровня отнюдь не всегда является эффективной и целесообразной. Более того, территориальные единицы европейских государств становятся более требовательными, когда вопросы европейской повестки дня касаются региональной политики.

В силу этого обстоятельства в 1994 году появился новый орган ЕС, играющий важную роль в подготовке, обсуждении проектов новых правовых актов ЕС и оказывающий влияние на содержание большей части нормотворческой деятельности Союза – Комитет регионов. Консультативный орган был призван обеспечить принятие решений, ориентированных на учет требований и интересов регионов и направленных на приближение ЕС к народам Европы⁶.

Рассматриваемый орган ЕС был учрежден Договором о Европейском союзе от 7 февраля 1992 года, подписанном в нидерландском Маастрихте (ДЕС), и регулируется положениями главы 3 «Консультативные органы Союза» части шестой «Институциональные и финансовые положения» Дого-

вора о функционировании ЕС (ДФЕС). Так в соответствии с п. 1 ст. 300 ДФЕС Комитет регионов (один из двух формально признанных консультативных органов) оказывает содействие Европейскому парламенту и Совету ЕС, а также Европейской комиссии путем осуществления консультативных функций. Так указанные органы, если считают это необходимым, обязывают Председателя Комитета созвать орган и назначают последнему срок для представления своего заключения. Однако по истечении назначенного срока акт может быть принят и при отсутствии заключения, что собственно подтверждает консультативную природу Комитета регионов.

В то же время стоит отметить, что благодаря новеллам проекта Конституции Европейского союза 2004 г., воспринятым Лиссабонским договором 2007 г., Комитет регионов приобрел важное право – обращаться с исками в Суд Европейского союза. Иски могут подаваться комитетом к институтам ЕС с целью защиты своих прерогатив (ст. 263 ДФЕС), например, с целью отмены законодательного акта, изданного Европейским парламентом и Советом без проведения консультации с Комитетом регионов, когда таковая является обязательной согласно учредительным документам. Комитет регионов также получил возможность оспаривать в Суде Европейского союза законодательные акты ЕС, которые, по его мнению, нарушают указанный принцип.

Важно отметить, что Комитет регионов имеет право собираться и принимать различные рекомендации и заключения по собственной инициативе («во всех случаях, когда Комитет регионов считает это полезным»⁷), которые направляются Европейскому парламенту, Совету и Комиссии.

Комитет регионов на основании п. 2. ст. 306 ДФЕС устанавливает Правила процедуры, т.е. внутренний регламент. Система внутренних органов Комитета следующая: председатель и Бюро Комитета избираются на два с половиной года. Также постоянно функционируют пленарное собрание, конференция председателей и комиссии. В состав Комитета регионов входят «представители региональных и местных коллективов, которые являются обладателями выборного мандата в рамках регионального или местного коллектива и несут политическую ответственность перед выборным собранием» (п. 3 ст. 300 ДФЕС). В составе Комитета находятся представители как субъектов федерации и других крупных территориальных образований, так и муниципалитетов, включая первый уровень местного самоуправления.

Общее число членов Комитета регионов не должно превышать 350 человек. Члены Комитета регионов (как и их заместители) назначаются Советом ЕС квалифицированным большинством голосов на основании представленного каждым государством-членом списка кандидатур на пять лет. При осуществлении своих обязанностей члены Комитета обладают независимостью от государств-членов и обязаны осуществлять свои задачи только в общих интересах Союза (п. 4 ст. 300 ДФЕС). Срок полномочий члена или заместителя прекращается после их отставки, окончания избирательного мандата, на котором основывается их назначение в Комитет, или их смерти. Преемник назначается Советом ЕС на оставшуюся часть срока полномочий⁸. И члены, и заместители членов могут быть назначены членами Комитета повторно,

4 Троицкий Е. Ф. Комитет регионов ЕС: создание и эволюция (1993-2009 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 128.

5 См.: Молчаков Н. Ю. Концепция регионалистского государства и ее реализация в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. – М., 2018. – С. 53.

6 В рассматриваемом контексте внимания заслуживает и деятельность предшественника Комитета регионов - Консультативного совета региональных и местных властей, учрежденного в 1988 г. Подр. см.: Троицкий Е.Ф. Указ. соч. – С. 126.

7 Согласно ДЭС, Комитет регионов созывается в обязательном порядке не реже 5 раз в год. Применительно к внеочередным заседаниям, консультативный орган может созываться за пределами Брюсселя два раза в год.

8 Rules of Procedure of the European Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cor.europa.eu/en/documentation/Documents/Rules-of-Procedure-of-the-Committee-of-the-Regions/EN.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

однако им запрещено одновременно быть депутатами Европейского парламента (ст. 305 ДФЕС), поскольку они занимают должности в региональных и местных органах власти.

Комитет регионов на протяжении всего периода своего существования ставил цель — зарекомендовать себя органом, без которого невозможно осуществление эффективной региональной политики. 10 декабря 1994 года Комитет обратился к главам государств и правительств ЕС, собравшимся на саммите в Эссене, чтобы дать разъяснение определению принципу субсидиарности, согласно которому Союз не должен вмешиваться в дела отдельных государств, если действия Союза в данном вопросе не могут быть более эффективными, чем действия национальных, региональных или местных властей. 21 апреля 1995 Комитет регионов дал заключение о пересмотре ДЕС, более известном как «Отчет Пуйоля» — по имени его докладчика Жорди Пуйоля (Испания), президента Женералитета Каталонии⁹, в котором говорится о том, что Комитет регионов должен стать «наблюдателем за субсидиарностью» в ЕС и получить право обращаться в Суд ЕС, если Комитет считает, что его собственные права или принцип субсидиарности подвергаются нарушению.

Отметим, что за счёт сильных региональных и местных политиков, которые руководили Комитетом, консультативный орган постепенно занимал все более значимое место в механизме ЕС. Доказательство этому то, что, согласно Декларации о будущем Европы (которая была установлена саммитом в Лаакене 14 декабря 2001 года для последующей разработки текста Конституции ЕС), Комитет регионов официально признавался «институциональным собеседником» в дебатах о будущем Европы; а 28 февраля 2002 г. Жо Шафер (Бельгия) представил Комитет на инаугурационном совещании по Конвенции о будущем Европе¹⁰.

В тексте Конституции были отражены новое определение принципа субсидиарности, ключевая роль Комитета в контроле за применением принципов субсидиарности и пропорциональности, а также право инициировать разбирательство в Европейском суде, когда Комитет посчитает, что законодательный акт нарушил принцип субсидиарности¹¹. Более того, в соответствии с «Конституцией Европы» Комитет получил бы статус института, к которому стремился два десятилетия.

Несмотря на то, что Конституция не была ратифицирована всеми государствами-членами ЕС и не вступила в силу, у Комитета регионов был план по реализации намеченного, заключающийся в осуществлении различных видов деятельности как совместно с Европейским парламентом и/или другими структурными элементами ЕС, так и самостоятельно. Такая стратегия способствовала и способствует как решению задач Комитета, так и проведению активной политики по приобретению статуса института.

Так, под председательством Жо Шабера (министра общественных работ в правительстве Брюсселя) уже 30 марта 2000 года состоялась первая официальная Конференция председателей Европейского парламента и председателей

политических групп Комитета регионов. Данное мероприятие имеет важное историческое значение, так как с данного момента роль региональных политических групп стала признаваться вне организации деятельности Комитета регионов¹².

Что касается структурных изменений, то с 29 сентября 2004 г. организация консультативного органа еще более подходит на внутренний механизм Европарламента: для получения мест на пленарном заседании в соответствии с политической принадлежностью члены Комитета голосуют по системе абсолютного большинства (как это происходит в Европейском парламенте), а не в алфавитном порядке¹³.

Однако лишь благодаря Лиссабонскому договору¹⁴ Комитет регионов и вовсе рассматривается в качестве гаранта представления региональных и местных интересов на политической арене всего Союза: общий мандат Комитета стал составлять не четыре года, а пять лет (как и в Европейском парламенте), а председатель и бюро стали осуществлять свои функции два с половиной года.

Что касается сотрудничества органа с Европейским парламентом, отметим, что, во-первых, 4 февраля 2014 года Европейский парламент принял ряд рекомендаций от Комитета в отношении законодательства (рекомендации — в докладе лорда Грэма Тоба (Великобритания)). Законодательный орган согласился с тем, что нормотворчество должно осуществляться в духе «многоуровневого управления», то есть посредством скоординированных действий ЕС и национальных учреждений, местных и региональных властей. Кроме того, в докладе подчеркивалась важность упрощения регулирующей среды, особенно для местных и региональных органов власти, ресурсы которых (например, на внедрение и осуществление нового законодательства) часто ограничены. Кроме того, 5 февраля 2014 года председатель Комитета Рамон Луис Валкарсел и председатель Европейского парламента Мартин Шульц подписали соглашение о сотрудничестве, направленное на укрепление политических отношений. Условия соглашения не только направлены на дальнейшее участие членов Комитета в парламентской деятельности и оптимизации административных ресурсов, но также закрепляют важность автономии и независимости Комитета регионов. Данное соглашение лишь еще раз подтверждает высокий статус Комитета и позитивное развитие отношений с Европейским парламентом.

Важно отметить и тот факт, что Комитет регионов самостоятельно организует различные мероприятия, направленные на развитие региональных политических процессов. Одними из новых направлений для изучения и предложения инициатив Комитетом стали предпринимательство, климат и экология. 7 октября 2009 г. по случаю ежегодных дней от-

12 Brochure «The development of the European Committee of the Regions: 1994-2012». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/Documents/1382%20CoR%20Key%20Dates%201994-2012%20-%20230x230%20FIN.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

13 Ibidem.

14 Впоследствии 16 февраля 2012 года был подписан новый протокол о сотрудничестве между Комитетом регионов и Европейской комиссией, в котором признается роль Комитета в консультациях с региональными и местными органами власти, которые Комиссия обязана учитывать до того, как она представит предложения в областях с высоким территориальным воздействием. В протоколе поощряется более тесное сотрудничество в осуществлении контроля за принципом субсидиарности и поддерживает государства-члены в общении и обмене информацией в рамках европейской коммуникационной политики, децентрализованной на региональном и местном уровнях.

9 Jordi Pujol website. URL: <http://www.jordipujol.com> (дата обращения: 11.01.2019).

10 Brochure «The development of the European Committee of the Regions: 1994-2012». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/Documents/1382%20CoR%20Key%20Dates%201994-2012%20-%20230x230%20FIN.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

11 Именно принципу субсидиарности посвящен основной массив мероприятий Комитета, в частности, конференции по субсидиарности, первая из которых состоялась в немецком бундесрате 27 мая 2004 года.

крытых дверей в Брюсселе, Комитет запускает премию Европейского предпринимательства (EER), которая направлена на выявление и поощрение регионов ЕС с помощью инновационной и перспективной стратегии предпринимательской политики. Схема EER поощряет внедрение Закона о малом бизнесе для Европы на региональном и местном уровнях. Каждый год вплоть до трех регионов ЕС с момента запуска программы имели право называть себя «предпринимательским регионом года» на основе критериев качества, эффективности и долгосрочности успеха в предпринимательском деле. Что касается климата и экологии, Комитет регионов на Конференции Организации Объединенных Наций по изменению климата (COP15 — 7-18 декабря 2009 г.), состоявшейся в Копенгагене, представил доклад «Мобилизация граждан: регионы и города, работающие вместе для защиты климата». Комитет обязался выступать в качестве площадки для обмена передовым опытом между регионами и городами, стремящимися сократить свой углеродный след¹⁵.

Однако флагманским мероприятием Комитета регионов все же остается Европейский саммит регионов и городов, обыкновенно проводящийся раз в два года (исключением стал 5-ый Европейский саммит регионов и городов, который состоялся 22-23 марта 2012 года в Копенгагене). 7-8 марта 2014 года был организован 6-ой саммит в Афинах, по завершении которого Комитет принял Афинскую декларацию, в которой излагается семиступенчатый план реформы для Европы¹⁶. В Декларации говорится, что ЕС должен пересмотреть свой подход и изменить свое направление, если он хочет сохранить свое обещание создать «разумную, устойчивую и всеобъемлющую экономику» к 2020 году. Таким образом, мы видим, что Комитет полностью сформировался как независимый орган, который имеет свою позицию по ключевым вопросам развития ЕС, не говоря уже о развитии регионов.

Заключение

На протяжении более двадцати лет своей деятельности Комитет зарекомендовал себя в качестве компетентного органа, без которого невозможно полностью отстаивать интересы регионального и местного населения государств-членов Европейского союза, и, таким образом, идти по пути углубления европейской интеграции в целом. Отдельно стоит отметить и тот факт, что Комитет регионов фактически приблизился к институтам ЕС: как отмечалось в данном небольшом исследовании, его компетенция неоднократно расширялась, а количество областей, в которых Комитет дает обязательные для институтов ЕС заключения, возросло. Важно и то, что институты Союза прислушиваются к Комитету, например, как в случае одобрения Европейским парламентом мнения органа, основанного на докладе Павла Бранды от 29 ноября 2013 года. Нет сомнений, что консультативный орган продолжит свое развитие в политическом плане, в том числе благодаря проведению мероприятий (таких как ежегодный Европейский саммит городов и регионов¹⁷), обладающих от-

личительными для Комитета чертами. По нашему мнению, работу стоит завершить словами бывшего председателя Комитета регионов Р.Л. Валкарсела: «Комитет заслуживает место в более сильной Европе, которая будет еще лучше связана с ее регионами и городами».

Пристатейный библиографический список

1. Алебастрова И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. – М.: Проспект, 2017. – 552 с.
2. Зонова Т. В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 155-164.
3. Зонова Т. В. Парадипломатия европейских регионов // Вся Европа. – 2011. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alleuropa.mgimo.ru/paradiplomatiya-evropeyskich-regionov> (дата обращения: 11.01.2019).
4. Иванов Д. В., Гликман О. В. Международное право: основные понятия. Схемы, таблицы, документы: Учебное пособие на рус. и англ. языках. – М.: БИ, 2010. – 416 с.
5. Карачиев П. О. Становление европейской политики регионов Великобритании // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 6. – С. 24-28.
6. Коданева С. И. Британский регионализм (конституционная реформа). – М.: Юрист, 2004. – 140 с.
7. Молчаков Н. Ю. Концепция регионалистского государства и ее реализация в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. – М., 2018. – 195 с.
8. Нефедов Б. И. Общетеоретические проблемы современного международного права. Часть 1 // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 1. – С. 8-13.
9. Ракитская И. А. Регионализация в Дании в свете политических трансформаций в Европе (на примере изменений правового статуса автономий Гренландии и Фарерских островов) // Право и управление. XXI век. – 2017. – № 1 (42). – С. 22-30.
10. Сардарян Г. Т. Политические проблемы регионализации Италии: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 152 с.
11. Троицкий Е. Ф. Комитет регионов ЕС: создание и эволюция (1993-2009 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 126-129.
12. Brochure «The development of the European Committee of the Regions: 1994-2012». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/Documents/1382%20CoR%20Key%20Dates%201994-2012%20-%20230x230%20FIN.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).
13. Strengthening Innovation in Europe's Regions: Strategies for resilient, inclusive and sustainable growth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/2014/com_2017_376_2_en.pdf (дата обращения: 11.01.2019).
14. Rules of Procedure of the European Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cor.europa.eu/en/documentation/Documents/Rules-of-Procedure-of-the-Committee-of-the-Regions/EN.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

15 Brochure «The development of the European Committee of the Regions: 1994-2012». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/Documents/1382%20CoR%20Key%20Dates%201994-2012%20-%20230x230%20FIN.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

16 Strengthening Innovation in Europe's Regions: Strategies for resilient, inclusive and sustainable growth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/2014/com_2017_376_2_en.pdf (дата обращения: 11.01.2019).

17 В год комитет проводит около 300 мероприятий. См.: Index page of the European Committee of the Regions website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cor.europa.eu/en/about/Pages/index.aspx> (дата обращения: 11.01.2019).

КРИВЕЛЬСКАЯ Ольга Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права МГИМО (У) МИД России

ВОЙТОВИЧ Елена Андреевна

преподаватель кафедры публичного права Одинцовского филиала МГИМО (У) МИД России, преподаватель кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России

ФУФАЕВ Александр Сергеевич

студент 3-го курса Международно-правового факультета МГИМО МИД России

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРОЦЕДУРА КАК ЧАСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В США*

В статье рассматривается административно-процедурная деятельность в США. Авторы раскрывают понятие административной процедуры, рассматривают ее виды. Особое внимание уделено лицензированию в США, его особенностям и возможности применения опыта США в России.

Ключевые слова: административный процесс, административное производство, административная процедура, органы исполнительной власти, публичное управление.

KRIVELSKAYA Olga Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

VOYTOVICH Elena Andreevna

lecturer of Public law sub-faculty of the Odintsovo Branch of the MGIMO (U) of the MFA of Russia, lecturer of Constitutional law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

FUFAEV Aleksandr Sergeevich

3th course student of the International Law Faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russ

ADMINISTRATIVE PROCEDURE AS AN ELEMENT OF ADMINISTRATIVE PROCESS IN THE USA

The article discusses the administrative and procedural activities in the United States. The authors reveal the concept of administrative procedure, consider its types. Particular attention is paid to licensing in the United States, its features and the possibility of applying the experience of the United States in Russia.

Keywords: administrative process, administrative procedure, administrative procedure, executive authorities, public administration.

Административный процесс в США представляет собой всю деятельность органов публичной власти по выполнению своих функций и задач. По смыслу Закона об административной процедуре в США административный процесс включает в себя административное нормотворчество, лицензирование, квазисудебную деятельность и судебный контроль.

Лицензирование в США вошло в употребление еще задолго до американской революции. Корни института лежат в деятельности средневековых гильдий, которые посредством лицензий боролись с конкуренцией. В США лицензирование применялось в основном к физическим лицам, и только в начале XX века лицензирование стало применяться к юридическим лицам. Изначально лицензирование применялось к адвокатам, врачам, владельцам таверн, школьным учителям, страховщикам, акушеркам, торговцам недвижимостью, коммерсантам, ведущим дела с индейскими племенами¹. Лицензируемые виды деятельности различались от штата к штату.

К XX веку количество видов деятельности, подлежащих лицензированию, резко увеличилось. Так, к 1960 году, в

США подлежали лицензированию около 800 профессий². Во многом, такой рост был связан с экономическими причинами. Техническая революция открыла много новых областей деятельности и привела к появлению множества новых профессий. К этому времени все чаще инициаторами введения лицензий стали выступать не государственные органы, а различные объединения, профсоюзы, ассоциации. Часто это было обусловлено стремлением придать престиж профессии, допустив к деятельности только профессионалов.

Закон об административной процедуре США содержит легальное определение лицензии, а именно – лицензией является разрешение, сертификат, регистрация, членство, освобождение от какой-либо обязанности, либо другая форма разрешения³.

Данное определение охватывает широкий диапазон разрешений, как и государственного органа, так и неправительственных организаций. Обязательное разрешение государственного органа в США охватывается термином лицензирование (licensing). Основные виды лицензирования в США охватываются термином «профессиональная лицензия» (occupational license), однако выделяют еще лицензии на

* Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО (У) МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов и кандидатов наук.

1 См.: Shryock R. Medical Licensing In America. 1650- 1965. – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1963. – P. 43-61; Friedman L. Freedom of Contract and Occupational Licensing 1890-1910: A Legal and Social Study // California Law Review. – 1965. – Vol. 53. – Issue 1. – P. 487, 494.

2 Kettle D.F., Fesler J. The Politics Of The Administrative Process. – Washington: CQ Press, 2008. – P. 299.

3 Federal Administrative Procedure Act. § 2(e), 5 U.S.C. § 551(8). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archives.gov/federal-register/laws/administrative-procedure/> (дата обращения: 11.12.2018).

ведение определенного вида деятельности (business licenses) и иные лицензии⁴. Второй тип лицензии отличается тем, что никак не связан с профессиональными навыками лицензируемого. Цель данной лицензии – контроль и регулирование предпринимательской деятельности. К третьей группе обычно относят лицензии на охоту, рыбалку, управление транспортными средствами.

Лицензирование – это процесс, посредством которого государственный орган предоставляет ограниченное по времени разрешение лицу заниматься определенной деятельностью после проверки того, что оно выполнило установленные и стандартизованные критерии (обычно образование, опыт и экзамен). Лицензия в США может выдаваться только государственными органами, а профессиональные ассоциации играют вспомогательную роль.

Кроме административных разрешений существует система сертификаций, выдаваемых неправительственными организациями. В отличие от лицензирования, сертификация (certification) является добровольной и не может быть условием осуществления деятельности. Сертификацию осуществляют неправительственные организации, которые выдают лицу ограниченное по времени признание о соответствии профессиональным стандартам, после выполнения стандартизированных критериев.

Как было указано выше, изначально лицензия применялась исключительно к физическим лицам, однако в дальнейшем стал вопрос о лицензировании и деятельности юридических лиц. Профессиональная лицензия по своей сути подразумевает лицензирование исключительно физических лиц. Для юридических лиц была придумана следующая модель: лицензиат – юридическое лицо получает лицензию посредством получения лицензии главным специалистом⁵. Лицензии могут получать как и корпорации для специалистов, так и сами специалисты непосредственно. В первом случае специалист теряет лицензию после ухода из фирмы. Если же лицензию получил сам специалист, то она действует независимо от работы в фирме. Однако есть и сферы деятельности, где только юридические лица могут получить лицензию. В основном, это виды деятельности, появившиеся после 50-х годов XX века. Так, к таким видам деятельности относится атомная энергетика.

Также для юридических лиц используется такой метод правового регулирования деятельности как аккредитация (Accreditation). Аккредитация – это добровольный процесс, посредством которого неправительственная организация выдает ограниченное по времени разрешение на осуществление какой-либо деятельности. При этом, аккредитация носит часто квазидобровольный характер, так как без нее юридическое осуществлять деятельность в определенных сферах фактически не может.

Большинство юридических лиц нуждаются в сочетании разрешений, и лицензий, как и для самого юридического лица, так и для работников. При этом, требования могут сильно различаться от штата к штату.

Наиболее интересным аспектом формирования института лицензирования в США является вопрос участия в квазисудебном процессе, к которому относится и лицензирование в соответствии с п. 6 и 7 параграфа 551 Федерально-

го Закона об Административной Процедуре. Долгое время считалось, что большинство соискателей или владельцев лицензий не имеют права на то, чтобы предстать и быть выслушанным перед судом. Это связано с тем, что в некоторых случаях лицензия рассматривалась не в качестве права конкретного лица, а в качестве так называемой привилегии, то есть в качестве необязательного блага. Классическим случаем толкования лицензии как права является дело «Хэчт против Монэхен»⁶ 1954 г. Рубен Хэчт являлся водителем такси и обладал соответствующей лицензией, которая обеспечивала ему работу, то есть источник существования. Ввиду этого, лицензия Рубена Хэчта признавалась правом, которого он мог быть лишен только при наличии серьезных оснований, указанных в законе, и при соблюдении надлежащей правовой процедуры. Однако в том случае, если деятельность, подлежащая лицензированию, была социально нежелательной, например содержание игорных или питейных заведений, лицензия рассматривалась в виде привилегии. Интересно, что из этого правила также делались исключения. Так, например, если лицо вложило в дело значительные средства, ему все-таки предоставлялось право на слушание при разрешении вопроса об аннулировании и отзыве лицензии. А в некоторых штатах законодательство прямо закрепляло необходимость проведения слушания при аннулировании лицензий на содержание питейных заведений. Ярким примером является штат Калифорния, где слушания по таким делам составляли довольно значительную часть всех судебных разбирательств.⁷

В конце 60-х годов и начале 70-х суды стали отказываться от противопоставления права и привилегии в том, что касается лицензий. Во многом это обусловлено усилением демократических движений, которые имели место в Америке в 60-х годах, к которым можно отнести марши бедняков и выступления молодежи против войны во Вьетнаме и внутренней политики буржуазного правительства.⁸

Важно отметить, что определения лицензирования и лицензии также содержится в Дополненном Примерном Законе Штата об Административной Процедуре, речь о котором будет идти в следующем параграфе, в первой статье секции 102, озаглавленной «Определения». Тем не менее, содержание данных определений не отличается от тех, что предусмотрены Федеральным Законом об Административной Процедуре.

В общем и целом стоит сказать, что определения, предусмотренные законодательством Соединенных Штатов Америки, сформулированы достаточно широко. Ввиду этого, к лицензированию в данном государстве относится любая разрешительная деятельность, в том числе и в отношении физических лиц, что недопустимо с точки зрения российского законодательства. Так, например, получение разрешения на право управления автомобилем или водным транспортом является лицензируемым видом деятельности, который регламентируется теми же общими нормами, что и, например, лицензирование медицинской деятельности. Кроме того, необходимо упомянуть, что определения, предусмотренные

4 Hirschburg M., Gilchrist K. Licensing In Iowa // Iowa Law Review. – 1947-1948. – № 33. – P. 345.

5 Clark H. Occupational Licensing in the Building Industry // Washington University Law Quarterly. – 1952. – Issue 4. – P. 483, 522.

6 Веб-сайт “Leagle, Inc.”, предоставляющий копии судебных решений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.leagle.com/decision/1954768307NY461_1717.xml/MAT-TER%20OF%20HECHT%20v.%20MONAGHAN (дата обращения: 11.01.2019).

7 Lorch R. S. Democratic Process and Administrative Law. – Detroit, 1969. – P. 126.

8 Никеров Г. И. Административное право США. – М.: Наука, 1977. – С. 119.

федеральным законодательством о лицензировании в Соединенных Штатах Америки, не столь подробные, как в законодательстве Российской Федерации, что с одной стороны объясняется тем, что более детальное регулирование предоставляется законодателям штатов, а с другой стороны тем, что американское законодательство, как правило, оставляет возможность широкого толкования норм судам, так как англо-саксонская правовая семья придерживается позиции, что только суд знает действительное содержание нормы права.

В общем и целом, несмотря на различия в подходах к институту лицензирования в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, Россия могла бы частично перенять опыт лицензирующих органов Америки. В частности, разумной и интересной кажется система учета совершенных соискателем правонарушений на стадии принятия решения, а также гибкость системы наказаний на стадии контроля лицензирующего органа за деятельностью лицензиата.

Стоит также сказать несколько слов о перспективах развития института лицензирования, потому как с наступлением XXI века данный вопрос стоит особенно остро. С появлением новых сфер деятельности человека, таких как компьютерные и нанотехнологии, количество лицензируемых видов деятельности должно лишь увеличиваться, ведь данный институт предназначен именно для того, чтобы государство в лице лицензирующих органов могло осуществлять эффективный контроль и регулирование экономики в целом с целью защиты населения. Однако, в настоящее время наблюдается лишь обратная тенденция. Связано это может быть с тем, что, несмотря на общую результативность данного института, процесс его регулирования объективно сложен, ввиду того, что регулирование в целом должно отвечать принципам простоты, понятности и прозрачности и не допускать неопределенности и путаницы.

Пристатейный библиографический список

1. Административная деятельность органов внутренних дел / под ред. А. П. Коренева. – М.: Моск. выпш. шк. Милиции, 1993. – 347 с.
2. Административное право зарубежных стран: Учебник / под ред. А. Н. Козырина и М.А. Штатиной. – М.: Спарк, 2003. – 464 с.
3. Административное право Российской Федерации. / А. П. Алехин, А. Н. Кармолицкий, Ю. М. Козлов. – М.: Зерцало, 1998. – 421 с.
4. Бахрах Д. Н. Административное право: учебник для вузов. – М.: Норма, 2001. – 640 с.
5. Веб-сайт "Leagle, Inc.", предоставляющий копии судебных решений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.leagle.com/decision/1954768307NY461_1717.xml/MATTER%20OF%20HECHT%20v.%20MONAGHAN (дата обращения: 11.01.2019).
6. Ласкина Н. В. Комментарий к Федеральному закону «О лицензировании отдельных видов деятельности». – М.: Wolters Kluwer Russia, 2011. – 224 с.
7. Никеров Г. И. Административное право США. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
8. Олейник О. Правовые основы лицензирования хозяйственной деятельности // Закон. – 1994. – № 6. – С. 15-18.

9. Осинцев Д. В. Лицензионно-разрешительная система в Российской Федерации: Монография. – Екатеринбург, Ур. гос. юрид. акад., 1999. – 370 с.
10. Спектор Е. И. Лицензирование в Российской Федерации: правовое регулирование. – М.: Юстицинформ, 2007. – 139 с.
11. Clark H. Occupational Licensing in the Building Industry // Washington University Law Quarterly. – 1952. – Issue 4. – P. 483-541.
12. Federal Administrative Procedure Act. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archives.gov/federal-register/laws/administrative-procedure/> (дата обращения: 11.01.2018).
13. Friedman L. Freedom of Contract and Occupational Licensing 1890-1910: A Legal and Social Study // California Law Review. – 1965. – Vol. 53. – Issue 1. – P. 487-534.
14. Hirschburg M., Gilchrist K. Licensing In Iowa // Iowa Law Review. – 1947-1948. – № 33.
15. Kettle D.F., Fesler J. The Politics Of The Administrative Process. – Washington: CQ Press, 2008. – 479 p.
16. Lorch R. S. Democratic Process and Administrative Law. – Detroit, 1969. – 262 p.
17. Model State Administrative Procedure Act. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/state_administrative_procedure/msapa%20issues_chairs_071007.pdf (дата обращения: 11.01.2018).
18. Revised Code of Washington. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apps.leg.wa.gov/RCW/default.aspx?cite=66.24.010> (дата обращения: 11.01.2018).
19. Revised Model State Administrative Procedure Act. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/state%20administrative%20procedure/msapa_final_10.pdf (дата обращения: 11.01.2018).
20. Shryock R. Medical Licensing In America. 1650- 1965. – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1963. – 136 p.
21. Washington Administrative Code – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apps.leg.wa.gov/wac/default.aspx> (дата обращения: 11.01.2018).

СИДОРКИНА Мария Станиславовна

магистр права, LL.M., соискатель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКАХ КОРПОРАЦИИ В ПРАВОПОРЯДКЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

В статье обсуждается проблематика определения корпорации как юридической категории в правовом порядке Соединенных Штатов Америки. Анализу подвергаются существенные признаки корпорации, в частности ее правосубъектность, ограниченная ответственность корпорации и акционеров, бессрочность существования, разделение собственности и управления, трансферабельность акций и другие. Затрагивается проблема агентирования как негативного последствия разделения в корпорации правомочий собственности и управления.

Ключевые слова: акционеры, бессрочность существования корпорации, корпорация, ограниченная ответственность, проблема агентирования, разделение собственности и управления, трансферабельность акций, управляющие лица.

SIDORKINA Mariya Stanislavovna

magister of law, LL.M., competitor of Civil law sub-faculty of the Ural State Law University

Сидоркина М. С.

ON THE QUESTION OF THE ESSENTIAL FEATURES OF A CORPORATION IN THE LEGAL ORDER OF THE UNITED STATES OF AMERICA

The article discusses the problem of defining a Corporation as a legal category in the legal order of the United States of America. The analysis deals with the essential features of the Corporation, in particular its legal personality, limited liability of the Corporation and shareholders, perpetuity of existence, division of ownership and management, transferability of shares and others. The article touches upon the agency problem as a negative consequence of the division of ownership and management rights in the Corporation.

Keywords: shareholders, the perpetuity of the existence of the Corporation, the Corporation, limited liability, the problem of Agency, the division of ownership and management, transferability of shares, managers.

Корпорация в правовом порядке Соединенных Штатов Америки (далее – США) является одной из ключевых форм ведения бизнеса, приверженность в выборе которой обусловлена, в первую очередь, удобством достижения экономических целей, стоящих перед сферой бизнеса на рынке¹.

В науке американского корпоративного права не сформировалось единообразного подхода к пониманию обсуждаемого термина, что объясняется сложноструктурной природой корпорации, которая сочетает в себе целый ряд юридических и экономических характеристик и свойств. Один из базовых американских юридических словарей определяет термин 'корпорация' как "искусственно образованную личность или правовую сущность, созданную в соответствии с действующим законодательством штата или федерации, или же созданную во исполнение требований закона"². В юридической науке отмечается, что вышеупомянутый подход является, бесспорно, технически правильным. Однако, столь обтекаемая и лишенная конкретики манера построения определения признается в некоторой степени малоэффективной, так

как не позволяет ясно отметить разницу в ключевых аспектах корпоративной формы ведения бизнеса и иных форм³.

Ввиду этого, предлагается альтернативный способ определения термина 'корпорация' как 'юридической фикции, обладающей рядом существенных признаков'⁴. В частности, речь идет о шести таких признаках корпорации, которыми, является факт ее учреждения в соответствии с действующим законодательством (1); правосубъектность (2); разделение собственности и контроля (3); свободное обращение акций на рынке (4); бессрочность существования (5); ограниченная ответственность (6). Все вышеперечисленные признаки корпорации являются для нее неотъемлемыми и характеризуют данную организационно-правовую форму как таковую. Кроме того, данные характеристики обладают свойством специфичности, так как в правовом порядке США ими в полном объеме наделены только лишь корпоративные образования. Соответственно, организационно-правовая форма корпорации представляется особенно привлекательной для ведения бизнеса, а иные организационно-правовые формы не могут по своей природе предоставить сфере бизнеса сопоставимых преимуществ.

(1) Учреждение корпорации в соответствии с действующим законодательством ('a formal creation')

1 Pitt G. Commercial and consumer law. Handbook // Butterworths. – 1999. London, Edinburgh, Dublin.

2 Black's Law Dictionary 307 (5th ed. 1979) - 'a corporation is an artificial person or legal entity created by or under the authority of the laws of a state or nation'.

3 Corporate law, 3rd edition, Stephen M. Bainbridge, UCLA School of Law, Foundation press.

4 Там же.

Данный признак приобретает корпорацией исключительно в результате направленных действий физических и юридических лиц, имеющих намерение создать новый субъект бизнеса. Так как регулирование корпоративных отношений в правовом порядке США ведется на уровне штатов, то каждый штат самостоятельно определяет юридический состав, необходимый для признания правом корпорацию существующей⁵. По общему правилу, закон предписывает составление комплекса учредительных документов (*'an article of incorporation'*), каждый из которых должен содержать в себе минимальный объем информации, предписанной законом⁶. Модельный закон о корпорациях требует включения в учредительные документы таких данных как название корпорации, количество акций, подлежащих эмиссии, наименование и адрес главного офиса корпорации, сведения об учредителях и другие⁷.

Комплект документов передается в Секретариат Штата, который, свою очередь, после проверки соответствия данного комплекта, издает Сертификат о инкорпорации (*'a certificate of incorporation'*), подтверждающий факт признания штатом корпорации реально существующей.

Важно отметить, что при соблюдении всех требований, предписанных законом, Секретариат Штата не имеет полномочий отказать в учреждении корпоративного образования.

В отличие от других существенных признаков корпорации, данный признак приобретает одномоментно, констатирует юридический факт, имеющий существенное значение для признания корпорации юридически существующей.

Правосубъектность (*'a legal personality'*)

Корпоративное право рассматривает корпорацию как субъекта права (*'a legal person'*) со сопоставимым объемом прав и обязанностей, которым обладает физическое лицо в контексте реализации гражданских прав⁸. Закон прямо наделяет корпорацию теми же юридическими возможностями в вопросах ведения бизнеса, каковыми наделены частные субъекты индивидуального предпринимательства⁹. Юридическая фикция, которой и является корпорация, имеет весомую практическую значимость, предоставляя сфере бизнеса максимально экономически комфортные условия для деятельности с точки зрения личной защищенности от рисков¹⁰.

Кроме того, обсуждаемый существенный признак отражает и факт надления корпорации правами и обязанностями, отличными от прав и обязанностей собственников данного корпоративного образования, управляющих лиц и наемных работников. Такое разделение дает возможность юридической сепарации рисков корпорации и иных связанных субъектов (собственников, управляющих лиц, работников и других), тем самым предоставляя дополнительные гарантии стабильности данной бизнес-структуры, защищенной от влияния ситуации финансовой нестабильности отдельных акционеров. Такое разграничение также указывает на различную направленность интересов корпорации и иных связанных лиц, что констатирует наличие у корпорации самостоятельной воли и комплекса юридически значимых интересов. Ввиду этого, ошибочно рассматривать корпорацию как простое объединение отдельных интересов ее собственников.

Не вполне корректно говорить и о совпадении целей корпорации с целями ее акционеров, ведь цели данных групп едины в бесспорном порядке только лишь в момент учреждения юридического лица¹¹. Природа воли корпорации, вне сомнений, в существенной мере разнится с природой воли физического лица, однако факт ее наличия у корпорации имеет существенное практическое значение, например, при судебной защите корпорации от злоупотребления правами со стороны управляющих ею лиц (действия управляющих лиц в интересе корпорации; *'duty of loyalty'*).

Данную характеристику резонно рассматривать как юридическое состояние, неотчуждаемое и неподлежащее частичному изменению.

(3) Разделение собственности и управления (*'a separation of ownership and control'*)

Данный признак, присущий корпорации, противопоставляет ее другим организационно-правовым формам ведения бизнеса. Несмотря на наличие у акционеров номинального комплекса прав собственности, на практике собственники юридически лишены реальной возможности управления бизнес-структурой, сохраняя за собой лишь право избирать директоров и голосовать по некоторым вопросам (*'no decision-making power'*). Управление корпорацией в правовом порядке США находится исключительно в руках избираемых директоров, которые обеспечивают нормальное функционирование корпорации через менеджеров и наемных работников.

В то же время, данный признак порождает одно из самых неоднозначных явлений современного корпоративного права США, а именно проблему агентирования¹² (*'the agency*

5 Например, 'Delaware Limited Liability Act' - для штата Делавэр. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://delcode.delaware.gov/title6/co18/index.shtml>; 'New York Code: Limited Liability Company Law, LLC' - для штата Нью-Йорк. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://codes.findlaw.com/ny/limited-liability-company-law/llc-sect-101.html>; 'NRS 86, CHAPTER 86 - LIMITED-LIABILITY COMPANIES' - для штата Невада. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.leg.state.nv.us/NRS/NRS-086.html> и др.

6 Delaware Limited Liability Act'. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://delcode.delaware.gov/title6/co18/index.shtml>.

7 Model Business Corporation Act, § 3.02. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/business_law/corplaws/2016_mbca.pdf

8 Model Business Corporation Act, § 3.02, 'as a legal person, a corporation has most of the constitutional rights possessed by a natural person'. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/business_law/corplaws/2016_mbca.pdf

9 Model Business Corporation Act, § 3.02, 'the same powers as an individual to do all things necessary or convenient to carry out its business and affairs'. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/business_law/corplaws/2016_mbca.pdf;

10 Corporate law, 3rd edition, Stephen M. Bainbridge, UCLA School of Law, Foundation press.

11 Например, проблема возможности несовпадения интересов акционеров и корпорации в частности затрагивается в деле 'Automatic Self-Cleansing Filter Syndicate Co., LTD. v. Cunningham': 'the board members are not required by duty to follow the wishes of a majority shareholder...'. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.quimbee.com/cases/automatic-self-cleansing-filter-syndicate-co-ltd-v-cunningham>.

12 Проблема агентирования ('the agency problem') впервые была поднята в А. Беркли (Adolf A Berle, Jr. and Gardiner C. Means The modern corporation and private property (1932). Базируется на том, что владение и управление в корпорации удерживаются в руках разных групп субъектов. Вполне часто учредители корпораций, создавая новое юридическое лицо, не намерены осуществлять обычное управление делами корпорации - они заинтересованы во внесении инвестиций и в последующем получении прибыли от таких вложений. Ведение ежедневных дел для некоторых владельцев является слишком обременительным, они заинтересованы лишь в конечном результате, а каким образом такой результат будет достигаться не является их центральной сферой интереса. Именно по этой причине большинством американских корпораций управляют наемные менеджеры, которые не имеют

problem') - представляется весьма трудным урегулировать деятельность управляющих лиц таким образом, чтобы корпоративная политика была направлена исключительно на рост самой корпорации. Так как формально управляющие лица не имеют личной экономической мотивации действовать первоочередно во благо бизнеса, часто складывается ситуация попыток самообогащения и отсутствия проявления должной заботы по отношению к предпринимательским задачам корпорации.

Основными инструментами минимизации последствий данной проблемы является предоставление акционерам большего объема прав в вопросе управления корпорацией, внедрение более строгих стандартов добросовестности для управляющих лиц, повышение заинтересованности управляющих лиц в росте корпорации (финансовое стимулирование, предоставление пакета участия в корпорации) и иные.

Необходимо отметить, что так как корпоративное законодательство в правовом порядке США находится в ведении штатов, каждый из них самостоятельно принимает решение насколько строгие правовые инструменты будут предоставлены собственникам бизнеса в вопросе контроля управления корпорацией, однако, несмотря на весьма высокую благосклонность законодательного регулирования по отношению к управляющим, большинство корпораций в правовом порядке США продолжают учреждаться в штате Делавэр. Главной особенностью корпоративного права данного штата является почти полное снятие фидуциарных обязанностей с управляющих лиц, что, бесспорно, является для них неоспоримым преимуществом, которые в таком случае имеют практически полную финансовую защищенность.

Справедливо отметить, что в последние годы как место учреждения корпорации популярность среди корпоративного сообщества набирает штат Невада, который смещает баланс интереса на сторону собственников, а не управляющих лиц. Появление такой новации в корпоративном регулировании подтверждает факт наличия высокой озабоченности акционеров отсутствием практических инструментов по оказанию влияния на внутреннее управление в корпорации и, как следствие, предпочтение юрисдикций с более лояльным отношением к собственникам.

(4) Свободное обращение акций ('transferability')

Признак указывает на некоторую степень "обезличенности" корпорации на рынке, подтверждая довод о ее практически полной отстраненности от личности собственников. Свободное обращение акций на рынке позволяет акционерам в гибкой манере выстраивать свою деятельность путем свободного вступления или выхода из состава участников корпорации посредством покупки или продажи акций¹³. Инвесторы не ограничены временными рамками, могут отчуждать и приобретать акции по любой цене лишь с некоторыми оговорками.

Однако, широкие юридически возможности к свободному обращению акций на рынке, на практике имеют ряд затруднений. Трансферабельность акций в непубличных компаниях часто ограничивается внутренними актами для

прав на акции корпорации – они лишь осуществляют ежедневное управление в компании ('day-to-day business'). Вполне логично, что кроме этических стимулов в управлении корпорацией менеджеры не имеют экономической мотивации всегда действовать быстро, экономически эффективно и стратегически расчетливо.

13 Talbot L. E. Critical Company Law // Routledge Cavendish. 2008. UK.

иссечения возможности внедрения в управление компании сторонних лиц.

(5) Бессрочность существования ('an indefinite duration')

Бессрочность существования корпорации, или другими словами вечность ее юридической жизни, является дополнительной гарантией для учредителей в вопросах стабильности бизнес-структуры, устойчивости и отсутствия юридической потребности последующих действиях по поддержанию ее правосубъектности. Исключением из данного правила можно считать добровольную ликвидацию ('a voluntary dissolution'), которая требует решения совета директоров, одобренного акционерами; реорганизацию (в форме слияния или в иной форме), ликвидацию в результате банкротства ('an insolvency liquidation'), ликвидацию по судебному решению ('an involuntary dissolution by judicial decree').

Ограниченная ответственность ('a limited liability')

Данное явление обладает двусторонней направленностью: с одной стороны, ограничивается ответственность инвесторов вложенным размером инвестиций, обеспечивая вкладчику возможность рационально действовать на рынке, минимизируя последующие возможные для себя риски; с другой же стороны, ограничивается ответственность корпорации по долгам своих собственников, что укрепляет ее стабильность, а также обеспечивает большую предсказуемость с точки зрения рентабельности. Исключением из данного правила можно считать отдельные судебные решения, привлекающие акционеров компании к личной ответственности по долгам корпорации в рамках доктрины "снятия корпоративной вуали" ('piercing the corporate veil').

Подводя итог, можно отметить разнородность природы вышеперечисленных признаков корпорации как юридического явления, некоторые из которых являются отдельным юридическим фактом (учреждение корпорации), некоторые – юридическим состоянием (правосубъектность; бессрочность существования), а некоторые – характеристикой отдельного элемента системы (как, например, свободное обращение акций, которое является свойством не самой корпорации, а свойством одного из ее инструментов; так же как и ограниченная ответственность, которая характеризует только вопросы ответственности как отдельного компонента в процессе осуществления предпринимательской деятельности на рынке). Несмотря на некоторую разобщенность данных признаков, именно они в таком весьма неоднородном комплексе позволяют наиболее точно определить корпорацию как юридическое явление, указав на черты, имеющие существенное значение в вопросах права.

Пристатейный библиографический список

1. Adolf A Berle, Jr. and Gardiner C. Means The modern corporation and private property, 1932.
2. Black's Law Dictionary, 5th ed., 1979.
3. Corporate law, 3rd edition, Stephen M. Bainbridge, UCLA School of Law, Foundation press.
4. Model Business Corporation Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/business_law/corplaws/2016_mbca.pdf.
5. Pitt G. Commercial and consumer law. Handbook // Butterworths. 1999. London, Edinburgh, Dublin.
6. Talbot L. E. Critical Company Law // Routledge Cavendish. 2008. UK.

КУТЕЛИЯ Сабина Тенгизовна

магистр Международного инновационного университета (г. Сочи), начальник юридического управления Государственной карантинной службы Республики Абхазия

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ

Статья посвящена вопросу формирования конституционализма в Республике Абхазия. Автор определяет основные задачи, реализация которых позволит улучшить дальнейшее развитие конституционализма в Республике Абхазия. В статье проводится анализ основного закона республики и определены основные сферы государственного развития республики, требующие проведения соответствующих реформ.

Ключевые слова: конституционализм, Республика Абхазия, Конституция, модернизация, демократия, самоопределение, идеология.

KUTELIYA Sabina Tengizovna

magister of International Innovation University (Sochi), Head of the legal department of the State Quarantine Service of the Republic of Abkhazia

THE FORMATION OF CONSTITUTIONALISM IN THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

The article is devoted to the formation of constitutionalism in the Republic of Abkhazia. The author defines the main tasks, the implementation of which will improve the further development of constitutionalism of the Republic of Abkhazia. The article analyzes the basic law of the Republic and identifies the main areas of state development of the Republic, requiring appropriate reforms.

Keywords: constitutionalism, Republic of Abkhazia, Constitution, modernization, democracy, self-determination, ideology.

Как известно, воплощением идеала свободы и независимости для абхазского народа стала Конституция Республики Абхазия 1994 г., оформленная в виде официального документа, в котором провозглашается принцип суверенитета в качестве государственного устройства.

Конституция Республики Абхазия была принята на сессии Верховного Совета республики 12 созыва, изменена и одобрена на всенародном голосовании (референдуме) 3 октября 1999 г.

Согласно Конституции, Республика Абхазия (Апсны) – суверенное, демократическое, правовое государство, исторически утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение¹.

Народовластие – основа государственной власти в Республике Абхазия.

Абхазский народ имеет свое государство со строго очерченной территорией, Конституцией, системой управления и политической властью, законодательством, конкретными национальными интересами и приоритетами во внешней политике².

Демократия в Абхазии есть длительная процедура согласования интересов и выработки решения приемлемого для народа, завершающим этапом которого становится голосование – древнейший ритуал (единогласие принятия решений). Закон лучше всего действует в условиях стабильного общества, когда оно едино, способно однозначно принимать

закон (тот или иной закон служит справедливости и благу народа). Принципы государственного строя должны признаваться всем населением, они являются его достоянием.

При формировании законодательства наряду с общечеловеческими достижениями необходимо отражение в них особенностей традиционного правосознания абхазов³.

Государственный Герб Республики Абхазия символизирует свободу личности, ограниченной возвышенным правом и обязанностью служения общественному благу. Это основа, на которой выстраиваются отношения между людьми по поводу государственной власти (обретение, отправление, оправдание). Символ открытой миру ладони является выразителем национального духа и способом общения с внешним миром.

Конституция Абхазии (1994 г.) как и Конституция Российской Федерации (1993 г.) относится к числу самых молодых в современном мире.

Современное конституционное развитие России и Абхазии является составной частью политико-правовых реформ и модернизации общества и государства на протяжении всего XX в.⁴.

Республика Абхазия и Российская Федерация состоят в «естественном геополитическом союзе», что выразилось в стратегических соглашениях, заключенных между ними. Механизм воздействия ветвей власти в Абхазии и России развивается в общем русле эволюции конституционализма на постсоветском пространстве.

1 Конституция Республики Абхазия. Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 г.; одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г. – Сухум, 1994. № 187-с. Ст. 1.

2 Шанава Т. А., Возба С. З. Документы по политической истории Абхазии. Выпуск № 2. Конституции Абхазии. XX век. АНА. Абхазский институт гуманитарных исследований имени И. Д. Гулиа. – Сухум: Дом печати, 2015. – С. 26.

3 Барциц И. Н. Государственное (конституционное) право Республики Абхазия: монография: в 2-х т. – Т 1. Развитие абхазской государственности. Основы конституционного строя Республики Абхазия. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 66.

4 Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета. Издание 2-е переработанное. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2004. – С. 121.

В абхазской среде наблюдается возвращение к защите социально-нравственной и национально-политической основы, отраженной в апсуара. Возрождение духовной составляющей апсуара и обращение к ней как к идеологическому стержню необходимо, ибо в этом кроется залог сохранения национальной государственности и сбережения абхазского народа.

«Апсуара» как культурное ядро способно воспринять государство как иерархию, упорядочивающую социум посредством соединения авторитета и единства.

Известно народное изречение «смерть абхаза, в его же совести» - означает что, совершив несовместимый с совестью поступок абхаз «умирает живым».

Будущее Абхазии – в создании национальной модели правового государства как лучшей формы политической организации в современном мире⁵.

Полагаю, что в настоящий период Республике Абхазия необходимы кардинальные реформы в сферах:

- экономики, с целью развития мелкого и среднего предпринимательства;

- здравоохранения, поскольку в абхазском миропонимании здоровье человека есть национальное достоинство. Бесплатное здравоохранение должно рассматриваться как императив естественного права. Следовательно, оберегать здоровье человека есть обязанность государства.

- трудоустройство, утрата занятости (безработица). Работа нацелена на реализацию потребностей человека и есть процесс удовлетворения потребностей. В связи с безработицей, нарастает маргинальность в современной Абхазии. Это можно отнести к факторам, оказывающим негативное воздействие на политическую культуру и политический процесс, внутри страны.

- государственная служба. Необходим конкурсный порядок предоставления вакансий, на которых нет избытка претендентов, аттестационный порядок назначения; и т.д.

Государство должно определить в качестве важнейших, следующие задачи:

- укрепление суверенитета во имя безопасности и благосостояния;

- оживление экономики в республике;

- формирование систем и структур государственного управления;

- формирование гражданского общества;

- эффективная борьба с преступностью;

- осуществление социальной политики.

На наш взгляд, обладая своим самобытным культурным ядром, абхазское общество, а вместе с ним и все многонациональное население страны, способно выбирать собственные пути модернизации и принять собственную модель преобразований в ходе формирования современной абхазской государственности. Но путь этот оказался значительно сложнее, чем предполагалось в начале пути.

Главный вывод, к которому приходим в ходе исследования: заимствованный текст закона, в том числе Конституции требует того, чтобы он пророс на новой почве, и для этого нужна работа большая по части его приземления, «привязыва-

ния» к своим традициям, своей абхазской картине мира, в данном случае.

В работе «Абхазия в третьем тысячелетии, вхождение в мир в новом качестве», авторами которой являются Камкия Б. А. и Камкия Ф. Г., осуществляется попытка такого соединения, т.к. если закон не становится «своим», он работать не может. Однако в обществе эти идеи пока не проросли, т.е. не стали разделяемыми.

Выдающийся абхазский ученый, д.ю.н., профессор Т. М. Шамба сказал: «легко разрушить оккупацией государственные структуры, сложнее – экономические взаимосвязи и невозможно-духовную связь общества, и его культуру»⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Республики Абхазия. Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 г.; одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г. – Сухум, 1994. № 187-с.
2. Барциц И. Н. Государственное (конституционное) право Республики Абхазия: монография: в 2-х т. - Т 1. Развитие абхазской государственности. Основы конституционного строя Республики Абхазия. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 412 с.
3. Сангулия А. Д. Проблемы и перспективы формирования правового государства в Республике Абхазия. Труды Абхазского государственного университета. – Сухум, 2015. – 386 с.
4. Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета. Издание 2-е переработанное. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2004. – 262 с.
5. Шанава Т. А., Возба С. З. Документы по политической истории Абхазии. Выпуск №2. Конституции Абхазии. XX век. АНА. Абхазский институт гуманитарных исследований имени И. Д. Гулиа. – Сухум: Дом печати, 2015. – 192 с.

5 Сангулия А. Д. Проблемы и перспективы формирования правового государства в Республике Абхазия. Труды Абхазского государственного университета. – Сухум, 2015. – С. 117.

6 Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета. Издание 2-е переработанное. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2004. – С. 15.

АДУ Яо Никэз

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ГНАММИ Вейандри Эрик

магистрант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ И РАННИЕ БРАКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕНИН

В 1997 году Генеральная Ассамблея ООН единогласно одобрила в виде Резолюции № A/52/637 доклад специального докладчика «О практиках и обычаях, угрожающих здоровью женщин и девушек» и другие документы в целях защиты прав женщин и девушек в мире. Несмотря на это многие практики, не только угрожающие здоровью женщин и девушек, но и ущемляющие их права, сохраняются во многих странах мира. Бенин является одной из стран, где до сих пор сохраняется практика принудительных и ранних браков девушек. Настоящая статья нацелена на описание практики принудительных и ранних браков в Республике Бенин и попыток государства решить проблему законодательным путем.

Ключевые слова: принудительные браки, ранние браки, права женщин, национальное законодательство о правах женщин, защита прав женщин в Бенине, международная защита прав женщин, национальный доклад о правах женщин.

ADU Yao Nikez

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

GNAMMI Weyandri Eric

magister student of International law sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

FORCED AND CHILD MARRIAGES IN THE REPUBLIC OF BENIN

In 1997, The UN General Assembly unanimously has adopted The Report of the special Reporter on "Traditional or customary practices affecting the health of women and girls" by The Resolution A/52/637 and other documents in these ground in order to protect the rights of women and girls all over the world. In spite of that, the rights to health of several women and girls are continuing to be violated by such harmful practices like forced marriage and child marriage in different countries. This article aims to deal with forced and child marriages in the Republic of Benin and the endeavor of the local authorities to overcome such phenomena.

Keywords: Forced marriage, Child marriage, Rights of women, National legislation on the rights of women, Protection of the rights of women in Benin, International protection of the rights of women, National report on the rights of women.

Республика Бенин пользуется стабильным и прочным парламентским демократическим режимом¹. Однако дискриминация и насилие в отношении женщин и детей, включая принудительные и ранние браки, относятся к числу основных проблем прав человека, стоящих перед страной. Контекст крайней нищеты, которую Бенин изо всех сил пытается преодолеть, усугубляет эту дискриминацию. Согласно последнему ежегодному докладу ПРООН (Программа Развития ООН) о человеческом развитии в мире, Бенин занимает 166-е место из 188² стран, в то время как согласно CIAWorldFactbook, который собирает национальные данные по всему миру, почти 40 % населения страны живет за чертой бедности. Страдания заставляют многих родителей принуждать к преждевременному замужеству своих дочерей или к

отправке своих детей на работу в качестве домашних слуг в более богатые семьи³.

В последние годы власти Бенина стремились усилить борьбу с дискриминацией и насилием в отношении женщин и детей, путем ратификации ряда международных конвенций и создания более прогрессивных правовых, институциональных и политических рамок.

Международные инструменты. Бенин, подписавший основные международные договоры и конвенции, касающиеся прав женщин и детей, последовательно ратифицировал следующие международные договоры:

1. 3 августа 1990 года⁴: Международная конвенция Организации Объединенных Наций от 20 ноября 1989 года о правах ребенка (КПР)⁵;

1 France diplomatie, Dossier pays: Bénin, 24/06/2016; US Department of State, Country Reports on Human Rights Practices for 2015, [Rapport 2015 sur les droits de l'Homme au Bénin], 2015.

2 PNUD, Human Development Reports: Benin, 2016. La pratique consistant pour les parents à envoyer leurs enfants travailler comme domestiques chez des familles plus riches est courante au Bénin. Elle est connue sous le nom de «vidomegon». CIA, World Factbook: Benin, 2016. PNUD/UNDP, Human Development Reports: Benin, 2016, <http://hdr.undp.org/fr/countries/profiles/BEN>; ONU, Convention relative aux droits de l'enfant, Comité des droits de l'enfant, Observations finales concernant le rapport du Bénin valant troisième à cinquième rapports périodiques, 25/02/2016.

3 Haut-Commissariat des Nations Unies aux Droits de l'Homme (OHCHR), Statut de ratification pour le Bénin, http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/Treaty.aspx?CountryID=19&Lang=FR (дата обращения: 20.10.2018 г.).

4 Haut-Commissariat des Nations Unies aux Droits de l'Homme (OHCHR), Statut de ratification pour le Bénin, http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/TreatyBodyExternal/Treaty.aspx?CountryID=19&Lang=FR (дата обращения: 20.10.2018 г.).

5 République du Bénin, Institut National de la Statistique et de l'Analyse Économique (INSAE), Enquête démographique et de santé (EDSB-IV) 2011-2012, octobre 2013, p. 317.

2. 12 марта 1992 года: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (КЭСКП)⁶;

3. 12 марта 1992 Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (КПП).

4. Бенин также (ратифицировал 13/10/2005) Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке от 11 июля 2003 года⁷.

5. 12 марта 1992 года: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) и др.

Например, из выше перечисленных документов Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, предусматривает в статье 10, что «брак должен быть свободно согласован будущими супругами».

Министерство по делам семьи и национальной солидарности, занимающееся вопросами поощрения женщин и гражданское общество, занимается популяризацией законов и повышением информированности населения об их существовании и возможными санкциями в случае нарушения их положений. 18 марта 2009 года правительство Бенина приняло Национальную стратегию по обеспечению гендерной проблематики (PNPG) к 2025 году.

Запрет на принудительные и ранние браки в Бенине был формализован в 2004 году путем обнародования Закона № 2002-07 от 24 августа 2004 года о Кодексе лиц и семьи. Этот новый Кодекс устанавливает законный возраст вступления в брак для девочек и мальчиков в возрасте 18 лет [Статья 123], устанавливает моногамный брак, запрещая многоженство и левират⁸ и, наконец, определяет родительские полномочия, верховенство закона, равенство прав наследования для детей независимо от их пола⁹.

В статье 119 Кодекса о личных и семейных отношениях 2004 года говорится, что «каждый будущий супруг, даже несовершеннолетний, должен лично согласиться на брак», а в статье 120 - «несовершеннолетний в возрасте до восемнадцати лет» (18) не может жениться без согласия лица, имеющего родительскую власть над ним¹⁰.

В 2012 году в Бенин принял Закон № 2011-26 от 9 января 2012 года о предупреждении и запрещении насилия в отношении женщин. Данный закон запрещает принудительные браки и регулирует различные формы насилия (бытовое насилие и изнасилование в браке, преследование, принудительная проституция, убийства чести, калечащие операции на женских половых органах

и другие вредные практики¹¹). За нарушение данного Закона предусмотрены санкции в главе II, в частности в статье 31. Она предусматривает тюремные сроки и штрафы. Закон устанавливает: «Любое лицо, которое является виновным или соучастником принудительного, или организованного брака или принудительного брака, как определено в статье 3 настоящего закона, наказывается лишением свободы от одного (01) года до трех (03) лет и штрафом в размере пятисот тысяч (500 000) франков [франков CFA, или около 762 евро] до двух миллионов (2 000 000) франков [CFA, или около 1524 евро]. Также виновны все лица, являющиеся соучастниками в планировании и / или исполнении такого брака или совместного проживания¹²».

Совсем недавно, 26 января 2015 года, Национальное собрание приняло Детский кодекс: Закон № 2015-08 от 23 Января 2015 года с Кодексом ребенка в Республике Бенин¹³, который запрещает многие вредные практики, такие, как принудительный или ранний брак.¹⁴

В статье 181 Закона № 2015-08 от 23 Января 2015 года, касающейся практики раннего брака или принудительного брака, говорится: «Практики, ведущие к раннему браку или принудительному замужеству детей, такие, как принудительные меры, психологическое давление, эмоциональный шантаж и интенсивное социальное и семейное давление, запрещены¹⁵».

Детский кодекс 2015 года также предусматривает наказания за различные преступления и преступления, совершенные в отношении детей, в том числе тюремные сроки за ранние или принудительные браки¹⁶. Статья 375 указанного закона гласит: «Любое лицо, отдающее своего ребенка в возрасте до восемнадцати лет (18) в брак, за исключением освобождений, предусмотренных кодексом лиц и семьи, наказывается тюремным заключением от трех (03) до десяти (10) лет¹⁷».

Практика принудительных браков¹⁸. Одной из основных характеристик населения Бенина является его молодость. Согласно данным ЮНИСЕФ, из общей численности населения в 10 880 000 человек в 2015 году 5 312 000 человек моложе 18

6 Haut-Commissariat des Nations Unies aux droits de l'Homme (HCDH), Pacte international relatif aux droits économiques, sociaux et culturels, <http://www.ohchr.org/FR/ProfessionalInterest/Pages/CESCR.aspx> (дата обращения: 19.09.2018 г.).

7 Commission Africaine des Droits de l'Homme et des Peuples, Bénin: ratifications, <http://www.achpr.org/instruments/women-protocol/ratification/> (дата обращения: 07.11.2018 г.).

8 Левират заключается в передаче жен, умерших мужей их братьям или сыновьям из первичных браков в качестве наследства: Об этом см. Source: L'Alliance pour Refonder la Gouvernance en Afrique (ARGA), «Bénin : Le lévirat entre modernité et tradition», septembre 2008.

9 ONU, Haut-Commissariat des Nations Unies aux Droits de l'Homme, Convention sur l'élimination de toutes les formes de discrimination à l'égard des femmes (CEDAW), Observations finales sur le quatrième rapport périodique du Bénin, 28/10/2013, [CEDAW/C/BEN/CO/4].

10 République du Bénin, Assemblée nationale, Loi N° 2002 – 07 Portant Code des personnes et de la famille, 14/06/2004, [Chapitre II : des conditions de fond du mariage].

11 Haut-Commissariat des Nations Unies aux Droits de l'Homme, Convention sur l'élimination de toutes les formes de discrimination à l'égard des femmes (CEDAW), Observations finales sur le quatrième rapport périodique du Bénin, 28/10/2013.

12 République du Bénin, Loi n° 2011-26 du 09 janvier 2012 portant prévention et répression des violences faites aux femmes, mars 2012, p.20.

13 République du Bénin, Loi n° 2015-08 du 23 janvier 2015 portant Code de l'enfant en République du Bénin, <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/99941/119603/F-860169827/BEN-23/01/2015>

14 US Department of State, Rapport 2015 sur les droits de l'homme au Bénin, 13/04/2016.

15 Там же. – Chapitre IV : Des mutilations sexuelles, des mariages précoces et forcés, des autres pratiques traditionnelles néfastes à la santé et au moral des enfants ; Section II : Des peines contre les mariages précoces ou forcés.

16 RFI, « Journée de l'enfant africain: les mariages forcés au Sénégal et au Bénin », 17/06/2016.

17 République du Bénin, Loi n° 2015-08 du 23 janvier 2015 portant Code de l'enfant en République du Bénin, 23/01/2015 ; p. 80 [Chapitre IV : Des mutilations sexuelles, des mariages précoces et forcés, des autres pratiques traditionnelles néfastes à la santé et au moral des enfants ; Section II : Des peines contre les mariages précoces ou forcés].

18 Солнцев А.М., Самаке А. Вклад межрегиональных и субрегиональных международных организаций в защиту прав женщин в Африке // Евразийский юридический журнал. 2013. N 5. С. 48-51

лет, из которых 1 708 000 человек моложе пяти лет¹⁹. Согласно статистике, опубликованной ЦРУ (WorldFactbook), почти 65 % населения Бенина моложе 25 лет²⁰.

Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА / ЮНФПА)²¹ напоминает, что ранние браки являются нарушением прав человека, практика которого по-прежнему широко распространена, несмотря на запрещающее ее законодательство, ситуацию, связанную с сохранением нищеты и гендерного неравенства. На самом деле, помимо традиционных убеждений и обычаев, которые отводят женщинам более низкое место в обществе, страдания, которые продолжают оказывать влияние на значительную часть населения, побуждают родителей преждевременно отдать своих дочерей замуж, чтобы облегчить финансовые, бытовые условия. Агентство ЮНФПА ООН²² предупреждает в отношении практики ранних браков, что это не только ограничивает перспективы девушек, но и создает серьезную опасность для их жизни и здоровья. ЮНФПА напоминает, что ранняя беременность для подростка увеличивает риск осложнений во время беременности или родов. Эти осложнения остаются одной из ведущих причин смерти среди подростков старшего возраста в развивающихся²³ странах. Согласно RFI, около 300 девушек в Бенине каждый год погибают во время родов²⁴.

Распространенность принудительных браков: традиционная практика принудительных и ранних браков по-прежнему присутствует в Бенине, хотя в разной степени зависит от социально-демографических характеристик населения (сельской или городской местности, отдела, уровня образования, уровня дохода).

Описание ситуации в Бенине ЮНИСЕФ в 2010 году остается в силе, когда агентство ООН объясняет, что «слишком часто дети особенно незащищены в своей семье или среди своих родственников. Несмотря на юридические усилия по предотвращению брака, например, до достижения 18-летнего возраста, этот запрет практически не применяется в сельских районах, где многие семьи воспринимают эти обычаи как средство борьбы с нищетой²⁵». Например, Государственный департамент США сообщает, что в 2013 году Центры по содействию семье Министерства по делам семьи зарегистрировали 575 случаев принудительного брака с детьми²⁶. В феврале 2016 года в своих заключительных замечаниях по докладу, представленному Бенином, Комитет ООН по правам ребенка выразил обеспокоенность «в связи с сохранением ранних и принудительных браков с девушками, которые особенно распространены во многом в стране и в частности в сельских районах и частях севера страны, поскольку Семейный кодекс допускает брак подростков

в возрасте до 18 лет при условии, что они получают дееспособность²⁷».

Фактически, как отмечает Государственный департамент США, в своем докладе о правах человека в Бенине, опубликованном в апреле 2016²⁸ года, хотя Бенин запретил вступать в брак до 18 лет, закон разрешает брак несовершеннолетних (в возрасте от 14 до 17 лет) при условии, что они сами согласны, что их родители также согласны и что судья разрешает им это делать.

В целом, несколько источников согласны с тем, что в Бенине три из десяти девушек состоят в браке до 18 лет, и одна из десяти стоит в браке до 15 лет. Более точные статистические данные, предоставленные четвертым демографическим и национальным обзором состояния здоровья, проведенным в Бенине с 2011 по 2012 год (EDSB-IV-2011-2012), показывают, что в период с 2008 по 2011 год 11 % молодых подростков (девочек и мальчиков) уже были женаты в возрасте 15 лет²⁹, и 32 % из них уже были женаты в возрасте 18 лет³⁰.

Многосекторное кластерное обследование (МИКС), проведенное ЮНИСЕФ в 2014 году и Национальным институтом статистики и экономического анализа (ENSAE³¹), которое включало ранние и принудительные браки, получило аналогичные числа. Фактически результаты показывают, что 31,7 % женщин и 6,1 % мужчин в возрасте от 20 до 49 лет находились уже в паре до 18 лет.

Публичные источники согласны с тем, что существует корреляция между продолжительностью исследований и более поздним браком: согласно Неправительственной организации (НПО) «Девушки», ранние браки более часты среди девочек с наименьшим образованием, самых бедных и живущих в сельских районах. Разрыв между городом и деревней колоссален, с 2001 года³² он увеличился на 37 %. Национальное демографическое и медицинское обследование (EDSB-IV-2011-2012)³³ также показывает, что «высшее образование способствует ограждению женщин от вступления в ранние браки³⁴». Согласно тому же источнику, следует отметить, что в Бенине (и хотя эти пропорции снижались с 2001 года³⁵), одна из двух женщин (51 %) и каждая третья (33 %) не имеют

27 ONU, Convention relative aux droits de l'enfant, Comité des droits de l'enfant, Observations finales concernant le rapport du Bénin valant troisième à cinquième rapports périodiques, 25/02/2016.

28 ONU, Convention relative aux droits de l'enfant, Comité des droits de l'enfant, Observations finales concernant le rapport du Bénin valant troisième à cinquième rapports périodiques, 25/02/2016.

29 US Department of State, Rapport 2015 sur les droits de l'homme au Bénin, 13/04/2016.

30 République du Bénin, Institut National de la Statistique et de l'Analyse Économique (INSAE), Enquête démographique et de santé (EDSB-IV) 2011-2012, octobre 2013 ; UNICEF, Global Database: Child Marriage, "Benin", last update May 2016.

31 La quatrième enquête démographique et de santé nationale a été conduite par la République du Bénin entre 2011 et 2012 avec le concours de bailleurs de fond internationaux (dont l'USAID et des agences onusiennes). En anglais, elle est connue sous le nom de : Demographic and Health Survey-DHS 2011-2012.

32 Там же. С. 285.

33 UNICEF, Au Bénin trois filles sur 10 sont mariées avant 18 ans, agissons ensemble pour éliminer ce fléau, 02/12/2015 ; RFI, « Journée de l'enfant africain: les mariages forcés au Sénégal et au Bénin », 17/06/2016 ;

34 US Department of State, Rapport 2015 sur les droits de l'homme au Bénin, 13/04/2016.

35 République du Bénin, Institut National de la Statistique et de l'Analyse Économique (INSAE), Enquête démographique et de santé (EDSB-IV) 2011-2012, octobre 2013 ; UNICEF, Global Database: Child Marriage, "Benin", last update May 2016.

19 UNICEF, Statistical Data: "Benin", 2016.

20 CIA, World Factbook, s.d.

21 UNFPA, Child marriage, s.d.

22 UNFPA, Child marriage, s.d.

23 Там же.

24 RFI, « Journée de l'enfant africain: les mariages forcés au Sénégal et au Bénin », 17/06/2016.

25 UNICEF, Au Bénin, des refuges protègent les enfants des mauvais traitements et de l'exploitation, 24/05/2010.

26 US Department of State, Rapport 2015 sur les droits de l'homme au Bénin, 13/04/2016.

образования. Этот высокий уровень неграмотности в основном затрагивает старшие поколения, поскольку новая государственная политика в отношении образования девочек и совместная деятельность неправительственных организаций, работающих в этом секторе, как представляется, сыграли решающую роль в улучшении коэффициента охвата школьным образованием детей³⁶.

В октябре 2013 года Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин выразил озабоченность «высоким уровнем неграмотности; низким уровнем завершения обучения и высоким уровнем отсева в школе, включая высокие показатели ранней беременности и раннего или принудительного брака»³⁷.

Кроме того, распространенность ранних браков варьируется в зависимости от региона: по данным НПО «ONG GirlsnotBrides» девочки, проживающие в регионе Alibori на севере страны, подвергаются гораздо более высокому риску быть замужними в более раннем возрасте, чем те, кто живет на юге³⁸.

В отчете о действиях Плана неправительственных организаций Бельгии в бельгийском журнале *Flair* упоминается, что регион Атакора на севере Бенина является регионом, где «очень консервативные культурные практики оставляют мало места для молодежи, защиты девочек и их прав. Принудительные браки, ранняя беременность и школьные отсеивы чрезвычайно распространены»³⁹. Также по данным НПО «Девушки-невесты», в Бенине наблюдается увеличение числа ранних браков в ответ на усиление незащищенности и нищеты после сильных наводнений, которые поразили страну в 2010 году и привели к близкому перемещению детей (120 000 детей)⁴⁰.

Виды принудительных браков, практикуемых в Бенине. Публичные источники упоминают о существовании некоторых форм принудительного брака, особенно в раннем возрасте в Бенине, в частности полигамии, браке путем обмена, похищения невесты и левирата. В докладе, представленном Республикой Бенин в 2012 году Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ)⁴¹, в дополнении к многоженству, левирату и сорорату, прибавились три основные формы принудительного брака в стране:

1. «Простой принудительный брак: мнение будущей жены вообще не учитывают в выборе мужа; это в обязательном порядке навязывается отцом или семьей. У нее нет возможности отказать;

2. Брак по обмену: это практика, которая происходит в некоторых районах северного Бенина, включая Кобли и округу. Это происходит между двумя семьями, которые обменивают своих детей. Первая семья выдает второй свою дочь, а вторая обязуется вернуть дочь замуж. Таким образом, рождается долг, предметом которого является девушка, и встает необходимость утверждения института брака путем обмена;

3. Брак по похищению: семья будущего мужа, по соглашению с некоторыми родителями девочки, приступает к похищению последней для совершения брака. Эта форма брака без согласия все еще имеет место на западе Бенина⁴².

4. Что касается левирата и собора, то тот же источник объясняет, что в Бенине «женщина считалась традицией как собственность, принадлежащая ее мужу. Таким образом, как будучи неотъемлемой частью наследства, она была вынуждена выйти замуж после смерти своего мужа за родственника последнего. Когда женщина умирает, ее муж, во имя солидарности семьи, может взять в жены сестру своей покойной жены. Это *sororate*. Эти формы союза наблюдаются особенно в тех областях, где приданое обязано предоставлять до брака»⁴³.

В своем докладе за 2015 год Государственный департамент США сообщает о сохраняющейся практике похищения невесты в Бенине. В докладе говорится, что «в контексте принудительного брака существует традиция, что будущий муж похищает и насилует свою будущую несовершеннолетнюю супругу. Эта практика⁴⁴ широко распространена в сельских районах, несмотря на усилия правительства и НПО по преодолению его на основе брифингов о правах женщин и детей. Местные НПО сообщили, что некоторые общины скрывали эту практику. По данным Государственного департамента США, выживание предков в некоторых районах Бенина относится, в частности, к обрядам вдовства, которое, например, обязывает вдову лечь рядом с ее умершим мужем или даже левиратом, что заставляет ее вступать в брак со своим братом»⁴⁵.

Что касается полигамии, то в октябре 2013 года Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин выразил озабоченность по поводу сохранения обычаев и практики, включая многоженство, и надеялся, что эта обычная практика больше не будет действовать после принятия в 2004 году Семейного кодекса⁴⁶. На самом деле практика полигамии по-прежнему остается частым явлением в Бенине. В четвертом демографическом и национальном обзоре состояния здоровья (EDSB-IV -2011- 2012) представлены статистические данные о распространенности этой практики в стране. Это исследование показывает, что во время опроса «37 % женщин в возрасте от 15 до 49 лет находились в полигамных союзах и 63 % в моногамных союзах. Среди мужчин той же возрастной группы доля полигамных составляет 20 %. Срав-

36 Girls not brides, Benin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.girlsnotbrides.org/child-marriage/benin/> (дата обращения: 26.10.2018 г.).

37 République du Bénin, Institut National de la Statistique et de l'Analyse Économique (INSAE), Enquête démographique et de santé (EDSB-IV) 2011-2012, octobre 2013.

38 Там же.

39 ONU, Haut Commissariat des Nations Unies aux Droits de l'Homme, Convention sur l'élimination de toutes les formes de discrimination à l'égard des femmes (CEDAW), Observations finales sur le quatrième rapport périodique du Bénin, 28/10/2013.

40 Girls not brides, Benin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.girlsnotbrides.org/child-marriage/benin/> (дата обращения: 26.10.2018 г.).

41 ONU, Convention sur l'élimination de toutes les formes de discrimination à l'égard des femmes (CEDAW), Comité pour l'élimination de la discrimination à l'égard des femmes : Observations finales sur le quatrième rapport périodique du Bénin [CEDAW/C/BEN/4], 21/03/2012, pp. 7-8.

42 Там же. С. 7-8.

43 US Department of State, Rapport 2015 sur les droits de l'homme au Bénin, 13/04/2016.

44 Там же.

45 Там же.

46 Haut-Commissariat des Nations Unies aux Droits de l'Homme, Convention sur l'élimination de toutes les formes de discrimination à l'égard des femmes (CEDAW), Observations finales sur le quatrième rapport périodique du Bénin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=CEDAW/C/BEN/Q/4/Add.1&Lang=F 28/10/2013, [CEDAW/C/BEN/CO/4].

нение с предыдущими исследованиями показывает, что доля полигамистов значительно снизилась⁴⁷.

Результаты обследования EDSB-IV показывают, что преобладание многоженства значительно варьируется в зависимости от нескольких параметров, среди которых: «место жительства, уровень образования или экономическое благополучие». Статистическое исследование показывает, что в сельских районах 41 % женщин (4 из 10 женщин), живущих в паре, находятся в полигамном союзе, по сравнению с 26 % (каждая четвертая женщина) в городских районах. В районе Куффо, на юго-западе страны, наиболее широко распространено многоженство (55 % среди женщин и 40 % среди мужчин), хотя этот показатель очень слаб в районе побережья (15 % среди женщин и 5 % среди мужчин)⁴⁸.

В исследовании отмечается, что «доля полигамистов, из 39 % среди необразованных женщин до 11 % среди наиболее образованных. У мужчин эти пропорции составляют соответственно 24 % и 9 %. С другой стороны, нет существенных различий в полигамной норме в соответствии с социально-экономическим статусом домохозяйства⁴⁹».

Механизмы ликвидации принудительных браков. Руководящий комитет, межминистерский орган под руководством министра, отвечающего за развитие, является оперативным и контролирующим органом решений Национального совета по поощрению равенства и гендерного равенства. Он собирается два раза в год для обзора положения дел с осуществлением национальной политики по поощрению гендерных аспектов ;

– Технический комитет, орган, отвечающий за осуществление политики поощрения гендерных аспектов, под председательством Министерства труда, государственной службы и социальных дел (MTFPAS), отвечающего за поощрение женщин. Комитет отвечает за координацию и контроль за всеми мероприятиями по поощрению гендерного равенства.

– Обсерватория по делам семьи, женщин и детей (ОФВЭ) является предохранительными предупреждающим органом для осуществления политики поощрения женщин. В частности он контролирует применение законов и правил в отношении международных конвенций по гендерным вопросам;

– Национальный институт по улучшению положения женщин (INPS) отвечает за изучение и анализ положения женщин в Бенине, а затем представление результатов правительству для включения в национальные программы развития, и в частности, разработки базы данных по статистике женщин.

Со своей стороны, Министерство труда, государственной службы и социальных дел (MTFPAS), которое отвечает за разработку, внедрение, мониторинг и оценку политики развития государства, социальной защиты и социальной солидарности, контролирует действия, направленные на поощрение семьи, женщин и гендерных вопросов, защиту детей и уход за инвалидами и престарелыми.

Деятельность НКО и МПО. В дополнение к правительству Бенина, поддержанному учреждениями Организации Объединенных Наций, присутствующими на местах (включая ЮНИСЕФ) и различными донорами, несколько национальных НПО участвовали в борьбе против традиционной практики, наносящей ущерб женщинам и детям, включая браки: принудительные и особенно ранние браки. Эти НПО включают следующее:

– Бенинская ассоциация по содействию развитию семьи (ABPF) является неправительственной организацией, созданной в 1970 году, целью которой является повышение благосостояния семьи и улучшение качества жизни населения посредством улучшения сексуального и репродуктивного здоровья, укрепления услуг, предлагаемых населению. Находясь во всех департаментах Бенина, ABPF предлагает медицинские услуги через национальную клинику и шесть региональных клиник. Он также проводит «обширную информационно-пропагандистскую работу, которая позволила ему получить поддержку политических и административных органов, технических и финансовых партнеров, религиозных и общинных лидеров для расширения своих услуг для улучшения доступа населения в службы планирования семьи».

– Ассоциация женщин-юристов Бенина (AFJB), созданная в 1990 году, направлена на защиту прав женщин и детей. В рамках своей деятельности НПО проводит подготовку по вопросам законодательства и проводит сессии по вопросам информации, образования и коммуникации (МЭК) на всей территории для повышения информированности женщин и девочек об их правах путем решения различных вопросов брака, семьи, важности актов гражданского состояния, левират и т. д.)

В 2012 году власти Бенина приняли план действий по борьбе с насилием в отношении женщин, с тем, чтобы ускорить ликвидацию дискриминации в отношении женщин⁵⁰ и содействовать прекращению поощрения насилия в отношении женщин, гендерного неравенства. Этот план действий соответствует требованиям, установленным в Законе № 2011 - 26 от 09 января 2012 года о предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин, включая принудительные браки, которые формализуют роль структур, ответственных за принятие бремени жертв. В статье 18 закон предусматривает создание мультидисциплинарных центров приема, расположенных по всей территории: «В каждом отделе центры социальной поддержки должны заботиться о женщинах, ставших жертвами насилия, в целях предоставлять им экстренные социальные услуги, прием и помощь. В статье 20 закон требует, чтобы центры приема уделяли приоритетное внимание «женщинам, ставшим жертвами насилия, в том числе девочкам, которым угрожали принудительные или организованные браки, девочки, помещенные или подвергшиеся сексуальному насилию, эти категории населения, уязвимые лица должны считаться приоритетом в доступе к центрам приема».

Доступ к правосудию для жертв. В октябре 2013 года Комитет Организации Объединенных Наций по ликвидации дискриминации в отношении женщин выразил

47 République du Bénin, Institut National de la Statistique et de l'Analyse Économique (INSAE), Enquête démographique et de santé (EDSB-IV) 2011-2012, octobre 2013, p.62. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dhsprogram.com/pubs/pdf/FR270/FR270.pdf>.

48 Там же. С. 63.

49 Там же.

50 République du Bénin, Loi n° 2011---26 du 09 janvier 2012 portant prévention et répression des violences faites aux femmes, mars 2012.

обеспокоенность в связи с препятствиями, с которыми сталкиваются женщины в Бенине в отношении доступа к правосудию. Комитет сослался на следующие препятствия:

1. «Женщины имеют ограниченный доступ к правосудию из-за больших расстояний, которые им приходится преодолевать, чтобы добраться до суда, а также ввиду различных практических и экономических препятствий;

2. Женщины также страдают от нехватки людских и технических ресурсов в системе правосудия, неадекватной подготовки судей и сотрудников правоохранительных органов в существующих законодательных рамках и отсутствия услуг по обучению, доступной им юридической помощи.

3. Доступ женщин к правовой информации неравноправен и сдерживается их низким уровнем образования и отсутствием правовых знаний, а также потому, что их права и законы, которые затрагивают их, широко не распространяются. Также препятствием выступают местные языки, что ограничивает их способность требовать защиты своих прав.

В заключение хочется отметить, что несмотря на продолжающиеся правовые и институциональные реформы в Бенине в целях улучшения положения женщин, традиции и обычаи по-прежнему остаются частью ежедневной жизни страны. Все это серьезно и негативно сказывается на начатой политико-правовой реформе, несмотря на политическую волю руководства страны. Решение проблемы принудительных и ранних браков в Бенине, с нашей точки зрения, требует не только политической воли, но и решения важных проблем экономического и социального характера, таких, как образование девушек и экономическое благополучие населения.

Пристатейный библиографический список

1. Amnesty International: Report 2015/16, The State of the World's Human Rights: Benin: Les mariages forcés et précoces impliqués; information sur la loi; information sur la protection et l'aide offertes par l'État et la société civile. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amnesty.org/download/Documents/POL1025522016ENGLISH.PDF> (дата обращения: 28.12.2018 г.).
2. Canada: Commission de l'Immigration et du Statut de Réfugié (CISR), Bénin: information sur le mariage forcé, y compris la fréquence, la pratique et les groupes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://irb-cisr.gc.ca/fr/renseignements-pays/cnd/Pages/index.aspx?pid=9222> (дата обращения: 28.12.2018 г.).
3. Child Rights International Networks (CRIN), BENIN: Access to justice for children, [White & Case LLP], 18/12/2014: https://www.ofpra.gouv.fr/sites/default/files/atoms/files/1703_ben_les_mariages_forces.pdf (дата обращения: 28.12.2018 г.).
4. CIA: The World Factbook: Benin, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bn.html> (дата обращения: 28.12.2018 г.).

5. Commission Africaine des Droits de l'Homme et des Peuples: Protocole à la Charte africaine des droits de l'Homme et des peuples relatif aux droits des femmes en Afrique. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.achpr.org/fr/instruments/women-protocol/> (дата обращения: 28.12.2018 г.).
6. France diplomatie: Dossier pays: Bénin, 24/06/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lemoci.com/fiche-pays/france/> (дата обращения: 28.12.2018 г.).
7. Geneviève BOKO NADJO Coordonnatrice du WiLDAF/FeDDAF-BÉNIN au Forum des ONG à Addis Abeba, Éthiopie, Octobre 2004: Le code des personnes et de la famille béninois. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wildaf-ao.org/index.php/fr/ressources/publications-telechargeables-wildaf-feddaf/docs-t%C3%A9l%C3%A9chargeables-fr/les-etudes/196-communication-le-code-des-personnes-et-de-la-famille-b%C3%A9ninois/file> (дата обращения: 28.12.2018 г.).
8. Haut-Commissariat des Nations Unies aux droits de l'Homme (HCDH): Pacte international relatif aux droits économiques, sociaux et culturels. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/fr/professionalinterest/pages/cescr.aspx> (дата обращения: 28.12.2018 г.).
9. Benin: Les mariages forcés. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ofpra.gouv.fr/sites/default/files/atoms/files/1703_ben_les_mariages_forces.pdf (дата обращения: 28.12.2018 г.).
10. Observations finales sur le quatrième rapport périodique du Bénin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/BEN/CEDAW_C_BEN_CO_4_Add-1_15577_F.pdf (дата обращения: 28.12.2018 г.).
11. OMCT: 3 rapport alternatif de la société civile à la mise en œuvre de la Convention relative aux Droits de l'Enfant (CDE) au Bénin présenté au Comité des droits de l'enfant à la Pré-session de juin 2015 à Genève. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.omct.org/files/2015/06/23195/crc_benin_alternative-report_fra.pdf (дата обращения: 28.12.2018 г.).
12. Organisation des Nations Unies: Convention sur l'élimination de toutes les formes de discrimination à l'égard des femmes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/text/fconvention.htm> (дата обращения: 28.12.2018 г.).
13. Human Development Reports: Benin, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/composite/HDI> (дата обращения: 28.12.2018 г.).

ГАДЖИЕВ Адиль Афган оглы

аспирант, кафедра гражданского права Российский университет дружбы народов

АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К РЕГУЛИРОВАНИЮ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ДОГОВОРОВ В ПРАВОПОРЯДКАХ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ

Институт наследования издавна служит одной из главных гарантий права частной собственности. Сегодня невозможно говорить об устойчивом единообразии и однородности подходов к институту наследственного договора в различных странах. В статье анализируются содержание, специфика и особенности формы наследственного договора в правовых порядках Германии и Франции.

Ключевые слова: законодательство, гражданское право, наследственное право, наследование с иностранным элементом, наследственный договор.

GADZHIEV Adil Afgan oglu

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Peoples Friendship University of Russia

ANALYSIS OF NATIONAL APPROACHES TO THE REGULATION OF INHERITANCE CONTRACTS IN THE LAWS OF GERMANY AND FRANCE

The institution of inheritance has long been one of the main guarantees of the right to private property. Today it is impossible to talk about the steady uniformity and homogeneity of approaches to the institution of the hereditary contract in various countries. The article analyzes the content, specifics and features of the form of the hereditary contract in the laws of Germany and France.

Keywords: the, civil law, inheritance law, inheritance with a foreign element, a hereditary contract.

Гаджиев А. А.

Основной гарантией права частной собственности является наследование. Именно наследование обеспечивает высокий уровень культуры частного права и демонстрирует особенности национальных правовых систем в современном мире¹.

Наследственный договор является одной из наиболее противоречивых и неоднозначных юридических конструкций в области наследственного права. Его введение и использование в сфере регулирования наследственных отношений сопряжено с рядом существенных неопределённостей и ограничений, в отношении которых высказываются различные, а нередко совершенно противоположные аргументы.

На примере ряда национальных правовых порядков, в которых этот вид договора используется для юридического оформления наследственных отношений, достаточно давно, можно проследить определённые тенденции его развития в системе гражданско-правовых обязательств, положительные и отрицательные моменты его использования в сфере наследственного права, конкретные теоретические и практические аспекты осуществления участниками наследственных отношений своих прав и исполнения обязанностей посредством конструкции наследственного договора. Анализируя опыт зарубежных стран по этой проблематике, следует отметить, что отнюдь не все страны обращаются к практике использования наследственных договоров. Причём в значительной части стран этот вид договоров не предусматривается либо прямо запрещён. Поэтому говорить сегодня о каком-либо устойчивом единообразии и однородности подходов к институту наследственного договора, конечно же, не приходится,

что в значительной степени продиктовано самой природой и юридическим характером этого вида гражданско-правовых сделок. Однако при этом также проявляется и другая тенденция, а именно, как показывает обзор российской и зарубежной юридической литературы, проблематика использования наследственного договора в сфере наследственного права остаётся одной из дискуссионных и обусловлена устойчивым интересом исследователей к ней².

Следует отметить, что проблема наследственного договора и его включения в национальные правовые порядки в тех случаях, когда этот тип договора не является традиционным либо вовсе отвергается, актуализируется не только академическим интересом к ней, но и теми конкретными процессами политико-правового характера, которые характерны для нынешнего этапа развития науки гражданского права, гражданского законодательства и практики применения соответству-

1 Самаилов Г. А. Проблема выбора права, подлежащего применению к наследованию, осложнённого иностранным элементом // Общероссийский научно-практический юридический журнал «Евразийский юридический журнал». - 2011. - № 12 (43). - С. 80-84.

2 Nachlassrecht: Erbfolge, Testament, Erbvertrag, Pflichtteilsrecht, Rechtspflege, Insolvenz, Verfahren, Erbschaftsteuer und IPR / Hans Lothar Graf. 11. Auflage. München: Beck, C H, 2018. 900 S.; Willensherrschaft und Nachlassbindung / Ulrich Wilke. Frankfurt am Main: Wolfgang Metzner Verlag, 2017. 211 S.; Der Erbvertrag als Problem von Rechtswissenschaft: eine rechtswissenschaftsgeschichtliche Untersuchung vor dem Hintergrund der Geschichte eines allgemeinen Vertragsbegriffs / Jan Ulrich. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. XIV, 531 S.; Erbvertrag und Synallagma / von Daniela Rothe. Berlin: Duncker & Humblot, 2008. 181 S.; Malaurie, Ph. Les successions, les libéralités / Philippe Malaurie. A jour au 31 décembre 2003. Paris: Defrénois, с 2004. XII, 562 p.; Grimaldi M. Droit civil: successions / Michel Grimaldi. 6e. éd. Paris: Litec, 2001. XII, 947 p.; François Terré, Yves Lequette, Sophie Gaudemet. Droit civil. Les successions. Les libéralités. Dalloz, 2013. 1184 p.; Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. - М.: Юрист, 2015. - № 1. - С. 6-9; Матвеев И. Наследственный договор // Хозяйство и право. - М., 2008. - № 11. - С. 39-44.

ющих правовых норм. В связи с этим, анализируя процессы в области наследственного права по рассматриваемой проблематике, как в российском, так и в зарубежном гражданском праве, можно выделить несколько существенных моментов:

– во-первых, сравнительный анализ некоторых национальных подходов к регламентации и трактовке наследственного договора, с одной стороны, показывает очевидную неоднородность в восприятии и понимании природы и правовых последствий этого типа гражданско-правовых сделок, а с другой – существует и легко прослеживается тенденция обращения к этому институту, которая проявляется как в попытках введения этого института в наследственное право (например, российское законодательство), так и в попытках смягчения категоричности отказа от использования наследственного договора, который допускается в случаях, специально предусмотренных законом (например, французское гражданское законодательство);

– во-вторых, как показывает конкретный опыт регулирования наследственных договоров в ряде национальных правовых порядков (Германия, имея уже более чем вековую практику, Россия – на уровне пока ещё не введённого в действие закона об изменении гражданского законодательства) или их запрета (Франция), не только не существует какой-то универсальной формулы разрешения этого вопроса – о регулировании наследственного договора или обосновании конкретных причин его запрета, но, напротив, конкретные подходы отличаются существенной спецификой. Так, если в немецком гражданском законодательстве наследственный договор, несмотря на не прекращающиеся дискуссии о его правовой природе и применении, в целом органично включён в наследственное право (книга пятая, раздел четвёртый ГУ ФРГ), то в пока ещё не введённом в действие российском законе содержится совокупность норм о наследственном договоре (в виде одной объёмной статьи), которые одновременно отличает как стремление очень сдержанно и ограничено допустить этот вид договоров в систему наследственного права, так и нацеленность на то, чтобы урегулировать отношения, которые могут возникнуть из наследственного договора, по существу, в виде дополнения, а не самостоятельного института, к традиционным юридическим конструкциям наследования.

Последнее обстоятельство невольно поднимает вопрос о том, что, если, по замыслу российского законодателя, сама идея и соответствующая юридическая конструкция наследственного договора являются столь противоречивыми и требующими очень сдержанного регулирования, то, учитывая мировой опыт, совершенно неочевидной становится привлекательность вообще, а точнее, полезность или востребованность этого вида юридического конструирования и обеспечения наследственного правопреемства. При этом, как показывает анализ соответствующих доктринальных подходов к оценке положительных и отрицательных сторон юридической конструкции и социальной нацеленности наследственного договора, в значительной степени они акцентируют лишь одно обстоятельство. А именно то, что этот вид договора, как двусторонняя сделка, придаёт защите интересов наследников и иных выгодоприобретателей большую устойчивость и гарантированность, но для наследодателя преимущества наследственного договора совсем неочевидны, что подтверждает практика, например, в Германии;

– в-третьих, даже в те случаях, когда юридическая конструкция наследственного договора сохраняется и используется уже долгое время, как, например, в Германии, до сих пор существуют явные противоречия в понимании правовой

природы наследственного договора и выбора применимых норм гражданского законодательства. Так, в одном из новейших исследований немецким правоведом Я. Ульрихом делается заключение о том, что для обеспечения надлежащего недвусмысленного понимания наследственного договора и устранения противоречий при интерпретации его юридической конструкции необходимо изменение или обновление современной цивилистической парадигмы³.

В Германии наследственный договор рассматривается, как и завещание, как исключительно личная сделка. Соответственно, как того требует § 2274 ГУ ФРГ, наследственный договор должен быть подписан наследодателем лично, а представительство при этом запрещено. Напротив, для другой стороны наследственного договора такая возможность вовсе не исключается. При этом способность наследодателя заключить соответствующий договор не исчерпывается ни дееспособностью завещателя (§ 2229), ни дееспособностью вообще (§ 104). Для определения дееспособности наследодателя заключить наследственный договор действуют свои собственные правила. Согласно § 2275 ГУ ФРГ наследодатель только тогда вправе заключить наследственный договор, когда он имеет неограниченную дееспособность. Несмотря на абсолютный характер требований этой статьи, немецкое гражданское законодательство всё же допускает исключения из этого правила. Так, например, ограниченно дееспособный наследодатель может заключить наследственный договор со своей супругой (супругом), с лицом, с которым помолвлен наследодатель, но только с согласия законного представителя, а если наследодатель находится под опекой, то с согласия суда по делам опеки.

С точки зрения формы наследственный договор может быть заключён только при одновременном присутствии обеих сторон, подлежит заключению и удостоверению в нотариальном порядке. Немецкое гражданское законодательство запрещает рукописный вариант наследственного договора, который составляют сами стороны. Для заключения наследственного договора предусматриваются два способа: во-первых, путём сообщения нотариусу волеизъявления сторон заключить наследственный договор; во-вторых, путём передачи ему открытого или закрытого письменного заявления с публичным разъяснением, что это заявление содержит последнюю волю наследодателя. Закрытое заявление заключить наследственный договор исключается в том случае, когда одна из сторон не может читать. Напротив, наследственный договор может быть заключён только путём передачи письменного заявления в случае, если сторона договора не может говорить.

Существуют особенности в отношении формы наследственного договора в том случае, когда он заключается между супругами или помолвленными и при этом вместе с брачным договором в одном акте. В этом случае наследственный договор полностью подчиняется требованиям к форме брачного договора, что в действительности означает даже более строгие требования к форме и порядку заключения договора.

В немецкой юридической литературе анализируется также проблема допустимости и возможности заключения наследственного договора посредством процессуального соглашения сторон в суде, поскольку судебный протокол

3 Ulrich J. Der Erbvertrag als Problem von Rechtswissenschaft : eine rechtswissenschaftsgeschichtliche Untersuchung vor dem Hintergrund der Geschichte eines allgemeinen Vertragsbegriffs. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017.- XIV. - 531 S. - S. 470.

согласно § 127a ГУ ФРГ может заменить нотариальное удостоверение. По данному вопросу высказываются различные точки зрения. Проблематичной является такая возможность замены судебных протоколом нотариального удостоверения в случае с наследственным договором особенно тогда, когда интересы сторон в суде представляют адвокаты. Согласно § 2274 ГУ ФРГ допускается только личное волеизъявление наследодателя при заключении наследственного договора. С другой стороны, согласно § 78 ППК ФРГ для заключения процессуального соглашения необходимо заявление процессуально уполномоченного адвоката. Собственно говоря, проблема решается таким образом, что для заявления на заключение договора со стороны представляющего интересы адвоката требуется ещё личное заявление (согласие) наследодателя⁴.

Содержание наследственного договора согласно немецкому гражданскому праву не может быть определено по усмотрению сторон. В отличие от традиционных формул обязательственного права о содержании договоров, в сфере наследственного права, равно как и в сфере вещного права, используются строго определённые законом образцы договора. § 2278 ГУ ФРГ определяет, что в наследственном договоре могут содержаться соответствующие договору распоряжения на случай смерти только о назначении наследника, завещательном отказе и завещательном возложении. Всё остальное не может относиться к содержанию наследственного договора, а рассматривается как одностороннее выражение последней воли наследодателя, которое регулируется и определяется с точки зрения права на составление завещания. Если содержание (условия) наследственного договора выходит за пределы, установленные законом, то оно рассматривается и определяется как договорные обязательства той или иной стороны, к которым соответственно применяется обязательственное право. Соответственно, возникает определённая структура содержания договора: с одной стороны, условия договора на случай смерти (назначение наследника, завещательный отказ и возложение) являются безотзывными, а с другой – односторонние распоряжения на случай смерти (лишение наследства, определение очередности и порядка распределения наследства, установление порядка исполнения завещания и т.п.) могут быть отозваны.

Для идентификации наследственного договора среди других типов гражданских обязательств и юридических конструкций критерием является как раз требование, что в качестве одной из сторон договора должен быть наследодатель, который отдаёт распоряжения на случай смерти, которые включают три допустимых условия: назначение наследников, завещательный отказ и возложения. Верховный суд Баварии высказался по этому поводу таким образом, что указанные признаки составляют минимально необходимое содержание для того, чтобы наследственный договор мог быть признан таковым⁵. Кроме того, в отношении существенных условий наследственного договора должно быть достигнуто согласие сторон.

Характерными примерами формулирования содержания наследственных договоров в Германии могут рассматриваться следующие (основаны на анализе судебной практики):

– бездетные супруги назначают себя посредством наследственного договора наследниками в отношении друг

друга и родственников с обеих сторон в качестве наследников в отношении наследства пережившего супруга. Здесь взаимное назначение друг друга в качестве наследников согласно жизненному опыту сочетается с назначением в качестве наследников родственников супруга, умершего раньше, но не назначением в качестве наследников родственников пережившего супруга, которое соответственно может быть свободно отозвано согласно § 2253 ГУ ФРГ;

– супруги назначают посредством наследственного договора имеющего инвалидность сына супруги от предыдущего брака в качестве единственного наследника. В данном случае согласовано назначение в качестве наследника лишь через супруга, но не через супругу, так что она после смерти супруга может свободно и без ограничений составить завещание.

Существенным является вопрос о «возмездности» наследственного договора. Немецкая доктрина гражданского права и судебная практика исходят из того, что категория возмездности применительно к наследственному договору невозможна, так как она является категорией не наследственного, а обязательственного права. Иными словами, если речь идёт о том, что наследодатель будет получать от другой стороны договора вознаграждение за назначение наследником, например, пожизненное содержание или уход, то этот случай выходит за пределы собственно наследственного права. По этому поводу интересным является замечание немецкого правоведа К. Шельхаммера, который пишет следующее: «Наследственный договор как таковой не может быть ни возмездным, ни безвозмездным, а лишь распоряжением на случай смерти; это просто иная категория. Возмещение может быть обещано лишь в рамках обязательственного права»⁶.

Односторонние распоряжения, которые хотя и сделаны в наследственном договоре, подчиняются не нормам о наследственном договоре, а нормам гражданского права, регулирующим наследование по завещанию. При этом учитывается то обстоятельство, что дееспособность в отношении наследственного договора и завещания не совпадают с точки зрения немецкого наследственного права. Иными словами, если наследодатель обладает дееспособностью для заключения наследственного договора, то это ещё не означает, что он является дееспособным для составления завещания и совершения односторонних завещательных распоряжений в наследственном договоре. Односторонние распоряжения наследодателя, сделанные им в наследственном договоре, могут быть свободно отозваны и поэтому не требуют оспаривания или одностороннего отказа. При возникновении споров по этому поводу основная задача состоит в том, чтобы выяснить, является ли соответствующее условие согласованным или односторонним. Соответственно, если некая сделка именуется «наследственный договор» и содержит лишь односторонние распоряжения на случай смерти, то она не может квалифицироваться как наследственный договор, а рассматривается либо как завещание, либо как несколько завещаний. Следует также отметить, что в связи с этим существуют два специальных правила. Первое состоит в том, что одностороннее распоряжение, содержащееся в наследственном договоре, может быть не только отозвано согласно § 2253 ГУ ФРГ, но также отменено соглашением сторон, которое согласно § 2290 ГУ ФРГ отменяет одностороннее распоряжение. При этом одностороннее распоряжение наследодателя также утрачивает

4 OLG Stuttgart // NJW 89, S. 2700; OLG Düsseldorf // SJW. - 2007. - S. 1290.

5 BayObLG // Zeitschrift für das gesamte Familienrecht. - 2004. - S. 59.

6 Schellhammer K. Erbrecht nach Anspruchsgrundlagen / von Kurt Schellhammer. 3., neu bearb. Aufl. Heidelberg [u.a.]: Müller, 2010. - XLV. - 542 S. - S. 243.

силу, если наследственный договор, в котором оно содержится, отменяется соглашением сторон или вследствие отказа от договора, даже если наследодатель этого явно не хотел бы. Напротив, одностороннее распоряжение наследодателя в случае сомнения остаётся даже тогда действующим (§ 2085 ГУ ФРГ), когда наследственный договор является ничтожным⁷.

Весьма любопытный пример для исследования проблематики наследственного договора даёт французское гражданское законодательство. Специфика французского гражданского законодательства и доктрины наследственного права состоит в том, что они, несмотря на примеры других стран, в том числе Германии, очень скептически относятся к юридической конструкции наследственного договора и его практической полезности. При этом в последние годы французское законодательство демонстрирует определённое движение в направлении смягчения категоричности отказа от наследственного договора. В связи с этим возникают не всегда точные оценки тех причин, по которым такое изменение французского законодательства оказывается возможным. В первую очередь, следует отметить, французское гражданское законодательство по-прежнему не признаёт наследственный договор и весьма сдержанно относится к необходимости его введения, несмотря на те факторы, которые вынуждают его к некоторой податливости и изменчивости в этом направлении.

Традиционно во французском гражданском праве категорический запрет на признание и заключение наследственных договоров следовал из норм о пороках сделок, а именно, из принципиального запрета „*pactes sur succession future*“, т.е. сделок о наследстве на будущее. Этот запрет содержался до недавнего времени в ч. 2 ст. 1130 ГК Франции. Он, в частности, предполагал, что в отношении ещё не открывшегося наследства или какой-либо его части не могут заключаться соглашения, равно как нельзя заранее отказаться от него. Кроме того, ст. 791 ГК Франции предусматривает положение, согласно которому нельзя отказаться в брачном договоре от наследства в период жизни наследодателя. Также ст. 1389 ГК Франции в рамках установления границ договорной свободы при заключении брачного договора определяет, что супруги не могут устанавливать договорные правила, которыми бы изменялся порядок наследования.

Запрет соглашений о наследстве в будущем охватывает не только наследственные договоры, а также договоры об отказе от наследства либо от обязательной доли в наследстве, но все виды соглашений, предметом которых является ещё не открытое наследственное имущество⁸.

Французское гражданское право следует в этом отношении трактовкам древних римских юристов, которые, в частности, исходили из того, что договоры, которые дают преимущества одному лицу в случае смерти другого лица, являются аморальными. Кроме того, заключение подобного соглашения рассматривается как опасное, так как бенефициар будет иметь повод к тому, чтобы способствовать наступлению смерти наследодателя («*votum mortis*»). Также существенным является то положение французского гражданского законодательства, согласно которому принцип свободной отмены завещания, служащий для защиты свободы

права завещания, как полагают французские правоведы, совершенно не согласуется с обязательствами, которые могут возникнуть из наследственного договора⁹. Нарушение этого принципа рассматривается во французском гражданском законодательстве как влекущее признание такого договора абсолютно ничтожным.

В последние годы французское законодательство перетерпело определённые изменения в отношении признания наследственных договоров. Основным катализатором изменений являются не внутренние причины, т.е. не те обстоятельства и условия, которые диктуются текущей внутренней правовой практикой и развитием юридической науки, а внешние требования унификации законодательства стран ЕС. С 17 октября 2015 г. на территории стран ЕС вступила в силу директива Европейского парламента и Европейского совета № 650/2012 от 04.07.2012 г. «О юрисдикции, подлежащем применению праве, признании и исполнении решений, акцепте и исполнении свидетельств по наследственным делам, а также о введении европейского свидетельства о наследстве»¹⁰. В пояснительной части этой директивы разъясняется, что наследственным договором в праве стран ЕС признаётся вид распоряжения на случай смерти, допустимость и признание которого в странах-членах ЕС различны. Для того, чтобы облегчить признание приобретённых на основе наследственного договора притязаний на наследство в странах-членах ЕС, настоящая директива должна определить, каким правом должны регулироваться юрисдикция таких договоров, их материальное действие и их обязательная сила, включая и условия их расторжения. При этом право, которому подчиняется юрисдикция и материальное действие распоряжения на случай смерти и при наследственных договорах, их обязательность согласно настоящей директиве, не должны затрагивать права лица, которое согласно праву, подлежащему применению к определению правопреемственности по случаю смерти, имеет право на обязательную долю в наследстве или иное право, которое у него не может быть изъято лицом, имеющим отношение к наследству.

Согласно ст. 25 Директивы ЕС о наследственных делах, юрисдикция, материальное действие и обязательность наследственного договора, который касается наследства одного конкретного лица, включая условия для его отмены, подчиняются праву, которое было бы применено к определению правопреемства по случаю смерти, если бы это лицо умерло к тому моменту, когда наследственный договор был заключён. Наследственный договор, который касается наследства нескольких лиц, допускается только тогда, когда он признаётся согласно национальному праву каждого участника договора, которое согласно настоящей директиве было бы применено к определению правопреемства каждого в отдельности участвующего лица, если они бы умерли к тому моменту,

7 Bühler // Deutsche Notar-Zeitschrift. 62. - S. 367.

8 Donnier M. // Revue trimestrielle de droit familial. - 1986. - P. 627; Grimaldi M. Droit des successions. 7e édition. - Paris: Lexis Nexis, 2017. - Nr. 342 ff.; Lucas // Revue trimestrielle de droit familial. - 1976. - P. 455.

9 Grimaldi M. Droit des successions. 7e édition. - Paris: Lexis Nexis, 2017. - Nr. 341; Heuschmied H. Verträge über künftige Erbschaft nach französischem Recht / vorgelegt von Hermann Heuschmied. - Bonn, 1972. - XVII. - 214 S. - S. 10 ff.; Klingelhöffer H. Erbverträge im deutsch-französischen Verhältnis / vorgelegt von Hans Klingelhöffer. - München, 1971- XXV, 215. - S., S. 9 ff.

10 Verordnung (EU) Nr. 650/2012 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 4. Juli 2012 über die Zuständigkeit, das anzuwendende Recht, die Anerkennung und Vollstreckung von Entscheidungen und die Annahme und Vollstreckung öffentlicher Urkunden in Erbsachen sowie zur Einführung eines Europäischen Nachlasszeugnisses. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:201:0107:0134:DE:PDF>.

в которой наследственный договор был заключён. Кроме того, материальное действие и обязательность наследственного договора, который допускается настоящей директивой, включая и условия для его расторжения, подчиняются тому праву, с которым лицо имеет наиболее тесную связь. Данные правила применяются в том случае, если лица не определили сами в наследственном договоре, какое право подлежит применению к регулированию их отношений.

По мнению французского адвоката Ш. Штаде, директива ЕС о наследственных делах «сулит французской практике наследственного права далеко идущее изменение парадигмы», что, как подчёркивает этот юрист, «влечёт за собой новые проблемы и вопросы»¹¹. Как минимум, для французского наследственного и гражданского права в целом это означает, что возникают существенные проблемы и противоречия в отношении оговорки о публичном порядке общего завещания супругов, наследственного договора, вопросов ограничения ответственности наследников, пределом действия исключительной юрисдикции и европейского свидетельства о наследстве, например, в связи с необходимостью перерегистрации права в публичных реестрах и т.д. и т.п.

Ст. 1130 ГК Франции с 2007 г. претерпела целый ряд изменений и уточнений. Очевидно, самые существенные произошли в 2016 г. под влиянием указанной директивы ЕС о наследственных делах. Правда, французский законодатель не отменил запрет наследственных договоров, а лишь переместил соответствующую норму в главу ГК о наследовании. Отныне эта норма, т.е. запрет наследственных договоров, содержится не в ч. 2 ст. 1130, а в ст. 722 ГК Франции, согласно которой соглашения, которые направлены на возникновение прав или отказ от прав на всё или часть неоткрытого наследства или иного имущества, составляющего его часть, допускаются только в тех случаях, когда они санкционированы законом. Кроме того, существенно изменился характер нормы. Если ранее отказ носил категорический характер, то теперь наследственный договор признаётся французским правом порядком только в том случае, если это прямо предусмотрено законом. В действительности, пока этот вопрос ещё не проработан французским законодателем и пока нет таких конкретных случаев, когда французским законодательством прямо допускался наследственный договор, за исключением ограниченного признания в сфере международного наследственного права.

Пристатейный библиографический список

1. Матвеев И. Наследственный договор // Хозяйство и право. - М., 2008. - № 11. - С. 39-44.
2. Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. - М.: Юрист, 2015. - № 1. - С. 6-9.
3. Самаилов Г. А. Проблема выбора права, подлежащего применению к наследованию, осложнённого иностранным элементом // Общероссийский научно-практический юридический журнал «Евразийский юридический журнал». - 2011. - № 12 (43). - С. 80-84.

4. Der Erbvertrag als Problem von Rechtswissenschaft: eine rechtswissenschaftsgeschichtliche Untersuchung vor dem Hintergrund der Geschichte eines allgemeinen Vertragsbegriffs. - Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. - XIV. - 531 S.
5. Donnier M. Revue trimestrielle de droit familial. - 1986.
6. Grimaldi M. Droit des successions. 7e édition. - Paris: Lexis Nexis, 2017. - Nr. 342 ff.
7. Lucas // Revue trimestrielle de droit familial. - 1976.
8. Erbfolge, Testament, Erbvertrag, Pflichtteilsrecht, Rechtspflege, Insolvenz, Verfahren, Erbschaftsteuer und IPR / Hans Lothar Graf. 11. Auflage. - München: Beck, C H, 2018. - 900 S.
9. Erbvertrag und Synallagma / von Daniela Rothe. - Berlin: Duncker & Humblot, 2008. - 181 S.
10. François Terré, Yves Lequette, Sophie Gaudemet. Droit civil. Les successions. Les libéralités. - Dalloz, 2013. - 1184 p.
11. Grimaldi M. Droit civil: successions / Michel Grimaldi. 6e. éd. - Paris: Litec, 2001. -XII. - 947 p.
12. Grimaldi M. Droit des successions. 7e édition. - Paris: Lexis Nexis, 2017. - Nr. 341.
13. Heuschmied H. Verträge über künftige Erbschaft nach französischem Recht / vorgelegt von Hermann Heuschmied. - Bonn, 1972. - XVII. - 214 S. - S. 10 ff.
14. Klingelhöffer H. Erbverträge im deutsch-französischen Verhältnis / vorgelegt von Hans Klingelhöffer. - München, 1971.- XXV. - 215 S. - S. 9 ff.
15. Malaurie Ph. Les successions, les libéralités. A jour au 31 décembre 2003. - Paris: Defrénois, c 2004. - XII. - 562 p.
16. OLG Stuttgart // NJW. - 89.
17. OLG Düsseldorf // SJW. - 2007.
18. Stade S. Die EU-Erbrechtsverordnung aus französischer Sicht // Erbrechtspraxis ZErB. - 3/2015. - P. 69-78.
19. Ulrich J. Der Erbvertrag als Problem von Rechtswissenschaft: eine rechtswissenschaftsgeschichtliche Untersuchung vor dem Hintergrund der Geschichte eines allgemeinen Vertragsbegriffs. - Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. - XIV. - 531 S.
20. Willensherrschaft und Nachlassbindung / Ulrich Wilke. - Frankfurt am Main: Wolfgang Metzner Verlag, 2017. - 211 S.

¹¹ Stade S. Die EU-Erbrechtsverordnung aus französischer Sicht // Erbrechtspraxis ZErB. - 3/2015. - P. 69-78.

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ И СОСТАВНЫМИ ЧАСТЯМИ ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИСПАНИИ

Статья посвящена сравнительному исследованию природы, принципов и инструментов разграничения компетенции между центральной властью и составными частями государства в Российской Федерации и регионалистском государстве Испании. Оценка в сравнительном аспекте систем взаимоотношений центра и регионов в Испании и России приводит к следующему выводу: степень децентрализации не является показателем эффективности системы. Сходство инструментов разграничения компетенций приводит к различному балансу между ними. В статье доказывается, что автономные сообщества в Испании, как и субъекты федерации в России, показывают свою эффективность в реализации региональной политики преимущественно на исполнительно-распорядительном уровне. При этом в России, в отличие от Испании, относительная неэффективность реализации субъектами РФ законодательных полномочий компенсируется участием их представителей в федеральном законодательном процессе. Проведенный анализ позволил сформулировать вывод, в соответствии с которым до тех пор, пока территориальные образования не будут обладать достаточным экономическим и политическим потенциалом для решения управленческих задач соответствующего масштаба, ключевую роль в законодательном регулировании и координации управленческих инициатив в масштабах государства должна играть центральная власть. При этом условием эффективности системы разграничения компетенции между центральной властью и регионами является не столько объем полномочий конкретных уровней власти, сколько наличие действенных механизмов их взаимодействия.

Ключевые слова: федерализм, разграничение предметов ведения и полномочий, субъект федерации, централизация, децентрализация, федеральный баланс.

PLATONOV Vladimir Mikhaylovich

Ph.D. in Law, Head of Political analysis and government sub-faculty of the Faculty of Humanitarian and Social Sciences of the Peoples; Friendship University of Russia

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF MODELS OF DIFFERENTIATION OF POWERS BETWEEN THE CENTRAL POWER AND TERRITORIAL PARTS OF THE STATE IN RUSSIA AND SPAIN

The article is devoted to the comparative research of the nature, the principles and instruments of differentiation of competence between the central power and territorial parts of the state of the Russian Federation and the regionalist state of Spain. The assessment in comparative aspect of systems of relationship of the center and regions in Spain and Russia, leads to the following conclusion: the extent of decentralization is not a system effectiveness indicator. The similarity of instruments of differentiation of competence leads to the different balance between them. The article proves that the autonomous communities in Spain, as well as the territorial subjects of the federation in Russia, show the efficiency in implementation of regional policy mainly at the executive level. At the same time in Russia, unlike Spain, the relative inefficiency of realization by the territorial subjects of the Russian Federation of their legislative powers is compensated by the participation of their representatives in the federal legislative process. The analysis allowed to formulate a conclusion according to which until the territorial parts of the state do not have the sufficient economic and political potential for the solution of administrative problems of the corresponding scale, the central power has to play a key role in the legislative regulation and coordination of administrative initiatives. At the same time it is not the volume of powers of particular levels of the power but the existence of effective mechanisms of their interaction presents the condition of effectiveness of system of differentiation of competence between the central power and regions.

Keywords: federalism, differentiation of areas of jurisdiction and powers, the territorial subject of the federation, centralization, decentralization, federal balance.

Пониманию природы разграничения полномочий между центральной властью и составными частями государства может способствовать сопоставление особенностей федеративного устройства России и опыт регионалистского государства, то есть децентрализованного унитарного государства в Испании.

Статья 137 Конституции Испании устанавливает, что «Государство в своей территориальной организации включает муниципалитеты, провинции и автономные общества. Все эти единицы пользуются автономией при ведении своих

дел.»¹. Эта норма закрепляет возможность, но не обязательность создания автономий. Полномочия регионов в Испании имеют не только административный, но и политический характер, следовательно, могут реализовываться путем издания ими законодательных актов. Правовые позиции Конституционного Суда Испании исходят из того, что автономизация не

1 Конституция Испании. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=149&page=3> (дата обращения: 15.07.2018).

подрывает унитарного характера Испании. Примером может служить Решение Конституционного Суда Испании № 4/81 от 02 февраля 1981 года, согласно которому в Испании существует единственная власть – центральная – представляющая единство всей нации на всей территории государства. При этом «общие государственные органы не обладают всей полнотой публичной власти, так как, согласно вертикальному разграничению полномочий, Конституция предусматривает участие различных территориальных образований в процессе осуществления публичной власти»². В то же время, по мнению Конституционного Суда Испании понятие «автономия» не подразумевает «суверенитет» и предполагает ограниченный характер полномочий автономных сообществ. Границы такой автономии определяются понятием «интересующие их вопросы», в пределах которых автономии наделяются необходимым объемом полномочий.

Строго юридически Конституция Российской Федерации закрепляет федеративное государственное устройство, предполагающее наличие у субъектов РФ элементов государственности, но не суверенитета. По этой причине сравнение испанского и российского опыта оправдано не с точки зрения всей системы государственного управления, а с позиций механизмов распределения полномочий между уровнями власти.

Схожими для обеих стран являются гарантии прав территориальных образований. Так, в обоих государствах в качестве таковых выступают Конституционный Суд, а также усложненный порядок внесения изменений в положения Конституции, закрепляющих полномочия территориальных образований, то есть гарантии реализуются как в институциональной, так и в процессуально плоскостях. Не менее значимой гарантией прав регионов является подвижность системы разграничения предметов ведения и полномочий в Испании и России – Конституционные Суды этих государств последовательно при разрешении споров и при осуществлении толкования Конституций ищут баланс между компетенцией центра и регионов, исходя из потребностей общества.

Распределяя полномочия между центром и регионами, Конституция Испании устанавливает так называемую «систему двойного списка», при которой в статье 149 Конституции перечисляются предметы исключительного ведения центральной власти, а в статье 148 – вопросы, решение которых могут брать на себя автономные сообщества. Однако при более внимательном рассмотрении система разграничения компетенции оказывается глубже по содержанию, чем на первый взгляд. Так, регионы вправе, но не обязаны закреплять соответствующие полномочия в своих уставах – то есть Конституция предусматривает ситуацию, когда эти полномочия будут реализовываться центральной властью, если они не будут отражены в законодательстве автономного сообщества. Во-вторых, часть исключительных полномочий центра объективно предполагает участие автономных сообществ в их реализации. Например, участие регионов в решении вопросов исключительного ведения центра имеет место в сфере трудовых правоотношений и права социального обеспечения – степень широты участия регионов в решении этих вопросов варьируется от осуществления исполнительно-распорядительной деятельности до прямого ограничения

прав центра – в сфере социального обеспечения он принимает лишь базовое законодательство, а все остальные полномочия реализуют регионы.

Автономные сообщества вправе включать в свои Уставы как полномочия, закрепленные в статье 148 Конституции Испании, так и иные полномочия, которые напрямую не отнесены Конституцией Испании к компетенции центральной власти. Конституционная практика в Испании свидетельствует о том, что регионы закрепили в своем законодательстве максимально возможный объем полномочий, при этом сознательно не претендуя на так называемые «политически и социально болезненные» полномочия, например, на управление тюрьмами³. А в целом относительная свобода выбора автономными сообществами объема своих полномочий привела к асимметрии в их компетенции.

Сравнение испанской модели разграничения компетенции с российской выявляет ряд существенных различий. Так, в России предметы ведения и полномочия, закрепляемые за субъектами РФ Конституцией РФ по остаточному принципу, принадлежат им независимо от того, отразили они их в своем законодательстве или нет. То есть у субъектов РФ отсутствует право по своему усмотрению считать эти полномочия принадлежащими им или нет – они *argiori* закреплены за ними. Конституционные акты субъектов РФ (Конституции или Уставы) не являются федеральными правовыми актами, то есть актами, изданными центральной властью. В Испании Уставы регионов считаются законами испанского Парламента, поскольку они им одобряются. В части вопросов совместного ведения, в России модель распределения полномочий между федеральным центром и субъектами РФ определяется Федерацией. В Испании же степень участия региона в урегулировании соответствующих вопросов предопределена природой самого объекта регулирования. И российская, и испанская системы разграничения компетенции являются асимметричными. Однако, если в Испании асимметрия является следствием реализации воли регионов, то в России она заложена на конституционном уровне и является следствием исторических причин (речь идет, например, о праве республик иметь второй государственный язык и о праве автономных округов входить в состав края или области) и воли федерального законодателя.

Конституционно-правовая доктрина в Испании, в отличие от Российской Федерации, устанавливает следующую типологию полномочий центра и автономных сообществ.

Во-первых, регион может обладать исключительными полномочиями, включающими в себя как право на законотворческую деятельность, так и право исполнительно-распорядительной деятельности по какому-либо вопросу. В этом случае регионы обладают по общему правилу всей полнотой как регламентирующей (*potestadreglamentaria*), таки организационной власти (*potestadorganizativa*)⁴.

Во-вторых, право на нормотворчество региона по какому-либо вопросу может быть сужено за счет указания на то, что он принимает нормативные правовые акты различной природы в развитие положений общегосударственного закона. В этой сфере регулирования взаимоотношения центральной и региональных властей строятся следующим образом: центральная власть вправе издавать базовые законы и

2 Пинель Х. Разграничение полномочий: испанский опыт и российские проблемы // Сравнительное Конституционное Обозрение. – 2006. – №3 (56). – С. 140.

3 Пинель Х. Указ. соч. – С. 142.

4 Пинель Х. Указ. соч. – С. 149.

вносить в него изменения; в части же нормативных правовых актов организационного характера центральная власть вправе влиять на органы исполнительной власти регионов только в исключительных случаях.

Применительно к взаимоотношениям центральной власти и регионов в связи с изданием базовых законов Конституционный Суд Испании разработал доктрину «*basesydesarrollo*»⁵ – «о базовых законах и развитии их положений». Так, из ст. 149 Конституции Испании следует, что в рамках исключительной компетенции центральной власти государство может устанавливать базовые принципы, а автономные сообщества вправе издавать в развитие их положений собственные законы. Вопросы, по которым применяется такой порядок правотворческой деятельности, разнообразны – от сферы кредитования, банковского дела, страхования и общего планирования экономической деятельности (пп. 11 и 13 п. 1 ст. 149 Конституции Испании) до охраны окружающей среды, природопользования и образования (пп. 23, 25, 30 п. 1 ст. 149 Конституции Испании). Доктрина предполагает, что общегосударственное регулирование основ или основных принципов обеспечивает общенациональный интерес, что и служит критерием оценки правомерности действий центральной власти при отнесении того или иного вопроса парламентом Испании к компетенции центральной власти. При этом нормативный правовой акт может быть квалифицирован Судом как базовый, даже если в нем самом это напрямую не оговорено, но при этом он регулирует вопросы, имеющие общенациональное значение и закреплённые в ст. 149 Конституции Испании – то есть, по мнению Суда, практическая концепция базовых законов должна иметь приоритет над формальной их концепцией.

В-третьих, регион может обладать лишь правом самостоятельного применения общегосударственного закона. В этом случае регионы обладают только организационной властью.

Помимо отсутствия в Российской Федерации такой подробной типологии полномочий федерального центра и субъектов РФ, обращает на себя внимание принципиально иной конституционный подход – если предметы ведения в России характеризуют уровни государственной власти, то полномочия – конкретные государственные органы, что отчасти затрудняет упомянутую типологизацию.

Система разграничения предметов ведения и полномочий между центральной властью и автономными сообществами в Испании обеспечена тремя конституционными принципами – «принципом превосходства» (*clbúsuladeprevalencia*), «принципом остаточности» (*clbúsuladeresidualidad*) и «принципом дополнения» (*clbúsuladesupletoriedad*), закреплёнными в п.3 ст.149 Конституции Испании (Вопросы, специально не отнесенные Конституцией к ведению государства, могут быть переданы в компетенцию автономных сообществ в силу их соответствующих статутов. Компетенция в вопросах, не включённых статутами об автономии, будет относиться к ведению государства, нормы права которого в случае конфликта имеют большую юридическую силу чем нормы автономных сообществ во всем, что не передано ~ исключительную компетенцию последних. Право государства во всех случаях дополняет право автономных сообществ)⁶.

«Принцип превосходства» означает, что законодательство центральной власти имеет приоритет над законодательством регионов в случае их противоречия, если только речь не идет о вопросах, входящих в исключительную компетенцию регионов. В России применяется идентичная модель определения законодательного приоритета.

«Принцип остаточности» означает, что государство берет на себя осуществление всех полномочий, которые не осуществляет, то есть не фиксирует в своем Уставе, автономное сообщество. Этот принцип означает, что если. Например, у автономного сообщества недостаточно ресурсов для реализации полномочия и по этой причине оно не закрепляет его в своем Уставе, центральная власть компенсирует ситуацию самостоятельно. Также этот принцип имеет значение при появлении новых объектов регулирования, четко не обозначенных в статьях 148 и 149 Конституции Испании. При этом Конституционный Суд Испании при рассмотрении споров о таких новых объектах регулирования по возможности пытается использовать аналогию и проводить параллели между ними и теми, которые отражены в вышеупомянутых статьях. В некотором роде речь идет об аналоге принципа субсидиарности в федеративных государствах. В Российской Федерации в строгом смысле слова такой принцип не закреплён, однако механизм реализации полномочий по предметам совместного ведения федерального центра и субъектов РФ во многом схож. Существенные различия наблюдаются в определении компетенции по новым объектам регулирования – нормы ст. 71 Конституции РФ о предметах исключительного ведения сформулированы настолько широко, что это позволяет отнести к компетенции Федерации практически любой значимый для государства вопрос. «Принцип дополнения» является аналогом иной стороны принципа субсидиарности в федеративных государствах. Суть его заключается в том, что центральная власть берет на себя осуществление полномочий, закреплённых за автономными сообществами, если они по каким-то причинам воздерживаются от их реализации, не пользуются своими законодательными и/или исполнительными полномочиями по определенному предмету ведения. Еще в 80-х гг. XX в. центральная власть приняла решение разрабатывать законы по вопросам, отнесенным к исключительному ведению регионов, для восполнения возможных пробелов законодательного регулирования в будущем. Однако Конституционный Суд Испании сформулировал четкую позицию, согласно которой такая практика не должна приводить к фактическому перераспределению полномочий, закреплённых Конституцией. Более того – Конституционный Суд Испании сузил сферу применения этого принципа, указав, что он предполагает использование законов, принятых на центральном уровне до вступления в силу Конституции Испании и не противоречащих ей. В российской Конституции отсутствуют четкие предписания для разрешения ситуации, когда субъекты РФ по каким-то причинам не реализуют принадлежащие им полномочия в рамках предметов совместного ведения. Федеральный законодатель не вправе произвольно восполнять образовавшийся пробел.

В Конституции Испании закреплёны механизмы перераспределения, разумеется, в конституционных пределах, полномочий между центром и регионами.

Так, в ст. 150 Конституции Испании закреплёно, что центральная власть в областях, отнесенных к компетенции государства, может передавать всем или некоторым автоном-

⁵ Пинель Х. Указ. соч. – С. 149.

⁶ Конституция Испании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=149&page=3> (дата обращения 15.07.2018).

ным сообществам полномочия принимать законодательные нормы при условии соблюдения принципов, основ и директив, установленных общегосударственным законом. Речь идет о так называемых рамочных законах. При этом за общегосударственными судами сохраняется право контроля за порядком реализации регионами переданных полномочий, а также в самом рамочном законе полномочия контроля закрепляются за парламентом Испании. В Российской Федерации рамочное законодательство никогда не рассматривалось в качестве инструмента передачи исключительных полномочий Федерации, в конституционной практике использовались лишь идеи о реализации в такой форме законодательных полномочий Федерации по вопросам совместного ведения.

П. 2 ст. 150 Конституции Испании закрепляет, что допускается передача или делегирование автономным сообществам прав, касающихся предметов исключительного ведения центральной власти, природа которых позволяет осуществлять такую передачу или делегирование. При этом закон о передаче или делегировании полномочий должен также закреплять передачу региону необходимых ресурсов для их реализации, а также конкретизировать порядок осуществления контроля за их реализацией центральной властью. Такой закон может быть в любой момент изменен или отменен центральной властью.

В обоих случаях передача или делегирование полномочий центральной властью регионам не означает изменение конституционно установленной модели разграничения компетенции.

П. 3 ст. 150 Конституции Испании позволяет центральной власти устанавливать своим актом принципы гармонизации законодательства автономных сообществ, исходя из общенациональных интересов. Причем это право может быть реализовано центром даже применительно к вопросам, входящим в исключительную компетенцию регионов.

Российское законодательство также закрепляет механизмы передачи полномочий между уровнями государственной власти, однако, большая их часть урегулирована не Конституцией РФ, а федеральным законом. Ч. 2 и ч. 3 ст. 78 Конституции РФ говорят лишь о соглашениях между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Федерации, которыми они могут передавать друг другу полномочия. В Российской Федерации на основании соглашений могут быть переданы только полномочия органов исполнительной власти. Законодательные полномочия в таком порядке не передаются. В Испании соглашения как инструмент передачи полномочий также не применяются, если речь идет о законодательной компетенции, сфера их применения довольно ограничена и сводится к исполнительно-распорядительной деятельности по узкому кругу вопросов. Возможность делегирования полномочий органами исполнительной власти (административное делегирование полномочий) в Испании урегулирована Законом № 30/92 от 26 ноября 1992 года «О нормативно-правовой организации публичных администраций и общих административных процедурах»⁷, однако, фактически это происходит чаще во взаимоотношениях не центра и регионов, а центра и органов местного самоуправления.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁸ также упоминает о соглашениях между Федерацией и субъектами РФ. Кроме того, в нем закреплен порядок одностороннего возложения Федерацией федеральных полномочий на органы исполнительной власти субъектов РФ. Инструментами здесь выступают как законодательные акты, так и Указы Президента РФ, а также Постановления Правительства РФ. Отчасти эта процедура схожа с той, которая закреплена в п. 2 ст. 150 Конституции Испании за исключением, что в Испании этот вопрос решается только на законодательном уровне и требует заключения соглашения между центральными органами власти и регионом на основании закона, принятого в порядке п. 2 ст. 150 Конституции.

Федеральный закон № 184-ФЗ также закрепляет возможности участия органов власти субъекта Федерации в осуществлении федеральных полномочий, причем степень такого участия определяется федеральными законами. Финансирование такого участия осуществляется за счет собственных средств субъекта РФ.

Аналогов испанского опыта обеспечения центральной властью гармонизации законодательства регионов в России нет. Отчасти эту роль федеральный центр выполняет при реализации своих полномочий по предметам совместного ведения, однако, в исключительную компетенцию субъектов РФ он вторгаться не вправе. Также определенное значение в части гармонизации в публично-правовой сфере играют основы конституционного строя Российской Федерации и принципы организации и деятельности органов законодательной и исполнительной власти, которыми должны руководствоваться субъекты РФ при реализации своего права самостоятельно устанавливать свою систему государственных органов (здесь в сравнительном аспекте уместно отметить положения ст.ст. 152-155 Конституции Испании, закрепляющие основные общие требования к системе государственных институтов автономных сообществ, что привело к построению схожих систем органов в регионах – там существуют однопалатные парламенты, им подотчетны правительства, главы правительства и иные органы власти регионов; однако, степень контроля центральной власти за деятельностью региональных органов в Испании значительно уже, чем в России).

В целом, Россия располагает большим и более гибким инструментарием передачи полномочий между уровнями государственной власти, чем Испания.

Таким образом, в Испании применяются следующие механизмы разграничения полномочий между центром и автономными сообществами: Конституция Испании с закрепленной в ней «системой двойного списка», Уставы автономных сообществ, общегосударственные законы о передаче или делегировании полномочий, издаваемые в порядке ст.150 Конституции Испании, общегосударственные законы, издаваемые для разграничения полномочий по определенным вопросам в случаях, когда того требуют нормы конституции

7 Ley Nº 30/1992, de 26 de noviembre 1992, de Régimen Jurídico de las Administraciones Públicas y del Procedimiento Administrativo Común. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=268850 (дата обращения: 14.07.2018).

8 Федеральный закон от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 18.10.1999, №42, ст. 5005.

Испании (например, подп. 29 п. 1 ст. 149 Конституции Испании устанавливает, что возможность создания регионами собственных полицейских органов регулируется их Уставами и общегосударственным законом; п. 3 ст. 157 Конституции устанавливает, что общегосударственный закон принимается для урегулирования порядка использования финансовых полномочий региона, форм взаимодействия центра и регионов и порядка разрешения споров между ними в этой сфере), практика Конституционного Суда Испании по вопросам разграничения полномочий; реже и в ограниченной сфере применяется договорный способ разграничения компетенции. При этом законодательство Испании не содержит положений, ограничивающих проявление асимметрии при разграничении полномочий.

В Российской Федерации набор инструментов примерно схож, однако, их содержание существенно отличается от испанских аналогов. Кроме того, в настоящее время в системе таких инструментов фактически превалирует Конституция РФ и Федеральный закон № 184-ФЗ.

В этой связи можно сделать вывод, что в Испании полномочия регионов оказываются гораздо более стабильны и гарантированы, чем в Российской Федерации полномочия субъектов РФ. Об этом свидетельствует и то, что в России в сфере совместного ведения – то есть там, где взаимодействие двух уровней государственной власти наиболее интенсивно, полномочия федерального центра практически не ограничены, в первую очередь, в силу приоритета федерального правового регулирования в этой сфере. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в основном поддерживают Федерацию, в отличие от Испании, где Конституционный Суд часто встает на защиту полномочий регионов.

В Конституции Испании закреплены принципы, позволяющие центру ограничивать полномочия регионов: принцип равноправия, принцип солидарности, принцип свободы перемещения или общего рынка, территориальный принцип, принцип неравноправного положения центра и автономных сообществ.

Ст. 139 Конституции Испании закрепляет «Все испанцы имеют одни и те же права и обязанности на всей территории государства.», п.2 ст.138 Конституции Испании устанавливает, что «Различия в статутах различных автономных сообществ ни в коем случае не могут давать им экономических или социальных преимуществ». Правовая позиция Конституционного суда Испании сводится к тому, что принцип равноправия не предполагает единообразия в законодательстве различных регионов, однако для реализации общенациональных задач он может служить основанием при признании правомерными действия центральной власти.

Ст. 2 Конституции Испании закрепляет, что «Конституция основана на нерушимом единстве испанской нации, единой и неделимой для всех испанцев Родине; она признает и гарантирует право на автономию национальностей и районов, ее составляющих и солидарность между всеми ними», а ст.138 Конституции гласит, что центральные органы власти гарантируют его эффективное применение. Действия регионов, подрывающие данный принцип, толкуются Конституционным Судом Испании не в их пользу при рассмотрении споров о компетенции. Принцип свободы перемещения или принцип общего рынка закреплен в п. 2 ст. 139 Конституции Испании: «Ни один орган публичной власти не имеет права принимать меры, которые прямо или косвенно ограни-

чивают свободу граждан на перемещение и работу, а также свободное перемещение товаров на территории Испании». Территориальный принцип предполагает, что полномочия автономного сообщества распространяются только на его территорию. Когда полномочие должно осуществляться за пределами региона, его реализацию берет на себя центральное правительство.

Принцип неравноправного положения центра и регионов выражается в Испании в наличии у центральной власти ряда процессуальных преимуществ по сравнению с автономными сообществами. Так, в соответствии с п. 2 ст. 161 Конституции Испании, в случае подачи жалобы в Конституционный Суд Испании главой центрального правительства на региональный закон, действие оспариваемого закона приостанавливается. Если жалобу на общегосударственный закон подает автономное сообщество, процедура приостановления его действия не применяется.

В Российской Федерации наблюдаются схожие механизмы ограничения полномочий субъектов РФ. Так, в ст.ст. 8 и 74 Конституции РФ закреплен принцип общего рынка, ст. 5 Конституции РФ закрепляет принцип равноправия субъектов РФ во взаимоотношениях с федеральным центром и между собой, ст. 6 Конституции РФ гарантирует равенство прав, свобод и обязанностей всех граждан на территории Российской Федерации. Принцип солидарности не закреплен в Российской Федерации на конституционном уровне. Ч. 2 ст. 85 Конституции РФ закрепляет право Президента РФ приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, при этом инициатива обратиться за разрешением спора в соответствующий суд возлагается на субъект РФ. Примечательно, что по этой процедуре подлежат приостановлению только акты исполнительных органов, но не законы субъектов РФ – в этом полномочия центральной власти в России уже, чем в Испании.

В отличие от Испании в России закреплены возможности политического влияния на субъекты РФ, в числе важнейших из которых отставка главы субъекта Федерации, временное принятие на себя полномочий органов власти субъектов Федерации.

Степень децентрализации и учета мнения регионов в Испании представляется существенно большей, чем в России. Думается, что часть прогрессивных идей, таких, например, как доктрина «basesydesarollo», четкая типологизация полномочий уровней государственной власти могли бы быть позаимствованы современной российской системой федеративных отношений (естественно, в том виде, в каком эти элементы применимы в федеративном государстве). Однако на первый план при решении вопроса о подобных заимствованиях должны выходить соображения практического характера – решает ли испанская предельно децентрализованная система взаимоотношений центра и регионов проблему самоопределения, политического самовыражения, обеспечивает ли она стабильность и единство государства? Как показывает исторический опыт развития Испании в последние два десятилетия – нет, доказательством чего, в частности, могут служить события в Каталонии 2017 года. То есть децентрализация, ставшая на определенном этапе не средством развития испанского государства, а самоцелью, дала собой. В то же время, сходство ряда институтов, принципов и процедур отношений центра и регионов в Испании и России свидетельствует об их объективной необходимости и в неко-

тором роде универсальности для разграничения компетенции в масштабах государства между различными уровнями государственной власти.

Оценка в сравнительном аспекте систем взаимоотношений центра и регионов в Испании и России, приводит к следующему выводу: степень децентрализации не является показателем эффективности системы. В условиях двух стран схожие характеристики систем дают различные результаты, конституционную практику. Сходство инструментов разграничения компетенции приводит к различному балансу между ними – в России четче, чем в Испании выражено значение федерального закона как базового инструмента, а также соглашений между федеральным центром и субъектами РФ в сфере исполнительной власти. Значение правовых позиций Конституционных Судов обеих стран для разграничения компетенции, в общем, схоже.

В Испании и России государство может принимать участие в решении практически любых значимых с точки зрения общенациональных интересов вопросов. Однако, если в Испании эта возможность является объектом постоянной критики и судебного обжалования, то в России воспринимается как инструмент реализации не только общенациональных интересов, но и интересов самих субъектов РФ, поскольку в отличие от Испании, в России гораздо более детально урегулированы механизмы участия, координации и взаимодействия различных уровней государственной власти в решении общегосударственных задач.

Автономные сообщества в Испании показывают свою эффективность в реализации региональной политики на исполнительно-распорядительном уровне. На законодательном же уровне, несмотря на имеющиеся у них полномочия, они, по большей части, издают законы, воспроизводящие содержание общегосударственного законодательства. Аналогичная ситуация наблюдается и в России, однако, здесь, относительная неэффективность реализации субъектами РФ законодательных полномочий компенсируется участием их представителей в федеральном законодательном процессе в Совете Федерации РФ, а также вышеупомянутыми механизмами участия субъектов РФ в решении общегосударственных задач.

В этой связи призывы ограничить базовое законодательство центральной власти в Испании исключительно принципами регулирования не выдерживает критики, равно как спорной представляется точка зрения о необходимости ограничить законодательную деятельность Российской Федерации по вопросам совместного ведения принципами и основами правового регулирования. До тех пор, пока территориальные образования не будут обладать достаточным экономическим и политическим потенциалом для решения задач, концентрированным выражением которых является содержание испанских базовых законов и российского федерального законодательства по вопросам совместного ведения, вышеупомянутые точки зрения чреваты пробельностью и неэффективностью правового регулирования. Думается, что условием эффективности системы разграничения компетенции между центральной властью и регионами является не столько объем полномочий конкретных уровней власти, сколько наличие действенных механизмов их взаимодействия.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Испании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=149&page=3> (дата обращения: 15.07.2018).
2. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 18.10.1999, №42, ст. 5005.
3. Пинель Х. Разграничение полномочий: испанский опыт и российские проблемы // Сравнительное Конституционное Обозрение. – 2006. – № 3 (56).
4. Ley N 30/1992, de 26 de noviembre 1992, de Régimen Jurídico de las Administraciones Públicas y del Procedimiento Administrativo Común. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=268850 (дата обращения: 14.07.2018).

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

к Федеральному закону
от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ

«ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ»

Москва

ШАМСУТДИНОВ Ринат Рустемович

аспирант Уфимского государственного авиационного технического университета

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье проанализированы основные законодательные акты в области защиты государственной тайны в Соединенных Штатах Америки и в Великобритании. Выявлены сильные и слабые стороны. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательств рассматриваемых государств.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, правовая защита информации, Соединенные Штаты Америки, Великобритания, государственная тайна.

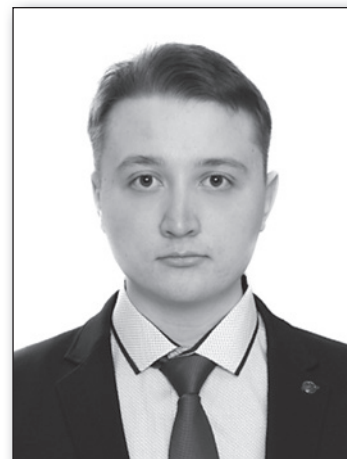
SHAMSUTDINOV Rinat Rustemovich

postgraduate student of the Ufa State Aviation Technical University

COMPARATIVE ANALYSIS OF STATE SECRETS LEGAL PROTECTION IN THE UNITED STATES OF AMERICA AND THE UNITED KINGDOM

The article discusses the main legislative acts in the field of state secrets legal protection in the United States of America and the United Kingdom. The strengths and weaknesses of this area have been identified. Recommendations on improving the legislation of the countries in question are proposed.

Keywords: information, information security, information security legislative provision, the United States of America, the United Kingdom, state secrets.

Шамсутдинов Р. Р.

Основу современного обеспечения безопасности информации и информационных технологий составляет правовая защита информации (ЗИ). Анализ законодательства ведущих зарубежных стран в сфере правовой ЗИ позволяет объективно оценить текущее состояние правовой защищенности значимых сведений в этих странах и в будущем сравнить его с состоянием защищенности, обеспечиваемым национальным законодательством Российской Федерации, с целью возможного совершенствования последнего. В данной статье рассмотрим правовую защиту государственной тайны (ГТ) Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

Нормативно-правовой акт Великобритании «The Official Secret Act» – «Закон о государственной тайне» 1911 года с поправками и дополнениями 1920, 1939, 1989 гг. обеспечивает основу правовой защиты ГТ Великобритании наряду с «Практическим кодексом доступа к правительственной информации» 1994 г., уголовным кодексом Великобритании, «Сводом правил, регламентирующих деятельность государственных служащих» 1996 г., а также законами:

- «О государственных архивах» 1958 г.;
- «О нарушении конфиденциальности» 1981 г.;
- «О следственных органах» 1985 г.;
- «О службе безопасности» 1989 г.;
- «О разведке» 1994 г.;
- «О свободе информации» 2000 г.¹

Закон Великобритании «О государственной тайне» определяет понятие ГТ, обороны, безопасности, международных отношений и разведки², однако в этом государстве отсутствует какое-либо определение термина «национальная

безопасность», как следствие, «под рассматриваемый закон можно подвести любой нежелательный для разглашения факт, даже если он не представляет никакой действительной угрозы для безопасности государства»³. Ответственность за разглашение, утечку и несанкционированный доступ (НСД) к государственным секретам устанавливает уголовный кодекс Великобритании, также законодательство определяет категории открытой информации.

Законодательство Великобритании не содержит конкретного перечня информации, составляющей ГТ, можно только выделить категории информации, к ней относимой, причем только путем обобщения норм законодательных актов в области защиты информации. К государственным секретам Великобритании относятся сведения, касающиеся ее служб безопасности и разведки, уголовных и следственных органов, ее обороны, экономики, международных отношений, правительственная информация, а также изначально конфиденциальная информация, полученная от иностранных государств и сведения, разглашение которых запрещено Европейским Союзом или международными договорами.

ГТ Великобритании наряду с тайной частной жизни, коммерческой тайной и т.д. относится к категории конфиденциальной информации, имеющей следующие степени секретности (в порядке убывания):

- «Top Secret» – совершенно секретно;
- «Secret» – секретно;
- «Confidential» – конфиденциально;
- «Restricted» – «ограниченного доступа».

Законодательство Соединенных Штатов Америки не предусматривает какого-либо закона аналогичного закону Великобритании «О государственной тайне», запрещающего разглашение ГТ, более того, Конгрессом США не раз были

1 Журавленко Н. И. Организация защиты информации в развитых зарубежных странах: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 162.

2 Official Secrets Act (11.05.1989) [web-site] // legislation.gov.uk. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/6/contents> (дата обращения: 02.12.2018).

3 Журавленко Н. И. Там же. С. 163.

приняты решения об отказе в принятии соответствующего нормативно-правового акта, следовательно, разглашение государственных секретов США вообще преступлением не является⁴. Некоторые источники заверяют, что представители власти США сами часто организовывали утечки ГТ⁵, в том числе и в средствах массовой информации⁶. Лишь разглашение определенных типов информации, относимой к ГТ, при определенных обстоятельствах чревато преследованием, более того, довольно часто возникает необходимость судебной проверки корректности отнесения содержимого каждого документа к тому или иному виду ГТ.

Законодательством США выделяется 3 степени секретности ГТ:

– *Top secret* – «Совершенно секретно». При разглашении возникает угроза Национальной безопасности и становится возможен «исключительно серьезный» ущерб Национальной безопасности.

– *Secret* – «Секретно». При разглашении возможен «серьезный» ущерб национальной безопасности.

– *Confidential* – «Конфиденциально». При разглашении возможен ущерб национальной безопасности.⁷

В США выделяют и другие категории информации, доступ к которым ограничивается, среди них:

– *Sensitive But Unclassified* – «чувствительно, но рассекречено»;

– *Law Enforcement Sensitive* – «чувствительно для правоохранительных органов»;

– *Sensitive Security Information* – «информация, чувствительная для безопасности»;

– *Limited Distribution* – «распространение ограничено»;

– *For Official Use Only* – «только для служебного пользования»;

– *Critical Program Information* – «критическая программная информация»;

– *Public Safety Sensitive* – «чувствительно для общественной безопасности»⁸.

Таким образом, основной уязвимостью в законодательной защите государственных секретов Великобритании является отсутствие конкретного перечня информации, относимой к ГТ, что допускает возможность под понятие ГТ «подвести любой нежелательный для разглашения факт, даже если он не представляет никакой действительной угрозы для безопасности государства»⁹, что, как следствие, дает возможность обвинения невиновного. Основным недостатком правовой защиты ГТ США, в отличие от ГТ Великобритании, является отсутствие единого нормативно-правового акта, запрещающего разглашение сведений, относимых к ГТ.

В целом, для перекрытия данных уязвимостей законодательным органам США рекомендуется принять закон, защи-

щающий ГТ от разглашения, аналогично соответствующему закону Великобритании. А законодательным органам Великобритании, в свою очередь, определить конкретный перечень информации, относимой к ГТ.

Пристатейный библиографический список

1. Журавленко Н. И. Организация защиты информации в развитых зарубежных странах: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
2. Системы защиты информации в ведущих зарубежных странах. Ч.1 : учебное пособие в 2 ч. / К. К. Борзунов, Н. И. Журавленко, В. Е. Кадулин, А. С. Овчинский. – М.: МосУ МВД России, 2013. – 161 с.
3. Шамсутдинов Р. Р. Анализ правовой защиты информации в США // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 1 (116). – С. 61-63.
4. Turner S. Burn Before Reading: Presidents, CIA Directors, and Secret Intelligence. – New York City: Hyperion Books, 2006. – 320 p.

4 Академик. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1807405> (дата обращения: 29.01.2019).

5 Turner S. Burn Before Reading: Presidents, CIA Directors, and Secret Intelligence. – New York City: Hyperion Books, 2006. – 320 p.

6 Lawfare. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawfareblog.com/classified-information-woodwards-obamas-wars> (дата обращения: 29.01.2019).

7 Системы защиты информации в ведущих зарубежных странах. Ч. 1: учебное пособие в 2 ч. / К. К. Борзунов, Н. И. Журавленко, В. Е. Кадулин, А. С. Овчинский. – М.: МосУ МВД России, 2013. – 161 с.

8 Шамсутдинов Р. Р. Анализ правовой защиты информации в США // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 1 (116). – С. 61-63.

9 Журавленко Н. И. Там же. С. 163.

КОГАМОВА Асель Шукирбаевна
магистр права, нотариус, Казахстан, г. Астана

ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН «О ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГАХ»: КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ДОСТОИНСТВА И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ

В статье рассматриваются основные положения Закона Республики Казахстан «О государственных услугах», который постоянно и последовательно корректируется с учетом принципов оказания государственных услуг, принципов проведения государственного контроля за качеством оказания государственных услуг, оценки и общественного мониторинга их качества, а также насущных потребностей общества и государства в этой сфере. Определенный научный и практический интерес в плане сравнительного правоведения могут представлять отдельные основные понятия, закрепленные законом в этой сфере, содержание правосубъектности широкого круга услугодателей и услугополучателей, правоотношения между ними, новые правовые формы и методы оказания государственных услуг, а также отдельные рекомендации по совершенствованию содержания норм данного закона.

Ключевые слова: Казахстан, государственные услуги, уполномоченный орган, компетенция, услугодатель, услугополучатель, реестр государственных услуг, стандарт государственной услуги, регламент государственной услуги, государственная корпорация, правительство для граждан.

KOGAMOVA Asel Shakirbaevna
magister of law, notary, Kazakhstan, Astana

LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN "ON GOVERNMENT SERVICES": KEY POINTS, ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

In the article key provisions of the Law "On government services" are considered in light of constant and consistent adjustment based on the principles of government services and control over its quality, as well as on public monitoring and quality assessment and urgent needs of state and society. Several concepts in the Law, content of legal personality of a wide range of service providers and recipients, legal relationships between them, new forms and methods of government services provision could be of interest in terms of comparative law as well as the author's recommendations on the improvement of some provisions of Law.

Keywords: Kazakhstan, government services, authority, competence, service provider, service recipients, government services registry, government service standard, government service regulations, state corporation, government for citizens.

15 апреля 2013 года в Казахстане в установленном Конституцией порядке был впервые принят Закон «О государственных услугах»¹, предметом которого, как указано в его преамбуле, является регулирование общественных отношений в сфере оказания государственных услуг.

Вопрос о необходимости принятия такого закона в Казахстане поднимался давно. По этому поводу было проведено большое количество круглых столов и конференций, разработаны различные варианты Концепций к законопроекту, в соответствии с которыми рассматривались различные варианты проекта самого закона. Несмотря на прикладной характер данного процесса, оказание государственных услуг не обошло стороной и стало важнейшей темой отдельных научных исследований в стране, в том числе на системном монографическом уровне.

Решающими в судьбе рассматриваемого Закона стали 2012 и начало 2013 года, когда была проведена большая работа по его разработке, обсуждению и принятию.

Итак, что представляет собой Закон «О государственных услугах». Прежде всего, вне всяких сомнений, следует отметить его политическую необходимость, так как с принятием этого Закона значительно усилена ответственность государственного аппарата перед народом Казахстана.

В этом контексте и с учетом нарастающих результатов оказания государственных услуг возникла системная и устойчивая организационно-правовая платформа, обеспечиваю-

щая повышение доверия гражданского общества и населения к государственному аппарату в целом.

Однозначно, что с принятием Закона завершился процесс консолидации в единый правовой акт всех основных положений, связанных с оказанием государственных услуг, что сделало удобным и доступным для восприятия и понимания населением сущности деятельности государственных органов через институт оказания государственных услуг.

В контексте изложенного, наблюдается определенная связь норм Закона с теорией оказания государственных услуг, то есть он проработан в научном смысле и впитал в себя лучшие правовые, институциональные достижения в области оказания государственных услуг, существующие в лучших иностранных практиках². Его нормы периодически

¹ О государственных услугах: Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2013 года № 88-V. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000088> (дата обращения: 21.01.2019).

² Тулеубаева А. Ш. Государственные услуги в контексте административной реформы в Республике Казахстан: опыт, проблемы, решения: Монография / Под общ. науч. ред. д.ю.н., проф. М. Ч. Когамова. - Алматы: Жеті Жарғы, 2012. - 176 с.; Морозова Е. В. Публичные услуги: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Мытищи, 2009. - 22 с.; Айтбай К. О. Административная реформа как фактор повышения конкурентоспособности Казахстана (политологический анализ): Автореф. дис. ... докт. полит. наук. - Алматы, 2009. - 45 с.; Бесчастнова Л. В. Административно-правовое регулирование государственных услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2008. - 26 с.; Васильева А. Ф. Административно-правовое регулирование публичных услуг в Германии и России: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2009. - 25 с.; Лаптева А. М. Экономические отношения власти и общества в производстве публичных услуг: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. - Кострома, 2007. - 24 с.; Шестаков В. А. Совершенствование организации предоставления

объективно изменяются и дополняются. С момента введения в действие Закона его коррекция осуществлена 12 законами.

Итак, Закон «О государственных услугах» состоит из 6 глав, которые включают 31 статью. Его нельзя назвать большим по содержанию, однако значительная фрагментарность может рассматриваться и как достоинство, и как недостаток правового акта. К сожалению, краткое содержание закона объективно имеет своими последствиями наличие в нем определенного количества бланкетных норм, отсылающих к отдельным нормам и положениям в ином законодательстве страны, что не совсем удобно с точки зрения пользования нормами этого закона населением страны, потребности и интересы которых он защищает.

Как это принято в правотворчестве Казахстана (см. статью 23 ЗРК «О правовых актах» от 6 апреля 2016 года³ «Структура нормативного правового акта»), **Главу 1 «Общие положения»** (ст.ст. 1–5) традиционно открывает статья 1 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе», в которой дается разъяснение 19 основных понятий.

Не ставя целью их перечисление, что частично будет сделано ниже, приведем определение понятия «государственная услуга», под которой Закон понимает лишь одну из форм реализации отдельных государственных функций, осуществляемых в индивидуальном порядке по обращению услугополучателей и направленных на реализацию их прав, свобод и законных интересов, предоставление им соответствующих материальных или нематериальных благ (п. 5 ст. 1).

Вместе с тем анализ понятийного аппарата показал, что он отражает не все определения, которые должен закрепить, и это ослабляет его практическое и профилактическое значение. Например, на наш взгляд, в статью 1 Закона следовало также включить понятия «избыточной государственной услуги» и «фиктивной государственной услуги». Ранее в имевших место вариантах Концепции к проекту данного закона приведенные понятия употреблялись. Включение их в Закон актуально, так как это стало бы правовым фактором противодействия необоснованному «раздуванию» штатов государственного органа, как следствие, неправомерному увеличению расходов казны, а также созданию условий для совершения коррупционных преступлений в сфере оказания государственных услуг. Более того, введение данных понятий потребует уточнения функций уполномоченных государственных органов в соответствующих статьях Закона, то есть их нацеленность на выявление, устранение и предотвращение появления подобных видов государственных услуг на правовом и практическом уровнях деятельности различных государственных органов как услугодателей.

Безусловно также, что нормы Закона основываются на действующем праве РК (ст. 4 Конституции РК), о чем обобщено указано в его статье 2.

Идеологию закона выражают 6 основных принципов оказания государственных услуг, которые закреплены в статье 3. Здесь уместно привести следующие два принципа – качество и доступность государственных услуг, а также постоянное совершенствование процесса оказания государственных услуг, что достаточно актуально в условиях ускоренного развития Казахстана.

К сожалению, Закон не раскрывает содержания всех закрепленных им принципов, что недопустимо, так как в практике оказания государственных услуг это зачастую вызывает разное понимание их действия как услугодателями, так и услугополучателями соответствующих государственных услуг.

Более того, предлагаемый Законом перечень принципов оказания государственных услуг явно неполон без указания в нем таких важнейших общеправовых принципов, как принцип законности (соблюдение всеми субъектами оказания государственных услуг законов и подзаконных актов в данной сфере), принцип судебной защиты прав и свобод (возможность восстановления нарушенных прав в процессе оказания государственных услуг), принцип профессионализма (оказание государственных услуг компетентными людьми), принцип демократизма (степень участия населения и юридических лиц в этом процессе, так называемая «обратная связь» государственных органов с потребителями государственных услуг).

Приведенные исходные начала, положения, идеи, как общеправовые принципы, органично связаны с регулированием общественных отношений в сфере оказания государственных услуг, прямо выражают сущность и общие направления правового воздействия норм закона и должны занять в нем соответствующее им место. Это также усилит взаимосвязь принципов оказания государственных услуг с законодательно определенным перечнем прав потребителей государственных услуг, а также законодательно закрепленными обязанностями субъектов предоставления государственных услуг по отношению к их потребителям.

В целом, на наш взгляд, редакция статьи 3 в перспективе требует своего изменения в плане четкого закрепления всех принципов государственной политики в области государственных услуг и определения их содержания.

Очень важным является закрепление в статье 4 шести основных прав услугополучателей, что указывает на приоритет прав человека и гражданина в данном процессе, в частности, услугополучатели имеют право: получать в доступной форме от услугодателя полную и достоверную информацию о порядке предоставления государственной услуги; получать государственную услугу в соответствии со стандартом государственной услуги; участвовать в публичных обсуждениях проектов стандартов государственных услуг в установленном законом порядке и т.д. Более того, нормами данной статьи предусмотрена широкая возможность услугополучателя (физические и юридические лица) обжаловать решения, действия (бездействие) по вопросам оказания государственных услуг в административном порядке, в том числе обращаться в суд с иском о защите нарушенных прав, свобод и законных интересов в сфере оказания государственных услуг.

В тесной связи с правами услугополучателей находятся права и, что особенно важно, обязанности услугодателей. Закон регламентирует 12 обязанностей услугодателей, в том числе обязанности по: оказанию государственных услуг в строгом соответствии со стандартами и регламентами, созданию необходимых условий для лиц с ограниченными возможностями при получении ими государственных услуг, предоставлению полной и достоверной информации о порядке их оказания в доступной форме, повышению квалификации работников в сфере оказания государственных услуг, а также обучению навыкам общения с инвалидами, информированию по запросу услугополучателей о стадии исполнения государственной услуги и т.д. При этом Закон категорически предписывает, что в ходе оказания государственных услуг не допускается истребования от услугополучателей документов, которые могут быть получены из информационных систем, а также нотариально засвидетельствованных копий документов, оригиналы которых представлены для сверки услугодателю.

Глава 2 Закона «Государственное регулирование в сфере оказания государственных услуг» (ст.ст. 6–11-1) регламентирует компетенцию государственных органов в области оказания государственных услуг.

Согласно Закону, только к исключительному ведению Правительства Казахстана отнесено утверждение реестра, а

государственных услуг (методические аспекты): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2010. – 26 с.

3 О правовых актах: Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z160000480> (дата обращения: 21.01.2019).

также положения о Межведомственной комиссии по отбору государственных услуг, подлежащих оказанию через Государственную корпорацию «Правительство для народа», и ее состава (ст. 6). К примеру, Реестр государственных услуг утвержден постановлением Правительства 18 сентября 2013 года за № 983 и включает 709 государственных услуг⁴. В Послании Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 5 октября 2018 года «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни»⁵ поставлена задача «В целом в 2019 году 80%, а в 2020 году не менее 90% госуслуг должно быть переведено в электронный формат. Для этого необходимо в ускоренном порядке обновить Закон «О государственных услугах».

Законом вводится ряд уполномоченных органов в сфере оказания государственных услуг. Так, он различает компетенцию уполномоченного органа по оценке и контролю за качеством оказания государственных услуг (**Агентство Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции**) (ст. 7 Закона, пп. 10 п. 2 ст. 5 Закона от 23 ноября 2015 года «О государственной службе»⁶). В частности, на данный орган возлагается разработка и утверждение правил государственного контроля за качеством оказания государственных услуг, а также методики оценки качества оказания государственных услуг по согласованию с уполномоченным органом в сфере информатизации.

Кроме того, в функции данного органа входит формирование, реализация, мониторинг реализации и оценка результатов государственного социального заказа по проведению общественного мониторинга качества оказания государственных услуг, а также информационная, консультативная, методическая поддержка физическим лицам и некоммерческим организациям по проведению общественного мониторинга качества оказания государственных услуг и иные функции.

В свою очередь, к компетенции уполномоченного органа в сфере оказания государственных услуг (**Министерство экономики Республики Казахстан**) (ст. 8) отнесены: разработка и утверждение правил ведения реестра государственных услуг; разработка и ведение реестра государственных услуг; разработка и утверждение правил по разработке стандартов и регламентов государственных услуг по согласованию с уполномоченным органом в сфере информатизации; разработка и утверждение методики определения стоимости государственной услуги и иные полномочия. Судя по компетенции данного уполномоченного органа, он является ключевым в части проведения мониторинга деятельности всех государственных органов по разработке стандартов и регламентов государственных услуг.

Законом также определена компетенция уполномоченного органа в сфере информатизации (**Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан**) (ст. 9), в которую входят: разработка и утверждение перечня государственных услуг, подлежащих оптимизации и автоматизации, и сроков их перевода в электронную форму; организа-

ция и координация деятельности так называемого Единого контакт-центра по вопросам оказания государственных услуг; утверждение перечня государственных услуг, оказываемых в электронной форме на основании одного заявления, а также оказываемых посредством веб-портала «электронного правительства» и абонентского устройства подвижной сети; осуществление согласования проектов стандартов государственных услуг, предусматривающих электронную форму оказания государственных услуг и иные полномочия.

Закон выделяет отдельной статьей компетенцию **уполномоченного органа, определяемого Правительством Республики Казахстан из числа центральных государственных органов (Министерство информации и коммуникаций Республики Казахстан, ст. 9-1)**, в обязанности которого входит: разработка и утверждение правил деятельности Государственной корпорации; разработка и утверждение правил отбора государственных услуг, подлежащих оказанию через Государственную корпорацию, по согласованию с уполномоченным органом в сфере информатизации; осуществление организации и контроля за деятельностью Государственной корпорации, координация деятельности Государственной корпорации и ее взаимодействие с услугодателями; осуществление согласования проектов стандартов государственных услуг, предусматривающих оказание государственных услуг через Государственную корпорацию, и другие полномочия.

Значительное место в рассматриваемом процессе занимает компетенция центральных государственных органов (министерства, ведомства, ст. 10), которые обязаны разрабатывать и утверждать стандарты государственных услуг, разрабатывать и утверждать регламенты государственных услуг, обеспечивать качество и проводить внутренний контроль за качеством оказания государственных услуг, рассматривать обращения услугополучателей по вопросам оказания государственных услуг, обеспечивать повышение квалификации работников в сфере оказания государственных услуг, а также находиться в постоянном взаимодействии с уполномоченными органами в сфере оказания государственных услуг, Государственной корпорацией и Единым контакт-центром.

Закон закрепляет компетенцию местных исполнительных органов всех уровней (областей, городов республиканского значения, столицы, районов, городов областного значения, акимов районов в городе, городов районного значения, поселков, сел, сельских округов) за качеством оказания государственных услуг на территории соответствующей административно-территориальной единицы (ст. 11). Характер их компетенции максимально привязан к потребностям и интересам населения и местного государственного управления. На данном уровне также предусмотрено взаимодействие со всеми уполномоченными органами в сфере государственных услуг, Государственной корпорацией, а также с Единым контакт-центром.

Кроме того, Глава 2 дополнена статьей 11-1 «Организация деятельности Государственной корпорации» в соответствии с Законом РК от 17 ноября 2015 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оказания государственных услуг» (введена в действие с 1 марта 2016 года)⁷. Согласно ее нормам, Государственная корпорация является единым провайдером, осуществляющим деятельность в сфере оказания государственных услуг физическим и (или) юридическим лицам по принципу «одного окна», регистрации залога движимого имущества, не подлежащего обязательной

4 Об утверждении реестра государственных услуг: Постановление Правительства Республики Казахстан от 18 сентября 2013 года № 983. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000983> (дата обращения: 21.01.2019).

5 Назарбаев Н. А. Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 5 октября 2018 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-presidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-5-oktyabrya-2018-g (дата обращения: 21.01.2019).

6 О государственной службе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения: 21.01.2019).

7 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оказания государственных услуг: Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2015 года № 408-V ЗРК. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000408> (дата обращения: 21.01.2019).

государственной регистрации, физических и юридических лиц, технического обследования зданий, сооружений и (или) их составляющих, государственной регистрации прав на недвижимое имущество, ведения государственного земельного кадастра, пенсионного и социального обеспечения. При этом иным лицам запрещается осуществление деятельности единого провайдера. Государственная корпорация создается в форме акционерного общества, является некоммерческой организацией, имеет свои филиалы. Ее единственным акционером является Правительство Республики Казахстан (см. «О создании некоммерческого акционерного общества «Государственная корпорация «Правительство для граждан»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 января 2016 года № 39»⁸). Уполномоченный орган Государственной корпорации, как мы отметили выше, определяется решением Правительства Республики Казахстан из числа центральных государственных органов. Им является Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан (см. «Об утверждении Правил деятельности Государственной корпорации «Правительство для граждан»: Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 22 января 2016 года № 52»⁹).

На Государственную корпорацию Законом возложено: обеспечение повышения качества оказания государственных услуг; обеспечение соблюдения стандартов и регламентов государственных услуг; обеспечение информированности услугополучателей о порядке оказания государственных услуг; рассмотрение обращения услугополучателей по вопросам оказания государственных услуг; обеспечение повышения квалификации работников в сфере оказания государственных услуг; оказание государственных услуг физическим и (или) юридическим лицам по принципу «одного окна» в соответствии с законодательством Республики Казахстан и т.д.

Глава 3 «Реестр, стандарт и регламент государственных услуг» (ст.ст. 12–17) – одна из центральных в Законе. Согласно Закону, государственные услуги подлежат обязательному включению в реестр государственных услуг. Иначе говоря, государственная услуга не может оказываться потребителю вне данного реестра. Законом закрепляется обязательная структура реестра государственных услуг (ст. 12).

Для обеспечения единых требований к качеству оказания государственных услуг всеми государственными органами Закон предусматривает разработку стандарта государственных услуг, который также имеет определенную законом обязательную внутреннюю структуру (ст.ст. 13–14). Так, согласно Закону, его внутренняя структура включает общие положения, порядок оказания государственной услуги, порядок обжалования решений, действий государственных органов, их должностных лиц, работников по вопросам оказания государственных услуг, иные требования с учетом особенностей оказания государственной услуги, в том числе в электронном формате и через Государственную корпорацию (ст. 14).

Необходимо иметь в виду, что стандарт государственной услуги, разрабатываемый центральным государственным органом, подчиненным и подотчетным Президенту РК, утверждается по согласованию с Администрацией Прези-

дента РК. В свою очередь, стандарт государственной услуги, разрабатываемый центральным государственным органом, разрабатывается и утверждается данным органом с учетом требований, предусмотренных статьями 8–10 Закона «О государственных услугах», то есть осуществления обязательной процедуры согласования данных стандартов с соответствующими уполномоченными органами в сфере оказания государственных услуг.

Закон в данной редакции не содержит срока, необходимого для разработки и утверждения центральным государственным органом проекта стандарта государственной услуги. Однако проект стандарта всегда подлежит обязательному публичному обсуждению с целью учета замечаний и предложений их потребителей, права и законные интересы которых могут затрагиваться данными стандартами. В этой связи центральный государственный орган, разработавший стандарт государственной услуги, обеспечивает различными способами информирование услугополучателей о проекте стандарта государственной услуги и делается это в течение пяти рабочих дней со дня включения государственной услуги в реестр государственных услуг. Собственно, на проведение уже публичного обсуждения проекта стандарта Закон отводит 30 календарных дней со дня его размещения на веб-портале «электронного правительства», интернет-ресурсе центрального государственного органа и (или) интернет-ресурса местного исполнительного органа области, города республиканского значения, столицы, района, города областного значения, акима района в городе, города районного значения, поселка, села, сельского округа и т.д. По завершении данной работы проект стандарта государственной услуги, доработанный по результатам публичного обсуждения, и отчет о завершении его публичного обсуждения направляются на согласование в соответствующие государственные органы. Результаты обсуждения, в том числе по результатам доработки проекта стандарта в форме отчета обязательной формы, также размещаются на вышеуказанных информационных ресурсах заинтересованных государственных органов (ст. 15). Важно подчеркнуть, что проекты нормативных правовых актов по внесению изменений и (или) дополнений в утвержденные стандарты в обязательном порядке подлежат публичному обсуждению в порядке, установленном статьей 15 Закона.

В течение 30 календарных дней после введения в действие стандарта государственной услуги государственными органами соответствующего уровня разрабатываются и утверждаются регламенты государственных услуг. Регламент государственной услуги утверждается правовым актом соответствующего государственного органа или руководителя соответствующего органа (ст. 16).

Регламент государственной услуги, согласно Закону, предусматривает общие положения, описание порядка действий структурных подразделений (работников) услугодателя в процессе оказания государственной услуги, описание порядка взаимодействия структурных подразделений (работников) услугодателя в процессе оказания государственной услуги, а также описание порядка взаимодействия с Государственной корпорацией и иными услугодателями, порядка использования информационных систем в ходе данного процесса (ст. 17).

И еще об одном немаловажном вопросе. В Законе, к сожалению, отсутствуют нормы, регулирующие вопросы передачи оказания отдельных государственных услуг в негосударственный сектор, тогда как он различает среди субъектов оказания государственных услуг кроме государственных органов также широкий круг услугодателей в лице физических и юридических лиц. В этой связи при закреплении вышеуказанных норм следует придерживаться следующих научных рекомендаций.

8 О создании некоммерческого акционерного общества «Государственная корпорация «Правительство для граждан»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 января 2016 года № 39. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000039> (дата обращения: 21.01.2019).

9 Об утверждении Правил деятельности Государственной корпорации «Правительство для граждан»: Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 22 января 2016 года № 52. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 25 февраля 2016 года № 13248. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600013248> (дата обращения: 21.01.2019).

Прежде всего, должны быть определены основания оказания государственных услуг исключительно государством в лице государственных органов.

Далее. Государственные услуги, передаваемые в негосударственный сектор, должны находиться под контролем государства.

Кроме того, в данном вопросе следует также определить: критерии, на основании которых будут выявляться публичные услуги, подлежащие передаче негосударственным структурам; критерии, которым должны отвечать негосударственные структуры, чтобы выполнять публичные услуги; подлежат определению и условия их передачи¹⁰. Именно при таком подходе будут исключены условия, способствующие коррупции при размежевании функций государственных органов и иных услугодателей в сфере оказания государственных услуг.

Глава 4 «Оказание государственных услуг» (ст.ст. 18–25) закрепляет их оказание через услугодателей, что определяется соответствующими стандартами и регламентами через Государственную корпорацию, а также посредством веб-портала «электронного правительства» и абонентского устройства подвижной сети (ст. 18).

Так, услугодатель обязан принять заявление услугополучателя при наличии у него полного и действующего пакета документов согласно стандарту и регламенту государственной услуги (ст. 19). В противном случае, то есть при предоставлении неполного пакета документов либо документов, срок действия которых истек, услугодатель отказывает в приеме заявления.

После приема заявления услугодатели при наличии оснований могут мотивированно с дачей письменного ответа также отказать в оказании государственной услуги. Закон в этой части регулирует пять оснований отказа в оказании государственной услуги, оговаривая, что законами Республики Казахстан могут устанавливаться иные основания для отказа в оказании государственной услуги (ст. 19-1).

Отдельной статьей Закон регулирует оказание государственных услуг через Государственную корпорацию и в электронном формате (ст. ст. 20–21).

При оказании государственной услуги через Государственную корпорацию идентификация личности услугополучателя возлагается на работников Государственной корпорации.

Результатом оказания государственной услуги в электронной форме являются выдача электронного документа или документа на бумажном носителе, либо сведения из информационной системы «электронного правительства». Результаты оказания государственных услуг в электронной форме, полученных посредством абонентского устройства подвижной сети, направляются в кабинет пользователя на веб-портале «электронного правительства» в форме электронного документа, а также по выбору услугополучателя на его абонентский номер в виде короткого текстового сообщения и используются услугополучателем для подтверждения фактов, имеющих юридическое значение, без необходимости их представления на бумажном носителе. При оказании государственной услуги в электронной форме через Государственную корпорацию на основании письменного согласия услугополучателя его запрос в форме электронного документа заверяется служебной электронной цифровой подписью работника Государственной корпорации. Услугополучателям может быть оказано несколько государственных услуг на основании одного заявления.

Важное место в Законе занимают нормы касательно постоянной оптимизации процессов оказания государственных услуг, а также информирования услугополучателей о поряд-

ке оказания государственных услуг (ст. 22). В этой связи необходимо отметить, что все государственные органы и услугодатели обязаны ежегодно размещать в средствах массовой информации отчет о деятельности по вопросам оказания государственных услуг и не реже одного раза в год проводить публичные обсуждения данных отчетов с участием услугодателей и заинтересованных физических и юридических лиц. Итоги публичного обсуждения используются для улучшения качества оказания государственных услуг и совершенствования стандартов и регламентов (ст. 23).

Закон особо оговаривает, что не допускается установление для услугополучателя платы за оказание государственных услуг, бесплатное предоставление которых гарантировано законами Республики Казахстан. Из этого следует, что государственные услуги в РК могут оказываться на платной или бесплатной основе только в соответствии с законами. В данном вопросе исключается подзаконный уровень регулирования платы за оказание государственных услуг (ст. 24).

Важное место в Законе отводится особенностям рассмотрения жалоб услугополучателей по вопросам оказания государственных услуг, чему посвящены нормы статьи 25 Закона.

Жалоба, согласно Закону, может быть подана в адрес соответствующего государственного органа, услугодателя, Государственной корпорации, а из числа уполномоченных органов она может быть подана в адрес уполномоченного органа по оценке и контролю за качеством оказания государственных услуг. Закон устанавливает короткие сроки в рабочих днях для ее рассмотрения со дня регистрации с возможностью их продления субъектами ее рассмотрения для проведения дополнительного изучения или проверки по жалобе либо проверки с выездом на место либо получения дополнительной информации.

Подача жалобы в вышеуказанные государственные органы имеет целью оперативное решение вопросов по восстановлению нарушенных прав и законных интересов услугополучателя.

Вместе с тем жалоба услугополучателя по вопросам оказания государственных услуг, согласно Конституции, может быть подана непосредственно в суд.

Глава 5 «Государственный контроль за качеством оказания государственных услуг. Оценка и общественный мониторинг качества оказания государственных услуг» (ст.ст. 26 оценка 29) регламентирует принципы проведения государственного контроля, оценки и общественного мониторинга качества оказания государственных услуг; особенности проведения контроля; порядок проведения оценки качества оказания государственных услуг и общественный мониторинг.

В этой части Закон лишь перечисляет принципы проведения контроля, оценки и общественного мониторинга, не раскрывая содержания данных принципов, что не позволяет уяснить их полное значение, содержание и может стать условием для совершения коррупционных правонарушений в ходе оказания государственных услуг (ст. 26).

Бланкетный характер носит и норма по поводу государственного контроля за качеством оказания государственных услуг, который осуществляется в соответствии с законодательством РК (ст. 27).

Вместе с тем Закон оговаривает, что оценка качества оказания государственных услуг осуществляется уполномоченным органом по оценке и контролю за качеством оказания государственных услуг, а оценка качества оказываемых в электронной форме услуг осуществляется уполномоченным органом в сфере информатизации (ст. 28).

За свой счет и по собственной инициативе может проводиться общественный мониторинг качества оказания государственных услуг физическими лицами и некоммерческими организациями. Кроме того, общественный мониторинг

¹⁰ Терещенко Л. В. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. – 2004. – № 10. – С. 21-22.

в этой сфере может также проводиться по государственному социальному заказу уполномоченного органа по оценке и контролю за качеством оказания государственных услуг государственными органами.

По результатам общественного мониторинга физические лица, некоммерческие организации составляют заключение о соблюдении государственных органами, а также услугодателями требований законодательства в сфере оказания государственных услуг, дают рекомендации по устранению фактов его несоблюдения, вносят предложения по повышению качества и предложения по внесению изменений и дополнений в стандарты государственных услуг.

К сожалению, нормы Закона не закрепляют конкретной обратной связи государственных органов, а также услугодателей с авторами заключений общественного мониторинга качества оказания государственных услуг, что ставит под сомнение выполнение ими рекомендаций и предложений, содержащихся в подобных заключениях.

Завершает Закон **Глава 6 «Заключительные положения»** (ст.ст. 30–31), которая включает бланкетную норму об ответственности (дисциплинарной, административной) за нарушение законодательства в сфере оказания государственных услуг, а также порядок ведения в действие данного Закона.

Наряду с анализируемым Законом Сенат Парламента РК также принял Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам государственных услуг»¹¹. То есть одновременно с принятием основного Закона внесены изменения и дополнения в Бюджетный кодекс РК, Кодекс РК «О здоровье народа и системе здравоохранения», Закон РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан», Закон РК «О нормативных правовых актах», Закон РК «Об административных процедурах», Закон РК «О государственном социальном заказе», Закон РК «О частном предпринимательстве», Закон РК «Об информатизации», Закон РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц», Закон РК «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество».

В последующие годы также производилась корректировка основного и иных законов, связанных с оказанием государственных услуг (см. Законы Республики Казахстан от 17 ноября 2015 года, от 6 апреля 2016 года и т.д.).

Краткие выводы и рекомендации

Первое. В Казахстане сложились политические, правовые, институциональные основы оказания государственных услуг, как важнейшего фактора повышения доверия гражданского общества и населения, прежде всего, к деятельности государственного аппарата и противодействия коррупции среди его должностных лиц.

Второе. В Казахстане сформирован и действует ряд взаимосвязанных законов, в том числе самостоятельный Закон «О государственных услугах», регулирующий вопросы оказания государственных услуг, включая их оказание в электронном формате, а также осуществление государственного контроля за деятельностью государственного аппарата, его должностных лиц и иных услугодателей в данной сфере.

Третье. Оказание государственных услуг возложено на систему государственных органов, иных субъектов права, то есть услугодателей в лице центральных государственных органов, заграничных учреждений Республики Казахстан, местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы, районов, городов областного значения, акимов районов в городе, городов районного значения, по-

селков, сел, сельских округов, а также физических и юридических лиц, оказывающих государственные услуги в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Четвертое. Механизм оказания государственных услуг постоянно и последовательно совершенствуется, в том числе с учетом мнения гражданского общества и населения в направлении повышения эффективности правовых, институциональных методов этой деятельности, с использованием потенциала электронных форм их оказания.

Пристатейный библиографический список

1. Айтбай К. О. Административная реформа как фактор повышения конкурентоспособности Казахстана (политологический анализ): Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – Алматы, 2009. – 45 с.
2. Бесчастнова Л. В. Административно-правовое регулирование государственных услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008. – 26 с.
3. Васильева А. Ф. Административно-правовое регулирование публичных услуг в Германии и России: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – 25 с.
4. Лаптева А. М. Экономические отношения власти и общества в производстве публичных услуг: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Кострома, 2007. – 24 с.
5. Морозова Е. В. Публичные услуги: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Мытищи, 2009. – 22 с.
6. Назарбаев Н. А. Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 5 октября 2018 года. – [Электронный ресурс]. – режим доступа: akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaev-narodu-kazahstana-5-oktyabrya-2018-g (дата обращения: 21.01.2019).
7. Терещенко Л. В. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. – 2004. – № 10. – С. 21–22.
8. Тулеубаева А. Ш. Государственные услуги в контексте административной реформы в Республике Казахстан: опыт, проблемы, решения: Монография / Под общ. науч. ред. д.ю.н., проф. М. Ч. Когамова. – Алматы: Жеті Жарғы, 2012. – 176 с.
9. Шестаков В. А. Совершенствование организации предоставления государственных услуг (методические аспекты): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2010. – 26 с.

¹¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственных услуг: Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2013 года № 89-V. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z130000089> (дата обращения: 21.01.2019).

КУРМАНАЛИЕВА Асель Абылкановна

кандидат юридических наук, и.о. доцента, заведующая кафедрой Международного и предпринимательского права и политологии учреждения Международного университета Кыргызской Республики, адвокат

Курманалиева А. А.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ АДВОКАТА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье анализируются основные элементы правового статуса адвоката по законодательству Кыргызской Республики с точки зрения новелл, имеющих в Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики, который вступит в силу с 1 января 2018 года. Следует отметить, что на сегодняшний день процессуальный статус адвоката приобрел новые черты, адвокат наделяется более широкими полномочиями по представлению и защите интересов клиента. В свете судебно-правовой реформы статус адвоката позволяет ему совершать важные процессуальные действия, направленные на обеспечение позиции стороны защиты по делу, что является гарантией прав и свобод человека, а также состязательности уголовного процесса.

Ключевые слова: адвокат, статус, уголовный процесс, права, полномочия, юридическая помощь, подзащитный.

KURMANALIEVA Asel Abylkanovna

Ph.D. in Law, vice associate professor, Head of International and business law and political science sub-faculty of the International University of the Kyrgyz Republic, advocate

ON THE ISSUE OF ADVOCATE STATUS IN THE KYRGYZ REPUBLIC

The article analyzes the main elements of the legal status of a lawyer under the legislation of the Kyrgyz Republic from the point of view of the novelties available in the Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic, which will enter into force on January 1, 2018. It should be noted that today the procedural status of a lawyer has acquired new features, the lawyer is given more authority to represent and protect the interests of the client. In the light of judicial and legal reform, the status of a lawyer allows him to perform important procedural actions aimed at securing the position of the defense in the case, which is a guarantee of human rights and freedoms, as well as adversarial proceedings.

Keywords: lawyer, status, criminal procedure, rights, powers, legal assistance, defendant.

Одной из целей судебно-правовой реформы, проводимой в Кыргызской Республике, является повышение и усиление состязательного уголовного процесса как гарантии соблюдения основополагающих прав и свобод человека¹. В этой связи фигура адвоката или защитника и его процессуальный статус приобретают особенную актуальность в контексте дальнейшего развития демократического правового государства.

Что касается обновленного правового статуса адвоката, прежде всего, обратим внимание на различные термины, которые употребляются в уголовно-процессуальном законе.

Так, согласно уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики адвокат:

– осуществляющий функцию защиты прав и интересов подозреваемого лица, ответственного за возмещение материального ущерба, представителя юридического лица, в отношении которого ведется производство для применения мер уголовно-правового воздействия, именуется защитником (ст. 49, 50, 57, 390, 431 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики);

– осуществляющий функцию защиты прав свидетеля, именуется защитником (ст. 50, п. 9 ч. 6 ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики);

– осуществляющий функцию защиты прав и интересов потерпевшего, именуется представителем (ст. 43 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики);

– приглашенный осужденным для оказания ему юридической помощи в осуществлении прав при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, именуется также представителем (ч. 5 ст. 429 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики)².

В соответствии со ст. 40 Конституции Кыргызской Республики каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государства³. Как правильно отметил А. Казун: «неравный доступ к юридической помощи противоречит идее всеобщего равенства перед законом. Речь в данном случае идет даже не столько о равном социальном обеспечении, сколько о базовой идее равенства прав и свобод всех граждан»⁴.

Цель участия адвоката в производстве по уголовным делам – осуществление защиты, уголовно-процессуального представительства, а также оказание квалифицированной юридической помощи подзащитному и доверителю. Для этого адвокат обязан использовать весь арсенал предусмотренных законом средств, а также иных, не противоречащих закону мер и средств.

1 Шамурзаев Т. Т., Сейтова Г. Х. Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. – 2017. – Том 17. – № 11. – С. 150.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20.

3 Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года (в редакции Закона КР от 28 декабря 2016 года № 218).

4 Казун А. Социальная ответственность российских адвокатов: фактора оказания бесплатной юридической помощи по назначению и pro bono // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – № 4. – С. 565.

В ст. 50 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики дано определение защитника: это лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, свидетеля по уголовному делу и (или) делу о проступке и оказывающее им квалифицированную юридическую помощь. В досудебном производстве и в суде в качестве защитника может выступать только адвокат. Таким образом, субъектом оказания квалифицированной юридической помощи, гарантированной Конституцией Кыргызской Республики, и единственным носителем полномочий защитника является адвокат, осуществляющий свою деятельность на профессиональной основе. В качестве защитника не вправе участвовать по уголовному делу и (или) делу о проступке близкие родственники и иные лица (наряду с адвокатом или вместо него).

Подтверждением того, что субъектом оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве могут быть только адвокаты, являются нормы Закона Кыргызской Республики «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», которые устанавливают, что адвокатская деятельность в Кыргызской Республике является квалифицированной юридической помощью, оказываемой на профессиональной основе лицами, получившими лицензию на право занятия адвокатской деятельностью в порядке, установленном законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты и обеспечения их прав, свобод и законных интересов, а также доступа к правосудию (ст. 16)⁵.

Следовательно, законодатель отождествляет адвокатскую деятельность с понятием «оказание квалифицированной юридической помощи». Кроме того, согласно Закону Кыргызской Республики «О гарантированной государством юридической помощи», квалифицированная юридическая помощь также определена как профессиональная деятельность адвоката по защите законных прав и интересов лиц по гражданским, административным и уголовным делам на всех стадиях гражданского, административного и уголовного судопроизводства за счет государства⁶.

Адвокат вправе участвовать в деле с момента фактического задержания подозреваемого или уведомления о подозрении в совершении преступления или проступка подозреваемого, а при защите прав свидетеля – с момента его первого допроса в соответствующем качестве.

Для вступления в уголовное судопроизводство адвокату необходимо вручить следователю (судье) ордер-поручение, выданный адвокатом, осуществляющим адвокатскую деятельность в форме адвокатского кабинета, либо адвокатской организацией на основании соглашения, заключаемого с адвокатом. Форма ордера-поручения утверждается Адвокатурой Кыргызской Республики. Адвокат также обязан предъявить удостоверение Адвокатуры Кыргызской Республики.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству КР адвокат вступает в дело, а не допускается к участию в нем, поэтому письменного заявления или ходатайства, тем более, разрешения следователя или судьи для вступления в дело не требуется. При этом, исходя из тактических соображений, рекомендуется одновременно с ордером-поручением вручить также письменное уведомление (заявление) о вступлении в дело.

Процессуально-правовые аспекты приглашения, назначения, замены, а также отказа от адвоката урегулированы ст. 51, 53 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Следует заметить, что в ч. 4 ст. 50 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики предусмотрена новая норма: «Адвокат имеет право осуществлять защиту прав и интересов любого лица, вызванного в органы дознания или следствия, в прокуратуру или суд, при этом адвокат имеет полномочия, предусмотренные в статье 54 настоящего Кодекса».

Следует признать, что данная норма не носит уголовно-процессуальный характер, так как любое лицо, участвующее в уголовном процессе, имеет свой процессуальный статус: свидетель, подозреваемый, потерпевший. Однако, по замыслу законодателя, указанная норма направлена на искоренение фактов превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов. На практике наблюдается ситуация, в которой может быть опрошено лицо, которое еще не является по делу свидетелем или подозреваемым, в результате опроса сотрудники правоохранительных органов получают сведения, которые могут быть использованы в дальнейшем против такого лица, при этом не допускается присутствие адвоката, что нарушает гарантированное законом право на защиту интересов подозреваемого.

Для обеспечения эффективности деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве в новом Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики закреплены следующие нормы о гарантиях его независимости и неприкосновенности:

- адвокат вправе иметь свидания с подзащитным в условиях, исключающих возможность прослушивания;
- адвокат, помощник адвоката не могут быть допрошены в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с обращением за юридической помощью или ее оказанием;
- запрещается привлекать к конфиденциальному сотрудничеству при проведении специальных следственных действий адвокатов, если такое сотрудничество будет связано с раскрытием конфиденциальной информации профессионального характера;
- запрещается проводить специальные следственные действия в отношении адвокатов, осуществляющих профессиональную помощь.
- запрещается проводить прослушивание переговоров между подозреваемым (обвиняемым) и его защитником.

Независимость адвоката при выполнении своей профессиональной деятельности будет выступать своего рода лакмусовой бумажкой в определении уровня демократии в государстве в направлении утверждения и обеспечения прав и свобод человека и гражданина⁷.

Таким образом, процессуальный статус адвоката на сегодняшний день урегулирован нормами законодательства, разработанного и принятого в рамках проводимой судебной правовой реформы.

Пристатейный библиографический список

5 Закон Кыргызской Республики «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» от 14 июля 2014 года № 135.
6 Закону Кыргызской Республики «О гарантированной государством юридической помощи» от 16 декабря 2016 года № 201.

1. Казун А. Социальная ответственность российских адвокатов: фактора оказания бесплатной юридической помощи по назначению и pro bono // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – № 4. – С. 563-578.
2. Курманалиева А. А. Некоторые вопросы правового регулирования адвокатской деятельности в Кыргызской Республике // Наука и новые технологии. – 2018. – № 8. – С. 52-54.
3. Шамурзаев Т. Т., Сеитова Г. Х. Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. – 2017. – Том 17. – № 11. – С. 150-152.
7 Курманалиева А. А. Некоторые вопросы правового регулирования адвокатской деятельности в Кыргызской Республике // Наука и новые технологии. – 2018. – № 8. – С. 53.

БИЮШКИНА Надежда Иосифовна

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «РИСК В ПРАВЕ» В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ-ПРАВОВЕДОВ XIX - НАЧАЛА XXI ВВ.

В статье рассматриваются проблемы определения рисков в праве в трудах отечественных ученых-правоведов XIX - начала XXI вв. Особое внимание уделяется анализу достижений дореволюционных и советских ученых-правоведов, исследования которых составляют основу для дальнейшего изучения обозначенной темы. В целом проведенный анализ заявленной проблематики свидетельствует о том, что категория «риск» в настоящее время является системообразующим понятием, характерным для всех институтов права, и в связи с этим не теряет своей актуальности.

Ключевые слова: риск, риск в праве, право, обязательство, страхование, субъективная концепция рисков, объективная концепция рисков.

BIYUSHKINA Nadezhda Iosifovna

Ph.D. in Law, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law Faculty of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

THE GENESIS OF THE CONCEPT OF "RISK IN LAW" IN THE WORKS OF RUSSIAN LEGAL SCHOLARS OF THE 19th - EARLY 21st CENTURIES

The article deals with the problems of determining risks in law in the works of Russian legal scholars of the 19th - early 21st centuries. Special attention is paid to the analysis of the achievements of pre-revolutionary and Soviet legal scholars, whose studies form the basis for further study of the designated topic. On the whole, the analysis of the stated problems indicates that the category of «risk» is currently a systemic concept characteristic of all institutions of law, and therefore does not lose its relevance.

Keywords: risk, risk in law, law, obligation, insurance, subjective concept of risk, objective concept of risk.

Биюшкина Н. И.

С каждым годом риск становится все более значимой чертой общества в целом и проявляется в рамках различных отраслей: в экономике, в науке, в том числе, в сфере права. Развитие современных технологий все чаще выступает в качестве доминирующей причины влияния фактора случайности на общественные отношения. В этой связи категория риска может быть рассмотрена в плоскости научно-технических достижений, объективно воздействующих на общественные отношения, совершенствуя жизнь и функционирование социума с одной стороны и приводя в случае нарушения норм и принципов взаимодействия человека с технической средой к масштабным техногенным катастрофам, влекущим за собой массовые жертвы. В этом отношении риск относится к категории случайности. закономерным явлением риск становится в условиях стихийно развивающихся экономических, финансовых отношениях, характеризующихся крайней монополизацией. Подверженные системным кризисным явлениям эти отношения неизбежно сопровождаются ухудшением уровня доходов среднего слоя населения и еще большим обнищанием беднейшей части общества. Таким образом, группой риска становится большая часть населения страны.

Из множества рисков необходимо выделить правовые риски. Отсюда видно, что правовые риски проявляются в сфере правового регулирования общественных отношений, как на стадиях правотворчества, так и при правореализации, в том числе в правоприменительной среде. Кроме того, вы-

ступая в качестве основного регулятора общественных отношений, право, а также феномен риска в праве в течение длительного периода времени являлся областью научного интереса отечественных исследователей.

Характеристикой рисков в праве в сфере гражданских правоотношений занимались такие правоведы, как А. И. Каминка, К. П. Победоносцев, Д. И. Мейер, Б. Н. Чичерин, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич, в уголовном праве – Н. С. Таганцев.

Ввиду того, что сферу научных интересов А. И. Каминки составляли теория торгового права, вексельное право и римское право, он связывал понятие «риск в праве» с процессом формирования кредитных отношений. А. И. Каминка отмечал: «Осложнения шли и в другом направлении. В стремлении найти громадные капиталы, которые становились необходимыми для ведения предприятия в широком масштабе, обусловливаемом требованиями капиталистического строя, предприниматели старались привлечь капиталы без участия их собственников в ведении предприятия, а на началах кредита. Обязанность возврата капитала была при этом безусловная, независимая от судьбы предприятия. Конечно, в случае гибели предприятия опасность угрожала и капиталу, данному займы предпринимателю, но это уже вопрос факта, а не права. В чем же заключалась экономическая сущность этой сделки? Она делала кредитора участником в риске, связанном с предприятием, почему эта форма займа и сложилась в области морской торговли, сопря-

женной с наибольшими опасностями»¹. Таким образом, исследователь характеризовал риск в праве как один из важнейших элементов предпринимательской деятельности. Вместе с тем, само понимание риска, в том числе и риска в праве, у А. И. Каминки имело ряд особенностей. В частности, он акцентировал внимание на том, что в случае предоставления кредита именно кредитор, а не заемщик, принимает на себя весь спектр ответственности по возвращению кредита. Особенности политической и социально-экономической реальности того времени обуславливали данное положение дел, определяя в качестве главных задач договора кредитования процесс привлечения лиц, которые были готовы рисковать для получения еще большей прибыли, а не минимизация возможных рисков, что в большинстве случаев представляет основное стремление лиц и преследуется договором страхования. По этой причине рассматриваемый им договор морского займа он относил к категории договоров, которые «носят характер пари»². По мнению А. И. Каминки только договор страхования позволит в максимальной степени исключить элемент риска, а также неожиданного убытка ввиду произведения неправильного хозяйственного расчета.

Сходной позиции по данному вопросу придерживался и отечественный ученый-правовед К. П. Победоносцев, который связывал риск в праве с областью договорных правоотношений. Он отмечал: «...всякий договор, без сомнения, сопряжен с риском... Каждое обязательство сопровождается риском или страхом, которое заключается в том, что действие, составляющее предмет обязательства и представляющее при заключении его возможным, может впоследствии оказаться невозможным»³. Таким образом, автор акцентировал внимание на том, что риск в контексте обязательственных отношений заключается непосредственно в процессе передачи верителя (кредитора) капитала в руки должнику, невзирая на реальную опасность неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств последним. Кроме того, К. П. Победоносцев различал несколько видов риска – риск, который не входит в юридическое содержание договора и риск, на котором основан договор.

К феномену риска в рамках отечественной цивилистики обращался и Д. И. Мейер. Подчеркнем, что он, как и большинство исследователей того времени рассматривал категорию риска в праве применительно к комплексу обязательственных отношений, указывая на тот факт, что любое обязательство непременно сопровождается появлением риска или страха. Следует заметить, что часто в рамках своих работ он отождествляет понятия «риск» и «страх», что обуславливается наличием определенного подхода к терминологии в области законодательства дореволюционного периода. Анализируя различные памятники права того времени, можно отметить, что понятие «риск» практически не употребляется в нормах права и вместо данного понятия законодатель оперирует понятием «страх». Сам Д. И. Мейер объяснял это тем, что большинством исследователей риск характеризовался как неблагоприятное последствие, угроза

или опасность. В разделе «Влияние различных обстоятельств на силу юридического действия» Д. И. Мейер подчеркнул: «В законодательстве нашем прямо говорится, что принуждение бывает тогда, когда кто-либо принуждается к совершению известного действия страхом настоящего или будущего зла... когда лицо совершает действие, которое оно не вправе совершить»⁴.

В том числе в курсе «Русского гражданского права» он акцентировал свое внимание на одном из видов риска хозяйственном риске, который формируется в связи с приобретением права на конкретное имущество: «Нахождение имущества в споре до некоторой степени, ослабляет вероятность принадлежности этого имущества лицу, которое им владеет, и соответственно этому усиливается риск, связанный с приобретением права на это имущество»⁵. Автор неоднократно соотносил феномен рисков в праве с положениями теории исковой давности, наличием неопределенности в праве. В частности, он отмечал, что ситуация неопределенности в праве, которая является одной из основных причин формирования риска, может быть устранена посредством предъявления иска и последующим возникновением солидарного обязательства. В этой связи Д. И. Мейер писал: «Давность, говорят, хотя отчасти устраняет неопределенность прав: по истечении более или менее продолжительного времени трудно бывает доказать существование права, и оттого возникает сомнение насчет принадлежности права, а такое сомнение несовместно с порядком гражданского общества»⁶. Таким образом, по мнению исследователя, именно преодоление правовой неопределенности посредством преобразования судебной системы, ее демократизация, могут очистить сферу права от рисков. Высказанные Д. И. Мейером взгляды носили прогрессивный характер и имели особую актуальность в рамках предреформенного периода развития российского государства и права.

Особое внимание категории риска в праве уделял Б. Н. Чичерин. В «Курсе государственной науки» содержатся неоднократные обращения к данному понятию. Вместе с тем, сам термин «риск» в контексте трудов Б. Н. Чичерина имеет разные значения и последовательно соотносится с отраслевой принадлежностью в контексте изложения материала. Безусловно, приоритет отдается исследователем категории финансовых рисков, которые трактовались им как совокупность рисков в сфере организации деятельности акционерных компаний и частных лиц. Предпринимательский или хозяйственный риск рассматривался им как разновидность финансового риска. В том числе особое внимание автора было приковано государственному («правительственному») риску, риску в политической сфере, административным рискам. Уделял внимание Б. Н. Чичерин и рискам в церковной сфере религиозных отношений. Церковь, как справедливо полагал исследователь, ища внешней опоры, «рискует потерять свою самостоятельность»⁷.

1 Каминка А.И. Основы предпринимательского права. Петроград: Петрогр. т-во печ. и изд. дела «Труд», 1917. С. 67.

2 Там же. С. 39.

3 Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3. М.: Статут, 2003. С. 56.

4 Мейер Д. И. Русское гражданское право / Чтения Д. И. Мейера, изданные по запискам слушателей; Под ред. А. Вицына. 3-е издание, исправленное сообразно определениям новейшего законодательства. СПб.: Издание Николая Тиблена, 1864. С. 143.

5 Там же. С. 269.

6 Там же. С. 276.

7 Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1894-1898. Общее государственное право. 1894. С. 353.

Стоит отметить, что позиции Б. Н. Чичерина во многом схожи со взглядами Д. И. Мейера. В частности, проблема определения рисков в праве непосредственно связывалась им с категорией неопределенности права. В этой связи российский правовед неоднократно обращался к понятиям «неопределенность права» или «неопределенность прав»: «Там, где все решается обычаем и прецедентами, возникает вопрос: насколько право, которое долго оставалось без употребления, сохраняет свою силу? Не утратилось ли оно от того, что долго не прилагалось? И какой на это нужен срок?»⁸. Таким образом, из приведенного выше анализа мы можем сделать вывод о том, что Б.Н. Чичерин достаточно широко трактовал понятие риска, осуществляя его привязку к конкретным правовым явлениям и ситуациям. Также стоит отметить единичные упоминания автора о рисках в сфере уголовного права.

Риски в праве являлись сферой научных интересов и российского дореволюционного правоведа С. А. Муромцева, который в рамках своих работ неоднократно акцентировал внимание на роли рисков. По его мнению, формирование рисков в праве во многом обусловлено реализацией «системы репрессивных мер», которая поддерживала в стране «тревожное возбуждение и страх грозящих ей опасностей» и постоянной смены «экстраординарных мероприятий, отвлекающих внимание от насущных дел»⁹. Таким образом, автор придерживался мнения о необходимости проведения максимально взвешенного и преимущественно центристского курса в политике для минимизации социальных рисков. Разделяя тем самым позицию большинства исследователей по рассматриваемому вопросу С.А. Муромцев подчеркивал, что только развитие широкой системы страхования в стране могло бы способствовать развитию механизма социальной защиты от возможных правовых и социальных рисков.

Риск в рамках правоотношений, которые являются следствием договоров купли-продажи, подряда, залога, займа, страхования, изучался и русским юристом, цивилистом Г. Ф. Шершеневичем. Сам автор непосредственно с проблемами риска в праве связывал развитие отношений между собственником и застройщиком («вознаграждение личными услугами не допускается под страхом недействительности сделки»¹⁰), норм залогового права («закладываемые вещи обязательно страхуются... могут быть оставлены на хранении у залогодателя с составлением описи и наложением видимых знаков принятия их в заклад»¹¹, «до полной уплаты занятой суммы залогодатель под страхом уголовной ответственности не может вновь закладывать или отчуждать без согласия учреждения, выдавшего ему ссуду, оставленные у него на хранение вещи»¹²), а также отдельно взятые положения теории давности в частном праве. Вместе с тем, как и большинство исследователей того времени Г. Ф. Шершеневич связывал риски в праве с наличием неопределенности в праве. Однако, на страницах сочинений знаменитого автора отсутствуют конкретные меры преодоления рисков в праве.

Только из его рассуждений мы можем прийти к выводу о том, что в качестве способов преодоления рисков в праве он рассматривал неукоснительное следование правоприменительной практики предписаниям законов, а также развитие основ страхового права, в рамках чего его позиция солидаризировалась с взглядами А. И. Каминки.

Далее отметим, что в науке уголовного права одним из спорных вопросов являлось положение об обоснованном риске. Впервые обозначенную тему начал развивать в своих работах русский юрист и государственный деятель Н. С. Таганцев. По его мнению, в качестве преступления не может рассматриваться причинение вреда интересам конкретной личности или государства, которые находятся под охраной уголовного законодательства, в том случае, если это представляет собой обоснованный риск, необходимый для достижения общественно полезной цели. Н. С. Таганцев подчеркивает: «Далее, и в тех пределах, где области преступного и безнравственного совпадают, оценки деяния, его сущности и значения представляются иными в морали и в праве. Нравственность, устанавливая должное и справедливое, творит обязанности и через то создает соответственные права; право, устанавливая правомерное и справедливое, творит права и через то создает соответственные обязанности»¹³. Исследователь признает обоснованным риск лишь в том случае, если лицо в силу сложившихся обстоятельств не имело возможности предпринять достаточные меры для предотвращения вреда интересам личности или государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дореволюционная юридическая наука в изучении проблемы рисков в праве акцентировала внимание на риски в праве в сфере гражданских правоотношений. Эти убеждения в свою очередь создали теоретико-правовую основу для дальнейшего изучения заявленной проблематики в советский и современный периоды развития отечественной юриспруденции.

Переходя к характеристике проблемы рисков в праве в трудах советских исследователей, отметим, что данная категория является наименее изученной по сравнению с предыдущим историческим периодом. По мнению В. М. Танаева, это обуславливается наличием особого рода парадигмы общественного развития социоцентристского общества, основанного на непризнании элементов случайного развития отношений как в рамках правовой, так и в контексте социально-экономической сфер¹⁴. Советское регулирование экономических отношений преследовало цель добиться бескризисного развития. В этой связи системное планирование всех сфер народного хозяйства должно было, по мнению его сторонников, ликвидировать не только циклическую кризисность, свойственную капиталистической экономике, но и свести к минимуму риски в ее развитии, в том числе и риски правового характера. Эта господствующая концепция не могла не отразиться на выработке доктринальных начал советской юридической науки и практики во всех ее отраслях. Необходимо также уточнить, что по причине того, что целью плановой экономики являлось преодоление рисков в экономическом развитии, перенос большей части возникающих хозяйственных рисков с конкретных организаций на органы

8 Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 3 М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1894-1898. Политика. 1898 С. 82.

9 Муромцев С. А. Из лекций по русскому гражданскому праву (1898-1899). СПб.: Военная типография, 1899. С.11-15.

10 Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 82.

11 Там же. С. 156.

12 Там же. С. 481.

13 Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. С. 37.

14 Танаев В. М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С. С. Алексеева. М.: Статут, 2000. С. 9.

государственной власти, не мог способствовать детальному анализу риска в праве как частноправовой категории. Необходимо также уточнить, что частноправовая сфера отрицалась полностью с первых лет советской власти. «Мы ничего «частного» не признаем, – писал В. И. Ленин в письме Д. И. Курскому, – для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»¹⁵. Следовательно, детальный анализ риска в праве как частноправовой категории был невозможен. Понятие «риск» встречается крайне редко и преимущественно в рамках регламентации отношений купли-продажи (ст. 186 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.)¹⁶, подряда (ст. ст. 220, 232, 233 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.; ст. ст. 350, 357 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.)¹⁷ и страхования между физическими лицами (ст. ст. 370, 380, 382-386 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.)¹⁸.

Вместе с тем, ряд советских ученых характеризовали риск как один из элементов права, несмотря на наличие или отсутствие риска в формулировке конкретной нормы. Как справедливо отмечал профессор М. М. Агарков «идея риска, лежащая в основании гражданских правоотношений, хотя внешне и не выражается, но легко обнаруживается при анализе ряда норм»¹⁹.

Начиная с 1950-1960-х гг., несмотря на господство плановой экономики, начали развиваться основные концепции риска – субъективная, объективная и дуалистическая. Сторонниками объективной концепции понимания рисков в праве были Б. Л. Хаскельберг, Я. М. Магазинер, Н. С. Малеин и другие.

В рамках положений объективной концепции риск характеризовался исследователями как особого рода явление объективной реальности, которое непосредственным образом связано с категориями «опасность» и «вероятность». Объективная концепция риска в праве не предусматривает определенной связи риска в праве с психическим отношением лица к совокупности совершаемых им действий. Имеют место быть и некоторые особенности восприятия данного понятия в контексте объективной концепции. В частности, советский правовед Б. Л. Хаскельберг выделял особый вид риска в праве – риск исполнения. Риск исполнения определялся им как «опасность наступления невозможности исполнения условий договора купли-продажи, наряду с риском случайной гибели или ухудшения вещи»²⁰. Одной из характерных

особенностей объективной концепцией риска является и его соотношение с понятием «ответственность», в том числе и характеристика риска как реальной возможности наступления случаев, которые могут повлечь за собой определенные имущественные потери. Большинство исследователей-приверженцев объективной концепции риска определяло само понимание права через понятие риска. Я. М. Магазинер подчеркивал: «...все право есть не что иное, как система распределения рисков, которая изменяет и направляет стихийно складывающееся их распределение на основе естественных законов экономики»²¹.

Представителями субъективной концепции понимания рисков в праве являлись В. А. Ойгензихт, С. Н. Братусь, О. А. Красавчиков и другие. Они характеризовали понятие «риск» как особого рода психическое отношение субъекта к результату объективно случайных последствий своего поведения, которое находит свое непосредственное выражение в допущении отрицательных и, в основном, имущественных последствий. Одним из выдающихся представителей данной концепции является профессор В. А. Ойгензихт. Детальный анализ его фундаментальных исследований, посвященных проблемам риска в праве, позволяет характеризовать риск как «психическое отношение субъектов к результату собственных действий или к поведению других лиц, а также к возможному результату объективного случая и случайно невозможных действий, выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых, имущественных последствий»²². Таким образом, ученый полагал, что риск в праве в случае отсутствия вины можно в полной мере рассматривать в качестве одного из ведущих оснований гражданско-правовой ответственности при наличии элементов противоправности. По этой причине понятие риска в праве в контексте субъективной концепции риска в какой-то мере соотносимо с психологическим понятием вины.

Схожей точки зрения придерживается и С. Н. Братусь, по мнению которого, использование основных положений субъективной концепции риска в праве предоставляет возможность выявить в полной мере субъективное основание безвиновной ответственности. В частности, он определял понятие «риск в праве» как «осознанное при эксплуатации источника повышенной опасности допущение вероятных случайных событий, влекущих за собой отрицательные последствия для других лиц, и принятие этих последствий на себя владельцем источника повышенной опасности»²³. Аналогичные позиции в отношении определения понятия «риск в праве» в качестве субъективной категории, которая обладает случайным характером, присутствовали в исследовании В. А. Копылова, И. Н. Хмелевской и других. Таким образом, стоит отметить, что в советском праве имеет место быть многогранность определения понятия «риск». Вместе с тем, рассмотрение данной категории в контексте различных концепций предопределяет его понимание учеными как отдельно взятого частного проявления. Согласно дуалистической концепции риск в праве понимается как совокупность субъективных и объективных обстоятельств, порождающих

15 Письмо Д. И. Курскому: 20 ноября 1922 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). Том 44. Июнь 1921-март 1922 гг. М.: Политиздат, 1970. С. 398.

16 Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 25.02.1929) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // «СУ РСФСР», 1922, № 71, Ст. 904. Ст. 186.

17 Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 25.02.1929) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // «СУ РСФСР», 1922, № 71, Ст. 904. Ст. ст. 220, 232, 233. «Гражданский кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) // «Ведомости ВС РСФСР», 1964, № 24, Ст. 407. Ст. ст. 350, 357.

18 Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 25.02.1929) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // «СУ РСФСР», 1922, № 71, Ст. 904. Ст. ст. 370, 380, 382-386.

19 Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 64.

20 Хаскельберг Б. Л. Риск случайной гибели проданной вещи // Ученые записки Томского гос. ун-та имени В. В. Куйбышева. 1954. № 23. С. 41, 44.

21 Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1999. № 1. С. 136.

22 Ойгензихт В. А. Категория риска в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 67.

23 Братусь С. Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 34.

ситуацию правового и социально-экономического риска. Этому взгляду придерживались С. Н. Братусь, В. А. Копылов, И. Н. Хмелевская и другие.

Обозначая основные подходы современных отечественных правоведов к определению понятия «риск в праве», отметим, что по причине осуществления перехода российского государства к основам рыночной экономики роль и значение самой категории «риск» существенно возросли. Процессы включения российской экономики в рыночные отношения, бурно протекавшие в 1990-е гг. XX в., нашли свое отражение в российском праве, претерпевшем гигантские изменения, включая признание частного права.

С этого времени, как справедливо отмечает В. М. Танаев, риск в праве представляет собой одну из важнейших базовых категорий частного права, которая обладает особым рода фундаментальным характером и «является стержневой экономической категорией либерального общества, основным условием существования элементов свободного рыночного механизма»²⁴. Изменения в отношении определения рисков в праве затронули в полной мере и систему законодательства. Так, ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ и ст. 933 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ определяют риск как один из необходимых элементов осуществления предпринимательской деятельности²⁵. Таким образом, в настоящее время риск в праве как особого рода правовая категория получает свое развитие и дальнейшую конкретизацию не только в контексте специальной литературы, но и как понятие, содержащееся в гражданском и предпринимательском праве. Безусловно, стоит подчеркнуть, что положения Гражданского кодекса Российской Федерации, в том числе и некоторые другие нормативно-правовые акты внесли лишь ряд новых аспектов в существующие подходы цивилистов к проблеме риска в праве, придавая ей статус одной из ключевых категорий частного права.

Современные исследования в сфере рисков в праве представлены работами таких ученых как В. В. Мамчун, А. Г. Мартиросян, В. А. Копылов, А. В. Золотухин. В. В. Мамчун характеризует понятие риска в праве как идеальное образование, которое имеет первостепенное значение для юридической науки в целом. Автор полагает, что определение роли и места риска в праве призвано способствовать выработке наиболее эффективного механизма правовой регламентации отношений, анализа элементов юридической надстройки, прочих элементов правовой системы общества. Автором, в частности, делается вывод о том, что понятие «риск в праве» следует понимать, прежде всего, как самостоятельный элемент правовой реальности и «явление более широкого порядка, включенное в соответствующий социальный

контекст»²⁶. Данное определение является в полной мере оправданным, так как в рамках толкования понятия «риск в праве» необходимо принимать во внимание не только правовую, но и общесоциальную сущность этого понятия.

Следующая трактовка понятия «риск в праве» связана с исследованиями российского правоведа А. Г. Мартиросяна, который понимал данное понятие, как «неотъемлемое свойство отношений, являющихся предметом гражданско-правового регулирования, выражающееся в возможности наступления неблагоприятных имущественных последствий, которые посредством различных гражданско-правовых способов распределяются между сторонами обязательства или возлагаются на иных лиц, когда того требует цель исправления фактического неравенства или необходимость поддержки какой-либо деятельности, представляющей общественный интерес»²⁷. Определение, представленное исследователем, в рамках своего содержания отражает основополагающие сущностные характеристики риска как правовой категории.

Таким образом, представленные точки зрения современных ученых-правоведов относительно рисков в праве опираются преимущественно на положения дуалистической концепции понимания рисков в праве, которая сформировалась еще в рамках советского периода. В тоже время субъективная и объективная концепция понимания рисков в праве находят своих сторонников, которые характеризуют понятие «риск в праве» как «категорию, отражающую психическое отношение субъекта к наступлению неблагоприятных последствий в результате его деятельности»²⁸.

Также особого внимания заслуживает позиция А. В. Золотухина, которую можно отнести к дуалистической концепции. Он отмечает, что в рамках характеристики понятия «риск в праве» необходимо максимально учитывать его объективно-субъективную природу, которая выражается не в его классификации на субъективный и объективный виды риска, а в рамках взаимосвязи его субъективных и объективных черт. По мнению исследователя, объективная сторона риска в праве заключается в наличии вероятностного характера результата конкретного события; субъективная сторона риска в праве проявляется в организации оценивания уже объективно существующей ситуации, в рамках которой «обе стороны продолжают взаимодействовать в неразрывной связи, одновременно демонстрируя истинную природу риска»²⁹. Такого рода подход к пониманию риска в праве предполагает разрешение проблемы использования положений субъективных и объективных концепций риска в праве. Также стоит подчеркнуть, что, если в рамках дореволюционного и советского права основными сферами формирования рисков выступали гражданское и уголовное законодательство, то в настоящее время область распространения рисков значительно увеличилась. Анализ исследований современных правоведов позволяет выделить такие виды рисков в праве как конституци-

24 Танаев В. М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С. С. Алексеева. М.: Статут, 2000. С. 9.

25 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2018, № 32, ст. 2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2018, № 32, Ст. 933.

26 Мамчун В. В. О понятиях и определениях риска в юридической доктрине и в законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 1 (14). С. 100-109.

27 Мартиросян А. Г. К вопросу о риске в гражданском праве Российской Федерации // Современное право. 2009. № 9. С. 60-64.

28 Копылов В. А. Риск в предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: 2003. С. 9.

29 Золотухин А. В. Правовое обеспечение страхования предпринимательских рисков в гражданском праве Республики Таджикистан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе: 2015. С. 10.

онные риски, риски в административном праве, финансовые риски (в том числе налоговый риск как разновидность финансового риска), предпринимательские риски и иные риски в гражданско-правовых отношениях, риски в сфере действия трудового права, риски в сфере экологического права и прочие разновидности рисков.

В заключении стоит отметить, что изучение понятия «риск в праве» в рамках дореволюционной науки осуществлялся лишь в отношении анализа мер гражданско-правовой ответственности, договорных отношений, формирования системы страхования. То есть риск в праве характеризовался учеными как один из необходимых элементов хозяйственной деятельности субъектов права. Изменения в политической и экономической обстановке советского государства, в том числе, установка жестких рамок для исследования феномена риска в праве обосновали попытки советских ученых в рамках контекстного изучения риска в системе страхования и договорных правоотношений.

Вместе с тем, именно в этот период были сформулированы основные концепции риска в праве, которые стали основой развития данной категории в будущем. Переход к основам рыночной экономики предопределил последующие коренные изменения в рамках концепций исследований риска в праве. Наличие свободы ведения хозяйственной деятельности, элементы конкуренции, свободное развитие экономики послужили основой для дальнейших исследований понятия «риск в праве» с учетом достижений ученых-правоведов дореволюционной и советской науки, во взаимосвязи с основными положениями экономической теории. В этой связи, вероятно, можно заключить, что в современных условиях не существует сферы правового и организационного регулирования, свободной от рисков. В целом проведенный анализ темы исследования свидетельствует о том, что категория «риск» в настоящее время является системообразующим понятием, пронизывающим преимущественно все институты права, и не теряет своей актуальности.

Пристатейный библиографический список

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. 175 с.
2. Братусь С. Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 27-35.
3. Золотухин А. В. Правовое обеспечение страхования предпринимательских рисков в гражданском праве Республики Таджикистан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе: 2015. 78 с.
4. Копылов В. А. Риск в предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: 2003. 178 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). Том 44. Июнь 1921-март 1922 гг. М.: Политиздат, 1970. 726 с.

6. Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1999. № 1. С. 136-142.
7. Мамчун В. В. О понятиях и определениях риска в юридической доктрине и в законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 1 (14). С. 100-109.
8. Мартиросян А. Г. К вопросу о риске в гражданском праве Российской Федерации // Современное право. 2009. № 9. С. 60-64.
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право / Чтения Д. И. Мейера, изданные по запискам слушателей; Под ред. А. Вицына. 3-е издание, исправленное сообразно определениям новейшего законодательства. СПб.: Издание Николая Тиблена, 1864. 794 с.
10. Муромцев С. А. Из лекций по русскому гражданскому праву (1898-1899). СПб.: Военная типография, 1899. 292 с.
11. Ойгензихт В. А. Категория риска в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 65-72.
12. Каминка А. И. Основы предпринимательского права. Петроград: Петрогр. т-во печ. и изд. дела «Труд», 1917. 345 с.
13. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3. М.: Статут, 2003. 622 с.
14. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 1446 с.
15. Танаев В. М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С. С. Алексеева. М.: Статут, 2000. 318 с.
16. Хаскельберг Б. Л. Риск случайной гибели проданной вещи // Ученые записки Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. Томск, 1954. № 23. С. 41-44.
17. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1894-1898. Общее государственное право, 1894. 482 с.
18. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 3. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1894-1898. Политика, 1898. 556 с.
19. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издательство Юрайт, 2017. 532 с.

ТИМОНИН Анатолий Николаевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета

ГОСУДАРСТВО МОДЕРНА: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ

Статья посвящена критическому анализу идейно-теоретических основ государств модерна (эпохи Нового времени), рассмотрены популярные в отечественной и зарубежной научной литературе концепции прав человека и общественного договора, отразившиеся в раннебуржуазных конституционно-правовых документах. Изучив их, а также соответствующую литературу, автор атрибутирует анализируемые концепции в качестве юридических аспектов соответствующей идеологии – идеологии либерализма.

Ключевые слова: идеология, идейно-теоретические основы, права человека, общественный договор, декларация прав, «конституционное соглашение», геноцид.

TIMONIN Anatoliy Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor of Theory of state and law sub-faculty of the Bashkir State University

STATE OF THE MODERN: AN ATTEMPT OF THE CRITICAL ANALYSIS OF IDEOLOGICAL AND THEORETICAL BASES

The article is devoted to the critical analysis of the ideological and theoretical foundations of the modern States (the era of Modern times), considered popular in domestic and foreign scientific literature, the concept of human rights and social contract, reflected in the early bourgeois constitutional and legal documents. Having studied them, as well as the relevant literature, the author attributes the analyzed concepts as legal aspects of the corresponding ideology – the ideology of liberalism.

Keywords: ideology, ideological and theoretical foundations, human rights, social contract, Declaration of rights, "constitutional agreement", genocide.

Тимонин А. Н.

Касаясь критических измерений той или иной теории независимо от того, что могло бы быть сказано о презрении к истории «чистыми» теоретиками, это презрение ничто по сравнению с их отвращением и даже ненавистью к представлению о том, что их высокочтимая теория – есть ничто иное как плохо скрываема идеология. Такой теоретик, теоретик как идеолог в отечественной литературе обычно выглядел как преданный приверженец особой группы или класса, стремящийся продвигать их интересы. Можно спорить по поводу достоинств или недостатков подобного определения, но оно может быть полезно при установлении пограничных пределов понятия «научная теория». Все ли теоретики – неизбежно идеологи? Если нет, то многим ли из них удалось преодолеть идеологические шоры? И где же та грань, которая позволит отделить идеологов от теоретиков? Думается, что идеология начинается там и тогда, где и когда теоретик отказывается называть вещи своими именами. Стоит ли удивляться тому, что наблюдается истощение государственно-правовых теорий, ставшее результатом подчинения теоретических проблем политическим интересам и экономическим интересам тех групп или классов, которые поддерживали развитие либерализма как теории. Размышляя над причинами подобных явлений, Ноам Хомский однажды отметил, что «ученые в области общественных наук избегают независимых суждений, забрасывают преподавательскую деятельность и искажают науку. Причиной этого является получение доступа к деньгам и влиянию, почти единодушная идеологизированность, возведенная в профессию»¹.

Вместо критического анализа либерализма, который вскрывал бы его основные экономические и политические предпосылки и учреждения, современные отечественные теоретики стали обращаться к англосаксонской «философ-

ской» традиции, во многом подорванной и дискредитированной их собственными трактовками, предположениями и методами. Выступая в качестве самых непримиримых оппонентов марксизма, они стали защитниками либерализма как политической идеологии. При этом заимствованный концепт преподносится так, как будто речь идет о величайшей теории, а не об идеологии. Но все же, по общепринятым стандартам, эти авторы выглядят вовсе не мыслителями, практикующими философию Локка или Канта, а приверженцами трансляции идеологической компоненты в мир политики и права. Они совершенно не отдают себе отчет в том, что их деятельность на ниве философии – юридическое теоретизирование на деле представляет собой часть одновременной идеологической политики.

С этой точки зрения легко понять, почему идеология по-прежнему господствует в отечественных теоретических трудах. Правда, столь явное признание политической важности идеологизации теории государства и права, в свою очередь, конечно же, потребовало бы переоценки степени научности этих трудов. Их критический анализ потребовал бы явного признания важности идеологии как способа, формирующего соответствующую «теорию». Отказ от такого анализа, игнорирование исторических факторов, способствовавших формированию той или иной теории, а также их социально-политического контекста, порождает очередную идеологическую путаницу, в головах людей и без того десятилетиями блуждающих в чащобах идеологии. Отечественные теоретики, разочарованные в идеологии левого толка, обратились к великим философам прошлого, в надежде утешить себя и своих читателей их философией. Однако, при этом, современные авторы, несмотря на общеизвестные требования, отказались и от объективности и от беспристрастности, а заодно и от идеологических дебатов.

Их особый интерес – конституционные и декларативные формулировки, юридическое выражение проекта Просвещения – новой эры обещавшей освобождение человека от

1 Цит. по: Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 2001. С. 56.

всех форм политического притеснения. Эмансипация помимо того означала прогрессирующий отказ от мифологии и религиозных предубеждений во всех областях жизни и их замены разумом. В политических аспектах такое освобождение означает подчинение государственной власти разумным законам.

Англосаксонская, французская политическая философия, американский здравый смысл; развивая идеи эмансипации человека, предшествуют государственному строю эпохи модерна и претендуют на роль его законных создателей. Будь то через фиктивный оригинальный общественный договор или через божественное происхождение и самоочевидный характер прав, принудительная власть государства отныне объявлялась оправданной свободно заключенными соглашениями или свободно выраженными мнениями автономных лиц. Конституционные собрания то тут, то там вводили новый тип законодательной власти и позитивного права, который, не мог не быть принудительным, но он возник из того, что уже произошло, и установил свободу собственности. Революция считалась узаконенной путем апелляции к якобы естественной автономии людей: их права были обнаружены рациональной способностью проникновения, как тогда казалось многим, в суть «естественного состояния». Революция – акт самообоснования, который одновременно устанавливает предьявителя прав и власть законодателя, представляющего учредительную власть – свою собственную конструкцию и создающего все права личности буквально из ничего. Соответственно, законодатели утверждали себя в новой политической роли – роли учредителей нового государственного строя и законодателей, уполномоченных не только провозглашать права, но и вводить их. Отцы-основатели США, заявляя в своей декларации поистине революционные права – на жизнь, свободу и стремление к счастью, были бесильны наполнить их предметным содержанием. Не удалось им поначалу создать и устойчивого государственного строя – Виргиния – Родина Вашингтона и Джефферсона вскоре стала добычей английских мародеров, а победившая их конфедерация 13 американских штатов оказалась слишком неустойчивой политико-правовой конструкцией.

Была далека от того, чтобы когда-либо быть полностью осуществленной, а также от основания устойчивого общественного строя, и французская декларация прав. И во Франции и в США оригинальные тексты деклараций прав находились в очевидных противоречиях с реальностью. Они обнаруживали себя повсюду: между человеком и гражданином, между гражданином и иностранцем, между мужчинами и женщинами, рабами-афроамериканцами и свободными, всеми теми, кто был лишен политического полноправия. Тексты революционных документов были переполнены логически верными, но вымышленными суждениями, которые в массе своей не могли существовать в реальности. Налицо принципиальное несоответствие теоретических положений, зафиксированных в декларациях, эмпирическим фактам. Только мужчины могли представлять человечество, потому что их разум, этика и целостность считались точным изображением «человека» деклараций. По сравнению с этим образцом человечности женщины со своими «легкомысленными» чувствами и естественными особенностями не могли соответствовать такому искусственному эталону. Не стоит с упорством достойным лучшего применения продолжать настаивать на том, что американская и французская декларации прав символизируют собой начало подлинной государственной истории человечества. Не стоит забывать и о других нововведениях той эпохи: об афрогеноциде, унесшим сотни миллионов жертв, о столь же масштабном геноциде американских индейцев, колониальных войнах, этнических чистках, работорговле, наркоторговле и других негативных последствиях колониализма.

Следуя Локку, Руссо и др., некоторые наши современники стали принимать без доказательств механистическую концепцию происхождения государства, по которой все «рационально» созданы государства, имеющие договорную природу, рассматривались как изначально мудро устроенные отдельными индивидами. Им невдомек, что основная

работа по созданию некоего подобия понятийно-категориального аппарата договорной теории велась все же в рамках новой «теологии», в которой догосударственное развитие человечества ничего общего не имеет с реальной историей первобытного общества. Подобно теологам Локк и Руссо совершенно произвольно конструировали первобытность, опираясь на понятные только им образы «счастливого дикаря», живущего в «золотом веке». Историческое обоснование происхождения государства было отвергнуто и Ф. М. Раяновым, преподносящим образование США в духе договорной теории².

Осуществляя неоднократные попытки сакрализации конституционного права, легисты совершенно забывают о том, что американской «конституционной революции» предшествовал свой идейно-теоретический этап со своими инициаторами – авторами памфлетов, руководителями патриотов, состоявшими в масонских ложах. Именно на это намекают американские профессора А. Невинс и Г. Коммаджер, когда пишут: «До 1776 г. революция была в умах части народа, а борьба 1776-1781 гг. была борьбой за то, чтобы навязать ее всему народу и вынудить британское правительство к ее признанию»³. В ходе самой войны за независимость американское общество раскололось на три части: патриотов, лоялистов и «болото». Численность лоялистов была настолько велика, что в одной только Верхней Канаде и Приморских провинциях оказалось более 60 тысяч выходцев из бывших американских колоний. Налицо расколотый характер американского общества, столь ярко проявивший себя в годы войны за независимость. Всем тем, кто выступал против независимости североамериканских колоний от Англии – лоялистам, пришлось покинуть родные края и отправиться искать счастья в других землях, принадлежащих британской короне. На этом примере мы убеждаемся в правоте мыслителей, констатирующих отсутствие единства во всяком переходном обществе, будь то восточное или западное. Некоторые исследователи объявляют недостижимым идеалом «согласие с конституцией всех граждан» и в наши дни⁴. Полное единство взглядов, столь необходимое для заключения общественного договора, не было достигнуто и после завершения разработки федеральной конституции США. Начиная с сентября 1787 г., в Северной Америке сформировался новый раскол – на сей раз между федералистами и антифедералистами, среди которых особо выделялись Т. Джефферсон и другие видные представители южных штатов.

По мере прогрессирующего развития капитализма в Северной Америке среди свободных белых американцев все больше углублялся раскол между богатыми и бедными. Растущая имущественная дифференциация в американской среде плохо согласуется с локковскими представлениями о сообществе свободных и равных. Полемизируя с Локком и его идейными наследниками, американский историк и политолог Говард Зинн резонно замечает: «В действительности, не было такого единства, ни в Англии, ни в американских колониях». Более того, «Там были богатые и бедные, бедные же никогда не имеют возможность подписывать контракт на равных с богатыми. На самом деле, с ними обычно не консультируются, после составления контракта, им говорят: “Мы договаривались об этом”»⁵. Об истинной социальной базе мнимого «конституционного соглашения» можно судить по составу конституционного конвента, который, заседа втайне

2 Раянов Ф. М. Философские концептуальные основы правового государства: Интервью с доктором юридических наук, профессором Института права Башкирского государственного университета // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 14-15.

3 Невинс А., Коммаджер Г. История США. От английской колонии до мировой державы / пер. с англ. В. Оболенского и Б. Прянишников. Нью-Йорк, 1991. С. 77.

4 Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Российское право: учебник для вузов. М., 2007. С. 116.

5 Zinn H. Declarations of Independence: Cross-Examining American Ideology. New York: Harper Perennial, 1990. P. 189. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookfi.net/book/1298128> (дата обращения: 03.11.2018).

от народа, превысил свои полномочия, отбросив прежнюю конституцию страны – Статьи конфедерации. Среди участников конвента абсолютно преобладали богачи и власть имущие. Весьма показательно, что на конвенте «не было никакого представительства темнокожего населения, которое тогда насчитывало приблизительно одну пятую населения штатов. Не было никакого представительства женщин, которые были приблизительно половиной населения, и конечно никакого представительства индейцев, землю которых все колонисты занимали»⁶.

Если афроамериканцы и индейцы тогда просто-напросто не считались людьми, то к белым простолюдям отношение американских элитариев было несколько иным – предложение наделить всех белых американцев правом избирать президента страны прямыми выборами встретило самый решительный отпор со стороны представителей верхушки страны. Один из них возмущенно заявлял, что теперь «голосовать могло каждое платящее налоги “лесное двуногое”»⁷. Как видно, из числа возможных подписантов «конституционного соглашения» было исключено так много социальных групп и слоев, что даже теоретически оно не может быть охарактеризовано в качестве общественного договора. В данном случае напрашивается иное определение – элитарный договор.

В поисках идейно-теоретических источников американских конституций и деклараций достаточно мыслители прошлого не раз обращались к общественно-политическому и правовому сознанию англичан – прямых предшественников американцев. Вот что по этому поводу писал Шарль Боржо – швейцарский историк и юрист: «Но сами эти американские конституции и эта декларация прав, по-видимому, весьма тесно связаны с народным договором (agreement of the people) войска Кромвеля (1647). Оно привыкло в своих конгрегациях считать себя настоящим источником религиозной власти, видимым и подлинным представителем Христа; привыкло избирать служителей культа и посредством избрания наделить их всеми надлежащими правами, и думало ввести в государстве демократию, верховенство народа, в особенности же понятие индивидуальной автономии». Налицо идея договорной, демократической теократии, обнародованная незадолго до Локка и его трактатов, но в самой Англии, так и оставшаяся несбыточной мечтой. Отмечая данное обстоятельство, Боржо продолжает: «Народный договор 1647 г. остался в проекте; но основная идея его вновь появляется у пуритан-беглецов, основателей Новой Англии. Эта идея служит базисом всех соглашений, которые они между собой заключали и которым суждено было впоследствии стать конституциями. Подписываясь под ними, они ставят непременно условием верховенство народа и абсолютную свободу совести. Таким образом, в корне индивидуалистического движения XVIII века лежит религиозная свобода, эмансипация верований»⁸. Легко заметить, что швейцарский ученый явно преувеличивал степень участия народных масс в конституционном процессе, не обращал он никакого внимания и на крайне узкий, сектантский характер пуританских соглашений. Не замечал Боржо и того, что вовсе не «народный договор», а система либеральных принципов американской конституций. Но он, безусловно, прав, когда подчеркивал религиозное происхождение конституционных идей, перенесенных в Америку пуританскими общинами.

Необходимо отметить и другую мысль: при всем богатстве англосаксонской договорной практики, при всем почтении англосаксов к ветхозаветной идее договорного происхождения государства, им приходилось вести бесконечные

войны с индейцами, чтобы создавать все новые и новые колонии на американской территории. Именно об этом, далеко не мирном и, соответственно, не договорном пути возникновения и развития американской государственности ярко пишет Синди Шихан: «Любая страна, родившаяся в насилии, будет управляться в насилии, и у США потребовалось немного времени, чтобы самостоятельно стать кровавой империей!» Она подчеркивает, что кровь, пот и слезы американских «цветных» стали строительным материалом для США. Особенно печальной оказалась судьба американских индейцев: «Земля была украдена у нашего местного населения, которое было или яростно лишено их земель или убито (те, кто не умирал от болезней белых). Таким образом, у нас есть страна, где местное население было приговорено к почти полному исчезновению в результате геноцида и замещению всех классом бывших рабов»⁹. Выходит, США развивались не от одного «общественного договора» к другому, а от геноцида краснокожих к геноциду чернокожих.

Пристатейный библиографический список

1. Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Российское право: учебник для вузов. М., 2007. 800 с.
2. Невинс А., Коммаджер Г. История США. От английской колонии до мировой державы / пер. с англ. В. Оболенского и Б. Прянишникова. Нью-Йорк, 1991. 442 с.
3. Раянов Ф. М. Философские концептуальные основы правового государства: Интервью с доктором юридических наук, профессором Института права Башкирского государственного университета // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 12-16.
4. Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 2001. 560 с.
5. Établissement et revision des constitutions en Amérique et en Europe / par Charles Borgeaud; ouvrage couronné par la Faculté de droit de Paris. Paris: Thorinetfils, 1893. 441 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ia801405.us.archive.org/31/items/tablissementettr00borggoog/tablissementettr00borggoog.pdf>. (дата обращения: 13.11.2018).
6. Myth America: The 20 Greatest Myths of the Robber Class and the Case for Revolution / by Cindy Sheehan. 2009.10.01. 216 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/MYHTWOFORCREATESPACE> (дата обращения: 13.11.2018).
7. Zinn H. Declarations of Independence: Cross-Examining American Ideology. New York: Harper Perennial, 1990. 244 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookfi.net/book/1298128>. (дата обращения: 03.11.2018).

⁶ Ibid. P. 190.

⁷ Невинс А., Коммаджер Г. Указ. соч. С. 111.

⁸ Établissement et revision des constitutions en Amérique et en Europe / par Charles Borgeaud; ouvrage couronné par la Faculté de droit de Paris. Paris: Thorinetfils, 1893. 441 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ia801405.us.archive.org/31/items/tablissementettr00borggoog/tablissementettr00borggoog.pdf> (дата обращения: 13.11.2018).

⁹ Myth America: The 20 Greatest Myths of the Robber Class and the Case for Revolution / by Cindy Sheehan. 2009.10.01. 216 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/MYHTWOFORCREATESPACE> (дата обращения: 13.11.2018).

ЧЕРНИКОВА Валентина Евгеньевна

доктор философских наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета

РОЛЬ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена выявлению корреляции между понятиями правового менталитета и правовой культуры с целью выяснения возможности научно обоснованного влияния на становление последней.

Ключевые слова: правовая культура, право, правовое регулирование, правовой менталитет.

CHERNIKOVA Valentina Evgenjevna

Ph.D. in Philosophy, professor of the North Caucasus Federal University

THE ROLE OF LEGAL MENTALITY IN THE FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article concerns the identifying the correlation between the concepts of legal mentality and legal culture in order to determine the possibility of a scientifically based influence on the formation of legal culture.

Keywords: legal culture, law, legal regulation, legal mentality.

Черникова В. Е.

Систематические исследования феномена отечественной правовой культуры уходят корнями во вторую половину двадцатого столетия. Характерно, что эти исследования совпали по времени с «увлечением» так называемой концепцией «социалистической правовой культуры», один из апологетов которой А. П. Семитко определял это понятие как «обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития юридических актов и иных текстов правового характера, уровне правовой деятельности, правосознания и в целом правового развития субъекта, а также степени гарантированной государством свободы поведения личности в единстве с ответственностью ее перед обществом»¹. Н. Л. Гранат уточняет, что правовая культура должна пониматься, как «образ мышления, нормы и стандарты поведения, а применительно к личности выражается в ее менталитете»². В структуре феномена правовой культуры ученые предлагали выделять «культуру законодательства» и «культуру поведения». Кроме того, принято было рассматривать этот феномен с двух сторон – в личном и общественном плане: как характеристику уровня развития правовых отношений на рассматриваемом этапе развития общества, а также, как индивидуализированную характеристику восприятия правовых норм и правового поведения личности.

Необходимым этапом философского анализа правовой культуры в контексте исследования ее связи с «правовым менталитетом» является исследование структуры этого феномена, т.е. принципов его внутренней организации. Анализ

структуры феномена отечественной правовой культуры позволяет выделить его основные элементы, их существенные внутренние связи, исследовать специфику механизмов обеспечения его целостности и изменчивости в процессе развития. Следует отметить, что данный вопрос является одним из наиболее дискуссионных в отечественной философской литературе. Так, например, А. П. Семитко выделяет в системе правовой культуры четыре подсистемы, располагая их по уровням: уровень правовых текстов, уровень правовой деятельности, уровень правосознания и уровень правового генезиса субъекта изучения³.

Учитывая высокую степень неопределенности приведенных выше трактовок рассматриваемого феномена, считаем целесообразным применить методологию подробно описанного ниже герменевтического подхода, в соответствии с которой правовая культура может быть представлена, как динамически развивающаяся, целостная социальная система, состоящая из расположенных иерархически относительно самостоятельных компонентов, каждый из которых, в свою очередь, обладает признаками подсистемы.

Базовым компонентом структуры правовой культуры следует считать право. Структурными элементами этого компонента, как подсистемы, являются: отрасль (и подотрасли) права; правовые нормы; институты (и субинституты) права. Следующим по значимости структурным компонентом правовой культуры является правосознание. Именно с ним большинство исследователей связывают интересующее нас понятие «правовой менталитет». Чаще всего этот компонент в научной литературе определяется как часть (вид) общественного сознания, содержанием которого являются взгляды, убеждения, идеи, которые относятся к правовой сфере. По мнению многих исследователей, правосознание выражается в

1 Семитко А. Л. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. - 1992. - № 10. - С. 33.

2 Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. - 1998. - № 11/12. - С. 24.

3 Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. - Свердловск, 1990. - С. 17-20.

форме правовой психологии и правовой идеологии. Здесь важно отметить, что первая характеристика явно относится к свойствам личности, тогда, как вторая характеризует общественное явление. В отношении предмета рефлексии выделяют несколько сфер правосознания, которые соответствуют различным отраслям права (различным правовым отношениям). Имеются в виду гражданское, трудовое, уголовное, административное право. В плане глубины отражения следует разделять два уровня – уровни обыденного (бытового) и теоретического правосознания. По широте распространения различных видов отражения правосознание подразделяется на локальное, специальное (профессиональное) и массовое. Следует отметить, что ряд исследователей формулируют в этой связи свои подуровни. Так, например, Г. Х. Ефремова и А. Р. Ратинов справедливо, на наш взгляд, предполагают наличие дополнительных локальных элементов правосознания, которые носят региональный характер, обусловленный местными особенностями, что не противоречит общей картине в рамках принятого методологического подхода⁴.

Правовая культура, как и любой историко-философский феномен, объективно должен проявляться в деятельности в сфере. В нашем случае – это правоохранительная, правоприменительная и правотворческая области деятельности госорганов. В отношении личности такую деятельность принято называть правовым поведением.

Рассмотрение правовой культуры невозможно без определения ее базовых функций (без чего модель этого социально-правового феномена была бы не полной). В наиболее аргументированном виде, на наш взгляд, функции правовой культуры описала Е. А. Певцова⁵. Среди них:

- ценностно-нормативная;
- праворегулятивная;
- познавательно-преобразовательная;
- правосоциализаторская;
- коммуникативная;
- прогностическая.

Правосознание, как структурная единица правовой культуры, являясь одной из форм общественного сознания, в наибольшей степени, логически связанной с интересующим нас понятием «правовой менталитет», представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений индивидуумов, их объединений, и общества в целом. Это часто называют оценочным отношением людей к действующему (и прошлому) законодательству, идей по его совершенствованию, справедливости и т.п. Правосознание следует рассматривать в историческом контексте. Оно связано с другими формами общественного сознания – научным, философским, этическим, эстетическим, религиозным.

Среди функций правосознания отмечают: регулятивную, прогностическую, гносеологическую.

По составу правосознание принято подразделять на: индивидуальное, групповое, общественное. Общественное правосознание принято характеризовать, как

сумму накопленных цивилизацией оценок, знаний, представлений о праве. Коллективное правосознание отражает представления отдельных (достаточно широких) социальных слоев населения, подразделяемых по различным основаниям (сословия, возраст, вера, социальный статус и т.д.). Групповое правосознание направлено на выражение интересов того или иного объединения (профессионального сообщества). Индивидуальное правосознание – это совокупность взглядов, убеждений и установок отдельного человека. Будучи непредназначенным для охвата всего комплекса правовых отношений в сообществе, оно отражает лишь их наиболее значимые, существенные черты.

По основанию «глубина», или «степень научности» компонент «правосознание» может быть подразделен на уровни сознания: научный (теоретический) и обыденный (бытовой). Научное (теоретическое) правосознание означает взгляды, концепции, теории, выражающие в обобщенном виде осмысление идей в области права. Оно выступает в качестве первостепенного в определении перспектив развития общества, законодательства, направлений совершенствования конституционно-правовой политики, проведения всевозможных реформ.

Обыденное правосознание выражает представления людей, их оценочные суждения и даже эмоции по поводу законности, справедливости и поведенческих стереотипов. Они формируются в условиях повседневной жизни людей, в соответствии с их личным практическим опытом. Конечно, они носят чисто эмпирический характер и сводятся, в основном, к обиходным представлениям, оценкам, навыкам бытового поведения, определяемым ежедневными нуждами.

Некоторые исследователи в дополнение к перечисленному добавляют некоторые промежуточные – специализированный, профессиональный и т. п.

Однако, это не позволяет раскрыть принципиальные особенности взаимосвязи рассматриваемых нами понятий «правовой культуры» и «правового менталитета».

Рассмотренное выше не позволяет сделать вывод об однозначности роли и места «правового менталитета» в развитии (становлении) «правовой культуры». Возможно, это связано с многообразием трактовок рассматриваемых нами понятий.

При таком подходе правовой менталитет – это одно из проявлений правовой культуры общества. Соответственно, возникает вопрос о соотношении понятия «правовой менталитет» с категорией «правовая культура». И здесь оказывается, что и по своей структуре, и по своему содержанию правовая культура и юридический менталитет во многом совпадают. Правовой менталитет и правовая культура, по мнению Л. А. Морозовой, являются одним и тем же правовым явлением, просто по-разному оцениваемым в зависимости от конкретных условий⁶.

Для лучшего понимания сути правового менталитета целесообразно образно соотнести его с правосознанием и правовым мышлением. Правовую сферу духовного мира общества органично дополняет правовой менталитет. Правовой менталитет находится внутри этой правовой

4 Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. - Красноярск, 1988. - 188 с.

5 Певцова Е. А. Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже 20-21 веков. - М., 2003. - 211 с.

6 Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. - М.: Эксмо, 2010. - С. 433.

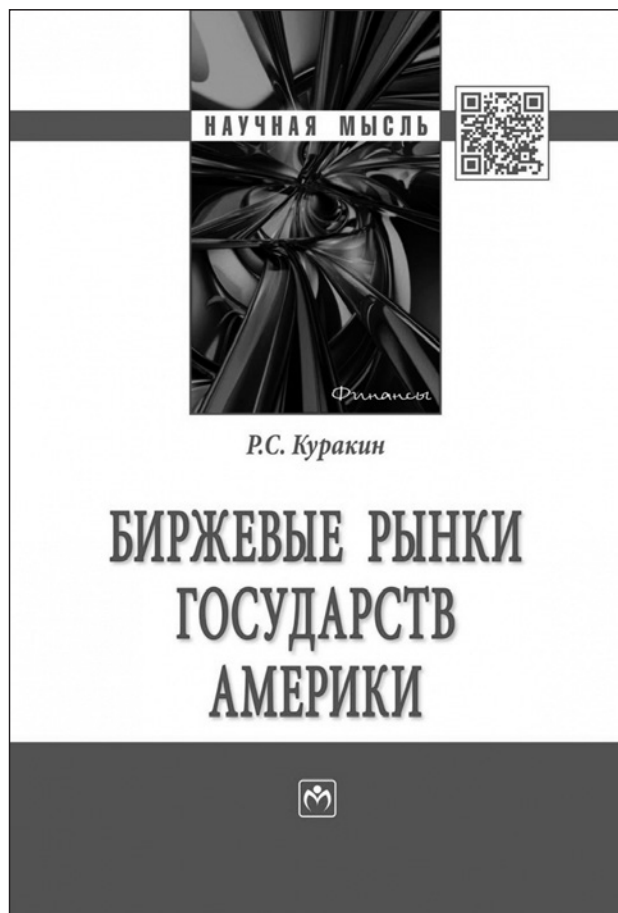
сферы, является ее ядром, основополагающим и системообразующим началом. Несколько большим по объему, является правосознание. Правовое мышление, по объему, еще больше правосознания. Все они являются духовной (нематериальной) частью правовой культуры общества. Чем больше сфера по объему, тем содержание ее изменяется динамичнее, меньше времени необходимо для формирования того или иного правового процесса, ведь каждое правовое явление рассматривается в определенных временных рамках, именно в тех, в которых проходит процесс появления, развития и перехода в другую форму под воздействием внешних факторов. Так, в словаре «Современная западная философия» определение «менталитет» раскрывается через парные понятия: сознательное – бессознательное. «Ментальность, менталитет – глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное»⁷. Данное положение «натолкнуло» нас на мысль о возможности использования методологических подходов в рамках герменевтики. Обобщая применение данного подхода следует руководствоваться следующим: «Коррелятом понимания в социальной коммуникации является непонимание. Причем речь идет не о тех случаях непонимания, в основе которых лежит неразвитая способность суждения, а об экзистенциальном непонимании, т. е. о невозможности принятия системы смыслов»⁸. Д. В. Меняйло дает следующее определение правового менталитета. «Правовым менталитетом являются исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности, системы мировоззренческих представлений, оцениваний и реагирований на объекты государственно-правовой действительности»⁹.

Таким образом, в ходе проведенного нами анализа исследований, проведенных в области закономерностей формирования правовой культуры было однозначно выявлено существование корреляции между категориями «правовая культура и «правовой менталитет».

Безусловно, правовой менталитет качественно влияет на правовое сознание и мышление, там самым определяя «юридическую деятельность и правовое поведение» субъектов правоотношений. При этом оказалось затруднительным определить количественные показатели взаимовлияния, позволяющие делать научно обоснованные прогнозы. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что рассматриваемые категории являются «разноуровневыми». Эту мысль наиболее ярко выразил в своей монографии, посвященной данному вопросу, авторитетный исследователь Д. В. Меняйло: «Для правового менталитета временные рамки измеряются веками, для правосознания – годами, для правового мышления – мгновениями»¹⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. - 1998. - № 11/12.
2. Малинова И.П. Философия правотворчества. - Екатеринбург, 1996.
3. Меняйло Д. В. Российский правовой менталитет: Монография. - Белгород: БелЮИ МВД России, 2005.
4. Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н., Иванова Ю. А. Понятие «правовой менталитет» в работах отечественных ученых // Вестник московского университета МВД России. - 2018. - № 2. - С. 219-222.
5. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. - М.: Эксмо, 2010.
6. Певцова Е. А. Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже 20-21 веков. - М., 2003. - 211 с.
7. Ратинов А. Р., Ефремова Г.Х. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. - Красноярск, 1988. - 188 с.
8. Семитко А. Л. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. - 1992. - № 10.
9. Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. - Свердловск, 1990.
10. Современная западная философия: словарь. - М., 1991.

7 Современная западная философия: словарь. - М., 1991. - С. 176.

8 Малинова И. П. Философия правотворчества. - Екатеринбург, 1996. - С. 24, 76.

9 Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н., Иванова Ю. А. Понятие «правовой менталитет» в работах отечественных ученых // Вестник московского университета МВД России. - 2018. - № 2. - С. 219-222.

10 Меняйло Д. В. Российский правовой менталитет: Монография. - Белгород: БелЮИ МВД России, 2005. - С. 24.

ГАБРИЛЯН Роман Русланович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета

МЕЛЕКАЕВ Руслан Курманович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЁНЫХ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОВОГО ОБЫЧАЯ КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА

Настоящая статья посвящена анализу исследований концепций «обычай» и «обычное право» народов Южно-Тихоокеанского региона в научных трудах зарубежных учёных, анализируются подходы к определению как указанных понятий, так и сопутствующей терминологии. Авторами выделяется круг наиболее важных научных работ, посвящённых обычному праву народов Океании.

В статье раскрываются актуальные вопросы, касающиеся обычного права народов Южно-Тихоокеанского региона, такие как: признание обычаев на официальном уровне, использование обычаев в судебном процессе, роль как глав общин, так и рядовых членов общин в различных сферах действия обычно-правовых норм. Делается вывод о положительном опыте правового плюрализма в рассматриваемом регионе, о влиянии обычного права на позитивное право, например, в области разрешения правовых конфликтов. Приводятся доводы о необходимости дальнейшего исследования концепций «обычай» и «правовой обычай» применительно к народам Океании.

Научная новизна работы состоит в анализе зарубежной научной литературы, посвящённой обычному праву народов Южно-Тихоокеанского региона, ранее не исследованной в отечественной юридической науке.

Ключевые слова: обычное право, обычай, правовой спор, правовой плюрализм, Океания, Южно-Тихоокеанский регион.

GABRILYAN Roman Ruslanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the North Caucasus Federal University

MELEKAYEV Ruslan Kurmanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the North Caucasus Federal University

DOCTRINAL APPROACHES OF FOREIGN SCHOLARS TO THE STUDY OF CUSTOM AS A SOURCE OF LAW

The presented paper covers the analysis of a study of the concepts of "custom" and "customary law" of the peoples of the South Pacific region in the scientific research of foreign scholars, analyses approaches to the definition of both these concepts and the concomitant terminology of the topic. The authors distinguish the scope of the most famous scientific works on the customary law of the peoples of Oceania.

The article highlights the most topical issues concerning the customary law of the peoples of the South Pacific region, such as the recognition of customs at the official level, the use of customs in the judicial process, the role of both heads of community and local community members in various areas of customary law. The conclusion is made about the positive experience of legal pluralism in the region, the influence of customary law on positive law, for example, in the field of resolving legal conflicts. Arguments are given on the need to further study the concepts of "custom" and "legal custom" in relation to the peoples of Oceania.

The scientific originality of the research lies in the analysis of foreign scientific literature on the customary law of the peoples of the South Pacific region, which was not previously studied in domestic legal science.

Keywords: customary law, custom, legal pluralism, Oceania, South Pacific.

Обычай является самым ранним источником права у различных народов всего мира. С древнейших времён он привлекает внимание исследователей к себе, тем не менее, он постепенно отодвигался на второстепенные роли в результате эволюции англо-саксонской и континентальной правовых семей. Тем не менее, Девятнадцатый и следующий двадцатый века вызвали интерес к традиционным обществам и их обычаям. Это произошло, в основном, благодаря выдающимся антропологам права, начиная от отца-основателя юридической антропологии сэра Генри Джеймса Самнера Мэна до знаменитых учёных, обогативших данную междисциплинарную науку, таких как Льюис Генри Морган, Бронислав Малиновский, Эдвард Аддамсон Хебель, Карл Ллевеллин, Роберт Лоуи, Пол Боханнан и Макс Глакман.

Обычное право относится не только к правовой сфере, более того, обычай является структурным элементом различных нормативных регуляторов жизни людей, таких как мораль, этикет и политика. Эту точку зрения поддерживает

Бронислав Малиновский. Его «Преступление и обычай в диком обществе» (1926) – первое видное исследование в обычном праве. Обычно-правовые нормы всегда соблюдались, хотя, как писал Малиновский, они не поддерживались юридическими санкциями, поскольку никто не требовал их соблюдать, но они соблюдались и продолжали играть важную роль в жизни различных общин. Однако, по словам Малиновского, в обычном праве имеется такая важная особенность как санкция, и обычаи должны быть юридически санкционированы, то есть оснащены определённым механизмом правоприменения. Санкция должна не только выступать как наказание, но позитивно побуждать к соблюдению¹. Данный вопрос поднимался и ранее, так, Лоуи в «Примитивном обществе» (1920) утверждал, что обычно-правовые нормы со-

1 Hogbin I. Law and Order in Polynesia: A Study of Primitive Legal Institutions. Hamden, 1961.

блюдаются с большим энтузиазмом, чем современные позитивные нормы (законы).

Как справедливо заметил Леон Шелефф, мы не должны забывать, что, обычай был тесно связан с правом в течение длительного процесса его развития, и, даже, такая правовая система, как общее право, также основывается на обычном праве².

Неоценимый вклад в юридическую антропологию внес Генри Мэн в труде «Древнее право» (1861 г.); Бронислав Малиновский в изданиях «Острова Тробриан» (1915 г.) и «Преступность и обычай в диком обществе» (1926 г.); Альфред Рэдклифф-Браун в работе «Структура и функция в примитивном обществе» (1952); Айан Хогбин в труде «Закон и порядок в Полинезии: исследование примитивного правового института» (1934, 1961); Адамсон Хобел в исследовании «Право первобытного человека» (1954); Пол Боханнан в монографии «Социальная антропология» (1963); Макс Глакман в работе «Политика, право и ритуал в племенном обществе» (1965); Салли Фолк Мур в книге «Право как процесс: антропологический подход» (1978); и Норбер Рулан в своём главном труде «Юридическая антропология» (1994).

К сожалению авторов, многие современные ученые и практики считают исследование обычного права излишним, рассматривая его только как устаревшее, примитивное право. Отмечая данный факт, Леон Шелефф сделал превосходное замечание в известной в англоязычной научной среде, монографии «Будущее традиции: обычное право, общее право и правовой плюрализм»: «Племенные обычаи часто затрагивают самые деликатные чувства законодателей, политиков, судей, учёных, работников, администраторов, то всех тех, кому предоставлено право определять разрешать ли легитимность обычаев...». Он блестяще заметил, что они обычно реагируют двумя способами – искоренять их или игнорировать их³.

Серьезной проблемой является определение понятия «обычное право». Как отмечает Дженнифер Коррин Кеа, без общепризнанного понятия, обычное право не станет активной частью официальной правовой системы⁴.

Термины «народное право» (folk law)⁵ и «традиционное право» (traditional law)⁶ в англоязычной научной литературе обычно используются наряду с термином «обычное право» (хотя Н. Рулан утверждал, что обычное право можно именовать «традиционным правом» только до колонизации и аннексии различных территорий европейцами)⁷. В зарубежной научной литературе до 80-х годов двадцатого столетия, обычное право именовалось «примитивным правом»⁸. Ученые также используют термины «неписаное право» и «неофициальное право» в отношении обычного права (последний даже используется в названии международного научного журнала

«Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law» – «Журнал правового плюрализма и неофициального права»). Обычно-правовой Совет Территории Новая Каледония предпочитает использовать термин «обычные нормы», а не «обычное право», и заявил, что основное различие между обычными нормами и официальным правом состоит в том, что обычные нормы имеют только устную форму, а также имея священные корни, они передаются от одного поколения к другому⁹.

У южно-тихоокеанских народов имеются свои собственные наименования обычного права, например, маори используют термин «tikanga», самоанцы «agaifanua», тонганы «angafakafonua», а меланезийцы используют слово на пиджин «kastom».

Океания является уникальным регионом мира. Право островных государств южной части Тихого океана привлекает исследователей на протяжении многих лет. Наиболее заметным трудом подобных исследователей «Введение в право Южной части Тихого океана» (2011 г.) Д. Патерсона и Дж. Коррин, который охватывает широкий спектр права государств и территорий Тихого океана от обычного права до позитивного уголовного, семейного, земельного, конституционного, административного, земельного, договорного и деликтного права, а также судебные системы государств.

Нельзя не согласиться с мнением К. Брауна о том, что, несмотря на то, что исследования в области обычного права сейчас переживают новую волну популярности, имеется еще много пробелов в его изучении, особенно в южной части Тихого океана¹⁰. Изучение обычного права этого чрезвычайно разнообразного региона обычно касается одной страны или одного субрегиона.

В доколониальную эпоху все южно-тихоокеанские традиционные общества управлялись собственными обычаями¹¹. Некоторые из них по-прежнему уважают свои обычаи, более того, обычное право чрезвычайно важно для населения этих стран. Например, около 95% меланезийцев склонны жить по обычаям¹². Для таких сфер, как землевладение, семейные отношения, наследование, а также разрешение конфликтов, обычно-правовые нормы имеют решающее значение¹³. Так, относительно Республики Вануату Р. Тонкинсон заявил, что «на символическом уровне ... обычай сохраняет свое видное место в национальном сознании»¹⁴. Среди полинезийских наций обычное право определяет национальное самосознание, например, новозеландский народ маори, чья борьба за право собственности на прибрежную зону и морское дно привела к принятию Закона Новой Зеландии 2004 года «The Foreshore and Seabed Act» («О береговой линии и морском дне»), который был заменен Законом 2011 года «Marine and Coastal Area (Takutai Moana) Act» («О морских и прибрежных территориях»). Тем не менее, право маори всё

2 Sheleff L. The future of tradition: Customary law, Common law and legal pluralism. London: Frank Cass, 2000.

3 Там же.

4 Corrin Care J., Wisdom & worthy customs: Customary law in the South Pacific // Reform. 2002. 80.

5 Dundes Renteln A., Dundes A. (eds) Folk Law: Essays in the Theory and Practice of Lex Non Scripta, Volumes I and II. New York and London: Garland Publishing Inc, 1994.

6 Gluckman M. African traditional law in historical perspective. London: Oxford University Press, 1974.

7 Rouland N. Custom and the law // De Deckker P., Faberon J.-Y. (eds) Custom and the Law. Canberra: Asia Pacific Press, 1995.

8 Diamond A.S. Primitive Law, Past and Present. London: Methuen, 1971; Hoggbin H.I. Law and order in Polynesia: A study of primitive legal institutions. New York: Copper Square Publishers Inc, 1972; Powell J.W. Certain Principles of Primitive Law // Science. 1884. Vol. 4(92).

9 The Customary Council of the Territory of New Caledonia. Customary rules in New Caledonia // De Deckker P., Faberon J.-Y. (eds) Custom and the Law. Canberra: Asia Pacific Press, 1995.

10 Brown K. Reconciling Customary Law and Received Law in Melanesia: The Post-Independence Experience in Solomon Islands and Vanuatu. Darwin NT: Charles Darwin University Press, 2005.

11 Zorn J.G. Custom the changing then and now: Melanesian family // Jowitt A., Newton Cain T. Passage of Change: Law, Society and Governance in the Pacific. Canberra: ANU E Press, 2011, online ed.

12 Brown K. Reconciling Customary Law and Received Law in Melanesia: The Post-Independence Experience in Solomon Islands and Vanuatu. Darwin NT: Charles Darwin University Press, 2005.

13 Там же.

14 Tonkinson R. Vanuatu Values: A Changing Symbiosis // Pacific Studies. 1982. Vol. 5 (2).

ещё рассматривается с позитивистской точки зрения, что несколько странно, так как справедливо замечает Ричард Бост: «Это настолько удивительно, ибо новозеландские суды признали, что обычное право маори является частью общего права Новой Зеландии»¹⁵. Обращает на себя внимание монография «Lo bilong yumi yet = Law and custom in Melanesia» (Наше право = Право и обычай в Меланезии), в которой, превосходно отмечено автором, Бернардом Нарокоби, что «обычай действует как обоюдоострый меч, продолжая смягчать то, что в противном случае должно было быстро измениться и, в то же время, выступает катализатором перемен»¹⁶.

Некоторые исследования последних лет, посвященные обычаю и праву меланезийских и полинезийских стран, рассматривают обычаи в качестве чрезвычайно важных социальных регуляторов. Например, «Введение в право южной части Тихого океана» (2011 г.) Д. Патерсона и Дж. Коррин Кеа, как упоминалось ранее, имеет большое значение для всех исследователей. Данный труд содержит главу об обычном праве южно-тихоокеанских народов. Кроме того, в этой книге исследуется очень важный вопрос рассмотрения обычаев как источников права со стороны государства. Другие главы также содержат частые отсылки к обычаям. Авторами этой книги была проделана значительная работа в области изучения вопроса официального признания обычного права южно-тихоокеанскими странами. По их утверждению, большинство стран и территорий (Фиджи, Новая Каледония, Вануату, Новая Зеландия и Самоа), которые признали обычное право в качестве источника права, за исключением Королевства Тонга¹⁷. Вопрос признания имеет важное значение для обычного права. Ричард Бост в книге «Земельное право маори» (2004) использовал термин «обычное право», чтобы показать точное соответствие неписаных обычаев и законов позитивных. Обычное право маори рассматривается как неотъемлемая часть общего права Новой Зеландии¹⁸. Дональд Патерсон и Дженнифер Коррин Кеа не упоминают Тонга как страну, которая признает обычное право в качестве источника права, тем не менее, следует принять во внимание, что обычно-правовые нормы сыграли роль одного из источников конституции Тонга 1875 года (старейшей конституции в южной части Тихого океана), тем самым получив государственное признание в качестве писаного права¹⁹.

Роль вождей и вопрос разрешения конфликтов – значимые проблемы, потому что они тесным образом связаны с применением обычного права. Вожди являются ключевыми фигурами в обществе коренных народов, поскольку они несут ответственность за урегулирование споров, связанных с обычаями²⁰. Как отмечала Миранда Форсайт в книге «Птица, которая летает при помощи двух крыльев: Обычай и система государственного правосудия в Вануату» (2009), необходимо уйти от подхода, государство-ориентированного, который не привел к более стабильной, способной решать проблемы судебной системы. Действительно, весь потенциал обычного права должен быть использован, включая все обычно-право-

вые подходы, связанные с разрешением конфликтов, и поэтому, правовая система государства должна включать в себя обычно-правовую систему, в особенности, в таких государствах, как Вануату²¹. Канакские народы Новой Каледонии не имеют понятия «вождь», так как для обозначения вождя ими используется термин «старший брат» или «старший сын», который показывает особую роль этой ключевой фигуры в повседневной жизни²². S.Va'ai в книге «Samoa Faamatai and the Rule of Law» (1999) приводит выражение «O Samoa ua maona tofi», что означает «Учреждения Самоа назначены» в качестве ключевого принципа самоанских традиций. Традиционная система управления – fa'amatai происходит из системы управления семьей. Matai можно обнаружить на всех уровнях от семьи до государства²³. Некогда у matai них была абсолютная власть, но времена изменились²⁴.

Правовой плюрализм, играет важную роль в современной южной части Тихого океана. В настоящее время «идеи мультикультурализма и правового плюрализма дают надежду на новую повестку дня»²⁵. Этот важный подход подробно исследовал Леон Шелефф в «The Future of tradition: Customary law, Common law and legal pluralism» («Будущее традиции: обычное право, общее право и правовой плюрализм» (2000 год) и У. Тай в «Legal pluralism: toward a multicultural conception of law» («Правовой плюрализм: к поликультурной концепции права» (1999).

Проведённое нами исследование показывает неоднозначность подходов к определению обычая и обычного права, демонстрирует ключевые аспекты обычного права, к изучению которых прибегали и прибегают зарубежные учёные. Данное исследование продолжает курс, взятый авторами настоящей статьи на исследование обычного права народов Океании²⁶. Осуществленный нами (впервые в отечественной науке) анализ демонстрирует необходимость дальнейшего исследования как обычного права народов Океании, так и зарубежных правовых доктрин, и научных трудов, посвящённых обычному праву народов Южно-Тихоокеанского региона, что, несомненно может обогатить отечественную теоретико-правовую и историко-правовую науки, а также такую междисциплинарную науку, как антропология права. Современное право, как и многие другие сферы жизнедеятельности общества, испытывает влияние глобализационных процессов, что приводит к унификации норм права²⁷. Дан-

15 Boast R. Maori Land Law. Wellington: Lexis Nexis, 2004.

16 Narokobi B. Lo bilong yumi yet = Law and custom in Melanesia. Goroka, Papua New Guinea: Melanesian Institute for Pastoral and Socio-Economic Service, University of the South Pacific, 1989.

17 Corrin Care J., Paterson D. Introduction to South Pacific law (3rd ed), South Yarra, Vic.: Palgrave Macmillan, 2011.

18 Boast R. Maori Land Law. Wellington: Lexis Nexis, 2004.

19 Corrin Care J., Paterson D. Introduction to South Pacific law (3rd ed), South Yarra, Vic.: Palgrave Macmillan, 2011.

20 Wesbroit D. Law and native custom in Vanuatu // Law and Anthropology. 1988. Vol. 3.

21 Forsyth M. A Bird that Flies with Two Wings: The Kastom and State Justice Systems in Vanuatu. Canberra: ANU Press, 2009.

22 The Customary Council of the Territory of New Caledonia. Customary rules in New Caledonia // De Deckker P., Faberon J.-Y. (eds) Custom and the Law. Canberra: Asia Pacific Press, 1995.

23 Vaai S. Samoa Faamatai and the Rule of Law. Samoa: The National University of Samoa, 1999.

24 Powles C.G. The Status of customary law in Western Samoa. Wellington: Victoria University of Wellington, 1973.

25 Tonkinson R. Vanuatu Values: A Changing Symbiosis // Pacific Studies. 1982. Vol. 5 (2).

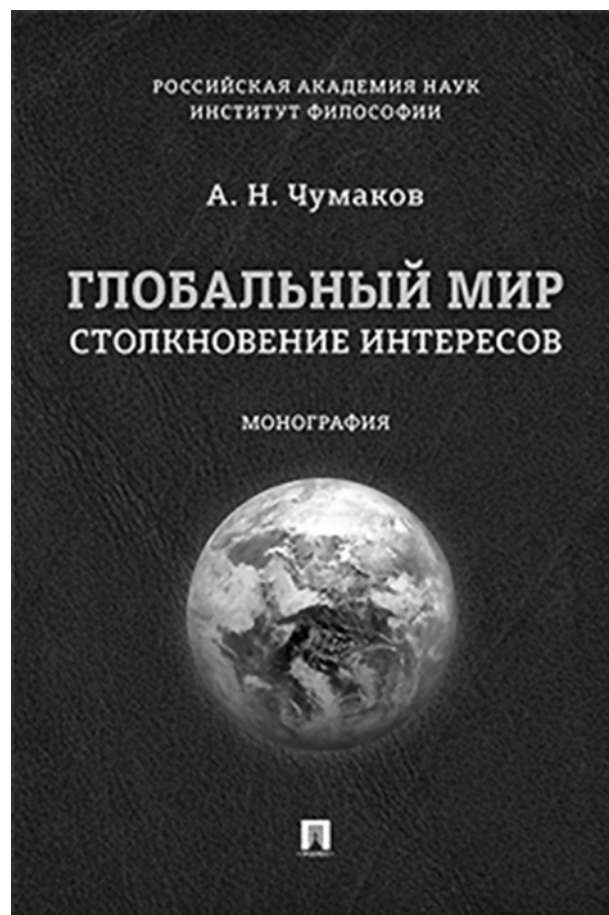
26 Габрилян Р. Р. Проблемы обычно-правового регулирования семейно-брачных отношений в государствах и территориях Океании в колониальный и постколониальный периоды // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Воронеж, 2014. С. 19-21; Klyukovskaya I. N., Demchenko T. I., Gabrilyan R. R., Kardanova A. K., Popova L. A. Legal conflicts resolution in customary law of peoples of the world // Man in India. 2018. 97(22). Pp. 243-258.

27 Klyukovskaya I. N., Cherkashin E. Y., Gabrilyan R. R., Semenov V. Y., Melekayev R. K. Methodological Basis of the Theoretical and Legal Research of Integration Processes in Modern States // International Journal of Engineering & Technology. 2018. 7 (4.38). Pp. 261-264.

ное обстоятельство ещё более актуализирует исследования в области обычного права различных народов мира.

Пристатейный библиографический список

1. Габрилян Р. Р. Проблемы обычно-правового регулирования семейно-брачных отношений в государствах и территориях Океании в колониальный и постколониальный периоды // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Воронеж, 2014. С. 19-21.
2. Boast R. Maori Land Law. Wellington: Lexis Nexis, 2004.
3. Brown K. Reconciling Customary Law and Received Law in Melanesia: The Post-Independence Experience in Solomon Islands and Vanuatu. Darwin NT: Charles Darwin University Press, 2005.
4. Corrin Care J., Wisdom & worthy customs: Customary law in the South Pacific // Reform. 2002. 80.
5. Corrin Care J., Paterson D. Introduction to South Pacific law (3rd ed), South Yarra, Vic.: Palgrave Macmillan, 2011.
6. Diamond A. S. Primitive Law, Past and Present. London: Methuen, 1971.
7. Dundes Renteln A., Dundes A. (eds) Folk Law: Essays in the Theory and Practice of Lex Non Scripta, Volumes I and II. New York and London: Garland Publishing Inc, 1994.
8. Forsyth M. A Bird that Flies with Two Wings: The Custom and State Justice Systems in Vanuatu. Canberra: ANU Press, 2009.
9. Gluckman M. African traditional law in historical perspective. London: Oxford University Press, 1974.
10. Hogbin H. I. Law and order in Polynesia: A study of primitive legal institutions. New York: Copper Square Publishers Inc, 1972.
11. Klyukovskaya I. N., Demchenko T. I., Gabrilyan R. R., Kardanova A. K., Popova L. A. Legal conflicts resolution in customary law of peoples of the world // Man in India. 2018. 97(22). Pp. 243-258.
12. Klyukovskaya I. N., Cherkashin E. Y., Gabrilyan R. R., Semenov V. Y., Melekayev R. K. Methodological Basis of the Theoretical and Legal Research of Integration Processes in Modern States // International Journal of Engineering & Technology. 2018. 7 (4.38). Pp. 261-264.
13. Hogbin I. Law and Order in Polynesia: A Study of Primitive Legal Institutions. Hamden, 1961.
14. Narokobi B. Lo bilong yumi yet = Law and custom in Melanesia. Goroka, Papua New Guinea: Melanesian Institute for Pastoral and Socio-Economic Service, University of the South Pacific, 1989.
15. Powell J.W. Certain Principles of Primitive Law // Science. 1884. Vol. 4(92).
16. Powles C.G. The Status of customary law in Western Samoa. Wellington: Victoria University of Wellington, 1973.
17. Sheleff L. The future of tradition: Customary law, Common law and legal pluralism. London: Frank Cass, 2000.
18. Rouland N. Custom and the law // De Deckker P., Faberon J.-Y. (eds) Custom and the Law. Canberra: Asia Pacific Press, 1995.
19. The Customary Council of the Territory of New Caledonia. Customary rules in New Caledonia // De Deckker P., Faberon J.-Y. (eds) Custom and the Law. Canberra: Asia Pacific Press, 1995.
20. Tonkinson R. Vanuatu Values: A Changing Symbiosis // Pacific Studies. 1982. Vol. 5(2).
21. Vaai S. Samoa Faamatai and the Rule of Law. Samoa: The National University of Samoa, 1999.
22. Wesbroit D. Law and native custom in Vanuatu // Law and Anthropology. 1988. Vol. 3.
23. Zorn J.G. Custom the changing then and now: Melanesian family // Jowitt A., Newton Cain T. Passage of Change: Law, Society and Governance in the Pacific. Canberra: ANU E Press, 2011, online ed.

СИДОРОВ Сергей Александрович

доктор политических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Всероссийского государственного университета юстиции, г. Хабаровск

АБУБАКИРОВ Сергей Валерьевич

преподаватель кафедры административного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции, г. Хабаровск

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЗА НЕЗАКОННУЮ РАЗРАБОТКУ ЖИВЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ КONTИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье исследована проблема квалификации преступлений за незаконную разработку живых природных ресурсов исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации и предложены пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: ННН-промысел, ущерб, континентальный шельф, исключительная экономическая зона, разработка ресурсов, водные биоресурсы, уголовная ответственность.

SIDOROV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of General legal disciplines sub-faculty of the All-Russian State University of Justice, Khabarovsk

ABUBAKIROV Sergey Valerjevich

lecturer of Administrative and international law sub-faculty of the All-Russian State University of Justice, Khabarovsk

QUALIFICATION OF CRIMES FOR THE ILLEGAL DEVELOPMENT OF THE LIVING NATURAL RESOURCES OF THE CONTINENTAL SHELF AND THE EXCLUSIVE ECONOMIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The article investigates the problem of qualification of crimes for illegal development of living natural resources of the exclusive economic zone and the continental shelf of the Russian Federation and proposes solutions to this problem.

Keywords: IUU fishing, damage, continental shelf, exclusive economic zone, resource development, water bioresources, criminal liability.

Проблема незаконного, несообщаемого и нерегулируемого (ННН) промысла водных биоресурсов остро стоит во всем мире. ННН-промысел ежегодно отнимает у мировой экономики от 10 до 23,5 миллиардов долларов США. Впервые термин «ННН промысел» (англ. IUU fishing) упомянут в Повестке дня на XXI в., которая была принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г.¹ В гл. 17 этого документа упоминается наличие нерегулируемого рыболовства и содержится призыв к международному сообществу предпринять срочные меры на двустороннем, субрегиональном и региональном уровне для разрешения проблем управления рыбными ресурсами, в частности далеко мигрирующими и трансграничными видами. Концепция развития рыбного хозяйства РФ на период до 2020 г. (одобрена распоряжением Правительства РФ от 2 сентября 2003 г. № 1265-р) предусматривает создание организационных и правовых предпосылок для стимулирования работы российского промыслового флота в исключительных экономических зонах иностранных государств, в районах действия международных конвенций по рыболовству и в открытых районах Мирового океана.

В соответствии с государственной программой развития рыбного хозяйства РФ до 2020 г. будет увеличен объем вылова водных биоресурсов к 2020 г. до 6,156 млн т с 4 млн т в 2011-2012 гг.; объем производства продукции аквакультуры – до 410 тыс. т со 140 тыс. т в 2011 г.; выпуск рыбных продуктов – до 5,25 млн т. Доля отечественной рыбной продукции на внутреннем рынке должна достигнуть 85 %

против 77-78 % в настоящее время; потребление рыбы и рыбопродуктов в РФ в 2020 г., как ожидается, достигнет 28 кт против 21,5 кт в 2011 г.

Общая численность рыболовного флота составила 4,36 млн судов. Самым крупным является флот Азии (3,18 млн судов), Африки (11 %), Латинской Америки и Карибского бассейна (8 %), Северной Америки (13 %) и Европы (3 %). В течение 2013-2014 гг. восемь стран (Китай, РФ, Чили, Индия и др.) вылавливали в среднем более 1 млрд т в год, а в сумме на их долю приходилось более 76 % глобального вылова морского рыболовства. Причем 11 из этих стран находятся в Азии (включая РФ, которая намного больше ловит в Тихом океане, чем в Атлантике)².

По данным ФАО³ в 2017 г. общий объем добычи рыбы и морепродуктов достигает 171 млн т., тогда как в 2016 90,9 млн т. В докладе ФАО «Состояние мирового рыболовства и аквакультуры» сообщается о том, что к 2030 году производство рыболовства и аквакультуры вырастет до 201 млн т.⁴ Ежесекундно из Мирового океана разворовывается до 9 тонн морепродуктов⁵.

2 См.: Доклад Генерального секретаря ООН «Мировой океан и морское право». 69-я сессия. Дос. А/69/71.21. March. 2014.

3 Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН.

4 ФАО представила обзорный доклад о состоянии мирового рыболовства и аквакультуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fishretail.ru/news/fao-predstavila-obzorniy-doklad-o-sostoyanii-387790> (дата обращения: 14.12.2018).

5 Проблема ННН промысла водных биологических ресурсов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawinrussia.ru/content/problema-nezakonnogo-nesoobshchaemogo->

1 См.: Подробнее об истории ННН промысла см.: Palma M., Tsamenyi M., Edeson W. Op. cit. P. 25-54.

Анализ расширения масштабов промысла азиатскими странами показывает, что районами с самыми высокими темпами роста вылова остаются северо-западная и центрально-западная части Тихого океана. По данным экспертов, ежегодно из Мирового океана разворовывается до 9 тонн морепродуктов. Ежегодный ущерб от браконьерства в России превышает 10 млрд рублей, положение ухудшается также развитием интернет-торговли результатами незаконного промысла.

Негативные последствия ННН-промысла очевидны: научно обоснованное управление рыбными хозяйствами оказывается невозможным, поскольку квоты на вылов и другие меры попросту игнорируются; перекрываются налоговые поступления в казну государств и других официальных структур; сокращаются возможности рационального хозяйствования, что в свою очередь влияет на наличие рабочих мест; незаконный промысел связан с другими видами преступлений, например, с незаконным оборотом наркотиков и оружия, торговлей людьми, а также с нарушениями прав человека; возникает угроза продовольственной безопасности и справедливому распределению благ.

В последние годы Россия проводит работу по борьбе с нелегальным выловом посредством заключения двусторонних соглашений с Японией, КНДР, Южной Кореей, Китаем и США, а также самостоятельно осуществляя активные меры по борьбе с ННН-промыслом водных биоресурсов.

Однако, несмотря на принимаемые меры, рыбное браконьерство в Дальневосточном федеральном процветает⁶. По-прежнему носят угрожающий характер масштабы незаконного, несообщаемого и нерегулируемого рыбного промысла в Дальневосточном бассейне. Разница в объеме поставок водно-биологических ресурсов только в Китай и Японию, определенная методом «зеркальной статистики» в 2016 году на основе данных таможенных служб, составляет более 200 тыс. тонн, а разница таможенной стоимости, по данным ФТС и таможенных служб стран-импортеров, превышает 800 млн долл.⁷ По оценкам экспертов Всемирного фонда дикой природы, которые в 2014 провели изучение ситуации с добычей и торговлей крабом, легально и нелегально выловленным в российских водах, и опубликовали его итоги в докладе «Illegal Russian Crab: An Investigation of Trade Flow», Россия теряет до 1 млрд. долл. в год из-за нелегального промысла морепродуктов, включая краба⁸.

Статистика показывает, что за первое полугодие 2017 года Дальний Восток и Приморье в частности экспортировали через таможенные органы региона больше 700 000 тонн рыбы и морепродуктов. Общая стоимость биологических ресурсов составила 1,1 миллиарда долларов. Однако сумма уплаченных при экспорте таможенных платежей упала в 82 раза⁹.

По-нашему мнению, уменьшение суммы таможенных отчислений явилось следствием отмены 1 сентября 2016 года вывозной таможенной пошлины на большинство наименований водных биоресурсов. Такая мера переориентировала товарооборот на экспорт. В то время как, в первом полугодии 2016-го таможенные платежи составили 912 миллионов

рублей – против 11 миллионов в 2017-м. Причем на Владивостокскую таможню приходится 89 % общего объема экспорта рыбы и морепродуктов. Остальные позиции лидеров держат Хабаровск (4 %), Сахалинская таможня (2,4 %) Камчатка с Находкой (2,3 % и 0,8 % соответственно). Доминирующая роль приморской столицы в этой области обусловлена логистическими возможностями. Во-первых, удобное место расположения порта на пути следования большегрузов из районов промысла к основным странам-импортёрам. Во-вторых, возможность обработки крупнотоннажного транспортного флота прямо в порту.

Следует заметить, что если за первое полугодие 2016 года морскими таможнями дальневосточного региона было оформлено 1500 рыбопромысловых судов, то за этот же период 2017 года оформлено на 2200 рыбопромышленных судов, что на 30 % больше, чем за тот же период прошлого года. При этом задержка во времени и превышение регламента во время проверок произошли всего в 4 случаях – а это меньше 1 % от общего объема.

В то же время, как отмечают в дальневосточной Ассоциации добытчиков краба, КНР все еще остается проблемным потребителем российской крабовой продукции, поскольку, несмотря на российско-китайское соглашение о борьбе с ННН-промыслом, в Китай все еще идут браконьерские поставки. По данным Ассоциации, за 2015 год в Китай официально импортировано около 3 000 тонн крабов (в пересчете на вес улова) из России, но к этому объему, по экспертной оценке, можно прибавить еще около 2 000 тонн нелегальной продукции.

Одним из основных каналов поставок нелегальной крабовой продукции в Китай являются порты Вейхай, Шидао, Циндао. Поставки осуществляют транспортные суда, специально оборудованные для перевозки живого краба. Они работают на регулярной основе. Отметим, что и в Южную Корею краб поставляется через порт в провинции Шандун. Там судно встречают корейские партнеры, осуществляют выгрузку с последующей реализацией. Экипаж браконьерских судов, как правило, российский. На суднеперегрузчике – китайские моряки, также присутствует русский или корейский представитель. Владельцы браконьерских судов – граждане РФ, суда перегрузчики, как правило, принадлежат корейцам или корейцам и китайцам. Другой канал поставки работает через Северную Корею. Таким образом, за период января по 20 мая 2015 г. в Китай было завезено не менее 400 тонн различного нелегального краба (камчатский, синий, стригун, волосатый)¹⁰. Как правило, браконьерское судно заходит в порт Раджин (КНДР), выгружает морепродукт, далее машинами ресурс вывозится в Китай. Часть краба может оставаться какое-то время на передержке в бассейнах в Северной Корее. Весь краб вывозится в город Хунчунь (Китай), далее реализуется по всей КНР. Китайцы, занимающиеся этим бизнесом в КНДР, также иногда стали использовать свой перегрузчик, чтобы браконьерское судно не заходило в порт. Перегруз осуществляется в водах Северной Кореи. Далее по той же схеме: выгрузка, отправка в Китай.

Таким образом, часть поступающей в Китай нелегальной добытой в России крабовой продукции завозится или непосредственно через Северную Корею, или имеет северокорейские документы, хотя у России и КНДР есть двустороннее соглашение о борьбе с ННН-промыслом, подписанное 30.01.2012 г.

Как отмечается в подготовленном Дальневосточным центром региональных исследований аналитическом обзоре «Проблема незаконного, несообщаемого, нерегулируемого (ННН) промысла водных биоресурсов в России», наиболее остро проблема ННН-промысла проявляется на Дальнем

nereguliruemogo-nnn-promysla-vodnyh-bioresursov-v (дата обращения: 10.12.2018).

6 См.: Черемухин Е. Рыбный экспорт через таможенные органы Дальнего Востока продолжает расти // Экономика. 2017. № 7.

7 Совместное заседание коллегии Генпрокуратуры РФ и Минвостокразвития в 2016 году г. Хабаровск. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/3699871> (дата обращения: 24.11.2017).

8 РИА Восток-Медиа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vostokmedia.com/> (дата обращения: 23.11.2017).

9 Черемухин Е. Рыбный экспорт через таможенные органы Дальнего Востока продолжает расти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/36998719> (дата обращения: 23.11.2017).

10 Коротаев И. Что скрывают крабовики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fishkamchatka.ru/articles/the_far_east_and_siberia/18936/ (дата обращения: 10.12.2018).

Востоке России, что подтверждается статистикой пограничных органов.

Если в 2014 году на морских направлениях Российской Федерации по данным Департамента береговой охраны Пограничной службы ФСБ России, за нарушения законодательства в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов было задержано 77 российских и иностранных судов, из которых 72 судна были задержаны в Тихоокеанском регионе. Из незаконного оборота было изъято 2,541 тыс. тонн водных биоресурсов, из которых 2,417 тыс. тонн, то есть, 95 % - на Дальнем Востоке. То за 2015 год на Дальнем Востоке было задержано 67 судов, в том числе 23 иностранных. Среди последних преобладали суда под «удобными» флагами – 17. На иностранных судах было обнаружено в общей сложности 124,7 тонн неучтенных крабов и крабопродукции, тогда как на задержанных российских судах – всего 5,1 тонны. К тому же в 2015 году к административной ответственности привлекли более 2,7 тыс. физических и юридических лиц, 77 человек, в том числе 8 иностранцев, осудили за браконьерство (ст. 253, 256 УК РФ). В доход государства конфисковано 11 судов, из них 6 – «подфлажников»¹¹.

Следует подчеркнуть, что в 2015 году российские уполномоченные органы выдали сертификаты, подтверждающие законность происхождения 131,18 тонны крабовой продукции, ввезенной из РФ в порты КНДР. В 1-м полугодии 2016 года подтверждена законность происхождения 23,7 тонны российской продукции из крабов, экспортированной в Северную Корею. Между тем, статистика китайского импорта показывает, что из КНДР в Китай в 2015 году поступило 1778 тонн крабов, хотя такого количества крабов Северная Корея не добывает. Также нелегально добытый в российских водах краб поставляется в Китай на судах под флагом третьих стран и, вероятно, декларируется как продукция других государств.

Следует подчеркнуть, что ущерб по уже завершенным административным и уголовным делам возмещается крайне слабо. К примеру, по нарушениям в рыбной отрасли в 2014 году в ДФО фактическим взысканием окончено только 15 % исполнительных производств¹².

В настоящее время обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования, сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики, является стратегической целью политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации¹³.

По данным Главного информационного центра МВД России за совершение преступлений, предусмотренных ст. 256 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) – «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», в 2014 году было осуждено 3942 человек, а в 2015 году осуждено 3348 человек.

В 2014 году за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 253 УК РФ – «Исследование, поиск, разведка, разработка природных ресурсов континентального шельфа Российской Федерации или исключительной экономической зоны Российской Федерации, проводимые без соответствующего

разрешения» осуждено 6 человек, а в 2015 году всего 2 человека¹⁴.

Как показывает статистика, судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 253 УК РФ, немногочисленна. Преступления высоко латентны, в структуре преступности составляют 0,005 %.

Предметом указанных преступлений являются водные биоресурсы, а так же живые и неживые природные ресурсы континентального шельфа или исключительной экономической зоны Российской Федерации. К данному выводу мы пришли, изучив законодательство в этой сфере.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее – Закон о рыболовстве) водные биологические ресурсы (далее – водные биоресурсы) – это рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы¹⁵. Согласно статье 6 Закона о рыболовстве, его действие распространяется на: внутренние воды Российской Федерации, в том числе внутренние морские воды Российской Федерации (далее – ВМВ), а также на территориальное море Российской Федерации (далее – ТМ), на континентальный шельф Российской Федерации (далее – КШ) и исключительную экономическую зону Российской Федерации (далее – ИЭЗ), следовательно, понятие «водные биоресурсы» мы можем смело использовать при определении предмета преступления когда речь идет о незаконной добыче (вылове) водных биоресурсов (ст. 256 УК РФ), независимо от места совершения преступления.

Квалифицируя ч. 2 ст. 253 УК РФ следует исходить из того, что предметом преступления по данной статье являются природные ресурсы КШ или ИЭЗ. В настоящей статье речь будет идти только о живых (организмах) КШ и о живых ресурсах ИЭЗ, соответственно необходимо рассмотреть их дефиниции.

К природным ресурсам исключительной экономической зоны законодатель относит водные биологические ресурсы и неживые ресурсы, находящиеся в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах.

К живым ресурсам ИЭЗ законодатель отнес водные биологические ресурсы исключительной экономической зоны, а это рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы, за исключением живых организмов «сидячих видов» морского дна и его недр, использование которых регулируется Федеральным законом от 30 ноября 1995 года № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации»¹⁶.

Природными ресурсами континентального шельфа являются минеральные и другие неживые ресурсы морского дна и его недр (далее – минеральные ресурсы), а также живые организмы, относящиеся к «сидячим видам», то есть организмы, которые в период, когда возможна их добыча (вылов), находятся в неподвижном состоянии на морском дне или под ним либо не способны передвигаться иначе, как находясь в постоянном физическом контакте с морским дном или его недрами.¹⁷

Как следует из данного понятия к живым организмам (ресурсам) КШ законодатель отнес только организмы «сидячих видов». Соответственно возникает вопрос, какие кон-

11 Тимофеев А. Дальневосточный центр региональных исследований. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regionalstudies.hse.ru> (дата обращения: 08.12.2018).

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/Moscow/main.asp?id=602492> (дата обращения: 24.11.2017).

13 Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2016 г. № 1 (часть II). Ст. 212.

14 Информационная справка Главного информационного центра МВД России. Исх. рег. № 34/4-377 от 01 июня 2015 г.

15 О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федер. закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004 г. 27 декабря. № 52 (часть I). Ст. 5270.

16 Ст. 1 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации».

17 Ст. 1 Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации».

кретно организмы «сидячих видов» являются ресурсами КШ. Приказом Госкомрыболовства РФ от 10 сентября 1996 г. № 169 утвержден перечень видов живых организмов, являющихся живыми ресурсами континентального шельфа Российской Федерации. К ним относятся:

1. Настоящие крабы: крабы-стригуны, волосатые крабы, другие виды крабов КШ, за исключением видов, способных плавать во взрослом состоянии.

2. Крабиды: камчатский краб, синий краб, колючий краб и т. д.

3. Моллюски: двустворчатые моллюски: устрицы, мидии и т. д.

Как мы видим, названия этих организмов не только нам знакомы, но и всем известна стоимость этих морских деликатесов, как на российском, так и на зарубежном рынке. Отсюда и огромный интерес к указанным ресурсам со стороны организованной преступности.

Ежегодно от незаконной добычи водных биологических ресурсов бюджет не пополняет по разным источникам от 500 млн. до 800 млн. рублей¹⁸.

Возникает вопрос, как определить предмет преступления по ч. 2 ст. 253 УК РФ, так как живые ресурсы КШ указанные в Перечне живых организмов КШ, могут обитать как на КШ, так и на дне ТМ. Например, наибольшие скопления «колючего краба» и «камчатского краба» находятся в пределах ТМ и лишь небольшая часть на территории КШ.

Изучив судебную практику, приходим к выводу, что предметом преступления по ч. 2 ст. 253 УК РФ являются живые ресурсы ИЭЗ или живые организмы КШ в отношении которых осуществили разработку непосредственно в пределах ИЭЗ или КШ¹⁹.

Тогда возникает вопрос, что же следует понимать под понятием «разработка».

Указанное понятие мы можем встретить в ст. 77 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) (далее – Конвенция), согласно которой прибрежное государство осуществляет над континентальным шельфом суверенные права в целях его разведки и разработки его природных ресурсов. В соответствии с указанной статьёй, под природными ресурсами понимаются минеральные и другие неживые ресурсы морского дна и его недр, а также живые организмы, относящиеся к «сидячим видам»²⁰. Но, что следует понимать под «разработкой» в Конвенции не говорится.

Словарь русского языка (С.И. Ожегов) разъясняет, что под разработкой следует понимать способ добычи ископаемых, а также место такой добычи²¹. Как мы видим данное понятие подходит только для неживых природных ресурсов.

Предполагаем, что законодатель, реализуя нормы Конвенции, включил понятие «разработка» в национальное законодательство.

Так, в ст. 5 Федерального закона Российской Федерации от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» (далее – Закон об ИЭЗ РФ) и в ст. 5. Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» (далее – Закон о КШ РФ) законодатель использует понятие «разработка» и отмечает, что Российская

Федерация в ИЭЗ осуществляет суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения водных биоресурсов и неживых ресурсов и управления такими ресурсами, а также в отношении других видов деятельности по экономической разведке и разработке исключительной экономической зоны, а на КШ суверенные права в целях разведки континентального шельфа и разработки его минеральных ресурсов и водных биоресурсов. Рассматривая указанные нормы видно, что законодатель использует термин «разработка» в отношении живых ресурсов ИЭЗ и КШ. Что считать разработкой водных биоресурсов законодатель не разъясняет.

Анализ судебной практики по делам о преступлениях показывает, что отсутствуют единообразное понимание и толкование норм заложенных в ч. 2 ст. 253 УК РФ и предусматривающих юридическую ответственность. Более того, рассмотрение большинства материалов о нарушении природоохранного законодательства заканчивается отказами в возбуждении уголовных дел. На примере судебной практики в Дальневосточном федеральном округе рассмотрим несколько подходов к квалификации правонарушений в виде транспортировки живых ресурсов КШ или ИЭЗ в ИЭЗ без соответствующего разрешения.

При осуществлении рыболовства в виде транспортировки живых ресурсов КШ или ИЭЗ в ИЭЗ без соответствующего разрешения, суды Камчатского и Хабаровского краев, данные деяния квалифицируют, как преступления, за совершение которых предусмотрена ответственность по ч. 2 ст. 253 УК РФ и ч. 1 (ч. 2) ст. 201 УК РФ. Так, по приговору Ульчского районного суда Хабаровского края от 04.03.2013 г. А был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 322 УК РФ, ч. 2 ст. 253 УК РФ, и ч. 2 ст. 201 УК РФ. В ходе судебного разбирательства было установлено, что А, являясь капитаном иностранного судна и не имея соответствующего разрешения, осуществил разработку природных ресурсов континентального шельфа в виде транспортировки этих ресурсов²². В своем приговоре суд Ульчского района указал, что разработка естественных богатств, представляет собой промышленную добычу и в этом же решении говорит, что капитан судна осуществил незаконный промысел в виде приемки, хранения и транспортировки крабовой продукции. В приговоре Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатской области от 24.03.2010 г. (Дело № 1-81/2010) суд разъяснил, что понятие «разработка природных ресурсов КШ и ИЭЗ» по смысловому значению шире понятия рыболовства таких ресурсов, каким является комплексный процесс, включающий в себя в том числе приемку, перегруз, хранение и транспортировку этих ресурсов. Но почему суд дал такое разъяснение нам непонятно, так как ссылка на какой либо источник отсутствует. Как видно из примеров, суды самостоятельно определяют понятие «разработка» без ссылки на нормативный правовой акт.

Далее рассмотрим второй подход. Так, при осуществлении рыболовства в виде транспортировки водных биоресурсов ИЭЗ РФ или КШ РФ без соответствующего разрешения, суды Сахалинской области указанное деяние квалифицируют как административное правонарушение, за совершение которого предусмотрена ответственность по ч. 2 ст. 8.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП). По решению Сахалинского областного суда от 09.02.2012 года капитан судна «Н» был привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.17 КоАП. В своем решении суд указал, что «Н» при помощи судна «Х», принадлежащее компании «WORLD TRANSPORTATION CO. LTD», флаг Сьерра Леоне, осущес-

18 См.: Министерство по развитию Дальнего Востока Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/departments/239/events/> (дата обращения: 20.11.2017).

19 Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатской области от 21.02.2008 г. (Дело № 1-217/2008); Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатской области от 04.03.2008 г. (Дело № 1-202/2008); Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатской области от 24.03.2010 г. (Дело № 1-81/2010).

20 Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.).

21 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2015.

22 Приговор Ульчского районного суда от 04.03.2013 г. № 1-8/2013 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulchsky.hbr.sudrf.ru>.

ствил транспортировку краба (стригун-опилию) в живом виде общим весом 9 597 кг., а также мороженые сельдь и минтай в исключительной экономической зоне Российской Федерации²³.

Таким образом, можно констатировать, что в приведенных примерах вердикты судов, не смотря на их территориальную близость совершенно противоположны по своим подходам. Следовательно, у дознавателей, судов и у законодателя пока не сформировался единый подход к толкованию и применению нормы ст. 253 УК РФ в отношении лиц, осуществляющих «разработку» живых природных ресурсов ИЭЗ или КШ в ИЭЗ или на КШ. Причиной тому служит отсутствие законодательного закрепления понятия «разработка живых ресурсов ИЭЗ» и КШ соответственно.

Так же, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ст. 253, 256 УК РФ)» разъясняется судам, что уголовная ответственность по части 2 статьи 253 УК РФ за исследование, поиск, разведку, разработку природных ресурсов КШ или ИЭЗ наступает в случаях, когда такие деяния совершены без обращения в уполномоченные федеральные органы исполнительной власти за получением разрешения (лицензии) или после подачи заявки на лицензирование, но без получения разрешения (лицензии) или при отказе в лицензировании либо после получения положительного ответа о лицензировании, но до регистрации лицензии, либо после истечения срока действия лицензии, или после выбора указанной в разрешении (лицензии) квоты²⁴. Но, как следует из постановления, при этом Верховный Суд РФ не разъясняет судам, что следует при этом понимать под термином (понятием) «разработка».

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что в отличие от ст. 256 УК РФ, где употребляется термин «добыча (вылов) водных биоресурсов» и понятие которого раскрывается в ст.1 Закона о рыболовстве, законодатель для ч. 2 ст. 253 УК РФ не определил понятие «разработка» ни в одном нормативно правовом акте РФ, но при этом употребляет данный термин (понятие) в действующем законодательстве РФ.

Проведенный анализ наглядно демонстрирует, что проблемы браконьерства в ИЭЗ и на КШ недостаточно проработаны законодателем и требует уточнений.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что для формирования единого понимания понятия «разработка» касаясь живых ресурсов ИЭЗ и КШ и устранения противоречий в квалификации данного вида преступления, необходимо сформулировать их дефиниции.

В связи с этим, предлагается дополнить закон «О континентальном шельфе РФ» и закон «Об исключительной экономической зоне РФ» понятиями «разработка живых ресурсов ИЭЗ» и «разработка живых ресурсов (организмов) КШ». По нашему мнению, под понятием «разработка живых ресурсов ИЭЗ» следует понимать: деятельность по добыче (вылову) живых ресурсов ИЭЗ, приемке, перегрузке, транспортировке, хранению и выгрузке живых ресурсов ИЭЗ и продукции из них, а также производству продукции из живых ресурсов ИЭЗ. А «разработка живых ресурсов (организмов) КШ» – деятельность по добыче (вылову) живых ресурсов (организмов) КШ, приемке, перегрузке, транспортировке, хранению и выгрузке живых ресурсов (организмов) КШ и продукции

из них, а также производству продукции из живых ресурсов (организмов) КШ.

Внесение соответствующих изменений в вышеупомянутые законы позволит создать действенный правовой механизм по сокращению, преступной деятельности в сфере расхищения живых ресурсов ИЭЗ и КШ, обеспечению привлечения нарушителей к уголовной ответственности и возмещению ущерба причиненного преступными действиями.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // Собрании законодательства Российской Федерации от 1 декабря 1997 г. № 48. Ст. 5493.
2. Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004 г. 27 декабря. № 52 (часть I). Ст. 5270.
3. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 21 декабря 1998 г. № 51. Ст. 6273.
4. Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 декабря 1995 г. № 49. Ст. 4694.
5. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2016 г. № 1 (часть II). Ст. 212.
6. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 апреля 2008 г. № 60-Д07-5 «Лицо, совершившее экологическое преступление, предусмотренное ст. 253 УК РФ, и выполняющее управленческие функции в коммерческой организации, подлежит уголовной ответственности по совокупности преступлений (ст. 253 и ст. 201 УК РФ)» (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Декабрь 2008 г., № 12.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» // Российская газета от 1 декабря 2010 г. № 271.
8. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 года № 1300 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. Ст. 5909, с. 10432.
9. Статистические данные об ущербе от незаконного промысла водных биологических ресурсов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/department/239/events>.
10. Информационная справка Главного информационного центра МВД России. Исх. рег. № 34/4-377 от 01 июня 2015 г.
11. Приговор Ульяновского районного суда от 04.03.2013 г. № 1-8/2013 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulchsky.hbr.sudrf.ru>.
12. Решение Сахалинского областного суда от 09.02.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ИПС «Гарант».

23 Решение Сахалинского областного суда от 09.02.2012 года. Доступ из ИПС «Гарант».

24 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)». Текст постановления опубликован в «Российской газете» от 1 декабря 2010 г. № 271.

СУТАЛИНОВА (КУРМАНАЛИЕВА) Нурсель Абылкановна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, аспирант отдела аспирантуры и докторантуры Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА С ДРУГИМИ ПРИНЦИПАМИ ПРАВА

В статье последовательно раскрываются некоторые аспекты взаимосвязи и соотношения принципа гуманизма с другими принципами права, которые нашли свое отражение и закрепление в нормах законодательства Кыргызской Республики. Автором делается вывод о том, что гуманистическая направленность права в целом является залогом верно выстроенной системы правовых ценностей, которые, в свою очередь, воплощаются в системе правовых принципов.

Ключевые слова: гуманизм, принцип права, принцип гуманизма, общество, государство.

SUTALINOVA (KURMANALIEVA) Nursel Abylkanovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law Faculty of the Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, postgraduate student of the Postgraduate and doctoral studies department of the Zh. Balasagyn Kyrgyz National University

Суталинова
(Курманалиева) Н. А.

SOCIAL FOUNDATIONS OF THE RELATIONSHIP AND THE INTERRELATION OF THE PRINCIPLE OF HUMANISM WITH OTHER PRINCIPLES OF LAW

The article consistently reveals some aspects of the relationship and the interrelation of the principle of humanism with other principles of law, which are reflected and enshrined in the norms of the legislation of the Kyrgyz Republic. The author concludes that the humanistic orientation of the right as a whole is the key to a truly built system of legal values, which, in turn, are embodied in the system of legal principles.

Keywords: humanism, principle of law, principle of humanism, society, state.

Наличие исследовательского внимания к проблеме правового гуманизма обусловлена системными противоречиями, выявленными в современном законодательстве в связи с его модернизацией. Ученые различают разные группы таких противоречий – от непреодолимых столкновений действующего законодательства до непоследовательности существующей правовой системы менталитета населения, выраженной в неадекватных ценностях и стереотипах правосознания и правового понимания. На наш взгляд, одной из основных групп противоречий является слабое соотношение правовых норм и институтов, лежащих в основе правовой системы с принципами и правовыми идеями. Учитывая системное значение принципов права, их роль в формировании правовых норм, следует отметить, что эти противоречия могут указывать на слабую функциональность правовой системы, действующее законодательство в определенных областях общественной жизни.

Не вызывает сомнений, что основной предпосылкой этого проблематичного положения является поверхностное, формальное понимание определенных фундаментальных правовых ценностей, которые являются базовыми для выбранного направления модернизации, играют системную роль в этом процессе. Прежде всего, мы говорим о гуманизме как о некоторой системе нормативных ценностей и о его роли в генезе права. Мы должны признать, что если гуманизм является продуктом долгой эволюции западноевропейской культуры, которая создала необходимые духовные и интеллектуальные обстоятельства для возникновения современного права, то на территории стран СНГ в силу исторических предпосылок гуманизм, в основном, является результатом внешнего воздействия, которое не находило отражения в нормативно-правовой сфере в течение длительного времени.

Эта ситуация также характерна для современной правовой системы Кыргызской Республики, хотя она определяет гуманизм как ведущий принцип совершенствования государственной власти, однако не полагается на ее осмысленную интерпретацию, которая обусловлена стереотипами отечественной правовой действительности и правового понимания, которые являются частью правовой системы. Кро-

ме того, дегуманизация множества гражданских прав также заслуживает внимания как тенденция, которая в итоге коренится равным образом в формальном понимании принципа гуманизма в законодательстве.

В этом смысле следует отметить, что гуманистическое правовое понимание, сформировавшееся в эпоху современности и ставшее важнейшим требованием социальных преобразований, является необходимой контентной базой, без которой правовой гуманизм невозможен как явление. Мы считаем, что гуманистическое правовое понимание основано на толковании закона как продукта социокультурной эволюции, показателя прогрессивности социальной системы, где автономия личности рассматривается как главная ценность аксиологической иерархии. В отличие от коммунистической правовой границы правопонимания, сущность гуманистического подхода заключается в том, чтобы уменьшить свой типологический критерий до степени осознания свободы права¹. Подобное правовое понимание является основой правовых систем подавляющего большинства современных государств.

Необходимо указать еще одно важное обстоятельство. Это тенденции в законодательстве, которые возникли под воздействием глобализации и приводят к юридическим преобразованиям, возникающим в результате процессов современной глобализации. Основным контекстом содержания этих процессов является переосмысление роли и смысла современной теории прав человека, которая концептуализировала гуманизм, роль международного права в их обеспечении, сокращение государственного суверенитета и, как следствие, сокращение масштабов и значимости социального законодательства и гражданских прав во многих странах. Государства в контексте глобализации вынуждены строить свою правовую систему в свете этих тенденций. Между тем, гуманистическое содержание прав и свобод человека оста-

1 Нерсесянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. - М.: Издательская группа ИНФРА-М - НОРМА, 1997. - С. 25.

ся важным фактором в международных отношениях, обеспечивая многополярность мира, реализацию жизненных интересов личности, общества и государства².

Многолетняя история существования права и государства в обществе показывает, что имманентное качество общества, государства и самих людей и, конечно же, закона – это принуждение. Принуждение является объективной стороной человеческого сосуществования, его атрибутом. Появление закона и государства как социальных институтов воплощается в жизнь благодаря социальной необходимости упорядочения, внедрения в рамки общеобязательных норм, правил, методов разрешения конфликтов, одобренных обществом, а также защиты прав и интересов членов общества, их ассоциаций и самого общества. Права и свободы человека объективны, они формируются по логике развития общественных отношений и общественного сознания³.

Еще одной особенностью закона является его преобладающая роль регулятора социальных отношений в государстве, регулируемом верховенством закона. Эта позиция права в обществе является целью, к которой стремится каждое общество⁴.

Преимущественно в демократических государствах на сегодняшний день прослеживается развитие права в сугубо гуманистическом русле. Высшей юридической ценностью в них признаются права человека, что является, в свою очередь, основой для построения такой правовой системы, которая соответствует принципам правового гуманизма.

Идея гуманизма нашла наиболее полное выражение на международно-правовом уровне в современной концепции прав и свобод человека как основе международного правопорядка и системы международной безопасности, а также нормативного признания высокой ценности государственного суверенитета, гарантирующего реализацию всего спектра прав и свобод человека и гражданина. Современная глобализация приводит к таким правовым преобразованиям, когда государственный суверенитет не признается в качестве основного условия для реализации прав и свобод человека. Поэтому следствием правовых преобразований является делегитимация идеи гуманизма в законодательстве. Сильным стимулом к критике суверенитета и к поиску возможностей его ограничения стало усиление гуманистической компоненты во взглядах на международные отношения⁵. По мнению британской исследовательницы Карин Фирк, «вероятность коллизии между суверенитетом и правами человека сегодня весьма высока, поскольку международное сообщество не готово принуждать к соблюдению прав человека, расплачиваясь за это нарушением равновесия, мира»⁶.

Учитывая трансформацию в сфере гражданских прав, следует отметить, что эпоха глобализации сопровождается ростом негативных тенденций. Массовые посяательства на эти права становятся неотъемлемой частью международной политики и практики многих государств. Наиболее опасными являются посяательства на основополагающие права, такие как право на мир, право на жизнь, сопровождаемое военным решением политических конфликтов. Об этом также свидетельствуют: использование запрещенных видов оружия в местных военных конфликтах, которые стали нормой ведения военных операций; тенденция к ограничению правовых гарантий гражданских прав; правовые ограничения на независимость судей, адвокатов и других сотрудников судебных органов. Следует отметить, что существует глубокая корреляция между ослаблением гарантий,

предоставляемых фигурам правосудия, и увеличением числа случаев нарушений прав человека⁷.

Однако, необходимо добавить, что формирование отечественной правовой системы, несмотря на указанное направление, осуществляется на основании правового гуманизма. Конституция Кыргызской Республики реализует идею человека как универсального и автономного существа, формирует нормативное поле, институционализирующее его как субъекта общественных отношений. Конституционные основы правового гуманизма в Кыргызстане закрепляются совокупностью норм, устанавливающих конституционный строй и перечень основных прав и свобод человека и гражданина.

Важную роль для конституирования правового гуманизма в Кыргызской Республике играют конституционные нормы, которые гарантируют участие граждан страны в управлении делами государства, обеспечивающие возможность избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, участие в референдуме и др.

В Кыргызстане правовой гуманизм обладает конституционной основой, что предполагает определенные закономерности в регулировании общественных отношений, субъектом которых и является личность. Безусловно, сказанное касается сферы правового регулирования, где конституционные нормы в отраслевом законодательстве получают конкретные юридические механизмы реализации идеологии правового гуманизма.

Подобным образом, преобразованию правовой системы Кыргызской Республики должны быть характерны тенденции, определяемые свойствами правового гуманизма. Прежде всего, правовой гуманизм подразумевает собой формулирование правовых норм таким образом, чтобы исключить произвол и насилие, а также не дать возможности, как их легализации, так и их применения при решении социальных конфликтов, внутрисударственных проблем.

Среди правовых инструментов, основанных на юридическом гуманизме, мы можем назвать принцип права, принцип справедливости (в установлении истины фактов и в определении правовых последствий), принцип равенства в праве.

Гуманистические ценности и права человека все более определяют специфику международного права, стремление увеличить роль и значимость которого становится, безусловно, актуальным. В свою очередь, это является эффективным способом осуществления правового гуманизма в мире на данном этапе, который действует как сдерживание государственного принуждения в национальных государствах.

Указанные стремления характеризуются в виде содержания закономерностей формирования современного права, развитие которого основано на принципах правового гуманизма. В действительности имеется в виду гуманистический правовой порядок, который в качестве институциональной основы подразумевает права и свободы человека.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2009. - 176 с.
2. Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. - 1994. - № 3. - С. 6-11.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. - М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. - С. 96.
4. Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2009. - С. 155.
5. Кукушкина Светлана Михайловна Государственный суверенитет в современном мире: Актуальные проблемы // Пробелы в российском законодательстве. - 2011. - № 3. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-suverenitet-v-sovremennom-mire-aktualnye-problemy> (дата обращения: 14.12.2018).
6. Fierke K. M. Diplomatic Interventions. Conflict and Change in a Globalizing World. - New York: Palgrave Macmillan, 2005. - P. 66-67.
7. Мусаев М. А. Правовой гуманизм как юридический феномен // Философия права. - 2010. - № 3. - С. 91-94.

ВОРОНКОВ Кирилл Ильич

ассистент кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

МЕТОДИКА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ПРОЦЕССЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ АЛЖИРСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируется новая методика условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы, впервые разработанная алжирскими юристами и успешно себя зарекомендовавшая на практике.

Исследуются гарантии законопослушного поведения в целях ресоциализации алжирских заключенных.

Выявлены меры для более благоприятного процесса ресоциализации алжирских заключенных.

Ключевые слова: ресоциализация, реинтеграция, адаптация, условия для успешной ресоциализации, меры по ресоциализации.

Воронков К. И.

VORONKOV Kirill Il'ich

assistant of Theory and history of state and law sub-faculty of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

THE METHOD OF PAROLE FROM SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT IN THE PROCESS OF THE RESOCIALIZATION OF ALGERIAN PRISONERS: A THEORETICAL ASPECT

The article analyzes the new method of parole from serving a sentence of imprisonment, first developed by Algerian lawyers and successfully proved in practice.

We study the guarantees of law-abiding behavior in order to resocialize Algerian prisoners.

Measures for a more favorable process of resocialization of Algerian prisoners are revealed.

Keywords: resocialization, reintegration, adaptation, conditions for successful resocialization, measures for resocialization.

В процессе ресоциализации заключенных и их дальнейшей реинтеграции в общество, законодательство и судебная практика назначения и освобождения от наказания в виде лишения свободы в некоторых арабских странах и странах ближнего востока претерпела серьезные изменения в сторону создания эффективного средства исправления преступников.

В комментариях к Европейским пенитенциарным правилам 1987 года указывается, что «цели исправительного воздействия на осужденных состоят в том, чтобы способствовать формированию у них чувства ответственности и навыков, которые будут содействовать их реинтеграции в общество, помогут им следовать требованиям законности и удовлетворять свои жизненные потребности собственными силами после освобождения»¹.

В связи с этим, алжирский законодатель разработал и принял особую методику, используемую в системе условно-досрочного освобождения заключенных, направленную на их воспитание и исправление в целях дальнейшей социальной реабилитации и ресоциализации.

В основе разработанной методики заключается положение, согласно которому, заключенный, в целях своего исправления для скорейшего условно-досрочного освобождения должен полностью соответствовать определенным правилам и условиям содержания, установленным в законе.

1 Даххаев М. М. Проблемы ресоциализации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы // Юридический вестник ДГУ. - 2014. - № 4. - С. 108.

В законодательстве некоторых арабских стран и стран ближнего востока название такой методики звучит по-разному.

В Египетском и Иорданском законах эта методика называется полицейским освобождением^{2 3}.

В соответствии с законодательством Саудовской Аравии разработанная методика называется освобождением в случае соблюдения условий содержания, а в соответствии с законодательством Израиля она просто именуется освобождением от наказания⁴.

Однако необходимо отметить, что Алжирский законодатель впервые ввел правовые нормы, содержащие положения об условно-досрочном освобождении и ресоциализации лишь в 1972 году посредством принятия приказа № 72/02 от 10.02.1972 года, содержащего в себе Закон об организации тюрем и социальной реинтеграции заключенных⁵.

Со временем, последовали указы, а также, были внесены поправки, на основании Закона № 05 / 04 от 02.06.2005 г., из-

2. ندرال إيف يئاضول في قوتل تاريخ: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.7iber.com/2013/12/guilty-till-proven-innocent>.

3. أبو دلا خلیل، امیر سالم. قوانین و قواعد زندان در مصر // Центр исследований и информации по правам человека. - Египет, 1990. - С. 25.

4. انجسلا نائی نع رفیم جارفای قیل یئارسال انجسلا ظانکال [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://alsudanalyoum.com/world/asia/ظانکال-انجسلا-ظانکال>.

5. 1972 یراربف 10 قفاوملا 1391 ماع عجالا یذ 25 خرؤملا 72/02 مقر رمالا ، انجسلل یعامتجالا جملا فداوعو انجسلا مظنن ناشب انوناق نمضتی یذلاو

меняющие Закон об организации тюрем и социальной реинтеграции заключенных⁶.

Таким образом, новая методика в системе условно-досрочного освобождения, в соответствии с Законом об организации тюрем и социальной реинтеграции заключенных в Алжире, представляет собой целенаправленный процесс, при котором, заключенный может получить условно-досрочное освобождение при условии хорошего поведения и демонстрации суду и исправительному учреждению гарантий дальнейшего законопослушного поведения⁷.

Когда осужденные находятся в условиях изоляции от общества, они начинают испытывать значительную трансформацию, и это говорит о том, что у осужденных наблюдается смещение иерархии ценностей в сторону той ее части, которая обеспечивает индивидуальное, или внесоциальное существование, а ценности, связанные с деятельной и социальной сущностью человека, отходят на второй план.

В связи с этим, для получения осужденными условно-досрочного освобождения, им просто необходимо продемонстрировать смещение иерархии своих ценностей в сторону законопослушного поведения.

Разновидностью демонстрации гарантий дальнейшего законопослушного поведения заключенного выступает информирование заключенным компетентных органов о готовящемся серьезном преступлении до момента его совершения, которое может поставить под угрозу общественную безопасность и правопорядок, а также предоставление заключенным информации для установления личности преступников, или предоставление любой информации в целом, при помощи которой, компетентным органам удастся разоблачить и арестовать нарушителей правопорядка.

Поэтому, разрыв старых преступных связей осужденного с социальной средой, способствовавшей совершению преступления, является желаемым результатом деятельности всех без исключения правоохранительных органов.

После демонстрации заключенным своих гарантий законопослушного поведения, по словам профессора Тахура Абдельхафиза, заключенный подает ходатайство об условно-досрочном освобождении лично или через своего представителя директору пенитенциарного учреждения⁸.

В дальнейшем, на этого осужденного директором исправительного учреждения или директором центра перевоспитания и реинтеграции составляется досье, которое содержит в себе отчет.

Затем, в соответствии со статьей 142 Закона об управлении пенитенциарными учреждениями Алжира, министр юстиции может принять решение об освобождении заключенного в связи с истечением срока заключения.

Судья или министр юстиции могут отменить решение об условно-досрочном освобождении заключенного, если в отношении него будет вынесено новое обвинительное заключение, или если заключенным не соблюдались условия, предусмотренные в этом законе.

В случае отмены такого решения судом или иными компетентными органами, осужденный будет возвращен в пе-

нитенциарное учреждение до конца своего срока отбывания наказания.

Решение судьи об отмене предоставления заключенному условно-досрочного освобождения будет иметь государственную, общеобязательную силу для его выполнения.

Заключенный в Алжире также может получить условно-досрочное освобождение по решению министра юстиции в связи с плохим состоянием здоровья, при наличии серьезной болезни или постоянной инвалидности, которая оказывает постоянное и возрастающее влияние на физическое и психологическое здоровье заключенного.

Эта новая Алжирская методика предоставления осужденным условно-досрочного освобождения по перечисленным основаниям подвергается критике со стороны юристов, поскольку положительное решение о предоставлении освобождения выносится не всем заключенным, успешно выполнившим перечисленные в законе требования.

По подсчетам алжирских экспертов, успешно воспользовались новой методикой и получили положительное решение об условно-досрочном освобождении всего только около девяти тысяч человек от общего числа всех заключенных.

От успешного проведения новой методики зависит эффективность всего процесса ресоциализации преступника в исправительном учреждении, а также успешность социальной адаптации после освобождения.

Более успешным процесс ресоциализации осужденных в Алжире видится в том случае, если государство будет создавать специализированные центры социальной реабилитации для освобожденных на всей территории страны.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ № 72/02 от 25 Дху аль-Хиджа 1391 года, соответствующий 10.02.1972 году, который включает в себя закон об организации тюрем и социальной реинтеграции заключенных.
2. Абуддла Халил, Амир Салем. Законы и правила тюрем в Египте // Центр исследований и информации по правам человека. - Египет, 1990.
3. Этания Лахмиси. Глобализация криминализации и наказания // Дар Хоума для печати, публикации и распространения. - Алжир, 2006.
4. Тахур Абдельхафиз. Роль судьи в применении уголовных решений в политике социальной реабилитации в алжирском законодательстве. - Алжир, 2001.
5. Даххаев М. М. Проблемы ресоциализации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы // Юридический вестник ДГУ. - 2014. - № 4. - С. 108.
6. ندرال يفي ياضقلا فيقولتا تاريخ: نادم فوقوم. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.7iber.com/2013/12/guilty-till-proven-innocent>.
7. ان جسرلا تائم نع ركبم جارفا. قيليئارسلا نوجسرلا ظاظتكال. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://alsudanalyoum.com/world/asia/ان-وجسرلا-ظاظتكال-قيليئارسلا-ركبم-جارفا>.

6 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.djelfa.info/vb/showthread.php?t=518468>.

7 Этания Лахмиси. Глобализация криминализации и наказания // Дар Хоума для печати, публикации и распространения. - Алжир, 2006. - С. 36.

8 Тахур Абдельхафиз. Роль судьи в применении уголовных решений в политике социальной реабилитации в алжирском законодательстве. - Алжир, 2001. - С. 51.

МАГОМЕДОВ Рабазан Магомед-Саидович

магистрант кафедры теории государства и права Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируются проблемы Верховного Суда Российской Федерации. Выносятся на рассмотрение вопросы его толкования норм права в процессе правоприменительной практики и право его законодательной инициативы. В выводах предлагается реализовать на практике аутентичное толкование.

Ключевые слова: Верховный Суд, нормы права, толкование, разъяснение, законодательство.

MAGOMEDOV Rabazan Magomed-Saidovich

magister student of Theory of state and law sub-faculty of the Dagestan State University

PROBLEMS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The problems of the Supreme Court of the Russian Federation are analyzed. Issues of its interpretation of the law in the course of law enforcement practice and the law of its legislative initiative are submitted for consideration. The conclusions propose the implementation of an authentic interpretation.

Keywords: Supreme Court, law, interpretation, clarification, legislation.

Магомедов Р. М.

Как нам известно, деятельность судов общей юрисдикции напрямую связана с процессом правоприменения, т.е. здесь речь идет о реализации общих правовых предписаний в жизнь. Исходя из этого, нет сомнения в актуальности данного исследования.

Правовые нормы распространяют свое действие на те или иные конкретные случаи жизни, при этом в обязанность судов входит разрешить дело по существу, в силу чего судами принимаются меры по практической реализации соответствующих правовых норм. При этом правовые нормы должны соответствовать основным конституционным принципам, не должны противоречить им. И конечно досадно бывает когда граждане, обратившись в суд, сталкиваются с каким-то дополнительными проблемами, которые тоже нужно разрешать.

Поэтому важной составляющей при практической реализации норм права, является толкование права, поскольку в результате уяснения смысла и содержания нормы начинает формироваться та государственно-властная воля, которая будет нести в себе дальнейшее содержание правоприменительного акта.

Отличительной чертой актов официального толкования, которые издаются судами общей юрисдикции, является то, что они определяют особое положение того или иного органа в судебной системе, а также отмечают объем и характер полномочий, которые осуществляются соответствующим органом.

В соответствии со ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ» систему федеральных судов общей юрисдикции составляют Верховный Суд РФ, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономных областей и автономных округов, районные, городские суды, военные и специализированные суды¹.

На сегодняшний день суды общей юрисдикции (далее СОЮ) претерпевают большие изменения, впрочем, как и всегда. Не обошли их стороной и реформы на 2018 год. Так, Верховным Судом меняется структура СОЮ. То есть Пленум ВС РФ постановил внести в Госдуму проект федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кас-

сационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»². На наш взгляд такая реформация предопределена некоторыми проблемами, которые имеют место в судебной системе в целом и, причем не обошедших стороной и самое высшее звено – Верховный Суд Российской Федерации.

Так, на сегодняшний день вызывает множество вопросов юридическая сила разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Какова значимость данных разъяснений и почему они носят лишь рекомендательный характер?

На наш взгляд Верховный Суд РФ был наделен такими полномочиями лишь в силу того, что он является высшим звеном судебной системы. И поэтому в случае возникновения спорных вопросов при вынесении судебного решения, Верховный Суд РФ, как высшее звено судебной системы берет на себя обязанность разъяснять данные вопросы судов общей юрисдикции.

Ещё одна проблема, кроется в деятельности Верховного Суда РФ – это право его законодательной инициативы. Согласно ст. 2 Федерального Конституционного Закона РФ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее ФКЗ РФ «О ВС РФ») Верховный Суд РФ наделен правом законодательной инициативы, но при этом, как описано в соответствующем Законе, обращается в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности законов. Возникает вопрос: почему же сам Верховный Суд не проверяет соответствие на предмет конституционности того или иного нормативно-правового акта?

По нашему мнению причина таких недостатков кроется в самом законе, который и наделяет таким правом Верховный Суд РФ.

Так, согласно п. 6, ст. 2 ФКЗ РФ «О ВС РФ» «Верховный Суд Российской Федерации осуществляет принадлежащее ему в соответствии с частью 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы по вопросам своего ведения, а также разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства Российской Фе-

1 Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2 Верховный Суд РФ с середины 2018 года меняет структуру судов общей юрисдикции. -[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/8/7/verhovnyj_sud_rf_s_serediny_2018_goda_menyaet_strukturu_sudov_obschej_yurisdikcii (дата обращения: 09.05.2018).

дерации по вопросам своего ведения»³. Следовательно, обратимся к Основному закону РФ. Согласно ст. 104 Конституции РФ «Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения»⁴.

Исходя из соответствующих норм, мы видим, что здесь отмечается полное наделение Верховного Суда РФ, данными соответствующими полномочиями. Но так, как Верховный Суд все же обращается в Конституционный Суд РФ с запросами о проверке конституционности тех или иных законов, то здесь определяется не полнота полномочий Верховного Суда РФ, а лишь признаки законодательной инициативы.

По мнению бывшего секретаря Пленума ВС В. В. Демидова⁵, постановления Пленума Верховного Суда обязательны для судов, поскольку такие разъяснения способствуют правильному толкованию и единообразному применению закона на всей территории РФ, а также помогают избежать ошибок в отправлении правосудия.

По мнению И. В. Крыловой, Конституционный Суд РФ рассматривает постановления Пленума Верховного Суда как акт толкования закона, который не может выступать самостоятельным предметом проверки Конституционного Суда⁶.

Исходя из данных мнений можно констатировать тот факт, что полномочия Верховного Суда РФ носят лишь вспомогательный характер и направлены, как мы уже отмечали, на восполнение тех недостатков, которые наблюдаются в процессе правоприменительной практики судами общей юрисдикции.

Т.е. как отмечено В. Н. Саламовым, разъяснения Верховного Суда РФ это средство для устранения пробелов в тех или иных сферах правового регулирования⁷.

Как нам стало известно, на протяжении длительного времени ученые дискутировали по поводу природы и юридической силы Постановлений Пленума Верховного Суда. Дискуссия в основном велась по поводу того, что являются ли эти акты источником права.

Принятый в 1979 г. Закон о Верховном Суде СССР разрешил данный спор, закрепив компетенцию Верховного Суда и определив степень обязательности издаваемых им актов⁸.

В частности в ст. 3 определяется об обобщении судебной практики, об анализе судебной статистики, о даче руководящих разъяснений по вопросам применения законодательства, которые имеют место в процессе рассмотрения судебных дел. Все перечисленное относится к компетенции Верховного Суда РФ и наталкивает на мысль, что он занимает важное место среди государственных структур и в качестве некоего социального регулятора в важных общественных отношениях – процессуальных.

Тогда возникает вопрос, почему в России не вводится судебный прецедент? Данный вопрос вплоть до сегодняш-

него дня является наиболее дискуссионным и пока не нашел должного ответа. За то мы ближе подошли к решению проблем Верховного Суда РФ.

Так, признание судебного прецедента в России в качестве источника права противоречит основному конституционному принципу разделения властей. Т.е. правом законодательной инициативы обладает только законодательная власть. Судебная власть не может осуществлять такие функции, поскольку у суда есть своя узкая сфера деятельности это осуществление правосудия. Здесь, как мы заметили, определяется ещё одно столкновение мнений. На наш взгляд, необходимо согласиться с мнением В.С. Нерсесянц о том, что судебная практика во всех ее проявлениях «представляет собой, согласно действующей Конституции Российской Федерации 1993 г., не правотворческую, а лишь правоприменительную (и соответствующую правотолковательную) деятельность»⁹. По нашему мнению, законодательная власть в России существует лишь теоретически, а практически данными полномочиями, помимо законодательной власти, наделены многие государственные, ведомственные, межведомственные структуры, также руководители учреждений, организаций, также наделены правом законодательной инициативы, иначе им не были бы вверены полномочия на издание локальных нормативно-правовых актов.

Необходимо обратить внимание на то, что сложившаяся ситуация всё же напоминает судебный прецедент. Поскольку, как мы заметили, истолкованные нормы Верховного Суда РФ всё же несут в себе силу и применяются в сходных ситуациях, которые возникают в судебном процессе.

Складывается мнение, что Российская Федерация итак переняла романо-германскую правовую систему и не хочет уподоблять свою систему какому-либо ещё порядку. Т.е. у нас своя система отправления правосудия, и все этим сказано.

Таким образом, в итоге, можно сделать следующий вывод.

Проблемы Верховного Суда РФ могут быть разрешены лишь при должном упорядочивании системы отправления правосудия. А чтобы данная система стала упорядоченной необходимо упорядочить законодательные акты РФ, которые не всегда могут отвечать интересам граждан РФ. И естественно, для упорядочивания законодательных актов РФ, необходимо, чтобы сама законодательная власть РФ, как одна из ветвей власти в системе сдержек и противовесов реализовывала свои полномочия не только путем издания нормативно-правовых актов, но и создала некий законодательный регулятор, позволяющий обеспечить смысловой, понятийный баланс во всех издаваемых нормах законодательства. Под таким регулятором имеется ввиду аутентичное толкование, которое проводится самим органом, издавшим нормативный акт, и в настоящее время, не применяющееся действующим законодательством. Т.е. мы предлагаем реализовать подобный вид толкования на практике. При этом не отменять легального толкования, которое проводится иными уполномоченными органами государственной власти, среди них же и Верховный Суд РФ. В силу чего легальное толкование, а равно право законодательной инициативы, которым также наделен Верховный Суд РФ, постепенно сами себя утратят. Таким образом, судебная система РФ, будет выполнять свои естественные функции – отправления правосудия.

Пристатейный библиографический список

- 3 Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «О Верховном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «Консультант-Плюс».
- 4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
- 5 Демидов В. В. Обязательны ли для судей разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ? // Адвокатские вести. - 2004. - № 6. - С. 3-5.
- 6 Крылова И. В. Ленинградский юридический журнал // Судебная практика в гражданском и арбитражном процессе. - 2008. - № 3. - С. 5-12.
- 7 Саламов В. Н. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Евразийский научный журнал. - 2017. - № 7.
- 8 Акты толкования Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции // Евразийский научный журнал. - 2017. - № 7. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.jourclub.ru/36/600/> (дата обращения: 12.05.2018).
- 9 Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. - М., 1997. - С. 34.
1. Демидов В.В. Обязательны ли для судей разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ? // Адвокатские вести. - 2004. - № 6. - С. 3-5.
2. Крылова И.В. Ленинградский юридический журнал // Судебная практика в гражданском и арбитражном процессе. - 2008. - № 3. - С. 5-12.
3. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. - М., 1997.
4. Саламов В.Н. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Евразийский научный журнал. - 2017. - № 7.

КАРПЕНКО Вера Владимировна

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академия управления МВД России, подполковник полиции

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В ГЕНЕЗИСЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел, которая реализуется не только в правовых актах, регулирующих сферу правоохранительной деятельности, но и в личностных смыслах, поступках, поведении, взаимоотношениях.

Ключевые слова: профессиональная этика, профессиональный долг, правила поведения сотрудника, профессиональная ответственность, закон и порядок.

KARPENKO Vera Vladimirovna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-pedagogical personnel of the Academy of management of the MIA of Russia, police lieutenant colonel

Карпенко В. В.

PROFESSIONAL ETHICS IN GENESIS OF LEGAL RELATIONS AND LAW ENFORCEMENT

The article deals with the problems of professional ethics of employees of the internal affairs bodies, which is implemented not only in legal acts regulating the sphere of law enforcement, but also in personal meanings, actions, behavior, relationships.

Keywords: professional ethics, professional duty, employee behavior rules, professional responsibility, law and order.

Профессиональная этика в настоящее время представляет собой самый активно обсуждаемый и популярный раздел прикладной этики. Прежде всего, данный факт связывают с интенсивным развитием и институализацией многих профессиональных отраслей, в которых этические вопросы представляют суть самой профессиональной деятельности, определяя ее характер и перспективы. Действительно, практически любая сфера профессиональной деятельности человека предъявляет к людям, которые ее избрали, определенные нравственные и моральные требования. Особенно актуально это в современном обществе, где повышенный уровень специализации труда позволяет одному работнику выполнять задачи, которые раньше были возложены на десятки и иногда даже сотни людей¹. В этих условиях общество зачастую начинает зависеть от действий какого-либо одного человека. Таким образом, неэтичные поступки конкретного человека могут привести к негативным последствиям в деятельности как отдельного учреждения, так и в целом для профессиональной сферы. Вопросы регуляции нравственных отношений в трудовой сфере относятся к компетенции профессиональной этики.

Кодекс профессиональной этики сотрудника ОВД РФ, утвержденный приказом Министра внутренних дел Российской Федерации № 1138 от 24 декабря 2008 года функционировал более пяти лет, ныне отменен. За время его действия многие действующие сотрудники ОВД неоднократно высказывали мнение о том, что данный документ не дает исчерпывающего объема нормативной направленности поведения сотрудника ОВД. Можно предположить, что не в последнюю очередь это связано с тем, что кодекс не давал четкого обозначения определений и понятий, к соблюдению которых он призывал.

В настоящее время, с целью регулирования отношений, складывающихся в сфере профессиональной этики сотруд-

ников ОВД, используют Типовой кодекс профессиональной этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих.

В отношении таких категориальных понятий, как честь, достоинство, долг, совесть, мораль и многих других, в поле нормативной документации нет ни одной более или менее строгой позиции, которая могла бы служить ориентиром применения данных понятий на практике. Иными словами, лица, воспитанные в контексте современной массовой культуры (в том числе сотрудников ОВД), имеют представление лишь об этических понятиях и категориях (то есть о форме), но поверхностное, чаще всего субъективное, мнение об их смысле и нравственной стороне².

Несомненно, что многие из специфических категорий профессиональной этики конкретизируют общеэтические: в аспекте профессиональной деятельности, например, совесть – профессиональная совесть, долг – профессиональный долг, ответственность – профессиональная ответственность, гордость – профессиональная гордость.

Такие взаимосвязанные и взаимообусловленные профессиональные категории как «профессиональная ответственность», «профессиональный долг», «профессиональная честь» являются наиболее распространенными по сравнению с другими профессиональными категориями. Безусловно, основой для всех категорий профессиональной этики является категория профессионального долга, которая, основываясь на деонтологии, преобразует ее ключевое понятие – морального долга, пронося его сквозь призму конкретных профессий и профессиональной деятельности в целом. Категория профессионального долга не является исключительно самостоятельной, поскольку очень тесно связана с такими категориями, как профессиональная честь и профессиональная ответственность. При этом необходимо понимать, что пове-

1 Сафонов К. С. Профессиональная этика в структуре современного философского знания: дис. ... канд. филос. наук. – Тула, 2011. – С. 19.

2 Кушнаренко И. А., Чикалов О. В. Перспективы развития профессиональной этики сотрудников ОВД в свете эллинистической философской традиции // Вестник университета (государственный университет управления). – 2014. – № 1. – С. 258.

дение человека в профессиональной сфере не может зависеть только от сформированных у него изначальных этических представлений. Руководству организации необходимо рассматривать процесс формирования представления о профессиональном долге как необходимый и непрерывный. Формируемые этические представления должны укладываться в общую концепцию и миссию функционирования организации. Немаловажным фактором представляется мотивация к следованию профессиональному долгу. Она не может вступать в противоречие с этическими представлениями сотрудника и его личностными характеристиками. По мнению Е. С. Протанской, идеология долга не может не опираться на идеи подвижничества, восходящие к идеям С. Булгакова, и послушания, на понимание того, что всякая деятельность предполагает и имеет смысл при условии гуманистических целей этой деятельности, «здесь встает вопрос о безусловности долга – о надежности специалиста»³.

Несомненно, что с категорией профессионального долга тесно связана категория профессиональной чести. Если профессиональный долг – это своего рода обязанность по отношению к самому себе, коллегам по службе и обществу в целом, то честь – это понятие, отражающее признание достоинств человека со стороны других людей. В. И. Дружинин полагает, что в чести отражаются обязательные для членов данного сообщества требования⁴. По нашему мнению, профессиональная честь является одной из важнейших категорий профессиональной этики и проявляется в положительной социально-нравственной оценке профессионала.

Вместе с тем, можно отдельно выделить такие специфические категории профессиональной этики, как компетентность, профессиональная квалификация, деловая репутация, умения, мастерство, т.е. составные части профессионализма.

Проблемами профессионализма занимаются следующие самостоятельные науки: педагогика, психология, менеджмент и т.д. Многие исследования в области психологии, психофизиологии (А. М. Столяренко «Педагогическая системология»⁵ и «Физиология высшей нервной деятельности»⁶, Н. В. Макаренко⁷) наглядно доказывают, что так или иначе профессиональная деятельность влияет на индивидуально-психологические особенности человека и на нравственные качества личности в том числе.

Каждая из научных отраслей, занимающаяся проблемами формирования профессионализма, по-своему трактует данную категорию. В рамках нашего исследования целесообразно рассматривать категорию профессионализма как совокупность свойств человека, его знаний, профессиональных умений и профессиональных навыков, разнообразных компетенций, позволяющих качественно, эффективно, надежно выполнять свою работу.

Характеризуя категорию профессионализма, как правило, учитываются лишь личностные характеристики и упускаются, на наш взгляд, объективные характеристики профессии, что не в полной мере отражает данное явление. Профессиональная этика, исследуя проблемы этики профессиональных сфер деятельности, может рассматривать только те личностные качества, которые непосредственно влияют на выполнение профессиональных обязанностей. К. С. Сафонов указывает, например, что для профессии шахтера и аудитора такое качество лич-

ности, как искренность, будет иметь различное значение. Для первого случая данное качество будет индифферентным, тогда как для второго – очень важным⁸. Можно утверждать, что одна и та же характеристика личности применительно к одной профессии будет определяющей и совершенно наоборот – для другой профессии. Соответственно определенные этические черты личности могут формировать ее профессионализм.

И. В. Силуянова⁹ отмечает, что «понятие «профессионализм» фиксирует не только род деятельности, но, во-первых, меру овладения человеком специальных знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки или опыта работы, во-вторых, – качество, своеобразие знаний, относящихся именно к этой профессии, связанных именно с ней и именно ей свойственных». Можно предположить, что профессиональная этика является базисом профессионализма.

Являясь комплексной категорией, категория профессионализма, связанная с такими категориями профессиональной этики, как профессиональная ответственность, профессиональный долг, – выступает в качестве одной из моральных характеристик личности, формируя этичность профессиональной деятельности любого человека.

На наш взгляд, профессиональная этика сотрудников ОВД реализуется не только в правовых актах, регулирующих сферу правоохранительной деятельности, но и, в большей степени, в личностных смыслах, поступках, поведении, взаимоотношениях. В широком смысле задача полиции заключается в защите закона и правопорядка, а также юридически не закреплённого, но имеющего характер нормы, обычая, традиции кодекса нравственных норм общества. Таким образом, сотрудник ОВД является блюстителем не только закона, но и нравственного порядка, и восприятие гражданами состояния законности и правопорядка зависит, в том числе, от его поведения. Эта специфика правового и нравственного статуса сотрудника ОВД обуславливает повышенный уровень ответственности за совершаемые поступки, как в оперативно-служебной деятельности, так и за ее пределами.

Пристатейный библиографический список

1. Дружинин В. И. Честь // Этика: Энциклопедический словарь. – М., 2001.
2. Кушнаренко И. А., Чикалов О. В. Перспективы развития профессиональной этики сотрудников ОВД в свете эллинистической философской традиции // Вестник университета (государственный университет управления). – 2014. – № 1.
3. Макаренко Н. В. Основы профессионального психофизиологического отбора. – Киев, 1987.
4. Протанская Е. С. Моральная надежность – категория профессиональной этики // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. – СПб., 2000.
5. Сафонов К. С. Профессиональная этика в структуре современного философского знания: дис. ... канд. филос. наук. – Тула, 2011.
6. Силуянова И. В. Нравственная культура врача как основание медицинского профессионализма // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 1 (42).
7. Столяренко А. М. Педагогическая системология: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
8. Столяренко А. М. Физиология высшей нервной деятельности: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
9. Сафонов К. С. Профессиональная этика в структуре современного философского знания: дис. ...канд. филос. наук. – Тула, 2011. – С. 19.
10. Силуянова И. В. Нравственная культура врача как основание медицинского профессионализма // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 1 (42). – С. 5.

3 Протанская Е. С. Моральная надежность – категория профессиональной этики // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. – СПб., 2000. – С. 131.

4 Дружинин В. И. Честь // Этика: Энциклопедический словарь. – М., 2001. – С. 542.

5 Столяренко А. М. Педагогическая системология: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – С. 320.

6 Столяренко А. М. Физиология высшей нервной деятельности: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 465.

7 Макаренко Н. В. Основы профессионального психофизиологического отбора. – Киев, 1987. – С. 224.

ОМАРОВА Рукият Магомедрасуловна

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА НА ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЯХ

В статье рассматриваются наиболее характерные особенности и взаимосвязь верховенства права на внутригосударственном и международном уровнях. Показывается взаимное влияние международного и внутригосударственного принципов, наличие общих (совпадающих) элементов, а также их различия. Акцентируется внимание на решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Основными методами достижения результатов являются: формально-юридический, системный, функциональный, логические приемы анализа и синтеза.

Ключевые слова: правовое государство, право, принцип верховенства права, права и свободы человека и гражданина, формальная законность, правовая определенность.

OMAROVA Rukiyat Magomedrasulovna

magister student of the Institute of Law of the Dagestan State University

Омарова Р. М.

RULE OF LAW AT THE DOMESTIC AND INTERNATIONAL LEVELS

The article discusses the most characteristic features and interrelationship of the rule of law at the domestic and international levels. It shows the mutual influence of international and domestic principles, the presence of common (coincident) elements, as well as their differences. The attention is focused on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The main methods of achieving results are formal legal, systemic, functional, logical methods of analysis and synthesis.

Keywords: rule of law, law, principle of the rule of law, rights and freedoms of man and citizen, formal legality, legal certainty.

Принцип верховенства права прошел долгий путь от идеи, попытки воплощения которой были предприняты еще четыре века назад в отдельной стране, до формирования целостной концепции и принятия ее во многих странах, направленных на построение правового государства.

Сам термин «верховенство права» возник в английской правовой традиции в XVII в. Длительный период в английской литературе термин «rule of law» в известной мере считался эквивалентом термина «правовое государство»¹. В России понятие «верховенство права» возникло при принятии Конституции 1993 года, однако в самой Конституции данного термина нет. В отечественной юридической науке подчеркивается, что Российской Федерации как демократическому правовому государству присущ такой важнейший принцип как принцип «верховенства права», который лежит в основе правовой системы государства².

Конституционный суд РФ добавил существенное дополнение к доктринальной интерпретации принципа: «Принцип верховенства права ... предполагает правоцелесообразность, подчинение и сплоченность правом и он, как таковое, имеет универсальное значение для формирования системы. Он основан на всей конституционно-правовой системе, которая не только проникает в нормативное содержание каждого конституционного права и свободы, но и пронизывает все конституционные нормы и институты...» Также Суд установил четкое понимание верховенства права, в част-

ности, законности и справедливости. Аналогичным образом он недвусмысленно подчеркнул, что одними из важных критериев законодательства являются принципы правового государства, правового равенства и справедливости (включая верховенство права)³.

Следует отметить, что верховенство права есть не просто формальная законность, обеспечивающая единообразие и последовательность в осуществлении и обеспечении функционирования демократической системы, но и справедливость, основанная на полном признании и принятии высшей ценности человеческой личности и гарантированная институтами, обеспечивающими основу ее полнейшего выражения⁴. Властные структуры должны быть наделены компетенцией на основе права и действовать в пределах своих полномочий.

В свою очередь, сердцевиной изучения принципа «верховенства права» в Российской Федерации выступает человек, его права и свободы. Верховенство права и прав человека является основным принципом правового государства, раскрывающим его важные стороны функционирования⁵. Все государственные решения должны основываться на согласии свободного гражданского общества. Отсюда следует, что есть необходимость защищать и гарантировать основные права и свободы граждан. В современной России все еще можно наблюдать за тем, как повсеместно нарушаются права граждан, гарантированные государством. Различные органы, которые

1 Бекишиева С. Р. Правовое государство и верховенство права: проблемы соотношения и практического воплощения в российской правовой системе // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 23. № 3. С. 18-25.

2 Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. С. 496.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (Ч. II). С. 3199.

4 Бекишиева С. Р. Историческое развитие идеи верховенства права // Политика и общество. 2016. № 12. С. 1700-1707.

5 Комарова Т. А. Верховенство права: доктринальное понятие или реальный принцип гражданского судопроизводства, применяемый при пересмотре гражданских дел // Вопросы российского и международного права. 2015. № 8-9. С. 50-65.

должны быть задействованы в реализации и защите прав человека, не в полной мере задействованы.

Концепция внешней политики Российской Федерации направлена на верховенство права в международных отношениях и рассматривается как один из приоритетов России в решении глобальных проблем. Она обеспечивает реализацию общепризнанных норм международного права, кодификацию и прогрессивное развитие международного права, международных договоров Организации Объединенных Наций и их единообразное применение, а также продвижение европейских и других региональных правовых пространств⁶.

При рассмотрении взаимодействия между верховенством права на международном и внутригосударственном уровнях, необходимо отметить следующее: это закономерное следствие глобализации мира, растущей взаимозависимости государств, международного и национального права, расширения общих сфер регулирования⁷.

Основные принципы, характеризующие значимость права в сообществе государств и права внутри них, тесно связаны и взаимозависимы. Это обусловлено взаимосвязью обеспечения верховенства права на международном и внутригосударственном уровнях: реализация верховенства права внутри государства в логическом порядке формирует отношения, базирующиеся на этом принципе и между ними. Данное взаимодействие можно отслеживать по нескольким направлениям:

- 1) влияние международного принципа на утверждение и расширение внутреннего принципа верховенства права;
- 2) разработка элементов принципа на внутригосударственном уровне;
- 3) помощь внутригосударственного механизма в реализации международного принципа;
- 4) наличие общих элементов международного и внутреннего принципов и т.д.

Ориентировочное влияние международного принципа верховенства права на правовую систему России в целом произошло на протяжении всего периода с момента принятия Конституции 1993 года. А именно, на нормативную часть правовой системы – содержание законодательства, на функциональную – прежде всего судебную практику, на идеологическую – правовую политику и правосознание, а также на институциональную составляющую политической системы – систему государственных органов с точки зрения разделения властей⁸.

В качестве примера можно отметить акцент на важном аспекте международного принципа верховенства права – недопустимость пересмотра окончательного решения суда. Практика высших судебных инстанций свидетельствует о последовательном осуществлении этого общепризнанного международного принципа. В частности, Верховный Суд РФ подчеркнул, что «одним из фундаментальных аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который требует, в частности, не оспаривать принятое окончательное решение судов». Под правовой определенностью подразумевают невозможность пересмотреть случай,

который был разрешен один раз». Конституционный Суд РФ также признает принцип правовой определенности критерием обеспечения верховенства права. В юридической науке подчеркивается, что правообеспечительная нацеленность судебной системы РФ полностью соответствует предположениям о верховенстве права⁹.

Конституционный Суд РФ также последовательно подчеркивает свою правовую позицию в отношении первоочередности прав и свобод человека, верховенства действующей в стране Конституции России над всеми действующими в стране актами – не только внутренними, но и международными: «...в российской правовой системе, которая основана на верховенстве Конституции, если правила международного договора противоречат ее положениям, то они не могут находить своего применения...»¹⁰, «...ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека ... не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации»¹¹.

Внутригосударственный механизм в реализации международного принципа имеет особое значение, когда речь идет о правах человека, обеспечивая ответственность государства перед всеми людьми, находящимися на его территории и под его юрисдикцией, в выполнении международных обязательств в области прав человека, обеспечении их прав и обеспечении верховенства прав человека.

Международный и внутригосударственный принципы верховенства права имеют совпадающие элементы. Суды принимают свои решения внутри государства не только на основе Конституции и законов, но они также опираются на международные акты, подчеркивая основанность на общих принципах правового государства, верховенства права и его конкретных элементов.

Важно признать, что существует значительная разница между национальной правовой и политической системами и международным сообществом. На национальном уровне верховенство права в первую очередь влияет на иерархические отношения между государством и его гражданами. Верховенство права здесь – это во многом понимание того, как организовать могущественное государство и осуществлять его деятельность.

Эта иерархия не эквивалентна на международном уровне. В свою очередь, международное сообщество состоит из более 190 суверенных государств и большого числа неправительственных организаций. Не существует «супергосударства» или «универсального правительства», которому подчиняются все эти государства и организации. Например, правотворческую деятельность на национальном уровне осуществляют государство и его органы. На международном уровне не существует единого центрального законодательного органа, правотворчество представляет собой совместное дело государств и международных организаций. Эти разли-

6 Паломбелла Д. Особенности глобального права и взаимодействие различных правопорядков // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6. С. 38–46.

7 Марочкин С. Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10. С. 85–94.

8 Сырых В. М. Теория государства и права. Учеб. для вузов. М., 2012. С. 538–542.

9 Гаджиев Г. А. Судебная доктрина верховенства права в России // Международные правовые доктрины: поиск взаимопонимания. М.: ЛУМ, 2013. С. 13–44.

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 9.07.2012 г. № 17-П // Российская газета. 2012. 20 июля.

11 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Российская газета. 2015. 27 июля.

чия между национальными и международными правовыми системами не изменяют, как упоминалось выше, сущность верховенства права. Они, как правило, не меняют и требований верховенства права.

Таким образом, охватываются совпадающие, а также различающие сферы регулирования международного и национального права. Эта тенденция прослеживается в документах ООН по рассматриваемому вопросу. Вначале в них речь шла о самостоятельных задачах по укреплению верховенства права в государствах и в отношениях между собой. В докладе Генерального секретаря ООН 2012 г. в разделе «Усиление связи между национальным и международным уровнями» говорится о необходимости развития взаимодействия между внутренними и международными принципами. В доктрине развивается идея о том, что настало время сосредоточить внимание и усилия на принципе не на одном уровне, а на общем принципе верховенства права для различных правовых порядков. Из практики российских судов видно, что они исходят именно из единого содержания принципа и отдельных его элементов, как это предусматривается международным и внутригосударственным правом. Таким образом, он нашел свое полное воплощение в правовой системе Российской Федерации.

Таким образом, в заключении можно сформулировать следующие выводы:

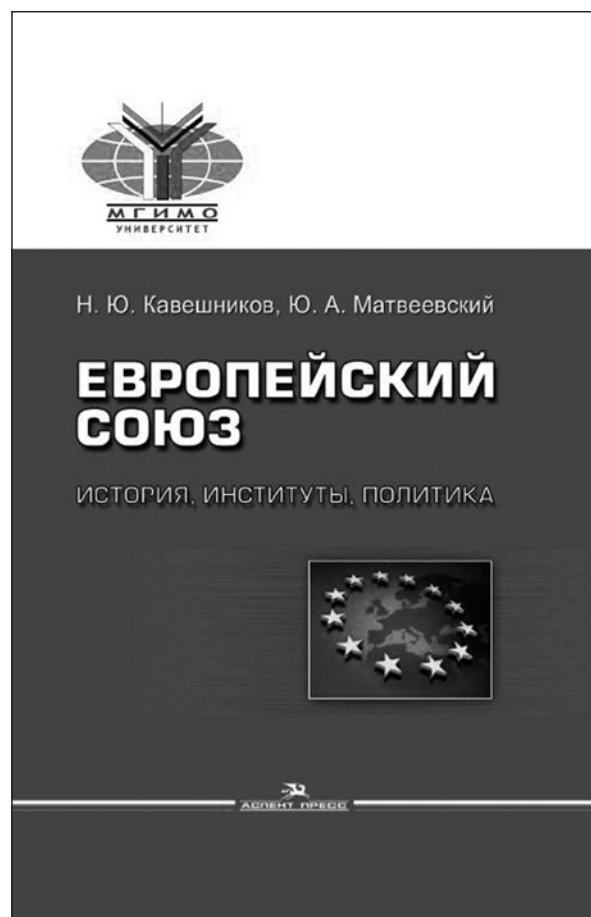
1. Верховенство права способствует прогрессивному развитию мирового сообщества на основе права и справедливости. Несмотря на решение Конституционного Суда РФ о недопустимости отмены приоритета Конституции РФ решениями Европейского Суда по правам человека устойчивый подход Российской Федерации к полному осуществлению принципа верховенства права внутри страны и за ее пределами способствует прогрессивному развитию современного международного права и его институтов.

2. Имеются и сходства и различия в содержании принципа верховенства права на внутригосударственном и международном уровнях. При этом их возрастающая взаимозависимость значительно развивает и укрепляет каждое из них. А различия между национальными и международными правовыми системами не изменяют сущности и требований верховенства права.

Пристатейный библиографический список

1. Бекишиева С. Р. Историческое развитие идеи верховенства права // Политика и общество. 2016. № 12. С. 1700-1707.
2. Бекишиева С. Р. Правовое государство и верховенство права: проблемы соотношения и практического воплощения в российской правовой системе // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 23. № 3. С. 18-25.
3. Гаджиев Г. А. Судебная доктрина верховенства права в России // Международные правовые доктрины: поиск взаимопонимания. М.: ЛУМ, 2013. С. 13-44.
4. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013.
5. Комарова Т. А. Верховенство права: доктринальное понятие или реальный принцип гражданского судопроизводства, применяемый при пересмотре гражданских дел // Вопросы российского и международного права. 2015. № 8-9. С. 50-65.

6. Марочкин С. Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10. С. 85-94.
7. Паломбелла Д. Особенности глобального права и взаимодействие различных правовых порядков // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6. С. 38-46.
8. Сырых В. М. Теория государства и права. Учеб. для вузов. М., 2012.

УБАЙДАТОВ Магомед Магомеднасырович

магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ АДВОКАТОВ

О различных формах проявления деформации профессионального правосознания, свойственных непосредственно адвокатам, написано во многих работах по исследуемой тематике. В данной работе представляется правильным рассмотреть причины деформации профессионального правосознания адвокатов и меры по его преодолению.

Ключевые слова: адвокат, деформация, правосознание, деформация правосознания, правосознание адвоката.

UBAYDATOV Magomed Magomednasyrovich

magister student of 2 years of education of the Law Institute of the Dagestan State University

DEFORMATION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF LAWYERS

About the various forms of manifestation of the deformation of professional legal awareness, peculiar to lawyers directly, it has been written in many works on the subject studied. In this paper, it seems right to consider the causes of the deformation of the professional legal awareness of lawyers and measures to overcome it.

Keywords: lawyer, deformation, deformation of the legal consciousness, legal consciousness, legal consciousness of lawyers.

В условиях формирования гражданского общества и правового государства все более актуализируется проблема защиты прав граждан. Одно из важных мест в системе защиты прав и свобод играет институт адвокатуры. Слабая правовая защищенность личности подрывает веру в закон, способность права обеспечить порядок. Переставая уважать право, даже законопослушные граждане начинают допускать мысли о необязательности и отсутствии необходимости соблюдения правовых норм. Правосознание адвокатов занимает важное место в процессе построения правового государства, поскольку только адвокаты со здоровым правосознанием могут предоставлять качественную юридическую помощь гражданам и тем самым осуществлять их правовую защиту, гарантированную каждому Конституцией РФ.

Особенности профессионального сознания адвокатов выражаются не только в знании ими норм и категорий права, но и в соблюдении моральных принципов при решении профессиональных задач, что позволяет сформировать особое профессиональное отношение к праву и практике его реализации, а также своего поведения в этом процессе¹.

К сожалению, по мнению многих исследователей, в числе которых и Иванченков Ю. В.: «В настоящее время можно говорить о профессиональной деформации адвокатов, которая оказывает большое влияние на оказание качественной юридической помощи».

Термин «деформация» буквально означает «изменение формы, искажение чего-либо». Как справедливо отмечал в свое время В. Н. Кудрявцев, «любая деформация в правовой сфере действия индивида (поведения, правосознания, правовой культуры и т. д.), вызванная различными объективными и субъективными факторами, с его стороны часто приводит к противоправному поступку»².

Из статистики о работе квалификационных комиссий адвокатских палат и дисциплинарной практике, приведенной Федеральной палатой адвокатов РФ следует, что «в 2015 г.

квалификационные комиссии рассмотрели в отношении адвокатов 4894 (2014 г. – 4738) дисциплинарных производств, в том числе 193 (2014 г. – 150) – по представлениям территориальных органов юстиции. К дисциплинарной ответственности привлечено 2942 (2014 г. – 2 798) адвоката (60 %), в том числе по представлениям территориальных органов юстиции – 76 (2014 г. – 63)³.

Как можно наблюдать из приведенной выше статистики, число дисциплинарных производств, произведенных квалификационными комиссиями, свидетельствует о существовании тенденции к повышению количества нарушений, допускаемых адвокатами при исполнении профессиональных обязанностей.

Анализ трудов отечественных авторов посвященных рассматриваемой теме, показывает, что традиционно низкая правовая культура всего населения является одной из фундаментальных причин деформации правового сознания адвокатов. Как справедливо отмечает в своей работе Мартышин О. В.: «Специфика правовой культуры России очевидна, а ее наследственность в этом плане трудно признать благоприятной». В обществе где вера в право практически отсутствует сложно сформировать пласт населения с высоким уровнем правовой культурой и «здоровым» правосознанием. Следовательно, не обошла деформация правового сознания и адвокатское сообщество.

В современный период переходного состояния государства причиной возникающих деформаций правосознания адвокатов является несформированность правовых ценностей. По справедливому замечанию Иванченкова Ю. В. «С разрушением коммунистической идеологии и формированием рыночной экономики, ориентирующейся на рыночные ценности, появились вакуум и хаос в нравственном и правовом сознании как всего общества в целом, так и индивидуального сознания отдельных адвокатов». В погоне за наживой, сиюминутной прибылью, адвокаты не брезгают переступить через нравственные устои общества и обходить закон, а порой и прямо нарушать его. Тому свидетельствует статистика СКР, согласно которой, за январь-сентябрь 2016 года, в суды

1 Пономаренко В. В. Психологические особенности профессионального сознания адвокатов // Психология, социология и педагогика. 2014. № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2014/08/3496> (дата обращения: 15.05.2018).

2 Стругова Е. В. О правосознании и его деформации // Юридическая наука. 2016. № 31. С. 41-48.

3 Информационная справка о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2015 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fparf.ru/documents/statistika_fpa/

поступили уголовные дела в отношении 427 лиц с особым правовым статусом. В их числе были 42 адвоката⁴.

«Одной из проблем качества оказания юридических услуг адвокатами по назначению выступает отсутствие материальной заинтересованности в исходе дела»⁵, - отмечает Панченко В. Ю. и Сабиров А. М. Это в свою очередь также является одной из причин профессиональной деформации правового сознания адвокатов. Ведь не секрет, что гонорары за участие в деле по назначению в разы меньше получаемых за предоставление юридической помощи по договору. Согласно информационной справке о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2015 году. В дисциплинарном порядке статус адвоката прекращена неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей перед доверителем при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве по назначению у 3,9 % привлеченных адвокатов. Цифры хоть и не критические, но настораживает тот факт, что по тому же основанию в 2014 году статус адвокатов был прекращен у 1,7 % привлеченных адвокатов.

Одну из причин профессиональной деформации правосознания адвокатов Мигущенко О. Н. связывает с внешней средой, говоря о том, что «вовлеченность субъектов в девиантную среду делает уже невозможным удовлетворение ими своих потребностей правовыми средствами, сознание деформируется».

Что касается мер преодоления правового нигилизма и иных форм деформации правосознания то, здесь представляется верным упомянуть мнение Безносова С. П., который предлагает следующие пути профилактики профессиональной деформации личности и реабилитации: проведение профессионального психологического отбора; повышение психологической компетенции адвокатов («предупрежден — значит вооружен»); психологическая диагностика и индивидуальное консультирование адвокатов; тренинги профессионального и личностного роста адвокатов; овладение приемами саморегуляции эмоционально-волевой сферы и самокоррекции профессиональной деформации; повышение квалификации адвоката⁶.

Необходимо отметить и заложенную в нормах законодательства об адвокатской деятельности обязанность адвокатов постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень. В этих целях решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 30 ноября 2007 года была утверждена «Единая методика профессиональной подготовки и переподготовки адвокатов и стажеров адвокатов», которая определила необходимость повышения квалификации адвокатов в объеме не менее 20 часов в год или не менее 100 часов каждые пять лет.

Эти меры, безусловно, кажутся эффективными. Однако акцент должен быть сделан на правовое воспитание, которое является одним из основных средств формирования и повышения правосознания общества и адвокатов, в частности. Эту задачу должны брать на себя и СМИ, которые имеют прямой доступ к обширной аудитории населения, и учебные заведения не только юридической направленности. Работа по правовому просвещению должна вестись со школьной скамьи. Необходимо во всех школах вводить учебные дисциплины «право», «обществознание» и т.п.

В этой связи, установленная, согласно пункту 4 ст. 29 Закона об адвокатуре, обязанность адвокатских палат обе-

спечить контроль за профессиональной подготовкой лиц, допускаемых к осуществлению адвокатской деятельности является существенной мерой по профилактике деформации профессионального правового сознания адвокатов. Ведь обучение стажеров – это важный процесс, которому адвокатское сообщество должно уделять не меньше внимания, чем профессиональной подготовке уже действующих адвокатов.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что работа по улучшению качества правового просвещения и правового воспитания является первоочередной задачей для решения проблемы деформации правосознания в адвокатской среде.

Пристатейный библиографический список

1. Безносов С. П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004.
2. Граматиков В. В. Основания классификации видов деформации профессионального правосознания адвоката // В сборнике: наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы. Материалы международной научно-практической конференции: в 2х частях. Научный центр «Диспут». 2016. С. 113-114.
3. Иванченков Ю. В. Деформация правосознания адвоката в условиях современной России как фактор оказания некачественной юридической помощи // Адвокатская практика. 2011. № 4. С. 2-7.
4. Информационная справка о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2015 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fparf.ru/documents/statistika_fpa/.
5. Мартышин О. В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. М.: Наука, 2003. № 10. С. 24-30.
6. Мигущенко О. Н. Деформация правосознания субъектов применения права в условиях общества переходного типа // Мировой судья. № 7. 2011. С. 6-8.
7. Морозова Л. А. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010.
8. Особый статус: с начала года СКР отдал под суд троих судей и 42 адвокатов». Взято из [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/136609/>.
9. Панченко В. Ю., Сабиров А. М. К вопросу о критериях определения размера оплаты труда адвокатов по назначению // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 11. С. 246-248.
10. Пономаренко В. В. Психологические особенности профессионального сознания адвокатов // Психология, социология и педагогика. 2014. № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2014/08/3496> (дата обращения: 12.01.2018).
11. Скабелина Л. А. Психологические аспекты адвокатской деятельности: монография. М.: Федеральная палата адвокатов, 2012.
12. Стругова Е. В. О правосознании и его деформации // Юридическая наука. 2016. № 31. С. 41-48.
13. Цеева С. К. Влияние средств массовой информации на правовую психологию населения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: 2008. Вып. № 2. С. 199-202.
14. Чуйков Д. Понятие деформации профессионального правосознания // Российский судья. 2008. № 8. С. 44-47.

4 «Особый статус»: с начала года СКР отдал под суд троих судей и 42 адвокатов». Взято из: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/136609/>.

5 Панченко В. Ю., Сабиров А. М. К вопросу о критериях определения размера оплаты труда адвокатов по назначению // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 11. С. 246-248.

6 Безносов С. П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. С. 272.

ХАЧАТУРОВ Рудольф Леонович

доктор юридических наук, профессор юридического факультета Тольяттинского государственного университета

ДРЕВНЕВОСТОЧНОЕ ПРАВО И ЕГО НРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ АВЕСТЫ)

В статье анализируется нормативно-правовой материал Авесты – древнеиранского источника религиозных, морально-нравственных и правовых норм. Основное внимание уделено изучению Видевдата («Закона против дэвов») – одной из четырех книг в составе Авесты, содержащей значительный объем предписаний правового характера. На основе анализа нормативного регулирования различных сфер общественных отношений было установлено, что в положениях данного источника с особой силой звучат призывы к следованию морально-нравственным принципам (запрет жестокого обращения с животными, осуждение гомосексуализма, аборт и др.).

Ключевые слова: Древний Восток, Авеста, Заратустра, зороастризм, право, религия, нравственность.

KNACHATUROV Rudolf Levonovich

Ph.D. in Law, professor of the Law Faculty of the Togliatti State University

ANCIENT ORIENTAL LAW AND ITS MORAL IMPERATIVES (THE CASE OF AVESTA)

In the article the legal material of the Avesta – the ancient Iranian source of religious, moral and legal norms – is analyzed. This article provides a thorough introduction to the Videvat («Law against the Devas»), one of four books in the composition of the Avesta, which contains a significant volume of provisions of a legal nature. Based on the analysis of the normative regulation of various spheres of social relations, it was found that the provisions of this source with particular force calls for adherence to moral principles (prohibition of cruelty to animals, condemnation of homosexuality, abortion, etc.).

Keywords: Ancient East, Avesta, Zarathustra, Zoroastrianism, law, religion, morality.

Авеста – свод нормативных предписаний, регулирующих поведение древних иранцев в различных сферах жизни. В ней нашли органичное переплетение религиозные, морально-нравственные и правовые нормы.

Авеста является священным писанием зороастризма – религии, основанной 3500 лет назад древнеиранским пророком Заратустрой (др.-греч. Зороастр)¹.

Зороастризм как первая по времени появления религия-откровение, то есть основанная на открытии божеством своей воли человеку, оказала влияние на становление таких монотеистических религий, как иудаизм, христианство, ислам, а также на северный вариант буддизма – буддизм махаяны².

По замечанию английской исследовательницы зороастризма М. Бойс, зороастризм – «это благородная религия, отдельные её положения уникальны и замечательны. Они давали возможность последователям вести целеустремленную и приносящую удовлетворение жизнь, что, в свою очередь, пробудило в них глубокую преданность к своей вере»³.

Указанные обстоятельства послужили причинами до сих пор неисчерпаемого интереса к данной религии и к ос-

новополагающему источнику, закрепляющему её постулаты, – книге «Авеста»⁴.

Однако, на наш взгляд, живой интерес к данному памятнику на протяжении вот уже нескольких столетий вызывается и ещё одним обстоятельством, а именно тем, что многие её положения не перестают звучать актуально для своей эпохи. В основе проповедей Заратустры лежал призыв следовать религиозным и морально-нравственным идеалам: единобожию, ведению жизни в соответствии с тремя принципами – благая мысль, благое слово и благое дело, выступлению в мировой борьбе добра и зла на стороне добра. Добродетель считалась принадлежностью естественного порядка вещей, а порок, зло и ложь – нарушением такого порядка.

В своевременности положений данного памятника мы убеждаемся ещё больше, когда обращаемся к книге «Видевдат», которая является одной из трёх частей так называемой Большой Авесты и содержит в себе предписания правового характера.

Прежде, чем перейти к анализу правовых положений Видевдата, кратко охарактеризуем историю кодификации и структуру Авесты.

1 Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religion.historic.ru/books/item/foo/soo/zo000019/index.shtml> (дата обращения: 21.12.2018).

2 Стеблин-Каменский И. М. Авеста и зороастризм: древность и современность (религия и оккультизм) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2005. Т. 2004. С. 142; Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religion.historic.ru/books/item/foo/soo/zo000019/index.shtml> (дата обращения: 21.12.2018).

3 Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1988. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://religion.historic.ru/books/item/foo/soo/zo000019/index.shtml> (дата обращения: 21.12.2018).

4 Ганбаров С. Г. Политические и правовые идеи в Авесте: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Баку, 1992. 19 с.; Рахмонов Р. И. Авеста – великий историко-правовой источник // Проблемы современной науки и образования. – 2013. – № 2 (16). – С. 132-133; Графский А. Г. Правовая мысль Древнего Ирана: Авеста. Сасанидский судебник / Антология мировой правовой мысли. Т. 1. – М.: Мысль, 1999. – 749 с.; Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен в Передней Азии. – М.: Восточная литература, 2007. – 513 с.; Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. Зороастрийское право в контексте религиозно-правовых учений древней и раннесредневековой Центральной Азии // Государство и право. – 2000. – № 7. – С. 93-107; Дьяконов И. М. История Мидии: от древнейших времен до конца IV в. до н.э. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 489 с. и др.

Первоначально содержание Авесты передавалось устно. Первую запись её текста относят ко времени правления Каянидского царя Виштаспа. При этом отмечается, что запись была осуществлена «на 12 тысячах кожаных листах золотыми буквами»⁵. Профессор А.Г. Халиков выделяет четыре этапа кодификации Авесты: «1. Кодификация эпохи Виштаспа Каянида, в конце жизни самого Зороастра. 2. Кодификация эпохи Ахеменидов, которую сожгли греки. 3. Кодификация эпохи Аршакидов (I-III вв.). 4. Кодификация эпохи Сасанидов»⁶.

В период правления Сасанидов для записи Авесты был разработан специальный алфавит, который получил название авестийского.

Как отмечает Х. Э. Абдуносирова, после разрушения державы Сасанидов и начавшейся в результате арабского завоевания исламизации, часть рукописей Авесты была утрачена, поэтому дошедший до наших дней текст является лишь частью того собрания текстов, которые были кодифицированы при Сасанидах⁷.

Сохранившийся до наших дней текст Авесты состоит из двух частей – Большой и Малой Авесты⁸.

Малая Авеста включает в себя молитвы и Яшты – 22 гимна, посвященных зороастрийским богам.

Большая Авеста состоит из трех книг:

1. Ясна – собрание из 72 глав, 17 из которых представлены Гатами, то есть гимнами, посвященными Ахура-Мазде. Авторство Гат приписывается самому Заратуштре⁹. Гаты содержат основные постулаты зороастрийского вероучения, а потому эта часть Авесты является наиболее почитаемой;

2. Виспрад – 24 главы, включающие в себя собрание молитв и выступающие дополнением к Ясне;

3. Видевдат – сборник из 22 глав (фрагардов), содержащих положения о поддержании ритуальной чистоты и борьбе с осквернением, в котором в форме ответов Ахура-Мазды на вопросы Заратуштры, излагаются в том числе предписания правового характера.

Известно также, что помимо Видевдата в Авесту вошли ещё четыре правовых наска (раздела), тексты которых, однако, не сохранились до настоящего времени, но о которых мы знаем по краткому изложению их содержания в неканоническом зороастрийском своде «Денкарт». Это наски Никадум (30 фрагардов, содержащих положения, регулирующие, главным образом, вопросы судопроизводства), Ганбасар-Нигад (18 фрагардов, регламентирующих уголовные, процессуальные и другие правоотношения), Хуспарам (раздел, посвященный преступлениям, совершаемым жрецами, семейным, земельным правоотношениям, практике совершения ордалий и др.), Сакадум (раздел, содержащий нормы семейного права, положения о конфискации имущества, причинении имущественного вреда, ордалиях и др.)¹⁰.

Видевдат – Закон против дэвов – объявляется в самом источнике в высшей степени обладающим «величием, добротой и справедливостью» (V, V).

Как указывают Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидов и К. В. Абдуллаев, одно из центральных мест в Видевдате занимает понятие договора. «Верность договору (устному или письменному) считалась особенно ценным качеством среди иранских и среднеазиатских народов. Не случайно одним из важных божеств зороастрийского пантеона был Митра – бог договора», – отмечают ученые¹¹.

В Авесте названо несколько видов договоров, которые можно свести в две классификации по различным основаниям.

В зависимости от того, какое действие необходимо было совершить для того, чтобы достигнутые договоренности приобрели силу договора, различались договоры, скрепленные словом, договоры, скрепленные рукопожатием и договоры, скрепленные залогом (овцы, быка, человека, поля) (IV, Ia).

По своему предмету различались договоры о передаче имущества, жены и знания (IV, III).

Невозвращение долга приравнивалось к воровству: «Тот, кто не возвращает долга человеку, одолжившему ему, крадет вещь и обворовывает человека. И делает он это ежедневно и еженощно, пока хранит он в доме своем собственность соседа своего как свою личную» (IV, I).

Большое внимание уделяет Авеста вопросу о преступлениях. Все упоминаемые в Авесте преступления по объекту посягательства можно разделить на несколько групп: против религии, против личности, против животных, против нравственности, против имущества.

Среди религиозных преступлений следует назвать клятвopеступления (IV, IVa), обучение еретической вере (XVIII, I, 9, 10), нарушение ритуальной чистоты и ритуальных правил (VI, I – осквернение воды, земли и растений; VII, IX – предоставление воды для питья женщине, родившей мертвого ребенка; VIII, IV, 24, 25 – накрытие мертвого тела; XVI, 13-18 – прикосновение или половое сношение с женщиной в период месячных и др.).

Говоря о преступлениях против личности, необходимо отметить, что в Авесте различаются угроза совершения преступления («если человек взялся за оружие»), нападение («если замахнулся он им (оружием)») и ранение («если ударяет он им (оружием) кого-либо со злобным намерением») (IV, II, 17). Авесте известно несколько видов ранений: «ранение до ушиба», «до крови», «до перелома кости», «до смерти» (IV, II). Для лица, виновного в совершении указанных преступлений, предусматривалось телесное наказание – удары плетью и хлыстом.

Известен институт рецидива, который выступал в качестве отягчающего наказания обстоятельства (IV, II, 18, 20, 22, 23, 27, 28 и др.).

Значительное число положений Видевдата посвящено преступлениям против животных. При этом особое внимание уделено жестокому обращению с собаками и нарушению установленных по отношению к собакам обязательств.

Так, нарушение обязанности ухаживать за беременной собакой, в результате чего щенки рождались мертвыми, влекло наказание, как за преднамеренное убийство (XV, III). Избиение готовой ощениться собаки наказывалось 700 ударами плетью, 700 ударами хлыстом (XV, IV).

Наказывалось по нормам Видевдата кормление собаки пастуха или домохозяина непригодной для кормления пищей: «... когда некто дает собаке пастуха или домохозяина нераздробленные кости и слишком горячую пищу; Если ко-

11 Там же. – С. 55.

5 Халиков А. Г. Общая характеристика Авесты как источника зороастрийского права // Бизнес в законе. – 2013. – № 3. – С. 10.

6 Там же.

7 Абдуносирова Х. Э. Священная книга религии Заратуштры Авеста и её значение // Ф□н-наука. – 2014. – № 12 (39). – С. 16.

8 Авеста. Закон против дэвов (Видевдат). – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – С. 9, 10.

9 Абдуносирова Х. Э. Священная книга религии Заратуштры Авеста и её значение // Ф□н-наука. – 2014. – № 12 (39). – С. 16.

10 Авеста. Закон против дэвов (Видевдат). – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – С. 52-53.

сти застрянут в глотке у собаки или повредят ей зубы; или если пища обожжет ей пасть или язык, и собака может тяжело захворать – этот человек становится грешником» (XV, I, 4). Обвиняемого ждало наказание в 200 ударов плетью и хлыстом. То же наказание должно было постигнуть того, кто избивал беременную собаку или совершал действия, запугивающие её («бегая за ней, крича или хлопая в ладоши»), а также, если, убегая, собака падала в яму, колодец, в реку и тяжело заболела (XV, I, 3-6).

Каралось убийство взрослой собаки пастуха или домохозяина, а также щенка, причинение ей телесных повреждений (отрезание уха, лапы), если это приводило к невозможности для собаки охранять стадо или дом от воров. Предусматривалась ответственность и за убийство других животных (XIII).

Преступления против нравственности представлены следующими составами: отказ отца ребенка в уходе за его беременной матерью и понуждение им матери ребенка сделать аборт (при этом наказание как за предумышленное убийство налагалось на отца и мать ребенка, а также на повитуху, способствовавшую выкидышу (XV, II)), проституция (XVIII, IV), мужеложство (VIII, V).

Группа имущественных преступлений представлена в Видевдате различными видами воровства (кража, грабеж, разбой, мошенничество). Самостоятельный состав правонарушения образовывала «скупость». Скупой человек считался «вором испрашиваемой вещи»¹².

Для установления истины в процессе разбирательства дела право древних иранцев, как и право других древних народов, предусматривало применение ордалий – «божьего суда». «Испытание подозреваемого человека методами, связанными с опасностью для жизни или физическим увечьем, такими как погружение руки в кипящую жидкость, контакт с раскаленным металлом или огнем, бросание в воду, применялось повсеместно для решения споров в течение длительного периода социального развития и было частью становления юридической системы почти каждого общества»¹³, – отмечает отечественный историк Н.А. Корнеева.

В Видевдате упоминается об ордалии кипящей водой с растворенными в ней серой и золотом, которую необходимо было выпить лицу, обвиняемому в совершении клятвопреступления. Неоправданного посредством ордалия обвиняемого ждало 700 ударов плетью и столько же ударов хлыстом (IV, IVa, 54).

Таким образом, невозможно не отметить, что ряд положений Авесты остаётся актуальным по сей день. С особой своевременностью звучат те её нормы, которые посвящены запрету жестокого обращения с животными, осуждению гомосексуализма, избавлению от нежелательной беременности. Данный факт, а также та роль, которую сыграл, в целом, зороастризм в истории человечества, обуславливают непреходящий интерес к этому выдающемуся памятнику прошлого на протяжении уже многих сотен лет.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуносирова Х. Э. Священная книга религии Зороаштры Авеста и её значение // ФЭн-наука. – 2014. – № 12 (39). – С. 16-17.
2. Авеста. Закон против дэвов (Видевдат). – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 301 с.
3. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000019/index.shtml>.
4. Ганбаров С. Г. Политические и правовые идеи в Авесте: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Баку, 1992. 19 с.
5. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен в Передней Азии. – М.: Восточная литература, 2007. – 513 с.
6. Графский А. Г. Правовая мысль Древнего Ирана: Авеста. Сасанидский судебник / Антология мировой правовой мысли. Т. 1. – М.: Мысль, 1999. – 749 с.
7. Дьяконов И. М. История Мидии: от древнейших времен до конца IV в. до н.э. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 489 с.
8. Корнеева Н. А. Древнеиндийские ордалии // Indologica: Сборник статей памяти Т.Я. Елизаренковой. Книга 2. Сост. Л. Куликов, М. Русанов. – М.: РГГУ, 2012. – С. 307-366.
9. Рахмонов Р. И. Авеста – великий историко-правовой источник // Проблемы современной науки и образования. – 2013. – № 2 (16). – С. 132-133.
10. Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. Зороастрийское право в контексте религиозно-правовых учений древней и раннесредневековой Центральной Азии // Государство и право. – 2000. – № 7. – С. 93-107.
11. Стеблин-Каменский И. М. Авеста и зороастризм: древность и современность (религия и оккультизм) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. – 2005. – Т. 2004. – С. 139-150.
12. Халиков А. Г. Общая характеристика Авесты как источника зороастрийского права // Бизнес в законе. – 2013. – № 3. – С. 9-14.
13. Хачатуров Р. Л. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. – СПб: Юридический центр Пресс, 2007. – 950 с.

¹² Хачатуров Р. Л. Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: Монография. – СПб: Юридический центр Пресс, 2007. – С. 86.

¹³ Корнеева Н. А. Древнеиндийские ордалии // Indologica: Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой. Книга 2. Сост. Л. Куликов, М. Русанов. – М.: РГГУ, 2012. – С. 307.

АМЕТКА Фатма Аблямитовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ХАВАДЖИ Динара Ремзиевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье раскрывается происхождение и развитие института главы государства в Крымском ханстве (начало XV – втор. пол. XVIII вв). Исследуется порядок и система престолонаследия. Особое внимание уделяется изучению полномочий крымского хана.

Ключевые слова: крымский хан, Гирей, полномочия, престолонаследие, монеты, фетва, ярлык.

АМЕТКА Fatma Ablyamitovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Crimean Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

КНАВАДЖИ Dinara Remzievna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil-law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE LEGAL STATUS OF THE HEAD OF STATE IN THE CRIMEAN KHANATE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The article reveals the origins and development of the institution of the head of state in the Crimean Khanate (the beginning of the 15th - second half of the 18th centuries). The order and system of succession are studied. Special attention is paid to the study of powers of the Crimean Khan.

Keywords: Crimean Khan, Giray, power, succession, coins, fatwa.

В современном мире большинство государств имеют конституционно закрепленную республиканскую форму правления, ряд государств функционируют как монархии. В отличие от республики, монархическая форма правления характеризуется тем, что монарх получает и передает свой пост по наследству, обладает особым титулом, государственными регалиями (трон, корона и т.д.), имеет права на особое обращение. Монарх властвует «по собственному праву» и считается источником всей государственной власти. Практически все страны мира в прошлом имели монархическую форму правления. Это были: восточная деспотия, основанная на азиатском способе производства; античная (рабовладельческая) монархия; раннефеодальная, имеющая большую степень децентрализации; сословно-представительная монархия, в которой власть монарха сочеталась с наличием сословно-представительного органа; абсолютная монархия, в которой власть монарха не была ограничена конституцией и он сам исполнял законодательные функции, руководил правительством, контролировал осуществление правосудия. Не являлось исключением и Крымское ханство (перв. пол. XV – втор. пол. XVIII вв.), возникшего после распада Золотой Орды, формой правления которого, была ограниченная монархия, где центральной фигурой в государственной иерархии выступал хан.

Как известно, во главе крымского ханства стоял хан из рода Гиреев. Академик В.В. Бартольд указывает, что «Гирей – татарская династия, в течение трех веков (XV-XVI) правившая в Крыму». Этот род уходит корнями в историю Золотой Орды, откуда берет свои истоки генеалогия крымских ханов, поскольку правители Крымского, Казанского, Астраханского, Сибирского ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды, являлись потомками Чингисхана. Основателем династии Гиреев, и первым крымским ханом независимого Крымского ханства был Хаджи-Гирей-хан. Как сообщают источники, он стал ханом с помощью князей Литвы и Поль-

ши, поддержкой которых он пользовался до самой смерти¹. Польский ученый Л. Подгородецкий отмечает преемственную связь организации власти в Крымском ханстве с таковой в Золотой Орде: «Организация Крымского ханства последовала традициям Золотой Орды и Чингисхана (во времена расцвета)»². В Крымском ханстве длительный период действовало чингизидское торе (обычное право), закрепляющее порядок престолонаследия и устанавливал избрание хана строго по старшинству. Следовательно, чаще таким кандидатом становился не сын, а брат прежнего хана³, то есть наследником являлся старший в роде Гиреев, и этот порядок действовал до середины XVII в. Позже чингизидский принцип преемственности с годами все больше уступает освященному в мусульманской религии учению об имамате, согласно которому во главе ханства должен стоять государь или имам-халиф (преемник) Пророка и наместник Аллаха на земле, обязанный исходить в своей деятельности только из шариата и его богоугодных положений⁴. В 1475 году произошло событие, которое внесло изменения в порядок занятия ханского престола. После смерти Хаджи-Гирей-хана, в период междоусобиц в борьбе за ханский престол между его братьями, османские войска, захватившие генуэзские порты, помогают Менгли-Гирею занять ханский трон⁵. Менгли-Гирей стал первым ханом, получившим поддержку и санкцию на ханство со стороны Османского султана. Таким образом, во главе Крымского ханства стоял хан, происходивший от Чингисхана и принадлежавший к династии Гиреев; теперь ханы

1 Бартольд В. В. Сочинения. – Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Наука, 1968. – С. 522.

2 Podhorodecki L. Chanat Krymski I jego stosunki z Polska w XV – XVIII w. – Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1987. – S. 16.

3 Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – С. 188.

4 Там же. – С. 181.

5 nalcik H. Turk dunyasi el kitabi. Kirim Haligi.- Turk kulturunu Arastirma. – Ankara, 1992. – S. 336.

не избирались, а назначались султаном. При этом, говорить о непосредственном участии Турции в престолонаследии крымских ханов можно только с первой половины XVI века. Это стало возможным лишь только после завоеваний в первой половине XVI века турецким султаном Египта, Мекки, Медины и некоторые других государств. Султан силой увез халифа из Мекки в Стамбул, где произошла «добровольная» передача плаща Пророка Мухаммеда султану и некоторых других атрибутов, вследствие чего глава турецкого государства объявил себя представителем Пророка на земле, и стал восприниматься в мусульманском мире главой всех мусульман. И лишь после данных событий на пятничных намазах в молитвах в Крымском ханстве имя хана, при чтении молитв, после произнесении молитв во имя Аллаха, стало произноситься после султанского (право хутбы). Так, после смерти Менгли-Гирея ханский престол занял его сын. Василий III получил известие из Крыма, что «Менгли – царя в животе не стало, а после него сел на царство в Крыму сын его больший Мухаммед-Гирей»⁶. Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод, что назначение крымских ханов султанами Османской Империи осуществлялось не столько по политическим соображениям, сколько по религиозным.

Вместе с тем следует признать, что крымские феодалы, чтобы доказать свою мощь и силу, могли сменять и назначать ханов, невзирая на волю Турции. Бывали случаи, когда хана избирали, не дожидаясь султанского утверждения кандидата, поднимая его, по ордынскому обычаю, на войлочном кошме⁷. Гази-Гирей хан (1607 г.), дабы упрочить ханскую власть, устанавливает новый порядок престолонаследия от отца к сыну, отменяя тем самым прежний порядок, основанный на старшинстве в роде⁸. В XVII в. заметно усиливается самостоятельность ханства, что проявляется как в международной политике, так и в «дерзости, смелости» ханов – претендентов на престол. Одним из факторов, способствующих такому процессу, послужило ослабление Османской империи и вступление ее в полосу кризиса. В отношении крымских ханов турецкое правительство вело весьма коварную политику – держало постоянно при себе нескольких крымских царевичей, которые в султанском дворе занимали по статусу место выше, нежели турецкий визирь⁹. Утвержденный на троне хан получал инвеституру, состоящую из собольей шубы, чалмы с пером, и сабли с золотой рукояткой, украшенной драгоценными камнями, лук со стрелами. Инвеститура сопровождалась известной торжественностью. По поводу назначения хана издавался фирман султана, который обязательно зачитывался в правительстве (Диване), а затем, оглашался всему народу крымскому¹⁰. После утверждения хана в статусе главы государства и получения инвеституры, новый хан сообщал о его избрании главам соседних государств, рассылал специальные ярлыки (шертные, т.е. клятвенные, грамоты), в которых излагал новый курс внешней политики.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в Крымском ханстве была салическая система престолонаследия, когда наследование престола осуществлялось только по мужской линии; женщины из круга престолонаследников исключались полностью. В Крымском ханстве отсутствовал институт регентства, т.к. у хана, оставившего престол, всегда был «в запасе» наследник (и не один, а более десяти), поскольку хан, согласно мусульманской вере, мог

иметь несколько жен и наложниц, дети от которых (мальчики) имели равные права на трон.

Относительно прекращения полномочий главы государства в Крымском ханстве отсутствуют какие-либо нормативно – правовые акты. Однако, исследуя историю ханства, можно предположить, что полномочия хана прекращались тремя способами: добровольно, отрешение от престола или в случае смерти. Чаще полномочия хана прекращались в результате смерти (причем насильственной), либо в случае отрешения Портой, и реже, когда он не был признан народом. Если хана отстраняли от государственной власти, его отправляли на остров Родос. Казнить ханов было запрещено, так как они происходили из «важного рода Чингизидов»¹¹.

Одной из ключевых задач при исследовании правового статуса хана является определение круга его полномочий. К сожалению, до настоящего момента данный вопрос не ставился в качестве самостоятельного объекта исследования, и по этой причине отсутствуют работы, где полностью были бы систематизированы полномочия крымского хана. О них лишь имеются косвенные упоминания в различных трудах ученых. Попытаемся их обобщить и систематизировано изложить в данной статье. Сделать это сложно, поскольку отсутствует нормативно-правовая база. Если учесть, что в Крымском ханстве сложилась мусульманская правовая система, то религиозно-правовой основой деятельности хана могли быть только такие источники как: предписания Корана и Сунны, иджма (нормы, сформулированные мусульманско-правовой доктриной), кияс (решение по аналогии), а также фетвы (постановления) муфтиев и др.

Нельзя также упускать из вида тот факт, что на правовое положение Крымского хана оказала значительное влияние могущественная империя – Золотая Орда, находясь долгое время в ее границах, местная «крымскоханская» знать прониклась ее традициями престолонаследия. Вот почему на международной арене Крымские ханы выступали в качестве преемников Золотой Орды и претендовали на господствующее положение в Восточной Европе¹² и часто действовали независимо от Османской Порты, апеллируя при этом к традициям о происхождении ханов из «рода чингизова»¹³.

Основные полномочия хана состояли в следующем. Он должен был присутствовать на заседаниях Дивана (Государственный Совет), где решались важнейшие государственные дела. Именно в Диване происходила процедура возведения на ханский престол и отстранения его от власти; там он получал инвеституру от султана. Хан принимал участие в организации судов, в частности, он имел право назначать кадиев (судей)¹⁴. Ему принадлежало право «жизни и смерти своих поданных», за исключением ограничений такого рода в отношении представителей знатных родов и муфтиев. Хан, как глава государства, был также наделен законодательными полномочиями – издавал специальные письменные правовые распоряжения (ярлыки), действующие на всей территории Крымского ханства. При помощи ярлыков он регулировал важнейшие общественно-правовые отношения в сфере экономики, налоговой и финансовой системах, военной и внешней политике. Его полномочия в экономической сфере жизни страны находили проявление в том, что он, будучи Верховным собственником земли, имел право жаловать земельные владения своим приближенным. Судя по ярлыкам, право отдельных лиц на владение пожалованной землей

6 Каргалов В. В. На степной границе (Оборона «Крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия). – М.: Наука, 1974. – С. 47.

7 Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – С. 180.

8 Вишневский В. А. Феодализм в Крымском ханстве. – М.: Издание научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, 1930. – С. 26.

9 Панашенко В. В. Крымське ханство у XV-XVIII ст. // Український історичний журнал. – 1989. – № 1. – С. 56.

10 Челеби Э. Книга путешествий Э. Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 154.

11 Никольский П. А. Крым от Крымского ханства до наших дней. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – С. 20.

12 Каргалов В. В. На степной границе (Оборона «Крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия). – М.: Наука, 1974. – С. 8.

13 Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. – Одесса: б.и., 1889. – С. 517.

14 Пейссонель. Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Таврии, посланная в 1755 году министрам короля. – Симферополь, 1925. – С. 33.

нуждалось в подтверждении верховного собственника. Каждый новый хан обязательно проводил эту процедуру¹⁵.

Крымский хан выпускал свои монеты, а также повышал и снижал их номинал. Это право, независимо от хода истории государства, осуществлялось с первого до последнего хана. Причем на монетах отражалось имя хана, год чеканки, место чеканки и обязательно тамга. Выпуск монет - одно из прав верховной власти, которым больше всего дорожат мусульманские государи, и которым спешат они воспользоваться немедленно по вступлении на престол¹⁶. Наличие собственной национальной валюты является существенным признаком самостоятельного государства, поэтому здесь важно подчеркнуть, что за всю историю Крымского ханства не обнаружено монет с изображением государственной символики Османской Империи.

Крымский хан был наделен учредительной функцией, т.е. он имел право назначения и смещения с должности, а также учреждения новых. В период существования генуэзских колоний на территории Крымского полуострова, первые ханы (Хаджи-Гирей, Менгли-Гирей) назначали в них своего наместника, или тудуна. Для наиболее видных родичей были созданы особые должности, связанные со значительными ленными владениями. Менгли-Гиреем была учреждена должность калги, который назначался ханом; обычай требовал, чтобы эту должность занимал старший после хана по родовой линии родственник, обычно брат. Несколько ниже по своему положению был нуреддин, назначавшийся тоже из ханской династии, как и Ор-бей - «правитель Оркапу» (Перекопа). Глава Крымского ханства имел право как учреждать должности, так и ликвидировать их. Так, Мюрад-Гирей, приближая властные отношения к крымскотатарским обычаям, восстановил действие «торэ» и ввел должность блюстителя татарского обычая «торэ-баши», предварительно произведя отмену действия шариата и упразднив должность кади-аскера. К учредительной функции хана можно отнести, например, утверждение в Крымском ханстве Арслан-Гиреем консула: «пусть безвыездно живет при Крымском хане офицер от киевского генерал-губернатора с обязанностью защищать русских подданных, находящиеся в Крыму; другой офицер будет жить в Сечи - для защиты татар от запорожских казаков - оба эти офицеры старались бы прекратить все столкновения между татарами и казаками»¹⁷.

Крымский хан являлся верховным главнокомандующим, обладал правом войны и мира, причем, организация военного похода или оказание военной помощи какой-либо стране согласовывались и решались на военном совете в Диване, заседания которого проходили в присутствии хана, калги нуреддина, сераскеров, визиря, кадиаскера и представителей знатных родов¹⁸.

Наиболее исследованными оказались полномочия хана на международной арене. Как глава государства хан представлял страну в отношениях с другими государствами, принимал посольства зарубежных стран и отправлял своих послов с дипломатическими миссиями, получал и вручал грамоты, заключал международные договоры; признавал международные договоры, титулы государей; оказывал военную помощь соседним государствам, объявлял военное положение и мир. Как преемники Золотой Орды, ханы восседали на Казанском престоле; устанавливал размер поминок (подарков от глав зарубежных государств), получал сборы и дань от других государств. На протяжении всего существо-

вания Крымского ханства, ханы попеременно поддерживали то дружеские, то неприятельские отношения с Русью, Польшей, Литвой, Портой, Швецией и другими государствами.

Подводя итоги данному исследованию мы можем сформулировать следующие выводы. В Крымском ханстве существовала салическая система престолонаследия, то есть наследование осуществлялось по мужской линии из династии Гиреев, являвшихся потомками Чингисхана. Хан занимал главенствующее место в государственной иерархии, обладал довольно широкими полномочиями в экономической, политической и военной жизни страны, а также на международной арене. При этом власть хана не была абсолютной, она была ограничена Диваном, представителями знатных родов, муфтием. Временами, в большей или меньшей степени, хан испытывал давление властных структур Османской империи.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулла И. Предки Гераев // Qasevet. – 2000. – № 27. – С. 18-28.
2. Абдуллаев И. Возрождаемый архив, цели и перспективы // Голос Крыма. – 2001. – № 6. – С. 5.
3. Бартольд В. В. Сочинения. – Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Наука, 1968. – 757 с.
4. Вишневский В. А. Феодализм в Крымском ханстве. – М.: Издание научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, 1930. – 27 с.
5. Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.
6. Григорьев В. Монеты Джучидов, Генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове, принадлежащие обществу // ЗООИД. – 1844. – Т. 1. – С. 301-314.
7. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 272 с.
8. Каргалов В. В. На степной границе (Оборона «Крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия). – М.: Наука, 1974. – 183 с.
9. Никольский П. А. Крым от Крымского ханства до наших дней. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – 40 с.
10. Панащенко В. В. Крымское ханство у XV-XVIII ст. // Украинський історичний журнал. – 1989. – № 1. – С. 54-64.
11. Пейссонель. Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии, посланная в 1755 году министрам короля. – Симферополь, 1925. – 73 с.
12. Попов А. И. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай: Симферопольская Таврическая Губернская Типография, 1888. – 131 с.
13. Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI-пер. пол. XIX вв.). – Симферополь: СГУ, 1984. – 131 с.
14. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. – Одесса: б.и., 1889. – 253 с.
15. Челеби Э. Книга путешествий Э. Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.
16. Inalcik H. Turk dunyasi el kitabi. Kirim Haligi.- Turk kulturunu Arastirma. – Ankara, 1992. – 536 з.
17. Podhorodecki L. Chanat Krymski I jego stosunki z Polska w XV-XVIII w. – Warszawa: Książka i wiedza, 1987. – 316 s.

15 Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – пер. пол. XIX вв.). – Симферополь: СГУ, 1984. – С. 26.

16 Григорьев В. Монеты Джучидов, Генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове, принадлежащие обществу // ЗООИД. – 1844. – Т. 1. – С. 314.

17 Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. – Одесса: б.и., 1889. – С. 78.

18 Пейссонель. Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии, посланная в 1755 году министрам короля. – Симферополь, 1925. – С. 32.

МУСАЕВ Султан Авязович

аспирант кафедры теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарно-экономического университета

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АЗЕРБАЙДЖАНА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Данная статья является политико-правовым исследованием государственного управления в губерниях, занимавших территории современного Азербайджана. Независимо от оценки влияния российского права на общественные отношения в Эриванской, Тифлисской, Бакинской и Елизаветпольской губерниях, невозможно отрицать, что развитие правовой и государственной системы Азербайджана проходило под сильным влиянием российского законодательства, практики правоприменения и российской правовой мысли.

Ключевые слова: Азербайджан, дореволюционное право, территория, местное самоуправление, политико-правовое устройство, комендантская система, наместничество, генерал-губернаторство.

MUSAEV Sultan Avyazovich

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the Moscow State University of Humanities and Economics

THE MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE LEGAL SYSTEM OF AZERBAIJAN AS PART OF THE RUSSIAN EMPIRE

This article is a research of legal and political issues of state administration in Russian pre-communist state unities (guberniya) on the territories of Azerbaijan. Regardless of the appraisal of the influence of Russian law in Erivan, Tiflis, Baku, Elizavetpole it is impossible to deny the fact that the development of Azerbaijan's legal and administrative system was affected strongly by Russian legislation, practice and Russian legal doctrine.

Keywords: Azerbaijan, Russia, pre-revolutionary law, territory, local government, legal-political structure, "commandant" system, borsholder, governor-general.

При явно выраженной ориентации административно-территориального устройства Российской Империи на унификацию правовых систем, находясь в поиске "наилучших законоуложений" для Кавказа, II Отделение Собственной Его императорского Величества канцелярии анализировало законодательство грузинского царя Вахтанга VI на предмет того, «...согласно ли оно с духом нашего законодательства и с теперешними местными обстоятельствами...»¹. При этом в 1859 году выходит Указ, регулирующий порядок судостроительства и судопроизводства в Грузии: «О замене в Закавказском крае постановлений из Уложения Царя Вахтанга общими законами Империи»².

Местные элиты Закавказья выбрали принципиально иную модель взаимодействия с российскими органами государственной власти по сравнению с элитами Северного Кавказа. Вкратце эта модель может быть охарактеризована как полная лояльность в обмен на сохранение всех прав и привилегий, в том числе и в системе управления местным населением. Государственные органы Российской Империи не имели задачи по принудительной русификации местного населения. Однако перед русской администрацией (комендантами или губернаторами) ставилась задача по максимальной унификации управления всеми губерниями, в том числе и в правовом смысле.

Первоначально существовавшие на территории современного Азербайджана протогосударства - ханства были переименованы в провинции с одновременным объединением

их в два округа: Мусульманский – в составе Карабахской, Талышской, Шекинской, Ширванской провинций, а также Дагестанский – в составе Бакинской, Кубинской и Дербентской провинций. Большинство азербайджанских ханов сохранило на своих территориях властные полномочия, отличаясь от российских чиновников, во-первых, наследственным характером своих должностей, во-вторых, отсутствием регламентации своих обязанностей, в-третьих – отсутствием жалования из казны. Произошло также существенное сокращение их полномочий – внешнеполитические вопросы, управление войсками и назначение низших чинов (султанов, беков и наибов) перешли в компетенцию Императора и губернаторов соответствующих провинций. При этом объединенные в округа провинции сохранили разделение на низовые территориальные единицы – магалы.

Области, которые находились ранее в вассальной зависимости от Картли-Кахетинского царства (северо-восток современного Азербайджана), были включены в систему управления Восточной Грузии. Речь шла о таких современных территориях Азербайджана, как Газах, Борчалы и Агстафа. Было упразднено ханство в Гяндже, а его территория была также включена в состав Грузинской губернии. В Гяндже был учрежден военный округ, во главе которого был назначен военный комендант, наделенный широкими полномочиями.

Параллельно ханской власти действовала комендантская система. Комендант председательствовал в провинциальном суде, утверждал в должности местного главу мусульманского духовенства (который одновременно выполнял функцию председателя шариатского суда (кази)), магальных наибов. Комендант подтверждал выданные прежними ханами указы (фирманы) о пожаловании поместий и крестьян. Кроме

1 Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. II. Тифлис: Тип. "Гуттенберг", 1907. С. 477.

2 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 34. Отделение 2-е. 1859. СПб., 1861. С. 128.

того, он был вправе сам раздавать их на различных условиях владения. Он фактически присваивал себе законодательную функцию на утверждение сословных прав беков.

В Мусульманском округе власть принадлежала военному управляющему (резиденция которого находилась в Шуше (Карабах)), а на территории Дагестанского округа – военному губернатору Дагестана. Казахское и Шамшидильское султанства, населенные преимущественно персами, именовались «татарскими дистанциями», каждую из которых возглавлял главный пристав (моурав), который подчинялся Главноуправляющему в Грузии, сосредоточившему в своих руках административные, фискальные и судебные функции.

Столь сложная система государственного управления могла носить только временный характер. В 1829 г. Главноуправляющий в Грузии граф И. Ф. Паскевич-Эриванский предлагает реформу «военно-народного управления», которая, впрочем, предполагает полную ликвидацию специфических особенностей управления на территории коменданств и введение единообразной, строго централизованной системы управления. Постановлением Государственного Совета 1833 г. была поставлена задача «...связать с Россией гражданскими и политическими узами в единое тело, заставить жителей тамошних говорить, мыслить и чувствовать по-русски». В 1824 г. в предписании комендант г. Кубы К. К. фон-Краббе получил предписание определить точное число духовных лиц на территории Кубы и определить круг их обязанностей с тем, чтобы впоследствии ограничить их численность лицами, лояльными российской власти, и исключить сейидов, шейхов и дервишей³ из разряда «духовенства»⁴. Согласно распоряжению Главноуправляющего в Грузии Комитетом об управлении мусульманскими провинциями в 1828 г. было разработано Положение о Магометанском духовном правлении в Закавказском крае и подлежащих ведению его делах 1828 года, в котором была отражена политика формирования состава мусульманского духовенства государством и подчинение его государству.

Далее будет исследовано, во-первых, содержание данных документов, а во-вторых – практические результаты их применения на территории современного Азербайджана.

Во второй половине XIX века на территории, занимаемой современным Азербайджаном, осуществлялись общеимперские преобразования, связанные с реформой местного управления и административно-территориального устройства. В 1869 году Государственным советом были приняты и утверждены предложения о новом административно-территориальном устройстве Терской и Кубанской областей⁵. Следует отметить, что в решении Государственного совета особо отмечалось соответствие данных положений «постоянному стремлению правительства постепенно устранять в присоединенных к России местностях такие отличия от об-

щедействующего в империи порядка суда и администрации, которые уже не вызываются ни особенным положением, ни местными условиями края»⁶. Таким образом, основное содержание нового «Положения об управлении Кубанской и Терской областями» свелось, по сути, к устранению существовавших особых учреждений для гражданского, казачьего и горского населения и подчинению всего населения округов (областей) единообразным нормам законодательства о местном управлении, а также к перераспределению полномочий в пользу органов центральной власти и включению всего населения без какого-либо учета их этнической и религиозной принадлежности в единые административно-территориальные единицы (округа). В 1860 году было утверждено «Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом»⁷, основанное на аналогичных принципах. Реформа государственного и местного управления на территориях, занимаемых современным Азербайджаном, получила развитие в Указе императора Александра II от 9 декабря 1867 года «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края»⁸, которые предоставляли наместнику еще больший объем полномочий. В результате общие для Российской империи нормативные акты применялись к территориям, занимаемым современным Азербайджаном, либо на основе прямого указания на это в тексте нормативного акта, которым положения изданного нормативного акта распространялись на эту территорию, либо по решению наместника.

С 1875 г. введена новая должность помощника Наместника Кавказского, который исполнял поручения Наместника во всех сферах общественных отношений гражданского управления краем. Совет Главного управления был преобразован в Совет наместника. Функции председателя Совета Наместника исполнял помощник наместника⁹. Ровно через год вступило в юридическую силу Учреждение управления Кавказского и Закавказского края от 1876 г.¹⁰, суть которого состояла в передаче наместнику «высшего местного управления всеми гражданскими и пограничными делами сего края». Кроме того, согласно данному Положению Наместник Кавказа «...ведает военными делами в звании Главнокомандующего Кавказской Армиию и вообще, как по части военной, так и по делам пограничным и по сношениям внешним, действует на основании особых наставлений, непосредственно Государем Императором ему данных». Реализация этих положений была сопряжена с Военным министерством. Как правило, предложения наместника (именуемое представлением) направлялось на имя председателя Кавказского комитета, затем Собственная его Императорского Величества Канцелярия аккумулировала соответствующие заключения заинтересованных министерств и ведомств, а также фактические данные, которые передавались в Государственный совет для выработки и принятия заключения, которое утверждалось императором. Роль военного ведомства была существенной, т.к. от позиции этого ведомства по той или иной проблеме, особенно в период военных действий на со-

3 Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. / Ред. И. П. Петрушевский. М.-Л., 1936. Ч. 2. С. 309, 310. Зд. последователи суфийских братств (араб, тарика) Накшбандийа-Халидийа и Кадирийа, распространившихся на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII-первой трети XIX в.

4 Определение «иерархической постепенности духовных званий» вызвало трудности у чиновников царской администрации. Отсутствие в исламе понятия «церкви» и «духовенства» поставило разработчиков проектов управления служителями мусульманского религиозного культа перед необходимостью соотносить исламские реалии с опытом устройства Русской православной церкви.

5 Россия. Законы и постановления. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. СПб., 1876.

6 Россия. Законы и постановления. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. СПб., 1876.

7 Учреждение управления Кавказского края // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. II. Ст. 1-3.

8 Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLVI. № 49859.

9 Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLII. Отд. 2. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1874.

10 Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 25. Ч. 1. № 25891.

ответствующей территории, зависело принятие всех значимых управленческих решений.

Наместник получил право приостанавливать на территории Закавказского края постановления законодательного и подзаконного характера, если невозможность его приостановления не устанавливалась указами Правительствующего Сената в отношении Кавказского края. Эти изменения существенно приблизили принимаемые меры к фактически сложившимся общественным отношениям на территориях, занимаемых современным Азербайджаном, и способствовало оптимальному взаимодействию между различными ведомствами. Наместник становился не представителем императора Всероссийского на Кавказе, но замещающим его лицом. Тогда как политика Российской империи на Кавказе вообще была направлена на унификацию правового статуса этих территорий и территорий российских губерний. Отражением этой политики стала реформа местного управления на Кавказе 80-х годов XIX века, начало которой положило вступление в силу «Учреждения управления Кавказского края» 26 апреля 1883 г.¹¹ Указом императора от 22 ноября 1881 г. должность наместника кавказского упразднилась и учреждалась должность Главноначальствующего гражданской частью и командующего войсками с предоставлением ему прав генерал-губернатора¹². С конца 80-х годов XIX века правительство окончательно взяло курс на унификацию системы управления в национальных окраинах. Фактически произошло восстановление принципов военно-народного управления. Однако это не означало возврат к обособленной системе управления 1860-х гг., а лишь призвано было усилить административный контроль над местным управлением. В 1886–1888 гг. произошла административная реорганизация северокавказских областей, которая завершилась с принятием нового «Учреждения управления Кавказского края», в соответствии с которым было утверждено новое административно-территориальное деление края. Кавказский край возглавляли Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, его Помощник (заместитель) и Совет Главноначальствующего. Главноначальствующий гражданской частью являлся «главным блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства» на Кавказе. Кавказский край был разделен на 2 части: Северный Кавказ и Закавказье. Терская, Кубанская области и Ставропольская губерния относились к Северному Кавказу, в Закавказье вошли 5 губерний – Тифлисская, Кутаисская, Бакинская, Елисаветпольская, Эриванская, области Дагестанская и Карсская, округа Черноморский и Закатальский¹³.

Контрольно-надзорные полномочия Главноначальствующего распространялись на «все вообще находящиеся в пределах Кавказского края административные и общественные учреждения и должностные оных лица, за исключением установлений и чинов контрольного ведомства». Главноначальствующий был уполномочен требовать от должностных лиц имеющиеся у них сведения и подлинные документы, за исключением контрольных и судебных дел, производство по которым не было завершено.

Несколько иные тенденции преобладали в сфере взаимодействия государства и религиозных обществ.

Так, по мнению Т. П. Хлыниной и А. Т. Урушадзе, политика форсированной унификации не только разрушила с трудом отлаженную систему управления Кавказским краем, но и существенно обострила ситуацию в районах населенных преимущественно магометанами¹⁴.

Во второй половине XIX столетия правовая модель взаимоотношений государства и мусульманского духовенства претерпела существенные трансформации. Наиболее серьезным препятствием для механического распространения модели взаимодействия государства и церкви на мусульманское духовенство стала невозможность применения принципа «иерархической постепенности духовных званий». Сами понятия «церковь» и «духовенство» в исламе отсутствуют.

Последним этапом развития правового статуса территорий, входящих в состав современного Азербайджана, стало восстановление наместничества на Кавказе. Согласно Именному Высочайшему указу «О восстановлении должности Наместника Кавказского» от 26 февраля 1905 г.¹⁵, Императорский наместник наделялся высшей властью «по всем частям гражданского управления». Наместник являлся «Главкомандующим войсками, расположенными в пределах наместничества и Наказным атаманом Кавказских казачьих войск». Этот документ означал объединение военной и гражданской администрации под властью наместника. Наместник имел правовой статус Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и Командующего войсками Кавказского военного округа. Иначе говоря, Наместнику окончательно передавались полномочия «высших должностных лиц» края. При этом полномочия должностных лиц, система государственного управления и его элементы, предусмотренные «Учреждением управления Кавказского края» 1883 г., сохранялись в полном объеме. Кавказское наместничество, воссозданное в 1905 году, просуществовало до 1917 года и было признано царским правительством наиболее эффективным органом государственно-административного управления на Кавказе. Руководство религиозными организациями было возложено на наместника, правопреемником которого стал главноначальствующий на Кавказе. В 1872 г. были изданы Положения об управлении мусульманского духовенства Алиева учения (шиитского)¹⁶ и Положение закавказского мусульманского духовенства Омарова учения (суннитского). По сути, основное их содержание совпадало. Согласно этим документам надзор за исполнением законов и распоряжений правительства, за духовно-учебными заведениями, за действиями и поведением духовенства осуществлялся губернаторами и уездными начальниками в соответствии с действующим в империи законодательством и высочайшим повелением, объявленным в циркуляре Министерства внутренних дел 12 октября 1866 г. Высший надзор сосредоточивался в Главном управлении наместника¹⁷.

14 Хлынина Т. П., Урушадзе А. Т. От Кавказского наместничества к Северо-Кавказскому краю: поиск оптимальной модели управления // Вестник Южного Научного Центра РАН. Том 7 № 2. 2011.

15 Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. III. Т. XXV. Ч. I. № 25891.

16 Свод действующих штатов гражданских учреждений ведомства Наместника Кавказского, составленный в Главном Управлении Его Императорского Высочества. Тифлис, 1865. С. 434-467; ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 1094, л. 7-12 об.

17 Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 618-619.

11 Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. III. Т. III. № 1522.

12 Деятельность Государственного Совета за время царствования государя императора Александра Александровича. 1 марта 1881 – 20 октября 1894 г. СПб., 1900. С. 136.

13 Учреждение управления Кавказского края // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. II. Ст. 1-3.

Таким образом, основными тенденциями развития правового регулирования отношений на территории современного Азербайджана стали унификация и централизация власти. При этом унификация правового режима всегда, так или иначе, допускала ряд исключений, постепенно нивелирующих ее негативные последствия. Типичным примером является ситуация с действием на территории современного Азербайджана входивших в состав Тифлисской губернии законов Вахтанга I, которые, не став источником права в формально-юридическом смысле, стали источником права в смысле материальном. Централизация власти на территории современного Азербайджана проводилась как на общеимперском уровне, так и на региональном (краевом) и областном уровнях. Укрепление государственной власти происходило параллельно сосредоточению властных полномочий в руках наместника (главноуправляющего). Вместе с тем, последний постоянно опирался в своей деятельности на коллегиальный орган, который не всегда играл роль исключительно совещательного органа.

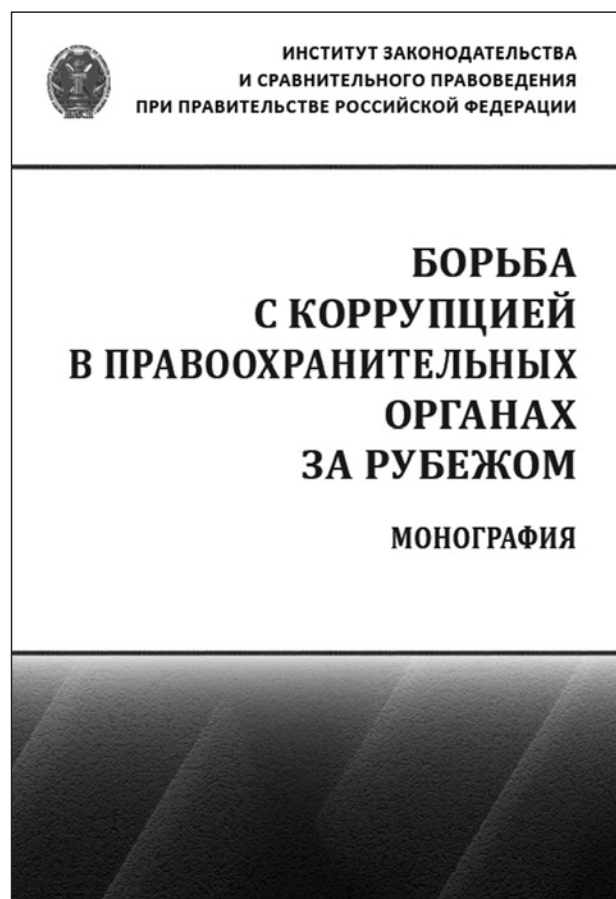
Что же касается характера государственной власти на территории Азербайджана, то наиболее четким ее критерием выступает соотношение полномочий гражданского и военного управления. Правовой статус территорий современного Азербайджана в составе Российской империи сочетал в себе элементы военного и гражданского управления. Несмотря на сосредоточение местной власти в сельских обществах, возникшее по причине отсутствия на территориях современного Азербайджана волости как элемента системы местного управления, нельзя говорить о подлинном самоуправлении сельских обществ.

Следует отметить слабую связанность общероссийских административных реформ с реформированием правового регулирования административных отношений на Кавказе. Исключением является реформа 1861 года, которая была продиктована именно отменой крепостного права. Однако, ввиду слабого распространения крепостного права на азербайджанских территориях, реформа местного управления 1861 года имела несколько иные задачи, главная из которых – устранение от местного управления должностных лиц периода ханской власти.

Пристатейный библиографический список

1. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998.
2. Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. / Ред. И. П. Петрушевский. М.-Л., 1936. Ч. 2.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLVI. № 49859.
4. Свод действующих штатов гражданских учреждений ведомства Наместника Кавказского, Тифлис, 1865. С. 434-467; ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 1094, л. 7-12.
5. Указ «О замене в Закавказском крае постановлений из Уложения Царя Вахтанга общими законами Империи» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 34. Отделение 2-е. 1859. СПб., 1861.

6. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края от 1876 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 25. Ч. 1. № 25891.
7. Учреждение управления Кавказского края // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. II. Ст. 1-3, 8, 16, 17.
8. Хлынина Т. П., Урушадзе А. Т. От Кавказского наместничества к Северо-Кавказскому краю: поиск оптимальной модели управления // Вестник Южного Научного Центра РАН. Том 7. № 2. 2011.
9. Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1-2. Т. 1. Глава XII.

БАЙНАЗАРОВ Ирандык Наилович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РБ, этнологии и археологии Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

ИГДАВЛЕТОВ Ильшат Сулейманович

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и истории Уфимского государственного нефтяного технического университета

СУЛЕЙМАНОВА Маргарита Нугмановна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РБ, археологии и этнологии Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

ФЕШКИН Вячеслав Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА БАШКОРТОСТАНА И ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

В статье представлены некоторые аспекты вхождения Башкортостана и Западного Казахстана в состав России.

Ключевые слова: государство, история, политическая автономия, присоединение, коренное население.

BAYNAZAROV Irandyk Nailovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of History of the Republic of Bashkortostan, ethnology and archeology sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

IGDAVLETOV Ilshat Suleymanovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Foreign area studies and the history sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

SULEYMANOVA Margarita Nugmanovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of History of the Republic of Bashkortostan, ethnology and archeology sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

FESHKIN Vyacheslav Nikolaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of History of Russia, historiography and source studies sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS OF THE HISTORY OF BASHKORTOSTAN AND WESTERN KAZAKHSTAN ENTERING THE RUSSIAN STATE

In the article some aspects of Bashkortostan and Western Kazakhstan entering the Russian state are provided.

Keywords: state, history, political autonomy, accession, indigenous people

Башкирия (на тюркских языках – Башкортостан) определяется историком Р. Г. Букановой как специфическое историко-географическое пространство, оказавшееся в составе России после признания башкирами русского подданства в середине XVI века, имевшее многовековую историю и длительное время продолжавшее сохранять в составе России своеобразную политическую автономию¹. И другими исследователями прошлых столетий Башкирия определялась как относительно самостоятельная и обширная страна, занимавшая почти весь Южный Урал и оба его склона от Нижней Камы и Средней Волги до верховьев рек Яика и Тобола².

«На этом основании – как считал пермский исследователь А. Дмитриев, – историкам ... нельзя обходить более или менее близким знакомством историю Башкирии, как страны, представляющей много своеобразных особенностей в ее прошлом»³.

Действительно, какой бы сюжет из истории юго-восточных окраин не рассматривался, всегда надо учитывать специфику положения Башкортостана в составе Российского государства.

В жалованных грамотах Ивана IV за башкирами признавались вотчинные права на землю, право сохранять прежние

обычаи и религии в обмен на службу и уплату ясака⁴. Именно эти условия присоединения Башкирии к Русскому государству способствовали сохранению специфического статуса башкирского общества в составе Российской империи и оправдывали упорную борьбу башкир за его сохранение.

Географическое положение Западного Казахстана в степной зоне Евразии определило особенности и характер природопользования и хозяйственной деятельности его обитателей. Их основным занятием было кочевое скотоводство. Зимние пастбища казахов Младшего жуза в основном располагались в прибрежной полосе Аральского моря, у рек Сырдарьи, Урала, Эмбы и их многочисленных крупных и мелких притоков. Летние пастбища находились преимущественно в степной зоне, в речных долинах Тургая, Иргиза, Тобола, на Эмбенском и Тургайском плато.

Границы Российского государства и Казахстана фактически проходили по восточной границе кочевий башкир Ногайской дороги⁵.

Особенность географического положения Западного Казахстана определяется его вхождением в единое историко-географическое пространство: Волго-Уральским регионом. Народы Поволжья, Южного Урала и Западного Казахстана находятся в единой Волго-Уральской речной системе. Преобладающая часть населения Среднего Поволжья и Южного Урала

1 Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. - Уфа, 1997. - С. 8.

2 Дмитриев А. К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации // Пермская старина. - Вып. VIII. - Пермь, 1900. - С. 19.

3 Там же.

4 Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. - Уфа, 1960. - С. 114.

5 Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. - Уфа, 1999. - С. 73-80.

проживала по основным притокам (р. Вятка, р. Ока, р. Кама, р. Белая, р. Уфа, г. Быстрый Таньш) среднего течения бассейна р. Волги. Главным притоком р. Волги являлась р. Яик, в систему которой входили южная и юго-восточная Башкирия и Западный Казахстан. П. И. Рычков писал, что данная река «истари разделяла башкир и казахов», в верхнем и среднем течении она служила естественной границей между ними. Главным правым притоком являлась р. Сакмара, а левым р. Илек. Другой значительной рекой являлась Эмба, вдоль которой смыкались зимние кочевья казахов Младшего жуза⁶.

В рассматриваемое время политическое окружение территории Младшего казахского жуза имело свои особенности, обусловленные некоторыми объективными моментами. Во-первых, кочевья казахов Младшего жуза соприкасались с этнической территорией народов Южного Урала и Нижнего Поволжья, являвшихся с середины XVI в. российскими подданными. Однако, как было сказано выше, влияние центральной власти на приграничных землях в начале XVIII в. было незначительным.

Чтобы понять сложившуюся ситуацию, необходимо обратить внимание на существенное различие характера присоединения и последующей политической, социально-экономической, культурной интеграции разных народов в состав России. После падения Казанского, Астраханского ханств и Ногайской Орды, башкиры вошли в состав Российского государства, но к началу XVIII в. еще не были окончательно интегрированы в соответствующую политическую систему. Территория Южного Урала оказалась первой в составе России окраиной, основное население которой отличалось своей социально-политической организацией от народов Среднего Поволжья: финно-угорских (мордва, мари, удмурты) и тюркских (казанские татары, мишари, чуваш). Отличия, в первую очередь, заключались в сохранении вотчинного землевладения башкирами. Различия в социально-экономическом развитии башкирских земель и центральных районов Русского государства служили препятствием для полного включения Башкирии в состав метрополии⁷.

Во-вторых, с XVII в. наблюдается продвижение казахов Младшего жуза к границам башкирских кочевий. Этому способствовали политические события, развернувшиеся в XVII в. в поволжских, южноуральских и зауральских степях. В начале XVII в. на севере казахских степей появились калмыки, которые, пройдя через казахские кочевья по верховьям р. Иртыша, г. Ишима, р. Тобола, пресекли р. Яик и в 30-е годы достигли бассейна р. Волги.

На правобережье р. Волги, в степях Волго-Донского междуречья они заселились на новой территории. Появление калмыков способствовало изменению ареала обитания казахов, кочевья которых были оттеснены к северу, и где они вошли в тесное взаимодействие с юго-восточными и зауральскими башкирами. Особенно интенсивными были взаимосвязи башкир барын-табынского, кара-табынского, тамьянского, тангаурского и усерганского годов, обитавших по течению рек Уй, Миасс, верхнему и среднему течению р. Яика и его притокам и казахских родов Младшего и Среднего жузов. Все это было обусловлено, по мнению Р. Г. Букановой, «близостью их культуры, языка и, в некотором смысле, общностью судьбы в составе Дешт-и-Кипчак...»⁸.

Таким образом, в конце XVII – первой половине XVIII вв. на юго-восточных приграничных территориях складывались тесные взаимоотношения башкир, казахов, и калмыков. Характер этого соседства и контактов был сложным и противоречивым. Взаимные набеги, свойственные скотоводам, сочетались совместными походами на общего неприятеля, участием казахов и калмыков в башкирских восстаниях. Так, калмыки принимали активное участие в восстании 1662-1664 гг. После поражения восстания около 8 тысяч башкир нашли укрытие в калмыцких степях⁹. П. И. Рычков писал, что один из предводителей очередного башкирского

восстания Сеит, не только «на ту противность преклонил башкир», но и с казахами «соединялся, года с три то свое бунтовщице намерение продолжил»¹⁰. Имеются документальные свидетельства об участии казахов и союзных с ними каракалпаков в башкирском восстании 1704-1711 гг.¹¹

Вместе с тем, верховная собственность на земли башкир принадлежала русскому государю. В острой борьбе за пастбища на правобережье р. Яика, в Волго-Яицких степях и в предгорьях Южного Урала, правительство старалось не допустить перехода казахов Младшего жуза на башкирские земли в верхнем и среднем течении р. Яика. В результате участились набеги соседей на новые территории с целью расширения своих. В 1717 г., по данным А. И. Левшина, казахи Младшего жуза дошли даже до закамской крепости Новошешминск, «взяли оный, разорили» и «увлекли с собою много пленных»¹². Башкиры же, в свою очередь, вторглись в кочевья Младшего жуза, угнали несколько тысяч лошадей¹³. О характере башкиро-казахо-калмыцких отношений знали и в Сенате. Так, в бумагах и донесениях статского советника И. К. Кирилова неоднократно упоминается о том, что казахи нападают на «российских «казанских, яицких, Уфимских и Сибирских» пограничных жителей и «ежегодно как скот» пленных угоняют...»¹⁴.

Определенную роль в решении вопроса присоединения Западного Казахстана была отведена царским правительством А. И. Тевкелева, который находился во главе во главе посольства в Казахстане 1731-1733 гг.

В документе № 1 – сборнике документов и материалов «Казахско-русские отношения» фиксируется, казахи желают войти в состав Русского государства на таких же условиях, как башкиры¹⁵.

Опираясь на помощь влиятельной верхушке башкирского общества, во время пребывания в Казахстане степях, А. И. Тевкелеву удалось склонить казахов Западной части Казахстана к признанию подданства и присоединению к России. В исполнении возложенного на А. И. Тевкелева задания большую роль сыграли башкирские старшины и тарханы Алдарбай Исекеев, батыр Таймас Шаимов, известный казахам своей храбростью, Кидрас Муллакаев и другие. Благодаря которым удалось сохранить жизнь российских послов¹⁶.

Значение вхождения Башкортостана и Западного Казахстана к Российскому государству трудно переоценить. Оно положило начало принципиально новым отношениям между башкирским, казахским и русским народами, Башкортостаном, Казахстаном и Россией, отношениям сотрудничества и дружбы. Важно и то, чтобы стороны и впредь должны быть верны этому курсу.

Пристатейный библиографический список

1. Байназаров И. Н. А. И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-х гг. XVIII века. Автореферат. дис. - Уфа, 2005. - 14 с.
2. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. - Уфа, 1997.
3. Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярях и бобылях: Сборник законов и указов. - Уфа, 1999. - Док. № 75.
4. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках. Сборник документов и материалов. - Алма-Ата, 1964.
5. Кузеев Р. Г. О характере присоединения Волго-Уральского региона к Русскому государству и некоторые вопросы средневековой истории // Этнологические исследования в Башкортостане. - Уфа, 1994.
6. Левшин А. И. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. - СПб., 1832.
7. Рычков П. И. История Оренбургская. - Уфа, 2001.
8. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. - Уфа, 1999. - С. 73-80.
9. Демидова Н. М. Управление Башкирией в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1961 г. - № 68. - С. 211-238.
10. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. - Уфа, 1997. - С. 35-36.
11. Кузеев Р. Г. О характере присоединения Волго-Уральского региона к Русскому государству и некоторые вопросы средневековой истории // Этнологические исследования в Башкортостане. - Уфа, 1994. - С. 70; Байназаров И. Н. А. И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-х гг. XVIII века. Автореферат. дис. - Уфа, 2005. - 14 с.
12. Рычков П. И. История Оренбургская. - Уфа, 2001. - С. 53.
13. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 5-ти томах. Т. 3. - Алма-Ата, 2000. - С. 115-116.
14. Левшин А. И. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. - СПб., 1832. - С. 166.
15. Там же; Рычков П. И. История Оренбургская. - Уфа, 2001. - С. 6.
16. Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярях и бобылях: Сборник законов и указов. - Уфа, 1999. - Док. № 75. - С. 98.
17. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках. Сборник документов и материалов. - Алма-Ата, 1964. - С. 5.
18. Байназаров И. Н. А. И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-х гг. XVIII века. Автореферат. дис. - Уфа, 2005. - 16 с.

ВАЖЕНИНА Ирина Викторовна

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России,
подполковник полиции

ПОЛИЦИЯ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматривается история формирования взаимодействия общества и полицейских органов в сфере охраны правопорядка в Великобритании, начиная с 11 века и до настоящего времени. Анализируются предпосылки возникновения в Великобритании организации полицейской деятельности, получившей название «community policing», и ее развитие на современном этапе.

Ключевые слова: полиция Великобритании, история, community policing, социально-ориентированная полицейская деятельность, сотрудничество.

VAZHENINA Irina Viktorovna

adjunct of State and legal disciplines sub-faculty of the Academy of management of the MIA of Russia,
police lieutenant colonel

Важенина И. В.

POLICE AND SOCIETY IN BRITISH HISTORY

The article considers the history of formation of cooperation between society and police authorities in the field of law enforcement in the UK, from the 11th century to the present. The preconditions for the emergence in the UK of a police organization called the "community policing" and its development at the present stage are analyzed.

Keywords: the police of Great Britain, history, community policing, socially-oriented police activity, cooperation.

Проводимая в настоящее время в России реформа системы правоохранительных органов включает в себя и переосмысление форм и методов организации работы с населением. Соответствующие изменения с ориентацией на развитие демократических стандартов деятельности происходят и в правоохранительных органах, в том числе в полиции. В разные времена отношения между полицией и гражданами носили различный характер, но в современной ситуации пришло осознание, что силами одной полиции, качественно обеспечить исполнение возложенных на нее задач невозможно. Правоохранительные органы призваны обеспечивать права и безопасность граждан. В то же время на протяжении ряда лет полиция часто подвергается общественной критике (в том числе в средствах массовой информации), связанной с нарушениями гражданских прав именно теми, кто призван их охранять.

Изучение зарубежного опыта работы в данном направлении с целью использования полученной информации для совершенствования российской правоохранительной системы крайне актуально. Особо интересна в этом плане организация работы полиции Великобритании, что обусловлено традиционно высокой степенью доверия не только населения этой страны к полиции, но и признанием и уважением организации деятельности британских полицейских служб другими государствами. Сложилось представление о британском полицейском, как о безоружном и вежливом представителе власти, выполняющем роль «независимого охранника общественного порядка»¹.

Известный английский термин «community policing» вошел в русский язык фактически без перевода. Смысл вполне понятен, однако на сегодняшний день нет теоретического обоснования этой дефиниции. В связи с чем, интерпретации перевода данного термина с английского существенно разнятся. Так, вариантами передачи смысла данной концепции стали: «работа полиции с общественностью», «полиция на службе общества»², «работа полиции с населением по месту жительства»³, «коммунальная полиция»⁴, «социально-ориентированная стратегия деятельности полиции»⁵, «концепция коммунально-ориентированной полицейской деятельности»⁶ и др. Из вышеизложенного следует, что процесс теоретического осмысления концепции «community policing» в зарубежной и отечественной науке пока не завершен, хотя на сегодняшний день это одно из актуальнейших направлений деятельности полиции во всем мире.

1 Фадеев А. А. О процессе становления отношений между полицией и населением в историческом аспекте и особенностях их развития на современном этапе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yakimanka.mos.ru/safety-and-security/police/detail/1901077.html> (дата обращения: 24.03.2017).

2 Майоров В. И., Севрюгин В. Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 35. – С. 95-106.

3 The role of the police work with citizens at the place of residence in building trust between police and minority groups. Additional meeting on human dimension. Final report. Vienna, 2002, October. – P. 28-29. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/odihr/19923?download=true> (дата обращения: 12.11.2018).

4 Васютин В. В. О некоторых аспектах обеспечения общественного порядка за рубежом // Экономика и право. – 2012. – № 2. – С. 153-164.

5 Кораблев С. Е. Социально-ориентированная стратегия деятельности полиции как фактор ее профессиональной эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 1. – С. 148-155.

6 Васильев Д. В. Концепции организации деятельности полиции и возможность из использования в отечественной практике (по материалам США и некоторых стран Западной Европы): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 234 с.

Отношение общества к полиции и «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции...»⁷.

Многие исследователи отмечают, что история существования полиции государств англо-саксонской правовой системы начинается в 1829 г. и насчитывает, таким образом, без малого два столетия, связывая ее начало с созданием профессиональной полиции в Великобритании.

Общие предпосылки возникновения философии общественно ориентированной полиции, по мнению Е.А. Зимина, формируются лишь в середине XX в., т. е. в период массовых народных волнений, борьбы за гражданские права и, как следствие, – масштабных демократических преобразований в сфере публично-властных отношений развитых стран Западной Европы и Северной Америки⁸. По мнению австралийского исследователя Лоррэйна Бейера, именно в середине 60-х годов XX века слово «community» («община», «местное сообщество») стало впервые употребляться со словом «police»⁹. Британский профессор Майкл Бентон в 1964 г. в своей известнейшей книге «Полицейский в обществе»¹⁰, посвященной изучению деятельности полиции, переосмысливает роль полиции в постиндустриальном обществе, и считается первопроходцем в этом направлении англоязычной полиеистики.

По нашему мнению, рассматривать данный вопрос целесообразно исключительно в историческом аспекте. Известный термин «community policing» (от английского слова community – община, местное сообщество, police – полиция) определяет суть взаимодействия полиции и общества, а истоки такого подхода прослеживаются в Англии еще в 11 веке, когда бремя по предотвращению проступков и инициирование привлечения к ответственности правонарушителей государством было возложено на местное сообщество. Эта система «круговой поруки» подчеркнула взаимную ответственность всех жителей за обеспечение правопорядка и за поведение друг друга. Основой этой англо-саксонской системы были небольшие группы людей, организованные в десятины, которые состояли из десяти домохозяйств и возглавлялись десятником, который был предшественником должностя констебля, появившейся в четырнадцатом веке во время правления Эдуарда III. Десятин были сгруппированы в сотни – подразделения графства. Кроме того, данная ответственность была законодательно закреплена.

Так, Кларендонская ассиза 1166 г. требовала от шерифов осуждать членов его общины, подозреваемых в совершении преступлений. Это предполагало первоначальное расследование десятником и 12 членами жюри и проведение слушания в общине, где имела место круговая порука. Винчестерский статут 1285 г., принятый во время правления Эдуарда I, также установил принцип местной ответственности в вопросах, связанных с деятельностью по охране порядка, путем введения процедуры «розыска

и поимки преступника», в результате чего все трудоспособные граждане должны были помочь задержать преступника и когда розыск был организован, но преступник сбежал, сотне вменялась обязанность компенсировать ущерб жертве ограбления¹¹. Он также обязал все города установить ночное наблюдение для охраны входов в город и ареста подозрительных незнакомых людей. Обязанность участвовать в наблюдении была распределена на всех домохозяев и их роль была впоследствии сведена к сохранению порядка в городе в ночное время.

К восемнадцатому веку система охраны правопорядка эволюционировала, основываясь на констеблях, назначаемых в каждом населенном пункте. Констебли, как правило, исполняли служебные обязанности в течение одного года на безвозмездной основе, но они могли иметь доход от сборов, полученных от отправления правосудия.

Таким образом, полицейские функции до начала XIX в. возлагались непосредственно на граждан: каждый домовладелец давал клятву содействовать розыску и наказанию преступников¹². Кроме того, в период XII-XIX вв. ежегодно стражи порядка избирались населением, а по окончании срока службы отчитывались перед местными жителями. В настоящее время полицейские силы Великобритании, как на местном, так и на общегосударственном уровне также гарантируют свою ответственность перед общественностью, населению предоставлен доступ к информации о работе полиции¹³.

Реформы охраны порядка в Англии и Уэльсе в течение девятнадцатого века стремились установить принцип полицейской деятельности на основе согласия. Этот подход был воплощен в «Общих Инstrukциях», выданных членам новообразованной столичной полиции в 1829 г., которые были отражены в «Девяти принципах полиции». В частности, седьмой принцип гласит: «Всегда поддерживать отношения с населением, претворяя в жизнь исторические традиции, согласно которым полиция – это общество, а общество – полиция; полиция состоит из представителей населения, которые получают жалованье за то, чтобы полностью посвящать своё внимание обязанностям, возложенным на каждого гражданина, в интересах благосостояния и выживания общества»¹⁴. Эти заявления подчеркнули важность полицейской службы, работающей при поддержке тех, кого они охраняют.

С самого начала существования полиции деятельность ее сотрудников в Англии и Уэльсе подвергалось ограничению, наложенным нормой права. Полицейские были обязаны использовать формализованные процедуры против тех, кто

7 О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

8 Зимин Е. А. Концепция «community policing»: общие предпосылки возникновения, доктринальная и практическая неопределенность // Проблемы права. – № 1 (44). – 2014. – С. 88-91.

9 Beyer L. R. Community Policing: Lessons from Victoria. Australian Institute of Criminology, 1993. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aic.gov.au/publications/lcj/community> (дата обращения: 12.11.2018).

10 Banton M. The Policeman in the Community. Tavistock, 1964. – 276 p.

11 Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Сост.: Поликарпова Е. В., Савельев В. А., Под ред.: З. М. Черниловский. – М.: Юрид. лит, 1984. – 472 с.

12 Яковлев К. Л., Яковлева Е. И., Яковлева О. Н. Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран. Монография. – М.: ИНФРА-М, 2011. (Научная мысль). – 160 с.

13 Важенина И. В. К вопросу о развитии полицейской функции в Англии // Наука и образование: векторы развития в современном мире. Материалы 1 международной научно-практической конференции (17 ноября 2016 г.) – М.: МИГУП, 2016. – Том 1. – С. 252-253.

14 Аннеке Оссе. Принципы деятельности полиции. Методическое пособие по правам человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://amnesty.org.ru/keepme/understanding_policing_ru.pdf. (дата обращения: 24.03.2017).

нарушил закон, применяя их «без страха или пользы для нарушителей»¹⁵.

Кроме того, в начале полицейским не дали специальных полномочий, с помощью которых можно выполнять их обязанности. Множество полномочий полицейских, которые, как считали, могли бы использоваться произвольным способом, были несовместимы с политическими и гражданскими свободами. Соответственно, полиция первоначально могла действовать только в рамках общего права. Это подчеркнуло их имидж «граждан в униформе», которым платили жалование, чтобы они «полный рабочий день выполняли обязанности, возлагаемые на каждого гражданина в интересах существования и благосостояния общества»¹⁶.

Стремление развить образ реформированной полицейской службы как произвольный и властный, и избежать превышения полицейскими полномочий, затронуло и вооружение, которое им предоставили. Предполагалась обратная корреляция между применением физической силы и сотрудничеством с общественностью для выполнения задач обеспечения охраны порядка. В результате полицейские обычно не вооружались и просто носили дубинку для личной защиты. Отсутствие вооружения, которое могло использоваться в агрессивном состоянии, предусматривало, что полицейские при поддержании законности и правопорядка первоначально должны полагаться «на убеждение, совет и предупреждение» и только если это не удалось, использовать физическую силу, которая должна быть минимально потребовавшейся, чтобы достичь их цели¹⁷. Это беспокойство было также очевидно в выборе цвета для полицейской формы, которая была часто синей или коричневой, но никогда не красной (цвет, связанный с вооруженными силами).

Более высокий уровень достатка рабочего класса после Второй мировой войны создал социально интегрированное общество. Этот период (по 1950-е годы) описан в литературе как «золотой век обеспечения охраны порядка», который был «отмечен всеобщим уважением и послушанием для власти»¹⁸, когда обеспечение порядка по взаимному согласию было достигнуто в Британии до максимальной степени, чем это когда-либо достижимо – искреннее одобрение большинства населения, которое не испытывает принудительного осуществления полицейских полномочий какой-либо значительной степени, и фактическое принятие законности учреждения теми, кто это делает.

Вышеизложенное логичным образом сформировало происхождение «функций социальной службы полиции» с разнообразными спектрами деятельности, разработанными как для разрешения социальных причин преступности, так и не связанными с нею. Новым этапом в деятельности полиции Великобритании, в основу которого положен тезис «власть полиции предоставляется по закону населением и для населения», стала «эпоха решения гражданских проблем», что означает осуществление полицейской деятельности в соответствии с потребностями населения, на основе согласия и партнерских отношений с ним.

На современном этапе активно внедряется модель партнерской полицейской деятельности, которая предусматривает, что полиция в обществе выполняет роль координатора в решении и преодолении проблем, которые влияют на правопорядок и безопасность в стране, ответственность за состояние дел в этой сфере несет не только полиция, но и все общество в целом (государственные органы, общественные организации, население). В Англии такой подход был утвержден циркуляром 8/1984. С 1988 г. действует программа «Safer Cities» (безопасные города), суть которой состоит в возложении определенной ответственности и обязанности на граждан, что выразилось в повседневном распространении системы «соседского наблюдения», закреплении территориального подхода; вовлечении различных государственных органов и частного сектора; предоставлении определенных полномочий местным властям. Закон «О преступлении и беспорядке» 1998 г. (Crime and Disorder Act)¹⁹ определил формы сотрудничества между местными властями и силами полиции.

Так, деятельность Соседского дозора сосредотачивается в непосредственной близости от дома, и заключается в обнаружении чего-либо подозрительного и оказании помощи соседям. Тем не менее, все больше данные объединения расширяют пределы своей работы и ориентируются на целый ряд других проблем, таких как анти-социальное поведение, вандализм и граффити. Часто формируются широкие альянсы, когда члены Соседского дозора могут стать «мощным голосом» в обществе и активно участвовать в решении проблем²⁰. Соседства помогают уменьшить число краж со взломом, антиобщественное поведение, снизить порог преступности и решить экологические проблемы. Но преступники больше не ограничены географическими границами, а в последние годы наблюдается устойчивый рост мошенничества и киберпреступлений. Соседский дозор в состоянии помочь в решении и такого рода проблем, будучи надежным источником информации и поддержки для граждан в их общинах. Бывает, что жертвам мошенничества и киберпреступлений стыдно сообщить о совершении в отношении них преступления близким или полиции, или они могут не знать, что преступление было совершено, в этом случае члены Соседского дозора и координаторы могут оказать им действенную помощь. Так же как и полиция, Соседский дозор может работать с другими учреждениями в пределах их полномочий, которые заинтересованы в снижении уровня преступности и создании более сильных сообществ. Они могут создавать партнерства общественной безопасности, совместные объединения с местными органами управления экологической и социальной помощи, торговых услуг, а также пожарными и аварийно-спасательными службами.

Кроме того, полиция развивает стратегию постоянных консультаций с жителями, что позволяет: улучшить отношения с населением, а также выработать комплексные программы действий, адаптированные к местным условиям.

15 Joyce P. Policing – Development and Contemporary Practice. – L., 2011. – P. 12.

16 Ibid. – P. 12.

17 Ibid. – P. 13.

18 Fielding, N. The Police and Social Conflict: Rhetoric and Reality. – London: Athlone Press, 1991. – P. 36.

19 Crime and Disorder Act 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents> (дата обращения: 08.11.2018).

20 Neighbourhood watch. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ourwatch.org.uk/knowledge/setting-up-a-neighbourhood-watch-scheme/> (дата обращения: 24.03.2017).

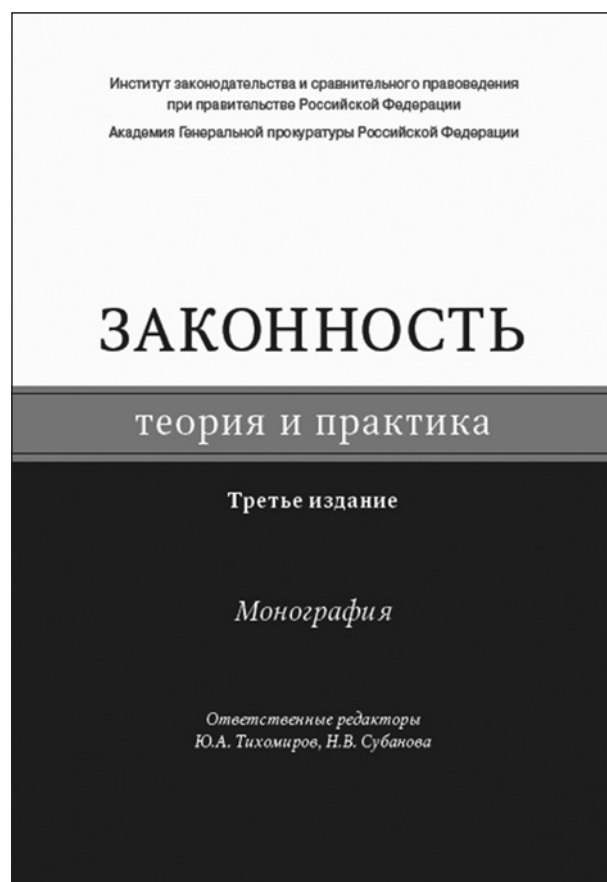
Таким образом, на протяжении столетий в Великобритании отсутствовало понятие «полицейских сил» – охрана общественного порядка считалась обязанностью каждого члена общества. Развитие правоохранительных органов Великобритании протекало в непосредственном взаимодействии с местным населением, что имеет место и в настоящее время. Например, законодательно закреплено право граждан Великобритании пресекать преступления, а также доставлять нарушителей в органы полиции и суда²¹.

На современном этапе развития процесс сближения полиции и общества признается наиболее оптимальным и эффективным, поскольку принятие во внимание мнения тех, ради кого работает полиция, позволяет максимально учитывать их потребности и незамедлительно реагировать на них. Реформирование и демократизация деятельности полиции России путем вовлечения в правоохранительную сферу общественных институтов крайне актуально, поскольку способствует не только предотвращению и профилактике правонарушений, но и повышению правосознания граждан и их гражданской ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Важенина И. В. К вопросу о развитии полицейской функции в Англии // Наука и образование: векторы развития в современном мире. Материалы 1 международной научно-практической конференции (17 ноября 2016 г.) – М.: МИГУП, 2016. – Том 1. – С. 252-253.
2. Важенина И. В. Полицейский арест в Великобритании: опыт диахронного анализа. Сборник материалов международной научно-практической конференции «Летняя школа молодых ученых – 2018». – М., 28-31 мая 2018. – С. 100-106.
3. Васильев Д. В. Концепции организации деятельности полиции и возможность их использования в отечественной практике (по материалам США и некоторых стран Западной Европы): дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2005. – 234 с.
4. Васютин В. В. О некоторых аспектах обеспечения общественного порядка за рубежом // Экономика и право. – 2012. – № 2. – С. 153-164.
5. Зимин Е. А. Концепция «community policing»: общие предпосылки возникновения, доктринальная и практическая неопределенность // Проблемы права. – № 1 (44). – 2014. – С. 88-91.
6. Кораблев С.Е. Социально-ориентированная стратегия деятельности полиции как фактор ее профессиональной эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 1. – С. 148-155.

7. Майоров В. И., Севрюгин В. Е. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 35. – С. 95-106.
8. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Сост.: Поликарпова Е.В., Савельев В.А., под ред.: З. М. Черниловский. – М.: Юрид. лит., 1984. – 472 с.
9. Яковлев К. Л., Яковлева Е. И., Яковлева О. Н. Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран. – М.: ИНФРА-М., 2011. (Научная мысль). – 160 с.
10. Banton M. The Policeman in the Community. – Tavistock, 1964. – 276 p.
11. Fielding, N. The Police and Social Conflict: Rhetoric and Reality. – London: Athlone Press. – 1991. – 266 p.
12. Joyce P. Policing – Development and Contemporary Practice. – L., 2011. – 272 p.

21 См. подробнее: Важенина И. В. Полицейский арест в Великобритании: опыт диахронного анализа // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Летняя школа молодых ученых – 2018». – М., 28-31 мая 2018. – С. 100-106.

ПУЖАЕВ Владимир Владимирович

ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Пужаев В. В.

ЭММАНУЭЛЬ ЛЕВИ О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И РЕЛИГИИ*

В статье исследуются правовые воззрения видного французского юриста XX века Эммануэля Леви по вопросу соотношения права и религии. Дается общая характеристика его идеалистической философии, которая, по оценкам некоторых современников, явилась своеобразной версией фидеизма в области юридической науки. Получает осмысление основной постулат доктрины Леви, согласно которому «право является практическим субститутом религии» и зиждется на социальной (коллективной) вере, составляющей его базис.

Ключевые слова: право и религия, Леви, Дюркгейм, ритуалы и право, коллективные верования, фидеизм.

PUZHAEV Vladimir Vladimirovich

assistant of Civil law and process sub-faculty of the Law Faculty of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

EMMANUEL LEVY ON THE CORRELATION OF LAW AND RELIGION

The article is devoted to the legal views of a prominent French lawyer of the 20th century, Emmanuel Levy, on the relationship between law and religion. The article gives a general description of his idealistic philosophy, which, according to some contemporaries, was a peculiar version of fideism in the field of legal science. The main postulate of Levy's doctrine is considered, according to which «law is a practical substitute for religion» and is based on social (collective) faith that forms its basis.

Keywords: law and religion, Levy, Durkheim, rituals and law, collective beliefs, fideism.

Право и религия являются важнейшими элементами социальной действительности, без которых трудно представить себе историю развития человеческой цивилизации. Оба феномена имеют схожее предназначение и функции, стремясь к установлению в обществе определенного порядка на основе выдвижения стандартов единообразного поведения людей. Характер взаимных отношений права и религии может быть рассмотрен с различных точек зрения. При этом речь идет о широком понимании религии в качестве системы определенных верований в высшие трансцендентные смыслы, не обязательно связанные с божественным установлением или откровением, как это характерно для обычных деистических религий. Бесспорным остается факт тесной взаимосвязи исследуемых явлений, что в целом справедливо как для религиозных правовых систем, так и для секулярных правопорядков современности. Право предоставляет религии зримое социальное измерение, официально провозглашая её положение в обществе, легализуя статус соответствующей мировоззренческой модели. В свою очередь, религия становится дополнительным одухотворяющим символом легитимации либо делегитимации права.

В истории правовых учений имеется немало примеров творческого осмысления проблемы соотношения права и религии. Одной из таких попыток, к сожалению, практически неизвестных в российском правоведении, является социально-психологическая теория Эммануэля Леви (1871-1944) - видного французского юриста, социолога и социалиста XX века, профессора Лионского университета. Творчество Леви

приходится на тот период французской истории, который отмечен процессами значительной трансформации различных сфер общественной жизни. «Прекрасная эпоха»¹, как часто именуют этот хронологический отрезок сами французы, стала временем утверждающейся власти сциентизма, который в союзе с философской программой позитивизма, подогревал веру в безграничные возможности науки изменить существующий общественный строй. В целом это была эпоха непрекращающихся атак на былую гегемонию индивидуализма, период серьезных политических экспериментов и наблюдаемой социализации права, активного синдикалистского движения и вообще масштабного распространения коллективистских форм социального взаимодействия («век толп», если следовать образному определению известного психолога С. Московичи). В области религиозных свобод в этот же период принимается ряд важных правовых актов, в которых отражаются две взаимосвязанные тенденции общественного развития: с одной стороны, общее стремление государства освободиться от всеобъемлющего влияния религиозных организаций, а с другой – ограничение государственного вмешательства в сферу духовной жизни общества и обеспечение свободы вероисповедания (см. французский закон от 9 декабря 1905 года о разделении церкви и государства, который обозначил переход Франции к лаицизму). Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы обозначить специфику исторического момента, в рамках которого формировались научные взгляды Эммануэля Леви.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-311-00254 «Правовое учение Эммануэля Леви: опыт социолого-психологического обоснования права».

1 Понятие «Прекрасная эпоха» (с фр. «Belle Époque») является условным обозначением периода французской истории первых десятилетий существования Третьей республики (с последней трети XIX века до начала Первой мировой войны).

Уже в начале XX века Леви высказал и попытался обосновать положение о том, что право корреспондирует существующим в обществе коллективным верованиям групп, в которых отражаются объективно возникшие потребности социального развития. Опираясь на плодотворные идеи дюркгеймовской социологии, Леви решился дать точный, реалистический (как ему казалось) анализ природы права, попутно опровергая научную состоятельность популярных в XIX столетии юридических теорий.

Фундамент правопорядка, согласно Леви, не может заключаться в априорных метафизических началах, универсальных и неизменных принципах естественной человеческой природы, чья одухотворяющая сила была воспрета множеством последователей идеи естественного права. Юридический позитивизм с его навязчивой неприязнью моральной обусловленности права, сведением последнего к велениям властной государственной воли, также далек от истины. Согласно Леви, право не может быть редуцировано к закону, поскольку социальная жизнь сложна и вариативна, и под всеисильным прессом закона всегда обнаруживается известное вредное пространство, которое не покрывается его регулирующей силой или вступает с ней в серьезное противоречие.

Научное обоснование природы права, полагает Леви, может быть найдено только в области социальной психологии, поскольку в основе всякого права лежат коллективные представления группы о должном. Право – продукт коллективной психологии, итог коллективного желания и признания со стороны группы определенного поведенческого образца. Действительная жизнь права неотделима от самой социальной жизни, которая обуславливает направленность и содержание правового регулирования. Именно поэтому право основывается на верованиях, демиургом которых является коллективное сознание группы. Эти верования проявляются в виде коллективных требований масс, желающих, чтобы определенное правило поведения стало обязательной для исполнения нормой, обеспеченной силой государственного принуждения (т.е., чтобы оно стало юридической нормой).

Будучи социалистом, Леви следует марксистскому тезису о том, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание». При этом Леви подчеркивает, что в практике современных ему европейских обществ присутствует борьба двух социальных общностей, верования которых сталкиваются ввиду противоположности классовых интересов (капиталисты и рабочие). Антагонизм классовых интересов неизменно сопутствует общественному развитию. Право выступает важным средством снятия общественных разногласий, средством усмирения социальной среды. Однако названный результат, согласно Леви, достигается не путем насильственного принуждения одних в пользу других, но через признание законодателем и судьями требований новых прав, обеспечивающих юридическую защиту ущемленных интересов ассоциированных индивидов, которые эти требования выдвигают.

Проблема соотношения права и религии тесно связана с общим правопониманием Леви. Право в его учении представляется в виде практической религии современных государственно-организованных обществ. В целях обоснования своих взглядов Леви обращается к наиболее иллюстративным доказательствам, которые в эмпирическом плане внушают ему доверие: данным истории. В легких и весьма обрывочных набросках, Леви показывает тесную связь между правом и религией, которую часто недооценивают, когда пытаются ве-

сти речь о природе юридических установлений. Леви пишет следующее: «Вы слышите от меня, что я постоянно говорю о веровании, и вы думаете, что это какая-то мания. Однако, без сомнения, такая манера говорить перестанет удивлять вас, если я скажу вам, что изначально право было религией, и то, как мы сейчас его излагаем, это лишь практический заменитель (субститут) религии».² Изначально «правовые отношения защищались священниками от имени Божества, сегодня они защищаются от имени государства, но функция судьи – это религиозная функция». «Право – это религия».³ «Правовое убеждение создает право, которое таким образом состоит в родстве с религией, благодаря социальной вере, составляющей его базис».⁴

Когда Леви говорит об исторически полагавшем сходстве права и религии, он, без сомнения, находится под влиянием социологических взглядов Эмиля Дюркгейма – выдающегося французского социолога, чьи работы о методе анализа социальных фактов, формах социальной солидарности и особенностях нормативных систем примитивных сообществ, проложили новые пути развития социальной науки. С точки зрения Дюркгейма истоки социальной нормативности действительно коренятся в области религиозного. «Религия – наиболее первобытное из всех социальных явлений. Именно из нее путем последовательных трансформаций возникли все иные проявления коллективной деятельности: право, мораль, искусство, наука, политические формы. В принципе все религиозно».⁵

В том, что право в своих изначальных формах было проникнуто теологическим началом, о котором заявил Леви, нет причин сомневаться. Как только мы намереваемся наблюдать право у его истоков, в эпоху примитивных и традиционных обществ, приходится констатировать отсутствие четких демаркаций последнего с религиозной, мистической и ритуальной основами социальной жизни. Религия, магия, так же как и право, пытаются выстроить «мироздание», апеллируя к императивам провозглашаемых повелений. Повеления эти и есть внешние регуляторы поведения человека, инструменты разрешения общественных разногласий. «Отсутствие четких представлений о дистанции между естественным и сверхъестественным миром, земным бытием и высшим, метафизическим состоянием духа привело первобытное сознание к своеобразному способу онтологизации всего сущего, следствием чего явился древний космизм. В нем, очевидно, и следует искать первоначальную основу связи между религиозным и правовым регуляторами социальных отношений».⁶

Уважительное отношение ко всякому авторитету, силуэты которого обозначались догматами религиозной веры, составляло отличительную черту мировоззрения средневековья с его ортодоксальностью по отношению к восприятию божественных знаков. Мало стесняемая «религиозность» философской мысли сохранялась вплоть до известного периода Реформации, поколебавшего вековые устои верховенства теологической линии. Значительную роль в изживании схо-

2 Lévy E. La vision socialiste du droit. - Paris: Marcel Giard Libraire-Éditeur, 1926. - P. 117.

3 Ibid. - P. 118.

4 Стучка П. И. Революционная роль права и государства: Общее учение о праве. - М.: Изд-во Коммунистической академии, 1924. - С. 67.

5 Дюркгейм Э. Материалистическое понимание истории // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. - М.: Канон, 1995. - С. 206.

6 Мальцев Г. В. Нравственные основания права. - М.: ФПА: Информ-Право. 2016. - С. 320.

ластических форм философствования сыграл рационализм, утверждающий себя в качестве важной мировоззренческой доминанты новоевропейской философии. С течением времени влияние процессов секуляризации на общественную жизнь только усиливалось. Известный мыслитель XX века Гарольд Дж. Берман описывает эти преобразования, наблюдаемые в условиях западного мира, следующим образом: «хотя право в большинстве культур произошло от религии и в определенные эпохи, такие, как католическое средневековье и век пуританства, опиралось на религиозные элементы, за последние два столетия они были постепенно утрачены, так что теперь от них почти ничего не осталось; современное «светское» и «рациональное» право трактуется исключительно в технических терминах, как способ достижения особых политических, экономических и социальных целей»⁷.

Сознавая данную историческую эволюцию, Леви приходит к выводу о том, что в современном ему секуляризованном обществе право приобретает форму, хотя и отличную от религии, но по своим глубинным (сущностным) параметрам недалеко от неё ушедшую. Право – ближайший родственник религии, и потому оно не чуждо идее сакрального. Во всех известных культурах первобытный закон, восходящий будто к священным обычаям, будь то к божественным установлениям, предшествующий государству, имел черты сакрального института. Поощряя веру в собственную «святость», право обретало дополнительный источник, легитимирующий его повелительные требования, с которыми оно обращается к индивидам.

По прошествии многих веков религиозные подтексты по-прежнему не вычеркнуты из сферы права. Даже сегодня существуют правовые нормы, которые звучат как явные отголоски религиозных предписаний. В свое время французский историк права Поль Эсмен уже обнаруживал в основе юридического понятия вины богословское понятие греха. Некоторые авторы прошлого указывали на параллели, которые можно провести между юридическим принципом автономии воли и свободой человеческого выбора, описанной во многих священных текстах. Важно отметить, что соотношение права и религии не исчерпывается исторически возможными образцами взаимного вторжения их в дела друг друга. Опыт развития разных правовых порядков, в особенности Западной Европы, показывает, что влияние религии на формирование права часто происходит не напрямую, а через посредничество иных нормативных систем. В качестве таких переходных систем можем назвать мораль, культуру, обычаи⁸. Определенную роль также сыграло естественное право, истоки которого традиционно усматривают в области христианской религии (исключение составляют секулярно-рациональные теории естественного права, возникшие в эпоху Нового и Новейшего времени).

Безусловно, мораль, как наиболее значительная посредническая система, вобрала в себя массу религиозных максим. Поглотив их, она лишила религиозные нормы свойственной им ранее внешней атрибутики, но при этом сохранила их внутреннюю религиозность. Мораль, – говорит выдающийся социолог права Ж. Карбонье, – сама становится «религией для тех, у кого религии нет. Мораль – это маска, которую на-

девает религия, чтобы быть одобренной теми, кто не желает принимать её»⁹.

Когда Леви говорит, что право является религией, он не ограничивается простым указанием на общность их исторического генезиса. Он подразумевает, что как родственные явления человеческого мира, право и религия имеют также процедурное сходство. «Ритуалы права (включая и те, что сопутствуют законодательной деятельности, отправлению правосудия, ведению переговоров и вынесению судебного решения) подобно ритуалам религии, являются торжественной инсценировкой глубоко прочувствованных ценностей. Как в праве, так и в религии такая инсценировка необходима для манифестации их полезности для общества, но главное – для внушения эмоциональной веры»¹⁰. В 1909 году Леви резюмирует эту мысль короткой социологической формулой, согласно которой юридические верования следуют из более или менее строгих ритуальных действий.

Еще одним объединяющим моментом права и религии выступает их институциональная схожесть. Хорошо известно, что «наличие сакральных учреждений и институтов отличает религию от такой близкой ей по духу нормативно-регулятивной системы, как мораль, но существенно сближает религиозный способ регуляции с правом, которое порождает мощную «юридическую инфраструктуру» (парламенты и законодатели, суды и судьи, администраторы и исполнители и т.п.). В течение длительного исторического времени организационная основа религиозного и правового способа регулирования была в сущности одной и той же либо во многом совпадала. В теократических обществах глава государства выступал одновременно и как первосвященник, жрецы являлись чиновниками и судьями, а религиозная норма практически сливалась с правовой»¹¹.

Итак, концепция Леви не является теологической в традиционном смысле этого слова. Понятие «верование» (сroyance) в его учении имеет социально-психологическое прочтение, которое может быть описано в таких синонимичных терминах как «убеждение», «представление», «репрезентация». Использование концепта «веры» как основы правопорядка, граничащее с подчеркнутым вниманием к психологической стороне права, сближает теорию Леви с современными постмодернистскими учениями о праве (Г. Дж. Берман, Э. Паттаро и др.).

Леви возводит понятие права на неустойчивом фундаменте коллективной веры (конгломерате убеждений группы о должном). Все проявления коллективной веры суть порождения коллективного сознания, которое не пребывает неизменным во все эпохи, но, напротив, крайне восприимчиво к конкретным условиям бытия. В отличие от Дюркгейма, позволившего себе признать коллективное сознание психологической реальностью *sui generis*, Леви не склонен делать аналогичные заявления. В его учении право создается в ходе своеобразного «контактного» взаимопроникновения индивидуальных сознаний, открывающихся в рамках общей интуиции.

Подход Леви является релятивистским. Его исполнение приводит к тому, что мир права становится хрупким, в известной степени зависимым от полновластного диктата коллективной веры, всякие волнения которой должны без-

7 Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика. - М.: Ad Marginem, 1999. - С. 17.

8 Carbonnier J. La religion, fondement du droit? // Archive de philosophie du droit. - 1993. - Т. 38. - Р. 18.

9 Carbonnier J. Flexible droit. Pour une sociologie du droit sans rigueur. 10 éd. - Paris: L.G.D.J., 2001. - Р. 94.

10 Берман Г. Дж. Указ. соч. - С. 21-22.

11 Мальцев Г. В. Указ. соч. - С. 324.

отлагательно трансформировать существующий легальный порядок. Право в таком случае полагается в качестве относительной сущности. Это вполне согласуется с утверждением Поля Рубье о том, что во французской доктрине Леви иногда признают основным представителем фидеизма¹², поскольку отправной пункт его изящной философии звучит достаточно определенно: «верование создает право». Сказанное требует определенных пояснений относительно взглядов Леви.

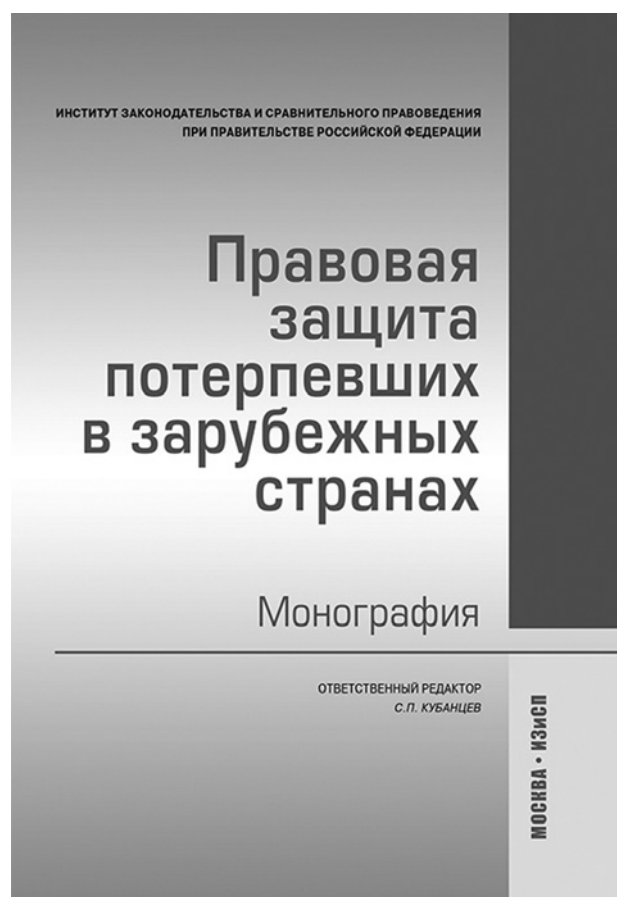
Как известно, фидеизм (от лат. fides – вера) представляет собой разновидность идеалистических воззрений, основанных на утверждении абсолютного примата веры над разумом. Его существенной частью выступает алогизм, связанный с отказом признать логическое мышление в качестве подходящего средства познания. Однако в учении Леви коллективные верования (по природе сверхинтеллектуальные, алогические) не формируют права напрямую (речь идет о позитивном праве, т. е. практикабельном). Чтобы порождать право, верования должны быть подвергнуты логическому анализу. Они должны быть измерены в рамках строгой рассудочной деятельности специальными субъектами (законодатель или судья), которые имеют полномочие через принятие актов установленной формы зафиксировать (объективировать) коллективные желания группы в корпусе позитивного права. В итоге получается, что право вырисовывается под углом зрения измеренных верований, под углом зрения разума, который Леви употребляет в значении чистого рассудка. Сама «сфера права содержит некоторую интеллектуализацию коллективных верований, она охлаждает пыл сверхинтеллектуальных моральных коллективных верований, пропускающая их сквозь логику, она стоит на полпути между моралью и логикой...»¹³. В этом смысле правовые воззрения Эммануэля Леви можно именовать фидеизмом лишь с определенной долей условности.

Взгляды Леви на соотношение права и религии отразили общую традицию, характерную для французской социологической науки на рубеже XIX–XX столетий¹⁴, согласно которой религия в историческом срезе является прародительницей иных нормативных систем (морали, права).

Пристатейный библиографический список

1. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика. - М.: Ad Marginem, 1999. - 431 с.
2. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. - СПб.: ИД СПбГУ, Изд-во юридического ф-та СПбГУ, 2004. - 848 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. - М.: Канон, 1995. - 352 с.

4. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. - М.: ФПА: Информ-Право, 2016. - 432 с.
5. Стучка П. И. Революционная роль права и государства: Общее учение о праве. - М.: Изд-во Коммунистической академии, 1924. - 141 с.
6. Carbonnier J. La religion, fondement du droit? // Archive de philosophie du droit. - 1993. - Т. 38. - P. 17-21.
7. Carbonnier J. Flexible droit. Pour une sociologie du droit sans rigueur. 10 éd. - Paris: L.G.D.J., 2001. - 495 p.
8. Lévy E. La vision socialiste du droit. - Paris: Marcel Giard Libraire-Éditeur, 1926. - 183 p.
9. Roubier P. Emmanuel Lévy. Professeur honoraire à la Faculté de droit de Lyon // Annales de l'Université de Lyon, 1943-1944. Lyon, 1945. - P. 61-62.

12 Roubier P. Emmanuel Lévy. Professeur honoraire à la Faculté de droit de Lyon // Annales de l'Université de Lyon, 1943-1944. - Lyon, 1945. - P. 62.

13 Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. - СПб.: ИД СПбГУ, Изд-во юридического ф-та СПбГУ, 2004. - С. 357.

14 В этот период во Франции социология в основном отождествлялась с успехами и наработками дюркгеймовской школы, участниками которой, помимо Дюркгейма, были М. Мосс, Ж. Дави, Э. Леви, П. Ювелен, С. Бугле, М. Хальбвакс, Ф. Симиан и др.

СМИРНОВ Артем Николаевич

аспирант кафедры институциональной экономики Государственного университета управления

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена обзору методологии, применяемой к оценке темпов распространения полных прав собственности до и после закрепощения крестьян в Русском государстве (1550-1649). Она опирается на метод сравнительной статистики, когда предметом сравнения выступают равновесные распределения земли, труда и товаров в ситуациях *ex ante* и *ex post*. Рынок товаров предлагается анализировать на базе модели Диксита-Стиглица. Процедура крестьянского выхода может быть описана с помощью алгоритма Гейла-Шепли. Естественным подходом к поиску равновесия в распределении земли представляется модель Хотеллинга.

Ключевые слова: частная собственность, земельная собственность, Великое княжество Московское, Русское царство.

SMIRNOV Artem Nikolaevich

postgraduate student of Institutional economics sub-faculty of the State University of management

Смирнов А. Н.

DISTRIBUTION OF LAND OWNERSHIP AND ENSLAVEMENT OF PEASANTS IN THE RUSSIAN STATE: THE METHODOLOGY OF THE STUDY

This article describes the methodology applied to compare the rates at which complete property rights have been acquired before and after the establishment of serfdom in the Tsardom of Russia (1550-1649). The methodology revolves around comparative statics, which is used to analyze the equilibrium allocation of land, labor and goods *ex ante* and *ex post*. The goods market is studied within the Dixit-Stiglitz framework. Peasant mobility could be described in terms of the Gale-Shapley algorithm. The equilibrium allocation of land is naturally modeled à la Hotelling.

Keywords: private property, land tenure, Grand Duchy of Moscow, Tsardom of Russia.

Процесс формирования и распространения земельной собственности на территории Русского государства испытывал влияние прочих институциональных переменных. В частности, актуален вопрос о том, как изменились темпы распространения полных прав собственности вследствие закрепощения крестьян. Сравнительная статика предполагает анализ общего равновесия до и после ограничения трудовой мобильности крестьян. В ситуации *ex ante* преобладающей формой трудовой мобильности крестьян выступал крестьянский выход — переход в новое крупное хозяйство (государственное, помещичье или вотчинное), компенсируемый самим переходящим. В ситуации *ex post* единственной формой перемещения труда стал крестьянский вывоз — оговоренное крупными хозяйствами, либо насильственное перемещение крестьян между хозяйствами¹.

Закрепощение крестьян происходило постепенно. Судебник 1550 года увеличил размер платежа, вносимого крестьянином при выходе. Тогда же упразднено приоритетное право выкупа родовых вотчин непосредственными родственниками владельца — отныне они не могли блокировать сделку, но получали право выкупа в течение нескольких лет после продажи. В 1581 году издан временный запрет на переход крестьян, с 1597 стал постоянным. Дальнейшие реформы касались срочности сыска беглых крестьян, пока в 1649 не был введен бессрочный сыск².

Множество игроков разбивается на две категории: малые и крупные хозяйства. Критерием выступает наличие постоянных, но, возможно, ограниченных вещных прав на земельные участки. Так, к крупным хозяйствам следует отнести государство, вотчинников, помещиков и черносошных крестьян. Очевидно, государь обладал полным правом собственности. Кроме того, номинальными собственниками выступали владельцы вотчин и черносошные крестьяне. Вместе с тем, их право собственности могло быть неполным³. В дополнение к повинностям перед крупным хозяйством, представители малых облагались государственными повинностями — тяглом. Единицей налогообложения выступала соха. Ее размер определялся в соответствии с благосостоянием региона, однако количество земли в сохе могло варьироваться. Далее предполагается, что тягло не искажает стимулы крестьян, действуя на их поведение симметрично⁴.

Вотчины подразделялись на родовые, купленные и выслуженные. С 1550 года распоряжение родовыми вотчинами не требовало согласия родственников владельца, однако вводилось право выкупа в течение 40 лет. Стандартной считалась практика выкупа вотчинной земли по цене ее продажи,

Ю. Характеристика положения крестьян и холопов в России во второй половине XVI-XVII вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 2.

3 Сигалов К. Е. Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России // Общество и право. 2014. № 1 (47).

4 Аракчеев В. А. К вопросу о правовом положении тяглого населения русского государства в середине XVI века // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2008. № 84.

1 Аракчеев В. А. Закрепостительные мероприятия в русском государстве в начале 1590-х гг. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 81.

2 Аракчеев В. А. Крестьянские переходы по Судебникам и происхождение пожилого // Вестник НовГУ. 2009. № 51; Мухина Ю.

что препятствовало ее свободному обращению⁵. Купленные вотчины обращались свободно, но при передаче земель по наследству они переходили в статус родовых. Полнота права собственности на выслуженные вотчины определялась монархом для каждого конкретного случая⁶. Черносошные крестьяне могли продать участок только с обязательством компенсации в пользу государства («обеления»), поэтому обращение черных земель также было несвободным. Белые земли обращались свободно, однако эффект, оказанный закрепощением на темпы обеления, очевидно, отрицателен: черносошные крестьяне лишились наемного труда, закрепощенного помещиками и вотчинниками. Таким образом, уместна эквивалентная, но более узкая формулировка цели исследования — сравнение темпов перехода вотчин в статус купленных до и после ограничения крестьянского выхода.

Взаимодействие агентов рассматривается на стыке двух временных периодов, t и $t+1$. В ситуации *ex ante* выделяются три этапа, каждый из которых завершается достижением равновесного распределения некоторого ресурса. Сначала в равновесие приходит распределение товаров, произведенных в периоде t . Агенты принимают решения относительно величины предложения и цен и обмениваются товарами. Они извлекают информацию о качестве земли из товарных цен, руководствуясь ей при распределении труда и земли. Затем достигается равновесие в распределении труда, когда крестьяне предоставляют труд в обмен на земельный надел. Крупные хозяйства привлекают представителей малых, публикуя условия оброчных и/или барщинных договоров. Малые хозяйства выбирают наиболее привлекательный договор, оформляя принадлежность к крупному хозяйству на период $t+1$. Одновременно крупные хозяйства, нуждающиеся в рабочей силе, организуют вывоз крестьян, не способных самостоятельно покрыть транспортные издержки. Наконец, в равновесие приходит распределение земли. Крупные хозяйства, руководствуясь соотношением земли и труда, инициируют перераспределение угодий. Оно может происходить в порядке купли-продажи или аренды. Агенты подразделяются на доноров и реципиентов земли, покидая торги по мере исчерпания излишка/устранения недостатка. Стоимость сделок с землей определяется теневыми ценами крупных и прикреплённых к ним малых хозяйств. Распределение же капитала достигает равновесия в экзогенном порядке.

Хронологическая структура ситуации *ex post* во многом схожа с режимом *ex ante*. Она также включает три этапа (один в периоде t и два в периоде $t+1$), причем структура первого идентична в обоих режимах. Второй и третий этапы отличны, поскольку отныне сделки с землей могут сопровождаться передачей крестьянских повинностей. Стратегии игроков при параллельном распределении факторов производства диктуются пропорцией земли и труда, находящихся в их пользовании. Крупные хозяйства, нуждающиеся в дополнительном труде, осуществляют вывоз крестьян. Участники переговоров о вывозе проводят переговоры. Если обе

стороны занимают жесткую позицию, распределение труда происходит в состязательном порядке. Крестьяне прикрепляются к тому хозяйству, которое готово вложить в составление большие средства. Параллельное распределение, как и ранее, может принимать форму купли-продажи или аренды. Разделение игроков на доноров и реципиентов теперь отсутствует, так как избыток/недостаток земли более не является статичным. Изменение пропорции земли и труда может обращать доноров в реципиентов и наоборот.

Распределение товаров и факторов производства происходит по-разному, поэтому их моделирование требует различных подходов. Производство и распределение товарной продукции может быть описано моделью Диксита-Стиглица⁷. К ее ключевым особенностям следует отнести монополистическую конкуренцию между игроками, полезность с постоянной эластичностью замещения и эффект масштаба в производстве. Для моделируемого исторического периода подошла бы модификация стандартной модели с негоматетичными предпочтениями, так как агенты сильно дифференцированы по доходам. При росте доходов доля средств, направляемых на приобретение потребительских товаров, должна снижаться. Поскольку производители неоднородны по соотношению труда и земли, производственная функция может быть задана в спецификации Кобба-Дугласа.

Итак, пусть экономика населена континуумом агентов некоторой постоянной меры. Подмножество континуума меры 0 соответствует крупным хозяйствам, его дополнение — малым. Полезность агента зависит от количества потребляемых благ и стоимости располагаемых активов (денег и земельных угодий). В экономике представлен континуум разновидностей потребительского блага. Агенты диверсифицируют корзину потребляемых разновидностей. Соответствующий компонент полезности задается функцией с постоянной эластичностью замещения. Функция полезности не является гомотетичной, однако таковыми являются ее компоненты, соответствующие потреблению и располагаемым активам. Будучи слабо сепарабельной, функция допускает процедуру двухуровневого бюджетирования⁸. Иными словами, пропорции потребления различных разновидностей потребительского блага не зависят от оценки активов. Спрос на потребительские товары определяется следующим образом. К базовой цене товаров добавляются транзакционные издержки, связанные с посещением удаленных базаров. Для каждого агента рассчитывается средний индекс цен. Спрос на разновидность товара определяется величиной потребительского бюджета, ценой с учетом транзакционных издержек и индексом цен⁹.

Каждое малое хозяйство и некоторые крупные хозяйства осуществляют производство уникальной разновидности потребительского блага. В производстве используются труд, земля и капитал. Малые хозяйства располагают определенным количеством труда изначально. Они не способны привлекать дополнительную рабочую силу. Крупные хозяйства, как правило, не обладают собственными трудовыми ресурсами (исключение — черносошные крестьяне). При наличии собственного производства они привлекают труд крестьян,

5 Шитова Е. А. Классификация оснований возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве (историография вопроса) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15); Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права // Территория будущего. 2005.

6 Шеметова Н. Ю. Развитие института недвижимости в историческом аспекте // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 4; Шлоттауэр М. А. История правового регулирования купли-продажи жилой недвижимости в России // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2009. № 1.

7 Dixit A. K., Stiglitz J. E. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // American Economic Review. 1977. № 67.

8 Deaton A., Muellbauer J. Economics and Consumer Behaviour. Cambridge University Press, 1980.

9 d'Aspremont C., Dos Santos Ferreira R., Gerard-Varet L.-A. On the Dixit-Stiglitz Model of Monopolistic Competition as Enforcement Mechanisms // CORE Discussion Papers 1994067. 1994.

размещенных на их территории. Их мотивация и, следовательно, производительность снижаются. Распределение земельных ресурсов противоположно ситуации с трудом. Малые хозяйства не имеют земли априори, вследствие чего вынуждены запрашивать ее у крупных хозяйств, принимая на себя повинности. Крупные хозяйства распоряжаются располагаемой землей и могут арендовать и приобретать дополнительные участки. Отдельные категории игроков могут сдавать и продавать землю. Капитальные издержки определяются как аффинная функция от объема производства. Константа, равная для всех производителей, обеспечивает эффект масштаба. Капитал приобретается по единой цене. Стоимость труда и земли варьируется для каждого производителя. Отдельные факторы, как отмечено выше, достаются агентам бесплатно. Минимизация функции издержек при ограничении в виде производственной функции показывает, что условный спрос на землю и труд пропорционален объему производства.

Производитель устанавливает цену, максимизирующую его прибыль при заданной кривой потребительского спроса. Оптимальная цена складывается из предельных издержек производства и надбавки, определяемой эластичностью замещения разновидностей. Цены всех производителей пропорциональны предельным издержкам. Агенты стремятся поставить количество товара, соответствующее оптимальной цене по кривой спроса. Поставка необходимого объема может оказаться невозможной ввиду дефицита факторов. Поскольку мера множества производителей постоянна, прибыль производителей в равновесии не обязательно сводится к нулю ввиду притока новых хозяйств. Производители могут извлекать положительную прибыль. Она используется для выкупа вотчин, либо в иных производственных целях.

Далее необходима формализация процедуры крестьянского выхода. Исход распределения крестьян по крупным хозяйствам может быть спрогнозирован с помощью алгоритма Гейла-Шепли¹⁰. Он позволяет найти стабильные сочетания малых и крупных хозяйств, которые не могут быть заблокированы никакой парой. Предпочтения агентов с обеих сторон при этом не всегда симметричны. Сравнительная статика на базе исходного алгоритма Гейла и Шепли проблематична. Доказательства требуют в том числе интуитивные суждения. Причина — дискретный характер модели. В непрерывном случае анализ существенно упрощается. Сравнительная статика производится дифференцированием кривых спроса и предложения. Рассматривается модификация алгоритма в редакции Азеvedо и Лешноу¹¹. Интерпретация их подхода в контексте модели: множество малых хозяйств имеет мощность континуум, множество крупных конечно.

Малые хозяйства стремятся получить необходимое количество земли, оптимизируя соотношение ее качества и цены. Это определяет их предпочтения (согласно допущению, строгие) на множестве крупных хозяйств. Предполагается, что малые хозяйства симметричны с точки зрения количества труда и производительности. Тем не менее, в модели присутствует горизонтальная дифференциация крестьян. Издержки при переходе от одного арендодателя к другому возрастают по расстоянию. Кроме того, выход требует внесе-

ния специального платежа — пожилых. В итоге издержки принимают аффинную форму. Малые хозяйства типизированы по предпочтениям. Принадлежность к одному типу означает, что крестьяне имеют идентичные предпочтения на множестве арендодателей, и считаются одинаково привлекательными с точки зрения последних. На множестве типов определяется вероятностная мера. Распределение хозяйств по типам общеизвестно.

Крупные хозяйства оптимизируют соотношение привлекаемой рабочей силы и величины оброка, выплачиваемого за предоставляемые наделы. Дифференциация малых хозяйств по платежеспособности позволяет обосновать следующее допущение: кривые безразличия крупных хозяйств имеют меру 0. Крупные хозяйства могут быть безразличны между не более, чем счетным множеством малых. Для каждого из крупных хозяйств определена максимальная вместимость, то есть максимальное число малых хозяйств, которые могут быть размещены на территории крупного. Вместимость крупного хозяйства определяется количеством земли в его распоряжении и ожидаемым количеством земли, которое способно безубыточно привлечь при заданном предложении труда.

Этчинг представляет собой распределение крестьянских наделов по территориям крупных хозяйств. Функция этчинга сопоставляет малые хозяйства $\theta \in \Theta$ крупным $\lambda \in \Lambda$. Стабильным называется этчинг, который не блокируется никакой парой (θ, λ) . Азеvedо и Лешноу доказали существование стабильного этчинга на любом рынке со структурой, аналогичной описанной. Как правило, он является единственным. Спрос со стороны крупного хозяйства определяется выгодой, получаемой при заключении договора с предельным (наименее привлекательным из приемлемых) малым хозяйством. Величина спроса зависит от минимального размера оброка (МРО), за который хозяйство готово принять крестьян. Предложение труда рассчитывается исходя из значений МРО, объявленных крупными хозяйствами. Малые хозяйства предлагают весь доступный им запас труда наиболее привлекательному арендодателю среди тех, кто готов предоставить надел агенту данного типа. Совокупное предложение по крупному хозяйству — масса малых хозяйств, готовых предоставить ему свой труд. Равновесным называется набор значений МРО, при котором совокупное предложение не превосходит вместимость по всем $\lambda \in \Lambda$. Азеvedо и Лешноу доказали, что между стабильными этчингами и равновесными векторами МРО существует взаимно однозначное соответствие.

Распределение земли в ситуации *ex ante* удачно описывается моделью Хотеллинга¹². Игроки конкурируют за некоторый ценный ресурс. В стандартной редакции модели ресурсом является доля рынка. Распределение потребителей между игроками определяется в результате конкурентной борьбы. Агенты не вступают в прямые переговоры, трансферты между ними не предусмотрены. Конкуренция носит пространственный характер, причем размещение агентов в пространстве может быть задано изначально. В этом случае конкуренция сводится к ценовой. В модели, где ресурсом выступает земля, ее распределение может меняться исключительно путем переговоров. Случаи насильственного захвата земли игнорируются. Агенты обмениваются землей, компенсируя ее стоимость в денежном эквиваленте. Очевидно, возникновение подобных сделок возможно только при асим-

10 Gale D., Shapley L. S. College Admissions and the Stability of Marriage // American Mathematical Monthly. 1962. № 69.

11 Azevedo E. M., Leshno J. A Supply and Demand Framework for Two-Sided Matching Markets // Journal of Political Economy. 2016. № 124.

12 Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. № 153.

метрии между игроками. Асимметрия возникает благодаря дифференцированному качеству угодий, находящихся в пользовании различных хозяйств. Качество участков принадлежит интервалу (0,1]. Стандартная модель учитывает горизонтальную (пространственную) дифференциацию агентов. Необходимо дополнить ее вертикальной дифференциацией¹³.

Некоторые игроки обладают правами, достаточными для заключения сделок по продаже земли, ее сдаче в аренду или залог. Решение о сдаче земли в залог диктуется не потребностями товарного производства, но финансовым положением собственника. В этой связи залоговый сектор трактуется как экзогенный, при этом формируемая на нем ставка играет важную роль в координации сделок купли-продажи и аренды. Решение о приобретении земли или ее аренде (и, соответственно, ее продаже или сдаче в аренду) принимается исходя из залоговых ставок. Агент сравнивает стоимость купли-продажи участка с суммой дисконтированных арендных платежей, получаемых/вносимых за данное угодье. Величина будущих арендных платежей неизвестна, поэтому агент расценивает ее как мартингал.

Итоги распределения малых хозяйств по территории крупных подразделяют последних на два типа: тех, кто столкнулся с недостатком земли и тех, у кого наблюдается ее избыток. Получая в пользование (арендуя или покупая) удаленный участок, крупные хозяйства несут дополнительные издержки в связи с необходимостью контролировать эксклав. Издержки пропорциональны расстоянию между ним и центральным участком. Как и раньше, величина транспортных издержек прибавляется к стоимости аренды. Если участок приобретается, к его стоимости прибавляется сумма дисконтированных транспортных издержек. Хозяйства стремятся приобрести участок лучшего качества за меньшую цену. Информация о качестве земли у контрагента извлекается из цен на его товары и товары его крестьян. Крупные хозяйства, не сумевшие привлечь достаточное количество рабочей силы, формируют предложение земли. Продавая или сдавая удаленные участки, они прибавляют к выручке сумму сэкономленных транспортных расходов. Хозяйства, испытывающие недостаток в земле, приобретают/арендуют участки с оптимальным соотношением цены и качества вплоть до удовлетворения потребности, либо до равенства предельных выгод предельным издержкам. Хозяйства с избытком земли передают угодья вплоть до исчерпания излишка.

С ограничением крестьянского выхода сделки по обмену землей и трудом стали тесно переплетены. Предметом торга становились одновременно и участок, и повинности размещенных на нем крестьян. Параллельно возник институт крестьянского вывоза. Крупные хозяйства, не сумевшие договориться о передаче рабочей силы, вступали в соревнование за крестьян. Таким образом, переговоры могут быть смоделированы как игра с двумя этапами: в рамках первого крупные хозяйства договариваются о передаче земли вместе с повинностями размещенных там крестьян. Второй этап, достигаемый при отсутствии сделки на первом, носит состязательный характер: крестьян получает тот игрок, кто готов нести большие издержки. Процедура переговоров схожа с отношениями в сфере обмена землей, однако обмениваемый актив получает дополнительное измерение (количество

труда), а также добавляется второй этап переговоров. Здесь вновь уместна модель Хотеллинга, допускающая вертикальную дифференциацию игроков. При этом состязание, связанное с вывозом крестьян, больше походит на стандартную модель с конкуренцией и отсутствием трансфертов.

Пристатейный библиографический список

1. Аракчеев В. А. Закрепостительные мероприятия в русском государстве в начале 1590-х гг. // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2008. № 81.
2. Аракчеев В. А. К вопросу о правовом положении тяглого населения русского государства в середине XVI века // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2008. № 84.
3. Аракчеев В. А. Крестьянские переходы по Судебникам и происхождение пожилого // Вестник НовГУ. 2009. № 51.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права // Территория будущего, 2005.
5. Мухина Ю. Ю. Характеристика положения крестьян и холопов в России во второй половине XVI XVII вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 2.
6. Сигалов К. Е. Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России // Общество и право. 2014. № 1 (47).
7. Шеметова Н. Ю. Развитие института недвижимости в историческом аспекте // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 4.
8. Шитова Е. А. Классификация оснований возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве (историография вопроса) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15).
9. Шлоттауэр М. А. История правового регулирования купли-продажи жилой недвижимости в России // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2009. № 1.
10. Azevedo E. M., Leshno J. A Supply and Demand Framework for Two-Sided Matching Markets // Journal of Political Economy. 2016. № 124.
11. d'Aspremont C., Dos Santos Ferreira R., Gerard-Varet L.-A. On the Dixit-Stiglitz Model of Monopolistic Competition as Enforcement Mechanisms // CORE Discussion Papers 1994067. 1994.
12. Deaton A., Muellbauer J. Economics and Consumer Behaviour. Cambridge University Press, 1980.
13. Dixit A. K., Stiglitz J. E. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // American Economic Review. 1977. № 67.
14. Dos Santos Ferreira R., Thisse, J.-F. Horizontal and vertical differentiation: The Launhardt model // International Journal of Industrial Organization. 1996. № 14.
15. Gale D., Shapley L. S. College Admissions and the Stability of Marriage // American Mathematical Monthly. 1962. № 69.
16. Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. № 153.

13 Dos Santos Ferreira R., Thisse, J.-F. Horizontal and vertical differentiation: The Launhardt model // International Journal of Industrial Organization. 1996. № 14.

АХМЕДОВА Джамиля Ахмедовна

магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

Ахмедова Д. А.

СМИ КАК СУБЪЕКТ И УЧАСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

В статье анализируется роль СМИ в юридическом конфликте. Автор подчеркивает, что влияние СМИ на развитие современных международных юридических конфликтов очень велико. Также в статье поднимается вопрос о том, в качестве кого СМИ выступают в международных политических конфликтах. В статье делается вывод, что существует как потенциально позитивная, так и потенциально негативная роль участия СМИ в международных юридических конфликтах.

Ключевые слова: юридический конфликт, СМИ, политический конфликт, международный конфликт, уголовный конфликт, участник юридического международного конфликта, двойные стандарты.

AKHMEDOVA Jamilya Akhmedovna

magister student of 2 years of education of the Law Institute of the Dagestan State University

MEDIA AS A SUBJECT AND PARTY TO A LEGAL CONFLICT

The article analyzes the role of the media in legal conflict. The author emphasizes that the influence of the media on the development of modern international legal conflicts is very large. The article also raises the question of the role of media in international political conflicts. The article concludes that there is both a potentially positive and a potentially negative role for media participation in international legal conflicts.

Keywords: legal conflict, media, political conflict, international conflict, criminal conflict, party to a legal international conflict, double standards.

Деятельность по урегулированию международных юридических конфликтов на протяжении последних нескольких лет переживает системный кризис, требующий поиска новых всесторонних и комплексных подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации. Одним из институтов способных эффективно воздействовать на юридические конфликты различного уровня являются СМИ, названные еще в XIX веке четвертой ветвью власти, и роль которых в нынешней политической жизни общества вряд ли можно переоценить.

СМИ представляют собой институт, имеющий возможность воздействовать на конфликт как внутригосударственного, так и международного характера. В условиях движения информации и использованием социальными медиаплатформы Web 2.0, СМИ стали еще и самым мобильным информационным ресурсом, используемым различными сторонами юридического конфликта. К тому же, основные функции СМИ, такие как: информационная, коммуникационная, воспитательная – определяют участие журналистов в юридическом конфликте¹.

Но для начала необходимо уяснить, в каком качестве рассматриваются СМИ в вопросах политического конфликта, является ли СМИ субъектом юридического конфликта либо его участником.

Важный вклад в устранение этой терминологической неопределенности внес К. В. Золотарев. Он справедливо указал, что отличие юридического конфликта от всех других видов социальных конфликтов заключается в том, что юридиче-

ский конфликт – это либо правонарушение, либо правоотношение, участники которого являются субъектами права. Отсюда он сформулировал следующие определения. Участник юридического конфликта – это субъект права, обладающий правоспособностью в полном объеме и косвенно влияющий на развитие юридического конфликта. Субъект юридического конфликта – это субъект конкретного правоотношения в рамках определенной конфликтной ситуации, обладающий правосубъектностью и оказывающий непосредственное влияние на формирование и развитие этого конфликта в рамках закона².

С помощью средств массовой информации становится возможным своевременное и оперативное доведение до общества сведений о существующих или назревающих конфликтов, а публичное изложение противоположных точек зрения и обсуждение конфликтной ситуации нередко являются единственным способом прекратить развитие конфликта.

Таким примером является получившие огласку в 2017 широкомасштабные нарушения прав этнической группы рохинджа в Мьянме. После появления на платформе Web 2.0 и в некоторых СМИ новостей о массовых убийствах, изнасилованиях, избиениях и пытках в отношении рохинджа, судьбой этого народа заинтересовался Совет Безопасности ООН, который после доклада о геноциде рохинджа должен обсудить ситуацию в Мьянме. При этом участники миссии ООН уже сообщили, что нашли «основания для уголовного разбирательства и преследования высшего руководства Вооружён-

1 Акишин М. О. Средства массовой информации в юридическом конфликте // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 2 (52). – С. 12.

2 Золотарев К. В. Участники и субъекты юридического конфликта: теоретико-прикладное исследование // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 3. – С. 207.

ных сил Мьянмы в соответствии с международным правом по трём категориям преступлений: геноцид, преступления против человечности и военные преступления».

И такие примеры, в которых СМИ сыграли чрезвычайно важную роль, лишь свидетельствуют о том огромном потенциале, которым обладают средства массовой информации. И этот потенциал может быть направлен на достижение мирных целей. Но, к сожалению, в последнее время все чаще наблюдаются случаи, когда СМИ, придерживаясь позиции государства, либо намеренно искажает информацию, либо доводит ее до общества не в полном объеме. К тому же, государство, признавая и устанавливая независимость СМИ в своих конституциях (в частности, ч. 5 ст. 29 Конституции РФ)³, обеспечивают СМИ субсидиями из государственного бюджета. Например, в 2019 году в РФ размер субсидии федеральному государственному унитарному предприятию «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» на финансовое обеспечение деятельности составили 20 960 470 рублей⁴. В таких условиях остается открытым вопрос о том, насколько независимы и объективны СМИ и информация, транслируемая ими.

Также проведение многими государствами политики двойных стандартов при которой оценка одного и того же события, имеющего место в международных отношениях, зависит от характера отношений оценивающих сторон с объектами оценки приводит к тому, что недостатки «союзников» в СМИ приуменьшаются, а достоинства «противников» и во все остаются не замеченными⁵. Весьма ярким и актуальным примером искажения предоставляемой информации и ведения политики двойных стандартов, можно считать информационное освещение политической ситуации в Сирии, в Украине. Ярким примером применения политики двойных стандартов можно назвать информационное освещение взаимоотношений между РФ и США.

Более того, предоставляя в критические моменты состояния общества недостоверную информацию СМИ могут и сами стать инициатором конфликтов⁶. В частности, формируя негативные образы «стран-изгоев», средства массовой информации, вызывая враждебные эмоции, могут спровоцировать межличностные конфликты между гражданами двух стран.

Важно также отметить, что средства массовой информации являются источником различных фактических данных, в том числе и о событиях криминального характера. Проведенный А.Н. Роговой в диссертационном исследовании анализ следственно-судебной практики по вопросам использования в уголовном судопроизводстве материалов СМИ позволил сформулировать вывод: в практике правоохранительных органов весьма редко встречаются случаи использования материалов СМИ в процессе доказывания⁷.

К тому же. СМИ может участвовать в уголовно-правовом конфликте посредством реализации п. 2 ст. 144 УПК РФ: следователю либо органу дознания необходимо произвести проверку по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации. СМИ в свою очередь обязаны передать имеющиеся документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию⁸. К сожалению, СМИ на сегодняшний день не часто привлекается для разрешения криминального конфликта, но даже то небольшое количество уголовных дел, возбужденных по результатам проверки информации СМИ, имеет резонансный характер и важнейшее значение для субъектов юридического конфликта, чьи правоотношения в рамках конфликтной ситуации были освещены в СМИ.

Таким образом, во всех вышеуказанных конфликтах: будь то международный юридический конфликт, либо уголовно-правовой конфликт, СМИ становятся участником юридического конфликта, так как имеют лишь косвенное влияние на развитие юридического конфликта.

Однако косвенное влияние настолько велико, что можно сделать следующий вывод: средства массовой информации могут выполнять, как позитивную роль, привлекая внимание к конфликту, прежде чем он перерастет в крупномасштабную войну либо конфликт; обеспечивая возможность ведения диалога между конфликтующими сторонами; информируя население о причинах развития конфликтов и о процессе поиска конструктивных решений, так и негативную роль, вызывая враждебные эмоции, так как обладают огромной способностью нагнетать чувства страха, ненависти, обреченности.

Позиция СМИ в том или ином международном юридическом конфликте зависит от их способности объективно и достоверно предоставлять информацию, а власть, в свою очередь, соблюдать основополагающие принципы открытости информации.

Пристатейный библиографический список

1. Акишин М. О. Средства массовой информации в юридическом конфликте // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 2 (52).
2. Золотарев К. В. Участники и субъекты юридического конфликта: теоретико-прикладное исследование // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 3.
3. Кинаш Ю. С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 4.
4. Рогова А. Н. Использование материалов СМИ в доказывании по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2016.
5. Сушкова Т. Н. Роль СМИ в регулировании международных конфликтов (Анализ политики двойных стандартов) // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 1. – С. 4.

8 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3 Конституция Российской Федерации.

4 О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов: федеральный закон от 29.11.2018 № 459-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5 Сушкова Т. Н. Роль СМИ в регулировании международных конфликтов (Анализ политики двойных стандартов) // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 1. – С. 4.

6 Кинаш Ю. С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 4. – С. 5.

7 Рогова А. Н. Использование материалов СМИ в доказывании по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2016. – С. 106.

МОИСЕЕВА Евгения Юрьевна

ассистент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского университета

УДАЛОВА Валерия Викторовна

Генеральный директор ООО «КриоРус»

БЕЛОУСОВ Андрей Сергеевич

магистрант кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского университета

ПРАВО НА КРИОКОНСЕРВАЦИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА И БИОМАТЕРИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье анализируется соматическое право человека на криоконсервацию человеческого тела и биоматериалов с точки зрения конституционно-правовой науки. В статье раскрывается понятие криоконсервации, порядок и особенности проведения процедуры криоконсервации биоматерии, а также актуальность исследования правовых вопросов в области крионики. Авторами статьи на основе анализа нормативной правовой базы и правоприменительной практики право на криоконсервацию биоматерии рассматривается в двух правовых проекциях: как реализация права на жизнь, а также как реализация права человека на физическую (корпоральную) свободу. В завершении статьи авторы приходят к выводу о неоднозначности конституционно-правовой природы криоконсервации в связи с отсутствием на сегодняшний день технологий безопасной разморозки биоматерии.

Ключевые слова: права человека, конституционные права человека и гражданина, соматические права человека и гражданина, право на жизнь, право на физическую (телесную, корпоральную) свободу, крионика, криоконсервация, телочеловека, биоматерия.

MOISEEVA Evgeniya Yurjevna

assistant of Theory and history of state and law, constitutional law sub-faculty of the Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research University

UDALOVA Valeriya Viktorovna

CEO of Limited Liability Company «KrioRus»

BELOUSOV Andrey Sergeevich

magister student of Theory and history of state and law, constitutional law sub-faculty of the Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research University

THE RIGHT TO CRYOPRESERVATION OF THE HUMAN BODY AND HUMAN'S BIOSUBSTANCE: THE CONSTITUTIONAL LEGAL ASPECT

The article analyzes the somatic human right to cryopreservation of the human body and biosubstance from the point of view of constitutional legal science. The article reveals the concept of cryopreservation, the order and features of the procedure for the cryopreservation of biomatter, as well as the relevance of the study of legal issues in the field of cryonics. The authors examine the right to cryoconservation of biosubstance in two legal projections: as the realization of the right to life, and also the realization of the human right to the physical (corporeal) freedom. At the end of the article authors conclude that the constitutional and legal nature of cryoconservation is mixed, because of lacking the technologies for safe biosubstance's defrosting.

Keywords: human rights, constitutional rights, somatic human rights, right to life, right to physical freedom (right to corporeal freedom), cryonics, cryopreservation, human's body, biosubstance.

Жизнь любого земного существа, согласно законам природы, имеет собственные начало и конец. Человек как биосоциальное существо всегда задумывался над вопросом бессмертия, обретения вечного существования, излечения от всех недугов, обретения вечной молодости и т.д. Греческая мифология является ярким подтверждением вышеуказанному доводу. Так в «Библиотекаре» древнегреческого писателя Аполлодора имеется довольно интересный миф о врачевателе Асклепии, который спасал от смерти и воскрешал умерших людей с помощью крови Горгоны. Великий Зевс, узнавший об искусстве Асклепия, напуганный возможностью передачи этого искусства людям поразил врачевателя перуном¹.

Ученые умы размышляли о перспективах бессмертия, вечной молодости и в Древности, и в Средние Века, и в эпоху Возрождения, и в Новое время: всем нам известны такие имена как Пиндор, Ю. Мартин, Тертуллиан, Д. Алигьери, Ф. Бэкона, И. Кант и другие.

Жизнь человека может оборваться по многим причинам, часто не зависящим от него самого. Так, к примеру, за первые шесть месяцев 2018 года в дорожно-транспортных происшествиях на трассах нашей страны погибло около 7 тысяч человек². По данным Всемирной организации здравоохранения онкология является второй по значимости причиной смертности: так в 2012 году в мире было зарегистрировано

1 Пугачев О. С. Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец 19 – начало 20 века). Перм. Гом. Техн. Ун-т. Пермь, 1998. С. 17.

2 Официальный сайт Газета. Ру: Трезвые и живые: российские водители бьют рекорды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/auto/2018/07/17_a_11855059.html (дата обращения: 15.11.2018 г.).

стрировано 8,2 миллионов случаев смерти, связанных с онкологическими заболеваниями; по прогнозам ученых, число новых случаев онкологических заболеваний в год возрастет с 14,1 миллиона в 2012 года до 21,6 миллиона в 2030 году³. На сегодняшний день, несмотря на высокие достижения науки и техники многие заболевания не поддаются адекватному лечению. Во втором десятилетии 21 века человек все еще беспомощен перед болезнью Альцгеймера, некоторыми видами особо агрессивного рака и т.д. Однако мир не стоит на месте, ученые со всех стран ежедневно ведут активную борьбу за новые совершенные способы лечения тех или иных недугов. Возможно те недуги, которые невозможно излечить сейчас, возможно будет излечить через 20-30 лет.

Общеизвестно, что холод является прекрасным средством сохранения биологических объектов, в том числе человеческих тел: так в 1999 году в вечных льдах было найдено прекрасно сохранившееся тело 15-летней перуанской девушки на склоне вулкана Невадо – Сабанская, которое пролежало во льдах около 500 лет⁴; мумия Эци на склоне горы Симиуан была пленником Эццальских Альп приблизительно с 3300 г до н.э.⁵. Сверхнизкие температуры замедляют метаболические процессы, делают практически невозможным старение клеток и тканей любого организма.

Размышляя об эффективности низких температур, еще в 1962 году Р. Эттингер в своей работе «Перспективы бессмертия» указал на возможность использования холода для криоконсервации людей в качестве способа сохранения тел больных и их излечения от недугов в будущем, когда научное знание достигнет высокого уровня. Криоконсервация, согласно Р. Эттингеру, это приостановление смерти, которое фактически означает состояние биологически мертвого тела, которое было заморожено и хранится при сверхнизких температурах, следовательно, дегенеративные процессы остановлены и не прогрессируют⁶.

Сегодня криобиология, а вместе с ней и наномедицина в целях спасения человечества активно занимается специальными разработками, связанными с криоконсервацией человеческих тел. Крионика – это практика замораживания только что умерших людей (а в идеале – живых, обреченных на смерть пациентов) до ультранизких (криогенных температур) и их дальнейшего сохранения в жидком азоте⁷ в целях размораживания тел криопациентов и проведения реанимационных мероприятий, направленных на оживление людей и их омоложение.

Процесс криоконсервации является технически сложным алгоритмом и представляет из себя последовательность действий, направленных на обеспечение максимально сохранного уровня клеток организма, особенно головного мозга при использовании низких температур. Процедура крионирования человеческого тела выглядит следующим образом: как правило, после клинической смерти потенциального криопациента к его телу подключается специальная аппаратура, осуществляющая перфузию (процесс пропускания крови или иной жидкости в кровеносные сосуды и ткани организма⁸), длящуюся от 4 до 14 часов для замещения крови на специальные криопротекторы, которые препятствуют образованию кристаллов льда при постепенном охлаждении тела и его замораживанию, необходимых для осуществления процедуры витрификации. Специальные криопротекторы препятствуют образованию кристаллов льда в замораживаемой органической ткани в связи с чем, обеспечивается максимальная сохранность клеток без разрушения их структуры; вместо замороженной жидкости в тканях благодаря криопротекторам образуется специальное гелеподобное вещество, которое препятствует разрушению структуры клеток. Данный процесс получил название витрификации. Витрификация – это не замораживание, а специальный процесс, при котором более 60 % воды, находящейся в клетках организма вытесняется криопротекторной жидкостью, вследствие чего, молекулы начинают двигаться медленнее, пока все химические процессы не останавливаются при быстром охлаждении на температуре стеклования витрификации (около – 124 °C). В процессе криоконсервации в течение первых суток после поступления криопациента его тело охлаждается до -130 °C, далее тело пациента до 10 суток охлаждается до температуры – 196 °C, после чего его оно погружается в специальный криостат (сосуд Дьюара) с жидким азотом и хранится неопределенно долгое время.

Изменений и ухудшений состояния витрифицированных клеток в течение как минимум лет, а скорее всего, даже веков⁹ не ожидается. Замораживаемые клетки не повреждаются, а значит, «биологическое время останавливается»¹⁰. Следовательно, в каком состоянии тело было подвергнуто криоконсервации, в таком оно и будет оставаться так долго, сколько это необходимо.

В 2005 году была совершена обратимая витрификация почки кролика известным криобиологом Г. Феєм, а в 2016 году появилась информация об успешных заморозке и разморозке мозга кролика в США, при осуществлении которых не были повреждены нервные клетки¹¹. В научной статье, изложенной в журнале Science Translation Medicine от 01.03.2017, были приведены результаты проведенных группой американских ученых исследований по успешной заморозке с по-

3 Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. Резолюции и решения приложения Семидесятой сессии всемирной ассамблеи здравоохранения, Женева, 22-31 мая 2017. С. 23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA70-REC1/A70_2017_REC1-ru.pdf#page=47 (дата обращения: 15.11.2018 г.).

4 Официальный сайт Моя планета: Жизнь после смерти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.moja-planeta.ru/travel/view/zhizn_posle_smerti_7653/ (дата обращения: 15.11.2018 г.).

5 Официальный сайт Газета. Ру: Мумия Эци подала голос. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2016/09/22_a_10210037.shtml (дата обращения: 15.11.2018 г.).

6 Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. С. 38.

7 Официальный сайт Моя планета: О крионике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kriorus.ru/intro.html> (дата обращения: 20.09.2018 г.).

8 Официальный сайт Медиобол: Перфузия: биология и медицина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medbiol.ru/medbiol/har/00487504.html> (дата обращения: 20.09.2018 г.).

9 Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. С. 38.

10 Официальный сайт Alcor Life Extension Foundation. What is vitrification. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alcor.org/Library/html/vitrification.html> (дата обращения: 05.09.2018 г.).

11 Официальный сайт Криорус.ру: Был ли кто-то когда оживлен после крионирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kriorus.ru/story/Byl-li-kto-kogda-ozhivlen-posle-krionirovaniya> (дата обращения: 01.09.2018 г.).

мощью газовой персифляции и размораживания кусочков замороженных тканей и крупной части сердца свиньи, без повреждения клеток и межклеточной среды с использованием индукционного нагрева наночастиц, которые обеспечили равномерное нагревание всех клеток. В результате проведенных микроскопических исследований, было установлено, что размороженные экспериментальные биообразцы ничем не отличались по структуре от других частей образца, которые не были подвергнуты заморозке¹². Научная мысль не стоит на месте и на сегодняшний день криобиология занята разработками процедуры разморозки биоматерии без появления дополнительных повреждений.

Р. Эттингер предполагал, что, если человеческая цивилизация продолжит свое существование, прогресс медицины, в конечном счете, позволит исправлять почти любые повреждения человеческого организма, включая повреждения, нанесенные при заморозке, старческие повреждения, а также любые другие причины смерти; следовательно, требуется, чтобы после смерти наши тела были заморожены и необходимо хранить в таком состоянии до того времени, когда наука сможет помочь нам.

Таким образом, следует, что на медицину будущего возлагается несколько важнейших задач: разработка и внедрение процедуры успешной разморозки криоконсервированных пациентов и головного мозга, а также совершенствование способов лечения тяжелых недугов, которые невозможно полностью излечить сейчас. В качестве одной из целей криоконсервации может быть указана и возможность получения в будущем квалифицированной медицинской помощи, которая при нынешнем развитии медицины не может быть оказана больному.

Последователи процедуры крионирования рассматривают несколько вариантов восстановления человеческого организма, в том числе, нейронов после криоконсервации, в частности, с помощью нанотехнологии; к примеру, можно использовать технологии сканирования головного мозга, переноса информации на цифровой носитель, 3D печати головного мозга по параметрам криопациента.

Как было отмечено ранее, на сегодняшний день существует достаточно большое количество недугов, которые не поддаются адекватному лечению либо являются вовсе не излечимыми: к примеру, некоторые формы рака, полиорганная недостаточность и т.д. С середины 60-х годов с целью спасения человечества в США, Великобритании, Франции, России стали создаваться организации, оказывающие услуги по криоконсервации биоматерии. Так знаменитыми на весь мир являются компания Институт крионики США (штат Мичиган, США), Alcor Life Extension Foundation (штат Аризона, США), ООО «КриоРус» (г. Москва, Россия).

Мировая юридическая практика имеет ограниченную нормативно-правовую базу регулирования в области крионики, а также выработанную прецедентную практику в данной сфере. В связи с целями криоконсервации довольно интересно провести конституционно-правовой анализ правопритязания человека на осуществление криоконсервации биоматерии.

Право на криоконсервацию как составляющий аспект комплексного права человека на жизнь. В литературе отмечается, что право на жизнь, как положительное право, является признаваемым и гарантируемым государством субъективным прирожденным правом человека как биосоциодуховного существа на самореализацию¹³. На взгляд авторов, право на жизнь является гарантируемой и обеспеченной государством возможностью биосоциодуховного существования как носителя субъективных прав и обязанностей. Право на жизнь является одним из наиболее важных видов прав, гарантированных человеку мировым сообществом. На это прямо указывает закрепление права на жизнь в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСТ № 005 и т.д. Формулировка статьи 1 Всеобщей исламской декларации прав человека от 1981 года пошла несколько дальше и установила помимо того, что каждый имеет право на жизнь и то, что «как при жизни, так и после смерти тело человека священно и неприкосновенно; всем верующим гарантируется возможность погребения с надлежащими почестями»¹⁴. Конституционное законодательство социальных демократических стран также гарантирует каждому право на биосоциодуховное существование. К примеру, право на жизнь закреплено в ст. 20 Конституции РФ, ч. 2 ст. 2 Основного закона ФРГ, в статье II раздела «Свобода и ответственность» Конституции Венгрии от 25.04.2011 года, ст. 15 Конституции Испании и т.д. Закрепление данной правовой категории в основных законах свидетельствует об особой значимости жизни каждого человека для любого государства.

Право на жизнь является сложной правовой категорией, включающей в себя несколько аспектов. Так, к примеру, М. Н. Малеина указывает на то, что одним из аспектов права на жизнь является право на сохранение жизни¹⁵. Право на сохранение жизни предоставляет носителю права возможность физического существования вне зависимости от воли третьих лиц. Согласно взглядам последователей крионики, криоконсервация человеческого тела является реализацией фундаментального права на жизнь, т.к. основной целью крионики является предоставление криопациенту возможности излечения от тяжелого недуга в будущем, тем самым сохранить его физическое существование. Фактически идеи крионики, подкрепленные научными достижениями, дают человеку надежду на то, что в будущем его тело будет успешно разморожено, приведено в то состояние, которое было у пациента до консервации, и излечено от имеющегося у него недуга. Отмечается так же, что в будущем будут созданы технологии омоложения человека, которые могут значительным образом повлиять на необратимые технологии старения организмов и процессы метаболизма.

Как было указано ранее крионика имеет своей целью правильное охлаждение и витрификацию тела пациента, которые обеспечивают максимальную сохранность того состояния биоматерии, которое имело место до криоконсервации

¹² Официальный сайт STM.ScienceMag: Science transplantation medicine. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stm.sciencemag.org/content/9/379/eaah4586> (дата обращения: 05.09.2018 г.).

¹³ Зайцева А. М. Жизнь человека как объект конституционно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2009. С. 8.

¹⁴ Всеобщая исламская декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.09.2018 г.).

¹⁵ Малеина М. Н. О праве на жизнь // Государство и право. 1992. № 2. С. 50.

и обеспечение возможности его излечения от тяжелого недуга либо в связи с последствиями, вызванными несчастным случаем.

Естественно, на сегодняшний день человеку, далекому от наномедицины и бионауки, в целом, достаточно трудно представить, что технологии будущего позволят без каких-либо последствий замораживать и размораживать тело криопациента, приводить его к жизни путем оказания реанимационных мероприятий и излечивать от тех заболеваний, которые на сегодняшний день не поддаются лечению, но тем не менее, данный тренд активно развивается современной наукой, потому что он предоставляет человеку надежду на жизнь, свободную от болезней, несчастных случаев и т.д.

Рассуждая о крионике в контексте права на жизнь, хотелось бы обратить внимание на следующее. Согласно инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий (утвержденных приказом Минздрава РФ от 04.03.2003 года № 73) в процессе умирания выделяют стадии: агонию, клиническую смерть, смерть мозга и биологическую смерть. При клинической смерти изменения, происходящие в организме, носят обратимый характер, смерть мозга сопровождается необратимыми изменениями в головном мозге, частично или полностью обратимыми изменениями в иных органах и системах. Биологическая смерть сопровождается полностью необратимыми изменениями, влекущими прекращение человеческого существования как биологической единицы. Подпункт 1 частью 7 статьи 66 Федерального закона от 21.01.2011 года № 323 - ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» устанавливает, что реанимационные мероприятия не проводятся при состоянии клинической смерти (остановке жизненно важных функций организма человека (кровообращения и дыхания) потенциально обратимого характера на фоне отсутствия признаков смерти мозга) на фоне прогрессирования достоверно установленных процессов, несовместимых с жизнью.

Отмечается, что криоконсервирование пациента лучше всего начать в течение 15 минут после клинической смерти, то есть, биологические изменения, которые могут возникнуть после наступления клинической смерти человека, на фоне прогрессирующего достоверно установленного заболевания или неизлечимых на день наступления клинической смерти, могут быть полностью или частично обратимы, что дополнительно подтверждает тезис о том, что крионика является продолжением реанимационных мероприятий, направленных на сохранение жизни тяжелобольного человека.

Исходя их принципа защиты права человека на жизнь следует, что криоконсервирование пациента в случае наступления его клинической смерти при наличии неизлечимых на день наступления клинической смерти заболеваний либо необратимых повреждений является одним из способов реализации права на сохранение жизни, т.к. именно криоконсервация человека позволит сохранить тело человека в том состоянии, в котором оно находилось на момент прекращения реанимационных мероприятий. Достижения наномедици-

ны и криобиологии будущего позволят излечивать достаточно большое количество заболеваний, излечение которых сегодня не представляется возможным. Исходя из логики Инструкции по определению критериев порядка определения смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий, утвержденной Приказом Минздрава России от 04.03.2003 года № 73, максимальная длительность реанимационных мероприятий может достигать 30 минут, после чего, проведение реанимационных процедур признается безрезультативным¹⁶. Реанимация развивается, отмечается, что в будущем в определенных случаях длительность реанимации может быть увеличена до 60 минут, что дополнительно предоставляет медицинскому персоналу возможность «возвращать» к жизни пациентов, следовательно, будут созданы более совершенные условия, способствующие реализации права человека жизнь.

На сегодняшний день, в практике организаций, осуществляющих криоконсервацию, пока не имеется опыта полного «размораживания» тела человека, которое было бы при этом успешно оживлено после реанимационных мероприятий, однако в запасе криобиологов уже имеется успешный опыт безвредного размораживания органических образцов небольших размеров с использованием наночастиц, что порождает дополнительную надежду на то, что данная процедура будет усовершенствована и сможет быть использована для разморозки всего тела.

С другой стороны, право на криоконсервацию человеческого тела и биоматериалов возможно рассматривать с точки зрения права человека на физическую (корпоральную) свободу в контексте правомочия на свободное распоряжение собственным телом и его составными частями, как на период его жизни, так и после его смерти. Право на физическую (корпоральную) свободу представляет из себя возможность лица распоряжаться собственным телом и его составными частями по собственному усмотрению и внутреннему убеждению, как в период физического существования, так и после смерти. Фактически право на физическую свободу предоставляет возможность каждому распоряжаться своим телом в целом или его составными частями в рамках законодательных установлений. Это достаточно объемная правовая категория, которая включает в себя как право на донорство, трансплантацию биологических объектов, право на клонирование человеческого существа и т.д.

Как отмечалось ранее, организации, осуществляющие криоконсервацию человеческих тел, частей тела работают с юридически мертвыми людьми, которые при жизни, к примеру, выразили свое явное желание быть крионизированными после кончины. Право на физическую свободу тесно коррелирует со многими конституционными правами: здесь и связь с правом на получение медицинской помощи, с правом на жизнь, с правом на достоинство и т.д. Особо хотелось бы обратить внимание на то, что достоинство гарантируется каждому как при жизни, так и после его смерти. Достойное отношение после смерти человека реализуется также путем

¹⁶ Приказ Минздрава РФ от 04.03.2003 года № 73 «Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий» // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.09.2018 г.).

соблюдения волеизъявлений человека относительно судьбы собственного тела после кончины. К примеру, национальное федеральное законодательство не запрещает гражданам РФ свободно распоряжаться собственным трупом после смерти: человек имеет право завещать свое тело науке, право быть кремированным и т.д. Соблюдение воли умершего относительно судьбы его тела является проявлением достойного отношения к телам усопших.

В силу параграфа 2 п. 2 Постановления Конституционного суда РФ от 28.06.2007 года № 8 «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. Г. Гузиева и Е. Х. Кармаломовой» право человека быть погребенным после смерти согласно его волеизъявлению, с соблюдением обычаев традиций, религиозных и культурных обрядов вытекают из Конституции РФ ее статей 21, 33, 28, 29, гарантирующих охрану достоинства личности, право на свободу и личную неприкосновенность, свободу совести и вероисповедания, свободу мысли и слова, мнений и убеждений, и соответствующих общепризнанных принципов международного права¹⁷. В особом мнении судьи Конституционного суда РФ А. Л. Кононова к вышеуказанному Постановлению КС РФ, указано на то, что права, связанные со смертью человека, его погребением «слишком чувствительны, слишком деликатны, слишком приватны, что, принципиально не позволяет вмешательство в них государства, и тем более ограничения их в публичных интересах»¹⁸.

Законодательство РФ предоставляет медицинским учреждениям использовать тела органы и ткани умершего научных и учебных целях при наличии его письменного волеизъявления, а также, в случае, если тело не восстановлено (ст. 68 Федерального закона от 21.11.2001 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). В соответствии со ст. 5 Федерального закона РФ от 12.01.1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти – пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме: о согласии или несогласии быть подвергнутым патологоанатомическому вскрытию; о согласии или несогласии на изъятие органов (или) тканей из его тела; быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с тем или иными ранее умершими; быть подвергнутым кре-

мации; о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу. Таким образом, Законодатель наделяет каждого из нас правом на свободное распоряжение собственным телом после смерти. Организации, занимающиеся предоставлением услуг по криоконсервированию человеческих тел и биоматериалов имеют дело с юридически мертвыми людьми, в связи с чем, в современных реалиях, они являются одним из субъектов, который реализовывает посмертную волю лица относительно судьбы своего тела. Данный тезис подтверждается следующим: в 2004 году в США в Законодательство штата Аризона был внесен законопроект, согласно которому криокомпания Alcor Life Extension Foundation должна была подчиняться требованиям государственной похоронной комиссии (State Funeral Board), в противном случае, компания не смогла бы продолжать свою деятельность и дабы соответствовать требованиям законодательства, компании Alcor пришлось принимать тела в качестве пожертвования тела для научных исследований, что фактически является реализацией соматического правопритязания на физическую (корпоральную) свободу.

Данный довод также подтверждается подходами, выработанными, к примеру, судебной практикой США: Апелляционный суд штата Калифорния в решении «Alcor Life Extension Foundation, Inc., et al. v. Mitchell» от 10.06.1992 года отметил то, что на правоотношения, связанные с криоконсервированием человека распространяются положения Унифицированного закона в области анатомического донорства (UAGA), который предоставил гражданам США право свободно распоряжаться собственным телом и его частями после смерти¹⁹; аналогичную позицию изложил Апелляционный суд штата Айова в решении «AlcorLife Extension Foundation v. Orville Martin Richardson» от 12.05.2010 года, где суд подтвердил законность волеизъявления лица, желающего криоконсервировать собственные останки после смерти²⁰ и т.д.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить следующее: исходя из достижений современной криобиологии и юриспруденции, процесс криоконсервации тела человека возможно рассматривать как экспериментальную научную деятельность, связанную с обеспечением максимальной сохранности тела пациента после физической и юридической констатации смерти в целях оказания криопациенту наномедицинской помощи, направленной на устранение причин, послуживших основанием прекращения жизни криопациента как биологической единицы. Опираясь на цели крионики, данная деятельность направлена на создание определенных условий, предоставляющие человеку возможность реализовывать право на жизнь в случаях, когда современная медицина является бессильной. С другой стороны, право человека на криоконсервацию возможно рассматривать

17 Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 года № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармаломовой» // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.09.2018 г.).

18 Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова к Постановлению Конституционного суда РФ от 28.06.2007 года № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармаломовой» // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.09.2018 г.).

19 Официальный сайт Case law: Alcor Life Extention Foundation, inc., et al., Defendant and Recpomndent, v. David W. Mitchell, et al., Defendants and appellents. No. B055379. June 10, 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://caselaw.findlaw.com/ca-court-of-appeal/1773125.html> (дата обращения: 05.09.2018 г.).

20 Официальный сайт Leagle: Alcor Life Extention Found. v. Richardson. No. 09-1255. May 12, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.leagle.com/decision/iniaco20100512306> (дата обращения: 05.09.2018 г.).

в качестве составного правопритязания лица на физическую свободу, ввиду того, что в отношении, связанные с криоконсервацией человеческого тела, возникают после фактической и юридической констатации смерти субъекта права, а предметом правового регулирования являются правовые отношения, возникающие в связи с оказанием услуг по криоконсервации биоматерии уже усопшего человека.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 года № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.09.2018 г.).
2. Приказ Минздрава РФ от 04.03.2003 года № 73 «Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий» // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.09.2018 г.).
3. Зайцева А. М. Жизнь человека как объект конституционно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2009. 28 с.
4. Малеина М. Н. О праве на жизнь // Государство и право. 1992. № 2. С. 50-59.
5. Официальный сайт Leagle: Alcor Life Extention Found. v. Richardson. No. 09-1255. May 12, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.leagle.com/decision/iniaco20100512306> (дата обращения: 05.09.2018 г.).
6. Официальный сайт Alcor Life Extension Foundation: What is vitrification. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alcor.org/Library/html/vitrification.html> (дата обращения: 05.09.2018 г.).
7. Официальный сайт STM. Science mag: Science transplantation medicine. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stm.sciencemag.org/content/9/379/eaah4586> (дата обращения: 05.09.2018 г.).
8. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. Резолюции и решения приложения Семидесятой сессии всемирной ассамблеи здравоохранения, Женева, 22-31 мая 2017. С. 370. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA70-REC1/A70_2017_REC1-ru.pdf#page=47 (дата обращения: 15.11.2018 г.).
9. Официальный сайт Case law: Alcor Life Extention Foundation, inc., et al., Defendant and Recpomndent, v. David W. Mitchell, et al., Defandants and apelents. No. B055379. Fune 10, 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Режим доступа: <https://caselaw.findlaw.com/ca-court-of-appeal/1773125.html> (дата обращения: 05.09.2018 г.).
10. Пугачев О. С. Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец 19 – начало 20 века). Перм. Гом. Техн. Ун-т. Пермь, 1998. 166 с.
11. Официальный сайт Криорус.ру: Был ли кто-то когда оживлен после крионирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kriorus.ru/story/Bylli-kto-kogda-ozhivlen-posle-krionirovaniya> (дата обращения: 01.09.2018 г.).
12. Официальный сайт Медиобол: Перфузия: биология и медицина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medbiol.ru/medbiol/har/00487504.html> (дата обращения: 20.09.2018 г.).
13. Официальный сайт Газета.Ру: Трезвые и живые: российские водители бьют рекорды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/auto/2018/07/17_a_11855059.html (дата обращения: 15.11.2018 г.).
14. Официальный сайт Моя планета: Жизнь после смерти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.moya-planeta.ru/travel/view/zhizn_posle_smerti_7653/ (дата обращения: 15.11.2018 г.).
15. Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. 261 с.

БОРОДУЛИН Василий Павлович

аспирант кафедры конституционного права Уральского федерального университета

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

В статье рассматривается проблема определения понятия публичной власти в отечественной науке конституционного права относительно его политико-правового содержания, а также формулируются характерные признаки и принципы организации публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, государственная власть, муниципальная власть, принципы публичной власти, демократия.

BORODULIN Vasilii Pavlovich

postgraduate student of Constitutional law sub-faculty of the Ural Federal University

THE PUBLIC POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION: QUESTIONS OF THE CONCEPT AND PRINCIPLES OF ITS ORGANIZATION

The article deals with the problem of defining the concept of public power in the domestic science of constitutional law, as well as formulating characteristic features and principles of the organization of public power.

Keywords: public power, national power, municipal power, principles of public power, democracy.

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 1 устанавливает, что Российская Федерация является «демократическим государством», в ч. 1 ст. 3 устанавливает, что «носителем суверенитета и единственным источником власти является народ», в ч. 2 ст. 3 устанавливает, что «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»¹. В тексте Конституции Российской Федерации прямо не указана какую именно власть осуществляет народ, не определена сущность данной власти. В ней используется понятие «государственная власть», которое характеризует властные отношения на федеральном и региональном уровнях, однако понятие, которое бы распространялось на все уровни власти, включая местный, отсутствует. В предыдущих конституциях ситуация выглядела иначе. В тексте Конституции РСФСР от 1918 года синонимично используются понятия «верховная власть» и «высшая власть», но в дальнейших Конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 годов, а также Конституциях РСФСР 1925, 1937 и 1978 годов, используется исключительно понятие «государственная власть», который в отличие от современного значения распространялась на все уровни власти: федеральный, региональный и местный. Ясность в данном вопросе внес Конституционный Суд РФ, который в своем Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П по делу «О проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» использовал понятие «публичная власть» для описания общей власти в Российской Федерации на государственном и местном уровнях. В нём говорится, что публичная власть осуществляется посредством не только государственных органов, но и «местного самоуправления и его органов, не входящих в систему органов государственной власти»². Позднее в Постановлении Конституционного Суда

Российской Федерации от 15 января 1998 года № 3-П по делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» уточнялось, что понятие «органы власти» не обозначает государственную природу органов местного самоуправления, ведь публичная власть может осуществляться в форме публичной деятельности муниципальных органов³. И это не единственные примеры отражения природы публичной власти в постановлениях Конституционного суда Российской Федерации.

Причину такой смены понятийного аппарата в отечественной конституции можно найти в постановлениях Конституционного Суда РФ, где используется понятие «публичная власть». В них красной нитью звучивается мысль, выраженная как позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой органы государственной власти и вообще аппарат государственного управления не имеют монополии в сфере реализации власти народом. Её основание можно найти в правосознании представителей судейского корпуса, которые сформировались как авторитетные теоретики и практики юридической науки в советскую эпоху, когда было тотальное огосударствление всех сфер общественной жизни приводило к засилью государственной бюрократии, которая при декларированном принципе «власти трудящихся» на практике подменяла власть народа властью партийно-государственной номенклатуры. Поэтому судьи закрепили самостоятельность местного самоуправления в государственном механизме, как одну из конституционных гарантий обеспечения демократического политического режима в Россий-

ственной власти в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 5. Ст. 708.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

1 Конституция Российской Федерации. М., 1993.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государ-

ской Федерации. Но понятие «публичная власть» не сводится только к самостоятельности местного самоуправления, закрепленной в постановлениях Конституционного Суда РФ, а носит куда более сущностное основание. Термин «публичный» берет свое начало от латинского слова «publicus», что дословно значит «общественный», и переводиться как «общественный, находящийся в распоряжении общества, устроенный для общества, не частный»⁴. Применение данного термина относительно власти в государстве должно показать доминирование демократической самоорганизации народа над бюрократизмом государственного аппарата власти. Это значит, что сущность публичной власти в Российской Федерации можно раскрыть в простом принципе: приоритет народного основания над государственно-бюрократической надстройкой.

В отечественной юридической науке термин «публичная власть» впервые был применен в советский период, однако единого определения понятия изначально выработано не было. Существовало два подхода, согласно которым под термином «публичная власть» следует понимать либо общественную, либо государственную власть. Это нашло отражение в научной полемике тех лет. Так Л. А. Григорян писал: «термин «публичная власть» означает всего лишь «общественная власть». А общественная власть существует во всяком обществе...»⁵, на что А. И. Ким отвечал: «мы убеждены, что общественная и публичная власть не тождественны; тождественны же публичная и государственная власти, порожденные политическими отношениями»⁶. В конечном счете, распространение получил именно второй подход, и в большинстве научных трудов советского периода термин «публичная власть» отождествлялся с государственной властью. Однако имелись и альтернативные точки зрения, которые не получали широко распространения. Так, например, Т. Н. Семенова понимала под публичной властью «не всякую существующую в обществе власть, а только такую, которая охватывает всех его членов, власть в пределах всего социального организма в целом»⁷.

В современный период понятие «публичная власть» характеризуется более широким толкованием. Конституция 1993 года закрепила федеративное устройство Российской государства, где в статье 11 государственная власть разделяется на государственную власть Российской Федерации и государственную власть субъекта Российской Федерации, а в статье 12 признается и гарантируется местное самоуправление, более того органы местного самоуправления не входят в систему государственных органов⁸. Это привело к тому, что если раньше публичная власть ассоциировалась с государственной властью, то теперь публичная власть понимается как совокупность федеральной государственной власти, региональной государственной власти и муниципальной власти. Важно отметить, что если раньше понятие публичной власти закреплялась в научных статьях или монографиях, то теперь

она нашла отражение и в официальных государственных документах – постановлениях Конституционного суда Российской Федерации.

Однако, несмотря на вышесказанное, до сих пор отсутствует единообразное определение понятия публичной власти. Для примера можно рассмотреть разнообразные определения понятия «публичная власть», которые давали в постсоветский период отечественные конституционалисты, изучавшие данную проблему. Так, В. Е. Чиркин понимает под публичной властью разновидность социальной власти, возникающей в «территориальных объединениях людей», имеющая «общий, общественный, а не частный характер. Это – территориальные публичные коллективы ... Власть в таком коллективе предназначена сохранять и охранять коллектив»⁹. В свою очередь, А. А. Югов считает, что «публичная власть ... есть система всеобщего участия населения в решении совместных дел»¹⁰. В. И. Савин пишет: «Публичная власть – это суверенная власть, представляющая способность народа, а также юридически закрепленное право (возможность) лиц, замещающих должности в государственных или муниципальных органах, воздействовать от имени государства на его население либо население государственных или муниципальных образований в той или иной сфере общественной жизни с целью осуществления общегосударственной политики»¹¹. А. Т. Карасёв утверждает: «Публичная власть – один из видов социальной власти, которая в ее традиционной и самой общей трактовке понимается как воздействие управляющих при помощи методов принуждения и убеждения на волю, сознание, поведение управляемых ... способность ее носителей (органов, должностных лиц, т.п.) в рамках собственной компетенции с опорой на методы принуждения и убеждения осуществлять функции государственного, муниципального управления»¹². Е. В. Белоусова определяет: «Публичная власть выступает как способ организации управления делами определенного публичного сообщества, территориального публичного коллектива и характеризуется рядом отличительных признаков. Во-первых, она имеет особый субъект, носитель власти, каковым является народ (население) или его часть в определенных установленных границах. Во-вторых, такая власть является верховной, юридически неограниченной. В-третьих, она реализуется посредством двух основных методов – убеждения и принуждения, то есть имеет свои институты принуждения. И, наконец, обладает монополией на правотворческую деятельность, при этом реализуя правоисполнительную, правоприменительную и правоохранительную функции»¹³.

Тем не менее, можно сказать, что при разнообразии определений понятия публичной власти выделяются общие характерные признаки, из которых можно создать общую картину содержания публичной власти и составить более полное определение понятия, а имеющиеся разночтения основываются на разносторонних подходах к определению по-

4 Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935-1940 гг.

5 Григорян Л. А. Советы - органы власти и народного самоуправления. М., 1965. С. 17.

6 Ким А. И. Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск: Издательство Томского университета, 1975. С. 65.

7 Семенова Т. Н. Государство и государственная власть в классово-антагонистическом обществе // Философские науки. 1978. № 6. С. 14.

8 Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

9 Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 9.

10 Югов А. А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1999. С. 12.

11 Савин В. И. Муниципальное право России: учебно-методическое пособие. М.: Формула права, 2007. С. 8.

12 Карасев А. Т. Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 24-25.

13 Белоусова Е. В. Представительный орган местного самоуправления в системе публичной власти муниципального образования в России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 52.

нения и не имеют критических точек расхождения о сущности публичной власти. К общим характерным признакам определения понятия «публичная власть» можно отнести следующие признаки. Во-первых, публичная власть – это разновидность социальной власти. Социальная власть выражается в способности одной части общества подчинить волю другой части общества с помощью методов убеждения и принуждения в целях обеспечения жизнеспособности всего общества в целом. Во-вторых, публичная власть представляет способ организации принятия коллективных легитимных решений и реализации их с помощью методов принуждения и убеждения. Под этим понимается, что народ, как источник власти, способен коллективно принимать решения, которые, как правило, позитивно оцениваются большинством членов общества, а также их реализовать. В-третьих, публичная власть возникает и распространяется в территориальном публичном коллективе, то есть в сообществе людей, объединенных в рамках определенной территории. В-четвертых, публичная власть основывается на публичном интересе. Географическая общность и перманентное общественное взаимодействие порождает общие (коллективные) интересы большинства, которые превалируют над частными интересами отдельных членов общества с целью обеспечения «самосохранения и благополучия общества»¹⁴, называемые публичным интересом. В-пятых, публичная власть является верховной властью в территориальном публичном коллективе и распространяет свое действие на всех лиц, входящих в соответствующий территориальный публичный коллектив, вне зависимости от того поддерживает или не поддерживает отдельный её член или некоторая группа данную власть. В-шестых, публичная власть материально воплощается в виде аппарата государственного или муниципального управления, который имеет свои функции и полномочия. В-седьмых, публичная власть основывается на праве. Публичная власть осуществляет монополию на правотворческую деятельность, при этом все органы публичной власти создаются и действуют согласно конституции и действующему законодательству.

В связи с вышесказанным, понятно, что публичную власть можно определить как способ организации принятия и реализации коллективных легитимных и легальных (правовых) решений, основывающихся на публичном интересе, в территориальном публичном коллективе через аппарат государственного или муниципального управления с помощью методов принуждения и убеждения.

Публичную власть принято разделять относительно уровня власти в территориальном публичном коллективе на государственную и муниципальную власть. В унитарных государствах существует два уровня: центральный уровень, где воплощается государственная власть и уровень местного самоуправления, где воплощается муниципальная власть. В свою очередь, в федеративных государствах существует три уровня: уровень федерации, где воплощается федеральная государственная власть, уровень субъекта федерации, где воплощается региональная государственная власть и уровень местного самоуправления, где воплощается муниципальная власть.

Государственная и муниципальная власти на каждом уровне публичной власти относительно территориальной формы реализации власти народом имеют общие признаки. Во-первых, источником публичной власти является народ. В зависимости от уровня территориального публичного коллектива

под народом можно понимать: народ муниципального образования (например, «жители города Екатеринбурга»¹⁵), народ субъекта федерации (например, «граждане России, проживающие на территории Свердловской области»¹⁶) или народ государства (например, «многонациональный народ Российской Федерации»). Под народом принято понимать, в зависимости от способа формирования органов государственной или муниципальной власти, либо избирательский корпус, который путем выборов напрямую формирует их состав, либо все население, проживающее на законных основаниях в границах территориального публичного коллектива, в интересах которого осуществляют свою деятельность данные органы, сформированные путем назначения или косвенных выборов. Во-вторых, за каждым уровнем публичной власти закреплен свой уникальный объем предметов ведения и полномочий. В-третьих, для осуществления предметов ведения и полномочий формируется собственный аппарат государственного или муниципального управления. В-четвертых, функция нормотворчества, закрепленная за аппаратом государственного или муниципального управления. Наличие данных признаков, являющихся общими для каждого уровня публичной власти, показывает наличие субординационных и координационных связей между ними. Подобные взаимосвязи отражают единство целей различных уровней публичной власти, направленных на обеспечение обеспечения публичного интереса, что, в конечном счете, показывает единство системы публичной власти.

Вместе с тем, государственная и муниципальная власти на каждом уровне публичной власти относительно территориальной формы её реализации народом имеют самостоятельные признаки, отражающие их политико-правовую сущность. Так федеральная государственная власть является единственным выразителем государственного суверенитета и в силу этого обладает верховенством по отношению к региональной государственной и муниципальной власти, вследствие чего она может наделять их предметами ведениями и полномочиями. По этому поводу В.Е. Чиркин писал, что она имеет «универсальный характер... может распространяться на все отношения, которые регулируются государством и правом и поддаются такому регулированию»¹⁷. Из этого видно, что региональная государственная власть не обладает достаточными полномочиями, чтобы реализовать все признаки государственности, поэтому она является «государствоподобной несuverенной публичной властью»¹⁸. В отношении муниципальной власти важно сказать, что её обособление обусловлено не политико-правовым характером, как, например, у региональной государственной власти, а прежде всего, утилитарно-практическим, где в основание положено удовлетворение вопросов местного значения (повседневных хозяйственных нужд) местного территориального публичного коллектива, которые определяет и решает само население.

Для полного раскрытия понятия публичной власти необходимо рассмотреть принципы организации публичной власти, отражающие её конституционно-правовую природу.

1. Принцип демократичности предполагает, что решения органов публичной власти основываются на публичном

15 Устав муниципального образования «город Екатеринбург» (с изм. 28 июня 2016 г.) // Вестник Екатеринбургской городской Думы. 15.07. 2005. № 95.

16 Устав Свердловской области (с изм. от 21 июня 2017 г.) // Областная газета. № 466-467. 24.12.2010.

17 Чиркин В. Е. Концепция публичной власти народа в XXI веке // Вопросы правоведения. 2010. № 1 (5). С. 37-48.

18 Там же.

14 Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-пресс», 1998. С. 167.

интересе, выраженном в той или иной форме народного волеизъявления.

2. Принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина означает, что приоритетом в работе органов публичной власти должны быть права и свободы человека и гражданина, что, в конечном счете, приведет к балансу публичных (государственных, местных) и частных (общественных, гражданских) интересов.

3. Принцип законности устанавливает, что публичная власть осуществляется только в рамках, установленных Конституцией и законодательством.

4. Принцип гласности предполагает обеспечение открытости и доступности информации народу о решениях органов публичной власти.

5. Принцип разделения властей обеспечивает сбалансированность полномочий и исключает сосредоточение всех полномочий или большей их части в ведении одного органа публичной власти.

6. Принцип субсидиарности предполагает разграничение полномочий между различными уровнями публичной власти, таким образом, что каждый уровень публичной власти самостоятельно осуществляет реализацию законодательно возложенных на него полномочий и несет за это ответственность.

7. Принцип единства системы публичной власти означает, что органы различных уровней публичной власти, обладая собственными полномочиями и организационной независимостью друг от друга, имеют единые цели и направления деятельности, определенные обеспечением публичного интереса.

Таким образом, определение понятия «публичная власть» в отечественной науке конституционного права прошло несколько этапов в своем развитии. Однако на сегодняшний день сформировано общее понимание данного понятия, которое можно сформулировать как способ организации принятия и реализации коллективных легитимных и легальных (правовых) решений, основывающихся на публичном интересе, в территориальном общественном коллективе через аппарат государственного или муниципального управления с помощью методов принуждения и убеждения. Публичную власть относительно уровня власти территориального публичного коллектива принято дифференцировать на государственную (подразделяющуюся в федеративных государствах на федеральную государственную власть и региональную государственную власть) и муниципальную власть. Основными принципами организации публичной власти являются: принцип демократичности, принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, принцип законности, принцип гласности, принцип разделения властей, принцип субсидиарности и принцип единства системы публичной власти.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Устав Свердловской области (с изм. от 21 июня 2017 г.) // Областная газета. № 466-467. 24.12.2010.
3. Устав муниципального образования «город Екатеринбург» (с изм. 28 июня 2016 г.) // Вестник Екатеринбургской городской Думы. 15.07.2005. № 95.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 5. Ст. 708.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 4. Ст. 532.
6. Белоусова Е. В. Представительный орган местного самоуправления в системе публичной власти муниципального образования в России: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
7. Григорян Л. А. Советы – органы власти и народного самоуправления. М., 1965.
8. Карасев А. Т. Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
9. Ким А. И. Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск: Издательство Томского университета, 1975.
10. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-пресс, 1998.
11. Савин В. И. Муниципальное право России: учебно-методическое пособие. М.: Формула права, 2007.
12. Семенова Т. Н. Государство и государственная власть в классово-антагонистическом обществе // Философские науки. 1978. № 6.
13. Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7.
14. Чиркин В. Е. Концепция публичной власти народа в XXI веке // Вопросы правоведения. 2010. № 1 (5). С. 37-48.
15. Югов А. А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1999.

КАШУЛИН Сергей Николаевич

аспирант Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРАВА, ОБЯЗАННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются конституционно-правовые аспекты гражданских прав, обязанностей и ответственности в сфере государственных закупок. Автор выделяет эти аспекты на уровне общих принципов гражданского права, реализуемых в контрактной сфере, установления ответственности за нарушения прав и обязанностей участников контрактных отношений, а также в возможности ограничения указанных прав и обязанностей исходя из приоритета публично-значимых интересов общества и государства в контрактной системе.

Ключевые слова: государственные закупки, конституционные принципы, гражданские права и обязанности, ограничение прав в сфере государственных закупок.

KASHULIN Sergey Nikolaevich

postgraduate student of the N. F. Katanov Khakass State University

CIVIL RIGHTS, DUTIES AND RESPONSIBILITIES OF CITIZENS AND ORGANIZATIONS IN THE CONTRACT SYSTEM: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS

The article deals with the constitutional and legal aspects of civil rights, duties and responsibilities in the field of public procurement. The author highlights these aspects at the level of General principles of civil law, implemented in the contract sphere, establishing responsibility for violations of the rights and obligations of the parties to the contract relations, as well as the possibility of limiting these rights and obligations based on the priority of public interests of society and the state in the contract system.

Keywords: public procurement, constitutional principles, civil rights and obligations, limitation of rights in public procurement.

Контрактная система – это особая разновидность договорных отношений, в связи с чем можно утверждать, что отношения между участниками контрактной системы строятся с учетом положений гражданского права об обязательственных отношениях. В связи с этим возникает интерес о соотношении цивилистических, или гражданско-правовых аспектов контрактной системы с ее публичным предназначением, нацеленностью на решение публично-значимых задач, таких как обеспечение деятельности органов публичной власти, защиты государственной собственности от нецелевого и ненадлежащего использования, обеспечения обороны и безопасности государства. Данные обстоятельства позволяют утверждать, что общественные отношения в контрактной системе строятся на совокупности частных и публичных правовых начал. Баланс этих самых частных и публичных аспектов контрактной системы основывается на наиболее общих, базовых принципах, позволяющих сочетать частные и публичные интересы, избегать конфронтации и добиваться наиболее эффективного использования частных и публичных ресурсов во всех отраслях деятельности. Эти базовые принципы закреплены в Конституции Российской Федерации¹ и получили название конституционных принципов. Для выбранной в качестве объекта исследования сферы государственных закупок или контрактной системы представляется актуальным вопрос о конституционно-правовых аспектах в частно-правовых отношениях участников данной сферы, влияния конституционных принципов на гражданские права и обязанности таких участников.

Гражданско-правовые отношения, как и другие правоотношения, обладают своими структурой (составом) и содержанием (сущностью). При этом, под содержанием правоотношения понимается та совокупность прав и обязанностей, которая связывает участников правоотношения. Все это в полной мере применимо и к отношениям между участниками контрактной системы, что позволяет утверждать о наличии совокупности гражданско-правовых прав и обязанностей таких участников, обусловленных их участием в контрактных отношениях, а также ответственности этих участников за несоблюдение своих обязанностей или нарушение чужих прав.

Если анализировать собственно сущность гражданских прав и обязанностей, то следует обратить внимание на ст.8 Гражданского кодекса Российской Федерации², согласно которой для возникновения таких прав и обязанностей, а значит и ответственности, должны быть основания. Далее в данной норме указывается, что права и обязанности могут возникнуть как из Закона, так и из договора, но и в последнем случае не допускается их противоречие нормам Закона. Если сопоставить эту норму со ст.17 Конституции РФ, пункт 2 которой говорит об основных правах и свободах, принадлежащих любому человеку от рождения, и, следовательно, не нуждающихся в таких основаниях для своего возникновения как закон или договор, иное правоприменительное решение, то можно утверждать, что права участников контрактной системы не относятся к числу основных прав и свобод человека. Это совершенно не умаляет их значение, но ставит вопрос, можно ли отнести права участников контрактной системы как права частных лиц, участвующих в гражданском правоотношении, к основным правам и свободам человека.

На первый взгляд, положения Конституции никак не могут быть соотнесены с гражданскими правами и обязанно-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

стями участников контрактных отношений, если рассматривать эти права и обязанности только как обязательственные права и обязанности, в соответствии с которыми обе стороны таких отношений берут на себя обязанности исполнить каждый свою часть контрактных отношений, приобретая тем самым право требовать от другой стороны встречное исполнение в соответствии с принятыми на себя обязательствами.

Но данное обстоятельство совершенно не означает, что гражданские права и обязанности в контрактной сфере не имеют своего конституционно-правового аспекта. Этот конституционно-правовой аспект проявляется прежде всего на уровне принципов гражданского права, обязательных во всех обязательственных отношениях, в том числе и к таким отношениям в контрактной сфере. Так, к принципам гражданского права обычно относят: равенство правового режима для всех субъектов гражданского права; недопустимость произвольного вмешательства в частные дела; неприкосновенность собственности, свобода договора, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств на территории России, которые в последнее время были дополнены еще и принципом добросовестности поведения участников гражданско-правовых отношений. Все эти гражданско-правовые принципы берут свое начало в принципах конституционных, с которыми они соотносятся. Несмотря на то, что указанные принципы не нашли своего отражения в профильном Законе о контрактной системе³, но в силу ст.1 указанного Закона в контрактной сфере применяются отношения в части заключения гражданско-правовых договоров, то эти принципы гражданского права имеют полную силу и при заключении государственных контрактов.

Так, например, принцип равенства субъектов гражданского права соотносится с конституционным принципом равноправия и равных обязанностей для всех лиц, закрепленных в п.2 ст.6 и ст.19 Конституции Российской Федерации. Говоря о соотношении этих принципов – конституционно-правового и гражданско-правового стоит привести мнение М. А. Кудрявцева о том, что «в основе частно-правовой модели равноправия лежит контрактное или контрагентное понимание равноправия. Для публичного же права более характерно универсальное понимание равноправия как равенства перед лицом «третьей силы», то есть публичной власти, проявляющегося преимущественно в форме процессуального и процедурного равноправия»⁴. Для системы государственных закупок реализация данного принципа означает равноправие как частных участников между собой, так и равноправие частных и публичных субъектов в сфере защиты своих прав и законных интересов.

Следующий гражданско-правовой принцип – принцип свободы договора, который является базовым для всех обязательственных отношений. Государственные закупки также имеют договорную основу, и, следовательно, подчиняются этому принципу, согласно которому никто не может быть понуждаем к заключению договора на определенных условиях, что стороны свободны в согласовании и изменении условий договора, его расторжении. Данный принцип не имеет своего прямого аналога в нормах Конституции РФ, но выво-

дится именно из ее положений, о чем говорится и в решениях Конституционного Суда РФ⁵.

Принцип свободы договора взаимосвязан с другим гражданско-правовым принципом – принципом свободы экономической и предпринимательской деятельности, который уже имеет свой прямой прообраз в ст. 8 и ст. 34 Конституции РФ⁶.

Принцип свободы договора также опосредуется и в таком специфическом конституционном принципе как возможность ограничения прав и свобод, в том числе и свободы договора, если необходимость такого ограничения следует из высших конституционных приоритетов, таких как защита основ конституционного строя, безопасность граждан, общества и государства (п. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Как отмечает В. Н. Агеев: «правомерное ограничение основных прав и свобод личности представляет собой установление на основе закона пределов реализации и осуществления человеком и гражданином прав и свобод, выражающееся в определенных запретах, обусловленных необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, и назначением которых является достижение компромисса между интересами человека и интересами общества, государства и других лиц»⁷. То есть, этот принцип направлен на достижение баланса частных и публичных интересов в тех условиях, когда достижение такого баланса без ограничения прав одной из сторон достичь невозможно.

Все эти аспекты ограничения прав и свобод участников отношений в сфере государственного заказа присутствуют в виде ограничения доступа к участию в государственном заказе определенной категории лиц, а также в предоставлении отдельных преференций для льготных категорий лиц, что также можно рассматривать как некое ограничение прав других участников.

Совершенно верно по этому поводу отмечает А. А. Саурин: «Возникающие противоречия между правами частных собственников и публичными потребностями общества, требующими ограничения прав частных собственников, решаются в пользу ограничений прав частных собственников, которые в современном государстве приобретают системный, сложный характер и без которых немыслимо осуществление социальных функций государства»⁸. Но здесь также еще крайне важным представляется вопрос соизмеримости ограничений фундаментальных прав и тех задач, которые решаются путем ограничения.

Как известно, Конституция РФ признает все формы собственности и гарантирует равную степень защиты всем формам, причем эта защита проявляется не только в гарантии судебной и внесудебной защиты, но и в гарантии обеспеченности нормативного регулирования указанного вида

3 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 08.04.2013.

4 Кудрявцев М. А. Конституционный принцип равноправия в правовом положении личности в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2004. – С. 14.

5 См.: Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Лидер» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 310 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

6 См.: Гусева А. Л. Конституционно-правовой механизм защиты права на свободу предпринимательской деятельности в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. – М., 2013. – 175 с.

7 Агеев В. Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации (Теория, история, практика): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Казань, 2006. – 219 с.

8 Саурин А. А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения: диссертация ... доктора юридических наук. – М., 2014. – 400 с.

отношений. Поэтому частные участники контрактных отношений также имеют право защиты своей частной собственности, которую они используют в контрактной сфере для достижения поставленных контрактом задач, и эти частные участники имеют конституционно-гарантированное право на возмещение своих затрат, понесенных в ходе выполнения государственного заказа (контракта).

Далее представляется необходимым вернуться к ранее высказанному тезису о том, что гражданские права и обязанности участников контрактной сферы в контексте правомочий участников обязательства – обязанность надлежаще исполнить обязательства / право требовать надлежащего исполнения обязательства, не имеют какой-либо связи с конституционными нормами о правах и свободах, то есть, не имеют своего конституционно-правового аспекта. Данный тезис можно обосновать отсутствием в Конституции РФ каких либо положений, прямо указывающих на данные гражданские обязательственные права и обязанности, применяемые и в контрактной сфере.

С другой стороны, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, положения ст. 449 ГК РФ, ст. 47 Закона о госзакупках в их системной взаимосвязи направлены на соблюдение режима законности при проведении торгов и защиту интересов лиц, чьи права затронуты нарушением правил проведения торгов, в целях реального восстановления этих прав⁹. То есть, здесь напрямую прослеживается конституционно-правовой аспект соблюдения принципа законности в контрактной сфере и защиты прав добросовестных участников этой сферы отношений, в том числе и прав, вытекающих из норм гражданского законодательства.

В другом деле, Конституционный Суд РФ высказал позицию, что установление в законодательстве дополнительных критериев к участникам государственных закупок нельзя расценивать как ущемляющее право на свободу заключения договора и свободу экономической деятельности, что такие требования направлены на повышение эффективности контрактной системы¹⁰. То есть, Суд дал оценку аспекта свободы экономической деятельности как конституционного права применительно к контрактной сфере. Далее данная позиция была подтверждена и относительно включения недобросовестных поставщиков в специальный Реестр, что по мнению некоторых лиц ущемляло их права как возможных участников сферы государственных закупок. Конституционный Суд признал ведение указанного Реестра не противоречащим Конституции РФ¹¹. Несомненно, включение лица в Реестр ущемляет его гражданское право вступать в договорные отношения в конкретной сфере – в сфере государственного заказа, но это ущемление не является нарушением права, так как оно обусловлено теми конституционно-значимыми задачами, которые поставлены перед сферой государственных закупок, ее законности, прозрачности и эффективности.

Также можно отметить целый ряд решений Конституционного Суда об обоснованности установления административной ответственности за нарушения в контрактной сфере, причем эти нарушения могут быть допущены как

участниками, невыполняющими взятые на себя обязательства, так и организаторами закупок¹². Эти решения свидетельствуют о синхронизации конституционных принципов и различных нормативных правовых актов, устанавливающих гражданские права и обязанности, действующие в контрактной сфере, а также регулирующих вопросы ответственности за нарушения указанных прав и обязанностей.

Таким образом, гражданские права и обязанности участников контрактных отношений обладают своими конституционно-правовыми аспектами, так как они основываются на принципах гражданского права, таких как равноправие участников, свобода договора и экономической деятельности, которые в свою очередь производятся из общих конституционных принципов равноправия, свободы экономической деятельности и возможности ограничения свободы договора для достижения необходимого баланса частных и публичных интересов.

Конституционный принцип законодательно установленных условий и пределов ответственности за нарушение гражданских прав нашел свое отражение в законодательстве о государственных закупках.

Кроме того, весьма важным представляется и конституционный аспект возможного ограничения гражданских прав и обязанностей участников контрактной системы исходя из приоритета обеспечения высших, публично-значимых интересов государства и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев В. Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации (Теория, история, практика): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. - Казань, 2006.
2. Гусева А. Л. Конституционно-правовой механизм защиты права на свободу предпринимательской деятельности в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. – М., 2013.
3. Кудрявцев М. А. Конституционный принцип равноправия в правовом положении личности в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2004.
4. Саурин А. А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения: диссертация ... доктора юридических наук. – М., 2014.

9 См. Определения Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 739-О-О, от 15.07.2010 № 948-О-О, от 29.01.2015 № 161-О и др. // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

10 Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2008 № 836-О-О // Доступ из СПС КонсультантПлюс.; См. также: Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1575-О-О // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

11 См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 1811-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1807-О и др. // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

12 См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 1821-О; Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2017 № 2255-О и др. // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

СЕРЕГИНА Татьяна Сергеевна

адвокат Адвокатской палаты Московской области

25-ЛЕТИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

В статье акцентируется внимание на подведении итогов и исследовании ключевых направлений конституционного развития страны в юбилейный год Конституции Российской Федерации. На основе проведенного анализа автор предлагает внести изменения в современное конституционное законодательство.

Ключевые слова: конституционное законодательство, конституционно-правовая наука, российский конституционализм, юбилей Конституции Российской Федерации.

SEREGINA Tatyana Sergeevna

advocate of the Bar Chamber of the Moscow Region

25TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: TRADITIONS AND INNOVATIONS OF LEGAL SCIENCE

The article focuses on summarizing and exploring key areas of the country's constitutional development in the anniversary year of the Constitution of the Russian Federation. Based on the analysis, the author proposes to make changes to modern constitutional legislation.

Keywords: constitutional legislation, constitutional law science, Russian constitutionalism, the anniversary of the Constitution of the Russian Federation.

Серегина Т. С.

1. Введение

В российской конституционной сфере 2018 год ознаменовался двумя важнейшими датами. В этом году исполняется 100-летие с момента принятия первой Конституции (Основного закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) 1918 года¹ и отмечается 25-летний юбилей действующей Конституции Российской Федерации 1993 года².

Процесс создания действующей Конституции не был случайным, он имеет исторически обусловленный характер. Как справедливо отмечают Л. М. Дулич и В. П. Вахмистров, всю историю постсоветского периода конституционного развития страны можно представить тремя основными этапами³.

Первый этап («зарождение демократической Конституции») характеризуется необходимостью управления государством в новых политических и экономических условиях. Его становление связано с необходимостью упорядочения политической сферы (в частности ослаблением противоречий между реформаторским курсом Президента и оппозицией), а также урегулированием экономических и социальных общественных отношений. Первый этап начинается со второй половины 1980-х годов, охватывает весь период «перестройки» и оканчивается принятием 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации (далее – Конституция России, Основной закон).

Следующий этап можно назвать «адаптационным». Он характеризуется приспособлением Конституции, в первую очередь, к условиям политической нестабильности и «борь-

бы» за сохранение территориальной целостности страны. Как справедливо отмечают С. И. Голотик, Н. В. Елисеева, С. В. Карпенко, временные рамки второго этапа начинаются с 12 декабря 1993 года и оканчиваются в 2000 году⁴.

Начиная с 2001 года, появляется третий (современный) этап постсоветского конституционного развития страны. Основная задача современного этапа – поступательно реализовывать важнейшие конституционные принципы (справедливости, верховенства права, разделения властей и т.д.). Рассматриваемый период характеризуется стабильностью Конституции, ведь, несмотря на небольшие поправки в 2008 и 2014 годах, основные концептуальные положения Конституции всё же остаются неизменными.

Однако следует отметить, современный этап конституционного развития страны не только сохранил в себе положения о государственном единстве, территориальной целостности и т.д., которые исторически перешли к нам ещё с советских времён, но и сформировал относительно новые подходы, в частности, к социальной справедливости, разделению властей и конституционной идентичности. В итоге, в настоящее время назрела необходимость изменения действующей Конституции. При этом единства взглядов по «новой Конституции» до сих пор не достигнуто. Такая ситуация обуславливает необходимость подробного рассмотрения отдельных моментов, связанных с конституционным развитием страны.

2. Путь к социальной справедливости

Масштабная автоматизация, роботизация, компьютеризация процессов производства, усиление антироссийских санкций со стороны США и Западной Европы, социально-экономические проблемы в стране, – всё это фактически привело к ухудшению благосостояния и недовольству рос-

1 Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

2 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

3 См.: Дулич Л. М., Вахмистров В. П. Конституция России как национальная идея и зеркало правосознания // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 2 (39). С. 13.

4 См.: Голотик С. И., Елисеева Н. В., Карпенко С. В. Россия в 1992–2000 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. 2002. № 3 (8). С. 164.

сийских граждан. Многие люди вынуждены были потерять работу, появилось чрезмерное социальное расслоение. Как свидетельствуют результаты статистических исследований, за чертой бедности оказываются свыше 20 000 000 россиян⁵. А, если вспомнить историю, события 1917 года, вследствие которых через год была принята первая Конституция РСФСР, они тоже были связаны с глубоким социально-экономическим «расколом» российского общества.

И здесь важно согласиться с В. Е. Чиркиным, который утверждает, что достижение устойчивого развития общества возможно лишь посредством поддержки населением способов решения главных вопросов правового регулирования жизненно важных отношений⁶.

Недавно проведенная пенсионная реформа, затрагивающая социально-экономические права широкой сферы малоимущих, была воспринята россиянами крайне «болезненно». Вице-президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» Бялый Ю. В. совершенно справедливо констатирует тот факт, что если большинство российских женщин и мужчин доживут до пенсионного возраста, они будут уже больными людьми⁷.

Заведующий отделом экономики «Независимой газеты» М. Сергеев также правильно сообщает об отсутствии веских демографических оснований для повышения пенсионного возраста⁸. А учёные Российской академии наук А. А. Широшов и В. В. Потапенко дополнительно указывают косвенные последствия пенсионной реформы, к примеру, снижение рождаемости⁹.

Большинство российских граждан считают результаты последних законодательных изменений по пенсионной реформе 2018 года несправедливыми и нарушающими положения Конституции.

Спорные вопросы о пенсионной реформе привели к многочисленным неофициальным толкованиям Конституции. Одни специалисты (например, В. Д. Мазаев, А. В. Коновалов) утверждают, что нынешняя пенсионная реформа не нарушает положения действующей Конституции. Так, В. Д. Мазаев считает, что право на пенсию сохранено, изменились лишь условия его реализации¹⁰. А. В. Коновалов заявляет, что реформа законна, поскольку был соблюден официально установленный порядок внесения изменений в пенсионное законодательство¹¹.

Другие учёные-правоведы (например, В. М. Митин, К. А. Сасов) считают, что пенсионная реформа нарушает кон-

ституционные права граждан, ведь увеличение пенсионного возраста явно умаляет прежние права и свободы российских мужчин и женщин¹².

По мнению автора, спорную ситуацию сможет разрешить лишь Конституционный суд России (далее – КС РФ), как орган, официально уполномоченный толковать положения Конституции.

Массовые недовольства российских граждан привели к тому, что Президент Российской Федерации В. В. Путин учёл мнение народа, однако с учётом поправок, закон всё-таки был подписан. Нововведения о повышении пенсионного возраста вступают в силу с 1 января 2019 года¹³.

На тяжёлую социально-экономическую ситуацию в современной России не раз обращал внимание председатель КС РФ В. Д. Зорькин, подчёркивая при этом верховенство Конституции, как социального регулятора¹⁴.

Но важно учитывать и тот факт, что хотя в статье 7 Конституции России обозначено направление политики социального государства, однако, как совершенно точно замечает Л. В. Акопов, в Конституции определены лишь идеальные цели, к которым общество должно стремиться¹⁵.

Отдельно следует отметить мнение Н. М. Добрынина, который справедливо утверждает о том, что рассматриваемые цели могут обеспечиваться лишь постоянным развитием уровня общественного правосознания и правовой культуры¹⁶.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, не только с соблюдением всех материальных и процессуальных аспектов, но и с учётом существующей социально-экономической обстановки и народного мнения.

3. Формирование новых ветвей власти

Несмотря на то, что в статье 10 Конституции России указаны три ветви осуществления государственной власти (законодательная, исполнительная и судебная), многие современные учёные-правоведы фактически обосновывают наличие и иных ветвей власти.

К примеру, Д. А. Авдеев, С. А. Осетров, В. Н. Прокофьев указывают на существование президентской ветви государ-

5 Козлова А. Более 20 млн. россиян живут за чертой бедности // Комсомольская правда. 2017. 22 декабря. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26773/3807176/> (дата обращения: 02.12.2018).

6 См.: Чиркин В. Е. Конституционное регулирование социальных отношений как фактор устойчивого развития общества // Государство и право. 2017. № 10. С. 19.

7 См.: Бялый Ю. В. Пенсионный фарс — 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=/gazeta/284> (дата обращения: 02.12.2018).

8 См.: Сергеев М. Инициаторы пенсионной реформы дают задний ход // Независимая газета. 2018. 12 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2018-07-12/1_7264_pensia.html (дата обращения: 02.12.2018).

9 См.: Широшов А. А., Потапенко В. В. О справедливой пенсионной системе // Эксперт. 2018. № 24. С. 53.

10 Цит. по: Григоренко О. Повышение пенсионного возраста противоречит Конституции? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.discred.ru/2018/06/28/povyshenie-pensionnogo-vozrasta-protivorechit-konstitutsii/> (дата обращения: 02.12.2018).

11 См.: Коновалов А. В. Не имеет обратной силы закон, отягчающий ответственность // Коммерсантъ. 2018. 25 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3668413> (дата обращения: 02.12.2018).

12 Цит. по: Григоренко О. Указ. соч.; См.: Сасов К. А. К вопросу конституционности пенсионной реформы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/7/10/k_voprosu_konstitucionnosti_pensionnoj_reformy (дата обращения: 02.12.2018).

13 См.: ст. 7 Федерального закона от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6190.

14 См.: Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября. Федеральный выпуск № 7689 (226).

15 См.: Акопов Л. В. Конституция России как национальная идея и наивысший закон для общества // Государство и право. 2017. № 5. С. 35.

16 См.: Добрынин Н. М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы проф. С. А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» // Государство и право. 2017. № 7. С. 22.

ственной власти¹⁷. Н. С. Бондарь и А. А. Джагарян акцентируют своё внимание на прокурорской ветви власти¹⁸.

М. В. Демидов обращает отдельное внимание на контрольно-счётную власть¹⁹, а С. А. Авакьян большое внимание уделяет проблемам существования президентской, прокурорской, финансово-банковской и других ветвей власти²⁰.

В целом, учёные допускают фактическое существование более 10 ветвей государственной власти. Анализируя взгляды учёных, можно сделать вывод, что в России возможно законодательное введение иных ветвей власти, не предусмотренных действующей Конституцией. Для успешной их реализации потребуется, как минимум, дополнительное бюджетное финансирование.

По мнению автора, совершенствование Конституции путём введения новых ветвей власти не является достаточно целесообразным, поскольку: 1. В три наиболее крупные ветви власти фактически включены предлагаемые дополнительные ветви власти. 2. Ни одна из предлагаемых дополнительных ветвей власти не оказывает самостоятельного влияния, значимость которого можно сравнить с любой из трёх выделенных в Конституции ветвей власти. 3. В соответствии с положениями статей 10, 11 и 80 Конституции Российской Федерации, а также поддерживая справедливое мнение К. И. Масленникова²¹, Президент Российской Федерации имеет самостоятельный статус, он не отнесен ни к одной ветви власти.

Негативно скажется и объединение ветвей власти в две либо одну, поскольку демократический режим может реализоваться в государстве лишь благодаря разделению властей. Сосредоточение власти в одних руках способствует ее узурпации, становлению диктаторского режима и авторитаризма.

В любом случае, важно отметить, что законодательно закреплённые три ветви власти фактически не являются равными. Так, А. Х. Закаева справедливо отмечает, что наиболее влиятельной ветвью власти считается исполнительная, а самой слабой – судебная. Хотя судебная власть в народе пользуется большим уважением²². Три ветви власти также пред-

усмотрены в Конституции Франции²³, Белоруссии²⁴ и ряде других стран.

Подводя итог, важно отметить, что законодательная, исполнительная и судебная ветви власти достаточно жизнеспособны. Целесообразности закрепления новых ветвей власти в рамках действующей Конституции на сегодняшний день не имеется. Для повышения эффективности механизма реализации государственной власти важно лишь совершенствование правового регулирования внутри каждой отдельной ветви власти.

4. Роль доктрины конституционной идентичности

Влияние процессов глобализации и стремление западных держав к мировому доминированию привели к тому, что деятельность международных организаций в большинстве случаев стала отражать тенденции мировой политики. Как отмечает Г. А. Гаджиев, зарубежные страны всё чаще стали использовать доктрину конституционной идентичности для защиты национальных конституционных ценностей, поскольку судебные решения зачастую стали выноситься без учёта национальной воли конкретных государств²⁵. Об этом свидетельствует судебная практика конституционных и верховных судов Индии, Франции, ФРГ, а также других стран.

В России доктрина конституционной идентичности, как официальная юридическая теория, сформировалась под влиянием практики высших судов. В основу доктрины был заложен культурно-исторический подход, она стала базироваться на не текстуальном понимании конституционных изменений и достижениях современной герменевтики.

Введение термина «конституционная идентичность» в российскую конституционно-правовую практику было связано с вынесением постановления КС РФ от 14 июля 2015 года № 21-П. Тогда же КС РФ признал верховенство Конституции России при исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Однако предпосылки к появлению конституционной идентичности начали появляться ещё в 2012 году, после рассмотрения ЕСПЧ дела «Константин Маркин против России»²⁶. Позднее конституционная идентичность была применена также в постановлении КС РФ от 19 апреля 2016 № 12-П.

По мнению В.Д. Зорькина, конституционную идентичность составляет основа жизненной позиции, в соответствии с которой российский гражданин может ощущать свою принадлежность к многонациональному народу, соединённому общей судьбой на своей земле, как следует из текста Преамбулы Основного закона²⁷.

17 См.: Авдеев Д. А. Республиканская форма правления в свете конституционного монархизма (отечественный опыт) // Государство и право. 2015. № 2. С. 27; См.: Осетров С. А. Методы реализации президентской власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 37; См.: Прокофьев В. Н. Вызовы президентализма и перспективы развития демократии в России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 21.

18 См.: Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 10.

19 См.: Демидов М. В. Контрольно-счётные органы субъектов Российской Федерации: правовой статус и проблемы его унификации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 32.

20 См.: Авакьян С. А. Конституционное право России: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 378-380.

21 См.: Масленников К. И. Президентская власть в системе трех ветвей государственной власти: осуществление президентского контроля как одна из форм отождествления президентской власти // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 310.

22 См.: Закаева А. Х. Теория разделения властей: концептуальные положения // Вестник Чеченского государственного университета. 2018. № 2 (30). С. 155-158.

23 La Constitution en questions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/la-constitution> (дата обращения: 02.12.2018).

24 Канстытуцыя 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyy-nae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda-sa-zmynennnyami-i-dapa-nennnyami/> (дата обращения: 02.12.2018).

25 См.: Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_%D0%93%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2%20_2016.pdf (дата обращения: 02.12.2018).

26 См.: Абзалтдинова Р. Р. Дело «Маркин против России»: новый вызов современной правовой системе // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 2 (22). С. 27-29; См.: Воронцова И. В. Постановления Европейского суда по правам человека, исполнение которых было признано невозможным Конституционным Судом РФ // Современное право. 2017. № 4. С. 62-69.

27 См.: Зорькин В. Д. Указ. соч.

Внедрение доктрины в России позволило не только акцентировать внимание на нормах конституционного права, но и учесть традиции русского народа в процессе конституционно-правового развития страны. И как справедливо отметил венгерский министр юстиции и профессор права Ласло Трочани, в своём докладе на VII Петербургском международном юридическом форуме 2017 года, конституционная идентичность страны может сохраняться лишь путём принятия конституционным судом важных решений²⁸.

В настоящий момент положения доктрины конституционной идентичности также применяются, что позволяет сохранять суверенитет Российской Федерации.

5. Модернизация Конституции

Как справедливо отмечает Логинов В. В., прототип российской Конституции сложился ещё в XVII веке. В период Смутного времени царь Василий IV Иванович Шуйский с целью подтверждения законности своего избрания на царский трон, ограничил своё всевластие крестоцеловальной записью (документом, содержащим ограничения прав царя обязательствами при его вступлении на трон)²⁹. Затем в XVIII веке Анна Иоанновна подписала условия своего вхождения на престол (дворянские «кондиции»). Впоследствии она узнала о составлении дворянских «кондиций» не по желанию всего народа, а лишь по воле отдельной группы членов Верховного тайного совета (с целью ограничения её самодержавия), и в результате российская императрица их разорвала.

При императоре Всероссийском, Царе Польском и Великом князе Финляндском из династии Романовых Александре II в XIX веке составлялась Конституция в виде единого систематизированного документа. Однако в связи со смертью Александра II документ подготовлен так и не был.

Как верно замечает Ерёмченко Р. С., впервые термин «Конституция» был произнесён российской властью в 1815 году во время присоединения Царства Польского³⁰. В Высочайшем Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанном в 1905 году последним российским императором Николаем II, были кодифицированы основные государственные законы. Это фактически означало принятие единого Основного закона Российской империи. Исследуя названный документ, можно прийти к выводу о том, что он полностью воплощал волю и интересы царя. Соответственно, царю и принадлежало настоящее право голоса.

Распад Российской империи и образование советского государства, просуществовавшего до 25 декабря 1991 года, привели к довольно частой смене Конституций (Основных законов) страны. Современная юридическая наука достаточно скептически относится к изменению Конституций РСФСР 1918, 1925, 1937, 1978 годов и Конституций СССР 1924, 1936, 1977 годов. По мнению учёных-правоведов и профессоров Ю. А. Дмитриева, В.Т. Кабышева, Ю.И. Скуратова, Конституцию как Основной закон государства следует менять не чаще чем

через каждые 15-20 лет³¹. При существовании стабильных политико-правовых условий функционирования государства, с этой позицией можно согласиться.

В современную Конституцию 1993 года были внесены поправки в 2008 и 2014 годах. Однако в связи со сложной социально-экономической ситуацией в стране и напряжённой обстановкой на международной арене многие общественные и политические деятели (В. Д. Зорькин, Е. А. Фёдоров и т.д.) сообщают о необходимости очередного изменения Конституции, помимо этого и 66 % россиян считают, что в действующую Конституцию необходимо внести изменения.

Анализируя остальные результаты исследования общественного мнения, можно отметить: 2/3 россиян полагают, что Конституция довольно часто нарушается; 46 % россиян считают Конституцию формальным документом; 37 % граждан её, к сожалению, совсем не читали³².

По мнению автора, действующая Конституция нуждается в частичном изменении с учётом приведения её в соответствие с современными реалиями.

6. Заключение

Подводя итог проведённому исследованию, отметим, что Конституция – это не только основной нормативно-правовой акт в государстве, но и результат общественного компромисса в изменяющихся реалиях. В настоящее время Основной закон государства нуждается в изменениях.

Анализ современных условий функционирования Российского государства позволяет прийти к выводу, что в проведении конституционной реформы в настоящий момент нет необходимости, при этом действующая Конституция нуждается в определённом пересмотре:

1. С целью снятия социально-экономической напряжённости в стране, необходимо сформировать эффективный механизм, позволяющий учитывать мнение народа по всем жизненно важным вопросам. Для этого предлагается ввести институт «общественных обсуждений в Российской Федерации» и часть 2 статьи 32 Конституции Российской Федерации изложить в следующей редакции:

«2. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме и общественных обсуждениях».

Соответственно, на референдум будут выноситься вопросы государственного значения, а общественные обсуждения будут проходить по вопросам общественного значения. Рассматриваемое нововведение не будет перекликаться со статьёй 28 Федерального закона «Об общих принципах органи-

31 См.: Дмитриев Ю. А. О состоянии и перспективах развития российской конституционно-правовой науки // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 32; См.: Кабышев В. Т. Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 12; См.: Скуратов Ю. И. Развитие Конституции РФ 1993 года: поправки в Конституцию или конституционная реформа? // Российский юридический журнал. 2009. № 3 (66). С. 40.

32 Федотов назвал конституцию краеугольным камнем российской государственности // РИА Новости. 2017. 11 декабря. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20171211/1510629383.html?injj=1> (дата обращения: 02.12.2018); 66 % россиян хотели бы поменять Конституцию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/206383/> (дата обращения: 02.12.2018); Дергачев В. Социологи увидели рекордный запрос россиян на поправки в Конституцию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/26/10/2018/5bd2ff009a79470a6d34e3d7> (дата обращения: 02.12.2018).

28 Министр юстиции Венгрии, Ласло Трочани посетил Санкт-Петербург. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://szentpetervar.mfa.gov.hu/rus/news/dr-trocsanyi-laszlo-igazsaguegyi-miniszer-a-vii-szentpetervari-nemzetkoezi-jogi-forumon> (дата обращения: 02.12.2018).

29 См.: Логинов В. В. Крестоцеловальная запись Василия Шуйского как результат опричной политики Ивана IV // Право и политика. 2011. № 4. С. 684.

30 См.: Ерёмченко Р. С. Конституция РФ – вершина правовой системы страны (к 25-летию со дня принятия Основного закона) // Вестник Международного «Института управления». 2018. № 1 (146). С. 9-10.

зации местного самоуправления в Российской Федерации»³³, в которой указываются «публичные слушания, общественные обсуждения», поскольку такие обсуждения касаются лишь местного самоуправления.

Для эффективной реализации института общественных обсуждений необходимо разработать Федеральный конституционный закон «Об организации общественных обсуждений в Российской Федерации», включив в него следующее определение: «общественные обсуждения в Российской Федерации (далее также – общественные обсуждения) – всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в общественных обсуждениях, по вопросам общественного значения». По всем вопросам, выносимым на общественное обсуждение, будет проходить тайное голосование, с последующим обсуждением результатов и принятием по ним решений.

Помимо этого, в предлагаемом законе следует изложить принципы, формы, сроки, порядок и иные особенности организации и проведения общественных обсуждений в России.

2. С целью укрепления суверенитета Российской Федерации, анализируя позитивную практику применения Постановления КС РФ от 14 июля 2015 года № 21-П и разработанные на основе данного Постановления положения Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”»³⁴, статью 15 Конституции Российской Федерации предлагается дополнить частью 5 следующего содержания:

«5. Акты межгосударственных органов, вынесенные против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации и противоречащие Конституции Российской Федерации, исполнению не подлежат».

По мнению автора, указанные нововведения позволят разрешить ряд сложных вопросов как внутри государства, так и на международной арене.

Пристатейный библиографический список

1. Абзалтдинова Р. Р. Дело «Маркин против России»: новый вызов современной правовой системе // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 2 (22). С. 27-29.
 2. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 864 с.
 3. Авдеев Д. А. Республиканская форма правления в свете конституционного монархизма (отечественный опыт) // Государство и право. 2015. № 2. С. 27-34.
 4. Акопов Л. В. Конституция России как национальная идея и наивысший закон для общества // Государство и право. 2017. № 5. С. 34-38.
 5. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 9-23.
 6. Воронцова И. В. Постановления Европейского суда по правам человека, исполнение которых было признано невозможным Конституционным Судом РФ // Современное право. 2017. № 4. С. 62-69.
 7. Голотик С. И., Елисеева Н. В., Карпенко С. В. Россия в 1992-2000 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. 2002. № 3 (8). С. 164-203.
 8. Демидов М. В. Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации: правовой статус и проблемы его унификации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 32-37.
 9. Дмитриев Ю. А. О состоянии и перспективах развития российской конституционно-правовой науки // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 32-39.
 10. Добрынин Н. М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы проф. С. А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» // Государство и право. 2017. № 7. С. 22-33.
 11. Дулич Л. М., Вахмистров В. П. Конституция России как национальная идея и зеркало правосознания // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 2 (39). С. 13-16.
 12. Ерёмченко Р. С. Конституция РФ – вершина правовой системы страны (к 25-летию со дня принятия Основного закона) // Вестник Международного «Института управления». 2018. № 1 (146). С. 9-22.
 13. Закаева А. Х. Теория разделения властей: концептуальные положения // Вестник Чеченского государственного университета. 2018. № 2 (30). С. 155-158.
 14. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября. Федеральный выпуск № 7689 (226).
 15. Кабышев В. Т. Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 12-21.
 16. Логинов В. В. Крестоцеловальная записка Василия Шуйского как результат опричной политики Ивана IV // Право и политика. 2011. № 4. С. 684-687.
 17. Масленников К. И. Президентская власть в системе трех ветвей государственной власти: осуществление президентского контроля как одна из форм отождествления президентской власти // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 310-312.
 18. Осетров С. А. Методы реализации президентской власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 37-40.
 19. Прокофьев В. Н. Вызовы президентализма и перспективы развития демократии в России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 21-31.
 20. Скуратов Ю. И. Развитие Конституции РФ 1993 года: поправки в Конституцию или конституционная реформа? // Российский юридический журнал. 2009. № 3 (66). С. 40-47.
 21. Чиркин В. Е. Конституционное регулирование социальных отношений как фактор устойчивого развития общества // Государство и право. 2017. № 10. С. 19-26.
 22. Шилов А. А., Потапенко В. В. О справедливой пенсионной системе // Эксперт. 2018. № 24.
- 33 Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
- 34 Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 51 (Ч. I). Ст. 7229.

БАКУЛИНА Ирина Петровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета

АКАТЬЕВА Ксения Евгеньевна

студентка Института государства и права Тюменского государственного университета

ЧАСТИЧНАЯ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОБОЕВ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В современный период активного развития правовых институтов административной и уголовной ответственности всё активнее проявляется тенденция декриминализации преступлений с закреплением новых составов административных правонарушений. Подобные изменения в законах часто несоординированы между собой. В результате бессистемных изменений вероятны неблагоприятные социально-правовые последствия. Так, например, частичная декриминализация побоев вызвала общественный резонанс. Споры по поводу обоснованности введения административной ответственности за побои до настоящего времени продолжаются и в научном сообществе.

В статье анализируются позиции сторонников и противников декриминализации побоев. Впервые оценивается обоснованность введения административной ответственности за побои в свете общей концепции административной ответственности. Подводятся промежуточные итоги применения административной ответственности за побои.

Ключевые слова: декриминализация, побои, домашнее насилие, административное правонарушение, административная ответственность, преступление, уголовная ответственность.

BAKULINA Irina Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Tyumen State University

AKATYEVA Kseniya Evgenjevna

student of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

PARTIAL DECRIMINALIZATION OF BEATINGS IN LIGHT OF THE OVERALL CONCEPT OF ADMINISTRATIVE LIABILITY

In the modern period, institutions of administrative and criminal liability are actively developing. The tendency of decriminalization of crimes with consolidation of new constitutes of administrative offences is more pronounced. These changes in laws are often not coordinated with each other. As a result of unsystematic changes, adverse social and legal consequences are likely. For example, partial decriminalization of beatings has caused a public outcry. Disputes about the validity of the introduction of administrative liability for beatings to date continue in the scientific community.

The article analyzes the positions of supporters and opponents of the decriminalization of beatings. For the first time, the validity of the introduction of administrative liability for beatings is assessed in the light of the overall concept of administrative liability. The interim results of the application of administrative responsibility for beatings are summarized.

Keywords: beatings, domestic violence, decriminalization, administrative offence, administrative liability, crime, criminal liability.

Для развития уголовного законодательства в современный период характерна тенденция декриминализации преступлений. Таким образом законодатель показывает, что ряд деяний в современной России уже не имеют достаточной общественной опасности и не заслуживают уголовных наказаний.

В результате декриминализации Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) пополняется новыми составами правонарушений. С точки зрения законодателя это логично. Однако встаёт вопрос о том, вписываются ли такие решения законодателя в общую концепцию административной ответственности.

Так, например, были частично декриминализированы побои с последующим внесением в КоАП РФ состава административного правонарушения с аналогичным названием. Данное решение законодателя вызвало в обществе широкий резонанс. Научная дискуссия продолжается до настоящего времени.

Определение понятия административного правонарушения изменилось по сравнению с закреплённым ранее в КоАП РСФСР. Из него был изъят признак общественной вредности. По мнению авторов настоящей статьи, таким образом была выражена принципиальная позиция законодателя о том, что реальная общественная вредность не характерна для каждого состава административного право-

нарушения, так как абсолютное большинство составов по своей правовой природе формальные. Базовая концепция административной ответственности состоит в том, что возможна административная ответственность лишь за факт нарушения нормы без необходимости наступления реального вреда. Цель назначения административных наказаний состоит в предупреждении совершения новых правонарушений и вреда охраняемым общественным отношениям.

С учётом формальности составов правонарушений предусмотрены виды и размеры административных наказаний, которые значительно мягче уголовных. В данную концепцию укладывается короткий срок административной наказанности – 1 год с момента окончания исполнения постановления. Поэтому вопрос о повторности противоправного деяния может ставиться лишь в этот период.

С учётом отсутствия признака общественной опасности правонарушения построено и процессуальное законодательство. В частности, в производстве по делу об административном правонарушении реализуется принцип оперативности, предусматривающий более простой, сокращённый по времени порядок производства, предусматривающий значительно меньше процессуальных гарантий для защиты прав возможного потерпевшего.

Исключая отдельные составы из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), законодатель офици-

ально даёт понять, что государство больше не усматривает общественной опасности деяния. По мнению авторов статьи, подобные изменения, внесённые бессистемно, без учёта концепций других законов и их корректировки, могут иметь колоссальные неблагоприятные социально-правовые последствия.

Если проводить анализ обоснованности административной ответственности за побои, нужно оценить аргументы сторонников и противников их декриминализации.

В качестве аргументов в пользу принятия решения о декриминализации высказывались мнения о недостаточной общественной опасности данного деяния для применения уголовной ответственности и необходимости экономии мер уголовной репрессии, о негуманном отношении к совершившим побои впервые¹; о неэффективном расходовании государственных средств, связанных с уголовным процессом, поскольку большой процент уголовных дел прекращается в связи с примирением с потерпевшими². В ряде работ делаются ссылки на особый российский менталитет, в связи с которым умеренные телесные наказания рассматриваются как приемлемый способ воспитания³.

В ближайшей перспективе декриминализация позволила снизить показатели преступности, сэкономить государственные денежные средства и обеспечить поступление денег в бюджет государства от уплаты административных штрафов.

Противниками декриминализации побоев выступили психологи, социологи, общественные деятели, занимающиеся проблемами реабилитации жертв домашнего насилия. Если семейный конфликт разрешается с позиции силы, то насилие становится обычным способом разрешения межличностных конфликтов.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что в 2017 году судами была рассмотрена 161 тысяча дел по ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои». К административной ответственности привлечено 113,4 тысяч человек. Назначенные наказания носят в основном имущественный характер – в виде административного штрафа. К уголовной ответственности за побои в 2017 году было привлечено менее двух тысяч человек. Если сравнить количество рассмотренных дел о побоях с показателями 2015, 2016 годов, когда применялась уголовная ответственность, то количество рассматриваемых дел, связанных с побоями, увеличилось практически в три раза. Эти показатели следует системно проанализировать, но уже можно сказать, что несмотря на снижение уровня преступности в связи с декриминализацией, можно говорить об увеличении официально зарегистрированных фактов насилия.

Ряд учёных приводят доводы против декриминализации побоев. Бытовым убийствам часто предшествуют драки, спокойное отношение к ним со стороны государства провоцирует более серьёзные преступления⁴. Декриминализация побоев снижает уровень правовой защиты потерпевших, поэтому будет способствовать представлениям потерпевших о безнаказанности⁵.

До появления статьи 6.1.1. «Побои» в структуре КоАП РФ анализ главы 6 показывал, что все составы правонарушений, посягающих на здоровье граждан, принципиально были формальными. При условии обнаружения реально-

го вреда здоровью, находящегося в причинно-следственной связи с нарушением, следовало обратиться к УК РФ. Побои в своей законодательной формулировке вроде бы также исключают наступление вреда здоровью, но так ли это на самом деле?

Представления о побоях у сторонников их декриминализации ассоциированы с воспитательными плепками. Однако этот собирательный термин охватывает и другие проявления. Анализ опубликованной судебной практики за 2017 год показывает, что судьи при описании объективной стороны побоев часто избегают конкретизации и ограничиваются лишь общими фразами, используя собирательный термин побои. Редко совершённые действия конкретизируются. Кроме единичных толчков и ударов к административно наказуемым деяниям относят и умышленное обливание кипятком и многочисленные удары в область головы и лица, живота, столкновения с лестниц, использование для побоев различных тяжёлых предметов. В качестве результатов побоев могут быть зафиксированы многочисленные кровоподтёки, расположенные в проекциях жизненно важных органов. Таким образом одинаковую квалификацию получают один удар и многочисленные удары. В случаях домашнего насилия такие деяния фактически совершаются систематически в отношении членов семьи, в том числе малолетних, престарелых, беспомощных.

В производстве по делу об административном правонарушении невозможно одновременное разрешение гражданского иска потерпевшего, в отличие от уголовного процесса. Взыскание крупного штрафа в бюджет государства с невозможностью одновременного решения вопроса о возмещении ущерба в пользу потерпевшего не способствует его представлениям о социальной справедливости.

В отличие от уголовного процесса при рассмотрении дела об административном правонарушении прокурор не является государственным обвинителем. Потерпевший сам обязан обеспечить себе защиту. Поэтому в обществе будет расти уровень правового нигилизма. Прежде всего это коснётся отношения к полиции.

Таким образом, по мнению авторов настоящей статьи, применение физического насилия должно оставаться уголовно наказуемым. Административная ответственность может наступать лишь в случае признания такого деяния малозначительным. В статью 6.1.1 КоАП следует внести изменения. Объективную сторону административного правонарушения следует сформулировать как «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но признанное малозначительным в уголовном процессе и не повлекшее уголовной ответственности».

Пристатейный библиографический список

1. Артющина О. В. Частичная декриминализация побоев как экономия мер уголовной репрессии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 44-46.
2. Быков В. М. Об инициативе Верховного Суда РФ о смягчении наказания лицам, совершившим преступления небольшой тяжести // Законность. 2015. № 11. С. 60-63.
3. Сланова А. Ю. Насилие в семье как социальная проблема в современной России // Журнал научных публикаций «Дискуссия». 2015. № 10. С. 127-131.
4. Швырёв Б. А., Кудряшов О. В., Выдрин И. В. Проблема декриминализации побоев // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 3. С. 78-81.
5. Скобликов П. Ближе к гуманности, дальше от справедливости? Судебное ведомство выступило с инициативой декриминализации мелких хищений и побоев // Юрист спешит на помощь. 2015. № 10. С. 23-26.
6. Артющина О. В. Частичная декриминализация побоев как экономия мер уголовной репрессии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 44-46.
7. Быков В. М. Об инициативе Верховного Суда РФ о смягчении наказания лицам, совершившим преступления небольшой тяжести // Законность. 2015. № 11. С. 60-63.
8. Скобликов П. Ближе к гуманности, дальше от справедливости? Судебное ведомство выступило с инициативой декриминализации мелких хищений и побоев // Юрист спешит на помощь. 2015. № 10. С. 23-26.
9. Сланова А. Ю. Насилие в семье как социальная проблема в современной России // Журнал научных публикаций «Дискуссия». 2015. № 10. С. 127-131.
10. Швырёв Б. А., Кудряшов О. В., Выдрин И. В. Проблема декриминализации побоев // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 3. С. 78-81.

БУЛГАКОВА Луиза Сираджеддиновна

заместитель прокурора Московского района Прокуратуры Санкт-Петербурга

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

В данной статье рассматриваются административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в России. Автором рассмотрены законодательные нормы, позиции современных исследователей в данной области, обозначены проблемы и рекомендации по их решению.

Ключевые слова: административное право, органы государственного управления, экологическая безопасность, исполнительная власть, права и свободы граждан, загрязнение окружающей среды, угрозы природного характера.

BULGAKOVA Luiza Sirajeddinovna

deputy Prosecutor of the Moscow district Prosecutor's Office of St. Petersburg

ADMINISTRATIVE AND LEGAL FRAMEWORK FOR ENVIRONMENTAL SAFETY IN RUSSIA

The article discusses the administrative and legal aspects of ensuring environmental safety in Russia. The author has considered the legislative norms, the positions of modern researchers in this field, identified problems and recommendations for solving them.

Keywords: administrative law, government bodies, environmental safety, executive power, citizens rights and freedoms, environmental pollution, natural threats.

Обеспечение экологической безопасности в России, является весьма важным фактором, который определяет перспективное развитие государственно-правовых отношений. Лишь безопасное и достойное существование и жизнедеятельность граждан, являются залогом проведения эффективной государственной политики в экологической сфере. Совокупность природных богатств, служит источником удовлетворения многообразных и возрастающих с каждым годом материальных потребностей людей. «В процессе развития хозяйства и расширения масштабов природопользования, актуализировалась необходимость формирования экономико-правового механизма, позволяющего реализовать права граждан на благоприятную окружающую среду, и на использование ее ресурсного потенциала»¹. Посредством конституционных прав граждан, на безопасную окружающую среду, а также защиту от техногенных и природных угроз, создаётся полноценный административно-правовой механизм по обеспечению экологической безопасности страны.

К базовому нормативному документу, который регулирует исследуемый вид государственной безопасности, относится Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», включающий в себя понятийный аппарат экологической безопасности². Вместе с тем, современные авторы отмечают, что данное понятие носит отчётливо выраженный «природно-антропогенный» характер, так как оно определено в тексте закона с помощью категории «состояние защищенности как природной, но не окружающей среды и жизненно важных интересов человека»³.

Нам представляется целесообразным разделить позицию О. А. Глушко, утверждающего, что экологическая безопасность является состоянием защищенности жизненно

важных экологических интересов людей, в первую очередь, их прав на чистую, благоприятную для жизнедеятельности окружающую природную среду. Данным автором отмечается, что в экологическую безопасность трансформировалась ключевая форма природоохранительной деятельности – речь идёт о защите окружающей среды⁴.

Вместе с тем, по взглядам Е. В. Бутовой, в сформулированном в законе определении экологической безопасности не обнаруживается комплексный подход касательно разрешения проблемы устранения экологической угрозы существованию людей. Однако автор указывает на то, что «в современных условиях общественного развития, экологическая безопасность индивидуума, общества и государства в целом в одинаковой степени зависит от охраны окружающей среды и от того, насколько оптимально, экономно, рационально настоящие и будущие поколения людей воспользуются природными ресурсами, чтобы удовлетворять свои ежегодно возрастающие потребности»⁵.

Помимо этого, действует Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г. № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития». Эта стратегия служит базисом для эффективного и результативного взаимодействия органов государственной власти РФ и ее субъектов, органов местного самоуправления, бизнесменов и общественных объединений касательно обеспечения комплексного разрешения проблем сбалансированного экономического развития и улучшения состояния окружающей среды. Вдобавок, этим нормативным актом зафиксированы такие важные положения, как:

– касающиеся охраны среды обитания человека;

1 Вагина О. В. Уголовно-правовой и административно-правовой аспекты обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. - 2017. - № 1-2 (37-38). - С. 76-79.

2 Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране окружающей среды» // СПС «Консультант Плюс».

3 Кривонощенко А. С. О специфике административно-правовых отношений, складывающихся в сфере обеспечения экологической безопасности // Право.by. - 2014. - № 1 (27). - С. 56-61.

4 Глушко О. А. Приоритеты концепции экологической безопасности // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2015. - № 109. - С. 901-912.

5 Бутова Е. В. Рекомендации по оптимизации административно-правового регулирования экологической безопасности // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. - 2014. - № 1. - С. 214-217.

– касающиеся обеспечения безопасного (в экологическом аспекте) устойчивого развития в условиях рыночных отношений;

– касающиеся оздоровления (восстановления) нарушенных экологических систем на экологически неблагополучных территориях РФ;

– касающиеся участия РФ в процессе решения глобальных проблем в сфере экологии⁶.

Как нам представляется, положения, исследуемого нормативно-правового акта, нуждаются в значительных поправках и дополнениях, которые связаны как с изменением правовой базы изучаемой области, так и с действительным преобразованием среды обитания человека во всем мире и на территории нашей страны.

Важно подчеркнуть, что попытка обновить анализируемый правовой акт, была предпринята в 2010 году, когда был разработан проект «Основы государственной экологической политики Российской Федерации до 2030 г.»⁷.

На наш взгляд, целесообразно согласиться, с позицией ряда исследователей касательно того, что для полноценного и целостного обеспечения экологической безопасности необходимо учесть реальные показатели, отражающие состояние окружающей среды и природных ресурсов. «Оценка внушительного массива данных мониторинга загрязнения окружающей среды на территории субъектов Российской Федерации свидетельствует в пользу того, что в течение многих лет в местах проживания большей части населения России отмечается неблагоприятное качество окружающей среды, в первую очередь, атмосферного воздуха и поверхностной гидросферы»⁸.

В статье 5 Федерального закона «Об охране окружающей среды» приводится обширный перечень полномочий органов государственной власти, которые связаны с вопросами обеспечения экологической безопасности⁹. К их числу необходимо отнести:

– обеспечение реализации федеральной политики в сфере экологического развития РФ;

– проработку и издание федеральных законов и прочих нормативно-правовых актов в сфере охраны окружающей среды, а также, контроль за их применением;

– разработку, утверждение и обеспечение реализации федеральных программ в сфере экологического развития РФ;

– объявление и закрепление правового положения и режима зон экологического бедствия на территории РФ;

– координацию и осуществление мероприятий, ориентированных на охрану окружающей среды в зонах экологического бедствия;

– закрепление процедуры и алгоритма проведения государственного экологического мониторинга, порядка организации и функционирования единой системы государственного экологического мониторинга, развитие государственной системы наблюдений за состоянием окружающей среды и обеспечение функционирования данной системы.

Тем не менее, нынешняя действительность обнаруживает неполноценность исследуемого перечня полномочий, потребность в генерировании других, дополнительных на-

правлений государственной деятельности, которые были бы способны успешно решать комплексные задачи в области защиты окружающей среды. Как нам представляется, указанный перечень целесообразно дополнить полномочием, которое связано с деятельным внедрением инноваций.

Решение проблемы устойчивого роста экономики и результативности использования природных ресурсов в нашей стране, способствует совершенствованию инновационной деятельности, которая предоставляет возможность внедрять новые, более действенные технологии, применять современные механизмы в разнообразных отраслях экономики. За счёт этого можно не только грамотнее и полноценнее использовать имеющиеся природные ресурсы, но и акцентировать внимание на восстановлении возобновляемых ресурсов, прежде всего, хвойных лесов, а также сокращении объемов добычи таких ресурсов, как газ, нефть и уголь, постепенный и последовательный переход от сырьевой к высокотехнологичной инновационной экономике, базирующейся на знаниях.

Таким образом, для совершенствования административно-правовых основ обеспечения экологической безопасности в России, в первую очередь, требуется разработать и усовершенствовать нормативно-правовое обеспечение инновационной деятельности, механизмов, позволяющих её стимулировать. Ключевым методом реализации инновационной политики служит создание законодательных условий для положительных преобразований в инновационной области. Кроме того, в статье 5 Федерального закона «Об охране окружающей среды» рекомендуется зафиксировать полномочие органов государственной власти в экологической сфере, которое связано с потребностью во внедрении инновационных подходов к использованию механизмов защиты окружающей среды.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 04.02.1994 № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране окружающей среды» // СПС «Консультант Плюс».
3. Бутова Е. В. Рекомендации по оптимизации административно-правового регулирования экологической безопасности // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. - 2014. - № 1. - С. 214-217.
4. Вагина О. В. Уголовно-правовой и административно-правовой аспекты обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. - 2017. - № 1-2 (37-38). - С. 76-79.
5. Галицкая Н. В. Административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности жизнедеятельности граждан в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2017. - № 3 (30). - С. 101-107.
6. Глушко О. А. Приоритеты концепции экологической безопасности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2015. - № 109. - С. 901-912.
7. Кривонощенко А. С. О специфике административно-правовых отношений, складывающихся в сфере обеспечения экологической безопасности // Право. бу. - 2014. - № 1 (27). - С. 56-61.
8. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране окружающей среды» // СПС «Консультант Плюс».
- 6 Указ Президента РФ от 04.02.1994 № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // СПС «Консультант Плюс».
- 7 Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС «Консультант Плюс».
- 8 Галицкая Н. В. Административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности жизнедеятельности граждан в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2017. - № 3 (30). - С. 101-107.
- 9 Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране окружающей среды» // СПС «Консультант Плюс».

ЗАКОПЫРИН Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России

ЗВЕРЕВ Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России

ДАЗМАРОВА Татьяна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ПЛАТНЫХ ПАРКОВОК

В статье рассматриваются проблемные вопросы административной ответственности, устанавливаемой законами субъектов Российской Федерации в области благоустройства территории, соотношение ее с административной ответственностью в сфере безопасности дорожного движения, цели административного наказания.

Ключевые слова: цели административного наказания, безопасность дорожного движения, упрощенное производство, благоустройство территории.

ZAKOPYRIN Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ZVEREV Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

DAZMAROVA Tatyana Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

TO A QUESTION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE SPHERE OF TRAFFIC SAFETY AND PAID PARKINGS

In article problematic issues of the administrative responsibility established by laws of territorial subjects of the Russian Federation in the field of improvement of the territory, its ratio with administrative responsibility in the sphere of traffic safety, the purpose of administrative punishment are considered.

Keywords: the purposes of administrative punishment, traffic safety, the simplified production, improvement of the territory.

Проблема безопасности дорожного движения актуальна не только в России, но и во всем мире. Значительные размеры социальных и экономических потерь от дорожно-транспортных происшествий на российских дорогах придают задаче обеспечения безопасности дорожного движения государственную значимость.

В последние годы в России значительно вырос автомобильный парк, который за последние годы по количеству автомобилей вышел на седьмое место в мире. Для развития соответствующей дорожной инфраструктуры на первый план выходит задача обеспечения безопасности дорожного движения.

Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» в статье 21 определяет перечень мероприятий по организации дорожного движения, которые преследуют цели повышения безопасности дорожного движения, создание и обеспечение функционирования парковок в границах населенных пунктов. В настоящее время парковочные места создаются и используются в порядке, установленном федеральным законом от 8.11.2017 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В соответствии с этим законом к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления в зависимости от категории дороги (кроме дорог федерального значения) относятся: принятие решений об использовании на платной основе

автомобильных дорог общего пользования; принятие решений о создании и об использовании на платной основе парковок, расположенных на автомобильных дорогах общего пользования и установление размера платы за пользование ими.

В соответствии с этими нормативными правовыми актами созданы платные парковочные места и установлена плата за парковку в г. Рязани. Решением Рязанской городской Думы от 26.12.2013 № 267-II утвержден «Порядок создания и использования парковок (парковочных мест), расположенных на автомобильных дорогах общего пользования местного значения муниципального образования – город Рязань», а Постановлением Администрации г. Рязани от 26.01.2016 № 167 «О создании и использовании на платной основе парковок (парковочных мест), расположенных на автомобильных дорогах общего пользования местного значения муниципального образования – город Рязань» утвержден перечень платных парковок, расположенных на автомобильной дороге общего пользования местного значения муниципального образования – город Рязань. Размер платы за час

Закопырин В. Н.

Зверев А. В.

Дазмарова Т. Н.

пользования соответствующими парковками установлен в размере 20 руб.

Законом Рязанской области установлена административная ответственность за нарушение установленного нормативными правовыми актами органов местного самоуправления Рязанской области порядка создания и использования парковочных мест, расположенных на автомобильных дорогах общего пользования местного значения, предусмотрена административная ответственность в виде административного штрафа на граждан в размере от 1000 до 3000 руб. (ст. 6.4 Закона Рязанской области от 04.12.2008 № 182-03 «Об административных правонарушениях»). Указанное правонарушение законодатель отнес к правонарушениям в сфере благоустройства территории.

Сфера благоустройства территории выбрана не случайно, т.к. ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) позволяет вести упрощённое производство по делу об административном правонарушении в случае фиксации административного правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренного законом субъекта РФ, совершенного с использованием транспортного средства приборами, работающими в автоматическом режиме. В этом случае протокол об административном правонарушении не составляется, а в соответствии с ч. 3 ст. 28.6, ст. 2.6.1 и примечания к ст. 1.5 КоАП РФ сразу выносится постановление по делу об административном правонарушении.

По нашему мнению существует серьезная проблема, связанная с криминализацией данного деяния по закону субъекта РФ. Правонарушение, предусмотренное ст. 6.4 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» не может быть направлено против правоотношений в области благоустройства территории, это правонарушение, как мы отмечали выше, относится к безопасности дорожного движения, ответственность за которые устанавливает глава 12 КоАП РФ. Никому не приходит в голову, что за кражу бутылки водки следует привлекать физическое лицо, к примеру, за нарушения паспортно-регистрационных правил. Вместе с тем, имеется серьезная повсеместная практика привлечения граждан к административной ответственности за неоплату парковки на дорогах общего пользования как за правонарушение в сфере благоустройства территории.

По нашему мнению, установление административной ответственности за неоплаченные парковки, расположенные на автомобильных дорогах общего пользования, относится к ведению российского законодателя. Если это обустроенное и оборудованное место, не являющееся частью автомобильной дороги или примыкающее к проезжей части, то субъект РФ вправе устанавливать административную ответственность за неоплаченные парковки, объектом посягательства при этом будет выступать именно благоустройство территории, а не безопасность дорожного движения. В этом случае привлечение к административной ответственности по ст. 6.4 закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» за неоплаченную парковку противоречит Конституции Российской Федерации, КоАП РФ, нарушает принцип недопустимости противопоставления законности и целесообразности¹.

Надо признать, что некоторые субъекты Российской Федерации начали устанавливать административную ответственность за неуплату за размещение транспортного средства на платной парковке гораздо ранее Рязанской области. В частности закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» (ст. 8.14) еще в 2012 году установил административную ответственность за неуплату за размещение транспортного средства на платной городской парковке в виде административного штрафа на граждан, должностных лиц и юридических лиц в размере двух тысяч пятисот рублей. Не секрет, что в городах федерального значения устанавливается повышенная административная ответственность (ст. 12.16, 12.17, 12.19, 12.28 и т.д.). В этой связи непонятна «жадность» Рязанского законодателя установившего санкцию за неоплаченную парковку в размере от 1000 до 3000 руб. против 2500 руб. в г. Москва.

КоАП РФ устанавливает в больших размерах административные штрафы для юридических лиц, нежели для физических лиц (ст. ст. 3.1, 3.5, 4.1 КоАП РФ). В этой связи вызывает недоумение позиции региональных законодателей, в частности москов-

ского, устанавливающих равные административные штрафы, как для граждан, так и юридических лиц. При этом региональный законодатель забывает, что административное наказание это не кара, цель административного наказания – предупреждение совершения правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами, именно в этом и состоит эффективность правоприменения².

На форуме «Организация и безопасность дорожного движения в Российской Федерации» Общественная палата РФ подвергла острой критике работу системы автоматической фиксации нарушений ПДД. По мнению общественников, вместо того чтобы повышать безопасность движения, она стала средством пополнения региональных бюджетов. Автор представленного на форуме доклада «О состоянии дел в сфере безопасности дорожного движения в регионах России»³, член Общественной палаты Анатолий Кучерена сообщил, что в настоящее время в России действует более 2,7 тыс. стационарных и около 3,7 тыс. передвижных комплексов, фиксирующих порядка 50% нарушений. «Во многих случаях камеры ставят не в очагах аварийности, а там, где вероятность ДТП минимальна, но водители массово нарушают скоростной режим, — отмечается в докладе. Главными цифрами отчетов в работе фото-видеофиксации становятся не данные о снижении числа ДТП, а суммы, заработанные на штрафах». В частности, годовой бюджет Омской области региональный Минфин планирует пополнить за счет автомобилистов на 492 млн. руб. Депутаты Самарской думы подсчитали, что каждый вложенный в камеру рубль возвращается в казну 3 рубля.

Безопасность дорожного движения это не только борьба с правонарушениями, но и это состояние дороги и ее инфраструктуры, наличие по примеру г. Москва, альтернативы платным парковкам в виде перехватывающих парковок. Борьба с правонарушениями в области дорожного движения не должна сводиться к массовым административным штрафам, основной вектор – неотвратимость административного наказания, как средства предупреждения правонарушения⁴. Кроме того, считаем, что надо возвратиться к практике лишения права управления транспортным средством за систематическое совершение административных правонарушений правил дорожного движения. Действенным видом административного наказания, которое будет способствовать снижению правонарушений в области дорожного движения, может послужить конфискация транспортного средства за управление транспортным средством водителем, лишенным права управления.

Пристатейный библиографический список

1. Закопырин В. Н. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законность или целесообразность? // Рязанский филиал МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя. - Рязань, 2015. - С. 16-25.
2. Тимохов В. П. Современное уголовно-процессуальное законодательство как детерминант эффективности правоприменения // Социально-экономические аспекты развития общественных отношений. Материалы 3-ей межрегиональной научно-практической конференции: в 2-х частях. - Санкт-Петербург, 2008. - С. 180-187.
3. Эксперты оценили состояние дел в сфере организации и безопасности дорожного движения в регионах России. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.garant.ru/news/527437 (дата обращения: 21.12.2018).
4. Закопырин В. Н. Неотвратимость наказания как один из принципов административной ответственности // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. - Рязань, 2013. - № 7. - С. 169-176.
- 2 Тимохов В. П. Современное уголовно-процессуальное законодательство как детерминант эффективности правоприменения // Социально-экономические аспекты развития общественных отношений. Материалы 3-ей межрегиональной научно-практической конференции: в 2-х частях. - Санкт-Петербург, 2008. - С. 180-187.
- 3 Эксперты оценили состояние дел в сфере организации и безопасности дорожного движения в регионах России. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.garant.ru/news/527437 (дата обращения: 21.12.2018).
- 4 Закопырин В. Н. Неотвратимость наказания как один из принципов административной ответственности // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. - Рязань. - 2013. - № 7. - С. 169-176.

1 Закопырин В. Н. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законность или целесообразность? // Рязанский филиал МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя. - Рязань, 2015. - С. 16-25.

КАШАЕВА Анастасия Александровна

студентка Санкт-Петербургского государственного университета

ВАСИЛЬЕВ Илья Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФУТБОЛЬНЫХ КЛУБОВ: «ЧЕРНЫЕ СПИСКИ БОЛЕЛЬЩИКОВ» И ВЗЫСКАНИЕ СО ЗРИТЕЛЕЙ УБЫТКОВ

В настоящей статье рассматриваются перспективы использования клубами «черных списков» и взыскания со зрителей убытков за противоправное поведение.

Ключевые слова: ответственность клубов за поведение болельщиков, черные списки болельщиков, взыскание со зрителей убытков.

KASHAEVA Anastasiya Aleksandrovna

student of St. Petersburg State University

VASILJEV Ilya Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law sub-faculty of the St. Petersburg State University

PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF FOOTBALL CLUB'S REACTIONS IN RUSSIAN FEDERATION: "BLACK LISTS OF SPECTATORS" AND COMPENSATION OF MATERIAL LOSSES FROM SPECTATORS

In the present article are discussed the prospects for the use of clubs "black lists" and the recovery from the audience of damages for illegal behavior.

Keywords: improper conduct of supporters, strict liability of clubs, black list of supporters, compensation of material losses.

Правомерен ли отказ в реализации билета на футбольный матч определенному лицу? Возможно ли применение так называемых «черных списков», которые будут вестись футбольными клубами по отношению к правонарушителям на спортивном соревновании вне зависимости от того, был ли привлечен к административной ответственности болельщик по ст. 20.31 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) или нет? Актуальность настоящего вопроса обусловлена, в том числе, и последними инициативами российских футбольных клубов. Так, в средствах массовой информации в мае 2017 года появилась новость о том, что ФК «Краснодар» ограничил доступ к домашним матчам шестерым болельщикам за учиненную драку¹. Поэтому представляется интересным рассмотреть возможность практического осуществления предлагаемых мер по отношению к лицам, нарушающим Правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований² (далее – Правила поведения). Важным аспектом при рассмотрении данного вопроса является и правомерность установления предлагаемых ограничений с точки зрения гражданского права, так как реализация билетов на футбольный матч представляет собой договор возмездного оказания услуг (ст. 779 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), имеющий публичный характер (ст. 426 ГК РФ).

Так, согласно ст. 779 ГК РФ исполнитель обязуется предоставить услугу, а заказчик – ее оплатить. Предметом договора при покупке билетов на футбольные матчи является непосредственная возможность просмотра футбольного матча с мест, указанных в билете. Далее необходимо дать определение понятию «реализация билетов», которое содержится в Федеральном законе от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в РФ чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «Под реализацией понимается продажа, перепродажа, распределение, распространение, обмен и иное использование, связанное или не связанное с извлечением прибыли». Таким образом, заявляя об отказе в реализации билета на футбольный матч, а также о запрете посещения матчей, футбольный клуб отказывается от заключения публичного договора. Вопрос отказа от публичного договора является достаточно важным аспектом в гражданском праве, поскольку сама конструкция публичного договора подразумевает исполнение обязательств в отношении каждого, кто обращается за данной услугой. Стоит отметить, что правомерный отказ от публичного договора предусмотрен ч. 3 ст. 426 ГК РФ и подразумевает фактическую невозможность исполнения подобного договора. Такие отказы могут быть связаны и с обстоятельствами, независящими от сторон, которые привели к данному результату. Об этом, в частности, свидетельствует дело Измайловского районного суда³, в котором истец не смог попасть на футбольный матч, в связи с

1 См. «Краснодар» на год запретил шестерым фанатам посещать домашние матчи за драку с болельщиками «Анжи». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sports.ru/football/1050866272.html> (дата обращения: 24.11.2018).

2 Постановление Правительства РФ от 16.12.2013 № 1156 (с дополнениями и изменениями) «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований».

3 Решение Измайловского районного суда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-izmajlovskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-102093174/> (дата обращения: 24.11.2018).

тем, что ему было отказано в получении визы. Ссылаясь на независимые от сторон обстоятельства, а также на п. 3 ст. 781 ГК РФ, суд отказал в части удовлетворения иска, поскольку не имелось достаточных оснований для возложения на ответчика материальной ответственности ввиду отсутствия вины. С другой стороны, в деле об отказе от исполнения публичного договора, рассмотренном Приморским районным судом г. Санкт-Петербурга⁴, требования истца были удовлетворены, поскольку наличествовали доказательства, свидетельствовавшие об умышленном неоказании услуг туристического характера.

По общему правилу и согласно ч. 2 ст. 426 ГК РФ, оказание предпочтения какому-либо лицу, а равно и отказ по необоснованным обстоятельствам, не допускается. Однако не стоит забывать о локальных актах в сфере спорта, которые могут регулировать распорядок и внутренние отношения. Так, на каждом стадионе есть правила поведения, регулирующие вопросы безопасности, реализации билетов и пропуска к спортивным сооружениям. Согласно п. 17 Правил поведения зрителей организаторы официальных спортивных соревнований вправе устанавливать *дополнительные требования к поведению зрителей* при проведении официальных спортивных соревнований. Однако, как нам представляется, это возможность непосредственно дополнять только правила поведения болельщиков, а не индивидуализировать продажу билетов и оказание сопутствующих услуг. Данные вопросы будут находиться в сфере регулирования гражданского законодательства, и установление подобных запретов может привести к коллизиям норм.

Основываясь на вышесказанном, можно заметить, что использование запрета на посещение матчей («черный список») в качестве способа воздействия на противоправное поведение болельщиков имеет применение только в узком смысле, как одна из санкций, назначаемых по ст. 20.31 КоАП РФ. Таким образом, запрет может быть реализован только посредством судебного решения по делу об административном правонарушении, ограничивая право зрителей на посещение всех официальных спортивных соревнований, а не только матчей конкретного футбольного клуба на определенный срок. Согласно ст. 20.31 КоАП РФ максимальный срок установления данного запрета составляет 7 лет. Однако, как можно заметить в результате обобщения правоприменительной практики, такая санкция является дополнительной к основному наказанию и, в среднем, составляет 6 месяцев⁵. Исключением могут служить составы ч. 3 ст. 20.31 КоАП РФ, санкции за совершение которых были ужесточены в связи с внесением последних изменений. Так, судебная практика демонстрирует, что за грубое нарушение Правил поведения срок запрета на посещение официальных спортивных соревнований может составлять от 5 лет и выше⁶.

Кроме того, Правила обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований⁷ наде-

ляют организаторов полномочиями, в числе которых *недопущение в места проведения соревнований правонарушителей*, в отношении которых вступило в законную силу постановление суда об административном запрете. Исходя из этого, организаторы имеют право отказать в реализации услуги, несмотря на наличие билета или абонеента у зрителя, основываясь на судебном решении⁸. В то же время и здесь возникает вопрос о контроле со стороны организатора: каким образом планируется идентифицировать лицо-правонарушителя при приобретении билета на домашние матчи клуба, когда не требуется предъявления документа, удостоверяющего личность? Более того, любой может приобрести на домашние матчи не один билет и далее отдать их лицам, в отношении которых вступило в юридическую силу постановление суда об административном запрете. Что же касается отказа зрителю без такого основания как административный запрет, то правомерность действий организатора футбольного матча ставится под вопрос. Помимо этого, ст. 19 Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований налагает на организаторов ряд обязанностей, среди которых установление контрольно-пропускного и внутриобъектового режимов в местах проведения соревнований в период их проведения, а также осуществление контроля наличия у зрителей входных билетов. Толкуя буквально данную норму, можно сказать, что основанием для отказа в пропуске на футбольный матч, может служить отсутствие входного билета у болельщика. Других же *формальных оснований для недопущения к спортивному соревнованию в процессе контрольно-пропускного режима нет*.

Препятствием в осуществлении запрета посещения матчей является, как уже упоминалось ранее, *конструкция публичного договора*. В Российской Федерации права потребителей защищаются при помощи Федерального закона «О защите прав потребителей»⁹, предусматривающего условия договоров, права и обязанности потребителей и изготовителей, а также порядок защиты прав потребителей в случае нарушения своих обязанностей исполняющей стороной.

Одним из проявлений саморегуляции футбольных клубов по противодействию противоправному поведению болельщиков является возможность предъявления гражданских исков к лицам, нарушившим правила поведения зрителей.

В России имеет место привлечение футбольных клубов к дисциплинарной ответственности независимо от наличия вины. Непосредственно у самих клубов отсутствуют средства борьбы с противоправным поведением болельщиков, что затрудняет повышение эффективности организации спортивных соревнований. Кроме того, имущественные потери клубов¹⁰, возникающие по причине правонарушений зрителей, приводят к такому способу защиты прав как *возмещение убытков*. Следует отметить, что данный гражданско-правовой институт не только выполняет функцию восстановления имущественного положения футбольного клуба, но и осу-

4 Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 4.08.2010 г. по делу № 2-3012/10.

5 Решение 5-го судебного участка Новосибирского судебного района по делу №5-410-2015; Решение судебного участка Кировского судебного района от 15.10.2014 г. по делу №5-385/2014; Решение Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 25.04.2017 г. по делу №5-129/2017; Решение Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 21.06.2017 г. по делу №5-363/17.

6 См., напр., состоявшееся Решение Центрального районного суда города Тулы от 21.05.2017 г. по делу № 5-193/2017.

7 П. «в» ст. 16 Постановления Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2014 г. № 353 «Об утверждении Правил обеспе-

чения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований».

8 Кроме того, это будет соответствовать и ч. 3 ст. 426 ГК РФ, согласно которой отказ от исполнения публичного договора будет законным при обоснованном уклонении лица исполнить его.

9 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (с дополнениями и изменениями) «О защите прав потребителей».

10 Как неотъемлемые последствия применения различных спортивных (дисциплинарных) санкций, начиная от штрафа и завершая проведением матча без зрителей.

ществляет общую и частную превенцию среди болельщиков, поскольку размер штрафа при привлечении болельщика по ст. 20.31 КоАП является незначительным по сравнению с теми, которые установлены для клубов Дисциплинарным регламентом РФС.

Рассматривая подобные иски, суды зачастую отказывают в удовлетворении требований, мотивируя это не только отсутствием причинно-следственной связи, но и *разной правовой природой ответственности футбольных клубов и болельщиков*. Вследствие этого представляется необходимым рассмотреть примеры, известные российской судебной практике.

Клубы-заявители, прежде всего, ссылаются на привлечение зрителя футбольного матча к административной ответственности по ст. 20.31 КоАП, что подтверждает нарушение болельщиком правил поведения. Однако, сам факт привлечения зрителя к ответственности по данной статье кодекса не может служить безусловным, преюдициарным основанием для удовлетворения предъявленного к болельщику требования о компенсации клубу штрафа, возложенного по решению юрисдикционного органа РФС¹¹. Это объясняется тем, что наряду с противоправным поведением болельщика основанием наложения штрафа на футбольный клуб может являться непринятие необходимых мер при организации и проведении спортивного соревнования организаторами (соревнования и (или) матча), а также противоправное поведение иных лиц, находившихся на стадионе. Все перечисленные составы влекут спортивную (дисциплинарную) ответственность клубов на основании соответствующих положений Дисциплинарного регламента РФС.

Обращаясь к правоприменительной практике предъявления футбольными клубами гражданских исков к лицам, нарушившим правила поведения зрителей, можно указать на следующие тенденции. В решении Люберецкого районного суда¹² отказ в удовлетворении требований клуба был мотивирован тем, что *убытки возникли не вследствие нарушения правил поведения одним болельщиком, а как результат совокупности правонарушений, происходивших во время матча*. В данном случае, помимо выбегающего на поле болельщика рапортом инспектора матча были установлены использование пиротехнических средств, демонстрация ненадлежащих баннеров, а также на стадионе произошли массовые беспорядки. Рассматривая апелляционную жалобу, Московский областной суд¹³ согласился с решением первой инстанции и указал, что причинно-следственная связь отсутствует, поскольку *в резолютивной части решения Контрольно-дисциплинарного комитета Российского футбольного союза (далее – КДК РФС) конкретной ссылки на правонарушение, совершенное ответчиком (зрителем), не содержится*. Поскольку КДК РФС не связал возложение дисциплинарной ответственности с конкретным правонарушением и персонально с ответчиком, то и причинная связь не может иметь место в данном случае. Другим примером является дело, рассмотренное Ленинским районным судом г. Владимира¹⁴, в котором заявитель требо-

вал взыскания убытков с болельщика, демонстрировавшего расистский баннер. Однако, требования футбольного клуба не были удовлетворены и мотивированы известным нам аргументом – за отсутствием причинно-следственной связи между противоправным поведением болельщика и понесенными клубом убытками.

Кроме того, возникающие убытки могут быть связаны не только с наложением штрафа КДК РФС, но и с рядом других причин, одной из которых, к примеру, являются *проведение матча без зрителей и, как следствие, не реализация билетов*. Например, в решении Люберецкого районного суда от 17.02.2014 г., было отмечено, что футбольный клуб был привлечен к ответственности в виде штрафа с наложением обязанности проведения двух ближайших домашних матчей под эгидой РФС без зрителей, но преимущественно убытки у клуба возникли вследствие *проведения матчей без зрителей, поскольку реализация билетов стала невозможна*.

В решении Советского районного суда г. Тулы¹⁵ правоприменителем так же не было установлено наличие причинно-следственной связи между единичным правонарушением и понесенными клубом убытками, которые суд связывал с решением КДК РФС. Однако, подобное видение причинно-следственной связи не представляется верным, поскольку, во-первых, санкция КДК выносилась непосредственно за нарушение одним болельщиком правил поведения и, во-вторых, такое нарушение в данном деле являлось единственным основанием для привлечения клуба к ответственности.

Установление причинно-следственной связи позволяет правоприменительной инстанции занять противоположную позицию. Так, рассматривая апелляционную жалобу, Тульский областной суд¹⁶ пришел к выводу, что убытки, которые были понесены футбольным клубом, *возникли непосредственно из-за противоправных действий болельщика*, вследствие чего решение суда первой инстанции было отменено, а требования футбольного клуба частично удовлетворены. Судом также было отмечено: признанием футбольным клубом вины за правонарушение болельщика не может считаться тот факт, что решение КДК РФС о применении санкций клубом не обжаловалось. Кроме того, футбольные клубы-организаторы матча отвечают за ненадлежащую организацию, вследствие которой возможны правонарушения, в силу чего подобная мотивировка не может рассматриваться в качестве достаточной и обоснованной.

Стоит отметить, что в обобщенных нами решениях суды не придерживаются единообразной практики в отношении определения правовой природы убытков. Так, в решении Тульского областного суда допускалась возможность возникновения убытков у футбольного клуба в связи с противоправным поведением болельщика при соблюдении ряда условий: представление доказательств противоправного поведения зрителя, наличие прямой причинно-следственной связи, отсутствие параллельных правонарушений на матче (то есть единичное нарушение). Ленинградский областной суд¹⁷ придерживается иной точки зрения: рассматривая апелляционную жалобу ФК «Зенит» к болельщику, суд основывался на *невозможности взыскания убытков по причине различной правовой природы отношений*. Штраф в таком случае выступает

11 В решении Люберецкого районного суда от 17.02.2014 г. болельщик был привлечен к административной ответственности по ст. 20.31 КоАП, а в деле Ленинского районного суда г. Владимира от 06.06.2014 г. по делу № 2-1362/2014 – нет. Однако в обоих случаях суд не удовлетворил требования футбольных клубов за отсутствием причинно-следственной связи.

12 Решение Люберецкого районного суда от 17.02.2014 г.

13 Решение Московского областного суда по делу № 33-10571/2014.

14 Решение Ленинского районного суда г. Владимира от 06.06.2014 г. по делу № 2-1362/2014.

15 Решение Советского районного суда г. Тулы от 22.01.2015 г. по делу №2-2656/2014.

16 Решение Тульского областного суда от 16.04.2015 г. по делу № 33-993.

17 Решение Ленинградского областного суда от 18.05.2016 г. по делу № 33-2582/2016.

в качестве санкции клуба за совершение дисциплинарных нарушений, субъектом которых является сам клуб. Исходя из таких представлений, убытками не могут признаваться любые негативные последствия, возникающие на основании решений юрисдикционных органов, то есть возлагаемые на клубы штрафы.

Из рассмотренной нами правоприменительной практики следует, что отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков препятствовало вынесению судом решения о взыскании со зрителя суммы убытков, причиненных клубу вследствие применения к нему КДК РФС штрафа.

Выводы.

Во-первых, локальный запрет на посещение футбольных матчей может выступать в качестве меры борьбы с противоправным поведением зрителей, дополняя тем самым административную ответственность зрителей. Однако преследование цели обеспечения безопасности присутствующих зрителей, как мы считаем, не должно осуществляться через частно-правовой инструмент при наличии зафиксированных в законодательстве обязанностей организатора матча (соревнования), а также правоохранительных органов. Введение запрета на реализацию билетов на футбольный матч клубами в российском праве не представляется возможным в силу прямых указаний ст. 426 ГК РФ и общих принципов гражданского права. Поэтому установление футбольными клубами фактических по правовой природе «санкций» путем введения «черных списков», а также дополнительных условий при контроле билетов, хотя гипотетически и представляют собой меры борьбы с противоправным поведением зрителей, но нуждаются в установлении инструментария на уровне законодательного регулирования и дальнейшего его детализации в положениях Регламента Чемпионата России по футболу среди команд клубов Премьер-Лиги. Во-вторых, практика предъявления гражданских исков футбольных клубов к болельщикам, как одного из немногих юридических инструментов, доступных клубам для превенции противоправного поведения зрителей, на текущий момент не распространена. В том числе благодаря редким примерам обращения клубов с исками к болельщикам, единообразных подходов в решении подобных споров не имеется: суды мотивируют отказы различными аргументами, обоснованность которых может быть дискуссионной. При этом право предъявления гражданских исков нам представляется необходимой частью деятельности футбольных клубов как проявление их саморегулирования. Подобная практика может привести к повышению эффективности методов борьбы с противоправным поведением болельщиков, а также усилить шансы футбольных клубов на восстановление имущественного положения.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в РФ чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (с дополнениями и изменениями) «О защите прав потребителей».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2014 г. № 353 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований».
4. Постановление Правительства РФ от 16.12.2013 № 1156 (с дополнениями и изменениями) «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований».
5. Решение 5-го судебного участка Новосибирского судебного района по делу №5-410-2015.
6. Решение Измайловского районного суда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-izmajlovskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-102093174/> (дата обращения: 24.11.2018).
7. Решение Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 25.04.2017 г. по делу №5-129/2017.
8. Решение Ленинградского областного суда от 18.05.2016 г. по делу № 33- 2582/2016.
9. Решение Ленинского районного суда г. Владимира от 06.06.2014 г. по делу № 2-1362/2014.
10. Решение Люберецкого районного суда от 17.02.2014 г.
11. Решение Московского областного суда по делу № 33-10571/2014.
12. Решение Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 21.06.2017 г. по делу №5-363/17.
13. Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 4.08.2010 г. по делу № 2-3012/10.
14. Решение Советского районного суда г. Тулы от 22.01.2015 г. по делу №2-2656/2014.
15. Решение судебного участка Кировского судебного района от 15.10.2014 г. по делу №5-385/2014.
16. Решение Тульского областного суда от 16.04.2015 г. по делу № 33-993.
17. Решение Центрального районного суда города Тулы от 21.05.2017 г. по делу №5-193/2017.
18. «Краснодар» на год запретил шестерым фанатам посещать домашние матчи за драку с болельщиками «Анжи». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sports.ru/football/1050866272.html> (дата обращения: 24.11.2018).

НИКИТИН Владимир Валерьевич

кандидат политических наук, адвокат Коллегии адвокатов «Московский юридический центр»

КОЛЛИЗИЯ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК И НА ЗДАНИЕ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Цель работы – критический анализ применения римского принципа *superficies solo cedit* в современной российской правовой реальности.

Выявлены отраслевые различия, регулирующие отношения собственности на земельные участки и на объекты недвижимости, содержащиеся в Гражданском кодексе РФ и в Земельном кодексе РФ. В первом случае превалирует гражданско-правовой метод регулирования, во втором – публичный метод. Использовался формально-юридический подход и метод сравнительного анализа. Статья является междотраслевым исследованием: рассматриваемый круг вопросов связан с гражданским правом и с административным правом.

Принцип *superficies solo cedit* применительно к современной российской действительности разобран критически. Исторически сложившаяся высокая концентрация государственной собственности на землю препятствует последовательной реализации этого принципа.

Новизна статьи состоит в попытке восполнения дефицита критического анализа возможного эффекта реализации классических принципов римского права в современном российском правовом порядке.

Ключевые слова: *superficies solo cedit*, римское право, земельное право, земельные участки, собственность, вещное право, право застройки, административное право, предпринимательское право.

NIKITIN Vladimir Valerjevich

Ph.D. in political sciences, advocate of the Bar Association "Moscow Law center"

COLLISION OF RIGHTS FOR LAND PARCEL AND FOR BUILDING IN LEGAL REGULATION OF CONSTRUCTION

The purpose of the article is a critical analysis of application of the principle *superficies solo cedit* in *jus civile* in modern Russian legal system.

The paper exposes differences in regulation of land property and buildings' property both in the Civil Code and in the Land Code. In the Civil Code private law methods prevail; at the same time, in the Land Code public methods prevail. The author used formal juridical method and comparative analysis. The paper is a cross-disciplinary study: its subject is interconnected with civil law and administrative law.

The principle *superficies solo cedit* is analyzed critically in the frame of Russian real estate trade practice. Realization of this principle is obstructed by significant level of concentration the state land property.

Novelty of the article is in compensation of the deficit of critical analysis of actual frequent utilization of ancient *jus civile* principles.

Keywords: *superficies solo cedit*, *jus civile*, land law, property, rights in rem, building tenancy, administrative law, commercial law.

Никитин В. В.

В российском правовом порядке права собственности на земельный участок и на здание на нем реализуются раздельно.

Если исходить из отраслевой принадлежности правовых норм, регулирующих указанные вопросы, то в современной российской правовой системе можно выделить два основных блока такого рода правовых предписаний.

Первый из них, более общий (универсальный), разработанный в контексте идей и потребностей гражданского оборота в целом, содержится в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ), его главе 17, а также в других разделах, относящихся к разнообразным аспектам вещных прав. Так, наряду с правом собственности на земельный участок, действующий ГК РФ предусматривает также ряд иных вещных прав: право пожизненного наследуемого владения земельным участком (ст. 265); право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (ст. 268); право ограниченного пользования соседним участком (земельный сервитут) (ст. 274) и т.д.

Второй блок специальных правовых норм, рассчитанных именно на сферу отношений землепользования, сосредоточен в Земельном кодексе РФ (далее – ЗК РФ). Наряду с

правом собственности на землю, ЗК РФ закрепляет особый перечень иных вещных и обязательственных прав, на основании которых лицо, не являющееся собственником земельного участка, может его использовать: право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (ст. 20); право пожизненного наследуемого владения земельным участком (ст. 21); право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут) (ст. 23); право аренды земельного участка (ст. 22); право безвозмездного срочного пользования земельным участком (ст. 24).

Кроме того, отдельное и совершенно особое значение имеет практика применения Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ.

27 апреля 2012 г. Государственной Думой в первом чтении был принят законопроект¹, разработанный в рамках

1 См.: проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законода-

Концепции развития гражданского законодательства² и содержащий ряд новелл, введение которых направлено на модернизацию ГК РФ, в том числе, в части правового регулирования имущественных отношений по поводу земельных участков, более чёткого определения ограниченных вещных прав в пользовании ими. Так, применительно к рассматриваемой теме, согласно ст. 297.1 ГК РФ в редакции законопроекта, всякий собственник здания, находящегося на земельном участке, принадлежащем другому лицу, наделяется (в том случае, если он не имеет иного права на данный участок, в силу закона или договора с его собственником) правом ограниченного владения земельным участком. Как следует из содержания предлагаемой новой нормы, у собственника здания, с одной стороны, и собственника земельного участка, с другой стороны, возникают определённые права и обязанности, суть которых может быть сведена к следующему³:

– собственник здания вправе владеть и пользоваться земельным участком под зданием в том объеме, который является необходимым для доступа к данному зданию;

– собственник земельного участка вправе (если иное не установлено законом) требовать от собственника здания соразмерную плату за владение и пользование земельным участком.

При этом с гражданско-правовой точки зрения, значимы и такие моменты:

– указанное право является ограниченным вещным правом, непосредственно обременяет соответствующий земельный участок и следует за ним (в этой связи, переход права собственности на земельный участок не является основанием прекращения или изменения принадлежащего собственнику здания ограниченного владения данным земельным участком);

– собственник здания, находящегося на чужом земельном участке, может владеть, пользоваться и распоряжаться зданием по своему усмотрению (в том числе, сносить или реконструировать его) при условии, что это не противоречит условиям пользования земельным участком;

– в случае повреждения или гибели здания его собственник имеет право восстанавливать данный объект без согласия собственника земельного участка, однако нужно учитывать, что данное право действует в течение пяти лет, если он не приступит в этот срок к восстановлению погибшего или повреждённого здания, то его права на земельный участок будут считаться прекращёнными.

Как следует из смысла рассматриваемой предлагаемой новеллы, право ограниченного владения земельным участком сохраняет силу до приобретения собственником здания полноценного вещного или обязательственного права на

земельный участок. И в этой связи, собственник здания наделяется правом требовать по своему усмотрению от собственника земельного участка предоставления ему права постоянного землеустройства, права застройки или права аренды земельного участка, необходимого для обеспечения доступа к зданию.

Большая часть земельных участков находится в государственной или муниципальной собственности⁴, и в этой связи законодательное упорядочение правомочий (а также и обязанностей) собственников зданий (не являющихся собственниками земельных участков под ними) по поводу пользования земельным участком под ним представляется особенно важным. Очевидно, что введение в действие приведённых норм, а также разработка и принятие согласующихся с ними и конкретизирующих их норм земельного законодательства, введение необходимых переходных положений (принимая во внимание необходимость адаптации участников гражданского оборота, различия в ныне предусмотренных и обозначенных в законопроекте правах) – насущная задача.

Вместе с тем, следует учитывать и центральные проблемы доктринального порядка.

Российский правовой порядок непоследователен в определении соотношения прав на землю и на иное, расположенное на нем недвижимое имущество. Ст. 130 ГК РФ закладывает идею о тесной и по сути неразрывной взаимосвязи земельных участков и объектов, прочно связанных с землёй, о производном характере вторых от первых.

В то же время земля как недвижимость по российскому праву не является главной вещью в отношении находящихся на ней зданий и других строений, а принцип единства, провозглашённый в Земельном кодексе РФ (п. 4 ст. 35) реализуется непоследовательно, со значительным количеством изъятий из него.

По справедливому мнению профессора Е.А. Суханова, этому способствуют, во-первых, положения Земельного кодекса РФ, позволяющие толковать этот принцип, как правило, согласно которому судьба земельного участка следует судьбе здания, расположенного на нём; во-вторых, Земельным кодексом РФ установлены довольно серьёзные исключения из принципа единства; в третьих, в Земельный кодекс РФ (п. 1 ст. 35) допускает право на использование части земельного участка, которое, в свою очередь, возникает у приобретателя здания (иного объекта), находящегося на чужом земельном участке⁵. В специальной литературе данная ситуация объясняется, в том числе, историческими факторами (изъятие земли из гражданского оборота в СССР, продолжительное отсутствие четкого законодательного регулирования отношений с землёй в российском пореформенном праве)⁶.

Вместе с тем совершенно не очевидны политико-правовые, т.е. недогматические соображения в пользу признания приоритета прав собственника на земельный участок перед правами собственника на находящиеся на земельном участке здания и иные объекты недвижимости. Центральный ар-

тельные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

2 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации была подготовлена на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» и одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009. Текст Концепции, см.: Вестник ВАС РФ. № 11, ноябрь, 2009.

3 Подробнее об этом, см., например: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги [Электронный ресурс]. М., 2016. Доступ из справ. – правовой системы «Консультант Плюс»; Минаева А.А. Изменение системы прав на земельные участки лиц, не являющихся их собственниками, в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Экологическое право. 2012. № 5. С. 14-17.

4 По некоторым данным – более 85%. – См., об этом: Василишин И.И., Буднецкий Н.С. Реализация модели единого объекта недвижимости в российском и германском гражданском обороте // Международное публичное и частное право. 2016. № 1. С. 34.

5 См.: Суханов Е.А. Ограниченные вещные права // Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М.К. Треушников. М., 2005. С. 184.

6 См., например: Баранова Е.А. К вопросу о понятии единого объекта недвижимости в гражданском праве Германии // Законодательство и экономика. 2004. № 12. С. 23.

гумент сторонников концепции приоритета прав на землю сводится к тому, что строения прочно связаны с землей и не могут быть использованы отдельно от нее. Однако уже такие классические вещные права, как сервитут, были призваны ограничить права собственника и для этого и сконструированы. Предполагаемая реформа вещного права намерена допустить право застройки и иные вещные права. Введение в систему вещных прав таких конструкций, направлено на создание условий для ограничения доминанции собственника земли над земельным участком. Иначе, если доминирование собственника над расположенными на территории его земельного участка, абсолютно, тогда зачем обсуждать идеи реформирования главы II ГК РФ о вещном праве и расширения списка *numerus clausus* вещных прав?

Представляется, что укрепление в российской юридической мысли идеи приоритета права собственности на землю над правом собственности на иные объекты недвижимости, расположенные на этой земле, прямо связано с устойчивой традицией всех периодов римского права.

Д.В. Дождев констатирует в этой связи, что «правило *ius civile*, по которому собственность на постройки может принадлежать только собственнику земельного участка (*superficies solo cedit*), оставалось в силе всю историю римского права».⁷

Однако, как выше отмечалось, в современной постсоветской действительности до сих пор около 85 процентов земельных участков находится в государственной собственности.

Допустимость частного права на землю активно отрицалась в течение «советского периода» и это отрицание не было случайным, а оставалось сущностным элементом марксистской идеологии.

В постсоветский период отход от государственной монополии на землю был замедлен. При принятии первой части ГК РФ в 1994 г., введение в действие положений главы 17 ГК, регулирующей вопросы собственности на землю, было отложено до принятия Земельного кодекса РФ.

Напротив приватизация квартир началась достаточно рано, и этот процесс происходил весьма интенсивно.

Высокая доля государственной собственности в общем массиве земельных участков при последовательной реализации принципа *superficies solo cedit* из римского права должна соответствовать высокой концентрации государственной собственности на иные объекты недвижимости.

В российской действительности этот баланс существенно нарушен.

Кроме того, во времена римской цивилизации не строилось такого количества многоквартирных многоэтажных домов, как в нынешние времена. А многоквартирные дома создают ситуацию, при которой над одним и тем же участком земельной поверхности расположены квартиры множества различных собственников.

Таким образом, следует согласиться с выводами авторов, которые отмечают сложности реализации данного принципа в российском правовом порядке.⁸

Следует позитивно оценивать, разработанные и содержащиеся в законопроекте о внесении изменений в ГК РФ,

положения о новых ограниченных вещных правах, в том числе, праве собственника здания использовать находящийся в собственности другого лица земельный участок под данным зданием для обеспечения доступа к последнему, связанные с этим правомочия и обязанности собственника здания и собственника земельного участка.

Выводы:

1. Следует критически относиться к попыткам догматической имплементации принципа *superficies solo cedit* в российский правовой порядок.

2. Следует позитивно оценивать разработанные и содержащиеся в законопроекте о внесении изменений в ГК РФ положения о новых ограниченных вещных правах, в том числе, праве собственника здания использовать находящийся в собственности другого лица земельный участок под данным зданием для обеспечения доступа к последнему, связанные с этим правомочия и обязанности собственника здания и собственника земельного участка.

Пристатейный библиографический список

1. Баранова Е. А. К вопросу о понятии единого объекта недвижимости в гражданском праве Германии // Законодательство и экономика. 2004. № 12.
2. Василишин И. И., Буднецкий Н. С. Реализация модели единого объекта недвижимости в российском и германском гражданском обороте // Международное публичное и частное право. 2016. № 1.
3. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., «Статут», 2016.
4. Дождев Д. В. Римское частное право. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011.
5. Минаева А. А. Изменение системы прав на земельные участки лиц, не являющихся их собственниками, в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Экологическое право. 2012. № 5. С. 14-17.
6. Суханов Е.А. Ограниченные вещные права // Ученые юристы МГУ о современном праве / Под ред. М. К. Треушников. М., 2005.

7 Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. - С. 477

8 См.: Василишин И.И., Буднецкий Н.С. Реализация модели единого объекта недвижимости в российском и германском гражданском обороте // Международное публичное и частное право. 2016. № 1. С. 34-38.

СИДОРОВ Сергей Александрович

доктор политических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Всероссийского государственного университета юстиции, г. Хабаровск

ДАНИЛОВ Николай Филиппович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Всероссийского государственного университета юстиции, г. Хабаровск

ПИНЧУК Олег Владимирович

преподаватель кафедры административного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции, г. Хабаровск

УСТРАНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО МОРСКИМ БИОЛОГИЧЕСКИМ РЕСУРСАМ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ

В статье изложены основания, условия и порядок возмещения ущерба, причиненного морским биологическим ресурсам административным правонарушением. Затронуты проблемные вопросы, связанные с использованием методики исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам, утвержденной приказом Федерального агентства по рыболовству, при взыскании ущерба.

Ключевые слова: административные правонарушения, административный регламент, ущерб, гражданское судопроизводство, иск, таксы, методика, юридическая коллизия.

SIDOROV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of General legal disciplines sub-faculty of the All-Russian State University of Justice, Khabarovsk

DANILOV Nikolay Filippovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of General legal disciplines sub-faculty of the All-Russian State University of Justice, Khabarovsk

PINCHUK Oleg Vladimirovich

lecturer of Administrative and international law sub-faculty of the All-Russian State University of Justice, Khabarovsk

THE ELIMINATION OF LEGAL CONFLICTS ARISING FROM THE COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED TO SEA BIOLOGICAL RESOURCES OF THE ADMINISTRATIVE OFFENCE

The article describes the grounds, conditions and procedure for compensation of damage caused to marine biological resources by administrative law-violation. The problematic issues related to the use of the methodology for calculating the amount of damage caused to aquatic biological resources, approved by the order of the Federal Agency for fisheries, in the recovery of damage.

Keywords: administrative offences, administrative regulations, damage, civil proceedings, claim, fees, methodology, legal conflict.

Совершение административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования нередко связано с причинением вреда морским биологическим ресурсам.

При осуществлении производства по таким делам об административных правонарушениях должностные лица, осуществляющие природоохранную деятельность в морских пространствах, в соответствии с требованиями пункта 5 части 1 статьи 26.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, обязаны выявить характер и размер ущерба, причиненного морским биологическим ресурсам, административным правонарушением¹.

Регламентируя основания и условия возмещения указанного ущерба, действующее законодательство² определяет:

– добровольный порядок возмещения вреда, причиненного морским биологическим ресурсам;

– возмещение вреда, причиненного морским биологическим ресурсам на основании решения суда.

В рамках производства по делам об административных правонарушениях должностными лицами, осуществляющими природоохранную деятельность в морских пространствах, допускается только добровольный порядок возмещения вреда, причиненного водным биологическим ресурсам.

В таком случае, если правонарушитель воспользовался предоставленной возможностью добровольно возместить причиненный вред, закон требует при рассмотрении дела учитывать это как обстоятельство, смягчающее административную ответственность.

Возмещение вреда, причиненного морским биологическим ресурсам на основании решения суда, используется должностными лицами, осуществляющими природоохранную деятельность в морских пространствах в тех случаях, когда лицо, совершившее административное правонарушение в рамках производства делу об административном правонарушении добровольно не возместит ущерб, причиненный морским биологическим ресурсам.

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: текст с изменениями и дополнениями на 15 января 2015 г. – М.: Эксмо, 2015. – 480 с.

2 Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52 – ФЗ “О животном мире”; Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов”.

Следовательно, лицо, причинившее вред морским биологическим ресурсам административным правонарушением, привлекается к двум самостоятельным видам юридической ответственности:

- к административной ответственности за нарушение, например, правил рыболовства и наказание в виде административного штрафа ему назначается исходя из размера стоимости водных биоресурсов, явившихся предметом административного правонарушения;
- к гражданско-правовой ответственности за причинение ущерба водным биологическим ресурсам данным правонарушением.

Стоимость водных биологических ресурсов, явившихся предметом административного правонарушения должна определяться на момент окончания или пресечения административного правонарушения на основании государственных регулируемых цен в случае, если таковые установлены, либо исходя из рыночной стоимости биоресурсов (в частности, с учетом данных, полученных от рыбодобывающих предприятий, торгово-промышленных палат). В случае необходимости стоимость биоресурсов может быть определена на основании заключения эксперта (пункт 1 части 1 статьи 3.5, части 1 и 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Установление же размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам административным правонарушением, используется для привлечения правонарушителя к гражданско-правовой ответственности, поскольку совершенным административным правонарушением он причинил ущерб водным биологическим ресурсам, принадлежащим на праве собственности государству.

Вследствие причинения вреда морским биологическим ресурсам административным правонарушением возникают правоотношения, которые по своей правовой природе являются гражданско-правовыми. Обязательным условием этих правоотношений является обязанность лица, причинившего вред, возместить нанесенный ущерб.

Участие Российской Федерации, как собственника морских биологических ресурсов, в гражданско-правовых отношениях согласно статье 125 Гражданского кодекса Российской Федерации, осуществляется через органы государственной власти³. Пределы такого участия определяются компетенцией этих органов в конкретной области государственного управления и характеризуются пределами и содержанием их правоспособности и дееспособности.

Полномочия подразделений Федеральной службы безопасности Российской Федерации в обеспечении возмещения вреда, причиненного правонарушением в сфере охраны морских биологических ресурсов, как и любой другой деятельности государственного органа, установлены действующим законодательством. Соответствующие нормы о праве на обращение в суды Российской Федерации содержатся в Административном регламенте. В соответствии с пунктом 6 данного регламента при исполнении государственной функции должностные лица пограничных органов, уполномоченные осуществлять государственный контроль в сфере охраны морских биологических ресурсов, в пределах предоставленных им полномочий имеют право налагать на нарушителей

штрафы или предъявлять к нарушителям иски в судах Российской Федерации⁴.

Для того чтобы суд рассмотрел и разрешил гражданско-правовой спор, о чем говорится в статье 4.7. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, необходимо предъявить иск.

Иск - это обращение заинтересованного лица к суду с требованием о защите его субъективного права или охраняемого законом интереса⁵.

Внешней формой выражения иска, документом, на основании которого возбуждается гражданское дело, является исковое заявление.

Таким образом, предъявление иска о возмещении вреда, причиненного морским биологическим ресурсам, складывается из следующих процессуальных действий:

1) составление в определенной форме и с определенным содержанием искового заявления;

2) подача искового заявления с приложенными в соответствии с требованиями статьи 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации документами в суд.

Размер ущерба, причиненного морским биологическим ресурсам административным правонарушением, устанавливается:

- в рамках производства по делу об административном правонарушении непосредственно должностным лицом, осуществляющим данное производство;

- в рамках гражданского судопроизводства - соответствующими подразделениями Федеральной службы безопасности Российской Федерации, подающими исковое заявление в суд.

При установлении размера ущерба, причиненного морским биологическим ресурсам, указанные должностные лица и подразделения, согласно части 1 статьи 53 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ, должны руководствоваться с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера, причиненного водным биоресурсам вреда, а при отсутствии их исходя из затрат на восстановление водных биоресурсов.

Во исполнение указанных требований закона разработаны:

- Таксы, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 515;

- Таксы с внесенными изменениями и дополнениями, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 26 сентября 2000 г. № 724;

- Методика исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам, утвержденная приказом Федерального агентства по рыболовству от 25 ноября 2011 г. № 1166.

Вместе с тем правоприменительная практика подразделений береговой охраны свидетельствует о частичном исполнении требований Федерального закона «О рыболовстве

3 Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М.: «ЭКМО», 2010.

4 Административный регламент Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению государственного контроля в сфере охраны морских биологических ресурсов, утвержденный приказом ФСБ России от 25 декабря 2012 г. № 675.

5 Мохов А. А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – Юридическая фирма «Контракт», 2011 г.

и сохранении водных биологических ресурсов» из-за юридической коллизии.

Материалы судебной практики свидетельствуют о том, что расчет ущерба, причиненного незаконным выловом водных биологических ресурсов, осуществляется только исходя из установленных такс.

В отечественной научной литературе под юридическими коллизиями понимается расхождение или противоречие между отдельными нормами⁶, актами, регулирующими одни и те же или смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменительной деятельности или осуществления государственными органами и должностными лицами своих полномочий.

По мнению некоторых авторов, в общем законодательном массиве одновременно действуют акты разного уровня и значения, разной юридической силы, ранга, социальной направленности, в частности и старые, союзные, и новые, российские; протекают процессы унификации и дифференциации, объединения и обособления; переплетаются вертикальные и горизонтальные связи и тенденции.⁷

Обстоятельства такого рода позволяют выделить следующие виды юридических коллизий:

- коллизии между правовыми нормами;
- коллизии между законами и подзаконными актами;
- коллизии между подзаконными актами разного уровня;
- коллизии между общефедеральными актами и актами субъектов Российской Федерации, в том числе между конституциями и уставами;
- коллизии между национальным (внутригосударственным) и международным правом и т.д.

Теория права, анализируя перечисленные противоречия в законодательстве, обращает внимание на то, что юридические коллизии, безусловно, мешают нормальной, слаженной работе правовой системы, нередко ущемляют права граждан, сказываются на эффективности правового регулирования, состоянии законности и правопорядка, правосознании и правовой культуре общества. Иными словами, они создают неудобства в правоприменительной практике, затрудняют пользование законодательством, культивируют правовой нигилизм⁸.

Юридическую коллизию, подталкивающую лишь к частичному исполнению требований Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» при обеспечении возмещения ущерба, причиненного морским биологическим ресурсам, следует рассматривать как коллизию между подзаконными актами разного уровня.

В соответствии с таксами размер причиненного ущерба исчисляется в рублях за один экземпляр водного биологического ресурса независимо от размера и веса.

Согласно п.7 Методики исчисления размера вреда, вред водным биологическим ресурсам в стоимостном выражении является суммарной величиной понесенных убытков, в том

числе упущенной выгоды и затрат на восстановление нарушенного состояния водных биологических ресурсов⁹.

Под подзаконными актами в юридической литературе принято понимать изданные на основе и во исполнение законов акты, содержащие юридические нормы.

По своей юридической силе, подзаконные акты федерального уровня, располагаются в следующей иерархии:

- указы и распоряжения Президента Российской Федерации (вторые, в отличие от первых, принимаются больше по процедурным, текущим вопросам);
- постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации как нормативные правовые акты исполнительного органа государства, наделенного широкой компетенцией по управлению общественными процессами;
- приказы, инструкции, положения отдельных министерств, ведомств и служб.

Исходя из данной иерархии подразделения береговой охраны, обеспечивающие возмещения ущерба, причиненного морским биологическим ресурсам, обосновывают частичное исполнение требований Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» тем, что таксы, утвержденные Правительством Российской Федерации, по своей юридической силе выше, чем методика, утвержденная Федеральным агентством по рыболовству.

Разумеется, для разрешения возникшей коллизии, пограничные органы в своей правоприменительной деятельности должны иметь представление о конкретных приемах, средствах, механизмах ее устранения, которые в своей совокупности и составляют способы разрешения юридических коллизий, к числу которых теории относятся:

- толкование соответствующих правовых норм;
- принятие нового акта для регулирования подобных ситуаций;
- отмена старого нормативного правового акта;
- внесение изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты.

Для того, чтобы устранить юридическую коллизию только путем толкования, требуются высокий профессионализм правотолкующего и правоприменяющего лица, точный анализ обстоятельств «дела», выбор единственно возможного или, по крайней мере, наиболее целесообразного варианта решения. Это, как правило, сложная аналитическая задача. Не зря Н. А. Тихомиров обосновывает необходимость выделения коллизионного права как самостоятельной отрасли системы российского права, указывая на наличие двух необходимых критериев (оснований) для выделения любой отрасли права: предмет (специфическая область общественных отношений), метод правового регулирования. Тем более что и Основной закон содержит указание на коллизионное право. В соответствии с пунктом «п» статьи 71 Конституции Российской Федерации «федеральное коллизионное право» относится к ведению Российской Федерации¹⁰.

Таким образом, анализируя разногласия (противоречия) между имеющим место правовым порядком, существующим в правоприменительной деятельности практических подразделений береговой охраны, обеспечивающих воз-

6 Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник – М., 2006. – С.32.

7 Матузов Н. И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – М., 2001. – С. 361.

8 Пиголкин А. С., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права: учебник. – М., 2011. С. 694.

9 Методика исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам, утвержденная приказом Федерального агентства по рыболовству от 25 ноября 2011 г. № 1166.

10 Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: Учебное и научно-практическое пособие. – М., 2000. С. 29.

мещение ущерба, причиненного морским биологическим ресурсам, и намерениями и действиями по его изменению, юридическую коллизию между таксами и методикой следует разрешить не путем толкования, а используя один из следующих способов:

1) внесения изменений и дополнений в часть 1 статьи 53 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ, изложив данную норму в следующей редакции: «Возмещение вреда, причиненного водным биоресурсам, осуществляется в добровольном порядке или на основании решения суда в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и (или) методиками исчисления размера причиненного водным биоресурсам вреда, а при отсутствии их исходя из затрат на восстановление водных биоресурсов»;

2) придания равной юридической силы таксам и методике, например, путем принятия нового Постановления Правительства Российской Федерации об утверждении такс и методик с учетом современных экономических реалий, где:

– в качестве приложения 1, утвердить таксы для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов;

– в качестве приложения 2, утвердить методику исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М.: «ЭКСМО», 2010.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : текст с изменениями и дополнениями на 15 января 2015 г. – М.: Эксмо, 2015. – 480 с.
3. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире».
4. Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».
5. Административный регламент Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению государственного контроля в сфере охраны морских биологических ресурсов, утвержденный приказом ФСБ России от 25 декабря 2012 г. № 675.
6. Таксы, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 515.
7. Таксы с внесенными изменениями и дополнениями, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 26 сентября 2000 г. № 724.

8. Методика исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам, утвержденная приказом Федерального агентства по рыболовству от 25 ноября 2011 г. № 1166.
9. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М., 2006.
10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – М., 2001.
11. Мохов А. А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – Юридическая фирма «Контракт», 2011 г.
12. Пиголкин А. С., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права: учебник. – М., 2011.
13. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: Учебное и научно-практическое пособие. – М., 2000.

АХМЕДОВ Руслан Энверович

аспирант кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИИ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ НА АЛКОГОЛЬ

В статье рассматриваются существующие проблемы государственного регулирования производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции в России, а также точка зрения о целесообразности установления государственной монополии на данный вид отрасли.

Ключевые слова: алкогольная отрасль, этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, государственная монополия, государственный контроль, контрафактная продукция.

AKHMEDOV Ruslan Anverovich

postgraduate student of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

Ахмедов Р. А.

PROBLEMS OF STATE REGULATION OF PRODUCTION AND TURNOVER OF ETHYL ALCOHOL, ALCOHOL AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS IN RUSSIA. STATE MONOPOLY ON ALCOHOL

The article discusses the existing problems of state regulation of the production and circulation of alcohol and alcohol-containing products in Russia, as well as the point of view about the advisability of establishing a state monopoly on this type of industry.

Keyword: alcohol industry, ethyl alcohol, alcohol and alcohol-containing products, state monopoly, state control, counterfeit products.

В сфере государственного регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции существует ряд проблем, устранить которые возможно только путем совершенствования действующего законодательства. Несмотря на функционирующую в России Единую государственную автоматизированную информационную систему (ЕГАИС), которая является основным инструментом государственного контроля за производством и оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции, направленным на вывод алкогольной сферы из теневого оборота, существуют множество неурегулированных вопросов, способствующих незаконному производству и обороту алкогольной продукции.

В силу своей высокой доходности, сфера производства этилового спирта и алкогольной продукции является одной из наиболее криминализированных в предпринимательстве. Зачастую криминальные структуры всевозможными способами пытаются взять под свой контроль деятельность легальных предприятий-производителей алкогольной продукции в целях организации на их базе производства нелегальной алкогольной продукции. Это наносит огромный вред экономике России, так как в этом случае бюджеты всех уровней недополучают значительные денежные средства от уплаты предприятиями-производителями алкогольной продукции акцизного сбора, а также других налоговых сборов и отчислений.

Существующие меры государственного контроля (надзора) в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции на федеральном и региональном уровнях, даже с учетом системы (ЕГАИС), в рамках которой каждая произведенная и реализованная бутылка спиртного проходит учет и регистрацию, являются неэффективными. Алкогольный рынок наводнен огромным разнообразием алкогольной продукции, произведенной из сырья сомнительного происхождения. Речь идет о неучтенной (нелегальной) алкогольной продукции, в большинстве случаев низкого качества и дешевой по цене, которая вытесняет из торгового оборота алкогольную продукцию, произведенную на официальных предприятиях-производителях.

Одним из способов реализации нелегальной продукции является пассивный розничный оборот алкоголя, осуществляемый

юридическими и физическими лицами в питейных заведениях и банкетных залах при организации мероприятий и торжеств. Зачастую в питейных заведениях и банкетных залах, предоставляемых в аренду для проведения мероприятий и торжеств, распиваются спиртные напитки неизвестного происхождения, приобретенные у частных лиц по низкой цене, а ряд банкетных залов в период проведения мероприятий, в отсутствие надлежащей лицензии, сами осуществляют незаконную поставку и (или) розничную продажу алкогольной продукции, приобретенную в розничной сети как потребитель.

В данном случае отсутствие достаточного контроля в сфере розничного оборота дает возможность криминальным структурам, в нарушение Федерального закона от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», осуществлять незаконный оборот алкогольной продукции, произведенной в обход системы ЕГАИС. Это создает благоприятную среду для ведения незаконной производственной деятельности, подлежащей лицензированию, способствует производству некачественной продукции и обеспечивает рынок сбыта контрафакта. Необходимо учесть, что данная продукция является опасной для здоровья и жизни потребителей. По этой же причине современное состояние алкогольного рынка характеризуется высоким уровнем смертности населения от отравления алкогольными суррогатами. По данным Минздрава России в стране ежегодно умирает от суррогатного алкоголя свыше 35 – 40 тысяч человек, при этом статистика свидетельствует о ежегодном росте числа таких отравлений.

Согласно официальным сведениям Федеральной службы Росалкогольрегулирование на территории Российской Федерации к системе ЕГАИС подключены 100 % предприятий-участников алкогольного рынка, в том числе имеющих действующую лицензию на розничную продажу алкогольной продукции¹.

1 Официальный сайт Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsrar.ru/>.

В целом по России производство алкогольной продукции за 9 месяцев 2018 года по сравнению с аналогичным периодом 2017 года (без учета пива, пивных напитков, сидра, пуаре и медовухи) увеличилось на 1,4 %. Винодельческой продукции – на 2,2 %. Объем производства пива и пивных напитков увеличился на 0,7 %².

Объем розничных продаж алкогольной продукции (без учета пива, пивных напитков, сидра, пуаре и медовухи) за 9 месяцев 2018 года по сравнению с аналогичным периодом 2017 года увеличился на 4,1 %, а в сегменте пива, пивных напитков, сидра, пуаре и медовухи увеличился на 7,2 %³.

Сравнительный анализ данных Федеральной службы государственной статистики и системы ЕГАИС выявил многократное превышение розничных продаж алкогольной продукции по отношению к производству⁴.

Только в Республике Дагестан за 10 месяцев 2017 года алкоголь-производящими предприятиями произведено водки – 17,5 тыс. декалитров, коньяка обработанного – 931,02 тыс. декалитров, коньяка бутылочного – 813,03 тыс. декалитров, шампанского – 1117,61 тыс. декалитров, вина виноградного – 332,23 тыс. декалитров⁵.

Так, по представленным организациями-участниками алкогольного рынка данным, объем розничной продажи за период с 01.01.2017 г. по 01.10.2017 г. составил: водка – 15733,2 тыс. декалитров; коньяк – 35410,5 тыс. декалитров; вино – 35658 тыс. декалитров, шампанское – 13744,9 тыс. декалитров.

В данном случае в сравнении с производственными показателями имеет место многократное превышение объемов розничных продаж.

По сведениям МВД России по Республике Дагестан только за 10 месяцев за 2017 года, в рамках мероприятий по борьбе с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции, сотрудниками полиции по Республике Дагестан выявлено – 301 преступление, по которым возбуждено 245 уголовных дел. В рамках возбужденных уголовных и административных дел изъято из незаконного оборота 451765 бутылок алкогольной продукции, 636 литров коньячного спирта, 60587 литров этилового спирта, поддельных марок акцизного сбора – 270 шт. Обнаружена и пресечена деятельность 5 цехов по производству фальсифицированной алкогольной продукции⁶.

На территории завода ООО «Махачкалинский комбинат шампанских вин» в городе Махачкале установлен факт незаконного хранения более 300 тыс. литров коньяка готового к розливу. Обнаружено более 90 тыс. бутылок незадекларированного коньяка производства ООО «Махачкалинский Винзавод».

В целом по России за 9 месяцев 2018 года изъято 5 796 единиц основного технологического оборудования с 507 объектов нелегального производства и утилизировано свыше 2,6 тыс. тонн основного технологического оборудования. Изъято более 88,2 млн. литров алкогольной и спиртосодержащей продукции. На основании судебных решений уничтожено более 29,4 млн. литров спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Вместе с тем, количество правонарушений в алкогольной сфере, связанных с незаконной деятельностью, ежегодно увеличивается и зачастую эти правонарушения, выявляемые правоохранительными органами, являются повторными, что говорит о несовершенстве законодательного урегулирования вопроса в данной сфере.

Думается, для разрешения проблем, существующих в алкогольной сфере, в целях осуществления эффективного государственного контроля за качественным производством алкогольной и спиртосодержащей продукции, целесообразно внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей

продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», предусматривающие введение государственной монополии на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Российской Федерации, регламентирующие запрет для юридических лиц, не являющихся государственными организациями, осуществлять производство и оборот этилового спирта, а также производство алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Без существенного изменения государственной политики в области производства и оборота алкогольной продукции невозможно снизить объемы нелегального производства и нелегального импорта алкоголя, обеспечить качественный контроль объемов производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, изменить структуру розничного рынка и масштабы потребления алкоголя населением⁷.

Мировая практика показывает, что стратегические цели государства по устойчивому социально-экономическому развитию, в котором преимущественное значение придается защите интересов граждан, невозможно реализовать без определенных ограничительных мер⁸. Кроме того, в соответствии со статьей 4 Федерального закона от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» законодательство предусматривает введение на территории Российской Федерации государственной монополии на производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции⁹. Стратегически будет правильно реализовать данную законодательную предпосылку, которая в конечном итоге будет стабильно приносить высокие доходы государству.

Необходимо учесть, что в период СССР треть доходов государства обеспечивалась от производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, на которое распространялось монопольное право государства. Введение государственной монополии позволит не только усилить борьбу с распространением нелегальной алкогольной продукции, но и привлечет дополнительные, ощутимые поступления в бюджеты всех уровней, которые государство может привлечь для развития социальной сферы страны.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ [ред. от 27.12.2018] «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [с изменениями и дополнениями, вступает в силу с 01.01.2019] // «Собрание законодательства РФ». 27.11.1995. № 48. Ст. 4553.
2. Обзор состояния алкогольной отрасли. Отчет заседания Рабочей группы по вопросам реализации государственной политики в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в Республике Дагестан. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан. 12.11.2018 г.
3. Обзор состояния розничных рынков продаж алкогольной продукции в Российской Федерации. Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка Министерства финансов России от 26.12.2018 г. № 21092/08-03.
4. Официальный сайт Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsrar.ru/>.
5. Journal of Economic Regulation // «Вопросы регулирования экономики». Том 4, № 3 за 2013 год (47-57). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblio.dissernet.org/magasin/122504>.
7. Угланд Т. Государственная монополия на алкоголь/Алкогольная политика в России и Норвегии. Москва - Осло, 2000.
8. Journal of Economic Regulation // «Вопросы регулирования экономики». Том 4, № 3 за 2013 год (47-57).
9. Ст. 4. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ.

2 Обзор состояния розничных рынков продаж алкогольной продукции в Российской Федерации // Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка Министерства финансов России от 26.12.2018 г. № 21092/08-03.

3 См. Там же. С. 3.

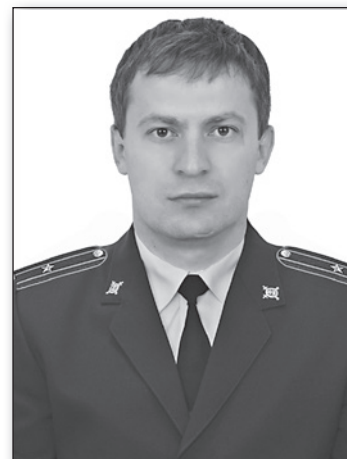
4 Обзор состояния алкогольной отрасли // Отчет заседания Рабочей группы по вопросам реализации государственной политики в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в Республике Дагестан. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан. 12.11.2018 г.

5 См. Там же. С. 8.

6 Доклад МВД России по РД представлены на заседании Рабочей группы по вопросам реализации государственной политики в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в Республике Дагестан. 12.11.2018 г.

ХУТУЕВ Валерий Артурович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД, майор полиции

Хутуев В. А.

ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются вопросы возникновения и развития Правил дорожного движения как основы безопасности каждого человека, передвигающегося по улицам и дорогам, как в пешем порядке, так и с использованием транспортных средств. Актуальность данной тематики связана с ежегодным значительным увеличением числа участников дорожного движения (транспортных средств и пешеходов) в Российской Федерации, нарастающим автомагистральным движением, часто напоминающим непрерывный поток огней, осложняющейся дорожной обстановкой, требующих своевременной безупречной организации движения и безусловного обеспечения безопасности всех участников дорожного движения. Автор отражает исторический и современный аспект указанной тематики, анализируя последние изменения Правил дорожного движения Российской Федерации.

Ключевые слова: Правила дорожного движения, история, изменения, совершенствование, участник дорожного движения, транспортное средство.

KHUTUEV Valeriy Arturovich

lecturer of Organization of law enforcement activity sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, police major

RULES OF THE ROAD MOVEMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND MODERN ASPECTS

The article deals with the emergence and development of the Rules of the road as the basis for the safety of every person moving through the streets and roads both on foot and using vehicles. The relevance of this topic is associated with an annual significant increase in the number of road users (vehicles and pedestrians) in the Russian Federation, with increasing motorway traffic, often reminiscent of a continuous stream of lights, complicated by road conditions, requiring timely flawless traffic organization and unconditional safety of all road users. The author reflects the historical and modern aspects of this subject, analyzing the latest changes in the Rules of the road of the Russian Federation.

Keywords: traffic rules, history, changes, improvement, road user, vehicle.

История разработки и принятия «Правил дорожного движения» началась несколько тысяч лет назад с появлением первых троп и дорог, задолго до появления первых средств передвижения человека.

Для обозначения маршрута движения первые путешественники - «первобытные» люди, населявшие различные части суши, удаляясь от мест своего существования в процессе охоты, собирательства либо ловли, и передвигаясь по дикой необжитой местности, надламывали сучья, наносили метки на кору деревьев, устанавливали вдоль первых троп и дорог камни и деревянные колья определённой формы и размеров, обозначая тем самым обратный для себя и своих соплеменников путь. Со временем, подобные первые тропы стали соединять между собой места существования (поселения) различных первобытных племен.

В последующем, люди стали передвигаться по тропам и дорогам верхом на лошадях, ослах и мулах, а с появлением колеса – на повозках и колесницах, которые по праву следует считать первыми транспортными средствами. Ездили они по дорогам и улицам населенных пунктов без каких-либо определенных правил передвижения, без соблюдения очередностей и предоставления преимущества в движении, что зачастую служило причиной столкновений друг с другом. Правителям и властедержателям того времени было понятно, что имеется необходимость в упорядочении дорожного

движения, определении общепринятых правил поведения (движения) на дороге, определявших и способствовавших порядку и безопасности на дорогах.

Тогда же люди начали придавать придорожным сооружениям более конкретные формы, в целях их четкого выделения на фоне окружающей среды. В этих же целях вдоль дорог стали появляться первые «скульптуры-указатели», одну из которых, именуемую «половецкой бабой», и сегодня можно наблюдать в Коломенском музее-заповеднике.

В местах пересечения дорог и троп образовывались первые перекрестки, у которых, стали появляться первые указатели направления движения.

Со временем, с распространением письменности, на придорожные вехи (камни и деревянные колья) стали наносить первые дорожные обозначения – надписи, на которых обычно указывали направление к населённым пунктам и их названия, к которым вела тропа (дорога), а не редко предупреждали и о различных опасностях на данном пути.

Считается, что одной из самых первых в мире систем дорожных указателей (знаков дорожного движения) возникла именно на римских дорогах более 2 тысяч лет назад - в III веке до нашей эры.

Древнеримский политический и государственный деятель Гай Юлий Цезарь, писатель и полководец, еще в 50-тых годах до нашей эры ввел на нескольких улицах Рима движе-

ние в одностороннем порядке: от восхода солнца и за 2 часа до его заката (*то есть до времени окончания рабочего дня*) проезд частных повозок и колесниц в Рим был категорически запрещен. Прибывающие в Рим путешественники и горожане должны были передвигаться в пешем порядке, либо на носилках на длинных шестах, оставляя при этом «транспорт» прибытия к городу за пределами (границами) Рима. Уже в то время была организована специальная служба по надзору и контролю за перемещением по улицам и дорогам Рима, в состав которой входили бывшие военнослужащие и пожарники. Первым дорожным надзирателям были вменены обязанности по профилактике (предотвращению) конфликтных ситуаций среди участников дорожного движения – владельцев «транспортных средств», а также пешеходов. В силу несовершенства порядка дорожного движения, уличные перекрестки практически не регулировались. Политики, государственные служащие и иные чины того времени, для обеспечения своего беспрепятственного проезда по улице, высылали вперед так называемых «сорокоходов», которые освобождали проезд по улице и облегчали (ускоряли) прибытие «высокого лица» к месту назначения.

Вдоль основных (главных) имперских дорог римляне устанавливали так называемые «мильные вехи» - то есть столбы, имевшие цилиндрическую форму с высеченным на них указателем (сведениями) о расстоянии от Рима (точнее Римского форума). В непосредственной близости от храма «Сатурна», располагавшегося в центре города Рима, находился начальный и главный «Мильный столб» - «Золотой мильный столб», от которого начинали отсчет все дороги, ведущие во все концы «необъятной» на тот момент времени Римской империи. И на сегодняшний день одним из старейших Древнеримских памятников выступает описанная выше дорожная сеть, связывавшая ранее между собой провинции Древнеримской империи. И даже если не все дороги «ведут в Рим», то все они обязаны своим происхождением этому «Вечному городу», а в особенности «Аппиевой» дороге – той самой «царице дорог»¹.

В продолжение истории возникновения древнеримской дорожной сети следует отметить, что в процессе развития и становления самой Римской империи, возрастания ее могущества, военной мощи, экономической и политико-правовой системы, поэтапно возводились и совершенствовались и важнейшие имперские дороги. Первые, по-настоящему прочные и благоустроенные дороги, строились на основных улицах крупных городов или связывали такие города между собой. Их покрытие устраивали из ровно и гладко обтесанного камня, под которым укладывались еще три слоя: каменная (кирпичная) крошка, дробленые камни, а самый нижний слой состоял из крупного камня-булыжника. Сама дорога возвышалась над землей на высоте до 40 сантиметров и имела покату форму, что позволяло отводить дождевые стоки и предупреждать появление луж.

Необходимость прочных дорог обуславливалась и в военных целях – войска Древнего Рима постоянно перемещались, пополнялись и меняли места дислокации, для большей маневренности чего необходимы были широкие (порядка 12 метров), непрерывные и прямолинейные дороги, доступные при любой погоде и служившие многие столетия. До сих пор сохранено и существует покрытие некоторых улиц

и площадей старейших городов Италии (Венеция, Верона), выполненное сотни лет назад по вышеописанному методу из того же ровно и гладко обтесанного камня, отполированного за многие годы существования до блеска дождями, ветрами, ногами местных жителей и многочисленных путешественников.

Огромная дорожная сеть требовала и наличия соответствующей инфраструктуры: появлялись постоянные дворы, кузнецы и кузницы, подворья с конюшнями – всё это строилось по мере создания, развития и совершенствования дорожной сети.

Именно поэтому дороги с древних времен по настоящее время имеют стратегически важное значение.

Наряду с этим, в силу развития научно-технического прогресса, усовершенствования дорог, транспортных средств, развития общества и права, правила дорожного движения также систематически совершенствовались и преобразовывались.

В России первые Правила дорожного движения в виде дорожных знаков стали появляться в начале XX века. В первом выпуске журнала «Автомобилист» в 1911 году отражена следующая информация: «Первый Русский Автомобильный Клуб в Москве с осени настоящего года приступает к расстановке предупредительных автомобильных знаков по шоссе-ным дорогам Московской губернии. ...Рисунки предупредительных знаков международные, принятые всюду в Западной Европе». С 01 января 1961 года в России начали действовать единые Правила дорожного движения. Вместе с новыми Правилами были введены и новые дорожные знаки, при этом, дорожные знаки, определяющие разрешённое направление движения, были выделены в так называемую группу «Предписывающих Дорожных Знаков» и получили синий фон с символами белого цвета в виде стрел конусообразной формы. Такие дорожные знаки было бы непривычно видеть современному водителю. А вот дорожные знаки, действующие с 1973 года, актуальны по сей день и близки современным автолюбителям. Так называемые «Предупреждающие» и «Запрещающие» дорожные знаки имеют знакомый нам белый фон и красную кайму, а, например, число «Указательных» дорожных знаков возросло с 10 до 26.

И сегодня в Российской Федерации законодатели с систематичной частотой, стараясь успевать «идти в ногу со временем», вносят коррективы в Правила дорожного движения, совершенствуя их в целях обеспечения безопасности участников дорожного движения.

Так, одним из последних коррективов Правил дорожного движения стало Постановление Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2018 года за номером 1414, изменившее часть Правил дорожного движения с 08 декабря 2018 года. В частности, с 08 декабря 2018 года водителям транспортных средств, колеса которых оборудованы шинами с шипами, разрешено не устанавливать знак «Шипы», отсутствие которого с 23.10.1993 года считалось нарушением, а с 04.04.2017 года за данное нарушение была введена административная ответственность. Данное изменение обусловлено тем, что, во-первых, данный знак не несет какого-либо дополнительного смысла и его наличие-отсутствие никак не отразится на других участниках дорожного движения, а во-вторых данный знак ограничивает обзор водителя через стекло транспортного средства, при том, что некоторые водители не снимали данный знак и в летнее время года, что не было запрещено Правилами. Кроме того, введенными изменениями законодателем

1 Павел Перязев. «Жизнь по правилам и без» или История Правил Дорожного Движения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pandia.ru/text/78/182/74810.php.

устранено на наш взгляд несправедливое разграничение прав между инвалидами различных групп инвалидности: если ранее установленный спереди и сзади транспортного средства знак «Инвалид» обозначал принадлежность водителя к инвалидам 1 и 2 групп, то теперь (с 08.12.2018 года) данный знак означает принадлежность водителя и к 3 группе инвалидности, которые соответственно также смогут пользоваться некоторыми «льготами», ранее относившимся к водителям-инвалидам только 1 и 2 категорий на дорогах Российской Федерации. Причем с указанной даты – 08 декабря 2018 года знак «Инвалид» разрешается устанавливать либо спереди, либо сзади транспортного средства. Одновременно с этим, устранен еще один «недостаток» Правил, касающийся людей-инвалидов: если ранее в перечень лиц, относящихся к понятию «Пешеход» входили «лица, передвигающиеся в инвалидных колясках без двигателя», то с введенными изменениями факт наличия или отсутствия на инвалидной коляске двигателя значения не имеет. Еще одно введенное в Правила дорожного движения изменение – это право водителя, приобретшего полис обязательного страхования автогражданской ответственности (ОСАГО) через сеть Интернет, в случае требования его передачи для проверки сотруднику полиции, передать его в виде распечатанной на бумажном носителе «информации о заключении договора обязательного страхования», вместо передачи оригинала Полиса на бланке страховой компании, как это требовалось ранее.

О важности безусловного соблюдения Правил дорожного движения знают все. Этому учат с детства. И, наверняка, каждый в своей жизни был участником или свидетелем дорожно-транспортных происшествий, так как ежедневно на дорогах всего мира происходят сотни тысяч автокатастроф. И это не просто дорожно-транспортные происшествия с поврежденными транспортными средствами, а зачастую и события, повлекшие порчу перевозимых грузов, или самого страшного - увечья одного или нескольких человек. А ведь каждой аварии с указанными последствиями можно было бы избежать при условии точного соблюдения Правил дорожного движения, сохранить жизни и здоровье тысяч людей. Правила дорожного движения крайне важны и должны соблюдаться всеми без исключения – ведь это основа безопасности каждого!

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СПС «Консультант плюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2018, с изм. от 18.01.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.01.2019) // СПС «Консультант плюс».
3. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 04.12.2018) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») // СПС «Консультант плюс».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.11.2018 года № 1414 «О внесении изменений в постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090» // СПС «Консультант плюс».
5. Павел Перязев. «Жизнь по правилам и без» или История Правил Дорожного Движения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pandia.ru/text/78/182/74810.php.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Н.Г. Доронина, Н.М. Казанцев,
Н.Г. Семилютина

**Правовое регулирование
экономических отношений:
глобальное, национальное,
региональное**

Издательство
НОРМА

БОРЗИЛО Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, профессор Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ

РОССИЙСКОЕ АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: СИМБИОЗ И КОЛЛИЗИЯ

В статье автор рассматривает вопросы соотношения норм антимонопольного законодательства и законодательства об интеллектуальной собственности. Автор выделяет 2 основных направления, где возможны коллизии: антимонопольные иммунитеты и вопрос недобросовестной конкуренции. В контексте недавней судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации автор рассматривает статус антимонопольных иммунитетов, ограничительных норм, допустимых в рамках соглашений о передаче исключительных прав, но недопустимых во всех иных типах соглашений в рамках антимонопольного законодательства. Автор приходит к выводу о том, что антимонопольное законодательство и законодательство об интеллектуальной собственности всегда сосуществовали на основе принципа разумности. Это, однако, не исключает необходимость устранения законодательных пробелов, не позволяющих участникам рынка заранее спрогнозировать риски утраты правовой защиты в случае трактовки их действий как акта недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, интеллектуальная собственность, ограничение конкуренции, антимонопольные иммунитеты, недобросовестная конкуренция.

BORZILO Evgeniya Yurjevna

Ph.D. in Law, professor of Proprietary rights sub-faculty of the S. S. Alekseev Research Centre of Private Law under the President of the Russian Federation

RUSSIAN ANTITRUST LAW ON INTELLECTUAL PROPERTY: SYMBIOSIS AND CONFLICT

The article covers correlation of antitrust and intellectual property law. Author focuses on two main areas of correlation: antitrust immunities and unfair competition. Considering recent practice of the Russian State Constitutional Court author analyses status of antitrust immunities, exclusivity rules available for agreements involving intellectual property and forbidden for other types of the agreements due to antitrust limitations. Author believes that intellectual property and antitrust rules have always coexisted according to the principles of reasonableness. This however does not exclude necessity to fill in the legal gaps that does not allow business to predict legal risks of loss of the rights in case their actions are considered as unfair competition.

Keywords: antitrust, intellectual property, restraint of competition, antitrust immunities, unfair competition.

Борзило Е. Ю.

Антимонопольное законодательство относится к тем специфическим отраслям, которые могут затронуть деятельность любого хозяйствующего субъекта: помимо требований гражданского права, отраслевых законодательных требований, требований налогового законодательства, хозяйствующий субъект всегда должен оценивать антимонопольные риски. Антимонопольные запреты зачастую создают исключения из правил допустимого поведения: так, например, для хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, не действуют нормы гражданского законодательства о свободе договора. Вопрос о том, как соотносятся нормы одной отрасли законодательства, будь то разрешительные или запретительные, с нормами другой отрасли для антимонопольного правоприменения имеет ключевое значение – неправильное понимание может привести к существенным финансовым потерям и необходимости перестраивать бизнес-модель.

В последние несколько лет наиболее остро стоит вопрос о соотношении норм законодательства об интеллектуальной собственности и антимонопольного законодательства. Собственно, сфер пересечения, где возможны коллизии в данном случае всего 2 – это изъятия из запретов монополистической деятельности для случаев реализации права интеллектуальной собственности (при злоупотреблении доминирующим

положением, антиконкурентных коллективных практиках) и недобросовестная конкуренция, связанная с использованием результатов интеллектуальной деятельности (в российском антимонопольном законодательстве на этот счет сформулировано несколько запретов). Однако, несмотря на то, что сферы пересечения 2, дискуссий по вопросам соотношения антимонопольных ограничений и норм законодательства об интеллектуальной собственности немало.

Любое антимонопольное законодательство изначально создавалось как законодательство равных возможностей: появившись в результате противодействия крупному бизнесу, развивавшееся вопреки лоббизму этого крупного бизнеса, оно устанавливает пределы допустимого поведения в ходе осуществления предпринимательской деятельности для тех хозяйствующих субъектов, которые могут в результате договоренности или самостоятельно управлять рынком, извлекая дополнительные преимущества. Любой антимонопольный закон любой юрисдикции – это всегда ограничение, будь то ограничение свободы договора или ограничение права собственности, т.е. ограничение фундаментальных прав, защита которых является основой гражданско-правового регулирования. В российском антимонопольном регулировании, особенно, если речь идет о хозяйствующих субъектах, занимающих доминирующее положение, ограничение де-факто

осуществляется не в силу федерального закона, а в результате применения антимонопольным органом собственного подзаконного акта.

В свою очередь, охрана интеллектуальных прав, возможность свободно их реализовывать, как неоднократно отмечалось в юридической литературе – гарантия развития и инноваций, ограничение их антимонопольными механизмами может дать непредсказуемый результат.¹ В этой связи принципиально важен баланс – антимонопольные ограничения должны с одной стороны не нарушать баланс интересов на рынке, с другой – не ущемлять права хозяйствующих субъектов, чье развитие фактически обуславливает развитие экономики.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» (далее – Постановление № 8-П) дало новый толчок дискуссии об антимонопольных иммунитетах, как и о соотношении права интеллектуальной собственности и антимонопольных запретов. Напомню, что Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что установленные в ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) требования не могут интерпретироваться и применяться как полностью выводящие коллизию интересов правообладателей товарных знаков и иных участников правоотношений по поводу товаров, на которых размещены соответствующие товарные знаки, и связанную с этим возможность оценки поведения сторон как недобросовестного из-под действия механизмов обеспечения баланса конституционно значимых ценностей. Иное означало бы злоупотребление исключительным правом на товарный знак, выходящее за разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, которое не должно поощряться, поскольку осуществление субъективных прав в противоречии с их назначением или с публичными целями, охраняемыми гражданским правом, влечет отказ в правовой защите.

Это постановление привело к оживлению дискуссии по вопросам принудительного лицензирования в рамках соблюдения антимонопольных правил, социальной справедливости, разумности антимонопольных ограничений применительно к интеллектуальным правам – всем тем вопросам, которые возникают каждый раз, когда антимонопольный орган предлагает внести изменения в законодательство о конкуренции и прямо ограничить антимонопольные иммунитеты, предусмотренные Законом о защите конкуренции. Позиции ФАС России и значительной части юридического сообщества разделились диаметрально: в то время как антимонопольный орган рассматривает Постановление № 8-П как еще одно подтверждение необходимости изменить Закон о защите конкуренции (а ФАС пытается отметить антимонопольные иммунитеты последние несколько лет), юристы считают его просто еще одним подтверждением другой необходимости – придерживаться принципа разумности.² Развернувшаяся дискуссия еще раз подтвердила, что антимонопольные за-

преты и ограничения для сферы реализации гражданских прав – не только спорная, но и многогранная и очень болезненная тема для всех заинтересованных сторон.

Нельзя не отметить, что само существование антимонопольных ограничительных механизмов в контексте защиты от злоупотребления интеллектуальными правами неоднократно подвергалось достаточно справедливой критике³: Гражданский кодекс РФ действительно содержит самостоятельные гражданско-правовые механизмы ограничений, направленные на защиту прав участников рынка, на защиту публичных интересов, например, не основанные на антимонопольных правилах механизмы принудительного лицензирования. Поэтому использование антимонопольных механизмов должно быть выборочным и обоснованным, а само антимонопольное законодательство, как и антимонопольное правоприменение должно применяться с учетом особенностей других отраслей законодательства. С точки зрения Закона о защите конкуренции – действительная конечная цель антимонопольного правоприменения – это защита конкуренции в целом, несмотря на то, что на практике конкурент как участник рынка тоже такую защиту получает. В качестве одного из ярких примеров можно привести дело, возбужденное по жалобе компании Yandex против компании Google, где вопрос о защите интеллектуальных прав стоял достаточно остро.⁴ Несмотря на различные оценки результатов этого дела в юридической прессе,⁵ бесспорным является как раз тот факт, что антимонопольные механизмы защиты были применены в интересах не рынка в целом, а конкретной компании. Можно, конечно, казуистично утверждать, что защита интересов одного – это защита интересов всех, однако реалии сегодняшнего правоприменения таковы, что антимонопольную защиту получают лица, чьи интересы в сфере предпринимательской деятельности, а точнее – максимизации прибыли – страдают по причине превосходства другой стороны. «Водораздел», как представляется, в данном случае достаточно прост: в идеальном мире вмешательство антимонопольных органов необходимо только в том случае, если речь идет о защите конкуренции в целом, а не предпринимательских интересов конкретных лиц. Для последнего есть суд и правила Гражданского кодекса РФ.

Однако мы живем не в идеальном мире. Сегодня, несмотря на противоположные цели данных отраслей законодательства, в реальном правоприменении и в самых сегодня обсуждаемых случаях коллизий между ними нет. Рассмотрим ситуацию более детально.

собственности: в поисках разумного баланса (комментарий эксперта) // Закон. - 2018. - № 2 // СПС Консультант+.

3 Ворожеевич А. С. Антитраст vs Патентные права: почему вмешательство антимонопольной службы повредит инновациям? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 1 // СПС Консультант+.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/ad-54066-15>.

5 См. Ворожеевич А. С. Антитраст vs Патентные права: почему вмешательство антимонопольной службы повредит инновациям? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 1 // СПС Консультант+ и Доценко А. В., Иванов А. Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. - 2016. - № 2. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_Google_%D0%B2_%D0%A4%D0%90%D0%A1 с противоположной точкой зрения.

1 Радецкая М.В. Охрана исключительных прав и пресечение недобросовестной конкуренции: поиск баланса // Закон. - 2017. - № 12 // СПС Консультант+.

2 Пузыревский С., Гаджиев Г., Калятин В., Иванов А., Семенов А., Хабаров Д., Суворов К., Войничанис Е., Ворожеевич А., Макдональд Б., Пружанский В. Антитраст в сфере интеллектуальной

Начнем с самого актуального – ст. 10 и 11 Закона о защите конкуренции, которые изымают из сферы действия антимонопольных ограничений действия, связанные с реализацией прав интеллектуальной собственности. Именно эти изъятия в юридической среде сегодня именуются антимонопольными иммунитетами.⁶ В силу ч. 4 ст. 10 Закона о защите конкуренции требования настоящей статьи не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. Требования статьи 11 названного закона не распространяются на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. А статья 12 Закона о защите конкуренции относит к допустимым соглашениям, являющиеся соглашениями о коммерческой концессии.

Несмотря на кажущийся императивный характер представленных изъятий, они никогда не были безусловными. По сути, ни одно из изъятий не может быть абсолютным постольку поскольку существует ст. 10 Гражданского кодекса РФ и запрет злоупотребления правом. Достаточно громкие дела, рассмотренные арбитражными судами в последние годы⁷, позволяют прийти к заключению о том, что суды достаточно четко разграничивают реализацию интеллектуальных прав и превышение пределов реализации таких прав. Не обсуждая справедливость отдельных уже принятых судебных актов можно тем не менее, сделать общий вывод – суды уже руководствуются принципом соразмерности и разумности, который упомянут в постановлении № 8-П. Кроме того, дискуссия вокруг антимонопольных иммунитетов, которым в данном постановлении посвящена лишь реплика, игнорирует достаточно очевидный факт: предложенная Конституционным Судом Российской Федерации логика совсем не нова – ей больше 10 лет. Еще в 2008 году в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» было указано: оценивая действия (бездействие) как злоупотребление доминирующим положением, следует учитывать положения статьи 10 ГК РФ, части 2 статьи 10, части 1 статьи 13 Закона о защите конкуренции, и, в частности, определять, были совершены данные действия в допустимых пределах осуществления гражданских прав либо ими налагаются на контрагентов неразумные ограничения или ставятся необоснованные условия реализации контрагентами своих прав. Поэтому оценка тезисов, содержащихся в постановлении № 8-П как революционных или что-либо существенно меняющих в толковании права, представляется чрезмерной. И закон, и судебная практика уже решили вопрос о соотношении антимонопольных иммунитетов и антимонопольных ограничений в пользу последних.

Немного иная ситуация существует в отношении соглашений между хозяйствующими субъектами, изъятия для которых предоставлены ст. 11 и 12 Закона о защите конкуренции. В отличие от изъятий, установленных для действий

хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, изъятия для соглашений между хозяйствующими субъектами всегда существовали лишь в ограниченном формате.

Ни для кого не секрет, что наибольший интерес у организаций, которые используют договор франчайзинга, вызывают ограничительные условия, предусмотренные ст. 1033 Гражданского Кодекса РФ. Эта норма позволяет использовать оговорки о субъектной и территориальной эксклюзивности, о неконкуренции, о цене перепродажи, т.е. все те условия, которые, используя их участники в рамках дилерского договора, с наибольшей степенью вероятности привлекли бы внимание антимонопольных органов, послужили бы основанием для расследования и привлечения к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства по основанию антиконкурентного вертикального соглашения или антиконкурентной координации. А в рамках коммерческой концессии это на первый взгляд допустимые условия. Однако только на первый взгляд. Статья 1033 Гражданского кодекса РФ в любом случае не разрешает ограничивать выбор пользователем покупателей по территориальному признаку и самое главное: устанавливает право антимонопольного органа или заинтересованного лица оспорить в суде эти ограничительные условия в случае, если они не соответствуют антимонопольному законодательству. Норма правда содержит оговорку о том, что судом должно учитываться экономическое положение сторон и состояние экономики в целом, однако, принимая во внимание состояние российской экономики сегодня и неутешительное финансовое состояние большинства хозяйствующих субъектов во всех сферах экономики – эта оговорка никак не влияет на результат. Таким образом, нормы гражданского законодательства в значительной степени ограничивают антимонопольный иммунитет для соглашений хозяйствующих субъектов, и говорить о наличии коллизии между гражданским правом и антимонопольным регулированием в данном случае не совсем верно.

Итак, в сфере антимонопольных иммунитетов ситуация сложилась достаточно интересная: в теории и в дискуссиях юристов отмечаются коллизии между антимонопольным законодательством и законодательством об интеллектуальной собственности, однако в правоприменительной практике, как представляется, применяется в полной мере принцип разумности и соразмерности, а сами антимонопольные иммунитеты никогда не существовали как абсолют.

Какова же ситуация в другой сфере – сфере недобросовестной конкуренции? Вот здесь, по моему мнению, существуют несостыковки, причем достаточно существенные, причем лежат они в основном плоскости процедурных норм. Наиболее остро стоит вопрос в отношении норм, направленных на защиту прав на товарный знак, и норм, направленных на пресечение актов недобросовестной конкуренции.

Итак, статья 1252 Гражданского кодекса РФ допускает в случаях, когда нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации признано в установленном порядке недобросовестной конкуренцией, защищать его как способами, предусмотренными настоящим кодексом, так и в соответствии с антимонопольным законодательством. При этом в силу ст. 1512 Гражданского кодекса РФ предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным полностью или частично в течение всего срока действия правовой охраны, если действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pgplaw.ru/news/article/antitrust-immunities-old-initiative-with-a-new-digital-study>.

7 См. дела № А40-42997/2014, № А40-18248/2017.

охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией.

Напомним, что вопрос о наличии или отсутствии в действиях лица признаков недобросовестной конкуренции отнесен на усмотрение антимонопольного органа: решение о признании действий актом недобросовестной конкуренции принимает специально созданная комиссия по итогам формализованного состязательного процесса. Несмотря на потенциальную возможность установления факта недобросовестной конкуренции в судебном порядке, на практике такие случаи крайне редки.

При этом необходимо отметить, что вопрос о наличии или отсутствии акта недобросовестной конкуренции со стороны потенциального правообладателя не рассматривается при регистрации товарного знака и предоставлении ему правовой охраны.

Таким образом, хозяйствующий субъект, который, как он полагал, добросовестно зарегистрировал товарный знак, по решению антимонопольного органа, не принимавшего участия в процессе регистрации знака, может быть признан совершившим тем самым акт недобросовестной конкуренции. Охрана товарного знака может быть прекращена по основаниям, которые сам хозяйствующий субъект не мог самостоятельно оценить или предвидеть на момент возникновения права на объект. Следствием такого законодательного подхода является правовая неопределенность для участников гражданского оборота. На практике для хозяйствующего субъекта это означает невозможность четко оценить собственные риски и грядущие издержки: в одном из самых известных случаев, связанных с последствиями признания регистрации товарного знака актом недобросовестной конкуренции, хозяйствующий субъект не только был вынужден заплатить штраф и потерял право на товарный знак, но еще по итогам длительного судебного процесса был обязан возместить конкурентам убытки, причем весьма существенную сумму.⁸

Данный пробел, как представляется, следует урегулировать на законодательном уровне. Необходимо либо скорректировать процедуру регистрации прав на товарный знак, включив в нее антимонопольную экспертизу как обязательный этап, либо, оставив риск на усмотрение самого будущего правообладателя, предусмотреть процедуру получения заключения антимонопольного органа об отсутствии акта недобросовестной конкуренции в действиях по регистрации товарного знака. Тем самым значительно нивелировать правовую неопределенность.

Пристатейный библиографический список

1. Ворожечин А. С. Антитраст vs Патентные права: почему вмешательство антимонопольной службы повредит инновациям? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 1. // СПС Консультант+.

2. Доценко А. В., Иванов А. Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. - 2016. - № 2. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_Google_%D0%B2_%D0%A4%D0%90%D0%A1.
3. Пузыревский С., Гаджиев Г., Калятин В., Иванов А., Семенов А., Хабаров Д., Суворов К., Войниканис Е., Ворожечин А., Макдональд Б., Пружанский В. Антитраст в сфере интеллектуальной собственности: в поисках разумного баланса (комментарий эксперта) // Закон. - 2018. - № 2 // СПС Консультант+.
4. Радецкая М.В. Охрана исключительных прав и пресечение недобросовестной конкуренции: поиск баланса // Закон. - 2017. - № 12 // СПС Консультант+.

⁸ См. Определение Верховного Суда РФ от 24.12.2015 № 307-ЭС14-3127 по делу № А56-23056/2013.

АБДУЛМУТАЛИБОВ Али Омарович

магистрант второго года обучения кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета

МАЗАНАЕВ Мурад Шабанович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного университета

ПРЕДМЕТ АГЕНТСКОГО ДОГОВОРА

В статье рассматривается общая правовая характеристика агентского договора. Рассматривается вопрос о предмете агентского договора.

Ключевые слова: агентский договор, агент, гражданское право.

ABDULMUTALIBOV Ali Omarovich

magister student of the 2nd year of study of Civil law sub-faculty of the Dagestan State University

MAZANAIEV Murad Shabanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Dagestan State University

THE SUBJECT OF THE AGENCY CONTRACT

The article deals with the general legal characteristics of the agency agreement. The subject of the agency agreement is under consideration.

Keywords: agency agreement, agent, civil law.

Гражданское законодательство Российской Федерации предусматривает договорные конструкции, в которых важное место отводится агентскому договору.

Как институт гражданского права, можно охарактеризовать его как удобный инструмент для создания правовой связи участников гражданского оборота, позволяющий принципалу вступать в правоотношения с контрагентами через агента от имени как принципала, так и агента. Следовательно, он имеет достаточный потенциал для широкого применения.

Частое применение посреднических договоров обусловлено расширением границ экономического оборота, поиском рынков сбыта товаров, необходимостью увеличения прибыли и отстаивания своих прав. Однако на сегодняшний день остается нерешенной проблема правового регулирования отношений, возникающих из агентского договора, и определения точной роли агента, поскольку цивилисты не могут прийти к единому мнению. Так, одни утверждают, что такая правовая конструкция, как агентский договор, является излишней, а отношения, которые складываются между его субъектами, могут реализовываться применением договоров комиссии и поручения. Другие убеждены, что стремительное развитие предпринимательства и «теснота» в таких условиях договоров поручения и комиссии совершенно справедливо привели к выделению договора агентирования. При этом под термином «договор» следует понимать юридический факт, с которым связывается возникновение правовых связей между его участниками, на которые распространяется действие соответствующих положений законодательства¹.

Агентский договор получил своё широкое распространение в странах англо-американской системы права благодаря тому, что «нормы прецедентного права учитывают объек-

тивные реалии рынка, а не исходящие от публичной власти нормы»². Цель агентского договора заключается в оформлении отношений, в которых представитель совершает не только сделки в чужих интересах, но и другие юридические действия либо от своего имени, либо от имени принципала. В случае невыполнения обязательств агентом у третьей стороны существует право предъявлять иск либо к агенту, с которым был заключён договор, либо к принципалу, о котором ему стало известно. При этом институт агентирования охватывает своим регулированием договоры поручения и комиссии, которые выступают его специальными видами. В этом заключается одна из особенностей англо-американской концепции агентских соглашений.

Агентский договор проник в континентальную систему права и в настоящее время активно используется для оформления отношений представительства в международном коммерческом обороте, хотя более традиционным для данной системы права является использование в посреднических отношениях договоров комиссии и поручения. Так, например, Гражданский кодекс Украины на сегодняшний день не легализовал агентский договор как самостоятельную правовую конструкцию. Однако украинский законодатель, исходя из того, что агентские договоры достаточно широко применялись на практике и регулировались при этом нормами гражданского законодательства о договорах поручения и комиссии, все же включил институт агентирования в Хозяйственный кодекс Украины в 2004 г. Так, согласно ст. 295 ХК Украины «коммерческое посредничество (агентская деятельность) является предпринимательской деятельностью, которая заключается в предоставлении коммерческим агентом услуг субъектам хозяйствования при осуществлении ими

1 Власова Н. В. Агентский договор в российском законодательстве и международной коммерческой практике // Трибуна молодого учёного. - 2013. - № 3. - С. 100-109.

2 Алмаева Ю. О., Токарева К. Г. Агентский договор как самостоятельный вид посреднического соглашения // Гуманитарные научные исследования. - 2014. - № 10. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/10/7964> (дата обращения: 29.05.2017).

хозяйственной деятельности путем посредничества от имени, в интересах, под контролем и за счет субъекта, которого он представляет»³. Следовательно, сторонами агентского соглашения могут выступать только субъекты предпринимательской деятельности. Таким образом, всё коммерческое посредничество в сфере хозяйствования отождествляется с агентскими отношениями в ГК и на практике существует проблема разграничения положений, регулирующих данную правовую конструкцию.

На уровне Гражданского кодекса Российской Федерации агентский договор был закреплен в 1996 г., после чего он стал объектом внимания многих цивилистов, однако до сих пор решены не все вопросы, связанные с его теоретическим осмыслением, правовой регламентацией и применением. Кроме того, агентирование в России развивается, появляются новые его виды, новые способы взаимодействия между субъектами, как, например, аутсорсинг.

В научных исследованиях можно обнаружить серьезные противоречия и спорные выводы относительно момента появления договора агентирования в отечественном праве и предпосылок его закрепления на уровне Гражданского кодекса, а история развития правового регулирования агентских отношений в России до принятия и введения в действие части второй ГК 1996 г. почти не изучена. Мнения ученых относительно понимания сущности агентского договора и определения его места в системе договоров серьезно разнятся, не даны однозначные ответы на многие вопросы, в том числе: можно ли считать, что агентские отношения основаны на доверии, имеет ли этот договор самостоятельный характер и т. д., слабо исследована проблема содержания и ответственности сторон этого договора⁴.

Глава 52 ГК РФ посвящена агентированию и содержит норму, которая отсылает к главам 49 («Поручение») и 51 («Комиссия»), применяемым к отношениям, вытекающим из агентского договора, в зависимости от выступления агента от имени принципала или от собственного имени. При этом вышеуказанные правила этих глав не должны противоречить положениям гл. 52 ГК РФ или существу агентского договора (ст. 1011 ГК РФ)⁵.

Согласно ст. 1005 ГК РФ по агентскому договору одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала. В юридической литературе выделяют исключительный признак договора агентирования, подтверждающий его особенность – предмет. Он состоит в возможности совершения агентом не только юридических, но и фактических действий. Так, по мнению А. В. Егорова, «употребленная в п. 1 ст. 1005 ГК РФ конструкция «юридические и иные действия» свидетельствует о желании законодателя указать на связь этих юридических и фактических действий между собой»⁶.

Е. А. Суханов также отмечает, что законодатель РФ с помощью агентского договора упрощает ситуацию, в которой существовала необходимость заключения нескольких различных, но взаимосвязанных договоров между одними и теми же субъектами, либо сложного смешанного договора, к которому все равно будут применяться правила о договорах, элементы которых он содержит⁷.

Поддерживая такую точку зрения, а также учитывая всё вышеизложенное, следует отметить, что в Российской Федерации агентский договор обоснованно выделен как самостоятельный институт гражданского права в связи с необходимостью регулирования многообразия отношений, которые возникают в условиях современной экономической деятельности. При этом несомненными плюсами агентского договора является то, что он – более длительный по времени своего действия и гораздо шире по содержанию, нежели договоры поручения и комиссии, поскольку действия агента выходят за рамки обоих договоров.

Отвечая на главный вопрос исследования, нужна ли данная договорная конструкция российскому законодательству, полагаем, что договор агентирования играет важную роль в посреднических отношениях, имеет ряд плюсов, поскольку его можно заключить, когда нет возможности обойтись договором поручения или комиссии.

В ряде случаев агентский договор является оптимальным для сторон, однако законодателю необходимо урегулировать спорные положения, возникающие на практике.

Пристатейный библиографический список

1. Алмаева Ю. О., Токарева К. Г. Агентский договор как самостоятельный вид посреднического соглашения // Гуманитарные научные исследования. - 2014. - № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/10/7964> (дата обращения: 29.05.2017).
2. Бахриева З. Р. Понятие обязательства и обязательственного правоотношения в науке и гражданском законодательстве Российской Федерации и Украины // Юридическая наука. - 2013. - № 4. - С. 101-105.
3. Власова Н. В. Агентский договор в российском законодательстве и международной коммерческой практике // Трибуна молодого учёного. - 2013. - № 3. - С. 100-109.
4. Григорьева А. Г. История развития законодательства об агентском договоре в системе посреднических сделок // Теория и практика общественного развития. - 2015. - № 7. - С. 88-91.
5. Гришаев С. П. Гражданское право: Учебник. - М.: Юрист, 1998. - 484 с.
6. Егоров А. В. Сделки как предмет договора комиссии // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 2001. - № 10. - С. 75-89.
7. Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т.: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное / Под ред. Е. А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер. - Том 4: Обязательственное право. - 2008. - 720 с.

3 Бахриева З. Р. Понятие обязательства и обязательственного правоотношения в науке и гражданском законодательстве Российской Федерации и Украины // Юридическая наука. - 2013. - № 4. - С. 101-105.

4 Гришаев С. П. Гражданское право: Учебник. - М.: Юрист, 1998. - 484 с.

5 Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т.: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное / Под ред. Е. А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер. - Том 4: Обязательственное право. - 2008. - 720 с.

6 Егоров А. В. Сделки как предмет договора комиссии // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 2001. - № 10. - С. 75-89.

7 Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т.: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное / Под ред. Е. А. Суханова. - М.: Волтерс Клувер. - Том 4: Обязательственное право. - 2008. - 720 с.

ДАВЛЕТШИН Айрат Рамилевич

ассистент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА МЕДИЦИНСКОЙ ТАЙНЫ

В данной статье анализируется правовой режим тайны в целом и медицинской тайны в частности. На основании конституирующих признаков медицинской тайны выведено её определение. Автор устанавливает, что медицинская тайна, в силу специфики врачебной деятельности, является одной из основных категорий, к которым обращается медицинский работник во взаимоотношениях с больным и его родственниками, что накладывает на него обязательства о неразглашении информации в силу режима конфиденциальности. Рассмотрена эволюция закрепления данного термина в России и за рубежом, проведен ретроспективный анализ трудов дореволюционных правоведов, а также изучены нормативно-правовые акты действующего и советского законодательства. Дана оценка международно-правовым стандартам в этой области. В ходе исследований автором сделан вывод о том, что состояние конфиденциальной информации и является объектом гражданских правоотношений, который обозначен термином «медицинская тайна».

Ключевые слова: медицинская тайна, правовой режим медицинской тайны, режим конфиденциальности, врачебная деятельность, разглашение информации, объект гражданских прав.

DAVLETSHIN Ayrat Ramilevich

assistant of Civil law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

CONCEPT OF LEGAL REGIME OF MEDICAL SECRECY

The article is devoted to the identification of problems related to the definition of the legal regime of medical secrecy. This article analyzes the legal regime of secrets in general and medical secrets in particular. On the basis of the constituent signs of medical secrecy, its definition is derived. The author establishes that the medical secret, by virtue of the specificity of medical activity, is one of the main categories addressed by the medical worker in the relationship with the patient and his relatives, which imposes obligations on him on the non-disclosure of information due to the regime of confidentiality. The evolution of the fixing of this term in Russia and abroad is considered, a retrospective analysis of the works of pre-revolutionary jurists is conducted, as well as regulatory and legal acts of the current and Soviet legislation regulating medical secrets. The assessment of international legal standards in this area is given. During the research, the author concluded that the state of confidential information is an object of civil legal relations, which is designated by the term "medical secrecy".

Keywords: medical secrecy, legal regime of medical secrecy, confidentiality regime, medical activity, disclosure of information, object of civil law.

В законодательных актах часто используется термин «тайна» и в нормативно-правовых актах имеется более пятидесяти видов¹. Однако необходимо отметить, что отношения в данной сфере еще не имеют эффективного правового регулирования. Мы согласны со следующим определением: «тайна – информация (сведения), известная или доверенная узкому кругу субъектов в силу исполнения ими служебных, профессиональных либо иных обязанностей, доступ к которой ограничен действующим федеральным законодательством, в связи с чем правообладатель информации имеет правовой интерес к охране ее конфиденциальности, и разглашение которой влечет за собой юридическую ответственность»².

Медицинская тайна, в силу специфики врачебной деятельности, является одной из основных понятий учения о принципах поведения медицинского работника во взаимоотношениях с больным и его родственниками – деонтологии.

Особенностью неимущественных прав является их нематериальный характер, а также отсутствие установленных законодателем пределов их реализации. Вместе с тем установлены границы вторжения в личную сферу других лиц. Следует отметить, что исследовать нужно не тайну как информацию, а различные правовые режимы тайн, потому что

одна и та же информация в различных ситуациях может относиться к разным видам тайн.

Для начала обозначим непосредственно признаки тайны:

1. Тайной являются сведения о субъектах, объектах, процессах, фактах вне зависимости от вида предоставления.

2. Факт того, что данная информация известна определенному узкому кругу лиц в связи с исполнением своих профессиональных, служебных обязанностей. Данный признак необходимо считать факультативным, так как не все виды тайн связаны с исполнением обязанностей, например, личная и семейная тайна.

3. Ограничения должны быть установлены федеральным законодательством. Правовые основы для этого заложены в ч.1 ст.23 Конституции РФ³ и в п.1 ст.9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴. На основании системного анализа законодательства установлено, неприкосновенность тайны не толкуется как абсолютная.

1 Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: Учеб. // Под ред. Топорнина Б. Н. СПб., 2005. С. 345.

2 Жигалов А. Ф. Коммерческая и банковская тайна в Российском уголовном законодательстве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2000. С. 13.

3 «Конституция Российской Федерации», принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ». 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

4 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Парламентская газета». № 126-127. 03.08.2006.

4. Право принимать определенные меры к охране конфиденциальности информации, коими могут выступать различные законные способы обеспечения сохранности тайны. При этом меры могут проявляться как в форме активных действий, так и в форме пассивного бездействия.

5. Юридическая ответственность неизбежна в случае разглашения тайных сведений и может наступать только у обязанных по закону либо договору лиц, то есть специальных субъектов.

Несмотря на это, на сегодняшний день ни в науке, ни в законодательстве не выработалось отчетливого, теоретически выверенного подхода к определению медицинской тайны.

Исторически медицинская тайна возникла еще в Древнем Риме, где медицину называли искусством молчания. С разработкой концепции естественного права в 17 веке, когда вместе с правами человека абсолютизируются права на конфиденциальность, врач не имеет права раскрывать никакой информации о пациенте без его согласия, то есть, иными словами, тайна становится частной собственностью.

В связи с тем, что в России долгое время в обиходе использовалась народная медицина, затем монастырская, этика профессиональных врачей складывалась на основе таких категорий, как сострадание, благотворительность, самопожертвование. Поэтому можно утверждать, что медицинская этика развивалась во взаимосвязи с культурой российского народа. Несмотря на сказанное, нельзя не отметить также влияние западноевропейской практики, уделявшей внимание вопросам врачебного долга, тайны, профессиональных ошибок.

В дореволюционный период в России не была сформирована законодательная база, которая могла бы регулировать общественные отношения по поводу медицинской тайны человека, отмечает известный российский юрист А. Ф. Кони⁵. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, имелась обязанность врача «сообщать о всяком случае повальной и прилипчивой болезни, обнаруженной насильной смерти, в том числе и о самоубийстве, преждевременных родах, предполагаемых выкидышах».

Необходимо отметить труды выдающихся ученых XIX века, работы которых были посвящены медицинской тайне: М. Я. Мудров, Г. А. Захарин, Н. И. Пирогов. Основные доводы, к которым они сводились, утверждали, что секреты пациента должны оставаться в тайне при любых обстоятельствах. Отдельно можно выделить труды профессора В. А. Манассеина, редактора газеты «Врач», который медицинскую тайну сравнивал с тайной исповеди. Вячеслав Авксентьевич считал, что первая должна быть так же абсолютной, без исключений. Только в этом случае можно надеяться, что больной не будет ничего скрывать от врача и будет говорить всю правду о себе.

После октябрьской революции 1917 года произошли кардинальные изменения во многих сферах, не исключение и медицина. Врачебная тайна была обозначена как пережиток буржуазной медицины. «Мы держим курс на полное уничтожение врачебной тайны. Врачебной тайны не должно быть. Это вытекает из нашего основного лозунга, что «болезнь – не позор, а несчастье», которого не следует стыдиться», – утверждал первый нарком здравоохранения Н.А. Семашко, которого в дальнейшем называли «архитектором» советской системы здравоохранения за обеспечение доступной квалифицированной медицинской помощи для населения СССР, опередившей в этом иностранные государства.

В Декрете ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников»⁶, далее в «Ос-

новах законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении»⁷ было указано, что в суде врача могли допросить в качестве свидетеля относительно информации, ставшей ему известной во время частной практики.

С принятием Женевской декларации (Международная клятва врачей) Всемирной Медицинской Ассоциацией⁸, советские доктора вернулись к принесению клятвы Гиппократова. Текст обещания неоднократно менялся, но основная идея и принципы сохранились с V в. до н.э. Современную клятву произносят при получении диплома о высшем медицинском образовании, текст которой ранее указывался в ст. 60 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан» (утратил силу с 1 января 2012 г.)⁹. Помимо прочего в клятве указывалось на обязательство «... хранить врачебную тайну».

Значение понятия «тайны» в медицине невероятно высоко, так как информация о текущем состоянии здоровья пациента содержит, в том числе, и сведения о будущем больного (перспективы выздоровления, возможности сохранения или восстановления трудоспособности, инвалидность). В связи с этим пациент обязан передать максимум информации лечащему врачу. Таким образом, к сведениям, которые составляют медицинскую тайну, следует относить не только факт обращения за медицинской помощью, информацию о диагнозе, наследственных болезнях, вредных привычках, другими словами медицинского характера, но и сведения немедицинского характера: относительно завещания, имущественных ценностей, хобби, личные взаимоотношения с близкими и т.п.

Важно отметить, что субъектом-правообладателем будет считаться не только пациент, но и лицо, не обращавшееся за медицинской помощью, если информация об этом будет донесена до третьих лиц, в частности, родственникам. То есть, информация об отсутствии факта обращения за медицинскими услугами также является медицинской тайной гражданина.

Если подходить с точки зрения набора обязанностей, то под медицинской тайной необходимо понимать профессиональное обязательство работника лечебного учреждения держать в строжайшей тайне все сведения, относящиеся к здоровью и личным аспектам жизнедеятельности пациента, при том условии, что эти сведения получены в процессе осуществления медицинского обслуживания данных пациентов.

Необходимо указать, что с принятием ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁰ произошла трансформация формулировки прав пациента с «сохранения в тайне» к «защите сведений, составляющих врачебную тайну»¹¹. С изменением формулировки меняется и содержание объема обязанностей лиц, так как в соответствии с ч. 1 ст. 16 Закона «Об информации» защита информации включает в себя принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на:

№ 88. Ст. 892.

7 Закон СССР от 19.12.1969 № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» // «Ведомости ВС СССР». 1969. № 52. Ст. 466.

8 Женевская декларация (Международная клятва врачей) // Принята 20й Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации, Женева, Швейцария, в сентябре 1948 года, дополнена 22ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Сидней, Австралия, в августе 1968 года и 35ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, в октябре 1983 года.

9 «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1) // «Ведомости СНД и ВС РФ». 19.08.1993. № 33. Ст. 1318. № 5487-1.

10 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

11 Иванов И. С. Врачебная тайна // СПС КонсультантПлюс. 2013.

5 Кони А. Ф. Избранные произведения. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1958. С. 443.

6 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.12.1924 «О профессиональной работе и правах медицинских работников» // «СУ РСФСР». 1924.

1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации;

2) соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа;

3) реализацию права на доступ к информации.

Необходимо обозначить, что смертью больного его медицинская тайна не перестает защищаться правовыми нормами и государством. Еще в XX веке был принят ряд международных соглашений, в том числе Третьей Генеральной ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации (Лондон, 1949 год) – «Международный кодекс медицинской этики», в который в 1968 и 1983 годах было внесено положение о том, что «врач должен хранить врачебную тайну даже после смерти своего пациента»¹².

В научной доктрине имеется дискуссия о возможности наследования медицинской тайны по закону или завещанию. Так, А.А. Мохов предлагал внести в законодательство следующее положение: «Право на получение информации о факте обращения, диагнозе, здоровье гражданина, право на их защиту, а также отказ от сохранения в тайне этих сведений после смерти переходит к его наследникам, если иное не указано в завещании»¹³. При этом он проводит аналогию с авторскими правами.

Имеются и противоположные точки зрения, согласно которым сравнение медицинской тайны с авторскими правами недопустимо ввиду различной природы данных категорий. Авторские права связаны с интеллектуальной деятельностью человека, а медицинская тайна непосредственно с самим субъектом и не может являться объектом передачи по наследству.

С другой стороны, следует обратить внимание на позицию, согласно которой тайна – это не информация, а особый правовой режим информации с ограниченным доступом¹⁴, которая устанавливается:

- ценностью скрываемых сведений, определяемых специфичностью их содержания и фактором их неизвестности третьим лицам;

- отсутствием открытого доступа к сведениям на законных к тому основаниях;

- наличием превентивных мер, принимаемых обладателем сведений по защите их от доступа третьих лиц.

Соответственно, под выражением «правовой режим медицинской тайны» можно понимать совокупность определенных требований законодателя, которыми на лечебное учреждение возлагается обязанность по обеспечению сохранности медицинской тайны, а также определяется порядок предоставления сведений уполномоченным на то органам без согласия самого пациента. Следовательно, разглашение медицинской тайны будет являться нарушением законодательства и/или договора об оказании медицинских услуг, за что медицинское учреждение будет отвечать перед пациентом на общих основаниях (ст. 393 ГК РФ).

У любого явления имеется содержание, которое зависит от непосредственного определения самого явления. Иными словами, медицинская тайна, как юридическая категория,

наполнена содержанием правовых норм, регулирующих общественные отношения в данной сфере¹⁵.

Аналогично регулирование медицинской тайны, как состояния информации о здоровье и личной жизни пациента, о чем известно узкому кругу лиц. Для пациента социальный интерес будет заключаться в закрытом характере сведений о его здоровье. Поэтому мы считаем, что медицинская тайна может быть квалифицирована в качестве нематериального блага. Таким образом, состояние закрытости информации, как ее правового режима, рассматривается пациентом как его личное неимущественное (нематериальное) благо, удовлетворяющее его потребности.

В доктрине неоднократно высказывались доводы о том, что объектом гражданских прав следует признавать правовой режим различных благ, а не сами эти блага, поскольку именно правовым режимом они отличаются друг от друга, что и имеет значение для гражданского права¹⁶.

Потому состояние конфиденциальной информации и есть объект гражданских правоотношений, который обозначен термином «медицинская тайна».

Пристатейный библиографический список

1. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: Учеб. // Под ред. Топорнина Б. Н. СПб., 2005.
2. Городов О. А. Информационное право: Учеб. М.: ТК Велби; Проспект, 2007.
3. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 1 // Отв. ред. Суханов Е. А. 2-е изд. М., 2004.
4. Жигалов А. Ф. Коммерческая и банковская тайна в Российском уголовном законодательстве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2000.
5. Иванов И. С. Врачебная тайна // СПС Консультант-Плюс. 2013.
6. Кони А. Ф. Избранные произведения. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958.
7. Мохов А. А. Правомочия наследников на получение, использование и защиту сведений, составляющих медицинскую тайну наследодателя // Медицинское право. 2007. № 1.
8. Arslanov K. M., Nizamieva O. N. Surrogacy: Legal and Moral Dimension of the Problem from the Perspective of Russian, Foreign and International Experience // Research Journal of Applied Sciences. 2015. 10 (12). P. 841-844.

12 Международный кодекс медицинской этики // Принят зей Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации, Женева, Швейцария в октябре 1949 г., дополнен 22ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Сидней, Австралия, в августе 1968 года и 35ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, в октябре 1983 года.

13 Мохов А. А. Правомочия наследников на получение, использование и защиту сведений, составляющих медицинскую тайну наследодателя // Медицинское право. 2007. № 1. С. 24.

14 Городов О. А. Информационное право: Учеб. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. С. 63-64.

15 Arslanov K. M., Nizamieva O. N. Surrogacy: Legal and Moral Dimension of the Problem from the Perspective of Russian, Foreign and International Experience // Research Journal of Applied Sciences. 2015. 10 (12). P. 841-844.

16 Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 1 // Отв. ред. Суханов Е. А. 2-е изд. М., 2004. С. 294.

МАСЛЯНЫЙ Алексей Анатольевич
нотариус

ВЗЫСКАНИЕ ЗАДОЛЖЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ НОТАРИУСА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Данная статья посвящена правовым и организационным проблемам взыскания задолженности на основании исполнительной надписи нотариуса. В статье рассмотрены актуальные вопросы правоприменительной практики исполнения такого рода документов. Отдельно автором рассмотрены планируемые изменения, связанные с развитием указанного института.

Ключевые слова: реформа, нотариат, задолженность, взыскание, исполнительная надпись, ФССП России.

MASLYANIY Aleksey Anatoljevich
notary

COLLECTING DEBT ON THE BASIS OF EXECUTIVE ORDER OF A NOTARY: PROBLEMS OF RIGHT APPLICATION

This article is devoted to legal and organizational problems of debt collection on the basis of the notary's executive order. The article deals with topical issues of law enforcement practice of execution of such documents. Separately, the author reviewed the planned changes associated with the development of this institution.

Keywords: reform, notariate, debt, recovery, executive inscription, FSSP of Russia.

Масляный А. А.

Вопросы быстрого и эффективного приведения в исполнение различного рода обязательств находятся в актуальной повестке юридического сообщества уже не один год. К сожалению, действующая конструкция правовой системы российского государства в этом вопросе далеко не безупречна. Исполнение судебных решений лежит главным образом на специализированном в данной сфере федеральном органе исполнительной власти – Федеральной службе судебных приставов. В тоже время практика деятельности данного органа говорит о пока еще низкой эффективности работы судебных приставов. В связи с этим очевиден запрос со стороны, как профессионального сообщества, так и простых граждан в создании механизмов, которые бы упростили бы процедуру взыскания задолженности, в том числе и с использованием современных информационных и коммуникационных технологий.

В этой связи высказываются разные предложения, такие как более широкое внедрение институтов частного взыскания (хотя недавний опыт деятельности коллекторов обнажил системные проблемы деятельности такого рода «институтов», особенно в условиях российской действительности), реформирование самой службы судебных приставов, разгрузка судебной системы, в том числе через процедуры внесудебного взыскания задолженности. Необходимо отметить, «возможность внесудебного взыскания по нотариально удостоверенным документам характерна для стран так называемого латинского нотариата. В странах англосаксонского типа, если должник не исполняет свои обязательства, кредитор, для получе-

ния исполнительного документа, вынужден во всех случаях обращаться исключительно в суд»¹.

Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² были внесены крайние важные поправки в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате³, которые расширили возможности кредиторов по взысканию задолженности во внесудебном порядке.

Теперь необходимо немного остановиться на том, а что следует понимать под «исполнительной надписью» и каким образом регулируется совершение исполнительной надписи. Как отмечается в специальной литературе «исполнительная надпись – это основанное на законе предложение нотариуса о взыскании с должника в пользу кредитора (взыскателя) суммы задолженности либо об истребовании имущества от должника, а также совершении иных установленных законом действий, имеющее силу исполнительного листа»⁴.

Особенности совершения исполнительной надписи об обращении взыскания на заложенное имущество ре-

1 См., подробнее: Загоруйко И. И. Исполнительная сила нотариального акта по законодательству Российской Федерации // Нотариус. 2013. № 4. С. 16-21.

2 Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 11.

3 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Российская газета. № 49. 1993.

4 Нотариальное право: учебник / Б. М. Гонгалов, Т. И. Зайцева, И. Г. Медведев и др.; под ред. В. В. Яркова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2017. 576 // Цит. по СПС КонсультантПлюс.

гламентированы главой XVI.1. Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Основами установлен «закрытый» перечень документов, по которым возможно данное нотариальное действие. В соответствии со ст. 90 Основ к ним относятся: нотариально удостоверенные сделки, устанавливающие денежные обязательства или обязательства по передаче имущества; кредитные договоры, определенные виды договоров займа, при наличии в указании на такую возможность.

Кроме того, в указанной статье Правительство РФ наделено правом относить к ним и иные документы. Согласно Постановлению Правительства РФ от 01.06.2012 № 543 «Об утверждении перечня документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей»⁵ такими документами являются, например, договор хранения и договора проката.

Как установила ст. 91 Основ исполнительная надпись совершается нотариусом при осуществлении двух условий:

- представленные документы подтверждают бесспорность требований взыскателя к должнику;
- со дня, когда обязательство должно было быть исполнено, прошло не более чем два года.

Основы достаточно подробно регулируют содержание исполнительной надписи. В частности, в соответствии со ст. 92 Основ исполнительная надпись должна содержать целый ряд обязательных сведений, характерных, кстати, и для других исполнительных документов. Это, например: ее место и дату совершения, сведения о нотариусе, взыскателе и должнике; обозначение срока, за который производится взыскание; сведения об имуществе и т.д.

Закон ограничивает сроки предъявления исполнительной надписи. Согласно ст. 94 Основ исполнительная надпись, может быть предъявлена к принудительному исполнению в течение трех лет со дня ее совершения, если взыскателем или должником является гражданин. В случае, когда взыскателем и должником являются предприятия, учреждения, организации, - в течение одного года.

Законодательством РФ предусмотрены возможные отказы в обращении взыскания на заложенное имущество. В соответствии со ст. 94.4 Основ нотариус отказывает в обращении взыскания на заложенное имущество в случае представления документов, подтверждающих факт исполнения или отсутствия оснований для обращения взыскания.

Нотариус отказывает в обращении взыскания на заложенное имущество также в случае, если в соответствии с ГК РФ⁶ и Федеральным законом от 16.07.1998⁷ отсутствуют основания для обращения взыскания на заложенное имущество или обращение взыскания на него не допускается.

Согласно ст. 93 Основ взыскание по исполнительной надписи производится в порядке, установленном граждан-

ским процессуальным законодательством Российской Федерации для исполнения судебных решений. Не останавливаясь на добровольном порядке исполнения исполнительной надписи, хотел бы сразу обратиться к вопросам ее принудительного исполнения.

В связи с этим необходимо обратиться к положениям Федерального закона «Об исполнительном производстве», которые регулируют процедуру принудительного исполнения такого рода документов⁸. Во-первых, хотелось бы сразу отметить, что согласно п. 9 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» к одному из видов исполнительных документов относится исполнительная надпись нотариуса.

Ч. 1 и ч. 2. ст. 68 Федерального закона «Об исполнительном производстве» закреплено, что мерами принудительного исполнения являются действия, указанные в исполнительном документе, или действия, совершаемые судебным приставом-исполнителем в целях получения с должника имущества, в том числе денежных средств, подлежащего взысканию по исполнительному документу. При этом меры принудительного исполнения применяются судебным приставом-исполнителем после возбуждения исполнительного производства. Если в соответствии с настоящим Федеральным законом устанавливается срок для добровольного исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, то меры принудительного исполнения применяются после истечения такого срока.

П. 4 ч. 3 ст. 68 Федерального закона «Об исполнительном производстве» к мерам принудительного исполнения относится изъятие у должника имущества, присужденного взыскателю, а также по исполнительной надписи нотариуса в предусмотренных федеральным законом случаях

Ст. 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» установлено, что взыскание на заложенное имущество на основании исполнительной надписи нотариуса может включать изъятие имущества и его передачу залогодержателю для последующей реализации этого имущества в установленном гражданским законодательством порядке.

Указанный Федеральный закон в главе 8 достаточно подробно регламентирует действия судебного пристава по обращению взыскания на имущество должника.

Нужно отметить и еще одну особенность Федерального закона «Об исполнительном производстве», которая позволяет направлять исполнительный документ не только в специальный уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, но и напрямую - в кредитную организацию или работодателю должника. Это возможность установлена ст. 8 и ст. 9 (о взыскании денежных средств, не превышающих в сумме двадцати пяти тысяч рублей) указанного Закона.

Интересны, в связи с рассматриваемой темой, тенденции развития этого института. Так, по данным директора ФССП России Д. Аристова, в 2018 году судебным приставам поступило около 12 тысяч документов с исполнительной

5 Постановление Правительства РФ от 01.06.2012 № 543 «Об утверждении перечня документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3181.

6 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

7 Федеральный закон от 16.07.1998. № 102-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

8 Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

надписью нотариуса⁹. Кроме того, по данным Федеральной нотариальной палаты, в 2018 году к нотариусам в 3,5 раза больше стали обращаться за совершением исполнительных надписей.

В качестве резюме нужно поддержать идею о необходимости более широкого внедрения именно этой модели исполнительного производства в правоприменительную практику, что позволит сократить издержки взыскателя, повысить качество исполнительного производства, снизить неоправданную нагрузку на судебные органы и судебных приставов.

При этом нужно учитывать, что «нотариальная модель исполнительного производства характеризуется следующими признаками: а) исполнительным органом является нотариус, а не суд или специальное ведомство; б) совершаемые нотариусом действия по обеспечению исполнения судебного решения (постановления иного органа) регламентируются законом о нотариате и нотариальной деятельности или Нотариальным кодексом (Кодексом законов о нотариате и нотариальной деятельности); в) суд рассматривает жалобы на исполнительные действия нотариусов в порядке, который установлен для рассмотрения жалоб на нотариальные действия или отказ в их совершении, а не по правилам административного судопроизводства или производства при исполнении судебных постановлений»¹⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
3. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
4. Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 11.
5. Постановлению Правительства РФ от 01.06.2012 № 543 «Об утверждении перечня документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3181.
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» // <http://docs3.online-sps.ru/docs/>.
7. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Российская газета. № 49. 1993.

8. Деньги с печатью. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/15/grazhdane-nachali-vzyskivat-dolgi-cherez-notariusa.html>.
9. Загоруйко И. И. Исполнительная сила нотариального акта по законодательству Российской Федерации // Нотариус. 2013. № 4. С. 16 – 21.
10. Как взыскать задолженность по исполнительной надписи нотариуса // Подготовлен специалистами АО «Консультант Плюс». СПС КонсультантПлюс. 2018.
11. Как взыскать задолженность по исполнительной надписи нотариуса // Подготовлен специалистами АО «Консультант Плюс». СПС КонсультантПлюс. 2018.
12. Нотариальное право: учебник / Б. М. Гонгало, Т. И. Зайцева, И. Г. Медведев и др.; под ред. В.В. Яркова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2017. 576 // Цит. по СПС КонсультантПлюс.
13. Чегоряева П. А., Нестолый В. Г. Нотариальная модель исполнительного производства // Нотариус. 2016. № 4. С. 3-6.

⁹ Деньги с печатью. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/15/grazhdane-nachali-vzyskivat-dolgi-cherez-notariusa.html>.

¹⁰ Чегоряева П. А., Нестолый В. Г. Нотариальная модель исполнительного производства // Нотариус. 2016. № 4. С. 3-6.

ОРЛОВ Александр Александрович

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Федерального центра образовательного законодательства

ТИХОНОВА Вера Викторовна

адвокат Московской коллегии адвокатов «ГРАД»

ВОПРОСЫ ОПЛАТЫ ПОДРЯДНЫХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД В ОТСУТСТВИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности подрядных отношений в рамках государственного контракта, в том числе особенности рассмотрения судебных споров в случае ненадлежащего документального оформления отношений между государственным заказчиком и подрядной организацией. Исследуются механизмы защиты интересов федерального органа исполнительной власти и подведомственных ему организаций в споре с подрядчиками при отсутствии государственного контракта или дополнительных соглашений к нему. Настоящая статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Экспертно-аналитическое сопровождение юридической защиты прав и имущественных интересов Министерства просвещения Российской Федерации, подведомственных Министерству просвещения Российской Федерации организаций» в рамках Государственного задания Федерального центра образовательного законодательства на 2018 год.

Ключевые слова: федеральная собственность, государственный контракт, дополнительное соглашение, подрядные работы, субсидиарная ответственность.

ORLOV Aleksandr Aleksandrovich

Ph.D. in Law., leading researcher of the Federal Center for Educational Legislation

TIKHONOVA Vera Viktorovna

advocate of Moscow Bar Association "GRAD"

ISSUES OF PAYMENT FOR CONTRACT WORK PERFORMED FOR STATE NEEDS IN THE ABSENCE OF PROPER DOCUMENTATION

The article discusses the features of contractual relations under a state contract including the specifics of litigating in the event of inadequate documentation of the relationship between the state customer and the contracting organization. The mechanisms of protecting the interests of the federal executive body and its subordinate organizations in a dispute with contractors in the absence of a government contract or additional agreements to it are explored. This article was prepared within the framework of research project on the topic "Expert and analytical support for the legal protection of rights and property interests of the Ministry of Education of the Russian Federation, organizations under the Ministry of Education of the Russian Federation" under the State task of the Federal Center for Educational Legislation for 2018.

Keywords: federal property, state contract, additional agreement, contract work, subsidiary liability.

Подведомственные федеральному органу исполнительной власти организации довольно часто выступают заказчиками строительных работ. При этом сам федеральный орган исполнительной власти, как правило, не принимает прямого участия в процессе общения с подрядчиком, а также не осуществляет за ним контроль. Принятие работ и подписание актов выполненных работ осуществляют в таких случаях подведомственные организации.

Несмотря на то, что федеральный орган исполнительной власти не принимает никакого участия в процессе выполнения работ, на практике суды могут возложить субсидиарную ответственность по долгам подведомственных организаций на федеральный орган, в чьем ведении находится такая организация.

Кроме того, подобные споры иногда осложняются еще тем обстоятельством, что строительные работы фактически осуществляются, а дополнительные соглашения к государственному контракту или даже государственный контракт на выполнение строительных работ подписаны так и не были.

Необходимо иметь в виду, что возникающие между подрядчиком и подведомственной федеральному органу организацией, содержат публично-правовой элемент и, соответственно, договорные отношения между указанными лицами могут сложиться только после проведения всех закупочных процедур и заключения государственного контракта, как это прямо предусмотрено Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обе-

спечения государственных и муниципальных нужд» (далее – «Закон о контрактной системе»).

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации в предмет регулирования Закона о контрактной системе входят отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок.

Необходимо отметить, что законодателем в пунктах 1 и 2 статьи 72 Бюджетного кодекса РФ прямо установлено вступление государственных органов, органов управления внебюджетными фондами, органов местного самоуправления, казенных учреждений и иных получателей средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации или местных бюджетов могут вступать в договорные отношения только посредством заключения государственного и муниципального контракта. Государственный и муниципальный контракты размещаются на конкурсной основе и в пределах лимитов бюджетных обязательств.

Федеральному органу исполнительной власти необходимо учитывать возможные негативные последствия, связанные с ненадлежащим использованием подведомственными организациями бюджетных средств, и возложением ответ-

ственности по долгам подведомственной организации на федеральный орган.

В настоящее время в практике сложились различные правовые подходы в отношении существенности факта заключения договоров на производство строительных работ в зависимости от сторон договора.

Если говорить о правоотношениях без участия государственных заказчиков, между коммерческими организациями, в случае выполнения строительных работ без оформления, несмотря на законодательное закрепление необходимости заключения договора в письменном виде, суды могут возложить на сторону, в чью пользу выполнены работы обязанность по оплате (пункт 7 «Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 февраля 2014 г. № 165).

В случае же выполнения подрядных работ для государственных нужд без заключения государственного контракта, дополнительных соглашений на проведение строительных работ для обеих сторон ситуация иная, возникают негативные последствия, как для подрядчика, так и для подведомственной организации, как получателя бюджетных средств.

В доктрине сложилось следующее мнение. Такие представители, как Г.С. Демидова, А. А. Осипов говорят о существовании в настоящее время в судебной практике двух подходов к разрешению ситуации: согласно первой точке зрения взыскание стоимости выполненных строительных работ в отсутствие заключенного государственного (муниципального) контракта не подлежит оплате, согласно второй допускается взыскание исполнителем работ неосновательного обогащения с госзаказчика в отсутствие заключенного между сторонами государственного (муниципального) контракта¹.

Другие авторы дополняют высказанное мнение. Например, А.Г. Кожевникова² указывает, что существует три подхода в позиции судов. К уже высказанным позициям об удовлетворении некоторыми судами требований о взыскании неосновательного обогащения при отсутствии государственного контракта, так как это не является основанием для отказа в оплате стоимости таких работ, об отказе в удовлетворении таких требований иными судами автор добавляет позицию, согласно которой требование о взыскании неосновательного обогащения должно подлежать удовлетворению при наличии определенных для этого условий.

В своей работе А. Г. Кожевника при рассмотрении третьего подхода ссылаются, в том числе, на заслуживающее внимания постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.06.2013 № 1838/2013, в данном постановлении судом были указаны условия, при которых требования подрядчика о взыскании неосновательного обогащения могут быть удовлетворены. К таким условиям относятся случаи, когда значение оказываемых заявителем требований о взыскании неосновательного обогащения, являющимся частноправовым субъектом, услуг является обязательной и социально значимой функцией публичной власти, выполняемой ею на постоянной основе и обусловленной жизненно важными потребностями и интересами людей, связанными с их неотъемлемыми правами и свободами, гарантированными государством; а также случаи, когда услуги стороны, взыскивающей неосновательное обогащение, оказываются по инициативе, с ведома и одобрения соответствующего публичного образования в рамках ранее сложившихся между ними гражданско-правовых отношений, от продолжения которых публичное образование не отказывалось.

1 Демидова Г. С., Осипов А. А. О некоторых правовых проблемах, возникающих при выполнении строительно-монтажных работ для государственных (муниципальных) нужд // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2016. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Взыскание неосновательного обогащения в виде стоимости выполненных работ (оказанных услуг) при отсутствии государственного (муниципального) контракта (Кожевникова А.Г.) («Юридический мир». 2015. № 4) // СПС КонсультантПлюс.

Такие авторы, как Н. Курц³, Е.А. Свиных⁴, Ш. Гапизов⁵, Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк⁶, также отмечают проблемность темы и отсутствие единообразной практики, различных выводах судов о значении тех или иных обстоятельств в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Анализируя позиции судов, сформировавшиеся в практике по отказу в удовлетворении требований о взыскании неосновательного обогащения из подрядных отношений при отсутствии заключенного в предусмотренном законом порядке государственного контракта, особое значение имеет позиция Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлениях от 28.05.2013 № 18045/12 и от 04.06.2013 № 37/13.

Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации была высказана фундаментальная правовая позиция, сущность которой заключается в том, что удовлетворение требований о взыскании суммы работ, произведенных для государственного заказчика в публичных интересах без заключения в предусмотренном Законом о контрактной системе порядке государственного контракта недопустимо, так как иначе недобросовестные подрядчики и государственные заказчики получают незаконную имущественную выгоду в обход Закона о контрактной системе.

В основе выводов суда, отраженных в указанных постановлениях, лежат следующие разъяснения.

Как правомерно указано судами, выполнение строительных работ без заключения в предусмотренном Законом о контрактной системе порядке государственного контракта свидетельствует об осведомленности подрядчика, что строительные работы выполняются им при очевидном отсутствии обязательства.

Суд отмечает, что при отсутствии заключенного государственного контракта на выполнение подрядных работ, фактическое выполнение строительных работ не влечет возникновения на стороне государственного заказчика неосновательного обогащения.

Исходя из этого, суд делает вывод о том, что позиция о возможности без соблюдения требований Закона о контрактной системе согласовать выполнение строительных работ, а также о возможности удовлетворения требований о взыскании неосновательного обогащения не соответствует закону, нивелирует применение закона, открывает возможность для недобросовестных подрядчиков и государственных или муниципальных заказчиков получить незаконную имущественную выгоду в обход Закона о контрактной системе.

Однако никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения.

Нередко суды встают на защиту публично-правовых интересов при рассмотрении требований, вытекающих из подрядных правоотношений при отсутствии заключенного надлежащим образом государственного контракта, и отказывают в удовлетворении требований о взыскании с государственного заказчика стоимости выполненных работ. Иначе суд бы допустил действия сторон правоотношений в обход Закона о контрактной системе.

В силу пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ») не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а

3 Курц Н. А. Обход закона в российских государственных и муниципальных закупках // «Вестник арбитражной практики». 2016. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Свиных Е. А. Правовые последствия выполнения работ (оказания услуг) в интересах военных организаций без заключения государственного контракта // «Право в Вооруженных Силах». 2014. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Гапизов Ш. Нет обязательств – нет возмещения // «ЭЖ-Юрист». 2017. № 26 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Жевняк О. В., Шаблова Е. Г. Проблемы правового регулирования изменения государственного (муниципального) контракта на выполнение строительных работ в связи с необходимостью проведения дополнительных работ // «Право и экономика». 2017. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Отказывая в удовлетворении требований о взыскании стоимости работ, суды ссылаются на статью 1109 ГК РФ, в соответствии с которой не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

Приведенные выводы подтверждаются судебной практикой: определения Верховного Суда РФ от 26.07.2018 № 306-ЭС18-10785 по делу № А12-16942/2017; Верховного Суда РФ от 03.07.2018 № 310-ЭС18-8534 по делу № А09-16555/2016; пункт 4, 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015), Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017).

В некоторых позициях особо отмечается, что если подрядчик выполнил не согласованные и не оформленные в установленном Законом о контрактной системе работы, решение о финансировании которых на момент их проведения не было принято уполномоченным органом, является предпринимательским риском указанного лица (определение Верховного Суда РФ от 13.03.2015 № 307-ЭС14-4768; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.08.2014 № 15АП-11741/2014 по делу № А32-43940/2013).

С одной стороны, видится, что позиция судов об отказе во взыскании стоимости строительных работ по государственным контрактам не совсем справедлива, поскольку в таком случае действительно возникает неосновательное обогащение на стороне заказчика, который может использовать результат полученных работ в своих целях и ничего не заплатив. Исходя из судебной практики, поведению государственного заказчика не дается оценка судом, хотя видится, что при выявлении обхода закона необходимо учитывать и его поведение, которому возможно лучше известно об обязательности проведения закупочных процедур при заключении государственных контрактов.

С другой стороны, подрядчик, как профессиональный участник рынка в сфере строительства, не может не знать о процедуре заключения государственного контракта. Действия подрядчика по выполнению работ без соответствующего оформления контрактных отношений возможно рассматривать как действия в обход закона. В связи с этим подрядчик, выполняя работы без заключения контракта и соблюдения процедуры, должен учитывать все возможные риски, в том числе риск неполучения оплаты по выполненным работам самостоятельно. Подрядчику необходимо понимать, что правоотношения в таком случае складываются со стороны, к которой закон предъявляет особые требования.

Несоблюдение процедуры заключения сделки, которая содержала бы все существенные условия для государственного контракта, связанного со строительными работами, свидетельствует об отсутствии у подведомственной федеральному органу исполнительной власти организации оснований для оплаты работ, выполненных без заключения государственного контракта.

Однако необходимо отметить, что обязанность по оплате без заключения государственного контракта возникает, если закон допускает заключение сделки с единственным поставщиком.

Кроме описанной выше ситуации проблемным на практике представляется необходимость оплаты и взыскания стоимости дополнительных работ, не предусмотренных государственным контрактом.

Логичным является подход судов, которые отказывают в удовлетворении требований о взыскании стоимости дополнительных работ при отсутствии государственного контракта.

Однако на практике, ситуация может сложиться так, что в целях заключения государственного контракта проведены закупочные процедуры, заключен государственный контракт, по которому ведутся работы, подписываются акты выполненных работ. В процессе исполнения договора подрядчиком осуществляются работы, которые не были предусмотрены контрактом и технической документацией.

В таком случае вопрос необходимости оплаты дополнительных работ при наличии государственного контракта более сложный и зависит от конкретных обстоятельств.

В соответствии с пунктами 3, 5 статьи 743 ГК РФ подрядчик, обнаруживший в ходе строительства не учтенные в технической документации работы, и в связи с этим необходимость проведения дополнительных работ и увеличения сметной стоимости строительства, обязан сообщить об этом заказчику.

При согласии заказчика на проведение и оплату дополнительных работ подрядчик вправе отказаться от их выполнения лишь в случаях, когда они не входят в сферу профессиональной деятельности подрядчика либо не могут быть выполнены подрядчиком по не зависящим от него причинам.

Согласно пункту 4 статьи 743 ГК РФ подрядчик, не выполнивший обязанности, установленной пунктом 3 статьи 743 ГК РФ, лишается права требовать от заказчика оплаты выполненных им дополнительных работ и возмещения вызванных этим убытков.

Из указанной нормы следует, что подрядчику необходимо представить доказательства немедленных действий при проведении дополнительных работ, связанных с сохранением уже произведенных работ в интересах государственного заказчика и согласованности с государственным заказчиком этих работ (определение Верховного Суда РФ от 17.10.2017 № 302-ЭС17-15236 по делу № А58-4745/2016; определение Верховного Суда РФ от 08.09.2017 № 302-ЭС17-13880 по делу № А78-5162/2016; определение Верховного Суда РФ от 07.07.2017 № 305-ЭС17-7936 по делу № А40-74978/2016).

На практике же дополнительно произведенные работы не всегда являются необходимыми для сохранения имеющихся результатов в интересах государственного заказчика, содержат перечень работ, который напрямую не связан с объектом строительства (реконструкции). Суды при определении необходимости проведения дополнительных работ указывают на важность установления того, являются ли такие работы самостоятельными или дополнительными, и на осведомленность государственного заказчика о таких работах.

Кроме того, подрядчик, не сообщивший заказчику о необходимости выполнения дополнительных работ, не учтенных в технической (строительной) документации, не вправе требовать оплаты этих работ и в случае, когда такие работы были указаны в акте приемки, подписанном представителем заказчика (пункт 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда»).

Представляется, что оплата по выполненным дополнительным работам, если такие работы проводились без согласования с заказчиком и, если в этом нет необходимости сохранения результатов работ, достижения цели государственного контракта, или подрядчик не мог без их выполнения приступить, продолжить выполнение основных работ, необоснованной. В целях выполнения таких работ подрядчиком требуется проведение торгов и определение победителя, с которым на наиболее выгодных условиях возможно будет заключить государственный контракт.

Кроме того, выполнение строительных работ, даже при наличии подписанного дополнительного соглашения, не всегда является основанием для оплаты стоимости таких работ. Сторонам сделки следует учитывать правовые последствия сделки, заключенной с нарушением требований законодательства, в виде недействительности такой сделки.

Вопросы последствий несоблюдения законодательства о контрактной системе, в том числе вопрос недействительности сделок, рассматриваются, например, Т. Гусевой, В. Гусевым. Так, авторы указывают, что правовыми последстви-

ями сделки, заключенной с нарушением требований законодательства, предъявляемых к закупкам товаров, является ее оспоримость, однако отмечают, что нельзя не учитывать риск квалификации судом сделки в качестве ничтожной, посягающей на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц⁷.

В соответствии со статье 95 Закона о контрактной системе изменение существенных условий контракта при его исполнении не допускается, за исключением их изменения по соглашению сторон в случаях, прямо предусмотренных Законом о контрактной системе.

Одним из оснований изменения существенных условий государственного контракта по соглашению сторон в случае если возможность изменения условий контракта была предусмотрена документацией о закупке и контрактом указано то, что если по предложению заказчика увеличиваются предусмотренные контрактом объем работы не более чем на 10% или уменьшаются предусмотренные контрактом количество поставляемого товара, объем выполняемой работы или оказываемой услуги не более чем на 10 %.

В случае отсутствия в документации о закупках, в том числе в государственном контакте возможности изменения условий, в том числе увеличение сторонами стоимости и объема работ, соответственно, стоимость работ и объем работ не могут быть изменены.

Указанный вывод подтверждается, в том числе судебной практикой: Определение ВАС РФ от 24.05.2007 № 5853/07 по делу № А40-40454/06-34-238; Постановление ФАС Поволжского округа от 02.05.2007 № А57-5457/2006-41; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.04.2016 № Ф03-1235/2016 по делу № А51-13656/2015; Постановление ФАС Московского округа от 25.04.2011 № КГ-А40/1781-11 по делу № А40-81803/10-50-700; Постановление ФАС Московского округа от 17.03.2011 № КГ-А40/1988-11 по делу № А40-81801/10-59-725; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07.04.2014 по делу № А22-21/2013; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2013 по делу № А61-2440/2011; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2011 по делу № А18-612/2011.

Также, например, дополнительное соглашение на изменение цены государственного контракта, заключенного на выполнение подрядных работ, после 02.01.2010 года Законом о контрактной системе № 94-ФЗ не может быть заключено, поскольку согласно части 10 статьи 65 Закона о контрактной системе № 94-ФЗ после 02.01.2010 г. изменение цены контракта не более чем на 10 % возможно только по инициативе заказчика в отношении определенных видов работ и услуг, к которым строительно-монтажные работы не относятся.

Указанные пояснения содержатся, в том числе в судебной практике: Постановление пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 августа 2016 г. № 15 ап-10323/2016 по делу № А32-29659/2014, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.11.2016 № Ф08-8556/2016 по делу № А32-29659/2014, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.06.2016 № Ф08-3461/2016 по делу № А32-29659/2014, Определение ВС РФ от 28 февраля 2017 г. № 308-ЭС17-1312.

Таким образом, в настоящий момент суды в большинстве своем сходятся во мнении о необходимости отказа в удовлетворении требований заказчика о взыскании стоимости строительных работ, дополнительных работ, произведенных в отсутствие заключенного государственного контракта, дополнительных соглашений к нему. Однако риск взыскания долга за выполненные работы как с федерального органа исполнительной власти – с субсидиарного должника, так и с подведомственной ему организации, несмотря на многочисленность положительной судебной практики для указанных лиц, остается. При выработке правовой позиции федеральному органу исполнительной власти и подведомственным

ему организациям необходимо учитывать, что даже в случае наличия дополнительного соглашения к государственному контракту, по которому выполнялись дополнительные работы, необходимо оценивать основания для заключения такого соглашения (предусматривает ли закон возможность увеличения стоимости работ, увеличения цены контракта, изменения объема работ, имелись ли у подписанта основания для подписания сделки).

Подрядчик как профессиональный участник рынка строительства самостоятельно несет негативные последствия, связанные с выполнением работ без соответствующего документального оформления. Необходимо понимать, что несоблюдение закупочных процедур ставит в неравное положение иных участников рынка и фактически направлено на обход закона. Кроме того, непроведение закупочных процедур и как следствие отсутствие заключенного государственного контракта свидетельствуют о недобросовестной конкуренции.

В настоящий момент суды исходят из невозможности взыскания подрядчиком неосновательного обогащения в виде стоимости выполненных работ при отсутствии государственного контракта, дополнительных соглашений к нему, поскольку это представляло бы для сторон возможность приобретать незаконные имущественные выгоды в обход Закона о контрактной системе. Подрядчик при взаимодействии с подведомственными федеральному органу исполнительной власти организациями должен учитывать, что данные организации являются бюджетными и выделение средств таким организациям является целевым и контролируется.

Суды при разрешении спора в указанных ситуациях должны соблюсти баланс публичных и частных интересов. Складывающаяся судебная практика направлена прежде всего на стабильность правоотношений, связанных с недопустимостью неправомерных взысканий за счет бюджетных средств.

Пристатейный библиографический список

1. Гапизов Ш. Нет обязательств – нет возмещения // «ЭЖ-Юрист». 2017. № 26 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гусева Т., Гусев В. Чем опасно несоблюдение законодательства о контрактной системе? // «Конкуренция и право». 2014. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Демидова Г. С., Осипов А. А. О некоторых правовых проблемах, возникающих при выполнении строительно-монтажных работ для государственных (муниципальных) нужд // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2016. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Жевняк О. В., Шаблова Е. Г. Проблемы правового регулирования изменения государственного (муниципального) контракта на выполнение строительных работ в связи с необходимостью проведения дополнительных работ // «Право и экономика». 201. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кожевникова А. Г. Взыскание неосновательного обогащения в виде стоимости выполненных работ (оказанных услуг) при отсутствии государственного (муниципального) контракта // «Юридический мир». 2015. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Курц Н. А. Обход закона в российских государственных и муниципальных закупках // «Вестник арбитражной практики». 2016. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Свиных Е. А. Правовые последствия выполнения работ (оказания услуг) в интересах военных организаций без заключения государственного контракта // «Право в Вооруженных Силах». 2014. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Гусева Т., Гусев В. Чем опасно несоблюдение законодательства о контрактной системе? // «Конкуренция и право». 2014. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

КЛЮКАНОВА Лариса Геннадьевна

кандидат юридических наук, кандидат культурологии, доцент кафедры правовой охраны окружающей среды Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

УСТОЙЧИВЫЕ ГОРОДА: КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

В статье анализируется юридическое содержание понятия «устойчивый город», а также выявляются урегулированные правовыми нормами складывающиеся по поводу его функционирования общественные отношения в качестве актуального предмета современного комплексного правового регулирования. Исследуются особенности экологической составляющей правовых категорий: «благоприятные условия жизнедеятельности человека», «качество жизни граждан» и «устойчивое градостроительство» – как характеристик устойчивых городов: среды жизнедеятельности человека и особого экосовместимого социокультурного пространства. Обосновывается наличие всеобщего публичного интереса, а также необходимость в сбалансированном сочетании частных и публичных интересов в устойчивом процессе урбанизации, носящем глобальный и системный характер.

Ключевые слова: устойчивые города, урбанизированные территории, благоприятная окружающая среда, благоприятные условия жизнедеятельности, устойчивое развитие.

KLYUKANOVA Larisa Gennadjevna

Ph.D. in Law, Ph.D. in culturology, associate professor of Legal protection of environment sub-faculty of the Law Faculty of the St. Petersburg State University

SUSTAINABLE CITIES: INTEGRATED DEVELOPMENT OF THE URBAN AREAS AND LEGAL MECHANISMS OF ENFORCEMENT OF THE REALIZATION OF THE RIGHT OF THE CITIZENS TO THE SAFE ENVIRONMENT

The article is devoted to the legal content of the notion of the «sustainable city», and also reveals the public relationships, regulated by the legal norms, which develops concerning its functioning, as the relevant subject of the modern complex legal regulation. Investigates the particular qualities of the ecological component of such juridical categories as «favorable habitat», «improving the quality of life of the citizens» and «sustainable urban development» as the characteristics of sustainable cities which is considered as a human habitat and a special ecologically compatible socio-cultural area. The existence of general public interest and the necessity in the balanced combination of private and public interests in the sustainable process of urbanization as the global and systematic process is justified.

Keywords: sustainable cities, urban areas, Safe Environment, favorable habitat, sustainable development.

Современные города представляют собой место проживания и жизнедеятельности большого числа людей и концентрации объектов различного назначения (жилых, производственных, инфраструктурных, социальных, культурных, рекреационных и проч.), и, которые, в контексте процессов эпохи глобализации – процессов всемирного масштаба, ориентированных на всеохватывающие экономическую, политическую, культурную и экологическую интеграцию и унификацию¹ – порождают динамичное развитие правовых и экономических отношений, индустриализации, технологий, инноваций, политики, наук, культуры, искусства, образования, информатизации, новых форм коммуникации и взаимодействия, интенсификацию социальных связей; формируют особый образ жизни людей; конструируют урбанизированную цивилизацию.

Понятие «устойчивый город» появилось и вошло в научный, законодательский (как на международно-правовом, так и национальном уровнях) и общеупотребительный терминологический аппарат в конце XX века в контексте содействия

устойчивому развитию населенных пунктов во имя обеспечения гарантий неуклонного повышения качества жизни людей, проживающих в таковых² (в первую очередь благодаря деятельности Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат)³).

В настоящее время понятие качества жизни граждан, проживающих в городах, рассматривается отечественным законодателем в качестве национального интереса на долгосрочную перспективу⁴, и трактуется преимущественно с практико-ориентированных социально-экономических позиций⁵ – современное глобальное общество, развиваясь в

2 См., например, п. 134 Декларации ООН «Будущее, которого мы хотим». Рио-де-Жанейро. 20-22 июня 2012г., одобрена Резолюцией ГА ООН от 27 июля 2012 г., № 66/288. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/>.

3 См. о Программе: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/habitat/>.

4 См.: п. 24 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015г. // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (Ч. II) – Ст. 212.

5 См., например, подп. 6 п. 14 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 208 от 13 мая 2017г., согласно которому одной из целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности является повышение уровня и улучшение качества жизни населения // СПС Гарант.

1 В парадигмальных установках концепции постмодернизма глобализация рассматривается как логически предопределенная стадия развития человеческой цивилизации, а необходимость в изобилии в процессе потребления – как естественное право современного человека. См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – С. 10.

духе концепции консюмеризма⁶, сориентировано на необходимость неуклонно и постоянно повышать качество своей жизни. В комплекс мероприятий, направленных на достижение поставленной цели, включены различные политические, социально-экономические, информационные, правовые, управленческие, организационные и иные меры, в частности: обеспечение правопорядка и безопасности жизнедеятельности, обеспечение продовольственной безопасности, доступности комфортного жилья, современного образования, надежного здравоохранения, достойного пенсионного обеспечения, создание высокоэффективных рабочих мест, повышение качества труда и его оплаты, развитие транспортной инфраструктуры, развитие экономических институтов и имущественных отношений, и проч. При этом, к XXI веку произошло признание значения экологической составляющей качества жизни человека, как основы для удовлетворения жизненно важных интересов личности и общества⁷, обеспечивающей экологическую безопасность личности, реализацию ее экологических прав (наравне с личными и социальными), и способствующей устойчивому развитию личности и общества в целом – благоприятная окружающая среда воспринимается как всеобщая вневременная ценность и благо, и ее значимость последовательно подчеркивается в нормах как международного, так и национальных законодательств многих стран мира. Качество жизни людей в городах воспринимается и оценивается в духе экологизированного мировоззрения, и во многом определяется качеством окружающей среды и отсутствием неблагоприятных последствий воздействия на нее хозяйственной деятельности⁸, а не только стремлением к экономическому и социальному росту уровня жизни, понимаемому в прогрессивном контексте концепции «общества потребления».

Например, в плановом документе – в Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга – города, выполняющего особую миссию благодаря выдающемуся культурно-историческому наследию, всемирной известности и динамичному современному развитию – ключевым элементом системы целей социально-экономической политики Санкт-Петербурга названо понятие «качество жизни» (а ее генеральной целью названо «обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан»), которое имеет интегральный характер и определяется уровнем развития экономики,

состоянием городской среды, включая экологическую составляющую, качеством и доступностью услуг организаций здравоохранения, образования, культуры и социального обслуживания населения⁹.

Терминология исследуемой проблематики представляет собой особый интерес – не только для юриспруденции, но и для других социальных наук – она находится на стадии своего формирования, и пока что окончательного своего официального закрепления во многом не получила.

Собственно законодательного определения термина «устойчивый город» в настоящее время в нормах отечественного права не выработано.

При этом правовой режим, обеспечивающий устойчивое развитие городов, формируется – он разрабатывается и регулируется нормами различного – преимущественно градостроительного, земельного, экологического и санитарно-эпидемиологического законодательства. Вероятно, со временем комплекс законодательных норм, активно развивающихся в данной сфере, позволит сформировать особый правовой институт или даже особую отрасль права.

Отметим, что, применительно к проблеме размещения и организации городского пространства, законодатель применяет основные базовые термины: «населенный пункт» (для целей, например, земельного законодательства) и «поселение» (например, для целей градостроительного законодательства и законодательства об организации местного самоуправления), при этом в тексте ч.1 ст.131 Конституции Российской Федерации применяется термин «поселения»¹⁰ (типология поселений включает в себя городские (города или поселки) и сельские поселения¹¹). По-видимому, термин «поселение» применяется преимущественно для обозначения административно-территориальной единицы (или же государственно-территориального образования)¹², тогда как понятие «населенный пункт», хотя и применяется, в том числе, в том значении, в котором ему дано определение в нормах муниципального и градостроительного законодательства, в значительной степени охватывает также и понимаемую в комплексе средообразующую составляющую, включающую в себя: особенности развития территории; определение видов использования земель и земельных участков согласно

6 См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. - М.: Культурная революция; Республика, 2006. - С. 58-59.

7 В теоретических исследованиях неоднократно высказывалось суждение о содержательной сбалансированности экологического аспекта категории «жизненно важные интересы» личности, общества и государства и таких категорий, как «обеспечение благоприятной окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности» для личности, общества и государства. См.: Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве: теория и практика правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.06. - М., 2003. - С. 58-93; Боголюбов С. А. Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан // Журнал российского права. - 2005. - № 7. - С. 25.

8 Правоприменительная практика в свою очередь соглашается с тем, что последствия неблагоприятных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую среду в городе (например, воздействия неблагоприятных факторов промышленных загрязнений) приводят к значительным неудобствам жизни и расстройствам здоровья. См.: п. 138 Постановления Европейского Суда по правам человека от 9 июня 2005 г. Дело «Фадеева (Fadeyeva) против Российской Федерации» (жалоба № 55723/00) (бывшая Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2006. - № 3. - С.106-140.

9 См. раздел 6 Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г., утвержденной Постановлением Правительства Санкт-Петербурга № 521 от 26 июня 2018 г. // СПС Консультант Плюс.

10 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета от 25 декабря 1993 г.

11 Ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. также определяет такую типологию поселений // Российская газета от 8 октября 2003 г. В ст. 5 ранее действовавшего Градостроительного кодекса Российской Федерации № 73-ФЗ от 7 мая 1998г. (утратил силу в связи с введением в действие Федерального закона № 191-ФЗ от 29 декабря 2004 г.) городские поселения определенным образом классифицировались (на сверхкрупные, крупнейшие, большие, средние и малые), преимущественно по критерию числа проживающих в них людей, но учитывались и некоторые другие характеристики // СЗ РФ. - 1998. - № 19. - Ст. 2069.

12 См. об этом, например: п. 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 12-П от 14 июля 1997г. «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области», согласно которому территория определяет, прежде всего, пределы распространения властных полномочий различного уровня и характера // СПС Консультант Плюс.

их целевому назначению и разрешенному использованию; специфику проектирования, строительства и использования объектов недвижимости; учет экологических и собственно природных особенностей территорий; особенности реализации прав и свобод граждан в сфере природопользования и охраны окружающей среды; механизмы обеспечения общественных и государственных интересов в экологической и градостроительной сферах, в сфере землепользования.

Таким образом, город представляет собой имеющую административные границы часть территории Российской Федерации; он расположен в пределах категории земель населенных пунктов¹³; имеет статус соответствующего типа поселения, и наименование; служит местом проживания и осуществления жизнедеятельности людей; а также территорией, на которую распространяются властные полномочия публичных органов власти соответствующего уровня и характера; используется для застройки и развития, т.е. является пространственным базисом для размещения жилых, производственных, общественно-деловых, транспортных, рекреационных и иных объектов жизнеобеспечения населения; его правовой режим устанавливается нормами соответствующего законодательства.

Особое значение имеют крупные города, которые характеризуются обширной территорией, значительной концентрацией населения, масштабной плотностью застройки, фундаментальной интенсивностью производства, развитой транспортной и инженерной инфраструктурами, прогрессивными экономическими, социальными и политическими регулирующими механизмами, и, зачастую, экологически неблагоприятной ситуацией. Уникальный микроклимат каждого из таких городов формируют как позитивные, так и негативные факторы. С одной стороны – это пространство, которое должно быть предназначено для безопасного и комфортного существования индивидов, реализующих в процессе урбанизированной жизнедеятельности свой физический, социальный, экономический, творческий и интеллектуальный потенциал. Но вместе с тем, индустриализация и научно-технический прогресс приводят и к негативным эффектам – в первую очередь экологическим – крупный город представляет собой среду с потенциально высокой концентрацией экологически неблагоприятных факторов и экологических рисков¹⁴.

Кроме того, законодателями и правоприменителями в оборот вводятся такие понятия, как, например: «смарт город», «здоровый город», «цифровой город», «виртуальный город», «город инноваций», «комфортный город», «открытый город», «плановый город» и проч., которые позволяют определить эксклюзивность стратегии каждого конкретного города, в зависимости от тех особенностей и характеристик, которые могут сформировать «имидж» города, порядок деятельности его городских политических и социальных инсти-

тутов и определить его публично сформированную миссию креативного устойчивого развития.

Появилось и понятие «агломерация», также не имеющее законодательно четко сложившихся характеристик¹⁵, но которое предполагает процессы распространения городского пространства за пределы его административных границ.

Таким образом, осуществляется современный процесс урбанизации территорий – расширения сферы городского пространства и все возрастающего значения роли городов в развитии общества, стремящегося к высокому качеству жизни, который обусловлен антропогенным освоением территории – ростом промышленности, строительства, экономики, политических и социальных структур, культуры, демографии, миграции населения, и мерами обеспечения экологической и иных видов безопасности.

На первоначальном уровне город представляет собой географическую территорию, и особое пространство среды обитания людей в контексте пространственно-территориальной необходимости. Значение географического фактора для развития городов и проживающих в них людей не единожды становилось предметом исследования социальных наук, несомненно, признававших, что таковой является одним из важнейших в определении детерминант развития социально-политической жизни общества¹⁶. Природа места возникновения и дальнейшего развития города налагает специфический отпечаток на его политическое, социальное, культурное и организационно-техническое пространство, на его основе возникает и «жизненное пространство», как условие, под воздействием которого собственно и формируется социально-общественный строй, условия жизни социума, правопорядок, обычаи и традиции¹⁷.

Последующий уровень – стремящийся к современной устойчивой урбанизации – включает в себя совершенно новые характеристики. В современное комплексное понятие устойчивого города, во имя создания условий, позволяющих реализовать конституционное право граждан на жизнь в благоприятной окружающей среде, можно включить такие его реальные и потенциальные характеристики, как: применение безотходных, энергосберегающих технологий и индустрий; возобновляемых источников энергии; экологичность энергокомплекса; улучшение качества продуктов питания; обеспечение населения качественной питьевой водой; наличие эффективной медицины; развитие устойчивой экологически чистой транспортной системы; биопозитивность зданий и инженерных сооружений и инфраструктур; предотвраще-

13 См. ч. 1 ст. 83 Земельного кодекса Российской Федерации № 136-ФЗ от 25 октября 2001 г. // Российская газета от 30 октября 2001 г.

14 В Российской Федерации при участии Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации с 2013 г. ежегодно составляются «экологические рейтинги» городов. При их составлении оцениваются такие показатели, как: воздушная среда, транспорт, энергопотребление, водопользование, обращение с отходами, биотическая среда (растительный и животный мир), управление воздействием на окружающую среду. См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/docs/ekologicheskij_reyting_gorodov/.

15 См. об этом, например: Хуснутдинова С. Р. Урбанизированные территории как объект стратегического планирования и управления // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 2 (ч. 2). - С. 36-43.

16 См., например: Шарль Луи де Монтескье «О духе законов», Ф. Энгельс «Диалектика природы», Г. Гердер «Идеи к философии истории человечества». В работах российских ученых были разработаны такие понятия, как: «месторазвитие», в котором была проанализирована как уникальная его характеризующая совокупность географических, метеорологических, зоологических, антропогеографических и иных признаков и элементов климата территории (Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры); «географический ландшафт», связанное с проблемой многоаспектного комплексного изучения отечественной государственности (Соловьев С. М. «История России с древнейших времен»). Созвучные концепции можно обнаружить в работах Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли», Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки».

17 См.: Ратцель Ф. Политическая география. - М.: Международные отношения, 1997. - 385 с.

ние загрязнения атмосферного воздуха и водных объектов; устойчивый туризм; экоадаптивное сельское хозяйство; современное управление обращения с отходами; системность информационного пространства; сохранение и трансляция культурного пространства; экологическое воспитание, образование и просвещение; развитие системы природных комплексов рекреационного и курортно-оздоровительного назначения; предупреждение и уменьшение опасного воздействия природных явлений, техногенных аварий и катастроф; повышение уровня жизни, рост высоких и постоянно растущих реальных доходов и эффективного спроса населения; рост производства и торговли товарами и услугами при наиболее целесообразном использовании природных ресурсов в соответствии с целями устойчивого развития.

Таким образом, становится очевидно, что понятие «устойчивый город» носит комплексный экосовместимый характер, предполагающий, помимо прочего, безопасное и гармоничное средообразующее экономическое, социальное, политическое и культурное развитие города в условиях благоприятной окружающей среды, обеспечивающее благоприятные условия жизнедеятельности людей, в нем проживающих.

Содержание понятия «благоприятная окружающая среда» применительно к специфическим условиям качества жизни людей в городах имеет свои особые характеристики.

Право на благоприятную окружающую среду – фундаментальное, конституционное, неотчуждаемое естественное право, гарантируется гражданам Российской Федерации, в первую очередь, основополагающими принципами и нормами международного права¹⁸, ст. 42 Конституции Российской Федерации¹⁹, а также нормами Федерального закона «Об охране окружающей среды»²⁰, согласно ст.1 которого благоприятная окружающая среда представляет собой окружающую среду, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов.

Подобная формулировка носит до известной степени ограниченный характер, т.к. в ней практически не отражены антропологическая и социальная составляющие, при том, что благоприятность окружающей среды оценивается (в том числе с юридических позиций) именно человеком и важна для качества жизни как ныне живущих, так и будущих поколений людей.

Такое положение вещей, особенно применительно к условиям городской среды, в определенной мере докомпенсируется положениями Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»²¹, посредством провозглашения права на благоприятные условия жизнедеятельности человека (т.е. такого состояния среды обитания (совокупности объектов, явлений и факторов окружающей (природной и искусственной) среды, определяющей условия жизнедеятельности человека), при котором отсутствует вредное воздействие ее факторов на человека и

имеются возможности для восстановления (ст. 1); и на благоприятную среду обитания, факторы которой не оказывают вредного воздействия на человека (ст. 8). Создание для людей здоровой среды обитания в городах, безусловно, рассматривается законодателем не только как условие, позволяющее реализовать конституционное право граждан на жизнь в условиях благоприятной окружающей среды, но и как цель государственной политики в сфере экологической безопасности²².

Правоприменительная практика также предлагает свою трактовку данного вопроса. Так, Верховный Суд Российской Федерации указал, что благоприятная окружающая среда в населенных пунктах понимается как комплексное и устойчивое их развитие, улучшение жилищных, социально-экономических и экологических условий проживания граждан. Именно в этом заключается содержание права граждан на благоприятную окружающую среду в населенных пунктах²³.

В этой связи можно заметить, что и ряд исследователей относит право на благоприятную окружающую среду не столько к экологическим, сколько к социальным и к личным правам²⁴, а изначально – в процессе своего становления – право человека на благоприятную окружающую среду не было выделено в самостоятельную категорию и подразумевалось входящим в состав права на жизнь и права на «достаточный жизненный уровень»²⁵.

Качество окружающей среды в городах – важный сегмент благоприятных условий жизнедеятельности человека в городе, определяется физическими, химическими, биологическими и иными показателями и (или) их совокупностью, соответствующей установленным нормативам, стандартам и регламентам. Но только соблюдения названных параметров и их совокупности недостаточно для определения благоприятности условий среды жизнедеятельности человека, она призвана также удовлетворять социальные, культурные и другие потребности человека в разных сферах его деятельности.

Комплексное содержание понятий «высокое качество жизни» и «благоприятные условия жизнедеятельности» в современном их понимании неизбежно оказываются связанными с реализацией концепции устойчивого развития – актуальной программой действия всего мирового сообщества, предполагающей гармоничное экономическое, политическое, социальное и культурное развитие в условиях благоприятной окружающей среды. Кроме того, критерий «устойчивости», вошедший в этимологию термина «устойчивые города» неразрывно связан с названной концепцией.

Концепция устойчивого развития, реализацию которой уже можно считать новой комплексной функцией государственного управления²⁶, и которая обозначена в качестве

18 См., например: Декларация ООН по окружающей среде и развитию. 1992 г. (Рио-де Жанейро)// Международное публичное право. Сборник документов. - Т. 2.- М.: Бек, 1996. - С. 132-135.

19 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета от 25 декабря 1993 г.

20 Федеральный закон «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. // Российская газета от 12 января 2002 г.

21 Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» № 52-ФЗ от 30 марта 1999 г. // Российская газета от 6 апреля 1999 г.

22 См., например, п. 24 Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 176 от 19 апреля 2017 г. // СПС Гарант.

23 Апелляционное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2018 г. № 78-АПГ17-20 // СПС Консультант Плюс.

24 См.: Шатаева С. В. Конституционное право человека на благоприятную окружающую среду и механизм его реализации в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук:12.00.02. - М., 2003. - С. 13.

25 См.: Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) под ред. Ю. А. Дмитриева. - М.: Деловой двор, 2009. - С. 102.

26 Вершило Д. Н. Эколого-правовые основы устойчивого развития: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.06. - М., 2008. - С. 12.

одного из основных принципов, на которых базируется современная государственная политика в области экологии²⁷, ориентирована прежде всего на человека²⁸, который имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь, и несет главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений²⁹. В данном случае важно, что для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него³⁰.

Данная программа воплощает комплекс мероприятий, сориентированных на ноосферное, т.е. ответственное эколого-ориентированное развитие личности и общества, основанное на идеях естественного права³¹.

Таким образом, устойчивое развитие городов можно охарактеризовать как обеспечение: безопасных и благоприятных условий жизнедеятельности человека (различными – правовыми, политическими, экономическими, организационными мерами); комплексного городского социально-экономического и градостроительного устойчивого развития; благоприятной окружающей среды; ограничения негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду в интересах настоящего и будущих поколений, что возможно только при условии ответственного отношения и органов публичной власти и граждан к окружающей их среде обитания и жизнедеятельности и формировании особого ноосферного мышления индивидов, находящихся в специфичных городских условиях.

Исходя из этого, формируется устойчивое градостроительство: развиваются экосовместимые градостроительное законодательство и градостроительная деятельность.

Как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, регламентация градостроительной деятельности направлена в первую очередь на обеспечение комфортной среды обитания, комплексного учета потребностей населения и территорий в развитии и необходима для согласования го-

сударственных, общественных и частных интересов в данной области в целях обеспечения благоприятных условий проживания³².

Сформировались принципы действующего законодательства в сфере градостроительной деятельности³³, ряд которых носит специальный природоохранный характер, как, например: принцип осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований охраны окружающей среды и экологической безопасности³⁴ и др.

Законодательство о градостроительной деятельности и изданные в соответствии с ним нормативные правовые акты основываются также на принципах обеспечения комплексного и устойчивого развития территории на основе территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории; сбалансированного учета экологических, экономических, социальных и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности; осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований сохранения объектов культурного наследия и особо охраняемых природных территорий³⁵.

Можно отметить, что градостроительная деятельность – деятельность по развитию территорий, в том числе городов и иных поселений, осуществляемая в виде территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории, архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции, сноса объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений, благоустройства территорий³⁶, носит современный устойчивый характер.

Так, территориальное планирование направлено на определение в документах территориального планирования назначения территорий исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях обеспечения устойчивого развития территорий³⁷, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур,

27 См.: Раздел 2 Экологической доктрины Российской Федерации, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации №1225-р от 31 августа 2002 г. // Российская газета от 18 сентября 2002 г.

28 Принцип 6 Декларации ООН «Будущее, которое мы хотим». Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (Бразилия, 20–22 июня 2012 г.), одобрена Резолюцией ГА ООН от 27 июля 2012 г. № 66/288. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture>.

29 См., например: первый принцип Стокгольмской Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml; Кроме того, законодательно выделены основные критерии принятия решений и показатели устойчивого развития: продолжительность жизни человека, состояние его здоровья, соблюдение нормативов качества окружающей среды, уровень знаний или образовательных навыков, доход (измеряемый валовым внутренним продуктом на душу населения), уровень занятости, степень реализации прав человека. См.: Раздел V Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 440 от 1 апреля 1996 г. // СЗ РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1572.

30 Принцип 4 Декларации ООН по окружающей среде и развитию. 1992г. (Рио-де Жанейро)// Международное публичное право. Сборник документов. – Т. 2. – М.: Бек, 1996. – С. 132-135.

31 См.: Вернадский В. И. «Несколько слов о ноосфере» // Успехи современной биологии. – 1944. – № 18 (вып.2). – С. 113-120.

32 См.: п.2.1. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010г. № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» // СПС Консультант Плюс.

33 См.: Правовое обеспечение благоприятной окружающей среды в городах: научно-практическое пособие / С. А. Боголюбов, Е. С. Болтанова, Г. В. Выпханова и др.; отв. редактор Н. В. Кичигин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. – С. 43-23; 79-117.

34 См.: ст. 2 Градостроительного кодекса Российской Федерации №190-ФЗ от 29 декабря 2004 г. // Российская газета от 30 декабря 2004 г.

35 См. об этом: Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2018г. №78-АПГ17-20 // СПС Консультант Плюс.

36 См.: п. 1. ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации №190-ФЗ от 29 декабря 2004 г. //Российская газета от 30 декабря 2004 г.

37 Так, п. 3 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации №190-ФЗ от 29 декабря 2004 г. характеризует устойчивое развитие территорий как обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений // Российская газета от 30 декабря 2004 г.

обеспечения учета интересов граждан и их объединений, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований (согласно ч.1 ст.9 Градостроительного кодекса Российской Федерации)³⁸.

Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что территориальное планирование должно обеспечивать не только частные права и законные интересы (например, права и законные интересы собственников и обладателей иных прав на земельные участки), но и защищаемые законом права и интересы иных физических и юридических лиц, а также и ... «публичные интересы, связанные, в частности, с устойчивым развитием территории муниципальных образований, сохранением окружающей среды и объектов культурного наследия ...»³⁹.

Развитие и благополучие устойчивых городов, благоприятная окружающая среда, благоприятные условия жизнедеятельности большого числа людей в процессах урбанизации, несомненно, воплощают в себе общественный публичный интерес, совмещающий в себе общественное и государственное начала, определяемый общественным происхождением и общезначимым характером, государственно-правовым признанием, нормативным закреплением, поддержкой и гарантированностью⁴⁰.

Несомненно, важен тот факт, что принцип соблюдения приоритета публичных интересов в настоящее время является одним из основных принципов правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности⁴¹, что обуславливает необходимость выработки особого правового регулирования в ходе градостроительной деятельности, носящей, помимо прочего, и экосовместимый характер.

В то же время, необходимо учитывать, что названный приоритет в рассматриваемом контексте носит в известной мере компромиссный характер, поскольку признается также, что основная задача России как гаранта экологического благополучия и как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в соответствии с ч.1 ст.7 Конституции Российской Федерации, - т.е. на достижение баланса частных и публичных интересов в экономической сфере и в сфере обе-

спечения экологической безопасности путем установления надлежащего правового регулирования⁴². Проблематика обеспечения скоординированного баланса частных и публичных интересов в данном случае носит особый характер – такие блага как благоприятная окружающая среда и экологическая безопасность в городах, объективируют в себе общественный публичный интерес как сумму частных – можно выявить идентичность публичного и частных интересов в данном вопросе⁴³. Обоснованное и сбалансированное сочетание частных и всеобщего публичного интересов в обеспечении экологической безопасности и благоприятной окружающей среды в городах, таким образом, приобретает характер генерального принципа, уникальным образом объединяющего в себе экологические сегменты устойчивого градостроительства, и формирующегося как в нормах действующего законодательства, так и в материалах правоприменительной практики.

Стратегия развития устойчивого города, в контексте неуклонного повышения качества жизни граждан, заключается еще и в том, что окружающая среда призывает личность, гражданское общество, органы самоуправления и деловые круги к участию в эколого-ориентированном аспекте общественной жизни – в подготовке, обсуждении, принятии и реализации решений в области охраны окружающей среды и рационального природопользования⁴⁴, повышения уровня информированности общественности и расширения масштабов участия населения в принятии градостроительных решений и в комплексном решении вопросов, связанных с устойчивым развитием территорий, что не просто позволяет выделить аспект эколого-информационного обеспечения градостроительной деятельности⁴⁵, но обозначает участие общественности в принятии экологически значимых градостроительных решений⁴⁶. Окружающая среда выступает сегментом, призывающим и к кооперации и к коммуникации в эколого-политическом процессе.

В качестве примера такой активной формы сотрудничества можно назвать общественные обсуждения, публичные слушания, предусмотренные ст. 28 Градостроительного кодекса Российской Федерации⁴⁷ и ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴⁸. Яв-

38 См.: Апелляционные Определения Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2017 г. № 43-АПГ17-15; от 27 апреля 2017 г. № 9-АПГ17-3; от 25 мая 2017 г. № 83-АПГ17-7 // СПС Консультант Плюс.

39 См.: Апелляционное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2017 г. № 43-АПГ17-15. Верховный Суд Российской Федерации отмечает в своем Определении и то, что названные публичные интересы могут вступать в объективное противоречие с интересами собственников и обладателей иных прав на земельные участки, в связи с чем политика городского планирования, обустройства территории предоставляет государству более широкую свободу усмотрения, чем это имеет место при регулировании исключительно гражданских прав, в частности, посредством контролирования правового режима собственности в целях публичной пользы и всеобщего интереса // СПС Консультант Плюс.

40 См.: Тихомиров Ю. А. Публичное право: падения и взлеты // Государство и право. - 1996. - № 1. - С. 3-11; Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве: теория и практика правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.06. - М., 2003. - С. 58-93.

41 См., например: п. 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 8-П от 14 мая 2009 г. «По делу о проверке конституционности положения подпункта «б» пункта 4 постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан» // СПС Консультант Плюс.

42 См.: п. 1 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 12-П от 2 июня 2015 г. «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье-нефть» // СПС Консультант Плюс.

43 См. об этом: Бакаева О. Ю. Соотношение частных и публичных интересов в условиях реформирования законодательства Российской Федерации. - М.: Юрлитинформ, 2010. - С. 22.

44 См.: разделы 2, 5 Экологической доктрины Российской Федерации, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1225-р от 31 августа 2002 г. // Российская газета от 18 сентября 2002 г.

45 Боголюбов С. А., Бринчук М. М., Злотникова Т. В. Устойчивое развитие: градостроительство. Экология, право. - М.: РУСАЙНС, 2016. - С.13.

46 Правовое обеспечение благоприятной окружающей среды в городах: научно-практическое пособие / С. А. Боголюбов, Е. С. Болтанова, Г. В. Выпханова и др.; отв. редактор Н. В. Кичигин. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. - С. 95-101.

47 Градостроительный кодекс Российской Федерации № 190-ФЗ от 29 декабря 2004 г. // Российская газета от 30 декабря 2004 г.

48 Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 6 октября 200 г. // Российская газета от 8 октября 2003 г.

ляясь публично-правовым институтом, призванным обеспечить открытое, независимое и свободное обсуждение общественно значимых вопросов, имеющих существенное значение для граждан, проживающих на территории соответствующего публичного образования, публичные слушания фактически не являются формой осуществления власти населением. Тем не менее, они предоставляют каждому, кого может затронуть предполагаемое решение, правомочие, на принятие которого принадлежит компетентным органам и должностным лицам, возможность участвовать в его обсуждении независимо от наличия специальных знаний либо принадлежности к определенным организациям и объединениям. Целью такого обсуждения становится выработка рекомендаций по общественно значимым вопросам либо получение общественной оценки правового акта⁴⁹.

Также важен для обеспечения устойчивого развития и аспект формирования и поддержания гармоничного функционирования в рамках городского эколого-коммуникативного пространства системы экологической культуры, экологического воспитания, образования и просвещения, как важных сегментов устойчивого городского развития.

Таким образом, современный «устойчивый город» как формирующаяся правовая категория, объективирующая в себе не только частные, но и общественный публичный интерес, основанная на осуществлении совместных позитивных усилий органов публичной власти, институтов гражданского общества и граждан по неуклонному повышению качества жизни граждан в городах, включает в себя целый ряд сегментов, обеспечивающих индивидам и обществу благоприятную окружающую среду, благоприятные условия жизнедеятельности, устойчивое эколого-ориентированное градостроительство, устойчивые условия проживания, труда, здравоохранения, производства и потребления, экономические и социально-политические гарантии, информационное обеспечение, современные формы коммуникации и культурное развитие. Но неизменно важной составляющей такой устойчивости является экологическая, как необходимо базисная, на основании которой и становится возможным реализовать весь обширный комплекс потребностей современного человека в условиях сбалансированного социального, политического, экономического, культурного и экологического развития, характеризующего устойчивость урбанизированных территорий и особенно – устойчивых городов.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов А. П. Право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду // Гражданин и право. - 2009. - № 2. - С. 72-80.
2. Бакаева О. Ю. Соотношение частных и публичных интересов в условиях реформирования законода-

- тельства Российской Федерации. - М.: Юрилитинформ, 2010. - 264 с.
3. Боголюбов С.А. Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан // Журнал российского права. - 2005. - № 7. - С. 24-32.
4. Боголюбов Е. С. Болтанова Г. В. Выпханова и др.; отв. редактор Н. В. Кичигин. Правовое обеспечение благоприятной окружающей среды в городах: научно-практическое пособие. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. - 336 с.
5. Боголюбов С. А., Бринчук М. М., Злотникова Т.В. Устойчивое развитие: градостроительство. Экология, право. - М.: РУСАЙНС, 2016. – 208 с.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. - М.: Культурная революция; Республика, 2006. - 179 с.
7. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве: теория и практика правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.06. - М., 2003. - 416 с.
8. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. - 1944. - № 18 (вып. 2). - С. 113-120.
9. Вершило Д. Н. Эколого-правовые основы устойчивого развития: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.06. - М., 2008. - 389 с.
10. Гердер Г. Идеи к философии истории человечества. - М.: Наука, 1977. - 703 с.
11. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. - СПб.: Кристалл, 2001. - 642 с.
12. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева. - М.: Деловой двор. - 2009. - 616 с.
13. Кулиев М. Р. Гражданское общество и право: опыт теоретического исследования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 - М., 1997. - 338 с.
14. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. - М.: Прогресс, Пангея, 1995. - 464 с.
15. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры в 3 т. - Т. 1. - Земля. Население. Экономика. Со словие. Государство. - М., 1993. - 528 с.
16. Монтескье Ш. Л. О духе законов. - М.: Мысль, 1999. - 674 с.
17. Ратцель Ф. Политическая география. - М.: Международные отношения, 1997. – 385 с.
18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 18 книгах. - Т. I. - М.: Голос, Колокол-Пресс, 1993-1998. - 438 с.
19. Тихомиров Ю. А. Публичное право: падения и взлеты // Государство и право. - 1996. - № 1. - С. 3-11.
20. Хуснутдинова С. Р. Урбанизированные территории как объект стратегического планирования и управления // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 2, ч. 2. - С. 36-43.
21. Шатаева С. В. Конституционное право человека на благоприятную окружающую среду и механизм его реализации в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. - М., 2003. - 293 с.
22. Энгельс Ф. Диалектика природы. - М.: Госполитиздат, 1953. - 328 с.

⁴⁹ П. 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации № 931-О-О от 15 июля 2010г. «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» // СПС Консультант Плюс.

ОРЛОВ Александр Александрович

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Федерального центра образовательного законодательства

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ИМУЩЕСТВА, ЗАКРЕПЛЕННОГО ЗА УЧРЕЖДЕНИЕМ ИЛИ КАЗЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

В статье рассматриваются особенности изъятия излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества, закрепленного собственником за учреждением или казенным предприятием либо приобретенное учреждением или казенным предприятием за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение этого имущества. Определяются правомочия собственника на такое изъятие, а также надлежащий орган, в компетенцию которого входит осуществление изъятия имущества в случае подведомственности учреждения или казенного предприятия федеральному государственному органу. Устанавливаются обстоятельства, свидетельствующие о неиспользовании или использовании не по назначению имущества учреждения или казенного предприятия. Настоящая статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Экспертно-аналитическое сопровождение юридической защиты прав и имущественных интересов Министерства просвещения Российской Федерации, подведомственных Министерству просвещения Российской Федерации организаций» в рамках Государственного задания Федерального центра образовательного законодательства на 2018 год.

Ключевые слова: федеральная собственность, хозяйственное ведение, оперативное управление, излишнее имущество, неиспользуемое имущество, используемое не по назначению имущество.

ORLOV Aleksandr Aleksandrovich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Federal Center for Educational Legislation

FEATURES OF THE SEIZURE OF PROPERTY ASSIGNED TO AN INSTITUTION OR PUBLIC ENTERPRISE

The article discusses the peculiarities of withdrawal of excessive, unused or misused property assigned by the owner to an institution or state-owned enterprise or acquired by an institution or state-owned enterprise at the expense of funds allocated to it by the owner to purchase this property. The powers of the owner for such an exemption are determined, as well as the appropriate government body whose competence includes the withdrawal of property in the case of jurisdiction of an institution or state-owned enterprise to a federal government body. The circumstances are established, indicating non-use or misuse of the property of an institution or state-owned enterprise. This article was prepared as a part of the research on «Expert and analytical support of legal protection of rights and property interests of the Ministry of education of the Russian Federation and organisations subordinated to the Ministry of education of the Russian Federation» in the framework of the state task of the Federal center for educational legislation for 2018.

Keywords: federal property, economic management, operational management, excessive property, unused property, misused property.

В практике деятельности федеральных государственных органов часто встает вопрос возврата имущества, которое было закреплено за подведомственным федеральным государственным учреждением или федеральным государственным казенным предприятием.

Первое, что необходимо отметить, что собственник имущества учреждения вправе изъять излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество¹.

В соответствии с пунктом 2 статьи 296 Гражданского кодекса Российской Федерации², собственник имущества вправе изъять излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество, закрепленное им за учреждением или казенным предприятием либо приобретенное учреждением или казенным предприятием за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение этого имущества. Имуществом, изъятым у учреждения или казенного предприятия, собственник этого имущества вправе распорядиться по своему усмотрению.

Так, рассматривая объем прав собственника имущества, И.Ф. Сюбарева приводит пример судебной практики, в кото-

ром имущество было изъято из владения института, в связи с чем были внесены изменения в реестр федерального имущества, право оперативного управления на это имущество было зарегистрировано за другим учреждением (академией)³.

Согласно пункту 3 статьи 299 Гражданского кодекса Российской Федерации право оперативного управления имуществом прекращается также в случаях правомерного изъятия имущества у предприятия или учреждения по решению собственника.

Из приведенных норм следует, что для изъятия имущества должны иметься определенные основания, в противном случае изъятие будет носить произвольный характер, что не является допустимым⁴.

При этом осуществление полномочий по изъятию имущества федерального учреждения является одной из основных функций Федерального агентства по управлению государственным имуществом и его территориальных органов⁵.

1 Репин А. Об уплате бюджетными учреждениями взносов на капитальный ремонт // Журнал «Бюджетные организации: бухгалтерский учет и налогообложение». № 10. Октябрь 2015 г. // СПС «ГАРАНТ».

2 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СПС «Консультант-Плюс».

3 Сюбарева И.Ф. Право оперативного управления учреждений в современный период // Журнал «Законы России: опыт, анализ, практика». № 4. Апрель 2016 г. // СПС «ГАРАНТ».

4 Практика применения Гражданского кодекса РФ частей второй и третьей // под общ.ред. В.А. Белова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт»; «Юрайт-Издат», 2011 // СПС «ГАРАНТ».

5 Шестакова Е.В. Применение списка контрольных вопросов (чек-листа) в ходе плановой проверки органом государственного контроля (надзора) // Право Доступа, 2018 // СПС «ГАРАНТ».

В пунктах 5.21.-5.22. Постановления Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом»⁶ установлено, что Федеральное агентство по управлению государственным имуществом закрепляет находящееся в федеральной собственности имущество в хозяйственном ведении и оперативном управлении федеральных государственных унитарных предприятий и производит в установленном порядке правомерное изъятие этого имущества; закрепляет находящееся в федеральной собственности имущество в оперативном управлении федеральных государственных учреждений, производит в установленном порядке изъятие излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества, закрепленного в оперативном управлении указанных учреждений.

Согласно Типовому положению о территориальном органе (межрегиональном территориальном органе) Федерального агентства по управлению государственным имуществом, утвержденному Приказом Минэкономразвития России от 01.11.2008 № 374⁷, территориальный орган осуществляет полномочия собственника в отношении имущества федеральных государственных унитарных предприятий, федеральных государственных учреждений, зарегистрированных на территории субъекта (субъектов) Российской Федерации, в котором (в которых) территориальный орган осуществляет свою деятельность, иного федерального имущества, расположенного на территории субъекта (субъектов) Российской Федерации, в котором (в которых) территориальный орган осуществляет свою деятельность, в том числе составляющего государственную казну Российской Федерации, в порядке, установленном настоящим Положением, а также полномочия собственника по передаче федерального имущества юридическим и физическим лицам, приватизации (отчуждению) федерального имущества в соответствии с настоящим Положением (пункт 4); закрепляет находящееся в федеральной собственности имущество на праве оперативного управления с целью размещения территориальных органов федеральных органов государственной власти и подведомственных им федеральных государственных учреждений на территории соответствующего (соответствующих) субъекта (субъектов) Российской Федерации, а также производит в установленном порядке изъятие излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества, закрепленного на праве оперативного управления за территориальными органами федеральных органов государственной власти и подведомственными им федеральными государственными учреждениями (пункт 4.1.9.).

Кроме того, согласно Приказу Росимущества от 15.05.2013 № 129 «О порядке принятия решений территориальными органами Федерального агентства по управлению государственным имуществом в отношении объектов федерального имущества»⁸, территориальные управления Росимущества наделены отдельными полномочиями собственника – Российской Федерации в отношении имущества территориальных подразделений федеральных органов вла-

сти и подведомственных им федеральных государственных учреждений:

закрепление находящегося в федеральной собственности имущества на праве оперативного управления с целью размещения территориальных подразделений федеральных органов власти и подведомственных им федеральных государственных учреждений на территории соответствующего субъекта Российской Федерации;

осуществление изъятия федерального имущества, закрепленного на праве оперативного управления за территориальными подразделениями федеральных органов исполнительной власти и подведомственными им федеральными государственными учреждениями, и закрепление данного имущества за иными территориальными подразделениями федеральных органов власти и подведомственными им федеральными государственными учреждениями.

Так, в Определении ВАС РФ от 09.04.2014 № ВАС-3367/14 по делу № А43-33548/2012 суд установил, что спорное имущество не использовалось учреждением по назначению, поскольку цель строительства фармацевтического завода, как основная цель создания учреждения, не достигнута, спорные объекты использовались неустановленными лицами без правовых оснований, учреждением не было доказано, что спорное имущество возведено на средства, полученные от предпринимательской деятельности самого учреждения. Также судом было установлено, что на основании законодательства Российской Федерации территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом является полномочным лицом на осуществление изъятия спорного имущества⁹.

На основании этого можно сделать вывод, что именно территориальный орган Федерального агентства по управлению государственным имуществом осуществляет изъятие излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества учреждения, подведомственного федеральному государственному органу¹⁰.

При анализе правомерности изъятия излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества учреждения суды обращают внимание на наличие согласования данного изъятия с собственником имущества учреждения.

В случае, когда полномочия собственника имущества учреждения осуществляет определенный государственный орган, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом или его территориальные органы обязаны согласовывать изъятие имущества учреждения с данным государственным органом.

В Определении ВАС РФ от 28.01.2013 № ВАС-18043/12 по делу № А45-11637/2012 суд указал, что в соответствии с уставом образовательного учреждения полномочия его учредителя осуществляет Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство образования и науки Российской Федерации согласно пункту 5.5.1. Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 03.06.2013 № 466, осуществляет в порядке и пределах, которые определены федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, полномочия собственника в отношении федерального имущества, переданного федеральным государственным учреждениям, федеральным государственным унитарным предприятиям и казенным предприятиям, подведомствен-

6 Постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» (ред. от 21.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

7 Приказ Министерства экономического развития РФ от 1 ноября 2008 г. № 374 «Об утверждении типового положения о территориальном органе (межрегиональном территориальном органе) Федерального агентства по управлению государственным имуществом» (ред. от 31.08.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8 Приказ Росимущества от 15 мая 2013 г. № 129 «О порядке принятия решений территориальными органами Федерального агентства по управлению государственным имуществом в отношении объектов федерального имущества» // СПС «КонсультантПлюс».

9 Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 апреля 2014 г. № ВАС-3367/14 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10 Гаврилов Е. Согласовывать будем? А если будем, то с кем? // «ЭЖ-ЮРИСТ». № 45. Ноябрь 2011 г. // СПС «ГАРАНТ».

ным ему, следовательно, Министерство образования и науки Российской Федерации является собственником имущества учреждения, поэтому изъятие территориальным управлением Федерального агентства по управлению государственным имуществом недвижимого имущества, закрепленного на праве оперативного управления за образовательным учреждением, подлежало согласованию с Министерством образования и науки Российской Федерации¹¹.

В Определении ВАС РФ от 22.08.2013 № ВАС-11134/13 по делу № А50-12877/2011 суд указал, что поскольку учреждение подведомственно Министерству образования и науки Российской Федерации, изъятие территориальным управлением Федерального агентства по управлению государственным имуществом спорного здания у учреждения без получения согласия министерства не допускается¹².

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 30.09.2015 № Ф05-12188/2015 по делу № А40-123441/14 судом также было указано, что согласно уставу, полномочия учредителя учреждения осуществляет Министерство культуры Российской Федерации, поэтому принятие территориальным управлением Федерального агентства по управлению государственным имуществом в городе Москве оспариваемого распоряжения без получения согласия Министерства культуры Российской Федерации свидетельствует о незаконном изъятии недвижимого имущества из оперативного управления учреждения¹³.

В связи с этим согласие собственника имущества учреждения необходимо при изъятии данного имущества территориальным органом Федерального агентства по управлению государственным имуществом.

Стоит учитывать, что о неиспользовании или использовании не по назначению имущества учреждения, а также о том, что такое имущество является излишним, могут свидетельствовать результаты проведенной проверки. По результатам проведения проверки контролеры дают детальное описание выявленных фактов использования имущества не по назначению и неиспользования имущества¹⁴.

В Определении Верховного Суда РФ от 27.10.2017 № 305-КГ17-15393 судом было рассмотрено дело № А40-192811/2016, в котором имущество учреждения, закрепленное за ним на праве оперативного управления, было признано используемым не по назначению на основании представленного акта внеплановой комплексной проверки использования помещений территориального органа Федерального агентства по управлению государственным имуществом в городе Москве, по итогам проверки данным органом также было вынесено распоряжение об изъятии используемого не по назначению имущества учреждения¹⁵.

Собственник имущества учреждения вправе сам провести проверку эффективности использования имущества, закрепленного за подведомственным ему учреждением. По результатам такой проверки собственник имущества учреж-

дения или само учреждение вправе обратиться в Федеральное агентство по управлению государственным имуществом или его территориальный орган с заявлением об изъятии в казну Российской Федерации излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества.

Так, в Определении Верховного Суда РФ от 25.10.2016 № 304-КГ16-13767 по делу № А70-8526/2015 суд установил, что во исполнение требований об устранении нарушений в части необоснованных затрат на содержание неиспользуемого имущества, выявленных по результатам проверки контрольно-ревизионными органами Министерства финансов Российской Федерации, учреждение обратилось в Управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом с заявлением об изъятии в казну Российской Федерации имущества¹⁶.

Материалами данного дела подтверждалось, что изъятые у учреждения имущество являлось для последнего излишним, не использовалось им по назначению и находилось в неудовлетворительном состоянии. Суд указал, что Управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом в силу закона наделено полномочиями по изъятию излишнего и не используемого федерального имущества; учитывая, что учреждение само обратилось с заявлением об изъятии излишнего и не используемого им имущества, действия Управления по изъятию спорного имущества из оперативного управления учреждения и передаче его в казну Российской Федерации, оформленные оспариваемым распоряжением, являются правомерными.

В связи с изложенным, результаты проверки являются доказательством того, что имущество учреждения является излишним, не используется или используется не по назначению. Ведь в случае судебного спора о признании недействительными актов об изъятии имущества бремя доказывания указанных обстоятельств возлагается на собственника, принявшего такое решение¹⁷.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов Е. Согласовывать будем? А если будем, то с кем? // «ЭЖ-ЮРИСТ». № 45. Ноябрь 2011 г. // СПС «ГАРАНТ».
2. Минашкин А.В. Основы административно-правового статуса государственных учреждений // «Право и экономика». № 1. Январь 2003 г. // СПС «ГАРАНТ».
3. Практика применения Гражданского кодекса РФ частей второй и третьей // под общ. ред. В. А. Белова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт»; «Юрайт-Издат», 2011 // СПС «ГАРАНТ».
4. Репин А. Об уплате бюджетными учреждениями взносов на капитальный ремонт // Журнал «Бюджетные организации: бухгалтерский учет и налогообложение». № 10. Октябрь 2015 г. // СПС «ГАРАНТ».
5. Сильвестрова Т. Неэффективное использование бюджетных средств и имущества // «Ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности государственных (муниципальных) учреждений». № 1. январь 2015 г. // СПС «ГАРАНТ».
6. Слюбарева И. Ф. Право оперативного управления учреждений в современный период // Журнал «Законы России: опыт, анализ, практика». № 4. Апрель 2016 г. // СПС «ГАРАНТ».
7. Шестакова Е. В. Применение списка контрольных вопросов (чек-листа) в ходе плановой проверки органом государственного контроля (надзора). // Право Достапа, 2018 // СПС «ГАРАНТ».

11 Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 января 2013 г. № ВАС-18043/12 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12 Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 августа 2013 г. № ВАС-11134/13 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 сентября 2015 г. № Ф05-12188/15 по делу № А40-123441/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

14 Сильвестрова Т. Неэффективное использование бюджетных средств и имущества // «Ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности государственных (муниципальных) учреждений». № 1. Январь 2015 г. // СПС «ГАРАНТ».

15 Определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 г. № 305-КГ17-15393 // СПС «КонсультантПлюс».

16 Определение Верховного Суда РФ от 25 октября 2016 г. № 304-КГ16-13767 // СПС «КонсультантПлюс».

17 Минашкин А.В. Основы административно-правового статуса государственных учреждений // «Право и экономика». № 1. Январь 2003 г. // СПС «ГАРАНТ».

ПОЛЯКОВ Вячеслав Вячеславович

магистрант Российского государственного социального университета (РГСУ)

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА В ТОРГОВОМ ОБОРОТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Договор является разновидностью сделки, однако, знак тождества между ними поставить нельзя. Договор – это двусторонняя сделка, соглашение двух и нескольких сторон. Форма договора может быть различной, однако, договор всегда направлен на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей. В свою очередь, обязательство направлено на соблюдение прав и обязанностей сторонами. Для договора важен процесс реализации прав и исполнения обязанностей сторон, для обязательства – нацеленность на результат.

Договоры всегда являлись основанием возникновения у сторон взаимных прав и обязанностей, в том числе и в Российской империи. В заключаемых договорах времен Российской империи особое внимание уделялось развитию торгово-коммерческих отношений. В статье отмечается, что в заключаемых в Российской империи договорах зачастую присутствовало несколько обязательств, исполнение которых непосредственным образом сказывалось на реализации основных положений договора.

Ключевые слова: Российская империя, договор, юридическая конструкция, торговый оборот, обязательство, гражданско-правовая ответственность.

POLYAKOV Vyacheslav Vyacheslavovich

magister student of the Russian State Social University (MSSU)

FEATURES OF THE CONTRACT IN THE TRADE TURNOVER OF THE RUSSIAN EMPIRE

The contract is a kind of transaction, however, the sign of identity between them cannot be put. A contract is a bilateral transaction, an agreement between two and several parties. The form of the contract may be different, however, the contract is always aimed at establishing, changing or terminating rights and obligations. In turn, the obligation is aimed at compliance with the rights and obligations of the parties. The process of realization of rights and fulfillment of obligations of the parties is important for the contract, for the obligation – focus on results.

Contracts have always been the basis for the parties' mutual rights and obligations, including in the Russian Empire. In the contracts concluded during the Russian Empire, special attention was paid to the development of trade and commercial relations. The article notes that in the contracts concluded in the Russian Empire, there were often several obligations, the fulfillment of which directly affected the implementation of the main provisions of the Treaty.

Keywords: Russian Empire, contract, legal structure, trade turnover, obligation, civil liability.

Поляков В. В.

Договоры как юридические конструкции являются абстрактным определением, имеющим особую сферу действия. С. А. Сеницын отмечает тот факт, что договор обладает особыми элементами, а именно субъектным и объектным составом, имеет предмет, а также существенные условия, которые важны для соблюдения каждой стороной¹. Этот подход общепризнан в современной науке, хотя существуют и совершенно иные подходы к пониманию договорных конструкций. Договорные конструкции проще всего оценивать, исходя из учета элементов договора, его содержания и соблюдения сторонами существенных условий. Также договорные конструкции позволяют определять намерения сторон и оценивать предмет договора. Свободное волеизъявление сторон договора, по справедливому утверждению Е. А. Шелепиной, является основанием его заключения, а в дальнейшем определяет направления его реализации. определяет несколько иные элементы договорных конструкций².

В современном гражданском праве существует масса различных подходов к определению и заключению договора, однако, так было далеко не всегда. В рамках настоящего исследования особый интерес представляют особенности

заключения договоров в Российской империи, где развитие института договора происходило в сложнейших условиях. Перед тем, как перейти к освещению данной темы, отметим, что современное гражданское законодательство устанавливает, что договоры направлены на установление, изменение или прекращение гражданских обязанностей. Совершение договора приравнивается к юридическому факту. О. А. Красавчиков отмечает: «Договор – это соглашение сторон, которое выражено в определенной законом форме, направленное на установление взаимных прав и обязанностей»³.

По мнению М. И. Брагинского, договором следует считать:

- юридический факт, который выступает в качестве основания для возникновения правоотношения;
- правоотношение, содержание которого определяется совокупностью прав и обязанностей⁴.

В Российской империи столь широкий подход к пониманию договоров отсутствовал, что было обусловлено определенными обстоятельствами, в частности, получило закрепление сословное деление в условиях крепостничества. Так, крестьяне, которые были частными владельцами земельных участков, утратили право

1 Сеницын С. А. Экономический смысл сделки: вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. – 2017. – № 12. – С. 110.

2 Шелепина Е. А. Применение электронных документов в гражданских правоотношениях: условия и возможности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 10. – С. 33.

3 Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции. Межвузовский сборник научных трудов. УрГУ. – Свердловск, 1980. – С. 10.

4 Брагинский М. И. Сделки: понятие, виды и формы: Комментарий к новому ГК РФ. – М., 1995. – С. 44.

на совершение любых сделок с недвижимостью. Допускалось заключение договоров в отношении движимого имущества, используемого, как правило, для удовлетворения бытовых нужд.

Первые упоминания о сделках можно встретить в римском праве, наработки которого нашли частично свое отражение и в практике заключения договоров в Российской империи. Особой популярностью в Древнем Риме пользовались сделки, связанные с отчуждением права собственности. Истоки крылись в том, что возникновение частной собственности неизменно повлекло необходимость заключения договор по обращению вещей. Например, в Дигестах Юстиниана имеется упоминание даже не о сделках или договорах, а скорее – о соглашениях (титул XIV). Соглашением, согласно римскому праву, являлась передача вещей. В Дигестах присутствует упоминание о купле-продаже, найме, займе, товариществе, ссуде, хранении, мене. Следует отметить, что первые упоминания о купле-продаже в римском праве присутствуют еще в XII таблицах, уже тогда римляне заключали соглашения о продаже товаров в кредит. Римскому праву были знакомы и односторонние сделки, такие как завещание. Законы XII Таблиц без сомнений называли завещание нормальным основанием наследования⁵. Римское право знало о существовании сделок, использовало их в практике, однако, полноценного определения им не давало. Кроме того, в границах римского права существовали основания, позволявшие признать сделку недействительной или незаконченной. Так, Д. В. Дождев указывает, что римляне трудились над обеспечением стабильности договорных отношений – «если лицо, которое сознательно умолчало в целях обмана о том, что не собирается действительно заключать сделку, обязано ее исполнить, если адресат не мог догадаться о несерьезности волеизъявления»⁶. Кроме того, существовала римская реституция, которая обладала преобразовательным характером, поскольку была направлена на аннулирование правового эффекта различных юридических фактов, в том числе и сделок.

Несколько иначе развивалось древнерусское законодательство о сделках. В Русской Правде⁷ присутствуют упоминания о сделках, и даже называются отдельные виды договоров – поклада, простой заем, бескорыстная ссуда, одолжение по дружбе, процентный заем. Также положения Русской Правды регулировали несколько видов кредитного оборота, различали наследование по закону и по завещанию. Достаточно часто сделки заключались именно в устной форме, предметом договоров обычно выступали движимые вещи.

Следующий период развития законодательства о сделках связан с появлением ссудных грамот в Новгороде и Пскове, а также со становлением Московского государства. Появляются первые указания на заключение отдельных сделок именно в письменной форме, расширяется круг участников гражданских правоотношений. Сделки, совершенные с целью обмана, признаются недействительными. Следует отметить, что в Московском государстве еще долгое время практиковалось заключение устных договоров, в то время как в Псковской ссудной грамоте присутствуют упоминания о письменной форме соглашений. Требование к письменной форме сделок сделалось всеобщим только в XVI веке, хотя обязательным не считалось. Уже в 1619 году возникла обязанность по составлению письменного акта договора. Тот, кто не знал грамоты, но желал заключить сделку, мог обратиться за помощью к духовному отцу или ближайшим родственникам. Тем не менее, простой письменной формы для договорного акта было недостаточно, дополнительно должен был издаваться приказ, неисполнение которого приводило к признанию сделки недействительной⁸.

При Петре I начался новый виток развития законодательства о сделках. Для укрепления заключенных сделок были определены конкретные инстанции – в 1701 году Оружейная палата, в 1706 году Московская ратуша и в 1719 году Юстиц-коллегия. При Екатерине II появилось новое правило, согласно которому крепостным порядком совершались только акты о проходе недвижимой собственности. То есть, возникла явочная собственность, с которой были связаны доверенности, запродажные договоры, арендные контракты. Предполагалось, что основанием

прекращения договора может быть факт его исполнения или неисполнения, давность, смерть контрагента⁹.

Подобный порядок заключения и исполнения договоров сохранялся до 1917 года, с приходом которого количество заключаемых сделок резко снизилось. Так происходило потому, что право частной собственности больше не признавалось, и государство не гнушалось использовать любые средства для того, чтобы лишить население всех возможных благ. Уже с первыми декретами советской власти право собственности было ликвидировано.

В заключении хотелось бы отметить, что для укрепления торгового оборота стороны, которые не исполняли, либо ненадлежащим образом исполняли свои договорные обязательства, привлекались к гражданско-правовой ответственности. В Российской империи первые элементы гражданско-правовой ответственности в виде возмещения имущественного вреда по договорам были неразрывно связаны с уголовно-правовыми мерами воздействия. Например, в отношении виновного лица назначалось наказание, но в качестве альтернативы ему могло быть предложено возмещение причиненного имущественного вреда. Подобная взаимосвязь уголовных и гражданских начал не отличалась простотой и ясностью. В других случаях виновный мог быть обязан выплатить компенсацию семье пострадавшего от его преступного деяния лица, если же у него было недостаточно средств, то он подвергался физическим наказаниям. Данное положение прямо предусматривалось §91 Соборного уложения 1649 года. То есть, наказание как уголовно-правовой инструмент сопровождалось возмещением материального ущерба, если таковой был причинен преступлением. По сути, это древний аналог современной внедоговорной ответственности, которая, как и XV веков назад, не лишена проблем в практическом применении.

Впервые полноценные нормы о возмещении причиненного вреда по договорам нашли закрепление только в Своде законов Российской империи (1835)¹⁰. Суть положений о возмещении имущественного вреда сводилась к тому, что вред обязан был компенсировать нарушитель – сторона, которая не соблюдала положения договора. В обязательном порядке устанавливалась вина нарушителя и степень причиненного вреда. Лишь при положительном исходе дела потерпевшее лицо имело возможность получить имущественную компенсацию по факту нарушения условий договора. Виновное лицо обязано было возместить не только причиненный вред, но и все убытки, которые повлекли его неправомерные действия, которые при этом не считались преступными. Подобный подход действовал в России до 1917 года, с наступлением которого законодательство подверглось существенным изменениям и трансформациям.

Пристатейный библиографический список

- Брагинский М. И. Сделки: понятие, виды и формы: Комментарий к новому ГК РФ. – М., 1995.
- Вольман И. С. Гражданское право России. – М.: Статут. 2003.
- Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право. – М., 2003.
- Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции. Межвузовский сборник научных трудов. УрГУ. – Свердловск, 1980.
- Русская правда. Памятники русского права. – М., 1952. – Вып. 1.
- Семкина Е. М. Недействительность сделок в гражданском праве РФ // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2001. – № 1.
- Синицын С. А. Экономический смысл сделки: вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. – 2017. – № 12.
- Толстой В. С. Законодательство о сделках. Спорные вопросы практики его применения. – М., 1982.
- Шелепина Е. А. Применение электронных документов в гражданских правоотношениях: условия и возможности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 10.
- Толстой В. С. Законодательство о сделках. Спорные вопросы практики его применения. – М., 1982. – С. 90.
- Вольман И. С. Гражданское право России. – М.: Статут. 2003. – С. 103.

5 Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право. – М., 2003. – С. 102.

6 Там же. – С. 113.

7 Русская правда. Памятники русского права. – М., 1952. – Вып. 1. – С. 133.

8 Семкина Е. М. Недействительность сделок в гражданском праве РФ // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2001. – № 1. – С. 15.

РОДИОНОВ Леонид Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России; доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Самарского филиала Московского городского педагогического университета

АЗАРХИН Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ БЕСТЕЛЕСНОГО ИМУЩЕСТВА В ЦЕЛЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В статье рассматривается соотношение бестелесного имущества к имущественным объектам, определенным в статье 128 ГК РФ. Авторы рассматривают признаки бестелесного имущества как нематериального блага в обязательственном праве.

Ключевые слова: бестелесное имущество, обязательственное право, имущественное право, вещь, благо, объект права, нематериальные блага, безналичные деньги.

RODIONOV Leonid Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia; associate professor, professor of Civil law and process sub-faculty of the Samara branch of the Moscow City Pedagogical University

AZARKHIN Aleksey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Professional disciplines of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, associate professor of Theory and philosophy of law sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State Economic University

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF INCORPOREAL PROPERTY TO DETERMINE ITS ESSENTIAL FEATURES AS THE OBJECT OF CIVIL LAW

The article deals with the ratio of incorporeal property to property objects defined in article 128 of the Civil Code. The authors consider the features of incorporeal property as an intangible benefit in the law of obligations.

Keywords: incorporeal property, law of obligations, property right, thing, good, object of law, intangible benefits, non-cash money.

Родионов Л. А.

Азархин А. В.

Актуальность темы, заявленной авторами, позволит раскрыть современный уровень развития понятия бестелесного имущества в целях определения его существенных признаков как объекта гражданского права. Многообразие точек зрения по поводу понятия и состава бестелесного имущества, отсутствие единых подходов в критериях отграничения бестелесных вещей от смежных видов объектов гражданских прав, недостаточность внимания особенностям бестелесного имущества, его правовому режиму требуют дальнейшей проработки. Поэтому есть необходимость в определении понятия бестелесного имущества, описания его признаков, определения перечня объектов гражданских прав, которые можно отнести к бестелесному имуществу и воздействие особенностей бестелесного имущества на его правовой режим.

Современная цивилистика проявляет повышенный интерес к проблематике возрождения концепции так называемого бестелесного имущества (бестелесных вещей). Обратившись к истории права, мы отмечаем, что под бестелесным имуществом в римском праве понимались имущественные права: право наследования, право usufructa, обязательственное право требования и др.¹ Схожая дефиниция бестелесных вещей в западной доктрине предложена французским автором Р. Саватье: это «абстрактные права, имеющие определенную стоимость, выраженную в деньгах»². Д.В. Мурзин дает определение бестелесной вещи как «субъективного

обязательственного права, регулируемого нормами вещного права»³ (т.е. здесь более узкое понимание: речь идет не об имущественных правах вообще, а только об обязательственных).

Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) дает перечень возможных объектов гражданских правоотношений. Надо отметить, что достоинство этой статьи состоит в употреблении в качестве объекта гражданского права термина «благо». Ведь объектами гражданских правоотношений могут быть только блага, потому что смысл гражданского правоотношения в том и состоит, что посредством их приобретаются или используются определенные блага как материального, так и духовного характера с целью удовлетворения соответствующих потребностей»⁴.

Отдельные ученые с гражданско-правовой точки зрения энергию относят к категории вещей (так называемого бестелесного имущества), обладающих рядом специфических свойств. Если раньше юридический термин «вещь» и экономический термин «товар» рассматривались едва ли не как синонимы, то в наши дни под товаром понимается чрезвычайно широкий перечень благ, несводимых к материальным объектам окружающего мира. Среди новых вовлеченных в хозяйственный оборот товаров важнейшее место занимает

1 Дождев Д. В. Римское частное право: Учебник для вузов. М.: Издательская группа «ИНФРА-М-НОРМА», 1996. С. 324.

2 Саватье Р. Теория обязательства. Юридический и экономический очерк. М.: Прогресс, 1972. С. 53.

3 Мурзин Д.В. Бестелесные вещи // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 324.

4 Яковлев В.Ф. Избранные труды. М., 2012.: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. Т. 2.

бестелесное имущество⁵. Иногда высказывается любопытная точка зрения о том, что ценная бумага - особая бестелесная вещь, а именно - обязательственное договорное право, регулируемое нормами вещного права⁶.

Как утверждает Гаджиев Г.А., имущественными объектами гражданских прав могут быть вещи, имущественные права и иное имущество, существующие в реальной действительности: имущество, являющееся осязаемой категорией материального мира, а также бестелесные вещи⁷. Так, в соответствии со ст. 128 ГК РФ это могут быть не только наличные деньги, номинированные в той или иной валюте, но и безналичные денежные средства, существующие в виде записей по счетам, открытым в кредитных организациях. Для того чтобы безналичные деньги были реальным имуществом, они должны быть обеспечены наличием в достаточном размере денежного остатка на корсчете банка, в котором размещены на счете безналичные деньги, поскольку безналичные денежные средства представляют собой обязательства такого банка перед клиентом.

Сторонники «широкого» понимания объектов права собственности признают, что право собственности возможно помимо телесных вещей еще и на иные виды имущества. Так, М.И. Брагинский утверждал, что право собственности имеет объектом не только вещи, но и права. Тогда как И. Гумаров, считают, что право собственности существует только на вещь, но при этом в объем понятия «вещь» включаются как телесные, так и бестелесные объекты, например, доли в уставном капитале⁸.

Авторская точка зрения основывается на анализе различий в оценке содержания понятия объектов гражданских правоотношений и позволяет признать бестелесные вещи объектами права собственности, связанных с невозможностью владения (в классическом понимании) ими, а также их значительную специфику, вытекающую из нематериальной природы указанных объектов. Целесообразным полагаем установить в отношении всех нематериальных имуществ понятия вещи, поскольку это не противоречит нематериальному характеру этих объектов и специальному законодательству.

На основании всего изложенного можно прийти к следующим выводам:

Вопрос о включении бестелесного имущества в число объектов права собственности надо рассматривать с учетом специфики понимания собственности в Российском праве. Учитывая, что собственность определяется через правомочия владения, пользования и распоряжения, владение бестелесным имуществом в отечественном гражданском праве, не допускает к признанию бестелесного имущества объектом права собственности. Видится возможным распространять действие норм гражданского права, относящихся к праву собственности, на бестелесное имущество как не противоречащее нематериальной природе такого имущества. Исходя из анализа научных суждений, мы приходим к выводу, что каждое субъективное право бестелесно. Полагаем, что в вопросах разделения имущества на телесное и бестелесное необходимо не только руководствоваться оценкой материальности или нематериальности объекта, но и учитывать последствия признания имущества телесным или бестелесным, которые будут выражаться в обозначении правового режима данного объекта.

Под нематериальностью бестелесного имущества следует понимать отсутствие у него осязаемой оболочки в противополо-

жность вещам. Следует заметить, что иногда указанная оболочка имеет чисто символическое значение, ценность вещи не определяется ценностью этой оболочки. Наличие у определенного лица безналичных денег и бездокументарных ценных бумаг, также может быть символически выражено в бумажном документе – выписке из банковского счета или реестра акционеров. Но существование классической ценной бумаги и осуществление прав из нее связаны с существованием и передачей документа, являющегося ценной бумагой, а документ, содержащий информацию о владельцах бездокументарных ценных бумаг, имеет сугубо доказательственное значение принадлежности бездокументарной ценной бумаги тому или иному лицу. Ценность имущественного права не всегда сводится к ценности его объекта, так как, например, приобретая право требования выплаты денег в порядке цессии, кредитор получает не деньги, а возможность и право их получить, причем реализация этой возможности зависит, в том числе, он становится отдельным объектом оборота, не сводимым к его предмету, приобретая тем самым дискретность. Поэтому право обладателя бестелесного имущества распространяется на само это имущество, то есть на права, а не на их объект. Именно ввиду наличия у него самостоятельной имущественной ценности бестелесное имущество признается правом.

Бестелесные вещи нематериальны, следовательно, ситуация, при которой два и более лица претендовали бы на конкретную имущественную единицу, невозможна, если совокупное количество имущества, которым они обладают, не превышает имеющееся в общей массе. Следовательно, бестелесное имущество может быть присвоено без его полной индивидуализации путем указания на определенное количество данного имущества в рамках ограниченного имущественного рода.

Таким образом, квалификация объекта гражданских прав как бестелесного имущества определяется на основе наличия отношений присвоения нематериальных разновидностей имущества, складывающихся между лицом, которому такое имущество принадлежит, и третьими лицами. Так как на абсолютные имущественные права (исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации, вещные права) установления другого абсолютного права не требуется, к бестелесному имуществу следует относить корпоративные и обязательственные права (включая безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги). Следует отметить, что специфика бестелесного имущества, вытекающая, прежде всего, из его нематериальности, оказывает влияние и на способы защиты его обладателя. Так в отдельных случаях к бестелесному имуществу могут применяться конструкции, аналогичные вещно-правовым а иногда и нет. В настоящее время в судебной практике отсутствует единый подход к выбору надлежащего способа защиты нарушенного права

Пристатейный библиографический список

1. Гаджиев Г.А. Опыт философско-правового осмысления цивилистических проблем (онтологический аспект) // Гражданское право и современность: Сб. статей, посвященный памяти М.И. Брагинского / С.С. Алексеев, Ф.О. Богатырев, Б.А. Булаевский и др.; Под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2013.
 2. Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2001. № 3.
 3. Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник для вузов. М.: Издательская группа «ИНФРА-М-НОРМА», 1996.
 4. Мурзин Д.В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М., 1998.
 5. Мурзин Д.В. Бестелесные вещи // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004.
 6. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. М.: Прогресс, 1972.
 7. Федотов Д.В. Бестелесное имущество в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.
 8. Яковлев В.Ф. Избранные труды. М., 2012.: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. Т. 2.
- 5 Федотов Д.В. Бестелесное имущество в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.
- 6 Мурзин Д.В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М., 1998. С. 79; Федотов Д.В. Бестелесное имущество в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 18-20.
- 7 Гаджиев Г.А. Опыт философско-правового осмысления цивилистических проблем (онтологический аспект) // Гражданское право и современность: Сб. статей, посвященный памяти М.И. Брагинского / С.С. Алексеев, Ф.О. Богатырев, Б.А. Булаевский и др.; Под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2013.
- 8 Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2001. № 3. С. 81-84.

ДОЛОТИНА Регина Рашидовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

ГАЙНУТДИНОВА Гузель Султановна

студент 4 курса Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ШТРАФЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Данная статья посвящена практике применения процессуальных штрафов в арбитражном и гражданском процессе. Авторами работы проведен сравнительный анализ законодательства, регулирующего применение санкций в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: арбитражный процесс, гражданский процесс, штрафы, ответственность.

DOLOTINA Regina Rashidovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil procession law sub-faculty of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

GAYNUTDINOVA Guzel Sultanovna

4th year student of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

PROCEDURAL PENALTIES IN CIVIL PROCEDURE

This article is devoted to the practice of applying procedural penalties in arbitration and civil proceedings. The authors carried out a comparative analysis of the legislation governing the use of sanctions in civil proceedings.

Keywords: arbitration process, civil process, fines, responsibility.

С 2002 года в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) закреплена ответственность в виде судебного штрафа для сторон процесса. Глава 11 АПК РФ регламентирует порядок наложения судебного штрафа. Стоит заметить, что такого рода ответственность применяется судами нечасто. Как показывает статистика, реально из предусмотренных АПК РФ различных оснований для взыскания штрафов применяются только 3-4 вида штрафа¹.

Исходя из анализа норм главы 11 АПК РФ и других его положений под судебным штрафом понимается мера ответственности, которая налагается судом с целью пресечения правонарушений, которые совершаются в процессе рассмотрения дела, на стадии принудительного исполнения судебных актов, и как следствие, с целью формирования у участников судопроизводства уважительного отношения к суду и закону в целом².

Часть 1 статьи 119 АПК РФ³ предусматривает наложение судебного штрафа судом в следующих случаях: по делам о корпоративных спорах на лицо, которое обратилось с заявлением об обеспечении иска тогда, когда лица, участвующие в деле, не были уведомлены о времени и месте рассмотрения этого заявления (ч. 10 ст. 225.6); в случае неисполнения судебного акта органами государственной власти и местного

самоуправления, иными органами, должностными лицами, организациями и гражданами (ч. 1 ст. 332); на лицо, которое обратилось в защиту прав и законных интересов группы лиц тогда, когда было совершено злоупотребление ими своими процессуальными правами или не выполнены процессуальные обязанности (ч. 3 ст. 225.12) и прочее.

Таким образом, Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации предусматривается тринадцать поводов наложения судебного штрафа, связанных с неисполнением определенных обязанностей сторонами судопроизводства.

Рассмотрев вопрос о наложении судебного штрафа суд выносит определение, которое можно обжаловать в 10-дневный срок со дня получения копии документа нарушителем (части 4, 6 ст. 120 АПК РФ).

Часть 1 статьи 105 ГПК РФ⁴ предусматривает, что судебные штрафы налагаются судом в случаях и в размерах, предусмотренных настоящим кодексом. Согласно ГПК РФ судебные штрафы налагаются: за нарушение порядка при рассмотрении дела в судебном заседании (ч. 3 ст. 159); при неявке свидетеля, специалиста, эксперта, переводчика в суд по причинам, которые признаны в последствии судом неуважительными (ч. 2 ст. 168); на должностных лиц тогда, когда они нарушили требования о необходимости сообщения суду

Долотина Р. Р.

Гайнутдинова Г. С.

1 Хасаншина Ф. Г., Хасаншин И. А. Вопросы применения процессуальных штрафов в арбитражном процессе // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 8 (123). - С.323.

2 Гонзус И. П. Судебный штраф в арбитражном процессе. Когда стороне грозит наказание // Арбитражная практика для юристов. - 2017. - № 8 (24). - С. 70-73.

3 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 03.08.2018 г.) // Российская газета. - 27.07.2002. - № 137.

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 03.08.2018 г.) // Российская газета. - 20.11.2002 г. - № 220.

о мерах, которые приняты по частному определению (ч. 2 ст. 226) и другое.

Копия определения суда о наложении судебного штрафа направляется лицу, на которое наложен штраф. Ст. 106 ГПК РФ определяет, что в течение 10 дней со дня получения копии определения суда о наложении судебного штрафа лицо, на которое наложен штраф, может обратиться в суд, наложивший штраф, с заявлением о сложении или об уменьшении штрафа. Это заявление рассматривается в судебном заседании в течение 10 дней. Лицо, на которое наложен штраф, извещается о времени и месте судебного заседания, однако его неявка не является препятствием к рассмотрению заявления. Нормы о сложении или об уменьшении штрафа в Арбитражном процессуальном кодексе РФ не содержится⁵.

Обжалование самого определения о наложении штрафа нормами ГПК РФ, в отличие от АПК РФ, не предусмотрено (Определение Тюменского областного суда от 02.03.2015 по делу № 33-1172/2015), хотя на практике это не является препятствием для отмены такого определения, если у суда не было оснований для наложения штрафа.

Однако, заметим, что в арбитражном судопроизводстве возможности применения судебного штрафа несколько шире, чем в гражданском.

Злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой предусмотренные АПК РФ неблагоприятные последствия (ч. 2 ст. 41 АПК РФ). При этом норма не раскрывает, какие это неблагоприятные последствия. Представляется, что норма ч. 5 ст. 119 АПК РФ может использоваться более широко, поскольку у суда мало инструментов для руководства процессом и понуждения к надлежащему исполнению процессуальных обязанностей. Дело в том, что понудить предпринимателя или коммерческую организацию представить те или иные документы суд не вправе, а необходимые для рассмотрения документы у госоргана часто отсутствуют. Но не всегда усилия суда находят понимание в вышестоящей инстанции. Так по делам № А32-7218/12 и № А32-2617/12 заявитель неоднократно не исполнял определения суда, не представлял подлинники документов (ч. 3 ст. 75 АПК РФ), переводы (нарушение ч. 8 ст. 75 АПК РФ), а также расширенное заявление с изложением обстоятельств дела. Суд назначил рассмотрение вопроса о наложении судебного штрафа. К дате его рассмотрения от заявителя поступил отказ от иска. Суд принял отказ и прекратил производство по делу, но при этом также наложил судебный штраф на заявителя. Апелляция не согласилась с наложением штрафа, посчитав, что суд не учел отказ от иска. Также суд акцентировал внимание на том, что непредставление расширенного заявления нельзя трактовать как неуважение к суду. С позицией суда апелляционной инстанции нельзя согласиться, поскольку он не дал оценку неисполнению пяти определений суда. Отказ от иска не свидетельствует о том, что заявитель не злоупотреблял процессуальными правами⁶.

И в гражданском, и в арбитражном процессе применение штрафа, являющегося крайней мерой, возможно в исключительных случаях, когда предупреждение суда, адресованное участнику процесса, не возымело действия.

Суд вправе наложить штраф по своему усмотрению, притом, что в любом случае использование данной меры является его правом, а не обязанностью. Суд при оценке обстоятельств конкретного нарушения учитывает различные факторы, характеризующие в совокупности поведение нарушителя, его отношение к допущенным нарушениям, которые прямо влияют на принятие решения о наложении штрафа.

Таким образом, в судебном процессе участники обязаны вести себя добросовестно и разумно, не совершать нарушений и любых действий, ущемляющих права и законные интересы своих процессуальных оппонентов и подрывающих авторитет судебной власти, поскольку в противном случае они могут быть подвергнуты финансовым санкциям со стороны суда, рассматривающего дело. Размер налагаемого штрафа будет невысоким, однако в любом случае сам факт его применения судом негативно сказывается на репутации участника процесса и на отношении к нему судьи, что при прочих равных условиях чревато для него негативными последствиями (например, отказ в предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения).

Системное понимание содержания термина «судебный штраф», используемого в процессуальных отраслях, свидетельствует о его процессуальной природе, так как он, во-первых, предусмотрен процессуальными законами РФ, во-вторых, налагается судом за совершение процессуального правонарушения, в-третьих, применяется в отношении участников различных видов судопроизводств, иных лиц, связанных с судебным разбирательством либо исполнением решения суда или иного судебного акта, в-четвертых, представляет собой меру процессуального принуждения⁷. Указанные особенности, определяющие процессуальную природу судебного штрафа, не меняют, на наш взгляд, его правовую природу в целом как разновидности юридической ответственности, только в данном случае ответственность эта процессуальная.

Пристатейный библиографический список:

1. Аброськина Е. И., Шубина О. Л. Некоторые вопросы реализации судебной власти в арбитражном судопроизводстве // Арбитражные споры. - 2010. - № 2.
2. Гонзус И. П. Судебный штраф в арбитражном процессе. Когда стороне грозит наказание // Арбитражная практика для юристов. - 2017. - № 8 (24). - С. 70-73.
3. Поздеев Д. А. Судебный штраф в российском материальном и процессуальном праве // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса. - 2016. - С. 214-221.
4. Хасаншина Ф. Г., Хасаншин И. А. Вопросы применения процессуальных штрафов в арбитражном процессе // Евразийский юридический журнал. - 2018. - №8 (123). - С.322-325.

5 Аброськина Е. И., Шубина О. Л. Некоторые вопросы реализации судебной власти в арбитражном судопроизводстве // Арбитражные споры. - 2010. - № 2.

6 Судебные штрафы: если участников спора не вышло призвать к порядку. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/317828/> (дата обращения: 01.10.2018 г.).

7 Поздеев Д. А. Судебный штраф в российском материальном и процессуальном праве // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса. - 2016. - С. 214-221

ЧУРАКОВА Екатерина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета

АГЕЕВА Галина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета

ВИЛЕНСКИЙ Никита Михайлович

студент Института права Самарского государственного экономического университета

ПРОБЛЕМА ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ПРИНЦИПА ПОЭТАПНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ОАО «ВОЛГОЦЕММАШ» ПРОТИВ ПАО «БАНК УРАЛСИБ»)

В статье исследуются встречающиеся в судебно-арбитражной практике нарушения принципа поэтапного обжалования судебных решений. Авторы анализируют, к каким правовым последствиям может привести такое недобросовестное процессуальное поведение стороны в процессе. Одновременно ставится вопрос о возможности применения правила процессуального эстоппеля в отношении таких действий стороны.

Ключевые слова: поэтапное обжалование, эстоппель, злоупотребление правами, встречный иск.

CHURAKOVA Ekaterina Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and arbitral process sub-faculty of the Samara State Economic University

AGEEVA Galina Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and arbitral process sub-faculty of the Samara State Economic University

VILENSKIY Nikita Mikhaylovich

student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

THE PROBLEM OF DEROGATION FROM THE PRINCIPLE OF GRADUAL APPEAL IN THE ARBITRATION PROCESS (ON THE EXAMPLE OF THE CASE JSK "VOLGOCEMMASH" VS PSC "BANK "URALSIB")

The article examines the violations of the principle of gradual appeal of court decisions occurring in the judicial-arbitration practice. The authors analyze the legal consequences of such unfair procedural behavior of a party in the process. At the same time, the question is raised about the possibility of applying the rule of procedural estoppel in respect of such actions of the party.

Keywords: gradual appeal, estoppel, abuse of rights, counterclaim.

Требования правовой определённости и стабильности гражданского оборота в современной юридической действительности соблюдаются далеко не всегда. Именно так произошло в арбитражном споре ОАО «ВОЛГОЦЕММАШ» (далее предприятие) с ПАО «БАНК УРАЛСИБ» (далее банк). Для этого дела характерно то, что суды весьма своеобразно толковали нормы процессуального права, но наиболее интересным и сложным вопросом является то, что в этом деле было допущено сомнительное с точки зрения закона отступление от правила, которое условно можно назвать «принцип поэтапного обжалования судебных решений».

В целях лучшего уяснения сути представляется необходимым вкратце изложить фабулу спора. Предприятие обратилось в суд с иском к банку о взыскании задолженности по ряду банковских гарантий и процентов за пользование чужими денежными средствами. Банк заявил встречный иск о признании сделок по выдаче спорных банковских гарантий недействительными, применении последствий их недействительности. Суд первой инстанции требования предприятия

удовлетворил, встречное исковое заявление оставил без удовлетворения. В дальнейшем (в суд апелляционной инстанции, окружной кассационной инстанции, экономическую коллегию ВС РФ) банком было обжаловано решение только в части удовлетворения первоначального иска.

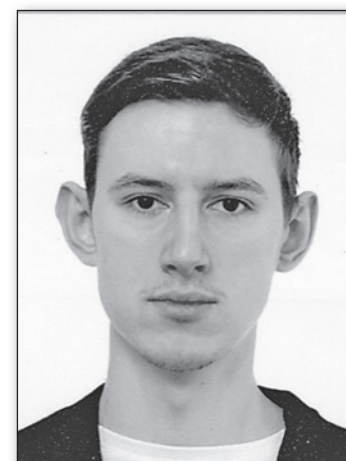
Однако, при обращении к заместителю Председателя ВС РФ с жалобой на отказ судьи ВС РФ в передаче жалобы на рассмотрение судебной коллегии банк неожиданно вспомнил о существовании встречного иска и утверждал, что предыдущие судебные инстанции и судья ВС РФ О.Ю. Шилов не приняли во внимание доводы банка, свидетельствующие в пользу необходимости удовлетворения его встречного иска, в то время как им таких доводов и не заяв-

Чуракова Е. Н.

Агеева Г. Е.

Виленский Н. М.

лялось. Как ни странно, но заместитель Председателя ВС РФ признал позицию банка заслуживающей внимания и передал дело на рассмотрение судебной коллегии. СК ЭС ВС РФ в свою очередь отменила судебные акты предыдущих инстанций и направила дело на новое рассмотрение. При этом, отклоняя ходатайство предприятия об оставлении жалобы без рассмотрения, коллегия указала на то, что «процессуальный закон не ограничивает заявителя в возможности ссылаться в кассационной жалобе в Судебную коллегию на доводы, на которые он ранее не ссылался»¹.

В научной литературе отсутствуют какие-либо труды, напрямую посвящённые рассматриваемой проблеме, однако накоплен определённый исторический опыт и мнения отдельных учёных по вопросу о возможности выхода за пределы доводов кассационной жалобы.

Так, разработчики устава гражданского судопроизводства полагали: «всякая инициатива суда в случаях, воспрещённых состязательным процессом, - особый вид превышения власти». Именно поэтому дореволюционный закон в ст. 773 гласил: «Палата входит в обсуждение тех только частей решения окружного суда, которые тою или другою стороною обжалованы»².

В советский период развития отечественной юридической науки ситуация с полномочиями суда по проверке законности вступившего в силу судебного акта кардинально менялась. Известный советский процессуалист Л.И. Фишман писал: «кассационная инстанция при рассмотрении кассационных жалоб совершенно не связана указанными в жалобе поводами к отмене решения, а может отменить решение по поводам, сторонами в жалобе совершенно не указанным. Положение это выражено в ст. 245 ГПК РФ, в силу коей суд высшей инстанции при рассмотрении кассационной жалобы не связан указанными в ней поводами»³.

По сравнению с советским процессуальным законодательством современный АПК РФ ограничил полномочия суда кассационной инстанции по проверке судебных актов в необжалованной части. Так, в ч. 2 ст. 291.14 сказано: «В интересах законности Судебная коллегия ВС РФ вправе выйти за пределы доводов, изложенных в кассационной жалобе, представлении»⁴.

Вместе с тем, в науке встречаются диаметрально противоположные точки зрения учёных по поводу оценки вышеуказанного предписания. В частности, М.Н. Самойлов полагает, что отмена арбитражным кассационным судом не обжалованной части судебного акта осуществляется без надлежащего правового основания, и это нарушает принцип правовой определённости и право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵.

Противоположного мнения придерживается Э.Н. Нагорная. По её мнению, в этом случае «обеспечивается наилучшее сочетание принципов диспозитивности, с одной стороны, и законности, материальной истины и материального руководства суда - с другой»⁶.

Возвращаясь к анализируемому делу «ВОЛГОЦЕМ-МАШ» против банка «УРАЛСИБ», стоит упомянуть, что в настоящее время предприятие и его представители готовят второе обращение в КС РФ. В проекте жалобы на конституционность ч. 2 ст. 291.14 обоснованно подчёркивается: «Верховный Суд в своей практике трактует встречный иск о признании сделки недействительной да еще и по основаниям оспоримости (а не ничтожности) не в качестве самостоятельного иска о праве, а в качестве одного из доводов ответчика и, применяя в данном вопросе положения части 2 статьи 291.14. Арбитражного процессуального кодекса РФ, рассматривает дело и в части первоначального иска, и в части встречного, не взирая на то, что в части результатов рассмотрения спора по встречному иску ответчиком не были исчерпаны все обычные (ординарные) способы обжалования решения суда первой инстанции (в первую очередь, его оспаривание в суд апелляционной инстанции до вступления решения по делу в законную силу)... Встречный иск есть самостоятельный спор о праве, предъявление и рассмотрение которого осуществляется по тем же правилам, которые установлены в отношении первоначального иска (положения части 2 статьи 132 Арбитражного процессуального кодекса РФ). К нему применимы все те же принципы, включая принцип последовательного обжалования, что и в отношении первоначального иска. Исключений в этой части никаких в Арбитражном процессуальном кодексе РФ не содержится».

Следует добавить, что позиция и в части поэтапного обжалования, и в части недопустимости самовольной постановки судом вопроса о признании оспоримой сделки недействительной нашла своё подтверждение в практике Президиума ВАС РФ, который в отличие от своего преемника в лице СК ЭС ВС РФ, не позволял себе таких вольностей в толковании норм материального и процессуального права.

Так, по одному из дел, Президиум ВАС РФ отменил постановление ФАС Московского округа. По обстоятельствам дела в суде первой инстанции была произведена процессуальная замена истца (банка) на общество «КонТракт» в связи с уступкой последнему права требования, о чём было вынесено соответствующее определение. В апелляционном и кассационном порядке указанное определение обжаловано не было. Однако ФАС Московского округа по своей инициативе признал данное определение незаконным ввиду ничтожности договора об уступке права требования в связи с нарушением договорного условия о необходимости согласия заёмщика на уступку права требования и отменил предыдущие судебные акты. Президиум ВАС РФ не согласился с подобными выводами и указал, во-первых на то, что «исходя из положений ст. 286 АПК РФ, суд кассационной инстанции не наделён полномочиями по переоценке судебного акта, не обжалованного в кассационном порядке», а во-вторых, что окружной суд неправильно квалифицировал сделку в качестве ничтожной, в то время как в действительности она была оспоримой. Надзорная инстанция прямо указала: «Оспори-

1 Определение ВС РФ от 12.02.2018 N 305-ЭС17-13572 по делу № А40-183445/2016 // Документ предоставлен СПС «Консультант плюс».

2 Судебные уставы 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. 2-е изд., доп. Ч. 1. С. 368.

3 Фишман Л. И. Движение гражданского процесса / Под ред. и с предисл. проф. А. Малицко. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1926. С. 281.

4 «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

5 Самойлов М.Н. О пределах рассмотрения дела судом кассационной инстанции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.ru/blog/2012/5/15/o_predelax_rassmotreniya_dela_sudom_kassacionnoj_instancii. (дата обращения 15.10.2018).

6 Нагорная Э. Н. Производство в кассационной инстанции арбитражного суда: сравнительный комментарий Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2003.

мая сделка не может быть признана недействительной по инициативе суда без предъявления указанными лицами соответствующего требования»⁷.

Стоит упомянуть, что несмотря на всю условность термина «принцип поэтапного обжалования судебных решений, он всё же употребляется судами. Так, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в одном из своих определений указал: «Отменяя определение суда первой инстанции в части удовлетворения заявления банка о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, суд кассационной инстанции указал на необходимость соблюдения принципа последовательного обжалования судебных решений»⁸.

Жалобу предприятия на неправомерность действий зампреда и коллегии ВС РФ можно дополнить и ещё рядом доводов:

1. Ч. 8 ст. 291⁶ позволяет заместителю Председателя ВС РФ передавать дело на рассмотрение коллегии по основаниям, не изложенным в кассационной жалобе, и, таким образом, произвольно расширить предмет кассационной жалобы. Возможность таких неограниченных манипуляций с процессуальной формой подрывает принцип правовой определённости и нарушает конституционные права на справедливое и состязательное судебное разбирательство, равенства всех перед законом и судом, открывает простор для «неурегулированной процессуальной деятельности».

2. Против банка в данном деле вполне может быть применено правило эстоппеля, закреплённое в п. 5 ст. 166 ГК РФ: «Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки, давало основания другим лицам полагаться на действительность сделки»⁹. Представляется, что недобросовестность банка в данном деле выражалась в том, что он фактически отказался от своих встречных исковых требований и подтвердил это в судебном заседании. Такие действия давали его контрагенту по сделке основания полагать, что суд первой инстанции убедил истца по встречному иску в неправомерности его доводов и последний его (суда) позицию принял. В этой связи возврат банка на первоначальную позицию уже при обращении зампреда ВС выглядит нелогичным и с юридической точки зрения недобросовестным. Эстоппель традиционно определяется в доктрине, как запрет непоследовательного, противоречивого поведения. Правовая природа эстоппеля заключается в том, что «если одно лицо повело себя таким образом, что заставило другого поверить в определенное состояние дел, оно может быть обязано придерживаться созданного им впечатления. Такая обязанность возникает в случае, когда было бы несправедливо и нечестно в рамках конкретной ситуации позволить лицу изменить свое поведение»¹⁰.

Одной из ключевых проблем является то, что российское законодательство не содержит чётких критериев, позволяю-

щих определить возможность применения эстоппеля в той или иной правовой ситуации. Вместе с тем, судебная практика знает ряд типичных ситуаций, в которых суд может применить процессуальный эстоппель: оспаривание третейской оговорки после того, как разбирательство в третейском суде или международном коммерческом арбитраже уже состоялось¹¹; ссылка одной из сторон на неподведомственность или неподсудность спора в высших инстанциях¹²; предъявление новых требований после заключения мирового соглашения¹³; ответчик заявляет о том, что он является ненадлежащим ответчиком уже после возврата дела на новое рассмотрение¹⁴. Представляется, что к случаю, когда решение по встречному иску, минуя все инстанции, обжаловалось сразу Заместителю Председателя ВС РФ, также следовало применить процессуальный эстоппель, ведь истец (по первоначальному требованию) лишился возможности реализовать свои права на возражения по встречному иску на более ранних стадиях состязательного судебного процесса, а также понёс огромные расходы на участие в деле представителей. Кроме того, такое поведение является недобросовестным и по отношению к судам, которые после возвращения дела на новое рассмотрение вынуждены заниматься лишней работой.

3. Опыт иностранных государств свидетельствует о жёстком соблюдении ими принципа поэтапного обжалования судебных решений. Так, профессор Е. А. Борисова в одной из своих монографий пишет, что согласно подходу ряда европейских стран «нарушения, допущенные судом первой инстанции, не могут быть указаны в ревизионной (кассационной) жалобе. Если на эти нарушения не было указано в апелляционном производстве, они считаются исправленными. Исключение составляют нарушения норм процессуального права, являющиеся безусловными основаниями для отмены судебных актов, выявляемые ex officio судом кассационной инстанции»¹⁵. При этом в немецком гражданском процессе отступление от правила поэтапного обжалования допускается только по взаимному соглашению сторон, которое должно быть утверждено судом. Подобный опыт должен учитываться российскими судами в связи с ратификацией Россией Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод».

4. Пропуск банком апелляционной и окружной кассационной инстанции в части заявления требований по встречному иску лишил истца по первоначальному требованию возможности реализовать свои права в ординарных инстанциях. Е. А. Борисова справедливо отмечает, что «суд кассационной инстанции не устанавливает обстоятельств дела, не исследует доказательства, не осуществляет переоценки доказательств. Пропуская намеренно или не намеренно апелляционное обжалование, сторона лишается возможности проверить судебный акт с точки зрения правильно установления фактов»¹⁶.

7 Постановление Президиума ВАС РФ от 13.12.2011 № 10900/11 по делу № А40-150977/09-47-1040 // Вестник ВАС РФ, 2012. № 4.
8 Определение ВАС РФ от 23.05.2013 по делу № А65-23649/2012 // документ предоставлен СПС «Консультант плюс».
9 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
10 Короткова В. А. Эстоппель в гражданском праве // «Опыты цивилистического исследования: сборник статей» (выпуск 2), (рук. авт. кол и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков), (Статут, 2018).

11 Определение ВС РФ от 30.03.2016 по делу № А60-31268/2015 // СПС «Консультант плюс».
12 Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2012 по делу № А54-5995/2009 // СПС «Консультант плюс».
13 Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 по делу № А60-62482/2009-С7 // «Консультант плюс».
14 Определение ВС РФ от 09.10.2014 по делу № А51-1943/2011 // СПС «Консультант плюс».
15 Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Норма Инфра-М, 2016. С. 281.
16 Борисова Е. А. Указ соч. С. 261.

5. Своим отказом от обжалования результатов рассмотрения встречного иска во вторую и в третью инстанции банк фактически признал обстоятельства, на которых предприятие основывало свои требования и возражения (ч. 3 ст. 70 АПК). Так, первоначальные требования предприятия во многом основывались на действительности сделок по выдаче банковских гарантий. Однако, заместитель председателя ВС РФ и его заместитель не приняли это во внимание.

6. Действия Заместителя председателя ВС РФ в данном деле фактически делают инстанционность судебной системы бессмысленной. Это абсурд, когда решение по самостоятельному исковому требованию (пусть и встречному) обжалуется сразу в ВС РФ.

Таким образом, можно прийти к выводу, что передача заместителем Председателя ВС дела ОАО «ВОЛГОЦЕМ-МАШ» против банка «УРАЛСИБ» на рассмотрение судебной коллегии ВС РФ была произведена с нарушением принципа поэтапного обжалования судебных решений. Для более эффективной защиты своих прав в Конституционном Суде предприятию следует поставить в своей второй жалобе не только вопрос о конституционности ч. 2 ст. 291.14 АПК РФ, но и его ч. 8. ст. 291⁶ в части, позволяющей заместителю председателя ВС менять предмет кассационной жалобы при удовлетворении требования заинтересованного лица о передаче дела на рассмотрение. Кроме того, ВС РФ необоснованно отказался от применения к банку правила процессуального эстоппеля, поскольку его «манипуляции» со встречным иском привели к существенному затягиванию судебного процесса. В заключение следует подчеркнуть, что по сей день сохраняют актуальность следующие слова Председателя ВАС РФ в отставке А. А. Иванова: «массовое злоупотребление процессуальными правами является одной из главных проблем, что является социальным явлением, дестабилизирующим правосудие»¹⁷.

Пристатейный библиографический список

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 по делу № А60-62482/2009-С7 // СПС «Консультант плюс».
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.12.2011 № 10900/11 по делу N А40-150977/09-47-1040 // Вестник ВАС РФ, 2012. № 4.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2012 по делу № А54-5995/2009 // СПС «Консультант плюс».
6. Определение ВАС РФ от 23.05.2013 по делу № А65-23649/2012 // СПС «Консультант плюс».
7. Определение ВС РФ от 09.10.2014 по делу № А51-1943/2011 // СПС «Консультант плюс».
8. Определение ВС РФ от 30.03.2016 по делу № А60-31268/2015 // СПС «Консультант плюс».
9. Определение ВС РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС17-13572 по делу № А40-183445/2016 // СПС «Консультант плюс».

10. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Норма Инфра-М, 2016. – 352 с.
11. Короткова В. А. Эстоппель в гражданском праве // «Опыты цивилистического исследования: сборник статей» (выпуск 2), (рук. авт. кол и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков), (Статут, 2018).
12. Нагорная Э. Н. Производство в кассационной инстанции арбитражного суда: сравнительный комментарий Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2003. – 143 с.
13. Самойлов М. Н. О пределах рассмотрения дела судом кассационной инстанции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.ru/blog/2012/5/15/o_predelax_rassmotreniya_dela_sudom_kassacionnoj_instancii. (дата обращения: 15.10.2018).
14. Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. – М.: Статут, 2014. – 159 с.
15. Фишман Л. И. Движение гражданского процесса / Под ред. и с предисл. проф. А. Малицкого. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1926. – 462 с.
16. Цитата недели // ЭЖ-юрист. Российская правовая газета. № 20. С. 1.

¹⁷ Цитата недели // ЭЖ-юрист. Российская правовая газета. № 20. С. 1.

МИРЗАЕВ Мирза Абдуллаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического института Дагестанского государственного университета

САЛИХОВА Сабина Маратовна

студентка юридического института Юридического института Дагестанского государственного университета

НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ АКТИВОВ

В данной публикации рассматриваются наиболее проблемные вопросы финансовой обеспеченности и экономической независимости местных сообществ. В работе даётся анализ и предлагаются методы повышения финансовой самостоятельности и доходности бюджета муниципального образования. Отдельно рассматриваются вопросы неналоговых доходов в структуре доходов бюджета. Автор считает, что в большинстве случаев система управления активами в муниципальных образованиях не соответствует тому кругу задач, которые сейчас вынуждены решать муниципалитеты.

Ключевые слова: экономическая независимость местных сообществ, методы, местный бюджет, муниципальные активы, «Центры недвижимости», «Служба единого заказчика», нежилые помещения, Комитет по управлению муниципальным имуществом, комитет архитектуры, градостроительства и землепользования отраслевые управления.

MIRZAEV Mirza Abdullaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Law Institute of the Dagestan State University

SALIKHOVA Sabina Maratovna

student of the Law Institute of the Law Institute of the Dagestan State University

THE MOST RELEVANT REASONS FOR THE INEFFICIENT USE OF MUNICIPAL ASSETS

This publication discusses the most problematic issues of financial security and economic independence of local communities. The work gives an analysis and proposes methods for improving the financial sustainability and profitability of the municipal budget. Separately discusses non-tax income in the income structure of the budget. The author believes that in most cases, the asset management system in the municipalities does not correspond to the circle of tasks, which municipalities are now forced to deal with.

Keywords: economic independence of local communities, methods, local budget, municipal assets, real estate centers», «single customer, non-residential premises, municipal property management committee, Committee of architecture, urban planning and land use management industry.

Вопрос финансовой обеспеченности и экономической независимости местного самоуправления не теряет актуальность и по сей день не решён. Много путей повышения финансовой самостоятельности и среди методов, направленных на повышение доходности бюджета муниципального образования, на наш взгляд наиболее эффективными являются экономические методы управления. И в качестве одного из методов следует рассматривать управление муниципальными активами, так как доходы от них поступают в местный бюджет. Надо признать, что на нынешнем этапе развития института местного самоуправления неналоговые доходы имеют небольшой удельный вес в структуре доходов бюджета, несмотря на достаточный экономический потенциал муниципальных активов. В практической деятельности местных сообществ данный фактор необходимо учитывать, и с экономической точки зрения очень важно правильно и рационально управлять муниципальными активами.

Так как в ведении органов местного самоуправления, как правило, находятся различные объекты социально-культурного, коммунально-бытового и иного назначения, то органы муниципалитета в соответствии с законом имеют право передавать объекты муниципального имущества во временное или постоянное пользование физическим и юридическим лицам, определяя в договорах и соглашениях условия использования передаваемых объектов.

Помимо этого, местные органы власти имеют право сдавать городское имущество в аренду, также осуществлять

другие сделки с ним, предусмотренные законодательством. При этом представительные органы городского управления устанавливают процедуры и последовательность управления и распоряжения имуществом города и исполняют контролирующие функции за деятельностью местных комитетов по управлению муниципальным имуществом администраций и их должностных лиц.

Они также могут принимать и другие обязательные правила по предметам ведения муниципального образования, которые затрагивают вопросы управления городским имуществом, в части порядка передачи и продажи муниципального жилья в собственность, сдачи в аренду, правила пользования земельными ресурсами, и др.

Кроме того, для осуществления хозяйственной деятельности органы местного самоуправления вправе в соответствии с законом создавать предприятия, учреждения и организации, решать вопросы их реорганизации и ликвидации.

Управление муниципальным имуществом как функция органов местного управления выражается в непрерывном, целенаправленном воздействии управляющих органов муниципалитета на отношения, с целью наиболее эффективного решения вопросов территориального значения, в частности, результативное управление имуществом комплексом муниципалитета.

Проблемы неэффективности использования муниципальных активов заключаются, во-первых, в характере собственности, составляющей муниципальные активы,

во-вторых, в организации управления муниципальными активами¹. Активы органов местного самоуправления охватывают собственность, использование которой изначально не направлено на коммерческую выгоду, прибыльную реализацию составляющих право собственности полномочий. Местное самоуправление преследует общественный и коммунальный интерес, реализация которого частными хозяйствующими субъектами затруднена. Именно указанный характер сфер ее приложения предполагает сам факт ее существования. Подобным некоммерческим характером на данный момент обладают активы в сфере общего образования и здравоохранения, общественного транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и некоторые другие. Основная доля муниципальных активов составляет собственность, служащая социальным целям и не направленная на коммерческое использование. Поэтому следует оценивать эффективность управления этой ее частью не по критерию рентабельности, а общественно полезного эффекта от ее использования при разумном уровне затрат².

Между тем, в формате управления муниципальными активами отсутствует пресловутая «рука рынка», которая в рыночной экономике эффективно убирает с рынка неконкурентоспособные компании. А при управлении муниципальными активами отсутствуют четкие процедуры ответственности, контроля использования муниципальной собственности.

Выделим еще несколько проблем в управлении муниципальными активами. Прежде всего, следует отметить проблему отсутствия субъекта управления в некоторых регионах. Еще одна проблема связана с низкой мотивацией управленческих кадров в деле управления муниципальными активами. И наконец, третья проблема связана с компетенцией управленческих кадров, недостатками их образования и опыта работы. Сюда же можно отнести и методологические проблемы муниципального управления, когда отсутствуют четкие инструкции по управлению муниципальной собственностью. — с недостатком специализированных знаний, а также отсутствием соответствующих методик и инструментов в муниципальном образовании³.

Если более детально рассматривать первую проблему, то во многих регионах существуют комитеты и подразделения в муниципальных правительствах, ответственные за управление муниципальными активами. Они могут носить разные названия, например, Комитет по управлению городской собственностью или Департамент муниципального имущества. Но в других регионах такие структуры выведены за штат муниципальных администраций. Например, существуют различные муниципальные предприятия «Центры недвижимости» или структуры с похожими названиями.

Надо признать, что в большинстве случаев система управления активами в муниципальных образованиях не соответствует тому кругу задач, которые сейчас вынуждены решать муниципалитеты. Существующие в муниципальных образованиях структуры выполняют, как правило, только часть функций, необходимых для управления активами.

Что касается второй проблемы, то ее можно разделить на несколько ключевых вопросов.

Во-первых, не во всех муниципальных образованиях существуют долгосрочные программы управления муниципальными активами, и такая ситуация в муниципалитетах приводит к различного рода ошибкам и нарушениям.

Во-вторых, отсутствует или недостаточно проработана нормативно-правовая база.

В-третьих, используется только часть из необходимых для управления активами механизмов и процедур.

Одной из проблем является низкая степень взаимодействия между муниципалитетами. Обмена опытом практически не происходит. На низком уровне находится и методологическая поддержка, выраженная в распространении наиболее успешных механизмов муниципального управления⁴.

В настоящий момент одной из проблем использования муниципальной собственности является неясность с вопросом о собственности земли на территории муниципального образования. Ведь пока отсутствует федеральный закон о разграничении государственных и муниципальных земель, эти вопросы остаются в числе спорных. Приведем такой пример. Часто арендодателем той или иной площади в муниципальном образовании выступает администрация города, но плата за аренду поступает не только в бюджет города, но и в еще два бюджета. Речь идет о федеральном и региональном бюджетах. Поэтому зачастую власти города не заинтересованы во взимании справедливой арендной платы за землю, идет пролонгация договоров практически без изменения цены⁵. Результатом такой ситуации являются и финансовые потери всех бюджетов, и неэффективность использования земель, и материальные и моральные издержки арендаторов, и инвестиционная непривлекательность муниципального образования.

Купля-продажа недвижимого имущества осуществляется без взыскания задолженности по арендной плате за землю со всеми вытекающими отсюда последствиями – новый владелец недвижимости расплачивается по долгам старого. Все изложенное не только губительно для решения вопросов землеустройства, но и для всей экономической реформы в России. Описанная выше ситуация «расхаживает» арендаторов и землепользователей, формирует у них устойчивое мнение, что «земля ничего не стоит». Указанная выше «организация» управления муниципальными землями порождает многочисленные нестыковки между «архитекторами» и «земельщиками» межевых дел, обременений, санитарно-защитных зон⁶.

В крупных населенных пунктах весомую долю доходов городского бюджета составляют средства от продажи или аренды муниципальных нежилых помещений. Однако объем этих поступлений мог бы быть существенно выше⁷.

Существующие проблемы эффективности управления нежилыми помещениями можно свести следующим:

- 4 Налоги и налогообложение: Учебное пособие для вузов / И. Г. Русакова, В. А. Кашин, А. В. Толкушкин и др.: Под ред. И. Г. Русаковой, В. А. Кашина. М.: Финансы и статистика, 2014.
- 5 Организация управления общественным производством. М.: Изд-во МГУ, 2015.
- 6 Колесникова Н. А. Финансовый и имущественный потенциал региона: опыт регионального менеджмента. М.: Финансы и статистика, 2013.
- 7 Иванов В. В., Коробова А. Н. Муниципальный менеджмент: Справочное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.

1 Ореховский П. А. Муниципальный менеджмент. М.: МОНФ, 2014.

2 Иванов В. В., Коробова А. Н. Муниципальный менеджмент: Справочное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.

3 Государственное управление: основы теории и организации. Учебник. В 2 т. Т. 2 / Под ред. В. А. Козбаненко. Изд. 2-е, с изм. и доп. М.: «Статут», 2014.

- отсутствие четкой системы учета нежилых помещений;
- проблемы распределения нежилых помещений;
- «размытость» функций собственника нежилых помещений;
- несовершенство системы формирования ставок и сбора арендной платы;
- отсутствие экономической заинтересованности городских администраций в увеличении доходов от нежилых помещений, в их содержании в надлежащем состоянии и расширенном воспроизводстве.

Существуют и типовые вопросы, связанные с распределением нежилых помещений. К ним относятся следующие:

- нередко встречаются ситуации, когда у потенциальных арендодателей нет четкого понимания о возможностях аренды, иными словами, отсутствуют формальные правила аренды, низкая степень открытости, что содействует коррупционным схемам или неэффективному управлению муниципальной собственностью;
- проблемы с отсутствием конкурса или проведением формального аукциона с заранее известным победителем;
- проблемы с качеством договоров, где не прописаны важные пункты взаимоотношений арендаторов и муниципальных властей. Например, внесудебное прекращение договора вследствие недобросовестности арендодателя и т.д.⁸

Как уже говорилось, крупной проблемой является вопрос о конкретном собственнике муниципальных нежилых помещений.

Город или район, хотя и является формальным собственником, но может осуществлять свои права только при наличии специализированной структуры и персональной ответственности. В Комитете по управлению муниципальным имуществом, к сожалению, часто отсутствуют специализированные структуры и персональная ответственность специалистов. Балансодержатель осуществляет техническое обслуживание и часто выступает в роли распорядителя. Эта проблема порой не так остра, но реально существует и требует решения⁹.

Однако зачастую в муниципальном образовании нет структур, которые бы проверяли соблюдение арендатором условий договора и вида деятельности. В результате становится совершенно обычной ситуация, когда в муниципальном образовании доходы от нежилых помещений в месяц составляют приблизительно 20-40 % от расчетных¹⁰.

По объему стоимостных показателей и исполняемых функций муниципальные предприятия и учреждения являются важнейшей группой муниципальных активов. Что же касается доходов, получаемых от нее, то на практике это весьма условные доходы; в большинстве случаев эта группа активов является затратной.

Таким образом, повышение качества и эффективности местного самоуправления непосредственно связано с функционированием, управлением и развитием муниципальных активов, и прежде всего, муниципальной собственностью. Последняя является важным элементом материально-технической базы муниципалитетов, создающей условия для

устойчивого стратегического развития и формирования более высокого жизненного уровня местного населения.

Пристатейный библиографический список

1. Ореховский П. А. Муниципальный менеджмент. М.: МОНФ, 2014.
2. Иванов В. В., Коробова А. Н. Муниципальный менеджмент: Справочное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013.
3. Иванов В. В., Коробова А. Н. Государственное и муниципальное управление с использованием информационных технологий. М.: ИНФРА-М, 2013.
4. Имущество, источники его образования и финансовые результаты деятельности предприятий и организаций края 2004-2013 г.: Статистический сборник, Ставроп. Госуд. Комитет краевой статистики, Ставрополь, 2014 г.
5. Лазаревский Н. Самоуправление «Мелкая земская единица». СПб., В кн.: Велихов Л. А., Основы городского хозяйства. Обнинск, 2014.
6. Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М.: Изд-во НОРМА, 2014.
7. Ореховский П. А. Муниципальный менеджмент. М.: МОНФ, 2014.
8. Налоги и налогообложение: Учебное пособие для вузов / И. Г. Русакова, В. А. Кашин, А. В. Толкушкин и др.: Под ред. И. Г. Русаковой, В. А. Кашина. М.: Финансы и статистика, 2014. 495 с.
9. Кутафин О. Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М.: Юрист, 2013.
10. Организация управления общественным производством. М.: Изд-во МГУ, 2015.
11. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2012. 440 с.
12. Государственное управление: основы теории и организации. Учебник. В 2 т. Т. 2 / Под. ред. В. А. Козбаненко. Изд. 2-е, с изм. и доп. М.: «Статут», 2014.
13. Колесникова Н. А. Финансовый и имущественный потенциал региона: опыт регионального менеджмента. М.: Финансы и статистика, 2013.

⁸ Там же.

⁹ Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М.: Изд-во НОРМА, 2014.

¹⁰ Ореховский П. А. Муниципальный менеджмент. М.: МОНФ, 2014.

ГОНТАРЬ Светлана Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры муниципального и экологического права Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием органов власти, при использовании новых информационных технологий.

Ключевые слова: орган власти; информационные технологии; электронная демократия; цифровизация.

GONTAR Svetlana Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Municipal and environmental law sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

Гонтарь С. Г.

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION OF AUTHORITIES FORMATION PROCESS

The article discusses the issues of formation of authorities when using modern information technologies.

Keywords: authorities; information technologies; e-democracy; digitalization.

Указом Президента Российской Федерации в 2017 году утверждена Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы, согласно которой «государство создает благоприятные условия для применения информационных и коммуникационных технологий», а «российские организации создают и совершенствуют прорывные информационные и коммуникационные технологии»¹. Несмотря на то, что Россия «занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике (индекс сетевой готовности NRI) и находится в середине второй группы стран (догоняющей) по индексу цифровой экономики и общества (I-DESI)», граждане РФ признают необходимость «обладания цифровыми компетенциями, однако показатели использования персональных компьютеров и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в РФ все еще ниже, чем в Европе»².

В настоящее время вносятся корректировки в действующее законодательство, определяются пути достижения поставленных целей, ответственные лица. Внедрение новых информационных технологий в различные сферы требует реформирования не только нормативно-правовой базы, но и новой системы управления, новых исследований, современных образовательных и научных организаций, новых взглядов общества в целом и граждан в частности. С развитием и внедре-

нием информационных технологий необходимо усиливать средства их защиты, обеспечивающие безопасность информационных систем и ресурсов.

Весьма эффективно уже применяются гражданами ресурсы, оказывающие государственные и муниципальные услуги. В целях развития цифровой России, внедрения актуальных цифровых технологий и платформ органы – избирательные комиссии, организующие выборы в целях формирования органов государственной власти, органов местного самоуправления и наделения полномочиями должностных лиц, также подключились к развитию цифрового общества. Цифровизация уже упрощает работу сформированных органов, способствует эффективному решению задач, в том числе с точки зрения анализа, прогноза, управления, но тех, которые без информационных технологий, специальной аналитики решить весьма затруднительно. При необходимых навыках работы с информационными ресурсами новая система не загружает органы власти дополнительной работой.

Центральная избирательная комиссия РФ в целях развития информационных технологий в подведомственной сфере при осуществлении процесса формирования органов власти предлагает внедрить ряд современных технологий. Механизм «мобильный избиратель», позволяющий проголосовать не только по месту регистрации, а на любом удобном гражданину избирательном участке РФ, уже положительно себя зарекомендовал за непродолжительный период использования.

На предстоящих выборах в городе Москве, при формировании Московской городской Думы, планируется использование новых концепций, а именно: электронного голосования и цифрового избирательно-

1 Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 25.02.2019).

2 «Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года» (утв. Правительством РФ 29.09.2018) // Официальный сайт Правительства РФ <http://static.government.ru/> (дата обращения 25.02.2019).

го участка. Так, в Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесены два законопроекта: «О создании в городе федерального значения Москве цифровых участков для голосования на выборах в субъектах РФ» и «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»³. Проект о цифровых участках является, по сути, развитием технологии «мобильный избиратель», то есть на некоторых участках, которые будут определены Центральной избирательной комиссией РФ, избиратели, находящиеся в день голосования на выборах за пределами избирательного округа, в котором они обладают активным избирательным правом, смогут реализовать на этих участках. Предполагается, что цифровой участок будет оснащен техническими средствами – комплексами для электронного голосования.

Для осуществления голосования на таком цифровом избирательном участке предполагается задействовать уже имеющуюся федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Список избирателей на этом участке может быть составлен в электронном виде, а не в бумажном, как он используется в участковых избирательных комиссиях. Но кроме Портала госуслуг традиционно будет использоваться Государственная автоматизированная система РФ «Выборы», с помощью которой реализуются «информационные процессы при подготовке и проведении выборов и референдума»⁴. Данные о голосовании с цифрового участка будут передаваться посредством указанной автоматизированной системы. Проект федерального закона не регулирует ряд вопросов, касающихся оформления, хранения избирательной документации, подсчета голосов избирателей, перечень таких данных, как количество избирателей, принявших участие в голосовании, поданных голосов за кандидата (список кандидатов), непосредственно передачи информации в соответствующие комиссии, что будет регулироваться актами Центральной избирательной комиссии РФ. Вместе с тем, на цифровом избирательном участке также как и любом избирательном участке, смогут присутствовать наблюдатели.

Что же касается проекта по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва, то проект федерального закона «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депута-

тов Московской городской Думы седьмого созыва» – это только эксперимент, который призван протестировать совершенно новый вид голосования – дистанционное электронное голосование. Московская городская избирательная комиссия определит округа, в которых будет проходить эксперимент. Но электронный вид в этом округе (округах) не исключит возможность голосования традиционным бумажным способом.

Для осуществления голосования электронным способом предполагается создание специальной участковой избирательной комиссии. Для реализации этой технологии будет использоваться специальное программное обеспечение регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы. Полагаем, что в случае удачного эксперимента с дистанционным голосованием, оно приобретет законодательную основу для всех видов выборов. Даже если при реализации использования указанной технологии возникнут сложности, данный вид голосования будет использоваться в дальнейшем с учетом доработок. В условиях цифровизации нашего общества, переход к электронному голосованию – это потребность современного общества.

Электронное дистанционное голосование в России еще ни разу не применялось, однако, в других странах имеется такой опыт. Например, в Австралии (2001 г.), Австрия (2004 г.), Бельгия (1999 г.), Бразилия (1996 г.), Канада (2003 г.), Эстония (2003 г.), Франция (2003 г.), Германия (1999 г.), Индия (1998 г.), США (2004 г.)⁵ имеется опыт электронного голосования в различных формах. Есть страны, в которых разработка систем такого голосования началась еще в 1980-х годах.

Ранее в странах применялось голосование, которые ученые относят тоже к электронным видам голосования: посредством перфокарт или оптической нумеризации⁶. Однако, данные виды голосования в настоящее время заменили более современные виды электронного голосования: посредством Интернета и система прямого электронного голосования. Так, система прямого электронного регистрирования заключается в том, что избиратели делают свой выбор на электронном аппарате, который, например, оснащен чувствительным экраном, клавиатурой. Аналоги таких приспособлений есть и в России, которые используются в процессе голосования: комплекс электронного голосования (КЭГ) – это электронная машина с сенсорным дисплеем и комплекс обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) – электронное устройство для подсчета голосов избирателей.

Голосование с помощью Интернета обладает преимуществом над всеми ранее существующими видами электронного голосования. Избиратель, не выходя из дома, может реализовать свое активное избирательное право, нажатием нескольких кнопок. Подсчет электронных избирательных бюллетеней, полагаем, в этой ситуации должен быть тоже менее трудоемким и не продолжительным по времени. Но такое нововведение предсказуемо вызовет ряд проблем, угроз и недоверия,

3 Проекты Федеральных законов «О создании в городе федерального значения Москве цифровых участков для голосования на выборах в субъектах РФ» и «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/654402-7>; <http://sozd.duma.gov.ru/bill/655192-7> (дата обращения 02.03.2019).

4 Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе РФ «Выборы» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 02.03.2019).

5 ACE Electoral Knowledge Network. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aceproject.org/ace-ru/focus/e-voting/countries> (дата обращения 02.03.2019).

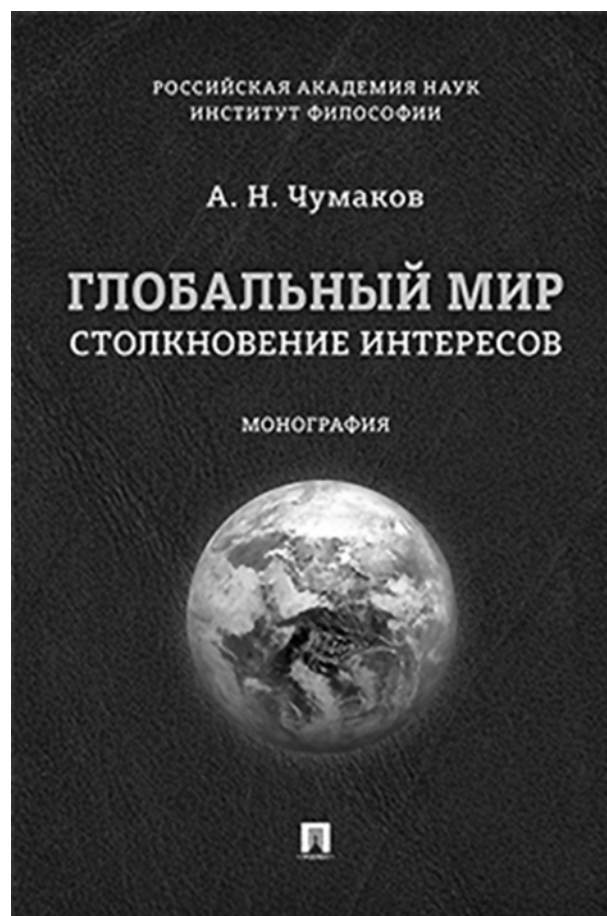
6 Масловская Т. С. Электронное голосование: опыт зарубежных стран. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/106/166.php> (дата обращения 03.03.2019).

в целях борьбы с подобными явлениями Председатель Центральной избирательной комиссии РФ Ф. Э. Памфилова акцентировала роль общественности и экспертного сообщества: «Специалисты и скептики должны собираться, чтобы проанализировать ситуацию... Для этого мы и проводим эксперимент, чтобы выявить не только плюсы, но и ловушки, опасности»⁷. На Первом общероссийском электоральном медиафоруме, который состоялся 28.02.2019 года - 01.03.2019 года в городе Москве была отмечена важность цифровизации избирательного процесса, но вместе с тем был выделен ряд проблем, возникающих при внедрении этого направления в жизнь, в частности, ментальный аспект, из-за которого отдельные группы населения испытывают сложность в использовании цифровых услуг».

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе РФ «Выборы» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 02.03.2019).
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 25.02.2019).
3. «Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года» (утв. Правительством РФ 29.09.2018) // Официальный сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/> (дата обращения 25.02.2019).
4. Проекты Федеральных законов «О создании в городе федерального значения Москве цифровых участков для голосования на выборах в субъектах РФ» и «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/654402-7>; <http://sozd.duma.gov.ru/bill/655192-7> (дата обращения 02.03.2019).

5. ACE Electoral Knowledge Network. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aceproject.org/ace-ru/focus/e-voting/countries> (дата обращения 02.03.2019).
6. Состоялась встреча членов ЦИК России с представителями региональных СМИ // Официальный сайт ЦИК России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/news/cec/42234/> (дата обращения 03.03.2019).
7. Памфилова Э. СМИ помогают нам формировать систему, которая вызвала бы доверие людей // Официальный сайт ЦИК России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/news/cec/42228/> (дата обращения 03.03.2019).
8. Масловская Т. С. Электронное голосование: опыт зарубежных стран. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/106/166.php> (дата обращения 03.03.2019).

⁷ Состоялась встреча членов ЦИК России с представителями региональных СМИ // Официальный сайт ЦИК России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/news/cec/42234/> (дата обращения 03.03.2019).

МИЗЕРНЮК Михаил Сергеевич

аспирант кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета

МЕТЛИЦКИЙ Рустам Леонидович

аспирант кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируются проблемы взаимодействия социально ориентированных некоммерческих организаций и органов местного самоуправления, а также предлагаются меры по их решению, направленные на установление между ними партнерских отношений.

Ключевые слова: местное самоуправление, социально ориентированные некоммерческие организации, общественно полезные услуги, гражданское общество, Общественная палата Российской Федерации, аутсорсинг.

MIZERNYUK Mikhail Sergeevich

postgraduate student of Constitutional and municipal law sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

METLITSKY Rustam Leonidovich

postgraduate student of Constitutional and municipal law sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS AND LOCAL GOVERNMENTS

The article analyzes the problems of interaction between socially oriented non-profit organizations and local governments, as well as proposes measures to address the problems, aimed at establishing partnership between them.

Keywords: local government, socially oriented non-profit organizations, generally beneficial services, civil society, outsourcing.

Эффективному развитию государства способствует его налаженное взаимодействие с институтами гражданского общества. Одним из наиболее действенных способов выстраивания гармоничных отношений между властью и обществом является взаимодействие между органами публичной власти и некоммерческими организациями, в том числе посредством оказания государством мер поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, деятельность которых направлена на решение социальных проблем и развитие гражданского общества (далее – СО НКО).

В послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 2016 г. В. В. Путин отметил: «...необходимо оказать всестороннюю помощь и социально ориентированным некоммерческим организациям... я хотел бы сейчас, уважаемые коллеги, обратиться ко многим из вас. Я хочу, чтобы меня услышали и губернаторы, и муниципальные власти. Я прошу вас, что называется, не жадничать, не отдавать по привычке, по накатанной предпочтения исключительно казенным структурам, а по максимуму привлекать к исполнению социальных услуг и некоммерческие организации. Давайте прямо скажем, у них ещё глаз не замылился, очень важно сердечное отношение к людям»¹.

С вступлением с 01.01.2017 года в силу изменений в Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»², внесенных по предложению Общественной палаты Российской Федерации как одного из субъектов общественного контроля, СО НКО получили возможность стать исполнителями общественно полезных услуг, перечень которых утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.10.2016 № 1096 «Об утверждении Перечня обще-

ственно полезных услуг, а также критериев оценки качества оказания общественно полезных услуг»³ (далее – Перечень).

Для получения статуса исполнителя общественно полезных услуг СО НКО необходимо обратиться в Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы с заявлением о признании СО НКО исполнителем общественно полезных услуг с приложением документов, определенных Правилами принятия решения о признании социально ориентированной некоммерческой организации исполнителем общественно полезных услуг, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.01.2017 № 89 (далее – Правила), предусматривающими, в частности, заключение о соответствии качества оказываемых организацией общественно полезных услуг установленным критериям.

При этом, в соответствии с первой редакцией Правил такое заключение дает федеральный орган исполнительной власти, который подтверждает, что СО НКО на протяжении одного года и более оказывает конкретные общественно полезные услуги, соответствующие установленным критериям.

Полагаем целесообразным согласиться с Г. Н. Чеботаревым, который отмечает сложность и неоправданность бюрократических процедур, связанных с получением заключения о соответствии качества оказываемых общественно полезных услуг исключительно у соответствующих федеральных органов исполнительной власти⁴.

Вместе с тем, возможность получения заключения о соответствии качества оказываемых общественно полезных услуг «на местах» фактически упрощает процедуру получения статуса исполнителя общественно полезных услуг СО НКО.

Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.01.2018 № 57 были внесены изменения в Правила, которыми предусмотрена оценка качества оказания общественно

1 Послание Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации от 01.12.2016 г. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 03.01.2019).

2 О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996: по сост. на 05.02.2018 г. // Российская газета. – 1996. - № 14.

3 Об утверждении Перечня общественно полезных услуг, а также критериев оценки качества оказания общественно полезных услуг: постановление Правительства РФ от 27.10.2016 № 1096 // Российская газета. – 2016. - № 7119 (251).

4 Чеботарев Г. Н. Правовые механизмы формирования представительных общественных органов – носителей общественной власти // Конституционное и муниципальное право. - 2018. - № 1. - С. 38.

полезных услуг не только федеральными органами государственной власти, но и заместителями руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, к компетенции которых в соответствии с распределением обязанностей отнесены соответствующие вопросы.

Таким образом, усилиями Общественной палаты Российской Федерации и представителей профильного сообщества удалось добиться уточнения законодательства, согласно которому подтверждение качества услуг СО НКО наряду с федеральными органами исполнительной власти, могут давать и региональные, что должно снизить барьеры при вхождении в реестр некоммерческих организаций - исполнителей общественно полезных услуг⁵.

Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения муниципальных образований отнесено оказание поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям⁶.

Статьей 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» предусмотрены оказываемые органами местного самоуправления виды поддержки СО НКО при условии осуществления последними в соответствии с учредительными документами установленных законом видов деятельности (социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, охрана окружающей среды и защита животных и др.)⁷.

В целях оказания содействия органам государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления в разработке нормативных правовых актов по поддержке НКО, которые являются социально ориентированными, Минэкономразвития России разработаны и утверждены методические рекомендации⁸.

Учитывая значимость деятельности, осуществляемой СО НКО, а также необходимость взаимодействия органов публичной власти и НКО, находим любопытным отметить позицию Ю. В. Соболевой, согласно которой публичные полномочия органов власти и, по нашему мнению, органов местного самоуправления могут быть переданы, в том числе и СО НКО путем аутсорсинга⁹.

Аутсорсинг может рассматриваться как один из механизмов обеспечения доступа негосударственных поставщиков к оказанию услуг в социальной сфере за счет бюджетных средств. В настоящее время на аутсорсинг, как правило, выводятся такие функции, как бухгалтерский учет, транспортное обслуживание, охрана, IT-поддержка, обслуживание зданий и техники и др. Например, в Пермском крае крупные дома-интернаты для престарелых и инвалидов приобретают у негосударственных поставщиков услуги по питанию своих клиентов на сотни миллионов рублей¹⁰.

Учитывая особенности такого рода партнерства, полагаем, что передача части полномочий органов местного самоуправления на аутсорсинг СО НКО должна предусматривать наличие критериев к СО НКО, определяемых в зависимости от поставленных перед ними задач.

Особое внимание должно быть уделено контролю за выполнением переданных СО НКО полномочий органов местного самоуправления, а также расходованием переданных для целей реализации указанных полномочий муниципальных бюджетных средств. Подобная практика может способствовать оптимизации управленческих процессов в деятельности органов местного самоуправления, выстраиванию конструктивного взаимодействия между институтами гражданского общества в лице СО НКО и органами местного самоуправления.

Наряду с позитивными тенденциями деятельности СО НКО существует проблема недостаточного информирования граждан об их деятельности. В России существует множество организаций, деятельность которых направлена на достижение позитивных результатов во благо общества, но граждане недостаточно информированы об их работе. Часто о таких СО НКО знает ограниченный круг лиц из числа получателей их помощи. Те СО НКО, которые реально оказывают помощь, как правило, имеют ограниченные финансовые ресурсы, у них нет возможности вкладывать деньги в освещение своей деятельности, в привлечение профессионалов, которые умеют работать в информационно-коммуникационном пространстве, а нередко на это нет и времени¹¹.

Решению обозначенной проблемы способствует, в том числе деятельность, осуществляемая субъектами общественного контроля. Так, в рамках всероссийской конференции на тему «Социально ориентированные некоммерческие организации на рынке социальных услуг для семьи и детей», состоявшейся 28.02.2018 в Общественной палате Российской Федерации, председателем правления национального фонда защиты детей от жестокого обращения А. М. Спиваком было объявлено о запуске интернет-ресурса «Каталог НКО – поставщиков социальных услуг»¹².

По мнению А. М. Спивака, каталог призван предоставить предложение НКО-сектора на рынке услуг, сведения об оказываемых услугах, информацию об НКО, уже оказывающих услуги и получающих бюджетное финансирование (по регионам и отраслям), сведения об использовании НКО различных видов государственной и негосударственной поддержки, а также возможность размещать методические материалы и обмениваться опытом оказания услуг¹³.

Учитывая изложенное, считаем необходимым также обеспечить размещение информации о деятельности НКО, в том числе органами местного самоуправления, для целей повышения уровня информированности о их деятельности, и, как следствие, повышения доверия граждан к осуществляемым ими социальным услугам.

По верному замечанию Г. Н. Чеботарева, для успешного развития СО НКО необходимо выработать единую стратегию взаимодействия как между самими НКО, так и между органами государственной власти и органами местного самоуправления¹⁴.

При планомерном и поэтапном решении вопросов по передаче отдельных полномочий органов местного самоуправления на аутсорсинг СО НКО, а также вопросов развития информационной поддержки их деятельности, повысится эффективность и качество взаимодействия органов местного самоуправления и СО НКО, что, в свою очередь, будет способствовать развитию гражданского общества в России.

Пристатейный библиографический список

1. Соболева Ю. В. Специальные статусы негосударственных организаций: направления совершенствования административно-правового регулирования // Административное право и процесс. - 2018. - № 7. - С. 85-86.
2. Чагин К. Г. Передача услуг государственными и муниципальными учреждениями на аутсорсинг другим поставщикам // Руководитель автономного учреждения. - 2017. - № 10. - С. 17 - 26; № 11. - С. 12-27.
3. Чеботарев Г. Н. Общественное представительство: Монография. - М.: Юрист, 2017. - 160 с.
4. Чеботарев Г. Н. Правовые механизмы формирования представительных общественных органов – носителей общественной власти // Конституционное и муниципальное право. - 2018. - № 1. - С. 37-41.
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/doklad_OPRF_2017.pdf (дата обращения: 03.01.2019).
6. Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. - № 40. - Ст. 3822.
7. Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. - № 3. - Ст. 145.
8. Методические рекомендации органам государственной власти и органам местного самоуправления по вопросам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (утв. Минэкономразвития России).
9. Соболева Ю. В. Специальные статусы негосударственных организаций: направления совершенствования административно-правового регулирования // Административное право и процесс. - 2018. - № 7. - С. 85-86.
10. Чагин К. Г. Передача услуг государственными и муниципальными учреждениями на аутсорсинг другим поставщикам // Руководитель автономного учреждения. - 2017. - № 10. - С. 17-26; № 11. - С. 12-27.
11. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/doklad_OPRF_2017.pdf (дата обращения: 03.01.2019).
12. Интернет-ресурс «Каталог НКО – поставщиков социальных услуг». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://dostup.ngo.ru/> (дата обращения: 03.01.2019).
13. НКО – поставщиков социальных услуг будет легко найти в интернете // Новости сайта Общественной палаты Российской Федерации. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.oprf.ru/press/news/2018/newsitem/44285> (дата обращения: 03.01.2019).
14. Чеботарев Г. Н. Общественное представительство: Монография. - М.: Юрист, 2017. - С. 10.

ЯДРЕЕВ Иван Васильевич

прокурор Чурапчинского района Республики Саха (Якутия), советник юстиции, аспирант факультета подготовки научных кадров Университета Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируется современное правовое регулирование использования государственных языков республик в составе Российской Федерации в органах местного самоуправления. Основное внимание уделяется сравнению регионального законодательства о языках и их статусе, исходя из основных публичных сфер использования языков на уровне местного самоуправления. Дается оценка полноты использования субъектами федерации предоставленных возможностей в сфере языкового строительства. На основе анализа делается вывод о необходимости реформирования законодательства о языках.

Ключевые слова: государственный язык, государственные языки субъектов федерации, местное самоуправление, использование языка, республики в составе России, федерализм, языковая политика, языковое строительство.

Ядреев И. В.

YADREEV Ivan Vasiljevich

prosecutor of the Churapchinsky District of the Republic of Sakha (Yakutia), counselor of justice, postgraduate student of the Faculty of Scientific Personnel Training, University of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation

THE USE OF OFFICIAL LANGUAGES OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENTS

The article analyzes the current legal regulation of the use of official languages of the republics within the Russian Federation in the local governments. The focus is on the comparison of regional legislation on languages and their status, based on the main public areas of language use at the local government level. The article makes an evaluation of the completeness of the use of opportunities in the field of language-construction. Based on all analysis that we made in this article it is concluded that there is a need to reform the legislation on official languages of subjects of Russian Federation.

Keywords: official language, official languages of subjects of the Russian Federation, local government, language use, republics within the Russian Federation, federalism, language policy, language construction.

Деятельность органов местного самоуправления неразрывно связана с законодательством о языках. Именно используя государственный язык Российской Федерации, а также государственные языки ее субъектов, местные языки, органы местного самоуправления, решают вопросы местного значения.

Частью 2 статьи 1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрена обязательность учета исторических и иных местных традиций при решении вопросов местного значения¹, к которым безусловно относиться и использование языка.

Российская Федерация в настоящее время является крупнейшим многонациональным государством в мире. Данный фактор имел и имеет решающее значение при организации государственного устройства на всех исторических этапах развития нашего государства².

Расселение народов России на карте неоднородно. Наряду с территориями со сплошным русским населением имеются значительные территории, населенные другими народами России. По состоянию на 2010 год фиксируется 357 муниципальных районов и городских округов из 2377 (15 %), в которых самой крупной национальностью являются народы России кроме русских. Причем только 321 из них расположены на территории 21 (на тот момент) республики в составе России и 36 в иных субъектах федерации³.

Использование языков в деятельности органов местного самоуправления безусловно неразрывно связано со статусом этих языков в государстве в целом и в его субъектах. Законодательство Российской Федерации, регулирующее правовой статус языков, принималось в эпоху формирования и становления российской государственности в ее нынешнем виде⁴.

Согласно части 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык. Часть вторая этой статьи указывает,

1 Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.10.2003. – № 40. – С. 3822

2 Таева Н. Е. Реализация принципа равноправия и самоопределения народов в республике Крым и Севастополе // Lex russica. – 2017. – № 2. – С.9-16.

3 Национальный состав России. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 08.09.2018).

4 Каримов А. С. Коллизионные проблемы развития законодательства о языках субъектов РФ // Российская юстиция. – 2015. – № 12. – С. 44-46.

что республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах местного самоуправления республик, в том числе, они употребляются наряду с государственным языком РФ⁵.

Часть 2 статьи 3 закона РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» указывает, что республики вправе устанавливать в соответствии с Конституцией РФ свои государственные языки.

Положения части 1 статьи 11 закона указывают, что работа, в том числе и органах местного самоуправления осуществляется на государственном языке РФ. В органах местного самоуправления, наряду с государственным языком РФ могут употребляться государственные языки республик.

Положение статьи 16 закона РФ указывает на то, что на территории России официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях ведется на русском языке как на государственном языке РФ. Официальное делопроизводство в республиках ведется также на государственных языках данных республик. Порядок использования языков в официальном делопроизводстве определяется законодательством РФ и республик. Часть 2 этой статьи указывает, что тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственном языке РФ, государственных языках республик и иных языках народов Российской Федерации, определяемых законодательством республик.

Положения статей 13 данного закона РФ регулируют, что языком законов и нормативно-правовых актов республик является русский язык, но республики вправе опубликовывать федеральные нормативно-правовые акты и официально опубликовывать «свои» акты на государственных языках республик.

Статья 14 закона РФ также указывает о возможности использования государственных языков республики в составе России при проведении выборов и при печати избирательных бюллетеней и бюллетеней для голосования.

Статья 23 закона РФ указывает о том, что республики вправе написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей производить на государственных языках республик наряду с государственным языком России⁶.

Анализ норм данного закона позволяет сделать вывод о том, что законодателем по большей части применяется диспозитивный метод использования языков республик.

Принятие Федерального закона от 01.06.2005 N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» позволило более четко определить сферы использования языков в деятельности органов местного самоуправления.

Так, часть 2 статьи 1 данного Федерального закона указывает, что статус русского языка как государственного языка РФ предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Законом РФ «О

языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами РФ.

Часть 7 данной статьи Федерального закона указывает, что обязательность использования государственного языка РФ не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе РФ, и языками народов РФ.

Статья 3 закона указывает, что государственный язык РФ подлежит обязательному использованию в следующих сферах, относящихся к органам местного самоуправления: в деятельности органов местного самоуправления, в том числе в делопроизводстве; в наименованиях органов местного самоуправления; при подготовке и проведении выборов и референдумов; при официальном опубликовании нормативных правовых актов; во взаимоотношениях органов местного самоуправления и граждан, общественных объединений; при написании наименований географических объектов, нанесении надписей на дорожные знаки; в иных определенных федеральными законами сферах⁷.

Принятие данного закона, во-первых, позволило заполнить пробелы в правовом регулировании, во-вторых, вызывает ряд вопросов.

Так, требование об обязательном использовании русского языка в наименовании органов власти, при проведении выборов и референдумов, официальном опубликовании нормативно-правовых актов, при написании наименований географических объектов, нанесении надписей на дорожные знаки, оформлении документов можно назвать естественными.

Вместе с тем, при ведении делопроизводства на государственном языке республики, требование об обязательном использовании русского приводит к необходимости вести двойное делопроизводство, то есть осуществлять перевод каждого документа. В условиях современной организации местного самоуправления такая практика представляется излишне трудозатратой и повсеместно влечет отказ от использования региональных языков в официальных сферах.

Анализ региональных законов (далее «Закон, Законы» - соответствующие законы республик, регулирующие общественные отношения в сфере языков и их использования) целесообразно производить исходя из следующих сфер деятельности: работа органов местного самоуправления, в т.ч. делопроизводство, наименование органов местного самоуправления, проведение выборов и референдумов, нормотворчество, взаимодействие органов местного самоуправления и граждан, написание наименований географических объектов.

Ряд республик, по разным причинам не приняли соответствующие Законы, это республики Дагестан, Северная Осетия – Алания и Крым. Причины непринятия законов в каждой республике свои. Вместе с тем, представляется, что длительное затягивание вопроса законодательного урегулирования общественных отношений в данной сфере нарушает языковые права населения.

5 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

6 О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 12.03.2014) // ВСНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 50. – С. 1740.

7 О государственном языке Российской Федерации: федер. закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. – 2005. – № 23. – С.2199.

В Республике Карелия принят закон от 19.03.2004 № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, финского и финского языков в Республике Карелия»⁸ регулирующий ту же самую сферу правоотношений. Очевидно, разница в названии вызвана тем, что национальные языки Карелии государственными наряду с русским не являются.

Также, Законы республик в данной сфере имеют разную степень юридической проработки и техники, принимались в разное время.

Кроме того, в некоторых Законах республик вообще нет норм, об использовании их в сферах, касающихся местного самоуправления.

Осуществление работы органов местного самоуправления и ведение делопроизводства на государственном языке республики является наиболее полным использованием языка как части культуры определенного народа.

Республики по-разному регулируют данный вопрос.

Употребление в работе органов местного самоуправления государственных языков республик наряду с государственным языком РФ закрепили в своих Законах республики Адыгея, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва, Удмуртская, Чеченская и Чувашская республики⁹. При этом, в нормы Законов республик Саха (Якутия) и Хакасия, Удмуртской республики предусматривают использование в работе органов местного самоуправления иных местных языков в местах компактного проживания их носителей.

В республиках Башкортостан, Карелия и Хакасия нормы Законов прямо закрепляют факультативность употребления государственных языков республик в работе органов местного самоуправления¹⁰.

В статьях Законов республик Коми, Марий Эл и Мордовия при отсутствии норм об использовании языков в органах местного самоуправления указано о возможности (факультативности) употребления государственных языков республик в делопроизводстве¹¹.

Вместе с тем, в Законах республик Алтай, Бурятия и Ингушетия нормы об употреблении государственных языков республик в работе органов местного самоуправления отсутствуют¹². При этом, указано об употреблении этих языков в работе органов государственной власти.

В Карачаево-Черкесской Республике, в статье 2 Закона республики закреплено, что языком официального делопроизводства является только русский язык¹³, что очевидно распространяется и на органы местного самоуправления. Также, о ведении делопроизводства только на русском языке закреплено в статье 13 Закона Республики Бурятия.

Нормы об использовании языков в делопроизводстве в органах местного самоуправления в Законах республик Башкортостан, Тыва, Хакасия, Кабардино-Балкарской, Чеченской и Чувашской республик отсутствуют.

В Законе Республики Саха (Якутия) нормы об использовании государственного языка республики в делопроизводстве в органах местного самоуправления отсутствуют. Вместе с тем, в статье 15 Закона указано о том, что языками делопроизводства и документации учреждений, предприятий и организаций, расположенных на территории республики, являются саха, русский и местные официальные языки, которые могут быть употреблены вместе или в отдельности. Также, принят специальный закон¹⁴, согласно нормам которого в делопроизводстве в органах местного самоуправления могут употребляться языки коренных малочисленных народов Севера в местах их компактного проживания.

Четыре республики (Адыгея, Калмыкия, Татарстан и Удмуртия) закрепили использование языков республик в делопроизводстве органов местного самоуправления. При этом, в статье 14 Закона Республики Татарстан указано о возможности использования иного языка в случае не владения населением ни одним из государственных языков республики.

Интересны нормы части 3 статьи 8 Закона Республики Карелия, согласно которой употребление языков в делопро-

8 Закон Республики Карелия от 19.03.2004 № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, финского и финского языков в Республике Карелия» (ред. от 28.12.2001) // Собрание законодательства Республики Карелия. – 2004. – № 3. – С. 251.

9 Закон Республики Адыгея от 31.03.1994 № 74-1 «О языках народов Республики Адыгея» (ред. от 02.03.2017) // Ведомости Законодательного Собрания (Хасэ) - Парламента Республики Адыгея. – 1994. – № 5. Закон Кабардино-Балкарской Республики «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» от 16.01.1995 № 1-РЗ (ред. от 24.04.2014) // Кабардино-Балкарская правда. – 19.01.1995. – № 11. Закон Республики Калмыкия от 15.12.2014 № 93-V-З «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата посещения 14.01.2019). 19.12.2014. Закон Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 № 1170-ХП «О языках в Республике Саха (Якутия)» (ред. от 30.05.2017) // Якутские ведомости. – 1992. – № 215. Закон Республики Татарстан от 08.07.1992 № 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (ред. от 12.06.2014) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 1992. – № 6. Закон Чеченской Республики от 25.04.2007 № 16-рз «О языках в Чеченской Республике» (ред. от 09.03.2016) // Вести Республики. – 08.05.2007. – № 60. Закон Республики Тыва от 31.12.2003 № 462 ВХ-1 «О языках в Республике Тыва» (ред. от 01.07.2014) // Тувинская правда. – 03.02.2004. – 14. Закон Удмуртской Республики от 06.12.2001 № 60-РЗ «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» (ред. от 10.04.2015) // Известия Удмуртской Республики. – 18.12.2001. – № 196.

10 Закон Республики Башкортостан от 15.02.1999 № 216-з «О языках народов Республики Башкортостан» (ред. от 28.03.2014) // Информационный бюллетень. – № 1 (1). – 2006. – С. 18. Закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» (ред. от 09.03.2016) // Хакасия. – 03.11.1992.

11 Закон Республики Коми от 28.05.1992 «О государственных языках Республики Коми» (ред. от 20.06.2016) // Красное знамя – 11.06.1992. – № 112. Закон Республики Марий Эл от 26.10.1995 № 290-III «О языках в Республике Марий Эл» (ред. от 10.03.2011) // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 1995. – № 11. – С. 252. Закон Республики Мордовия от 06.05.1998 № 19-З «О государственных языках Республики Мордовия» (ред. от 19.12.2011) // Известия Мордовии. – 07.05.1998. – № 82 (21.856). 12 Закон Республики Алтай от 03.03.1993 № 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» (ред. от 03.06.2016) // Ведомости Верховного Совета Республики Алтай. – Август-сентябрь 1993. – № 3. – С. 88. Закон Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-ХП «О языках народов Республики Бурятия» (ред. от 21.12.2015) // Бурятия – 23.06.1992. – № 119 (276). Закон Республики Ингушетия от 16.08.1996 № 12-РЗ «О государственных языках Республики Ингушетия» (ред. от 09.04.2018) // Ингушетия – 29.08.1996. – № 94-94. 13 Закон Карачаево-Черкесской Республики от 14.06.1996 № 104-ХХП «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (ред. от 28.12.2001) // День Республики. – 20.06.1996. – № 69 (15191). 14 Статья 9 Закона Республики Саха (Якутия) от 20.04.2004 3 № 243-III «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (ред. от 30.04.2014) // Сборник законов Республики Саха (Якутия). – 2004. – том 1.

изводстве возможно в случае, если это предусмотрено в уставах муниципальных образований.

Вопросы наименования органов местного самоуправления в основном регулируются путем закрепления норм о написании наименования этих органов на вывесках. Вместе с тем, вопрос наименования органов местного самоуправления на государственных языках республики и местных языках в большинстве случаев не урегулирован.

Так, республики Адыгея, Бурятия, Калмыкия, Коми, Марий Эл, Саха (Якутия), Татарстан, Карачаево-Черкесская и Удмуртская республики закрепили обязательность дублирования вывесок с наименованием органа местного самоуправления на русском языке и языке республики.

Остальные республики оставили этот вопрос не урегулированным.

При этом, в статье 31 Закона Республики Саха (Якутия) указано о том, что наименование органов власти может даваться и на местных языках.

Вместе с тем, в части 2 статьи 8 Закона Республики Карелия закреплена возможность наименования органов местного самоуправления на карельском, финском и вепском языках, в случае, если это предусмотрено в уставе органа местного самоуправления.

Использование государственного языка республики при печати бюллетеней и проведении выборов и референдумов в соответствие с требованиями ст.10 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права участия в референдуме граждан РФ»¹⁵ закреплено в нормах Законов 14 республик: Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва, Хакасия, Удмуртская, Чеченская и Чувашская республики. Положения норм указанных Законов указывают о факультативности использования языков республики в ходе проведения выборов и о возможности по решению соответствующей избирательной комиссии печати бюллетеней на русском языке и на государственном языке республики.

Статья 11 Закона Кабардино-Балкарской Республики, очевидно, не приведена в соответствие с федеральным законодательством и содержит требования об обязательном использовании языков республики при проведении выборов и печати бюллетеней.

В статье 12 Закона Карачаево-Черкесской Республики указано о проведении выборов и референдумов исключительно на русском языке.

Законы республик Калмыкия и Карелия вообще не содержат норм об использовании языков при проведении выборов и референдумов.

Более сложным является вопрос использования государственных языков республик в составе России при принятии и опубликовании нормативных актов органов местного самоуправления.

В Законах 12 республик в составе России (Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Калмыкия, Коми, Марий Эл, Тыва, Чечня, Чувашия) отсутствуют нормы об опубликовании нормативно-правовых актов органов местного самоуправления

на государственных языках республик, при указании об обязательности такого опубликования нормативных актов государственных органов власти.

При этом, в статье 11 Закона Республики Башкортостан говорится о возможности опубликования нормативно-правовых актов органов государственной власти на иных языках, а в нормах Закона Республики Хакасия о факультативности использования хакасского языка в этой сфере.

Нормы Законов Чеченской и Чувашской республик говорят об обязательности перевода на государственный язык республики только текстов законов, а не текстов иных нормативных актов.

Закон Республики Мордовия не регулирует отношения в этой сфере, но в республике принят специальный закон, в котором указано об использовании при опубликовании нормативно-правовых актов только русского языка¹⁶.

Нормы законов Республики Карелия и Удмуртской республики закрепляют, что акты органов местного самоуправления могут опубликовываться на государственном языке республики (в части Удмуртии) и на карельском, финском и вепском по решению органа, принявшего акт.

И только нормы Законов республик Саха (Якутия) и Татарстан регулируют, что все нормативно-правовые акты органов местного самоуправления должны быть опубликованы на русском и государственном языке республики, а в местах компактного проживания иных народов – возможно опубликование их на иных языках.

В части норм о работе с обращениями граждан, положения практически всех Законов республик закрепляют использование при даче ответов гражданам языка обращения и русского языка при невозможности использования языка обращения. Только в законе Республики Алтай нет норм об этом. Статья 14 Закона Республики Ингушетия не приведена в соответствие с федеральным законодательством и указывает об использовании при даче ответов обоих государственных языков республик.

Вопрос регулирования использования языков при написании географических названий решается по разному.

Так, статья 15 Закона Республики Бурятия прямо говорит о том, что наименования населенных пунктов, улиц, площадей оформляются на бурятском и русском языках. В статье 53 Закона Республики Марий Эл говорится о том, что только названия улиц, учреждений, предприятий и организаций приводятся на государственных языках.

Положения Законов республик Карелия, Тыва закрепляют возможность использования государственного языка республики наряду с русским при написании географических названий, но не указывают на порядок принятия такого решения. При этом, статья 11 Закона Республики Карелия говорит о необходимости учета интересов населения. Статья 22 Закона Республики Алтай указывает, что вопрос находится в компетенции Государственного собрания – Эл Курултай Республики (и такое постановление в настоящее время принято¹⁷). Нормы Законов Кабардино-Балкарской Республики,

15 Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 03.07.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права участия в референдуме граждан РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.2002. – № 24. – С. 2253.

16 статья 17 закона Республики Мордовия от 21.02.2002 № 10-З «О правовых актах Республики Мордовия» (ред. от 30.08.2018) // Ведомости Государственного Собрания Республики Мордовия. – № 15-17. – 2002.

17 Постановление Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай от 15.05.2012 № 19-26 «Об утверждении перечня

республик Мордовия и Хакасия указывают на то, что вопрос определения мест и конкретных надписей, где будет осуществлено дублирование наименований географических названий решается правительством субъекта федерации.

Республики Адыгея, Калмыкия, Коми, Карачаево-Черкесская и Удмуртская республики закрепили в своих Законах обязательность использования наряду с русским государственных языков республик при написании географических названий, а республики Башкортостан, Саха (Якутия), Татарстан, Чеченская и Чувашская республики помимо государственных языков допускают написание географических названий на иных языках с учетом интересов населения или в местах компактного проживания других народов.

Какие выводы можно сделать из приведенного анализа.

Во-первых, законодательство республик весьма разнообразно и часто совершенно по-разному регулирует общественные отношения в этой сфере.

Во-вторых, республики часто самостоятельно сужают сферы использования государственных языков республик по сравнению с возможностями, предоставленными федеральным законодательством. В частности, это касается законодательства не только Карачаево-Черкесской Республики, где из изученного перечня вопросов обязательному использованию государственные языки республики подлежат только в сфере написания географических названий, но и других республик.

Безусловным пробелом в нормах законов субъектов федерации является отсутствие у большинства республик положений об использовании языков в муниципальном нормотворчестве, ведь использование государственного языка республики востребовано в первую очередь на местном уровне.

Весьма любопытны нормы законодательства Республики Карелия в части передачи вопросов использования языков на муниципальный уровень: «в случае, если предусмотрены в уставе муниципального образования».

Также, не ясна практическая сторона использования государственных языков республик в составе России в нормотворчестве и делопроизводстве в органах местного самоуправления, которая требует отдельного изучения.

Так, Васильева Л. Н. отмечает, что в республиках, как правило, законодательный процесс осуществляется на одном языке. Например, в Республике Мордовия законодательная практика Государственного собрания осуществляется путем подготовки, обсуждения и принятия текста закона только на русском языке. Ряд исследователей считают, что переводы текста закона на мокшанский и эрзянский языки и их последующая публикация (на указанных государственных языках Республики Мордовия) имеют скорее информационное, а не юридическое значение¹⁸.

Ягудин Ш. Ш. также указывает, что в ходе реализации языковой Государственной программы Республи-

ки Татарстан возникает немало проблем, типичных и для других республик. Речь идет о том, что, несмотря на принимаемые усилия, идет сокращение национальных образовательных школ. Отмечается сложность программного материала в обучении, издания законов, в том числе федеральных, на татарском языке, идентификации текстов законов на татарском и русском языках и др.¹⁹.

Таким образом, законодательство республик «О языках» нуждается в определенном изменении, направленном не только на расширение применения государственных языков республик, но и на исключение пробелов в правовом регулировании. Только полноценное использование языков России является залогом стабильного сосуществования народов страны.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева Л. Н. Двухязычие нормативных правовых актов в Российской Федерации: совершенствование правовой основы // Журнал российского права. – 2008. – № 8.
2. Каримов А. С. Коллизионные проблемы развития законодательства о языках субъектов РФ // Российская юстиция. – 2015. – № 12.
3. Таева Н. Е. Реализация принципа равноправия и самоопределения народов в республике Крым и Севастополе // Lex russica. 2017. – № 2.
4. Ягудин Ш. Ш. Конституционно-правовые основы государственных языков в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3.

наименований населенных пунктов, пересекаемых рек, ручьев, расположенных на территории Республики Алтай вдоль трасс автомобильных дорог общего пользования, на алтайском языке» // Справочная правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 02.11.2018).

18 Васильева Л. Н. Двухязычие нормативных правовых актов в Российской Федерации: совершенствование правовой основы // Журнал российского права. – 2008. – № 8.

19 Ягудин Ш. Ш. Конституционно-правовые основы государственных языков в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3. – С. 28-32.

ВИСЛИНСКИЙ Марк Дмитриевич

аспирант Уральского государственного экономического университета

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЕЙШЕГО ГОРОДА)

В данной статье рассматривается экономико-правовой механизм регулирования деятельности природопользователей (на примере крупнейшего города). Авторами предложен подход к концепции экологического стандарта, применительно к муниципальным образованиям.

Ключевые слова: муниципальное образование, экология, закон, право.

VISLINSKIY Mark Dmitrievich

postgraduate student of the Ural State Economic University

ECOLOGICAL AND ECONOMIC MECHANISM OF NATURE MANAGEMENT IN THE MUNICIPALITY (ON THE EXAMPLE OF THE LARGEST CITY)

In this article, the economic and legal mechanism for regulating the activities of nature users (on the example of the largest city) is considered. The authors proposed an approach to the concept of an environmental standard, as applied to municipality.

Keywords: municipality, ecology, law, right.

Вислинский М. Д.

Стандарт «Организационно-экономический механизм природопользования в муниципальном образовании город Екатеринбург» представляет собой документ упорядочению правовой, законодательной, организационной, экономической основы взаимодействия органов государственного, местного управления природопользователей в сфере рационального природопользования.

Стандарт является документом, регламентирующим деятельность по природопользованию на всей территории МО «город Екатеринбург» и обязательным для руководства всеми природопользователями, функционирующим в пределах МО. Экологический стандарт не заменяет и не отменяет действующие федеральные и региональные законы в сфере природопользования на местном уровне с учетом интересов сопредельных территорий.¹

– Взаимодействие с Департаментом природных ресурсов по Уральскому федеральному округу;

– Совместное осуществление полномочий по охране окружающей среды в МО «город Екатеринбург» Департаментом и Администрацией города;

– Взаимодействие в области взаимоотношений между городом, региональными и муниципальными органами государственного управления и надзора;

– Полномочия Администрации Екатеринбурга в области экологической экспертизы;

– Взаимодействие с предприятиями-природопользователями в муниципальном образовании;

Актуальной проблемой является взаимодействие с сопредельными территориями:

– регулировать взаимоотношения с сопредельными территориями;

– регулировать отношения с субъектами Федерации, сопредельными территориями по правам и обязанностям распоряжения объектами природы.²

Так, например, Челябинская область (субъект федерации) имеет право распорядиться водными ресурсами р. Уфы (в меру реализации принципов и пунктов Соглашения между администрацией области и правительством РФ о разграничении предметов ведения и полномочий по поводу владения распоряжения природными ресурсами) и на этой основе претендовать на эту ренту в случае перераспределения стока для водообеспечения МО «город Екатеринбург».

Субъекты федерации: Тюменская область, Курганская область, Башкортостан, Пермская область также вправе добиваться того, чтобы МО «город Екатеринбург», располагаясь в верховьях рек, поступающих к ним, осуществлял мероприятия, обеспечивающие возможность для них использования водных ресурсов и рек без дополнительных затрат. А эти затраты обусловлены необходимостью совершенствования количественных и качественных параметров водохозяйственного баланса общих водных бассейнов вследствие их значительного изменения (ухудшения, снижения) при водообеспечении МО «город Екатеринбург». В одном случае (реки Чусовая, Уфа) – это изменения количественных параметров водохозяйственного баланса (ВХБ) вследствие их зарегулированности для водообеспечения МО «город Екатеринбург» и уменьшение этих параметров в створах населенных пунктов Пермской области, Челябинской области и Башкортостана, в другом – это снижение качественных характеристик воды рек Исеть, Пышма в створах населенных пунктов Тюменской области и Курганской области.³

1 Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Васильева Л. Д., Свиридов В. В., Кузьмин С. В. Методологические основы разработки концепции и программы экологической безопасности города / под науч. ред. В. Н. Большакова. - Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003.

2 Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Вислинский М. Д. Экономика природопользования муниципальных образований. Учебное пособие. - 2017. - С. 173.

3 Яндыганов Я. Я., Козицын А. А., Носов А. А., Федоров М. В. Экологические риски (оценка и механизм страхования). - Екатеринбург: [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2002.

Очевидно, что проблема эта – комплексная, так как она проявляется в формах:

- экологической, поскольку водопользование сопровождается изменениями как в количественных параметрах ВХБ (общего для участников водопользования в водном бассейне), так и изменениями (чаще ухудшением) качественных показателей водных ресурсов, объектов и других компонентов локальной экосистемы;

- законодательно-правовой (право распоряжения, пользования природными ресурсами, объектами; право на экономическую деятельность граждан всех субъектов Федерации);

- социальной (удовлетворение потребностей в количестве необходимых природных ресурсов, в свойствах, качествах объектов природы и условиях жизнедеятельности в целом);

- экономический, так как взаимоотношения участников водопользования в условиях общности водных объектов имеют конкретные количественно оформляемые затраты на использование, охрану, воспроизводство водных ресурсов, объектов.

Реализация законодательно-правовых положений в сфере пользования водными ресурсами и объектами обусловлено их конкретизацией между субъектом Федерации и федеральным уровнем, дальнейшей (последующей) дифференциацией в аспекте муниципальных образований. Без должной четкости в правах распоряжения, владения, пользования на названных уровнях невозможно или затруднено внедрение принципов экономических взаимоотношений. Последние в своей сущности сводятся к двум главным аспектам:

- право, возможность, необходимость реализации, присвоения природно-ресурсной ренты субъектом Федерации;

- необходимость компенсации (в стоимостной форме) затрат, производимых вынужденно на водообеспечение некоторыми субъектами федерации и муниципальными образованияами вследствие загрязнения водных объектов другими;

Ситуация, возникающая для МО «город Екатеринбург» при этом складывается достаточно особенная в силу ряда обстоятельств.⁴

Предполагаемая, возможная компенсация негативного воздействия МО на источники водоснабжения МО «город Екатеринбург» будет незначительная и она не сможет «сбалансировать» его вероятные долги перед МО, расположенными ниже по течению рек. Пышма, Исеть;

МО «город Екатеринбург» в результате своей водохозяйственной деятельности перераспределяет сток рек двух крупных бассейнов: Волжского и Обского (это реки Уфа, Чусовая, Пышма, Исеть), причем, сбрасывая стоки в бассейн р. Обь оказывается в неблагоприятных условиях платежей за сброс, так как удельная плата при сбросе в водный бассейн р. Обь превышает удельную плату за сброс в Волжский бассейн примерно на 20 %.

В силу этого же обстоятельства — большого вклада МО «город Екатеринбург» в экономические результаты области или в аспекте доли в этом процессе (МО, участвующие в общей схеме водопользования) необходима передача в преимущественное право пользования, регулирования, контроля за природопользованием на территориях примыкающих к

тракту подачи воды из Нязепетровского водохранилища МП «Водоканал» МО «город Екатеринбург» с разработкой и утверждением специального положения.⁵

Осуществление названных отношений предполагает учет проектирования и строительства, функционирования системы сбора, очистки, удаления поверхностных (дождевых и талых) вод, а также проектирование, строительство, функционирование системы сбора, транспортировки, переработки, утилизации промышленных и бытовых отходов (ТБО).

Проблемы экологической безопасности и рационального природопользования неразрывно связаны с социально-экономическим развитием общества и обусловлены им, они связаны с вопросами охраны здоровья, созданием благоприятных условий для жизнедеятельности и естественного воспроизводства населения в настоящем и будущем поколениях.

Концепция экологической безопасности представляет собой систему взглядов, целей и задач, принципов и основанных на них действий политического, экономического, правового, административного, научно-технического, санитарно-эпидемиологического и образовательного характера, направленных на создание безопасных и благоприятных условий среды обитания нынешнего и будущих поколений населения.⁶

Система экологической безопасности имеет многоуровневый характер – от источника воздействия на окружающую среду до общегосударственного, от предприятия, муниципального образования, субъекта Федерации до страны в планетарном аспекте.

Основная цель экологической безопасности состоит в достижении устойчивого развития с созданием благоприятной среды обитания и комфортных условий для жизнедеятельности и воспроизводства населения, обеспечения охраны природных ресурсов и биоразнообразия, предотвращения техногенных аварий и катастроф.

Достижение поставленной цели предполагает комплексное, системное и целенаправленное решение основных задач.

- совершенствование инструментов реализации экологической политики, законодательных, административно-управленческих, организационно-экономических, социально-экономических;

- снижение и доведение до безопасных уровней техногенной нагрузки на человека и окружающую природную среду;

- создание и эффективное функционирование системы управления экологической безопасностью и охраной окружающей среды города;

- удовлетворение потребностей населения в питьевой воде, качественных продуктах питания;

- обеспечение поддержания качества рекреационных объектов;

- создание системы предупреждения и защиты населения;

- поэтапная экологизация производства.

Основными объектами экологической безопасности являются человек (личность) с его правом на здоровую и благоприятную для жизни окружающую природную среду; общество с его материальными и духовными ценностями, зависящими от экологического состояния территории горо-

4 Шарыгин М. Д. Территориальные общественные системы (региональные и локальные уровни организации и управления). Избранные труды. - Пермь: Изд-во Перм. ГУ, 2003.

5 Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. - М.: Юрист, 1997.

6 Власова Е. Я. Экология урбанизированных территорий. - М., 2007. - С. 234.

да; благоприятная экосистема города как основа устойчивого развития общества и благополучия будущих поколений.

Субъектами обеспечения экологической безопасности на территории города являются администрация муниципального образования, юридические и физические лица, организации, обладающими правами и обязанностями по ее обеспечению в соответствии с нормами действующего законодательства РФ.⁷

Невозможность быстрого и одновременного решения всех проблем экологической безопасности в условиях ограниченности финансовых ресурсов и имеющихся в наличии инструментов экологической политики (административных, нормативных, экономических и др.) предопределяет необходимость обоснования экологических приоритетов, устанавливающих направленность как политики экологической безопасности города в целом, так и природоохранной деятельности отдельных субъектов хозяйственной деятельности и населения.

Мы считаем, что фактор активности в природопользовании соответствует необходимости активизации самой экономики во всех ее проявлениях. В этой специфической сфере надо не только быстрее реализовать природоохранные мероприятия, адекватные темпам и масштабам экономической активности, но и развивать собственное экологическое предпринимательство. Последнее по сути является деятельностью, направленной на получение прибыли на основе практических мероприятий по рациональному природопользованию, при успешно осуществляемой в мире перспективной в плане улучшения экологической обстановки и экологического воспроизводства экономики в целом.⁸

Мы считаем, что сложность проблемы экологической безопасности предопределяет сложную иерархическую систему направлений обеспечения гарантий защищенности населения, экосистемы урбанизированных территорий от последствий ухудшения экологической обстановки.

Первоочередными, приобретенными направлениями деятельности по обеспечению экологической безопасности на межмуниципальном уровне являются:

1. Водообеспечение населения и предприятий;

2. Водоотведение;

3. Сбор и утилизация отходов МО;

4. Рациональное ведение сельскохозяйственной производственной деятельности.

Таким образом, межмуниципальный характер имеют все три главных элемента рационального природопользования: использование, воспроизводство, охрана. Причем, эти виды основной деятельности должны осуществляться в аспектах: пространственном, экосистемном, структурном (кластерном).

Пристатейный библиографический список

1. Власова Е. Я. Экология урбанизированных территорий. - М., 2007.
2. Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. - М.: Юрист, 1997.
3. Шарыгин М. Д. Территориальные общественные системы (региональные и локальные уровни организации и управления). Избранные труды. - Пермь: Изд-во Перм. ГУ, 2003.
4. Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я. Эколого-экономическое эссе (аспекты: регион, предприятия): [монография] / под ред. Я. Я. Яндыганова. - Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012.
5. Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Васильева Л. Д., Свиридов В. В., Кузьмин С. В. Методологические основы разработки концепции и программы экологической безопасности города / под науч. ред. В. Н. Большакова. - Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003.
6. Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Вислинский М. Д. Экономика природопользования муниципальных образований. Учебное пособие. - 2017.
7. Яндыганов Я. Я., Козицын А. А., Носов А. А., Федоров М. В. Экологические риски (оценка и механизм страхования). - Екатеринбург: [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2002.

А. В. Беляков

**ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО
СОЮЗА В ОБЛАСТИ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

ЮСТИЦ ИНФОРМ
Москва
2015

7 Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Вислинский М. Д. Экономика природопользования муниципальных образований. Учебное пособие. - 2017. - С. 173.

8 Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я. Эколого-экономическое эссе (аспекты: регион, предприятия): [монография] / под ред. Я. Я. Яндыганова. - Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012.

КАДИМОВА Маихалум Шамсудиновна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского процесса Дагестанского государственного университета

АЛИБЕКОВА Асият Мурадовна

студентка 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

На основе анализа законодательной и судебной практики автор раскрывает проблемы, возникающие в правоприменительной практике по вопросам признания права частной собственности на землю по приобретательной давности и по иным основаниям. Автором обосновывается необходимость уточнения процедуры приобретательной давности в отношении земельных участков.

Ключевые слова: земельный участок, приобретательная давность, презумпция государственной собственности на землю, добросовестность, приватизация.

KADIMOVA Maikhalum Shamsudinovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil process sub-faculty of the Dagestan State University

ALIBEKOVA Asiyat Muradovna

4th year student of the Institute of Law of the Dagestan State University

ABOUT SOME PROBLEMS OF RECOGNITION OF THE RIGHT OF PRIVATE PROPERTY TO THE PARCELS OF LAND

On the basis of the analysis of legislative and judicial practice, the author reveals the problems arising in law enforcement practice on the recognition of the right of private ownership of land on the acquisition prescription and on other grounds. The author substantiates the need to clarify the procedure of prescription in respect of land.

Keywords: land plot, acquisition prescription, presumption of state ownership of land, good faith, privatization.

Правовое оформление земельных отношений имеет важное значение не только для земельного, но и для гражданского права, так как вопросы права собственности на земельные участки нашли отражение как в земельном, так и гражданском законодательстве. Земельные правоотношения развиваются интенсивно, и порой законодательство не поспевает за стремительно меняющейся реальностью: возникают препятствия на пути реализации гражданами своих прав в данной сфере. Пробелы в правовом регулировании права частной собственности на земельные участки в земельном и гражданском законодательстве, влекущие за собой неоднозначную и часто противоречивую правоприменительную и судебную практику (в частности, проблемы в природе приобретения права частной собственности на земельные участки в порядке приобретательной давности, закреплении приоритета публичных интересов в регулировании вопросов использования земли при наличии конституционного положения о равенстве всех форм собственности), выдвигают проблемы собственности на земельные участки на передний план границ земельного и гражданского законодательства.

Для наиболее полного раскрытия заявленной нами темы, целесообразно раскрыть понятие «признание права» и отграничить его от иных смежных понятий.

Законодательство РФ не определяет правового содержания терминов «признание», «приобретение», «возникновение» права собственности, а также «предоставление земельных участков», отсутствие подобных дефиниций в законодательстве вызывает определенные затруднения в правоприменительной деятельности.

В юридической литературе понятие «признание» права собственности рассматривается в двух аспектах: в широком и узком.

Большинство авторов рассматривают, в узком смысле, как один из основополагающих способов защиты прав на земельные участки, который закреплен в ст. 59 ЗК РФ и ст. 12 ГК РФ¹.

В широком значении «признание права» определяется из буквального толкования термина². Так, словарь русского языка С. Н. Ожегова слово «признать» определяет как «согласиться, считать законным, существующим, действительным»³.

Думается, данное толкование применительно к институту признания права собственности на землю, так как при признании речь идет об объективно существующем праве на землю, однако лицо не является формальным собственником земельного участка, в силу отсутствия у него правоустанавливающих документов на данную землю⁴, в результате чего возникает необходимость признать действительность и законность данного права.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что под признанием права собственности следует понимать закрепленный законодателем один из способов защиты земельных прав, сущность которого заключается в подтверждении компетентным органом государственной власти за

1 Амелина Н. Е. Бесплатная приватизация гражданами земельных участков из земель населенных пунктов и проблемы признания права собственности на них: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 21.

2 Польшкова Е. Г. Признание права частной собственности на земельные участки: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008.

3 Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 100000 слов, терминов и выражений. М., 2016. С. 526.

4 Анисимов А. П., Рыженков А. Я. Приобретение права частной собственности на земельные участки в силу давности владения // Современное право. 2016. № 10. С. 9.

конности и действительности права собственности на землю, которое объективно существует, но формально не признается за собственником в силу определенных обстоятельств.

В земельном законодательстве в отличие от гражданского законодательства понятия «приобретение» и «возникновение» не разграничиваются. Из анализа ст. 25 ЗК РФ и ст. 219 ГК РФ вытекает, что возникновение права собственности является – моментом, с которого лицо становится обладателем права на землю, например, государственная регистрация сделок с земельными участками.

На наш взгляд, приобретение права частной собственности на земельные участки следует рассматривать как правомерные действия субъектов земельного права, в отношении находящегося в обороте земельного участка, в результате которых возникает право собственности на земельный участок.

Аналогичной позиции придерживается С. Н. Нугманова, которая рассматривает приобретения права собственности как «совокупность действий (бездействий), которые заключаются в процессе, направленные на возникновение права собственности»⁵.

При этом «возникновение» выступает в качестве заключительной стадии данного процесса, по итогу которой субъект приобретает право частной собственности на земельный участок.

Таким образом, термины «приобретение», «возникновение» применительно к признанию прав частной собственности на землю можно рассмотреть как единый процесс, состоящий из последовательных правомерных действий субъектов земельного права, направленных на признание за субъектом земельных правоотношений прав на землю.

Особенно важным, на наш взгляд, для исследования представляется разграничение понятий «признание права» и «предоставление земельного участка».

Сходство между данными понятиями проявляется в том, что они направлены на возникновение земельных прав и обязанностей у конкретного субъекта, в том числе права собственности на земельный участок. Так, О. И. Крассов рассматривает понятие «предоставление земельных участков» как одну из функций управления, представляющую собой «совокупность юридически значимых действий органов государственной власти и органов местного самоуправления, направленных на наделение земельными участками юридических лиц и граждан на определенном в законе праве на землю»⁶.

На основе анализа главы V. 1 ЗК РФ можно сделать вывод, что «предоставление земельного участка» представляет собой передачу в установленном законодательстве порядке земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, гражданам и юридическим лицам на основании акта органа исполнительной власти или органа местного самоуправления, договоров купли-продажи, аренды, безвозмездного пользования.

Следовательно, основания, объект, порядок предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, гражданину или юридическому лицу существенно отличаются от института признания права собственности.

Одной из острых проблем института признания права частной собственности на земельный участок является относимость института давности владения к земельным участкам. Гражданский кодекс России (ст. 234) содержит, на первый взгляд, предельно простую формулировку, согласно которой «лицо – гражданин или юридическое лицо, – не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество («приобретательная давность»)». Однако в научной литературе по данному институту споры не утихают с момента принятия Гражданского кодекса.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «по смыслу статей 225 и 234 ГК РФ право собственности в силу приобретательной давности может быть приобретено на имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу, а также на бесхозное имущество»⁷. Однако ни данное Постановление, ни законодательство РФ не устанавливают форму собственности, в которой должен находиться земельный участок, для того чтобы лицо могло иметь право приобрести его в силу давности владения. В науке земельного права существуют принципиально противоположные точки зрения на данный вопрос.

О. И. Крассов считает, что данный институт применим исключительно к земельным участкам, находящимся в частной собственности. Участки, относящиеся к государственной или муниципальной собственности, априори не могут считаться бесхозными⁸.

И. А. Колесникова и некоторые другие авторы разделяют данную точку зрения, указывая, что приобретательная давность может применяться лишь в отношении участков, находящихся в частной собственности у иных лиц, при этом потенциальный приобретатель владеет участком при соблюдении всех указанных в законе условий⁹.

Судебная практика также демонстрирует некоторую приверженность данной позиции. Граждане часто оказываются в сложной ситуации, когда им в судебном порядке оказано в приобретении права собственности на земельные участки по давности владения на основании того, что данный правовой институт действует только в отношении участков, находящихся в частной собственности¹⁰.

Г. Н. Эйриян полагает, что приобретательная давность в качестве основания для приобретения права частной собственности на земельные участки возникает вне зависимости от формы собственности¹¹. С ее точки зрения, российское законодательство не предусматривает разграничение или ограничение применения данной правовой конструкции в зависимости от формы собственности. Следовательно, суды

5 Тоточенко Д. А. Особенности рассмотрения споров о признании права собственности на земельные участки // Нотариус. 2017. № 2. С. 156.

6 Крассов О. И. Земельное право России. М., 2017.

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. № 109. 2010.

8 Крассов О. И. Земельное право современной России. М., 2004. С. 154.

9 Колесникова И. А. Приобретательная давность как один из способов приобретения права собственности на землю // Право и экономика. 2006. № 7. С. 91.

10 Определение Верховного Суда РФ от 14.08.2018 по делу № 49-КГ18-26 // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 30.11.2018).

11 Эйриян Г. Н. Применение приобретательной давности к земельным участкам // Адвокат. 2003. № 7. С. 11-14.

в своих решениях по данному вопросу должны руководствоваться принципом справедливости и в соответствии с конкретной ситуацией.

По мнению А. С. Трифонова, приобретение земельных участков в рамках приобретательной давности возможно исключительно в отношении таковых, находящихся в государственной или муниципальной собственности¹².

Если мы принимаем одну из более радикальных точек зрения, то возникает вопрос, возможно ли создание ситуации, при которой одна из форм собственности (при их изначальном конституционном равенстве) оказывается более «равной», т.к. и законодательством, и судебными органами больше предпочтений оказывается государственной собственности? Выходит, что задаются неравные стандарты, одна форма собственности оказывается более защищенной, предпочитаемой, чем другие. На наш взгляд, наиболее адекватным становится подход к каждой ситуации в рамках с ее индивидуальными особенностями.

Ввиду того, что земля как природный ресурс является достоянием народа, бесхозность земли – это путь к разрушению государства. Думается, презумпция государственной собственности на землю должна сопровождаться адекватным регулированием, поскольку государство в таком случае несет ответственность за состояние и систему использования природных ресурсов. Необходим комплекс мер – учет земельных участков, регулярная инвентаризация, выявления бесхозных участков, контроль использования и бережного отношения к ним, включая разработку мер ответственности за бездействия органов власти и их должностных лиц. Мы считаем, что если подходить серьезно к данному вопросу, можно полностью исключить саму возможность самовольного завладения земельных участков, за которыми нет надзор.

Несомненно, недопустимы случаи, когда участок приобретается кем-либо, в то время как земля принадлежит иному лицу. Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним в императивном порядке содержит запись об участке, содержащую в том числе сведения о его собственнике, кадастровых данных и т.д. Поэтому нельзя говорить о добросовестном владении участком как «своим» иными лицами.

Закон о введении в действие ЗК РФ содержит одну интересную норму, согласно п. 4 ст. 3 гражданин Российской Федерации вправе приобрести бесплатно в собственность земельный участок, который находится в его фактическом пользовании, если на таком земельном участке расположен жилой дом, право собственности на который возникло у гражданина до дня введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации либо после дня введения его в действие, при условии, что право собственности на жилой дом перешло к гражданину в порядке наследования и право собственности наследодателя на жилой дом возникло до дня введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации. Основной проблемой является то, что в советский период дома продавались практически без каких-либо документов, позволяющих сегодня установить принадлежность тому или иному лицу. Путаница возникает еще и в силу того, что ЗК РФ не содержит такого основания приобретения земельного участка как приобретательная давность; есть случаи, когда суды отказывают в удовлетворении требований заявителя на основании отсутствия данной нормы в законе. Несомненно

одно – признание права частной собственности в силу приобретательной давности является прерогативой судов.

Невозможна также ситуация судебного решения о передаче жилого дома по приобретательной давности в частную собственность без уточнения юридической судьбы земельного участка. Такая форма принятия решений напрямую нарушает один из основополагающих принципов единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков¹³. Практика демонстрирует также случаи, когда участок и постройка на нем принадлежат разным лицам. В этой связи Верховный Суд РФ напомнил общее правило, в соответствии с которым передача права собственности на недвижимость неизбежно влечет за собой передачу права собственности на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования.

Таким образом, прослеживается необходимость кардинального преобразования института приобретательной давности, благодаря которому граждане смогут эффективно реализовывать его положения для защиты своих вещных прав, в том числе и на столь ценный объект гражданских правоотношений как земельные участки.

На наш взгляд, необходимо внести изменения не только в гражданское законодательство, но прослеживается необходимость дополнения нормами ЗК РФ, во-первых, о допустимости приобретения права частной собственности на землю в силу приобретательной давности, во-вторых, об особенностях признания права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности.

В данной статье необходимо разрешить следующие вопросы:

1. В какой форме собственности должна находиться земля;
2. На какие категории земель может распространяться приобретательная давность;
3. Необходимость учета принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов при признании права собственности на объект в силу приобретательной давности.

Думается, такие поправки в значительной мере способны решить насущные проблемы института приобретательной давности.

Одним из наиболее распространенных видов споров о признании права собственности на земельные участки являются споры о признании права собственности на земельные участки, подтверждающие принадлежность права. Это означает, что право собственности уже существует, но оно нуждается в подтверждении в силу различных обстоятельств. Такие ситуации возникают, к примеру, в случае утраты подтверждающих документов, отсутствии необходимых реквизитов в них и т.д. Чаще всего такие ситуации возникают в отношении недвижимости, приобретенной до принятия Земельного кодекса.

Признание права происходит на основании любых документов, в достоверности которых отсутствуют сомнения, а также содержащих достаточное количество сведений для признания такого права. К таким документам могут относиться кадастровый паспорт земельного участка, документы собственников смежных участков, которые содержат сведе-

12 Трифонов А. С. Гражданско-правовой режим земель промышленности; Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 74.

13 Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем // Вестник гражданского права. 2017. №№ 1, 2.

ния о смежных участках, в случае, если они были приобретены ранее и т.д.¹⁴

Широкий пласт дел относится к вопросу признания права собственности на земельные участки при отказе в приватизации. Истец в данном случае является фактическим землепользователем

По данной категории дел титульными владельцами земельных участков могут быть владельцы земельных участков на праве постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения или фактические пользователи земельных участков (собственники расположенных на данных участках жилых домов)¹⁵.

Причинами отказа в приватизации может быть широкий круг оснований, наиболее распространенными из которых являются следующие:

– Земельный участок изъят из оборота (либо земельный участок ограничен в оборотоспособности). В соответствии с ч. 2 п. 2 ст. 27 ЗК РФ такие земли не предоставляются в частную собственность. Перечень таких земель содержится в п. 5 ст. 27 ЗК РФ;

– Отсутствуют документы, подтверждающие передачу в пожизненное наследуемое владение или постоянное (бессрочное) пользование. Необходимо отметить, что с 2001 г. Земельные участки в постоянное (бессрочное) пользование или в пожизненное наследуемое владение не предоставляются, однако если данные участки находились в таком праве пользования граждан до введения в действие Земельного кодекса, пожизненное наследуемое владение или постоянное (бессрочное) пользование сохраняется;

– Непредоставление необходимого перечня документов, необходимых для приватизации;

– Земельный участок зарезервирован решением органа местного самоуправления для муниципальных нужд;

Таким образом, проблема признания права частной собственности на земельные участки требует не только более развернутых теоретических исследований, но и проработки путей решения практических проблем. В силу межотраслевой природы изучаемого вопроса необходимо вносить изменения не только в земельное, но и гражданское законодательство.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. № 109. 2010.
2. Определение Верховного Суда РФ от 14.08.2018 по делу № 49-КГ18-26 // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 30.11.2018).
3. Амелина Н. Е. Бесплатная приватизация гражданами земельных участков из земель населенных пунктов и проблемы признания права собственности на них: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

¹⁴ Тоточенко Д. А. Особенности рассмотрения споров о признании права собственности на земельные участки // Нотариус. 2017. № 2.

¹⁵ Там же.

4. Анисимов А. П., Рыженков А. Я. Приобретение права частной собственности на земельные участки в силу давности владения // Современное право. 2016. № 10.
5. Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем // Вестник гражданского права. 2017. №№ 1, 2.
6. Колесникова И. А. Приобретательная давность как один из способов приобретения права собственности на землю // Право и экономика. 2006. № 7.
7. Крассов О. И. Земельное право России. М., 2017.
8. Крассов О. И. Земельное право современной России. М., 2004.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 100000 слов, терминов и выражений. М., 2016.
10. Польшкова Е. Г. Признание права частной собственности на земельные участки: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008.
11. Тоточенко Д. А. Особенности рассмотрения споров о признании права собственности на земельные участки // Нотариус. 2017. № 2. С. 156.
12. Трифионов А. С. Гражданско-правовой режим земель промышленности: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 74.
13. Эйриян Г. Н. Применение приобретательной давности к земельным участкам // Адвокат. 2003. № 7. С. 11-14.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

КИБЕРПРОСТРАНСТВО БРИКС: правовое измерение

В преддверии саммита БРИКС
3–5 сентября 2017 г.

Монография

Ответственные редакторы
Дэн Руйпин, Т.Я. Хабриева

Москва
2017

ТАРАСЕНКО Зоя Анатольевна

магистр Российского университета транспорта (МИИТ)

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВКСЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье обосновано, что для национальной экономики и ее субъектов необходим расчетный инструмент, который помогает повысить эффективность платежей, оборачиваемость активов, в качестве которого может выступать вексель. Выделены перспективы использования векселей в хозяйственной деятельности предприятий, сформулированы предложения по совершенствованию нормативной-законодательной базы в данной сфере.

Ключевые слова: дисконт векселей, финансовый инструмент, индоссамент, акцепт, капитал.

TARASENKO Zoya Anatoljevna

master of the Moscow State University of Railway Engineering (MIIT)

PERSPECTIVE DIRECTIONS OF USE OF BILL OPERATIONS IN THE ECONOMIC ACTIVITY OF ENTERPRISES

The article substantiates that a settlement tool is needed for the national economy and its subjects, which helps to increase the efficiency of payments, asset turnover, which can be a bill of exchange. The prospects for the use of bills of exchange in the economic activity of enterprises are highlighted, and proposals are made for improving the regulatory framework in this area.

Keywords: discount of bills, financial instrument, endorsement, acceptance, capital.

Вексель представляет собой финансовый инструмент, который по своей юридической природе является особым видом ценных бумаг, используемый для реализации целого ряда разнообразных операций в хозяйственной деятельности предприятий. Традиционно вексель опосредует кредитно-денежные отношения в хозяйственной деятельности и может быть использован как дополнительный источник средств для инвестирования капитала. Векселя могут обращаться на вторичном рынке, при использовании его как привлекательного способа инвестирования финансовых средств¹.

В условиях финансовой нестабильности, сокращения кредитования и инвестиций вексель может использоваться в качестве средства отсрочки платежа, обеспечивая сохранение договорных связей между хозяйствующими субъектами. Использование вексельных форм расчетов во внешнеэкономической деятельности служит аккумуляции валютного запаса России. Расширение вексельного обращения создает альтернативу банковскому кредитованию, что в условиях дефицита оборотных средств в предпринимательских структурах способно конструктивно влиять на уровень банковских ставок². То есть, сегодня использование вексельных операций в хозяйственной деятельности предприятий приобретает чрезвычайную актуальность.

Вместе с тем следует отметить, что исследования вексельного права немногочисленны и в них чаще всего выражаются спорные мнения авторов, не подтвержденные ссылками на действующее законодательство. Возможности использования векселей в хозяйственной деятельности является предметом научных дискуссий на протяжении продолжительного времени. В разное время данные вопросы рассматривались в работах: Ю. А. Максимова, анализирующего природу век-

селя в гражданском праве³, Д. Е. Кошеля, выявляющего перспективы вексельного обращения в российской Федерации⁴, С. Д. Казакова, характеризующего ключевые проблемы исполнения обязательств по переводным векселям⁵, Д. А. Шевченко и Т. А. Щербинина, раскрывающих институциональные аспекты развития российского вексельного рынка⁶ и др.

Интерес представляет статья Р.В. Чикулаева, рассматривающего правовые характеристики векселей и особенности их гражданского оборота. Объясняя концепцию простого векселя, автор выделяет основные типы таких векселей. В статье представлен перечень лиц, имеющих право включать положение о месте жительства в вексель, определяется правовой статус домицилий и правовые последствия включения оговорки о месте жительства в текст векселя для разных участников вексельного обращения. Значимость имеет и проведенный автором анализ судебной практики по спорам, связанным с векселями по месту жительства, и указываются направления реформирования нормативно-правовой базы векселей⁷.

Несмотря на наличие разнообразных исследований, можно говорить о недостаточной изученности проблемных вопросов обращения векселей в соответствии с современным гражданским законодательством России.

Проведенное исследование хозяйственной практики свидетельствует, что современному этапу развития вексельных отношений в России характерны разнообразные виды

1 Goncharov A. I. Bill as settlement and credit Instruments: payment, guarantee of amortization, regress // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2017. № 1. С. 91-98.

2 Чуб Д. В. Когда имеет место добровольный платеж в порядке посредничества по векселю? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 77-85.

3 Максимов Ю. А. Вексель в гражданском праве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3. С. 104-121.

4 Кошель Д. Е. К вопросу о перспективах вексельного обращения в российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 2. С. 59-63.

5 Казаков С. Д. Проблемы исполнения обязательств по переводным векселям // Вестник ЧГУ. 2012. № 2. С. 201-208.

6 Шевченко Д. А., Щербинин Т. А. Институциональные аспекты развития российского вексельного рынка // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2012. № 1. С. 78-87.

7 Чикулаев Р. В. Юридические особенности домицилированных векселей // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 83-89.

вексельных операций, которые могут быть сгруппированы следующим образом⁸:

1. в зависимости от субъектного состава:

1.1. операции, связанные с выдачей и погашением векселей;

1.2. операции, связанные с оборотом чужих векселей, полученных в расчетах;

2. в зависимости от сферы обращения:

2.1. оплата товаров и услуг;

2.2. предоставление краткосрочных кредитов;

2.3. возврата ранее полученных ссуд;

2.4. оформление долговых отношений между банками;

2.5. краткосрочное инвестирование капитала с целью получения дохода;

2.6. кредитование под залог векселей или их дисконт;

3) в зависимости от разновидности платежно-расчетного обслуживания клиентов банками:

3.1. дисконт векселей;

3.2. вексельное кредитование;

3.3. экспортно-импортные операции;

3.4. расчеты с государственным бюджетом.

Вследствие широкого применения векселей можно выделить комплексный многофункциональный характер векселя, который способен в процессе функционирования видоизменять свои функции и может выступать в качестве:

– кредитно-расчетного документа в отношениях векселедателя и векселедержателя, индоссата и индоссанта;

– финансово-инвестиционного документа как товара в отношениях инвесторов на рынке ценных бумаг между собой и с торговцами ценными бумагами;

– исполнительного документа в случае осуществления на нем исполнительной надписи нотариусом;

– платежного документа в отношениях векселедержателя и плательщика;

– долгового документа в случае потери «вексельной силы».

Вексель как финансово-инвестиционный документ, в свою очередь, может выступать в качестве залогового имущества по договорам залога, товара по договорам купли-продажи и тому подобное. Это обуславливает необходимость применения к нему разнообразного по предмету правового регулирования законодательства (о платежных системах, о безналичных расчетах, об исполнительном производстве и т.д.) и сложности правоприменения в случаях возможных коллизий. В частности, можно отметить необходимость преодоления правоприменительного разночтения в случаях коллизий между нормами о денежных обязательствах, ценные бумаги и долговые обязательства.

Помимо этого, на практике вексель в процессе обращения может видоизменять свою правовую форму, поочередно принимая форму ордерного, именного или на предъявителя. Возможность существования векселя во всех общепризнанных формах ценной бумаги признается и вексельным правом зарубежных стран. С учетом этого судам рекомендовано учитывать при рассмотрении споров реальное положение, имеющее место на практике, по которому ордерным является вексель, полученный по оборотному индоссаменту, именной – по безоборотному, предъявительским – в по-

рядке цессии по договорам купли-продажи и т.д., в т.ч. соглашениями, заключаемыми по результатам осуществления публично-правовых процедур (конфискации, признания банкротом и т.д.).

Следует подчеркнуть, что ограничений в отношении участия в вексельных отношениях юридических лиц частного права вексельное законодательство не содержит. Исключения составляют ограничения, предусмотренные для обращения казначейских векселей, которые могут продаваться только юридическим лицам, которые являются резидентами России, и закладываться с целью обеспечения обязательства перед резидентами. Напротив, вексельным законодательством предусматриваются ограничения для юридических лиц публичного права (органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также учреждений и организаций, финансируемых за счет государственного бюджета или местных бюджетов), которые обязуются и приобретают право по переводным и простым векселям только в случаях и в порядке, определенных законодательством. Участие публичных образований в вексельных правоотношениях однозначно не определена. Они могут принимать такое участие только в порядке и на условиях, определенных специальным законодательством.

При этом следует исходить из того, что солидарную ответственность по вексельному обязательству несут только лица, которые наносят на вексель ордерный индоссамент, в других случаях такая ответственность не наступает. Такая классификация имеет важное значение для упорядочения вексельного обращения (регистрации операций с векселями и т.д.), поэтому ее целесообразно закрепить в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ.

Выявлено правовую природу векселя как кредитно-денежной ценной бумаги, обращающейся на товарных и / или фондовых рынках.

Проведенный анализ позволил нам сделать вывод о том, что следует разграничить регулирование в законодательстве двух видов векселей – товарного и финансового. Это связано с разным их экономическим назначением, так как товарный вексель является реальным имуществом, поскольку выступает как ценная бумага, которая оформляет денежный долг за фактически поставленные товары, выполненные работы, оказанные услуги, а бестоварные (финансовые) векселя не имеют покрытия и являются, следовательно, фиктивным имуществом. С учетом сущности финансового векселя как фиктивного имущества предложено предусмотреть прямой запрет использовать его в расчетах по договорам о поставке товаров, выполнения работ, оказания услуг.

На основе обобщения и систематизации теоретических исследований полагаем, что в современный период товарный вексель имеет сложную финансово-хозяйственную сущность, обусловленную тем, что этот финансовый инструмент используется как на товарном, так и на фондовом рынке. В первом случае он опосредует расчетные отношения, во втором – инвестиционные. В связи с этим правовая природа товарного векселя как кредитно-денежной ценной бумаги также имеет двойной характер:

– как расчетная ценная бумага, которая опосредует отношения коммерческого кредитования на товарных рынках;

– как фондовая ценная бумага, которая опосредует финансово-инвестиционные отношения на фондовом рынке.

Поскольку финансовый вексель как товар является видом имущества, который имеет фиктивный характер, поэтому большое значение имеет вопрос его ликвидности, и он остро стоит в условиях неразвитого фондового рынка, характерного для экономики России. Полагаем, что целесо-

8 Sokolov A. V. Effect of bills of exchange (promissory notes) and exchange law to the appearance, formation and development of other types of securities // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 48-51; Ланцева Н. А. Деятельность коммерческих банков на рынке ценных бумаг: эмиссионные операции и собственные сделки с ценными бумагами // Ученые записки Тамбовского отделения РАСМУ. 2015. № 4. С. 170-176.

образно ввести в нормы права обязанность векселедателя по поддержанию размера активов на уровне не ниже размера собственных вексельных обязательств

С учетом кредитного характера вексельного денежного обязательства можно отметить неоправданность законодательной нормы, согласно которой основное обязательство, по которому в договоре предусмотрена вексельная форма расчетов, прекращается выдачей векселя, а не реальной оплатой по договору, осуществленной в форме вексельного платежа или другим образом в случае невозможности последнего.

На основании вышеизложенного были сделаны следующие выводы:

– Во-первых, отношения по поводу векселя должны регулироваться на законодательном уровне, а не на уровне договоров.

– Во-вторых, достижение разумного баланса между интересами различных групп участников этих отношений возможно с установлением самодостаточных механизмов их регулирования, вследствие чего при соблюдении требований закона у участников возникнут соответствующие права или обязанности; в противном случае эти права и обязанности не возникают. Такой подход исключает какие бы то ни было возражения, но не лишает участников вексельных отношений реализовать возможность защиты своих прав и интересов вне вексельным правом посредством гражданско-правовых механизмов в случае, когда имеет место несоблюдение требований вексельного законодательства.

– В-третьих, защита прав и интересов участников вексельных правоотношений осуществляется в упрощенный способ через обращение к нотариусу, который обеспечивает скорость взысканий и положительно влияет на гражданский оборот.

Таким образом, действующим законодательством России не предусмотрено ограничений использования векселей в расчетах при осуществлении любой хозяйственной деятельности. Вексельное право максимально защищает всех участников вексельного обращения от финансовых рисков в отличие от облигаций, права держателей которых практически не защищены законодательством.

При этом необходимо признать отсутствие системного контроля со стороны государства за рынком векселей. Спецификой обращения векселей в России с чрезвычайно высоким уровнем коррупции является то, что самыми масштабными и громкими вексельными аферами были вексельные программы с участием государства⁹. Отсутствие государственной статистики по операциям с векселями и несовершенство администрирования предусмотренных законом реестров выданных субъектами хозяйствования векселей только усиливает негативную специфику. В связи с чем актуальным становится создание единой государственной информационной системы обращения векселей, которая будет способствовать:

– установлению контроля за их выпуском и обращением, ограничений по объему выпуска векселей одним субъектом хозяйственной деятельности в зависимости от объема его активов;

– созданию реестра фиктивных и ликвидированных предприятий, которые были эмитентами векселей;

– организации прозрачных торгов векселями на биржах в порядке, учитывающим специфику ордерных ценных бумаг для снижения рисков участников торгов и повышения ликвидности векселей в обращении.

Кроме того, в связи с переходом к цифровой экономике, который способствует трансформации большого количества и форм финансовых операций в направлении инноваций и электронной коммерции, перспективным направлением использования вексельных операций в хозяйственной деятельности и на рынке ценных бумаг является формирование электронной формы векселей. Такой вид финансового инструмента будет способствовать повышению их контроля, эффективности и безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Казаков С. Д. Проблемы исполнения обязательств по переводным векселям // Вестник ЧГУ. 2012. № 2. С. 201-208.
2. Кошель Д. Е. К вопросу о перспективах вексельного обращения в российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 2. С. 59-63.
3. Ланцева Н. А. Деятельность коммерческих банков на рынке ценных бумаг: эмиссионные операции и собственные сделки с ценными бумагами // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМ. 2015. № 4. С. 170-176.
4. Максимов Ю. А. Вексель в гражданском праве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3. С. 104-121.
5. Олевский Т. Крупнейшая афера по отмыванию денег: как из России выводили \$20 млрд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/28381532.html>.
6. Чикулаев Р. В. Юридические особенности домицилированных векселей // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 83-89.
7. Чуб Д. В. Когда имеет место добровольный платеж в порядке посредничества по векселю? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 77-85.
8. Шевченко Д. А., Щербинин Т. А. Институциональные аспекты развития российского вексельного рынка // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2012. № 1. С. 78-87.
9. Goncharov A. I. Bill as settlement and credit Instruments: payment, guarantee of amortization, regress // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2017. № 1. С. 91-98.
10. Sokolov A. V. Effect of bills of exchange (promissory notes) and exchange law to the appearance, formation and development of other types of securities // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 48-51.

⁹ Олевский Т. Крупнейшая афера по отмыванию денег: как из России выводили \$20 млрд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/28381532.html>.

БИЖИТУЕВА Камилла Мурадовна

студентка 4 курса Дагестанского государственного университета

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ КАМЕРАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК

В статье были исследованы порядок, значение и особенности налоговых проверок. Определена сущность налоговых проверок, рассмотрены сроки проведения, объем и порядок запроса требуемых документов. Сделана попытка оценить правомерность действий налоговых органов (на примере организации РФ и РД).

Ключевые слова: налогоплательщики, камеральная проверка, налоговая проверка.

BIZHITUEVA Kamilla Muradovna

4th year student of the Dagestan State University

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University

PROBLEMS OF TAX CONTROL AND WAYS TO IMPROVE THE CONDUCT OF CAMERAL TAX AUDITS

In the article the procedure, the value and characteristics of tax audits were researched. The essence of the tax audits is determined, the timing, scope and procedure of the requested documents are discussed. An attempt to assess the legality of the actions of the tax authorities (for example, the organization of the Russian Federation and RD) is made.

Keywords: taxpayers, tax audit, tax audit.

Камеральные налоговые проверки – важнейшая форма воплощения регулярного налогового контроля, в результате которых проводится и отбор плательщиков для проведения выездных проверок. Во всех налоговых инспекциях действуют отделы камеральных проверок. Камеральная проверка позволяет связать показатели одной декларации с другой, и увязать формы бухгалтерской и налоговой отчетности¹.

Также рассмотрено понятие налогового контроля в РФ. Целью данной работы являлось изучение налогового контроля в РФ за правильностью исчисления, своевременностью и полнотой уплаты установленных законом налогов и иных обязательных платежей в РФ.

В ходе форм налогового контроля налоговые проверки занимают самую существенную позицию, так как являются наиболее эффективными способами контроля налогоплательщика. Налоговая проверка, нацелена на выявление следящих фактов деятельности предприятия:

1) на установление фактов возможного нарушения законов о налогах и сборах, в результате которых налоговыми органами недополучены суммы причитающихся к уплате в бюджет налогов и сборов;

2) на дальнейшее предупреждение последствий несоблюдения налогового законодательства.

Важнейшая задача налогового механизма – консолидация денежных средств, необходимых для осуществления государственных функций, и одновременное соблюдение разумного баланса между финансовыми интересами публичной власти и налогоплательщиков. В настоящий период времени в Российской Федерации продолжается реформирование налогового контроля. Только за период 2017 и на начало 2018 года Федеральными законами было внесено порядка 11 новых редакций с изменениями и дополнениями в первую и вторую части Налогового Кодекса РФ.

Статья 88 Налогового кодекса РФ (НК РФ) посвящена камеральной налоговой проверке (КНП), понятия которой как таковой в Налоговом законодательстве не содержится, однако по ряду признаков, содержащихся в данной статье мы можем существенно определить, в чем же выражается «Камеральная налоговая проверка» и чем она отличается от иных форм налогового контроля.

В пп. 2 п. 1 ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) закреплено, что налоговые органы вправе проводить налоговые проверки в том порядке, который предусмотрен указанным кодификационным актом. В соответствии с п. 1 ст. 87 НК РФ налоговые органы могут проводить в отношении налогоплательщиков, плательщиков сборов и налоговых агентов камеральные и выездные налоговые проверки.

Таким образом, федеральный законодатель наделил налоговые органы определенным регламентированным процедурным механизмом, посредством которого можно сопоставить данные, предоставленные фискальнообязанным лицом в налоговый орган, с теми фактическими обстоятельствами, которые установлены налоговым органом, и на основе этого вынести оценочное суждение о соблюдении проверяемым лицом или не соблюдении им законодательства о налогах и сборах².

В соответствии с п. 1 ст. 88 НК РФ камеральная налоговая проверка проводится по месту нахождения налогового органа на основе налоговых деклараций (расчетов) и документов, представленных налогоплательщиком, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа.

Основными целями, на достижение которых направлена камеральная налоговая проверка, являются:

– контроль за правильностью применения норм налогового права;

– обнаружение и пресечение налоговых правонарушений (к примеру, ведение коммерческой деятельности без постановки ее на учет в соответствующем налоговом органе; предоставление в налоговый орган недостоверных документов; невыполнение обязанностей по перечислению налогов в пользу государства и т.п.);

– проверка правомерности заявленных льгот и вычетов, отраженных в налоговой декларации³.

Важнейшим фактором повышения эффективности контрольной работы налоговой инспекции является совершенствование действующих процедур камеральных проверок:

2 Бутова Т. В., Судибье А. О. Совершенствование правового регулирования функционирования механизма открытости органов власти в РФ // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сб. науч. тр. по материалам Между-нар. науч.-практ. конф. 30 апреля 2014 г.: в 11 частях. – Тамбов, 2014. – С. 29.

3 Брызгалов Л. В. Вопросы применения ответственности за нарушения налогового законодательства и правоприменительная практика // Хоз-во и право. – 2016. – № 8. – С. 76.

1 Лахман Р. Какие методы используют налоговики для выявления неучтенной выручки // Российский налоговый курьер. – 2015. – № 23. – С. 87.

- системы отбора налогоплательщиков для проведения документальных проверок;
- форм, приемов и методов камеральных проверок;
- использование системы оценки работы налоговых инспекторов.

Совершенствование каждого из этих элементов позволит улучшить организацию налогового контроля. Наличие эффективной системы отбора налогоплательщиков позволит выбрать наиболее оптимальное направление использования кадровых и материальных ресурсов налоговой инспекции.

При рассмотрении проблематики проведение налогового контроля в РФ мы считаем необходимым внести соответствующие изменения:

1. Сотрудники налоговых органов РФ должны анализировать показатели финансово-хозяйственной деятельности конкретной организации либо индивидуального предпринимателя. Данный анализ позволит должностным лицам налоговых органов РФ проводить контроль за правильностью заполнения налоговой декларации и иной документации, которую предоставляют в соответствующий налоговый орган налогоплательщики. В зависимости от итогов данной проверки, должностными лицами налоговых органов будет решаться вопрос о проведении выездной налоговой проверки в отношении конкретного налогоплательщика.

2. ФНС РФ необходимо разработать единые для всех должностных лиц налоговых органов приемы и способы для проведения выездных налоговых проверок в отношении различных категорий налогоплательщиков. Должностные лица налоговых органов должны постоянно развивать и совершенствовать приемы и способы проведения налоговых проверок. В данное время налоговые органы решают проблему рационального отбора субъектов для проведения соответствующих налоговых проверок. Как правило, должностные лица налоговых органов, в первую очередь, проверяют тех налогоплательщиков, которые часто изменяли свое финансовое состояние. Также немедленно должностные лица налоговых органов должны проводить проверку в отношении таких налогоплательщиков, которые не предоставляют налоговую отчетность в соответствующий налоговый орган. Я считаю, что именно с недобросовестными налогоплательщиками нужно в первую очередь проводить разъяснительную работу и другие мероприятия, чтобы выработать у таких налогоплательщиков чувство ответственности по уплате налогов и иных обязательных сборов в соответствующий бюджет РФ.

3. В целях улучшения взаимодействия должностных лиц налоговых органов с различными налогоплательщиками, нужно ввести в действие электронный документооборот абсолютно для каждого налогоплательщика. В результате введения электронного документооборота должны снизиться затраты на проведение соответствующих мероприятий налогового контроля. Ведь проведение налоговых проверок в отношении различных налогоплательщиков требует достаточно больших затрат. Например, в Республике Дагестан в 2015 году 81 % налогоплательщиков предоставили налоговую отчетность и иную документацию в соответствующие налоговые органы на различных электронных носителях. Однако, в данный момент в законодательстве не закреплена обязанность налогоплательщика предоставлять различную налоговую документацию в соответствующий налоговый орган.

Также следует отметить, что между должностными лицами налоговых органов и налогоплательщиками могут возникать различные конфликтные ситуации. Большинство конфликтных ситуаций возникает, в первую очередь, из-за того, что налогоплательщики не согласны с результатами проведенных в отношении них камеральных и выездных налоговых проверок. Часто данные конфликты разрешаются в судебном порядке. Для того чтобы уменьшить количество судебных споров, необходимо развивать досудебный порядок урегулирования конфликта между налоговым органом и конкретным налогоплательщиком. Должностные лица налоговых органов должны привлекать соответствующих специалистов, которые нужны для разрешения специальных вопросов. Также должностные лица налоговых органов должны повысить уровень эффективности по собиранию доказательственной базы в ходе проведения налоговой проверки. Данные меры помогут решить лишь часть проблем, возникающих при проведении ими налоговой проверки в отношении конкретного налогоплательщика⁴.

В настоящее время ФНС РФ начало разрабатывать программное обеспечение, посредством которого будет систематизирован процесс отбора конкретных налогоплательщиков для проведения в отношении них соответствующих налоговых проверок. Также есть отдельная категория налогоплательщиков, которые систематически и умышленно уклоняются от обязанности по уплате налогов и иных обязательных платежей путем непредоставления в соответствующий налоговый орган налоговой отчетности своей деятельности.

Для выполнения государством своих функций, необходим постоянно действующий механизм для сбора налогов и иных обязательных платежей в соответствующие бюджеты РФ⁵. Недобросовестные налогоплательщики пытаются обмануть должностных лиц налоговых органов, предоставляя в налоговый орган неверную налоговую декларацию либо предоставляют, так называемые, «нулевые отчетности». Именно поэтому должностные лица налоговых органов постоянно должны разрабатывать новые концепции и программы для проведения соответствующих налоговых проверок, чтобы снизить процент совершения налоговых правонарушений недобросовестными налогоплательщиками, которые пытаются укрыться от уплаты налогов и иных обязательных сборов⁶.

Таким образом, можно сделать вывод из всего вышесказанного, что в РФ необходимо проводить ряд реформ, которые полностью бы затрагивали всю налоговую систему в государстве. Создание в РФ эффективной системы налогового контроля позволит должностным лицам налоговых органов выполнять свои должностные обязанности при проведении налоговых проверок на более высоком уровне. Предлагаемые мною направления развития законодательства РФ о налоговом контроле, позволят повысить эффективности проводимого в РФ налогового контроля и, следовательно, будет обеспечено стабильное поступление налогов и иных обязательных сборов в соответствующие бюджеты РФ. Я считаю, что совершенствование законодательства РФ о налоговом контроле необходимо начинать с проведения кадровой политики в ФНС РФ и ее территориальных органов, а также нужно обеспечить все налоговые органы нашей страны современными информационными технологиями. Новые компьютерные технологии расширят сферу действия налоговых органов РФ в области проведения налогового контроля и тем самым облегчат работу должностных лиц налоговых органов, так как проведение налоговой требует довольно-таки много затрат как физических, так и материальных.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/search/base/?q> (дата обращения: 09.11.2018).
2. Брызгалов Л. В. Вопросы применения ответственности за нарушения налогового законодательства и правоприменительная практика // Хоз-во и право. - 2016. - № 8. - С. 76.
3. Бутова Т. В., Судибье А. О. Совершенствование правового регулирования функционирования механизма открытости органов власти в РФ // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 30 апреля 2014 г.: в 11 частях. - Тамбов, 2014. - С. 29.
4. Лахман Р. Какие методы используют налоговики для выявления неучтенной выручки // Российский налоговый курьер. - 2015. - № 23. - С. 87.
5. Сазонов Ю. Они не хотят выходить из тени. // Финансовый контроль. - 2015. - № 1. - С. 105.
6. Тропинин Д. А. Виды налогового контроля // Юрист. - 2016. - № 1. - С. 10.
7. Ярошенко А. А. Налоги в бизнесе // Юрист. - 2016. - № 1. - С. 20.

5 Тропинин Д. А. Виды налогового контроля // Юрист. - 2016. - № 1. - С. 10.

6 Сазонов Ю. Они не хотят выходить из тени. // Финансовый контроль. - 2015. - № 1. - С. 105.

4 Ярошенко А. А. Налоги в бизнесе // Юрист. - 2016. - № 1. - С. 20.

АЛЕКСЕЕВ Артем Геннадьевич

аспирант Института государства и права Российской академии наук, адвокат АК «АТТИКУС»

КОНСТАТАЦИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ*

Настоящая статья посвящена проблеме объективного вменения по делам о налоговых преступлениях. В настоящей статье показывается реальные примеры противоречий между положениями действующего уголовного законодательства и существующими правоприменительными практиками. Статья содержит в себе анализ современного правоприменения и предложения к разрешению подобных коллизий.

Ключевые слова: объективное вменение, налоговые преступления, ответственность государственных органов.

ALEKSEEV Artem Gennadjevich

postgraduate student of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, lawyer at LO "ATTICUS"

OBJECTIVE IMPUTATION IN RUSSIAN LAW: CONSTATATION, OVERCOMING.

This article raises the issue of objective imputation of guiltiness in tax crimes. The article shows the concrete examples of contradiction between Criminal Code of Russian Federation provisions and the actual application of the law. Article consists of analysis of the application of the law and recommendations of evading such collisions.

Keywords: objective imputation, tax crimes, liability of government.

Алексеев А. Г.

Действующее уголовное законодательство РФ в его буквально-текстовом понимании устанавливает жесткий и однозначный запрет на объективное вменение, так часть 2 статьи 5 Уголовного кодекса РФ¹ прямо говорит, что объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Данное положение является прямым логическим следствием презумпции невиновности, которая установлена частью 1 статьи 49 Конституции РФ, при этом признание лица невиновным² происходит в одном из двух случаев: а) доказанная невиновность б) недоказанная виновность.

Конституцией также закрепляется, что любые неустраняемые сомнения толкуются в пользу обвиняемого лица (часть 3 статьи 49 Конституции РФ), в налоговом же праве действует частность заложенного в Основном законе принципа - принцип *in dubio contra fiscum*, сомнение против фиска, обладающий аналогичным действием в процедурах налогового контроля и привлечения налогоплательщика к ответственности.

Однако анализ действующего законодательства и его фактического применения указывает, тем не менее, на то, что правоприменительная практика дозволительно относится к объективному вменению в вопросах привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления.

В своем диссертационном исследовании, автор неоднократно указывает, что уголовная ответственность за налоговые преступления в действительности может пониматься, как один из видов налоговой ответственности, таким образом, следует понимать, что речь идет не об уголовно-правовой проблеме в узком смысле, а правовой проблеме, затрагивающей многие отрасли права. Нельзя не отметить, что вопрос объективного вменения в рамках публичных правоотношений был объектом рассмотрения Конституционного Суда РФ³, в рамках которого было судей КС РФ Коновым А.Л. было заявлено особое мнение.

В данном деле заявителями оспаривалась конституционность процедурной возможности привлечения к ответственности за обнаружение самого факта совершения административного правонарушения, при этом избегая доказывания вины.

Сам Конституционный Суд (а вернее – большинство судей Суда), отказывая в признании неконституционным подобной процедуры привлечения к административной ответственности, обосновывает данное положение распространенностью такого явления, как упрощенный порядок привлечения к ответственности, в частности приводя правоприменительные примеры ((статья 16 Конвенции об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, от 12 октября 1929 года, статья 11 Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов от 19 мая 1956 года, стандарты 5.2 и 5.3 приложения к Конвенции по облегчению международного морского судоходства от 9 апреля 1965 года), в которых лицам, привлекаемым к ответственности предоставляется возможность дальнейшего судебного доказывания собственной невиновности.

В своем особом мнении судья Конов А.Л. указывает, что соблюдение принципа вины обязательно и в случае привлечения к ответственности за нарушение таможенных правил, где наличие вины является неотъемлемым признаком состава таможенного правонарушения и подлежит обязательному доказыванию при наложении взыскания. Иное, по мнению Конова А.Л., противоречило бы природе правосудия.

Автор настоящей работы вынужден согласиться с высказанным А.Л. Коновым мнением, поскольку перемещение бремени доказывания в спорах с государственными органами на привлекаемое лицо *defacto* приводит к уменьению презумпции невиновности, которое не может быть оправдано процедурной простотой или фискальными интересами.

Приведенный в особом мнении пример в отношении жалобы ТОО «Эконт» является безупречным примером объективного вменения – юридическое лицо задекларировало товар на основании данных государственной экспертизы и сертификации, однако в дальнейшем конечный получатель провел независимое исследование и обнаружил, что содержание золота в нем выше и

* Поскольку в настоящей статье обсуждаются аспекты диссертационного исследования, которые в дальнейшем будут вынесены на защиту, автор настоятельно рекомендует отказаться от цитирования данной статьи (прим. автора).

1 Уголовный кодекс РФ, «Собрание законодательства РФ». - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

2 В данной статье не будут подниматься вопросы безвиновной ответственности в гражданском праве (прим. автора).

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами откры-

тых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товариществ с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова».

на этом основании произвел доплату таможенного платежа, что в итоге и послужило основанием для привлечения поставщика к ответственности. При этом можно с высокой долей вероятности утверждать, что корыстный мотив у поставщика в данном случае отсутствовал, равно как любые иные элементы субъективной стороны преступления (правонарушения), которые и образуют под собой состав вины.

В.Д. Сорокин в одном из своих многочисленных трудов также указывает на опасность такого явления как объективное вменение⁴, а также указывает, что современное правоприменение узурпирует институт административной ответственности в угоду «заинтересованным силам»⁵, указывая при этом, что вина – является одним из ключевых критериев (оснований) для привлечения лица к ответственности.

Наличие *defacto* в российском праве объективного вменения признается также и другими специалистами, так Самылов И.В. указывает⁶, что административные органы, применяющие указанную норму, фактически исходят из принципа объективного вменения: если ККМ не была применена в организации торговли при продаже товара, следовательно, в этом виновата организация, осуществляющая торговлю, независимо от обстоятельства дела. При этом многими другими специалистами приводятся более чем убедительные фактические примеры⁷ применения объективного вменения.

Если же говорить об объективном вменении в контексте налоговых преступлений, то в данном случае следует понимать, что действующая правоприменительная практика в уголовном праве идет как раз по пути легитимизации объективного вменения.

Верховный Суд РФ, указав Кассационном определении от 21.07.2011 № 36-О11-9, что корыстный мотив не является составообразующим в налоговых преступлениях, а значит, отсутствует необходимость доказывания данного факта государственным обвинителем и отражения судом в приговоре.

При этом получается, что судом также не должен исследоваться и вопрос добросовестности и должной осмотрительности при включении в налоговую декларацию недостоверных сведений, поскольку в данном случае – важен сам факт включения недостоверных сведений, а причины такой ошибки – не оцениваются при вынесении приговора. Таким образом нарушаются сразу несколько фундаментальных принципов не только налогового, но и права как такового – презумпции невиновности (поскольку доказывание перекладывается на налогоплательщика), принципа справедливости (поскольку наказание может быть применено и в том случае, когда привлекаемое к ответственности лицо не знало и не могло знать о том, что вносит недостоверные сведения в налоговую декларацию), принципа правовой определенности и наказания только за совершенные правонарушения (поскольку недостоверными сведениями могут сочтены ошибочные выводы налогоплательщика о применении вычетов по отдельно взятым налогам).

Помимо служения фискальным интересам, законодателя также можно упрекнуть и в возможном служении корпорациям-монополистам. Так, например, из Уголовного кодекса была исключена норма об уголовной ответственности за все антиконкурентные соглашения, кроме картелей, а также за согласованные действия и соглашения с участием органов власти, при этом некоторые специалисты указывают, что данные нормы были

убраны именно в связи с возникновением режима объективного вменения⁸ по данным преступлениям – и вправду, доказательство антимонопольных преступлений действительно довольно трудно добыть, мало кому в руки попадали аудио и видео доказательства совещаний, на которых обсуждаются вопросы картелей и установления монопольно высоких цен на товары или письменные договоры аналогичного толка, а значит – возникает огромное пространство для сомнения, которое толкуется в пользу обвиняемых, однако – это совсем не значит, что такого рода антиконкурентные действия не были совершены.

К слову, Высший Арбитражный Суд высказывал по этому поводу противоположное мнение, так согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенным в пункте 2 постановления 6 от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства», согласованность действий может быть установлена и при отсутствии документального подтверждения наличия договоренности об их совершении. Итогом является очередная правовая коллизия – к административной ответственности при сравнительно неполноценной доказательной базе привлекать становится возможным, а к уголовной при той же доказательственной базе – нет.

Автор настоящей работы полагает, что применение принципа баланса частных и публичных интересов не может умалять какие-либо частноправовые институты в угоду публичным интересам, поскольку в противном случае это подрывает основы права. Само собой, наиболее эффективным способом защиты нарушенного права в таком случае возлагается на справедливое правосудие, поскольку судебный контроль действий любых государственных органов – есть основа гарантии провозглашенных свобод, однако следует понимать, что судебная защита права – была и остается дорогостоящим удовольствием с точки зрения ряда факторов: экономических, временных, процессуальных. Решение проблемы автор видит во внедрении повышенной ответственности государственных органов за злонамеренное преследование⁹, а также иных институтов общего права, таких как штрафные убытки¹⁰, поскольку иные компенсаторные гражданско-правовые институты оказываются беспомощны против беспредела со стороны контролирурующих органов. Внедрение института штрафных убытков поставит государственные органы в действительно равное положение – судебные процессы станут одинаково дорогостоящими для обеих спорящих сторон.

Пристатейный библиографический список:

1. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.07.2011 № 36-О11-9 // ГАС «Правосудие».
2. Гусева Т.С. Демографическая функция права социального обеспечения // Журнал российского права. - 2013. - № 2. - С. 58-67.
3. Кибальник А. О новеллах в системе сексуальных преступлений // Уголовное право. - 2012. - № 6. - С. 25-27.
4. Кинев А.Ю. Уголовная ответственность за картели: практика применения статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический мир. - 2013. - № 3. - С. 9-18.
5. Колоколов Н.А. Истина и справедливость как базовые ценности уголовного судопроизводства // Мировой судья. - 2012. - № 8. - С. 2-7; № 9. - С. 2-7; № 10. - С. 2-7; № 11. - С. 2-9; № 12. - С. 2-9;
6. Самылов И.В. Особенности определения вины организаций в российском законодательстве // Вестник Пермского университета. - 2013. - № 1. - С. 167-173.
7. Сорокин В. Д. Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Засл. деятель науки РФ, д.ю.н., проф. В.Д. Сорокин]. - СПб.: Б.и., 2002. - 85 с.; 26 см. - Юридическая мысль: Науч.-практ. журн. - 4(10). - Спец. вып. - С. 27.
8. Самылов И.В. Особенности определения вины организаций в российском законодательстве // Вестник Пермского университета. - 2013. - № 1. - С. 167-173.
9. Кибальник А. О новеллах в системе сексуальных преступлений // Уголовное право. - 2012. - № 6. - С. 25-27; Колоколов Н.А. Истина и справедливость как базовые ценности уголовного судопроизводства // Мировой судья. - 2012. - № 8. - С. 2-7; № 9. - С. 2-7; № 10. - С. 2-7; № 11. - С. 2-9; № 12. - С. 2-9; Гусева Т.С. Демографическая функция права социального обеспечения // Журнал российского права. - 2013. - № 2. - С. 58-67; Япрынцева Е.В. Проблемы привлечения к административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами // Административное и муниципальное право. - 2012. - № 10. - С. 63-68.
10. Япрынцева Е.В. Проблемы привлечения к административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами // Административное и муниципальное право. - 2012. - № 10. - С. 63-68.
8. Кинев А.Ю. Уголовная ответственность за картели: практика применения статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический мир. - 2013. - № 3. - С. 9-18.
9. Malicious prosecution (перевод здесь и далее – мой).
10. Punitive damages.

КОМАРОВА Людмила Викторовна

доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Южного института менеджмента (г. Краснодар)

ФАРИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

ПРАВОВОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ФИНАНСОВ, КОНТРОЛЯ, НАДЗОРА, АУДИТА

Настоящая статья посвящена особенностям регулирования финансовых правоотношений в различных сферах. Рассмотрены общие черты и различия актов правового (нормативного) и индивидуального регулирования, обусловленные самой спецификой финансового права ввиду его многосоставности. Выводы, полученные в процессе исследования, основаны на общей теории права и на положениях финансового законодательства и науки финансового права.

Ключевые слова: финансовое право, финансовые правоотношения, правовое регулирование, индивидуальное регулирование, нормативные и индивидуальные акты.

KOMAROVA Lyudmila Viktorovna

Ph.D. in Philosophy, professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Southern Institute of Management (Krasnodar)

FARIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the North-Caucasian branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar)

LEGAL AND INDIVIDUAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE FIELD OF FINANCE, CONTROL, SUPERVISION, AUDIT

This article is devoted to the peculiarities of regulation of financial relations in various fields. The common features and the differences of acts of legal (normative) and case management, driven by the specifics of the financial law due to its polysynthetism, are described. The findings of the study are based on the general theory of law and the provisions of financial legislation and the science of financial law.

Keywords: financial law, financial relations, legal regulation, individual regulation, normative and individual acts.

Выявление особенностей правового и индивидуального регулирования финансовых правоотношений способствует более глубокому осмыслению сущности и природы отношений в сфере финансов, контроля, надзора и аудита.

Центральной категорией финансового права выступают «финансы», т.е. «экономические денежные отношения по формированию, распределению и использованию фондов денежных средств государства, его территориальных подразделений, а также предприятий, организаций и учреждений, необходимых для обеспечения расширенного воспроизводства и социальных нужд»¹.

Финансовые правоотношения определяются как «охраняемые государством общественные отношения, возникающие в сфере публичных финансов, которые представляют собой социально значимую связь субъектов посредством прав и обязанностей, предусмотренных нормами финансового права»².

Финансовые правоотношения весьма разнообразны и многогранны.

В рамках классификации финансовых отношений по материальному содержанию выделяют правоотношения в сфере финансового контроля³. Под последним понимается «регламентированная нормами права деятельность государственных, муниципальных, общественных организаций, хозяйствующих субъектов и иных лиц по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие

фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования»⁴.

В рамках рассматриваемого вопроса необходимо коснуться соотношения понятий «контроль» и «надзор» относительно финансового права. Как правило, и в законодательстве, и в теории данные категории употребляются парно или отождествляются, что, по нашему мнению, не имеет принципиальных противоречий. Однако если углубиться в теорию государственного контроля и надзора, можно обнаружить, что данные понятия соотносятся как общее и частное⁵. В то же время категоричное разделение контроля и надзора недопустимо, т.к. такой подход порождает непонимание норм законодательства и противоречия в правоприменении. Сущность контроля и надзора в финансовом праве состоит в наблюдении и проверке финансовой деятельности и реагировании в случае выявления нарушений.

Одним из видов финансового контроля выступает аудиторский (независимый) контроль⁶, который заключается в независимой проверке бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности.

Финансовые правовые отношения регулируются актами различного уровня.

Для начала необходимо сказать, что в теории права выделяются индивидуальное и нормативное (правовое) регулирование⁷.

1 Фролов А. М., Савоскина Е. В. Финансовое право: учебное пособие. Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2010. С. 14.

2 Финансовое право: учебное пособие / под ред. Н. Д. Эриашвили, И. Ш. Киялханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2015. С. 21.

3 Саттарова Н. А., Копина А. А. Актуальные проблемы финансового права: учебник для магистров. М.: Прометей, 2018. С. 38.

4 Грачева Е. Ю. Финансовое право в вопросах и ответах: учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 42-43.

5 Шагиева Р. В. Государственный контроль и надзор: теоретические аспекты соотношения понятий (на примере финансового контроля) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 1 (24). С. 37.

6 Амвросова О. Н., Касевич Е. В., Смирнов Д. А., Станкевич Г. В. и др. Финансовое право: учебное пособие. Ставрополь: СКФУ, 2014. С. 38.

7 Алексеев С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. С. 34.

Первое представляет собой упорядочение поведения людей посредством разовых персонализированных решений конкретных вопросов, которые относятся к определенному случаю и к конкретным лицам. Нормативное регулирование осуществляется посредством установления общих правил и эталонов поведения, адресованным неограниченному кругу лиц в отношении всех аналогичных случаев. Сделаем оговорку относительно того, что в науке очень часто употребляется термин «индивидуальный правовой акт», однако исследователи подчеркивают, что «индивидуальное правовое регулирование не следует называть «правовым»»⁸. Такое разделение основано на противопоставлении правового (нормативного) и индивидуального регулирования общественных отношений. Общей чертой нормативных (правовых) и индивидуальных актов, регулирующих правоотношения, является их обязательность для субъектов, которым они адресованы.

Таким образом, одной из особенностей финансового права выступает его как правовое, так и индивидуальное регулирование. Акты как результат и форма регулирования выступают юридическими фактами, с которыми связано возникновение, изменение и прекращение финансовых правоотношений. Например, в большей степени нормативным актом будет закон о федеральном бюджете, который принимается ежегодно, а индивидуальным – получение гражданства извещения от финансового органа об уплате налога⁹.

Рассмотрим каждый из уровней регулирования более подробно.

Важнейшую роль в правовом регулировании финансовых отношений выполняют нормативные правовые акты. В первую очередь финансовая деятельность базируется на положениях Конституции РФ¹⁰, а также многих федеральных конституционных законов (например, Федеральном конституционном законе от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»¹¹). Отдельно заметим, что ввиду огромного значения финансового права в науке предлагается принять системообразующий федеральный конституционный закон – экономическую конституцию страны, которая урегулировала бы общие положения в сфере экономической деятельности¹².

Ввиду многообразия и большого объема правоотношений, регулируемых финансовым правом, в настоящее время действует целый ряд кодифицированных и иных актов.

Бюджетное право, как ядро права финансового регулируется БК РФ¹³, а также иными федеральными законами, подзаконными актами. Так, в ст. 157 БК РФ определены бюджетные полномочия органов финансового контроля.

Налоговые отношения регулируются НК РФ¹⁴ и рядом подзаконных актов. Здесь же определены общие правила проведения налогового контроля, его формы, виды и процедурные особенности.

Аудит как отдельная широкая сфера финансового права регулируется специальным правовым актом – Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»¹⁵, где определены правовые основы регулиро-

вания аудиторской деятельности в России: даны определения понятия аудиторской деятельности и аудита, закреплена правовая статус аудиторских организаций, аудиторов и т.д.

На основе изложенного следует сделать несколько выводов.

Во-первых, финансовые правоотношения – это многосоставная категория, которая включает в себя множество элементов (отношения в сфере финансового контроля и надзора, аудиторской деятельности и т.д.). Во-вторых, регулирование финансовых правоотношений осуществляется двумя основными средствами: нормативными (правовыми) актами и индивидуальными актами. Ввиду разнообразия предмета правового регулирования финансового права, источниками данной отрасли выступают Конституция РФ, федеральные конституционные законы, целый ряд кодифицированных актов, иных федеральных законов, подзаконные акты и т.д. Данные акты являются нормативными, т.к. распространяются на неопределенный круг субъектов и рассчитаны на многократное применение. Индивидуальные акты, наоборот, адресованы конкретным лицам и применяются однократно. Следует отметить, что существуют и смешанные акты, сочетающие в себе черты двух выделенных видов актов регулирования финансовых правоотношений.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. 320 с.
2. Амвросова О. Н., Касевич Е. В., Смирнов Д. А., Станкевич Г. В. и др. Финансовое право: учебное пособие. Ставрополь: СКФУ, 2014. 178 с.
3. Ашмарина Е. М., Ручкина Г. Ф. Экономическое право Российской Федерации (предмет и метод, система и структура, источники правового регулирования) // Государство и право. 2012. № 8. С. 57-65.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28 ноября 2018 г.) // Российская газета. № 153-154. 1998. 12 августа.
5. Грачева Е. Ю. Финансовое право в вопросах и ответах: учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 199 с.
6. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. 2014. 4 августа. № 31. Ст. 4398.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ, (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 27 ноября 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.12.2018 г.).
8. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (ред. от 28 декабря 2016 г.) // Российская газета. № 245. 1997. 23 декабря.
9. Об аудиторской деятельности: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г.) // Российская газета. № 267. 2008. 31 декабря.
10. Россикина Г. В. Категория «акты применения норм финансового права» и их значение // International Scientific and Practical Conference World science. 2017. Т. 3. № 3 (19). С. 43-47.
11. Саттарова Н. А., Копина А. А. Актуальные проблемы финансового права: учебник для магистров. М.: Прометей, 2018. 317 с.
12. Ткебучава Е. Б. Финансовые правоотношения и правовое регулирование // СИСП. 2013. № 4 (24). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 19.12.2018 г.).
13. Финансовое право: учебное пособие / под ред. Н. Д. Эриашвили, И. Ш. Кияхсанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2015. 479 с.
14. Фролов А. М., Савоскина Е. В. Финансовое право: учебное пособие. Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2010. 438 с.
15. Шагиева Р. В. Государственный контроль и надзор: теоретические аспекты соотношения понятий (на примере финансового контроля) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 1 (24). С. 34-39.

ЦЕПОВА Екатерина Андреевна

Генеральный директор юридической компании «ФармКонсалтинг»

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАЛОГОВОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С СОБСТВЕННИКАМИ ИМУЩЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

Основная цель исследования заключается во всестороннем изучении понятия «международная налоговая прозрачность», анализе правовой природы данного явления, а также его влияния на развитие регулирования финансово-правовых обязательств лиц, владеющих имуществом в других государствах. В статье рассматриваются основные нормативные акты, составляющие правовую основу международной налоговой прозрачности на мировом уровне и в Российской Федерации.

В результате исследования дано авторское определение понятия «международная налоговая прозрачность». В статье обоснован вывод, что данное правовое явление коренным образом изменит характер государственного финансового контроля за трансграничными операциями налогоплательщиков. Начало международного автоматического налогового обмена информацией с участием Российской Федерации позволит фискальным органам нашей страны на регулярной основе получать данные о счетах российских резидентов, открытых в иностранных организациях финансового рынка в объеме, достаточном для проведения мероприятий налогового и валютного контроля. В тоже время, новые возможности станут определенного рода проверкой для российского финансового законодательства в данной сфере. Действующие правовые нормы долгое время существовали обособленно от экономических условий и не совершенствовались в ходе постоянного правоприменения. По этой причине многие из них требуют значительного усовершенствования и адаптации к современным экономическим потребностям субъектов правоотношений.

Ключевые слова: налоговая прозрачность; налоговая транспарентность; автоматический обмен финансовой информацией; CRS; Common Reporting Standard; финансовые счета; финансовый контроль; имущество за рубежом.

TSEPOVA Ekaterina Andreevna

CEO of the law firm "PharmConsulting"

LEGAL NATURE OF INTERNATIONAL TAX TRANSPARENCY AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF FINANCIAL AND LEGAL RELATIONS WITH OWNERS OF PROPERTY ABROAD

The main objective of the study is the comprehensive research of the concept of "international tax transparency", the analysis of its legal nature and its effect on the development of regulation of financial and legal obligations of persons holding assets in other countries. The article discusses the main laws that form the legal basis for international tax transparency at the global level and in the Russian Federation.

As a result of research the author's definition of the term "international tax transparency" is given. The article substantiates the conclusion that it will fundamentally change the nature of state financial control over cross-border taxpayer's operations. The beginning of international automatic tax information exchange with Russian Federation will allow the fiscal authorities of our country to receive data on the accounts of Russian residents opened in foreign financial institutions on a regular basis in amount sufficient for tax and currency exchange control measures. At the same time, new opportunities will become a certain kind of check for Russian financial law in this area. For a long time the current legislation existed in isolation from the economic conditions, it was not improved in the course of ongoing enforcement. For this reason, many legal norms require significant improvement and adaptation to modern economic needs of the subjects of legal relations.

Keywords: tax transparency; automatic exchange of financial account information; CRS; Common Reporting Standard; financial accounts; financial control; property abroad.

Для налоговых органов большинства государств все большую значимость приобретает проблема массового уклонения граждан и организаций от уплаты налогов посредством выполнения трансграничных финансовых операций, размытия налоговой базы и вывода денежных средств в юрисдикции с меньшим уровнем налогообложения, в том числе, оффшорные зоны. Поэтому важнейшим условием, определяющим дальнейшее развитие мирового законодательства в сфере налогообложения, стала защита целостности налоговой системы каждого отдельного государства.

Эффективный контроль за исполнением налоговых обязательств собственниками имущества за рубежом не возможен без глобального международного сотрудничества налоговых органов. Ключевым условием такого сотрудничества является международная налоговая прозрачность, которая дает возможность управомоченной стороне обязательства предпринимать результативные правозащитные меры.

В современном международном праве не дается легального определения понятию «международная налоговая

прозрачность», а его использование в различных нормативных правовых актах и международных документах носит вариативный характер. В ряде международных документов международная налоговая прозрачность, именуемая также налоговой транспарентностью (tax transparency), рассматривается как состояние международных отношений в сфере налогообложения, при котором налоговые органы различных государств могут беспрепятственно в полном объеме получать друг у друга информацию, необходимую для контроля полноты и своевременности уплаты налогов их налоговыми резидентами.

Примером такого использования данного термина является доклад Генерального секретаря ОЭСР 2013 года «Шаг за шагом к налоговой прозрачности», где говорится: «Сейчас предпринят еще один шаг к международной налоговой прозрачности, обусловленный событиями во всем мире, в том числе в США и Европе, сопровождаемый беспрецедентной политической поддержкой автоматического обмена

информацией»¹. В отчете Глобального форума по прозрачности и обмену информацией для целей налогообложения за 2016 год также утверждается, что «Усовершенствования, обусловленные международной налоговой прозрачностью, будут иметь большое значение для предоставления налоговым органам повсеместно более подробной информации о полном спектре международной деятельности их налогоплательщиков»².

В тоже время, достаточно часто в международных нормативных правовых актах налоговая прозрачность трактуется более узко и отождествляется с качественными характеристиками информации, передаваемой компетентными органами различных государств в ходе международного обмена информацией для целей налогообложения, с позиции, достоверности и полноты этой информации для осуществления государственного налогового контроля, например, в «Стандарте автоматического обмена информацией о финансовых счетах» сказано: «Признавая огромный прогресс, достигнутый Глобальным форумом по прозрачности и обмену информацией для целей налогообложения в обеспечении того, чтобы международные стандарты прозрачности и обмена информацией по запросу были полностью внедрены по всему миру»³.

Третьим вариантом содержания понятия «международная налоговая прозрачность», с правовой точки зрения, является система международных и внутригосударственных нормативно-правовых актов, регулирующих международный обмен информацией в налоговых целях. На такую трактовку указывает ежегодное проведение экспертной оценки уровня налоговой прозрачности и присвоение рейтинга всем участникам в рамках Глобального форума по прозрачности и обмену информацией для целей налогообложения (в настоящее время это 150 государств и территорий). Рейтинг основан на анализе нормативно-правовой базы, регулирующей участие государства в международном обмене информацией в налоговых целях, и правоприменительной практики⁴.

Автор данного исследования приходит к выводу, что международную налоговую прозрачность необходимо рассматривать в первую очередь как состояние международных отношений, но используя при этом комплексный подход к ее содержанию. Таким образом, состояние международных отношений в сфере налогообложения, обусловленное действием системы международных и внутригосударственных нормативных правовых актов, позволяющее налоговым органам каждого государства оперативно и беспрепятственно получать от компетентных органов других государств информацию о международной деятельности налоговых резидентов данного государства, в объеме, необходимом для контроля за соблюдением налогового законодательства данного государства, следует рассматривать как международную налоговую прозрачность.

Законодательная база международной налоговой прозрачности была создана после заключения в Страсбурге 25 января 1988 года «Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам» (The Multilateral Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters, далее – МСМААТМ). Конвенция предусматривает возможность различных способов обмена налоговой информацией между государствами, ратифицировавшими ее, в том числе обмен информацией по запросу, инициативный обмен информацией и автоматический обмен информацией⁵. В настоящее время участниками конвенции является 117 государств⁶, включая Российскую Федерацию.

До недавнего времени обмен налоговой информацией между государствами – участниками МСМААТМ осуществлялся в основном в порядке обмена информацией по запросу⁷ на основании двухсторонних межправительственных соглашений и носил выборочный характер, в результате чего доступ налоговых органов государств-участников МСМААТМ к информации об имуществе и финансовых операциях их налоговых резидентов в юрисдикции других государств был существенно ограничен. Объем передаваемой информации в рамках реализации двухсторонних соглашений был крайне низким, а сами условия соглашений часто включали значительные ограничения в отношении передаваемой информации. Например, они не затрагивали ряд инструментов финансового рынка, позволяющих скрыть информацию о реальных владельцах компаний, например, акции на предъявителя⁸. Кроме того, банковское сообщество настаивало на сохранении режима банковской тайны, выгодного для их клиентов⁹, вследствие чего налоговые органы не могли получить достаточную информацию, чтобы удостовериться, что налогоплательщики разных государств уплатили в бюджет надлежащую сумму налога. По этой причине эффективность государственного финансового контроля в данной сфере была невысокой¹⁰.

Переломным моментом в борьбе с налоговыми убежищами и уклонением от уплаты налогов стал финансово-экономический кризис 2009 года, когда во время саммита лидеров государств G20 было объявлено, что «эра банковской тайны завершилась». Одним из ключевых решений, принятых во время саммита, было создание «Глобального форума по прозрачности и обмену информацией для целей налого-

1 A Step Change In Tax Transparency. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org>: OECD Report for the G8 Summit Lough Erne, Enniskillen, June 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/taxtransparency_G8report.pdf - P. 4

2 Tax Transparency 2016 Report on Progress. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org>: Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/transparency/GF-annual-report-2016.pdf> - P. 9

3 OECD (2014), Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters, OECD Publishing, Paris. DOI: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264216525-en> - P. 302

4 Brief on the State of Play on the international tax transparency standards September 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org>: Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/transparency/brief-and-FAQ-on-progress-on-tax-transparency.pdf> Дата обращения 10.12.2018

5 «Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам» (Заключена в г. Страсбурге 25.01.1988, с изм. и доп. от 27.05.2010) // «Собрание законодательства РФ». - № 12. - 21.03.2016. ст. 1586. Статья 6.

6 Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters, chart of participating jurisdictions [электронный ресурс]: <http://www.oecd.org>: Centre for Tax Policy and Administration. Exchange of information. Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/Status_of_convention.pdf Дата обращения 10.12.2018

7 «Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам» (Заключена в г. Страсбурге 25.01.1988, с изм. и доп. от 27.05.2010) // «Собрание законодательства РФ». - № 12. - 21.03.2016. - ст. 1586. - Статья 5

8 Transparency and global tax, [электронный ресурс]: OECD Observer No 295 Q2 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/4118/Transparency_and_Global_tax.html Дата обращения 10.12.2018

9 Фролова Е. Е., Кармадонова Е. В. Тенденции и направления развития кредитного рынка (на примере Иркутской области). Монография. М., издательский дом НАУКА, 2013, 406 с.; Ермаков С. Л., Фролова Е. Е. Комплексное антикризисное управление российским банковским сектором как важнейший инструмент экономического регулирования развития страны. Монография. Иркутск: Репроцентр, 2010, 495 с.

10 Фролова Е. Е. Государственный финансовый контроль в сфере денежного обращения. Дис. ... на соиск. ... д.ю.н. М., РУДН., 2011, 488 с.; Фролова Е. Е. Государственный финансовый контроль в сфере денежного обращения. Автореф. дис. ... д.ю.н. М., РУДН., 2011. 54 с.

обложения» (Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes) в целях укрепления потенциала сотрудничества в международных налоговых вопросах¹¹.

Чтобы выявление, предупреждение и пресечение налоговых правонарушений стало результативным, требовалось изменить характер государственного финансового контроля с выборочного на сплошной. Решение этой задачи было бы невозможно без создания инструментария, позволяющего повысить эффективность и снизить расходы на систематический сбор, анализ и международный обмен информацией в налоговых целях. Создание условий для автоматического обмена информацией стало ключевым направлением международного сотрудничества в налоговой сфере в последние годы¹². В рамках встречи лидеров государств G20 23 июля 2012 года ОЭСР представила отчет «Автоматический обмен информацией: что это, как это работает, преимущества, что необходимо предпринять» (Automatic Exchange of Information what it is, how it works, benefits, what remains to be done)¹³. В нем кратко изложены ключевые аспекты эффективной модели автоматического обмена информацией, включая разработку единого стандарта для сбора, анализа и передачи информации, создание правовой основы для обмена информацией и подготовку соответствующих технических средств.

19 июня 2013 года лидерам государств G8 был представлен доклад Генерального секретаря ОЭСР «Шаг за шагом к налоговой прозрачности», где указаны меры, которые необходимо предпринять для практического внедрения общевойсковой модели автоматического обмена информацией в налоговых целях. В 2013 году ОЭСР совместно с представителями государств G20 была начата разработка «Единого Стандарта Отчетности» (Common Reporting Standard, далее - CRS), другое название которого «Стандарт автоматического обмена информацией о финансовых счетах» (Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters). Создание стандарта было завершено в феврале 2014 года после его одобрения министрами финансов и главами центральных банков государств G20. CRS подробно описывает состав и процесс сбора данных, которые предназначаются для последующей передачи в рамках автоматического обмена финансовой информацией. Стандарт приобретает юридическую силу в случае имплементации в законодательство соответствующего государства, состоящей из двух этапов: присоединения государства к международному соглашению об обмене информацией в соответствии с указанным стандартом и разработки и вступления в силу внутригосударственных нормативно-правовых актов, обеспечивающих реализацию международного соглашения.

Первый этап реализуется при присоединении государства к «Многостороннему соглашению компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией» от 29 октября 2014 года (Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information, далее - CRS MCAA). Данное соглашение наделяет единый стандарт автоматического обмена информацией в налоговых целях юридической силой¹⁴. В настоящее время

CRS MCAA подписано 104 государствами¹⁵, включая Российскую Федерацию.

Еще одним нормативным актом, регулирующим международный обмен налоговой информацией является «Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене страновыми отчетами» от 27 января 2016 г. (Multilateral Competent Authority Agreement on the Exchange of Country-by-Country Reports, далее - CBC MCAA), подписанное в рамках реализации тринадцатого пункта разработанного ОЭСР Плана по противодействию размыванию налоговой базы и перемещению прибыли (Base Erosion and Profit Shifting)¹⁶. В настоящее время данное соглашение подписано 74 государствами¹⁷, включая Российскую Федерацию. Присоединение к соглашению позволит налоговым органам государства-участника CBC MCAA получать на ежегодной основе в автоматическом режиме информацию о распределении доходов и уплаченных налогов между участниками международных групп компаний, необходимую для оценки рисков, связанных с размыванием налогооблагаемой базы и выводом прибыли в юрисдикции с меньшей налоговой нагрузкой.

В настоящее время среди развитых стран к соглашениям CRS MCAA и CBC MCAA не присоединились только Соединенные Штаты Америки. Международный обмен финансовой информацией с этим государством осуществляется в соответствии с Налоговым кодексом США на основании поправок, в совокупности именуемых «Законодательство о налоговой отчетности по зарубежным счетам» (Foreign Account Tax Compliance Act, далее - FATCA)¹⁸, введенных в действие значительно раньше, чем CRS MCAA и CBC MCAA.

Изначально именно обмен налоговой информацией в соответствии с FATCA должен был лечь в основу модели межправительственного соглашения об улучшении международного налогового законодательства, разработанной рядом европейских государств (Франция, Германия, Италия, Испания и Соединенное Королевство) и Соединенными Штатами Америки («Модель 1 IGA»), но министрами финансов и главами центральных банков государств G20 19 апреля 2013 года было принято решение о разработке нового стандарта автоматического обмена информацией в налоговых целях¹⁹. Данное решение было обусловлено необходимостью разработки универсального многостороннего стандарта обмена информацией, сочетающего в себе преимущества применения

доступа: [http://www.oecd.org: Automatic Exchange. International framework for the CRS. The CRS multilateral competent authority agreement \(MCAA\). \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/multilateral-competent-authority-agreement.pdf](http://www.oecd.org: Automatic Exchange. International framework for the CRS. The CRS multilateral competent authority agreement (MCAA). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/multilateral-competent-authority-agreement.pdf) - sec. 2, par. - 1.1.

- 15 List of CRS MCAA signatories. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.oecd.org: Automatic Exchange. International framework for the CRS. The CRS multilateral competent authority agreement \(MCAA\), 2017. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/MCAA-Signatories.pdf](http://www.oecd.org: Automatic Exchange. International framework for the CRS. The CRS multilateral competent authority agreement (MCAA), 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/MCAA-Signatories.pdf) Дата обращения 30.11.2018
- 16 Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd-ilibrary.org OECD Publishing, 19.07.2013. DOI. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264202719-en> Дата обращения 05.12.2018
- 17 List of CBC MCAA signatories. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.oecd.org: Automatic Exchange. About Automatic Exchange. International exchange of country-by-country reports, 2017. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/about-automatic-exchange/CbC-MCAA-Signatories.pdf](http://www.oecd.org: Automatic Exchange. About Automatic Exchange. International exchange of country-by-country reports, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/about-automatic-exchange/CbC-MCAA-Signatories.pdf) Дата обращения 05.12.2018
- 18 Public Law 111-147 «Hiring Incentives to Restore Employment Act», March 18, 2010 // U.S. Government publishing office, Washington. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gpo.gov> - 18.03.2010. – Title V, Subtitle A - Foreign Account Tax Compliance
- 19 Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd-ilibrary.org: OECD Publishing, 21.07.2014, http://dx.doi.org/10.1787/9789264216525-en - chapter I, sec. A, par. 3

11 Tax Transparency 2016 Report on Progress. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org: Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes, 2016. http://www.oecd.org/tax/transparency/GF-annual-report-2016.pdf> - P. 18

12 Dudin M. N., Zasko V. N., Frolova E. E., Pavlova N. G., Rusakova E. P. Mitigation of cyber risks in the field of electronic payments: organization and legal measures // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. T. 9. № 1. С. 78-88.

13 Automatic Exchange of Information what it is, how it works, benefits, what remains to be done. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.oecd.org: Centre for Tax Policy and Administration. Exchange of information, 2012. \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/automatic-exchange-of-information-report.pdf](http://www.oecd.org: Centre for Tax Policy and Administration. Exchange of information, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/automatic-exchange-of-information-report.pdf) Дата обращения 11.12.2018

14 Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information. [Электронный ресурс]. – Режим

FATCA, но в тоже время не содержащего характерных признаков налогового законодательства США, таких как признание лица налоговым резидентом на основании гражданства и штрафные санкции для иностранных организаций финансового рынка за отказ от применения FATCA. По сравнению с внедрением обмена налоговой информацией на основе межправительственных соглашений в соответствии с FATCA, применение стандарта CRS является более эффективным и требующим меньших затрат от финансовых учреждений.

Тем не менее, обмен налоговой информацией на основе межправительственных соглашений в соответствии с FATCA является самостоятельной действующей системой обмена налоговой информацией, обладающей значительным количеством схожих принципов с обменом по стандарту CRS и совместимой с его применением. В случае применения обеих систем обмена налоговой информацией, организациям финансового рынка не требуется пересматривать многие аналитические процедуры, например, регулирующие юридическую оценку организаций²⁰, являющихся налоговыми резидентами государств, не присоединившихся к международным соглашениям об обмене налоговой информацией.

В российской юридической науке крупномасштабные исследования понятия международной налоговой прозрачности до настоящего времени не проводились. Данное определение также отсутствует в нормативных правовых актах Российской Федерации, хотя последнее время данное оно неоднократно упоминалось в официальных публикациях Федеральной налоговой службы РФ, например, в 2016 году заместитель руководителя ФНС России Алексей Оверчук сообщил: «Проблема вывода прибыли в офшоры сегодня остро стоит перед всеми странами Большой двадцатки и ОЭСР. Поэтому все заинтересованы ее разрешить. Коллеги - налоговики из разных стран работают сообща, тесно координируя свои действия. Поэтому решение проблемы перешло в практическую плоскость. Сегодня создаются конкретные механизмы и инструменты контроля с целым рядом показателей, которым должна соответствовать та или иная налоговая юрисдикция, чтобы считаться прозрачной»²¹. Из данного заявления можно сделать вывод, что налоговая прозрачность может рассматриваться как характеристика не только передаваемой информации, но и государства (или территории), как партнера в ходе международного обмена информацией в налоговых целях. Из других публикаций ФНС России можно сделать вывод, что понятие прозрачности в сфере налогообложения может носить не только международный, но и внутригосударственный характер, в частности, Руководитель ФНС России Михаил Мишустин отметил, что «налоговые органы должны обеспечивать полноценную интеграцию налоговых сервисов в естественную среду налогоплательщиков. Добиться этого можно за счет использования новых цифровых платформ для получения и обработки данных. Это позволит не только повысить уровень налоговой дисциплины, но и одновременно резко сократить налоговое и административное бремя. Налоговые органы, таким образом, станут своеобразными «провайдерами» прозрачности для всей эко-

номики и будут способствовать укреплению доверия между государством и обществом»²².

Несмотря на отсутствие фундаментальных исследований в данной области, изучение понятия международной налоговой прозрачности является крайне актуальным для науки финансового права в России²³. Присоединение к международным соглашениям и выполнение их условий создает новый вектор развития финансового законодательства в России. Согласно условиям многосторонних международных соглашений CRS MCAA и CBC MCAA обмен информацией с участием Российской Федерации начался в 2018 году. Чтобы обеспечить реализацию механизма автоматического обмена налоговой информацией с другими государствами, присоединившимися к CRS MCAA и CBC MCAA, был выполнен не менее значимый шаг, чем подписание международных соглашений. Он заключается в имплементации соглашений и стандарта CRS во внутригосударственное законодательство путем разработки новых и внесения изменений в действующие нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Принятие Федерального закона от 27.11.2017 № 340-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний» предусматривает создание механизма сбора налоговыми органами РФ информации, необходимой для осуществления обмена с компетентными органами зарубежных стран в рамках выполнения условий Многосторонних соглашений. Вскоре после вступления в силу указанного Федерального закона были опубликованы Приказ Федеральной налоговой службы от 30 мая 2018 года № ММВ-7-17/360@ «Об утверждении Перечня государств (территорий), с которыми осуществляется автоматический обмен финансовой информацией» и Приказ Федеральной налоговой службы от 30 мая 2018 года № ММВ-7-17/359@ «Об утверждении Перечня иностранных государств (территорий), с компетентными органами которых осуществляется автоматический обмен страновыми отчетами». Кроме того, был разработан и принят ряд нормативно-правовых актов, непосредственно регулирующих порядок и сроки обработки и направления информации, предназначенной для передачи в ходе международного обмена, организациями финансового рынка. Ключевым из них является Постановление Правительства РФ от 16 июня 2018 г. № 693 «О реализации международного автоматического обмена финансовой информацией с компетентными органами иностранных государств (территорий)», вступившее в силу 19 июля 2018 года. Данное постановление представляет собой переведенный на русский язык текст стандарта CRS в несколько урезанном варианте, но с сохранением его ключевых условий.

В дальнейшем для успешного функционирования и развития системы международного налогового обмена от государств, присоединившихся к CRS MCAA и CBC MCAA, потребуется продолжить работу в следующих направлениях: разработка и внедрение мер по повышению качества передаваемых данных, стандартизация технических требований к аппаратному и программному обеспечению, используемому для сбора и передачи информации в ходе международного обмена, совершенствование подходов к обеспечению конфиденциальности передаваемых данных.

Формирование международной налоговой прозрачности наделяет налоговые органы государств-участников соглашений об обмене информацией широкими возможностями

20 Dudin M. N., Sekerin V. D., Smirnova O. O., Frolova E. E., Sepiashvili E. N. State anti-crisis management of banking sector: looking for optimization ways and contemporary development trends // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2014. Т. 5. № 2. С. 74-81; Фролова Е. Е., Ермаков С. Л. К вопросу о государственной политике в области государственного финансового контроля и банковского надзора // *Финансовое право*. 2011. № 4. С. 19-22.

21 Система автоматизированного информационного обмена - большое достижение в борьбе за налоговую прозрачность - Алексей Оверчук. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.nalog.ru/> Федеральная налоговая служба, Новости, Деятельность ФНС России, 17.05.2016. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/6069922/ Дата обращения 30.10. 2018

22 Михаил Мишустин продемонстрировал работу автоматизированной системы касс нового поколения на Форуме ОЭСР в Осло. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.nalog.ru/> Федеральная налоговая служба, Новости, Деятельность ФНС России, 28.09.2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/6069922/

23 Фролова Е. Е. Правовое регулирование государственного финансового контроля в сфере денежного обращения в Российской Федерации. Монография // Иркутск, Репроцентр А1, 2010. 335 с.

в борьбе с уклонением от уплаты налогов посредством совершения трансграничных финансовых операций. Но использование этих возможностей на практике зависит от совершенства правовой основы и эффективности администрирования информации, переданной в ходе международного обмена. Рассмотрим основные организационные и юридические проблемы, которые могут снизить эффективность финансового контроля и предпринимаемых государством правозащитных мер.

В качестве ключевых организационных проблем необходимо выделить сокращение срока, который требуется налоговым органам для анализа полученной в ходе международного обмена информации, и оперативное выявление правонарушений, наносящих наибольший ущерб государственным интересам. С началом международного автоматического обмена информацией в налоговых целях в распоряжение российских налоговых органов ежегодно поступает большой массив данных о финансовых операциях российских налоговых резидентов, совершенных в других государствах - участниках обмена. От того, насколько оперативно налоговые органы проанализируют поступившие сведения, зависит возможность применения к налогоплательщикам, совершившим правонарушения, мер ответственности за их совершение, а невозможность выявить среди множества правонарушений наиболее существенные, приведет к потере государством части доходов бюджета от сбора налогов и применения мер ответственности за совершение правонарушений. Срок обработки данных, поступивших в рамках налогового обмена играет ключевую роль несмотря на то, что трехлетний срок привлечения к налоговой ответственности не применяется к недоимкам по налогу и пеням²⁴. Это обусловлено тем, что по истечении трехлетнего срока со дня совершения правонарушения налоговому органу будет значительно труднее его выявить, доказать факт его совершения и рассчитать размер недоимки. Во-первых, Налоговый кодекс Российской Федерации существенно ограничивает возможность проведения мероприятий налогового контроля за более, чем трехлетний период, а во-вторых, сбор доказательной базы в отношении совершенного деяния значительно усложняется с увеличением срока давности его совершения.

Основной правовой проблемой является слабое развитие, в условиях отсутствия постоянной правоприменительной практики, российского финансового законодательства, регулирующего обязательства собственников имущества за рубежом. Оно характеризуется длительным существованием множества излишне сложных правовых норм, многие из которых крайне редко применяются на практике, о чем свидетельствует весьма незначительное число примеров судебной практики разрешения споров в этой сфере, особенно с участием физических лиц. Например, в картотеке судов общей юрисдикции города Москвы за период с начала 2001 года по март 2018 года зарегистрировано всего 922 дела о рассмотрении жалобы на постановление по делу о нарушении валютного законодательства РФ²⁵; на интернет-портале Судебных и нормативных актов РФ (СудАкт) содержится информация всего о 4 261 таком деле по всем регионам России²⁶. При этом наибольшую долю рассматриваемой судебной практики составляет обжалование постановлений о привлечении к ответственности должностных лиц, выносимых одновременно с привлечением к ответственности за нарушение валютного законодательства юридических лиц.

Доступ государства к данным о счетах российских налоговых резидентов в иностранных организациях финан-

сового рынка, полученный в результате международного автоматического обмена, меняет характер финансового контроля с выборочного на сплошной. Результатом станет беспрецедентное для российской юридической практики массовое применение действующих финансово-правовых норм, регулирующих налоговые и валютно-правовые обязательства - собственников имущества за рубежом, которое продемонстрирует многие проблемы действующего регулирования в данной сфере, на которые долгое время указывают как ученые, так и практикующие специалисты. К названным проблемам относятся: чрезмерная сложность процедурных обязанностей граждан, необоснованность многих валютных ограничений²⁷, значительные ограничения для свободного режима использования зарубежных счетов²⁸, неопределенность терминологии валютного законодательства²⁹, проблемы реализации налоговых норм экономического и фактического контроля в условиях российской правовой системы³⁰.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что необходимой мерой, предваряющей широкое применение в нашей стране финансово-правовых норм, регулирующих обязательственные правоотношения между государством и собственниками имущества за рубежом, является их упорядочивание и адаптация к существующим экономическим потребностям обязанных субъектов. Усовершенствование действующего регулирования в данной сфере необходимо чтобы, во-первых, удовлетворить интересы обязанных субъектов, которые в ряде случаев являются заложниками существующих нормативных требований, соблюдение которых на практике, даже при полном отсутствии противоправных намерений, является крайне затруднительным; а во-вторых, в условиях многократного увеличения объема администрируемой информации, сделать контроль за соблюдением финансово-правовых норм и правоприменительную деятельность государственных органов результативнее, а также сократить затраты на развитие системы государственного финансового контроля.

Подводя итог, можно утверждать, что международная налоговая прозрачность может оказать значимое влияние на развитие науки финансового права, а также финансовое законодательство, как на международном, так и на внутригосударственном уровне, поскольку коренным образом изменит систему контроля за уплатой налогов с доходов, полученных резидентами одних государств от источников в других государствах. Дальнейшее изучение международной налоговой прозрачности имеет большое практическое значение и для Российской Федерации, т.к. в новых условиях многие финансово-правовые нормы могут потребовать внесения изменений или полностью утратить свою актуальность.

27 Синельников-Мурылев С. Г., Трунин П. В., Левашенко А. Д. Актуальные проблемы валютного регулирования операций физических лиц в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 12. С. 3-13

28 Коваль А. А., Левашенко А. Д., Синельников-Мурылев С. Г., Трунин П. В. Реформа валютного регулирования и валютного контроля в России // Центр стратегических разработок. - Москва. - Март 2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.csr.ru/issledovaniya/valyutnyj-uchet-no-ne-kontrol/>. Дата обращения 30.10.2018

29 Калинин Ю. П. Валютные операции как правовая категория // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 92-95

30 Садчиков М. Н. Контроль как критерий налогово-правового статуса контролируемой иностранной компании // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 142-146

24 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23 июля 2013г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824. Ст. 113

25 Суды общей юрисдикции города Москвы, официальный портал. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/search> - 30.03.2018

26 База данных «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sudact.ru/> - 30.04.2018

АЛЕКСЕЕВ Артем Геннадьевич

аспирант Института государства и права Российской академии наук, адвокат АК «АТТИКУС»

ПРОБЛЕМЫ АБСТРАКТНОГО КОНТРОЛЯ В ОБЛАСТИ РАСХОДОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ

Абстрактный нормоконтроль в российской юрисдикции обладает рядом особенностей, однако исследование в области правовой природы действий (бездействия) государственного заказчика выявляет ряд пробелов правоприменения. Автор предлагает собственную концепцию решения существующей проблемы.

Ключевые слова: абстрактный нормоконтроль, финансовое право, государственные финансы, государственные закупки.

ALEKSEEV Artem Gennadjevich,

postgraduate student of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, lawyer at LO "ATTICUS"

Алексеев А. Г.

PROBLEMS OF ABSTRACT CONTROL IN PUBLIC FINANCE SPENDING

Abstract normative control in Russian jurisdiction has some peculiar features, however the author's research has shown that the current application of law leaves a lot of practical disputes to be raised. The author offers his own conception of solving an existing problem.

Keywords: abstract normative control, financial law, public finance, state procurements.

В российской юрисдикции институт абстрактного судебного нормоконтроля (в т.ч. абстрактного судебного нормоконтроля ненормативных правовых актов) обладает значимым ограничением – по общему правилу истец по такому иску должен доказать не только незаконность или несправедливость данного оспариваемого акта, но и доказать нарушение прав истца соответствующим актом. Законодательство (ч. 1 ст. 198, ч. 4 ст. 200, ч. 3 ст. 201 АПК РФ¹) устанавливает два критерия для удовлетворения иска об оспаривании ненормативного правового акта – оспариваемый акт должен нарушать закон или нормативный акт и нарушать права непосредственно истца.

Институт государственных закупок можно охарактеризовать как процедуру заключения гражданско-правовых сделок, осложненных публичным элементом, т.к. данные сделки направлены на нормальное функционирование соответствующих публичных образований, субъектами в сделках выступают публичные образования, финансируются указанные сделки за счет государственных финансов. Государственные закупки представляются межотраслевым институтом, объединяющим в себе элементы как гражданского, так и административного, финансового права.

Автор соглашается с Соколовой Э.Д., которая указывает², что отнесение института к частному или публичному объясняется объективными факторами. Соколова Э.Д. цитирует работу дореволюционного юриста Кавелина К., который пишет³, что публичное и частное так перемешаны и слиты, что разграничить их нельзя. Г.Ф. Шершеневич высказывался⁴ о

невозможности проведения точной границы между публичным и частным правом.

Буквальное прочтение Закона «О контрактной системе»⁵ создает впечатление, что закон наделяет отдельных субъектов правом абстрактного контроля государственных закупок, указывая в качестве таковых общественные объединения и объединения юридических лиц, осуществляющих общественный контроль, однако суды отказывают⁶ истцам в исках, в частности – по мотиву отсутствия интереса в оспаривании действий государственного заказчика, т.к. истец не является участником закупки, отрицая право на абстрактный контроль сделок в рамках государственного заказа. В одном из дел суд указал⁷, что истец, зарегистрированный в форме некоммерческого партнерства, лишен права заявления требования, поскольку не является общественной организацией, как это указано в ч. 3 ст. 102 Закона «О контрактной системе».

Внимательное прочтение формулировки ч. 3 ст. 102 Закона «О контрактной системе» вызывает вопросы, ответов на которые ни законодательство, ни практика не содержит. Если понятие нарушенного права является расхожим и его значение не вызывает сомнений, то понятие оспариваемого права в контексте данного пункта оставляет неясность. Формулировка «оспариваемое право» – предполагает, что это

1 «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». - 29.07.2002. - № 30. - Ст. 3012.

2 Соколова Э.Д. Применение норм публичного (финансового) права и норм частного (гражданского) права в регулировании финансовой сферы // Финансовое право. - 2015. - № 3. - С. 9 - 11.

3 Кавелин К. Что есть гражданское право и где его пределы? - СПб., 1864. - С. 3.

4 Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. третий. - М., 1912. - С. 536.

5 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

6 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.06.2016 № Ф09-4952/16 по делу № А60-33116/2015, Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2015 № 08АП-10264/2015 по делу № А46-6332/2015, Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2016 № 17АП-18382/2015-АК по делу № А60-33116/2015, Апелляционное определение Саратовского областного суда от 03.03.2015 № 33-1054, Решение Арбитражного суда Свердловской области от 27.10.2015 по делу № А60-33116/2015 // СПС «Консультант Плюс».

7 Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2016 № 17АП-18382/2015-АК по делу № А60-33116/2015 // СПС «Консультант Плюс».

право наличествовало в прошлом и было оспорено третьими лицами. В контексте государственных закупок удается смоделировать единственную ситуацию – оспаривание прав участника закупки третьими лицами. Можно сделать вывод, что формулировка «оспариваемое право» дает возможность общественному объединению выступать в качестве третьего лица в судебном процессе по оспариванию прав участника закупки, однако возникает вопрос – во всех ли случаях общественное объединение вправе быть третьим лицом. Ответ приходит из отрасли бытовой логики – если бы общественные объединения должны были бы выступать третьими лицами во всех процессах, то в таком случае в каждом судебном процессе суд по своей инициативе привлекал все известные объединения в качестве третьих лиц, однако такого не происходит, из чего можно сделать вывод, что суд не знает (или даже не должен знать), что такое третье лицо существует. В пользу этого аргумента указывает и содержание ст. 3 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», из которой следует, что для общественных объединений государственная регистрация юридического лица необязательна, иными словами суд может и не знать о существовании общественного объединения. Таким образом «законные интересы группы лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации» – это такие лица, права которых непосредственно (sic!) нарушаются в ходе процедур государственных закупок, под «законодательством Российской Федерации» имеются в виду общие процессуальные правила, предоставляющие процессуальную правоспособность в части предъявления иска о признании незаконными ненормативных актов. Иными словами, «общественный контроль» и «абстрактный контроль» не являются синонимами и «общественный контроль» является несопоставимо более узким термином, чем институт абстрактного контроля и имеет значимые ограничения.

Анализ нормативной базы приводит к выводу, что термин «обжалование» (а не «оспаривание») характерен для административных процедур, так законодатель использует формулировку «может быть обжаловано» в следующих случаях – в ст. 137 НК РФ (обжалование действий налоговых органов и должностных лиц), в ч.1 ст. 123 УПК РФ⁸ (обжалование действий стороны обвинения), ст. 361 ТК РФ⁹ (обжалование действий инспекторов государственной инспекции труда), во многих иных случаях¹⁰. Термин «оспаривание» применяется преимущественно к гражданско-правовым институтам – договоры, сделки, третейские решения, регистрация товарных знаков¹¹. Закон «О контрактной системе» использует термин «обжалование» в отношении действий (бездействия) государственного заказчика, что позволяет сделать вывод о публичной природе таких действий.

Коль скоро мы приходим к выводу о публичном характере Закона «О контрактной системе» – общественный контроль за расходованием государственных финансов должен быть по своему содержанию подобен абстрактному нормоконтролю, поскольку вопрос государственных финансов опосредованно затрагивает каждого налогоплательщика. Проблема лежит в практической плоскости (т.к. наделение правом любого субъекта оспаривать действия государственного заказчика приведет к процессуальным злоупотреблениям и судебной нагрузке) и не может быть решена путем изменения законодательства, т.к. конкретизация понятия «нарушенное право» нецелесообразна. Нуждается в изменении подход, что действия (бездействие) заказчика могут быть оспорены только участником соответствующей закупки, введя правило о том, что действия (бездействие) государственного заказчика могут быть оспорены общественными объединениями в случае, если указанным бездействием непосредственно затрагиваются права соответствующих общественных объединений¹². Подобная мера бы повысила как гарантии отдельно взятого налогоплательщика, т.е. участника института публичных финансов, так и способствовала открытости и справедливости системы государственных расходов.

Пристатейный библиографический список

- 8 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Парламентская газета». - № 241-242. - 22.12.2001.
- 9 «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ // «Российская газета». - № 256. - 31.12.2001.
- 10 Например: Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // «Российская газета». - № 269. - 29.11.2010. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // «Парламентская газета». - № 117. - 30.06.2004. Федеральный закон от 02.10.2007. - № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // «Российская газета». - № 223. - 06.10.2007.
- 11 Например: ст. 61.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». - 28.10.2002. - № 43. - Ст. 4190. - Ст.812 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». - 29.01.1996. - № 5. - Ст. 410. - Ст.1500 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ // «Российская газета». - № 289. - 22.12.2006.

1. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 03.03.2015 № 33-1054 // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.06.2016 № Ф09-4952/16 по делу № А60-33116/2015 // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2015 № 08АП-10264/2015 по делу № А46-6332/2015 // СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2016 № 17АП-18382/2015-АК по делу № А60-33116/2015., Решение Арбитражного суда Свердловской области от 27.10.2015 по делу № А60-33116/2015 // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2016 № 17АП-18382/2015-АК по делу № А60-33116/2015 // СПС «Консультант Плюс».
6. Кавелин К. Что есть гражданское право и где его пределы? - СПб., 1864.
7. Соколова Э.Д. Применение норм публичного (финансового) права и норм частного (гражданского) права в регулировании финансовой сферы // Финансовое право. - 2015. - № 3. - С. 9-11.
8. Финансовое право: Учебник / Отв. ред. Н.И. Химичева. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2004. - С. 629.
9. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. третий. - М., 1912.

- 12 (Примечание автора) Например: общественное объединение родителей может оспаривать действия (бездействие) заказчика – детского сада, в котором обучаются дети указанных родителей, если указанная закупка нарушает их права – например, качество питания или постельного белья.

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Дагестанского государственного университета

МУХУМАЕВА Карина Магомедовна

студентка 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРЕЗУМПЦИИ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются такие презумпции налогового права как презумпция добросовестности налогоплательщика, презумпция невиновности, презумпция доказывания налоговых органов и некоторые другие. Обосновывается необходимость их использования в данной отрасли права. Обозначены некоторые проблемы, возникающие в процессе применения презумпций в налоговых правоотношениях.

Ключевые слова: налоговое право, презумпции, налогоплательщик, добросовестность, невиновность, налоговые органы.

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University

MUKHUMAEVA Karina Magomedovna

4th year student of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE PRESUMPTION IN THE TAX LAW

The article deals with such presumptions of tax law as the presumption of good faith of the taxpayer, the presumption of innocence, the presumption of proof of the tax authorities and some others. The necessity of their use in this branch of law is substantiated. Some problems arising in the process of application of presumptions in tax legal relations are outlined.

Keywords: tax law, presumption, taxpayer, conscientiousness, innocence, tax authority.

Как известно, одним из принципов налогового права является принцип единства налоговой политики и налоговой системы на всей территории Российской Федерации. Принятие в 1998 году части первой Налогового Кодекса стало началом правовой политики налоговой справедливости и ясности налогового законодательства¹. Одним из ее новшеств стало применение такого нетрадиционного механизма как презумпции.

Презумпция это предположение о существовании (или наступлении) каких-либо фактов, событий, обстоятельств. Ее основой является – повторяемость жизненных ситуаций². Использование презумпций было характерно для гражданского, гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права, чего нельзя сказать о налоговом праве, в котором презумпции практически не использовались.

На современном этапе роль презумпций как механизмов законотворчества возросла. Так, одним из основных начал действующей налоговой политики является презумпция добросовестности налогоплательщика. До принятия части первой НК РФ отечественное законодательство строилось на принципе приоритета государства и его интересов, в связи, с чем косвенно действовала презумпция виновности налогоплательщика. Презумпция добросовестности позволила устранить дисбаланс, существующий между государством и налогоплательщиком.

Суть данной презумпции заключается в том, что поведение налогоплательщика признается правомерным, а

сведения, содержащиеся в бухгалтерской отчетности и налоговой декларации – достоверными. Однако не стоит забывать о таком свойстве презумпций как опровержимость, достаточно часто на практике встречаются случаи, когда поведение налогоплательщика не подпадает под действие презумпции. То есть, такое предположение существует ровно до тех пор, пока не доказано обратное, именно по этой причине добросовестность налогоплательщика не могла быть введена в налоговое законодательство как одно из его основных начал. Таким образом, применительно к налоговому праву презумпция добросовестности может быть сформулирована следующим образом: «налогоплательщик признается добросовестным (его поведение соответствует требованиям законодательства о налогах и сборах) до тех пор, пока не доказано обратное».

Основной целью презумпции добросовестности налогоплательщика является возможность исключить возложение на него обязанностей, не предусмотренных налоговым законодательством³. К сожалению, на практике эта формулировка негативно трактуется недобросовестными должностными лицами налоговых органов, а именно, они понимают ее как возможность наложения обязанностей, не предусмотренных законом, на недобросовестных налогоплательщиков, что, конечно же, недопустимо.

Несмотря на то, что в Налоговом Кодексе РФ отсутствует прямое закрепление презумпции добросовестности налогоплательщика, о ней говорится в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой

1 Карасева М. В. Презумпции и фикции в части первой налогового кодекса РФ // Сейчас.ру: Новости России и мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/4722> (дата обращения: 07.11.2018)

2 Матузов Н. И. Теория государства и права: учебное пособие. – М: Юрист, 2004. – 512 с.

3 Определения Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 N 329-О, от 18.01.2005 N 36-О

выгоды»⁴. Еще она косвенно вытекает из норм НК РФ, которые закрепляют другие презумпции. В частности, презумпция невиновности налогоплательщика, закрепленная в п. 6 ст. 108 НК РФ, гласит, что: «лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке»⁵. Обычно в научной литературе данные презумпции рассматривались независимо друг от друга и гораздо реже считались дополняющими друг друга. Но сущность их соотношения не была раскрыта.

Карасева Н. В. считает, что презумпция невиновности налогоплательщика является одним из проявлений общей презумпции добросовестности налогоплательщика, ибо в ее основе лежит предположение о том, что налогоплательщик не совершал налоговых правонарушений⁶.

По аналогии с используемой в уголовном процессе презумпцией невиновности, в этой же статье закреплены еще две презумпции, это презумпция доказывания налоговых органов⁷ и презумпция правоты налогоплательщика.

Презумпция доказывания налоговых органов означает, что в силу предполагаемой добросовестности налогоплательщика, доказывать его вину должен тот, кто привлекает его к ответственности. Но это вовсе не означает, что налогоплательщик может занимать только пассивную сторону, напротив, доказывание собственной невиновности является его правом. Эта презумпция находит свое отражение и в нормах арбитражного процессуального права. Так, в п. 4 ст. 215 АПК РФ указывает на обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для взыскания обязательных платежей и санкций, заявителем⁸.

Презумпция правоты налогоплательщика заключается в том, что если нет абсолютной уверенности (основанной на доказанных обстоятельствах и на том, что нарушены вполне конкретные нормы Налогового кодекса) в виновности лица, то всякого рода неясности (например, в содержании актов законодательства о налогах, текстах документов, показаниях свидетелей, заключениях экспертов и т.д.) должны быть истолкованы в пользу налогоплательщика. Нельзя также виновность налогоплательщика определять по аналогии, исходя из соображений целесообразности, ложно понятых приоритетов и т.д. Налоговое право является достаточно сложной и динамично развивающейся отраслью права, что делает презумпцию правоты налогоплательщика очень актуальной.

При разрешении вопроса о применении презумпции знания закона субъектом налогового правонарушения следует учитывать и тот факт, что в налоговом законодательстве презумпция знания закона не закреплена. Она существует лишь в теории, в связи с чем возникает вопрос: может ли быть признана правомерной практика, восполняемая таким образом. Как считают некоторые авторы, в данном случае происходит вменение дополнительных обязанностей на налогоплательщика, в частности, обязательное получение выс-

шего юридического образования. Но даже юристы имеют право на ошибку. Налогоплательщик же, получается, лишается данного права в силу его привлечения к ответственности за неосведомленность о положениях законодательства. Следовательно, для признания презумпции знания закона отсутствуют также и юридические основания. Кроме того, эта презумпция приводит к расширительному толкованию обязанностей налогоплательщика, что является нарушением п. 1 ст. 55 Конституции РФ.

В качестве одного из принципов определения цен товаров, работ или услуг для целей налогообложения указана презумпция соответствия цены, указанной сторонами сделки уровню рыночных цен. То есть пока не доказано обратное, считается, что договорная цена соответствует уровню рыночных цен. Эта презумпция является одной из важнейших гарантий для налогоплательщиков, так как исключает возможность осуществления излишнего контроля над их деятельностью.

Таким образом, можно сделать вывод, что презумпции налогового права представляют собой основанные на многолетней практике и имеющие вероятностный характер предположения, которые ограничивают степень вмешательства налоговых органов в деятельность налогоплательщика и служат важным дополнением в регулировании столь сложных отношений.

В отличие от принципов презумпции опровержимы, но, несмотря на это они имеют большое значение для правоприменительной практики.

Введение презумпций в данную отрасль права обоснованно и продиктовано характером взаимоотношений, которые возникают между государством и налогоплательщиками.

Пристатейный библиографический список

1. Матузов Н. И. Теория государства и права: учебное пособие. – М: Юрист, 2004. – 512 с.
2. Дегтерева Г. Обязанность доказывания в налоговых спорах // Российская юстиция. – 2001. – № 2.

4 Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»

5 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.09.2018)

6 Карасева М. В. Указ. Соч.

7 Дегтерева Г. Обязанность доказывания в налоговых спорах // Российская юстиция. – 2001 – № 2.

8 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2018).

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Дагестанского государственного университета

СУЛЕЙМАНОВА Аида Алисмановна

студентка 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫЧЕТОВ ПО НДФЛ

Данная статья посвящена анализу основных аспектов имущественных налоговых вычетов для физических лиц. Рассмотрены установленные НК РФ виды вычетов, а также особенности их предоставления и размеры.

Ключевые слова: налоговое право, Налоговый кодекс РФ, налоговые вычеты, льготы по налогообложению, налог на доходы физических лиц.

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University

SULEYMANOVA Aida Alismanovna

4th year student of the Institute of Law of the Dagestan State University

LEGAL REGULATION OF PERSONAL INCOME TAX DEDUCTIONS

This article is devoted to the analysis of the main aspects of property tax deductions for individuals. Types of deductions established by the Tax Code of the Russian Federation, as well as features of their provision and size, are considered.

Keywords: tax law, Tax Code of the Russian Federation, tax deductions, tax breaks, personal income tax.

Практически каждый налогоплательщик, выплачивая налоги, хотя бы раз задавался вопросом, как уменьшить сумму налога и вообще возможно ли это. Поэтому актуальность данной темы не вызывает сомнения. Имущественные налоговые вычеты, при их правильном применении позволяют не только снизить налоговое бремя, но и оказать влияние на повышение уровня жизни всего населения.

Руководствуясь статьями Налогового кодекса РФ, можно ответить, что уменьшение суммы налога возможно, благодаря определенным льготам по налогообложению. В данной статье хотелось бы уделить внимание именно налоговым вычетам. Система налоговых вычетов и механизм их предоставления, которые существуют в нашей стране, регламентируется главой 23 НК РФ. С помощью них наиболее полно осуществляется реализация фискальной, регулирующей и социальной функции налогов. Налоговые вычеты являются одним из главных инструментов, с помощью которых возможно снижение налогового бремени. Они направлены на установление равномерного налогообложения и соблюдение принципа равенства налогоплательщиков. С их помощью предоставляется возможность более полно учесть материальное положение лица, возлагая на него налоговую обязанность.

Впервые термин «налоговый вычет» появился после того, как вступила в силу часть вторая НКРФ. Законодательно определение данному понятию не закреплено, однако устанавливается, что у налогоплательщика есть право на получение налоговых вычетов, при определении размера налоговой базы, а также то, что налогоплательщик имеет право уменьшить сумму налога на установленный налоговый вычет. Общепринятого определения налоговых вычетов нет и в юридической литературе, но есть объективные предпосылки для появления различных трактовок этого понятия. Множество ученых рассматривает налоговые вычеты как разновидность налоговых льгот.

С. В. Барулин¹ считает, что налоговые вычеты являются разновидностью налоговых льгот, в виду того, что общие налоговые вычеты, как и иные виды налоговых льгот, в том числе специальные или частные, имеют регулируемую направленность (стимулирующую, инвестиционную, социальную и т.д.). В результате анализа норм НК РФ можно сделать вывод, о том что под понятием «налоговые вычеты» объединяются различные правовые категории, такие как «налоговые льготы» и «порядок исчисления налога».

Главным отличием налоговых вычетов от налоговых льгот является то, что вычеты применяются не к отдельным категориям налогоплательщиков, то есть к субъектам налоговых правоотношений, а именно к объектам налогообложения. В гл. 23 ст. 218-220 Налогового кодекса РФ предусмотрено пять видов налоговых вычетов: стандартные, социальные, имущественные, профессиональные и инвестиционные. Для предоставления вычетов, которые были указаны выше, необходимо, чтобы налогоплательщик имел доход, облагаемый по ставке 13%. Поэтому, к примеру, у пенсионеров, которые не работают, нет возможности пользоваться такими вычетами, в виду того, что согласно п. 2 ст. 217 НК РФ с государственных пенсий налог на доходы физических лиц не взимается. Для того, чтобы вычеты были предоставлены основания получения дохода не имеют значения, если иное не устанавливается в НК РФ. Вычет может предоставляться работникам по трудовым соглашениям, либо тем лицам, которые выполняют работу по договорам гражданско-правового характера, авторам произведений и т.д.

Проанализируем каждый из видов налоговых вычетов². Итак, стандартные вычеты устанавливаются в твердо выраженной сумме и применяются ежемесячно в отношении какой-либо определенной группы налогоплательщиков. Стандартный вычет был двух видов, это вычет налогоплательщику и вычет на ребенка (детей) налогоплательщика. Вычет налогоплательщику был отменен в 2012 году, при этом размер стандартного вычета на ребенка был увеличен. Однако его величина всё же остается незначительной и постоянно сокращается по отношению к прожиточному минимуму, в виду того, что отсутствует ежегодная индексация данного вычета на уровень инфляции³. В соответствии с пп. 1 и 2 п. 1 ст. 218 НК РФ, вычеты также предоставляются определенным категориям граждан, у которых есть особые заслуги перед государством или тем, кто относится к категории малоимущих. В пп. 4 п. 1 ст. 218 НК РФ предусмотрен стандартный вычет, предоставляемый родителям (супругам родителей), опекунам (попечителям), приемным родителям на каждого ребенка, находящегося на их обеспечении. Стандартные вычеты могут предоставляться только работодателями, которые осуществляют выплаты по трудовому договору (вне зависимости от того, срочный он или бессрочный). Юридические и физические лица,

2 Григорьев А. И. Имущественные налоговые вычеты по НДФЛ: обзор судебной практики и разъяснение законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5.

3 Финансы: Учеб. / Под ред. Г. Б. Поляка. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 703 с

1 Финансы: учебник / С. В. Барулин. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2017. 640 с.

которые не являются работодателями или не признаются таковыми Трудовым кодексом, осуществляющие выплаты денежных средств физическим лицам исполнения гражданско-правового договора, стандартные налоговые вычеты предоставлять не вправе. Тем налогоплательщикам, у которых есть право на получение более одного стандартного налогового вычета, предоставляется самый высокий из них. Бывают случаи, когда низкие доходы трудящихся становятся причиной того, что размер вычета превышает величину дохода. На вопрос как поступить в данном случае, ответ кроется в п. 3 ст. 210 НК РФ. В соответствии с данной статьей, налоговая база приравнивается к нулю и работник может не платить налог, в случае, если его доход меньше стандартного налогового вычета. Целесообразным бы являлось увеличение размера стандартных налоговых вычетов по НДФЛ на работника и его ребенка до величины, соответствующей прожиточному минимуму. Такая реформа способствовала бы уменьшению существующего значительного разрыва между богатыми и бедными, а также защите и поддержке малообеспеченных слоев населения.

Социальные налоговые вычеты применяются в том случае, когда физические лица, которые хотят уменьшить налоговую базу, осуществляют какие-либо общественно значимые действия (например, благотворительность, обучение, лечение, добровольное пенсионное страхование, добровольная уплата дополнительных страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии). Эти вычеты можно получить, подав налоговую декларацию по НДФЛ в налоговую инспекцию по месту жительства налогоплательщика по окончании года, приложив копии документов, которые подтверждают наличие права на соответствующий вычет. Также вычеты (за исключением вычета по расходам на благотворительность) могут быть получены и до окончания года, для этого необходимо обратиться с заявлением и комплектом необходимых документов напрямую к работодателю. На правоприменительном уровне возникают споры по поводу предоставления социального налогового вычета на лечение без документов, которые бы подтверждали действительные расходы налогоплательщика на лечение и покупку медикаментов. Однако следует отметить, что арбитражные суды считают правоммерным предоставление социальных налоговых вычетов на лечение только в том случае, когда лечение проводится в медицинских учреждениях, которые имеют лицензию на осуществление медицинской деятельности⁴. Также одной из важных проблем по данному виду вычетов является то, что не предусматривается возможность переноса остатка на последующие налоговые периоды (как, например, в имущественных вычетах)⁵. В целях оздоровления населения, увеличения спроса на рынке внутреннего туризма, было бы значительным шагом распространение данного вычета не только на средства, потраченные на лечение и обучение, но и на санаторно-курортное лечение на территории нашей страны.

В соответствии со ст. 220 НК РФ при осуществлении сделок, связанных с имуществом, у налогоплательщика есть право на два вида имущественного налогового вычета. Первый вычет (доходного типа) предоставляется по тем суммам, которые получены налогоплательщиком при продаже (реализации) имущества, второй (расходного типа) – тем по суммам, которые израсходованы на новое строительство или покупку на территории Российской Федерации определенных видов недвижимого имущества. Данный вычет в своей основе не имеет какой бы то ни было социальной направленности. На практике его можно назвать вычетом для богатых, так как чем более высоким является доход, тем проще становится приобрести жилье и тем больше та сумма возврата, которую можно получить. Таким образом, данному виду вычетов необходимо вернуть его социальную направленность, это возможно, путем введения ограничений по сумме общего дохода для предоставления вычета. Так, нет никаких оснований оказывать материальную поддержку в виде имущественного вычета, физическим лицам, чей годовой доход является выше среднего (например, граждане которые могут получить возврат налога за 1 год в размере 250 тыс. рублей, т.е. их годовой доход выше 2 млн. рублей).

Профессиональные налоговые вычеты позволяют уменьшить доходы определенных категорий налогоплательщиков, к

ним относятся индивидуальные предприниматели, нотариусы, которые занимаются частной практикой, адвокаты, а также иные лица, получающие доходы от выполнения работ (оказания услуг) по договорам гражданско-правового характера либо получающие авторские вознаграждения) на ту сумму расходов, которая была ими фактически произведена и документально подтверждена, а также непосредственно связанна с извлечением доходов. Ранее для получения вышеперечисленных налоговых вычетов необходимо было подать в налоговый орган вместе с налоговой декларацией также личное заявление. Однако после того как вступил в силу Закон⁶ № 368-ФЗ (29.12.2009) налогоплательщики, перечисленные в статье 221 НК РФ, если у них нет налогового агента для получения профессиональных налоговых вычетов подают только налоговую декларацию по окончании налогового периода, т.е. письменное заявление не требуется.

Что же касается инвестиционных налоговых вычетов, они появились в НК РФ относительно недавно. Данный вычет предоставляет право на уменьшение налоговой базы при осуществлении сделок с ценными бумагами. Основной его целью является повышение привлекательности долгосрочных инвестиций в российские ценные бумаги. При этом следует отметить, что основной аудиторией данного вычета являются граждане среднего достатка, имеющие определенный опыт в инвестиционной деятельности. НК РФ в соответствии со ст. 219.1 предусматривает 3 вида инвестиционных налоговых вычетов. Но с практической точки зрения их можно разделить на 2 группы: 1) инвестиционные налоговые вычеты в виде льготы для долгосрочного владения ценными бумагами; 2) инвестиционные налоговые вычеты, связанные с открытием индивидуальных инвестиционных счетов. Однако следует отметить, что инвестирование с использованием данных вычетов требует квалифицированной помощи инвесторам, так как не все из них достаточно владеют необходимой информацией. Такие авторы, как А. А. Земцов и Т. Ю. Осипова⁷ считают, что для ее оказания необходима подготовка финансовых консультантов. Поэтому в дальнейшем, действительно, возможно развитие данного института.

После рассмотрения данной темы, можно сделать вывод о том, что государство предоставляет большое количество различных льгот и вычетов налогоплательщикам, к сожалению, не каждый знает о тех правах, которые у него есть. Для решения этой проблемы граждане могут воспользоваться правом на получение от налоговых органов разъяснений в письменном виде относительно применения налогового законодательства. Такие разъяснения могут открыть новые возможности для каждого по уменьшению уплачиваемых ими налогов, путем применения определенных льгот и вычетов. Также можно отметить, что существенным недостатком налоговых вычетов по НДФЛ является величина их предельных размеров, которая сдерживается государством уже в течение многих лет, при этом не учитывается уровень инфляции и не вводятся соответствующие корректировки. Это, безусловно, является нарушением имущественных интересов плательщиков налогов.

Пристатейный библиографический список

1. Барулин С. В. Финансы : учебник / 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2017. 640 с.
2. Гармаева М. А. Правовое регулирование налоговых вычетов в российском налоговом законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С.27.
3. Осипова Т. Ю. Обзор публикаций в журнале «Вопросы статистики» по направлению «Финансы домашних хозяйств» // Проблемы финансов и учета. 2009. № 1. С. 46-54.
4. Финансы: Учеб. / Под ред. Г. Б. Поляка. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 703 с.
5. Приказ Минздрава РФ № 289 и МНС РФ № БГ-3-04/256 от 25.07.2001
6. Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 368-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».
7. Осипова Т. Ю. Обзор публикаций в журнале «Вопросы статистики» по направлению «Финансы домашних хозяйств» // Проблемы финансов и учета. 2009. № 1. С. 46-54.

ЗАЙЦЕВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 260 УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НЕЗАКОННАЯ РУБКА ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ)

Статья посвящена отдельным вопросам организации расследования незаконной рубки лесных насаждений. Акцентируется внимание на проблемных аспектах расследования данного вида преступлений, сложностях организации осмотра места происшествия, осуществления взаимодействия.

Ключевые слова: незаконная рубка, лесные насаждения, осмотр места происшествия, судебная экспертиза.

ZAYTSEVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of investigative activity sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

CERTAIN ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 260 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (ILLEGAL LOGGING)

The article is devoted to certain issues of investigation of illegal logging. Attention is focused on the problematic aspects of the investigation of this type of crime, the difficulties of the organization of the inspection of the scene, the implementation of interaction.

Keywords: illegal logging, forest plantations, inspection of the scene, examination.

Россия является крупнейшей лесной державой. Леса в ней занимают площадь не менее 779 млн. гектаров, что составляет почти половину территории России и около одной четверти мировых лесных запасов. В настоящее время обстановка с соблюдением лесного законодательства остается крайне сложной, огромный ущерб государственным интересам наносит незаконная рубка деревьев и кустарников, ведущая к уничтожению лесов. По данным Федерального агентства лесного хозяйства РФ объем незаконных рубок составляет 10 % от общего объема заготовок.

Вопросы обеспечения экономической и экологической безопасности в сфере лесопромышленного комплекса (далее ЛПК) находятся на постоянном контроле Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, МВД России, других органов исполнительной и законодательной властей.

В ходе расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса, органы предварительного следствия постоянно сталкиваются с проблемой позднего обнаружения незаконных рубок, что влечет запоздалое прибытие следственно-оперативных групп на место происшествия и осложняет процесс раскрытия и расследования преступления. Результатом является лишь констатация факта преступления и, как следствие, приостановление производства по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Так, по уголовному делу № XXX, возбужденному по ч. 2 ст. 260 УК РФ по факту незаконной рубки 5-ти дубов в 59 квартале Сызранского участкового лесничества Самарской области между совершением незаконной рубки и моментом ее обнаружения прошел значительный период времени с января 2017 по 26 апреля 2017 года (более 3-х месяцев).

Также следует отметить тот факт, что поступающие материалы доследственных проверок о лесонарушениях не содержат всех необходимых данных и документов, а материалы лесоустройства зачастую отражают «устаревшие» сведения, на основании которых леса остаются «бесхозными» и к ведению лесничеств, органов местного самоуправления не относятся, поскольку соответствующим образом не оформлено право собственности на лесные участки.

Ключевой позицией на первоначальном этапе документирования и расследования преступлений, предусмотрен-

ных ст. 260 УК РФ, безусловно, является производство осмотра места происшествия¹.

В ходе осмотра места происшествия, при описании места совершения лесонарушения необходимо указывать не только географические данные о его расположении в границах какой-то территории, но и максимально детализировать характеристику леса как природного объекта определенной категории и принадлежности, так как это имеет существенное значение для правильного исчисления размера причиненного вреда. В качестве примера можно привести следующий способ описания места лесонарушения: *защитные леса в запретной полосе вдоль нерестовой реки «Печорка» в квартале 26 выделах 10 и 11 Николаевского сельского участкового лесничества Григорьевского лесничества на территории Сергеевского района Нской области.*

В материалах лесоустройства отражаются количественные и качественные характеристики леса, границы лесных участков и другие сведения, позволяющие правильно установить и описать место лесонарушения. Такие выписки из материалов лесоустройства особенно необходимы, когда необходимо исчисление размера вреда в соответствии с требованиями постановления Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства».

В тоже время, следует отметить, что по некоторым уголовным делам представители лесничеств допускают ошибки в определении категории и принадлежности леса в материалах, которые направляют в правоохранительные органы, либо такие сведения являются недостаточными.

Лесонарушение следует разграничивать от хищения чужого имущества. Уголовная ответственность за нанесение вреда лесному фонду путем рубки или повреждения лесных насаждений наступает только по ст. 260 УК РФ; квалификация действий, составляющих объективную сторону лесонарушения, по иным статьям уголовного закона исключается.

Вследствие неправильного понимания объекта и предмета лесонарушения в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных заключениях указывается о причинении преступлением вреда – «лесным насаждениям»,

1 Александров А. Н., Рудов Д. Н. Организация работы следователя (дознателя) на месте происшествий по уголовным делам о незаконной рубке лесных насаждений // Российский следователь. 2018. № 10. С. 3-6.

«окружающей среде», «лесному хозяйству Нского лесничества», «государству Российской Федерации» и т.д. Представляется наиболее правильной позиция, когда в процессуальных документах, отражающих ход расследования, будет указано о причинении вреда лесному фонду Российской Федерации.

Квалификация действий лиц, непосредственно совершающих незаконные рубки леса, как правило, не вызывает затруднений, однако, вместе с тем у органов предварительного следствия имеются вопросы по привлечению к ответственности лиц, которые не участвовали в непосредственной незаконной рубке леса, но оказывали помощь при трелевке и вывозе незаконно заготовленной древесины².

Рассматривая уголовные дела о совершении лесонарушений в составе группы лиц, суды исходят из того, что исполнителями преступления являются как лица, которые лично совершали действия по отделению ствола дерева от корня, то есть рубщики, так и те лица, кто оказывал им непосредственное содействие и участвовал в осуществлении процесса рубки.

Так, по уголовному делу, рассмотренному судьей, осужденные П. и Л. оспаривали обвинение по п. «а» ч. 2 ст. 260 УК РФ, мотивируя это тем, что сами лес не рубили, а только обрубали сучья у деревьев, уже сваленных рубщиком Д.

Судей доводы П. и Л. были признаны несостоятельными, поскольку осужденные совместно с Д. непосредственно участвовали в совершении лесонарушения. При этом, они руководствовались общей целью и намерены были путем незаконной рубки лесных насаждений завладеть древесиной. Характер действий каждого из участников группы был определен распределением ролей между ними.

При вынесении приговора, судья признал троих подсудимых виновными по ч. 3 ст. 260 УК РФ. Четвертый подсудимый во время рубки лесных насаждений трелевал лес, то есть с помощью трактора перемещал деревья от места рубки к месту разделки; судья в указанных действиях не усмотрел состав преступления и подсудимого оправдал.

По апелляционному представлению прокурора суд оправдательный приговор отменил и, признавая водителя трактора виновным по ч.3 ст. 260 УК РФ, указал о его совместном и в сговоре с другими осужденными непосредственном участии в совершении преступления. Незаконную рубку осужденные осуществляли, распределив между собой роли, действовали они согласованно, в том числе и водитель трактора.

Следует отметить, что в соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 18.10.2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» дано разъяснение, что под рубкой лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан следует понимать их валку (в том числе спиливание, срубание, срезание, то есть отделение различными способами ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня), а также иные технологически связанные с ней процессы (включая трелевку, частичную переработку и (или) хранение древесины в лесу).

Таким образом, соисполнительство по делам о лесонарушениях имеет место в случае совершения несколькими лицами в процессе незаконной рубки (повреждения) лесных насаждений одновременно и совместно согласованных между собой действий в целях достижения общей преступной цели.

В настоящее время наметилась тенденция увеличения количества незаконных рубок лесных насаждений не «черными лесорубами», а лицами, получившими разрешение на заготовку древесины, но использующими его с нарушениями (рубка лесных насаждений за пределами лесосеки, без проектов освоения лесов, а равно после истечения сроков их действия)³.

Расчеты ущерба, представляемые лесничествами, нередко содержат ошибки или применяются таксы, не предусмотренные методикой расчета ущерба, которые бывает трудно проверить ввиду отсутствия необходимых пояснений и ссылок.

Одной из существенных проблем при раскрытии и расследовании преступлений данной категории является обеспечение сохранности незаконно заготовленной древесины, а также крупногабаритной техники, изъятой по уголовным делам; в большинстве случаев решения принимаются исходя из региональной практики.

При расследовании преступлений, предусмотренных ст. 260 УК Российской Федерации, следует понимать, что основное доказательственное значение для уголовного дела имеют следы механических повреждений дерева, послуживших причиной его падения, что и подтверждает факт незаконной вырубki. В целях предотвращения порчи (гниения) незаконно поваленной древесины, после проведения следственных действий по фиксации следов преступления, достаточных для доказывания, является возможным применение к такому роду вещественного доказательства подпункта «б» пункта 1 части 2 ст. 82 УПК РФ, т.е. возврат законному владельцу – государству, в лице лесничества и лесопарков.

Таким образом, целесообразно незаконно добытую древесину передавать в лесничество (лесопарк), на учет которого находится лес, где она была незаконно заготовлена, либо в лесничество (лесопарк), в зоне деятельности которого она была обнаружена.

Вместе с тем, как показывает практика, успешному раскрытию и расследованию преступлений в сфере ЛПК способствует налаженное взаимодействие сотрудников лесничества с оперативными подразделениями ОВД при обнаружении лесонарушения; создание мобильных групп по выявлению лесонарушений (в состав которых должны входить сотрудник лесничества, оперуполномоченный УЭБиПК, следовательно, участковый); ежедекадные проверки и патрулирование оперативными службами ОВД и лесничими лесных массивов и автодорог (близ лесов) с целью выявления лесонарушений; при обнаружении лесонарушения, осуществление выезда на место происшествия лесничих совместно со следственно-оперативной группой, что позволяет раскрыть преступление «по горячим следам»; проверка близлежащих населенных пунктов с целью получения информации о преступлении и местах сбыта, складирования либо переработки леса; организация контроля за перевозкой лесопроизводства автомобильным и железнодорожным транспортом.

Подводя итог, следует отметить, что организация процесса расследования по уголовным делам о незаконной рубке лесных насаждений вызывает определенные сложности у практических сотрудников. В каждом отдельном случае необходим индивидуальный подход к процессу расследования, грамотное планирование следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, налаженное взаимодействие следователя с оперативными службами и экспертными подразделениями.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А. Н., Рудов Д. Н. Организация работы следователя (дознателя) на месте происшествия по уголовным делам о незаконной рубке лесных насаждений // Российский следователь. 2018. № 10. С. 3-6.
2. Хромов Е. В. Противодействие незаконным рубкам лесных насаждений // Законность. 2015. № 4. С. 33-36.
3. Янина И. Ю. Незаконная рубка лесных насаждений, совершенная путем посредственного причинения: особенности квалификации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 154-160.

2 Янина И. Ю. Незаконная рубка лесных насаждений, совершенная путем посредственного причинения: особенности квалификации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 154-160.

3 Хромов Е. В. Противодействие незаконным рубкам лесных насаждений // Законность. 2015. № 4. С. 33-36.

КОЛЕСНИКОВА Надежда Аркадьевна

кандидат политических наук, начальник Штаба УМВД России по г. Туле, старший научный сотрудник Института законоведения и управления ВПА, г. Тула

РАЗНООБРАЗИЕ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье проводится анализ статистической информации о преступлениях против собственности и мошеннических действиях, в том числе зарегистрированных на территории г. Тулы, приведены наиболее распространенные способы совершения мошенничеств и меры, принимаемые органами внутренних дел города, направленные на профилактику данных видов преступлений.

Ключевые слова: преступления в сфере собственности, мошенничества, распространённые способы совершения мошенничеств, меры профилактики.

KOLESNIKOVA Nadezhda Arkadjevna

Ph.D. in political sciences, Head of Headquarters of Internal Affairs Department of Russia for the city of Tula, senior researcher of the Institute of Jurisprudence and Management of All-Russian Police Association, city of Tula

Колесникова Н. А.

A VARIETY OF WAYS TO COMMIT FRAUD IN MODERN CONDITIONS

The article provides an analysis of statistical information on crimes in the field of property and fraud, including those registered in the city of Tula, the most common ways of committing fraud and measures taken by the internal affairs bodies of the city, aimed at preventing these types of crimes.

Keywords: crimes in the sphere of property, fraud, widespread ways of committing fraud, preventive measures.

Анализ статистической информации свидетельствует о том, что на протяжении ряда лет значительное место в структуре преступности занимают преступления против собственности, в том числе мошенничества.

Так, согласно официальным данным МВД России в 2018 году половину всех зарегистрированных преступлений (51,3 %) составили хищения чужого имущества, совершённые путём: кражи, мошенничества, грабежа, разбоя. В 2017 году доля указанных составов преступлений в общем массиве преступности по России составляла 52,3 %, в 2016 году – 44 %.

При этом доля мошенничеств в общей структуре преступности за последние 5 лет возросла с 7,4 % в 2014 году до 10,7 % по итогам 2018 года¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указано, что способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со статьями 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом².

Ответственность же за нарушение статьи 159.6 УК РФ наступает за хищение чужого имущества или приобретение права на него путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

На территории г. Тулы за 2018 год зарегистрировано 696 фактов мошеннических действий (2017 г. - 749, -7,1 %). Их удельный вес в общем массиве зарегистрированных по городу преступлений составил 12,3 %.

Раскрыто за 2018 год 159 мошенничеств (2017 г. – 144, +10,4 %).

При этом 497 мошенничеств остались нераскрытыми (за 2017 г. – 583).

Динамика мошеннических действий, зарегистрированных на территории г. Тулы (с 2014 по 2018 г.г.), свидетельствует о том, что за последние 5 лет произошел рост данного вида преступлений более чем в два раза или на 128,9 %.

Проведенный анализ нераскрытых мошенничеств показал, что в основном предметом данного вида хищений являлись именно денежные средства. По времени -наибольшее количество мошенничеств в городе совершено в дневное время суток с 12.00 ч. до 18.00 ч.

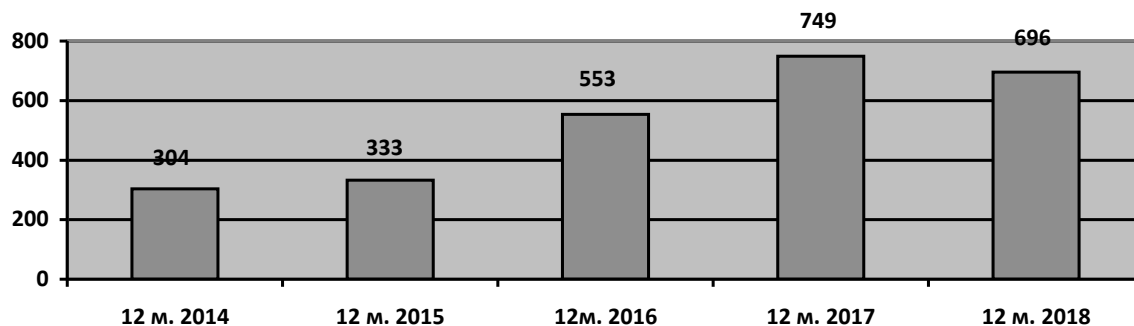
Анализ нераскрытых мошенничеств позволил выделить следующие распространенные способы их совершения:

1. Способ: получил распространение в связи с развитием информационных технологий и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», когда потерпевший, под тем или иным предлогом, сообщает номер счета своей банковской карты мошенникам. Впоследствии, с указанного счета без волеизъявления потерпевшего снимаются денежные средства или деньги переводятся на иные счета;

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт.- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/15304733/> (дата обращения: 09.01.2019).

2 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате / Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Рос. газ. – 2017. – 11 дек. – № 280.

Динамика мошенничеств, зарегистрированных в г. Туле с 2014 по 2018 гг.

2. *Способ*: внесение предоплаты за приобретаемый по объявлению товар на указанный мошенниками номер счета. После перечисления денежных средств номер телефона «продавца», как правило, перестает отвечать;

3. *Способ*: перечисление денежных средств на указанные мошенниками счета или передача их лично преступникам, в случае желания помочь своим близким, попавшим, по словам мошенников в «тяжелую жизненную ситуацию», чаще всего мошенники указывают на дорожно-транспортное происшествие.

Как действовать: сразу прервать разговор и перезвонить родственнику или знакомому, о котором идет речь. Если телефон отключен, связаться с его друзьями, коллегами для уточнения информации.

При СМС – просьбе о помощи. Например, «... у меня проблемы, переведи мне 900 рублей на этот номер. Мне не звони, перезвоню сам». В данной ситуации рекомендуется не пересылать деньги и связаться с родственником.

Телефонные вирусы. Например, «Вам пришло ММС – сообщение. Для получения перейдите по ссылке...». По ссылке не переходить.

Выигрыш в лотерее. Например, «На телефон звонит ведущей якобы популярной радиостанции и поздравляет с выигрышем. Чтобы получить приз, необходимо в течение минуты перезвонить на радиостанцию. Впоследствии перезвонившему лицу, отвечает сотрудник «призового фонда» и снимаются денежные средства. Следовательно, в таких случаях перезванивать не следует.

Если на телефон поступает звонок или приходит SMS – сообщение: «*Ваша карта заблокирована*», просьба сообщить № карты и ПИН код. Никогда нельзя сообщать данные сведения. А, в случае утраты карты, ее необходимо незамедлительно заблокировать.

Таким образом, способов совершения мошенничеств с использованием мобильных средств связи, интернет-технологий, пластиковых карт, а также путем размещения объявлений о продаже товаров на сайтах становится все больше.

Согласно опросу общественного мнения, проведенного ВЦИОМ, сталкиваться с противоправными действиями, связанными с сотовой связью и интернет-сервисами приходилось около трети наших сограждан (31 %). Наибольшие опасения у респондентов вызывают случаи хищения денег с банковских карт и электронных счетов, а также персональной информации – об этом сказали по 65 % респондентов, соответственно. Чувство защищенности от рисков такого рода испытывают сегодня только 36 % россиян, тогда как 58 % скорее ощущают свою незащищенность³.

3 Безопасность в информационном обществе: вызовы нового века. Опрос общественного мнения от 11.11.2017 // Всероссийский

При этом, как отменено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа.

В связи с распространением интернет-хищений Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ в часть 3 статьи 158 УК РФ введен пункт «г» – кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств⁴.

Однако, используемые при совершении мошенничеств и иных интернет-хищений счета и платежные карты финансовых и кредитных организаций, а также sim-карты операторов связи оформляются в разных регионах Российской Федерации. Данный факт является одной из причин низкой раскрываемости указанных видов преступлений.

Широкое распространение в последнее время получили и так называемые «социальные мошенничества», то есть мошеннические действия в отношении пожилых граждан. Данный вид преступных деяний, в отличие от других видов хищений, имеет зачастую хорошо спланированный характер. Согласно разработанному плану, преступники под видом социальных работников, вводят в заблуждение пожилых граждан, заставляя их предоставлять денежные средства, например, для их обмена. Одной из причин низкой эффективности работы по их раскрытию является тот факт, что потерпевшие в связи с престарелым возрастом, не могут четко изложить обстоятельства совершенного преступления и приметы преступников.

Нередко мошенники работают в группе и используют обман, лишь с целью проникновения в жилое помещение, а уже после этого совершают кражи имущества, пока соисполнитель отвлекает потерпевшего, например:

1) *способ*: женщины представляются работниками СОБЕСА или Совета ветеранов и под предлогом оказания социальной помощи просят пройти в жилое помещение с целью написания соответствующего заявления. Также могут использоваться и иные предлоги, например, бесплатная выдача лекарств. Приходят к одиноким престарелым людям, могут знать их фамилии и имена. В процессе общения отвлекают внимание гражданина, создавая тем самым благоприятные условия для хищения денежных средств сообщником.

центр изучения общественного мнения: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=505> (дата обращения: 28.12.2018).

4 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Рос. газ. – 2018. – 25 апр. – № 88.

Суммы от небольших до достаточно значительных (свыше 200 тысяч рублей). Время с 10-00 ч. до 16-30 ч. (пока соседи на работе). Приметы: 2 женщины не европейского типа, больше похожи на цыганок или молдаванок, неброская одежда, на вид лет 40-45;

2) *способ*: женщина европейской внешности на вид от 40-50 лет, представляется сотрудницей «Электронадзора» или «Электросети», говорит о возвращении денег, переплаченных жильцом за электроэнергию. Просит показать квитанции об оплате. Отдает тысячную или иную крупную купюру и просит дать сдачи. При получении сдачи запоминает местонахождение денежных средств. Затем просит хозяина включить свет по всей квартире и в этот момент похищает денежные средства. Время совершения с 10-00 ч. до 16-30 ч.;

3) *способ*: на улице женщина цыганской внешности на вид от 50 до 55 лет говорит о наличии у потерпевшей «порчи», которую необходимо снять. Для этого необходимы денежные средства и иные предметы (например, иголка, полотенце и т.п.). В процессе разговора к потерпевшей подходит другая женщина, которой якобы уже помогли ранее снять порчу. Данная женщина сопровождает потенциальную жертву домой за денежными средствами, которые передаются мошенницам. Суммы от незначительных до десятков тысяч рублей. Рассчитано на людей любого возраста, но чаще подростков и женщин.

В целях раскрытия и профилактики мошенничеств в органах внутренних дел, в том числе в УМВД России по г. Туле, проводится значительная работа, а именно: информация о наиболее распространенных способах мошенничеств освещается в средствах массовой информации, доводится на встречах с населением и с трудовыми коллективами; создаются специализированные подразделения по раскрытию мошенничеств, совершенных с использованием средств электронных платежей и (или) мобильных телефонов; обеспечивается размещение агитационной информации на подъездах домов; участковыми уполномоченными полиции совместно с сотрудниками оперативных подразделений и подразделений по вопросам миграции проводятся профилактические рейды; оперативным путем отрабатываются лица, склонные к совершению имущественных преступлений, ранее судимые за совершение аналогичных преступлений; осуществляется обмен оперативной информацией с сопредельными ОВД и регионов в отношении групп с межрегиональными связями, совершающих мошенничества и иные хищения, в том числе под предлогом оказания социальной помощи престарелым гражданам; проводятся целевые оперативно-розыскные, профилактические и технические мероприятия по предупреждению, пресечению и раскрытию мошенничеств; в подразделениях Соцзащиты населения проводятся выступления и разъяснительная работа с пожилыми гражданами, направленная на повышение бдительности и осмотрительности, доведении информации о наиболее распространенных способах совершения мошенничеств, с целью снижения «виктимологического» аспекта в поведении потерпевших, раздаются специально разработанные памятки; проводится разъяснительная работа с сотрудниками банков, осуществляющих расчетно – кассовое обслуживание, о необходимости при обращении граждан пожилого возраста для снятия или перевода крупных денежных средств, доводить до них информацию о видах и способах совершения мошенничеств, а также информировать о данных фактах органы внутренних дел.

Однако, рост числа мошеннических действий, в том числе с использованием интернет-технологий, это тенденция не только конкретного города, но и общероссийская тенденция.

На современном этапе для борьбы с интернет-хищениями необходима более эффективная техническая оснащённость подразделений полиции.

Также хочу обратить внимание, что повышение бдительности граждан и своевременное информирование органов внутренних дел о фактах совершения преступлений, в том числе мошенничеств, позволит сотрудникам полиции незамедлительно принять меры реагирования и минимизировать последствия от их совершения. Работа полиции на современном этапе развития общества невозможна без конструктивного взаимодействия с гражданским населением. Такое взаимодействие не только способствует повышению доверия граждан к работе органов внутренних дел, но и позволит своевременно реагировать на поступающие сигналы с целью пресечения преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Рос. газ. – 2018. – 25 апр. – № 88.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате / Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Рос. газ. – 2017. – 11 дек. – № 280.
3. Безопасность в информационном обществе: вызовы нового века. Опрос общественного мнения // Всероссийский центр изучения общественного мнения: официальный сайт. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=505> (дата обращения: 28.12.2018).
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/15304733/> (дата обращения: 09.01.2019).

МАННА Аммар Абдуль Карим

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

ИГНАТОВА Милена Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН

Введение: В статье рассматривается понятие, система половых преступлений, а также меры и виды наказаний за такие деяния в мусульманских странах. Проведен сравнительный анализ уголовного законодательства мусульманских стран в отношении совершения половых преступлений.

Цель: сформировать представление об уголовной ответственности за преступные деяния, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности в мусульманских странах.

Методы: методологическую основу научной статьи составила совокупность методов и приемов научного познания, свойственных науке правоведения. В частности, использовались сравнительно-правовой, диалектический, структурно-функциональный, формально-логический метод.

Результаты: анализ законодательства и уголовно-правовых теорий ряда мусульманских стран показывает, что половые преступления относятся к категории деяний, нарушающих моральное и божественное право. Согласно закону шариата сексуальное насилие рассматривается как принудительная цина и относится к категории преступных деяний хадиса. Как и в большинстве стран мира среди половых преступлений в мусульманских странах наиболее тяжким считается изнасилование.

Выводы: уголовное законодательство мусульманских стран не является однородным. Ряд стран (например, Иран, Пакистан, Ирак, Ливия, Саудовская Аравия, Арабские Эмираты), в которых государственной религией является ислам, основывают уголовную ответственность на нормах мусульманского права. В других странах, где ислам также является государственной религией, уголовное право создавалось под влиянием европейского континентального законодательства и включает лишь отдельные элементы мусульманского права. К таким странам относятся, например, Марокко, Сирия, Ливан, Иордания. Наиболее тяжким половым преступлением в странах мусульманского права считается изнасилование. Под изнасилованием исламский закон понимает принудительную форму блуда или прелюбодеяния. Наказания за изнасилование в различных мусульманских странах варьируются от порки до смертной казни. В некоторых странах, например, Саудовской Аравии, наказание может быть применено не только к насильнику, но и к потерпевшему. Уголовное право многих мусульманских стран не предусматривает ответственности за изнасилование, совершенное в браке. В мусульманских странах существуют также такие половые преступления, как прелюбодеяние и калечащие операции на женских половых органах. В большинстве мусульманских стран ответственность за половые преступления регулируется уголовным законом.

Ключевые слова: исламское право, страны мусульманского мира, половые преступления, изнасилование

MANNA Ammar Abdul Karim

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

IGNATOVA Milena Alekseevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

SEXUAL CRIMES IN THE CRIMINAL LAW OF MUSLIM COUNTRIES

Introduction: The article discusses the concept, system of sexual crimes, as well as the measures and types of punishments for such acts in Muslim countries. A comparative analysis of the criminal law of Muslim countries in relation to the commission of sexual crimes was carried out.

Objective: to form an idea of criminal responsibility for criminal acts that violate the sexual integrity and sexual freedom of the individual in Muslim countries.

Methods: the methodological basis of a scientific article consists of a set of methods and techniques of scientific knowledge characteristic of the science of jurisprudence. In particular, a comparative legal, dialectical, structural-functional, formal-logical method was used.

Results: analysis of legislation and criminal legal theories of a number of Muslim countries shows that sex crimes fall into the category of acts that violate moral and divine law. According to Sharia law, sexual abuse is considered as compulsory *qinayah* and belongs to the category of criminal acts of *Hadith*. As in most countries of the world, rape is considered the most serious among sexual crimes in Muslim countries.

Conclusions: the criminal law of Muslim countries is not homogeneous. A number of countries (for example, Iran, Pakistan, Iraq, Libya, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, in which Islam is the state religion, base criminal liability on the norms of Islamic law. In other countries where Islam is also the state religion, criminal law was created under the influence of European continental legislation and includes only certain elements of Islamic law. These countries include, for example, Morocco, Syria, Lebanon, Jordan. Rape is considered the most serious sexual crime in Islamic law countries. Under rape, Islamic law understands a compulsory form of fornication or adultery. Punishments for rape in various Muslim countries range from spanking to death penalty. In some countries, for example, in Saudi Arabia, not only the rapist, but also the victim may be punished. The criminal law of many Muslim countries does not provide for liability for rape committed during marriage. In Muslim countries, there are also such sex crimes as adultery and female genital mutilation. In most Muslim countries, liability for sexual offenses is regulated by criminal law.

Keywords: Islamic law, countries of the Muslim world, sex crimes, rape.

Сексуальное насилие происходит во всем мире. Хотя в большинстве стран было мало исследований, проведенных по этой проблеме. Имеющиеся данные подтверждают, что в некоторых странах почти каждый четвертый человек может подвергнуться половому насилию или сообщает о своем первом вынужденном сексуальном опыте.

Сексуальное насилие оказывает глубокое влияние на физическое и психическое здоровье. Кроме того, оно связано с увеличением риска утраты ряда сексуальных и репродуктивных функций, то есть имеет долгосрочные последствия. Его влияние на умственное здоровье может быть столь же серьезным, как и физическое воздействие. В результате полового насилия человек может даже лишиться себя жизни. Сексуальное насилие может глубоко повлиять на социальное благополучие жертв; пострадавшие могут подвергаться стигматизации, остракизму со стороны семей и других лиц.

Принудительный секс приводит к сексуальному удовлетворению преступника, хотя основополагающее назначение преступления часто является выражением власти и доминирования над другим человеком.

Половые преступления – это общественно опасные и умышленные деяния против охраняемых законом половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также действия, направленные против нравственного и физического развития лиц, не достигших совершеннолетия.

Изнасилование – это одно из наиболее тяжких преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В РФ данное преступление, предусмотренное частями первой и второй ст. 131 УК относится к категории тяжких, а частями третьей и пятой ст. 131 УК – к категории особо тяжких.

Объективная сторона изнасилования состоит в половом сношении с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей¹.

В исламе человеческая сексуальность регулируется Божьим законом. Соответственно, сексуальное посягательство рассматривается как нарушение морального и божественного права. Изнасилование считается серьезным сексуальным преступлением в исламе. Исламский закон (шариат) рассматривал преступление сексуального насилия, как принудительную цину и, следовательно, преступление хадиса.

Мусульманское право отражает принципы и положения ислама, приверженцами которого являются более 800 миллионов жителей земли.

В современном мире ряд стран, в которых государственной религией является ислам, основывает уголовную ответственность на принципах мусульманского права. К ним относятся Иран, Пакистан, Ирак, Ливия, Саудовская Аравия, Арабские Эмираты и др.

В то же время в некоторых арабских странах, где ислам также является государственной религией, уголовное право создавалось под влиянием европейского континентального законодательства и включает лишь отдельные элементы мусульманского права. К ним относятся, например, Марокко, Сирия, Ливан, Иордания.

Несмотря на явный консерватизм, мусульманское право развивалось под влиянием ряда школ суннитского и шиитского направлений ислама. Поэтому иджтихад означал возможность выбора наиболее подходящих для рассматриваемого дела предписаний.

Определение преступлений и их тяжести в мусульманском праве основывается на догматах религии. Признается пять основных ценностей ислама. Это религия, жизнь, раз-

ум, продолжение рода, собственность. Преступления, посягающие на эти ценности, признаются тяжкими и караются наиболее серьезно.

Исламское право не предусматривает четкого состава преступного деяния. Оно делит преступления на три разные категории в зависимости от характера посягательства:

- хууд (преступления «против Бога»);
- кисас (преступления против человека или семьи);
- тазир (преступления, наказание которых не указано

в Коране и хадисах, и оставляется на усмотрение правителя или Кади, т. е. судьи). Некоторые добавляют четвертую категорию «сияса» (преступления против правительства), в то время как другие считают ее частью преступлений хадда или тазира.

Традиционные суды шариата, в отличие от современных западных судов, не используют присяжных или прокуроров от имени общества. Преступления против Бога подвергаются уголовному преследованию со стороны государства, как преступления хууд, а все другие уголовные дела, в том числе убийства и телесные повреждения, рассматриваются как споры между лицами с исламистским судьей, принимающим решение об исходе на основе шариата.

На практике, с самого начала в истории ислама, уголовные дела обычно рассматривались судами, управляемыми властями, или местной полицией, используя процедуры, которые были только слабо связаны с шариатом. В современную эпоху уголовные законы, основанные на шариате, были широко заменены уставами, вдохновленными европейскими моделями, хотя в последние десятилетия несколько стран вновь включили элементы исламского уголовного законодательства в свои кодексы под растущим влиянием исламистских движений.

Таким образом, в зависимости от характера преступления и порядка назначения наказаний, а также их видов все преступления делятся на три основные группы (категории): хадд, кисас и тазир.

Некоторые арабские страны добавляют, что к категории хадд относятся преступления, посягающие на «права Аллаха» и, как правило, связанные с нарушением основных ценностей ислама, за что установлены строго фиксированные наказания.

Прелюбодеяние, т.е. внебрачные половые отношения, караются 100 ударами палкой каждому виновному².

Обычно в уголовном законодательстве стран мусульманской системы праванет ни определения наказания, ни его целей. Теоретики ислама выделяют следующие признаки наказания: законность, персональность и публичность. Говоря о целях, они чаще всего упоминают общее и частное наказание. При этом в случае совершения преступлений, затрагивающих интересы общества, преследуется цель общего наказания, а в остальных случаях – цель частного наказания. Таким образом, в исламской доктрине одним из самых спорных является понимание уголовного наказания и его целей в плане соответствия религиозным предписаниям.

Мусульманское право, как и правовые системы классического древнего Ближнего Востока, не содержит истинного эквивалента современной концепции изнасилования, которая, в свою очередь, основана на современных представлениях об индивидуальной автономии и неприкосновенности тела. В современных условиях изнасилование в мусульманских странах понимается как нарушением сексуальной автономии другого человека. В общинных и патриархально ориентированных обществах поздней античности сексуальность женщины была истолкована как нечто контролируемое ее законным опекуном или владельцем, а не ее индивидуальным контролем. Таким образом, категория принудительного

1 Власов А. Э. Понятие и структура преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в современном российском законодательстве // Концепт. – 2015. – № 05. – С. 22

2 Жалинский А. Э. Избранные труды. Уголовное право. – М.: ВШЭ, 2015. – 499 с.

сексуального нарушения не была четко дифференцирована от других категорий, таких, как консенсуальное нарушение сексуальных норм (соблазнение).

Рассматривая основные положения мусульманского уголовного права, необходимо учитывать, что предписания ислама делятся на три группы:

1) идеологические (основы религии) – система, формирующая мышление и идеологию мусульманина (человека), которая предполагает убежденность в правильности веры, веру в Бога, в Его посланников, Судный день и т.д.;

2) практические (предписания и законы) – предписания, которые включают в себя дозволения и запреты, а также порядок их соблюдения при наличии правильной веры и поклонения Всевышнему;

3) нравственные – руководства, воспитывающие человека и обеспечивающие его духовное развитие³.

В ряде арабских государств, таких как Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, нет законодательного определения преступления⁴.

Исламский закон определил, что сегодня принято называть «изнасилованием» — в качестве принудительной формы блуда или прелюбодеяния (цина). Это базовое определение изнасилования означало, что все правовые принципы, относящиеся к цине – ее определение, наказание и установление через доказательства, также применимы к изнасилованию. Прототипический акт цины был определен как половой акт между мужчиной и женщиной. Большинство половых преступлений носит принудительный характер, включая применение физической силы, наличие принуждения или угрозу будущего вреда потерпевшему лицу. Мусульманские юристы с самого раннего периода исламского права соглашались с тем, что исполнители принудительной цины должны подвергаться наказанию, обычно применяемое к их личному и сексуальному статусу, но наказание не должно назначаться жертвам принудительной или бесконтактной цины.

Начиная с ранних исламских государств восьмого и девятого веков, исламский закон (известный на арабском языке как шариат) всегда существовал наряду с другими нормативными системами.

В шариате некоторые преступления известны как худуд, для которых существуют конкретные наказания, указанные исламом. Например, согласно некоторым интерпретациям, прелюбодеяние наказывается забрасыванием камнями, блуд и употребление алкоголя — ампутирование конечностей. Многие преимущественно мусульманские страны не применяют санкции в отношении худуд в своих системах уголовного правосудия. Самые суровые наказания соблюдаются с различной степенью согласованности, и хотя большинство мусульманских стран принимают различные аспекты шариата, некоторые страны могут принять только несколько аспектов, тогда как другие применяют весь код шариата. Использование порки более распространено по сравнению с наказаниями, такими как ампутации.

Принятие и соблюдение требований шариата в правовой системе стран со значительными мусульманскими меньшинствами являются активной темой международных дебатов. Попытки ввести новшества или расширить шариат сопровождались разногласиями, насилием и даже войнами.

Во многих мусульманских странах в законодательстве отсутствуют нормы об уголовной ответственности за половые преступления. Статистика совершенных изнасилований в Саудовской Аравии была исследована различными наблюдателями и организациями. В 2002 году сексуальные преступления составляли

0,3% изнасилования на 100 000 населения⁵. Согласно законам шариата, наказание, вынесенное судом насильнику, может варьироваться от порки до лишения свободы. Однако в Саудовской Аравии нет уголовного кодекса, и нет письменного закона, который конкретно предусматривает уголовную ответственность за изнасилование или предписывает его наказание. Кроме того, нет запрета на изнасилование в браке.

В Саудовской Аравии ответственность за изнасилование обычно возлагается как на подсудимого, так и на потерпевшего, а в некоторых случаях жертва может быть приговорена к еще более суровому наказанию.

Приговоры за случаи изнасилования также крайне неоднородны в Саудовской Аравии. В феврале 2013 года саудовский проповедник изнасиловал, подвергал пыткам и убил свою 5-летнюю дочь. Он был приговорен к восьми годам лишения свободы, 800 ударов плетью и штрафу в размере одного миллиона риялов (270 000 долларов США), которые должны быть выплачены матери девочки, его бывшей жене⁶. В противоположность этому: пакистанский гражданин был обезглавлен после того, как был признан виновным в изнасиловании⁷.

В Египте, как правило, не сообщают об изнасиловании из-за страха перед социальным отторжением, также и в культурной традиции это не принято. Египет остается одной из наиболее распространенных стран для принудительного брака, а также брака с детьми, наряду с Саудовской Аравией и Йеменом.

Насилие в течение десятилетий являлось серьезной социальной и правовой проблемой в Египте. Двумя основными законодательными актами, защищающими женщин от сексуального насилия, являются египетская Конституция 2014 года и Уголовный кодекс 1937 года и поправки к нему. Египетская конституция 2014 года не только сохранила права, предоставленные женщинам в предыдущих египетских конституциях, но также ввела больше прав, направленных на защиту женщин от других форм насилия и дискриминации.

Египетский Уголовный кодекс делит насильственные преступления в отношении женщин на проступки и уголовные преступления. Среди проступков – сексуальное домогательство и калечащие операции на женских половых органах. Фелонии состоят из изнасилования, похищения женщин и сексуального насилия. За последние двадцать лет положения Уголовного кодекса Египта были изменены в плане усиления существующих наказаний за акты сексуального насилия и криминализации ряда насильственных действий против женщин, которые ранее не считались преступлениями.

Уголовная палата Кассационного суда Египта в нескольких решениях изложила требования об осуждении лиц, совершивших сексуальное насилие в отношении женщин. В Уголовном кодексе Египта также содержатся отягчающие обстоятельства.

Уголовно-процессуальный кодекс Египта 1950 года и поправки к нему регулируют судебное разбирательство по уголовным делам, связанным с сексуальными преступлениями против женщин. Они также регулируют роль прокуратуры, правоохранительных органов и медицинских экспертов в процессе расследования сексуальных проступков и уголовных преступлений.

В соответствии с Кодексом основные функции прокурора получают и расследуют жалобы потерпевшего, передают дело в компетентный суд в форме обвинительного заключения.

5 Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств: монография / А. В. Петровский. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. — С. 64.

6 Саудовского проповедника посадили за изнасилование и убийство своей дочери. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://lenta.ru>

7 Пакистанец был казнен в Саудовской Аравии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru>

3 Исламское право: учеб. пособие / сост. Мухаммад Реза Мошфеги-Пур; пер. с фарси, предисл. — М.: Якорь, 2010. — С. 5-6.

4 Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств: монография / А. В. Петровский. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. — С.20.

Египетская правовая система связана принципами международного права, в том числе закрепляющими права женщин. 18 сентября 1981 года арабская Республика Египет ратифицировала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ). Египет также признает Декларацию ООН 1993 года об искоренении насилия в отношении женщин. Соответственно, Уголовный кодекс Египта предусматривает уголовную ответственность за некоторые формы насилия, указанные в статье 2 Декларации 1993 года, такие как сексуальное насилие, изнасилование, калечащие операции, сексуальные домогательства, и торговля женщинами.

Криминализация насилия в отношении женщин в соответствии с Уголовным кодексом Египта основана не только на западных международных правовых стандартах, но также на влиянии принципов исламского права, поскольку египетская конституция 2014 года устанавливает ислам как основной источник египетского законодательства.

Половые преступления в уголовном законодательстве Ирана караются смертной казнью. Смертная казнь является основным наказанием в Иране. Преступления, наказуемые смертной казнью, включают убийство; изнасилование; растление детей; содомию; распространение наркотиков; вооруженное ограбление; похищение людей; терроризм; кражу со взломом; педофилию; гомосексуализм и т.д. В 2016 году Иран провел не менее 567 казней, что значительно меньше, чем в 2015 году⁸. Иран настаивает на том, что смертная казнь осуществляется только после длительного судебного процесса. Иранские официальные лица ссылаются на то, что они ведут широкомасштабную войну с половыми преступлениями.

Иран привлек внимание и критику западных средств массовой информации за якобы проведенные казни несовершеннолетних, несмотря на то, что Иран подписал Конвенцию о правах ребенка, которая запрещает смертную казнь несовершеннолетних правонарушителей за половые преступления, совершенные в возрасте до 18 лет. Иран также подвергся критике за якобы осуществление смертной казни.

В Ираке Уголовный кодекс 1969 года, принятый партией баасистов, криминализировал сексуальное поведение только в случаях прелюбодеяния, инцеста, изнасилования, проституции, публичных актов или дел, связанных с мошенничеством. Гомосексуализм как таковой не был преступлением, но мог служить оправданием для дискриминации и преследования со стороны правительства в соответствии с законами, предназначенными для защиты национальной безопасности и общественной морали.

В 2001 году была принята Резолюция 234, в которой установлена смертная казнь за прелюбодеяние, участие в проституции, а также совершение преступления содомии с мужчиной или женщиной, которое нарушает честь мужчины или женщины без его или ее согласия и под угрозой насилием.

В Марокко наказание за изнасилование предусмотрено в разделе Уголовного кодекса, в котором рассматриваются преступления против нравственности. Кроме того, закон, касающийся наказания за изнасилование, вызывает много вопросов. Изнасилование наказывается более снисходительно, если женщина не теряет девственность в результате изнасилования. Статья 488 Уголовного кодекса прямо рассматривает потерю девственности как отягчающее обстоятельство при вынесении приговора. Вполне вероятно, что это противоречие можно проследить до понимания изнасилования как преступления против «честь» семьи: изнасилование женщины, уже не являющейся девственницей, рассматривается как менее серьезное дело, потому что оно менее позорно для ее семьи.

Стоит отметить, что тот же раздел Уголовного кодекса, который касается изнасилования, также наказывает всех лиц любого пола, которые не состоят в браке, но имеют сексуаль-

ные отношения. Это чрезвычайно проблематично, поскольку оно демонстрирует регрессивное понимание сексуальных отношений внутри общества и стигматизирует любую сексуальную деятельность, которая происходит вне брачного отношения.

Пакистан входит в число тех стран, где 70% женщин и девочек испытывают физическое или сексуальное насилие в своей жизни со стороны своих близких партнеров, а 93% женщин сталкиваются с формой сексуального насилия в общественных местах⁹. Большинство насильственных преступлений, совершенных в отношении женщин, строго запрещены законами Пакистана. К запрещенным деяниям относятся вступление в брак с ребенком, сексуальное насилие, бытовое насилие, каро-кари, похищение людей и преследование. Однако за все время действия Уголовного кодекса нормы об ответственности за половые преступления законы часто не применялись. Насилие в отношении женщин растет на гендерной почве.

В течение 19 веков исламском мире уголовные законы, основанные на шариате, были заменены уставами, вдохновленными европейскими моделями почти повсеместно, за исключением некоторых особенно консервативных регионов, таких как Аравийский полуостров. Исламское возрождение конца 20 века вызвано призывами исламистских движений для полного восстановления права шариата. Восстановление наказаний, предусмотренных Кораном, имеет особое символическое значение для этих групп населения, и их сторонники часто игнорируют строгие традиционные ограничения на применение наказаний шариата. На практике в странах, где наказания были включены в уголовный кодекс под давлением исламистов, их использовали редко или вообще не применяли, и их назначение варьировалось в зависимости от местного политического климата. Использование таких наказаний становится предметом критики и дебатов.

Таким образом, половые преступления в мусульманских странах регулируются Уголовным Кодексом, за исключением некоторых арабских стран. Сравнительный анализ уголовного права мусульманских стран показал, что, в большинстве случаев, наказания за половые преступления исполняются не демократичными методами (забивание камнями, смертная казнь, удары плетью), реже назначается срочное тюремное заключение.

Пристатейный библиографический список

1. Жалинский А. Э. Избранные труды. Уголовное право. — М.: ВШЭ, 2015. — 591 с.
2. Исламское право: учеб. пособие / сост. Мухаммад Реза МошфегиПур; пер. с фарси, предисл. — М.: Якорь, 120 с.
3. Власов А. Э. Понятие и структура преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в современном российском законодательстве // Концепт. — 2015. — № 05. — С. 22 — 27.
4. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств: монография / А. В. Петровский. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. — 109 с.
5. Пакистанец был казнен в Саудовской Аравии. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.interfax.ru>.
6. Саудовского проповедника посадили за изнасилование и убийство своей дочери. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://lenta.ru>.

8 Исламское право: учеб. пособие / сост. Мухаммад Реза Мошфеги Пур; пер. с фарси, предисл. — М.: Якорь, 2010. — С. 20.

9 Исламское право: учеб. пособие / сост. Мухаммад Реза Мошфеги Пур; пер. с фарси, предисл. — М.: Якорь, 2010. — С. 27.

ШТЫКОВА Екатерина Руслановна

ассистент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ КАК ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

На основе анализа юридической литературы и материалов судебной практики исследуются признаки организованной преступной группы как формы соучастия в преступлении. Автором отмечается, что существуют законодательные признаки организованной преступной группы и признаки, которые сформулированы Верховным Судом РФ. Особое внимание уделяется тому факту, что для преступления в составе организованной преступной группы характерна более высокая общественная опасность, чем для преступления, совершенного группой лиц.

Ключевые слова: организованная преступная группа, форма соучастия, преступление, группа лиц.

SHTYKOVA Ekaterina Ruslanovna

assistant of Civil law and process sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

SIGNS OF AN ORGANIZED CRIMINAL GROUP AS A FORM OF COMPLICITY IN A CRIME: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Based on the analysis of legal literature and materials of judicial practice, the signs of an organized criminal group as a form of complicity in a crime are investigated. The author notes that there are legislative signs of an organized criminal group and signs that are formulated by the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is paid to the fact that a crime within an organized criminal group is characterized by a higher public danger than a crime committed by a group of persons.

Keywords: Organized criminal group, form of complicity, crime, group of persons.

Одной из форм соучастия в преступлении является организованная преступная группа. В силу ч. 3 ст. 65 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Таким образом, законодатель выделяет два признака организованной преступной группы, а именно устойчивость группы лиц, а также предварительное объединение участников для совершения одного или нескольких преступлений. Признак устойчивости организованной преступной группы не свидетельствует о том, что должно совершаться несколько преступлений. Это может быть и одно преступление, к осуществлению которого группа готовится продолжительное количество времени. В судебной практике сложилась следующая позиция по вопросу устойчивости группы: об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как наличие в ее составе организатора (руководителя), наличие заранее разработанного плана, предварительная подготовка, распределение функций между членами группы, длительность подготовки данного преступления, а также иные обстоятельства¹. Под иными обстоятельствами обычно понимается специальная подготовка организованной преступной группы². Таким образом,

Верховный Суд РФ не дает понятия устойчивости, выделяя только общие признаки, перечень которых является открытым. Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов характеризуют признак устойчивости организованной преступной группы пишут, «что определяющим признаком организованной группы, характеризующим ее устойчивость, является наличие организатора или руководителя группы. Именно организатор создает группу, осуществляя подбор соучастников, распределяет роли между ними, устанавливает дисциплину и т.п., а руководитель обеспечивает целенаправленную, спланированную и слаженную деятельность как группы в целом, так и каждого ее участника»³. При этом, как следует из материалов судебной практики, отсутствие организатора или явного лидера, не является безусловным основанием, указывающим на отсутствие организованной преступной группы, то есть организованная преступная группа может существовать и без лидера, руководителя или организатора⁴.

Вторым признаком организованной преступной группы, указанным в законе, является предварительное объединение участников для совершения одного или нескольких преступлений. Как пишет Ю. Е. Пудовочкин, «предварительная объединенность предполагает, что при предварительном сговоре между соучастниками, путем подчинения их воли общей цели совместного совершения преступления на этапе приготовления к преступному посягательству возникает сплоченная группа, способная функционировать в качестве

1 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс и др.

2 О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

3 Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. М., 1997. С. 9.

4 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 1999 года: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 06.10.1999. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

отдельного коллективного субъекта»⁵. Как представляется, предварительная объединенность организованной преступной группы не менее важный признак, чем устойчивость. Вместе с тем, если признак устойчивости больше направлен на разграничение организованной преступной группы, то признак предварительной объединенности на совершение одного или нескольких преступлений указывает на общественную опасность деяния в такой форме соучастия. Объединенность участников, которые имеют единую волю на достижение общей (преступной) цели, свидетельствует о значительно большей степени общественной опасности деяния. А. А. Арутюнов отмечает, что «организованная преступность представляет собой квинтэссенцию, крайнее выражение таких предшествующих явлений, как совершение преступлений в различных формах совместности»⁶. Между тем, в научной юридической литературе сформировалась точка зрения о том, что наличие единой воли нескольких лиц, направленной на достижение единой цели, указывает на наличие специального субъекта преступления – организованной преступной группы⁷. По нашему мнению, такая точка зрения не совсем верная, так как закон прямо указывает на то, что субъектом преступления является физическое лицо, а не группа лиц, объединенная единой волей.

Еще одним признаком, который прямо в законе и не указан, но следует из конструкции статьи 35 УК РФ – это количество участников. В связи с тем, что в законе прямо не указано иного, то следует, что группой лиц, о которых говорится в ч. 3 ст. 35 УК РФ, может быть, как минимум, два участника. Об этом, в частности, указывает п. 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», согласно которому «под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации»⁸. Между тем, в отличие от группы лиц для организованной преступной группы не требуется наличие в составе двух исполнителей. Организованная преступная группа может состоять и, например, из одного организатора и одного исполнителя⁹.

Следует отметить и тот факт, что в судебной практике сформировалось свое понятие организованной преступной группы. В соответствии с п. 15 Постановления Верховного Суда РФ от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» «организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функ-

ций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла»¹⁰. Из анализа данного определения следует, что к содержащимся в законе признаками Верховный Суд РФ добавляет наличие в составе организованной преступной группы организатора (руководителя), наличие заранее разработанного плана совместной деятельности, распределение функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла. Вместе с тем, наличие организатора (руководителя) не является обязательным для признания организованной преступной группы и, хотя, такие случаи крайне редкие, но, тем не менее, в некоторых случаях, возможно наличие организованной преступной группы и без явного организатора (руководителя). Например, возможно представить ситуацию, когда несколько близких друзей совершают на протяжении длительного периода времени несколько преступлений, при этом в группе отсутствует организатор (руководитель) в силу близких отношений между участниками. Такое характерно было в начале 90-ых годов, когда друзья – спортсмены собирались в группы для последующего сбора платы с предпринимателей. В некоторых таких группах не было организатора, руководителя или лидера. Признак «наличия заранее разработанного плана совместной деятельности» похож на признак предварительной объединенности, указанный в законе, и, по всей видимости, является одним из примеров, позволяющих установить признак предварительной объединенности.

Последний признак, указанный в Постановлении Верховного Суда РФ это распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла. Данный признак сформировался в судебной практике и является одним из основных признаков, позволяющим разграничить организованную преступную группу и преступное сообщество.

Необходимо отметить и тот факт, что все участники организованной преступной группы вне зависимости от фактически совершаемых ими действий признаются соисполнителями преступления. Об этом, в частности пишет В.П. Верин: «все участники организованной группы, независимо от характера их деятельности, направленной на совершение преступления, признаются соисполнителями и, согласно ч. 2 ст. 34 УК РФ, несут ответственность за преступление, совершенное ими совместно, без ссылки на ст. 33 УК РФ»¹¹. Об этом так же указывается и в судебной практике¹². По нашему мнению, указанная позиция не соответствует принципу дифференциации наказания в зависимости от степени общественной опасности деяния. Кроме того, данная квалификация действий участников по сути нивелирует значение статьи 34 УК РФ, разграничивающая соучастников по их видам, при совершении преступления в составе организованной преступной группы. Тем не менее, такая квалификация так же указывает

5 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

6 Арутюнов А. А. Институт соучастия: системный подход и проблемы квалификации / Под ред. В.Е. Квашиса. М., 2002. С. 3.

7 Долгова А. И. Организованная преступность как специфическое криминальное явление и его тенденции в России // Российская криминологическая ассоциация. М., 2003. С. 4.

8 О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

9 Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24.09.2012 № 84-О12-19СП. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

10 О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

11 Научно-практическое пособие по применению УК РФ / В. П. Верин, С. А. Ворожцов, В. В. Демидов и др.; под ред. В.М. Лебедева. М.: НОРМА, 2005. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

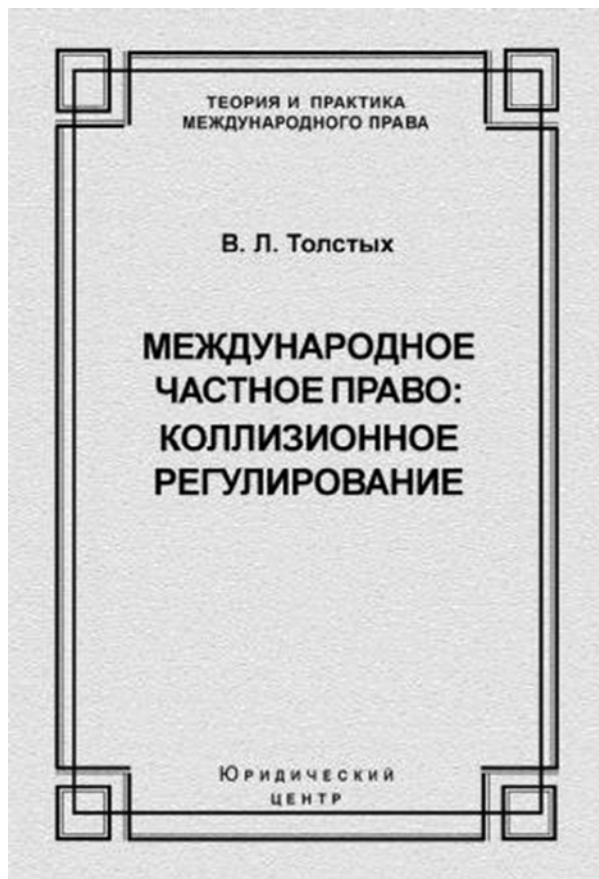
12 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.05.2018 № 203-АПУ18-6. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

на то, что судебная практика оценивает организованную преступную группу как соучастие, несущее в себе значительно большую степень общественной опасности, нежели преступная группа.

На основании изложенного следует, что предварительное объединение людей в группу с единой целью, группу имеющую определенную сплоченность, управляемость и систему представляет собой значительно большую общественную опасность чем группа лиц по предварительномуговору. На основании изложенного, по нашему мнению, в статью 63 УК РФ необходимо добавить п. «в¹» следующего содержания: «совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации)», исключив из п. «в» указанной статьи фразу «организованной группы или преступного сообщества (преступной организации)».

Пристатейный библиографический список

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.05.2018 № 203-АПУ18-6. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс и др.
3. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
6. Арутюнов А. А. Институт соучастия: системный подход и проблемы квалификации / Под ред. В. Е. Квашиса. М., 2002. 216 с.
7. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. М., 1997. 27 с.
8. Долгова А. И. Организованная преступность как специфическое криминальное явление и его тенденции в России // Российская криминологическая ассоциация. М., 2003. 572 с.
9. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 04.10.2011 № 89-О11-45. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
10. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24.09.2012 № 84-О12-19СП. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
12. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / В. П. Верин, С. А. Ворожцов, В. В. Демидов и др.; под ред. В. М. Лебедева. М.: НОРМА, 2005. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 1999 года: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 06.10.1999 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

АРИПШЕВ Ахмед Мухамедович

кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры огневой подготовки Северокавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

В статье проанализированы: системы информационной безопасности, виды угроз, методы и способы защиты информации от несанкционированного доступа, законы о защите информации, а так же киберпреступность.

Ключевые слова: информационная безопасность, закон, виды угроз, киберпреступность.

ARIPSHEV Ahmed Mukhamedovich

Ph.D. in Economics, Deputy Head of Fire training sub-faculty of the North-Caucasus institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, police lieutenant colonel

CRIMES IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGIES: CYBERCRIME

The article analyzes information security systems, types of threats, methods and ways to protect information from unauthorized access, laws on information security, as well as cybercrime.

Keywords: information security, law, types of threats, cybercrime.

В современных условиях всеобщей информатизации и развития информационных технологий усиливаются угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере.

Новые угрозы в информационной сфере характеризуются приставкой кибер. Отсюда и исходит понятие киберпреступности. Киберпреступность – понятие весьма широкое и под его юрисдикцию попадает большое количество правонарушений¹. Отсюда и важность и главная цель данного исследования – изучение преступлений в сфере информационных технологий. Автор статьи основными задачами данного исследования определил следующие важнейшие направления:

- изучение тенденции развития преступлений в сфере информационных технологий;
- анализ проблем, возникающих в сфере противодействия компьютерным преступлениям и пути их решения.

В главе 28 УК РФ перечислены общественно опасные деяния в области компьютерных технологий:

1. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации.

2. Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, что приводит к уничтожению, блокированию или модификации охраняемой законом информации ЭВМ.²

Появлению и развитию информационной преступности способствовало возникновение так называемых «хакеров» (hacker) – пользователей, специализирующихся на изучении и поиске уязвимых мест компьютерных сетей, операционных систем и систем информационной безопасности.

Киберпреступность – это любое незаконное действие в онлайн сфере, которое совершено посредством информационных технологий либо против них. Главными особенностями таких преступлений является:

1. Максимальная скрытность действий достигается очень простым способом: использование специального программного обеспечения, например браузер TOR, также использованием других анонимайзеров или же выход через «Подставные компьютеры», к примеру – интернет-кафе, что значительно затрудняет выявить личность преступника.

2. Трансграничность, иными словами преступник и его объект посягательства могут быть в разных странах, даже на разных континентах.

3. Возможность совершения атак в автоматизированном режиме. Не редки случаи, когда хакеры разрабатывали вирусы, которые без их участия совершали те или иные преступления.

4. Нестандартность действий преступников. В данной сфере сложно предугадать действия преступника, так как у каждого хакера свой подход к решению той или иной задачи.

Мотив и цель совершения преступления непосредственно связаны с социально-психологической и криминологической характеристиками личности преступника. Некоторые мотивы представлены в уголовном законе в качестве смягчающих обстоятельств (например: преступления вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, под влиянием угрозы или ее применения, либо материальной, служебной или иной зависимости, совершение преступления в состоянии аффекта или ввиду неумяемости и т.д.). Однако для большинства умышленных преступлений мотив и цель не является обязательными элементами субъективной стороны и, соответственно, не входят в уголовно-правовую характеристику.

Рассмотрим более узкий сегмент информационной сферы – сфера компьютерной информации (рис.1).

Проанализируем самые популярные способы атак.

Один из самых популярных способов является DDOS атака – представляет собой отправку большого количества запросов на сервер. Впоследствии сервер не справляется и перестает работать. Именно этим способом часто пользуются, чтобы вывести сайт из строя и прекратить его работу.

По данным «Лаборатории Касперского» число DDOS-атак на компании, находящиеся в России, увеличилось вдвое на момент 2018 года, при этом уже треть компаний (36 %) подверглась хотя бы одной DDOS-атаке. Это показывает исследование по информационной безопасности, проведенное «Лабораторией Касперского», которое производилось среди 5200 IT-специалистов из 29 стран, в том числе и России. Для сравнения, в 2016 году DDOS-атакам вдвое меньше компаний (17 %). Из этих цифр видно, что идет тенденция на увеличение DDOS-атак.

Главной мишенью при DDOS-атаках является крупный бизнес – 36 %, средний и малый бизнес – 30 %, микропредприятия – 34 %.

В настоящее время можно выделить, наиболее распространенные мотивы совершения компьютерных преступлений.

Атаки часто оказывались серьезными, 21 % пострадавших отметили, что атака привела к снижению производительности сервисов компании, а каждого двенадцатого (8 %) произошли сбои с транзакциями. Как показала практика, часто DDOS-атака является лишь прикрытием для совершения других операций злоумышленников. Почти в половине случаев (47 %), во время этой атаки производилась кража данных пользователей. В 43 % атак, DDOS-атаки являлись прикрытием для взлома корпоративных сетей, а в 41 % случаев, атака дополнительно несла в себе заражение компьютерных систем вредоносным ПО. У трети (31

1 Василенко Н. А. Преступления в сфере информационных технологий (киберпреступность) // Старт в науке. – 2016. – № 5. – С. 31-34.

2 «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017).

Рисунок 1. Компьютерные преступления

%) атакованных зафиксирована кража денег. На состояние 2015 года Россия занимает пятое место DDoS-атакам³.

Фишинг – более изощренный способ, при котором подменяется страница того или иного сайта, где пользователь указывает свои данные, тем самым злоумышленники получают личные данные пользователя: данные банковских карт, логины и пароли.

SQL инъекция – способ поиска уязвимостей в базе данных. Злоумышленник внедряет вредоносный код в сайт. Впоследствии может получить доступ к базе данных и личную информацию всех пользователей.

Загрузка вредоносных файлов со скриптами на сервер, т.е. злоумышленник маскирует вредоносный код под картинку или любой иной файл загружает его на сервер и подключается к нему, что впоследствии приводит к плачевным последствиям.

Кликджекинг – принцип основан на том, что поверх видимой страницы располагается невидимый слой, в котором и загружается нужная злоумышленнику страница, совмещается с видимой ссылкой или кнопкой. Возможны различные применения данной технологии: от подписки на ресурс до покупок в интернет магазинах за чужой счет.

Шифровальщики – одна из самых востребованных атак в наше время шифровальщик получает доступ к данным и шифрует их, при этом вирус никак себя не выдает, т.е. пользователь и дальше редактирует нужные документы, сохраняет их, переносит их на флешку. Вирус отслеживает все устройства. Спустя некоторое время вирус блокирует доступ ко всем зашифрованным файлам.

Хакерские атаки имеют тенденцию становиться все более профессионально совершенными преступлениями.

В 2017 году только одна из многих отраслей, такая как создание персонального шифровальщика, выпала на доход в 1 млрд. долларов США.

Методы борьбы с данными проблемами просты:

- вовремя обновлять все драйвера на всех компьютерах;
- регулярно проверять свои флеш-накопители при помощи антивирусов;
- не скачивать подозрительные файлы и их не открывать;
- использовать лицензионные антивирусные программы;
- ограничить доступ к серверу;
- один раз в два месяца менять пароли;
- убрать из открытого доступа информацию о сервере.

Зачастую только 20 % компаний соответствуют данным требованиям.

Специалисты по Информационной безопасности часто проводят тестирование различных ресурсов на те или иные угрозы и отправляют отчет владельцам, но на это мало кто реагирует.

Почти все виды информационных преступлений возможно избежать. Для реализации данной задачи правоохранительные органы должны использовать различные профилактические меры. В данном случае под профилактическими мерами следует понимать как деятельность, направленную на выявление и устранение причин, способствующих совершению преступления, и условий, порождающие совершение⁴.

На основе данных, полученных в ходе анализа по вопросам теории и практики борьбы с компьютерной преступностью, можно выделить три основные группы мер пресечения компьютерных преступлений:

- 1) правовые;
- 2) организационно-технические;
- 3) криминалистические.

Подводя итоги данного исследования, автор пришел к следующему выводу: киберпреступность развивается очень быстро и нужно уделять большое внимание безопасности своих ресурсов и проводить регулярные проверки всех внутренних систем. Информационная безопасность является крайне важным аспектом стабильного существования любой организации. Сложность компьютерной техники, неоднозначность квалификации, а также трудность сбора доказательственной информации не приведет в ближайшее время к появлению большого числа уголовных дел, возбужденных по статьям 272-274 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017).
2. Василенко Н. А. Преступления в сфере информационных технологий (киберпреступность) // Старт в науке. – 2016. – № 5. – С. 31-34
3. Шумейко А. А. Факторный анализ преступности на основе социально-экономических показателей // Проблемы современной экономики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, август 2017 г.). – Казань: Молодой ученый, 2017. – С. 22-26.
4. Ableeva A. M. Trend studies of macroeconomic indicators in comparable prices // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № S6. – P. 57-58.

3 Ableeva A. M. Trend studies of macroeconomic indicators in comparable prices // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № S6. – P. 57-58.

4 Шумейко А. А. Факторный анализ преступности на основе социально-экономических показателей // Проблемы современной экономики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, август 2017 г.). – Казань: Молодой ученый, 2017. – С. 22-26.

ГУДИМА Кристина Николаевна

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Тираспольского юридического института МВД Приднестровской Молдавской Республики имени М. И. Кутузова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием Общей части уголовного законодательства Приднестровской Молдавской Республики. Особое внимание уделяется основным нововведениям в названном компоненте уголовного закона, тенденциям его развития и перспективам совершенствования в будущем.

Ключевые слова: уголовное законодательство Приднестровской Молдавской Республики, Общая часть, Уголовный кодекс Российской Федерации, компаративистский анализ, тенденции развития.

GUDIMA Kristina Nikolaevna

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty of the Kuban State University, lecturer of Criminal law, process and criminology sub-faculty of the M. I. Kutuzov Tiraspol Law Institute of the MIA of the Pridnestrovian Moldavian Republic

Гудима К. Н.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE GENERAL PART OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE TRANSNISTRIA

The article deals with the issues related to the development of The General part of the criminal legislation of the Transnistria. Special attention is paid to the main innovations in the mentioned component of the criminal law, trends in its development and prospects for improvement in the future.

Keywords: criminal legislation of the Transnistria, General part, Criminal Code of the Russian Federation, comparative analysis, development trends.

Приднестровское уголовное законодательство имеет не столь длительную историю, однако, изучение становления и развития последнего является необходимым для понимания его современного состояния и перспектив дальнейшего совершенствования. Для сравнения: первый Уголовный кодекс РСФСР вступил в силу в 1922 г., а в Приднестровье – 22 июля 2002 года, до этого момента юридическую силу на его территории имел УК Молдавской Советской Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, которые вносились, начиная с образования Приднестровской Молдавской Социалистической Республики. Актуальность данной проблематики обусловлена потребностью теоретического исследования изменений и дополнений в Общей части Уголовного кодекса Приднестровской Молдавской Республики (далее – УК ПМР).

В настоящее время в Приднестровье практически нет ни одной фундаментальной работы по вопросам развития национального уголовного права и его взаимодействию с российским аналогом. Чтобы установить, как развивается Общая часть УК ПМР, какие были внесены в нее изменения и дополнения целесообразно воспользоваться компаративистским методом исследования. Для реализации поставленной цели следует сопоставить Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), действующий с 1 января 1997 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на октябрь 2018), и УК ПМР (в редакции на 18 апреля 2018 г.). УК РФ рассматривается по нескольким основным причинам: близость социальных и экономических условий, которая явилась основанием для проведения референдума о независимости Приднестровья с последующим ее вхождением в состав РФ в 2006 г.; сходство правовых систем РФ и Приднестровья; общие правовые традиции; позитивные влияния нормотворческого и правоприменительного опыта РФ. Эти факторы позволяют вливать схожие тенденции в развитии уголовного законодательства двух стран и провести некую параллель.

Нынешний УК ПМР улучшен и дополнен, он постоянно совершенствуется, чтобы соответствовать современным

реалиям и криминальной ситуации в стране. Гуманизация уголовного права является одной из самых «долгоиграющих» тенденций его развития¹. Новая идеология гуманизма, которая возводит в приоритет общечеловеческие ценности, идет по направлению к решениям важных проблем охраны прав и свобод человека, изменила сам подход к целям применения уголовного наказания. Целью не стоит просто наказать преступников, на первое место выходит разрешение социального конфликта, восстановление справедливости, осознание вины и раскаяние. С опорой на эти доводы можно отметить, что в основном УК ПМР соответствует современным реалиям, однако, независимые эксперты и законодатели не раз указывали на то, что существующие законодательные формулировки несовершенно, содержат ряд недостатков и требуют изменений некоторых статей.

В 2011 г. в УК РФ была введена новая статья 76.1, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, если лицо совершило преступление впервые; полностью возместило потерпевшему ущерб от преступления и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение. Данная норма призвана, с одной стороны, облегчить деятельность предпринимателей, с другой стороны, компенсировать потерпевшим причиненный им вред от преступлений, и, наконец, пополнить государственный бюджет за счет раскаявшихся преступников². Данная декриминализация

1 Борзенков Г. Н. Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая - 1 июня 2001 г. – М.: «ЛексЭст», 2002. Уголовный кодекс Приднестровской Молдавской Республики. Редакция на 18 апреля 2018 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scicenter.online/rossii-pravo-ugolovnoe-scicenter/ugolovnoe-pravo-xxi-veke-materialyi.html>.

2 Орешкин М. И. Нужен ли России новый Уголовной кодекс // Коллегия адвокатов «Оптимум» — Иркутск, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/92388>.

имеет место быть и в приднестровском уголовном праве, в связи с чем, приднестровскими законодателями поставлена задача существенной корректировки карательной политики в сторону ее смягчения по отношению к лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести. Вследствие этого в Закон «О внесении изменений и дополнений в УК ПМР», разработанный Министерством юстиции ПМР, в статью 75, регламентирующую освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, вносится дополнение, касающееся того, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и искупило причиненный потерпевшему вред не только путем выплаты компенсации, соответствующей причиненному ущербу и достаточной с точки зрения потерпевшего, но и путем возмещения ущерба³. Это дополнение можно назвать еще одним шагом к демократическому, гуманному обществу. Существует большое количество примеров, когда наказание за преступление является завышенным, не соответствует общественной опасности совершенного злодеяния.

Приднестровские законодатели переработали и адаптировали российский аналог, они предложили ввести в Уголовный кодекс изменения и дополнения, согласно которым лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести при примирении с потерпевшим и возмещении ущерба, а также упущенной выгоды, не лишают свободы, а применяют такой вид наказания, как обязательные работы⁴. Обязательные работы – это альтернатива краткосрочному лишению свободы. Зарубежные эксперты считают, что краткосрочное лишение свободы неэффективно. Но у приднестровских законодателей есть веские причины для применения обязательных работ: 1. Эта мера позволит существенно сократить количество осужденных и арестованных, поскольку уголовно-исполнительной системе сложно содержать большое число правонарушителей на сколько-нибудь удовлетворительном уровне. Несколько тысяч граждан ежегодно находятся в местах заключения. 2. Обязательные работы имеют широкую возможность для применения, они менее репрессивны, но достаточно эффективны за преступления небольшой тяжести, связанные с причинением имущественного ущерба. Эта мера заставит преступника задуматься над своим агрессивным поведением и дальнейшей жизнью. 3. Обязательные работы направлены на реализацию социальной справедливости и предотвращения преступности в целом.

Вопрос об урегулировании и своего рода прощении лица, совершившего преступление, в конечном счете, зависит от потерпевшего, так как возмещение ущерба должно его удовлетворить. Здесь стоит отметить, что упор делается на раскаяние человека, совершившего преступление, в связи с чем, возмещение ущерба и упущенной выгоды должно носить добровольный характер. Другими словами, если украденные предметы были возвращены потерпевшему в ходе задержания или при обыске, или третьи лица возместили ущерб, суд не должен будет признавать этот факт смягчающим обстоятельством и освобождать от уголовной ответственности. Приднестровские законодатели, следуя примеру западноевропейских коллег, придали большое значение дифференциации и индивидуализации наказания. Демократическое общество нуждается в подобном позитивном поведении, когда уголовное законодательство предусматривает смягчение наказания для поощрения лиц, которые совершили преступные деяния, но раскаявшись, возместили ущерб и упущенную выгоду.

В некоторых случаях уголовное законодательство ПМР полностью копирует российские законы. Для примера приведем российский Федеральный закон от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 УК РФ», в котором

предлагается изменить порядок зачета времени содержания лица под стражей (до вступления в силу приговора суда) и срок отбывания наказания в виде лишения свободы с целью гуманизации уголовно-исполнительного законодательства и обеспечения принципа справедливости. Аналогичные изменения будут внесены в УК ПМР. Проект закона ПМР «О внесении изменения в УК ПМР» был внесен на рассмотрение в Верховный Совет ПМР Г. М. Антюфеевой в августе 2018 года.

Вопрос, который возникает при сравнительном анализе изменений в Уголовных кодексах РФ и ПМР: по какому пути – ужесточения или либерализации – идет развитие уголовного законодательства? Вполне очевидно, что современное формирование действующего уголовного законодательства в Приднестровье, направлено на его либерализацию, на достижение большего соответствия норм приднестровского уголовного права международно-правовым стандартам. Современный опыт российской правовой системы и действующий в ней правовой порядок разграничения преступлений и административных правонарушений оказал большое влияние на приднестровскую общую часть Уголовного Законодательства. Текущие нововведения в приднестровском Уголовном законодательстве следуют не только за российскими, но и за мировыми тенденциями. В качестве отдельной тенденции хочется назвать, с одной стороны – непрерывный путь следования за Россией, с другой – сложный и противоречивый самостоятельный путь развития приднестровского уголовного права.

Реформирование уголовного законодательства, продолжающееся на протяжении последних лет, отражает стремление приднестровского законодателя методом «проб и ошибок» найти работающие на благо страны формы уголовно-правового регулирования общественных отношений. Эта тенденция приднестровского уголовного права в полной мере проявляла себя в современных условиях. Недооцененной законодателем остается роль политических партий и общественных организаций Приднестровья в этом процессе. Уголовный кодекс ПМР, несомненно, требует совершенствований. Главная цель его существования – пресекать совершаемые преступления, наказывать за уже совершенные и предотвращать совершение новых преступлений. Во-первых, Уголовный кодекс должен быть стабильным, так как является основным источником уголовного права ПМР. Во-вторых, Уголовный кодекс должен поэтапно развиваться, учитывать современные реалии и потребности граждан. Разумное сочетание этих двух факторов – основной источник формирования правовых норм. Важно, чтобы уголовное законодательство нашей страны соответствовало требованиям времени, опиралось на практический, проанализированный опыт правоохранительных органов, пересматривалось в условиях изменений социально-экономических обстоятельств. Неконструктивные изменения могут нанести серьезный ущерб нормам, устоявшимся в обществе, а также подвергнуть опасности права и свободы человека и гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Борзенков Г. Н. Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. – М.: «ЛексЭст», 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scicenter.online/rossii-pravo-ugolovnoe-scicenter/ugolovnoe-pravo-xxi-veke-materialy.html>.
2. Орешкин М. И. Нужен ли России новый Уголовный кодекс // Коллегия адвокатов «Оптимум» – Иркутск, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/92388>.
3. Пысларь С. О некоторых изменениях и дополнениях Уголовного кодекса Приднестровской Молдавской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.org/web.nsf/0/20c62cd1ccf64c37c225712c003ebf69!OpenDocument&Click=>.
4. Уголовный кодекс Приднестровской Молдавской Республики. Редакция на 18 апреля 2018 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ulpmr.ru/book/>.

3 «Уголовный кодекс Приднестровской Молдавской Республики. Ред. на 18 апреля 2018 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ulpmr.ru/book/>.

4 Пысларь С. О некоторых изменениях и дополнениях Уголовного кодекса Приднестровской Молдавской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.org/web.nsf/0/20c62cd1ccf64c37c225712c003ebf69!OpenDocument&Click=>.

БАЖЕНОВ Олег Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ДОМАШНИЙ АРЕСТ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена вопросу применения домашнего ареста в качестве меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, в статье выявляются некоторые проблемы в практике реализации соответствующих норм и предлагаются способы их разрешения.

Ключевые слова: домашний арест, меры пресечения, несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый.

BAZHENOV Oleg Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and prosecutorial supervision sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

Бажен О. Н.

ISSUES OF LEGISLATIVE ANCHORING AND APPLICATION OF CRIMINAL- PROCEDURAL NORMS REGULATING HOME ARREST WITH RESPECT TO MINORS

The article is devoted to the issue of the use of house arrest as a preventive measure against a minor, the article reveals some problems in the practice of implementing the relevant rules and suggests ways to resolve them.

Keywords: house arrest, preventive measures, minor, suspected, accused.

Домашний арест выступает одной из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством в отношении несовершеннолетнего, как на стадии предварительного расследования, так и на этапе судебного разбирательства. В соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК РФ «домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля»¹.

Суть домашнего ареста как меры пресечения по своему содержанию подразумевает определенные запреты и ограничения относительно беспрепятственного передвижения подозреваемого и обвиняемого лица, ограничивает его общение с другими людьми, влияет на свободу использования средств связи и сети «Интернет», отправки и получения корреспонденции.

Существуют различные мнения об ограничениях при нахождении под домашним арестом. Так, Михайлов В. А. считал, что строгость к изоляции в пределах жилища может быть разной: не покидать жилище в течение всего срока меры пресечения; с правом небольших отлучек; домашний арест лишь в ночное время суток с 22 до 6 часов². В. М. Быков и Д. А. Лисков полагают, что «эти ограничения не должны прерывать обычных занятий подозреваемого или обвиняемого, то есть запреты не могут распространяться на посещения мест работы или учебы, магазинов и рынков для приобретения

необходимых продуктов питания, а также поликлиники и аптеки. Вместе с тем ограничения, наложенные на подозреваемого или обвиняемого, должны быть распространены на посещение этими лицами мест отдыха и развлечений - ресторанов, кафе, дискотек, театров, концертных залов и т.д.»³. Исключение касается только посещения престарелых родственников, которым необходима помощь обвиняемого.

Однако можно считать, что в таком случае мера пресечения будет малоэффективна, так как при перемещении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого невозможно контролировать его общение с другими лицами.

Существует точка зрения, что для несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого мера пресечения как домашний арест не должна применяться. Объясняется это тем, что согласно анализу судебной практики применение меры пресечения в виде домашнего ареста сводится к минимуму. Данные статистики за первое полугодие 2018 года показывают, что по первой инстанции судами рассмотрено и удовлетворено 57987 ходатайств об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и лишь 3666 ходатайств о домашнем аресте⁴.

Исследователи отмечают, что лица, осуществляющие производство по уголовному делу, вынуждены решать слишком много вопросов, связанных с применением данной меры пресечения⁵. Кроме того, большинство следователей

1 Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018). - [

2 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу / Под ред. В. П. Верина, В. В. Мозякова. - [

3 Быков В. М., Лисков Д. А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Российский следователь. - 2004. - № 4. - С. 12-14.

4 Сводные статистические сведения о деятельности Федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2018 года: Статистика Судебного департамента при Верховном суде РФ.

5 Колесников М. В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы экономики и права. - 2015. - № 2. - С. 240-246.

не знают, как эффективно контролировать техническое исполнение контроля за домашним арестом, поэтому не хотят назначать данную меру пресечения⁶. В законе должна быть детально урегулирована процедура избрания данной меры пресечения, что исключит разночтение установленных норм.

Одной из причин неприменения домашнего ареста является невозможность обеспечить изоляцию несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Законом до конца не выявлено и не установлено как осуществить контроль и надзор за соблюдением несовершеннолетнего своих обязанностей. При избрании домашнего ареста можно столкнуться с проблемой, связанной с ограничением прав и свобод не только лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в отношении которого применяется данная мера пресечения, но и владельца жилища, в котором эта мера пресечения исполняется. Он может не согласиться с использованием его собственности как места ограничения чей-то свободы. Поэтому при рассмотрении вопроса о выборе меры пресечения в виде домашнего ареста, стоит учитывать мнение собственника жилого помещения. Его согласие должно быть добровольным, принуждение со стороны органов предварительного следствия и суда стоит исключить.

При решении вопроса об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, стоит учитывать реальную возможность исполнения обязанностей несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Часто возникает проблема: лица, которые проживают с несовершеннолетним, находящимся под домашним арестом, не согласны с установкой оборудования для слежения, ссылаясь на то, что это нарушает их права на неприкосновенность личной жизни.

Для контроля за исполнением данной меры пресечения Правительство Российской Федерации приняло соответствующее постановление № 134 от 18 февраля 2013 года, однако применение аудиовизуальных, электронных и другие аналогичных технических средств контроля при исполнении домашнего ареста осложнено рядом негативных обстоятельств. К их числу относят: «1) невозможность установления некоторых видов средств контроля по месту исполнения домашнего ареста из-за технической и иной характеристики помещения; 2) недостаточная компетенция сотрудников УИИ в вопросах установки и эксплуатации электронных средств контроля; 3) недостаточное количество электронных средств слежения; 4) высокая стоимость электронных средств контроля и недостаточное финансирование учреждений ФСИН России, ограничивающих возможности применения указанных средств»⁷.

Применительно к несовершеннолетним это осложняется еще одним фактором, когда подозреваемому или обвиняемому лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста, предоставляется возможность в определенный период времени пребывать не в непосредственном месте исполнения данной меры пресечения, а в местах, на посещение которых им было получено разрешение, например, в учебном заведении.

В этой связи необходимо на законодательном уровне установить запрет на право выхода несовершеннолетнего за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя или на иных законных основаниях.

Позитивными следует признать изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 18.04. 2018 № 72 - ФЗ в части усиления ответственности подозреваемого или обвиняемого за отказ от применения к нему технических средств контроля или в случае их умышленного уничтожения, повреждения и нарушения целостности.

Кроме того, необходимо закрепить основания замены домашнего ареста на заключение под стражу в случае нарушения со стороны несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого исполнения своих обязательств более двух раз.

В целом, на наш взгляд, при избрании несовершеннолетнему данной меры пресечения необходимо найти разумный баланс относительно свободы его передвижения, поскольку ущемление такой свободы может стать негативным фактором развития подростка, а с другой стороны, если исключить полную изоляцию, то домашний арест не будет отличаться от присмотра за подростком.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 – ФЗ (ред. от 12.11.2018). - [Быков В. М., Лисков Д. А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Российский следователь. - 2004. - № 4. - С. 12-14.
2. Колесников М. В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы экономики и права. - 2015. - № 2. - С. 240-246.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу / Под ред. В. П. Верина, В. В. Мозякова. - [Куракина Н. Г. Проблемы реализации уголовно-процессуального законодательства при применении домашнего ареста // Судебная власть и уголовный процесс. - 2016. - № 2. - С. 174-178.
4. Сводные статистические сведения о деятельности Федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2018 года: Статистика Судебного департамента при Верховном суде РФ. - [Чистилина Д. О., Мартушевская А. А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе России: проблемы теории и практики // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения. Сборник научных статей, посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. - Курск, 2016. - С. 90-94.

6 Чистилина Д. О., Мартушевская А. А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе России: проблемы теории и практики // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения. Сборник научных статей, посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. - Курск, 2016. - С. 90-94.

7 Куракина Н. Г. Проблемы реализации уголовно-процессуального законодательства при применении домашнего ареста // Судебная власть и уголовный процесс. - 2016. - № 2. - С. 175.

БРЕЙТЕР Максим Александрович

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматривается проблема соотношения непроцессуальной информации и процессуальной формы уголовного судопроизводства. Особое внимание автором уделяется вопросам эффективности процессуальной формы и обосновывается необходимость закрепления статуса непроцессуальной информации в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; доказывание; процессуальная форма; доказательства; непроцессуальная информация; результаты ОРД.

BREYTER Maksim Aleksandrovich

adjunct of the Faculty of the Scientific-pedagogical Personnel Training of the Academy of the FPS of Russia

Брейтер М. А.

THE PROBLEM OF CORRELATION OF NON-PROCEDURAL INFORMATION AND PROCEDURAL FORMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the problem of correlation of non-procedural information and procedural form of criminal proceedings. Particular attention is paid to the efficiency of the procedural form and the necessity of fixing the status of non-procedural information in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation for the purpose of elimination of contradictions of the legal norms regulating proof of crimes is proved.

Keywords: criminal proceedings; evidence; procedural form; evidence; non-procedural information; OSA results.

Борьба с преступностью является важнейшей задачей государства в сфере обеспечения национальной безопасности. Согласно официальной статистики Министерства внутренних дел РФ из общего количества зарегистрированных преступлений по состоянию на январь-ноябрь 2018 г. было расследовано 54,4 % преступлений (1 001 723 преступлений из 1 841 284 зарегистрированных преступлений)¹, в 2017 г. было расследовано 54,3 % (1117801 преступлений из 2058476 зарегистрированных преступлений)², в 2016 году было расследовано 55 % (1 189 770 преступлений из 2 160 063 преступлений официально зарегистрированных преступных деяний)³. Указанные статистические данные свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования деятельности правоохранительных органов по расследованию и раскрытию преступлений.

Поскольку в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ) одним из назначений уголовного судопроизводства является «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений», то в действующей процессуальной форме должны содержаться все необходимые правовые средства, с помощью которых органы предварительного расследования и прокуратура в рамках состязательного уголовного процесса могли бы эффективно осуществлять уголовное преследование граждан, совершивших общественно-опасные деяния.

Основой уголовного процесса принято считать - *доказывание*. Только на основании доказательств правомерно признание лица виновным в совершении преступления, а также проведение процессуальных действий и принятие процессуальных решений, ограничивающих права и свободы граждан. Сложно не согласиться с Ю.К. Орловым, который полагает, «что если доказательственная деятельность завершилась безрезультативно, если не установлено кем и при каких обстоятельствах совершено преступление, то цели судопроизводства остаются недостижимыми»⁴.

Важнейшим требованием, предъявляемым к уголовно-процессуальным доказательствам, является *допустимость доказательств*, которое заключается в соответствии сведений источникам доказательств, закреплённых в ст. 74 УПК РФ и получение их надлежащим субъектом уголовно-процессуальных правоотношений путём проведения следственных и иных процессуальных действий. Сущность данного требования заключается в соответствии доказательств процессуальной форме уголовного процесса. Процессуальная форма распространяется на все институты уголовно-процессуального права. Исходя из анализа юридической литературы, в содержание процессуальной формы входят: предусмотренные УПК РФ действия и решения участников уголовного судопроизводства и порядок (процедура) их осуществления на различных стадиях уголовного судопроизводства; форма процессуальных документов; права и гарантии участ-

1 Состояние преступности в России (за январь-ноябрь 2018 года). - М.: ГИАЦ МВД России, 2018. - С. 18-20.

2 Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2017 года). - М.: ГИАЦ МВД России, 2017. - С. 12-14.

3 Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2016 года). - М.: ГИАЦ МВД России, 2016. - С. 12-14.

4 Орлов Ю. К. Основы теории доказательств ив уголовном процессе: научно-практическое пособие. - М.: Проспект, 2001. - С. 5.

ников уголовного процесса⁵. Процессуальная форма уголовного судопроизводства не является статичной и нуждается в совершенствовании в соответствии с развитием правовой системы и законодательства государства в целом.

Институт доказывания в уголовном процессе, на наш взгляд, сохраняет консервативность, хотя состояние преступности требует от законодателя выработки новых и (или) совершенствование действующих правовых средств уголовно-процессуального доказывания. Существенным шагом в данном направлении мы видим в определении места и роли непроцессуальной информации в доказывании, что является предметом многолетней дискуссии учёных-процессуалистов. Использование результатов непроцессуальной деятельности различных субъектов в доказывании не представляется иллюзорным и поддаётся, как законодательному, так и доктринальному объяснению.

Профессор Шейфер С. А. указывает на схожесть ряда непроцессуальных-познавательных мероприятий со следственными и процессуальными действиями, направленными на получение доказательств⁶. М. П. Поляков считает, что «термин «процессуальный» сегодня может быть применен не только к информации, полученной в рамках уголовно-процессуальной формы, но и к сведениям, произведенным оперативно-розыскным путем; условно процессуальной можно считать и сыскную информацию, поступающую от частного детектива»⁷. При этом М. П. Поляков отмечает, что и любые другие познавательные сферы деятельности имеют процессуальную основу⁸.

Способы получения правоохранительными органами (в отдельных случаях СМИ, частными детективами и иными субъектами, осуществляющими государственно-лицензированную деятельность) информации о преступлениях и преступлениях носят, прежде всего «поисково-разведовательный» и «удостоверительный характер». Лица, не имеющие процессуальных полномочий, как субъект доказывания, информацию не собирают в соответствии со ст. 86 УПК РФ, а «получают» или «добывают» на основании нормативно-правовых актов, регламентирующих их деятельность. Должностные лица правоохранительных органов при осуществлении возложенных на них задач по борьбе с преступностью применяют различные средства, направленные, на получение и закрепление информации, отражающей события совершенного преступного деяния, и сведений о подготовке к совершению преступлений, а также данные о лицах совершивших, совершающих или подготавливающих общественно-опасные деяния. Представление информации, органам предварительного следствия, прокурору и суду является реализацией полученных результатов, направленных на изобличение лиц виновных в совершении или подготовке преступных деяний.

Но при этом, на наш взгляд, схожесть указанных мероприятий со следственными действиями не является главным основанием использования непроцессуальной информации в доказывании. Мы разделяем точку зрения В. Бозрова, что «гарантией в использовании результатов ОРД в доказывании заключается не в способе их получения, а в проверяемости»⁹. На наш взгляд, суждения автора нужно рассматривать не только применительно к результатам оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), но и к любым сведениям в целом, полученным непроцессуальным путём в установленном законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами порядке.

При проведении непроцессуальных познавательных мероприятий происходит непосредственное обнаружение источников сведений и восприятие событий лицами их осуществляющими. Основным способом фиксации указанной информации является составление письменных документов, удостоверяющих порядок проведения мероприятий. Следует отметить, что практически во всех случаях применяется аудиовизуальные средства для фиксации хода проведения непроцессуальных мероприятий и их результатов. Правильность и полнота фиксации непроцессуальных мероприятий отражает достоверность полученных сведений и указывает на соблюдении законности при их проведении.

Требование допустимости доказательств исключает любые мероприятия, кроме следственных и процессуальных действий, как способов получения, сведений, которые могли бы быть использованы в доказывании. Уголовно-процессуальный закон существенно ограничивает средства познания по уголовному делу. В таком случае получается, что действующий УПК РФ в доказывании преступлений фактически ставит приоритет «формы над содержанием», что существенным образом отражается на работе правоохранительных органов и функционировании уголовной юстиции в РФ.

Наиболее широкий комплекс мероприятий, направленных на борьбу с преступностью используется органами и должностными лицами, осуществляющими ОРД. Указанный вид государственной деятельности по борьбе с преступностью взаимосвязан с уголовным судопроизводством, но при этом не является его частью. Правовой и процессуальной статус информации, полученной оперативно-розыскным путём закреплён в положениях УПК РФ и ФЗ от 12.08.1995 г. №144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - ФЗ «Об ОРД»). Однако всё же в ст. 75 УПК РФ содержится одно из оснований недопустимости доказательств, а именно отсутствие сведений об источнике фактических данных.

Следует указать, что методика производства ОРМ, а в отдельных случаях и источник получения оперативно-розыскной информации не подлежат рассекречиванию, в особенности, если сведения были получены от лиц, оказывающих негласное содействие органам, осуществляющим ОРД (конфидентов). Установление источника сведений, является неотъемлемой частью процедур проверки доказательств (ст. 87 УПК РФ). При этом в УПК РФ не приводятся критерии, по которым должна осуществляться проверка доказательств. Б.Т. Безлепкина, вполне обоснованно полагает, что «когда предмет или документ имеет неизвестное происхождение и данное обстоятельство порождает неразрешимые сомнения

5 См.: Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. - М.: Юрид. лит., 1981. - С. 9.; См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2010. С. 57-58.; См.: Качур А. Н. Дифференциация форм досудебного производства и предание суду в уголовном процессе. - М., 2004. - С. 66.

6 См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования.- М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2016. - С.105.

7 Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. докт. ... юрид. наук. - Н. Новгород. 2002. - С. 266.

8 См.: Там же. - С. 267.

9 Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. - 2004. - №4. - С. 47.

при оценке его достоверности»¹⁰. Следовательно, доказательство считается недопустимым, поскольку неизвестен источник его получения.

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод, что сведения, полученные в результате осуществления непроцессуальных познавательных мероприятий, не соответствуют требованию допустимости доказательств, установленному УПК РФ. Однако оперативно-розыскная информация всё же во многом соотносится с требованиями процессуальной формы:

1) закрепление статуса результатов ОРД в УПК РФ (дефиниция результатов ОРД в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, использование результатов ОРД в доказывании ст. 89 УПК РФ), а также в ФЗ «Об ОРД» в ст. 2, которая определяет задачи ОРД в уголовном судопроизводстве и в ст. 11, регламентирующей использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве; нормативно-регламентированный механизм рассекречивания отдельных результатов ОРМ и передачи оперативно-розыскных сведений органам предварительного расследования и суду;

2) практически все органы, осуществляющие ОРД, могут приобретать статус органа дознания в соответствии со ст. 40 УПК РФ и проводить дознание в полном объёме либо осуществлять доследственную проверку для процессуального закрепления факта преступного деяния, а также производство неотложных следственных действий;

3) в ФЗ «Об ОРД» содержатся основания и требования проведения тех ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан. Основной гарантией является получение санкции в судебном порядке на их проведение. Стоит отметить, что в ч. 4 ст. 313 Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за фальсификацию результатов ОРД. Нормативное определение в УК РФ действий сотрудников ОРМ, направленных на фальсификацию оперативной информации, как общественно-опасных деяний, является гарантией защиты чести, достоинства, репутации личности от злоупотреблений сотрудниками органов, осуществляющих ОРД. Следовательно, помимо требований, предъявляемых к результатам ОРД УПК РФ, в ФЗ «Об ОРД» и УК РФ содержатся дополнительные гарантии использования сведений, полученных оперативно-розыскным путём, в уголовном судопроизводстве.

Возвращаясь к положениям принципа «назначения уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ) нельзя не отметить, что законодатель не ставит во главу какое-либо положение, определяющие назначение уголовного судопроизводства. Защита прав личности от незаконного обвинения и защита прав потерпевших от преступлений равнозначны. Поэтому, как отмечала И. Г. Смирнова, нельзя ни в коем случае допустить доминирование идеи прав человека над обеспечением жизненно важных интересов общества и государства¹¹. Абсолютизация процессуальной формы, отсутствие баланса между правами различных участников уголовного судопроизводства и консерватизм жизненно важных институтов уголовно-процессуального права вряд ли способствует адекватному реагированию правоохранительных органов на проблему преступности в нашей стране.

Мы согласны с мнением А. В. Агутина, Д. А. Карамышева, которые в своей монографии писали: «Стремление теоретико-процессуальной конструкции доказательств, воплощённой в УПК РФ к формальным результатам больше соответствует политической целесообразности, чем актуальным потребностям борьбы с преступностью»¹². Тем самым авторы фактически констатируют проблему идеологической неопределённости законодательного регулирования института доказывания в уголовном судопроизводстве. Если лица, совершившие общественно-опасные деяния, уходят от уголовной ответственности, только лишь, потому, что изобличающие их доказательства получены в результате трудоёмкой совместной работы правоохранительных органов без нарушений законодательства, но не соответствуют устаревшим требованиям уголовно-процессуальной формы, то это существенная проблема, которая нуждается в незамедлительном решении. Определение статуса непроцессуальной информации в уголовном судопроизводстве является одним из путей решения сложившейся проблемы борьбы с преступностью в нашем государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Агутин А. В., Карамышев Д. А. Организационно-правовой механизм обеспечения допустимости доказательств в досудебном производстве: Учебное пособие. - М.: ЮРКОМПАНИ, 2010.
2. Безлепкин Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу (постатейный). - М.: Проспект 2017.
3. Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. - 2004. - № 4.
4. Качур А. Н. Дифференциация форм досудебного производства и предание суду в уголовном процессе. - М., 2004.
5. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств и в уголовном процессе: научно-практическое пособие. - М.: Проспект, 2001.
6. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. докт. ... юрид. наук. - Н. Новгород, 2002.
7. Смирнова И. Г. Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2014. - № 3.
8. Состояние преступности в России (за январь-ноябрь 2018 года). - М.: ГИАЦ МВД России, 2018.
9. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2017 года). - М.: ГИАЦ МВД России, 2017.
10. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2016 года). - М.: ГИАЦ МВД России, 2016.
11. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Инфра-М, 2010.
12. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2016.
13. Якуб М. А. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. - М.: Юрид. лит., 1981.

¹⁰ См.: Безлепкин Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу (постатейный). - М.: Проспект, 2017. - С. 116.

¹¹ См.: Смирнова И. Г. Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2014. - № 3. - С. 204.

¹² Агутин А.В., Карамышев Д.А. Организационно-правовой механизм обеспечения допустимости доказательств в досудебном производстве: Учебное пособие. - М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. - С. 36.

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой правовых и гуманитарных дисциплин Московского университета им. С. Ю. Витте, филиал в г. Рязани

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В статье автор обосновывает необходимость рассмотрения вопроса о пересмотре в сторону расширения принципов уголовно-исполнительного права и законодательном их закреплении с учетом раскрытия их сущности в статьях УИК РФ. Важное значение в этом контексте приобретает вопрос об уточнении их перечня, что выступает фундаментом для развития концептуальных основ уголовно-исполнительного права и подготовки нового УИК РФ.

Ключевые слова: отрасль уголовно-исполнительного права, принципы уголовно-исполнительного права, норма уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительное законодательство.

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, Head of Legal and humanitarian disciplines sub-faculty of the S. Witte Moscow University, branch in Ryazan

Головастова Ю. А.

PRINCIPLES OF CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

In the article the author substantiates the need to consider the revision of the principles of criminal-executive law and their legislative consolidation towards the expansion, taking into account the disclosure of their essence in the articles of the Criminal-Executive Code. Important in this context is the question of clarifying their list, which is the basis for the development of the conceptual foundations of the criminal-executive law and the preparation of a new Criminal-Executive Code.

Keywords: the branch of criminal-executive law; principles of criminal-executive law; regulation of criminal-executive law, criminal-executive legislation.

В юридической литературе справедливо отмечается о том, что с помощью принципов права выстраивается модель отдельной отрасли права, которые придают ей целостность как правовой системе, в связи с чем, достигается гармонизация внутриотраслевых и межотраслевых институтов¹. Принципы уголовно-исполнительного права выступают интегрирующим элементом, в виде цементирующего основания для всех иных элементов системы уголовно-исполнительного права: норм уголовно-исполнительного права, отраслевых институтов, что позволяет обнаружить ее целостность и единство.

Принципы уголовно-исполнительного права находят выражение в нормах, регулирующих вопросы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применения к осужденным средств исправления. Во-первых, они выступают фундаментом уголовно-исполнительного права, так как определяют сущность и социальное назначение отрасли права, особенности ее внутреннего строения. Во-вторых, принципы уголовно-исполнительного права, будучи закрепленные в специальных статьях УИК РФ, определяют содержание уголовно-исполнительных правоотношений.

На сегодняшний день, принципы уголовно-исполнительного права носят декларативный характер, поскольку они перечислены в ст. 8 УИК РФ, но, к сожалению, не раскрыто их содержание, что, несомненно, снижает качество действующего уголовно-исполнительного законодательства. Отсутствие определения принципов уголовно-исполнитель-

ного права, на наш взгляд, не способствует единообразной правоприменительной деятельности, особенно, когда речь идет о применении аналогии права. В подтверждение своей мысли приведем высказывание профессора О. В. Исаенковой: «Без принципов невозможно представить окончательную модель отрасли права, поскольку именно принципы должны придать целостность результату законопроектной работы»². Следует отметить, что закрепление принципов уголовно-исполнительного права в УИК РФ позволит усилить их статус, определяя своеобразие всех норм уголовно-исполнительного права. Учитывая сказанное, полагаемым необходимым закрепление принципов уголовно-исполнительного права с раскрытием их содержания в главе – УИК РФ с названием «Принципы уголовно-исполнительного законодательства».

Современные принципы уголовно-исполнительного права можно подразделить на следующие группы: 1) отражающие политику государства в области правового регулирования исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера; 2) определяющие руководящие начала (идеи) в области организации исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера; 3) устанавливающие правовое регулирование применения к осужденным средств исправительно-предупредительного воздействия; 4) содержащие основные положения политики государства в области охраны и защиты прав и законных

1 См.: Исаенкова О. В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 148.

2 См.: Исаенкова О. В. О развитии принципов гражданского процессуального права в проекте обновленного Гражданско-процессуального Кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета, 2017. С. 15-21.

интересов осужденных, в которых находят отражение принципы обращения с осужденными, закрепленные в международно-правовых актах.

Основополагающим принципом в уголовно-исполнительном праве всегда практически единодушно назывался принцип законности³. Состояние законности при регулировании общественных отношений в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, объясняется существующей системой источников уголовно-исполнительного права. Принцип законности в уголовно-исполнительном праве нацелен на исполнение и соблюдение законов всеми субъектами уголовно-исполнительных правоотношений, обеспечение поведения осужденных, деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера. Для должностных лиц учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, исполнение законности достигается за счет обеспечения соблюдения нормативных положений, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством, правоприменением и толкованием подзаконных нормативных актов, регулирующих уголовно-исполнительные отношения.

Ученые-пенитенциаристы практически единодушно выделяют основные характерные черты, свойственные для принципа законности. К ним они относят: верховенство Конституции РФ, УИК РФ, других федеральных законов в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера; обязательность законности для всех субъектов уголовно-исполнительных правоотношений; единство требований законности; неотвратимость реализации законности; недопустимость ее противопоставления целесообразности⁴.

Ведущим свойством принципа законности признается верховенство Конституции и федеральных законов. В частности, во второй главе УИК РФ просматривается, что в силу реализации принципа законности государство охраняет и защищает права, законные интересы осужденного. Не случайно, правовой статус личности осужденного устанавливается только на уровне федерального закона – УИК РФ. Практически ежегодно количество поступающих и рассмотренных обращений, направленных от осужденных и их родственников, указывает на однородные виды нарушений законности со стороны субъектов исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Так, в 2017 году на неправомерные действия сотрудников уголовно-исполнительной системы поступило 2531 жалоба (в 2016 г. – 2520); злоупотребление служебными полномочиями – 36 (в 2016 г. – 82); незаконное водворение в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ – 1569 (в 2016 г. – 1247); незаконное лишение или предоставление прав осужденных – 41 (в 2016 г. – 40); незаконное применение физической силы и специальных средств – 49 (в 2016 г. – 109); рукоприкладство – 777 (в 2016 г. – 972)⁵. За III квартал 2018 года на нарушение законности сотрудниками учрежде-

ний и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, поступило 19055 жалоб (в 2017 г. – 17789), в том числе на неудовлетворительное медицинское обеспечение 6993 (в 2017 г. – 6865); неправомерное водворение в штрафной изолятор – 931 (в 2017 г. – 943); незаконное применение физической силы и специальных средств – 344 (в 2017 г. – 534)⁶.

Требования принципа законности должны быть направлены не только на защиту прав и законных интересов осужденных, но и субъектов исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, иных третьих лиц, участвующих в уголовно-исполнительных правоотношениях. В связи с чем, следует проводить работу по двум направлениям. Во-первых, дополнить и уточнить не только правовой статус осужденных, но и должностных лиц учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера; предусмотреть в УИК РФ правовой статус иных (третьих) лиц, участвующих в отношениях, регулируемых уголовно-исполнительным законодательством. Во-вторых, правоприменителю следует выносить законные, обоснованные и мотивированные решения по итогам рассмотрения обращений осужденных. С учетом вышесказанного мы предлагаем следующий проект статьи с названием «Принцип законности»: «1. Законность при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применения к осужденным мер исправительно-предупредительного воздействия обеспечивается соблюдением нормативных положений, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством, правильным применением и толкованием подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих уголовно-исполнительные отношения. 2. Правоприменительные решения (постановления, распоряжения) должностных лиц учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, должны быть законными, обоснованными, мотивированными и своевременными».

В отличие от принципа законности, который не предопределяет содержание правового регулирования, а лишь определяет юридическую форму, принцип гуманизма – это содержательный принцип деятельности, так как определяет содержание нормы⁷. Воспринимая конституционные положения ст. 2 Конституции РФ о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», законодатель применительно к регулированию общественных отношений в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера призывает уважать и охранять человеческое достоинство. При рассмотрении содержательной сущности принципа гуманизма не случайно мы обращаемся к категории «человеческое достоинство», поскольку оно признается определяющей при его характеристике⁸.

Российский законодатель в УИК РФ запрещает осуществление действий и принятие решений, унижающих честь и достоинство осужденного, а также обращение, унижающее

3 См.: Уголовно-исполнительное право: Учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть / Под общ. ред. Ю. И. Калинина. М.: Рязань, 2006. С. 190.

4 См.: Гришко А. Я. О принципах законности и равенства осужденных перед законом // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. (87). С. 27-31; Сизая Е. А. Принципы уголовно-исполнительного права: вопросы теории и практики. Монография. Чебоксары, 2008. С. 97-105.

5 Обзор о работе с обращениями граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Федеральной службе исполнения наказаний за 2017 год.

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?lr=11&text=УФСИН>; См.: Обзор о работе с обращениями граждан и организаций, в Федеральной службе исполнения наказаний за III квартал 2018 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?lr=11&text=УФСИН>.

7 См.: Кропачев Н. М. Принципы применения мер ответственности за преступления // Правоведение. 1990. № 6. С. 72-73.

8 См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., профессора В. И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. С. 69.

его человеческое достоинство, создающее опасность для его жизни и здоровью. Сказанное согласуется с требованиями, установленными в международных правовых актах⁹.

В части 2 ст. 12 УИК РФ закрепляется правило о том, что осужденные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению и пыткам. Разумеется, эти требования, прежде всего, адресованы субъектам исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Следует признать, что на сегодняшний день, в УИК РФ немало нормативных положений, направленных на защиту чести, достоинства личности. В частности, о них часто идет речь в Общей части УИК РФ, например: вежливое обращение с осужденными ч. 2. ст. 12 УИК РФ; запреты на проведение медицинских, научных или иных опытов, связанных с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и лечения заболеваний, а также проведение биомедицинских исследований ч. 3 ст. 12 УИК РФ; право на личную безопасность ст. 13 УИК РФ; посещение мест отбывания наказания представителями средств массовой информации ч. 3 и ч. 5 ст. 24 УИК РФ. Принцип гуманизма находит свое отражение также в Особенной части УИК РФ: ч. 5 ст. 82 УИК РФ о правилах проведения личного обыска; разрешение выезда за пределы исправительного учреждения; организация домов ребенка в исправительных учреждениях¹⁰.

Следует отметить, что при разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ была закреплена ст. 38 с названием «Право на обеспечение достоинства личности осужденного»¹¹, где предпринята попытка максимально отразить нормативные положения, раскрывающие содержание принципа гуманизма в уголовно-исполнительном праве. Учитывая сказанное, на наш взгляд, положительными моментами реализации принципа гуманизма в уголовно-исполнительном праве, являются: совершенствование способов защиты прав и законных интересов осужденных (расширение правовых гарантий); корректировка целей уголовно-исполнительного законодательства; наличие помимо уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества, уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества; раскрытие иных мер уголовно-правового характера; наличие различных средств исправления, применяемых к осужденным. На наш взгляд, проект статьи с названием «Принцип гуманизма» должен включать в себя следующие нормативные положения: «1. Уголовно-исполнительное законодательство, подзаконные нормативно-правовые акты, правоприменительные решения должны основываться на соблюдении гарантий защиты осужденных от пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего их человеческое достоинство обращения. 2. Осужденные при отбывании уголовных

наказаний и иных мер уголовно-правового характера имеют право на гуманное обращение и уважение человеческого достоинства. 3. При исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих человеческое достоинство осужденного, а также создающие опасность его жизни и здоровью».

Принцип равенства осужденных перед законом в уголовно-исполнительном праве является частным случаем конституционного принципа равенства граждан перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждения, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Рассматривая фактическую сторону вопроса, необходимо отметить, что содержание этого принципа не предполагает полного тождества прав, обязанностей, законных интересов осужденных, что объясняется их видовой уголовно-исполнительной правосубъектностью. Осужденные обладают различным объемом и содержанием уголовно-исполнительной правосубъектности, в силу чего, можно констатировать лишь юридическое, но не фактическое их равенство при отбывании ими уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Равенство осужденных перед законом свидетельствует о том, что не должно быть никаких привилегий для отдельных категорий осужденных в процессе исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Правовые реалии таковы, что часто данный принцип грубо нарушается субъектами исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, что подрывает принцип законности¹². Особенности уголовно-исполнительной правосубъектности осужденных диктуют необходимость учитывать процессы дифференциации и индивидуализации в период отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Получается, что принцип равенства осужденных перед законом тесно взаимосвязан с названными принципами. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что равенство осужденных перед законом не означает равенства условий отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Полагаем необходимым в отдельной главе УИК РФ закрепить статью «Принцип равенства осужденных перед законом» в следующей редакции: «Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера осуществляется на основе равенства перед законом осужденных и иных лиц, участвующих в уголовно-исполнительных отношениях, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Следующим принципом уголовно-исполнительного права, подлежащим закреплению в УИК РФ, можно назвать принцип дифференциации. Достаточно часто в юридической литературе можно встретить стремление авторов к

9 См.: Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года; Конвенция против пыток и других бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984); Европейская конвенция против пыток и других бесчеловечных или унижающих видов обращения и наказания; Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины; Конвенция о правах человека и биомедицины от 04 апреля 1997 года; Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 года; Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы).

10 См.: Гришко А. Я. Принцип гуманизма и демократизма // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 23-27.

11 Проект статьи научно-теоретической модели Общей части УИК РФ был разработан при непосредственном участии автором настоящего исследования – Ю. А. Головастовой.

12 В отношении руководства исправительной колонии номер 3 в Амурской области, где отбывает наказание осужденный на 19 лет Вячеслав Цеповяз, возбуждено уголовное дело о превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). Об этом сообщил официальный представитель Генпрокуратуры Александр Куренной, слова которого приводит «Интерфакс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.newsru.com/russia/04dec2018/zepo_rukov.html.

этому принципу присоединить самостоятельный принцип – принцип индивидуализации¹³. Согласно другой точке зрения, ученые-пенитенциаристы (в частности, А. В. Бриллиантов, В. А. Уткин и другие) отграничивают принцип дифференциации и индивидуализации исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера друг от друга, придавая каждому из них самостоятельное значение¹⁴. Так, А. В. Бриллиантов пишет: «Дифференциация исполнения наказания является фундаментом его индивидуализации. Наличие дифференциации исполнения наказания без индивидуализации нецелесообразно, а индивидуализация без дифференциации невозможна. Это позволяет говорить о функциональном единстве этих важнейших принципов, но в то же время проводить разграничение между ними по содержанию, уровню и объему реализации»¹⁵.

Кроме того, существуют разногласия по поводу определения отраслевой принадлежности данных принципов. Одни авторы принципы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания рассматривают в качестве межотраслевых принципов¹⁶, другие видят их в качестве отраслевых¹⁷, третьи – относят их к специальным отраслевым принципам¹⁸.

На наш взгляд, каждый из заявленных принципов: и принцип дифференциации, и принцип индивидуализации, имеют самостоятельное значение в уголовно-исполнительном праве. Более того, как нам представляется, их содержание необходимо рассматривать не только применительно к процессу исполнения уголовных наказаний, но и иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности.

Принцип дифференциации не получил законодательного закрепления ни в УК РФ, ни в УИК РФ. Российский законодатель, восприняв наработки ученых-пенитенциаристов, рассматривающих дифференциацию исполнения наказания достаточно широко в отдельных статьях, формулирует нормативные положения, характерные для данного принципа. Речь идет о «дифференциации условий отбывания наказания», «дифференциации исполнения наказания», «дифференциации средств исправления»¹⁹. Принцип

дифференциации исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера состоит в определении видовых категорий осужденных на различных условиях отбывания, отличающихся правовым статусом; разновеликим объемом и характером карательно-воспитательного воздействия²⁰. К критериям дифференциации исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера законодатель относит – пол, возраст, физическое состояние, поведение в период отбывания мер уголовной ответственности, степень исправления и другие. Содержательная сторона рассматриваемого принципа характеризуется определенной поэтапностью. На первоначальной стадии дифференциация осуществляется на основании признаков, относящихся к полу, возрасту осужденного, назначенному ему виду наказания, где определяется вид учреждения или органа, где он будет отбывать уголовное наказание или иную меру уголовно-правового характера. На вторичном, последующем этапе учитывается поведение осужденного в период отбывания им уголовного наказания или иной меры уголовно-правового характера²¹. В. И. Селиверстов полагает, что дифференциация исполнения наказания нашла свое закрепление в ст. 74, 78 УИК РФ, которая проявляется в существовании различных категорий осужденных в зависимости от тяжести совершенных преступлений, формы вины, поведения в процессе отбывания наказания, в котором применяется принудительное воздействие и ограничение в правах в различных объемах²².

Принцип индивидуализации основывается на учете не групповых, а индивидуальных особенностей личности осужденного. Достаточно ярко данный принцип нашел отражение в ч. 3 ст. 9 УИК РФ, который реализуется путем изменения правового статуса в зависимости от поведения при применении мер поощрения и взыскания²³. Принцип индивидуализации в уголовно-исполнительном праве диктует необходимость учета поведения осужденного во время отбывания уголовного наказания или иной меры уголовно-правового характера, в результате чего происходит изменение его правового положения. В науке уголовно-исполнительного права указанное правовое явление получило название «прогрессивная система отбывания наказания»²⁴. Здесь с нашей точки зрения следует констатировать, что она разработана в большей части к исполнению наказаний, связанных с изоляцией от общества. Так, правовое положение осужденного к лишению свободы может меняться как в лучшую, так и худшую стороны (ст. 113, 115 УИК РФ).

В юридической литературе принцип индивидуализации исследовался преимущественно к лишению свободы²⁵.

13 См.: Павлов И. Н. Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве. Автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 23 с; Рябинин А. А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: монография. Домодедово, 2000. 355 с.

14 См.: Бриллиантов А. В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1998. С. 20-21; Кириллов М. А. Принцип дифференциации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном законодательстве РФ // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2014. № 1. 34. С. 26-30; Общая часть уголовно-исполнительного права ... С. 38.

15 Бриллиантов А. В. Там же. С. 39.

16 См.: Гришко А. Я. О принципах уголовно-исполнительного права // Вестник Московского гос. обл. ун-та: Серия Юриспруденция. 2014. № 4. С. 70-77; Уголовно-исполнительное право: учебник. / Под ред. В. И. Селиверстова. 3-е изд, испр. и доп. М.: Юриспруденция, 2002. С. 17; Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право РФ: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. С. 19.

17 См.: Зубарев С. И. Уголовно-исполнительное право: конспект лекций. 3-е изд. М.: Юрист, 2006. С. 32.

18 См.: Российский курс уголовно-исполнительного права: курс лекций в 2 т. Т. 1. Общая часть. Учебник. Е. А. Антонян, Ю. М. Антонян, С. А. Борсученко и др. под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2012. С. 103-107.

19 Бриллиантов А. В. Указ. соч. С. 17.

20 См.: Бриллиантов А. В. Указ. соч. С. 38.

21 См. Бриллиантов А. В. Указ. соч. С. 43; Общая часть уголовно-исполнительного права ... С. 80-81.

22 Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / Под ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 539.

23 Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой и историко-правовой аспекты: монография ... С. 539.

24 Бриллиантов А. В. Указ. соч. С. 38-40; Общая часть уголовно-исполнительного права ... С. 82.

25 См.: Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). Под ред. Н. А. Стручкова. М., 1969. С. 15; Наташев А. Е. Советское исправительно-трудовое законодательство (основные вопросы теории и практики). М., 1975. С. 83; Ременсон А. А. Индивидуализация наказания в процессе его исполнения // Труды Том. ун-та. Томск, 1961. С. 78-93; Селиверстов В. И., Шма-

Следует иметь в виду, что принцип индивидуализации реализуется не только в отношении осужденных, отбывающих уголовные наказания, связанные с лишением свободы²⁶. Мы склонны признавать, что рассматриваемый принцип распространяется на всех осужденных, отбывающих как уголовные наказания, так и иные меры уголовно-правового характера. Сказанное приводит к мысли о том, что в процессе исполнения всех видов уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера с учетом личности осужденных, их индивидуальных особенностей, должны к ним применяться те средства исправительно-предупредительного воздействия, которые будут способствовать достижению целей уголовно-исполнительного права.

На основании изложенного, считаем целесообразным предусмотреть содержание принципов дифференциации и индивидуализации в отдельных статьях специальной главы УИК РФ. Принцип дифференциации мы видим в следующей редакции: «При исполнении и отбывании уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера должны учитываться требования о дифференциации осужденных, в основе которой лежат классификационные критерии: социально-демографические, уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и другие». Принцип индивидуализации предлагаем закрепить также в отдельной статье: «При исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера должны учитываться характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность и поведение осужденного в период отбывания им мер уголовной ответственности, а также его отношение к применяемым в отношении него мерам исправительно-предупредительного воздействия».

Принцип справедливости не нашел своего закрепления в тексте ст. 8 УИК РФ в отличие от УК РФ. Справедливость как правовая категория сочетает в себе основополагающие принципы уголовно-исполнительного права: законности, равенства осужденных перед законом, гуманизма, дифференциации и индивидуализации. Бесспорно то, что если нарушается порядок и условия исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении осужденных, то можно констатировать не только нарушение принципа законности, но и справедливости. В. Д. Филимонов, оценивая принцип справедливости в уголовном праве, выделяет в нем оценку целей уголовной ответственности и наказания; оценку средств их достижения и результатов применения наказания²⁷.

Принцип справедливости проявляется как в процессе законодательной деятельности, так и правоприменительной практики учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера. Следует признать, что несмотря на отсутствие принципа справедливости в УИК РФ, он проявляет себя в нескольких аспектах. Полагаем, что его содержание необходимо раскрывать через совокупность следующих требований: справедливость

установления порядка и условий отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера заявленным целям уголовно-исполнительного права; справедливость применяемых в отношении осужденных мер исправительно-предупредительного характера, а также мер взыскания. Можно задать резонный вопрос: зачем включать принцип справедливости в УИК РФ? Ответ, на наш взгляд, состоит в том, что законодатель тем самым обращает внимание должностных лиц учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, на соответствие принимаемых ими решений интереса как государства, так и самих осужденных, иных лиц, участвующих в уголовно-исполнительных правоотношениях. Кроме того, с помощью раскрытия содержательной стороны данного принципа достигается более эффективное регулирование общественных отношений²⁸, составляющих предмет уголовно-исполнительного права. Полагаем, что принцип справедливости нуждается в законодательном закреплении, в связи с чем, предлагаем его следующую редакцию: «1. Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении осужденных должно быть справедливым, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенных преступлений, личности осужденных, обстоятельствам их совершения, его поведению в период отбывания мер уголовной ответственности. 2. Осужденные не должны подвергаться повторным взысканиям за одни и те же правонарушения».

Принцип демократизма, помимо непосредственного закрепления в ст. 8 УИК РФ, нашел свое частичное отражение в ст. 23 УИК РФ. По мнению некоторых ученых-пенитенциаристов проявлением принципа демократизма следует считать осуществление контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также признание осужденных субъектами права²⁹. Но так ли это на самом деле? Отвечая на данный вопрос, мы обращаемся к проблеме предмета уголовно-исполнительного права. Комплексный анализ совокупности общественных отношений, составляющих предмет уголовно-исполнительного права, позволяет нам усомниться в безупречности такой позиции. Следует отметить, что профессор В.А. Уткин справедливо подчеркивает мысль о том, что оценку принципам следует давать, исходя из специфики регулируемых уголовно-исполнительным правом общественных отношений³⁰. Думается, что нормы права, предусматривающие различные виды государственного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, носят разнотраслевой характер. Сказанное дает основание признать, что виды государственного контроля не могут свидетельствовать о реализации принципа демократизма. Во избежание ошибочных суждений не следует относить к реализации принципа демократизма признание осужденных субъектами права. На наш взгляд, закрепление правового статуса осужденных является отражением принципа законности, но не принципа демократизма.

ров И. В., Яковлева Л. В. Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Концепция и основные положения. М., 1997; Сперанский И. А. Содержание и реализация принципов исправительно-трудового права. Волгоград, 1969. С. 46; Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. С. 86;

26 См.: Бриллиантов А. В. Указ. соч. С. 76; Кириллов М. А. О принципе индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве РФ // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2015. № 29 (11). С. 103.

27 См.: Филимонов В. Д. Теоретические проблемы о вине в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 106-107.

28 См.: Филимонов В. Д. Справедливость как принцип права // Государство и право. 2009. № 9. С. 13.

29 См.: Сизая Е. А. Указ. соч. С. 125-129.

30 См.: Уткин В. А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность? // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 52.

Что же является содержанием принципа демократизма в уголовно-исполнительном праве? Полагаем, что, во-первых, должны найти отражение общие положения о том, что процесс исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, соблюдение прав осужденных, находятся под общественным контролем. Оценивая в данном контексте нормативные положения ст. 23 УИК РФ, можно сделать вывод о том, что участие общественных объединений в осуществлении общественного контроля за обеспечением прав осужденных является частичным случаем принципа демократизма. Во-вторых, следует отметить, что в содержание принципа демократизма следует отразить возможность участия осужденных в управлении делами государства при условии, что его измененный правовой статус не создает препятствий в реализации его политических прав. На практике достаточны типичны ситуации, когда осужденные, отбывающие уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества, иные меры уголовно-правового характера, пользуются активными избирательными правами. Таким образом, на проблему отражения общих нормативных положений, составляющих принцип демократизма в уголовно-исполнительном праве, необходимо посмотреть с точки зрения сочетания приведенных двух правовых моментов, разъясняющих специфику данного принципа с учетом специфики уголовно-исполнительной сферы.

В ст. 8 УИК РФ законодателем закреплен принцип соединения наказания с исправительным воздействием. Данный принцип получил научное обоснование и развитие в трудах ряда ученых-пенитенциаристов³¹. Вместе с тем следует признать, что среди ученых отсутствует унифицированный подход к определению сущности и содержания данного принципа.

Достаточно распространенной является точка зрения о том, что этот принцип действует в отношении срочных уголовных наказаний, реально отбываемых. При реализации видов уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества, наблюдается очевидное классическое соединение наказания с мерами исправительного воздействия. Под мерами исправительного воздействия понимается достаточно широкий комплекс мер. Так, одни из них предусмотрены в Общей части УИК РФ – ст. 9, другие находят выражение в Особенной части УИК РФ (меры поощрения, материально-бытовое обеспечение и другие). Под исправительным воздействием в литературе понимают совокупность карательно-воспитательных мер³².

Существует точка зрения, что при исполнении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также при исполнении штрафа, дополнительных видов наказания, отсутствует действие данного принципа³³. Нельзя

не отметить того обстоятельства, что данный принцип действует в отношении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, где акцент осуществляется в большей степени не на карательно-исправительном, а на исправительно-предупредительном воздействии. В частности, он находит выражение в привлечении осужденного к обязательным работам к труду (ст. 26 УИК РФ); обязанностях трудоустроиться; не менять место работы без уведомления специализированного государственного органа (ч. 5 ст. 73 УИК РФ). Действительно, при исполнении штрафа как вида уголовного наказания карательная сущность может не просматриваться в полном объеме (хотя все зависит от размера исполнения штрафа), так как на осужденного в большей степени оказывается предупредительное воздействие.

Практически наблюдается правовой вакуум в части содержания принципа соединения иной меры уголовно-правового характера с исправительно-предупредительным воздействием. Необходимо констатировать, что законодатель не закрепляет в УИК РФ возможность соединения иной меры уголовно-правового характера с исправительно-предупредительным воздействием. На самом деле при применении к осужденному иной меры уголовно-правового характера, являющейся формой реализации уголовной ответственности, уголовно-исполнительные правоотношения существуют, а, следовательно, с учетом его личности и поведения к нему должны применяться меры некарательного исправительно-предупредительного воздействия для обеспечения безопасности общества и государства, недопущения рецидива преступлений. С содержательной стороны соединение иной меры уголовно-правового характера с некарательным предупредительным воздействием может выражаться в следующих обязанностях: пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании и венерического заболевания; являться в инспекцию на регистрацию; обеспечивать периодичность явки; обязанность не менять место работы или учебы; проверка материально-бытовых условий проживания³⁴. В приведенных примерах просматривается соединение иной меры уголовно-правового характера в некарательным предупредительным воздействием. Анализируя, понятие меры исправительно-предупредительного воздействия необходимо признать, что оно носит собирательный характер, так как, с одной стороны, представлено средствами исправительного воздействия, а с другой стороны, средствами предупредительного воздействия³⁵.

С учетом изменившихся общественных отношений, корректировки предмета уголовно-исполнительного права, полагаем, что данный принцип нуждается в модернизации. Во-первых, в процессе реализации уголовной ответственности осужденные отбывают не только уголовные наказания, но иные меры уголовно-правового характера. Во-вторых, в процессе исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера к осужденному применяются как меры карательного, так и некарательного предупредительного воздействия. Следовательно, данный принцип

31 См.: Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л.: Изд-во Лен. Ун-та, 1963. С. 85; Зубков А. И. Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик (альтернативный проект). А. И. Зубков, В. И. Селиверстов. Рязань: РВИИ МВД СССР, 1990. С. 43; Сперанский И. А. Содержание и реализация принципов исправительно-трудового права. Учебное пособие. Волгоград: Высшая след. Школа, МВД СССР, 1969. С. 52; Сизая Е. А. Указ. соч. С. 172-174; Уголовно-исполнительное право: Учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Под общ. ред. Ю. И. Калинина. М.: Рязань, Логос: Академия права и управления ФЦИН, 2006. С. 209.

32 См.: Уголовно-исполнительное право ... С. 209.

33 См.: Громов В. Г. О реализации некоторых принципов уголовно-исполнительного права // Уголовно-правовые, пенитенциарные

принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни. Ч. 1. Саратов, 2005. С. 169.

34 См.: Приказ Минюста России 20.05.2009 №142 (ред. 22.08.2011) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества // Рос. газета. 14.08.2009. № 151.

35 К средствам предупредительного воздействия мы относим правоограничения некарательного характера, направленные на предупреждение совершения осужденным новых преступлений.

распространяется на всю сферу действия уголовно-исполнительного права. На наш взгляд, он должен быть закреплён в следующей редакции «Принцип соединения уголовного наказания и иной меры уголовно-правового характера с исправительно-предупредительным воздействием». Содержание видоизменённого принципа состоит в следующем: «Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера соединяется с исправительно-предупредительным воздействием».

Наконец, следует обратиться к сложносоставному отраслевому принципу – принципу рационального применения мер принуждения, средств исправления осуждённых и стимулирования их правопослушного поведения, закреплённому в ст. 8 УИК РФ. Мы склонны признать, что правовая природа данного принципа многолика и противоречива. Существует группа ученых-пенитенциаристов, которые усматривали в существовании данного принципа продолжение реализации принципов дифференциации и индивидуализации³⁶. Другие ученые исключали данный принцип из перечня отраслевых принципов, поскольку считали, что он перекрывался принципом дифференциации и индивидуализации³⁷.

На наш взгляд, заслуживает внимания и одобрения позиция Н. И. Ланкина, который увидел в существовании данного принципа две самостоятельные стороны: выделив, с одной стороны, рациональное применение мер принуждения или экономии принудительных средств, с другой стороны, стимулирование правопослушного поведения осуждённых³⁸. Данная позиция в части выделения из существующего принципа – принципа стимулирования правопослушного поведения впоследствии была воспринята и поддержана Е. А. Сизой³⁹. На наш взгляд, действительно данный принцип носит сложносоставной характер, так как в его структуре можно выделить два отдельных принципа: 1) принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления; 2) принцип стимулирования их правопослушного поведения.

Под мерами принуждения понимаются взыскания, применяемые к осуждённым (ст. 59, 117, 137, 169 УИК РФ). Заслуживает внимания то обстоятельство, что применение признака «рациональности» нуждается в соответствующей оценке. Получается, что правоприменитель должен дать оценку всем обстоятельствам совершения правонарушения, учитывая тяжесть совершенного проступка, личность осуждённого, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Примечательно и то, что избрание правоприменителем меры взыскания с учетом рационального подхода диктует необходимость избрать строгий вид взыскания с том случае, если менее строгий вид взыскания не сможет обеспечить достижения своих целей в отношении осуждённых – исправить их и предупредить совершение ими новых преступлений. Таким образом, видоизменённый принцип с названием «Принцип рационального

применения мер принуждения, средств исправительно-предупредительного воздействия» следует изложить в следующей редакции: «1. Более строгая мера дисциплинарного взыскания (принуждения) применяется к осуждённому в том случае, если менее строгая мера взыскания не сможет обеспечить достижение своих целей в отношении всех лиц. 2. Средства исправительно-предупредительного воздействия применяются к осуждённым с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, вида назначенных уголовного наказания или иной меры уголовно-правового характера, личности осуждённых, их поведения».

Кроме того, в процессе исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера к осуждённым применяются меры поощрения, которые трактуются достаточно широко (ст. 57, 71, 113, 134, 153, 167 УИК РФ), стимулирующие осуждённого к исправлению, формированию правопослушного поведения как в период отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, так и после освобождения. Полагаем, что принцип стимулирования правопослушного поведения осуждённых также должен найти отражение в тексте УИК РФ.

Подводя итоги и учитывая изложенного, мы пришли к выводу о том, что к принципам уголовно-исполнительного права, подлежащим законодательному закреплению, относятся: законности; гуманизма; равенства осуждённых перед законом; дифференциации; индивидуализации; справедливости; соединения уголовного наказания и иной меры уголовно-правового характера с исправительно-предупредительным воздействием; рационального применения мер принуждения, средств исправления; стимулирования их правопослушного поведения. На наш взгляд, указанные принципы подлежат закреплению в новом проекте УИК РФ с раскрытием их сущностной характеристики.

Пристатейный библиографический список

1. Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осуждённых в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). Под ред. Н.А. Стручкова. М., 1969. 149 с.
2. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л.: Изд-во Лен. Ун-та, 1963. 186 с.
3. Бриллиантов А. В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1998. 48 с.
4. Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право РФ: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. 224 с.
5. Гришко А. Я. О принципах законности и равенства осуждённых перед законом // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. (87). С. 27-31.
6. Гришко А. Я. Принцип гуманизма и демократизма // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 23-27.
7. Гришко А. Я. О принципах уголовно-исполнительного права // Вестник Московского гос. обл. ун-та: Серия Юриспруденция. 2014. № 4. С. 70-77.
8. Громов В. Г. О реализации некоторых принципов уголовно-исполнительного права // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реали-

36 См.: Зубарев С. М. Уголовно-исполнительное право. Учебное пособие. М.: Юрайт-Издат, 2004. С. 17; Мелентьев М. М. Проблемы разработки принципов уголовно-исполнительного права // Совершенствование законодательства и практики учреждений, исполняющих наказания, на основе Конституции РФ: Тезисы докладов. М.: ВНИИ МВД РФ. 1995. С. 42-46.

37 См.: Зубков А. И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ. М.: Издат. Группа ИНФРА-М, 1997. С. 17.

38 См.: Ланкин Н. И. О принципах уголовно-исполнительного права. Актуальные проблемы государства и права в современный период: Сб. статей. Под ред. В. Ф. Воловского. Ч. 1. Томск, Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. С. 49.

39 Сизая Е. А. Указ. соч. С. 172.

- зация: правотворческий, правоприменительный уровни. Ч. 1. Саратов, 2005. С. 165-169.
9. Зубарев С. И. Уголовно-исполнительное право: конспект лекций. 3-е изд. М.: Юрист, 2006.
10. Зубков А. И. Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик (альтернативный проект). А.И. Зубков, В.И. Селиверстов. Рязань: РВИШ МВД СССР, 1990. 60 с.
11. Зубков А. И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ. М.: Издат. Группа ИНФРА-М, 1997. 496 с.
12. Исаенкова О. В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2003. 380 с.
13. Исаенкова О. В. О развитии принципов гражданского процессуального права в проекте обновленного Гражданско-процессуального Кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета, 2017. С. 15-21.
14. Кириллов М. А. Принцип дифференциации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном законодательстве РФ // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2014. № 1. 34. С. 26-30.
15. Кириллов М. А. О принципе индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве РФ // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2015. № 29 (11). С. 101-103.
16. Кропачев Н. М. Принципы применения мер ответственности за преступления // Правоведение. 1990. № 6. С. 72-73.
17. Ланкин Н. И. О принципах уголовно-исполнительного права. Актуальные проблемы государства и права в современный период: Сб. статей. Под ред. В.Ф. Воловского. Ч. 1. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. С. 47-49.
18. Мелентьев М. М. Проблемы разработки принципов уголовно-исполнительного права // Совершенствование законодательства и практики учреждений, исполняющих наказания, на основе Конституции РФ: Тезисы докладов. М.: ВНИИ МВД РФ. 1995. С. 42-46.
19. Наташев А. Е. Советское исправительно-трудовое законодательство (основные вопросы теории и практики). М., 1975. 168 с.
20. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., профессора В. И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. 328 с.
21. Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / Под ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017. 584 с.
22. Павлов И. Н. Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве. Автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 23 с.
23. Ременсон А. А. Индивидуализация наказания в процессе его исполнения // Труды Том. ун-та. Томск, 1961. С. 78-93.
24. Российский курс уголовно-исполнительного права: курс лекций в 2 т. Т 1. Общая часть. Учебник. Е. А. Антонян, Ю. М. Антонян, С. А. Борсученко и др. под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2012. 697 с.
25. Рябинин А. А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: монография. Домодедово, 2000. 355 с.
26. Селиверстов В. И, Шмаров И. В., Яковлев Л. В. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: концепция и основные положения, сопоставительный текст, постатейный комментарий к новеллам. М., 1997.
27. Сизая Е. А. Принципы уголовно-исполнительного права: вопросы теории и практики. Монография. Чебоксары, 2008. 383 с.
28. Сперанский И. А. Содержание и реализация принципов исправительно-трудового права. Волгоград, 1969. 71 с.
29. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. 240 с.
30. Уголовно-исполнительное право: Учебник: в 2 т. Т 1. Общая часть / Под общ. ред. Ю. И. Калинина. М.: Рязань, 2006. 584 с.
31. Уголовно-исполнительное право: учебник. / Под ред. В.И. Селиверстова. 3-е изд, испр. и доп. М.: Юриспруденция, 2002.
32. Уткин В. А. Демократизм уголовно-исполнительного права: декларация или реальность? // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 50-53.
33. Филимонов В. Д. Теоретические проблемы о вине в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 106-107.
34. Филимонов В. Д. Справедливость как принцип права // Государство и право. 2009. № 9. С. 5-13.

ЖАРКО Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент Института Академии права и управления ФСИН России

НОВИКОВА Людмила Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

ПЛАНИРОВАНИЕ И ВЫДВИЖЕНИЕ ВЕРСИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В представленной статье анализируются закономерности процесса планирования и выдвижения версий на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений. На основе обобщения практического примера обосновывается значение планирования и выдвижения версий как обязательного условия расследования пенитенциарных преступлений.

Ключевые слова: планирование, выдвижение версий, первоначальный этап расследования преступлений, пенитенциарные преступления.

ZHARKO Natalya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate Professor of Institute of the of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

PLANNING AND EXTENDING VERSIONS AT THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF PENITENTIARY CRIMES

The article analyzes the regularities of the planning process and the development of versions at the initial stage of the investigation of penitentiary crimes. On the basis of generalization of a practical example the importance of planning and promotion of versions as a prerequisite for the investigation of penitentiary crimes is substantiated.

Keywords: planning, development of versions, initial stage of investigation of crimes, penitentiary crimes.

Разработка проблем, связанных с использованием средств познания как одного из методов, применяемых при расследовании пенитенциарных преступлений, является одной из актуальных в научных изысканиях ученых и практиков. К числу таких краеугольных проблем относится – планирование и выдвижение версий на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений.

Как справедливо отмечают Л. П. Дубровицкая и И. М. Лузгин, планирование является обязательным условием расследования любого преступления. Оно представляет собой сложный мыслительный процесс, состоящий в определении задач, путей и способов их решения в соответствии с требованиями закона¹. Не является исключением процесс планирования расследования пенитенциарных преступлений как научный метод, заключающийся, на наш взгляд, в планомерном и целеустремленном собирании доказательств с использованием современных тактических приемов, научно-техни-

ческих средств² и методик расследования.

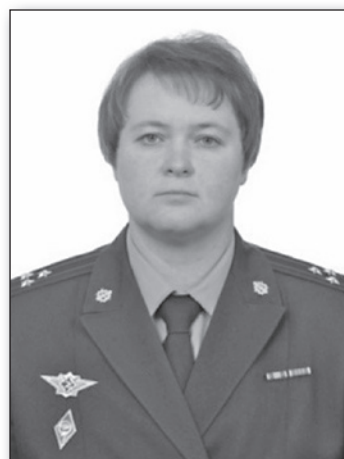
Представляется, что рассматриваемый мыслительный процесс по планированию специфичен для каждого этапа расследования пенитенциарных преступлений. В частности, первоначальный этап следует различать от последующего совокупностью задач, решение которых в условиях пенитенциарных учреждений имеет некоторые специфические особенности, чем и предопределяется ход дальнейшего исследования.

Жарко Н. В.

Назаркин Е. В.

Новикова Л. В.

¹ См.: Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования. М.: ВШ МВД СССР, 1973. С. 3.

² См.: Нуждин А. А. Структура тактических операций, проводимых в целях пресечения преступлений с использованием телекоммуникационных систем в исправительных учреждениях // Закон и право. 2016. № 10. С. 125.

Процесс накопления информации о произошедшем в пенитенциарном учреждении противоправном событии всегда связан с активной мыслительной деятельностью лица, ведущего расследование, с целью определения оптимальной, индивидуальной, динамичной и реальной стези расследования, на основе всестороннего анализа исходных фактических данных. Как правило, для мысленного моделирования поступательного движения расследования в условиях пенитенциарных учреждений немаловажно знать, а также филигранно использовать ситуационные источники получения первичной информации³ и нередко существующую объективную возможность вариационного выбора необходимой информации.

Содержательная сторона планирования первоначального этапа расследования пенитенциарных преступлений формируется исходя из сложившейся первоначальной следственной ситуации. В частности, в следственной практике в план расследования обычно включаются: следственные версии, сформулированные на основе имеющейся информации; вопросы, подлежащие установлению и выяснению; первоначальные следственные, оперативно-розыскные и иные действия; последовательность их подготовки и выполнения; срок исполнения и исполнителей.

Вместе с тем, не стоит забывать, что составление общего плана расследования пенитенциарного преступления, не исключает процедуру планирования по проведению каждого первоначального следственного действия. Данное утверждение оправдывается тем, что для первоначального этапа расследования пенитенциарных преступлений характерен поиск, в котором много неизвестного. Вследствие этого на данном этапе необходимо планировать не просто объем предстоящей работы, а конкретные следственные действия⁴ в определенной их последовательности и в сочетании с непроцессуальными мерами. Кроме того, при планировании следственных действий обязательно взаимодействие следователя с администрацией пенитенциарного учреждения по вопросам: принятия решения о применении оперативно-розыскных и режимных мер; о необходимости и формах привлечения к участию лиц из числа осужденных, сотрудников пенитенциарного учреждения; определения тактических приемов, обеспечивающих эффективные результаты планируемых следственных действий; избрания места и времени проведения.

Пожалуй, весомая роль в планировании расследования пенитенциарного преступления на первоначальном этапе отводится версионному процессу, основная сущность которого заключается в выдвижение следственных версий. Данный процесс длящийся и начало его связано с решением вопроса о возбуждении уголовного дела, а окончание зависит от получения необходимого количества фактических данных о расследуемом событии. Значение версионного процесса в планировании расследования пенитенциарных преступлений подтверждает следующий пример из следственной практики. Так, в 01 час 10 минут из камеры штрафного изолятора одного из исправительных учреждений, где содержались М., Л., Т., Р. и Б., раздался стук. Сотрудники ИК, открыв

дверь в камеру, получили информацию от осужденного Л. о том, что в то время когда они спали, их сокамерник Б. повесился. Войдя в камеру сотрудники обнаружили в петле, сделанной из простыни и подвешенной к печной решетке, висящий труп мужчины в одежде, установленного образца для ношения осужденным.

По данному факту (обнаружению трупа) было возбуждено уголовное дело и начато расследование. На первоначальном этапе было собрано очень мало информации о случившемся событии. Не удалось установить, имело ли место самоубийство или оно умело инсценировано осужденными, совершившими убийство.

Лицу, проводящему расследование, для того, чтобы осмыслить содержание немногочисленной информации и разрозненных фактов, полученных на первоначальном этапе расследования, уяснить причину их возникновения и взаимосвязь между ними, приходится прибегать к предположительному объяснению имеющихся данных в форме версий.

По мнению Н. Г. Шурухнова наличие трупа в таких случаях и даже имеющихся на нем отдельных следов насилия (например, различного рода повреждений на теле и одежде, возникших в результате борьбы и самообороны, орудий, при помощи которых осуществлялось насилие), лежащих как бы «на поверхности», еще полностью не раскрывают глубинных процессов события⁵. Это представляется правильным, поскольку в процессе расследования конкретного пенитенциарного преступления движение лица, проводящего расследование, от незнания к знанию заключается в собирании последовательной цепи предположений, связанных с элементами расследуемого события различных степеней общности.

Из представленного выше примера следует, что в начале расследования отсутствовали конкретные данные о произошедшем событии, основываясь на которых можно было бы выдвинуть версии об отдельных обстоятельствах случившегося. В данной ситуации, как правило, на основе опыта следственной работы и в результате научных исследований формулируются типовые версии о закономерной связи между существующими на первоначальном этапе обстоятельствами, фактами, позволяющими установить состав преступления. Поэтому лицо, начавшее расследование по факту обнаружения Б., правильно выдвинуло следующие типичные версии: совершено убийство (самоубийство инсценировано); имело место доведение до самоубийства; самоубийство.

С целью отработки сформулированных версий был проведен осмотр трупа, в результате которого на шее Б. были обнаружены многочисленные ссадины, кровоподтеки, находящиеся ниже расположения петли в виде горизонтально замкнутой борозды при наличии слабо выраженной косовосходящей странгуляционной борозды, образованной петлей. Полученная информация позволила предположить, что телесные повреждения на трупе являются последствиями физического насилия.

Вместе с тем, как справедливо отмечал Р. С. Белкин, типичные версии не должны рассматриваться как наиболее вероятные по сравнению с версиями, основанными на конкретных особенностях расследуемого преступления, и по

3 См.: Сулейманов Т. А., Белая Н. П., Данилова И. Ю., Жарко Н. В. Тактические приемы допроса подозреваемых при расследовании пенитенциарных преступлений // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2014. № 6. С. 153.

4 См.: Гришин Д. А. Правовые основы уголовно-процессуальной деятельности // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 213.

5 Шурухнов Н. Г. Расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1992. С. 23.

мере развития процесса доказывания они конкретизируются, уточняются, а в случае необходимости отбрасываются⁶.

Как только появляется конкретная информация об обстоятельствах расследуемого деяния, формулируются так называемые частные версии, касающиеся отдельных деталей события преступления. Так, проведенные неотложные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по факту обнаружения трупа Б. позволили собрать новые факты, подтвердившие версию об убийстве. Кроме того, по мере собирания информации о преступлении, его характере формулировались частные версии о мотиве, способе⁷, времени его совершения, лице его совершившем и роли других лиц, потому что в камере с убитым Б. содержалось четверо осужденных.

Результатом проверки сформулированных версий было установлено, что осужденные, содержащиеся в камере штрафного изолятора, по предварительному сговору между собой решили убить Б. Для реализации задуманного Л. набросил на шею Б. петлю, сделанную из простыни, а Р. и Т. повалили его на пол и стали тянуть концы петли в разные стороны. При этом М. стоял над Б. с металлическим штырем в руках и говорил, что делать. Задушив Б., осужденные подвесили его труп и вызвали сотрудников ИУ.

Анализируя данный пример, следует констатировать, что планирование является обязательным условием расследования пенитенциарных преступлений⁸ на первоначальном этапе. Оно представляет собой сложный мыслительный процесс, состоящий в определении задач, путей и способов их решения в соответствии с требованиями закона. Основным структурным элементом планирования на первоначальном этапе следует считать процесс формулирования версий и их проверки.

В целях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств случившегося в начале расследования целесообразно выдвигать все возможные, основанные на имеющейся информации фактах, версии. Первоначальных версий о расследуемом событии, как правило, должно быть несколько вне зависимости от очевидности существования рассматриваемого события и убедительности данных о наличии признаков конкретного преступления. Кроме того лицо, проводящее расследование, в случаях, когда поводом для возбуждения уголовного дела стала явка с повинной или другие очевидные обстоятельства, должно выдвигать версию, исходящую из противного.

Содержание версий является производным от особенностей конкретного факта, имеющего признаки преступления. Совокупность таких особенностей отличает каждое преступление от всех остальных, в том числе и однородных⁹. Сведения об этих особенностях, то есть конкретном проявлении данного преступления, поступают к лицу, проводящему расследование не сразу, не в полном объеме, а постепенно и поэтому выдвижение версий также зависит от объема

установленных данных о факте, имеющем признаки состава преступления. Как показывает практика, выдвижение следственных версий подчиняется определенной последовательности, а умение правильно выдвигать и проверять версии способствует раскрытию и расследованию пенитенциарных преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Акчурин А. В., Масленников Е. Е. Способы совершения пенитенциарных преступлений // Право и образование. 2018. № 4. С. 139-144.
2. Гришин Д. А. Правовые основы уголовно-процессуальной деятельности // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 213-214.
3. Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования. М.: ВШ МВД СССР, 1973.
4. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование и организация. М.: Юрид. Лит., 1970.
5. Новикова Л. В., Жарко Н. В. К вопросу о методике расследования пенитенциарных преступлений // Оперативно-розыскное, процессуальное и криминалистическое обеспечение деятельности учреждений УИС: сб. материалов. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017.
6. Нуждин А. А. Структура тактических операций, проводимых в целях пресечения преступлений с использованием телекоммуникационных систем в исправительных учреждениях // Закон и право . 2016. № 10. С. 125-126.
7. Сулейманов Т. А., Белая Н. П., Данилова И. Ю., Жарко Н. В. Тактические приемы допроса подозреваемых при расследовании пенитенциарных преступлений // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2014. № 6. С. 150-154.
8. Теория доказательства в советском уголовном процессе. М., 1966.
9. Шурухнов Н. Г. Расследование преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1992.

6 См.: Теория доказательства в советском уголовном процессе. М., 1966 С. 266.

7 См.: Акчурин А. В., Масленников Е. Е. Способы совершения пенитенциарных преступлений // Право и образование. 2018. № 4. С. 140.

8 См.: Новикова Л. В., Жарко Н. В. К вопросу о методике расследования пенитенциарных преступлений // Оперативно-розыскное, процессуальное и криминалистическое обеспечение деятельности учреждений УИС: сб. материалов. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. С. 202.

9 Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование и организация. М.: Юрид. Лит., 1970. С. 13.

САФАРОВ Владислав Раильевич

старший преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса Факультета экономики и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

МУРТАЗИНА Роза Рауилевна

студентка 4 курса Факультета экономики и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ

Вопросы, связанные с особенностями расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями в криминалистике на сегодняшний день являются весьма актуальными. В данной научной статье рассмотрены особенности определения криминалистической характеристики преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями, исследованы элементы состава указанной категории, а также определены их межэлементные связи. Авторами предложены некоторые меры по улучшению и совершенствованию качества производства расследования преступлений по данной категории дел.

Ключевые слова: преступление, Российская Федерация, лица с психическими отклонениями, расследование преступлений, психическое заболевание.

SAFAROV Vladislav Railjevich

senior lecturer of Civil and criminal law and process sub-faculty of the Economics and Law Faculty of the Sibay Institute (branch) of the Bashkir State University

MURTAZINA Roza Rauilevna

4th year student of the Economics and Law Faculty of the Sibay Institute (branch) of the Bashkir State University

FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY PEOPLE WITH MENTAL DISABILITIES

The questions connected with features of investigation of the crimes committed by persons with mental deviations in criminalistics are very actual today. This scientific article describes the features of the definition of criminalistic characteristics of crimes committed by persons with mental disabilities, investigated the elements of this category, as well as their inter-element relationships. The authors propose some measures to develop and improve the quality of the investigation of crimes in this category of cases.

Keywords: crime, Russian Federation, persons with mental disorders, investigation of crimes, mental illness.

В процессе проведения следственных действий нередко встречаются случаи расследования преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями. В юридической литературе не уделяется достаточного внимания вопросу борьбы с преступлениями, совершенными лицами, которые страдают определенными психическими заболеваниями.

Так, в процессе анализа личных дел лиц, которые находятся в местах лишения свободы, было выявлено, что сведения о психическом состоянии таких лиц не проверялись должным образом. В результате чего, судами не учитывалось наличие у подсудимых каких-либо психических отклонений, а также не подвергались обсуждению вопросы о необходимости применения к ним принудительных мер медицинского характера.

Следовательно, вопросы об особенностях расследования преступных деяний, совершенных лицами с психическими отклонениями требуют дальнейшего исследования, и непосредственно определяют актуальность данной научной работы и в научном, и в практическом смыслах.

В обобщенном аспекте психическое отклонение лица следует понимать как сложное, многогранное явление, носящее сложный внутриличностный характер, который предусматривает, главным образом, наличие отрицательных изменений в психической деятельности лица.

К примеру, в процессе самого расследования, в процессе непосредственного судебного разбирательства дел

данной категории участники, осуществляющие судебный процесс (следователь, судья), не только имеют определенные трудности в установлении вопроса психических отклонений обвиняемого, в большинстве случаев не располагают информацией, имеются ли они в действительности у обвиняемого.

К основным элементам криминалистической характеристики преступных деяний, совершенных лицами с психическими отклонениями, как правило, относят непосредственно личность преступника, средства преступления, предмет (объект) преступного посягательства, следы преступления как результат отражения преступной деятельности.

Вместе с тем, необходимо знать, что психическое отклонение представляет собой главное обстоятельство, влияющее на внутреннее содержание каждого из предложенных элементов рассматриваемой криминалистической характеристики, устанавливающим межэлементные связи, а значит, и формирующим структуру исследуемой категории.

Как правило, особенности определенного психического заболевания обусловлены избранием того или иного вида преступного посягательства. К примеру, Е. М. Толстолужинская определяет, что, в большинстве случаев, лица с органическими поражениями головного мозга чаще всего совершают кражи в 29%, грабежи или разбои - 21%, по 7% из общего числа совершают убийства, вымогательство, мошенничество

и незаконный оборот наркотиков и 4% причиняют тяжкий вред здоровью.¹

Исходя из вышесказанного, определенный вид психического заболевания, а также обусловленная данным заболеванием мотивация определяют непосредственно форму преступного посяательства, избрание средств его совершения.

В криминалистике под любого рода материальными веществами, предметами, процессами и явлениями, с помощью которых воздействуют на предмет посяательства, потерпевшего и иных субъектов преступления в целях достижения преступного результата следует понимать средства совершения конкретного преступного деяния. Предполагается, что такая система, благодаря особенностям данной категории преступных посятельств, дает возможность успешно совмещать внутриличностные процессы и внешние проявления преступлений лица с психическими отклонениями здоровья.

Как верно отмечают Ю. М. Антонян психическими отклонениями обусловлены наиболее восприимчивые виды реакции указанных лиц на конфликтные ситуации, однако это не означает полной неизбежности совершения преступных деяний данными лицами. Таким лицам просто легче «сорваться».²

К числу основных видов психических заболеваний, как правило, относят наркоманию, алкоголизм, токсикоманию, органические заболевания психики, эпилепсию, состояние дебильности, шизофрению в процессе ремиссии, а также маниакально-депрессивный психоз в различных ее проявлениях

Основными признаками совершения преступного деяния лицом, который имеет психические отклонения, могут указывать следы, свидетельствующие об особой жестокости, к примеру, характеризующиеся беспричинным нанесением жертве многократных повреждений, расчленением трупа без особых способов спрятать его, вскрытием полостей трупа, изуродованием половых органов. Иным способом достижения цели преступления могут явиться следы, характеризующиеся патологической бессмысленностью или нелогичностью действий преступного лица (следы немотивированного поджога, раскапывания захоронений, «послания», оставляемые преступником в виде писем, аудио- и видеозаписей, надписей на предметах окружающей обстановки).

Как правило, при расследовании преступлений, совершенных лицами с психическими отклонениями непосредственному установлению подлежат следующие основополагающие категории:

- обстоятельства совершения преступного деяния, то есть его время, место, способ, цели, мотивы совершения, характер, вид и размер причиненного вреда);
- конкретное лицо, совершившее преступление, его состояние вменяемости;
- при наличии какого-либо психического заболевания, его особенности, вид, степень характерные черты психического расстройства в момент совершения преступления, а также в момент его расследования;

– отличительные особенности данного лица до, во время и после совершенного преступного деяния.

Признаками совершения преступления лицом с психическими отклонениями являются:

- внезапные, немотивированные, неадекватные ситуации действия, главным образом, действия с проявлением повышенной агрессивности, особой бессмысленной жестокости, злобности, садизма;
- явная бессмысленность поведения на месте происшествия (к примеру, расчленение трупа потерпевшего без явных попыток спрятать части трупа: перетаскивание трупа с места мало освещенного на более освещенное, видное место);
- завладение недорогими вещами жертвы и оставление без внимания ценных вещей при наличии возможности реального выбора;
- иные следы аномальной, внешне проявляемой активности.

Необходимо иметь в виду, что лица, совершившие преступления и имеющие некоторые психические заболевания, как правило, обладают следующими специфическими характеристиками.³

Во-первых, возрастной контингент 20-37 лет. Данный показатель в зависимости от категорий совершаемых преступлений может изменяться. К примеру, преступления сексуального характера и кражи, в основном, совершают лица в возрасте 18-22 лет, грабежи и разбои – лица до 30 лет.

Во-вторых, как правило, у таких лиц не имеется постоянного источника дохода.

В-третьих, уровень образования у таких лиц невысокий.

В-четвертых, у них имеется активная противоправная целевая установка.

В-пятых, противоправные деяния совершают, основываясь на свои представления, из-за неверной оценки объективной действительности.

Отличительные черты у лиц, больных психическими заболеваниями, могут иметь и внешние признаки. К таковым, главным образом, следует отнести: внешние соматические признаки, функциональные признаки, также могут иметься странности в манере одеваться и в общем состоянии одежды.

В процессе проведения следственных действий необходимо выдвинуть и проверить следующие криминалистические версии. Во-первых, совершено ли расследуемое преступление лицом, которое на самом деле является невменяемым. Во-вторых, совершено ли преступное деяние лицом, которое имеет психические отклонения, однако является вменяемым касательно психически здоровым человеком, выдающим себя за душевнобольного.

Тактика следственных действий по расследованию преступных деяний, совершенных лицами с психическими отклонениями имеет ряд характерных особенностей. Во-первых, осуществляется допрос обвиняемого, страдающего психическими заболеваниями. В процессе подготовительного этапа и непосредственно самого проведения процессуальных мер важно иметь тесное взаимодействие со специалистами (психиатр, психолог, педагог), содействующие оценке хода и результатам следственных действий. Во-вторых, для улучшения качества используемых организационно-процес-

1 Толстолужинская Е. М. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. - Тюмень, 2004. - 161 с.

2 Антонян Ю. М., Виноградов М. В., Голумб Ц. А. Преступное поведение лиц с психическими аномалиями и его профилактика. - М.: Юридическая литература, 1980.

3 Толстолужинская Е. М. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. - Тюмень, 2004. - 161 с.

суальных мер представляется необходимым создать специальные следственно-оперативные группы для расследования преступных деяний, совершенных лицами с психическими отклонениями здоровья.

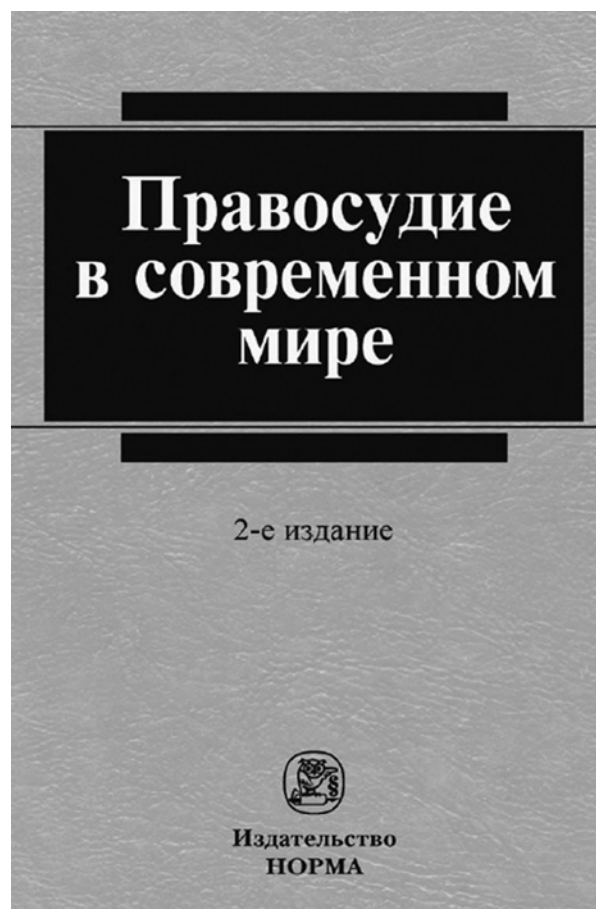
Вместе с тем, в качестве одной из мер, совершенствующих качество производства расследования преступлений по данной категории дел, представляется создание единой базы данных, реестра лиц, больных определенными психическими заболеваниями. Создание подобного органа возможно, например, по месту жительства, регистрации такого лица по мере обращения таких лиц за медицинской помощью, по мере выявления таких заболеваний.

Таким образом, при расследовании преступных действий, совершенных лицами с психическими отклонениями необходимо иметь ввиду, что психическая недостаточность таких лиц может отразиться при внешнем наблюдении со стороны на месте происшествия, которое не характерно в обычном поведении у психически здоровых лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // «Собрание законодательства РФ» (17.06.1996, № 25, ст. 2954); с последними изменениями (внесенными Федеральным законом от 23.04.2018 № 114-ФЗ), вступившими в силу с 21.10.2018 года (ред. 177).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». - 24 декабря 2001. - № 52 (ч. I) (ред. от 30.10.2018).
4. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». - 13 января 1997. - № 2 (ред. от 20.12.2017).
5. Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 02.07.1992. - № 33. - Ст. 1913 (ред. от 19.07.2018).
6. Антонян Ю. М., Бородин С. В., отв. ред. Кудрявцев В. Н. Преступность и психические аномалии. - М., Наука, 1987.
7. Антонян Ю. М., Виноградов М. В., Голумб Ц. А. Преступное поведение лиц с психическими аномалиями и его профилактика. - М.: Юридическая литература, 1980.
8. Волкова Т. Н., Михайлова А. В. К вопросу о криминальном поведении лиц, имеющих психические расстройства, исключающие вменяемость // Прикладная юридическая психология. - 2008. - № 2.

9. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. - Изд. 2-е, переработанное и дополненное. - М.: Политиздат, 1989.
10. Лебедев В. М. / Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Том 1. Общая часть. - М.: Издательство Юрайт, 2018. - 316 с. - (Серия: Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-00044.
11. Образцов В. А., Топорков А. А. Методика расследования деяний, совершенных лицами с психическими аномалиями // Криминалистика / Под ред. В. А. Образцова. - М., 1997. - С. 741-747.
12. Толстолужинская Е. М. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. - Тюмень, 2004. - 161 с.

АРИПШЕВ Ахмед Мухамедович

кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры огневой подготовки Северокавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ОБЗОР ДИНАМИКИ СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИХ РАСКРЫВАЕМОСТЬ

В статье проанализирована динамика преступлений в Москве. Изучены факторы, необходимые для квалифицированной диагностики преступлений, а также для принятия мер по предупреждению их возникновения, системы электронных средств поиска и идентификации личности, модернизация правоохранительной системы. Определены социально-значимые факторы, влияющие на число зарегистрированных преступлений. Проведен обзор и анализ инновационных технологий используемых в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений которые могут быть внедрены в деятельность органов внутренних дел РФ.

Ключевые слова: преступность, математическая статистика, инновационные технологии, диагностика и профилактика преступлений.

ARIPSHEV Ahmed Mukhamedovich

Ph.D. in Economics, Deputy Head of Fire training sub-faculty of the North-Caucasus institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, police lieutenant colonel

REVIEW OF THE DYNAMICS OF THE CRIMES COMMITTED AND THE FACTORS INFLUENCING THEIR DETECTION

The article analyzes the dynamics of crimes in Moscow. The factors necessary for the qualified diagnosis of crimes, as well as for taking measures to prevent their occurrence, the system of electronic means of search and identification, modernization of the law enforcement system are studied. The socially significant factors influencing the number of registered crimes are defined. The review and analysis of innovative technologies used in the prevention, detection and investigation of crimes that can be implemented in the activities of internal affairs is taken.

Keywords: crime, mathematical statistics, innovative technologies, diagnostics and crime prevention.

Преступность является самым опасным видом «социальной патологии» - отклоняющегося от общепринятой нормы, девиантного поведения. На данный момент в российском обществе проблема преступности привлекает к себе значительное внимание, как ученых, так и общества в целом, так как, что в различных регионах нашей страны совершается огромное количество преступлений.

Сложившаяся криминальная ситуация в современном российском обществе, продолжает оставаться достаточно непростой. Это связано с тем, что социально-экономические и политические преобразования в России не привели к значительным результатам в преодолении социальных предпосылок и ослабления криминальной напряженности. Снижение уровня жизни населения, рост инфляции, возможность не считаться с законодательными нормами и другие пагубные явления оказывают негативное влияние на состояние правопорядка в России, соблюдение прав и свобод граждан.

В настоящее время в России к числу главных задач правовой (утоловой) статистики относится не только достоверное информирование о состоянии дел в сфере противодействия преступности в стране, но и выявление взаимосвязей преступности и правонарушений с политическим, социально-экономическим, моральным положением в стране, уровнем развития иных социальных явлений и процессов. В этой связи, основной целью данного исследования автор определил изучение инновационных технологий и факторов влияющих на раскрываемость правонарушений. Поэтому, автор на основе статистического анализа проводит сравнительный анализ преступности в Москве, а также рассматривает инновационные технологии, которые призваны предупреждать и осуществлять профилактику преступности.

В криминологии статистические исследования позволяют выявлять основные показатели состояния преступности, ее причины и условия, способствующие совершению преступлений, и т. д.

При разработке мер социального контроля преступности возникает потребность в системе достоверных и полных данных о состоянии преступности, ее количественных и качественных показателей. Проанализировав данные показатели, можно определить и учесть значимость разнообразных факторов, влияющих на эффективность деятельности правоохранительных органов и непосредственно воздействующих на само девиантное поведение путём

выявления и пресечения преступлений, выявление виновных, привлечения их к установленной законом ответственности, критически оценить систему профилактического воздействия.

Предварительное статистическое выявление причин преступности начинается с количественной характеристики ее состояния, уровня, структуры, динамики¹.

Анализ преступности по ее иным объективным показателям, месту и способу совершения, объектам и предметам преступного посяательства, квалификации и категориям деяний, отраслям хозяйства. Как пример, можно проанализировать состояние преступности по городу Москве на период с 2010 по 2017 годы. Так по состоянию на 2010 год всего зарегистрировано 214772 преступлений по городу Москве, а на 2017 год эта цифра уменьшилась до 137003 зарегистрированных преступлений.

Анализируя данное состояние дел, можно с уверенностью утверждать, что динамика количества преступлений в Москве заметно снизилось с 2010 года. Увеличилось количество раскрытых преступлений по отношению к 2010 году (+30 %)

По суждению Генпрокуратуры, это привело к снижению числа зарегистрированных преступлений, так же увеличилось количество раскрытых преступлений по отношению к 2010 году (+38 %)

Улучшение материально-технического обеспечения, подразумевающая внедрение автоматизированных рабочих мест сотрудников, которые позволяют использовать информационные ресурсы и интегрированные банки данных. В связи с внедрением сервисов документооборота меньше времени тратится на передачу материалов, как следствие – получение информации в короткие сроки. Отсутствие затрат времени на ведение номенклатуры дел, составление и отправку запросов. Использование ресурсов «Безопасный город» – это совокупность программных и технологических средств, которые предусматривают применение видео аналитических решений, способствующих быстрому определению и оперативному реагированию на различного рода инциденты, представляющие опасность населению. Все эти инновационные

1 Красикова Е. М. Статистическое изучение уровня преступности в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2017. - № 16. - С. 269-272.

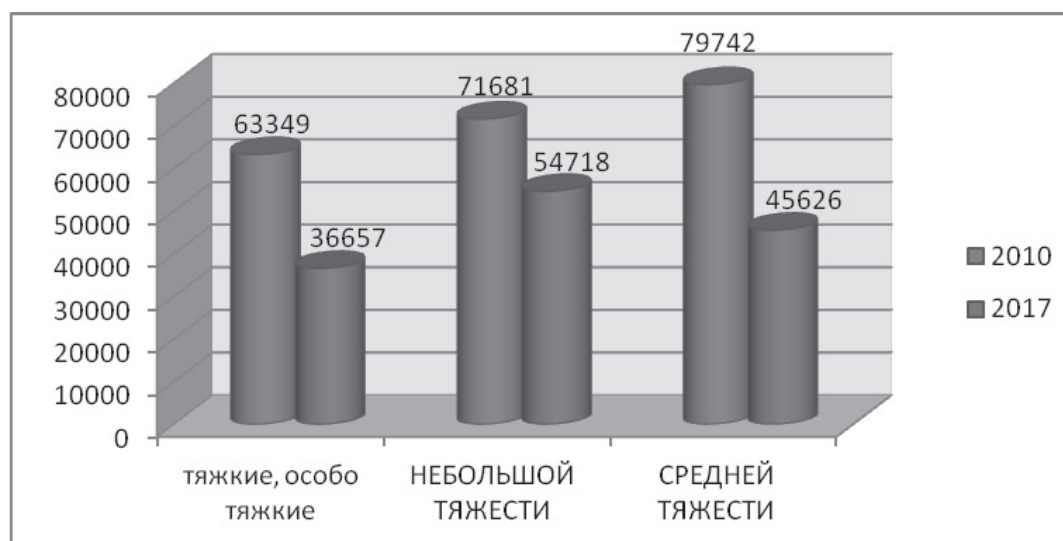

Рисунок 1. Всего зарегистрированных преступлений: тяжкие, особо тяжкие, небольшой тяжести, средней тяжести*.

технологии, внедренные в процесс производства и профилактики преступлений, способствуют их быстрому раскрытию.

На сегодняшний день, одним из самых распространенных и эффективных средств обеспечения безопасности является видеонаблюдение. Городская система видеонаблюдения создана в рамках государственной программы города Москвы «Информационный город», утвержденной постановлением Правительства Москвы от 9 августа 2011 года № 349-ПП. В Москве в последние два года увеличилось количество камер видеонаблюдения: они появились во дворах, подъездах, школах, на рынках и ярмарках, у метро, в транспорте и т.д. Благодаря 145 тыс. установленным в столице России камерам видеонаблюдения сотрудники правоохранительных органов способны оперативно задерживать злоумышленников, с их помощью в 2017 г. было раскрыто 1874 преступления.

Камеры интеллектуального видеонаблюдения, с функцией оценки криминогенной обстановки и противоправности действий объектов наблюдения способствуют раскрытию преступлений.

Системы видеонаблюдения в Москве оправдали свое использование, в настоящее время в целом функционирует в местах массового скопления людей.

Одним из значимых направлений социально-правовых исследований является изучение преступности путем статистического анализа. При помощи методов эконометрического исследования возможно научно обосновать стратегию и методику предупреждения социальной напряженности, а также прогнозировать уровень преступности и те факторы, которые ее провоцируют и обуславливают.

Для решения задач по борьбе с преступностью на современном этапе следует существенно усовершенствовать деятельность правоохранительных органов. Необходимость этого относительно к органам внутренних дел, по мнению Алиева Р. Х.², обуславливается рядом новых специфических обстоятельств, к которым следует отнести:

- Возросший уровень профессионализма преступников, применением ими в своей преступной деятельности новейших технических достижений, использованием новых организационных форм.
- Необходимость повышения эффективности применения НТС в фиксации административных правонарушений, использовании полученных данных в качестве доказательств и в профилактической деятельности органов внутренних дел РФ.
- Эффективное реагирование правоохранительными органами на факты нарушения средствами массовой информации законодательства.
- Создание условий по современной модернизации и совершенствованию имеющихся технических средств и ин-

формационных каналов, постоянное изучение зарубежного передового опыта в данной области.

Исходя из представленного анализа, следует, что особую важность приобретает использование научно-технических достижений в выявлении, закреплении и исследовании объективной доказательственной информации. Помимо этого, постоянно совершенствующиеся возможности использования достижений науки и техники в административной и следственной практике позволяют на ином уровне решать конкретные вопросы раскрытия и расследования преступлений.

Научно-технический прогресс вносит много нового в теорию и практику борьбы с правонарушениями, совершенствует методы доказывания и содержание профессионального уровня деятельности правоохранительных органов и суда, ставит значимые проблемы дальнейшего совершенствования деятельности ОВД на научной основе.

Подводя некоторые итоги исследования, следует отметить, что использование в деятельности правоохранительных органов новейших технических достижений позволит улучшить качество работы и значительно расширить границы возможностей по борьбе с преступностью. Кроме того, проведенные исследования показали: значительную экономическую выгоду, рациональное использование сил и средств сотрудников; сокращение числа повторных преступлений и правонарушений, обеспечение масштабов профилактической работы по направлениям деятельности правоохранительных органов; обеспечение общественного порядка и безопасности граждан РФ.

Пристатейный библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017).
2. Постановление Правительства города Москвы от 9 августа 2011 года № 349-ПП.
3. Алиев Р. Х. Общая характеристика преступности // Общество: политика, экономика, право. - 2009. - № 2. - С. 5-14. Волконская Е. К. Современные тенденции преступности // Вестник Воронежского института МВД России. - 2014. - № 14. - С. 63-68.
4. Красикова Е. М. Статистическое изучение уровня преступности в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2017. - № 16. - С. 269-272.
5. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. - М., 2002. - 153 с.
6. Шумейко А. А. Факторный анализ преступности на основе социально-экономических показателей // Проблемы современной экономики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, август 2017 г.). - Казань: Молодой ученый, 2017. - С. 22-26.
7. Ableeva A. M. Trend studies of macroeconomic indicators in comparable prices // Международный журнал экспериментального образования. - 2014. - № S6. - P. 57-58.

* Министерство внутренних дел Российской Федерации.

2 Алиев Р. Х. Общая характеристика преступности // Общество: политика, экономика, право. - 2009. - № 2. - С. 5-14. Волконская Е. К. Современные тенденции преступности // Вестник Воронежского института МВД России. - 2014. - № 14. - С. 63-68.

САВЧИШКИНА Оксана Гавриловна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России

ВИКТИМНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

Статья посвящена особенностям профилактики семейно-бытового насилия, при совершении которого, необходимо учитывать роль жертвы от преступления, поскольку зачастую она сознательно или бессознательно вовлекается в различные криминогенные ситуации. Повышенной уязвимостью для насильственных преступлений обладают женщины, дети, престарелые люди, лица с физическими и умственными недостатками.

Ключевые слова: виктимное поведение, насилие, жертва, преступления насильственного характера.

SAVCHISHKINA Oksana Gavrilovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Савчишкина О. Г.

VICTIMHOOD OF SOCIAL GROUPS AS ELEMENT OF A SYSTEM OF PREVENTION OF HOME VIOLENCE

Article is devoted to features of prevention of family domestic violence at which commission, it is necessary to consider a role of the victim from crime as often it is consciously or unconsciously involved in various criminogenic situations. Women, children, aged people, persons with physical and intellectual defects have increased vulnerability for violent crimes.

Keywords: victim behavior, violence, victim, crimes of violent character.

Впервые понятие «Виктимология» - наука о потерпевшем (жертве) появилось в 1947 году, прозвучав на конференции в Бухаресте в докладе профессора Б. Мендельсона «О новой отрасли биопсихологических наук «виктимологии»¹. Слово «виктимология» происходит из соединения двух латинских слов – «victima» (жертва) и «logos» (учение, знание) и означает учение о жертве. Виктимология изучает потерпевших от преступлений, несчастных случаев, стихийных бедствий. Одним из разделов виктимологии принято считать криминальную виктимологию, концентрирующую свое внимание на потерпевших от преступлений. Виктимизация – это процесс превращения человека в жертву.

При изучении виктимизации насильственных преступлений, совершаемых против личности, важным является обратить внимание на поведение потерпевшего, так как виктимологическое поведение – вид социально-негативного поведения, обладающего специальными особенностями. Другими словами, виктивное поведение потерпевшего отражается в действиях виновного и приобретает своеобразный криминологический оттенок. Чаще всего жертва сама способствует этому процессу по разным причинам: переоценка своих сил и возможностей, недомыслие, неосторожность. Также, жертва может способствовать совершению в отношении нее преступления из-за своей грубости, невежества и жестокости, тем самым провоцируя преступника. Рассмотрим основные три типа виктимного поведения:

1. Небрежность человека и его безрассудное отношение к жизни. Такие люди рассеянные и несобранные. Они не знают, что такое меры безопасности и не подозревают, что в отношении них может быть совершено преступление или

правонарушение. Данная категория людей не следит за своим имуществом в местах общественного скопления, не размышляют о том, что гулять в ночное время по безлюдным местам может быть опасно. Их легкомысленное отношение к жизни, отсутствие базовой осторожности и устраиваемые провокации становятся причиной того, что их грабят, насилизуют, убивают.

2. Некоторые люди часто становятся жертвой преступления благодаря своим личностным качествам, таким как ненависть, вражда, агрессивность. Эти субъекты никогда не идут на компромисс с другими людьми и не уступают им. Они не могут сдерживать свои эмоции под контролем и демонстрируют окружающим то, что они чувствуют. Такие люди могут устроить скандал или драку по любому пустяку.

3. Соглашательское (комфортное) поведение людей, которые принимают роль жертвы. Это робкие, склонные к подчинению люди. Для таких субъектов характерна заниженная самооценка и уверенность в своей ничтожности. Гипнотерапевт Геннадий Иванов дает примерное физическое описание данного типа жертвы: сутулые плечи, горбленная спина, сжатые движения, потухший взгляд, опущенная голова, неуклюжая поступь. Жертва всем видом дает понять, что она погружена в свой внутренний мир и боится всего происходящего во внешней среде. При столкновении с незнакомцем жертва застывает на месте от ужаса. У него трясутся ноги и руки².

Термин «жертва преступления» встречается в международном праве, например, Декларация ООН «Об основных принципах отправления правосудия для жертв преступле-

1 Mendelson B. Un horizon nouveau dans La science duopsuc social: La vistimologie. Bucharest, 1947. С.324.

2 Криминальная виктимология: учебник под ред. Ю. М. Антоняна: Издательство Юрайт, 2018. С. 112.

ний и злоупотребления властью»³ от 29 декабря 1985 года в статьях 1-18 под такими жертвами понимает лиц, которым причинен не просто физический, материальный или моральный вред, но и тех лиц, которым содеянное причинило моральные страдания либо каким-либо иным образом ущемило основные права личности. Само заявление лица о совершенном в его отношении правонарушении считается равносильным признанию его потерпевшим⁴. Говоря о виктимологии понятие «жертва» следует понимать в более узком плане, к этому определению следует добавлять жертв собственного поведения, которые умышленно причиняют себе физический и иной вред, либо по неосторожности, а также жертв несчастных случаев.

При осуществлении профилактики в сфере семейно-бытового насилия, необходимо учитывать, что люди, сознательно или бессознательно выбирающие социальную роль жертвы, постоянно вовлекаются в различные криминогенные ситуации с подсознательной целью получить как можно больше сочувствия, поддержки со стороны, оправданности ролевой позиции жертвы. Социальная роль жертвы может заключаться в установке лица на низкую самооценку, беспомощность, запуганность.

Ученые и практики отмечают, что риск стать жертвой преступления распределяется среди населения неравномерно. Например, повышенной уязвимостью для насильственных преступлений обладают женщины, дети, престарелые люди, лица с физическими и умственными недостатками. Жертвами насильственных преступлений чаще становятся лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения. Следует заметить, что жертвой преступления является лицо, которое имеет определенную степень беспомощности.

Доля преступлений, совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего достаточно велика. Для беспрепятственной реализации преступного замысла преступники совершают самые разнообразные действия с целью привести потерпевшего в беспомощное состояние. Что же следует понимать под понятием «беспомощное состояние»? Подобного единства относительно выявления сути понятия «беспомощное состояние» нет. Наиболее общее понятие беспомощности дается в толковом словаре русского языка: беспомощный - это тот, кто нуждается в поддержке (помощи), слабый (неспособен сам сделать что-нибудь для себя). Иными словами, беспомощность - это такое состояние, когда человек находится в безвыходном положении, он является жертвой обстоятельств, и это положение невозможно изменить.

Рассматривая статью 63 УК РФ, где «беспомощное состояние» рассматривается в качестве отягчающего наказание обстоятельства, или по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоя-

нии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее⁵.

Что касается ст. 131 УК РФ и ст. 132 УК РФ изнасилование и насильственные действия сексуального характера, следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии⁶.

Таким образом, неопределенное, двойственное содержание понятия «беспомощного состояния» порождает определенную проблему в необходимости более точного, развернутого определения этого термина.

Безусловно, каждый из нас имеет долю виктимности и ситуации в которые он попадает могут быть разнообразными по степени опасности, так как все мы являемся членами общества, в котором преступность есть и растет. Далеко не все граждане сами провоцируют преступление против себя самого, либо просто не имеют сил справиться в борьбе с опасным рецидивистом или иным преступником. Поэтому Д. В. Ривман пишет: «индивид не приобретает виктимность, наоборот, он просто не может быть не виктивным, так как является членом общества, в котором преступность не ликвидирована, а следовательно, и объективная возможность оказаться жертвой преступления»⁷. На данное мнение можно возразить, так как никто не застрахован от неудач в борьбе с преступностью, и оказаться включенным в список потенциальных жертв может быть оскорбительно. Необходимо уметь разграничивать возможность каждого оказаться жертвой преступления и виктимное поведение отдельных категорий граждан.

Почему же определенная категория людей становятся потенциальными жертвами, или, по другому группой риска? Л. С. Рубинштейн пишет: «Внутреннее психическое содержание поведения, складывающееся в условиях определенной ситуации, особенно значимой для личности, переходит в свойства личности, а свойства личности, в свою очередь, сказываются в ее поведении»⁸. Поведение лица складывается в зависимости от ситуации, значимой для личности. Ситуация может вызывать самые различные чувства, такие как злоба, ненависть, страх и даже такие как желание понравиться, и, таким образом виктимное поведение жертвы обуславливает ситуацию, которая напрямую связывает ее с преступником, придавая ему своеобразные криминологический оттенок. Человек, попадая в данную ситуацию руководствуется не ло-

3 Декларация ООН «Об основных принципах отправления правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью» // Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.

4 Коновалов Н. Н. Потерпевший от преступления в современном уголовном праве зарубежных стран // Вестник Ставропольского института имени В. Д. Чурсина. 2013. № 2. С.113-118.

5 О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 // БВС РФ. 2011. № 4.

6 О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014. № 16 // Российская газета. 2014. № 284.

7 Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 14.

8 Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. М., 1947. С. 518.

гикой и здравым мышлением, а мимолетными позывами и вспышками эмоций. Люди осознанно или неосознанно провоцируют потенциального преступника на совершение противоправного деяния. Провокация может быть выражена в следующих формах: 1) Словами, интонацией высказываний; 2) Действиями, манерами поведения, жестами; 3) Применением физической силы.

Жесты и интонация проявляются в неуверенности, страхе, испуганности. В такой ситуации преступник замечает, что перед ним находится легкая добыча, и он, соответственно, чувствует себя властным перед будущей жертвой и видит возможность легко овладеть ею. Это виктимное поведение присуще несовершеннолетним, лицам пожилого возраста, женщинам, и мужчинам с явно выраженными признаками слабости и страха. Поведение человека и его внешность часто не раскрывают его истинной сущности, но если человек испугался, то это будет выражено в том, что он теряется и начинает плохо соображать. Страх сковывает человека и делает его беззащитным.

Также жесты и интонация жертвы могут быть выражены в действиях, привлекающих внимание, вызывающих агрессию будущего преступника и стимулирующих тем самым их. Эти действия чаще всего сопровождаются угрозами и оскорблениями. Данное виктимное поведение чаще присуще жертвам-мужчинам, чем женщинам. Женщины редко используют физическую силу, особенно против мужчин, но даже если и поступают так, то действуют очень рискованно, так как если она и применяет силу, то после она перестает казаться в сознании мужчины представительницей слабого пола, к которой нельзя применить физическую силу. Алкогольное и иное опьянение лица не редко добавляют жертве уверенности в данном виде виктимного поведения. По имеющимся данным, 70 % преступлений совершаются в результате насильственной виктимной ситуации⁹. По мнению ученых, в таких случаях оба, и потерпевший и преступник совершают преступления. Здесь, конечно, не может идти речи о каком-либо взаимосоглашении, а скорее о специфическом виктимном поведении.

Пристатейный библиографический список

1. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014/ № 16 // Российская газета. 2014. № 284.
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 // БВС РФ. 2011. № 4.
3. Декларация ООН «Об основных принципах отправления правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью» // Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.
4. Будякова Т. Индивидуальные особенности потерпевшего как критерий степени нравственных и физических страданий // Российская юстиция. 2013. № 2.

5. Коновалов Н. Н. Потерпевший от преступления в современном уголовном праве зарубежных стран // Вестник Ставропольского института имени В. Д. Чурсина. № 2. 2013. С. 113-118.
6. Криминальная виктимология: учебник под ред. Ю. М. Антоняна: Издательство Юрайт, 2018. С. 112.
7. Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975.
8. Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. М., 1947.
9. Сафиуллин Н. Х. Криминологический анализ виктимного поведения несовершеннолетних: монография. Казань, 2016.
10. Mendelson B. Un horizon nouveau dans La science duopsuc social: La vistimologie. Bucharest, 1947.

⁹ Сафиуллин Н. Х. Криминологический анализ виктимного поведения несовершеннолетних: монография. Казань, 2016. С. 22.

БУЛЫГИН Андрей Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета

КРЮКОВА Юлия Ярославовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, гражданского и арбитражного процессов Югорского государственного университета

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ: ПРИЧИНЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ

Исследователи многих национальных правовых систем изучают проблему эффективности уголовного правосудия. В статье предпринята попытка освещения наиболее распространенных причин снижения эффективности механизмов расследования и рассмотрения уголовных дел, а также признаков, которые свидетельствуют об этом. Формулируется вывод о необходимости выработки системного подхода к повышению эффективности уголовного правосудия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, эффективность уголовного правосудия, реформирование уголовного процесса.

BULYGIN Andrey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminal process sub-faculty of the Yugra State University

KRYUKOVA Yuliya Yaroslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law, civil and arbitration processes sub-faculty of the Yugra State University

THE PROBLEM OF THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL JUSTICE: CAUSES AND MANIFESTATIONS

Researchers in many national legal systems are studying the effectiveness of criminal justice. The article attempts to highlight the most common reasons for reducing the effectiveness of the mechanisms of investigation and consideration of criminal cases, as well as signs that indicate this. The conclusion about the need to develop a systematic approach to improving the efficiency of criminal justice is formulated.

Keywords: criminal proceedings, effectiveness of criminal justice, reform of the criminal process.

Булыгин А. В.

Крюкова Ю. Я.

Неэффективное судопроизводство подрывает доверие к судебной системе и, как следствие, ослабляет действие принципа верховенства закона. Подобное состояние потенциально затрагивает права обвиняемых и ограничивает доступ к правосудию потерпевших. Во многих странах серьезную озабоченность вызывают низкие показатели работы судебной системы, ее неспособность своевременно принимать решения по уголовным делам, и, как итог, неспособность оправдать ожидания общества. В настоящее время в разных странах мира все большее внимание уделяется вопросу о том, как оценивать и улучшать работу этой системы, механизм уголовного правосудия в целом, а также вопросу повышения эффективности, транспарентности и подотчетности судебной системы.

Национальные системы уголовного правосудия часто подвергаются оценке с позиций их эффективности и ответственности. Например, по итогам проводимой с 2009 года в Канаде группой экспертов работы сформировались единые позиции по поводу ключевых проблем, с которыми сталкивается система уголовного правосудия, а также предложения по их решению. К числу таких проблем были отнесены: кризис общественного доверия, волокита при рассмотрении дел, необоснованное усложнение процесса, отсутствие общего

видения и общих ценностей, отсутствие общего понимания статуса и полномочий участников процесса, отсутствие сопоставимых данных о работе системы, устаревшие процедуры. В качестве одного из первых было сформулировано предложение о необходимости всеобъемлющих культурных изменений для эффективной трансформации институциональных структур и осуществления реформ¹.

Исследования по теме эффективности судебной системы, уголовного судопроизводства и уголовного правосудия, пусть и разрозненные, но существуют². Многие авторы при-

1 'Re-inventing Criminal Justice – A Beginning Conversation', Criminal Justice in Canada: Initiatives, Issues and Considerations (23–24 January 2009).

2 Например: Dandurand Y. Criminal Justice Reform and the System's Efficiency // Article (PDF Available) in Criminal Law Forum 25(3-4): 383-440 December 2014; B. J. Ostrom & R. A. Hanson, Efficiency, Timeliness, and Quality: A New Perspective from Nine State Criminal Trial Courts (National Justice Institute, 2000); Оглы Гурбанов Р. А. Деятельность Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы в отношении системы правосудия Азербайджанской Республики // Государство и право. 2015. № 7. С. 96-98; Капранов А. В., Чупилкин Ю. Б. Актуальные вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Юристы. - Правоведъ. 2016. № 1 (74). С. 60-64; Михайлов А.А.

ходят к выводу о необходимости коренной переработки действующего законодательства вплоть до принятия новых законов³. Осложняют работу судебной системы и большое количество неупорядоченных подзаконных нормативных правовых актов, а в ряде случаев и правовая неопределенность решений высших судебных инстанций. В качестве примера можно привести исследование А. Д. Прошлякова⁴, посвященное Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»». Большинство достижений в этой области, многие из которых еще не были апробированы, являются результатом новых знаний и опыта в таких областях, как организационные изменения, управление преобразованиями и организационное поведение. Кроме того, ряд зарубежных авторов обсуждали эффективность уголовного правосудия с учетом концепции лидерства, постановки целей и задач, стратегического планирования, управления изменениями, мониторинга эффективности и циклов обратной связи, показателей результативности и подотчетности. Представляется, что отсутствие инноваций в системе уголовного правосудия носит системный характер. Кроме того, следует обратить внимание на то, что в сфере правосудия очевидно существует ряд серьезных препятствий для инновационной деятельности. Как результат, мы имеем очень мало примеров общесистемных реформ, которые дали устойчивые результаты, поддающиеся измерению и оценке.

Представляется сложным обнаружить консенсус по вопросу о том, что представляет из себя эффективный и действенный механизм уголовного правосудия. Сформировать показатели деятельности, эффективности и результативности таким образом, чтобы учесть различные и независимые статусы участников уголовного судопроизводства, а затем и измерить эти показатели, является сложной задачей. Более того, следует согласиться с А. А. Давлетовым, который в контексте обсуждения оптимального типа уголовного процесса указывает на то, что уголовный процесс существует не сам по себе, а является составной частью правовой системы общества. Эта часть живет и развивается в детерминантных связях с более широкими социальными явлениями. Любая попытка построить цельную и дееспособную систему уголовного судопроизводства без учета этих связей обречена на поражение⁵.

Низкая эффективность работы ставит под сомнение (делает неустойчивыми) многие аспекты системы правосудия в целом. В частности, расплывчатые механизмы отчетности за результаты работы делают это направление государственной

деятельности уязвимым для критики. Неспособность удовлетворить ожидания общественности в вопросе справедливости, своевременности и прозрачности (наличие общедоступных данных о результатах работы), безусловно, влияет на доверие к системе и ее авторитет. Отсутствие системного подхода повлияло в ряде случаев и на финансовое обеспечение судебной системы. Сокращение кадров как наиболее очевидный способ уменьшения финансовых затрат привело к неспособности рассматривать возрастающее количество дел.

Граждане должны осознать, что система правосудия трансформируется с учетом изменяющихся внешних обстоятельств, она должна оставаться доступной и при этом способной управлять своими расходами. Обратное приводит к мысли о снижении актуальности традиционной системы правосудия для обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности. В долгосрочной перспективе публичные механизмы уголовного преследования (за исключением наиболее серьезных случаев нарушения общественной безопасности) могут быть заменены на альтернативные меры и использование частных способов противодействия преступности.

Аргументация конкретной проблемы в исследуемом ракурсе, как правило, определяется путем ссылки на несколько явных признаков неэффективности, таких как необоснованные задержки или процедуры в рамках процесса (например, ненужные перерывы; непродуктивные или дублирующие процедуры, предусмотренные законом, контрпродуктивные традиции). Своевременность также связана с производительностью и является основой справедливого и эффективного уголовного процесса, который заслуживает доверия общественности.

К сожалению, до сих пор существует мало эффективных систем контроля за результатами работы в сфере правосудия, а стандарты деятельности зачастую носят формальный характер. По-прежнему существуют значительные трудности с фактической оценкой эффективности различных аспектов уголовного судопроизводства, и данные, необходимые для этого, не всегда имеются в наличии. Отсутствие надлежащей системы организации деятельности судов и органов предварительного расследования зачастую не позволяет определить, связаны ли проблемы организации деятельности с растущим объемом и сложностью дел, которые становятся предметом рассмотрения, или с неэффективностью общей системы правосудия.

Озабоченность вызывают также низкая экономическая эффективность и явное или предполагаемое игнорирование расходов при расследовании и рассмотрении некоторых категорий уголовных дел. В частности, расходы, связанные с крупными и сложными судебными процессами или отдельными процедурами (например, сбор или анализ отдельных видов доказательств или проведение отдельных видов экспертиз) не подвергаются тщательному анализу, в то время как, наоборот, требуют пристального внимания. Стандартные признаки неэффективности, как правило, усиливаются, когда предметом рассмотрения оказываются большие и сложные дела, и, как следствие, особое внимание должно уделяться более эффективному и экономичному управлению в этих ситуациях.

Отмечаются и проблемы соразмерности характера и масштабов уголовного судопроизводства по отношению простым уголовным делам или в ответ на такие формы преступного поведения, которые не создают серьезной опасности для общества. Как правило, аргумент о соразмерности

Судебная реформа в современной России: институциональный анализ эффективности и перспектива (в аспекте реформы уголовной юстиции) // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 29-39.

3 Например: Балакшин В.С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 3-7.

4 Прошляков А. Д. К вопросу о действии во времени нового Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации // В сборнике: Вопросы правовой теории и практики. Сборник научных трудов. Омск, 2016. С. 86-89.

5 Давлетов А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. № 2. С. 98-100.

используется для обоснования «упрощенного производства». В некоторых случаях соразмерный ответ может включать в себя поиск иных эффективных средств правовой защиты, в том числе решающих задачу предупреждения преступлений и правонарушений без классического судебного процесса. В ряде национальных правовых систем это может предполагать необходимость рассмотрения дела в императивно установленный короткий срок.

В контексте рассматриваемой темы важно обратить внимание на то, что стремление к повышению эффективности деятельности судов ведет к изменениям, направленным на сокращение издержек, но, в конечном счете, может поставить повышение эффективности выше интересов общества и государства, прав и интересов отдельных участников процесса. Однако своевременность и эффективность уголовного судопроизводства не должны противоречить «качеству правосудия», позитивные достижения в области эффективности, очевидно, не должны быть результатом потери качества, совсем наоборот.

Особенно остро связь между стремлением к эффективности и качественному отправлению правосудия проявляется в контексте требований о своевременном рассмотрении уголовного дела, обеспечивающем выполнение требований эффективности, справедливости рассмотрения дела и соблюдении прав человека. Так, право задержанного лица на судебное разбирательство в разумные сроки является важной гарантией, признанной Международным пактом о гражданских и политических правах, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и конституциями большинства государств.

Установление коротких сроков для уведомления о подозрении или предъявления обвинения, безусловно, имеет важные практические преимущества, поскольку со временем воспоминания, а равно и материальные носители следов, исчезают. Особенно заинтересованы в том, чтобы рассмотрение соответствующих дел проводилось в разумные сроки, безусловно, потерпевшие, вместе с тем, все граждане имеют право на то, чтобы судебная система работала справедливо, эффективно и с разумной оперативностью. Неспособность системы правосудия сделать это неизбежно приводит к разочарованию людей в судебной системе и, в конечном счете, к чувству неуважения к судебной системе.

Действительно, можно выработать меры, которые могут повысить эффективность и действенность судебной системы. Например, Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) определила новую цель для судебных систем, а именно «обработку каждого дела в оптимальные и предсказуемые сроки». При этом работа по повышению эффективности для достижения этой цели должна основываться на трех ключевых принципах:

- принцип сбалансированности и общего качества судебной системы;
- принцип эффективной оценки работы судебной системы и инструментов такой оценки;
- соблюдение баланса между существующими требованиями, процессуальными гарантиями, способствующими вынесению справедливого судебного решения и неизбежно влекущими за собой длительные сроки судебного разбирательства, и стремлением к своевременному отправлению правосудия.

Активность работы этой комиссии достаточная велика, так в декабре 2018 года были приняты документы, посвященные использованию искусственного интеллекта в судебных

системах и их среде, актуальным рекомендациям по судебному тайм-менеджменту и т.д.⁶.

В заключение хотелось бы отметить, что при определении подходов к пониманию эффективности системы уголовного правосудия традиционно возникает вопрос о цели этой системы. Учитывая массу различных традиционных подходов, можно лишь выделить два противоположных, наиболее общих видения. Первый обуславливает цель уголовного правосудия стремлением к миру, общественной безопасности и направлен на предотвращение преступлений, урегулирование конфликтов и решение проблем в целом, а второй, в свою очередь, предполагает более традиционное видение на основе фиксации различных юридических прав и опоры на классические принципы, в частности, на состязательность судебного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Балакшин В. С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 3-7.
2. Давлетов А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. № 2. С. 98-100.
3. Капранов А. В., Чупилкин Ю. Б. Актуальные вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Юрист - Правовед. 2016. № 1 (74). С. 60-64.
4. Михайлов А. А. Судебная реформа в современной России: институциональный анализ эффективности и перспектива (в аспекте реформы уголовной юстиции) // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 29-39.
5. Оглы Гурбанов Р. А. Деятельность Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы в отношении системы правосудия Азербайджанской Республики // Государство и право. 2015. № 7. С. 96-98.
6. Официальный сайт Европейской комиссии Совета Европы по эффективности правосудия (CEPEJ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/cepej> (дата обращения: 21.01.2019).
7. Прошляков А.Д. К вопросу о действии во времени нового Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации // В сборнике: Вопросы правовой теории и практики. Сборник научных трудов. Омск, 2016. С. 86-89.
8. Dandurand Y. Criminal Justice Reform and the System's Efficiency // Article (PDF Available) in Criminal Law Forum 25(3-4): 383-440. December 2014.
9. Ostrom B. J., Hanson R. A. Efficiency, Timeliness, and Quality: A New Perspective from Nine State Criminal Trial Courts (National Justice Institute, 2000).
10. Re-inventing Criminal Justice – A Beginning Conversation', Criminal Justice in Canada: Initiatives, Issues and Considerations (23–24 January 2009).

6 Официальный сайт Европейской комиссии Совета Европы по эффективности правосудия (CEPEJ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/cepej> (дата обращения: 21.01.2019).

МАГОМЕДОВ Рабазан Магомед-Саидович

магистрант кафедры теории государства и права Дагестанского государственного университета

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье освещаются вопросы значимости постановлений Пленума Верховного Суда РФ, обсуждаются дискуссионные позиции некоторых авторов о юридической силе данных постановлений, путем изложения их мнений и предложений собственных умозаключений. В выводах подводится общий итог исследуемой темы, высказывается мнение о том, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики играют, несомненно, важную роль в достижении единства понимания и применения закона.

Ключевые слова: Верховный Суд, постановление, толкование, разъяснение, Пленум, решение, юрисдикция.

MAGOMEDOV Rabazan Magomed-Saidovich

magister student of Theory of state and law sub-faculty of the Dagestan State University

Магомедов Р. М.

MAIN ASPECTS OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article highlights the importance of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, discusses the controversial positions of some authors on the legal force of these decisions, by presenting their opinions and suggestions of their own conclusions. The conclusions summarize the topic, it is suggested that the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on judicial practice play, of course, an important role in achieving unity of understanding and application of the law.

Keywords: Supreme Court, law, interpretation, clarification, legislation.

Верховный Суд Российской Федерации является судом высшей инстанции, которому подсудны все дела, рассматриваемые судами общей юрисдикции это гражданские, уголовные, дела, возникающие из административных правонарушений, экономические и иные.

Верховный Суд РФ является основным элементом верховной власти в судопроизводстве¹.

Из многочисленного разнообразия звеньев ВС РФ, рассмотрим состав высшего звена, Пленуме Верховного Суда Российской Федерации².

Вопросы, разрешаемые Пленумом ВС РФ представляют наиболее ответственный шаг в развитии российской системы законодательства, что подвергается многочисленным дискуссиям со стороны ученых, а это говорит об особой актуальности исследуемого института судебной власти.

Пленум высшей судебной инстанции является совещательной коллегией, которая наделена весьма существенными полномочиями.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ – являются «абстрактным» мнением Пленума Верховного суда РФ (толкование закона), формирующегося при Верховном суде РФ по разъяснению судьям и прокурорам порядка применения и толкования закона при принятии судебного или иного решения, основываются на кратком обобщении прак-

тики Верховного Суда и нижестоящих судов, и не являются источниками права. Но они, заполняя правовой вакуум, существенным образом влияют на правоотношения и процессуальную деятельность, тем самым фактически являются источником законодательства (также как и решения Конституционного Суда)³.

Однако, как уже было отмечено, юридическая сила постановления Пленума Верховного суда РФ является дискуссионным вопросом, как в доктрине, так и в юридической практике.

Для начала разберемся, все же, что такое постановление суда?

Постановление суда – обобщающее наименование любых актов судов в Российской Федерации, за исключением актов, которыми дело разрешается по существу (Судебное решение, Приговор). В некоторых случаях, термин «Постановление» используется в качестве формального наименования акта (например, Постановление Пленума Верховного суда РФ).

Так, в процессе рассмотрения дела могут возникать какие-то дополнительные вопросы, которые требуют серьезного изучения. В процессе дела судья может вынести постановление о необходимости проведения экспертизы или же постановление о дополнительном изучении каких-то фактов и доводов.

Другими словами, постановление не считается окончательным решением судьи. Это отдельная графа судебных ак-

1 Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «О Верховном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.07.2018 № 1-ФКЗ.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru.

2 Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018 № 1-ФКЗ) О судах общей юрисдикции в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/.

3 Постановления Пленума Верховного суда. © Юридическая компания Malina-Group. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://malina-group.com/postanovleniya-plenuma-verkhovnog-suda/> (дата обращения: 10.12.2018).

тов, которая формируется в процессе необходимости определения, своеобразных элементов судебного процесса.

Также, Постановление суда представляет собой неокончательный вывод судьи по какому-либо вопросу, который был рассмотрен в ходе судебного следствия⁴.

Таким образом, становится понятно, что решение Пленума ВС РФ чаще всего формируется именно в виде постановления. Причем, структура постановления определяет четкое разъяснение норм законодательства, указание на особенности применения данного законодательства на практике. Также, оно может содержать дополнительные элементы разъяснений.

Использование таких постановлений позволяет судам нижестоящих инстанций создать единую систему правильного применения законодательной базы в процессе рассмотрения дел и принятия решения. Соответственно, такие постановления становятся фактически, дополнительным источником права.

Важность единого толкования норм законодательства заключается в том, что судебная система в нашей стране обеспечивает порядок соблюдения установленных норм законодательства. Таким образом, становится очевидным тот факт, что все судебные структуры, которые работают на территории страны, непременно должны однозначно воспринимать все нормы законодательства, и правильно их применять в практической деятельности суда. Постановления суда фактически устраняют все недостатки, которые возникли на этапе применения законодательной базы в процессе рассмотрения дел и принятия решений. Поэтому, очень важно, чтобы такие постановления выпускались и становились дополнительным источником правильного и единственно верного восприятия законодательства судами нашей страны.

Отметим, что во время действия Закона РСФСР от 08.07.1981 № 976 «О судостроительстве РСФСР», было установлено, что разъяснения ВС РФ носили обязательный характер (ст. 56). В свою очередь, ВС РФ был наделен полномочиями следить за выполнением судами руководящих разъяснений.

На сегодняшний день, мнения ученых по поводу характера постановлений Пленума ВС РФ разделились на две группы: одними высказывается мнение, что данные акты являются рекомендательными, а другими — обязательными.

Так, А. И. Рарогом высказано мнение о том, что постановления Пленума ВС РФ носят дополнительный характер, т.е. они дополняют пробелы в законодательстве, при этом поясняя, что ни в Конституции РФ, ни в федеральных конституционных законах, ни в федеральных законах не указано о том, что разъяснения Пленума ВС РФ представляют собой нормативные документы и при этом носящие обязательный характер для судебных органов страны, характер⁵. Постановления Пленума ВС РФ носят лишь рекомендательный характер и выступают как предложения, не вызывающие никакие юридические последствия⁶. Но при этом постановления Пленума ВС РФ выступают своего рода неким ориентиром для судей

в целях правильного применения норм законодательства на практике. И здесь, на наш взгляд, всё же намечаются определенные последствия, например, соблюдение предложенных предписаний. А если данные предписания не применяются судами общей юрисдикции, то это влечет за собой отмену данных постановлений, вышестоящими судебными инстанциями (ст. 363, п. 1 ст. 390 ГПК РФ)⁷.

Такая разрозненность предполагает несовершенство нашей законодательной системы. На наш взгляд, это значительный урон для всей судебной деятельности, а равно — власти. Поскольку именно судебная система призвана вершить справедливость между спорящими сторонами, а когда есть пробелы в законодательстве, то возникают проблемы при вынесении решения по существу.

А. Ф. Черданцев полагает, что данные положения, содержащиеся в постановлениях, издаваемые Пленумом ВС РФ, не носят обязательный характер, т.е. содержание данных постановлений носят лишь формальный характер, поскольку они издаются субъектами, не наделенными правом издавать непреложные для всех нижестоящих судов предписания⁸. На наш взгляд данная позиция носит не совсем точные аргументы, так, как суд не наделен правом издавать нормы права, но при этом согласно ст. 126 Основного Закона РФ, имеет право осуществлять надзор над деятельностью нижестоящих судов и постановления его можно расценивать как результат исполнения надзорной функции. То есть, можно выдвинуть следующее утверждение, что в силу, того, что Конституцией РФ ВС РФ наделен контрольными полномочиями в отношении нижестоящих судов, то, постановления Пленума ВС РФ носят, скорее всего, обязательный характер. По мнению А. В. Мадьяровой, изменения законодательства, не являются причиной для замены обязательности рекомендательностью. Помимо всего прочего, обязательная юридическая сила все же расслабляет судейский состав, что приводит к безответственности судей, и при этом создаются благоприятные условия, для злоупотребления ВС РФ своими полномочиями, что, нейтрализует возможности противостояния в отношении незаконных действий нижестоящих судей⁹.

Теперь рассмотрим наш взгляд на сложившиеся противостояния и разрозненности. Роль судебной практики в значительной степени возросла, а это предполагает важную степень предназначения вышестоящих инстанций. В рамках данной проблемы правоведы, чаще, ограничиваются рассмотрением только постановлений Пленума Верховного Суда РФ. А это говорит о многом, это говорит о том, что в приоритете для судебной практики находятся те разъяснения и толкования, которые были обозначены в постановлении. Казалось бы, на лицо одна из форм судебной практики, которая должна перерасти в деятельность вышестоящих судов, не противоречащую Основному Закону РФ, как и любой нормативно-правовой акт и при этом, придание силы закона данным постановлениям было бы уместно. Но не стоит, не соглашаться с мнением А. В. Мадьяровой, где нижестоящие суды становятся безответственными тогда, когда они применяют

4 Постановление суда. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://spravochnik.ru/pravo_i_yurispruden/ciya/sud_kak_organ_sudebnoy_vlasti/postanovlenie_suda/ (дата обращения: 11.12.2018).

5 Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума ВС РФ // Государство и право. 2001. - № 2. - С. 53.

6 Звягинцев М. Н. О необходимости нормативно-правового акта «О системе правовых актов» // Источники права: проблемы создания, систематизации и реализации: Межвуз. сб. ст. / Под ред. В. Я. Музыкина, В. В. Сорокина. - Барнаул, 2007. - С. 237—239.

7 К вопросу об обязательном характере постановлений Пленума Верховного суда РФ. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru/> (дата обращения: 11.12.2018).

8 Черданцев А. Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: Сб. учен. тр. Вып. 30. - Свердловск, 1974. - С. 33-34.

9 Мадьярова А. В. Место и роль разъяснений ВС Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2001. - С. 21.

нормативные акты со статусом обязательной юридической силы. Гибкость законодательства теряется. К сожалению, наша система законодательства не может подстраиваться под все конкретные жизненные ситуации граждан, поэтому она требует такого подхода, как принятие разъяснений и толкований закона вышестоящим звеном судебной системы. Данные разъяснения и толкования судебной практики оказывают большую поддержку судам нижестоящих инстанций. Разъяснения постановлений Пленума ВС РФ не только подкрепляет практику судов общей юрисдикции, но и выполняет главную функцию суда, как вершителя правосудия, это защитная функция. Именно от того, какая норма будет применена к тому или иному случаю в судебном процессе, зависит судьба лиц, обратившихся в суд. Поэтому наше законодательство должно быть гибким, а значит, постановления Пленума ВС РФ могут, как приниматься, так и отменяться. Поэтому данные постановления, просто по своей природе, не могут носить обязательный характер.

Таким образом, мы определили что, однозначной позиции по вопросу об обязательности постановлений Пленума Верховного суда РФ в доктрине и практике не имеется. Противники обязательности постановлений Пленума ВС РФ, как правило, ссылаются на беспрецедентный характер российского права и положения ст. 120 Конституции РФ, согласно которой судьи подчиняются исключительно законодательству РФ.

Вместе с тем в пользу обязательности постановлений, помимо установленных действующим правовым регулированием полномочий ВС РФ давать разъяснения, свидетельствуют, в частности, следующие обстоятельства:

– определением ВС РФ от 04.04.2003 № ГКПИ2003-371 было указано, что суды не могут проверять законность постановлений, относительно разъяснений практики;

– формулировки о том, что постановления представляют собой правовое регулирование, встречаются в актах Европейского суда по правам человека, в частности в п. 44 постановления ЕСПЧ по делу «Бакланов против РФ» от 09.06.2005 (жалоба № 68443/01)¹⁰.

Исходя из всего вышеизложенного вряд ли можно говорить о злоупотреблении ВС РФ своими полномочиями. Однако нельзя с полной уверенностью исключить возможность существования каких-либо неточностей либо неясностей, противоречий в постановлениях Пленума ВС РФ. Но мы знаем одно, что главным требованием законности является единство понимания и применения закона на всей территории страны. А разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики играют, несомненно, важную роль в достижении этого единства.

Пристатейный библиографический список

1. Звягинцев М. Н. О необходимости нормативно-правового акта «О системе правовых актов» // Источники права: проблемы создания, систематизации и реализации: Межвуз. сб. ст. / Под ред. В. Я. Музюкина, В. В. Сорокина. - Барнаул, 2007. - С. 237-239.
2. Мадьярова А. В. Место и роль разъяснений ВС Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2001. - С. 21.
3. Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума ВС РФ // Государство и право. - 2001. - № 2. - С. 53.
4. Черданцев А. Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: Сб. учен. тр. Вып. 30. - Свердловск, 1974. - С. 33-34.

¹⁰ Решение ЕСПЧ по делу «Бакланов против РФ». Нарушение ст. 1 Протокола 1 Конвенции, возмещение нематериального ущерба. Дело № 68443/01. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/3263> (дата обращения: 12.12.2018).

САЛМИНА Светлана Глебовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры Югорского государственного университета

ПЕРЦЕВА Елена Александровна

консультант отдела правовой, организационной и кадровой работы Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

КОМПАРАТИВИСТСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВОГО СУДЬИ

Повышенный интерес ученых-юристов к институту мирового судьи обоснован тем, что модели взаимоотношений государства и граждан в области разрешения социально-бытовых конфликтов служит ориентиром доверия людей судебной системе. Учитывая тот факт, что данный институт выполняет задачу приближения правосудия к населению и обеспечивает простоту производства при защите прав и свобод граждан в мелких спорах и при совершении малозначительных преступлений и правонарушений, не вызывает сомнения актуальность его рассмотрения с позиции методологии сравнительного правоведения для совершенствования эффективности организации деятельности мирового судьи в России.

Ключевые слова: деятельность, мировой судья, судебная система, правосудие, юстиция, зарубежный опыт.

SALMINA Svetlana Glebovna

Ph.D. in Law, associate professor of Law enforcement activity and advocacy sub-faculty of the Yugra State University

PERTSEVA Elena Aleksandrovna

consultant of the Department of legal, organizational and personnel work of the Department of culture of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra

COMPARATIVE ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF ACTIVITIES OF THE MAGISTRATE

The increased interest of legal scholars to the institute of justice of the peace is justified by the fact that the models of relations between the state and citizens in the field of resolving social conflicts serves as a guide to the trust of people in the judicial system. Taking into account the fact that this institution performs the task of bringing justice closer to the population and ensures the simplicity of production in the protection of the rights and freedoms of citizens in small disputes and in the Commission of minor crimes and offenses, there is no doubt the relevance of its consideration from the standpoint of the methodology of comparative law to improve the efficiency of the organization of the justice of the peace in Russia.

Keywords: activities, justice of the peace, judicial system, justice, justice, foreign experience.

Салмина С. Г.

Перцева Е. А.

В ряде зарубежных странах по-разному действуют мировые учреждения (местные, мировые, магистратские суды и пр.). Компаративистское исследование эволюционных шагов Австралии, Великобритании, Бельгии, Греции, Израиля, Испании, Италии, Канады, США, Турции, Франции, ФРГ, Швейцарии, Люксембурге говорит об историческом опыте формирования института мировой юстиции.

Мировые суды Испании (Juzgados de Paz) имеются в муниципальных образованиях, где отсутствуют суды первой инстанции и судебного следствия. Правосудие в них осуществляют непрофессиональные судьи, которые рассматривают гражданские дела с небольшой суммой иска и уголовные дела по преступлениям небольшой тяжести. Кроме того, они выполняют функции по регистрации актов гражданского состояния¹.

Медиация в мировом суде (согласительная, примирительная процедура) присуща Бельгии, где лишь при условии

ее не достижения может быть начато собственное судебное разбирательство дела². Применительно к Испании и Бельгии отметим, что благодаря осуществлению мировыми судьями как низшего звена их судебной системы ускоренного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел данный институт приобрел значительный вес, в силу того, что огромная нагрузка возложена на них, так как большая часть уголовных деяний относятся к категории малозначительных³.

На территории Турецкой Республики мировой суд является самым низким звеном в системе правосудия. По общему правилу он состоит из одного судьи. Полномочия формирования мировых судей принадлежат областным административным центрам. В данной стране действуют

1 Соловьев А. А. Краткая характеристика судебной системы Королевства Испания // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 6. – С. 17.

2 Подробнее см.: Арапова Т. Ф. Теоретические и практические вопросы реформирования судопроизводства по гражданским делам у мирового судьи: автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс». – М., 2011. – 28 с.

3 Подробнее см.: Апостолова Н. Н. Мировые суды в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Ростов-н/Д., 1998. – 139 с.

гражданские (civil peace courts) и уголовные (criminal peace courts) мировые суды. При этом в данные суды обращаются в случае обвинения в совершении противоправных деяний относящихся к разряду незначительных, где мерой наказания выступает задержание и срок лишения свободы не может превышать 12 месяцев. Наряду с этим, мировой судья рассматривает гражданские иски, по которым имущественные претензии не превышают 2-х тысяч лир. Кроме перечисленных выше полномочий, мировые судьи в Республике могут совершать следующие административные действия: проводить дознание, во время заседаний по расторжению брака рассматривать вопросы имущества, исполнять решения судов вышестоящих инстанций. Мировые суды могут быть наделены и большими полномочиями в сферах гражданского, уголовного и других судопроизводств, в том случае, если в данных административных округах и центрах не представлены вышестоящие судебные инстанции. Вопросами наделения данными полномочиями заведует Минюст Турции⁴.

Французский местный судья рассматривает незначительные уголовные деликты и гражданские дела по которым имущественные иски составляют сумму, не превышающую 1,5 тысяч евро.

Отдельного внимания заслуживает в данном контексте германская судебная система, которая на примере французской модели реформировалась в XIX в., где низшее звено представлено участковым судьей и двумя шеффенами, избираемых из числа коренных жителей. Именно участковым (местным) судам получившим название в народе как шеффенские, подвластны дела частного обвинения, а также дела, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы не превышающем 3-х месяцев тюремного заключения, оскорбления и иные незначительные противоправные деяния. Единоличное рассмотрение гражданских дел также как вариант отправления правосудия предусмотрено законодательством.

Отличительной чертой судостроительства США выступает наличие двух систем судебных органов: федеральной судебной системы и судебной системы штатов. Основу судебной системы штатов составляют местные суды, или так называемые суды мелких исков (small claim courts), которые сосредоточены на территории всего штата и имеют различные наименования: мировой судья (Justice of the Peace), судья-магистрат (Magistrates Court), примирительный суд (Conciliation Court). В одних штатах они являются самостоятельным звеном судебной системы, в других – подразделением районного суда. Это позволяет говорить об упрощенной процедуре рассмотрения дела, которые осуществляют те же суды⁵. В компетенцию судов с ограниченной юрисдикцией США относится рассмотрение малозначительных нарушений: правил безопасности дорожного движения, общественного порядка, постановлений и решений органов местного самоуправления и мелких краж, а также первое рассмотрение по делам о более сложных уголовных преступлениях (допрос подозреваемых и санкционирования применения мер). Наряду с этим, названные суды рассматривают гражданские дела с четко установленной ценой иска, причем сумму каждый штат устанавливает свою (от 1 до 15 тыс. долларов). Также в США распространена специализация судов с ограниченной юрисдикцией. В частности, в ряде штатов мировые

судьи рассматривают только гражданские дела, а полицейские суды – только уголовные⁶.

Производство по уголовным делам в судах США осуществляется в единоличном порядке по упрощенной процессуальной форме (без досудебной подготовки, без обвинительного акта, без стадии передачи в суд и пр.). Как правило, принятые судом решения о признании подсудимого виновным и мера наказания не мотивируются, отдельный процессуальный документ не составляется, результат кратко фиксируется в стенограмме (протоколе)⁷.

Местные суды в США не включены в федеральную систему судов. Вместе с тем, согласно положениям закона «О мировых судьях» 1965 г. учреждена должность федерального мирового судьи, который занимает должность в районных и федеральных судах, назначается сроком на 8 лет из числа профессиональных юристов не моложе 27-летнего возраста. Эти должностные лица выполняют те же функции и играют аналогичную роль в федеральной судебной системе, как и суды с ограниченной юрисдикцией в судебных системах штатов. Процедура судебного разбирательства в этих судах не определена особыми формальностями, поскольку факт мелкого правонарушения, как правило, никто не оспаривает и наказание, обычно в виде штрафа, или выполняется в суде, или еще до суда. Такое решение принимается без проведения судебного разбирательства на основе занесенных в протокол заявлений и доказательств, представленных полицией. Исследование главных доказательств в магистратском суде осуществляется только тогда, когда возникают спорные вопросы.

Австралийское правосудие также включает в себя федеральные суды и суды отдельных штатов. Низовым звеном судебной системы штатов является магистратский суд. Он состоит или из одного оплачиваемого магистрата, или из двух-трех мировых судей. Магистратский суд рассматривает уголовные дела о малозначительных преступлениях, гражданские иски на небольшую сумму, осуществляет предварительное рассмотрение дел о более тяжких преступлениях, санкционирует применение таких мер, как арест или залог, в некоторых случаях может решать дела по более серьезным преступлениям, если подсудимый сам выбрал процедуру суммарного (ускоренного) судопроизводства⁸.

Следует также отметить особенность мирового суда Израиля (Magistrates Courts). Это касается его полномочий. Дело в том, что наряду с рассмотрением им транспортных, семейных, муниципальных, мелких споров, он осуществляет правосудие в роли суда первой инстанции, и являясь базовым судебным звеном рассматривает уголовные дела, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком на семь лет, и гражданские дела с суммой иска до 1 млн. шекелей (по состоянию на 01.12.2018 – 17 400 000 рублей).

Действующие нормы ряда стран предусматривают, что отправлять правосудие могут мировые судьи, не имеющие юридического образования (Швейцария, Испания). В Англии, наряду со сказанным, привлекают к данной деятельности как непрофессиональных, так и профессиональных мировых судей (стипендиарии). Во Франции в настоящее время мировой судья должен иметь юридическое образование. Им может быть действующий судья, профессор права, нотариус или лицо, находящееся в отставке, ранее работавшее в

4 Кожев Г. В. Судебная система в Турции // Актуальные вопросы правоохранительной и правозащитной деятельности в странах Азии и Африки: материалы II Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва. 23 марта 2015 г. – М.: РУДН, 2015. – С. 139.

5 Подробнее см.: Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 400 с.

6 Фридмэн Л. Введение в американское право: Пер. с англ. / Под ред. М. Калантаровой. – М.: 1993. – С. 51-52.

7 Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств. – [2-е изд., доп. и испр.]. – М.: Изд-во «Зерцало-М», 2002. – С. 279-280.

8 Подробнее см.: Джиффорд Д. Дж., Джиффорд К.Х. Правовая система Австралии = Our legal system; Под общ. ред. Ф. М. Решетникова; Пер. с англ. Т. В. Апарова, Н. А. Голованова. – М.: Юрид. лит., 1988. – 342 с.

юридической организации, магистрат. В Бельгии кандидат на должность мирового судьи помимо сдачи экзамена или наличия документов, подтверждающих наличие судебного стажа должен быть доктором права или лицензиатом права⁹. Австралия наоборот таких требований повсеместно не устанавливает. Мировой судья по нормам одних штатов может не иметь юридического образования и в отсутствие такового он должен пройти специальные курсы подготовки, по нормам других – кандидат на должность должен быть членом адвокатской корпорации.

Мирового судью формирует (избирает, назначает, рекомендует к назначению) другие высшие органы государства (глава государства, судьи), население страны, советы или коллегияльные органы. Избирается мировой судья местным населением в Венесуэле, Бразилии, во Франции, в ряде штатов США и кантонах Швейцарии. Назначается мировой судья – в Англии (судья-непрофессионал – Лорд-канцлер от имени короны, магистрат – королевой по представлению Лорд-канцлера¹⁰), Германии (премьер-министром или министром юстиции земли, в ряде земель есть спецкомиссии по отбору кандидатов судьи), Австралии, Канаде (лейтенант-губернатором по рекомендации Кабинета министров провинции), Италии (высшим советом магистратуры), США (Губернатором, при обязательном одобрении Ассоциацией адвокатов в некоторых штатах), Бельгии и Греции (главой государства по рекомендации высшего органа судебной системы из числа профессиональных юристов), Испании (муниципальные советы выбирают кандидатов на должность, а орган судебной власти их назначает).

Если взглянуть на законодательство других государств, то можно увидеть, что мировые судьи рассматривают единолично следующую категорию уголовных дел: в Бельгии и Люксембурге – наказуемых арестом на срок не свыше 7 суток; в Испании – дела о малозначительных преступлениях; в Великобритании – до 6 месяцев лишения свободы; в США – до 1 года лишения свободы; в Германии – до 2 лет лишения свободы; в Италии мировые судьи уголовные дела не рассматривают¹¹.

Исследование института мирового судьи в сравнительно-правовом контексте позволяет увидеть разнообразие подходов его судоустройства.

Вместе с тем, приводя в пример зарубежный опыт, следует помнить высказывание П. П. Серкова, о том, что правовая природа любого правового института предопределяется факторами общественной жизни¹². В каждой стране этих факторы свои, и зависят они от социально-политической ситуации в обществе и государстве. При этом, В.В. Дорошков в своей работе приводит два признака осуществления зарубежного судоустройства:

- вид государственной деятельности, осуществляемой мировыми учреждениями (административно-судебные или только судебные функции);

- кадровый состав мировых судов (является ли профессиональным, когда к кандидатам предъявляются строгие цензовые требования юридического образования, либо по-

лупрофессиональным, когда таких условий не ставится, и, наряду с юристами, судьями могут стать обычные граждане)¹³.

В. В. Дорошков делает вывод о том, что этот перечень признаков надо расширять, и мы полностью согласны с ним.

Так, в Италии имеются около 10 тысяч мировых судей, которые не входят в единую судебную систему. Они судьи-непрофессионалы без жалования с ограниченной компетенцией. В Австралии местные, магистратские суды состоят из платных судей-магистратов, рассматривающих дела единолично или с 2-3 мировыми судьями. В Испании в тех муниципальных округах, где отсутствуют суды первой инстанции, назначаются мировые судьи, рассматривающие основную массу мелких гражданских споров и уголовных дел о незначительных преступлениях. Они избираются на 4 года Высшим судом правосудия данного административного сообщества. Мировым судьей может быть не обязательно юрист. В Греции имеется около 300 мировых судей, которые составляют низшее звено судебной системы. Они рассматривают мелкие гражданские дела и дела о малозначительных преступлениях. В больших городах часть мировых судей специализируется на рассмотрении лишь уголовных дел. В Канаде суммарные суды рассматривают гражданские споры, дела о нарушениях и мелких преступлениях, предусматривающих максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. В Бразилии мировые судьи входят в судебную систему штата. Они избираются прямым, всеобщим и тайным голосованием на 4 года с полномочиями совершать бракосочетания, решать споры и осуществлять примирительные функции неюридического характера¹⁴.

По мнению В. В. Дорошкова для классификации типов мировых судей могут дополнительно использоваться следующие признаки: 1) включение мировых судов в единую судебную систему; 2) порядок наделения мировых судей властными полномочиями; 3) наличие особенностей судоустройства в связи с федеративным устройством государства; 4) степень активности в использовании примирительных процедур; 5) особенности определения подсудности дел; 6) порядок пересмотра судебных решений и т.п.¹⁵

Для России перечисленные признаки также свойственны¹⁶, и путь становления и развития института мирового судьи наше государство проходит свой, с учетом опыта зарубежных государств.

В России мировая юстиция также преодолела длительный путь развития, однако в настоящее время он остается не завер-

9 Арабова Т. Ф. Теоретические и практические вопросы реформирования судопроизводства по гражданским делам у мирового судьи: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс». – М., 2011. – С. 17.

10 Кононенко В.И. Мировой суд: Опыт становления и развития (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2003. – С. 73.

11 Ничипоренко Т. Ю. О пределах подсудности уголовных дел единоличному судье // Вестник Московского университета. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1997. – № 5. – С. 91-99.

12 Серков П. П. К вопросу о современном понимании административного судопроизводства // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2/2014. – С. 34-55.

13 Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09, 12.00.11. – М., 2003. – С. 65.

14 Подробнее см.: Малаховский К. В. Австралия. Время перемен? – М.: 1998. С. 21; Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 400 с.; Испания. Конституция и законодательные акты. Перевод с испанского / Пер.: Борисов Э. М., Ильинская Т.И.; Под ред. и со вступ. ст.: Разумович Н.Н.; Сост. и вступ. ст.: Савин В. А. – М.: Прогресс, 1982. – 352 с.; Политико-государственный механизм современной Канады. Сравнительно-историческое исследование / Данилов С. Ю., Шилов В. Е.; Отв. ред.: Молочков С. Ф. – М.: Наука, 1991. – 136 с.; Судебные системы западных государств / Отв. ред.: Туманов В. А. – М.: Наука, 1991. – 240 с.; Делла Марра Т. Уголовный процесс Италии: реформа и контрреформа // Государство и право. – М.: Наука, 1994. – № 1. – С. 124–131; Сюкияйнен Л. Р. Государственный строй. Судебная система // Арабская республика Египет: Справочник. – М., 1990; Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Батлер У. Э., Бойцова В. В., Бойцова Л. В., Додонов В. Н. и др.; Отв. ред.: Сухарев А. Я. – М.: Инфра-М-Норма, 2001. – 840 с.

15 Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09, 12.00.11. – М., 2003. – С. 66-67.

16 Цыганенко С. С. Мировой судья в зеркале современных тенденций // Terra Ecomomicus. – 2013. – Том 11. № 2. Часть 3. – С. 129-133.

шенным и находится в состоянии реформирования. Компетенция мировых судей определяется путем отсылки к отраслевому федеральному законодательству. Так, руководствуясь нормами Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации», а именно п. 1 ст. 3, можно установить, что мировой судья рассматривает в первой инстанции в рамках своей компетенции: уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, подсудные ему в соответствии с частью первой статьи 31 УПК РФ (дела небольшой тяжести); дела о выдаче судебного приказа; дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях; дела о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей 50 (пятидесяти) тысяч рублей; иные возникающие из семейно-правовых отношений дела, за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), об установлении отцовства, о лишении родительских прав, об ограничении родительских прав, об усыновлении (удочерении) ребенка, других дел по спорам о детях и дел о признании брака недействительным; дела по имущественным спорам, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, при цене иска, не превышающей 50 (пятидесяти) тысяч рублей; дела об определении порядка пользования имуществом; дела об административных правонарушениях, отнесенные к компетенции мирового судьи Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и законами субъектов Российской Федерации.

Важным дополнением в компетенции мирового судьи является то, что он рассматривает дела по вновь открывшимся обстоятельствам в отношении решений, принятых им в первой инстанции и вступивших в силу.

Законодатель также подчеркивает, что данный перечень не является исчерпывающим, и кроме дел, перечисленных в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации», федеральными законами к подсудности мирового судьи могут быть отнесены и другие дела. Например, согласно ст. 17.1 КАС РФ мировые судьи рассматривают заявления о вынесении судебного приказа по требованию о взыскании задолженности по обязательным платежам и санкций, в то время как рассмотрение этого же спора в исковом порядке отнесено к компетенции районных (городских) судов.

В России мировой судья, рассматривая дела, единолично осуществляет персональный подход к принимаемому им решению. Итогом дискуссий и осознание того факта, что мировой судья в России это полноправный элемент судебной системы, стало внимание со стороны государства на решение проблем, с которыми он встречается в своей повседневной деятельности. К таким проблемам относятся особенности взаимодействия с судами иных уровней; специфические условия обеспечения их деятельности; принципы подсудности; проблемы подведомственности некоторых категорий дел и др. В связи с этим, перед государством стоят важные задачи, направленные на упорядочение нормотворчества для решения вопросов, связанных с организацией деятельности мирового судьи, правовым и материально-техническим обеспечением, повышением открытости деятельности судей и одновременным упрощением судебных процессов.

Подытоживая отметим, что институт мирового судьи имеет глубокие корни. Впервые данный институт появился в Англии (XIV в.), впоследствии стал образцом для зарубежных государств, включая Россию. Эволюция мировой юстиции позволяет в настоящее время формулировать и апробировать те или иные принципы и подходы к ее построению и функционированию, обмениваться компаративистским опытом организации деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Апостолова Н. Н. Мировые суды в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Ростов-н/Д., 1998. – 139 с.
2. Арабова Т. Ф. Теоретические и практические вопросы реформирования судопроизводства по гражданским делам у мирового судьи: автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс». – М., 2011.
3. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств. – [2-е изд., доп. и испр.]. – М.: Изд-во «Зерцало-М», 2002.
4. Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 400 с.
5. Делла Марра Т. Уголовный процесс Италии: реформа и контрреформа // Государство и право. – М.: Наука, 1994. – № 1. – С. 124-131.
6. Джиффорд Д. Дж., Джиффорд К. Х. Правовая система Австралии = Our legal system; Под общ. ред. Ф. М. Решетникова; Пер. с англ. Т. В. Апарова, Н. А. Голованова. – М.: Юрид. лит., 1988. – 342 с.
7. Дорошкова В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09, 12.00.11. – М., 2003.
8. Испания. Конституция и законодательные акты. Перевод с испанского / Пер.: Борисов Э. М., Ильинская Т. И.; Под ред. и со вступ. ст.: Разумович Н. Н.; Сост. и вступ. ст.: Савин В. А. – М.: Прогресс, 1982. – 352 с.
9. Кожев Г. В. Судебная система в Турции // Актуальные вопросы правоохранительной и правозащитной деятельности в странах Азии и Африки: материалы II Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва. 23 марта 2015 г. – М.: РУДН, 2015.
10. Кононенко В. И. Мировой суд: Опыт становления и развития (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2003.
11. Малаховский К. В. Австралия. Время перемен? – М.: 1998.
12. Ничипоренко Т. Ю. О пределах подсудности уголовных дел единоличному судье // Вестник Московского университета. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1997. – № 5. – С. 91-99.
13. Политико-государственный механизм современной Канады. Сравнительно-историческое исследование / Данилов С. Ю., Шило В. Е.; Отв. ред.: Молочков С. Ф. – М.: Наука, 1991. – 136 с.
14. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Батлер У. Э., Бойцова В. В., Бойцова Л. В., Додонов В. Н., и др.; Отв. ред.: Сухарев А. Я. – М.: Инфра-М-Норма, 2001. – 840 с.
15. Серков П. П. К вопросу о современном понимании административного судопроизводства // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. – 2/2014. – С. 34-55.
16. Соловьев А. А. Краткая характеристика судебной системы Королевства Испания // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 6.
17. Судебные системы западных государств / Отв. ред.: Туманов В. А. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
18. Сюкияйнен Л. Р. Государственный строй. Судебная система // Арабская республика Египет: Справочник. – М., 1990.
19. Фридмэн Л. Введение в американское право: Пер. с англ. / Под ред. М. Калантаровой. – М., 1993.
20. Цыганенко С. С. Мировой судья в зеркале современных тенденций // Terra Economicus. – 2013. – Том 11. № 2. – Часть 3. – С. 129-133.

ПЕРОВ Андрей Георгиевич

кандидат технических наук, доцент Краснодарского филиала Российского государственного университета правосудия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Актуальность исследования информационных технологий в судебном процессе определяется потребностями современного общества, которое характеризуется растущей ролью информационной сферы. Информационные технологии способны изменить людей и общество, оказывать влияние на судопроизводство, повышая его качество и позволяя организовать электронное правосудие. Автор приходит к выводу, что создание целостной системы электронного правосудия является предпосылкой формирования единого информационного пространства России, поскольку информационные технологии проникают в правовую культуру общества, а с учетом того, что использование информационных технологий, позволяет как физическим, так и юридическим лицам повысить гарантии надлежащей защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в связи с достижением нового уровня доступности и своевременности самой защиты посредством информационных технологий, то представляется разумным говорить о том, что именно электронное правосудие способствует формированию правовой культуры информационного общества, а соответственно является предпосылкой формирования единого информационного пространства России. Внедрение информационных технологий в судопроизводство, позволило произвести качественные изменения в судебном процессе и организовать электронное правосудие.

Ключевые слова: информационные технологии, электронное правосудие, единое информационное пространство, гласность, прозрачность, открытость правосудия, доступность информации, способ достижения оптимизации.

PEROV Andrey Georgievich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of the Krasnodar branch of the Russian State University of Justice

INFORMATION TECHNOLOGY IN THE JUDICIAL PROCESS AS A PREREQUISITE FOR THE FORMATION OF A SINGLE INFORMATION SPACE OF RUSSIA

The relevance of the research of information technologies in the judicial process is determined by the needs of modern society, which is characterized by the growing role of the information sphere. Information technology is able to change people and society, to influence the judicial process, improving its quality and allowing to organize electronic justice. The author comes to the conclusion that the creation of an integrated system of electronic justice is a prerequisite for the formation of a single information space in Russia, as information technology penetrates into the legal culture of society, and given the fact that the use of information technology allows both individuals and legal entities to increase the guarantees of adequate protection of the rights and legitimate interests of citizens and organizations, in connection with the achievement of a new level of availability and timeliness of protection through information technology, it seems reasonable to say that the information system is, what exactly e-justice contributes to the formation of the legal culture of the information society, and therefore is a prerequisite for the formation of a single information space of Russia. The introduction of information technology in the proceedings, allowed to make qualitative changes in the trial and organize e-justice.

Keywords: information technology, electronic justice, the judiciary, a single information space, publicity, transparency, openness, justice, accessibility of information, way to achieve optimization.

Перов А. Г.

Человечество на современном этапе развития цивилизации осуществляет переход к информационному обществу от общества индустриального, а появление в постиндустриальный период новых средств коммуникации – Интернета, положило начало формированию новой среды, позволяющей распространять потоки информации. Таким образом, современное общество характеризуется растущей ролью информационной сферы, которая представляет собой сочетание информации¹ и информационной инфраструктуры, субъектов, которые собирают, создают, распространяют и используют информацию, а также систему управления социальными отношениями, возникающими при этом.

В начале XX в. Н. А. Бердяев предусмотрел те изменения в обществе, которые вносятся с развитием технологий. Н. А. Бердяев отмечал, что технологии способны менять природу человека, которая под их воздействием становится более конструктивной и организованной².

Известно, что технологии позволяют радикально изменить людей и общество, что оказывает влияние на государство. В свою очередь формирование и развитие информационного общества повлияло на отношение к информационным ресурсам и доступу к информации, что привело к укреплению роли информационных технологий. В таких условиях общество становится все более многомерным, многоаспектным, т.е. усложненным.

¹ Слово «информация» происходит от латинского слова «informatio», означающего «сведения, разъяснения, изложение».

² Бердяев Н. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 16.

Информационные технологии охватывают все ресурсы, которые необходимы для управления информацией, а диапазон их применения довольно широк, они стали неотъемлемой частью различных сфер деятельности общества и государства, включая суды.

Как отмечает А. Д. Рейлинг, отправление правосудия является деятельностью, которая связана с получением информации. По его мнению, информация, получаемая судами с применением информационных технологий, влияет на работу системы отправления правосудия³. При этом информационные технологии могут способствовать многим аспектам отправления правосудия, в том числе сокращению издержек, улучшению доступа к правосудию, сокращению коррупции. Информационные технологии в судопроизводстве он рассматривает, как процесс обработки и управления информацией⁴.

А. Н. Королев и О. В. Плешкова⁵ указывают на то, что сам термин «информационные технологии» впервые в отечественном законодательстве был употреблен в Законе об информации⁶, п. 2. ст. 2 которого дал легальное определение рассматриваемому понятию, как процессам, методам поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации, а также способам осуществления таких процессов и методов.

Однако работа по внедрению в деятельность судов информационных технологий ведется уже давно. Еще 16 ноября 2001 г. Советом судей РФ была принята Концепция информационной политики судебной системы⁷, которая предусматривала создание ГАС⁸ РФ «Правосудие», что позволило объединить все суды общей юрисдикции и систему Судебного департамента в единое информационное пространство. Позднее в 2010 г. аналогичная система «Арбитр» была запущена Высшим Арбитражным Судом РФ.

Судебная система активно внедряет современные электронные средства и технологии. Так, например, на интернет-сайте Верховного суда РФ в поисковой системе размещен баннер, через который в онлайн-режиме можно получить информацию о ходе рассмотрения дела, ознакомиться с опубликованными судебными актами. Чтобы получить доступ к информации по судебному делу, необходимо отправить простой запрос в систему, после чего будут представлены списки дел, даты их рассмотрения и возможность ознакомления с судебными документами. В электронном справочнике по судебным делам содержится информация о случаях, которые не содержат государственной, коммерческой и иной тайны, охраняемой законом⁹. Отметим, что веб-сайты судов могут отличаться интерфейсом, дизайном, контентом, доступными электронными услугами, однако их объединяет тот факт, что они содержат информацию о законодательстве,

регулирующем функционирование судебных органов, процедурные правила, организацию судебных дел, компетенции суда. Кроме того, они предоставляют пользователям доступ к просмотру файлов судебных дел, расписанию судебных заседаний и т.п.

Аудио- видео-фиксация, видеоконференц-связь, видео-протоколирование, электронную подачу документов, онлайн-сервисы и т.д. были результатом активного перехода судебной системы России на судебные разбирательства с широким применением информационных технологий. Интернет-технологии активно используются в судопроизводстве для информирования, как граждан, так и общественности о деятельности судов.

Модернизация информационного обеспечения деятельности судебной системы была признана одним из приоритетных направлений Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы на 2007 - 2012 годы»¹⁰, получившей дальнейшее свое развитие в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы»¹¹, которая предусматривает, что мероприятия, направленные на размещение судебных решений в сети Интернет, а также направленные на обеспечение к ним доступа, способствует реализации принципа гласности в гражданском процессе.

Как верно указывается в научной литературе, современные информационные технологии, которые используются в судебной деятельности, позволяют обеспечивать не только доступность информации, но они еще влияют на судопроизводство, повышая его качество и позволяя организовать электронное правосудие¹².

В развитие данного тезиса, следует отметить, что внедренные в судопроизводство информационные технологии позволяют увеличить степень прозрачности, открытости правосудия. Использование информационных технологий, является не только средством, которое способно обеспечить процессуально значимой информацией участников судопроизводства, гласность, но и повысить гарантии надлежащей защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в связи с достижением нового уровня доступности и своевременности самой защиты, а также способ достижения оптимизации:

- организации судебного процесса,
- создания условия для введения системы управления движением дел¹³,
- нагрузки на судей,
- улучшает организацию деятельности в рамках судов,
- составления судебной статистики,
- обеспечения эффективной связи с представителями сторон и т.п.

3 Reiling A. D. Technology for Justice. How Information Technology Can Support Judicial Reform / Leiden University Press, 2009. P. 16.

4 Там же. P. 42-43

5 Королев А. Н., Плешкова О. В. Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». М., 2007. С. 5.

6 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

7 Постановление Совета судей РФ от 16.11.2001 № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» // Российская юстиция. 2002. № 4.

8 Государственная автоматизированная система.

9 В открытом доступе можно найти судебные акты, рассмотренные в открытом судебном процессе.

10 Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007-2012 годы» // «Собрание законодательства РФ», 09.10.2006, № 41, ст. 4248.

11 Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2013, № 1, ст. 13.

12 Правосудие в современном мире: монография / В. И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.

13 Включая их электронную регистрацию, сведения об участниках процесса, определение режима рассмотрения дела в суде с момента его принятия (решения, контроль за ходом разбирательства, соблюдение процессуальных сроков и т.д.)

Кроме того, использование информационных технологий в судопроизводстве стало определенной площадкой для оптимизации таких сфер деятельности, как электронное оказание услуг населению, разработки программного обеспечения для создания, так называемого «электронного правительства»¹⁴ и т.д., которые способствовали повышению эффективности государственного управления. В связи с указанным, представляется, что именно использование в судопроизводстве информационных технологий, способствующих произвести качественные изменения в судебном процессе, позволяет организовать электронное правосудие, которое в свою очередь является предпосылкой формирования единого информационного пространства России.

Напомним, что в Декларации принципов «Построение информационного общества - глобальная задача в новом тысячелетии»¹⁵ было отмечено, что верховенство права, является необходимым условием для создания информационного общества, которое должно быть ориентировано на интересы людей¹⁶.

Правовая реальность современного российского общества требует учитывать при его строительстве не только значимые изменения, происходящие в сфере правовых отношений, но и ценностную ориентацию, направленную на каждого субъекта права информационного общества.

Влияние информационных технологий в современном мире на все сферы человеческой жизни чрезвычайно велико. Поэтому следует говорить о том, что в настоящее время происходит проникновение информационных технологий в правовую культуру общества.

В этой связи, следует привести определение «правовой культуры» данное Б. С. Ерасовым, которое на взгляд автора настоящей статьи представляется наиболее удачным, в контексте исследуемого феномена, поскольку оно охватывает максимально широко всевозможные аспекты содержания понятие «правовая культура». Так ученый «правовую культуру» определяет как особую форму и сферу деятельности, которая соответствует принятым нормам поведения; указывает на общий уровень развития общества; является специфической системой не только норм и ценностей, но и вкладываемых обществом смыслов, что позволяет отличать одно общество от другого, а также способствует его интеграции и придает ему самобытность; является духовным измерением любой деятельности, «в которой формируются мотивы, принципы, правила, цели и смыслы деятельности»¹⁷.

Исходя из данного определения, а также того, что информационные технологии проникают в правовую культуру общества, следует предположить, что особенности правовой культуры, формируются в обществе по мере его жизнедеятельности. А с учетом того, что использование информационных технологий, позволяет как физическим, так и юридическим лицам повысить гарантии надлежащей защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в связи с достижением нового уровня доступности и своевременности самой защиты посредством информационных технологий, то представляется разумным говорить о том, что именно

электронное правосудие в первую очередь будет способствовать (и уже способствует) формированию правовой культуры информационного общества, а соответственно является предпосылкой формирования единого информационного пространства России.

Таким образом, по результатам проведенного исследования следует сделать следующие выводы:

1. Создание целостной системы электронного правосудия является предпосылкой формирования единого информационного пространства России, поскольку информационные технологии проникают в правовую культуру общества, а с учетом того, что использование информационных технологий, позволяет как физическим, так и юридическим лицам повысить гарантии надлежащей защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в связи с достижением нового уровня доступности и своевременности самой защиты посредством информационных технологий, то представляется разумным говорить о том, что именно электронное правосудие способствует формированию правовой культуры информационного общества, а соответственно является предпосылкой формирования единого информационного пространства России.

2. Внедрение информационных технологий в судопроизводство, позволило произвести качественные изменения в судебном процессе и организовать электронное правосудие.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
2. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007-2012 годы» // «Собрание законодательства РФ», 09.10.2006, № 41, ст. 4248.
3. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2013, № 1, ст. 13.
4. Постановление Совета судей РФ от 16.11.2001 № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» // Российская юстиция. 2002. № 4.
5. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 04.12.2018).
6. Бердяев Н. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38.
7. Ерасов Б. С. Социальная культурология. 3-е изд. М., 1998.
8. Королев А. Н., Плешкова О. В. Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». М., 2007.
9. Правосудие в современном мире: монография / В. И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.
10. Reiling A. D. Technology for Justice. How Information Technology Can Support Judicial Reform / Leiden University Press, 2009.

14 См. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)» // «Собрание законодательства РФ», 04.02.2002, № 5, ст. 531.

15 Принята по результатам всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества.

16 Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R. 12 декабря 2003 года. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 04.12.2018).

17 Ерасов Б.С. Социальная культурология. 3-е изд. М., 1998. С. 34-35.

РЯБИКИН Андрей Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры судебных экспертиз Юридического института Красноярского государственного аграрного университета

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены отдельные вопросы организации и научно-методического обеспечения судебно-экспертных учреждений Российской Федерации, касающиеся единого межведомственного методологического подхода в производстве судебных экспертиз. Автором осуществлен анализ значения термина «Профиль», которое использует законодатель в части регламентации организации деятельности государственных судебно-экспертных учреждений, но не раскрывает его сущности. Автор приходит к выводу об отсутствии необходимости соблюдения единого межведомственного научно-методического подхода при производстве судебных экспертиз.

Ключевые слова: судебно-экспертные учреждения, профиль, ведомственная принадлежность, единый научно-методический подход.

RYABIKIN Andrey Aleksandrovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Forensic examinations sub-faculty of the Institute of Law of the Krasnoyarsk State Agrarian University

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF FORENSIC INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with some issues of organization and scientific and methodological support of forensic institutions of the Russian Federation, concerning a single interdepartmental methodological approach in the production of forensic examinations. The author analyzes the meaning of the term "Profile", which is used by the legislator in terms of regulation of the organization of activities of state forensic institutions, but does not reveal its essence. The author comes to the conclusion that there is no need to comply with a single interdepartmental scientific and methodological approach in the production of forensic examinations.

Keywords: forensic institutions, profile, departmental affiliation, unified scientific and methodological approach.

В современном организационно-правовом поле судебной экспертизы можно выделить три основных направления в области организации и научно-методического обеспечения данного вида деятельности.

Первое направление предусматривает организацию судебно-экспертной деятельности, которая формируется и финансируется на государственном уровне с целью удовлетворения потребностей государственных структур, юридических и физических лиц вне зависимости от их политической, ведомственной принадлежности или рода деятельности. Подобная организация судебной экспертной деятельности, при всех своих плюсах и минусах, позволяет без особых сложностей обеспечить единый научно-методический подход во всех родах и видах судебных экспертиз, что было реализовано в Республике Беларусь, Республике Казахстан и др.

Второе направление, в организации судебно-экспертной деятельности, категорически не приемлет какого-либо рода централизаций, и организовано, как правило, за счет коммерческой деятельности негосударственных фирм в области судебной экспертизы, специалистов и ученых в различных отраслях научно-практической деятельности и частнопрактикующих экспертов по отдельным видам судебных экспертиз. С учетом децентрализации организационно-правового поля судебной экспертизы, единство в научно-методическом подходе данного направления судебно-экспертной деятельности возможно лишь эпизодически, и выражается как признание положительной (с точки зрения принятия судом) экспертной практики, приверженность некой методологической линии конкретной экспертной школы (как правило, принятой учениками этой школы в процессе обучения), использование при производстве исследований аналогичных моделей экспертных средств и т.д. Такая организационная модель практикуется значительной частью западных госу-

дарств, и она обусловлена, в том числе, существующей правовой ментальностью и традициями права.

Третье направление в организации судебно-экспертной деятельности, по своей сути, будет находится между двух озвученных выше, и в зависимости от особенностей строения, может быть близка как к централизованной, так и к децентрализованной организационным структурам. Ярким примером данного направления является организация судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Еще с советских времен, потребность в судебных экспертах испытывали лишь отдельные государственные органы исполнительной власти – Министерство внутренних дел и Министерство юстиции. Созданию ведомственной государственной структуры судебно-экспертных учреждений способствовали, в том числе, и различия в решении поставленных перед ведомствами задач, как например в Министерстве внутренних дел Российской Федерации – предупреждение, раскрытие и расследование преступлений и административных правонарушений¹, подследственность по статьям Уголовного Кодекса СССР и другие немаловажные факторы. С этого момента, возникает необходимость ведомственного финансирования экспертных служб (формально финансирование остается государственным, но «деньги лежат в разных карманах»). В последствии, государственное судебно-экспертное поле приросло министерствами и ведомствами, от которых специфика решаемых задач потребовала создание собственных (ведомственных) судебно-экспертных учреждений – Министерство обороны, Министерство здравоохране-

1 п. 2 приказа МВД России от 29.06.2005 № 511 (в ред. 15.10.2012) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

ния, Федеральная таможенная служба (ныне подчиняющаяся Министерству финансов Российской Федерации) и т.д.

Исторически сложившиеся разногласия между министерствами (еще с советских времен), а также ведомственное финансирование экспертных служб, способствовали возникновению специфической организационной и научно-методической форме обеспечения судебно-экспертной деятельности, основанной на ведомственной принадлежности экспертных учреждений, которая сохранилась и по настоящее время.

На равных правах, с точки зрения действующего Федерального законодательства, в системе судебно-экспертного поля Российской Федерации функционируют и негосударственные судебно-экспертные учреждения, которые за неполные два десятка лет XXI века получили активное развитие. Как правило, данные учреждения обеспечивают потребность Российского правоприменителя по делам арбитражного и гражданского процесса, однако, для них не является редкостью необходимость производства судебных экспертиз по уголовным делам для нужд МВД, ФСБ или Следственного комитета Российской Федерации.

Ряды негосударственных судебно-экспертных учреждений с 2011 года пополнили подразделения судебных экспертов, вошедших в состав вновь образованного Следственного комитета Российской Федерации. Так, в соответствии с Положением о Следственном комитете Российской Федерации² создана ведомственная система экспертно-криминалистического обеспечения расследования преступлений, в которую, на должности старших экспертов (экспертов) приняты лица, обладающие специальными знаниями.

С формальной точки зрения, получению статуса государственного судебно-экспертного учреждения данным экспертным учреждениям помешала юридическая коллизия, смысл которой в отсутствии у Следственного комитета Российской Федерации статуса Федерального органа исполнительной власти³. В структуре экспертных подразделений данного ведомства отсутствует должность руководителя экспертного учреждения, что исключает исполнение процессуальных (не административных!) прав и обязанностей, свойственных руководителям государственных судебно-экспертных учреждений.

Отдельно взятые роды и виды судебных экспертиз, в силу подследственности по статьям Уголовного Кодекса Российской Федерации и специфике решаемых задач, могут представлять значительный интерес для многих министерств и ведомств России. Однако, специфика функционирования Российских ведомственных экспертных подразделений, как правило, определяемая локальными нормативно-правовыми актами, предлагает Российскому правоприменителю возможность назначения конкретного вида судебной экспертизы, который реализуется одновременно в двух, трех, а то и большем количестве ведомств. При этом, научно-технический прогресс не прекращает своего поступательного движения к развитию, а экспертные подразделения этих ведомств находятся не в равных организационных и финансовых условиях.

Суть комплекса проблем, который возникает перед правоприменителем при назначении судебных экспертиз, отчасти раскрывается известным автором научных работ по теории и практике судебной экспертизы проф. Е. Р. Россин-

ской⁴, которая формирует три принципа организации и научно-методического обеспечения государственных экспертно-криминалистических подразделений в России:

1) ведомственный принцип формирования экспертных подразделений;

2) принцип «региональности», т.е. «приближение их к местным правоприменительным органам»;

3) принцип «соблюдения единого научно-методического подхода при выполнении экспертиз независимо от их ведомственной принадлежности».

Первый принцип реализуется положением ст. 11 Федерального Закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» - «Государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы».

Принцип «региональности», реализуется как федеральным законодательством, так и положениями локальных нормативно-правовых актов министерств и ведомств по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях. Данный принцип на практике, скорее носит статус «Общепринятый» нежели «Строго обязательный», как минимум по двум причинам. Первая - возможность производства повторных и наиболее сложных судебных экспертиз (как правило, требующих уникальных методик и экспертных средств) в лабораториях головных судебно-экспертных учреждений, либо возможность производства судебной экспертизы в ведомственном экспертном подразделении соседнего региона, где работает эксперт соответствующей специализации. Вторая - не все министерства и ведомства, занимающиеся производством судебных экспертиз, ограничивают возможности правоприменителя в части назначения судебных экспертиз принципом «региональности».

Принцип «соблюдения единого научно-методического подхода при выполнении экспертиз независимо от их ведомственной принадлежности», на наш взгляд, является попыткой выдать желаемое за действительное. Теоретическое обоснование данного принципа, вероятней всего, выходит из неоднозначного понимания термина «Профиль», который законодатель использует в отношении государственных судебно-экспертных учреждений в шестом абзаце ст. 11 Федерального Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» - «Государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов».

К сожалению, значение термина «Профиль» не раскрыто в выше озвученном законе, например, в статье 9 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе». Однако, по нашему пониманию, если под термином «Профиль» законодатель имел в виду отдельный вид (род, класс) судебной экспертизы, то формирование профиля государственных судебно-экспертных учреждений, практикующих единый межведомственный научно-методический подход к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов, посылить лишь межведомственной организации, созданной по инициативе Правительства РФ для решения такого рода задач, что стало бы существенным

2 Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (в ред. 23.07.2018) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» п. 7 и п. 14 «Положения о Следственном комитете Российской Федерации».

3 ст. 11 Федерального Закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

4 Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М.; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 175.

шагом к централизации судебно-экспертной деятельности в России, со всеми вытекающими из этого решения положительными и отрицательными моментами.

Частично значение термина «Профиль» законодатель раскрывает через процесс его формирования. Так, седьмой абзац ст. 11 Федерального Закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предлагает формировать профиль судебно-экспертного учреждения федеральному органу исполнительной власти, что исключает, с одной стороны, вневедомственного вмешательства в формирование профиля, и с другой стороны, не способствует обеспечению межведомственного единства профилей государственных судебно-экспертных учреждений.

Кроме того, ст. 38 Федерального Закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» обязывает осуществлять организационное и научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, что также исключает необходимость в организации межведомственного единства в научно-методическом обеспечении судебно-экспертной деятельности.

Исходя из изложенного, под термином «Профиль», используемом законодателем в ст. 11 Федерального Закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в узком смысле этого слова, возможно подразумевается:

- перечень родов и видов судебных экспертиз, производимых в судебно-экспертных учреждениях конкретного ведомства, утвержденный локальным нормативно-правовым актом;

- единый внутриведомственный подход к научно-методическому обеспечению родов и видов судебных экспертиз, производимых в судебно-экспертных учреждениях конкретного ведомства.

Таким образом, третий принцип организации и научно-методического обеспечения государственных экспертно-криминалистических подразделений в России, предложенный Е. Р. Россинской, предлагается изменить в следующей редакции: «принцип соблюдения единого научно-методического подхода при производстве судебных экспертиз с учетом их ведомственной принадлежности».

Последние десятилетия, мы наблюдали неоднократные попытки межведомственного согласования методологических подходов в судебно-экспертной деятельности. Несмотря на то, что в ряде случаев возникали межведомственные приказы, которые организовывали взаимодействие в обучении, аттестации судебных экспертов и единстве методик исследования однотипных объектов, это скорее отрицательный опыт, нежели положительный. На сегодняшний день, методологические подходы экспертных подразделений различных ведомств в исследовании криминалистических объектов зачастую рассогласованы терминологическими аспектами, экспертными средствами, используемыми для исследования объектов, а порой и не совпадают наименования однотипных видов судебных экспертиз. Как правило, подобного рода рассогласования экспертным методик проявляется в «нетрадиционных» и активно развивающихся родах и видах судебных экспертиз. Причины таких рассогласований, на наш взгляд, следует искать в специфике решаемых задач различными органами исполнительной власти, численности экспертных подразделений и особенностях развития и финансирования внутренней структуры экспертных учреждений отдельных ведомств.

Такое состояние дел в системе судебно-экспертного поля Российской Федерации ставит правоприменителя в ситуацию, при которой он не способен прогнозировать выводы эксперта в результате производства судебной экспертизы по

однотипным объектам в судебно-экспертных учреждениях различных ведомств по причине отсутствия у него процессуальной специализации или профессиональной подготовки в области специальных знаний исследуемых объектов. Без всякого сомнения, кто-то увидит в текущем положении дел отражение принципа состязательности сторон в области права, прописанный Конституцией Российской Федерации. Однако, объективным и беспристрастным арбитром такой состязательности выступает суд, а в нашем случае, состязательность между сторонами уходит из правового поля в область поля специальных знаний конкретной сферы научной деятельности, что ставит под большое сомнение необходимость реализации принципа состязательности ввиду отсутствия процессуальной регламентации для этих целей «специализированных объективных арбитров», коим не может выступить суд ввиду отсутствия у него, для этих целей, специальных знаний.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (в ред. 23.07.2018) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации»).
2. Федеральный Закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 30.12.2001 № 196-ФЗ, от 05.02.2007 № 10-ФЗ, от 24.07.2007 № 214-ФЗ, от 28.06.2009 №124-ФЗ, от 06.12.2011 № 409-ФЗ, от 02.07.2013 №185-ФЗ, от 25.11.2013 № 317-ФЗ, от 08.03.2015 № 23-ФЗ) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
3. Приказ МВД России от 11.07.2009 № 7 (в ред. 20.07.2011) «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».
4. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (в ред. 15.10.2012) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» Приложение № 2 Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации.
5. Приказ Минюста РФ от 27 декабря 2012 года № 237 (в ред. 29.10.2013) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».
6. Приказ ФСБ России от 23.06.2011 № 277 (в ред. 04.12.2017) «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности») (приложение № 2) Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности.
7. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М.; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 368 с.

БЕЛОЦЕРКОВИЧ Денис Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета

ТОНКИХ Егор Евгеньевич

магистрант 2 курса кафедры государственно правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье дается общая характеристика деятельности органов прокуратуры, связанной с осуществлением надзора в области безопасности дорожного движения, исследуются правовые основы обеспечения безопасности в области дорожного движения. Также в статье обращено внимание на проблемные аспекты, препятствующие укреплению безопасности в области дорожного движения.

Ключевые слова: прокуратура, надзорная функция, Генеральная прокуратура России, безопасность дорожного движения.

BELOTSEKOVICH Denis Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of State-legal disciplines sub-faculty of the Pacific State University

TONKIKH Egor Evgenjevich

2th year magister student of State-legal disciplines sub-faculty of the Pacific State University

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE FOR SUPERVISION OF ROAD SAFETY

The article gives a general description of the activities of the Prosecutor's office related to the implementation of supervision in the field of road safety, explores the legal framework for road safety. The article also draws attention to the problematic aspects that prevent the strengthening of road safety.

Keywords: Prosecutor's office, Supervisory function, General Prosecutor's office of Russia, traffic safety.

Белоцеркович Д. В.

Тонких Е. Е.

В Конституции Российской Федерации¹ человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и личная безопасность признаются в государстве наивысшей ценностью (ст. 3). Обеспечение и поддержание безопасности дорожного движения обусловлено не только конституционно-правовой обязанностью, которую Россия приняла на себя в целях защиты прав и свобод человека, но и важностью решения насущных демографических и социально-экономических задач. В Целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах», утвержденной постановлением Правительства России от 3.10.2013 г. № 864², вопросы обеспечения безопасности дорожного движения признаны приоритетными в рамках дальнейшего социально-экономического развития государства. Статистические данные подтверждают, что ежегодно в России в результате высокой аварийности на дорогах погибают около 275 тыс. человек³. Кроме того, дорожно-транспортные происшествия причиняют значительный материальный и непоправимый моральный ущерб гражданам и всему обществу.

Безопасность дорожного движения – это состояние, которое отражает степень защищенности участников дорожного движения от дорожно-транспортных происшествий и их последствий (ст. 2 Федерального закона от 10.12.1995 г. №

196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»)⁴. Согласно ст. 3 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» основными принципами в области безопасности дорожного движения являются:

- приоритет жизни и здоровья граждан, принимающих участие в дорожном движении, над другими аспектами общественной жизни;
- повышение ответственности государства за безопасность дорожного движения;
- соблюдение интересов граждан, общества и государства при обеспечении безопасности дорожного движения;
- целевой подход к деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», на территории России проводится единая государственная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, а также устанавливаются соответствующие правовые основы, соблюдение которых важно для поддержания безопасности дорожного движения и защиты прав и интересов участников дорожного движения. При этом государство в лице прокуратуры Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, которые действуют на территории России (ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»)⁵.

1 Конституция РФ (прин. всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2 О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах»: постановление Правительства РФ от 3.10.2013 г. № 864 // СЗ РФ. 2013. № 41. Ст. 5183.

3 Там же.

4 О безопасности дорожного движения: федеральный закон от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 26.07.2017 г.) // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

5 О прокуратуре: федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 30.10.2018 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Деятельность прокуратуры по надзору за исполнением законов в области безопасности дорожного движения осуществляется в рамках Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 7.12.2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»⁶.

Цель деятельности прокуратуры в сфере обеспечения безопасности дорожного движения сводится к осуществлению надзора за законностью правовых актов, используемых для обеспечения и поддержания такой безопасности, соблюдения прав и свобод человека, а также предполагает своевременное предупреждение дорожно-транспортных происшествий.

На протяжении всего 2017 г. органы прокуратуры РФ активно реализовывали свои полномочия по надзору за исполнением законов в области обеспечения дорожного движения. Взвешенная и целенаправленная деятельность прокуроров позволила своевременно пресечь нарушения, что касались:

- несоблюдения технических требований к транспорту;
- ненадлежащего содержания дорог;
- осуществления незаконного предпринимательства в сфере пассажирских перевозок;
- управления транспортом без соответствующего медицинского и (или) технического осмотра;
- нарушения режима рабочего времени и времени отдыха водителей.

Так, в Амурской области в 2017 г. зафиксировано более 200 случаев осуществления перевозки пассажиров, среди которых были и дети, без надлежащих лицензий и на транспорте, который не соответствовал техническим требованиям⁷. В результате выявленных случаев не было зарегистрировано дорожно-транспортных происшествий, однако, угроза безопасности дорожного движения существовала. Также прокуратура Амурской области отмечает, что значительное количество дорог не соответствует стандартам и техническим регламентам в области обеспечения безопасности дорожного движения, что подтверждает факт ненадлежащего исполнения органами местного самоуправления своих полномочий, касающихся контроля над сохранностью и функциональностью дорог.

Прокуратура Оренбургской области с целью снижения показателей происшествий, совершаемых на дорогах, в 2017 г. провела плановые проверки деятельности всех станций технического обслуживания. Были выявлены факты недобросовестной деятельности, что стало причиной технических неисправностей транспортных средств, участвовавших в дорожно-транспортных происшествиях.

Генеральная прокуратура РФ по результатам 2017 г. отмечает, что в большинстве регионов страны были выявлены повсеместные нарушения порядка фото и видео фиксации последствий дорожно-транспортных правонарушений, что свидетельствует о совершении ответственными должностными лицами в сфере безопасности дорожного движения неправомочных действий⁸.

Прокуратура Республики Карелия в результате проверки выявила, что длительное время видео- и фото информация по комплексам фиксации не поступала в республиканский ЦАФАП ГИБДД МВД⁹. Так, несмотря на существенные условия государственного контракта, подрядчик самостоятельно определял время установки комплексов; время их работы округлялось, в результате оплата была произведена в двойном размере. Также документы свидетельствуют об

оплате аренды автоматического программного комплекса, который вообще не был установлен. Благодаря своевременным действиям прокуроров Республики Карелия, на основании составленных постановлений, начальник отдела транспортной безопасности эксплуатирующей организации был привлечен к административной ответственности по ч.10 ст. 7.32 КоАП РФ (нарушение порядка заключения, изменения контракта). В качестве административного наказания был назначен штраф в размере 50 тыс. рублей.

В Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 15.08.2011 г. № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере»¹⁰ значителен, что при реализации надзорных полномочий органам прокуратуры следует особое внимание обращать на пресечение злоупотреблений и нецелевое использование бюджетных средств в сфере безопасности дорожного движения, а также безотлагательно принимать решения о привлечении виновных лиц к ответственности.

Всего в 2017 г. в следственные органы прокурорами направлено 363 материала для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц в сфере безопасности дорожного движения, по результатам их проверки возбуждено 332 уголовных дела. Тем не менее, критическая ситуация, которая сложилась в области безопасности дорожного движения в России, ещё недостаточно улучшилась.

Таким образом, сложившаяся в стране и обществе ситуация свидетельствует о формировании в России стратегии политического, социально-экономического, культурно-духовного развития. В последние десятилетия особое внимание уделяется безопасности дорожного движения, улучшению транспортной системы страны. О важности реформирования транспортной системы России не единожды упоминал Президент Российской Федерации, в виду чего Правительство России разработало специальную стратегию, которая направлена на совершенствование системы управления транспортной системой и повышение уровня безопасности в сфере дорожного движения. Статистические данные, опубликованные Госавтоинспекцией Российской Федерации по итогам 2017 года, свидетельствуют о том, что в целом, показатели дорожно-транспортных происшествий постепенно снижаются, меньше фиксируется аварий, однако, основные проблемы нарушений правил дорожного движения всё ещё существуют. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, следует отметить, что обеспечение безопасности области дорожного движения и её поддержание, во многом, зависит именно от полноты, достаточности и своевременности осуществления прокуратурой надзорных функций.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ (прин. всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. О прокуратуре: федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 30.10.2018 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. О безопасности дорожного движения: федеральный закон от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 26.07.2017 г.) // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.
4. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах»: постановление Правительства РФ от 3.10.2013 г. № 864 // СЗ РФ. 2013. № 41. Ст. 5183.
5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 7.12.2007 г. № 195 (ред. от 21.06.2016 г.) // Законность. 2008. № 3.
6. Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.08.2011 г. № 211 // СПС «Консультант Плюс».
7. Органами прокуратуры выявлены многочисленные нарушения в сфере исполнения законодательства о безопасности дорожного движения. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1378442/> (дата обращения: 22.11.2018).
8. Органами прокуратуры выявлены многочисленные нарушения в сфере исполнения законодательства о безопасности дорожного движения. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1378442/> (дата обращения: 22.11.2018).
9. Там же.
10. Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.08.2011 г. № 211 // СПС «Консультант Плюс».

ШЕРИЕВ Альберд Малиевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ ПО КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В статье анализируются вопросы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Кабардино-Балкарской Республике, а также деятельность прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, незаконный оборот, контроль, предварительное следствие, наркотические средства, психотропные вещества, противодействие, взаимодействие.

SHERIEV Alberd Malilevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN COORDINATING THE ACTIVITIES OF SUBJECTS TO COUNTER THE ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)

The article analyzes the issues of countering the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in the Kabardino-Balkarian Republic, as well as the work of the prosecutor's office to coordinate the activities of law enforcement agencies in the field of countering the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances.

Keywords: prosecutor's office, supervision, illicit trafficking, control, preliminary investigation, narcotic drugs, psychotropic substances, counteraction, interaction.

Наркопреступность в Российской Федерации является одним из наиболее опасных видов преступности, непосредственно угрожающим устоям общества и здоровью нации¹.

Прокуратура, как структурный элемент правозащитного механизма государства, обладает уникальными возможностями для качественного повышения эффективности работы всей системы государственных органов².

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992г. № 2202-1 (ред. 03.08.2018) «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью³.

Согласно п. 44 Указа Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», одним из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности являются совершенствование правового регулирования

предупреждения распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями⁴.

Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» устанавливает правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности⁵.

Проведенным анализом складывающейся криминогенной ситуации в сфере противодействия наркопреступности установлено, что на территории Кабардино-Балкарской Республики отмечается снижение на 8,4 % числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ – 1003 (1095), их удельный вес от общего числа зарегистрированных преступлений составил 14,9 % (АППГ - 14,3%).

Вместе с тем, проблема с пресечением преступлений, связанных с распространением наркотических средств и новых потенциально опасных психоактивных веществ, по-прежнему, стоит остро.

Прежде всего, это связано с появлением на нелегальном рынке сравнительно дешевых и ранее неизвестных в Кабардино-Балкарской Республике видов синтетических наркотиков, производимых в Китае, так называемых - «солей» (про-

1 Агафонов В. В., Чистова Л. Е. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ, а также растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, совершаемых с использованием Интернет и электронных средств связи: Учебно-методическое пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2011. – 208 с.

2 Шаров М. И. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков // Крымский научный вестник. - № 1 (7). - 2016.

3 О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 47. - Ст. 4472.

4 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 1 (часть II). - Ст. 212.

5 О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон Российской Федерации от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 2. - Ст. 219.

изводных N-метилэфидрона) и внедрением сбытчиками бесконтактных способов их реализации, с использованием сети Интернет, что, в свою очередь, затрудняет деятельность заинтересованных оперативных служб и подразделений по выявлению и документированию данного вида преступлений.

На заседаниях межведомственной рабочей группы правоохранительных органов Кабардино-Балкарской Республики, в целях выработки консолидированной позиции, установления и привлечения к уголовной ответственности организаторов и исполнителей данной преступной деятельности, проводятся обсуждения результатов расследования уголовных дел с участием руководителей и ответственных должностных лиц.

Как показывает оперативно-следственная практика, участвовавшие случаи сбыта наркотических средств посредством производства «тайников-закладок» в своем большинстве организуются из иностранных государств, при этом участники «цепи сбыта», в целях конспирации, между собой не знакомы.

Результаты проведенных анализов показывают, что помимо отмеченных объективных сложностей, связанных с латентностью преступлений, связанных с бесконтактным способом сбыта наркотических средств, имеют место и субъективные факторы, влияющие на состояние работы в сфере противодействия наркопреступности.

К таковым следует отнести недостаточно системную и непоследовательную работу оперативных подразделений, шаблонность и безынициативность проводимой оперативной работы, отсутствие эффективного ведомственного контроля со стороны руководства за деятельностью подчиненных.

Проводимые оперативно-розыскные мероприятия должны быть направлены на установление не только отдельных граждан, занимающихся сбытом наркотиков путем производства «тайников-закладок», но и организаторов преступной деятельности в целом.

Следует отметить, что после возбуждения уголовного дела и задержания фигурантов – непосредственных «закладчиков», необходимо продолжить работу по установлению каналов-поставок наркотических средств, а также установления иных лиц, причастных к совершению указанных преступлений.

Необходимо обеспечить конструктивное и системное взаимодействие между подразделениями следствия и оперативными службами. Поручения органу дознания не должны носить формальный характер, а ответы на них не должны ограничиваться констатацией факта технического набора проведенных мер и невозможности установления виновных лиц.

Прокурорская и следственно-оперативная практика свидетельствует, что в значительной степени это касается синтетических и полусинтетических наркотиков, которые не могут быть изготовлены без специальных средств и навыков, а, следовательно, в большинстве своем приобретаются непосредственно в ходе сбыта.

Фактов необоснованного выделения материалов для проведения процессуальной проверки в отношении неустановленных сбытчиков в порядке ст. 144-145 УПК РФ не установлено – 0 (0).

Надзорная практика свидетельствует, что имеются определенные просчеты и в деятельности органов осуществляющих предварительное расследование.

Имеют место нарушения требований уголовно-процессуального законодательства о законности и мотивированности принимаемых процессуальных решений.

В целях недопущения фактов необоснованного выделения подразделениями правоохранительных органов Кабардино-Балкарской Республики, задействованными в данной сфере, из дел об административных правонарушениях, связанных с употреблением наркотических средств, материалов для проведения процессуальной проверки в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ в отношении неустановленных сбытчиков, а также возможного укрытия преступлений от учета и регистрации, в рамках исполнения приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 05.09.2011 № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия», имеющиеся административные материалы в соответствующих правоохранительных органах Кабардино-Балкарской Республики изучаются ежемесячно.

Согласно сведениям ИЦ МВД по Кабардино-Балкарской Республике правоохранительными органами республики возбуждено 66 (52) производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ⁶ (незаконный оборот наркотических средств), 173 (143) - по ст. 6.9 КоАП РФ (потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ).

Изучением материалов отмеченных административных производств фактов укрытия от учета и регистрации преступлений не выявлено – 0 (0).

Кроме этого, фактов необоснованного принятия решений о возбуждении уголовного дела в отношении неустановленных сбытчиков, исходя из соответствия изложенных в них фактов сведениям, содержащимся в материалах проверок, не установлено.

Проводимые исследования в данном направлении деятельности показали, что органами предварительного следствия при расследовании уголовных дел по фактам сбыта наркотиков, в целом, полнота предварительного следствия обеспечивается.

За анализируемый период направлением в суд окончено 26 уголовных дел в отношении 27 лиц, из них 2 дела в отношении 2 лиц по фактам покушения на сбыт наркотических средств бесконтактным способом в форме «тайников-закладок».

По основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ⁷ - в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, приостановлено производством 59 уголовных дел, в том числе 9 по фактам сбыта наркотических средств в форме «тайников-закладок» и с использованием сети «Интернет».

6 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 03.08.2018г.) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

7 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018). // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

В отдельное производство в отношении неустановленных лиц по фактам сбыта наркотических средств неустановленными лицами выделены материалы по 26 уголовным делам, 8 – по фактам сбыта наркотических средств в форме «тайников-закладок».

Положительных результатов следует ожидать в ходе системной плановой работы следователей и надлежащего процессуального контроля со стороны руководителей следственных органов, уголовные дела о преступлениях, связанных со сбытом наркотических средств. Также при проведении расследования следует придерживаться установленных уголовно-процессуальным законом сроков.

При проведении предварительного следствия необходимо установить соучастников преступлений, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ, при этом необходимо выделять материалы в отдельное производство в отношении неустановленных сбытчиков.

Вопросы направления актов прокурорского реагирования с требованием выделения из уголовных дел материалов в отношении неустановленных сбытчиков, как отмечено выше, необходимо решать только при наличии объективных сведений, указывающих на признаки уголовного наказуемого деяния, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ⁸.

С учетом важности и актуальности анализируемых вопросов, в целях выработки скоординированных и дополнительных согласованных мер на заседаниях межведомственной рабочей группы адресно проводят обсуждение вопросов состояния законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, разрешении сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел в отношении неустановленных сбытчиков наркотических средств; проблемные вопросы выявления, документирования и расследования преступлений, связанных со сбытом наркотических средств бесконтактным способом в форме «тайников-закладок» и с использованием информационно-коммуникационных технологий и др.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 03.08.2018г.) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018). // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. 1). - Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
4. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон Российской Федерации от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 2. - Ст. 219.

5. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 47. - Ст. 4472.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 1 (часть II). - Ст. 212.
7. Агафонов В. В., Чистова Л. Е. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ, а также растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, совершаемых с использованием Интернет и электронных средств связи: Учебно-методическое пособие. — М.: ДГСК МВД России, 2011. — 208 с.
8. Шаров М. И. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков. Крымский научный вестник. - № 1 (7). - 2016.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Автор статьи обращает внимание на актуальные вопросы организации занятий по огневой подготовке с сотрудниками органов внутренних дел, акцентируя внимание на давно назревшей необходимости совершенствования методик проведения данной дисциплины в ОВД с учетом требований предъявляемых современной реальностью и достижениями стрелкового спорта.

Ключевые слова: огневая подготовка, огнестрельное оружие, специальные средства, практическая стрельба, меры безопасности, применение оружия, стрелковый спорт.

ZHAMBOROV Anzor Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Fire training sub-faculty of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia

Жамборов А. А.

SOME QUESTIONS OF IMPROVEMENT OF FIRE TRAINING OF THE EMPLOYEES OF LAW-ENFORCEMENT BODIES

The author of the article draws attention to topical issues of organizing fire training classes with employees of the internal affairs bodies, focusing on the long-standing need to improve the methods of conducting this discipline in the police department, taking into account the requirements of modern reality and the achievements of shooting sports.

Keywords: fire training, firearms, special means, practical shooting, security measures, the use of weapons, shooting sports.

Несомненно, происходящие в нашей стране в последние десятилетия в обществе преобразования и изменения ощути-мо сказались на снижении роста преступности относительно аналогичных периодов прошлых лет. В тоже время, в целях оказания своевременного, законного противодействия криминальным вызовам и угрозам сотрудникам правоохрани-тельных органов необходимо действовать на опережение, что возможно только при высоком уровне их подготовки. При этом деятельность органов МВД России зачастую сопряжена с необходимостью выполнять служебные задачи в ситуации угрозы их жизни и здоровью. И в данных условиях практика применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел воспринимается как обычная или повседне-вая деятельность сотрудников полиции.

Работа сотрудников полиции неразрывно связана с при-менением специальных средств и огнестрельного оружия. Необходимость их применения возникает и из специфичной государственной структурной функции:

– первое, жизнь и безопасность сотрудников и иных лиц, находящихся под угрозой;

– второе, в процессе поддержания общественного по-рядка и борьбы с преступностью, иногда возникают такие ситуации, когда сотруднику правоохранных органов приходится применять специальные средства и огнестре-льное оружие. Особенно, когда речь идет о нападении на со-трудников с применением угрозы холодного или огнестре-льного оружия.

В своей непосредственной деятельности сотрудники правоохранных органов должны ориентироваться на то, что если им пришлось применить оружие, оценка их действий будет обоснована законом. Сотрудник органов внутренних дел должен создать определенные условия, ис-

ключающие совершение преступления, либо осуществлять правомерное реагирование на совершаемое преступление, что в свою очередь требует наряду с рядом других факторов необходимость повышения качества специальной, огневой подготовки.

Из этого следует вывод, что уверенное владение сотруд-никами органов внутренних дел огнестрельным оружием, это один из важнейших факторов, определяющий эффек-тивность деятельности подразделений МВД. Уверенность не-обходимо вырабатывать с самого начала обучения будущих сотрудников стрельбе из огнестрельного оружия в образова-тельных организациях МВД, а в последующем совершенство-вать навыки в процессе служебной деятельности.

В контексте рассматриваемых вопросов именно надеж-ность и тактическая грамотность при применении огне-стрельного оружия обусловлена эффективностью подготов-ки сотрудника и правильного им выполнения элементов всех действий с боевым оружием. В связи с чем, основной задачей учебного процесса огневой подготовки «стрелка» является ориентир на определение правильных моделей и вариан-тов, а главное крепкого фундамента поведения сотрудника в условиях, когда существует реальная необходимость приме-нения огнестрельного оружия в сложных либо критических ситуациях (часто сопровождающиеся минимальным времен-ным промежутком). В процессе подготовки необходимо за-действовать практические навыки определенных элементов, входящих в действия по применению огнестрельного ору-жия, а также в сознательную деятельность сотрудника¹.

1 Медведев А. В., Ветрова Ю. В., Мясничева Ю. В. Психологическая подготовка курсанта-стрелка // Вестник Белгородского юриди-ческого института МВД России. - 2017. - № 2. - С. 83-85.

В процессе обучения мы выделяем два блока: теоретический блок и практический блок. Без теории практика слабеет в десятки раз, этот блок рассматривает изучение нормативно-правовых актов основ огневой подготовки и оборота огнестрельного оружия, обеспечение мер безопасности при обращении с оружием и боеприпасами, а также методы контроля, самоконтроля и самостоятельного изучения необходимых вопросов.

Практический блок предусматривает практическое выполнение нормативов, учебных и контрольных упражнений, но не стоит забывать, о том, что теоретический блок идет одновременно с практическими действиями. Особое внимание следует уделять приемам и правилам стрельбы, техники скоростного приведения оружия в боевую готовность (способы извлечения оружия и досылания патрона в патронник), техника принятия изготавки для стрельбы из различных положений, техника формирования хвата оружия, техника выведения оружия в район прицеливания, совмещение прицельных приспособлений, производства выстрела и т.д.² Неправильное выполнение и обращение с оружием, может обернуться и привести к негативному результату.

Поэтому всем известно, что оружие становится эффективным и обеспечивающим надежность, только в руках подготовленного сотрудника. Неподготовленный и слабый стрелок для решения боевых задач вынужден будет идти на опасное сближение с преступником. Умное и правильное владение оружием позволяет дистанцироваться от преступника и снизить риск у сотрудника.

Занятия по огневой подготовки проводятся со всеми сотрудниками органов внутренних дел, но зачастую специалистами отмечается, что методики проведения подготовки давно устарели и далеки от реальной действительности³, что в свою очередь подтверждается множеством примеров неумелого использования оружия сотрудниками. От правильности действий и подготовленности сотрудника, от его навыков и умений напрямую зависит жизнь, как простого гражданина, так и самого полицейского.

К нашему сожалению, нередки случаи, когда сотрудники силовых органов недостаточно квалифицированно обращаются с табельным оружием. В числе основных причин таких фактов на наш взгляд являются:

- пренебрежение к строжайшему соблюдению требований мер безопасности;
- часто слабый уровень знаний материальной части оружия;
- недостаточный уровень необходимых умений, а главное навыков действий с оружием и, в первую очередь, при его разряжении, а также правильных навыков проведения тактически обоснованных действий с оружием⁴.

На наш взгляд одним из путей решения проблемы является внедрение в процесс обучения элементов практической стрельбы.

При этом, очень часто можно встретить скептическое отношение некоторых специалистов к вопросам внедрения или использования элементов стрелкового спорта, забывая при этом что зачастую речь идет об использовании именно эффективных элементов и приемов, но не будем вдаваться в дискуссию по данному вопросу дабы не отклоняться от обозначенной проблематики. Поэтому, говоря о стрелковом спорте в общем – на наш взгляд, его следует характеризовать в качестве сложного и координационного вида спортивной деятельности, в которой результат успеха находится в зависимости не только лишь от профессионализма спортсмена, его технической оснащенности, как может показаться на первый взгляд но, в существенной степени от его (спортсмена) психологической готовности к конкретным соревнованиям. Не единожды было замечено что, не только «новички», но даже и в большей степени стрелки высочайшего уровня подвержены различным стресс-условиям и стресс-факторам которые нередко достаточно негативно воздействуют на результаты «поединков». За гранью легкой лишенной смысла силы и техники постоянно становится что-то, что никак не даёт возможность спортсмену достигнуть небывалого результата⁵.

Безусловно, что равно как из числа слагаемых успеха, так и из числа факторов проигрыша в спортивном соревновании некая часть относится психологическому состоянию спортсмена до и в момент соревнования. Текущая ступень науки о спорте дает возможность принять взаимозависимость результативности и прочности соревновательной деятельности спортсмена с его психологическим состоянием, предшествующего либо сопутствующего ей. Сегодняшняя спортивная психология вызвана проявлять интенсивную фактическую поддержку спортсменам в их подготовке к состязаниям и долговременному тренировочному процессу.

Спортивная практическая деятельность демонстрирует то, что в обстоятельствах растущего ситуационного напряжения соревнований, предпосылкой неуспешного выступления, в том числе и у обученных спортсменов в большей степени в целом считается отрицательное психологическое состояние. Возникновение невротической симптоматики – очевидное доказательство патологии регуляторных элементов организма, вызванных гарантировать необходимое для определенных условий ситуации соотношение абсолютно всех функций и недостаток у спортсмена требуемых умений саморегуляции данных механизмов. Некоторые перемены психологической работы в тренировочном процессе и в соревновательных условиях нужно и можно делать, принимая во внимание нынешнюю степень познаний о механизмах нервной системы человека, предотвращать вплоть до их возникновения.

Стрелок выполняет задания на фоне различных декораций, которые имитируют абсолютно разные ситуации. Конструкции могут изображать дома, квартиры, улицу, парк, кафе, машину, мотоцикл и т.д., на что только хватит фантазии и опыта у инструктора. Для полноценного выполнения задания необходимо мишени найти и поразить.

2 Купавцев Т. С. Индивидуализация огневой подготовки курсантов вузов МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2012. - № 1 (22). - С. 126-129.

3 Машлякевич В. А. Внедрение элементов практической стрельбы в процесс огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел РФ // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2012. - № 1 (22). - С. 131-133.

4 Черных В. В., Николаев Н. О. Влияние международной конфедерации практической стрельбы IPSC (техника, тактика стрельбы, методика обучения обращению с оружием) на развитие огневой подготовки в органах внутренних дел и проблемы огневой подготовки сотрудников ОВД // Концепт. - 2014. - Спецвыпуск № 20. - ART 14748. - 0,4 п. л. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14748.htm>.

5 Домрачёва Е. Ю., Иляхина О. Ю., Поздняков А. П., Ермоленко С. А., Попов А. В., Баландюк Р. О. Регуляция психических состояний спортсмена-стрелка. Успехи современной науки и образования. - 2016. - Т. 1. - № 12. - С. 81-83

Стандартная подготовка не дает такого опыта, как практическая стрельба, классический стрелок просто проигрывает, тем, кто занимается практической стрельбой. Главными элементами практической стрельбы является точность, мощность и скорость. Из всего следует вывод, что в реальной перестрелке тот, кто умеет стрелять только в мишень и тщательно прицеливаться, может проиграть борьбу. Итоговой целью обучения становится овладение навыком стопроцентного поражения цели или нескольких целей за минимальное время.

Обучение скоростной стрельбе по методикам, используемым в практической стрельбе, позволяет использовать любые имеющиеся мишени и мишенные установки, в том числе изготовленные из подручных материалов на любой имеющейся стрелковой базе без ее каких либо доработок⁶.

Кроме того, принципы, используемые практической стрельбе универсальны и подходят для обучения по единой схеме к большинству стоящих на вооружении в ОВД образцов стрелкового оружия.

Таким образом, можем сделать вывод, о том, что внедрение практической стрельбы в повседневный процесс обучения может являться одним из факторов, повышающих уровень подготовленности сотрудников ОВД по огневой подготовке.

Подготовленные кадры по методике практической стрельбы, будущие офицеры, руководители учебных групп подразделений, инструктора для силовых ведомств Российской Федерации, получившие правильные навыки обращения с оружием, смогут довести их до личного состава. Что в свою очередь будет способствовать значительному повышению эффективности огневой подготовки в силовых ведомствах России.

Пристатейный библиографический список

1. Гужов Е. А., Куцев П. М. Применение методики скоростной стрельбы «Полигон» сотрудниками полиции. В сборнике: Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России. - 2014. - С. 31-35.
2. Домрачёва Е. Ю., Иляхина О. Ю., Поздняков А. П., Ермоленко С. А., Попов А. В., Баланчук Р. О. Регуляция психических состояний спортсмена-стрелка. Успехи современной науки и образования. - 2016. - Т. 1. - № 12. - С. 81-83.
3. Жамборов А. А. Некоторые аспекты по совершенствованию огневой подготовки сотрудников ОВД // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 8 (123). - С. 348-350.
4. Купавцев Т. С. Индивидуализация огневой подготовки курсантов вузов МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2012. - № 1 (22). - С. 126-129.

5. Машлякевич В. А. Внедрение элементов практической стрельбы в процесс огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел РФ // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2012. - № 1 (22). - С. 131-133.
6. Медведев А. В., Ветрова Ю. В., Мясничева Ю. В. Психологическая подготовка курсанта-стрелка // Вестник Белгородского юридического института МВД России. - 2017. - № 2. - С. 83-85.
7. Черных В. В., Николаев Н. О. Влияние международной конфедерации практической стрельбы IPSC (техника, тактика стрельбы, методика обучения обращению с оружием) на развитие огневой подготовки в органах внутренних дел и проблемы огневой подготовки сотрудников ОВД // Концепт. - 2014. - Спецвыпуск № 20. - ART 14748. - 0,4 п. л. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14748.htm>.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин

«Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении

Политолого-юридическое
исследование

Издательство
НОРМА

⁶ Гужов Е. А., Куцев П. М. Применение методики скоростной стрельбы «Полигон» сотрудниками полиции. В сборнике: Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России. - 2014. - С. 31-35.

КОФТИНА Юлия Николаевна

адъюнкт кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, полковник полиции

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ЗАМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ: КОНКУРСНЫЙ ОТБОР

В связи с происходящим реформированием российской правоохранительной системы весьма актуально обращение к зарубежному опыту организации прохождения полицейской службы. Осмысление зарубежного опыта во многом способствует расширению знаний о формах и методах кадрового обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации. Изучение зарубежного опыта поможет проанализировать содержание службы полицейского и на этой основе создать модель отбора кандидатов в органы внутренних дел Российской Федерации, обладающих профессионально значимыми качествами и характеристиками.

Ключевые слова: государственная служба, правовые и организационные проблемы, конкурсный отбор, замещение должности сотрудников органов внутренних дел.

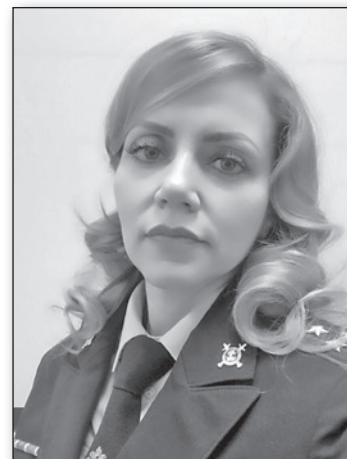
KOFTINA Yuliya Nikolaevna

adjunct of Psychology, pedagogy and organization of work with the staff sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia, police colonel

FOREIGN EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF THE PROCESS OF FILLING THE POSTS OF THE STATE LAW ENFORCEMENT SERVICE: COMPETITIVE SELECTION

In connection with the ongoing reform of the Russian law enforcement system, it is very important to appeal to the foreign experience of organizing the passage of the police service. Understanding foreign experience in many respects contributes to the expansion of knowledge about the forms and methods of staffing the internal affairs bodies of the Russian Federation. Studying foreign experience will help analyze the content of the police service and on this basis create a model for the selection of candidates for the internal affairs bodies of the Russian Federation with professionally significant qualities and characteristics.

Keywords: public service, legal and organizational problems, competitive selection, the filling of posts of internal affairs officers.

Кофтина Ю. Н.

Улучшение кадрового обеспечения органов внутренних дел оценивается в настоящее время как одна из ключевых задач, а ее решение обуславливает рост возможностей системы МВД России в борьбе с преступностью, обеспечении законности и охране правопорядка.

В связи с проводимой в Российской Федерации реформой государственной службы, успешное решение всего комплекса вопросов по кадровым проблемам органов внутренних дел предполагает в первую очередь применение нового законодательства о прохождении службы в органах внутренних дел, как особого вида государственной службы. В соответствии с Положением об МВД России и другими нормативными правовыми актами одним из основных направлений деятельности ведомства является кадровое обеспечение. При этом совершенствование служебной деятельности органов внутренних дел остается важной задачей, решаемой на всех уровнях от территориального до федерального. Повсеместное внедрение современных информационных технологий в служебную деятельность является основной составляющей дальнейшего развития работы с кадрами органов МВД России, одной из основных задач которой, является формирование стабильного высокопрофессионального кадрового корпуса, соответствующего современным социальным, политическим, экономическим условиям. Эти аспекты ориентированы на информационные технологии, как необходимый инструмент существенно снижающий влияние субъективного фактора при принятии кадровых решений. Для этого требуется дальнейшее научное осмысление и поиск новых концептуальных подходов по совершенствованию организационно-правового и информационного обеспечения заме-

щения должностей в государственной службе, в том числе и в органах внутренних дел.

Конкурсный порядок замещения должностей государственной службы, тем более должностей в органах внутренних дел явление для России сравнительно новое, однозначно свидетельствующее об определенной либерализации режима службы в органах внутренних дел и режима правоохранительной службы в целом. Как известно, в дореволюционной России замещение должностей государственной службы по конкурсу, включая должности в полиции, законом не предусматривалось. Данная практика, к тому же отягощенная идеологическими моментами, сохранялась и в Советском государстве. Гражданин мог попасть на службу в правоохранительные структуры, фактически только подтвердив свою преданность советской власти и приверженность марксистско-ленинской идеологии, профессиональные качества хотя и принимались в расчет, но не были первичны.

В отличие от нашей страны, где конкурсный порядок замещения должностей государственной службы, в том числе должностей в органах внутренних дел, приживается достаточно медленно и сложно, в правовых демократических государствах современного мира конкурсные начала в той или иной форме используются при комплектовании полиции давно и продуктивно. Причем, как справедливо отмечается в специальной юридической литературе, в таких государствах, как США, Великобритания, Германия, Франция, конкурсный порядок формирования персонала полиции в настоящее время является преобладающим при комплектовании кадров¹.

1 Бобырев В. В. Организационно-правовые основы кадрового обеспечения деятельности полиции государств Западной Европы: дис. канд. юрид. наук. М., 2002.

Поэтому зарубежный опыт конкурсов представляет несомненный интерес для России.

Так, в Великобритании желающие служить в полиции граждане направляют заявление начальнику территориального полицейского участка. Далее руководитель проводит разъяснительную беседу с кандидатом на службу, исследует представленные им документы, а затем принимает решение о допуске кандидата к испытаниям по конкурсу или об отказе в допуске. Существенным требованием для приема на службу в британскую полицию декларируется лояльность кандидата к конституционно-политическому строю.

В Германии конкурсный порядок замещения должностей на государственной службе имеет глубокие исторические традиции и широко используется с 80-х годов XVIII в. Интересной особенностью является то, что в этой стране сотрудники полиции являются государственными служащими и их административно-правовой статус ничем не отличается от статуса других государственных служащих. Как следствие, требования, предъявляемые к сотрудникам полиции, в основе своей являются идентичными тем, которые предъявляются к другим государственным служащим.

Поэтому деятельность немецкого полицейского подобна деятельности других государственных служащих, связана с оказанием услуг и помощи гражданам. Полиция как орган государственной власти не рассматривается как силовая организация, опирающаяся на силу. Основой ее деятельности являются отношения административно-общественного партнерства, ориентирующие полицию работать в тесном контакте с населением и сосредотачивать свои усилия на законопослушных гражданах. В деятельности полиции существенное значение стало придаваться публично-сервисному инструментарию: дружелюбию по отношению к гражданам; желанию помочь; быстрой реагированию на обращения граждан и т.п.² Изучив данную практику административной модернизации полицейской службы Германии, некоторые отечественные авторы даже сделали весьма далеко идущий вывод, что, по их мнению, различия между гражданской и правоохранительной службой искусственны и не способствуют как эффективной деятельности самой российской полиции, так и обеспечению общественного порядка и безопасности³.

Приведенное мнение представляется крайне поверхностным. Оно являет собой яркий пример автоматического, недостаточно продуманного переноса успешного зарубежного опыта на российскую почву. При этом не учитываются социально-политическая обстановка в современной России, которая заметно отличается от обстановки в Германии, уровень правосознания граждан, разная степень развития институтов гражданского общества в обеих странах, наконец, различные исторические традиции и роль государства, центральной власти в России и Германии. Поэтому говорить применительно к реалиям современной России об искусственности различий между гражданской службой и правоохранительной вряд ли приходится. Эти различия не только есть, но и весьма значительны.

Вместе с тем реформирование системы МВД России, постепенное избавление ведомства от избыточных и несвойственных ему функций позволяет в обозримой перспективе прогнозировать не только дальнейшее сокращение штатной численности органов внутренних дел, но и увеличение числа должностей гражданской службы за счет сокращения числа должностей сотрудников, т.е. должностей правоохранительной службы.

Франция также входит в число государств, где конкурсные начала замещения должностей государственной службы используются при комплектовании национальной полиции, а так-

же жандармерии. В системе органов исполнительной власти Франции полиция и жандармерия занимают важное место.

Национальная полиция Франции представляет собой правоохранительный орган исполнительной власти Французской Республики, в обязанности которого входят охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. В отличие от многих других категорий госслужащих сотрудникам национальной полиции Франции присваиваются специальные звания и делегируются широкие государственно-властные полномочия.

Руководство Франции в качестве главной цели кадровой политики в сфере внутренних дел ставит формирование высококвалифицированного кадрового состава, что обеспечивается путем жесткого профессионального отбора в полицейские и жандармские органы, активной идеологической и профессионально-личностной подготовки, обеспечения достойного денежного содержания и иных социально-экономических гарантий для полицейских и военнослужащих жандармерии, создания прозрачной и предсказуемой системы кадрового роста достойных и высококомпетентных сотрудников и систематической ротации руководителей⁴.

За годы, прошедшие с момента обретения независимости Республикой Казахстан, структура органов государственного управления государства претерпела значительные изменения.

Организационные перестройки первого периода имели основной целью обеспечение внедрения рыночных форм и методов управления, создание собственных институтов государственного управления. Однако фактически госслужба в тот период кардинально не менялась, что нередко приводило к таким негативным последствиям, как нарушение элементарной деловой преемственности, высокая утечка кадров в сферу бизнеса, падение престижа государственной службы и, как следствие, дефицит квалифицированных кадров. Но главным недостатком прежней системы госуправления была излишняя политизация и идеологическая зашоренность кадров, которые были адекватны тоталитарной системе, и не могли соответствовать новым условиям.

Окончательное закрепление курса реформы государственной службы нашло отражение в Послании Президента страны Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», более известное как Стратегия развития «Казахстан 2030».

Один из семи долгосрочных приоритетов Стратегии – «Профессиональное государство, ограниченное до основных функций» – определил основные направления реформы, охватывающие как институциональные аспекты, связанные с административной реформой, так и собственно вопросы совершенствования государственной службы⁵.

Казахстанская модель государственной службы построена на принципах меритократии (личных заслуг), которая в свою очередь базируется на приеме на государственную службу из всех сегментов общества, через конкурсный отбор; казахстанского патриотизма; разделении должностей на политические и административные; на равной оплате труда за выполнение равнозначной работы; на стимулировании профессионального роста государственных служащих; соблюдении этических норм.

Реформа государственной службы Казахстана – это одна из сфер административно-политической жизни, где заметен существенный прогресс в сфере законодательства и правового регулирования этой области.

Анализ зарубежного опыта показывает, что характерной чертой комплектования кадров полиции зарубежных

2 Там же.

3 Рюден Е. Ю., Астапенко П. Н., Дербичева С. А. Административная модернизация полицейской службы: стратегия и методология (практика Федеральной Республики Германии и Российской Федерации в сравнительном анализе). М., 2011.

4 Шишкарёв С. Н. Полицейская система Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

5 Назарбаев Н. А. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kazakhembassy.tj>.

стран является их конкурсный отбор и что конкурс – самый демократичный и юридически наиболее справедливый способ получения должности.

Проверенный многолетней зарубежной практикой, конкурс является практически единственной объективной формой отбора. Конкурсные технологии применяются сегодня и рассматриваются как важнейшее направление совершенствования кадровой работы. Используются разные формы конкурсов, с помощью которых происходит отбор наиболее подходящих кадров для работы в государственных органах. В полиции проводятся открытые и закрытые конкурсы на замещение вакантных должностей.

Вместе с тем, анализ зарубежного опыта показал, что комплектование полицейских кадров за рубежом организуется на более высоком профессиональном уровне, чем в России. В основу комплектования положен принцип приоритета качества над количеством. В силу этого комплектование направлено в первую очередь на привлечение в полицейские службы физически и морально здоровых, интеллектуально развитых людей, осознающих свой общественный и гражданский долг. Поэтому преобладающим при комплектовании полиции методом (особенно территориальных органов) является конкурсный метод. В ряде случаев комплектование на конкурсной основе предусматривается даже конституциями государств⁶.

На основании проведенного анализа опыта конкурсного замещения должностей государственной правоохранительной службы в зарубежных странах, на наш взгляд, целесообразно использовать следующие аспекты проведения конкурса на замещение вакантных должностей органов внутренних дел в Российской Федерации:

- расширить перечень должностей сотрудников органов внутренних дел, подлежащих замещению на конкурсной основе, включая в него должностные категории, наделенные управленческими полномочиями (начальник органа внутренних дел, заместители начальника органа внутренних дел, начальник полиции, заместитель начальника полиции);

- при проведении конкурса на замещение должностей сотрудников органов внутренних дел, наделенных управленческими полномочиями по руководству территориальными органами внутренних дел, предусмотреть возможность участия в проведении конкурса, в качестве члена конкурсной комиссии главы местного самоуправления, либо руководителя или заместителя руководителя исполнительного органа местного самоуправления;

- формы критериальной оценки должны иметь матричную форму и подсчитываться автоматически, при этом допускается применение современных информационных технологий для подсчета результатов конкурса, что позволит максимально объективно и непредвзято оценить и подобрать кандидата на конкурсную должность;

- при проведении конкурсных испытаний на замещение вакантной должности предусмотреть возможность проверки кандидатов на наличие навыков работы со СМИ (подготовка выступления по предложенной тематике), проведения собеседования с независимым экспертом по вопросам профессиональной компетентности, кадровой политики, полицейской этики, а также психометрических тестов (проверка памяти, IQ, качеств личности и пр.).

Тем не менее, в органах внутренних дел необходимо проводить закрытые внутренние конкурсы, которые позволили бы обеспечить необходимый должностной рост самым перспективным сотрудникам. Закрытый конкурс на замещение вакантных должностей в органах внутренних дел представляет кадровую процедуру, которая способствует мини-

мизации коррупционного протекционизма при назначении на конкретные должности, здоровой конкуренции, а также не только стремлению самих сотрудников к повышению их профессионального уровня, но и развитию у них мотивации к долгосрочной службе⁷.

Итак, подведем итоги нашего исследования и сделаем вывод о том, что опыт, применяемый полицейскими системами зарубежных стран, частично может быть полезен и для российской системы правоохранительных органов. При реформировании органов внутренних дел предлагается применить три основные идеи концепции карьеры на государственной службе Б. Гурнея: 1) обеспечение условий службы, позволяющих приносить сотрудникам материальное и моральное удовлетворение; 2) доведение до сознания каждого сотрудника, что успех карьеры на государственной службе зависит исключительно от них самих, исключая влияние произвольно принятых решений на прохождение службы; 3) повышение престижа службы⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Балаклея И. И., Соколов А. Н. Некоторые аспекты опыта деятельности правоохранительных органов зарубежных стран по эффективному обеспечению внутренней безопасности государства (правовая культура как условие общественной безопасности). Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2009.
2. Бобырев В. В. Организационно-правовые основы кадрового обеспечения деятельности полиции государств Западной Европы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
3. Быков А. В. Основы кадровой политики в полиции и жандармерии отдельных западноевропейских стран // Рос.следователь. 2007. № 2.
4. Государственная служба в странах основных правовых систем мира: Нормативные акты / под ред. А. А. Демина. М.: Книгодел, 2008.
5. Гурней Б. Введение в науку управления. М., 1969.
6. Кислухин В. А. Реформирование милиции (полиции) в России и в зарубежных странах – актуальная проблема современности // Российское право в Интернете. 2010. № 4.
7. Разуваева Н. И. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты): дис. канд. юрид. наук. М., 2014.
8. Русаков В. К., Колодкин Л. М., Лозовицкая Г. П. и др. Теоретические основы и практика работы кадровых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам прохождения службы: учебно-практическое пособие. М., 2017.
9. Рюдн Е. Ю., Астапенко П. Н., Дербичева С. А. Административная модернизация полицейской службы: стратегия и методология (практика Федеративной Республики Германии и Российской Федерации в сравнительном анализе). М., 2011.
10. Шишкарев С. Н. Полицейская система Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

6 Разуваева Н. И. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты) дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

7 Русаков В. К., Колодкин Л. М., Лозовицкая Г. П. и др. Теоретические основы и практика работы кадровых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам прохождения службы: учебно-практическое пособие. М., 2017.

8 Гурней Б. Введение в науку управления. М., 1969.

МАЙОРОВ Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, доцент кафедры управления и права Научно-исследовательского Южно-Уральского государственного университета

МЕНЬШИКОВА Анна Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, СОВЕРШЕННЫЕ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с квалификацией преступлений за превышение должностных полномочий, совершенные сотрудниками правоохранительных органов. Анализируется действующее уголовное законодательство и практика его применения в отношении сотрудников правоохранительных органов. Рассматриваются разъяснения Верховного Суда РФ по данному вопросу. В заключении высказывается авторская точка зрения.

Ключевые слова: должностные преступления, квалификация, сотрудники правоохранительных органов, превышение должностных полномочий.

MAYOROV Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Ural State Law University, associate professor of Management and law sub-faculty of the National Research South Ural State University

MENSHIKOVA Anna Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Ural State Law University

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ABUSE OF OFFICE COMMITTED BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS

The article deals with problematic issues related to the qualification of crimes for abuse of power committed by law enforcement officers. The current criminal law and the practice of its application in relation to law enforcement officers is analyzed. The explanation of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue is discussed. In conclusion, the author's point of view is expressed.

Keywords: official misconduct, qualifications, law enforcement officers, abuse of power.

Принято считать, что преступное поведение сотрудников правоохранительных органов тесно связано с их должностными полномочиями. Однако, совершение сотрудником правоохранительного органа при исполнении своих служебных обязанностей убийства, причинения смерти по неосторожности не всегда можно квалифицировать однозначно. Отнести такие действия к превышению должностных полномочий можно только при анализе взаимосвязи действий лица и его обязанностей по службе. При отсутствии такой связи «любое преступление, совершенное должностным лицом следует рассматривать как превышение его полномочий»¹. Должностное преступление может быть совершено только при исполнении обязанностей по службе.

Используя должностное положение, субъекты преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, могут предъявить к потерпевшим незаконные требования и применить безответственное насилие. Такие действия должны быть очевидны для окружающих. При этом должностное лицо осознает, что действия явно выходят за пределы имеющихся полномочий.

Так, например, Президиум Санкт-Петербургского городского суда 30 мая 2018 года рассмотрел в судебном заседании уголовное дело № 1-20/16 по кассационной жалобе осужденного Г. А. Е. о пересмотре приговора Красносельского районного суда Санкт-Петербурга от 20 февраля 2016 года и апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 мая 2016 года.

Судом установлено, что потерпевшему И. причинен вред в результате незаконных действий должностного лица – старшего полицейского (группы задержания) батальона полиции отдела вневедомственной охраны по Красносельскому району Санкт-Петербурга – филиала ФГКУ Управления вневедомственной охраны Главного управления МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области прапорщика полиции Г. А. Е., который, используя свое служебное положение, совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий, предоставленных Федеральным законом «О полиции», ведомственными нормативными актами, должностными инструкциями.

Г. А. Е., <дата> года рождения, уроженец <...>, ранее не судимый, осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на срок 3 года с лишением права занимать должности в правоохранительных органах на срок 3 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Постановлено взыскать с Г. А. Е. в пользу И. в счет возмещения морального вреда 150000 рублей, в счет оплаты услуг представителя 30000 рублей»².

Квалифицируя действия направленные на превышение должностных полномочий по совокупности с другими преступлениями, суды должны учитывать, что если общественная опасность другого преступления выше, чем превышение должностных полномочий (ч. 3 ст. 286 УК РФ) ответствен-

1 Борков В. Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. – 2016. – №4. – С. 4.

2 См.: Постановление № 44У-30/2018 4У-546/2018 от 30 мая 2018 г. по делу № 1-20/16 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/dw1FpXAhBHLN/> (дата обращения: 01 декабря 2018 г.)

ность назначается по совокупности с другим преступлением. Например, в соответствии с п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»³ действия сотрудника правоохранительных органов, совершившего убийство, квалифицируются по совокупности преступлений, что предусмотрено ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 286 УК РФ.

В качестве примера можно привести апелляционное определение Верховного Суда РФ № 78-АПУ15-38сп, где «оперуполномоченный уголовного розыска Г. в составе организованной группы незаконно доставил потерпевших в районный отдел ОВД. При этом он использовал наручники. Введя в заблуждение дежурного, Г. поместил потерпевших в комнату временно задержанных, где впоследствии удерживал их.....»⁴.

В рассматриваемом случае, за похищение человека, совершенного организованной группой предусмотрено наказание от шести до пятнадцати лет лишения свободы. За превышение должностных полномочий с применением насилия и специальных средств – от трех до десяти лет.

Превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов часто выражается в задержании подозреваемого с применением насилия. Одной из форм превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов является психическое или физическое воздействие на персон «попqrata». Как отмечает Магомедов К. Р.: «...в отношении таких лиц часто фабрикуются материалы о преступлениях экстремистской и террористической направленности, а также связанных с наркотиками и оружием»⁵.

Проблема квалификации превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов, связана с использованием ими оружия или специальных средств. Должностное лицо, находясь при исполнении своих обязанностей, может использовать оружие или специальные средства для физического воздействия или предупредить лицо о намеренье использовать его, в случаях предусмотренных законодательством и ведомственными нормативными актами. Как правило, «это происходит в процессе задержания преступников, при отражении нападения и защите других охраняемых интересов»⁶. Однако такие действия могут быть расценены как превышение должностных полномочий, т.е. фактическое применение сотрудником оружия или специальных средств для воздействия на потерпевшего (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Примером может служить решение судьи апелляционной инстанции по уголовным делам Нижегородского областного суда по жалобе адвоката ФИО4 и осужденного ФИО1, ДД.ММ.ГГГГ года рождения, ранее судимый, осужден по ст.

319 УК РФ к 6 месяцам исправительных работ с удержанием 10% из заработной платы в доход государства; ч. 2 ст. 306 УК РФ к 1 году лишения свободы. Судом установлено, что «...когда к отделу полиции привезли ФИО1, он находился в состоянии алкогольного опьянения, выражался в адрес ФИО9 грубой нецензурной бранью, на замечания не реагировал, отказывался назвать данные о личности, пытался схватить ФИО9 за форменное обмундирование, вел себя агрессивно, на заданные вопросы отвечал в нецензурной форме, после предупреждения о возможном применении физической силы и спецсредств, противоправное поведение продолжил, в связи с чем к нему была применена физическая сила – загиб руки за спину, одеты спецсредства – наручники, он был препровожден в служебное помещение патрульно-постовой службы...»⁷.

Суды для оценки правомерности действий сотрудников правоохранительных органов руководствуются разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Согласно разъяснениям при отграничении превышения должностных полномочий, совершенных с применением оружия или специальных средств, от правомерных действий должностных лиц следует учитывать, что основания, условия и пределы применения оружия или специальных средств определены в соответствующих нормативных правовых актах РФ. Например, в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции» сотрудник полиции независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени суток при выполнении служебных обязанностей имеет право применять физическую силу, специальные средства и (или) огнестрельное оружие. Как отмечено авторами: «Реализация такого права возможна при исключительном характере ситуации»⁸.

Нормы закона «О полиции» дополняет глава 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». В ней определены пределы правомерного причинения вреда при применении физической силы, оружия и специальных средств. Несоблюдение сотрудниками полиции правовых предписаний влечет уголовную ответственность. Анализ судебной практики показывает, что в основном применению подлежит ч. 3 ст. 286 УК РФ, в которой указано на ответственность за превышение должностных полномочий, совершенное: а) с применением насилия или угрозой его применения; б) с применением оружия или специальных средств; в) причинением тяжких последствий. Превышение должностных полномочий «имеет место только в том случае, когда совершаемые лицом неправомерные действия связаны с осуществлением им своей служебной деятельности, когда в отношениях с потерпевшими лицами сотрудник полиции выступает именно как должностное (официальное) лицо»⁹. В иных случаях ответственность квалифицируется по другим статьям УК РФ.

Например, если сотрудник полиции незаконно применил оружие или специальные средства в бытовом конфликте на почве неприязненных отношений. Уголовная ответственность наступает в зависимости от причиненного вреда: а)

3 О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.

4 Дело № 78-АПУ15-38сп: апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.11. 2015 № 78-АПУ15-38сп // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Consultant.ru (дата обращения 16 октября 2018 г.).

5 Магомедов К. Р. Криминологические аспекты злоупотреблений должностными полномочиями и превышение должностных полномочий среди сотрудников органов внутренних дел // Проблемы в российском законодательстве. – 2014. – № 2. – С. 207.

6 Кадников Н. Г. Особенности уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – №12. – С. 125.

7 См.: Апелляционное постановление № 22-2757/2018 от 24 мая 2018 г. по делу № 22-2757/2018 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/Mq2oELB5w1r7/> (дата обращения 02 декабря 2018 г.).

8 Щетинина Н. В., Пашнин А. Н. Пределы правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и (или) огнестрельного оружия // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 46.

9 Щетинина Н. В. Указ. соч. – С. 47.

ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»; б) ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; в) ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; г) ст. 105 УК РФ «Убийство» и т.д..

Вопросы уголовно-правовой оценки применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны решаются судами на основании постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹⁰. При этом, судам разъясняется, что «под обстоятельствами задержания (обстановкой задержания), которые должны учитываться при определении размеров допустимого вреда, следует понимать все обстоятельства, которые могли повлиять на возможность задержания с минимальным причинением вреда задерживаемому (место и время преступления, непосредственно за которым следует задержание, количество, возраст и пол задерживающих и задерживаемых, их физическое развитие, вооруженность, наличие сведений об агрессивном поведении задерживаемых, их вхождении в состав банды, террористической организации и т.п.)»¹¹. Обращается внимание судов и на то, что «превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Если же лицу, совершившему преступление, при задержании был причинен вред меньший, чем это предусмотрено в ч. 2 ст. 114 УК РФ, действия задерживавшего лица не образуют состава преступления»¹².

Рассматривая дела, связанные с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, суды руководствуются ч. 1 ст. 37 УК РФ. Выясняется наличие общественно опасного посягательства, о котором могут свидетельствовать следующие обстоятельства:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов);
- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог);
- высказывания о намерении причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Суд устанавливает, имелись ли у обороняющегося (в нашем случае должностного лица) основания для вывода, что

имеет место реальная угроза посягательства. Принимается во внимание время, место, обстановка и способ посягательства, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица. В момент нападения оборонявшийся может быть испуган, испытывать замешательство.

Однако, не образуют состояния необходимой обороны правомерные действия должностных лиц, исполняющих свои служебные обязанности, даже если они связаны с причинением вреда или угрозой его причинения. Не могут признаваться, совершенными в состоянии необходимой обороны, действия, в результате которых вред нанесен после предотвращения посягательства, его пресечения или окончания.

Примером может служить приговор Курганского городского суда от 13 июня 2017 года по уголовному делу № 1-6332/2017 в отношении Х., обвиняемого в преступлении, предусмотренном пп. «а», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Из материалов дела следует, что «Х., являясь представителем власти, исполняя свои должностные обязанности, превысил должностные полномочия. Доставив Н. к отделу полиции, Х. взял его правой рукой за область шеи сзади и толкнул на входную металлическую дверь, на которой находилась кнопка вызова домофона с металлическим ограждением, в результате чего Н. ударился лицом о дверь. В отношении Н. применено насилие, выразившееся в неизгладимом обезображивании лица.

Исследовав материалы дела, допросив свидетелей, суд признал Х. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, и назначил ему наказание в виде 3-х (трех) лет лишения свободы с лишением права занимать должности в правоохранительных органах, связанные с осуществлением полномочий представителя власти, сроком 3 года»¹³.

Состояние необходимой обороны сотрудников правоохранительных органов может иметь место в случаях:

- защита следует непосредственно за оконченным посягательством, но для оборонявшегося лица (в нашем случае должностного лица) момент окончания посягательства не был ясен, и оно считало, что посягательство продолжается;
- общественно опасное посягательство не прекращалось, а лишь приостанавливалось посягавшим лицом (правонарушителем) с целью дальнейшего продолжения посягательства.

На общих основаниях квалифицируются действия лица, спровоцировавшего нападение для использования его как повода для совершения противоправных действий. Это не признается состоянием необходимой обороны.

Так из материалов суда апелляционной инстанции Новосибирского областного суда от 30 марта 2018 года следует, что «...объективных данных, свидетельствующих, что данные телесные повреждения причинены действиями потерпевшего З. С. В., не имеется. Так, в частности, в ходе проведения экспертизы П. Е. В. поясняла, что была избита неизвестным.

При этом, как следует из исследованных судом доказательств – показаний свидетелей, видеозаписи, потерпевший не применял в отношении осужденной насилие, не совершал действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов осужденной. С целью исполнения постановления дознавателя он прибыл по месту работы П. Е. В. в ТЦ «Дружба»,

10 О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09. 2012 № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

11 О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09. 2012 № 19 // ГАРАНТ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.garant.ru/70233558/#friends (дата обращения 29 ноября 2018 г.)

12 Там же.

13 Дело № 1-632/2017: приговор Курганского городского суда от 13.06. 2017 №1-6332/2017 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/> (дата обращения 14 октября 2018).

где представился П. Е. В., разъяснил, что в отношении нее вынесено постановление о приводе и потребовал проследовать с ним в отдел полиции. В павильоне № он показал П. Е. В. постановление о принудительном приводе, последняя отказалась знакомиться с постановлением и его подписывать. П. Е. В. отказалась выполнить его требования, вела себя агрессивно, кричала, нанесла ему один удар ногой в область его ноги, толкнула руками в область груди..... Постановлением следователя отказано в возбуждении уголовного дела в отношении З. С. В. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием состава преступления»¹⁴.

При решении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, суды как правило учитывают:

1. объект посягательства;
2. тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства;
3. место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия;
4. возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние).

Если пределы необходимой обороны были превышены при задержании лица, совершившего преступление, и сотрудник полиции совершил убийство или умышленно причинил тяжкое или средней тяжести вред здоровью, действия квалифицируются по ст. 108 «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» или 114 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

Умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев по неосторожности, если это является следствием действий оборонявшегося лица при отражении опасного посягательства, уголовную ответственность не влечет.

Таким образом, учитывая особенности уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов за превышение должностных полномочий можно сказать, что в основном такое превышение происходит с использованием силы, оружия, специальных средств и как следствие причиняет тяжкие последствия. При этом решающее значение имеет умысел сотрудника правоохранительных органов, направленный на совершение действий выходящих за рамки его должностного положения. Основанием же применения ч. 3 ст. 286 УК РФ могут выступать лишь те умышленные противоправные действия сотрудников правоохранительных органов, которые совершены с применением насилия или угрозой его применения; применением оружия или специ-

альных средств; повлекшие тяжких последствия. Совершение противоправного деяния сотрудником правоохранительных органов вне рамок служебной деятельности образует иной состав преступления, предусмотренный статьями УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Борков В. Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. – 2016. – № 4. – С. 4-8.
2. Кадников Н. Г. Особенности уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 120-125.
3. Магомедов К. Р. Криминологические аспекты злоупотреблений должностными полномочиями и превышение должностных полномочий среди сотрудников органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 2. – С. 207-209.
4. Щетинина Н. В., Пашнин А. Н. Пределы правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и (или) огнестрельного оружия // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 46-49.

¹⁴ См.: Апелляционное постановление № 22-1918/2018 от 30 мая 2018 г. по делу № 22-1918/2018 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/29uwVztLoYbp/> (дата обращения 1 декабря 2018 г.)

САЛМИНА Светлана Глебовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры Югорского государственного университета

НЕГОДУЙКО Виталий Юрьевич

начальник Федерального государственного бюджетного учреждения «Судебно-экспертное учреждение федеральной противопожарной службы «Испытательная пожарная лаборатория» по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре»

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ О ПОЖАРАХ НА ОБЪЕКТАХ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

В статье рассмотрены некоторые проблемы организации деятельности органов предварительного расследования при раскрытии и расследовании дел о пожарах на объектах нефтегазового комплекса. Особое внимание обращено на особенности деятельности органов предварительного расследования при доказывании преступлений данной категории. Авторами раскрыта сущность факторов, обуславливающих особенности доказывания, проанализированы и сформулированы варианты их применения на практике в работе органов предварительного расследования.

Ключевые слова: организация деятельности, предварительное расследование, преступление, пожар, нефтегазовый комплекс, осмотр, фактор, доказательства.

SALMINA Svetlana Glebovna

Ph.D. in Law, associate professor of Law enforcement activity and advocacy sub-faculty of the Yugra State University

NEGODUYKO Vitaliy Yurjevich

Head of Federal State Budgetary Institution «Judicial-expert Institution of Federal fire service «Test fire laboratory» in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Ugra»

CHARACTERISTICS AND PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF WORK OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN DETECTION AND INVESTIGATION OF CASES OF FIRES AT OIL AND GAS FACILITIES

The article considers some problems of organization of work of bodies of preliminary investigation in detection and investigation of cases of fires at oil and gas facilities. Special attention is paid to the features of evidence of crimes in this category. The authors revealed the nature of the factors determining the characteristics of evidence, and options for their practical application in the work of bodies of preliminary investigation are analyzed and defined.

Keywords: organization of activities, preliminary investigation, crime, fire, oil and gas complex, осмотр, factor, evidence.

Главным стратегическим элементом российской экономики в условиях глобализации является нефтегазовый комплекс. Принимая во внимание данные Министерства энергетики Российской Федерации по состоянию на 01.01.2018 г., на территории страны добычу нефти и газового конденсата (нефтяного сырья) осуществляли 288 организаций, имеющих лицензии на право пользования недрами¹. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре 47 нефтегазодобывающих предприятий и 70 предприятий (организаций) осуществляют трудовую деятельность, сопутствующую добыче нефти и нефтепродуктов (разведка месторождения, переработка, транспортировка и хранение)².

Неизбежно в данном сырьевом секторе экономики происходят пожары, обусловленные рядом причин, в том числе техногенной и организационной. В рамках техногенной причины следует рассматривать пожары, которые произошли непосредственно на технологическом оборудовании, в цехах, машинных залах и т.п. С точки зрения изучения организационной причины возникновения пожара, нужно учитывать аспекты проведения работы, направленной на организацию функционирования системы обеспечения пожарной и производственной безопасности, ремонтных и регламентных работ и т.д.

В связи с этим далее не будет идти речь о вопросах раскрытия и расследования так называемых «бытовых» пожаров (пожар в кабинете, в вагоне-бытовке, в результате неосторожного обращения с огнем при производстве огневых работ или при курении, поджог).

Согласно статистическим данным за период с 2015 по 2018 гг. на территории объектов нефтегазового комплекса органами Государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы зарегистрировано 222 пожара. При этом всего возбуждено 7 уголовных дел, 10 сообщений передано по подследственности, в 173 случаях вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела и по 32 фактам вынесено решение об отказе в возбуждении уголов-

1 Основные показатели работы нефтяной отрасли в 2017 году // Сайт Министерства энергетики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/910> (дата обращения: 01.01.2019).

2 Перечень организаций (предприятий), осуществляющих разведку месторождений, добычу, переработку, транспортировку, хранение нефти и нефтепродуктов на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (по состоянию на 01.01.2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://depprirod.admhmao.ru/upload/iblock/1b2/perechen-organizatsiy-_predpriyatiy_-osushchestvlyayushchikh-rasvedku-mestorozhdeniy-_dobychu-_pererabotku-_transpotirovku_-khranenie-nefti-i-nefteproduktov-na-territorii-khmao_yugry_2018god.pdf (дата обращения: 01.01.2019).

ного дела с одновременным возбуждением дела об административном правонарушении. Анализ показал, что почти в 80% случаев принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Одним из важнейших этапов организации деятельности по раскрытию и расследованию преступления органами предварительного расследования, обеспечивающих полноту и всесторонность расследования, является планирование самого расследования, важнейшим принципом которого, как справедливо отметил А. Г. Филиппов³, является индивидуальность, которая заключается в необходимости разработки плана для каждого конкретного дела. В то же время автор отмечает оправданность использования при разработке плана по конкретному делу «Типового плана (программы)», по определенной категории дел. Безусловно, разработка такого плана требует учитывать особенности доказывания преступлений той или иной категории.

Качественный толчок в определении особенностей организации деятельности при доказывании преступлений, сопряженных с пожарами на объектах нефтегазового комплекса, дал труд А. И. Федора, который в своей работе приводит семь наиболее характерных факторов, обуславливающих деятельность органов предварительного расследования.

В этой связи мы последовательно аргументируем обоснованность представленной позиции А. И. Федора применительно к рассматриваемой проблематике с позиции вариантов применения их на практике в работе органов предварительного расследования.

Первым фактором, по его мнению, является «характеристика объекта и производственных процессов на нем, а также система требований, которым они должны соответствовать»⁴. Мы считаем, что данный фактор главным образом заключается в том, что все процессы на объектах нефтегазового комплекса, относящиеся по своей сути к производственным, базируются в строгом соответствии с законодательством России о техническом регулировании, в частности с Техническим регламентом о требованиях пожарной безопасности. Одним из основных элементов технического регулирования в области пожарной безопасности является создание системы предотвращения пожаров, которая заключается главным образом в исключении образования горючей среды и (или) исключением образования в горючей среде источников зажигания.

Учитывая особенности функционирования объектов нефтегазового комплекса, можно сказать, что если произошел пожар (взрыв), то это связано в первую очередь с тем, что образовалась некая горючая среда, которая образоваться не должна. Отсюда вытекает главная задача, вызванная рассматриваемым фактором, – по какой причине система предотвращения пожара не предотвратила образование горючей среды?

Вторым фактором, обуславливающим особенности доказывания по делам о пожарах и взрывах на объектах нефтегазового комплекса, является факты гибели людей⁵. В свою

очередь, отметим, что Технический регламент о требованиях пожарной безопасности хотя и допускает вероятность гибели работника предприятия в случае возникновения пожара (величина пожарного риска, который может привести к гибели человека в результате воздействия опасных факторов пожара в зданиях, сооружениях и на территориях производственных объектов не должна превышать $1 \cdot 10^{-6}$ в год) на производственном объекте, но в то же время требует создания на объекте системы противопожарной защиты, целью которой является защита людей и имущества от воздействия опасных факторов пожара и (или) ограничение его последствий. В частности, данная система предполагает оснащение зданий и сооружений различными установками и оборудованием, а также обеспечение возможности безопасной самостоятельной эвакуации людей в безопасную зону.

Таким образом, в случае если пожар сопровождался гибелью или травмами людей, возникают на практике следующие вопросы, определяющие новые задачи для раскрытия и расследования, – была ли предусмотрена на объекте система противопожарной защиты, функционировала ли она и соответствовала ли она предъявляемым законодательством требованиям?

Третьим фактором, с научной позиции, определяющим особенности доказывания, являются иные тяжкие последствия, возникшие в результате пожара или взрыва на объекте нефтегазового комплекса (уничтожение имущества в большом объеме, в том числе имущества, не принадлежащего собственнику объекта; вредное воздействие на окружающую природную среду, подрывающее экологическую безопасность населения)⁶. Указанный фактор также с практической точки зрения, напрямую зависит от уровня организации системы противопожарной защиты и возникает, на наш взгляд, когда пожаром (взрывом) охватываются соседние установки, здания, сооружения, территории имущества третьих лиц, при этом вопросы данного фактора являются аналогичными вопросами по второму фактору.

Четвертый фактор, который воздействует на специфику доказывания обстоятельств преступления, обусловлен сложностью установления реальных размеров причиненного вреда, нанесенного ущерба. Как было отмечено нами выше, государственной статистикой пожаров и их последствий учитывается только прямой ущерб. Однако следует отметить, что пожар и взрыв влекут за собой косвенные убытки (вызванные простоем, затратами на восстановление, упущенная прибыль), а также экологический ущерб, причиненный окружающей среде.

Пятый фактор связан с подследственностью этой категории уголовных дел⁷. Исходя из целей настоящей работы, уточним подследственность предварительного расследования в рамках преступлений, сопряженных с пожарами (взрывами) на объектах нефтегазового комплекса. Подследственность за преступления данного вида отнесена к рассмотрению следователей Следственного комитета Российской Федерации, следователей Федеральной службы безопасности России, следователей и дознавателей Министерства внутренних дел России, дознавателей Государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы МЧС России.

6 Там же. С. 64.

7 Там же. С. 65.

3 Криминалистика. Полный курс: учебник для бакалавров. 5-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 281.

4 Федор А. И. Особенности доказывания при расследовании пожаров и взрывов на объектах нефтегазового комплекса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 59.

5 Федор А. И. Особенности доказывания при расследовании пожаров и взрывов на объектах нефтегазового комплекса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 60.

В правоприменительной деятельности сказанное выглядит так: сообщение о пожаре на объекте нефтегазового комплекса первоначально доводится дознавателю Государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы. Алгоритм изучения и уточнения информации определяет то, что при установлении фактов гибели людей в сообщении о пожаре на объекте нефтегазового комплекса сообщение передается следователю Следственного комитета Российской Федерации. Наконец, если регистрируемое сообщение содержит информацию о наличии выявленных признаков терроризма (экстремизма, диверсии и т.п.), сообщение передается следователям Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Шестой фактор, который влияет на организацию деятельности, связанную с доказыванием, – общественный резонанс от происшествия, о нем известно значительному количеству местного населения⁸. Кроме того, отметим, что, практически сразу после пожара (взрыва) на месте происшествия начинают свою работу средства массовой информации и представители блогосферы, которые ввиду недостатка фактических данных нередко публикуют субъективное мнение и вымысел, что «несомненно влияет на ход и результаты следственных действий (осмотр места происшествия, допросы свидетелей, потерпевших, обыски, выемки, и другие следственные действия)»⁹.

Седьмой фактор – параллельное установление обстоятельств происшествия представителями государственных или ведомственных комиссий¹⁰. А.И. Федор отмечает, что «оценки и выводы, сделанные этими комиссиями, могут как положительно, так негативно отразиться на оценках собранных доказательств следователем или следственно-оперативной группой»¹¹.

Таким образом, различия между выводами следователя и комиссиями несомненно могут поставить под сомнение собранную следователем (дознавателем) доказательственную базу. Кроме того, следует учитывать, что ведомственные комиссии преследуют отличные от следователя цели, нередко используя в своей работе набор фактических данных, отличных от набора следователя.

Наряду с изложенными факторами на наш взгляд, необходимо вести речь еще о таком факторе, как качественно проведенный осмотр места происшествия, который, как мы полагаем, опирается на три аспекта:

- обилие участков и объектов, подлежащих осмотру (узлы и агрегаты установок, документы, результаты контроля технологических параметров, записи камер видеонаблюдения)¹²;

- большое количество лиц, обладающих сведениями, представляющими криминалистически значимую информацию, которые могут меняться с течением времени;

- большие площади места происшествия, в три и более раза превышающие среднестатистические площади места происшествия, связанные с пожарами, что обусловлено «разлетом осколков и частей, предметов окружающей обстановки, разрушенных под воздействием воздушной ударной волны»¹³, осмотр которых нередко усложняется неблагоприятными погодными условиями¹⁴ (согласно статистическим данным площадь поврежденных и (или) уничтоженных конструкций в среднем составляет около 100 м², а в отдельных случаях достигает нескольких тысяч квадратных метров).

Приведенные выше факторы оказывают, на наш взгляд, определенное влияние на неактивную правоприменительную деятельность в данной области.

В дополнение к сказанному о правоприменительной практике, считаем необходимым дать краткий анализ криминалистической характеристики преступлений, сопряженных с пожарами и взрывами на объектах нефтегазового комплекса.

К преступлениям, тем или иным образом сопряженных с пожарами, Уголовный кодекс Российской Федерации относит порядка 35 составов.

Исходя из возможных ситуаций с присущими им особенностями контекста настоящего исследования и критериями объектов, следует выделить составы, предусмотренные:

- ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества»;
- ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности»;
- ст. 205 УК РФ «Террористический акт»;
- ст. 217 УК РФ «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах»;
- ст. 217.1 УК РФ «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса»;
- ст. 219 УК РФ «Нарушение требований пожарной безопасности».

Данные составы внешне достаточно различны между собой механизмом возникновения горения, формой вины лиц, причастных к возникновению пожара или их совершивших, объектами посягательств, но в то же время имеют немало общего, что позволяет выделить как общие для всех преступлений элементы криминалистической характеристики, так и индивидуальные.

Рассмотрим общие элементы криминалистической характеристики.

Пожар представляет собой неконтролируемое горение, развивающееся во времени и пространстве. Установление причины пожара является крайне необходимым для отнесения события, связанного с пожаром, к преступлению, правильной его квалификации и установлению лиц виновных в его возникновении. Однако установление причины пожара является крайне сложной задачей, что обусловлено сложностью процессов, протекающих на пожаре, значительными видоизменениями (порой до неузнаваемости) объектов, участвовавших в пожаре, но, самое важное, уничтожение мате-

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Бакин Е. А., Алешина И. Ф. Осмотр места происшествия при преступлениях, совершенных путем взрыва и некоторые аспекты криминалистических исследований изъятых вещественных доказательств: метод. пособие / Генер. прокуратура РФ. М., 2001. С. 23.

¹³ Дворкин А. И., Бертовский Л. В. Методика расследования убийств, совершенных с применением взрывных устройств. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 31.

¹⁴ Долгинов С. Д. Осмотр места взрыва: вопросы организации и тактики проведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 276.

риальных следов, необходимых для проведения всестороннего исследования и установления всех обстоятельств по делу. Именно поэтому искусственное инициирование горения (поджог) чаще всего избирается в качестве способа для сокрытия следов другого преступления.

Понятие причины возникновения пожара имеет в себе два аспекта: юридический и технический.

Юридический аспект причины пожара заключает в себе действие или бездействие субъекта, поэтому выяснение этой стороны вопроса является прерогативой дознания, предварительного следствия и суда и не входит в компетенцию эксперта.

Технический же аспект причины пожара выражает непосредственное воздействие источника зажигания на горючую среду в очаге пожара.

Причины, составляющие юридический аспект, можно разделить на три группы:

1. Причины, обусловленные действиями людей по введению источника зажигания в горючей среде: умышленно путем поджога или характеризующиеся неосторожностью – неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности (например, приборы, оборудование, тлеющие сигареты, предметы, способные выделять тепло в достаточном количестве для инициации процесса горения), в том числе, не предполагая «возможности образования ТВС и ее неуправляемого взрыва»¹⁵ с сопутствующими ему последствиями.

2. Причины, обусловленные бездействием людей, а точнее должностных лиц, выразившемся в несоблюдении требований законодательства и нормативных документов в сфере пожарной и промышленной безопасности: нарушение правил противопожарного режима, нарушение требований технологических регламентов производства и т.п.

3. Естественные причины: проявление естественных сил природы (разряды молний и т.д.), самовозгорание веществ и материалов.

Касательно третьей группы необходимо отметить, что в подавляющем большинстве случаев для объектов нефтегазового комплекса требованиям пожарной и промышленной безопасности предусмотрены особые мероприятия, направленные на исключение вероятности возникновения пожаров, указанных в третьей группе: устройство молниезащиты, особые условия складирования промасленной ветоши (склонной к самовозгоранию), требования к совместному хранению химически активных материалов и т.п. Обеспечение выполнения и (или) соблюдение таких норм возлагается на соответствующих должностных лиц. Таким образом, при возникновении пожаров, обусловленных причинами третьего уровня, необходимо проведение тщательной дифференциации причины между второй и третьей группой.

Субъективная сторона указанных преступлений, за исключением ст. 167 УК РФ и ст. 205 УК РФ, характеризуется виной в форме неосторожности – легкомыслия или небрежности. Это обстоятельство также в немалой степени оказывает

влияние на особенности организации работы по раскрытию и расследованию этих преступлений.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что преступления, сопряженные с пожарами и взрывами, достаточно многогранны. Анализ рассмотренных выше факторов дает основание для вывода о том, что они не просто характеризуют особенность этих дел, а задают вектор организации всей деятельности органов предварительного расследования, направленной на раскрытие и расследование такой категории дел, что не может являться единоличной и индивидуальной работой одного следователя или дознавателя, так как не позволит получить ответы на все вопросы, вызванные основными факторами, характеризующими особенности исследуемой группы преступлений.

Более того, для получения ответов на все вопросы следователь или дознаватель должен быть готов совершать уверенные действия уже с момента поступления сообщения о преступлении, т.к. именно первоначально проведенная работа будет предопределять дальнейший ход дела. Такая «готовность» немыслима без грамотной организации деятельности, подкрепленной необходимыми ресурсами.

Пристатейный библиографический список

1. Бакин Е. А., Алешина И. Ф. Осмотр места происшествия при преступлениях, совершенных путем взрыва и некоторые аспекты криминалистических исследований изъятых вещественных доказательств: метод. пособие / Генер. прокуратура РФ. М., 2001. 46 с.
2. Дворкин А. И., Бертовский Л. В. Методика расследования убийств, совершенных с применением взрывных устройств. М.: ИНФРА-М, 2001. 96 с.
3. Долгинов С. Д. Осмотр места взрыва: вопросы организации и тактики проведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 275-285.
4. Иванов Г. И. Правильная организация осмотра места происшествия и других первоначальных следственных действий залог успешного раскрытия преступлений // Расследование преступлений, связанных со взрывами, техногенными авариями и катастрофами / сб. ст. / Прокуратура Приволж. федер. округа. Н. Новгород, 2005. 157 с.
5. Криминалистика. Полный курс: учебник для бакалавров. 5-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 855 с.
6. Федор А. И. Особенности доказывания при расследовании пожаров и взрывов на объектах нефтегазового комплекса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 170 с.

¹⁵ Иванов Г. И. Правильная организация осмотра места происшествия и других первоначальных следственных действий залог успешного раскрытия преступлений // Расследование преступлений, связанных со взрывами, техногенными авариями и катастрофами / сб. ст. / Прокуратура Приволж. федер. округа. Н. Новгород, 2005. С. 45-48.

СТЕПАНОВ Гаврил Иванович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

КИМ Вадим Олегович

начальник кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБУЧЕНИИ БОЕВЫМ ПРИЕМАМ БОРЬБЫ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматриваются актуальные проблемы в обучении боевым приемам борьбы сотрудников подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: подразделения органов внутренних дел, профессиональная подготовка, боевые приемы борьбы, педагогические принципы.

STEPANOV Gavril Ivanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KIM Vadim Olegovich

chief of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

CURRENT PROBLEMS IN TEACHING THE COMBAT METHODS OF FIGHTING TO THE STAFF OF DIVISIONS OF LAW-ENFORCEMENT BODIES

In article current problems in teaching the combat methods of fighting to the staff of divisions of law-enforcement bodies are considered.

Keywords: divisions of law-enforcement bodies, vocational training, combat methods of fighting, pedagogical principles.

На современном этапе становления правового государства укрепление законности и правопорядка потребовало повышения эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации.

Борьба с преступностью, охрана общественного порядка, защита прав и свобод граждан от преступных посягательств были и остаются важнейшей задачей стоящей перед Министерством внутренних дел Российской Федерации. Защищая жизнь, здоровье, права и свободы граждан, сотрудники органов внутренних дел в процессе осуществления служебной деятельности сами систематически подвергаются нападениям со стороны правонарушителей, причем эти нападения становятся все более опасными и жестокими. Так, в материалах новостных лент систематически упоминается: «...в Подмоскowie неуставленные лица нанесли телесные повреждения сотруднику полиции; в г. Нальчике скончался сотрудник полиции, получивший ранение при совершении нападения неуставленными лицами; неизвестными лицами был обстрелян наряд патрульно-постовой службы и т.д. Нападения на сотрудников полиции в нашей необъятной стране ежедневно возникает десятки или даже сотни. Напрашивается вопрос – «Почему это происходит?» Причиной нападений на сотрудников полиции может быть множество, начиная от личной неприязни, к конкретному сотруднику заканчивая ненавистью к представителям власти.

Другой вопрос – служебный, или насколько эффективно на современном этапе сотрудники готовы выполнять свои оперативно-служебные задачи в этих условиях. Здесь, к большому сожалению, следует признать тот факт, что, мужество и героизм российских полицейских в борьбе с преступностью зачастую сопряжено с их непрофессионализмом и слабой физической подготовкой. Эта проблема накапливалась десятилетиями и остается нерешенной по сегодняшний день. Вместе с тем, борьба с преступностью на современном этапе предъявляет все новые и новые требования к сотрудникам органов внутренних дел. Подразделения органов вну-

тренних дел нуждаются в профессионалах, обладающих специальными знаниями, умениями и навыками для решения достаточно сложных оперативно-служебных задач. В одном из своих выступлений Министр внутренних дел России В. А. Колокольцев отметил, что для МВД России крайне важен уровень знаний сотрудников, которые придут на работу уже в ближайшие годы¹. В аспекте решения накопившихся проблем и с целью улучшения физической подготовки личного состава подразделений органов внутренних дел, в МВД России в последние годы существенно обновлена нормативная база, определены основы организации физической подготовки, скорректированы цели и задачи физической подготовки. Следует особо отметить, что Департаментом кадрового обеспечения МВД России с целью совершенствования физической подготовки личного состава подразделений органов внутренних дел и в первую очередь обучению боевым приемам борьбы было выполнено большое количество научно-исследовательских работ, проведено десятки научно-практических конференций.

Казалось бы, по итогам всего проделанного, должны быть существенные изменения в улучшении физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел. Тем не менее, в качественных показателях физической подготовленности сотрудников существенных изменений не произошло. Причин, действительно существенный ряд и эти причины во многом озвучены в вышеперечисленных конференциях, сборах и совещаниях. Вместе с тем, хотелось бы остановиться на некоторых моментах или положениях, которые в недостаточной мере рассмотрены в ведомственных нормативных документах, но от которых зависит конечный итог и успех обучения сотрудников органов внутренних дел и в первую очередь боевым приемам борьбы.

1 Официальный сайт МВД России «Выступление главы МВД России на расширенном заседании Министерства 21 марта 2017 года».

В физической подготовке, как и в любой педагогической деятельности, выделяют ряд положений, от которых зависит конечный итог и успех в обучении. Этими положениями являются педагогические принципы, под которыми в физической подготовке следует понимать исходные положения, отражающие протекание объективных законов процесса обучения и определяют его направленность в данном случае в освоении боевых приемов борьбы. Такими принципами являются: сознательность, активность, наглядность, систематичность, постепенность, доступность и прочность. Необходимо отметить, что эффективность обучения в особенности боевым приемам борьбы определяется при условии соблюдения и взаимосвязи всех изложенных выше принципов.

В качестве примера рассмотрим принцип прочности, который требует систематичности, постепенности и доступности в обучении, а активность обучающихся возможна лишь на основе их сознательного или мотивированного отношения к изучению боевых приемов борьбы. В связи с этим, любое обучение в особенности сложным двигательным действиям, таких как боевые приемы борьбы начинается лишь тогда, когда обучаемый (сотрудник) осознает потребность в приобретении новых знаний, умений и навыков, а обучающий (инструктор) осознает потребность передавать знания обучаемому². Только после этого можно считать, что обучение в освоении боевых приемов борьбы являются мотивированными. Если одна из сторон не испытывает потребности в передаче, а другая в овладении предметом обучения, то обучение будет принудительным и не даст высокого эффекта. К сожалению, в связи с большим количеством оперативно-служебных задач, а не редко и в неполной мере осознанием значимости физической подготовки в своей служебной деятельности, приводит к тому, что физическая подготовка сотрудниками во многом рассматривается только в контексте сдачи зачета при проведении итоговых занятий в конце года и не более того. Для успешного решения этой задачи необходимо руководителями подразделений целенаправленно и последовательно формировать у сотрудников систему потребностей, мотивов и целей в обучении боевым приемам борьбы. И здесь сразу следует отметить, что принцип сознательности и активности применительно к занятиям по физической подготовке в подразделениях органов внутренних дел не может быть реализован в отрыве от принципа ведущей роли учителя или инструктора в подразделении³. Его ведущая роль не вызвала сомнения даже в глубокой древности. К сожалению, принцип ведущей роли учителя или инструктора во многих подразделениях не работает уже многие десятилетия, потому как их просто нет. Как результат, плановые занятия по физической подготовке в подразделениях проводятся формально, без должного контроля и во многом не эффективно. Не менее значимой проблемой в обучении сотрудников органов внутренних дел является формирование прочности усвоения боевых приемов борьбы, для чего требуется систематичность, постепенность и доступность в проводимых занятиях. Сложность во многом заключается еще и в том, что освоить боевые приемы борьбы по книжкам, картинкам и видеофильмам практически невозможно. Все-му этому надо учиться многие годы. В физической подготовке, в отличие от других гуманитарных дисциплин, изучаемых сотрудниками в рамках правовой и служебной подготовки, между такими категориями как «знания», «умения» и «навык» большая и существенная разница.

В физической подготовке недостаточно услышать-увидеть-понять-запомнить информацию, здесь помимо вышеперечисленного надо действовать физически, многократно

и настойчиво выполняя различные двигательные действия, в данном случае боевые приемы борьбы, что по различным объективным и субъективным причинам просто не осуществимо. Рассматривая систематичность занятий по физической подготовке в подразделениях органов внутренних дел, следует отметить, что согласно действующих нормативных документов они проводятся один раз в неделю⁴. Много это или мало? Однозначно, для освоения боевых приемов борьбы на уровне навыка это очень мало. К примеру, в подразделениях МВД России спортсмены для участия в соревнованиях по прикладным видам спорта таких как, самбо, дзюдо, бокс и рукопашный бой, где нет реального вооруженного преступника, где на ковре или ринге судьи и секунданты, которые в опасной ситуации в любой момент могут остановить поединок, к этим соревнованиям готовятся от трех до пяти раз в неделю, в зависимости от статуса этих соревнований. Сотрудники органов внутренних дел, занимаясь один раз в неделю, без учителя или инструктора и соответствующей мотивации к проводимым занятиям, должны быть готовы к применению физической силы в различных экстремальных ситуациях. Парадокс, да и только. Как этого добиться? Данный вопрос до настоящего времени остается открытым.

Потому в экстремальных ситуациях сотрудники продолжают демонстрировать во многом свою неуверенность и беспомощность.

В заключении хотелось бы отметить, что пока вся система подготовки сотрудников органов внутренних дел в МВД России не будет построена с учетом требований теории обучения, обоснованные данными современной науки, никакие приказы инструкции и рекомендации положение дел в плане улучшения физической подготовленности личного состава не изменит.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Приказ МВД России от 05.05.2018 № 275 (ред. от 14.08.2018) «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Боген М. М. Обучение двигательным действиям. Физическое воспитание и спортивная тренировка – М.: Норма, 2016.

2 Боген М. М. Обучение двигательным действиям. Физическое воспитание и спортивная тренировка – М.: Норма, 2016. – С. 86.

3 Там же.

4 Приказ МВД России от 05.05.2018 № 275 (ред. от 14.08.2018) «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯМИ СРЕЛБ ЗАНЯТИЙ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ

Автор статьи обращает внимание на актуальные вопросы подготовки руководителей стрельб ОВД, кроме того, в статье формулируются выводы и предложения по улучшению качества организации и проведения руководителями стрельб занятий по огневой подготовке в территориальных органах МВД РФ.

Ключевые слова: огневая подготовка, огнестрельное оружие, производство выстрела, учебно-тренировочные упражнения, скоростная стрельба, меры безопасности, руководитель стрельб, методика проведения.

ZHAMBOROV Anzor Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Fire training sub-faculty of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia

Жамборов А. А.

TOPICAL ISSUES OF THE ORGANIZATION AND CONDUCT OF SHOOTING TRAINING BY SHOOTING MANAGERS

The author of the article draws attention to topical issues of the training of fire control officers of the Department of Internal Affairs, in addition, the article formulates conclusions and suggestions for improving the quality of organizing and conducting fire training sessions in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: fire training, firearms, shot production, training exercises, high-speed shooting, security measures, the head of shooting, methods of conducting.

Огневая подготовка в органах внутренних дел это есть неотъемлемая часть профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников ОВД, а в образовательных организациях МВД России предусматривается как самостоятельная дисциплина, основанная на принципах осуществления индивидуального подхода к каждому обучаемому.

Изученный практический опыт в органах внутренних дел показывает, что подготовленность сотрудника органов внутренних дел к правомерному применению огнестрельного оружия и в целом к профессиональной деятельности основана на необходимости постоянного контроля, а самое главное совершенствования уже полученных знаний и умений по дисциплине огневая подготовка с учетом требований предъявляемых современным российским законодательством. В свою очередь, анализ системы обучения огневой подготовки в ОВД свидетельствует о том, что уровень подготовленности сотрудников, зависит не только от количества учебных часов, которые отведены на проведение теоретических и практических занятий по огневой подготовке, материально-технического обеспечения, наличием необходимого инвентаря и оборудования, но, и, прежде всего ориентирование на современные научно-обоснованные методики преподавания указанной дисциплины, а также, что наш взгляд не мало важно – профессионализма и уровня квалификации руководителя стрельб, инструктора.

То есть ключевую роль, в качественном приобретении сотрудниками ОВД необходимых навыков по применению

огнестрельного оружия играет подготовленный и квалифицированный руководитель стрельб.

Нормативно-правовые акты МВД России¹ предъявляют определённые требования к руководителям (помощникам руководителя) стрельб. Так, в соответствии с приказом МВД России от 23.11.2017 № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» (далее НООП-2017) руководителем стрельб обычно назначается сотрудник, который должен:

- знать методику проведения занятий по огневой подготовке, методику обучения применения оружия и боеприпасов;
- выполнять контрольные упражнения стрельб на оценку «удовлетворительно»;
- осуществлять проверку подготовки тира (стрельбища, полигона) к выполнению упражнений стрельб (гранатометания);
- проводить инструктажи лиц, которые должны обеспечивать стрельбы (гранатометание), а также проверять готовность сотрудников к выполнению упражнений стрельб (гранатометания);
- ставить задачи всем лицам, участвующим в обеспечении стрельб, а также осуществлять за ними контроль;
- обеспечивать строгое соблюдение установленных мер безопасности всеми участниками стрельб и т.д.

1 Приказ МВД России от 23.11.2017 № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации».

В тоже время, относительно первого пункта вышеприведенных обязанностей руководителя стрельб, то есть знания руководителем стрельб методики проведения занятий, хотелось бы отметить и обратить внимание на то, что техническая подготовка сотрудников органов внутренних дел в стрельбе из боевого оружия характеризуется как достаточно сложный и протяженный во времени процесс. Она имеет две основные стадии:

1. Стадию базовой подготовки (выполнение подготовительных упражнений, например упражнение А. «Стрельба с места по неподвижной цели» НООП-2107, упражнение Б. «Стрельба с места по неподвижной цели с заданной зоной поражения» НООП-2017, а также выполнение иных учебно-тренировочных «подводящих» упражнений).

2. Стадию углубленного овладения оружием в избранных упражнениях (в том числе выполнение специальных либо комплексных упражнений). Основной задачей данного этапа подготовки – является формирование таких навыков в стрельбе из боевого оружия, которые в итоге обеспечивают рост и закрепление высоких результатов в процессе занятий по огневой подготовке.

В первоначальный период обучения следует начинать освоение техники стрельбы с простейших подготовительных упражнений НООП-2017. Эти упражнения позволяют стрелку овладеть навыками работы с открытым прицелом, необходимыми в стрельбе во всех пистолетных упражнениях.

После стадии базовой подготовки сотрудники начинают выполнять упражнения НООП-2017 согласно программам обучения, в том числе, в условиях ограниченного времени и после физических нагрузок. Поэтому успешность выполнения данных упражнений требует от сотрудников развитой координации действий, чувства времени, способности развития своих движений в интересах времени, ощущение устойчивости оружия, правильно контролируемое усилие в управлении спуском. Формирование этих ощущений у сотрудника происходит благодаря систематическим занятиям по огневой подготовке и быстро притупляются даже при небольших перерывах.

При организации и проведении занятий с личным составом подразделений органов внутренних дел и выполнении упражнений на практических занятиях руководитель стрельб должен придерживаться следующего алгоритма: обозначается тема и цель занятия, теоретически обосновываются предлагаемые действия, описывается их выполнение и демонстрируется наиболее предпочтительный и правильный вариант выполнения упражнения, акцентируется внимание на возможные и обычно совершаемые ошибки при выполнении конкретных упражнений и способы их устранения и преодоления психологических барьеров, осуществляется проверка понимания сотрудниками цели задания, методов исполнения, осознание мер безопасности, проверяются конечные цели деятельности.

Руководитель стрельб, как было указано выше, должен уметь наглядно показать, как правильно выполняются приемы стрельбы из оружия при стрельбе, при этом обращая внимание на:

– подготовку к стрельбе (выполнение учебно-тренировочных, подготовительных, «подводящих» упражнений перед учебными и практическими стрельбами)²;

– производство выстрела;

– прекращение стрельбы.

После показа приемов стрельбы руководителю стрельб целесообразно акцентировать внимание на отработке элементов (правильного выполнения элементов) стрельбы перед практическими стрельбами.

Эти упражнения являются промежуточными между тренировкой без выстрела и стрельбой по мишени. Преимущество данных упражнений заключается в том, что они способствуют:

– правильному закреплению ранее изученных действий;

– предотвращают боязнь выстрела и неправильную обработку спускового крючка;

– способствуют сосредоточению внимания на выполнении плавного спуска в сочетании с удержанием ровной мушки;

– закреплению правильной техники производства выстрела³.

Считаем, что под каждое контрольное упражнение целесообразно (что апробировано нами на практике) подбирать и применять при строгом соблюдении мер безопасности используя только учебное оружие, соответствующее (подводящее) учебно-тренировочное упражнение.

Далее, в контексте освещения некоторых проблем организации и проведения руководителями стрельб занятий по огневой подготовке в органах внутренних дел необходимо коснуться актуальных вопросов подготовки непосредственно руководителей стрельб в органах внутренних дел:

1) прежде всего, необходимо отметить, что сотрудники ОВД по статистике, применяют оружие на поражение с достаточно близкой дистанции, иногда в условиях ограниченной возможности для прицеливания, то есть при отсутствии достаточного освещения, а также воздействия на стрелка таких факторов, как внезапность, боевое напряжение, отвлекающие шумы, а преступник ведет по нему огонь. Поэтому, в целях практико-ориентированного обучения и подготовки сотрудников ОВД, выработки умений и навыков по решению профессиональных задач в условиях максимально приближенных к реальным, было бы правильным проводить дополнительную подготовку в различных экстремальных условиях (стрельба в темное время суток либо в условиях недостаточной видимости; при воздействии на стрелка отвлекающих факторов), а также ввести в практику регулярное выполнение упражнений с использованием средств индивидуальной бронезащиты и страховочного пистолетного ремешка во время проведения учебных и практических занятий;

2) при проведении занятий по огневой подготовке в территориальных органах, как правило, осуществляется

2 Жамборов А. А. Некоторые аспекты по совершенствованию огневой подготовки сотрудников ОВД. Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 8 (123). - С. 348-350.

3 Торопов В. А. Теория и практика эффективного обучения сотрудников органов внутренних дел стрельбе из личного оружия: Дис. ... доктора пед. наук. - Санкт-Петербург, 2001. - 341 с.

практическое выполнение преимущественно упражнения № 4 из пистолета НООП - 2017, хотя согласно приказу МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»⁴ контрольными для сотрудников полиции являются упражнения 4 – 7 из пистолета НООП-2017. Также стоит обратить внимание на то, что при проведении занятий (территориальные органы МВД РФ) редко выполняются нормативы по огневой подготовке, либо выполняется только норматив № 2 и № 3 для ПМ;

3) в территориальных органах МВД РФ при проведении занятий с личным составом необходимо уделять больше внимания выполнению учебно-тренировочных упражнений перед проведением практических стрельб (когда сотрудники выполняют различные учебно-тренировочные «подводящие» упражнения). В данном случае, речь идет именно о том, чтобы проводить;

4) на наш взгляд не уделяется должного внимания психологической подготовке стрелка; Необходимо обращать внимание на психологическую готовность стрелка к выстрелу, по завершении выполнения упражнений необходимо также производить анализ стрельбы, то есть выявление ошибок, их коррекция, объяснение стрелку возможных причин возникновения и различных способов устранения с учетом индивидуальных особенностей стрелка; отдельные занятия (тренировки) без стрельбы;

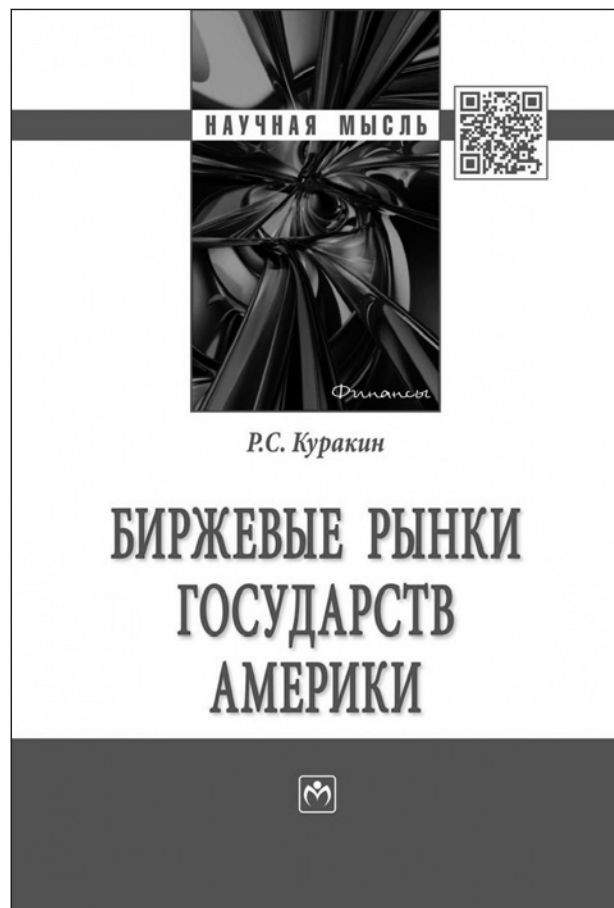
5) кроме того, необходимо организовывать обучение на учебных сборах взаимозаменяемых руководителей стрельб (такая проблема обычно очень часто существует в небольших территориальных органах МВД РФ) с обязательным получением свидетельства либо иного документа дающего право быть назначенным руководителем стрельб. То есть занятие должен проводить квалифицированный и сертифицированный специалист. Что позволит исключить назначения сотрудников руководителями стрельб в территориальных органах, не имеющих достаточного опыта и квалификации в данном направлении;

6) необходимо обращать внимание на то что, очень часто в территориальных органах внутренних дел практические стрельбы проводятся на открытых полигонах, поэтому руководитель стрельб в первую очередь должен предпринять все необходимые меры по соблюдению требований НООП-2017 по порядку обеспечения безопасности в районе проведения стрельб безопасности (пункт 73 НООП-2017);

7) также, целесообразно организовывать систематическое проведение выездных показательных, тематических занятий преподавателями кафедр огневой подготовки учебных заведений системы МВД России в территориальных органах с руководителями стрельб, а также личным составом ОВД.

Пристатейный библиографический список

1. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275.
2. Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23.11.2017 № 880.
3. Торопов В. А. Теория и практика эффективного обучения сотрудников органов внутренних дел стрельбе из личного оружия: Дис. ... докт. пед. наук. - Санкт-Петербург, 2001. – 341 с.
4. Жамборов А. А. Некоторые аспекты по совершенствованию огневой подготовки сотрудников ОВД. Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 8 (123). - С. 348-350.
5. Вострокнутов Д. Б., Кавецкий А. М., Патрак А. Ю., Печунов и др. Тактико-специальная подготовка: Учебник. В 2 частях. Часть 1. – М.: ДГСК МВД России, 2011. – 368 с.
6. Давиденко А. И. Стрельба из пистолета в усложненных условиях: учебно-практическое пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2013. – 72 с.

4 Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

ХАРАЕВ Азамат Арсенович

кандидат юридических наук, старший преподаватель Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России, член-корреспондент Академии менеджмента в образовании и культуре, майор полиции

ОБ ОСНОВНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются изменения, затронувшие профессиональную подготовку в системе органов внутренних дел нашей страны в части, касающейся огневой подготовки.

Ключевые слова: органы внутренних дел, сотрудник, огневая подготовка, Наставление, руководитель стрельб, проведение стрельб.

KHARAEV Azamat Arsenovich

Ph. D. in Law, senior lecturer of the North-Caucasian Institute for Advanced Qualification (branch) Krasnodar University of the MIA of Russia, corresponding member of the Academy of management in education and culture, major of police

ABOUT THE MAIN CHANGES OF THE ORGANIZATION OF FIRE PREPARATION IN LAW-ENFORCEMENT BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the changes that have affected the training in the system of internal affairs bodies of our country in terms of fire training.

Keywords: the bodies of internal affairs, employee, fire training, Manual, the head of the firing, conducting shooting.

Хараяев А. А.

Современный уровень службы органов внутренних дел нашего государства для решения возложенных на них задач требует ответственного подхода к профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел.

По вопросам профессиональной подготовки в различных правоохранительных органах имеются некоторые публикации¹. В научной литературе вопросы именно огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел практически не изучены. А в связи с существенными изменениями, затронувшими вопросы организации огневой подготовки в системе МВД России, видится крайне необходимым изучить данные изменения в сравнении с ранее имевшимися нормами.

Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) от 23.11.2017 № 880 утверждено новое Наставление по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации (НООП-2017). Попробуем провести обзор основных изменений, сравнительно с предыдущим Наставлением (Наставление-2012).

1. Структурно НООП-2017 состоит из 7 разделов и 3-х приложений, 2 из которых являются рекомендуемыми образцами бланков. Старое НООП-2012 состояло из 6 разделов, 5-и приложений к нему и 1-го приложения к Курсу стрельб.

1) Раздел II «Организация и проведение стрельб» НООП-2012 в новом НООП-2017 называется «Организация огневой подготовки».

2) Раздел III «Действия с оружием по подаваемым командам» НООП-2012 в новом НООП-2017 является разделом V и называется «Действия сотрудников по подаваемым командам при стрельбе из отдельных видов оружия».

3) Раздел IV «Обязанности лиц, организующих и проводящих стрельбы» НООП-2012 в новом НООП-2017 является разделом III и называется «Действия руководителя стрельб и лиц, обеспечивающих проведение стрельб».

4) Раздел V «Меры безопасности при обращении с оружием и боеприпасами» НООП-2012 в новом НООП-2017 является разделом VI и называется «Меры безопасности при проведении стрельб и гранатометания, обращении с оружием и боеприпасами».

5) Раздел VI «Порядок оценки огневой подготовки» НООП-2012 в новом НООП-2017 отсутствует полностью (нет ни в виде самостоятельного раздела, ни в виде пункта, ни даже в виде абзаца или предложения).

6) Отдельно выделен новый раздел IV «Проведение занятий по огневой подготовке».

7) Отдельно выделен новый раздел VII «Упражнения стрельб и гранатометания. Нормативы по огневой подготовке», который заменил собой Курс стрельб НООП-2012 (приложение № 1) и Нормативы по огневой подготовке (приложение № 2).

2. В НООП-2017 отсутствует одна из задач старого НООП-2012 – приобретение сотрудниками знаний основ стрельбы (п. 2.1).

3. По всему тексту наряду с выражением «стрельба» применяется выражение «гранатометание».

4. Не предусмотрено изучение в рамках теоретического раздела правил стрельбы из различных видов оружия (п. 4).

5. Не предусмотрено изучение в рамках практического раздела приемов стрельбы из различных видов оружия (п. 5).

6. Стрельбы организуются и проводятся только с сотрудниками полиции и с сотрудниками, не являющимися сотрудниками полиции (НП). Ранее проводились также и с сотрудниками подразделений специального назначения и авиации (п. 13).

7. Контрольные стрельбы в противогазах не проводятся (п. 16).

8. Результаты выполнения сотрудниками упражнений стрельб и гранатометания заносятся в журнал учета посещаемости занятий и успеваемости по профессиональной служебной и физической подготовке (п. 17). Ранее такая запись в данном журнале не предусматривалась.

9. Учебные сборы с руководителями (помощниками руководителя) стрельб должны проводиться не реже одного раза в три года (ранее – ежегодно) и в обязательном порядке

¹ Пеннин О. В., Мусатов А. Л. О некоторых аспектах совершенствования огневой подготовки в Федеральной службе судебных приставов // Военно-юридический журнал. - 2011. - № 12. - С. 20-24; Гришин Д. А. Некоторые вопросы организации служебно-боевой подготовки в подразделениях уголовно-исполнительной системы // Закон и армия. - 2005. - № 7 и др.

в течение квартала с момента внесения изменений в Наставление (ранее отсутствовало) (п. 27).

10. Регламентирован порядок передачи оружия сотруднику, за которыми оружие не закреплено (осуществляется на исходном рубеже по команде руководителя, предусмотрен доклад сотрудника руководителю (помощнику руководителя) стрельб) (п. 42).

11. Команда «Заряжай» по новому НООП-2017 может подаваться на исходном рубеже. Тем самым ликвидирован пробел в действиях по команде «Вперед» (п. 53).

12. Отдельно выделены команды: «Одиночными - огонь» (п. 55.3) и «Короткими очередями - огонь» (п. 55.4).

13. Добавилась новая команда «К бою» (п. 55.5).

14. Добавилось условие для подачи команды «Разряжай». Теперь она подается также в случае, если затвор (затворная рама) не встал (не встала) в крайнее заднее положение (п. 59.3). В данном случае сотрудник включает предохранитель и поднимает свободную руку.

15. Для сбора и сдачи гильз (колец и чек от ручных осколочных гранат) по окончании стрельбы (гранатометания) всеми участниками смены руководитель (помощник руководителя) стрельб подает команду: «Гильзы (кольца с чеками) собрать и сдать». По этой команде участники смены собирают и сдают гильзы (кольца и чеки) раздатчику боеприпасов (п. 62).

16. При стрельбе из пистолета изменились действия по командам: «Приготовиться к стрельбе» (п. 66.2.), «Заряжай» (п. 66.3.), «Огонь» (66.4.), «Разряжай» (п. 66.6.) и «Оружие к осмотру» (п. 66.7.).

17. Противошумные наушники и защитные очки надеваются и поправляются до команды «Заряжай» (ранее – «до начала выполнения упражнения»), а снимаются после команды «Осмотрено» (ранее – отдельно по команде руководителя (помощника руководителя) стрельб) (п. 78).

18. Отработка нормативов по огневой подготовке на занятиях по профессиональной служебной и физической подготовке осуществляется при необходимости. Ранее являлась обязательным оценочным элементом (п. 85).

19. В большинстве условий выполнения упражнений (но не везде) термин «расстояние до цели» заменен на «огневой рубеж».

20. Изменился порядок выполнения во всех упражнениях (принятие сотрудником положения для стрельбы).

21. Изменилось количество подготовительных упражнений из пистолета с трех до двух (Упражнение В – Скоростная стрельба с места по неподвижной цели с заданной зоной поражения в новом НООП-2017 отсутствует).

22. Изменилось общее количество упражнений стрельб из пистолета для сотрудников полиции – 13 (ранее – 17 с учетом четырех дополнительных упражнений).

23. Дополнительные упражнения стрельб из пистолета для сотрудников полиции отсутствуют.

24. Произошли изменения в упражнениях из пистолета для сотрудников полиции:

1) 8 упражнение Курса стрельб НООП-2012 в новом НООП-2017 отсутствует;

2) 9 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 8 стрельб из пистолета НООП-2017;

3) 10 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 9 стрельб из пистолета НООП-2017;

4) 11 упражнение Курса стрельб НООП-2012 претерпело изменения в названии;

5) 12 упражнение Курса стрельб НООП-2012 в новом НООП-2017 отсутствует;

6) 13 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 10 стрельб из пистолета НООП-2017;

7) 14 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 11 стрельб из пистолета НООП-2017;

8) 15 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 12 стрельб из пистолета НООП-2017;

9) 16 упражнение Курса стрельб НООП-2012 в новом НООП-2017 отсутствует;

10) 17 упражнение Курса стрельб НООП-2012 в новом НООП-2017 отсутствует;

11) добавилось новое упражнение (упражнение 13 стрельб из пистолета НООП-2017).

25. Изменились условия выполнения упражнений:

1) в упражнениях Б, 2, 3, 5 и 6 время на выполнение изменилось в сторону увеличения;

2) в упражнении 7 изменились огневой рубеж (с 15 метров до 10) и применяемая мишень (теперь только 2в).

26. Упражнения стрельб для курсантов и слушателей выделены отдельно (п. 93). Ранее отдельно выделялись упражнения только для курсантов 3 и 4 курсов образовательных учреждений системы МВД России. В данных упражнениях имеются следующие изменения:

1) 2 упражнение Курса стрельб НООП-2012 в новом НООП-2017 отсутствует;

2) 3 упражнение Курса стрельб НООП-2012 в новом НООП-2017 отсутствует;

3) 4 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 2а стрельб из пистолета НООП-2017;

4) 5 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 3а стрельб из пистолета НООП-2017. При этом время на выполнение упражнения увеличилось с 10 секунд до 12;

5) 6 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 4а стрельб из пистолета НООП-2017. При этом время на выполнение упражнения увеличилось с 8 секунд до 10;

6) 7 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 5а стрельб из пистолета НООП-2017. При этом огневой рубеж изменился с 15 метров до 10;

7) добавилось новое упражнение (упражнение 6а НООП-2017);

8) 10 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 7а стрельб из пистолета НООП-2017. При этом время на выполнение упражнения увеличилось с 12 секунд до 15;

9) 13 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 8а стрельб из пистолета НООП-2017;

10) 14 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 9а стрельб из пистолета НООП-2017;

11) 15 упражнение Курса стрельб НООП-2012 стало упражнением 10а стрельб из пистолета НООП-2017. При этом изменились условия выполнения упражнения: количество патронов – 4 шт. (ранее – 2 шт.).

27. Во всех упражнениях и нормативах отсутствуют критерии оценки их выполнения.

28. Изменения в образцах мишеней:

1) мишень № 2г в новом НООП-2017 отсутствует;

2) добавилась новая мишень № 6е.

Пристатейный библиографический список

1. Гришин Д. А. Некоторые вопросы организации служебно-боевой подготовки в подразделениях уголовно-исполнительной системы // Закон и армия. – 2005. – № 7.
2. Пенин О. В., Мусатов А. Л. О некоторых аспектах совершенствования огневой подготовки в Федеральной службе судебных приставов // Военно-юридический журнал. – 2011. – № 12.
3. Караяни А. Г. Технологии формирования профессиональных компетенций у сотрудников МВД в ходе практических занятий // Юридическая психология. – 2012. – № 2. – С. 15-19.
4. Куянова А. В., Батов Е. В. Проблемы правового регулирования и организация деятельности подразделений специального назначения территориальных органов МВД России // Административное право и процесс. – 2016. – № 1. – С. 38-41.
5. Митрохин В. В. Принципы организации и прохождения службы в органах внутренних дел // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 691-699.
6. Пути совершенствования служебно-боевой подготовки сотрудников правоохранительных органов. – Волгоград: ВА МВД РФ, 2010.
7. Хараев А. А. Методика проведения практических занятий по огневой подготовке с сотрудниками органов внутренних дел // Нальчик, СКИ(ф) КрУ МВД России. – 2016.

КОНЕВА Александра Евгеньевна

кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ГУГУНСКИЙ Денис Андреевич

старший преподаватель кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ, ДЕТСКОЙ ПРОСТИТУЦИИ И ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА К КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА, КАСАЮЩЕГОСЯ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ, ДЕТСКОЙ ПРОСТИТУЦИИ И ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ 2000 Г.*

В статье изучаются меры, принимаемые Российской Федерацией в целях выполнения ее международных обязательств по предотвращению торговли детьми, детской проституции и детской порнографии в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г. На основе анализа рассмотрения Комитетом ООН по правам ребенка первоначального доклада России об осуществлении данного Факультативного протокола выявляются положительные аспекты и трудности, испытываемые государством в вышеуказанной сфере.

Ключевые слова: ООН, права ребенка, Комитет ООН по правам ребенка, торговля детьми, детская проституция, детская порнография, Российская Федерация.

KONEVA Aleksandra Evgenjevna

Ph.D. in Law, assistant professor of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

GUGUNSKIY Denis Andreevich

senior lecturer of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

PREVENTION OF THE SALE OF CHILDREN, CHILD PROSTITUTION AND CHILD PORNOGRAPHY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF THE PROVISIONS OF THE 2000 OPTIONAL PROTOCOL TO THE CONVENTION ON THE RIGHTS OF THE CHILD ON THE SALE OF CHILDREN, CHILD PROSTITUTION AND CHILD PORNOGRAPHY**

The article considers the measures taken by the Russian Federation in order to fulfill its international obligations to prevent the sale of children, child prostitution and child pornography in line with the 2000 Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography. On the basis of the analysis of the examination by the UN Committee of the Rights of the Child of the initial report of Russia on the implementation of this Optional Protocol positive aspects and difficulties experienced by the State in this area are revealed.

Keywords: UN, children's rights, UN Committee on the Rights of the Child, sale of children, child prostitution, child pornography, Russian Federation.

Конева А. Е.

Гугунский Д. А.

Российская Федерация в своей внутренней и внешней политике уделяет повышенное внимание вопросам защиты прав детей, включая борьбу с такими их нарушениями, как торговля, проституция и порнография.

Россия активно участвует в международных универсальных и региональных договорах по защите прав детей¹, ко-

торые охватывают данные вопросы. Важнейшим среди них является Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г.² Данный международный договор устанавливает обязательства государств-участников по разработке и осуществлению стратегий, направленных на искоренение торговли детьми, детской проституции и детской порнографии³ и защиту жертв таких преступлений, созданию системы государственных органов по осуществлению Факультативного протокола, подготовке соответствующих специальных, распространению изложенной в Факультативном протоколе информации, установлению ответственности за совершение преступлений и правонарушений, охватывае-

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 16-03-00467 «Проблемы и международная практика в сфере защиты детей от эксплуатации и насилия: история, политика, право».

** The article was prepared within the framework of the Russian Foundation for Basic Research grant No. 16-03-00467 "Problems and international practice in the field of child protection from exploitation and violence: history, politics, law".

1 Абашидзе А.Х., Гугунский Д.А., Конева А.Е., Солнцев А.М. К вопросу о перспективах сотрудничества России с контрольным механизмом конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия 2007 г. // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 25-30.

2 Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 75-ФЗ г. «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии». URL: <https://rg.ru/2013/05/13/protokol-dok.html>.

3 Gillespie A. A. Child Pornography: Law and Policy. Routledge. 2011.

мым данным Протоколом, привлечению правонарушителей к ответственности, а также предупреждению торговли детьми, детской проституции и детской порнографии.

Комитет ООН по правам ребенка⁴, контролирующий выполнение государствами их международных обязательств по Факультативному протоколу, придает важное значение деятельности государств по предупреждению торговли детьми, детской проституции и детской порнографии в соответствии с требованиями п. 1 ст. 9 Факультативного протокола. Данное положение предусматривает, что государства – участники «принимают или укрепляют, применяют и пропагандируют законы, административные меры, социальные стратегии и программы с целью предупреждения преступлений, указанных в Факультативном протоколе. Особое внимание уделяется защите детей, наиболее уязвимых в отношении такой практики»⁵.

В соответствии с п. 1 ст. 12 Факультативного протокола 22 октября 2015 г. Россия представила Комитету ООН по правам ребенка первоначальный доклад⁶, содержащий всеобъемлющую информацию о мерах, принятых в целях осуществления положений данного Протокола.

В своем докладе Россия уделила особое внимание проблеме предупреждения торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. В частности, в докладе было указано, что в государстве ведется непрерывная работа по принятию и укреплению нормативно правовых актов, направленных на борьбу с торговлей детьми, детской проституцией и детской порнографией⁷. Применение данных нормативных правовых актов обеспечивают компетентные государственные органы⁸. Среди предпринятых государством административных мер следует отметить учреждение должности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, а также принятие соответствующих стратегий, программ и планов⁹.

Одной из важных составляющих в Российской Федерации в части предупреждения торговли детьми, детской проституции и детской порнографии является принятие мер, направленных на реализацию государственной политики в интересах особо уязвимых категорий детей, включая безнадзорных детей. Ключевым нормативно-правовым актом в этой сфере является Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» 1999 г., который предусматривает принятие мер в области социальной поддержки данных детей, предотвращение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных деяний несовершеннолетних, обнаружению и устранению причин и условий, способствующих вышеуказанным явлениям. Особое внимание уделяется обеспечению защиты прав и интересов детей, их социально-педагогической реабилитации, выявлению и пресечению случаев их вовлечения в совершение преступлений.

Индивидуальная профилактическая работа, предполагающая деятельность по своевременному выявлению детей и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и пред-

упреждению совершения ими правонарушений, проводится в отношении следующих категорий несовершеннолетних:

- «безнадзорных или беспризорных;
- занимающихся бродяжничеством или попрошайничеством;
- содержащихся в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, социальных приютах, центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, специальных учебно-воспитательных и других учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и (или) реабилитации;
- употребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо употребляющих одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию»¹⁰.

На органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних возложены обязанности гарантировать соблюдение прав и законных интересов, обеспечивать защиту детей от дискриминации, физического или психического насилия, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, а также выявлять несовершеннолетних и семьи, находящиеся в социально опасном положении, и оперативно информировать об этом компетентные государственные органы.

Семейным кодексом РФ установлен порядок выявления и учета детей, оставшихся без попечения родителей при участии органов опеки и попечительства, соответствующих органов исполнительной власти субъекта РФ и федеральных органов, образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, или иных соответствующих организаций, в которых находятся дети, оставшиеся без попечения родителей.

Помимо вышеуказанных мер, в целях предупреждения сексуальной эксплуатации и иных развратных действий сексуального характера против детей в 2010 г. был принят Федеральный закон № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации», устанавливающий запрет на работу с детьми для лиц, имеющих (имевших) судимость, подвергающихся (подвергшихся) уголовному преследованию, за исключением реабилитированных лиц, за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

После изучения информации, представленной Россией в ее первоначальном докладе, Комитет по правам ребенка включил в перечень вопросов в связи с данным докладом, опубликованный 8 ноября 2016 г., просьбу «представить дополнительную подробную информацию о превентивных мерах, принимаемых для защиты детей, находящихся в уязвимом положении, от преступлений, охватываемых Факультативным протоколом, особенно детей, ставших жертвами насилия в семье, детей, проживающих в детских учреждениях, беспризорных детей, детей, пользующихся Интернетом без надлежащего надзора, детей, употребляющих наркотики, и детей-мигрантов, беженцев, просителей убежища и детей без гражданства»¹¹.

Отвечая на данную просьбу, Россия указала соответствующие нормативно-правовые акты и их положения, применимые в данной сфере¹². Так, были упомянуты положения Семейного кодекса РФ об обязанностях и правах родителей, связанных с воспитанием детей, а также положения, закрепляющие права детей самостоятельно обращаться в орган опеки и попечительства и в суд в ситуации нарушения их прав и законных интересов. Кроме того, были обозначены уголовные и административные санкции, предусмотренные российском законодательстве за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию.

4 Комитет независимых экспертов, наблюдающий за выполнением государствами их обязательств по Конвенции о правах ребенка и ее двумя факультативным протоколам – Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающемся участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г. и Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающемся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г. См. Абашидзе А.Х., Гутунский Д.А., Кабанов В.Л., Конева А.Е., Кебурия К.О., Симонова М.А., Солнцев А.М. Международная защита прав детей : программа курса. - М: РУДН, 2017. - 174 С.

5 Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г. URL: <https://www.ohchr.org/RU/ProfessionalInterest/Pages/OPSCCRC.aspx>.

6 Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/1.

7 См. Там же, подраздел D раздела I.

8 См. Там же, подраздел F раздела I.

9 См. Там же, подраздел C раздела III.

10 Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/1, п. 176.

11 Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/Q/1.

12 Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/Q/1/Add.1.

В ответах России были обозначены нормы, предусматривающие уголовную ответственность за половую связь с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а также за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Особое значение в деятельности по предотвращению преступлений, охватываемых Факультативным протоколом, Россия уделяет участию в международном сотрудничестве правоохранительных органов в сфере противодействия сексуальной эксплуатации и сексуальным злоупотреблениям в отношении детей.

Государство указало на наличие правовой базы для участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, на основе которой действуют детские и молодежные общественные объединения, молодежные советы, палаты, парламенты, органы школьного самоуправления.

В рамках общенациональной информационной кампании созданы общероссийское общественное движение «Россия без жестокости к детям», интернет-портал по теме ответственного родительства¹³, ряд линий помощи федерального значения.

Государство обеспечивает финансирование проектов и программ, осуществляемых гражданским обществом в области защиты детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений.

На уровне среднего (полного) общего образования реализуются учебные дисциплины (например, «Основы безопасности жизнедеятельности»), которые направлены на формирование у учащихся знаний «об основных мерах защиты и правилах поведения в условиях опасных и чрезвычайных ситуаций» и иных знаний и умений, касающихся «защиты от опасностей, связанных с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями, включая риски, связанные с использованием новых информационно-коммуникационных технологий»¹⁴.

Кроме того, государство осуществляет в субъектах РФ правовое информирование и консультирование детей и подростков с целью разъяснения им их прав и обязанностей, мер административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений, охватываемых Факультативным протоколом¹⁵.

Обращая внимание на уязвимые категории детей, Россия указала, что в соответствии со ст. 24 Федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» 2016 г. профилактическое воздействие в отношении безнадзорных и беспризорных детей реализуется в форме социальной адаптации в виде комплекса мероприятий, ориентированных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, содействия в осуществлении их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве.

Далее Россия вновь обратилась к положениям Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в особенности его ст. 14, согласно которой Минобрнауки России, органы и организации системы образования в пределах своей компетенции участвуют в реализации комплекса мероприятий в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и в отношении них.

Государство представило информацию о комплексной воспитательной работе в образовательных организациях субъектов Российской Федерации, в рамках которой организуются мероприятия, направленные на «формирование законопослушного поведения, ценностных ориентаций и нравственных представлений у обучающихся, профилактику девиантного поведения в детской и подростковой среде, правонарушений среди несовершеннолетних»¹⁶.

Немаловажную роль в работе по профилактике правонарушений в образовательной среде играют советы профи-

лактики школ, рассматривающие вопросы постановки на внутришкольный учет обучающихся, не соблюдающих правила внутреннего распорядка, родителей, не в полной мере выполняющих родительские обязанности, социально-педагогической реабилитации обучающихся и семей, состоящих на учете в органах внутренних дел и комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также летней занятости обучающихся, досуговой занятости в организациях дополнительного образования.

Россия рассматривает безопасность детства в качестве фундаментального гаранта демографической стабильности нации, важнейшего инфраструктурного маркера образовательного пространства, соответственно, профилактика наркомании, алкоголизма, табакокурения в подростковой среде является приоритетом профилактической деятельности и занимает центральное место в комплексе мер по сохранению и укреплению здоровья детей и молодежи, обеспечению безопасности их жизни. Государство указало на положительный опыт, накопленный в ряде регионов, в части межведомственного взаимодействия в сфере предупреждения немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ.

В дополнение к информации, содержащейся в п. 185 первоначального доклада, Россия отметила, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию ребенка родителем или иным законным представителем, включая педагогического работника или другого работника образовательной, медицинской организации или организации, оказывающей социальные услуги, либо иной структуры, осуществляющей надзор за ребенком, в случае, если это деяние совершено с жестоким обращением, ст. 156 Уголовного кодекса РФ установлена уголовная ответственность.

По итогам рассмотрения представленной в докладе и ответах на вопросы информации и проведения конструктивного диалога с делегацией РФ, состоявшегося 22 мая 2018 г., Комитет принял заключительные замечания, в которых отметил позитивные аспекты в государстве в контексте осуществления Факультативного протокола. Среди них Комитет приветствовал принятие Федерального закона № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» 2012 г. Также Комитет дал высокую оценку прогрессу, достигнутому в принятии национальных планов и программ, включая Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012–2017 гг.

Однако в части мер по предупреждению торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, Комитет выразил озабоченность и принял рекомендации, объем которых занимает одну треть всех рекомендаций, сформулированных им в заключительных замечаниях.

Так, Комитет крайне обеспокоен недостаточными усилиями государства по выявлению детей, нуждающихся в защите, среди детей из уязвимых и социально отчужденных групп, в особенности мигрантов, просителей убежища и беженцев, детей, содержащихся в местах заключения, детей в закрытых учреждениях, детей-инвалидов и детей в психиатрических учреждениях. В этой связи Комитет настоятельно призвал Россию активизировать свои усилия, направленные на определение и выявление детей, которые могут стать жертвами правонарушений, указанных в Факультативном протоколе, особенно среди вышеуказанных категорий детей. Комитет также рекомендовал государству проводить подготовку среди сотрудников правоохранительных органов в целях рассмотрения жертв или детей, которые могут стать жертвами правонарушений, не как правонарушителей, а как жертв или потенциальных жертв¹⁷.

В контексте предупреждения экономической эксплуатации детей Комитет рекомендовал государству-участнику принять меры по обеспечению доступа всех детей к образо-

13 URL: www.ya-roditel.ru.

14 Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/Q/1/Add.1, п. 46.

15 Там же, п. 47.

16 Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/Q/1/Add.1, п. 51.

17 Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/CO/1, п. 18-19.

ванию вне зависимости от правового статуса их родителей в стране, для того чтобы они не стали жертвами торговли или трудовой эксплуатации. Кроме того, Комитет рекомендовал России собирать данные о числе, поле, возрасте, этнической принадлежности и происхождении детей, которые подвергаются экономической эксплуатации¹⁸.

Комитет также обозначил проблему использования детских браков как прикрытия для торговли детьми, в связи с чем рекомендовал государству-участнику ввести минимальный возраст вступления в брак, составляющий 18 лет для девочек и мальчиков на всей территории страны¹⁹.

Отмечая, что суррогатное материнство является сложной темой, которая вызывает множество различных вопросов, Комитет в свете ст. 1 и 2 Факультативного протокола рекомендовал государству-участнику ужесточить свое законодательство с целью не допускать договоренностей о суррогатном материнстве, которые могут привести к торговле детьми²⁰.

Отмечая проблему посещения государства-участника иностранцами с целью секс-туризма, а также путешествия граждан государства-участника за границу в целях сексуальной эксплуатации детей, Комитет рекомендовал проводить информационно-разъяснительную работу с представителями сферы путешествий и туризма о пагубных последствиях сексуальной эксплуатации детей и поощрять туристические агентства и бюро путешествий к подписанию Глобального этического кодекса туризма. Кроме того, Комитет настоятельно призвал государство наказывать соответствующим образом лиц, виновных в сексуальной эксплуатации детей в сфере путешествий и туризма как внутри страны, так и за ее пределами.

Особое внимание Комитет уделил проблеме значительного роста числа сайтов с детской порнографией с 2009 г., несмотря на усилия государства по блокировке многих из таких запрещенных сайтов. В этой связи Комитет рекомендовал государству-участнику принять национальную программу предупреждения и пресечения сексуальной эксплуатации детей и надругательств над ними в Интернете²¹, которая включала бы: 1) национальную политику в этой области на основе разработки надлежащей правовой базы, учреждения координационно-контрольного органа, а также целевых аналитических, исследовательских и мониторинговых механизмов; 2) стратегию по предотвращению сексуальной эксплуатации детей и надругательств над ними в Интернете²². Данная стратегия должна: 1) включать программу повышения осведомленности населения и обязательного школьного просвещения по вопросам поведения и безопасности в Интернете; 2) обеспечивать участие детей в разработке политики и практики; 3) предусматривать использование информационных технологий в целях блокировки и удаления из Интернета ненадлежащего контента; 4) включать систему оказания комплексных услуг по поддержке детей во время следствия, судебного процесса и реабилитации, а также наличие подготовленных специалистов, работающих с детьми или в их интересах, а также доступные процедуры подачи жалоб, получения компенсации и средств правовой защиты; 5) обеспечивать поддержание национальной базы данных, связанной с базой данных Международной организации уголовной полиции (Интерпол)²³.

Таким образом, изученный в данной статье опыт Российской Федерации по представлению первоначального доклада об осуществлении Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии в Комитет по правам ребенка, позволил составить целостную картину выполнения Россией ее международных обязательств по предотвращению правонарушений, охватываемых данным Протоколом. К позитивным аспектам в этой сфере относятся меры по предупреждению торговли детьми в целях эксплуатации их труда, существенное сокращение сексуальной эксплуатации детей в сфере путешествий и туризма, принятие Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 2006 г. и предпринимаемые в рамках его реализации усилия государства по блокировке многих запрещенных сайтов, содержащих детскую порнографию. Однако несмотря на данные достижения, обеспокоенность Комитета вызывают недостаточные усилия государства по выявлению детей, нуждающихся в защите, среди детей из уязвимых и социально отчужденных групп, а также рассмотрение компетентными органами жертв или детей, которые могут стать жертвами правонарушений, в качестве потенциальных правонарушителей, а не как жертв или потенциальных жертв. Государство также принимает недостаточные меры по обеспечению доступа детей к образованию вне зависимости от правового статуса их родителей в стране для того, чтобы они не стали жертвами торговли или трудовой эксплуатации. Комитет обеспокоен проблемой использования детских браков как прикрытия для торговли детьми, а также потенциальным возникновением случаев договоренностей о суррогатном материнстве, которые могут привести к торговле детьми. В государстве имеет место проблема посещения российской территории иностранцами с целью секс-туризма, а также путешествия российских граждан за границу в целях сексуальной эксплуатации детей. Кроме того, Комитет обеспокоен проблемой значительного роста числа сайтов с детской порнографией с 2009 г.

Учитывая активное сотрудничество РФ с международными механизмами защиты прав ребенка, в первую очередь Комитетом по правам ребенка, представляется, что вышеуказанные проблемные аспекты в деле предупреждения торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, будут постепенно устранены по мере рассмотрения последующих периодических докладов России в данный Комитет.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А.Х., Гугунский Д.А., Кабанов В.Л., Конева А.Е., Кебурия К.О., Симонова М.А., Солнцев А.М. Международная защита прав детей: программа курса. - М: РУДН, 2017. - 174 с.
2. Гугунский Д.А., Конева А.Е. К вопросу о важности разработки всеобъемлющих национальных стратегий по борьбе с торговлей детьми и их сексуальной эксплуатации, совершаемых с использованием новых технологий // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12. С. 297-301.
3. Комитет по правам ребенка. Заключительные замечания по докладу, представленному Российской Федерацией в соответствии с пунктом 1 статьи 12 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. 22 мая 2018 г. // Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/CO/1.
4. Gillespie A. A. Child Pornography: Law and Policy. Routledge, 2011.

18 Там же, п. 20.

19 Там же, п. 21.

20 Там же, п. 22.

21 Гугунский Д.А., Конева А.Е. К вопросу о важности разработки всеобъемлющих национальных стратегий по борьбе с торговлей детьми и их сексуальной эксплуатации, совершаемых с использованием новых технологий // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12. С. 297-301.

22 Док. ООН CRC/C/OPSC/RUS/CO/1, п. 26.

23 Волеводз А.Г. Международная организация уголовной полиции - Интерпол и тенденция формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 130-151.

ЕГОРОВА Ульяна Павловна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АВТОНОМИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

В статье проводится анализ доктринальных подходов к определению понятия «национально-культурная автономия» и предлагается системная классификация национально-культурных автономий на примере субъекта Российской Федерации (далее РФ) – Республике Саха (Якутия). Проанализированы характерные особенности региональных национально-культурных автономий.

Ключевые слова: национально-культурная автономия, федеративное устройство, республика, Конституция, государственная политика, законодательство, гражданское общество.

EGOROVA Ulyana Pavlovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law faculty of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Егорова У. П.

LEGAL NATURE OF NATIONAL-CULTURAL AUTONOMIES: REGIONAL ASPECT ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

The article is devoted to the analysis of the doctrine approaches to the definition of the concept “national-cultural autonomy” and suggests a systemic classification of national-cultural autonomies on the example of the Republic of Sakha (Yakutia), the Russian Federation’s subject. The author analyzes characteristic features of regional national-cultural autonomies.

Keywords: national-cultural autonomy, federal structure, republic, Constitution, state policy, legislation, civil society.

В данной статье проводится анализ доктринальных подходов к определению понятия «национально-культурная автономия» и предлагается системная классификация национально-культурных автономий на примере субъекта Российской Федерации – Республике Саха (Якутия).

В XXI в. как в России, так и в мировом сообществе в целом наиболее актуальным и важным является этнический и национальный вопрос. Что обусловлено увеличением значения культурной аутентификации социума, определенных социально-культурных групп и отдельного индивида с учетом глобальных экономических, социальных и культурных преобразований. Следует отметить, что в условиях глобализации задачи сохранения и развития национальной самобытности каждого народа имеют свои особенности. Кроме того, существенно возросла заинтересованность в охране традиционных духовных ценностей и нравственных норм, обычаев и иных форм самоопределения и функционирования этноса как социокультурной целостности.

В качестве наиболее распространенной формы удовлетворения главных культурных запросов этнических групп выступает территориально сформированная единица общественного объединения: национально-культурная автономия.

В России национально-культурная автономия выступает в качестве вида общественного объединения. Законодательная регламентация правоотношений в сфере национально-культурных автономий осуществляется на основании Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»¹. Этот законодательный акт принимался с учетом тенденций современного гражданского общества, требующего равенство при обеспечении прав и свобод многонационального состава населения нашей страны. Указанный Федеральный закон устанавливает правовые основы национально-культурных автономий в пределах РФ, формирует благополучные правовые критерии взаимоотношений государства и социума в целях охраны национальных интересов граждан России при избрании ими направлений и форм собственного национально-культурного совершенствования.

В качестве главной цели Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ ставилась следующая. Это реализация наци-

онально-культурными автономиями наиболее масштабных функций в области защиты и сохранения родного (национального) языка и самобытной культуры. На сегодняшний день более подробное законодательное регулирование в рассматриваемой сфере находится на стадии разработки².

Итак, национально-культурная автономия в России – это форма национально-культурного самоопределения. Она рассматривается как объединение граждан РФ, считающих себя определенной этнической общностью, которые находятся в национальном меньшинстве в данном регионе, на основе их согласованной самоорганизации. Такое объединение осуществляется для независимого разрешения вопросов поддержания самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, консолидации целостности российской нации, интеграции межэтнических взаимоотношений, помощи межрелигиозному диалогу. А также реализации деятельности, связанной с социальной и культурной адаптацией и интегрированием мигрантов.

Базис национально-культурной автономии, на мой взгляд, составляют следующие признаки:

1. национально-культурная автономия обладает своеобразной спецификой, которая не похожа на иные общественные объединения.

2. национально-культурная автономия имеет достаточно непростую и многопрофильную систему организации и образования применительно к требованиям нормативно-правовых актов.

3. Категория « национально-культурная автономия» имеет разнообразные научно – практические определения сущности. Указанное обуславливает наличие различных его интерпретаций, которые могут исказить смысл рассматриваемого явления.

Существуют и определенные сложности, связанные с реализацией идеи национально-культурных автономий как элементов здорового гражданского общества в субъектах Российской Федерации, в частности в Республике Саха (Якутия).

Одной из особенностей Республики Саха (Якутия) является полиэтничность. В республике проживают представители 139 этнических групп, 4 конфессии и 15 вероисповеданий. По

1 Федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально – культурной автономии» с изм. и доп. от 4 ноября 2014 г.

2 Бредихин А. В. Национальные районы в системе федеративных отношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10. С. 32-35.

данным социологических исследований в характеристиках межэтнических отношений наблюдается стабильность, на протяжении многих лет доминирует положительный настрой³.

На сегодняшний момент в Республике Саха (Якутия) функционируют три национально-культурные автономии: местная общественная организация национально-культурная автономия эвенков г. Якутска «Дулин Буга» (Средний мир); общественная организация «Бурятская местная национально-культурная автономия в г. Нерюнгри»; общественная организация «Бурятская местная национально-культурная автономия г. Якутска», а также две национально-культурные автономии были исключены из реестра, такие как: Местная национально-культурная автономия чеченцев г. Якутска и Региональная национально-культурная автономия российских немцев Республики Саха (Якутия).

Несмотря на активное и динамичное развитие института национально-культурных автономий в Российской Федерации, он все – таки встречается на своем пути определенные трудности и сложности, связанные, в первую очередь, с пробелами и коллизиями в действующем законодательстве, неясными формулировками по вопросу о круге субъектов национально-культурных автономий и в вопросе о взаимодействии с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления Российской Федерации⁴.

Основным проблемным моментом, на наш взгляд, является источник финансирования деятельности уже существующих национально-культурных автономий. Финансирование деятельности, связанной с реализацией прав национально-культурных автономий, осуществляется за счет средств национально-культурных автономий, их учреждений и организаций, частных лиц, федеральные органы исполнительной власти могут оказывать поддержку федеральным национально-культурным автономиям за счет средств федерального бюджета, тоже самое относится к органам государственной власти субъекта Российской Федерации и органам местного самоуправления в прямой аналогии по отношению к региональным и местным национально-культурным автономиям⁵.

Таким образом, исходя из буквы закона, можно увидеть, что национально-культурные автономии финансируются в основном за счет внутренних источников. В качестве решения данного вопроса можно внести поправку в Федеральный закон, дающий основания национально-культурным автономиям привлекать сторонние источники финансирования, что в свою очередь, возможно, снизит определенную нагрузку с бюджета федерального уровня, бюджета субъекта РФ и бюджета местного уровня.

В статье 9 главы III ФЗ от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» говорится, что органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти субъектов РФ обеспечивают проведение государственной политики, направленной на сохранение и развитие национальных (родных) языков, а в статье 11 «Обеспечение национально-культурными автономиями права на выбор языка воспитания и обучение и на получение основного общего образования на национальном (родном) языке» утверждается, что национально-культурные автономии имеют право создавать частные дошкольные, общеобразовательные, профессиональные образовательные и организации высшего образования, обучение в которых осуществляется на национальном (родном) языке⁶. Но, к сожалению, в этих статьях данного нормативно – правового акта не прописано, что национально-культурные автономии могут заниматься вопросами именно интеграции и успешной адаптации впервые прибывших мигрантов, так как в законе нет указания на образовательную и воспитательную функцию национально-культурных автономий в отношении мигрантов. На наш взгляд, практическое влияние и участие конкретного круга лиц, достаточно долго проживающего

в той административно – территориальной единице субъекта Российской Федерации и знающего национальные, политические и социально-экономические особенности проживания в указанном субъекте страны по отношению к вновь прибывшим было бы достаточно весомым аргументом в их успешной адаптации.

Нерешенным остается вопрос касаясь включения в состав национально-культурных автономий граждан титульных наций, живущих на территориях национальных республик⁷ (такие как: Республика Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия (Алания), Татарстан, Удмуртия, Тыва, Хакасия, Чечня, Чувашия (за исключением Дагестана и Крыма), а также в Еврейской автономной области и Ханты-Мансийском, Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах (всего – 25 субъектов). национально-культурные автономии по сути своей являются экстерриториальными общественными объединениями, но исключение граждан титульных наций республик из процесса реализации важнейшего федерального закона, на наш взгляд, является серьезным упущением со стороны законодателя, так как таким образом у некоторых граждан могут ущемляться их гарантируемые Конституцией РФ права вступать в любые общественные объединения и выражать (ст. 30 Конституции РФ «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется»⁸).

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что:

1. Одной из форм удовлетворения основных культурных запросов этнических групп является территориально созданная единица общественного объединения: национально-культурная автономия;

2. национально-культурная автономия характеризуется специфическими особенностями, отличными от других общественных объединений, обладает более сложной и разветвленной системой организации и создания по действующему российскому законодательству;

3. Существуют и определенные сложности, связанные с реализацией идеи национально-культурных автономий, такие как: финансирование их деятельности, взаимодействие с органами государственной власти, невозможность создавать национально-культурные автономии либо вступать в уже существующие автономии гражданам титульных наций Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. М.: Приор, 2001. 32 с.
2. Федеральный закон от 17.06.1996г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» с изм. и доп. от 4 ноября 2014 г.
3. Бредихин А.В. Национальные районы в системе федеративных отношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10. С. 32-35.
4. Оганисян Р. С. Проблемы национально-культурных организаций как элементов гражданского общества в современной России // Сборник научных трудов «Известия Тульского государственного университета», гуманитарные науки. 2011.
5. Иванов М. В. Национально-культурная автономия: к вопросу о понятии и назначении // Международный научный журнал «Теория и практика общественного развития». 2011.
6. Мочалов А. Н. Территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 121-132.

3 Мочалов А. Н. Территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 121-132

4 Оганисян Р. С. Проблемы национально-культурных организаций как элементов гражданского общества в современной России // Сборник научных трудов «Известия Тульского государственного университета», гуманитарные науки. 2011.

5 ст. 16 главы V Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» с изм. и доп. от 4 ноября 2014 г.

6 ст. 9, 11 главы III Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» с изм. и доп. от 4 ноября 2014 г.

7 Иванов М. В. Национально-культурная автономия: к вопросу о понятии и назначении // Международный научный журнал «Теория и практика общественного развития». 2011.

8 ст. 30 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

САНГУЛИЯ Аслан Даурович

преподаватель кафедры государства и права Юридического факультета Абхазского государственного университета

РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ КАК СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

Статья посвящена вопросу самоопределения абхазского народа и восстановления суверенного статуса республики. В статье проводится анализ международно-правовых документов, определяющих право народов на самоопределение, понятие «суверенитет», «суверенное государство», «государственный суверенитет», «территориальная целостность государства». Автором раскрывается статус Республики Абхазия через понятие суверенитета и исторической действительности.

Ключевые слова: Республика Абхазия, суверенитет, государственный суверенитет, территория, территориальная целостность, самоопределение народа, Конституция Республика Абхазия.

SANGULIYA Aslan Daurovich

lecturer of State and law sub-faculty of the Faculty of Law of the Abkhazian State University

Сангулия А. Д.

THE REPUBLIC OF ABKHAZIA AS A SOVEREIGN STATE

The article is devoted to the issue of self-determination of the Abkhazian people and restoration of the sovereign status of the Republic. The article analyzes international legal documents defining the right of peoples to self-determination, the concept of "sovereignty", "sovereign state", "state sovereignty", "territorial integrity of the state". The author reveals the status of the Republic of Abkhazia through the concept of sovereignty and historical reality.

Keywords: The Republic of Abkhazia, sovereignty, state sovereignty, territory, territorial integrity, self-determination of the people, the Constitution of the Republic of Abkhazia.

Республика Абхазия (Апсны) ст. 1 принятой в 1994 г. Конституции была провозглашена суверенным государством, исторически утвердившимся по праву народа на свободное самоопределение. Этим самым было реализовано одно из основных прав народа – право на самоопределение, вплоть до выхода из состава другого государства и образования собственного государства. Право народов на самоопределение было признано как законодательством СССР, в состав которого входила Абхазия, так и нормами международного права.

В соответствии с действующими в настоящее время основными документами, которые закрепляют права человека – Всеобщей декларацией прав и свобод человека 1948 г., Международным пактом о гражданских и политических правах и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, принятыми в 1966 г., все народы имеют право на самоопределение; все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами; все участвующие в настоящем пакте государства должны в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право. Есть и другие международные документы, которые свидетельствуют о расширении прав человека за счет дополнительных прав этнических групп, меньшинств с «целью достижения эры демократии, мира и единства». Это Парижская хартия всей Европы от 21 октября 1990 г., Европейская Декларация о хартии народов и регионов, принятая в Карлсруэ в 1996 г. и др.

Данное право в Абхазии осуществлялось в сложных условиях, сопровождалось разрушением Союза ССР и в значительной степени было обусловлено государственной

политикой Грузинской ССР. При рассмотрении вопроса о восстановлении государственности абхазского народа, подчеркивалось, что порядок провозглашения независимости Грузии, в состав которой на правах автономной республики входила Абхазия, а также последовавший после этого выход Грузии из состава Союза ССР не соответствовали требованиям международного права и Закона СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

Этот закон был принят в рамках ст. 72 Конституции СССР 1977 г., устанавливавшей, что за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР. Порядок реализации такого права для мирного решения вопроса о самоопределении был установлен законом СССР как для союзных республик, так и включенных в их состав за годы советской власти автономных образований. Однако действиями Грузии по восстановлению своей независимости отдельные требования союзного законодательства были проигнорированы, а другие существенно нарушены. К числу нарушенных, прежде всего, относятся нормы, предусматривающие необходимость учета интересов автономных образований и других национальных групп, компактно проживающих на территории союзной республик.

Законом СССР о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР реализовывался один из императивных принципов международного права, закрепленный п. 2 ч. 1 Устава ООН как принцип равноправия и самоопределения народов. Общеизвестное толкование его международно-правового содержания было закреплено статьями двух пактов о правах человека 1966 г., в соответствии с которыми все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой полити-

ческий статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие¹.

Законом СССР также в полной мере реализовывалось положение Резолюции 49-й сессии Комитета ООН по уничтожению расовой дискриминации от 8 марта 1996 г. (п. 7 ч. «В») которым исходя из права народов на самоопределение как одного из основных принципов международного права устанавливается, что в случае самоопределения народа и выхода его из состава государства, необходимо принять все меры для осуществления мирного, ненасильственного изменения государственности. Однако если со стороны СССР были созданы необходимые правовые основы для свободного самоопределения Грузии, то после установления ею независимости в соответствии с требованиями международного права аналогичные условия для реализации права на самоопределение абхазского народа созданы не были.

Первоначально не было учтено мнение абхазского народа, выраженное им на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г.: абсолютное большинство высказалось за сохранение СССР, выступив таким образом против выхода Абхазии из его состава. Это решение было принято, в частности, в соответствии с правовой позицией, сформулированной в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) и подтвержденной Международным судом в заключении по Западной Сахаре, указавшим, что применение права на самоопределение может быть осуществлено лишь в условиях свободного волеизъявления заинтересованного народа. Такие условия 17 марта 1991 г. имелись. Позднее мирному, ненасильственному порядку решения вопроса о самоопределении абхазского народа была противопоставлена военная агрессия Грузии против Абхазии.

Как показывает государственное развитие других стран, борьба за установление суверенитета достаточно часто принимала характер вооруженного столкновения. В современных условиях, когда международное сообщество не только признало право народов на самоопределение, но и выработало необходимые меры, с этой целью, в том числе используя при необходимости правовое принуждение, созданы условия для того, чтобы право на самоопределение реализовывалось мирным путем, путем выработки взаимоприемлемых решений. Однако, как показывает опыт отдельных народов бывшей единой федеративной Югославии, борьба за суверенитет подчас принимает вооруженные формы².

Как правило, все современные конституции закрепляют суверенитет либо в отношении государства, либо народа. Так, положения о суверенном государстве включены в конституции: Азербайджанской Республики, Республики Армения, Кыргызстана, Индии и многих других государств³. В то же время во многие конституции включены положения о народном суверенитете. В Конституции Итальянской Республики провозглашается, что суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его в формах и в границах Конституции, в Испании – национальный суверенитет принадлежит испанскому народу, от которого исходят полномочия государства, в Российской Федерации – носителем

суверенитета и единственным источником власти является ее многонациональный народ.

В Конституции Республики Абхазия, наряду с провозглашением в ст. 1 государства как суверенного, данное понятие включено и в ст. 2, где указано, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Абхазия является ее народ – граждане Республики Абхазия. Таким образом, реализуется наиболее полное закрепление суверенитета как суверенитета государственного и народного.

Под суверенным государством принято понимать свойство государственной власти быть независимой в сфере как внутренних, так и внешних отношений⁴. Такая независимость обеспечивается тем, что государство обладает всеми необходимыми для этого признаками: политико-территориальным (пространственным), политико-демографическим (субстанциальным), властно-институциональным, институционально-правовым⁵. Наличие данных основных признаков обуславливает формирование производных признаков суверенитета – государственных границ и государственных символов, государственного языка и политико-правовых традиций, единого финансового и правового пространства, налоговой и таможенной систем, монопольное право государства на применение принуждения для защиты своего суверенитета и др.

Народ в государственной власти определенным образом реализует свой суверенитет. На IV Съезде народных депутатов СССР Т. М. Шамба отметил: «Единственным носителем суверенитета является народ вне зависимости от его численности. А прямым продолжением суверенитета народа является суверенитет созданного им государства, а самоопределение квалифицируется как свободное обеспечение своего экономического, социального и культурного развития, исключающее насильственное удержание одного народа под властью другого»⁶. В этом тезисе содержится критика довольно расхожей мысли, суть которой состоит в том, нации и народы суверенны в любом случае, а вот образуемые ими государства могут и не быть суверенными.

В Конституции Республики Абхазия категория «суверенитет», закрепленная в понятиях народного и государственного суверенитета, является одной из несущих конструкций при определении конституционного строя Абхазии.

В истории абхазской государственности понятия суверенного государства и народного суверенитета (народа как рабочих, крестьян и красноармейцев) впервые были закреплены в Конституции Социалистической Советской Республики Абхазии 1925 г. Как реализация социалистической демократии в условиях советской государственности идея народовластия нашла свое дальнейшее развитие в Конституциях 1937 и 1978 гг. В принятой в 1994 г. Конституции Республики Абхазия понятия государственного и народного суверенитета были последовательно конкретизированы в ее положениях, регулирующих как права и свободы человека и гражданина, так и организацию системы государственной власти и местного самоуправления.

Как известно, одним из основных признаков любого государства, а также условием его суверенитета является наличие собственной территории, на которую распространяется

1 Барциц И. Н. Государственное (конституционное) право Республики Абхазия: монография: в 2-х т. - М.: Изд-во РАГС, 2009. Т. 1. - С. 183.

2 Шамба С. М. К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании права Абхазии на независимость // Национальные интересы. - М., 2000. - № 1. - С.69.

3 Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет: история и современность. - М.: Аспект Пресс, 2013. - С. 136

4 Дзашба Ф. З. Суверенитет Абхазии: историко-правовое обоснование. - Саратов, 1995. - С. 22.

5 Барциц И. Н. Государственное (конституционное) право Республики Абхазия: монография: в 2-х т. - М.: Изд-во РАГС, 2009. Т. 1. - С. 184.

6 Шамба Т. М. Выступление на IV съезде народных депутатов СССР // Известия. - 1990. - 24 декабря.

самостоятельная деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Территория Республики Абхазия представляет собой исторически сложившееся пространство в пределах государственной границы, на которое распространяется суверенитет Республики Абхазия. Среди функций государственной власти Абхазии особое значение имеет обеспечение целостности и неприкосновенности государственной территории.

У Абхазии сегодня существует угроза территориальной целостности и самого государственного существования со стороны Грузии. Требования международного права очевидны: Устав ООН обязывает воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности государства (п. 4 ст. 2)⁷. Декларация «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» от 24 октября 1970 г., утверждает: «Каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ...»; «Территория государства не должна быть объектом военной оккупации... Территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения. Никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными...»; «Территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны». Хельсинский заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. в своих положениях провозглашает принцип нерушимости границ (как участников Соглашения, так и всех государств в Европе). Однако при этом следует признать, что данный принцип был проигнорирован, когда речь шла о поддержке западными государствами процессов разрушения Союза ССР, распада Чехословакии и Югославии, в том числе при осуществлении выхода Косова из состава Сербии.

Конституция Республики Абхазия отражает понятие «территориальная целостность» в положениях ч. 2 ст. 4: «Территория Республики Абхазия целостна, неприкосновена неотчуждаема».

Принцип территориальной целостности, который активно использовала Грузия при попытке оккупации Абхазии, не может быть использован вопреки принципу равноправия и самоопределения народов, воплощенному в Уставе ООН (п. 2 ст. 1), в качестве одной из целей: «Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира». В соответствии с ней самоопределение народов может осуществляться в различных формах, как то: создание суверенного независимого государства; свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним; установление любого другого политического статуса.

Положения Конституции Республики Абхазия о целостности и неприкосновенности ее территории являются определяющими для существования Абхазии как государства.

Сегодня вполне очевидно, что Республика Абхазия как независимое государство с помощью эффективно функционирующих органов государственной власти обеспечивает на всей территории страны необходимый правовой порядок. Для этого, Конституция Республики Абхазия 1994 г. как Основной Закон создает необходимые условия, для стремительного формирования и развития национального законодательства исходя из общепризнанных мировых стандартов.⁸

Пристатейный библиографический список

1. Барциц И. Н. Государственное (конституционное) право Республики Абхазия: монография: в 2-х т. - М.: Изд-во РАГС, 2009. - 412 с.
2. Дзапшба Ф. З. Суверенитет Абхазии: историко-правовое обоснование. - Саратов, 1995.
3. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. - М. 2001.
4. Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет: история и современность. - М.: Аспект Пресс, 2013.
5. Сангулия А. Д. Становление институтов правовой государственности Абхазии в послевоенный период // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - № 2 (81). - С. 76-80.
6. Шамба С. М. К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании права Абхазии на независимость // Национальные интересы. - М., 2000. - № 1.
7. Шамба Т. М. Выступление на IV съезде народных депутатов СССР // Известия. - 1990. - 24 декабря.

7 Подробнее см.: Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. - М. 2001. - С. 292.

8 Сангулия А. Д. Становление институтов правовой государственности Абхазии в послевоенный период // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - № 2 (81). - С. 81

КОРКМАЗОВ Алим Викторович

преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД, майор полиции

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОГО ВООРУЖЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЕСЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

В данной статье рассматриваются вопросы деятельности незаконного вооруженного формирования как преступления террористического характера, а также проблемы отграничения от смежных составов преступлений.

Ключевые слова: незаконное вооруженное формирование, терроризм, преступление террористической направленности, сообщество, смежный состав преступления.

KORKMAZOV Alim Viktorovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, police major

Коркмазов А. В.

ORGANIZATION OF OR PARTICIPATION IN AN ILLEGAL ARMED FORMATION AS A TERRORIST OFFENCE

This article deals with issues of the activities of an illegal armed group as a crime of a terrorist nature, as well as the problems of delimitation from related offenses.

Keywords: illegal armed group, terrorism, terrorist crime, community, adjacent to the crime.

На сегодняшний день среди важнейших факторов, отрицательно сказывающихся на стабильности социально-политической обстановки в ряде регионов нашего государства, отмечается деятельность незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ), получивших в последние десятилетия значительное распространение. В большинстве своем деятельность рассматриваемых нами формирований и групп осуществляется на основании религиозных убеждений, с использованием политических лозунгов и является основным проявлением преступного экстремизма. Именно по этой причине среди основных внешних опасностей, угрожающих Российской Федерации, в утвержденной Президентом 25.12.2014 г. Военной доктрине Российской Федерации № Пр – 2976, перечислены такие понятия как увеличивающаяся угроза глобального экстремизма (терроризма) и его новых проявлений в условиях недостаточно эффективного международного антитеррористического сотрудничества, так и деятельность международных вооруженных группировок; рост сепаратизма и экстремизма в отдельных регионах мира, провоцирование межнациональной и социальной напряженности, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды¹.

Учитывая тот факт, что деятельность незаконных вооруженных формирований представляет опасность не только для нашего государства, но также имеет широкое мировое распространение, а соответственно данная проблема имеет глобальный характер, имеется необходимость рассмотрения вопроса о НВФ как о проявлениях террористической деятельности. Целесообразность более глубокого изучения аспекта именно с данной позиции обусловлена количеством совершаемых террористических актов, которые носят локальный характер, то есть прослеживается тенденция к их наиболее частому совершению, как в конкретных регионах РФ, так и стран в целом. При этом следует отметить, что только вы-

явление криминологических особенностей лиц, причастных к организации НВФ и участию в нем, способно определить необходимое направление, следуя которому возможно добиться снижения количества участников рассматриваемого противоправного деяния, а соответственно и его профилактики и предотвращения.

Так, изучая организацию НВФ и участие в нем, замечено, что между авторами имеются разногласия в объективности и правомерности отнесения указанного состава преступления (ст. 208 УК РФ) к преступлениям террористического характера. На наш взгляд, при определении деятельности НВФ как относящейся к террористической, необходимо руководствоваться действующим законодательством, составляющим правовую основу противодействия терроризму, в частности Конституцией РФ, Федеральным законом «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35 – ФЗ, п. в ст. 3 которого гласит, что террористическая деятельность включает в себя организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре². То есть связь между террористической деятельностью и незаконными вооруженными формированиями прослеживается налицо. Иначе говоря, из указанного в Федеральном законе следует, что совершение либо пособничество в террористическом акте является целью организации или участия в НВФ. Однако при этом же очень важно отметить, что в силу того, что в диспозиции ст. 208 УК РФ отсутствуют какие-либо четкие указания на совершение рассматриваемого преступления для осуществления террористической деятельности, не является обязательным условием необходимость создания и участия в НВФ в террористических целях, но также и не является фактором его исключающим.

Таким образом, полагаем, что целесообразно рассмотрение каждого отдельного факта создания НВФ в разрезе

1 Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. - 30.12.2014. - № 298.

2 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СЗ РФ. - 29.07.2002. - № 30. - Ст. 3031.

осуществляемой им деятельности, поставленных целей и выполняемых задач. Учитывая изложенное, а именно тот факт, что НВФ может функционировать с целью осуществления террористической деятельности, отнесения указанного деяния к классу преступлений террористического характера в определенных случаях является обоснованным.

При этом имеет смысл отметить и проблемы, возникающие при отграничении состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, от смежных по некоторым признакам составов, вызванные наличием в уголовном законе множества норм, устанавливающих ответственность за их совершение. В частности, наиболее проблематичным является отграничение преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, от организации террористического сообщества или участия в нем (ст. 205.4 УК РФ). Так, по мнению ряда научных деятелей, введение в уголовный кодекс ст. 205.4 исключило необходимость квалификации преступления по ст. 208 УК РФ³. Существование данного мнения объясняется тем, что одним из нескольких видов террористического сообщества является НВФ, осуществляющее террористическую деятельность.

В данном случае, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09.02.2012 № 1, мы склонны полагать, что для террористического сообщества, о котором идет речь в ст. 205.4 УК РФ, характерно объединение лиц в устойчивую группу с целью осуществления деятельности террористической направленности либо для совершения иных преступлений, направленных на пропаганду и поддержание терроризма. При этом обязательное вооружение в данном случае не является обязательным признаком террористического сообщества, что объясняется возможностью осуществления террористических актов путем заражения продуктов питания, водных ресурсов, поджогов и иных способов⁴. В этом же подзаконном акте говорится, что ответственность по ст. 208 УК РФ устанавливается с целью противодействия терроризму, а значит организацию незаконного вооружённого формирования и участие в нем, несмотря на отсутствие в диспозиции нормы конкретного указания на это, следует относить к преступлениям террористического характера.

Следующим противоправным деянием, ответственность за которое предусматривается уголовным законодательством, от которого имеется необходимость отграничить состав преступления, предусмотренный ст. 208 УК, является бандитизм (ст. 209 УК РФ). Тот факт, что в большинстве случаев бандформированиями называют вооруженные объединения, совершающие нападения на отдельных людей, группы, представителей власти, политических деятелей, а также на предприятия и отдельные города и является причиной, по которой имеется необходимость в установлении разграничений между двумя вышеуказанными составами.

Проведя соответствующий анализ данной уголовно-правовой нормы мы приходим к тому, что банда является организованной группой. Именно это указано в ч. 3 ст. 35 УК РФ, имеющей такие дополнительные признаки, как вооруженность и специальная цель⁵.

Определение бандитизма возможно дать, раскрыв такие его признаки, как организованность и устойчивость. К таким признакам следует относить нацеленность на многократное совершение преступлений; обозначением ролей каждого из лиц, участвующих в совершении преступлений; сложностью, возникающая при желании выйти из банды; специальный денежный фонд, который обеспечивает нужды банды. Именно наличие всех вышеперечисленных признаков позволяют отнести банду к особому виду организованной преступной группы. А основанием для признания вооруженной группы бандой служит регулярная совместная деятельность ее участников.

Для организации незаконного вооруженного формирования устойчивость не является конститутивным признаком⁶. Помимо всего перечисленного следует указать также и то, что при необходимости отграничения рассматриваемых составов имеет смысл говорить и о характере вооруженности участников. То есть в случае наличия в пользовании хотя бы у одного участника банды оружия, таковую следует относить к вооруженным. Отличительным от НВФ фактором здесь является то, что для незаконного вооруженного формирования характерно наличие вооружения всего формирования в целом. При том, что при отсутствии вооружения само формирование утрачивает свое функциональное предназначение как таковое.

Еще одним из основных отличий банды от НВФ выступает цель ее создания. Банда создается с целью осуществления нападений на граждан или организации, а НВФ, в свою очередь, имеет совершенно другие цели, такие как политические, социально – бытовые националистические и иные.

Пристатейный библиографический список

1. ФЗ «О противодействии терроризму» (принят Государственной Думой 26 февраля 2006 года, одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 года) от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СЗ РФ. - 13.03.2006. - № 11. - Ст. 1146.
2. ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СЗ РФ. - 29.07.2002. - № 30. - Ст. 3031.
3. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. - 30.12.2014. - № 298.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09.02.2012. - № 1. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
5. Агапов П. В. Преступления против общественной безопасности, сопряженные с организованной преступной деятельностью // СПС КонсультантПлюс. - 2013. - С. 264.
6. Агапов П. В. Преступления против общественной безопасности, сопряженные с организованной преступной деятельностью // СПС КонсультантПлюс. - 2013. - С. 264.

3 Агапов П. В. Преступления против общественной безопасности, сопряженные с организованной преступной деятельностью // СПС КонсультантПлюс. - 2013. - С. 264.

4 ФЗ «О противодействии терроризму» (принят Государственной Думой 26 февраля 2006 года, одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 года) от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СЗ РФ. - 13.03.2006. - № 11. - Ст. 1146.

5 Мусаелян М. Ф. Проблемы уголовно-правовой квалификации и отграничения террористического акта от захвата заложника, организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, бандитизма, нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. Комментарий су-

дебной практики. Вып. 15 / под ред. К. Б. Ярошенко. - М.: Юридическая литература. - 2010. - С. 211.

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09.02.2012 № 1. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

ФОМИН Игорь Сергеевич

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

ШЕРХОВ Рустам Русланович

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗОВАННЫХ ГРУПП, ОБЪЕДИНЕННЫХ ПО ЭТНИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ, ИМЕЮЩИЕ ЦЕЛЬ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются характеристика противоправной деятельности группировок экстремистской направленности и процесс вербовки так называемых неофитов в местах лишения свободы, а также после их освобождения.

Ключевые слова: лица, поменявшие свою религию; причины и условия появления неофитов; экстремистские тюремные джамааты; вербовка неофитов в местах лишения свободы, а также после освобождения.

FOMIN Igor Sergeevich

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Staff of the Academy of the FPS of Russia

SHERKHOV Rustam Ruslanovich

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Staff of the Academy of the FPS of Russia

CHARACTERISTIC OF ACTIVITY OF MEMBERS OF THE ORGANIZED GROUPS UNITED ON ETHNIC GROUND, HAVING AN AIM OF EXTREMIST ORIENTATION AND TERRORIST CHARACTER IN PLACES OF DETENTION

The article considers the characteristics of illegal activities of extremist groups, the process of recruitment of the so-called neophytes in prisons, as well as after release.

Keywords: persons who have changed their religion; causes and conditions of the emergence of neophytes; extremist prison jamaats; recruitment of neophytes in prisons, as well as after release.

Фомин И. С.

Шерхов Р. Р.

Актуальность борьбы с преступными группами, сформированными по этническому принципу, а также имеющие цель экстремистской направленности и террористического характера на сегодняшний день очевидна. Об этом свидетельствует ряд социально-экономических и правовых ситуаций, наличие проблем борьбы с преступлениями этнического характера. Среди них, прежде всего, неуклонный рост числа преступлений, совершаемых гражданами России и лицами, объединенными в организованные группы экстремистской направленности и террористического характера, неэффективность применения традиционных средств и методов оперативно-розыскной деятельности в условиях повышенного криминального профессионализма.

При указанных обстоятельствах основное внимание при раскрытии преступлений, совершенных представителями различных этносов, проживающих на территории России, уделяется осуществлению мероприятий по вербовке, так называемых, неофитов в местах лишения свободы и использованию полученных сведений для возбуждения уголовного дела и привлечения виновных к уголовной ответственности¹.

Анализ проявлений экстремизма показывает ежегодный прирост количества осужденных в местах лишения свободы за совершение указанных преступлений по религиозным мотивам. Так, если в 2014 г. количество таких осужден-

ных составляло 1580 человек, в 2015 г. – 1718, в 2016 г. – 1945, то в 2017 г. – уже 2104².

В условиях стабильной динамики увеличения численности подозреваемых, обвиняемых и осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности и террористического характера, содержащихся в исправительных колониях и следственных изоляторах ФСИН России, а также обстоятельств, благоприятно влияющих на распространение ими экстремистских идей среди других лиц, изолированных от общества, складывается реальная угроза безопасности объектам уголовно-исполнительной системы.

Выявление конкретных участников группировок происходит, как правило, с помощью проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, определенных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Вследствие проведения анализа практической деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений, можно отметить, что основной опасностью в подразделениях уголовно-исполнительной системы является образование тюремных джамаатов, в которых исповедуется преимущественно радикальный ислам, представляющий собой реальную опасность, причем не местного, а мирового масштаба. В подобных группах имеется много лиц, исповедующих нетрадиционный ислам, которых ученые-исламоведы называют приверженцами «ислама упрощенного». Используя его положения, они легко объясняют и оправдывают

1 Горяинов К. К. Нейтрализация криминального влияния группировок отрицательной направленности на осужденных / К. К. Горяинов, И. Л. Хромов. М., 2005.

2 Нарусланов Э. Ф. Оперативно-розыскное противодействие религиозному экстремизму в учреждениях УИС: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 3.

собственные действия борьбой с кяфирами, или неверными. В таких джамаатах осуществляется все для популяризации радикального ислама и увеличения количества его последователей.

Мусульманскую общину в основном пополняют ущемленные в чем-либо лица или изгои, которых отвергли лица, придерживающиеся «воровских» идей и традиций. В большинстве случаев это те, кто попали в места лишения свободы за сбыт наркотических средств и психотропных веществ, изнасилование, уличенные в сотрудничестве с правоохранительными органами и т. д. Участниками тюремных джамаатов осуществляют вербовку выше указанных лиц с помощью обещаний восстановить их статус и уважение к ним, демонстраций сплоченности группы и готовности помочь ее членам в любой ситуации, но с условием, что те примут исламскую религию и будут следовать ее канонам. Рассматриваемые ряды часто пополняются неопитами, то есть лицами, ранее исповедовавшими другие религии, попавшими под влияние вербовщиков. Находясь рядом, последние уделяют все свое время объекту вербовки, поддерживая религиозный диалог, навязывая ему мысли о долге перед мусульманской общиной. Из-за слабого понимания (или абсолютного непонимания) сути и идеологии ислама в целом неопиты очень легко поддаются обработке. Немаловажную роль в этом играет и незнание арабского языка. Также, необходимо отметить, что оперативным подразделениям следует проводить взаимодействие с правоохранительными органами в силу планов взаимодействия, утверждаемых руководством исправительного учреждения. В настоящее время в России устанавливается дефицит сотрудников правоохранительных органов, знающих арабский язык. Уделяя много внимания новобранцам, вербовщики входят к ним в доверие, полностью располагая к себе, внушают бесполезность, безрезультативность его существования и они со временем начинают видеть свой долг уже не в обеспечении семьи и работе над собой, а в беспрекословном следовании исламу.

Человеку внушают, что в российских исламских учебных заведениях информация искажена, ему предлагают бросить все и уехать в Египет или другую арабскую страну под предлогом отдохнуть после отбывания наказания в колонии, ему оплачивают перелет, дают денежные средства, тем самым показывая заботу со стороны «братьев». За границами Российской Федерации неопит попадает в иную стихию, где подвергается контролю за внутрigrupповым общением. Его сознанием манипулируют посредством нейрорелигиозного программирования, а именно через подмену понятий, искажение истин и смысла фраз. Ему начинают внушать мысли о долге мусульманина совершить джихад против неверных, о том, как нужно помогать «братьям», участвующим в боевых действиях на территории ДАИШ, деятельность которого запрещена в Российской Федерации. Неопиту дают новое мусульманское имя, учат его «такия» (тому, как скрывать свою веру, чтобы стать похожим на своего врага).

Набравший опыта и научившийся основам радикального ислама неопит возвращается в Россию, после чего становится самостоятельным субъектом вербовки, под чье влияние уже попадают другие лица, в большинстве случаев из числа молодежи. Он становится более мотивированным и фанатично настроенным сторонником экстремистской и террористической идеологии, чем лица, которые будучи мусульманами, присягнули на верность террористическим организациям.

Заметное увеличение сменивших вероисповедание на Северном Кавказе вызывает серьезное опасение правоохранительных органов. Так, только за первое полугодие 2018 г. было выявлено 1058 неопитов. Начальник Главного Управления МВД России по Северо – Кавказскому Федеральному Округу Сергей Бачурин на встрече с духовными лидерами по Ставропольскому краю также отметил продолжающуюся

радикализацию общества³. Правоохранительным органам, в том числе уголовно-исполнительной системе, следует их выявлять, выводить из-под влияния радикалов, что в настоящее время пока затруднительно, так как их удельный вес постоянно растет, о чем было отмечено на заседании национального антитеррористического комитета⁴.

В результате проведенного исследования, становится очевидно, что на масштабное проявление преступных групп, объединенных по этническому признаку, а также имеющие цель экстремистской направленности и террористического характера способствует ряд факторов экономического, этносоциального, и политического характера. В связи с этим, предупреждение и профилактика преступлений организованных групп в местах лишения свободы, имеющие признаки этнической идентичности должны иметь системный характер, который должен воздействовать на все причины и условия зарождения рассматриваемых организованных групп. Тем не менее, исследование детерминантов, которые способствуют образованию и активности этнических организованных преступных групп, с последующим проявлением путей по их устранению и, как минимум, сокращению в местах лишения свободы, и тем более, на территории Российской Федерации. Такие особенности должны выявляться и исследоваться с учетом уникальности каждого субъекта Российской Федерации, каждый из которых наделен условиями, изначально, социально-экономическими, социально-демографическими и территориальными особенностями. Выше сказанное позволит более эффективно бороться с преступностью, осуществляемой организованными группами, объединенными по этническому признаку, имеющие цель экстремистской направленности и террористического характера. Пресекая главные направления активности преступной деятельности этнических преступных формирований в отдельно взятом субъекте, мы осуществляем эффективную борьбу с рассматриваемыми преступными группами в Российской Федерации в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Горяинов К. К. Нейтрализация криминального влияния группировок отрицательной направленности на осужденных / К. К. Горяинов, И. Л. Хромов. М., 2005.
2. Заседание антитеррористической комиссии в Республике Тыва: Форум on-line конференции «Заседание антитеррористической комиссии в Республике Тыва» 2 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/atk-v-regionah/zasedanie-antiterroristicheskoy-komissii-v-respublike-tyva.html>.
3. Нарусланов Э. Ф. Оперативно-розыскное противодействие религиозному экстремизму в учреждениях УИС: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
4. Рост числа неопитов на Северном Кавказе вызывает опасение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etokavkaz.ru/news/49534?utm_source=pikabu.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=pikabu_ref.
3. Рост числа неопитов на Северном Кавказе вызывает опасение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etokavkaz.ru/news/49534?utm_source=pikabu.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=pikabu_ref.
4. Заседание антитеррористической комиссии в Республике Тыва: Форум on-line конференции «Заседание антитеррористической комиссии в Республике Тыва» 2 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/atk-v-regionah/zasedanie-antiterroristicheskoy-komissii-v-respublike-tyva.html>.

ШАМСУТДИНОВ Ринат Рустемович

аспирант Уфимского государственного авиационного технического университета

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТЬЮ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются правовые аспекты безопасности информационных активов, а также нормативно-технические документы, регламентирующие требования к управлению безопасностью информационных активов, состав и содержание мер безопасности.

Ключевые слова: информация, управление безопасностью, информационные технологии, правовая защита информации, Российская Федерация, безопасность информационных активов.

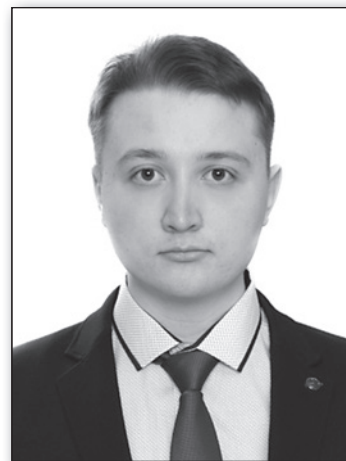
SHAMSUTDINOV Rinat Rustemovich

postgraduate student of the Ufa State Aviation Technical University

LEGAL ASPECTS OF INFORMATION TECHNOLOGY SECURITY MANAGEMENT

The article examines the information asset security legislative provision. The article also discusses regulatory and technical documents governing the requirements for managing the security of information assets, the composition and content of security measures.

Keywords: information, security management, information technologies, information security legislative provision, Russian Federation, information assets security.

Шамсутдинов Р. Р.

В настоящее время роль информационных технологий в обществе невозможно переоценить. С использованием вычислительной техники обрабатываются огромные массивы самых разнообразных данных. Безопасность этих данных, целостность обрабатываемой их инфраструктуры и доступность информационных сервисов является необходимым условием существования современного правового государства. Нормативное регулирование вопросов управления безопасностью в данной области является ключевым аспектом.

Рассмотрим правовые аспекты защиты информационных активов в РФ. Актив – это то, что имеет ценность для владельца. «Информация – сведения независимо от формы их представления»¹. Информационный актив (ИА) – актив информационного характера. К ИА относят и информацию, и средства ее обработки, передачи, хранения.

В РФ защищаемая законом информация ограниченного доступа включает конфиденциальную информацию, и информацию, составляющую государственную тайну (ГТ) РФ – «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации...»². Конкретный перечень информации, отнесенной к ГТ определяется Указом Президента РФ «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» от 30.11.1995 № 1203.

Доступ к ГТ осуществляется согласно мандатной политике: каждому объекту присваивается уровень секретности («секретно», «совершенно секретно», «особой важности»), каждому субъекту присваивается уровень допуска («первый», «второй», «третий»). Третий уровень допуска разреша-

ет доступ к информации с грифом «секретно», второй – «секретно» и «совершенно секретно», первый – к информации любого уровня секретности. В РФ иностранному гражданину может быть предоставлен допуск к ГТ, причем предоставление ему, к примеру, третьего уровня допуска разрешит ему доступ ко всей информации с грифом «секретно», а не к ограниченной части такой информации³. К примеру, в Великобритании существуют специальные дескрипторы, определяющим сферу, к которой данная информация относится: «бюджет», «коммерческий», «награды» и т.д., а также пометки, указывающие, какое гражданство должны иметь лица для допуска к данной информации, среди них: «UK EYES ONLY» – только для граждан Великобритании; «CANUKUS EYES ONLY» – только для граждан Великобритании, Канады и США и т.д.⁴

Конфиденциальная информация в Российской Федерации определена Указом Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера».

Защита персональных данных осуществляется в соответствии с Конституцией РФ, гарантирующей неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Согласно Постановлению Правительства от 01.11.2012 N 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» выделяется 4 категории ПДн: специальные, биометрические, общедоступные, иные. Данное Постановление определяет актуальные типы угроз для ПДн, выделяет 4 уровня защищенности ПДн, опре-

1 Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (02.12.2018). Ст. 2.

2 О государственной тайне: федер. закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (02.12.2018). Ст. 2.

3 Шамсутдинов Р. Р. Сравнительный анализ правовой защиты государственной тайны в Российской Федерации и в Великобритании // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 11 (102). – С. 97.

4 Журавленко Н. И. Организация защиты информации в развитых зарубежных странах: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 197.

делает организационно-технические требования к обеспечению каждого из уровней.

Статья 161 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ обеспечивает конфиденциальность данных предварительного расследования. Безопасность коммерческой тайны обеспечивается Федеральным законом «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ, согласно положениям которого, коммерческой тайной является информация, которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, в отношении которой введен режим коммерческой тайны, которая не является общедоступной. Данным законом также устанавливается перечень информации, не относимой к коммерческой тайне⁵.

Отдельные виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности ИА в РФ, подлежат обязательному лицензированию, согласно ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ, которые включают деятельность по производству и распространению криптографических (шифровальных) средств; производству средств защиты конфиденциальной информации; производству, распространению, приобретению с целью продажи средств негласного получения информации, а также деятельность по выявлению таких средств, осуществляемая в интересах третьих лиц; технической защите конфиденциальной информации.

Среди основных нормативно-технических документов РФ, регулирующих управление безопасностью информационных технологий можно выделить стандарты серии 27000, руководящие документы Федерального службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) Российской Федерации.

ГОСТ Р ИСО/МЭК 27000-2012 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Общий обзор и терминология» содержит обзор семейства стандартов Системы менеджмента информационной безопасности (СМИБ); введение в СМИБ, термины и определения. Согласно положениям данного документа, относительно СМИБ менеджмент включает в себя наблюдение и выработку решений, необходимых для достижения деловых целей посредством защиты ИА организации. Менеджмент информационной безопасности выражается через формулирование и использование политики информационной безопасности, стандартов, процедур и рекомендаций, которые применяются совместно в организации всеми лицами, связанными с ней.

Общие требования устанавливаются национальным стандартом ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2006. Здесь требуется существование СМИБ в бесконечном цикле Деминга: планирование, реализация, мониторинг, модернизация⁶. Также необходимо отметить существование национальных стандартов РФ, содержащих общие рекомендации касательно СМИБ: ГОСТ Р ИСО/МЭК 27002-2012, ГОСТ Р ИСО/МЭК 27003-2012, ГОСТ Р ИСО/МЭК 27004-2011, ГОСТ Р ИСО/МЭК 27005-2010, ГОСТ Р ИСО/МЭК 27007-2014.

Приказом ФСТЭК РФ №31 от 14 марта 2014 г. «Об утверждении требований к обеспечению защиты информации в автоматизированных системах управления производственными и технологическими процессами на критически важных объектах, потенциально опасных объектах, а также объектах, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды»

(далее – Приказ ФСТЭК №31) устанавливаются уровни значимости информации, обрабатываемой в таких автоматизированных системах управления (АСУ). Исходя из уровня значимости определяется класс защищенности АСУ. Вводятся три класса защищенности, соответствующие трем уровням значимости информации. Для каждого класса Приказ ФСТЭК № 31 определяет состав мер защиты информации и их базовые наборы, включая требования к идентификации и аутентификации, управлению доступом и т.д.

Приказ ФСТЭК РФ № 17 от 11 февраля 2013 г. «Об утверждении требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» аналогично выше рассмотренному приказу устанавливает классы защищенности информационной системы в зависимости от уровня значимости обрабатываемой информации. А также определяет конкретный перечень организационных и технических мер, необходимых для обеспечения конкретного класса защищенности. Приказ ФСТЭК РФ №21 от 18 февраля 2013 г. устанавливает состав и содержание организационных и технических мер по обеспечению безопасности ПДн при их обработке в информационных системах персональных данных (ИСПДн) для каждого уровня защищенности (УЗ) ПДн.

Другими руководящими документами (РД) ФСТЭК РФ определяется классификация средств вычислительной техники, автоматизированных систем по требованиям безопасности; программного обеспечения по уровню контроля отсутствия недеklarированных возможностей; межсетевых экранов, средств обнаружения вторжений, средств антивирусной защиты и др. В этих РД хорошо определяются классы тех или иных средств обработки и хранения информации, а также средств ее защиты. Выделено то, какие именно классы тех или иных систем обработки или защиты должны быть применены для каждого класса защищаемых информационных систем.

Однако согласно Совместному Приказу ФСТЭК России, ФСБ России и Минкомсвязи России от 31 декабря 2013 г. № 151/786/461 разделение далее – ИСПДн на классы более не применяется. Как говорилось в данной статье ранее, ИСПДн классифицируются по уровням защищенности ПДн. РД ФСТЭК РФ, регламентирующие применение средств межсетевого экранирования, учитывают этот момент. А РД, регламентирующие применение систем обнаружения вторжений, средств антивирусной защиты, не учитывают и являются устаревшими по отношению к защите ПДн.

Таким образом, в законодательстве РФ рекомендуется введение ограничения доступа к ГТ не только согласно уровню допуска, но также и в зависимости от сферы применения информации и от доступности ее для граждан иностранных государств, получивших законный доступ к ГТ РФ. Также рекомендуется обновление таких документов как Информационное сообщение ФСТЭК РФ «Об утверждении требований к системам обнаружения вторжений», Информационное сообщение ФСТЭК РФ «Об утверждении требований к средствам антивирусной защиты» от 30 июля 2012 г. N 240/24/3095 касательно требований о применении средств защиты к ИСПДн в зависимости от необходимого уровня защищенности ПДн при их обработке в ИСПДн, а не от классов защищенности ИСПДн.

Пристатейный библиографический список

1. Журавленко Н. И. Организация защиты информации в развитых зарубежных странах: учебное пособие / Н. И. Журавленко. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
2. Шамсутдинов Р. Р. Сравнительный анализ правовой защиты государственной тайны в Российской Федерации и в Великобритании // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 11 (102).

5 О коммерческой тайне: федер. закон РФ от 29.07.2004 № 98-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (02.12.2018). Ст. 5.

6 ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2006: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2006 г. № 375-ст.

РАВОЧКИН Никита Николаевич

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института

СОКОЛОВ Сергей Валентинович

представитель педиатрического факультета Кемеровского государственного медицинского университета

ГАЙДАЙ Александр Валерьевич

представитель лечебного факультета Кемеровского государственного медицинского университета

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО В РОССИИ: ТЕОРИЯ И СОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ ОТРАСЛИ

В статье предпринимается попытка анализа создания единой отрасли медицинского права в целях преодоления разрозненных представлений о нем. Обращается внимание на историю и современное понимание права и медицины в их синкретизме.

Ключевые слова: медицинское право, норма права, медицина, здравоохранение, отрасль.

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Law and humanitarian disciplines sub-faculty of the Kemerovo State Agricultural Institute

SOKOLOV Sergey Valentinovich

co-worker of the Pediatric Faculty of the Kemerovo State Agricultural Institute

GAYDAY Aleksandr Valerjevich

co-worker of the Pediatric Faculty of the Kemerovo State Agricultural Institute

MEDICAL LAW IN RUSSIA: THEORY AND SINGLE BRANCH CREATION

The article attempts to analyze the creation of a single branch of medical law in order to overcome disparate ideas about it. Attention is paid to the history and modern understanding of law and medicine in their syncretism.

Keywords: medical law, rule of law, medicine, health care, branch.

Содержание понятия «квалифицированная медицинская помощь», как и проблема оказания ее оказания, приобретает наибольшее значение для здравоохранения России в современной действительности. Медицина требует новых стандартов в оценках качества оказания медицинской помощи. Требуемые нововведения и их реализация, вне сомнения, зависят и от правовой системы, тем более, в контексте становления самого медицинского права, относимого различными специалистами не к отдельной отрасли права, но к подотраслям гражданского, административного, а в ряде случаев – административного, трудового и даже уголовного. Конечно, такая «нестройная разнесенность» норм медицинского права требует создания некоторого целостного конструкта, который ждет своего часа и коллег, претендующих на целое научное открытие. В данной работе мы ограничимся теоретическими аспектами оформления медицинского права. Все чаще взаимоотношения, складывающиеся между медицинским работником и пациентом, имеют под собой правовую основу. Такие отношения возникают между медицинским учреждением и пациентом, где предоставляется бесплатная медицинская помощь, и не попадают под нормы гражданских правоотношений¹. Корректное применение правовых

норм, как и знание законов, являются важной составляющей профессионализма медицинских работников, позволяя им эффективно реализовывать свои права и обязанности, не нарушая свобод пациента². А взаимоотношения медицинского персонала зависят не только от морально-правовых норм, но и от профессионально слаженной деятельности медицинских работников, поскольку они приурочены не только к пациентам, но и к коллегам³. Генеральной конференцией ЮНЕСКО принята всеобщая декларация о правах человека. В ней указано, что разработки в области науки должны содействовать доступности качественно оказываемой медицинской помощи. Современная наука представляет большое

Равочкин Н. Н.

Соколов С. В.

Гайдай А. В.

1 Вильгоненко И. М., Слепенюк Ю. Н. Правовое регулирование обязательств по оказанию медицинских услуг в системе гражданско-правовых отношений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018.

2 Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В., Поспелова С. И., Каменская Н. А. Медицинское право в России: этапы становления и перспективы развития // Медицинское право: теория и практика. 2016.

3 Денисова С. Д., Яскевич Я. С. Биомедицинская этика: Практикум. Минск: БГМУ, 2011.

количество теорий генезиса науки. Исходя из современного понимания, вся совокупность научных направлений зарождается из философского миропонимания. Имеющийся спектр целей возможно достигнуть при помощи исследования научных теорий и решения определенных задач. Методология является основой любого научного исследования, следовательно, она должна обращаться к синкретизму «теория – практика»⁴.

Предположим, что в современном прочтении медицинское право представляет становящийся комплексный институт. Также с позиции диалектики идей необходимо учитывать, каждый структурный элемент социальной системы не может быть полностью завершен⁵. Создаются и изменяются принципы правовой и этической безопасности оказания медицинской помощи. Создание различных рекомендаций выделяет еще одну значимую проблему для здравоохранения – доступность медицинской помощи. Современный научно-методологический плюрализм на гранях медицины и права основывается, прежде всего, на принципах биомедицинской этики. Например, актуализируются требования в области регулирования биомедицинских исследований. На протяжении длительного времени эти исследования регламентировались исходя из моральных принципов экспериментаторов. Эксперимент объединяет характеристики многочисленных аспектов научной деятельности, это указывает на многообразие сторон его природы⁶. Социуму необходим документ, регулирующий все действия клиницистов с нормативно-правовой стороны. На 18й Генеральной ассамблее Всемирной медицинской ассоциации в 1964 г. принята декларация «Рекомендации для врачей по проведению биомедицинских исследований с участием человека в качестве объекта исследования». В 1975 г. произведен первый пересмотр декларации, где изменилось требование о заблаговременном утверждении протокола этическим комитетом для возможности проведения клинических испытаний⁷. С древних времен врачам известно, что наука о здоровье человека не ограничивается только этими возможностями, но и подразумевали определенные отношения между врачом и пациентом: от заботы о состоянии здоровья и вплоть до этического, законодательного урегулирования врачебной практики⁸. При изучении нормативно правовых актов в днепропетровской Руси то во многих из них отражены положения, которые в современном обществе допустимо рассматривать как «защита прав пациентов». Нормы права, применяемые в области охраны и здоровья населения, регулируют взаимоотношения, попадающие под различные действия публичных и частных отраслей медицинского права. С каждым годом медицинская деятельность приобретает новые особенности, а феномен охраны здоровья выходит на первый план правового воздействия. Одновременно с этим отсутствует однозначная правовая черта и, напротив, присутствует разнообразие научных сторон в дискуссии поставленной задачи⁹.

Медицинская деятельность представляет сложную структуру в основе которой лежит сохранение здоровья,

предупреждение развития заболеваний, облегчение страданий, спасение жизни человека. Сама многогранность и обширный круг направлений медицинской деятельности нуждается в обобщении и выделения такой науки как медицинское право. Определенный круг понятий включает и правовое регулирование, которое является в свою очередь предметом медицинской деятельности. Рост объема оказываемых медицинских услуг за последние годы является следствием развития частных субъектов медицинской деятельности. В связи с этим формируется единая система правового регулирования, что и определяет урегулирование правоотношений граждан при оказании медицинских услуг. Отсюда следует, что регламентированная медицинская деятельность обозначается в виде императивных методов регулирования. Отношения регулируются и ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Закон характеризует особенность определенных видов медицинских услуг¹⁰. Многие мнения в концепции медицины и здравоохранения требуют уточнения правового регулирования. Оказание медицинской помощи в стационаре или в поликлинике требуют своего определенного правового регулирования, что должно соответствовать высокой гуманности в структуре повышения качества жизни и здоровья населения. Проблема заключается в том, что многие исследователи дают множественные интерпретации определяющих понятий: «здравоохранение», «медицинская деятельность», «медицинская помощь».

Регулирование прав граждан в сфере здравоохранения представлены широким понятием, что включает в себя общность государственной обязанности и прав гражданина. В советское время урегулирование медицинской деятельности со стороны правовых структур реализовывалось непосредственно административно-правовыми нормами. Фактически, административное право имело решающее значение для решения правовых вопросов в области здравоохранения. Следует отметить, что законодательство здравоохранения представляет структурный комплекс, затрагивающий обширный круг взаимоотношений в основу которого входит социальная принадлежность к конкретной правовой отрасли¹¹. Поэтому особую значимость приобретают нормы представленные во введении работы отраслей права. Медицинское право изолировано определенной сферой деятельности, и, в отличие от представленных отраслей права, характеризует прикладную отрасль. Медицинское право соединяет законодательный ряд регулирования отношений фундаментальных отраслей и является «специализированным законодательством»¹². Исходя из сущности медицинского права, сторона правового социального обеспечения не совпадает с формированием стойкой правовой природы медицинской деятельности. Медицинское право расценивается неопределенно и предполагается его систематическая оценка при необходимости. С другой стороны медицинское право представляет единую взаимосвязь множества частей и обоснованно претендует на самостоятельное существование. Охрана здоровья сливается в единую структуру общественного и социального общества как комплексная структура медицинского права. По многочисленным мнениям юристов нельзя принимать во внимание медицинское право как комплексную структуру права.

4 Ткаченко П. В., Липатов В. А., Привалова И. Л., Северинов Д. А., Хмаро Н. И. Этико-правовые аспекты экспериментальной практики // Innova. 2016.

5 Радченко М. В. Медицинское право как составляющая гуманитарной отрасли права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011.

6 Ткаченко П. В., Липатов В. А., Привалова И. Л., Северинов Д. А., Хмаро Н. И. Этико-правовые аспекты экспериментальной практики // Innova. 2016.

7 Там же

8 Денисова С. Д., Яскевич Я. С. Биомедицинская этика: Практикум. Минск: БГМУ, 2011.

9 Козодаева О. Н. Медицинское право: особенности правового регулирования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011.

10 Вильгоненко И. М., Слепенюк Ю. Н. Правовое регулирование обязательств по оказанию медицинских услуг в системе гражданско-правовых отношений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018.

11 Глуценко А. Н. К вопросу об административно-правовом регулировании здравоохранения в Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012.

12 Рабев А. М. К вопросу о формировании и дальнейшем развитии понятия медицинского права в Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2013.

Так как в современном научном сообществе имеются разногласия о наличии комплексных отраслей. Тем не менее, отсутствие комплексных отраслей указывает лишь о малоразвитости социальных и общественных сфер.

Конституция РФ предполагает оказание медицинской помощи и охрану здоровья населения за средства бюджета, как и другие НПА, устанавливает ответственность за сокрытие фактов, представляющих угрозу для здоровья и жизни населения, нацелена на организацию и проведение мероприятий по поводу укрепления и профилактики здоровья. Право на медицинскую помощь и охрану здоровья населения имеет глубокие исторические корни. Важно заметить, что касаясь норм международного права государственная власть вправе производить политику по укреплению и сохранению здоровья населения, но люди вынуждены проявлять ответственность за свое здоровье. Следовательно, здоровье человека обобщает множество положений, которые зарождаются в разных странах мира с конституционным правовым порядком. Государственной Думой РФ сегодня принимаются новые законы, которые захватывают разработку Медицинского кодекса РФ, что будет входить в законодательную базу России об охране здоровья и оказании медицинской помощи населению¹³. Вполне вероятно, что неотъемлемые части медицинского права со всей сложностью взаимоотношений, все еще находится на этапе разработки для последующего применения определенных программные модели, направленных на профилактику различных заболеваний, повышения уровня жизни, повышения рождаемости и предоставления гражданам бесплатной медицинской помощи¹⁴. Итак, в России медицинское право формирует определенную науку с целью формирования законодательной базы о здравоохранении с перипетиями оказания качественных услуг. В качестве «обобщенного предмета» правового регулирования в медицинском праве отображено осуществление медицинской деятельности в совокупности с общественными отношениями. Действительно, медицинское право даже выходит в фазу своего «просвещения» через преподавание в ряде вузов с целью подготовки профессионалов в сфере здравоохранения. Уже очевидно, что медицинское право охватывает большой круг комплексного правового регулирования при помощи разнообразных структур и реализовывает социальное и политическое значение отношений общества в области охраны здоровья населения¹⁵. Медицинская деятельность подразумевает охрану здоровья и жизни населения. Здоровье и жизнь занимает самую верхнюю ступень в системе ценностей среди красоты, гармонии, идеала, смысла, нравственности, счастья¹⁶. Правоотношения по своей природной характеристике представляют сложную структурированную модель в сфере медицинской деятельности, не выходящие за пределы правового регулирования, но предопределяют неоднородность и в своей мере определенную комплексность. Возможно, что для возникновения определенных отношений в сфере медицинской деятельности необходим характерный императивный метод регулирования. Мы считаем, что в скором времени медицинское право со всеми своими сложностями и непониманием приобретет характерное направление единой и мощной структурированной отрасли, а НПА перестанут трактоваться с позиций гражданского общества. Конечно,

имеются определенные пробелы и противоречия, регламентирующие правовое регулирование обязательного медицинского страхования при участии коммерческих страховщиков, оказание платных медицинских услуг и добровольного медицинского страхования. Именно поэтому необходимо создание четкой теории и пересмотр медицинского законодательства для систематизации и структуризации медицинского права, воспитании здорового правосознания как самих граждан, так и медицинских работников, но и неоднозначности не только при его восприятии, но и для нивелирования возможных вопросов и убеждений о его не-существовании в нашем государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Банникова И. Г. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: содержание и историческая ретроспектива // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 2 (6). С. 51-55.
2. Вильгоненко И. М., Слепенюк Ю. Н. Правовое регулирование обязательств по оказанию медицинских услуг в системе гражданско-правовых отношений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 4 (57). С. 101-104.
3. Глушченко А. Н. К вопросу об административно-правовом регулировании здравоохранения в Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 29 (288). С. 93-97.
4. Денисова С. Д., Яскевич Я. С. Биомедицинская этика: Практикум. Минск: БГМУ, 2011. 255 с.
5. Елина Н. К. К вопросу о месте медицинского права в системе Российского права // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1. С. 102-107.
6. Козодаева О. Н. Медицинское право: особенности правового регулирования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 6 (98). С. 247-251.
7. Рабец А. М. К вопросу о формировании и дальнейшем развитии понятия медицинского права в Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2013. № 1 (2). С. 16-21.
8. Радченко М. В. Медицинское право как составляющая гуманитарной отрасли права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 6 (223). С. 81-83.
9. Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В., Поспелова С. И., Каменская Н. А. Медицинское право в России: этапы становления и перспективы развития // Медицинское право: теория и практика. 2016. Т. 2. № 1 (3). С. 13-21.
10. Ткаченко П. В., Липатов В. А., Привалова И. Л., Северинов Д. А., Хмаро Н. И. Этико-правовые аспекты экспериментальной практики // Innova. 2016. № 1 (2). С. 29-35.

13 Радченко М. В. Медицинское право как составляющая гуманитарной отрасли права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011.

14 Банникова И. Г. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: содержание и историческая ретроспектива // Вестник Пензенского государственного университета. 2014.

15 Козодаева О. Н. Медицинское право: особенности правового регулирования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011.

16 Елина Н. К. К вопросу о месте медицинского права в системе Российского права // Юридический аналитический журнал. 2006.

РОСТОКИНСКИЙ Александр Владимирович

доктор юридических наук, старший научный сотрудник Федерального центра образовательного законодательства

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СРЕДНЕГО И СРЕДНЕ-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена анализу проблем формирования правовой культуры обучающихся организаций среднего и средне-профессионального образования разными учеными России: правовой культуры и правового воспитания, как важнейших факторов развития личности современного юношества, пресечения типов правовой деформации правосознания обучающихся, педагогическому инструментарию правового воспитания, исследованию факторов результативности правового воспитания молодежи средствами использования интернет-ресурсов, особенностей индивидуальной воспитательно-профилактической работы с трудными, педагогически запущенными обучающимися, меры по профилактике неправомерного поведения, изучению законодательной базы воспитания молодежи, исследованию факторов подготовки педагогических кадров к правовому воспитанию обучающихся в новых условиях России, исследованием авторских программ как инструментов формирования правовой компетентности и правовой культуры обучающихся среднего и средне-профессионального образования. Настоящая статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Эмпирико-теоретическое научное исследование по выявлению скрытой образовательной мотивации обучающихся в целях разработки современного адаптированного профориентационного стандарта работы педагогических работников в рамках проведения дополнительных образовательных мероприятий, на основании данных, полученных в ходе проведения Юридического форума для учащихся образовательных учреждений «Право для школьников» в рамках Государственного задания Федерального центра образовательного законодательства на 2018 год.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, правовое воспитание, правомерное поведение, профилактика преступности несовершеннолетних; правовое сознание; правовая культура.

ROSTOKINSKIY Aleksandr Vladimirovich

Ph.D. in Law, senior scientific researcher of the Federal Center for Educational Legislation

FEATURES OF LEGAL CULTURE FORMATION TRAINING IN ORGANIZATIONS OF SECONDARY AND SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION

The article is devoted to the analysis of problems of formation of legal culture of students of secondary and secondary professional education by different scholars of Russia: legal culture and legal education as the most important factors of development of the personality of modern youth, suppression of types of legal deformation of legal consciousness of students, pedagogical tools of legal education, research of factors of efficiency of legal education of youth by means of use of Internet resources, features of individual educational and preventive work with difficult, pedagogically neglected students, measures to prevent misconduct, the study of the legal framework of education of young people, the study of factors of training of teaching staff to the legal education of students in the new conditions of Russia, the study of copyright programs as a tool for the formation of legal competence and legal culture of students of secondary and secondary vocational education. This article is prepared in the framework of the research work on «Empirical-theoretical research study to identify the hidden educational motivation of students in the development of modern adaptive vocational standard of work of pedagogical workers in the framework of additional educational activities on the basis of the data obtained in the course of the Legal forum for the students of educational institutions "Right for school» in the framework of the State task of the Federal center of educational legislation in 2018 year.

Keywords: secondary professional education, legal education, lawful behavior, prevention of juvenile delinquency; legal consciousness; legal culture.

Модернизация профессионального образования сегодня выступает как данность для изменения ряда классических подходов к системе подготовки специалистов со средним профессиональным образованием. Среди проблем, связанных с увеличением эффективности воспитания молодежи, особое место имеют вопросы развития правового сознания и правовой культуры юношей и девушек. Эта тема является особенно актуальной в свете совершающихся в последние десятилетия изменений:

- новые явления в общественно-политической, экономической жизни демократической России, следующей путем рыночных отношений, сопровождаются большим числом правовых отношений и их усложнением;
- происходит криминализация российского общества (коррупция, взяточничество, др.);
- при примерно стабильном уровне преступности несовершеннолетних, доля тяжких и особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних возрастает. Молодое поколение

часто неверно оценивают правовые ситуации, в которых они оказались, избирают неверный вариант поведения¹;

– отмечается тенденция к омоложению преступности.

Согласно Г.А. Фирсову дальнейшее продвижение России по пути становления демократического правового государства предусматривает только качественные изменения в развитии системы правового обучения и воспитания обучающихся профессиональных образовательных учреждений, это приведет к увеличению общего уровня востребованности правовых знаний². По мнению автора в настоящее время важ-

1 Осипова А.М. Правовое воспитание в системе профессионального образования: опыт и проблемы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.metod-kopilka.ru/pravovoe_vospitanie_v_sisteme_professionalnogo_obrazovaniya_opyt_i_problemy-52000.htm.

2 Фирсов Г. А. Формирование правовой культуры в учреждениях профессионального образования // Автореф. диссерт...докт. педагог.наук. – Москва, 2006. – 25 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/>

но разработать многоуровневую модель содержания правовой культуры обучающихся профессиональных образовательных учреждений, обозначить технологии и комплексное методическое сопровождение обновленного содержания правового обучения и воспитания студентов профессиональных образовательных учреждений.

Много исследователей в России работают по заявленной нами в статье тематике. Л.И. Мищенко, А.Ю. Мамкин рассматривают правовую культуру, как важный фактор развития личности современного юношества, отражающееся в законопослушности на уровне общественной жизни³. В правовой культуре личности авторы выделяют - правосознание личности; привычку к законопослушному поведению; правовую активность человека, отражающуюся в его навыках и умениях успешного применения законных и нравственных методов достижения поставленных человеком целей. Доказывается, что развитие правовой культуры у современной молодежи происходит, как в обучении, так и во внеаудиторной работе и общественных отношениях учащихся. Показывает свою результативность использование как «веб-квест» технологий, так и реальных «квестов» для повышения правовой культуры молодежи, развитию общих компетенций, усиления компьютерной грамотности обучающихся. Выведены методические приемы использования «веб-квест» технологии. Раскрыт потенциал для усиления правовой культуры обучающихся в рамках «правовой клиники», когда обучающиеся помимо того, что усиливают свою правовую грамотность, еще и оказывают помощь незащищенным слоям населения.

К.С. Ядрышников анализирует качества обучающихся, приобретающих среднее профессиональное образование неюридического профиля (возраст, профессиональная направленность образовательной деятельности, вовлеченность в правовую деятельность)⁴. Автором вводится авторская классификация проблем, с которыми работают педагоги в развитии правовой культуры обучающихся образовательных организаций среднего профессионального образования (вопросы осознания важности правовой культуры; учета особенностей субъектных характеристик обучающихся в развитии их правовой культуры; перечня образовательного контента исходя из особенностей получаемой профессии). Автором установлено, что пресечение видов правовой деформации правосознания современной молодежи наблюдается в применении особо выбранного для этого педагогического инструментария (кейс-технологии, др.). В целом, развитие правовой культуры обучающихся в образовательных учреждениях среднего профессионального образования - это очень сложный процесс. Педагог должен владеть комплексом педагогических компетенций:

1) профессиональной деятельностью компетенцией или особыми юридическими знаниями и навыками правоприменения, тогда знания обучающимся преподаются без искажений, преподавателем вводится алгоритм действий в разных правовых ситуациях;

dissertaciya-formirovanie-pravovoy-kultury-v-uchrezhdeniyah-professionalnogo-obrazovaniya#ixzz5bnBhklR4.

3 Мищенко Л. И., Мамкин А. Ю. Психолого-педагогические аспекты формирования правовой культуры обучающихся СПО // Педагогика и психология образования - 2018 - Том 4. - Выпуск №2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rmedicine.ru/journal/article/1398/>

4 Ядрышников К. С. Проблемы формирования правовой культуры у студентов среднего профессионального образования // Общество: социология, психология, педагогика. - 2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-pravovoy-kultury-u-studentov-srednego-professionalnogo-obrazovaniya>.

2) профессиональной социальной компетенцией, преподаватель, используя профессиональную этику общения с обучающимися, на уровне обучающихся заявляет проблему и обсуждает её не навязывая личного мнения (изучение вопроса введения моратория на смертную казнь в России, др.);

3) индивидуальной компетенцией или постоянное профессиональное совершенствование преподавателя (еженедельный мониторинг правовой информации, др.).

Опыт К.С. Ядрышникова по формированию у обучающихся правовой культуры высокого уровня полезен для использования в других образовательных организациях (колледжах, высшей школе, др.).

Другой труд К.С. Ядрышникова посвящен проблеме правового воспитания студентов образовательных организаций среднего профессионального образования, педагогическому инструментарию правового воспитания, факторам результативности правового воспитания молодежи посредством использования интернет-ресурсов⁵. Интернет-ресурсы в виде СМИ, интернет-сайтов, аккаунтов в социальных сетях могут сформировать у молодежи положительное отношение к праву, культуре, но могут и иметь отрицательную нигилистическую окраску. Студентам по возрасту, уровню развития трудно анализировать пеструю палитру интернет-ресурсов, поэтому целями преподавателя становится предоставление учащимся адекватной альтернативы нигилистической концепции отрицания важности правовых норм и в целом, правового государства - фундамента всякого цивилизованного общества. Есть необходимость в создании интернет-ресурсов по формированию правовой культуры, которые должны стать большим положительным опытом внедрения правового воспитания обучающихся в рамках образовательных организаций среднего профессионального образования. Миссией интернет-ресурсов должна стать пропаганда правовой грамотности и правовой культуры среди обучающихся образовательных организаций России.

Такого рода сайты должны развивать у обучающихся определенный уровень правовой грамотности, правового мышления, должного восприятия правовой среды; информировать учащихся о специфических особенностях законодательной системы РФ; давать обучающимся знания о правоохранительных органах России, правах и обязанностях по Конституции РФ, другим нормативным актам РФ, важности соблюдения законодательства, отрицательных последствиях его нарушения; развивать у студентов способности высказаться на ту или иную правовую тематику. Обучающиеся через администратора интернет-сайта могут самостоятельно формировать его содержательную часть, быть авторами небольших заметок и публикаций. Такая работа должна закрепить такие меры правового воспитания обучающихся как - знание права, познавательную-правовую активность; развивать правовую убежденность, чувство законности; социально-правовую активность молодежи. Создание подобных интернет-ресурсов для студентов есть важный инновационный педагогический инструментарий, результативный педагогический ресурс для преподавателей, занимающихся правовым воспитанием обучающихся среднего профессионального образования и образовательных организаций иных видов⁶.

Л.А. Лапина, М.А. Машкова в своей статье рассматривают нравственно-правовое воспитание как основную ком-

5 Ядрышников К. С. Интернет-ресурс как педагогический инструмент правового воспитания обучающихся среднего профессионального образования // Образование и воспитание. - 2016. - №1. - С. 91-94.

6 Там же.

понент профилактики преступности несовершеннолетних в образовательных организациях среднего профессионального образования⁷. Авторы приводят особенности индивидуальной воспитательно-профилактической работы с трудными, педагогически запущенными обучающимися, меры по профилактике неправомерного поведения. Согласно авторам, коррекционно-профилактическая работа должна строиться в тесной связи учебных заведений, семьи, государственных органов и учреждений, досуговой среды, всех общественных организаций. Авторами рекомендуется активное приобщение подростков к участию в воспитательных мероприятиях, работе в общественных организациях. При работе с обучающимися важно обеспечить строгий контроль за их посещаемостью, поведением во внеучебное время. Значимо проведение индивидуальных профилактических бесед с обучающимися, их вовлечение в общественную деятельность, развивающие здоровые интересы, положительную самореализацию учащихся, устойчивые представления о правомерном поведении, преодоление своих негативных качеств.

Л.В. Скорикова анализирует законодательную базу по вопросам воспитания молодежи, подготовку педагогических кадров к воспитанию в новых условиях в России⁸. Автор подчеркивает, что в начале 90-х годов имелся законодательный вакуум, большинство документов были созданы только к концу XX века. В становлении и совершенствовании нормативно-правовой базы сегодня предприняты только первые шаги. Эта работа нуждается в дальнейшем совершенствовании. Автор согласен с мнением Санкт-Петербургских ученых, о том, что в настоящее время в законодательном закреплении нуждаются: принципы государственной политики по вопросам воспитания молодого поколения; права и обязанности учреждений образования разных типов и уровней; требования к профессиональной подготовке педагогических кадров к выполнению воспитательной деятельности в современных условиях.

Р.Т. Кашапов приводит авторскую модульную программу как инструмент формирования правовой компетентности и правовой культуры обучающихся организаций среднего и средне-профессионального образования⁹. Л.В. Вехова, Е.И. Кабанова так же разбирают формирование в среднем профессиональном образовательном учреждении правовой культуры студентов средствами правового воспитания¹⁰.

Таким образом, много современных ученых занимаются исследованием проблемы формирования правовой культуры обучающихся организаций среднего и средне-професси-

онального образования, предлагают свои решения вопроса, приводят практические рекомендации.

Пристатейный библиографический список

1. Вехова Л.В., Кабанова Е.И. Формирование правовой культуры обучающихся средствами правового воспитания в среднем профессиональном образовательном учреждении // «Права детей - детям»: сборник материалов III международной конференции (г. Ульяновск, 1 июня 2012 года). - Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2012. - С. 220-224.
2. Кашапов Р.Т. Авторская модульная программа как инструмент формирования правовой компетентности и правовой культуры. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chusteh.ru/images/M_images/modul_.pdf.
3. Лапина Л.А., Машкова М.А. Методические аспекты профилактики преступности несовершеннолетних в организациях среднего профессионального образования // Научное сообщество студентов:междисциплинарные исследования. Сб. ст. по мат. XXII междунар. студ. науч.-практ. конф. - № 11(22).[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sibac.info/studconf/science/xxii/77656>.
4. Мищенко Л.И., Мамкин А.Ю. Психолого-педагогические аспекты формирования правовой культуры обучающихся СПО // Педагогика и психология образования-2018-Том 4. - Выпуск №2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rrmedicine.ru/journal/article/1398/>
5. Осипова А.М. Правовое воспитание в системе профессионального образования: опыт и проблемы. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.metod-kopilka.ru/pravovoe_vospitanie_v_sisteme_professionalnogo_obrazovaniya_opyt_i_problemy-52000.htm.
6. Скорикова Л.В. Нормативно-правовое обеспечение воспитательной работы в системе среднего профессионального педагогического образования. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2985.
7. Фирсов Г.А. Формирование правовой культуры в учреждениях профессионального образования // Автореф. диссерт... докт. педагог. наук. - Москва, 2006. - 25 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-formirovanie-pravovoy-kultury-v-uchrezhdeniyah-professionalnogo-obrazovaniya#ixzz5bnBhklR4>.
8. Ядрышников К.С. Проблемы формирования правовой культуры у студентов среднего профессионального образования // Общество: социология, психология, педагогика. - 2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-pravovoy-kultury-u-studentov-srednego-professionalnogo-obrazovaniya>.
9. Ядрышников К.С. Интернет-ресурс как педагогический инструмент правового воспитания обучающихся среднего профессионального образования // Образование и воспитание. - 2016. - №1. - С. 91-94.

7 Лапина Л. А., Машкова М. А. Методические аспекты профилактики преступности несовершеннолетних в организациях среднего профессионального образования // Научное сообщество студентов:междисциплинарные исследования. Сб. ст. по мат. XXII междунар. студ. науч.-практ. конф. - № 11 (22). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sibac.info/studconf/science/xxii/77656>.

8 Скорикова Л. В. Нормативно-правовое обеспечение воспитательной работы в системе среднего профессионального педагогического образования. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2985.

9 Кашапов Р. Т. Авторская модульная программа как инструмент формирования правовой компетентности и правовой культуры. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chusteh.ru/images/M_images/modul_.pdf.

10 Вехова Л. В., Кабанова Е. И. Формирование правовой культуры обучающихся средствами правового воспитания в среднем профессиональном образовательном учреждении // «Права детей - детям»: сборник материалов III международной конференции (г. Ульяновск, 1 июня 2012 года). - Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2012. - С. 220-224.

МИНЕНКО Нина Александровна

лаборант-исследователь Федерального центра образовательного законодательства

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СРЕДНЕГО И СРЕДНЕ-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Ведущую роль в формировании правовой культуры играют учебные заведения общего, профессионального и высшего образования. Именно эти учреждения предоставляют основные знания, которые являются неким базисом для становления правовой культуры социума.

Знания и правовые аспекты обязательно должны входить в качестве основной подготовительной программы для обучающихся учебных учреждений. В этой работе хотелось бы выделить правовую культуру в виде набора приобретенных качеств и навыков, а также в виде реальных возможностей развития личности и специального вектора в становлении отдельной личности не только в общетеоретическом аспекте, но и с региональными особенностями, в частности Северо-Кавказского федерального округа. Настоящая статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Эмпирико-теоретическое научное исследование по выявлению скрытой образовательной мотивации обучающихся в целях разработки современного адаптированного профориентационного стандарта работы педагогических работников в рамках проведения дополнительных образовательных мероприятий, на основании данных, полученных в ходе проведения Юридического форума для учащихся образовательных учреждений «Право для школьников» в рамках Государственного задания Федерального центра образовательного законодательства на 2018 год.

Ключевые слова: культура правовой сферы, правовая культура, учебное заведение, педагогическая стратегия, парадигма воспитательного процесса, становление личности.

MINENKO Nina Aleksandrovna

laboratory assistant-researcher of the Federal Center for Educational Legislation

PROBLEMS OF FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF STUDENTS IN ORGANIZATIONS OF SECONDARY AND SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION (REGIONAL CHARACTERISTICS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT)

The leading role in the formation of legal culture is played by educational institutions of general, professional and higher education. These institutions provide basic knowledge, which is a basis for the formation of the legal culture of society.

Knowledge and legal aspects must be included as the main preparatory program for the training institutions. In this work, I would like to highlight the legal culture in the form of a set of acquired qualities and skills, as well as in the form of real opportunities for personal development and a special vector in the formation of an individual not only in the general theoretical aspect, but also with regional features, in particular the North Caucasus Federal District. This article is prepared in the framework of the research work on «Empirical-theoretical research study to identify the hidden educational motivation of students in the development of modern adaptive vocational standard of work of pedagogical workers in the framework of additional educational activities on the basis of the data obtained in the course of the Legal forum for the students of educational institutions «Right for school» in the framework of the State task of the Federal center of educational legislation for year 2018.

Keywords: Culture of the legal sphere, legal culture, educational institution, pedagogical strategy, paradigm of educational process, formation of personality.

В виде регулятора в становлении цивилизованных отношений в межличностном и международном плане выступает правовая культура на государственном уровне и личностном формате.

Правовая культура согласно нашим исследованиям тесно взаимосвязана с правовой культурой отдельной личности. Право и закон осознаются каждым человеком по-своему и соответственно каждый реагирует на правонарушения по-разному. Именно поэтому решающее место в выполнении государственных и личностных задач занимают высшие и общеобразовательные заведения Северо-Кавказского Федерального округа. В указанных заведениях, в силу региональной специфики (сохранены сильные традиционные отно-

шения (семейные, общинные и т.д.)) удастся сформировать правовую культуру и заложить основы указанных знаний. Между тем, педагогическая стратегия включает следующие виды противоречий:

- противоречивость между недостаточными знаниями и важностью изучения специалистами правовой культуры;
- недостаток в разработке технологии и стратегии воспитания культуры обучающегося с современными общечеловеческими нормами, а также с уровнем усваиваемых профессиональных знаний и навыков¹;

1 Нестеров Н. В. Формирование и развитие правовой культуры студентов // Молодежная наука в развитии регионов. 2017. Т. 2. С. 304-306.

- не совершенность учебных пособий и литературы для полноценного формирования правовой культуры с потребностью в их доработке для последующего качественного воспитательного процесса.

- К правовой культуре можно отнести:
 - понимание и сознание права, способность личности истолковать правовые нормы, определять нормативный акт и сферу работы;
 - уважительное отношение к личности, к правовым нормам, что в основном основано на личностных аспектах для последующей эффективности в качестве регулирования общественных отношений;
 - привычные действия согласно принятым нормативным правилам;
 - умения отдельного обучающегося применять в практической деятельности определенные знания, использовать их в реальной жизни и защищать свои права на законном уровне, а также исполнять юридические обязанности;
 - выраженную активность со стороны правовых актов, а также выполнение необходимых требований по противодействию предъявленным нарушениям.

Большое количество исследовательских работ, которые отражают правовую культуру, предусматривают изучение качественных параметров правовой жизни. Это удастся достигнуть за счет выполнения определенного уровня правовой системы, соответствия законодательным актам и нормам правопорядка, правового обучения и различных слоев населения, а также с выраженной гарантией относительно свобод и прав человека².

Согласно проведенным исследовательским работам, с учетом региональных особенностей, нам удалось максимально полно рассмотреть понятие правовой культуры в качестве целенаправленной и систематизированной деятельности образовательных структур, что в последующем требует изучения и внедрение просветительских знаний с их последующим превращением этих данных в определенные убеждения и формирование определённого отношения к противоправному поведению. Это позволяет сформировать адекватную социальную компетентность и социальную правовую защиту.

Согласно нашим исследованиям правовая культура обучающихся Северо-Кавказского Федерального округа формируется согласно следующим пунктам:

- необходимость в получении прослойки граждан, которая в свою очередь будет проявлять активное поведение относительно правового обеспечения и законодательной практики на профессиональном уровне;
- профилактической работы для сокращения количества правонарушений, которые чаще всего являются следствием правового нигилизма, сверх выраженного цинизма и отсутствия нравов;
- ориентированность и поддержание традиций (ада-тов), которые должны лечь в основу формирования правовой культуры обучающихся.

Основные проблемы создания правовой культуры для обучающихся всегда имеют место в учебных учреждениях. К ним можно отнести:

- отсутствие системного подхода в разрешении имеющихся проблем (без рассмотрения уровня правовой культуры, которая формируется еще на этапе обучения в общеобразовательных учреждениях), сознания и этики согласно используемым учебникам и теоретическим материалам;
- необходимость в создании и внедрении научных и методических подходов для формирования общественной и личностной правовой культуры;
- недостаточный уровень информированности обучающихся, плохая связь с общественной деятельностью и будущей профессией³.

Вышеуказанные случаи необходимо корректировать автономно непосредственно отдельно друг от друга. При этом лучше, если обучающийся будет ориентироваться, как на получение профессиональных знаний и умений, так и на уровень правовой культуры. Последнее требование должно выйти на уровень профессиональной компетенции.

Правовая культура обучающегося должна состоять из двух элементов:

- теоретического – характеризуется знаниями юридических норм, правильным пониманием прав и обязанностей, уверенностью в необходимости и справедливости правовых норм, осуществлением юридических прав и свобод, добросовестным отношением к своим обязанностям перед обществом, согражданами;
- практического – предусматривает правильную практическую реализацию правовых знаний, определяет характер поведения личности специалистов в правовых сферах социально-правовой защиты отдельных категорий граждан⁴.

Основополагающим элементом является правовое сознание, которое выражается определенным количеством взглядов, парадигм и требований, эмоций и чувств со стороны обучающегося. В свою очередь они могут быть как правомерными, так и нет. Следует также отметить, что уровень этих знаний может быть недостаточным. Это в свою очередь требует активной деятельности, уважения к правовым нормам и обязательного выполнения поставленных задач⁵.

Уважение к правовым нормам относится в основополагающим требованиям, которые прививают полезную привычку уважать закон и обязательного его соблюдать согласно личностным и общественным убеждениям. Подобные убеждения прямопропорционально действуют на волю личности возможность самостоятельно принимать решения и удерживаться от совершения нарушений, установленных правил.

Указанные убеждения в справедливости правовых норм в общепринятом понимании позволяют сформировать состояние, которое полностью исключает вариант правонару-

2 Росенко Н. И. Общие положения об организации педагогического эксперимента по формированию экономикоправовой культуры у студентов юридических специальностей // Молодежная наука: тенденции развития. 2017.

3 Шиханова Е. Г., Резниченко М. Г. Правовая культура личности студента // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 4. С. 30-32.
 4 Banakar R. Comparative Law and Legal Cultures Normativity in Legal Sociology: Methodological Reflections on Law and Regulation in Late Modernity Cham: Springer International Publishing, 2015. Pp. 145-168.
 5 Chanock M. Reconstructing South African Law: Legal Formalism and Legal Culture in a New State // Reaction and Renewal in South Africa. London: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 98-124.

шений и позволяет критически отнестись к собственному поведению и некоторых процессах, происходящих в обществе. При этом личность побуждается к выполнению определенной активности, которая относится к показательным характеристикам развития правовой культуры⁶.

Согласно полученным исследовательским данным можно сделать вывод о том, что уровень достигнутой правовой культуры обучающихся в Северо-Кавказском Федеральном Округе требует дальнейшего повышения, что должно быть выражено в целенаправленной профессиональной работе с применением новейших инновационных методов, и разработанных рекомендаций ученых, что в результате приведет к выраженной осознанности, уважительному отношению к правовым актам и в последующем проявится в их использовании и исполнении.⁷

Последующие исследования с использованием вышеуказанных материалов требует выделения определенных путей функциональных и высокопрофессиональных отношений между коллективом педагогов, администрацией учебных заведений и обучающихся. Создание информационных ресурсов для учебного и воспитательного процесса должно соответствовать будущим профессиональным навыкам и компетенциям.⁸

Пристатейный библиографический список

1. Киселева Т. В. Правовая культура студентов // Успехи современной науки. 2017. Т. 8. № 4. С. 131-133.
2. Матосян М. Г. Студент как субъект правовой культуры // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2017. № 3. С. 35-38.
3. Нестеров Н. В. Формирование и развитие правовой культуры студентов // Молодежная наука в развитии регионов. 2017. Т. 2. С. 304-306.
4. Росенко Н. И. Общие положения об организации педагогического эксперимента по формированию экономикоправовой культуры у студентов юридических специальностей // Молодежная наука: тенденции развития. 2017.
5. Шиханова Е. Г., Резниченко М. Г. Правовая культура личности студента // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 4. С. 30-32.
6. Banakar R. Comparative Law and Legal Cultures Normativity in Legal Sociology: Methodological Reflections on Law and Regulation in Late Modernity Cham: Springer International Publishing, 2015. Pp. 145-168.

7. Chanock M. Reconstructing South African Law: Legal Formalism and Legal Culture in a New State // Reaction and Renewal in South Africa. London: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 98-124.
8. Kidder R. L. Exploring Legal Culture in Law-Avoidance Societies // Practicing Ethnography in Law: New Dialogues, Enduring Methods. New York: Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 87-107.
9. Nelken D. Comparative Legal Cultures // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. New York, 2014. Pp. 458-467.
10. Sullivan T. A., Warren E., Westbrook J. L. Consumer Bankruptcy in the United States: A Study of Alleged Abuse and of Local Legal Culture // Journal of Consumer Policy. 2017. 20(2). P. 223-268. doi:10.1023/a:1006826006249.

6 Kidder R. L. Exploring Legal Culture in Law-Avoidance Societies // Practicing Ethnography in Law: New Dialogues, Enduring Methods. New York: Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 87-107.
 7 Nelken D. Comparative Legal Cultures // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. New York, 2014. Pp. 458-467.
 8 Sullivan T. A., Warren E., Westbrook J. L. Consumer Bankruptcy in the United States: A Study of Alleged Abuse and of Local Legal Culture // Journal of Consumer Policy. 2017. 20(2). P. 223-268. doi:10.1023/a:1006826006249.

ЗУБАРЕВА Юлия Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики, организации и управления АПК Государственного аграрного университета «Северного Зауралья», г. Тюмень

ГУДЕНКОВА Олеся Ивановна

магистр Тюменского индустриального университета

МЫШЛЯКОВА Мария Михайловна

магистр Тюменского индустриального университета

СЛУЖБА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ГЛАВНЫЕ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются разные подходы по управлению социальным развитием на предприятиях, организациях, учреждениях. Рассмотрены ключевые вопросы возникновения понятия «социальное развитие» и различные подходы к пониманию сущности данного термина. Социальная служба предприятия должна взять заботу о создании благоприятных условий труда и отдыха работников предприятия, что позволило бы увеличить рост социального партнерства и делового сотрудничества.

Ключевые слова: социальная служба, ценностные ориентации, социальная поддержка, предприятия, управление, социальное развитие

ZUBAREVA Yuliya Valerjevna

Ph.D. in Economics, associate professor, Head of Economics, organization and management of agriculture sub-faculty of the Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen

GUDEKOVA Olesya Ivanovna

magister of the Tyumen Industrial University

MYSHLYAKOVA Mariya Mikhaylovna

magister of the Tyumen Industrial University

SERVICE FOR SOCIAL DEVELOPMENT: THE MAIN GOALS, OBJECTIVES AND ACTIVITIES

The article deals with different approaches to the management of social development in enterprises, organizations and institutions. The key issues of the emergence of the concept of "social development" and different approaches to understanding the essence of the term are considered. The social service of the enterprise should take care of the creation of favorable working and leisure conditions for the employees of the enterprise. That would increase the growth of social partnership and business cooperation.

Keywords: social service, value orientations, social support, enterprises, management, social development

Российская Федерация, как провозглашено в ее Конституции РФ, – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Одна из основных обязанностей государства – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина¹.

Современная производственная ситуация вынуждают все субъекты хозяйствования изменить свое отношение к трудовым кадрам. Каждому предприятию необходимо иметь не только дешевый, но и достаточно мотивированный трудовой коллектив. Сотрудники должны быть профессионалами в своем деле и обладать инновационными знаниями, поэтому предприятию необходимо, сначала привлечь квалифицированного, инициативного сотрудника, заинтересовать его работой и создать все необходимые условия, поэтому необходимо создать специализированную службу социального развития².

По мнению А. Я. Кибанова, социальное развитие предприятия означает все возможные перемены в его социальной сфере³. Именно во всех нравственно-духовных, общественных и материальных сферах, в которых работники предприятия трудятся, где возникают всевозможные личностные связи и в которых осуществляется распределение и потребление благ.

Как полагает С. Г. Груич, «социальное развитие» включает в себя такие элементы:

– социальные процессы, сопряженные с социальными связями;

– социальные процессы, определяющие развитие социальных взаимоотношений;
– процессы преодоления негативных социальных моментов;
– прогрессивные процессы в условиях жизни трудового коллектива⁴.

Следовательно, социальное развитие предприятия обуславливает формирование социальной среды и области социальных взаимосвязей, основывающихся на принципах жизнедеятельности, выражающееся в глобальном качестве жизни трудящихся в коллективе.

Управление социальным развитием, являясь особым видом менеджмента и частью управления персоналом, представляет собой деятельность компетентных органов⁵. Управляют социальной сферой предприятия структурные подразделения, решающие вопросы социального развития предприятия и социального обслуживания трудового коллектива⁶. К данным структурным подразделениям относятся кадровая служба или социальная служба (служба социального развития).

Служба социального развития предприятия является самостоятельным управленческим звеном, функциональным подразделением, которое имеет предметную сферу своей де-

4 Груич С. Г. Сущность и функции управления социальным развитием современной организации // Вопросы экономики и управления. – 2017. – № 1. – С. 73.

5 Аверин А. Н. Управление персоналом, кадровая и социальная политика в организации. – М.: ДАШКОВ И К, 2014. – С. 184.

6 Григорьева Н. Н. Управление социальным развитием организации – М.: Московский институт экономики, менеджмента и права, 2016. – С. 91.

1 Асеев В. Г. Служба социального развития предприятия. – М.: Наука, 1989. – С. 41.

2 Хайруллина Н. Г. Управление персоналом на предприятиях торговли / учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. – С. 51.

3 Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2016. – С. 82.

тельности и одновременно объектом воздействия социальную организацию предприятия⁷.

Миссией службы социального развития предприятия является управление социальными процессами для обеспечения качества жизни трудящихся и условий развития гуманизации труда⁸.

Целями социальной службы предприятия является разработка, и осуществление мер, которые обеспечивают более совершенное применение социальных факторов роста эффективности производства, улучшение управления социальными процессами в трудовом коллективе, формирование творческой инициативности. Главное предназначение службы социального развития предприятия - разрешение социальных проблем, упорядочение социальных отношений, организация обстановки нормальной деятельности и социального развития трудового коллектива⁹.

Н. Ю. Ларина выделяет следующие задачи социальной службы предприятия¹⁰:

Во-первых, задачи в сфере управления и социального планирования трудовым коллективом:

- проведение исследования социального развития деятельности персонала, разработка проектов программы социального развития кадров;
- анализ социальной стороны научно-технического прогресса, формирование мер снижению однообразной, тяжелой и неквалифицированной ручной работы, по ликвидации социальной неоднородности труда, социально-психологическому обеспечению введения новейших техник и технологий;
- систематическое проведение социологических исследований, разбор и прогнозирование социального развития на предприятии, подготовка мероприятий учета социально-психологических факторов в быту производстве.

Во-вторых, задачи в сфере стабилизации и совершенствования социальной структуры трудовых кадров:

- составление прогнозов процессов социального развития по планируемым проектам научно-технического перевооружения производства;
- определение трансформаций и формирование мер, совершенствующих социальную структуру трудового коллектива;
- выявление факторов кадровой текучести, формирование предложений по укреплению и кадровой стабилизации.

В-третьих, задачи в сфере внедрения прогрессивных форм организации трудовой деятельности:

- формирование предложений, повышающих удовлетворенность работой, обеспечивающих престижность специальности, усиливающих творческий характер труда;
- организация аттестационных мероприятий и рационализации мест работы в строгом соответствии с социальными требованиями;
- формирование мероприятий, оздоравливающих и создающих благоприятные и безопасные условия, повышающих трудовую культуру, улучшающих труд и рабочий быт женщин;
- подготовка мероприятий, повышающих качество нормирования труда.

В-четвертых, задачи по охране окружающей среды:

- помощь в организации природоохранных мероприятий предприятия, проведение экологической экспертизы новейших товаров и проектов, подготовка и составление отчета обществу о влиянии деятельности предприятия на окружающую среду.

В-пятых, задачи в сфере социального обслуживания:

- формирование мероприятий, совершенствующих и развивающие социальную инфраструктуру и создающие условия для удовлетворения культурных, социальных и бытовых нужд трудового коллектива.

В-шестых, задачи по соблюдению прав человека в взаимоотношениях с поставщиками, потребителями:

- проверка соблюдением экологических норм и норм безопасности в производстве;
- оценка безопасности сбыта товара;

– проведение информационного контроля в рекламе товара и на его упаковке на точность и правдивость;

– осуществление анализа воздействия корпоративного имиджа предприятия, а также его поведения в отношении партнеров, трудового коллектива, окружающей среды, общества на потребительское поведение.

В-седьмых, задачи в сфере социальной политики перед предприятием:

- формирование и организация программы участия предприятия в общественной жизнедеятельности на городском, областном и муниципальном уровне;
- подготовка проектов предложений по поддержке образовательных и исследовательских программ;
- разработка мероприятий по оказанию помощи местным общественным организациям;
- формирование мероприятий в рамках программ по культуре и искусству, благотворительности и оказанию адресной социальной помощи¹¹.

Итак, задачи, которые выполняют службы социального развития предприятия, обладают особенностями, обусловленными неоднозначностью управляемого объекта и характером возникших социальных проблем, своеобразием методов достижения социальной цели. В Российской Федерации необходимо учесть современную социально-экономическую ситуацию, когда предприятия и трудовые коллективы испытывают неблагоприятные социально-экономические факторы, руководство при этом сталкивается с необходимостью повышения заработной платы и улучшения трудовых условий и быта.

Пристатейный библиографический список

1. Аверин А. Н. Управление персоналом, кадровая и социальная политика в организации. – М.: ДАШКОВ И К, 2014. – 280 с.
2. Асеев В. Г., Безносиков В. Н., Боковиков А. К. Служба социального развития предприятия. – М.: Наука, 1989. – 229 с.
3. Башмаков, В. И. Служба социального развития. Нужна ли она современной организации? // Труд и социальные отношения. – 2010. – № 9. – С. 51-64.
4. Богдан Н. Н., Масилова М. Г. Управление социальным развитием организации: теория и практика: учебное пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 284 с.
5. Ворожейкин И. И. Управление социальным развитием организации. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 176 с.
6. Григорьева Н. Н. Управление социальным развитием организации. – М.: Московский институт экономики, менеджмента и права, 2016. – 256 с.
7. Груич С. Г. Сущность и функции управления социальным развитием современной организации // Вопросы экономики и управления. – 2017. – № 1. – С. 72-75.
8. Захаров Н. А. Управление социальным развитием организации. – М.: Проспект, 2017. – 452 с.
9. Масилова М. Г. Управление социальным развитием организации. – Владивосток, 2016. – 254 с.
10. Оксина К. Э. Управление социальным развитием организации. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 168 с.
11. Силин А. Н., Хайруллина Н. Г. Управление персоналом / учеб. по кадровому менеджменту для студентов вузов. – М., 2004.
12. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 695 с.
13. Управление социальным развитием персонала / сост. О. Е. Стеклова. – Ульяновск: УлГТУ, 2016. – 104 с.
14. Хайруллина Н. Г. Правовые основы управления персоналом / учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
15. Хайруллина Н. Г. Управление персоналом на предприятиях торговли / учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2012.
- 7 Оксина К. Э. Управление социальным развитием организации. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 168 с.
- 8 Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2016. – С. 84.
- 9 Там же. – С. 84.
- 10 Управление социальным развитием персонала / сост. О. Е. Стеклова. – Ульяновск: УлГТУ, 2016. – С. 52.
- 11 Груич С. Г. Сущность и функции управления социальным развитием современной организации // Вопросы экономики и управления. – 2017. – № 1. – С. 74.

НУЦАЛХАНОВ Гамзат Нуцалханович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

НУЦАЛХАНОВА Патимат Вагабовна

магистрант кафедры экономики труда и управления персоналом Дагестанского государственного университета

РАМАЗАНОВА Аида Генакадиевна

кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета Управления по магистратуре и по профессиональной ориентационной работе Дагестанского государственного университета

РАМАЗАНОВ Магомед Гаджиевич

студент 3 курса экономического факультета Дагестанского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ БИЗНЕСОМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В данной статье рассматриваются задачи и проблемы с которыми сталкивается менеджмент малого бизнеса в современных условиях, а также причины их возникновения. Идёт рассмотрение актуальных путей решения данных проблем.

Ключевые слова: малый бизнес, развитие малого бизнеса, особенности управления малым бизнесом, субъекты малого бизнеса, проблемы развития малого бизнеса.

NUTSALHANOV Gamzat Nutsalhanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional law sub-faculty of the North-Caucasian Institute All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

NUTSALKHANOVA Patimat Vagabovna

magister student of Labor economics and personnel management sub-faculty of the Dagestan State University

RAMAZANOVA Aida Genakadiyevna

Ph.D. in Economics, Deputy Dean of the Faculty of Management for master's and professional orientation work of the Dagestan State University

RAMAZANOV Magomed Gadzhievovich

3rd year student of the Faculty of Economics of Dagestan State University

PECULIARITIES OF MANAGEMENT OF SMALL BUSINESS IN MODERN CONDITIONS

This article examines the tasks and problems that small business faces in modern conditions, as well as the reasons for their occurrence. There is an examination of the actual ways of solving these problems.

Keywords: small business, development of small business, features of small business management, small businesses, small business development problems.

Управление малым современным бизнесом подразумевает целое множество различных направлений, которое представлено несколькими группами активов. Сюда включены: правильное руководство подчинёнными; осуществление контроля и развитие финансовых потоков; осуществление контроля над клиентской базой; формирование торговой марки и наименования компании, а также управление данными активами; создание рекламной базы и маркетинга; контроль инновационных решений; формирование корпоративной этики и культуры. Объединение всех этих групп не будет полной без создания управленческой структуры организации. Современная управленческая структура характеризуется оптимальным распределением обязанностей внутри корпорации, где каждый сотрудник выполняет функции и обязанности, которые закреплены за ним.

Президент РФ уделяет должное внимание развитию малого бизнеса в стране, а также оказывает поддержку при открытии современного малого бизнеса. Это выражается как в упрощённой форме подачи документов, так и в их уменьшенном объёме, производится субсидирование, кроме того устанавливаются льготы на определённые затраты, такие как кредит и лизинг¹.

Особенностью управления малым бизнесом является отсутствие специалиста – менеджера и регулирующего фи-

нансовые вопросы, а также маркетинговую деятельность, что влечёт за собой дефицит времени на управленческую деятельность и в конечном счёте оказывает отрицательный результат на деятельность всей организации.

Основной задачей малого бизнеса в современных условиях является видение менеджером различных оптимальных путей развития и становления предприятия. Топ-менеджер или руководитель фирмы должен определить приемлемую систему управления для достижения успеха малого предпринимательства в современных условиях. Главным условием современной системы управления это обеспечение эффективности и конкурентоспособности работы малого предприятия.

Малое предпринимательство — предпринимательство, опирающееся на деятельность небольших фирм, малых предприятий, формально не входящих в объединения.

Субъекты малого бизнеса сталкиваются с определёнными трудностями: сохраняется практически удручающее налогообложение, ограничен их доступ к кредитным ресурсам, отсутствует механизм самофинансирования, не проработан механизм информационной поддержки и т.д. Отечественное предпринимательство только находится на пути к тому, чтобы стать движущей силой отечественной региональной экономики².

1 См.: Шелкоплясова Г. С. Малый бизнес: сущность, значение, факторы влияния // Бизнес в законе. – 2012. – № 4. – С. 334.

2 См.: Мартынова Н. Н. Малое предпринимательство: его роль, значение, особенности функционирования // Социально-экономические и технические системы: Исследование, проектирование, оптимизация. – 2014. – № 3. – С. 29.

Выделим главные проблемы развития малого бизнеса в России.

Во-первых, это недостоверные статистические данные, то есть, в стране нет особых комитетов, которые могли бы осуществлять какие-либо исследования по состоянию малого бизнеса. Так же как и нет четкой системы подсчета финансовых результатов (то есть вклад малых предприятий и предпринимателей в бюджеты разных уровней). Отсутствует система проведения глубокого анализа деятельности предприятий малого бизнеса, нет надлежащего учета результатов их работы, практически отсутствует отчетность по тем показателям, которые дают право этим предприятиям воспользоваться льготами по налогообложению³. В каждой стране статистические данные должны содействовать малому бизнесу в принятии управленческих или иных решений на государственном уровне. Но чаще всего мы наблюдаем за тем, что многие предприниматели ведут «чёрную» бухгалтерию и выплачивают заработную плату своим сотрудникам в конвертах, так как владельцы предприятий уклоняются от налогов, несмотря на то, что система налогообложения упрощена.

Во-вторых, государство оказывает поддержку малому и среднему предпринимательству, но все же выделяет «особые» отрасли предпринимательства, и не уделяет должного внимания к другим отраслям. Развитие и становление малого бизнеса в стране оказывает особое влияние на развитие экономики Российской Федерации в целом.

В-третьих, осуществить более легкий доступ предпринимателям малого бизнеса к получению финансовых ресурсов, то есть получения кредитов, повышения качества обслуживания покупателей, более активного продвижения компании и ее услуг. Кредитование малого бизнеса, суды и господдержка работают неэффективно. Как правило, чем больше период, на который планируется привлечь заемные средства, тем меньше вероятность их получить.

В-четвертых, большинство организаций связаны с «криминальной» деятельностью. К тому же многие организации работают по «серой» схеме и ведут «чёрную» бухгалтерию, тем самым скрывают свои финансовые доходы, не выплачивая налоги.

Благодаря вышеперечисленному у общества складывается отрицательное мнение по отношению к любому виду предпринимательства. Всё это влечёт за собой появление новых предприятий и организаций, которых становится всё меньше, ибо они не в силах выдержать огромную конкуренцию, становясь банкротами.

Особое внимание, которое уделяется со стороны руководителей к малому предпринимательству, свидетельствует о том, что он расценивается как источник формирования и накопления региональных бюджетов, а не как институт, который выполняет социальную функцию.

Одна из проблем малого бизнеса состоит в отсутствии материально-технического обеспечения. Отсутствуют приборы, машины, оборудования, которые предназначены для малого предпринимательства и учитывающие их специфику. Доступ к высоким технологиям также ограничен, ибо их покупка, транспортировка, установка требует больших одноразовых финансовых расходов.

Отсутствие квалифицированных кадров – ещё одна проблема малого предпринимательства. Компетентных предпринимателей, намного меньше, чем реально нужно для развития и поддержания малого бизнеса.

Ещё одна проблема – социальная защита предпринимательской деятельности. Ранее существовавшая система социальных гарантий на основе распределения общественных фондов в настоящее время оказалась дестабилизирована. Необходимо создавать данную систему заново по отношению к

обществу, а по отношению к предпринимателям и бизнесменам – новому социальному слою тем более.

Одной из немаловажных проблем для малого бизнеса является обеспечение возможности использования офисных помещений и производственных площадей. Данные площади практически во всех регионах пользуются огромным спросом и находятся в дефиците и, следовательно, имеют высокую цену, либо их аренда или приобретение связано с преодолением искусственных административных барьеров.

Следующая проблема малого предпринимательства – взаимодействие бизнесменов и предпринимателей с проверяющими инстанциями и вышестоящими местными властями. Малых предпринимателей часто преследуют проверки, которые связаны с недоказанными претензиями и с прямым вымогательством. Необходимо подчеркнуть, что для малого и среднего бизнеса Российское законодательство делает достаточно много. Исследования Всемирного банка говорят о том, что за последние года предпринимательская среда в России существенно улучшилась. Но не смотря на это, местное законодательство лишает прав мелких и средних предпринимателей, подталкивает их на путь аффилированных с ними структур, различных посредников. Касаясь собственности, недвижимости и аренды, необходимо разработать и включить четкий механизм покупки собственности, ее регистрации, создания рынка бизнес-недвижимости для малых предпринимателей. Необходимо создать опережающее предложение инфраструктуры от местных властей. То же касается и аренды земли и недвижимости. У предпринимателя всегда должен быть выбор при поиске объекта собственности⁴.

Наличие «честной» статистики в малом предпринимательстве даст возможность увеличить объёмы кредитования частного бизнеса, так как банки будут обладать наглядной информацией для принятия решений о выдаче кредита.

Государственные органы уверены, что в течение нескольких лет доля малого предпринимательства в ВВП нашей страны должна составить 60-70 %, но при существующих методах сбора статистической информации данная цифра может быть недостижимой.

В нашей стране, кроме проблем, которые зачастую связаны со сбором статистики в малом бизнесе, не существует безошибочных способов для оценки эффективности работы предприятий малого предпринимательства, что и не даст возможность получить реальные данные по развитию малого бизнеса.

Субъекты малого бизнеса сталкиваются с определенными трудностями: сохраняется практически удушающее налогообложение, ограничен их доступ к кредитным ресурсам, отсутствует механизм самофинансирования, не проработан механизм информационной поддержки и т.д. Отечественное предпринимательство только находится на пути к тому, чтобы стать движущей силой отечественной региональной экономики⁵.

Главными причинами, по которым сложилась данная ситуация являются недостаток целенаправленной политики государства по отношению к малому предпринимательству, несовершенство законодательства, которое регулирует и обеспечивает деятельность субъектов малого бизнеса. Кроме того, российское законодательство в данной сфере не только неэффективно и бездейственно, и вообще не рассматривает ряд проблем существующих в деятельности малых предприятий.

Актуальной проблемой для малого предпринимательства является создание здоровой конкурентной среды с более крупными и влиятельными компаниями, так как у многих мелких предприятий нет ни сил, ни средств вести и противостоять недобросовестной конкуренции, которая приобретает в последнее время всё более жесткие формы. Усовершенствование нормативно-правовой базы, направленной на развитие

3 См.: Галяутдинов Р. Р. Проблема эффективности Российского менеджмента // IV ежегодная всероссийская с международным участием научно-практическая конференция студентов «Человек. Общество. Экономика: проблемы и перспективы взаимодействия»: материалы научно-практической конференции. 22 апреля 2010 г. / Под ред. Е. В. Ожигиной. – Пермь: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2010. – С. 272.

4 См.: Коротков Э. М. Концепция российского менеджмента. М.: ООО Издательско-Консалтинговое Предприятие «ДеКА», 2010. – С. 367.

5 См.: Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – С. 117.

и поддержку малого бизнеса и создание условий для добросовестной конкуренции необходимо для развития этого сектора экономики. В первую очередь стоит вопрос о принятии специального закона, определяющего базовые принципы развития и поддержки малого предпринимательства, предложения, по содержанию которого формируются в настоящее время.

На сегодняшний день законом создана эффективная Федеральная корпорация по развитию малого и среднего бизнеса на базе существующего Агентства кредитных гарантий. Данная Корпорация направлена на осуществление различных функций института в сфере малого и среднего предпринимательства. Так, основными ее задачами определены:

- оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;

- привлечение денежных средств российских, иностранных и международных организаций в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;

- организация информационного, маркетингового, финансового и юридического сопровождения инвестиционных проектов, реализуемых субъектами малого и среднего предпринимательства;

- организация различных мероприятий, которые направлены на увеличение доли закупки товаров, работ, услуг заказчиками, определяемыми Правительством РФ, у субъектов малого и среднего предпринимательства в годовом объеме закупки товаров, работ, услуг, в годовом объеме закупки инновационной продукции, высокотехнологичной продукции;

- обеспечение информационного взаимодействия корпорации развития малого и среднего предпринимательства с органами государственной власти, а также с различными органами в целях получения поддержки для малого и среднего предпринимательства;

- подготовка предложений о совершенствовании мер поддержки субъектов малого бизнеса, в том числе предложений о совершенствовании нормативно-правового регулирования в этой сфере.

Так же, одной из главных задач данного акционерного общества является развитие финансовой, имущественной, юридической, инфраструктурной и иной поддержки субъектов малого бизнеса и привлечение инвестиционных денежных средств российских, иностранных и международных организаций дальнейших поставленных целей в сфере малого и среднего предпринимательства.

Сегодня правительство РФ большое внимание уделяет развитию малого бизнеса в стране. Это выражается как в упрощенной форме подачи документов, так и в их уменьшенном объеме. Так же производится субсидирование, кроме того устанавливаются льготы на определенные затраты, такие как кредит и лизинг⁶.

Данная помощь оказывается по причине того, что малые предприятия играют отнюдь не малую роль в жизни общества и государства. Это производство товаров мелкого общественного потребления, на потребность которого в данном регионе правительство мало обращает внимания. Так же подобные предприниматели становятся политически активными, способными донести информацию о проблемах до глав своих регионов. И, конечно, они являются большой группой налогоплательщиков, отдавая часть своей прибыли в казну государства⁷.

Предпринимательство и малый бизнес играют неотъемлемую роль в обеспечении устойчивого развития страны и региона, так как оказывают влияние на удовлетворение потребностей общественности не только в различных про-

дуктах и услугах, уменьшение проблем с безработицей, которая присуща практически всем регионам Российской Федерации, но и обеспечение ресурсосбережения и социальной устойчивости. Хотя в последнее время малый бизнес стал объектом особого внимания региональной власти и науки, его положение в регионах остается сложным.

Главными причинами, по которым сложились данные ситуации это недоработка законодательства, которое регулирует всю деятельность субъектов малого бизнеса и нехватка целеустремленной политики государства в отношении малого предпринимательства. Российское законодательство в данной сфере не только недействительно, и вообще не упоминает о ряде проблем, которые присутствуют в деятельности малых предприятий.

В заключении данной статьи хочется отметить, что основной задачей современного управления малым бизнесом это не только контроль над подчиненными, но и образование команды союзников. Отсутствие регламентации инициативы, усиленное неформальное общение, которое и становится формой, а также основой контроля — отличительные черты управления в малом предприятии. Сердцевина его — работа на взаимном понимании, взаимодоверии. Стремление достичь успеха и избежать банкротства это то, что объединяет работников малого предприятия в современных условиях. Менеджеру организации необходимы люди, которые могли бы давать ему дельные советы, на кого он мог бы положиться, довериться, а также обсудить главные решения, которые будут оказывать благоприятное влияние на управление малым бизнесом в современных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев А. Ф., Лопатина С. Г. и др. Основы менеджмента (нефтяная и газовая промышленность): Учебник. — М.: ФГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина, 2010. — 264 с.
2. Балашов А. П. Основы менеджмента: Учебное пособие. — М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2012. — 288 с.
3. Галяутдинов Р. Р. Проблема эффективности Российского менеджмента // IV ежегодная всероссийская с международным участием научно-практическая конференция студентов «Человек. Общество. Экономика: проблемы и перспективы взаимодействия»: материалы научно-практической конференции. 22 апреля 2010 г. / Под ред. Е. В. Ожигбесовой. — Пермь: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2010. — С. 271-273.
4. Дафт Р. Л. Менеджмент: [перевод с английского] / Л. Дафт. — СПб.: Питер, 2012. — 863 с.
5. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 256 с.
6. Коротков Э. М. Концепция российского менеджмента. — М.: ООО Издательско-Консалтинговое Предприятие «ДеКА», 2010. 896 с.
7. Мартынова Н. Н. Малое предпринимательство: его роль, значение, особенности функционирования // Социально-экономические и технические системы: Исследование, проектирование, оптимизация. — 2014. — № 3. — С. 26-35.
8. Правовая компания Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 05.11.2018г.)
9. Толдинов И. А. Проблемы развития малого предпринимательства в России: как выжить в условиях кризиса? // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. — 2014. — Т. 39. № 5. — С. 121-133.
10. Шелкоплясова Г. С. Малый бизнес: сущность, значение, факторы влияния // Бизнес в законе. — 2012. — № 4. — С. 333-336.

6 См.: Толдинов И. А. Проблемы развития малого предпринимательства в России: как выжить в условиях кризиса? // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. — 2014. — Т. 39. № 5. — С. 129.

7 См.: Правовая компания Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 05.11.2018г.)

СКРУГ Валерий Степанович

кандидат экономических наук, доцент, Депутат Государственной Думы РФ седьмого созыва, член Комитета ГД по бюджету и налогам

РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВЫХ ПОДХОДОВ

В работе проанализированы первые результаты реализации «Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы»*. На основании данного анализа сделаны выводы о том, что государственная позиция по поддержке сельского хозяйства объективная, но в ближайшее время необходимо уделить особое внимание развитию предприятий по хранению сельскохозяйственной продукции и развитию сельских территорий. Программа поддержки АПК включает действия по созданию системы хранения и сбыта продукции, ее полноценное финансовое обеспечение, формирование благоприятных условий для создания кооперативов и их развития.

Ключевые слова: Сельское хозяйство, отрасль, научно-техническая программа, развитие, агропромышленный комплекс, Федеральная программа, комплекс, сырье, научно-технический прогресс, инновации, комплексные целевые программы, сельские территории.

SKRUG Valeriy Stepanovich

Ph.D. in Economics, associate professor, Deputy of the State Duma of the Russian Federation of the seventh convocation, member of the state Duma Committee on budget and taxes

DEVELOPMENT OF AGROINDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA BY MEANS OF PROGRAM AND TARGET APPROACHES

The paper analyzes the first results of the Federal scientific and technical program of agricultural development for 2017-2025. Based on this analysis, it is concluded that the state position on the support of agriculture is objective, but in the near future it is necessary to pay special attention to the development of enterprises for the storage of agricultural products and the development of rural areas. The program of support for agriculture includes actions to create a system of storage and marketing of products, its full financial support, the formation of favorable conditions for the creation of cooperatives and their development.

Keywords: Agriculture, branch, scientific and technical program, development, Agro-Industrial complex, Federal programs, complex, raw materials, scientific and technical progress, innovations, comprehensive target programs, rural areas.

Введение. Бюджетная поддержка сельскохозяйственного производства позволила обеспечить доходность по основным отраслям – растениеводству и животноводству. Рассмотрение актуальность дальнейшего исследования:

формирование негативных тенденций – неблагоприятная экономическая ситуация в России, провоцирующая низкий темп инновационного обновления, включая и АПК;

дефицит действенных мер устойчивого и эффективного развития агропромышленный комплекс (АПК).

Анализ «разработки и организации реализации комплексных целевых программ (КЦП), указывая на некачественный подход к обоснованию мероприятий программ и организации их выполнения»¹.

Целью исследования является использование программно-целевого управления в сельскохозяйственной экономике, способствующей действенности в условиях любой экономической системы. Система импортозамещения требует использование специального механизма – разработки и реализации КЦП. Существующее некоторое «...отставание России в развитии технологической базы отнесено доктри-

ной продовольственной безопасности Российской Федерации к числу наиболее значимых рисков»².

Ответить на эти вызовы призвана «Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на период до 2025 года»³, разработанная в соответствии с указом Президента Российской Федерации № 350, включающая первую подпрограмму ФНТП – «Развитие селекции и семеноводства картофеля в Российской Федерации»⁴. Вторая подпрограмма «Развитие селекции и семеноводства сахарной свёклы в Российской Федерации»⁵ предусматривает создание не менее восьми отечественных гибридов.

Материалы и методы исследования. Представленные в статье результаты получены с использованием методов факторного анализа, сопоставлений, группировки. Аналитиче-

* Проект Постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы" (подготовлен Минсельхозом России 20.01.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://garant.ru>.

¹ Там же.

² Организация внедрения программно-целевых методов управления при реализации Государственных программ развития сельского хозяйства на уровне субъектов Российской Федерации. Под ред. Санду И. С. Тула, 2010. С. 209.

³ Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/29004>.

⁴ Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/29004>.

⁵ Там же.

ские данные и эмпирические материалы должным образом обобщены и структурированы.

«Федеральная научно-техническая программа была утверждена только в 2017 году»⁶, реализация программы находится на начальном этапе. Рекордные урожаи выявили серьезную проблему, связанную с отсутствием достаточного количества зернохранилищ.

Результаты исследования. Важную роль в АПК играют проблемы финансирования – недостаточная поддержка устойчивого развития сельских территорий, которые финансируются в структуре 20 государственных программ. Всего на эти программы из федерального бюджета выделяется 7,6 трлн. руб., в том числе, на село – 16 млрд. руб. «В сельских территориях проживают 38 млн. чел. – более 25 процентов населения страны»⁷. Исходя из общего финансирования программ 7,6 трлн. руб. методом прямого счета на сельские территории должно направляться 1,9 трлн.руб.

Анализируя программы, приходим к выводу, об отсутствии данных о системе закупок, хранения и переработке сельскохозяйственной продукции, что плохо отражается на эффективности, сельских территорий. Являясь составной цепочки по реализации продукции конечному потребителю закупки сельхозпродукции могут быть объектом программно-целевого планирования как подпрограмма.

Государственная программа, посвященная развитию села, должна включать два основных направления:

«поддержка сельского хозяйства как отрасли, обеспечивая рост производства и продовольственную безопасность страны»⁸.

Для обеспечения научного целевого подхода программу необходимо разделить на подпрограммы. К примеру, подпрограмма «Сельскохозяйственные кооперативы», в которую включить механизмы и поддержка закупки, хранения, переработки и сбыта продукции фермерами, использования «...программно-целевого управления, целесообразно выделить специфические особенности программы как планового директивного документа»⁹:

- госпрограмма «Развитие сельскохозяйственных территорий» определяет инновационные преобразования и создает структуры управления;
- реализовываться мастер-планов развития;
- обосновать стратегию, достигаемые в результате ее реализации преимущества, а также как обеспечивается продовольственная безопасность;
- предоставленные ресурсы должны носить адресный характер;
- программы, должны носить межотраслевой, межрегиональный характер.

Основные принципы системы управления программами включают¹⁰:

– «целевой характер системы управления под решение наиболее важной приоритетной проблемы в установленные сроки с получением запланированного эффекта (управление временем и эффективностью)»¹¹;

- межрегиональная направленность программ;
- внедрение сетевого моделирования.

Рассматривая АПК как экономико-технологическую «...целесообразно включить в систему программно-целевого планирования и такую важную сферу как закупки и хранения сельхозпродукции»¹². Основным препятствием в развитии АПК является проблема сбыта продукции, а также её хранения и переработки.

Заключение. Таким образом, «...система закупок достаточно дифференцирована и ее состояние по элементам также имеет значительные отличия (крупные заготовительные предприятия имеют современную логистическую базу, хранилища»¹³. АПК не получает должный экономический эффект, что снижает инвестиционную привлекательность.

Целесообразно «...оказывать государственную поддержку малым закупочным предприятиям, способствующим достижению более глобальной цели по устойчивому развитию сельских территорий, решению проблемы занятости сельского населения, повышения его доходов»¹⁴. Программно-целевые закупки сельхозпродукции представляет многоуровневый управленческий процесс из ряда признаков:

- закупки как интегрированная часть в системе АПК;
- дифференциация решения проблем в зависимости от их затратоемкости и насущности.

Для эффективной динамики АПК на основе синхронизации интересов всех участников, программно-целевой метод выступает одним из главных инструментов. Включение показателей в систему мастер-планов, обеспечивает формирование территориальной инфраструктуры региона позволяет внедрить региональные подпрограммы. Такая подпрограмма по закупкам осуществляет «решение проблем по созданию инфраструктуры закупки и первичной переработки сельхозпродукции, произведенной малыми хозяйствами (фермерскими, личными подсобными хозяйствами)»¹⁵. Создание инфраструктуры закупок сельхозпродукции реализуется через современные кластеры производств. Основные

6 Об утверждении доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/30563>.

7 Там же.

8 Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы» (подготовлен Минсельхозом России 20.01.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://garant.ru>.

9 Организация внедрения программно-целевых методов управления при реализации Государственных программ развития сельского хозяйства на уровне субъектов Российской Федерации. Под ред. Санду И. С. Тула, 2010. С. 209.

10 Савкина Р. В. Программно-целевое управление процессами перехода экономики на инновационный тип развития. Сб. трудов 3-ей Международной научно-практической конференции ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г. В. Плеханова «Экономически эффективные и экологически чистые инновационные технологии». Изд-во Вуст-Ост Ферлаг Берлин, 2017. С. 80-89.

11 Савкина Р. В. Программно-целевой подход к решению проблемы продовольственной безопасности России // Первая Международная научно-практической конференция «Современные инновационные технологии в экономике, науке образовании». Материалы Первой Международной научно-практической конференции. С. 82-89. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rea.ru>.

12 Урожай и экспорт зерна из России: соберем меньше, продадим дороже. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru>.

13 Данилов-Данильян А. В. Процесс импортозамещения в экономике России: особенности и мифы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 20-37.

14 Урожай и экспорт зерна из России: соберем меньше, продадим дороже. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru>.

15 Агроинвестор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agroinvestor.ru/technologies/news/28443-utverzhdennanauchno-tehnicheskaya-programma-2025>.

точки роста и обеспечение стабильного развития – это реализуемая задача для АПК в современной ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2016 г. № 350. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41139> (дата обращения: 16.03.2018).
2. Об утверждении доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/30563>.
3. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/29004>.
4. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы» (подготовлен Минсельхозом России 20.01.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://garant.ru>.
5. Агроинвестор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agroinvestor.ru/technologies/news/28443-utverzhdjena-nauchno-tekhnicheskaya-programma-2025>.
6. Дадалко В. А. Продовольственная безопасность как составляющая национальной и экономической безопасности государства // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2013. Т. 17. № 7 (60).
7. Данилов-Данильян А. В. Процесс импортозамещения в экономике России: особенности и мифы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 20-37.
8. Журавлева Е. В. Селекция и семеноводство – комплексный подход, современное состояние и перспективы // Достижения науки и техники АПК. 2015. Т. 29. № 12.
9. Крестьянские ведомости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kvedomosti.ru/news/ekspertyonf-schitayut-chto-edinyj-portal-dlya-agrobiznesa-pomozhet-izbavit-apk-ot-importozavisimosti.html>.
10. Лукьяненко З. Б., Югова Н. В. Программно-целевой метод в государственном управлении бюджетной сферой // ARSADMINISTRANDI. № 2. 2014. С. 72-78.
11. Медведев Д. Новая реальность. Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5-29.
12. Организация внедрения программно-целевых методов управления при реализации Государственных программ развития сельского хозяйства на уровне субъектов Российской Федерации. Под ред. Санду И. С. Тула, 2010. 240 с.
13. Савкина Р. В. Программно-целевой подход к решению проблемы продовольственной безопасности России // Первая Международная научно-практическая конференция «Современные инновационные технологии в экономике, науке образовании». Материалы Первой Международной научно-практической конференции. С. 82-89. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rea.ru>.
14. Савкина Р. В. Программно-целевое управление процессами перехода экономики на инновационный тип развития. Сб. трудов 3-ей Международной научно-практической конференции ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г. В. Плеханова «Экономически эффективные и экологически чистые инновационные технологии // Изд-во Вуст-Ост Ферлаг Берлин. 2017. С. 80-89.
15. Урожай и экспорт зерна из России: соберем меньше, продадим дороже. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru>.
16. Федеральная служба государственной информационной системы территориального планирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fgistp.economy.gov.ru/>.
17. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.agroxxi.ru/stati/urozhai-zernovyh-v-rossii-2018-yeksperty-ozvuchili-optimistichnyi-prognoz.html>.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Некоммерческие организации в международном и национальном праве

Под редакцией
Т. Я. Хабриевой, С. В. Чиркина

Издательство
НОРМА

ВАНЧУХИНА Любовь Ильинична

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

МИРЗИНА Ирина Ильдаровна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЛИНГА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ

В статье авторы рассматривают особенности контроллинга управления инвестиционным проектом по увеличению мощностей нефтехимического производства, как вид контроллинга, обеспечивающего информацией в текущем периоде о потенциальных производственных мощностях по итогам исполнения проекта. Представлены основные этапы принятия и реализации проектного решения с использованием инструментария контроллинга. Особенность контроллинга обусловлена уникальностью каждого проекта и его влиянием на уровень реализации стратегии. Особое внимание уделяется предпроектной стадии, которая в отличие от классического анализа экономической эффективности предусматривает дополнительный этап, на котором раскрывается через показатели потенциал инвестиционного проекта.

Ключевые слова: контроллинг, инвестиционный проект, информационное обеспечение, производственная мощность предприятия, нефтехимическое предприятие, оценка эффективности проекта, показатели потенциала проекта.

VANCHUKHINA Lyubov Iljinichna

Ph.D. in Economics, professor, Head of Accounting and audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

MIRZINA Irina Ildarovna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

FEATURES OF PROJECT MANAGEMENT OF THE PETROCHEMICAL COMPANY PROJECTS

In the article, the authors consider the specifics of controlling the management of an investment project to increase the capacity of petrochemical production as a type of controlling that provides information in the current period about potential production capacities based on the results of project execution. The main stages of the adoption and implementation of the project decision using the controlling tools are presented. The specificity of controlling is determined by the uniqueness of each project and its influence on the level of strategy implementation. Special attention is paid to the pre-project stage, which, unlike the classical analysis of economic efficiency, provides for an additional stage, which reveals the potential of an investment project through indicators.

Keywords: controlling, investment project, information support, production capacity of the enterprise, petrochemical enterprise, assessment of the project efficiency, project potential indicators.

В современном трактовании целью коммерческих организаций является выполнение миссии и обогащение акционеров посредством максимизации прибыли. Нефтехимическим предприятиям для достижения таких целей необходимо завоевать доли рынка, выйти на международный рынок, устранить конкурентов и т.д. Завоевание передовых позиций и успешное функционирование в долгосрочной перспективе возможно исключительно при расширении производства. Данная стратегическая цель достигается через инвестиционный проект¹.

Особенность инвестиционного проекта согласно ISO 21500 «Руководство по проектному менеджменту» является однократность деятельности – достижение конкретных качественных и количественных целей, направленных на увеличение мощностей. Однако сложность проектной деятельности заключается в ограничении денежных и временных ресурсов, поэтому ее реализация возможна только при выполнении уникального набора взаимосвязанных процессов². Экономической значимостью обладает процесс первоначальных мероприятий, результатом которых является решение по исполнению определенного проекта.

Контроллинг управления проектом заключается в обеспечении информационно-аналитической и методической поддержки. От нее зависит достижение целей не только проекта, но и дальнейшей деятельности предприятия. Принятие управленческих решений по реализации проекта возможно

на основании информации, которая дает возможность руководству своевременно распознать положительные и отрицательные признаки функционирования производства. Данную информацию можно сформировать только путем алгоритма действий, направленных на мониторинг эффективности деятельности предприятия в течение длительного периода времени.

Во-первых, формируется информация о результатах отчетных периодов по таким важным показателям производительности, как неудовлетворение спроса по объему, по качеству продукции, которая будет являться сигналом о проблеме, связанной с нехваткой производственных мощностей. Также формирование динамики эффективности затрат: энергоемкость и расход сырья, характеризующий технологическую эффективность – позволяют оценить глубину и сложность проблемы (рисунок 1).

Во-вторых, в течение коротких сроков на основании результатов технико – экономических анализов формируется управленческое решение о направлении инвестиций в проект, реконструкцию технологий или другого плана деятельности, результат которой решит поставленную проблему предприятия нехватки мощностей.

В-третьих, формируется информация, позволяющая повысить реализуемость проектного решения. В качестве данных выступают сведения о результатах мониторинга производственных площадок ведущих нефтехимических компаний, производственных показателей переработки и выпуска собственной продукции, что дает возможность сравнения фактических результатов производства с потенциальным выпуском в результате реализации проекта, а также возмож-

1 Миловидов К.Н. Экономика мировой нефтяной промышленности. Учебное пособие. М., 2013. С. 175.

2 ISO 21500 «Руководство по проектному менеджменту».

Рисунок 1. Процесс выявления проблемы производства с помощью информационно-аналитического обеспечения

ность оценки данного потенциала с результатами мониторинга показателей конкурентов. Это повышает экономическую обоснованность в принятии решения об увеличении производства с учетом повышения эффективности.

Также в современных условиях предприятию нефтехимической отрасли необходимо акцентировать внимание на экологический факт (третье место по значимости при оценке уровня привлекательности бизнеса после объема выпуска и качества продукции). Систематически нефтехимические предприятия подлежат аудиту и сертификации согласно требованиям ISO 14001 «Системы экологического менеджмента». Поэтому на этапе рассмотрения возможности реализации проекта в фокусе контроллинга должна быть оценка экологической составляющей деятельности в следствии ее изменения по исполнению данного проекта³.

В условиях контроллинга проектной деятельности формируется экономическое обоснование ряда проектов, результатом которых является увеличение мощностей производства, и выбор наиболее эффективного из рассматриваемых возможных вариантов. В течение длительного периода проводят широкий анализ в выборе целевого варианта. Возможный анализ выбора наиболее подходящего с точки зрения эффективности при эксплуатации проекта выполняется на основании аналитической информации: анализ динамики экономических результатов; анализ рисков воздействия внешней среды на результат проекта; определение горизонта планирования реализации проекта; прогнозирование результатов исполнения проекта; мониторинг окупаемости проекта и т.п.

На первом этапе проводится сравнение вариантов по перечню разработанных показателей, например: потенциальный объем выработки продукта с учетом отклонений ввиду запусков и остановок при дальнейшей эксплуатации; качество выпускаемой продукции с учетом потребительских предпочтений; экономический эффект; технологическая эффективность в сравнении с предыдущими показателями и с эталонными мировыми показателями; будущий маржинальный доход; упущения, вызванные отклонениями от достижения целей по инвестиционному проекту и т.п. При этом определяется наиболее результативный вариант.

На втором этапе выполняется технико-экономический анализ тех же рассматриваемых вариантов проектных решений. Оценочными показателями служат капитальные вложения, например, ПИРы, закуп, подготовка, анализ срока служ-

бы оборудования для проекта, эксплуатационные затраты, отчисления в государственный бюджет и т.п.

В качестве показателей экономической эффективности традиционно используются: чистый дисконтированный доход, индекс доходности и срок окупаемости вложений при разных ставках дисконта, учитывающих возможные уровни риска⁴. Это дает возможность увидеть прогноз эффективности вложений, приближенный к реальности и ту выгоду, которую можно получить от реализации каждого варианта проекта⁵.

В конечном итоге информация по результатам целевого анализа выводится на обсуждение и принятие окончательного решения руководством в пользу планирования определенного проекта, направленного на увеличение производственных мощностей.

Таким образом, представленный механизм управления инвестиционным проектом, предусматривающий использование контроллинга, как информационно-аналитического обеспечения каждой стадии принятия и реализации стратегического проектного решения на основе использования различных показателей, позволит на практике достичь не только запланированную экономическую эффективность проекта, но и сократить на стадии реализации проектные риски, а также достичь ожидаемого влияния проектного решения на эффективность деятельности предприятия: финансовую, технологическую, экологическую и т.п.

Пристатейный библиографический список

1. Грабовец И.В. Контроллинг инвестиционных проектов в системе управления промышленным предприятием // «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2015. С. 120-123.
2. Миловидов К.Н. Экономика мировой нефтяной промышленности. Учебное пособие. М., 2013.
3. Морозова Е.В. Процессы управления инвестиционным проектом и их контроллинг. М.: ООО Издательство «Грамота», 2015.
4. ISO 21500 «Руководство по проектному менеджменту».
5. ISO 14001 «Системы экологического менеджмента».

3 ISO 14001 «Системы экологического менеджмента».

ВЕЙС Елена Владимировна

аспирант, направление подготовки 38.06.01. «Экономика», профиль «Бухгалтерский учет, статистика», Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

ЧЕРЕМИСИНА Наталия Валентиновна

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и налогового контроля Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

СТАТИСТИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Исследование и анализ уровня жизни населения занимает важную позицию как в отечественной, так и зарубежной статистике. Статистический учет и отчетность характеризуют с количественной стороны массовые явления и процессы, позволяют выявить закономерности и, следовательно, служат важным источником анализа и оценки уровня жизни населения. Теоретическим аспектам изучения статистики уровня жизни населения и посвящена данная статья.

Ключевые слова: уровень жизни населения, индикаторы уровня жизни населения, среднедушевые денежные доходы и расходы, индекс потребительских цен.

VEYS Elena Vladimirovna

postgraduate student, training discipline 38.06.01. «Economy»
Profile "Accounting, statistics", G. R. Derzhavin Tambov state University

CHEREMISINA Natalya Valentinovna

Ph.D. in Economics, professor, Head of accounting and tax control sub-faculty of the G. R. Derzhavin Tambov State University

STATISTICS OF LEVEL OF LIVING OF THE POPULATION: THEORETICAL ASPECTS

Research and analysis of living standards of the population occupies an important position in both domestic and foreign statistics. Statistical accounting and reporting characterize the quantitative side of mass phenomena and processes, identify patterns and, therefore, serve as an important source of analysis and assessment of the standard of living of the population. This article is devoted to the theoretical aspects of studying the statistics of living standards of the population.

Keywords: standard of living of the population, indicators of standard of living of the population, average per capita monetary income and expenses, consumer price index.

Вейс Е. В.

Черемисина Н. В.

Исследование и анализ уровня жизни населения занимает важную позицию как в отечественной, так и зарубежной статистике. Статистический учет и отчетность характеризуют с количественной стороны массовые явления и процессы, позволяют выявить закономерности и, следовательно, служат важным источником анализа и оценки уровня жизни населения.

Дать определение уровня жизни можно в широком и узком смысле. В первом случае уровень жизни – это система экономических, социальных, культурных, экологических и прочих условий жизни людей. Для его характеристики используют все социально – экономические показатели статистики. В качестве наиболее общего индикатора, синтезирующего все условия в одном результате, зачастую применяют продолжительность жизни. Ее рост в России в среднем в два раза по сравнению с дореволюционным периодом начала 20 века показывает улучшение качества жизни людей. Одновременно сокращение продолжительности жизни за последние годы на 5 лет, особенно по мужскому населению, отставание по этому показателю от развитых стран на 10-15 лет свидетельствует о низком уровне жизни в России и его дальнейшем падении.

В узком смысле слова уровень жизни – это степень удовлетворения личных потребностей людей. Он характеризуется обширной системой индикаторов – это обобщающие по-

казатели, социальная дифференциация, доходы и расходы населения, сбережения и накопленное имущество, положение малообеспеченных слоев населения. Кроме того, выделяют несколько подходов к определению категории «уровень жизни». Рассмотрим подробнее каждый из них. Подход «от производства» исходит из того, что уровень жизни населения определяется уровнем развития производительных сил государства, уровнем его экономического развития. Такой подход был характерен для советского периода развития отечественной науки. Так, например, Н.И. Бузляков отмечает: «... в экономической литературе наиболее распространено представление об уровне жизни как о количестве потребляемых материальных, культурно-бытовых и социальных благ и степени удовлетворения потребностей в них на достигнутой стадии развития производительных сил»¹. Ряд других ученых использует подход «от стоимости жизни» (В.М. Рутайзер, С.П. Шпилько). В данном случае исследуемая категория выражается как отношение доходов и расходов населения.

Широко используется и трактовка уровня жизни «от потребительских нормативов» (П. Октябрьский). Здесь под уровнем жизни понимается достигнутый уровень потребления материальных благ и услуг, степень удовлетворения

1 Бузляков Н.И. Методы планирования повышения уровня жизни. – М.: Экономика, 1969

Таблица 1. Статистические показатели уровня жизни населения по методике «от доходов»

Показатель	Описание
Среднедушевые денежные доходы населения	Включают в себя оплату труда, премии, надбавки к заработной плате и средства на командировочные расходы, пенсии, пособия и стипендии, поступления от продажи продуктов сельского хозяйства, прирост сбережений за счет открытия вкладов и владения ценными бумагами в расчете на душу населения.
Среднедушевые денежные расходы населения	Включают в себя затраты на покупку товаров и оплату услуг, обязательные платежи в расчете на душу населения.
Среднемесячная заработная плата работающих	Определяется отношением начисленного фонда оплаты труда на среднегодовую численность работающих.
Покупательная способность денежных доходов населения	Отражает потенциальные возможности населения по приобретению товаров и услуг, выражается через товарный эквивалент среднемесячных денежных доходов населения.
Средний размер назначенной месячной пенсии	Определяется отношением общей суммы назначенных месячных пенсий на соответствующую численность населения пенсионного возраста.
Индекс потребительских цен	Характеризует изменение во времени общего уровня цен на товары и услуги, приобретаемые населением для непроизводственного потребления.

Таблица 2. Статистические показатели уровня жизни населения России за 2000-2017 гг.*

Показатели	Годы							
	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц	2281	8088	18958	25928	27767	30467	30747	31477
Темп роста реальных располагаемых денежных доходов населения, в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году	112,0	112,4	105,9	104,0	99,3	96,8	94,2	98,3
Среднедушевые денежные расходы населения, руб. в месяц	2218	7968	18529	25735	27723	30588	30544	31022
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	2223	8555	20952	29792	32495	34030	36709	39144
Темп роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы (с учетом индекса потребительских цен), в % к пред. году	120,9	112,6	105,2	104,8	101,2	91,0	100,8	103,5
Средний размер назначенных пенсий, руб.	694,3	2364	7476	9918	10786	11986	12391	13304
Реальный размер назначенных пенсий (с учетом индекса потребительских цен), в % к пред. году	128,0	109,6	134,8	102,8	100,9	96,2	96,6	103,6
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю пред. года), %	120,2	110,9	108,8	106,5	111,4	112,9	105,4	102,5

рациональных потребностей. Кроме того, имеет распространение трактовка уровня жизни населения «от доходов» (В. Гурьев, В. Жеребин, К. Пасс). В таком случае уровень жизни оценивается через совокупность денежных и неденежных показателей, определяющих благосостояние жизни человека². В большей степени, чем предыдущие, используется трактовка уровня жизни населения «от потребностей» (В. Майер, В. Радаева, А. Бузгалин, В. Бобков). В рамках данного подхода уровень жизни рассматривается как социально-экономиче-

ская категория, характеризующая степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

Учёный-экономист Шатунова Н.Н. пишет, что «трактуя уровень жизни, следует помнить, что он зависит как от внутренних возможностей человека, так и от факторов, определяемых внешней средой. Иными словами, при определении категории «уровень жизни» необходимо исходить из оценки достигнутого комплекса жизненных условий, характерных для данного общества. Уровень жизни может повыситься только тогда, когда совпадут тенденции движения внутренних возможностей и внешней среды. В случае, когда эти тенденции разнонаправлены, ожидать повышения уровня жизни не приходится. Уровень жизни в концентрированном виде отражает все основные процессы экономического и социального развития страны, выступает важнейшей интегральной характеристикой социально-экономической системы. На-

* Российский статистический ежегодник. Статистический сборник / Росстат. – М., 2018.

² Трофимова Н.В., Лобанова В.А. Теоретические подходы к оценке качества жизни населения региона // Современные проблемы экономики, управления и юриспруденции: материалы международной научно-практической конференции. – электрон. текст. – Тюмень: ФГОУВПО «МГТУ», 2011.

циональная, и в частности, экономическая безопасность, являются одним из важнейших компонентов уровня и качества жизни населения». Воспользуемся подходом определения уровня жизни «от доходов» и рассмотрим количественные показатели, на основе которых чаще всего проводится статистический мониторинг уровня жизни населения страны или региона (таблица 1).

Рассмотрим фактическое значение данных показателей в целом по России за 2000-2017 гг., определим основные тенденции и изменения, которые произошли за этот период времени (таблица 2). Анализ данных таблицы 2 показывает, что до 2014 года размер реальных располагаемых денежных доходов населения увеличивался и превышал 100 %, что говорит об улучшении уровня жизни в целом по стране. После этого срока данный показатель до настоящего времени остается отрицательным. Среднедушевые денежные расходы также увеличивались вслед за доходами. Изучение информации, представленной в таблице, также показывает, что до 2014 года размер реальных располагаемых денежных доходов населения увеличивался и превышал 100 %, что говорит об улучшении уровня жизни в целом по стране. После этого срока данный показатель до настоящего времени остается отрицательным. Среднедушевые денежные расходы также увеличивались вслед за доходами.

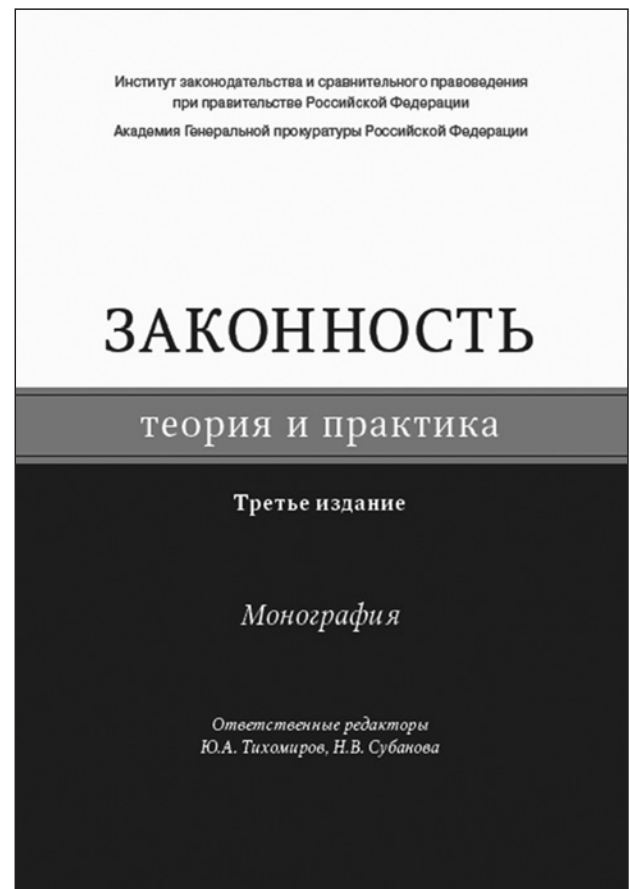
Темп роста среднемесячной номинальной заработной платы (с учетом индекса потребительских цен) также значительно снизился после 2014 года – на 10,2 процентных пункта. Что подтверждает влияние экономического кризиса 2014 года на качество жизни населения. Что касается среднего размера назначенных пенсий, то с 2014 года наблюдается его рост, но одновременно реальное значение рассматриваемого показателя снижается. Только в 2017 году было преодолено кризисное состояние в данной сфере, и произошли улучшения. Так, например, в 2017 году по сравнению с 2016 годом средний номинальный размер пенсий увеличился на 913 руб., а реальный – на 7 процентных пунктов. Анализируя динамику индекса потребительских цен, можно сказать, что наибольшее его значение за период с 2000 по 2017 гг. наблюдается в 2000 году (120,2 %) и в 2015 (112,9 %), как последствия кризисных периодов.

Рассмотрим структуру потребительских расходов домашних хозяйств России за 2017 год. Наибольшую долю в структуре расходов занимает покупка продуктов для домашнего питания (31 %) и расходы на непродовольственные товары (37 %), которые включают в себя приобретение одежды и обуви, телерадиоаппаратуры, транспортных средств, топлива, средств личной гигиены, строительных материалов и прочее. Оставшиеся 32 % представляют собой оплату услуг, большая часть из которых, а именно 10 % от общего числа расходов и 31 % от суммы расходов на оплату услуг, – это оплата жилищно-коммунальных услуг. Это говорит о том, что обеспечить комфортные условия жизни достаточно дорого, что является большей частью расходов населения. Государство играет важнейшую роль в формировании качественных условий жизни граждан, в первую очередь, за счет соблюдения принципов социальной политики – установления минимальных размеров заработной платы, пенсий, пособий и других выплат, а также проведения их индексации. Поэтому модель системы управления развитием страны должна включать определенный диапа-

зон стратегических целей, направленных на повышение уровня жизни населения, таких, как максимально эффективное использование средств федерального и региональных бюджетов; создание условий для повышения социальной защиты населения; разработка инструментов, способствующих привлечению дополнительных инвестиций в регионы.

Пристатейный библиографический список

1. Бузляков Н.И. Методы планирования повышения уровня жизни. – М.: Экономика, 1969
2. Трофимова Н.В., Лобанова В.А. Теоретические подходы к оценке качества жизни населения региона // Современные проблемы экономики, управления и юриспруденции: материалы международной научно-практической конференции. – электрон. текст. – Тюмень: ФГОУВПО «МГТУ», 2011.
3. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник / Росстат. – М., 2018.

ГАРИПОВА Венера Валериевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

СПАССКАЯ Наталья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ РЫНОЧНЫХ ИНСТИТУТОВ И ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В статье исследована сущность категории «предпринимательство» в широком и узком смысле, выявлены его основные критерии, проанализированы основные показатели развития, определены ключевые проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: «предпринимательство» как экономическая категория, проблемы малого и среднего предпринимательства, государственная поддержка субъектов малого и среднего бизнеса.

GARIPOVA Venera Valerjevna

Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and auditing sub-faculty of the V. G. Timiryasov Kazan Innovative University

SPASSKAYA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the Orel State University

ENTERPRISE IN A SYSTEM OF MARKET INSTITUTIONS AND THE FINANCIAL ASPECTS OF ITS OPERATION

The article investigates the essence of the "entrepreneurship" category in a broad and narrow sense, identifies its main criteria, analyzes the main indicators of development, identifies key problems and ways to solve them.

Keywords: «entrepreneurship» as an economic category, problems of small and medium-sized businesses, state support of small and medium-sized businesses.

Предпринимательство является важным элементом и гарантом существования развитой рыночной экономики. Степень его развития и активность во многом определяет уровень демократизации государства и открытости его экономики. Государство, поддерживая малое и среднее предпринимательство, решает проблемы повышения благосостояния населения и увеличения количества граждан со средним доходом. Налоговые поступления от этого сегмента экономики в значительной степени способствуют пополнению бюджета. Конкуренция, являющаяся основным условием работы малых предприятий, позволяет сдерживать рост цен на товары и услуги, стимулирует предпринимателей постоянно повышать качество продукции и внедрять новые технологии. В настоящее время во всем мире неуклонно возрастает роль малого и среднего бизнеса. Именно малый бизнес рассматривается в качестве катализатора экономического развития и антикризисного инструмента поддержки экономики, что определило актуальность избранной темы исследования.

Существует немало подходов к определению сущности понятия «предпринимательство». При всём их многообразии исследуемую категорию можно рассматривать в узком и широком смысле. Предпринимательство в широком смысле – это мобильная совокупность юридических и физических лиц – предпринимателей, не являющихся составной частью монополистических структур. Такой подход прослеживается в работах М. Э. Гербер, В. А. Рубе, С. П. Крюкова, С. И. Поляковой¹. В узком смысле предпринимательство – коммерческое частное предприятие, отвечающее индивидуальным для каждого государства и отрасли критериям, прописанным в

соответствующих регламентирующих документах государственной важности. Такой позиции придерживаются авторы В. Я. Горфинкель, Е. В. Гражданкина².

Обобщая различные подходы к сущности предпринимательства, мировая практика выработала несколько критериев отнесения тех или иных субъектов к малому и среднему бизнесу: 1) численность работников на предприятии с возможностью отраслевой дифференциации (ввиду повсеместной автоматизации производства); 2) финансовые результаты деятельности предприятия: а) балансовая стоимость активов; б) объем доходности; 3) мера экономической самостоятельности малого и среднего предприятия, исключающей присутствие государства и муниципальных образований в капитале предприятий. Перечисленные критерии используются для определения статуса малого и среднего предприятия и в российском законодательстве.

На основе анализа современных научных периодических изданий можно выявить актуальные формы государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Они сводятся к следующим направлениям: специальные налоговые режимы; упрощенная система ведения бухгалтерской отчетности; упрощенный порядок составления статистической отчетности; льготный порядок расчетов за приватизированное государственное и муниципальное имущество; меры по обеспечению прав и законных интересов при осуществлении государственного контроля (надзора); меры по обеспечению финансовой поддержки; меры по развитию инфраструктуры поддержки и иные меры.

Анализ тенденций развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации позволяет констатировать, что после всех кризисных явлений 2008 года, происходивших как в мировой экономике, так и в экономике России, вступления в ВТО и периода санкций, начавшиеся

1 Гербер М. Э. Малый бизнес: от иллюзий к успеху. Возвращение к мифу предпринимательства. – М., 2013. – С. 12; Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России /Под ред. В. А. Рубе. – М., 2014. – С. 8; Крюков С. П. Поддержка малого бизнеса увеличивается. // Деньги и кредит. – 2017. – № 2 – С. 19; Малое предпринимательство: организация, экономика, управление / Под ред. С. И. Поляковой. – М., 2015. – С. 14.

2 Малый бизнес / Под ред. В. Я. Горфинкеля. – М., 2013. – С. 21; Экономика малого предприятия /Под ред. Е. В. Гражданкиной. – М., 2013. – С. 11.

гося летом 2013 года, к текущему моменту можно говорить о восстановлении сектора малого и среднего предпринимательства, о чём свидетельствуют статистические данные³. В течение 2016-2017 годов прослеживается замедление темпов роста основных показателей развития малого и среднего предпринимательства, однако они продолжают сохранять положительные тенденции. Так, в 2017 году число малых и средних предприятий имеет прирост в 1,9 %, среднесписочная численность работников этих предприятий всего +0,4 %, оборот +6,5 %, а инвестиции в основной капитал +15,6 %.

Специфика отраслевой структуры малого и среднего предпринимательства такова, что на протяжении 2015-2017 годов наибольшее количество предприятий зарегистрировано в сфере оптовой и розничной торговли (более 41 %). Это вполне объяснимо, так как именно в этой сфере происходит наиболее быстрый оборот капитала. Второе место по числу субъектов малого и среднего бизнеса принадлежит сфере операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставлении услуг - 18 %, третье - строительству - 12 %. Среди малых и средних предприятий доля прибыльных субъектов превосходит аналогичный показатель по предприятиям, не являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства. Это объясняется гибкостью и мобильностью этих предприятий и является доказательством того, что малые и средние предприятия лучше и быстрее приспосабливаются к изменяющейся рыночной конъюнктуре, чем крупные. Однако следует констатировать, что масштабы развития малого и среднего предпринимательства в России сильно отстают от мировых. Развитие малого и среднего бизнеса в экономически развитых странах идет более быстрыми темпами. Это связано с тем, что национальные власти придают большое значение таким предприятиям и оказывают им всестороннюю помощь в развитии и совершенствовании, разрабатывают большое число программ поддержки малого и среднего бизнеса и предоставляют льготы.

На сегодняшний день в России существует ряд проблем, мешающих развитию малого бизнеса. К основным проблемам, не дающим малому бизнесу развиваться должным образом можно отнести следующие:

1. Не восприимчивость к инновациям. На сегодняшний день в России инновационная активность малых предприятий не соответствует экономическим требованиям современности. По данным Центра экономической конъюнктуры при правительстве РФ, в России различными видами инновационной деятельности занимаются менее 25 процентов предприятий, когда как в США до 50 %. Одной из причин такой проблемы является то, что внедрение инноваций в производство требует больших капиталовложений, а у предпринимателей малых фирм просто для таких инвестиций не хватает средств.

2. Низкий процент венчурной специализации. В России основным видом деятельности малого бизнеса является торговля и коммерция, а инновационное производство захватывает всего около 6 %, когда как в экономически развитых странах, около 25 %.

3. Постоянная нехватка финансирования. Малый бизнес в России характеризуется острой нехваткой финансирования из-за малой величины индивидуального капитала, следовательно, появляется потребность в кредите. Процентные ставки на услуги кредитования малого бизнеса значительно выше, нежели ставки кредитования среднего или крупного бизнеса.

4. Неустойчивость малого бизнеса. Из предыдущей проблемы вытекает следующая. Нестабильность малого бизнеса в результате нехватки финансирования, жестокой конкурентной борьбы и части внешних факторов. Почти каждый четвертый представитель малого бизнеса в России становится в итоге банкротом или ликвидирует свою деятельность.

5. Высокая налоговая нагрузка. Помимо того, что в России довольно крупные размеры взимаемых налогов для предпринимателей, что в основном является следствием

ухода в теневую экономику, налогообложение само по себе имеет ряд серьезных проблем: неразвитость механизмов налогообложения и перераспределения налогов.

6. Арендная плата, размер которой не ограничен законодательством. То есть арендодатели вправе постоянно повышать плату за свое помещение. Если, к примеру, для крупных торговых точек, открывающих свои магазины в торговых центрах, куда ходит большая часть населения, это проблема не очень весомая, то для мелкого предприятия, чей доход не велик, это очень важный фактор.

7. Неразвитая правовая система. Негативные явления в малом бизнесе в основном связаны с неразвитостью правовой системы и слабой защищенностью предпринимателя.

8. Невысокая степень адаптированности системы образования. Проблема в низком уровне знаний, необходимых при построении бизнес-процессов и высокой и не всегда адекватной стоимости обучения предпринимателей и персонала. К примеру, во всех развитых странах существует программы обучения бизнесу. В Германии финансово поддерживается студенческое предпринимательство. Во многих странах предлагают простые краткосрочные курсы по маркетингу, менеджменту управлению персоналом. А в японских университетах существуют специальные курсы, посвященные управлению малыми компаниями.

9. Высокий уровень предпринимательских рисков, которые приводят к тому, что преобладающее большинство предприятий малого бизнеса не просто испытывают временные затруднения, а постоянно находятся в кризисном состоянии.

Стабильное развитие сектора малого и среднего предпринимательства в долгосрочной перспективе предполагает значительную государственную поддержку. В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, разработанной Минэкономразвития России, к 2030 году для субъектов малого предпринимательства предусматривается достижение ряда целевых показателей, сопоставимых со среднеевропейскими показателями развития малого и среднего предпринимательства и отвечающих инновационному варианту развития российской экономики. Для их достижения, на наш взгляд, необходима реализация ряда ключевых направлений государственной политики в отношении малого и среднего бизнеса, которые должны быть направлены на создание единого центра поддержки малого и среднего предпринимательства, определение рыночных ниш для бизнеса, обеспечение технологического развития, повышение доступности финансирования, гарантирование предсказуемой фискальной политики, повышение качества государственного регулирования, осуществление политики территориального развития, обеспечение субъектов малого и среднего предпринимательства квалифицированными кадрами.

Пристатейный библиографический список

1. Гербер М. Э. Малый бизнес: от иллюзий к успеху. Возвращение к мифу предпринимательства. - М., 2013.
2. Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России / Под ред. В. А. Рубе. - М., 2014.
3. Крюков С. П. Поддержка малого бизнеса увеличивается. // Деньги и кредит. - 2017. - № 2 - С. 18-22.
4. Малое предпринимательство: организация, экономика, управление / Под ред. С. И. Поляковой. - М., 2015.
5. Малый бизнес / Под ред. В. Я. Горфинкеля. - М., 2013.
6. Такмакова Е. В., Кириллов В. Б. Тенденции развития малого бизнеса в российской Федерации // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики. Сб. научных статей XV Международной научно-практической конференции молодых ученых. Отв. ред. Ю. Г. Лаврикова. - Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. - С. 285-289.
7. Экономика малого предприятия / Под ред. Е. В. Гражданкиной. - М., 2013. - С. 11.

³ Такмакова Е. В., Кириллов В. Б. Тенденции развития малого бизнеса в российской Федерации // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики. Сб. научных статей XV Международной научно-практической конференции молодых ученых. - Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. - С. 286.

ГЕРЕЕВ Руслан Залимханович

магистрант направления «Управление бизнесом» Института экономики и менеджмента Томского государственного университета

ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В условиях нестабильности и непредсказуемости рыночной экономики стратегическое планирование приобретает особо значимую роль в хозяйствовании компании. Научная статья выполнена в рамках изучения основных характеристик инструментов стратегического планирования производственной деятельности на проектно-ориентированном предприятии. В работе рассматриваются современные инструменты стратегического планирования, используемые отечественными и зарубежными предприятиями. Рассмотрены основные приемы и этапы стратегического планирования, его цели и задачи, результаты, угрозы осуществлению.

Ключевые слова: стратегическое планирование, инструменты стратегического планирования, проектно-ориентированная организация, PEST-анализ, SWOT-анализ, матрица Мак-Кинзи, пять сил М. Портера, функциональный анализ, конкуренция, цепочка ценностей.

Гереев Р. З.

GEREEV Ruslan Zalikhanovich

magister student of the direction «Business Management» of the Institute of Economics and Management of the Tomsk State University

STRATEGIC PLANNING TOOLS IN A PROJECT-ORIENTED ORGANIZATION

In conditions of instability and unpredictability of the market economy, strategic planning acquires a particularly important role in the management of the company. The scientific article is made within the framework of the study of the main characteristics of the tools of strategic planning of production activities at the project-oriented enterprise. The paper deals with modern tools of strategic planning used by domestic and foreign enterprises. The main methods and stages of strategic planning, its goals and objectives, results, threats to implementation are considered.

Keywords: strategic planning, strategic planning tools, project-oriented organization, PEST-analysis, SWOT-analysis, McKenzie matrix, M. Porter's five forces, functional analysis, competition, value chain.

Эффективное управление в современных условиях развития рынка - это необходимое условие совершенствования бизнеса, создания и реализации своих конкретных преимуществ. И перед каждым руководителем встают стратегические вопросы выбора направления развития своего дела и определения его ключевых преимуществ перед другими компаниями-конкурентами. Выработка такого видения и управление компетенцией предприятия является основной предпринимательской функцией менеджмента компании. Более того, этот аспект актуален в условиях сегодняшней жёсткой конкуренции, где «выживают» только лидеры. Очевидно, что для создания подобной инфраструктуры необходимо формирование конкурентоспособных предприятий, которые должны представлять собой целостную систему, характеризующуюся совокупностью элементов (компонентов) обладающие определёнными свойствами и связями, позволяющие предприятие не только получать текущую выгоду, но и ориентироваться на долгосрочную перспективу. Одним из возможного направления является ориентация на проектно-ориентированный подход в управлении компании¹.

В деятельности современной организации увеличивает роль знаний, информационных потоков, инновационных накоплений, количество информационного взаимодействия работников, формируются структуры, направляющие свою

профессиональную деятельность прежде всего на сбор, обработку и проектную реализацию инновационных знаний. При решении организационных задач все чаще используются информационные проекты, развиваются механизмы формального и неформального сбора, обработки и создания информации, генерируются новые знания, возникают проектные идеи в области организации труда, технологий, социального менеджмента. В рамках различных научных школ находит обоснование необходимость перехода к проектно-ориентированному информационному типу организации. Современные ученые представляют некоторые существенные черты нового проектного типа организации.

Представители социального менеджмента отмечают, что в условиях формирования экономики, основанной на знаниях, необходим переход к новому, планомерно-проектному типу информационной организации. Новая организация представляется авторами в качестве системы сетей информационных потоков, где деятельность людей направляется на поиск и обработку информации, планирование и внедрение нового социально значимого знания².

Проектно-ориентированная организация формируется в результате роста доли в системе функционирования деятельности, направленной на разработку и реализацию проектов. Неопределенность задачи проектно-ориентированной организации - это относительный объем информации, кото-

1 Боловинцев Ю. А. Теоретико-методологические подходы к стратегическому планированию деятельности организаций // Российское предпринимательство. - 2013. - № 23 (245). - С. 74-80.

2 Zahradnířková L., Vacík E. Scenarios as a Strong Support for Strategic Planning // Procedia Engineering 69. - 2014. - P. 665-669.

рая необходима для обеспечения эффективной разработки заранее намеченных проектов. «Чем больше степень неопределенности, тем больше решений необходимо принимать и тем больший объем информации необходимо обработать. Теоретически организации имеют ограниченные способности для обработки информации и используют различные методы, чтобы справиться с неопределенностью задач. Поэтому изменение этих методов влияет на способность организаций обрабатывать информацию и принимать решения относительно непредвиденных ситуаций»³.

Несложно заметить, что в соответствии с данным подходом процесс формирования проектно-ориентированной организации должен осуществляться на основе анализа соответствия между потребностями, способностями работников, структурой, задачами и целями организации. В то же время в рамках теорий социального менеджмента отсутствуют исследования соотношения необходимого развития потребностей и способностей работников.

Сегодня стратегическое планирование рассматривается как один из основных инструментов снижения неопределенности деятельности предприятия в условиях быстроменяющейся внешней среды и определения наиболее приоритетных направлений обеспечения устойчивого развития предприятия. Если в 90-е годы конца XX столетия стратегическое планирование рассматривалось в призма долгосрочного плана развития и определения генеральных целей, то сегодня стратегическое планирование - это целый комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных, прежде всего, на достижение соответствующих параметров хозяйственной деятельности, которым предприятие должно отвечать в будущем в рамках устойчивого функционирования⁴.

Одной из современных особенностей стратегического планирования на предприятиях является то, что данный процесс стал отдельным видом деятельности, который пронизывает всю систему управления, начиная от высшего административного управленческого звена, заканчивая деятельностью отдельных производственных работников, тем самым оказывая значительное влияние на процесс распределения и перераспределения финансовых, трудовых, материальных и других ресурсов. По мнению Боловинцева Ю. А. проявлению этой особенности способствовали следующие факторы:

- значительное увеличение сложности и числа управленческих задач, обусловленных изменениями процессов во внутренней и внешней организационной среде;
- расширение географических рамок деятельности организаций, необходимость учета специфических особенностей национальных экономик;
- рост ответственности топ-менеджмента наряду со снижением эффективности управленческих навыков, приобретенных в прошлом периоде;
- усиление нестабильности и рост динамики изменений внешней среды организации, появление новых управленческих проблем, свойственных постиндустриальному обществу⁵.

Другой ключевой особенностью стратегического планирования является переход от адаптивного планирования на

предприятиях к планированию стратегии действия на рынке. Иными словами, если в начале 2000-х годов руководители предприятий разрабатывали стратегические планы в рамках адаптации хозяйственной деятельности к характеристикам внешней среды, где в качестве генеральных приоритетов определялись вопросы обеспечения выживаемости предприятия, то сегодня стратегические планы многих предприятий ориентированы на реализацию индивидуальных стратегий, и в большинстве случаев уже нацелены на расширение географических границ рынков сбыта⁶.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что при проведении стратегического анализа необходимо декомпозировать эту процедуру на два крупных этапа. Оба этапа равнозначно важны для полной и точной оценки стратегического планирования деятельности предприятия. На первом этапе необходимо провести анализ внешней среды предприятия, а затем, вторым этапом, - анализ внутренней среды. Данный анализ необходимо проводить до начала разработки стратегии развития предприятия. При условии правильности подбора значимых факторов и оценке степени их влияния на фирму выбор стратегии развития будет правильным и эффективным.

Угрозы для предприятия, кроющиеся во внешней среде, выявляются вследствие проведения анализа внешней среды. Все влияющие факторы окружающей среды необходимо объединить в несколько разнообразных групп, которые впоследствии подвергнутся анализу. Согласно мнению отечественного ученого Мельникова В.П. все факторы внешней среды необходимо объединить в две большие группы:

- факторы макросреды (состояние экономики, политические процессы, правовое регулирование и др.);
- факторы микросреды (уровень развития отрасли, затраты, системы сбыта).

Влияние факторов макросреды на предприятие в краткосрочном периоде незначительно, однако в долгосрочной перспективе они могут оказывать значительное влияние. Количество таких факторов достаточно велико, поэтому чаще всего для анализа выбираются конкретные ключевые направления. Наиболее часто используемым методом в анализе факторов макросреды предприятия можно назвать PEST-анализ.

Для более подробного изучения связей организации с внешней средой можно использовать модель пяти сил Портера, особенно популярную среди людей, занимающихся бизнесом. При использовании этого метода все внимание исследователей сосредотачивается на 5 конкурентных силах, выделенных М. Портером: рыночная власть покупателей и поставщиков, угроза вторжения новых участников, опасность появления товаров – заменителей, а также уровень конкурентной борьбы или внутриотраслевой конкуренции⁷.

Анализ микросреды также является немаловажным. В нее входят акционеры, потребители, поставщики, конкуренты, кредиторы предприятия и др.

Для анализа микросреды используются такие направления, как структура затрат, организация сбыта, перспективы

3 Ковалев В. И. Форсайт: прогнозирование инноваций или инновации в прогнозах? // Вестник ОмГУ. - 2013. - № 2 (68).

4 Ковалев В. И. Форсайт: прогнозирование инноваций или инновации в прогнозах? // Вестник ОмГУ. - 2013. - № 2 (68). - С. 169-172.

5 Zahradníčková L., Vacík E. Scenarios as a Strong Support for Strategic Planning // Procedia Engineering 69. - 2014.

6 Крюков С.В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего. Пространство экономики. - 2010. - №3-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/forsayt-otprognoza-k-formirovaniyu-buduschego> (дата обращения: 04.02.2019)

7 Денисенков Н. А. Методика проведения анализа конкурентоспособности предприятия в рамках проектно-ориентированного подхода в управлении // Управление экономическими системами. - 2016. - №3. - С. 5.

роста и жизненный цикл, потенциальный и реальный размер отрасли, основные факторы успеха в отрасли. Также используется отмеченная выше модель пяти сил конкуренции Портера, которую рекомендуют большинство отечественных и зарубежных ученых.

Стратегический анализ внутренней среды предприятия может быть проведен при помощи разнообразных методов, таких, как статистические, экономико-математические, а также метод экспертных оценок. Анализ «цепочки ценностей» М. Портера, управленческое обследование и система управленческого анализа Мак-Кинзи можно назвать наиболее часто используемыми методами при проведении стратегического анализа.

М. Портер в своей концепции «цепочки ценности» выделил основные виды деятельности фирмы, которые направлены на получение прибыли, делит их на две большие группы: основные и вспомогательные. Это разделение позволяет выявить конкурентоспособность предприятия по отдельным процессам, происходящим внутри него, определить важность процессов для клиента, что позволяет значительно повышать конкурентоспособность.

Анализ по системе Мак-Кинзи предполагает выделять для анализа такие объекты, как: производство, сбыт, маркетинг, проектирование, технология, обслуживание.

Факторный анализ также является достаточно популярным методом стратегического анализа и представляет собой системное изучение и измерение влияния различных факторов на результативные показатели.

Анализ разрывов или GAP-анализ является не столь популярным, но, тем не менее, действенным методом. Его результат - определение факта разрыва между возможностями фирмы и ее целями, если таковой имеется, то еще и поиск путей ликвидации разрыва.

Поиск оптимальных пропорций трех составляющих финансового менеджмента (цена, объем, постоянные и переменные затраты) является целью CVP-анализа.

Оценить влияние факторов внешней и внутренней среды в комплексе и подвести итог в стратегическом анализе может SWOT-анализ.

Аудит сильных и слабых сторон окружающей среды предприятия — это первый этап при проведении SWOT-анализа. Информация, полученная в результате этого, позволяет дополнить стратегическую матрицу возможностями и угрозами. В результате мы получаем матрицу, которая позволяет определить насколько компания в состоянии использовать рыночные возможности при негативном воздействии внешних угроз.

SWOT-анализ позволяет разработать стратегии предприятия на основе построенной матрицы. Уникальность и неповторимость факторов, составляющих четыре основных компонента SWOT-анализа, обусловленная субъективностью мнения оценивающего и индивидуальностью исследуемой компании позволяет отметить, что стратегия, сформулированная на основе матрицы SWOT, будет уникальной и особенно эффективной.

Следует особо подчеркнуть, что стратегический план — это совокупность согласованных, признанных разумными мероприятий, договоренность о конкретных мерах, которые необходимо осуществить и которые имеют стратегическую важность. Процесс разработки стратегии развития должен быть направлен на поиск консенсуса в принятии решения и реализацию широким кругом активных людей. Таким образом, речь идет о механизме стратегического партнерства,

а именно, о механизме поиска стратегических ориентиров и обеспечения согласованных действий на их достижение.

Процесс, процедура и технологии стратегического планирования не могут быть абсолютно одинаковыми.

По нашему мнению, также необходимо учитывать факторы потенциального развития, характеризующие уровень используемых технологий на конкретном предприятии, альтернативные сценарии и тенденции развития⁸.

После реализации всех этапов формирования стратегии на предприятии осуществляется разработка плана конкретных действий, а также проводится анализ эффективности и результативности, после чего корректируются цели и методы их достижения.

Подвергая анализу теоретические и практические разработки отечественных ученых, можно определить основные препятствия по эффективной интеграции предприятия в мировое хозяйство.

Следует заметить, что быстрая динамика выхода предприятия на внешние рынки без надлежащей модернизации производства может иметь негативные последствия. Продвигаемая на рынок продукция будет неконкурентоспособной как по ценовой характеристике (в значительной степени обусловленной высокой энергоемкостью производства), так и по характеристике качества.

Чтобы предотвратить негативные последствия глобализации, необходимо использовать как внутренние, так и внешние факторы решения этой проблемы.

Пристатейный библиографический список

1. Боловинцев Ю. А. Теоретико-методологические подходы к стратегическому планированию деятельности организаций // Российское предпринимательство. - 2013. - № 23 (245).
2. Денисенков Н. А. Методика проведения анализа конкурентоспособности предприятия в рамках проектно-ориентированного подхода в управлении // Управление экономическими системами. - 2016. - № 3.
3. Денисенков Н. А., Краковская И. Н. Сущность концепции проектно-ориентированного управления предприятием // Экономика и предпринимательство. 2015. - №1.
4. Ковалев В. И. Форсайт: прогнозирование инноваций или инновации в прогнозах? // Вестник ОмГУ. - 2013. - №2 (68).
5. Крюков С. В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // Пространство экономики. - 2010. - № 3-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/forsayt-otprognoza-k-formirovaniyu-buduschego> (дата обращения: 04.02.2019)
6. Zahradnípková L., Vacík E. Scenarios as a Strong Support for Strategic Planning // Procedia Engineering 69. – 2014.

8 Денисенков Н. А., Краковская И. Н. Сущность концепции проектно-ориентированного управления предприятием // Экономика и предпринимательство. - 2015. - № 1. - С. 789-793.

ДОБРОСОЦКАЯ Светлана Юрьевна

магистрант Южного университета (Института Управления, Бизнеса и Права)

МАРТЫНОВ Борис Викторович

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Южного университета (Института Управления, Бизнеса и Права)

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ НА ПРИМЕРЕ МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ

В статье раскрывается проблематика организации кадрового обеспечения транспортных компаний в эпоху цифровизации. Особое внимание уделяется роли и экономико-правовым аспектам межвузовской научно-образовательной платформы в процессе подготовки специалистов нового поколения.

Ключевые слова: цифровизация, научно-образовательная платформа, кадры.

DOBROSOTSKAYA Svetlana Yurjevna

magister student of the Southern University (Institute of Management, Business and Law)

MARTYNOV Boris Viktorovich

associate professor of Humanitarian disciplines sub-faculty of the Southern University (Institute of Management, Business and Law)

ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF TRAINING FOR THE DIGITALIZATION OF THE EURASIAN TRANSPORT SYSTEM ON THE EXAMPLE EDUCATIONAL PLATFORM

The article deals with the problems of organization of personnel support of transport companies in the era of digitalization. Special attention is paid to the role and economic and legal aspects of the interuniversity scientific and educational platform in the training of a new generation of specialists.

Keywords: digitalization, scientific and educational platform, personnel.

Диджитализация как фундаментальный тренд современности охватывает все больше сфер общественной жизни, выступая одновременно драйвером роста различных отраслей экономики и условием конкурентоспособности отдельных хозяйственных субъектов. В то же время, в силу взаимозависимости развития экономических секторов цифровая трансформация становится императивом для всех областей и участников рынка товаров и услуг.

Значимость развития транспортной отрасли в рамках ЕАЭС сложно переоценить: являясь одним из основных средств расширения национального рынка, она обеспечивает укрепление экономики евразийского региона в целом. Поэтому Распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24.07.2018 № 124 в План научно-исследовательских работ Евразийской экономической комиссии на 2018-2019 годы была включена НИР «Разработка концепции экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза»¹.

В настоящее время в рамках данного исследования предложена модель цифровизации транспортного коридора, ориентированная на решение комплекса задач² (см. рисунок 1).

Для совершенствования управления МТК и решения указанных вопросов, помимо стратегического планирования, финансового и технологического обеспечения, необходим кадровый ресурс. При этом качество сопровождения обозначенных процессов напрямую зависит от соответствия знаний, умений и навыков специалистов цифровому тренду развития транспорта и логистики в евразийском пространстве. Оптимальной институциональной формой для разработки и актуализации соответствующего портфеля компетенций, на наш взгляд, является межвузовская научно-образовательная платформа управления транспортными системами.

Образовательно-технологическая платформа - это коммуникационный образовательный инструмент, направленный на активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов, образовательных услуг, на привлечение дополнительных ресурсов. Платформа создается для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, государства, гражданского общества), совершенствование нормативно-правовой базы в области научно-технологического, инновационного развития. Представляется, что такой формат будет обеспечивать воспроизводство высококвалифицированных специалистов силами вузов-участников платформы (см. рисунок 2).

Так, на сегодняшний день заключено Соглашение между Межвузовским научно-образовательным центром управ-

1 Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24.07.2018 № 124 «О внесении изменений в план научно-исследовательских работ Евразийской экономической комиссии на 2018-2019 годы». Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/>, 30.07.2018.

2 О старте работ по проведению НИР «Разработка концепции экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facebook.com/digitalagendaEAEU/?__tn__=%2CdkCH-R-R&eid=ARB3g5XhJpcdl3l6n3cSySJlg26j4zXj11UFw8S8gblV-yZdQSWSDvPGoon33k39ac6mpVeliJbbxCrt&hc_ref=ARTx8yIje2EKctoicl-YsaiyJN5dkywKKCS87mimeVcGr5-WF6JvAQRoHQ47Jm4MrD8&fref=nf&hc_location=group / (дата обращения: 18.03.2018).

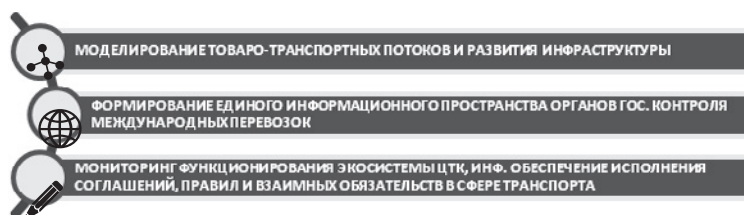

Рисунок 1. Задачи ЦТР.

Рисунок 2. Межвузовская научно-образовательная платформа.

ления транспортными системами, созданном на базе Южного университета (ИУБиП) и РГУПС, и Азербайджанским государственным университетом нефти и промышленности о создании Межвузовской научно-образовательной платформы для исследования проблем управления транспортными системами и подготовки специалистов.

В рамках правового аспекта организации подготовки кадров для цифровизации евразийской транспортной экосистемы важно отметить две группы вопросов: юридическое взаимодействие субъектов-участников платформы на международном уровне и несоответствие транспортного законодательства стран евразийского региона.

Юридическое взаимодействие российских вузов с иностранными организациями в рамках образовательной платформы обусловлено институциональной дифференциацией в системе образования стран-участников: несоответствие правовой регламентации процедур международного сотрудничества в данной сфере, различие образовательных стандартов, несамостоятельность принятия решений образовательными организациями с государственным участием. В связи с этим, некоторые авторы указывают на необходимость «системного и последовательного сближения международно-правовых институтов применительно к правовому регулированию системы образования, основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права»³, отмечают, что «расширение и углубление системы международных договоров способствовало бы формированию стабильной основы для совмест-

ных научных исследований российских и зарубежных ученых»⁴.

Вторую группу юридических вопросов можно разделить на два блока: «коллизии нормативного регулирования предусмотренных гражданским законодательством договорных конструкций, лежащих в основе правового обеспечения управления МТК, и пробелы и отсутствие правовых норм для обеспечения цифровой логистики»⁵. Иными словами, речь идет о содержательной составляющей взаимодействия субъектов образовательной платформы: общих правовых проблемах транспортного права, решаемых посредством устранения противоречий в общеобязательных нормах национального законодательства и длительной процедуры гармонизации законодательства, и «новом поколении» проблем, возникновение которых связано с цифровыми процессами. Скоординированное взаимодействие заинтересованных субъектов в рамках платформы позволит разработать оптимальные и комплексные решения правовых проблем⁶, а включение научно-практических исследований методологии поиска оптимальных юридических решений в услови-

3 Букалерева Л. А., Шагиева Р. В. Международное сотрудничество в сфере образования: проблемы правового регулирования в условиях глобализации // Вестник Казанского технологического университета. - 2013. - Т. 16. № 16. - С. 50-55.

4 Приказчикова О. В., Белашова В. В., Васильченко В. Н. Правовые основы международного сотрудничества Российской Федерации в сфере высшего образования // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки в 21 веке сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. - 2017. - С. 175-178.

5 Добросоцкая С.Ю. Коллизии правового обеспечения управления транспортными системами в контексте цифрового развития региона // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. - 2018. - № 1. - С. 77-81.

6 Добросоцкая С.Ю., Мартынов Б.В. Актуальные проблемы правового обеспечения управления транспортными системами в контексте диджитализации региональной экономики // Вестник экономики, права и социологии. - 2018. - № 2. - С. 75-78.

ях дифференцированного правового пространства в образовательный процесс организаций – участников платформы будет способствовать воспроизводству высококвалифицированных специалистов, обладающих набором актуальных уникальных компетенций.

Среди экономических аспектов организации подготовки кадров для цифровизации МТК важно отметить особую ценность мониторинга соотношения востребованности «представленных на рынке труда» специалистов, опосредующих международные транспортные процессы, и актуальных кадровых потребностей работодателей (крупных транспортных и логистических компаний). Тренд автоматизации повсеместно ведет к замене человеческого труда программными роботами: например, в конкурсе «Евразийские цифровые платформы» в номинации «Цифровое будущее ЕАЭС» победил проект *Apilog.kz*⁷ – платформа, опосредующая логистические процессы, нацеленная на повышение уровня и скорости оказания услуг. Такие возможности платформы, как интеллектуальная маршрутизация и отслеживание перевозочных документов, облегчают работу, в частности, специалистов по логистике, снижая потребность в таких кадрах. Отслеживая тенденции цифровизации, вузы – участники образовательной платформы смогут прогнозировать запросы работодателей и соответствующим образом корректировать образовательную политику.

Своевременный мониторинг кадровых потребностей транспортных компаний, осуществляющих международную торговлю на территории ЕАЭС, и актуализация образовательных программ будет способствовать повышению востребованности выпускников транспортных вузов – участников платформы и обеспечению логистических компаний высококвалифицированными кадрами, что отвечает стратегической цели роста экономики и благосостояния стран евразийского региона.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26.12.2017 № 200 (ред. от 24.07.2018) «О плане научно-исследовательских работ Евразийской экономической комиссии на 2018 - 2019 годы» и от 24.07.2018 № 124 «О внесении изменений в план научно-исследовательских работ Евразийской экономической комиссии на 2018-2019 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 14.11.2018).
2. Букалерева Л. А., Шагиева Р. В. Международное сотрудничество в сфере образования: проблемы правового регулирования в условиях глобализации // Вестник Казанского технологического университета. - 2013. - Т. 16. № 16. - С. 50-55.

3. Добросоцкая С. Ю. Коллизии правового обеспечения управления транспортными системами в контексте цифрового развития региона // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. - 2018. - № 1. - С. 77-81.
4. Добросоцкая С. Ю., Мартынов Б. В. Актуальные проблемы правового обеспечения управления транспортными системами в контексте диджитализации региональной экономики // Вестник экономики, права и социологии. - 2018. - № 2. - С. 75-78.
5. О старте работ по проведению НИР «Разработка концепции экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facebook.com/digitalagendaEAEU/?__tn__=%2CdkCH-R-R&eid=ARB3g5XhJpcdl3l6n3cSySJIg26j4zXj11UFw8S8gbIV-yZdQSWSDvPG0on33k39ac6mpVeliJbbxCrt&hc_ref=ARTx8yIje2EKctoicl-YSa i y J N 5 d k y w K K C S 8 7 m i m e V c G r 5 - W F 6 J v A Q R 0 H Q 4 7 J m 4 M r D 8 &fref=nf&hc_location=group/ (дата обращения: 18.03.2018).
6. Подведены итоги конкурса «евразийские цифровые платформы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facebook.com/eecommission/?__tn__=%2CdkCH-R-R&eid=ARDaVDhgjrjAbiMAOkGWwSaP4QqT1Z_ZhzM9ibpt1ygCAdE9UuoKqElqv5R-tDEwAHlhLaIlADt88wP&hc_ref=ARR3RxYy3TCyzhy6VYoeZA_G1fF_N9VTBSU-QwmXKn-X4dI9MaqzDr1fSggMQfHm3xg&fref=nf&hc_location=group (дата обращения: 14.11.2018).
7. Приказчикова О. В., Белашова В. В., Васильченко В. Н. Правовые основы международного сотрудничества Российской Федерации в сфере высшего образования // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки в 21 веке сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. - 2017. - С. 175-178.

7 Подведены итоги конкурса «евразийские цифровые платформы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facebook.com/eecommission/?__tn__=%2CdkCH-R-R&eid=ARDaVDhgjrjAbiMAOkGWwSaP4QqT1Z_ZhzM9ibpt1ygCAdE9UuoKqElqv5R-tDEwAHlhLaIlADt88wP&hc_ref=ARR3RxYy3TCyzhy6VYoeZA_G1fF_N9VTBSU-QwmXKn-X4dI9MaqzDr1fSggMQfHm3xg&fref=nf&hc_location=group (дата обращения: 14.11.2018).

ДАУТОВА Танзиля Ахтямовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

ПАСТУХ Екатерина Сергеевна

магистрант кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ПОДДЕРЖКИ ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ КАЛИНИНСКОГО РАЙОНА ГО. УФА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

В статье раскрывается роль администрации района в реализации региональной программы повышения производительности труда и занятости на примере участия в пилотном проекте ОАО «СТЕКЛОНИТ». Особое внимание уделяется вопросам обучения и переобучения работников, которые становятся актуальными в связи с внедрением в производство новейших технологий.

Ключевые слова: пилотный проект, производительность труда, бережливое производство, повышение квалификации работников.

DAUTOVA Tanzilya Akhtyamovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of State management sub-faculty of the Bashkir State University

PASTUKH Ekaterina Sergeevna

magister student of State management sub-faculty of the Bashkir State University

THE PECULIARITIES OF REALIZATION OF THE REGIONAL PROGRAM OF RAISING LABOR PRODUCTIVITY AND SUPPORTING EMPLOYMENT (TAKING AS AN EXAMPLE THE WORK OF KALININSKIY DISTRICT COUNCIL OF UFA THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

The article reveals the role of the district Council in putting into life the regional program to raise labor productivity and employment taking as an example the participation of Public Corporation «STEKLONIT». Special attention is paid to the questions of teaching and retraining of the employees that becomes urgent due to the introduction of the newest technologies into manufacture.

Keywords: pilot project, labor productivity, economical manufacture, raising of employees' skills.

Природе развитых экономических отношений присущи высокий уровень производительности труда и повышение на этой основе эффективности производства.

Именно производительность труда в условиях рыночной экономики является основным источником экономического роста и одним из важнейших факторов ослабления инфляционных ожиданий и улучшения качества жизни населения. Сегодня без повышения производительности труда страна не может решать основные макроэкономические проблемы. Сложившаяся экономическая ситуация, при которой средние темпы экономического роста в стране сократились до 1-1,5 % в год, требует, чтобы решение проблем роста производительности труда стало центральным в масштабе всего российского общества. В последнее время по этой причине внимание к вопросам производительности труда усиливается как со стороны государства, так и со стороны экономических агентов. Об этом свидетельствуют две крупные приоритетные программы, принятые за последние два года: в 2017 году приоритетный проект «Повышение производительности труда и поддержка занятости», в мае 2018 года – Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости». Целью первой программы является запуск и реализация программ повышения производительности труда и поддержки занятости в регионах России – в 15 субъектах и на 150 предприятиях в 2018 году с расширением до всех 85 субъектов и 850 предприятий к 2025 году.

Республика Башкортостан является одним из шести пилотных регионов, избранных для запуска приоритетной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости». Участие республики в реализации данной программы обусловлено насущной необходимостью повышения производительности труда. По данному показателю республика занимает всего лишь 44-е место среди субъектов Российской Федерации. Производительность труда на 1 работника в 2015 году в абсолютном выражении составила 748,6 тыс. рублей (в Российской Федерации – 1217,0 тыс. рублей). По данному показателю республика занимает 33-е место в России¹. Производительность труда на 1 работника в сель-

ском хозяйстве в 2015 году составила 464,0 тыс. рублей, что в 1,6 раза меньше, чем производительность труда в целом по Республике Башкортостан. Низкий уровень производительности труда в приоритетных отраслях промышленности явился следствием высокого коэффициента износа производственных мощностей (оборудования), недостаточного уровня внедрения инновационных материалов и технологий их производства. Негативное влияние оказало и отсутствие необходимого объема инвестиций для модернизации и расширения производства, недостаточно эффективная работа по переобучению и повышению квалификации работников, а также низкая степень внедрения современных систем управления качеством. Тем не менее, прослеживается положительная динамика в вопросах занятости населения. Так, уровень общей безработицы снизился по сравнению с 2015 годом с 6,1 % до 5,8 % (в Российской Федерации – с 5,6 % до 5,5 %). Статус безработного за 2017 год получили 49226 жителей республики, что на 8 % меньше, чем в 2015 году. Численность безработных граждан, зарегистрированных в центрах занятости, на 1 января 2017 года составила 23598 человек, что на 2480 человек, или на 10 %, ниже, чем на начало 2016 года. Уровень регистрируемой безработицы на 1 января 2017 года составил 1,17 % против 1,29 % на начало 2016 года. Коэффициент напряженности на рынке труда снизился с 1,2 до 0,8. Основными барьерами для обеспечения высокого уровня занятости населения являются избыточное число выпускаемых образовательными организациями специалистов гуманитарного профиля и низкое качество их подготовки, диспропорция спроса и предложения рабочей силы, низкий уровень самозанятости граждан.

Благодаря участию в проекте республика получила уникальную возможность начать работу в части повышения производительности труда. Правительство РБ постановлением от 20 июля 2018 года № 341 утвердило приоритетную региональную программу «Повышение производительности труда и поддержка занятости в Республике Башкортостан» на 2018-2025 годы². Эф-

1 Приоритетная региональная программа «Повышение производительности труда и поддержка занятости в Республике Башкортостан» на 2018-2025 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 08.01.2019 г.).

2 Постановление правительства Республики Башкортостан от 20 июля 2018 года № 341 «Повышение производительности труда и поддержка занятости в Республике Башкортостан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/550144128> (дата обращения: 02.01.2019 г.).

Таблица 1. Целевые показатели программы:

Показатель	Тип показателя (основной, аналитический)	Базовое значение (на конец отчетного года)	2017	2018	2019	2020	2025
1. Прирост производительности труда на не менее 10 предприятиях-участниках региональной программы, % к базовому году (2017 г.)	основной	0	-	5	10	15	30
2. Доля трудоустроенных работников с уровнем заработной платы не ниже предыдущего среди участвующих в мероприятиях по повышению эффективности занятости и обратившихся в службу занятости, %	основной	0	-	78	80	85	90

эффективность программы будет оцениваться по четырем индикаторам. В первую очередь речь идет о росте производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики до 5 % ежегодно, а также приросте производительности труда на не менее чем 10 предприятиях-участниках региональной программы к 2025 году до 30 % (см. таблица 1). Для этого предстоит провести работу по развитию механизмов трансфера технологий, стимулированию внедрения передовых управленческих, организационных и технологических решений для повышения производительности труда и модернизации основных фондов, увеличению производственной и инновационной активности крупных и средних компаний региона, а также создание системы методической и организационной поддержки повышения производительности труда на предприятиях. Отдельным направлением станет формирование системы подготовки кадров по обучению основам повышения производительности труда.

Ожидаемыми результатами данной программы должны стать увеличение производственной и инновационной активности крупных и средних предприятий; развитие механизмов трансфера технологий; реализация комплекса компенсационных мер по дальнейшему трудоустройству высвобождаемых работников от реализации мер по повышению производительности труда³.

В рамках вышеупомянутой региональной программы эксперты государственной корпорации «Росатом» выбрали для участия в пилотном проекте ОАО «СТЕКЛОНИТ», расположенный на территории Калининского района ГО г. Уфа. В состав ОАО «СТЕКЛОНИТ» входит ООО «Композит-Сольюшен», которое является резидентом иннопарка «Сколково» в составе кластера «Энергоэффективность». На этом предприятии введена международная система менеджмента ISO 90001. Целью данного проекта является внедрение новых инструментов и методов бережливого производства (подобных участникам пилотного проекта по республике 10). Бережливое производство – наиболее надежный и действенный способ к повышению эффективности деятельности предприятий, ориентированный на совершенствование управленческих и производственных процессов, повышение производительности труда, улучшение качества продукции, сокращение всяческих потерь.

Администрация Калининского района ГО г. Уфа способствует участию данной компании в пилотном проекте. Совместно с руководством был разработан план по повышению производительности компании, усилению и координации мер по созданию новых рабочих мест; составлена дорожная карта повышения эффективного регулирования и снижения административных барьеров. На предприятии был организован проектный офис по внедрению принципов бережливого производства, механизмов оптимизации производственных процессов и совершенствования кадрового потенциала.

Государственное казенное учреждение центр занятости населения Калининского района г. Уфы организует повы-

шение квалификации работников акционерного общества «СТЕКЛОНИТ» за счет федерального и республиканского бюджетов, 140 работников проходят обучение за один курс.

Период обучения по каждой из представленных программ составляет три месяца. Обучение направлено на развитие профессиональных компетенций персонала в соответствии с требованиями бережливого производства и реализуется по двум направлениям:

- программа повышения квалификации «Современные технологии управления производством». Данная программа рассчитана на такие категории персонала, как начальники и заместители начальников цехов, линейные руководители и специалисты обеспечивающих подразделений, мастера и бригадиры. Численность слушателей данной программы 50 человек;

- программа «Повышение производительности труда работников основного производства и ремонтного обслуживающего персонала»; численность слушателей данной программы 90 человек.

Программы обучения разработаны специалистами учебно-методического отдела Учебного центра, имеющего положительный опыт участия в программах опережающего обучения, совместно с руководством ОАО «СТЕКЛОНИТ». В качестве преподавателей выступают ведущие бизнес-тренеры, эксперты в области производительности труда. Обучение осуществляется на площадках предприятия, программы обучения согласованы Региональным центром профессиональных компетенций в сфере производительности труда. Программа разработана таким образом, что работники получают знания и умения, позволяющие им в дальнейшей работе подменять друг друга.

Вопросы внедрения в производство прогрессивных технологий, реконструирования производственных площадей и оснащение их новейшим оборудованием, соответствующим мировым стандартам, равно как и вопросы повышения компетенции работников находятся в центре внимания Администрации района, как законного представителя государственной власти на местах.

Пристатейный библиографический список

1. Приоритетная региональная программа «Повышение производительности труда и поддержка занятости в Республике Башкортостан» на 2018-2025 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nra.bashkortostan.ru> (дата обращения: 08.01.2019 г.).
2. Паспорт приоритетной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30 августа 2017 г. № 9)). ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doe> (дата обращения: 02.01.2019 г.).
3. Постановление правительства Республики Башкортостан от 20 июля 2018 года № 341 «Повышение производительности труда и поддержка занятости в Республике Башкортостан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/550144128> (дата обращения: 02.01.2019 г.).

3 Паспорт приоритетной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30 августа 2017 г. № 9)) ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doe> (дата обращения: 02.01.2019 г.).

ТОЛИКОВА Елена Эдуардовна

доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российской таможенной академии (г. Люберцы)

КРАМАРЕНКО А. В.

студент 5 курса факультета Таможенного дела Российской таможенной академии (г. Люберцы)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ

В данной статье рассматривается управление таможенными администрациями, входящими в интеграционные объединения, с позиции формирования цифрового пространства на примере Европейского союза.

Ключевые слова: таможенный менеджмент, таможенные технологии, интеграция.

TOLIKOVA Elena Eduardovna

Ph.D. in Economics, professor of Financial management sub-faculty of the Russian Customs Academy (Lyubertsy)

KRAMARENKO A. V.

5th year student of the Customs Matter Faculty of the Russian Customs Academy (Lyubertsy)

SOME QUESTIONS OF MANAGEMENT OF CUSTOMS TECHNOLOGIES IN THE COURSE OF INTEGRATION

In this article management of the customs administrations entering integration associations from a position of digital space formation on the example of the European Union is considered.

Keywords: customs management, customs technologies, integration.

Таможенные технологии 21 века выходят на новый уровень, характеризующийся не только решением задач обеспечения таможенного контроля и взимания таможенных платежей, но и реализующий функцию интегративного развития таможенных администраций.

Данное развитие проявляется как среди стран, образующих таможенные союзы, так и среди отдельно взятых государств. В первом случае формируется широкая сеть межгосударственного взаимодействия, во втором – межведомственного (с участием налоговых и правоохранительных органов конкретного государства). Объединяющей характеристикой обоих процессов является развитие цифровой инфраструктуры, которую можно позиционировать как создание цифрового пространства.

Обоснованием актуальности вопроса управления таможенными технологиями в процессе интеграции государств можно считать переход к четвертой промышленной революции, обязывающей таможенные органы отвечать уровню развития сферы внешнеэкономической деятельности.

Современное управление таможенными технологиями целесообразно рассмотреть как управление таможенной деятельностью с позиции Всемирной таможенной организации (Далее – ВТамО). ВТамО разрабатывает вопросы по пяти сферам таможенной деятельности: установлению стандартов для таможенных процедур, содействию международному сотрудничеству и обмену информацией, управлению рисками, поддержанию тренда развития и оказания технической помощи и поддержанию имиджа таможенных органов¹. Для достижения положительных результатов в указанных сферах ВТамО предложены программы по достижению

международной целостности: внедрение лучших практик, подготовленных в соответствии с Компендиумом ВТамО. Пересмотрено руководство по развитию интеграции и добросовестности, модуль электронного обучения, ведется работа в рамках официальных семинаров и встреч².

ВТамО воздействует на экономику через таможенные администрации, путём создания необходимых условий для ведения бизнеса. Для этого используются инструменты, предлагаемые СЕФАКТ ООН – Практического руководства по упрощению процедур торговли. Оно рекомендуется государствам для реализации в виде учреждения специализированного института (Национальный орган по упрощению процедур торговли), разработки и применению дорожной карты, создания «единого окна», сокращение задержек при пересечении таможенной границы³.

Таможенная сфера обладает широким спектром влияния, при этом являясь «вложенной» системой по отношению к государству и внешней политике. К тому же, в последнее время распространена концепция «государственных услуг», трансформирующаяся в понятие «государственной таможенной услуги», тем самым отождествляя ведение таможенной деятельности не только с надстройкой системы, но и с её базисом – ведением внешнеэкономической деятельности (Далее – ВЭД).

К примеру, взаимодействие таможенных администраций ЕС основывается на Таможенном кодексе Европейского союза (Далее – ЕС), принятом в 2016 году. Его положения детализируются каждым государством-членом ЕС в индиви-

1 Кадыркулов М. А., Мозер С. В., Липатова Н. Г. Всемирная таможенная организация как современный институт совершенствования таможенного администрирования и упрощения процедур торговли; РТА, Регион. учеб. центр Всемир. тамож. орг. - Москва: РИО РТА, 2017. – С. 17.

2 Официальный сайт ВТамО. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wcoomd.org/en/topics/integrity/programme.aspx> (дата обращения: 17.01.19).

3 Официальный сайт Практического руководства по упрощению процедур торговли. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tfig.unece.org/RUS/index.html> (дата обращения: 17.01.19).

Рисунок 1. Направления оценки налоговой эффективности администраций государств-членов ЕС

дуальном порядке, однако, стратегическое направление регулируется на наднациональном уровне.

Развитие взаимодействия таможенных администраций ЕС ведётся в рамках реализации программ, а также путём мониторинга положения 28 таможенных администраций относительно друг друга (разработана собственная оценка). Федеральная таможенная служба Российской Федерации ориентируется на рейтинг Doing Business.

На сегодняшний день существует общая программа Кооперации таможенных администраций ЕС до 2020 года (The customs 2020), Ежегодная программа по исполнению Программы таможенной кооперации 2020 и Отчёт о реализации Программы таможенной кооперации 2020⁴. На финансирование The customs 2020 было выделено 547,3 млн. евро на период 2014-2020 годов, из которых финансируются ряд мероприятий: семинары и практикумы, проектные группы по конкретным вопросам с применением инструментов бенчмаркинга, наращивание потенциала в области информационных технологий и формирование соответствующих должностных компетенций сотрудников таможенных органов⁵.

Администрирование таможенных вопросов в ЕС тесно связано с налоговым регулированием, в ряде стран обе области регулирования подконтрольны одному ведомству. В ЕС существует понятие «налоговой дисциплины», которая подразумевает обеспечение соблюдения правил налогоплательщиками (объектная сторона процесса налогового администрирования) и предоставление налогоплательщикам

соответствующих ресурсов (компетентные специалисты, использование соответствующих оборудования и технологий, использование бюджета; субъектная сторона). Это подробно изложено в Фискальной программе 2020 (The Fiscals 2020 Programme). Оценка работы налогового администрирования возможна за счёт применения Методики фискальной оценки (Fiscal Blueprints)⁶ и Инструментов диагностической оценки налогового администрирования (A Tax Administration Diagnostic Assessment Tool - TADAT)⁷. Методика фискальной оценки выявляет сильные и слабые стороны администраций и способствует внедрению лучших практик ЕС в области налогового администрирования. Для этого налоговая администрация подвергается балльной оценке по пяти кластерам, которые выстроены произвольно, без соблюдения иерархичности или относительной важности. Затем предусмотрено применение лепестковой диаграммы для визуализации результатов. Инструменты диагностической оценки налогового администрирования относятся к методологии совершенствования управления государственными финансами и поддержки устойчивого развития (Public Expenditure and Financial Accountability - PEFA).

Оценка налоговой администрации государства-члена ЕС проводится по девяти направлениям, что отображено на Рисунке 1.

Наблюдается соответствие экономической и таможенной систем, так как таможенная система запрограммирована отслеживать экономику, обладать рычагами влияния, оставаясь транспарентным гарантом рыночной безопасности.

4 Официальный сайт Европейского союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/business/customs-cooperation-programmes/reference-documents_en (дата обращения: 17.01.19).

5 Official journal of the European Union, L 347/209, Regulation (EU) No 1294/2013 of the European parliament and of the council of 11 December 2013 establishing an action programme for customs in the European Union for the period 2014-2020 (Customs 2020) and repealing Decision No 624/2007/EC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/taxation/tax_cooperation/fiscalis_programme/legal_texts/docs/customs_2020_regulation.pdf (дата обращения: 17.01.19).

6 Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, Fiscal Blueprints – A path to a robust, modern and efficient tax administration. 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/common/publications/info_docs/taxation/fiscal_blueprint_en.pdf (дата обращения: 17.01.19).

7 The Tax Administration Diagnostic Assessment Tool (TADAT). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tadat.org/files/TADAT_ProgramDocument_ENG.pdf (дата обращения: 17.01.19).

Рис. 2. Целевые направления «Стратегии развития Европы 2020»*

Это и иллюстрируют пункты развития инноваций в «Стратегии развития Европы 2020» и «Customs 2020».

«Стратегия развития Европы 2020» включает в себя несколько модернизируемых направлений, в том числе, касающихся инновационного сектора, к которому относится и создание цифровой экономики (Рисунок 2).

При этом положения данной стратегии трансформированы в индивидуальные положения для каждой страны ЕС. Направление исследований и разработок в ЕС присутствует в отношении специфической цели «Стратегии развития таможенных органов ЕС 2020», а именно – «компьютеризации». Идея цифровизации Европы получила своё развитие в виде «Стратегии единого цифрового рынка» от 2015 года, которая в дополнение к теоретическим положениям содержит конкретизирующую дорожную карту⁸.

Она положила начало созданию программы «Single Market, Innovation and Digital», в рамках которой существует программа «Digital Europe», направленная на создание инфраструктуры, необходимой для цифровой экономики. Инвестиционная деятельность в части исследований и инноваций базируется на рамочной программе, называемой «Horizon Europe» (РП8, «Horizon 2020»).

«Horizon 2020» представляет собой финансовый вектор цифрового развития, сформированный тремя опорами и двумя главными приоритетами (Рис. 3). Важно отметить,

что программа является открытой для участия третьих стран по отношению к ЕС. Финансирование Horizon Europe в сравнении с программами «Digital Europe», «International Thermonuclear Experimental Reactor» (ITER), «Euratom Research and Training Programme», «Innovation Window Invest EU Fund» является безусловно преобладающим на период 2014-2020 годов, и по прогнозу на 2017-2021 года будет только расти⁹.

Важно, что цифровизация в ЕС происходит комплексно, существующие документы охватывают не только таможенную сферу. А, вернее, не только таможенную: европейская модель построения цифровой экономики начинается с финансируемых исследований, параллельно модернизируя нормативную и правовую базу и таможенных администраций.

В заключение можно сказать, что направление цифровой экономики формируется комплексным образом, и это можно наблюдать на примере стратегических и нормативных документов ЕС.

Следовательно, неизбежно развитие таможенных администраций в разрезе формирования цифровых пространств, управление которым осуществляется на международном, межнациональном и национальном уровнях.

В качестве перспективных направлений развития цифрового пространства, исходя из вышеизложенных положений, можно выделить следующие:

1. Создание единой программы цифрового развития государств-членов интеграционных образований.
2. Создание проектов межнационального финансирования цифровых направлений развития государств-членов интеграционных образований.

* Europe 2020 strategy. Targets. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-and-fiscal-policy-coordination/eu-economic-governance-monitoring-prevention-correction/european-semester/framework/europe-2020-strategy_en (дата обращения: 17.01.19).

8 A Digital Single Market Strategy for Europe - Analysis and Evidence: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, the European Commission, 06.05.2015, SWD (2015) 100 final. 111 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1447773803386&uri=CELEX:52015DC0192#document1> (дата обращения: 17.01.19).

9 European commission press release database. EU budget: Commission proposes €9.2 billion investment in first ever digital programme. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-4043_en.htm (дата обращения: 17.01.19).

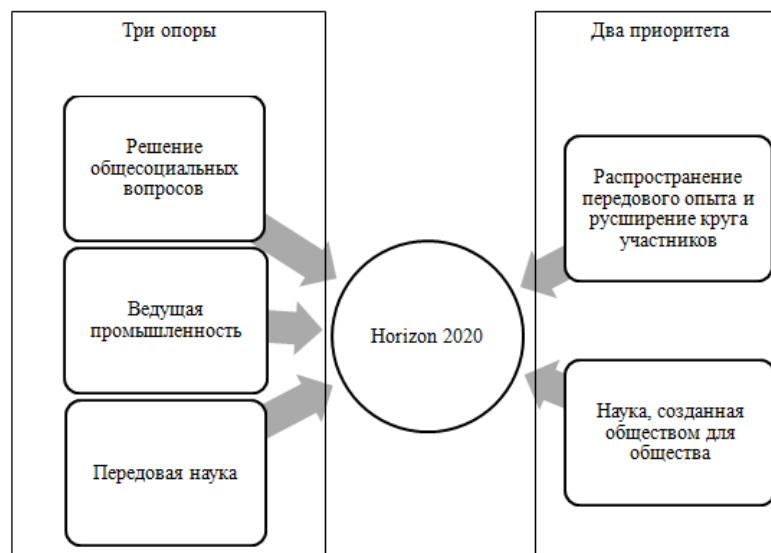

Рисунок 3. Схематичное представление содержания программы «Horizon 2020»**

3. Корреляция на стратегическом уровне направлений цифрового развития таможенных администраций и научных исследований, образования, социального развития.

Пристатейный библиографический список

- Кадыркулов М. А., Мозер С. В., Липатова Н. Г. Всемирная таможенная организация как современный институт совершенствования таможенного администрирования и упрощения процедур торговли; РТА, Регион. учеб. центр Всемир. тамож. орг. - Москва: РИО РТА, 2017. – С. 17.
- Официальный сайт European Institute of innovation & Technology. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eit.europa.eu/eit-community/eit-glance/mission> (дата обращения: 17.01.19).
- Официальный сайт ВТамО. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wcoomd.org/en/topics/integrity/programme.aspx> (дата обращения: 17.01.19).
- Официальный сайт Европейского союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/business/customs-cooperation-programmes/reference-documents_en (дата обращения: 17.01.19).
- Официальный сайт Практического руководства по упрощению процедур торговли. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tfig.unece.org/RUS/index.html> (дата обращения: 17.01.19).
- A Digital Single Market Strategy for Europe - Analysis and Evidence: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, the European Commission, 06.05.2015, SWD (2015) 100 final. 111 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1447773803386&uri=CELEX:52015DC0192#document1> (дата обращения: 17.01.19).
- Europe 2020 strategy. Targets. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-and-fiscal-policy-coordination/eu-economic-governance-monitoring-prevention-correction/european-semester/framework/europe-2020-strategy_en (дата обращения: 17.01.19).
- European commission press release database. EU budget: Commission proposes €9.2 billion investment in first ever digital programme. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-4043_en.htm (дата обращения: 17.01.19).
- Horizon Europe. EU Budget for the future: research and innovation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/budget-proposals-research-innovation-may-2018_en.pdf (дата обращения: 17.01.19).
- Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, Fiscal Blueprints — A path to a robust, modern and efficient tax administration. 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/common/publications/info_docs/taxation/fiscal_blueprint_en.pdf (дата обращения: 17.01.19).
- Official journal of the European Union, L 347/209, Regulation (EU) No 1294/2013 of the European parliament and of the council of 11 December 2013 establishing an action programme for customs in the European Union for the period 2014-2020 (Customs 2020) and repealing Decision No 624/2007/EC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/taxation/tax_cooperation/fiscalis_programme/legal_texts_docs/customs_2020_regulation.pdf (дата обращения: 17.01.19).
- The Tax Administration Diagnostic Assessment Tool (TADAT). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tadat.org/files/TADAT_ProgramDocument_ENG.pdf (дата обращения: 17.01.19).

** Horizon Europe. EU Budget for the future: research and innovation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/budget-proposals-research-innovation-may-2018_en.pdf (дата обращения: 17.01.19).

ТОЛИКОВА Елена Эдуардовна

доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российской таможенной академии (г. Люберцы)

КУЗМИНОВА Ольга Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента Российской таможенной академии (г. Люберцы)

СИНЕЛЬНИКОВ Богдан Александрович

преподаватель кафедры финансового менеджмента Российской таможенной академии (г. Люберцы)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ТАМОЖЕННАЯ ИННОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИЯ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ТАМОЖЕННОЙ УСЛУГИ»

Рассмотрены содержания категорий, описывающих сущность таможенных инноваций и сходства и отличия инноваций в сфере оказания государственных таможенных услуг. Уточнены критерии классификации инноваций. Приведены типы и виды инноваций.

Ключевые слова: государственная услуга, инновации, таможенная инновация, инновация в сфере оказания государственной таможенной услуги.

TOLIKOVA Elena Eduardovna

Ph.D. in Economics, professor of Financial management sub-faculty of the Russian Customs Academy (Lyubertsy)

KUZMINOVA Olga Alekseevna

Ph.D. in Economics, associate professor of Financial management sub-faculty of the Russian Customs Academy (Lyubertsy)

SINELNIKOV Bogdan Aleksandrovich

lecturer of Financial management sub-faculty of the Russian Customs Academy (Lyubertsy)

TO A QUESTION OF «CUSTOMS INNOVATION» AND «INNOVATION IN THE SPHERE OF RENDERING CUSTOMS SERVICE» CATEGORIES RATIO

Content of the categories describing an entity of customs innovations and similarity and difference of innovations in the field of rendering the public customs services is considered. Criteria of classification of innovations are specified. Types and kinds of innovations are given.

Keyword: public service; innovations; customs innovation; an innovation in the field of rendering the public customs service.

Анализ позиций России в мировых рейтингах инновационного развития показывает, что текущее положение требует активного вмешательства со стороны государства как ключевого субъекта управления. Актуальность тематики, связанной с вопросами инновационного развития таможенной службы, обусловлена тем, что необходимо повышение инновационной активности с целью воздействия на факторы, определяющие уровень развития инновационного потенциала государственных таможенных услуг.

В рейтинге уровня развития электронного правительства ООН (e-Government Development Index)¹, который содержится в исследованиях e-Government Survey, позиции стран распределяются на основе полученного ими общего индекса. Он, в свою очередь, складывается из трех «под-индексов», характеризующих состояние: А) веб-присутствие органов государственной власти; В) телекоммуникационная инфраструктура; С) человеческий капитал.

В июле 2018 года (исследование проводится раз в два года) была обнародована очередная редакция рейтинга стран с наибольшим уровнем развития электронного правительства. Россия в этом списке поднялась на три места – с 35-го в 2016 году на 32-е в 2018-м². Так же, Россия поднялась с 34-го на 23-е место в группе стран с наиболее высоким уровнем во-

влеченности граждан (e-Participation, электронное участие). Здесь государства-участники ранжируются по уровню участия граждан в управлении и принятии государственных решений с использованием ИКТ. Кроме того, Россия укрепила позиции в рейтинге телекоммуникационной инфраструктуры, набрав в 2018 году 0,6219 балла против 0,6091 двумя годами ранее.

Многочисленные исследования посвящены инновациям в сфере оказания услуг: Hauknes, 1998³; Howells and Tether, 2004⁴; Miles, 2004⁵. Согласно Руководству Осло⁶, (Руководству Фраскати⁷, Руководству Канберры⁸, Руководству Боготы⁹) зна-

3 Hauknes J. Norwegian Input-Output Clusters and Innovation Patterns. STEP report, 1998.

4 Howells J. and Tether B. Innovation in Services: Issues at stake and trends, ESRC Centre for Research on Innovation and Competition, Institute of Innovation Research. - University of Manchester, 2004.

5 Miles I. «Innovation in Services» in Fagerberg, Jan, David C. Mowery and Richard R. Nelson. - The Oxford Handbook of Innovations, Oxford: Oxford University Press, 2004.

6 OECD. Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. Third Edition. - Paris, OECD and Eurostat, 2005.

7 Руководство Фраскати. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://browse.oecdbookshop.org/oecd/pdfs/browseit/9202081E.pdf> (дата обращения: 13.01.2019).

8 Руководство Канберры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/dataoecd/34/0/2096025.pdf> (дата обращения: 13.01.2019).

9 Руководство Боготы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ricyt.org/interior/difusion/pubs/bogota/bogota_eng.pdf (дата обращения: 13.01.2019).

1 United nations e-Government survey 2018. Department of Economic and Social Affairs. Gearing e-Government to support transformation towards sustainable and resilient societies. New York, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publicadministration.un.org>.

2 Там же.

чение инноваций в сфере услуг и вклад самой сферы услуг в экономическое развитие получают все большее признание.

Классификация Хауэлса и Тетера подразделяет услуги на четыре группы:

- услуги, связанные с товарами;
- услуги, связанные с информацией;
- услуги, основанные на знаниях;
- услуги, связанные с потребностями людей.

При всем этом разнообразии большинству услуг присущи некоторые общие характеристики. Ключевой особенностью всех видов услуг является то, что разграничение между продуктами и процессами здесь часто размыто, так как процессы производства и потребления происходят одновременно. Разработка процессов в сфере услуг может быть менее формализованной, чем в случае материального продукта: она начинается с поиска и отбора идей и их оценки, а затем следует осуществление. Инновационная деятельность в сфере услуг имеет тенденцию к непрерывности, представляя собой серию поэтапных изменений в продуктах и процессах. Иногда это может затруднять выявление инноваций в сфере услуг как отдельных событий, то есть факторов осуществления изменения в продуктах, процессах, методах.

В условиях перехода России на путь инновационного развития, ФТС России требуется поддерживать высокотехнологичные и наукоемкие виды деятельности. В результате анализа ряда источников^{10 11}, возможно трактовать термин «таможенная инновация» – «как первое применение в практике конкретного таможенного органа метода работы или таможенной услуги, которые полностью или значительно улучшены и благодаря этому имеют ценность для заинтересованных сторон».

Согласно ФЗ №210 от 27.07.201 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»,¹² - государственная услуга, предоставляемая федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации – это деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги.

Тогда, под «инновацией в сфере оказания таможенной услуги» мы будем понимать внедрение новых методов управления, принятия финансовых решений в сфере оказания услуг, а так же процедурные новации процесса оказания государственной таможенной услуги.

Здесь необходимо подчеркнуть двойственный характер трактовки терминов инновации в таможенной сфере: сама

таможенная услуга по одной классификации является объектом инноваций, а по другой – ее предметом.

Опираясь на классификацию А.В. Буркова¹³, выделим общие объекты таможенных инноваций:

- сами государственные таможенные услуги (как процесс или результат деятельности таможенных органов);
- процедуры оказания государственной таможенной услуги;
- внутренняя среда таможенного органа;
- внешняя среда таможенного органа.

В соответствии с данными областями применения существует классификация пяти типов таможенных инноваций:

- 1) продуктовые;
- 2) маркетинговые;
- 3) операционные;
- 4) организационные;
- 4) партнёрские.

Стратегические направления инновационного развития сферы государственных услуг включают классификацию инноваций в сфере оказания таможенных услуг как предметной сферы процесса¹⁴:

1. Технологические инновации – инновации в области технологии оказания услуг, внедрения нового оборудования, позволяющих оказывать новые услуги, выпускать новые сопутствующие товары.

2. Сервисные инновации (инновации услуг) – повышение потребительской ценности услуг, изменения в структуре и ассортименте оказываемых услуг, совершенствование качественных характеристик услуг.

3. Организационно-управленческие – совершенствование бизнес-процессов, внедрение новых методов управления, принятия решений, использование новых информационно-коммуникационных ресурсов в сфере услуг.

4. Социально-экономические – изменение социальных, экономических и правовых условий функционирования предприятий сферы услуг, способствующих улучшению условий труда и повышению качества жизни населения.

5. Финансовые – создание новых финансовых продуктов и привлечение инвестиций в отрасли сферы услуг.

Недостаточно разработанной сферой инновационного развития государственных таможенных услуг являются финансовые инновации.

Дадим дефиницию «финансовая инновация в сфере оказания государственной таможенной услуги»: это новый финансовый продукт, инструмент, технология, операция, являющиеся частью процедуры оказания услуги.

Сущность финансовой инновации состоит в следующем: она дополняет традиционные методы платежа; увеличивает скорость обращения денег; расширяет возможности финансовых транзакций.

В процессе развития электронных технологий оказания услуг возникает острая необходимость перестройки государственных структур под требования нового информационного общества, где вся информация распространяется посредством информационных коммуникационных технологий. Таможенная служба активно работает в этом направлении, создавая различные электронные сервисы для оказания услуг участникам ВЭД, развивая систему межведомственного взаимодействия, при котором информация, необходимая для принятия решения по конкретному случаю может быть получена от других органов государственной власти без дальнейшего участия заявителя. В 2017 году разработано и согласовано 16 тех-

10 Бурков А.В. Экономическая система XXI века: новые подходы к управлению предприятиями, отраслями, комплексами. Под ред. А.В. Буркова. - Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2012.

11 Каточков В.М. Инновационные направления развития сферы услуг как фактор экономического роста // Вопросы инновационной экономики. - 2014. - № 1. - С. 14-20. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/articles/31947>.

12 Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: ФЗ от 27.07.2019 №210-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.01.2019).

13 Бурков А. В. Экономическая система XXI века: новые подходы к управлению предприятиями, отраслями, комплексами. Под ред. А.В.Буркова. - Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2012.

14 Каточков В. М. Инновационные направления развития сферы услуг как фактор экономического роста // Вопросы инновационной экономики. - 2014. - № 1. - С. 14-20. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/articles/31947>.

Рисунок 1. Структура оказания таможенных услуг участниками ВЭД в электронном виде за период 4-х кварталов 2017 г. и 2-х кварталов 2018 г., %

нологических карт межведомственного взаимодействия (ТКМВ), из них 12 ТКМВ – с федеральными органами исполнительной власти, 3 ТКМВ – с Центральным Банком Российской Федерации и 1 ТКМВ – с ФАУ «Главгосэкспертиза России» (всего ФТС России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и организациями в 2018 году разработано и согласовано 80 ТКМВ).

В соответствии со «Стратегией развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года»¹⁵ развитие таможенных органов осуществляется по следующим взаимосвязанным направлениям, соответствующим стратегической цели и приоритетам таможенной политики: совершенствование таможенного регулирования; совершенствование таможенного контроля после выпуска товаров; совершенствование реализации фискальной функции; совершенствование правоохранительной деятельности; содействие развитию

интеграционных процессов и развитие международного сотрудничества; совершенствование системы государственных услуг.

Так же необходимо совершенствование таможенной инфраструктуры; совершенствование информационно-технического обеспечения; укрепление кадрового потенциала и усиление антикоррупционной деятельности; развитие социальной сферы; совершенствование организационно-управленческой деятельности таможенной службы.

Структура электронного оказания государственных таможенных услуг отображена на рисунке 1.

В соответствии со «Стратегией инновационного развития РФ на период до 2020»¹⁶ перспективными направлениями развития государственного сектора являются: дальнейшее сокращение административных барьеров и повышение информационной открытости органов государственной власти,

15 «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года» Распоряжение Правительства РФ № 2575-р от 28 декабря 2012 г.

16 «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2019).

совершенствование бюджетного планирования и финансирования, оптимизация процесса предоставления государственных услуг, постепенная передача ряда полномочий от государства профессиональному сообществу, подготовка (переподготовка) кадров и допуск их на рынок государственных услуг.

В связи с прогнозируемым спросом на услуги в области таможенного дела ФТС России необходимо совершенствовать предоставление государственных услуг путем решения следующих задач: повышение качества и доступности государственных услуг в области таможенного дела; интеграция единой автоматизированной информационной системы таможенных органов в существующую инфраструктуру предоставления услуг и функций в электронном виде в целях обеспечения доступности и повышения качества предоставления государственных услуг в области таможенного дела; разработка системы показателей, методического обеспечения и системы мониторинга качества предоставления государственных услуг в области таможенного дела¹⁷.

Основными целями развития системы предоставления государственных таможенных услуг являются: повышение уровня удовлетворенности участников ВЭД, граждан и организаций результатами взаимодействия с таможенными органами при получении государственных услуг в области таможенного дела; повышение доступности услуг для граждан и организаций, упрощение процедур взаимодействия с таможенными органами, предоставляющими услуги, снижение коррупционных рисков, повышение эффективности бюджетных расходов¹⁸.

Инновационными принципами развития сферы оказания государственных таможенных услуг являются:

1. Ценностно-ориентированный подход к оказанию государственной таможенной услуги.
2. Цифровизация и дигитализация системы оказания государственных таможенных услуг.
3. Экстерриториальность при обращении за государственными таможенными услугами.
4. Совершенствование финансовых процедур оказания государственных таможенных услуг.

Инновационное развитие государственных таможенных услуг позволит:

- обеспечить единые стандарты качества обслуживания по государственным таможенным услугам;
- сократить сроки и количество требуемых документов;
- обеспечить прозрачность процесса оказания услуг;
- интегрировать использование каналов: интернет, электронная почта, мобильные устройства и физические точки обслуживания;
- сохранить финансовые истории обслуживания по всему жизненному циклу участника ВЭД.

Пристатейный библиографический список

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: ФЗ от 27.07.2019 №210-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).
2. «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2019).

3. «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года» Распоряжение Правительства РФ № 2575-р от 28 декабря 2012 г.
4. Бурков А. В. Экономическая система XXI века: новые подходы к управлению предприятиями, отраслями, комплексами. Под ред. А.В. Буркова. - Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2012. – 186 с.
5. Вопросы измерения научно-технологической деятельности «Руководство Осло». Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. Совместная публикация ОЭСР и Евростата. Перевод на русский язык, издание 3-е исправленное. - Москва, 2006.
6. Каточков В. М. Инновационные направления развития сферы услуг как фактор экономического роста // Вопросы инновационной экономики. - 2014. - № 1. - С. 14-20. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/articles/31947>.
7. «Комплексная программа развития ФТС России на период до 2020» Приложение к решению коллегии ФТС России от 25 мая 2017 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2019).
8. Официальный сайт ФТС России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://customs.ru> (дата обращения: 30.12.2018).
9. Перечень государственных услуг, предоставляемых Федеральной таможенной службой. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.customs.ru (дата обращения: 10.01.2019).
10. Руководство Фраскати. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://browse.oecdbookshop.org/oecd/pdfs/browseit/9202081E.pdf> (дата обращения: 13.01.2019).
11. Руководство Канберры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/dataoecd/34/0/2096025.pdf> (дата обращения: 13.01.2019).
12. Руководство Боготы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rieyt.org/interior/difusion/pubs/bogota/bogota_eng.pdf (дата обращения: 13.01.2019).
13. Hauknes J. Norwegian Input-Output Clusters and Innovation Patterns. - STEP report, 1998.
14. Howells J. and Tether B. Innovation in Services: Issues at stake and trends, ESRC Centre for Research on Innovation and Competition, Institute of Innovation Research. - University of Manchester, 2004.
15. Howkins J. The Creative Economy: How people make money from creativity. - Penguin UK, 2002.
16. Miles I. «Innovation in Services» in Fagerberg, Jan, David C. Mowery and Richard R. Nelson, The Oxford Handbook of Innovations. - Oxford: Oxford University Press, 2004. - P. 433-458.
17. OECD. Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data, Third Edition. - Paris, OECD and Eurostat, 2005.
18. United nations e-Government survey 2018. Department of Economic and Social Affairs. Gearing e-Government to support transformation towards sustainable and resilient societies. - New York, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publicadministration.un.org>.

¹⁷ «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года» Распоряжение Правительства РФ № 2575-р от 28 декабря 2012 г.

¹⁸ «Комплексная программа развития ФТС России на период до 2020» Приложение к решению коллегии ФТС России от 25 мая 2017 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2019).

МАГОМЕДОВ Рамазан Магомедович

кандидат политических наук, доцент Департамента анализа данных, принятия решений и финансовых технологий Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

САВИНА Светлана Владимировна

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры бизнес-информатики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

АСЛАНЯН Владимир Артурович

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ПРОГРАММНЫЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОНЛАЙН-СЕРВИСОВ В ЭКОНОМИКЕ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (SHARING ECONOMY)

Статья посвящена стремительно развивающейся социально-экономической модели отношений между потребителями и производителями товаров и услуг, так называемой экономике совместного потребления или *Sharing Economy*. Ключевую роль в *Sharing Economy*, как и любом другом онлайн-сервисе, играет программное обеспечение. В данной статье речь пойдет как о самой экономике совместного потребления, так и о программном обеспечении, которое используют данные онлайн-сервисы.

Ключевые слова: экономика, совместное потребление, *sharingeconomy*, программное обеспечение, бизнес, услуга, онлайн-сервис.

MAGOMEDOV Ramazan Magomedovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Data analysis, decision making and financial technologies sub-faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

SAVINA Svetlana Vladimirovna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor of Business informatics sub-faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

ASLANYAN Vladimir Arturovich

student of the Financial University under the Government of the Russian Federation

SOFTWARE OF ONLINE SERVICES IN ECONOMY OF COLLATERAL CONSUMPTION (SHARING ECONOMY)

Article is devoted to the rapidly developing social and economic model of the relations between consumers and producers of goods and services, the so-called economy of collateral consumption or *Sharing Economy*. The key role in *Sharing Economy*, as well as any other online service, is played by the software. In this article it will be a question both of the economy of collateral consumption, and of the software which these online services use.

Keywords: economy, collateral consumption, sharing economy, software, business, service, online service.

В последние годы во всем мире широко используются понятия «цифровизация». С развитием цифровых технологий появилась возможность совершать сделки между потребителем и производителем с помощью онлайн-сервисов. Процесс цифровизации создал новую глобальную социально-экономическую модель, которая революционным образом влияет на потребление товаров и услуг – экономику совместного потребления. Экономика совместного потребления в корне меняет поведение потребителя. Данная социально-экономическая модель предлагает потребителю перейти с процесса приобретения на совместное пользование. Также происходит усиление роли онлайн-репутации и саморегулирования сообщества для обеспечения качества услуг. Как и любой онлайн-сервис, одной из важнейших составляющих работы данных проектов является программное обеспечение.

Экономика совместного пользования – новая глобальная социально-экономическая модель, влияющая на потребление товаров и услуг революционным образом. Переориентация потребительского поведения с приобретения на совместное пользование, исключение посредников из цепочки «клиент-исполнитель», усиление роли онлайн-репутации и саморегулирования сообщества для обеспечения качества ус-

луг – далеко не полный перечень эффектов ЭСП (экономики совместного потребления). Ключевыми отраслями *sharing-сервисов* являются транспорт, жильё, услуги, знания, техника, товары. Критерии экономики совместного потребления: работает онлайн; предлагает пользование ресурсами вместо приобретения в собственность; в основе – сообщество пользователей и владельцев ресурсов. Преимущества экономики совместного потребления: компании ЭСП помогают использовать продукты питания, у которых кончается срок годности, и тем самым уменьшают объем отходов; повышение доступности товаров / услуг и возможность дополнительного дохода. ЭСП позволяет путешествовать с меньшими затратами, сделать ремонт дешевле; увеличение скорости оказания услуги, гибкость и мобильность. Компании ЭСП открывают доступ к товарам и услугам, а также существенно сокращают средний срок ожидания, например, заказанного автомобиля. Цифры и факты экономики совместного потребления: стремительный рост (2013 г. Pricewaterhouse Coopers оценила объем всего мирового рынка ЭСП в \$15 миллиардов, а уже за 2016 г., по данным Еврокомиссии, объем транзакций ЭСП только в Европе составил около €28 миллиардов), польза сообществам. Из €28 миллиардов в доход самих компаний ЭСП можно засчитать приблизительно €3,6 млрд, остальное зара-

ботали пользователи; более 80% пользователей считают, что ЭСП помогает экономить и заботиться об окружающей среде одновременно¹.

Как и любая экономическая модель, экономика совместного потребления имеет свою специфику, отличающую её от остальных. В основе sharing economy лежит идея оплаты потребителем товаров и услуг за временное пользование, а не за единоличное владение на постоянной основе. Люди стараются максимизировать выгоду и сократить издержки. Итак, рассматривая специфику sharing economy, мы можем понять многие преимущества данной социально-экономической модели. Качество услуг: основной инструмент контроля качества услуги, заказанной через компанию ЭСП – отзыв пользователя, его оценка, влияющая на рейтинг исполнителя; дополнительный инструмент – возможные выборочные проверки от компании ЭСП. При этом компания ЭСП остается информационным сервисом, связывающим потребителя и исполнителя услуги и устанавливающим правила для своего сообщества. Пользовательские данные: компании ЭСП экстерриториальны, т.к. любой человек с доступом в интернет может стать участником сообщества компании ЭСП и обмениваться товарами и услугами с жителями всего мира; даже небольшие компании ЭСП могут быть глобальными; взаимодействие с сообществом из разных стран мира без физического присутствия в них помогает минимизировать стоимость услуг для пользователей. Лицензирование: компании ЭСП являются информационными сервисами, поэтому необходимость получения лицензий на предоставление услуг, как правило, лежит на непосредственном исполнителе услуги – пользователе онлайн-платформы; в сфере ответственности компании ЭСП – установление правил сообщества, отражающих требования законодательства, в том числе требования к пользователям иметь необходимые лицензии и разрешения на оказание услуг².

Программное обеспечение для бизнеса – это любые программы и сервисы, благодаря которым компания, которая их использует, извлекает прибыль³. Бизнес создается, в первую очередь, для получения прибыли. А любой программный продукт, созданный для решения тех или иных бизнес вопросов, который при этом прямо или косвенно способствует увеличению прибыли, является продуктом для бизнеса. И также, если программа никак не влияет на прибыль компании, ее можно будет отнести к любой категории, кроме программного обеспечения для бизнеса. Увеличение прибыли можно получить двумя способами:

1. Увеличить оборот при неизменных затратах. К такому программному обеспечению относятся, в первую очередь, различные CRM системы, а также программы ERP. В результате грамотного внедрения CRM, отдел продаж начинает работать эффективнее, заявки и запросы от клиентов не теряются, средний чек растет просто за счет повышения контроля качества каждого менеджера. А внедрение программного обеспечения помогает руководителю выявить «тонкие» места в построении бизнес-процессов, исключить дублирование функций, оптимизировать работу, повысить

эффективность всех процессов и увеличить в итоге прибыль при неизменных затратах;

2. Сократить расходы при сохранении оборота. Здесь самым ярким примером будут helpdesk системы, внедрение которых позволяет эффективнее работать с клиентами и партнерами, автоматизировать процессы оформления заявок, создания пакета документов и т.д. В результате с тем же объемом работы, что и ранее, успешно может справиться меньшее количество сотрудников. И даже при увеличении объемов продаж дополнительные рабочие места создавать не придется.

Основные программы, которые разрабатываются для вычислительных машин, можно условно разделить на 3 основные категории в зависимости от того, какие пользователи имеют к ним доступ. Существует ПО, которое разрабатывается специалистами на заказ, ПО для крупных организаций, корпораций и конгломератов и ПО, предназначенное для массового потребления. Все эти виды программного обеспечения имеют свои отличительные особенности. Например, на заказ пишутся специальные программы, направленные на выполнение конкретных специфических задач, в основном они имеют такие функции или набор функций, которых нет в стандартном ПО. Крупные корпорации используют программное обеспечение, которое настроено на мультифункциональность. Все отделы и производственные цеха могут при помощи специальных программ слаженно и бесперебойно выполнять свои задачи. Массовые потребители пользуются стандартным ПО, которое выполняет определенные задачи. Это может быть обработка простых данных и работа по шаблону с информационными потоками. Список программного обеспечения можно продолжить, в основном программы отличаются между собой функциями и задачами⁴.

Что касается конкретных примеров использования программного обеспечения крупными онлайн-сервисами, то компания «Яндекс» публикует на своей официальной странице следующие принципы распространения программного обеспечения⁵.

Установка. Перед установкой человеку необходимо явно сообщить, что он устанавливает. Прятать эту информацию «за клик» недопустимо. У пользователя должна быть возможность ознакомиться с перечнем устанавливаемых продуктов и настроек, а также отказаться от части компонентов или от всей установки. Если при установке необходимо принять лицензионное соглашение, пользователю обязательно нужно дать возможность ознакомиться с этим документом. Многие разработчики ставят на программы свою цифровую подпись, информация о ней обычно отображается операционной системой в процессе установки. Яндекс всегда подписывает свои продукты – это не просто правило хорошего тона, таким образом компания берёт на себя ответственность за поведение ПО⁶.

1 Ассоциация электронных коммуникаций РАЭК. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://raec.ru/clusters/sharingeconomy>.
2 Фомичева Т. Л. Применение Data Mining и Machine Learning в процессе кредитного скоринга // Евразийский юридический журнал. – Уфа, 2018. – № 7. – С. 413-414.
3 Фомичева Т. Л. Информационные технологии распознавания документов // Территория науки. – Воронеж, 2018. – № 3. – С. 59-62.

4 Магомедов Р. М. Развитие финансовых интернет-услуг в России // Территория науки. – Воронеж, 2017. – № 4. – С. 120-126.
5 Магомедов Р. М. Сервисы Web в образовательном процессе // Информатика и образование. – М., 2017. – № 1. – С. 50-53.
6 Магомедов Р. М. О понятии информационно-образовательного кластера образовательного учреждения // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». – М., 2017. – № 1. – С. 62-69

Работа продукта. Программное обеспечение может дополнять и расширять функциональность уже установленных на компьютер программ, таких, например, как браузер, но не должно быть нацелено на нарушение их работоспособности. Работа некоторых программ или сервисов невозможна без сбора какой-либо информации о пользователе. Например, переводчик Яндекс отправляет написанный пользователем текст на серверы компании, потому что именно там происходит перевод. В этом случае компания-разработчик продукта должна иметь чётко сформулированную политику конфиденциальности, в которой сказано, какая информация собирается и как используется⁷.

Удаление. У пользователей должна быть возможность удалить любую программу штатными средствами. Например, расширения для Internet Explorer удаляются через «Установку и удаление программ» панели управления Windows, а для Firefox или Chrome — через настройки самого браузера. Конечно, при удалении ПО не должна пострадать работоспособность компьютера или мобильного устройства, на который оно было установлено.

Партнёры. Яндекс сотрудничает только с теми компаниями, которые являются производителями ПО или имеют легальное разрешение на его распространение. При этом программы, с которыми предлагаются продукты Яндекса, обязательно должны иметь самостоятельную ценность для пользователя, а не быть просто распространителем дополнений. Яндекс требует от своих партнёров соблюдения этих принципов. Но, к сожалению, правила иногда нарушаются. Если причина этому — простая ошибка, Яндекс старается как можно быстрее её исправить. Если правила нарушаются намеренно, Яндекс делает все от себя зависящее, чтобы это не повторялось — вплоть до прекращения отношений с недобросовестным партнёром⁸.

Таким образом, экономика совместного потребления является одним из самых перспективных экономических направлений в мире на данный момент. Важно учитывать тот факт, что в России далеко не все знают о существовании sharing-сервисов, поэтому у многих начинающих предпринимателей есть хорошая площадка для продвижения собственных идей, которые, конечно же, работают, если правильно использовать свои профессиональные навыки и учитывать опыт наших иностранных коллег. Что касается программных обеспечений онлайн-сервисов, то хотелось бы отметить, что все крупные корпорации подходят к данному вопросу с большой ответственностью, так как во многом благодаря этому осуществляется работа всех приложений. Кроме того, от этого зависит прибыль любой компании.

Пристатейный библиографический список

1. Ассоциация электронных коммуникаций РАЭК. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [//raec.ru/clusters/sharingeconomy](http://raec.ru/clusters/sharingeconomy).
2. Вычислительная техника и программное обеспечение. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.sviaz-expo.ru/ru/articles/2016/vychislitelnaya-tehnika-programmnoe-obespechenie>.
3. Магомедов Р. М. Анализ Российского рынка IT-услуг // Территория науки. – Воронеж, 2017. – № 1. – С. 145-151.⁹
4. Магомедов Р. М. Сервисы Web в образовательном процессе // Информатика и образование. – М., 2017. – № 1. – С. 50-53.
5. Магомедов Р. М. О понятии информационно-образовательного кластера образовательного учреждения // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». – М., 2017. – № 1. – С. 62-69.
6. Магомедов, Р. М. Развитие финансовых интернет-услуг в России // Территория науки. – Воронеж, 2017. – № 4. – С. 120-126.
7. Савина С. В. Возможности сетевых сообществ в образовательном процессе / С. В. Савина // Современные информационные технологии. Теория и практика: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Череповец: ЧГУ, 2015. – С. 169-171.
8. Фомичева Т. Л. Информационные технологии распознавания документов // Территория науки. – Воронеж, 2018. – № 3. – С. 59-62.
9. Фомичева Т. Л. Применение DataMining и MachineLearning в процессе кредитного скоринга // Евразийский юридический журнал. – Уфа, 2018. – № 7. – С. 413-414.

7 Савина С. В. Возможности сетевых сообществ в образовательном процессе // Современные информационные технологии. Теория и практика: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Череповец: ЧГУ, 2015. – С. 169-171.

8 Вычислительная техника и программное обеспечение. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.sviaz-expo.ru/ru/articles/2016/vychislitelnaya-tehnika-programmnoe-obespechenie>.

9 Магомедов Р. М. Анализ Российского рынка IT-услуг // Территория науки. – Воронеж, 2017. – № 1. – С. 145-151.

ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна

доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

БАЙРАМУКОВА Елена Измаиловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и политологии Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева

ГУДЕНКОВА Олеся Ивановна

магистр Тюменского индустриального университета

НАПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассмотрены главные направления функционирования предприятия для того, чтобы социальные службы заняли достойную нишу в структуре предприятия. Активным субъектом социальной политики в современном обществе становится бизнес. Современные реалии производственной деятельности заставляют хозяйствующих субъектов пересмотреть свое отношение к персоналу. Целью данной службы становится обеспечение максимального использования трудового потенциала сотрудников: создание условий с полной отдачей сил, создание условий для социальной защищенности, обеспечения благоприятных условий труда (включая быт и отдых сотрудников). В конечном счете, это позволяет в дальнейшем улучшать качество труда, получать устойчивую мотивацию к работе и повышать уровень профессионализма сотрудников.

Ключевые слова: социальная служба, социальная поддержка, организационная структура, предприятия, управление, социальное развитие.

KHAYRULLINA Nursafa Gafurovna

Ph.D. in sociological sciences, professor of Marketing and municipal management sub-faculty of the Tyumen Industrial University

BAYRAMUKOVA Elena Izmailovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Public and municipal administration and political science sub-faculty of the U. D. Aliev Karachay-Cherkess State University

GUDEKOV Olesya Ivanovna

magister of the Tyumen Industrial University

DIRECTIONS AND ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF SOCIAL SERVICE OF ENTERPRISE

The article deals with the main directions of functioning of the enterprise in order to social services have occupied a worthy niche in the structure of the enterprise. Business becomes an active subject of social policy in modern society. Modern realities of production activity force economic entities to reconsider their attitude to the staff. The purpose of this service is to ensure the maximum use of the labor potential of employees: the creation of conditions with full force, the creation of conditions for social protection, ensuring favorable working conditions (including life and rest of employees). Ultimately, this allows us to further improve the quality of work, to get a stable motivation to work and to increase the level of professionalism of employees. Keywords: social service, social support, organizational structure, enterprises, management, social development

Keywords: social service, value orientations, social support, organizational structure, enterprises, management, social development.

Для того чтобы социальная служба заняла достойное место в структуре предприятия, став значимым структурным подразделением в социальном управлении, ей необходимо эффективно сформировать содержание своей деятельности. Сущность функций социальных служб предприятия проявляется во всевозможных направлениях функционирования, рассмотрим их подробнее.

Первое направление - планирование и управление социальным развитием трудового коллектива:

- проведение анализа степени социального развития трудового коллектива, разработка предложений к социальным проектам программ развития трудового коллектива предприятия;

- проведение исследования социальной стороны научно-технических разработок, формирование мер по снижению монотонного, тяжелого и низко квалифицированного ручного труда персонала, по устранению социальной разнохарактерности труда, социально-психологическому обеспечению введения новой техники и технологий;

- периодическое исследование социальных, социологических и психологических явлений на предприятии, проведение анализа, разработка прогноза социального развития трудового коллектива, выработка мероприятий в социальной и психологической области, как производства, так и быта;

- проведение экспериментов в социально-психологической сфере деятельности предприятия и формирование

программы по улучшению социального развития трудового коллектива;

- проведение экспертизы социальных нормативов и требований в строительных проектах¹.

Второе направление - социальное совершенствование структур рабочего коллектива предприятия:

- проведение социального прогнозирования в рамках планируемого технического усовершенствования производства, проведение анализа изменений и формирование мер по улучшению социальной структуры персонала предприятия;

- проведение исследования факторов кадровой текучести, разработка исследований по трудовой стабилизации.

Третье направление - введение прогрессивных форм организации труда сотрудников:

- формирование предложений, повышающих удовлетворенность кадров работой и обеспечивающих престижность профессии;

- формирование предложений, повышающих удовлетворенность трудовой деятельностью и обеспечивающих престижность профессии и увеличению творческой стороны трудовой деятельности;

1 Башмаков В. И. Служба социального развития. Нужна ли она современной организации? // Труд и социальные отношения. - 2010. - № 9. - С. 52.

- организация аттестации трудового коллектива и рационализации рабочих мест по социальным требованиям;
- разработка предложений, повышающих трудовую культуру, труд и производственный быт женщин, организующих благоприятные и безопасные условия труда;
- подготовка мероприятий, повышающих качество нормирования труда².

Четвертое направление - формирование социально-трудовой активности сотрудников предприятия:

- формирование и внедрение предложений, повышающих социальную роль сотрудника, созданию благополучного социального и психологического климата в рабочем коллективе;
- организация социологического консультирования для персонала по производственно-бытовым моментам³.

Пятое направление - социальная защита, социальное обеспечение, социальная поддержка сотрудников предприятия, пенсионное и социальное страхование.

В настоящее время отличительной чертой социального развития предприятия является формирование и применение на практике всевозможных социальных программ, выступающих инструментом социальной защиты сотрудников. К таким социальным программам можно отнести программы по негосударственному пенсионному, медицинскому и социальному страхованию, по подготовке и переобучению кадров, по улучшению трудовых и охранных условий, по оплате туристических поездок из фонда социального развития. Свободный выбор социальных программ является особенностью современных предприятий. Вся масштабность реализации социальных программ для трудового коллектива зависит от финансовых и материально-технических возможностей предприятия, поэтому социальная и экономическая стороны должны быть взаимозависимыми. При хороших финансовых возможностях будет эффективно развиваться и социальная сторона по закону «маятникового эффекта». Для улучшения социально-трудовых отношений в рабочем коллективе необходимо укрепление организационных, правовых и финансовых сторон социальной защиты. В коллективном договоре сотрудника нужно фиксировать социальные программы.

Шестое направление – улучшение трудовых условий.

Проблемам сохранения здоровья сотрудникам специалисты социальной службы должны уделять особое значение. Во многих государствах здоровье трудовых коллективов оценивается в социально-экономических показателях. Так производительность труда и интенсивность производственных процессов в немалой степени связаны с психическим и физическим здоровьем сотрудников предприятия. Таким образом, и руководство и трудовые коллективы взаимно заинтересованы в сохранности высоких значений показателя индекса здоровья, оценивающий в баллах степень здоровья отдельного человека, трудового коллектива или всего предприятия.

Важнейшей российской проблемой преобразований в социальной сфере является улучшение трудовых условий, а значит и сохранения здоровья трудовых кадров. Показательно, что производственная эффективность определяется количеством трудящихся, квалификационным уровнем, организацией производства, а также состоянием здоровья каждого сотрудника предприятия.

В настоящее время на руководство предприятий возложена ответственность за здоровье сотрудников за реализацию мер по оптимизации трудовых условий и профилактическое предупреждение возникновения профессиональных заболеваний. Для этого выделяют группы повышенного риска таких как: сотрудников с функциональными отклонениями, с большим трудовым стажем, часто болеющих, женщин детородного возраста и т.п. С такими группами проводят комплекс медико-профилактических мер группового и индивидуального характера, которые увеличивают сопротивляемость организма.

Для реализации вышеперечисленных мероприятий по сохранению здоровья персонала требуются финансовые вложения, но это в свою очередь увеличивает производительность труда на 40-50 %, что соответственно принесет дополнительную прибыль предприятию, поэтому вложение денег в здоровье тру-

дового коллектива является выгодным для работодателя⁴. В тоже время необходимо вырабатывать у сотрудников установку на сохранение здоровья и персональную ответственность за четкое исполнение оздоравливающих рекомендаций, направленных на ослабление неблагоприятных факторов производства на человека. Пагубные привычки серьезно отражаются на здоровье трудового коллектива и влияют экономические потери предприятию за счет частых перекуров, несобранности и низкой трудоспособности. В некоторых странах за курение в неположенном месте применяют материальные взыскания.

Реализуя данную социальную программу на предприятии, учитывая все экономические подходы, которые формируют здоровье персонала, можно решить следующие проблемы:

- заинтересовать самого сотрудника в сохранении и восстановлении своего здоровья. Следует ввести поощрения не болеющим сотрудникам, не имеющим вредных привычек и регулярно проходящим медосмотры. Сократить размер премии в связи с заболеванием из-за вредных привычек. При приеме на работу предпочтение отдавать здоровым людям. Необходимо заинтересовать руководство в укреплении и сохранении здоровья трудового коллектива, в противном случае нести материальную ответственность, это приведет к эффективной реализации мер, улучшающих трудовые условия.

Таким образом, основное назначение службы социального развития предприятия - организация психологических и социальных условий для самореализации каждого сотрудника, выявления его потенциала⁵. Необходимо подчеркнуть, здоровье трудового коллектива является основой его трудовой деятельности и от этого зависит экономическая эффективность предприятия, поэтому работодатель заинтересован в сохранении высокого индекса здоровья сотрудника, не считая квалификации и организации рабочего пространства.

Пристатейный библиографический список

1. Аверин А. Н. Управление персоналом, кадровая и социальная политика в организации. - М.: ДАШКОВ И К, 2014. - 280 с.
2. Асеев В. Г., Безносиков В. Н., Боковиков А. К. Служба социального развития предприятия. - М.: Наука, 1989. - 229 с.
3. Башмаков В. И. Служба социального развития. Нужна ли она современной организации? // Труд и социальные отношения. - 2010. - № 9. - С. 51-64.
4. Богдан Н. Н., Масилова М. Г. Управление социальным развитием организации: теория и практика: учебное пособие. - Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. - 284 с.
5. Ворожейкин И. Е. Управление социальным развитием организации. - М.: ИНФРА-М, 2013. - 176 с.
6. Григорьева Н. Н. Управление социальным развитием организации. - М.: Московский институт экономики, менеджмента и права, 2016. - 256 с.
7. Груич С. Г. Сущность и функции управления социальным развитием современной организации // Вопросы экономики и управления. - 2017. - № 1. - С. 72-75.
8. Захаров Н. А. Управление социальным развитием организации. - М.: Проспект, 2017. - 452 с.
9. Масилова М. Г. Управление социальным развитием организации. - Владивосток, 2016. - 254 с.
10. Оксина К. Э. Управление социальным развитием организации. - М.: ФЛИНТА, 2017. - 168 с.
11. Силин А. Н., Хайруллина Н. Г. Управление персоналом / учеб. по кадровому менеджменту для студентов вузов. - М., 2004.
12. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Кибанова. - М.: ИНФРА-М, 2016. - 695 с.
13. Управление социальным развитием персонала / сост. О. Е. Стеклова. - Ульяновск: УлГТУ, 2016. - 104 с.
14. Хайруллина Н. Г. Правовые основы управления персоналом / учебное пособие. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
15. Хайруллина Н. Г. Управление персоналом на предприятиях торговли / учебное пособие. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2012.
- 2 Управление социальным развитием персонала / сост. О. Е. Стеклова. - Ульяновск: УлГТУ, 2016. - С. 85.
- 3 Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Кибанова. - М.: ИНФРА-М, 2016. - С. 91.
- 4 Оксина К. Э. Управление социальным развитием организации. - М.: ФЛИНТА, 2017. - С. 51.
- 5 Силин А. Н., Хайруллина Н. Г. Управление персоналом / учеб. по кадровому менеджменту для студентов вузов. - М., 2004. - С. 68.

ШАМСУТДИНОВА Наиля Кадымовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан

АДИГАМОВА Олеся Флюновна

ведущий специалист отдела оценки и развития персонала ООО «РН-БашНИПнефть»

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН*

В статье рассмотрены общие оценки социального капитала студенческой молодежи Республики Башкортостан, полученные в ходе фокус-группового исследования. Показано, что в социальном капитале выделяются уровни в зависимости от доверия и степени взаимодействия. Выявлена низкая степень доверия органам власти и официальным СМИ, противоречие между ожидаемым уровнем доверия к референтным группам и формируемым на практике.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, референтные группы, молодежь, студенческая молодежь, Республика Башкортостан.

SHAMSUTDINOVA Nailya Kadymovna

Ph.D. in historical science, senior scientific researcher of the Institute for strategic studies of the Republic of Bashkortostan

ADIGAMOVA Olesya Flunovna

leading specialist of the Department of evaluation and staff development ООО «RN-BashNIPneft»

EVALUATION OF SOCIAL CAPITAL OF STUDENT YOUTH OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article discusses the general assessment of the social capital of students of the Republic of Bashkortostan, obtained in the course of the focus group study. It is shown that in social capital there are levels depending on trust and the degree of interaction. A low degree of trust in authorities and official media was revealed, a contradiction between the expected level of trust in reference groups and the one formed in practice.

Keywords: social capital, trust, reference groups, youth, student youth, Republic of Bashkortostan.

В настоящее время наблюдается сокращение доли молодежи в населении, рост пожилого населения, в целом, характеризующееся как «старение» населения. В республике также наблюдается снижение численности населения в трудоспособном возрасте, рост миграции образовательной и трудовой молодежи из республики. Вместе с тем молодежь является субъектом социальной жизнедеятельности, от поведения которого зависит будущее общественное развитие. Можно говорить о том, нынешняя молодежь сталкивается с трансформационными процессами качественно иного характера, нежели предыдущее поколение. Во-первых, ее социализация происходила в обществе, которое сильно отличается по ценностям от советского периода, в котором происходило становление более старших поколений; во-вторых, молодое поколение с рождения включено в использование цифровых технологий. В-третьих, при взрослении молодежи произошли существенные изменения моделей поведения. Особую роль в этих процессах играет молодежь, поэтому меры поддержки необходимо проводить с учетом видения самой молодежи, которая является активным субъектом социальной жизнедеятельности.

Социальный капитал молодежи Республики Башкортостан является ресурсом для социально-инновационного

развития, но его реализации возможна при определенных условиях, предусматривающих интеграцию молодежи в деятельность, способствующую данному развитию, использованию потенциала молодежи. Так, при реализации мер поддержки требуется взгляд на молодежь не столь как на объект, а как на субъект социальной жизнедеятельности.

Методология изучения социального капитала молодежи, по сути своей предполагает оценку того, насколько индивид «вкладывает» в общество свое позитивное отношение к окружающим. Например, насколько индивид готов доверять окружающим, проявлять уважение, помогать им и т.д. На основе такого рода оценок формируется вывод о социальном капитале молодежи¹. Но если представители какой-либо изучаемой группы демонстрируют «низкие» вклады, то это еще не основание полагать что в данной группе низкий социальный капитал.

Специфика методологии изучения социального капитала общества состоит в том, что оценке подвергается не только уровень социального капитала представителей данного общества, но и восприятие представителями общества его социального капитала², поскольку путем механического сложения индивидуальных уровней социального капитала людей, невозможно оценить социальный капитал общества как единой системы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства РБ в рамках реализации гранта Республики Башкортостан молодым ученым и молодежным научным коллективам на тему «Взгляд молодежи на возможности реализации социального капитала в РБ».

1 Шеина М. В., Паклина С. Н. Социальный капитал: подходы к определению и измерению // Российский экономический интернет-журнал. 2015. № 3. С. 1-22.
2 Блок М., Головин Н. А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-петербургского университета. 2015. Сер. 12. Вып. 4. С. 99-111.

Авторами проекта проведена серия фокус-групп среди студенческой молодежи Уфы, обучающихся на гуманитарных и естественно-научных направлениях (студенты Уфимского авиационного технического университета и Башкирского государственного университета). Методика проведения исследования предполагала структурирование интервью по смысловым блокам:

- 1 Доверие
- 2 Уважение и толерантность
- 3 Социальные сети
- 4 Общественная активность

Исходя из оценки полученных данных, распределение уровней социального капитала в целом подтвердило полученные ранее выводы³, в преломлении на студенческую молодежь: группа взаимодействия, куда входят семья и близкие друзья, во второй - учителя и преподаватели, в последний - профессиональные группы в целом и официальные СМИ. Низкий уровень доверия (врачам, например) к профессиональным группам связывается, во-первых, с коррупционной составляющей, неравным отношением к пациентам. С другой стороны, опрошенные склонны доверять в большей степени отдельным представителям профессиональных групп, которые непосредственно рекомендованы группой взаимодействия. Высокой степенью мобилизации обладают личные знакомства. Так, как нам кажется, это дает основания предположить наличие еще одного уровня социального капитала. Оценка субъектного потенциала молодежи с точки зрения социального капитала указывает на несформированность практик социальной активности, влияние установок на пассивную модель поведения родителей, с другой стороны – высокий потенциал повышения субъектной активности в студенческой среде, которую можно назвать недооцененной. Студенческий период молодежи в таком крупнейшем городе как Уфа примечателен формированием норм, присущих для мегаполиса, отличных от мест пребывания абитуриентов, принятия ответственности и отхода от родительских моделей поведения. Расширение референтных групп в результате распространения социальных сетей и открытой информации при этом способно оказать положительное влияние на адаптацию и принятие новых практик поведения, однако их отбор не случаен и зависит от общих базовых норм и ценностей, полученных в семье. Изменение моделей поведения заключается в возрастных изменениях - обретении самостоятельности и ответственности в принятии решений, расширении группы взаимодействия, а также во включении в общественную деятельность через студенческие движения.

Социальный капитал молодежи, как совокупность возможностей, связанных с её участием в социальном взаимодействии, включает преимущественно неформальные социальные нормы и правила, так как в условиях дефицита доверия к государственным структурам и слабой социальной самоорганизации молодежи, молодежь нацелена на рост социального капитала на социаль-

ном микроуровне и идентификацию с социально-сетевыми структурами. Социальная сплоченность молодежи как интегральный показатель социального капитала выражается в осознании и реализации отличающихся от практик старшего поколения моделей поведения при сохранении преемственности базовых ценностей, что способно повысить уровень реализации социального капитала, повысить уровень доверия в обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Шеина М. В., Паклина С. Н. Социальный капитал: подходы к определению и измерению//Российский экономический интернет-журнал. 2015. № 3. С. 1-22.
2. Блок М., Головин Н. А. Социальный капитал: к обобщению понятия// Вестник Санкт-петербургского университета. 2015. Сер. 12. Вып. 4. С. 99-111.
3. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Т Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М.: РУДН, 2009. 233 с.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

к Федеральному закону
от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ

«ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ»

Москва

3 Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Т Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М.: РУДН, 2009. 233 с.

ШЕПЕЛИН Геннадий Ильич

кандидат экономических наук, доцент кафедры коммерческой эксплуатации, логистики и внешнеэкономических связей Московской государственной академии водного транспорта

ПРОБЛЕМАТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВНУТРЕННЕГО ВОДНОГО ТРАНСПОРТА

Производится аналитика достоинств и недостатков инфраструктуры внутреннего водного транспорта (ВВТ). Рассматриваются варианты их методологического решения. Детерминируется понятие внутриотраслевой инфраструктуры ВВТ. Предлагаются направления совершенствования инфраструктуры внутреннего водного транспорта.

Ключевые слова: водный транспорт, инфраструктура водного транспорта, классификация, собственность, сбалансированность, государственное регулирование.

SHEPELIN Gennadiy Ilyich

Ph.D. in Economics, associate professor of Commercial operation, logistics and foreign economic relations sub-faculty of the Moscow State Academy of Water Transport

Шепелин Г. И.

ISSUES OF FORMATION OF THE INFRASTRUCTURE OF INLAND WATER TRANSPORT

The analysis of advantages and disadvantages of inland water transport infrastructure (IWT) is carried out. Options for their methodological decisions are discussed. The concept of intra-industry infrastructure of IWT is determined. The directions of improving the infrastructure of inland water transport are proposed.

Keywords: water transport, water transport infrastructure, classification, property, balance, state regulation.

В настоящее время решение приоритетных государственных задач по повышению тоннажа водных перевозок невозможно без капитальных вложений в инфраструктуру ВВТ, способствующих минимизации транспортных издержек и в конечном итоге повышению ее эффективности.

Согласно устоявшимся определениям, инфраструктура – это система обслуживающих рыночную экономику видов деятельности¹.

Транспортная инфраструктура – это совокупность разнородных видов и отраслей транспорта, их организаций и объектов, способствующая качественному транспортному процессу, включая функции сервиса². В реестре многочисленных отраслей материального производства транспорт – это сердцевина инфраструктуры, которая функционирует для всего народнохозяйственного организма.

Среди национальных производственных отраслей транспортная инфраструктура, является взаимоувязанной системой перевозочных средств и обеспечивающих ее объектов. При осуществлении перевозок грузов и пассажиров каждый вид транспорта, в свою очередь, обладает своей собственной инфраструктурой. Внутриотраслевая инфраструктура ВВТ – это комплекс соподчиненных производственно-хозяйственных организаций, функционирующих и обеспечивающих решение всего круга задач, стоящих перед водным транспортом.

Внутриотраслевая инфраструктура всех видов транспорта – это фундаментальная сфера деятельности, влияющая и обеспечивающая транспортировку грузов и пассажиров каждого вида транспорта. При недостаточном развитии инфраструктуры деформируются процессы воспроизводства,

происходит снижение производительности в смежных отраслях. Эффективное же функционирование инфраструктуры способствует росту производства, развитию технического прогресса и др.

Транспортная инфраструктура детерминирует все сферы производственно-хозяйственной деятельности. При этом особо следует отметить так называемый «внетранспортный эффект», порождаемый инфраструктурой, который заметно повышает качество функционирования внутриотраслевой инфраструктуры ВВТ.

Современная российская внутриотраслевая инфраструктура водного транспорта находится в сложном состоянии, что, естественно, влечет необходимость в капиталоемких финансовых вложениях зарубежных и отечественных инвесторов. Нет необходимости по этому поводу приводить статистику, поскольку нынешняя инфраструктура водного транспорта сложилась еще в годы индустриализации нашей страны еще прошлого века. Недостаточные капиталовложения, значительное повышение спроса на транспортные услуги в современных условиях кардинально обострили экономические диспропорции и способствовали росту транспортных расходов. Немаловажен и такой факт, что зачастую реконструкция российских речных портов ВВТ в настоящее время производится с помощью модернизации и замены морально и физически устаревших речных судов, техники, оборудования, недостаточно эффективных проектных решений и др.

Важнейшим вектором политики РФ в рамках углубления международной экономической интеграции является частичное привлечение иностранного речного транспорта. На начало 2019 года на внутренних водоемах нашей страны зарубежные речные суда под флагом других государств не использовались. Но планы по дальнейшему развитию ВВТ у нас имеются. В планах нашего государства имеются идеи по глубокой интеграции Единой европейской глубоководной системы РФ в Большое европейское водное кольцо. В частности, на данный момент проводится интенсивная деятель-

1 Макроэкономика. «Теория и российская практика», Учебник. Под ред. А. Г. Грязновой и Н. Н. Думной. 6-е изд. М.: КНОРУС, 2019. С. 654.

2 Амиров М. Ш. и др. Единая транспортная система. Учебник. М.: КНОРУС, 2018. С. 7.

ность по разработке международных нормативно-правовых актов, включающих Концепцию международных транспортных коридоров (МТК), учитывающую интересы ВВТ РФ.

Совокупность существующих проблем вызывает потребность в опережающем развитии внутриотраслевой инфраструктуры. При этом особую остроту приобретает проблема совершенствовании ее научных основ и в частности систематизация факторов, воздействующих непосредственно на внутриотраслевую инфраструктуру водного транспорта.

Внутриотраслевая инфраструктура ВВТ - это многообразная разноплановая система. Стержневыми составляющими внутриотраслевой инфраструктуры ВВТ являются производственная деятельность ВВТ, путевое хозяйство водного транспорта, порты, транспортная логистика и др. Взаимосвязка технологических, экономических и других элементов внутриотраслевой инфраструктуры ВВТ между собой и с соответствующими перевозочными средствами обеспечивают единство цельности инфраструктурных систем. Для анализа и прогнозирования таких систем необходим современный интеллектуальный инструментарий.

Поскольку инфраструктура ВВТ является обеспечивающей подсистемой, следует использовать особые, и не обязательно рыночные механизмы ее развития, например, долевое участие исполнительной власти, и естественно, смежных с ВВТ отраслей.

Используя Транспортную стратегию, необходимо уделять особое внимание быстрой разработке и принятию законодательных актов, узаконивая хозяйственные связи внутри транспортного комплекса. При этом федеральные и региональные целевые программы ВВТ необходимо реализовывать с помощью наиболее современных методов, а также передовой практики.

В период до 2030 года деятельность ВВТ, исходя из доктрины Транспортной стратегии РФ, основывается на базе субъектов государственного регулирования с разнообразными формами собственности. Подавляющая масса инфраструктурных объектов ВВТ не охватывает сферой свободных рыночных цен непосредственно сами объекты и их услуги. Деятельность большинства объектов инфраструктуры ВВТ функционирует бесплатно. Реализация же платных услуг напрямую связана с тарифным регулированием. Это не способствует практическому применению рыночных механизмов конкурентного ценообразования. Общеизвестно, что в настоящее время судоходные компании не тратят ни копейки при использовании судоходных путей, навигации и диспетчерского обслуживания. Также общеизвестно, что с помощью административного ресурса реализуются тарифы на путевые и терминальные услуги. Функционирование нескольких тысяч инфраструктурных объектов водного транспорта, находящихся под эгидой государства, особенности их свободного обращения, резко понижают качество использования объектов инфраструктуры ВВТ.

В последние годы происходит активное внедрение в транспортную составляющую государственно-частного партнерства (ГЧП). Достоинства и недостатки транспорта как отрасли ВВТ оказывают кардинальное влияние на реализацию ГЧП в РФ. Применение ГЧП в производственной инфраструктуре ВВТ осуществляется как партнерство в виде совместных предприятий с государственным участием, контрактов, концессий и др. В рамках последующего совершенствования транспортной инфраструктуры может быть усилен апробированный практикой подход к ГЧП, известный, как госфинансирование. В отдельном случае это может быть контрактная форма или концессия, как комплексная форма ГЧП.

В качестве примера можно привести следующие концессионные механизмы масштабного государственно-частного партнерства в сфере транспортной инфраструктуры России. Это, например, строительство платной автомагист

страли Москва-Санкт-Петербург, активизация работ на Северном Морском Пути и др.

Внутриотраслевая инфраструктура ВВТ, связанная с государственной собственностью, обеспечивает приоритетное присутствие государства на рынке транспортных услуг внутреннего водного транспорта. Весь комплекс инфраструктурного развития должен находиться в области государственного ведения. В конкретной практике это способствует на законодательном уровне государственным органам фиксировать нормативные требования к бюджетным затратам и к созданию комфортных условий для частных инвесторов.

Для последующего совершенствования инфраструктуры водного транспорта следует усилить научные разработки, касающиеся ее целесообразности и объемов государственной поддержки. Государство в рамках экономических отношений обязано жестко обеспечивать права собственности, контролировать правовые нормы исполнения хозяйственных обязательств и договоров, соблюдение требований безопасности.

Итак, рассмотрение важнейших проблем внутриотраслевой инфраструктуры водного транспорта показало, что ключевыми направлениями развития экономики ВВТ являются изыскания и разработка предложений по развитию инфраструктуры водного транспорта.

Анализ инфраструктуры внутреннего водного транспорта позволяет выделить следующие задачи, требующие дальнейших разработок:

- формирование и систематизация факторов, оказывающих влияние на внутриотраслевую инфраструктуру ВВТ;
- дальнейший анализ и прогнозирование функционирования инфраструктуры ВВТ;
- отработка и применение системно-комплексного влияния инфраструктуры ВВТ на эффективность работы водного транспорта;
- совершенствование направлений государственной поддержки инфраструктуры ВВТ;
- разработка до 2025 года стратегии транспортно-логистического развития РФ с участием заинтересованных экспертных специалистов и научных сообществ;
- профильному Министерству необходимо более глубоко осуществлять мониторинг рынка транспортно-логистических услуг и в целом развития логистики в РФ;
- инфильтрация транспортной инфраструктуры в удаленные районы страны и разработка перспективных маршрутов с их первоочередным финансированием;
- формирование и систематизация единого реестра транспортно-логистических организаций;
- внедрение электронного документооборота и автоматизации стандартных таможенных процедур в инфраструктуру водного транспорта и в ФТС России.

Пристатейный библиографический список

1. Амиров М. Ш. и др. Единая транспортная система. Учебник. М.: КНОРУС, 2018.
2. Горев А. Э. Теория транспортных процессов и систем. Учебник. М.: Юрайт, 2016.
3. Макроэкономика. Теория и российская практика. Учебник. Под ред. А. Г. Грязновой и Н. Н. Думной. 6-е изд., М.: КНОРУС, 2019.
4. Милославская С. В., Мыскина А. Б. Внутренний водный транспорт России, Евросоюза и США. М.: Транслит, 2017.
5. Шепелин Г. И. Эволюционная модель общественного развития: принципы математического моделирования // Журнал «Вестник Университета» (Государственный институт управления). № 5. 2009. С. 201-206.
6. Управление грузовыми потоками в транспортно-логистических системах / под ред. проф. Миротина Л. Б. М.: Телеком, 2015.

ФОМИЧЕВ Максим Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института экономики управления и права Волжского государственного университета водного транспорта

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА В ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Тематика исламского банкинга появилась не так давно, но стала очень актуальной не только для экономистов и финансистов, но и для юристов разных направлений, поскольку в данной теме смешаны правовые, религиозные, идеологические и материальные аспекты. В настоящей статье автор показывает источники формирования идей исламского банкинга в странах Северной Африки.

Ключевые слова: ислам, пять столпов, благотворительность, Магрибские страны, риба, беспроцентный кредит.

FOMICHEV Maksim Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Institute of Economics, Management and Law of the Volga State University of Water Transport

Фомичев М. Н.

HISTORICAL AND LEGAL CONTEXT OF THE ORIGIN OF THE ISLAMIC BANKING PRINCIPLES IN NORTH AFRICA

The subject of Islamic banking appeared not so long ago, but has become very relevant not only for economists and financiers, but also for lawyers of different directions, since this topic combines legal, religious, ideological and material aspects. In this article, the author shows the sources of the ideas of Islamic banking in North Africa.

Keywords: Islam, five pillars, charity, Maghreb countries, RIBA, interest-free credit.

Североафриканские государства, расположенные западнее Египта со времен средневековья называют страны Магриба. В переводе с арабского языка это означает запад, там, где садится солнце. Сегодня это Алжир, Тунис, Марокко, иногда в страны Магриба включают Ливию, Мавританию и Западную Сахару. Первые три страны являются хорошо развитыми, имеющими богатую древнюю историю и культуру, причем еще более древнюю, чем арабская цивилизация. Вторая группа стран сегодня представляет собой обратный пример по разным причинам политического характера.

Процесс исламизации этих территорий начался с VII века и длился очень долго, благодаря сильному сопротивлению местных жителей, имевших свою веру и культуру. Местные племена берберов оказывали активное сопротивление завоевателям, но они были разобщены и не имели единого руководства. Со временем арабские завоеватели покорили местное население, большая часть которых приняла ислам, а следовательно, и новые правила жизни. «В 7-8 веках территории, на которых находится нынешний Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, а также нынешняя Испания, которая в те времена называлась Андалусия, были присоединены к арабо-мусульманскому государству.»¹

Рассмотрим, как происходило создание прототипа исламского банкинга на его родине – Аравийском полуострове, прежде чем он появился в станах Магриба.

В период V-VI веков нашей эры на территории Аравийского полуострова проживало множество племен, находившихся друг с другом в сложных, часто враждебных отношениях. Это были и оседлые группы племен – земледельцы, и кочевые – скотоводы, причем последних было значительно больше. Бедуины разводили верблюдов, коней, крупный рогатый скот. Через Аравию шли караванные пути из Йемена в Сирию, Египет, Палестину. Набеги кочевников представляли постоянную угрозу для торговли между разными частями аравийского полуострова. Однако, невзирая на опасности, это была постоянная транзитная торговая линия, которая требовала обслуживания, обеспечения сопровождения, без-

опасности, т.е. как сейчас говорят – определенной логистики. Жители районов, через которые проходили караваны, вели оседлый образ жизни, развивали ремесло, оседлое скотоводство, выделку кож, занимались обслуживанием транзита и сами торговали многими товарами, снабжая караваны. Это был район Хиджаса, где находилась Мекка, Ясриб, Таиф².

Новые принципы жизни принесла религия Ислам. Он возник в Аравии не на пустом месте, к этому времени там получили распространение и христианство, и иудаизм, и старые арабские религиозные культы. Влияние существовавших там монотеистических религий на идеологию ислама, безусловно, присутствовало. Однако, новая религия была совершенно иной, принципиально отличающейся от всех предшествовавших ей. Благодаря личному авторитету и мудрой реформаторской деятельности нового лидера арабского населения, удалось преодолеть разобщенность племен, реорганизовать всю экономику на новых принципах, создать вооруженные силы, наладить отношения с сильными государствами того времени – Персией и Византией. И в основе всех этих побед лежала религия – пять ее столпов³, которые по сей день неукоснительно исполняются верующими. Особую важность в контексте нашей статьи приобретает требование обязательной помощи ближнему – закят. «Пророк (мир ему и благословение) сказал: «Аллах помогает своему рабу, пока раб Его помогает своему брату по вере» (имам Муслим)»⁴. Ислам стал не просто религией, а особым образом жизни, затрагивающим все ее стороны: питание, чистота, одежда, поведение в обществе и дома, отношение между членами семьи, поведение среди иноверцев, заработка, виды деятельности, договоры, семейные отношения, преступление и наказание, организация власти в государстве, принципы управления обществом и многое другое, что существует в повседневной жизни. Конечно, пять

2 История средних веков / авт. коллектив. под ред. Н.Ф. Колесниченко. М.: Просвещение, 1986. С. 126-127.

3 Библикова О. П. Пять столпов ислама // Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения 09.01.2019)

4 Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43350> (дата обращения 09.01.2019)

1 Шарль Жюльен. История Северной Африки. Пер. А.Е. Аничковой. М., 1961. С. 15.

столпов ислама это далеко не весь ислам, это его основа, его этический и нравственный фундамент.

Особую роль в развитии экономической жизни общества сыграли привнесенные исламом правила торговли и финансовых отношений между людьми. Эти правила отличались от тех, которые были приняты в Аравии в доисламский период, и поэтому далеко не сразу прижились в обществе. Но по мере укрепления веры и доверия к словам Пророка и его последователей – Праведных Халифов, правивших государством до конца 8 века, идеи ислама прижились в обществе и дальше только укреплялись из поколения в поколение.

Теперь перейдем к главной части нашей статьи, непосредственно к особенностям финансовых отношений в мусульманской правовой системе. Подчеркнем, что эти правила действуют полторы тысячи лет. И не ослабевают со временем, а только укрепляются и распространяются на новые территории. В странах Ближнего Востока банковская система работает на основе предписаний, выработанных еще при основателе Арабского Халифата и записанных в источниках шариата. Один из его базовых принципов – запрет взимания процентов с заемщика, требования быть честными в денежных операциях и справедливыми при распределении прибыли от экономической деятельности.

Об исламском банкинге, как особой форме банковских услуг, заговорили не так давно, когда на Западе появился сам этот термин. Это началось приблизительно в конце 20 века. К этому времени в развитых капиталистических странах, таких как Великобритания, Франция, США увеличилось число граждан, исповедующих ислам, которые, будучи очень состоятельными, отказывались использовать западную банковскую систему, поскольку она построена на порочном принципе (харам), что является недопустимым с точки зрения норм шариата. В настоящее время количество людей, использующих эту систему, очень выросло, деньги проходят в больших объемах, и тема стала чрезвычайно актуальной. В Англии и США появились новые банки, которые совершают операции строго в соответствии с исламскими нормами. Либо в действующих западных банках открывают специальные окошки для операций в формате исламского банкинга, где соблюдаются эти нормы.

Для ислама важным принципом жизни является социальная справедливость и равенство. Поэтому получение банками и частными лицами прибыли через ростовщичество, процентов от займа, является действием харамным, грешным. Существует специальный термин, означающий взимание процентов или другой вид наживы – «кушать Риб». У Риб много видов и способов получения, которые используются в банковской системе западного типа. В мусульманских странах это запрещено. Неплохо вспомнить, что и в христианстве, и в иудаизме ростовщичество считается грехом. Однако в социальной практике широко процветает и является узаконенным в деятельности банковской системы. В Коране сказано: «Которые кушают риб, не будут воскрешены кроме как одержимые сатаной» (сура «аль-Бакара», аят 275), «О, те, которые уверовали, не кушайте риб (имущество от процентов)...» (сура «Аль Имран», аят 130). Во множестве Хадисов красочно описаны последствия, ожидающие таких людей после смерти.

Шариат запрещает азартные игры на деньги, разного рода пари, фьючерсные сделки, и любые другие, где будущий результат не определен и риски значительны. Эти ограничения гарантируют мусульманам соблюдение определенности в их торговой, производственной и финансовой деятельности, свободной от непредсказуемых рисков. Такой подход обеспечивает стабильность исламской банковской системы, которая в наши дни уже вышла за пределы мусульманских государств и расширяет свое присутствие в западных странах.

Исламские банки выполняют те же самые функции, что и любые другие, они обеспечивают работу национальной платежной системы, однако, когда речь идет о финансировании определенных видов деятельности, то они четко говорят – нет. Официально, на государственном уровне, с точки зрения шариата банкам запрещено финансировать производство и распространение табака, спиртных напитков, порнографии, азартные игры, оружие. «У тех, кто употребляет Риб, в День Суда будет особый вид. Каттадат, да будет доволен им Аллах, сказал: «Поистине кушающий риб будет воскрешен как сумасшедший (маджнун), и по этому состоянию его будут узнавать другие в День Суда». Пророк (мир ему и благослове-

ние) сказал: «В ночь моего вознесения на седьмом небе я услышал гром и молнию и увидел людей, утробы которых стали домами змей и скорпионов, и я спросил: «Кто эти люди, о Джабраил?», и тот ответил: «Это те, которые кушали риб»» (имам Ахмад и ибн Маджах от Абу Хурайры). Ибн Масуд (да будет доволен им Аллах) рассказал: «Когда в каком-то селении (или местности) выявились риб и прелюбодеяние, то Аллах насылает погибель на эту местность» (Табарани). Иначе говоря, в том месте уходит благодать от всего». В государственных учебных заведениях, где готовят финансистов, экономистов и юристов, изучают внимательно источники права, не говоря уже о религиозных учебных заведениях.

Спрашивается, как же банк может получать прибыль, если запрещены проценты от заемных операций?

Для этого существуют разные финансовые инструменты, разные банковские услуги: мушарака, мудабаха, мурабаха, кард альхасана. Эти арабские термины затруднительно перевести на русский язык однословно. Каждый из них означает определенную финансовую операцию в пользу клиента, которая принесет прибыль и клиенту и самому банку. Например, мурабаха, она очень напоминает западный лизинг. Особенно пользуется спросом у граждан и малых предприятий беспроцентный кредит – кард аль хасана. Кредит необходимо вернуть по истечению срока, но он беспроцентный. В некоторых странах существует правило, что банки должны часть своих средств вкладывать в эту деятельность, как вид благотворительности. Заемщик может в знак благодарности добровольно выплатить небольшое вознаграждение банку, это называется «хиба», разрешенные для банка деньги.

Распространение современного исламского банкинга, как особой банковской системы, началась в северной Африке в 60-х годах XIX века, в Египте. В 1990 году в Алжире появился банк, действующий по принципам ислама. Постепенно, с начала XX века исламские банки стали появляться и в Тунисе, и в Марокко, где они функционировали наряду с обычными банками. Они быстро набирали силу и богатство, становясь конкурентами западных банков. В странах Азии и Ближнего и Среднего Востока эти банки существуют давно, и именно в них сконцентрирована большая часть средств мусульманских вкладчиков. Также в этих странах существуют и немусульманские кредитные учреждения, которые, тем не менее, действуют в соответствии с нормами шариата.

Вопрос изучения функционирования исламского банкинга является сегодня актуальным во многих странах – бывших ранее в составе СССР, например в Азербайджане, и в некоторых республиках современного российского государства, где создаются частные кредитные организации, в соответствии с нормами ислама. Крупные Западные банки, желающие привлечь средства богатых мусульманских вкладчиков, открывают специальные отделения, действующие по принципу исламского банкинга.

В Российской Федерации, а именно, в современном Татарстане успешно продвигается проект исламского банкинга, причем особенностью его является тот факт, что человек любой религии может воспользоваться его услугами, если одобряет такие принципы. За последние два года объем услуг населению через данную банковскую систему значительно возрос. Это подтверждает наличие востребованности у населения таких финансовых услуг и таких банков, которые отвечают идеям справедливости и не кабаляют своих клиентов высокими процентами.

Пристатейный библиографический список

1. Шарль Жюльен. История Северной Африки. Пер. А.Е.Аничковой. М., 1961.
2. История средних веков / авт. коллектив. под ред. Н.Ф. Колесниченко. М.: Просвещение, 1986.
3. Библикова О. П. Пять столпов ислама // Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения 09.01.2019).
4. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43350> (дата обращения 09.01.2019).
5. Исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43350> (дата обращения 09.01.2019)

БОЛАТЧИЕВА Рада Борисовна

аспирант кафедры финансы и кредит Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета

ФЬЮЧЕРСНАЯ ТОРГОВЛЯ КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ТОРГОВЛИ НА БИРЖЕ

В статье присутствует определение биржевой торговли как организованного рынка. Автор проводит интерпретацию фьючерсных контрактов и их особенностей как основного механизма торговли на бирже. Определяется место и роль фьючерсной торговли в системе биржевой деятельности. Рассматривается механизм совершения сделок на фьючерсной бирже. Исследуются основные цели фьючерсной торговли и преимущественные стороны данного процесса. Делается вывод, что за счет появления и развития фьючерсных бирж произошло ускорение процесса реализации товара. Выявляются этапы процесса купли-продажи фьючерсных контрактов и обозначаются факторы определения их стоимости.

Ключевые слова: биржа, биржевая торговля, биржевые сделки, товар, финансовый инструмент, фьючерсная торговля, фьючерсная биржа, фьючерсный контракт.

BOLATCHIEVA Rada Borisovna

postgraduate student of Finance and credit sub-faculty of the Institute of Economics and Management of the North Caucasus Federal University

FUTURES TRADING AS THE MAIN FORM OF TRADING ON THE EXCHANGE

The article contains the definition of stock trading as an organized market. The author interprets futures contracts and their features as the main mechanism for trading on the exchange. The place and role of futures trading in the system of exchange activity is determined. The mechanism of making transactions on the futures exchange is considered. The main objectives of futures trading and the primary aspects of this process are explored. It is concluded that due to the emergence and development of futures exchanges there was an acceleration in the sale of goods. The stages of the process of buying and selling futures contracts are identified and the factors determining their value are indicated.

Keywords: exchange, exchange trade, exchange transactions, commodity, financial instrument, futures trading, futures exchange, futures contract.

Болатчиева Р. Б.

Как известно, под биржевой торговлей понимается отдельная форма организованного рынка, деятельность которого осуществляется и регулируется отдельными законодательными и нормативными актами. Его возникновение и функционирование характеризуется потребностью развития производственного процесса и сферы обращения, которые являются связующим звеном непосредственно как между производителями, так и последней инстанцией конечного потребления производимой продукции, товаров или услуг.

Особая роль в реализации тех или иных финансовых инструментов на биржах России в условиях развития современного рынка принадлежит фьючерсной бирже.

Одной из основных форм торговли на бирже является фьючерсная торговля, осуществляемая с помощью срочных (фьючерсных) контрактов, которые представляют собой стандартные договоры на поставку определенного биржевого актива по согласованной сторонами цене и в оговоренный срок.

Все параметры данного контракта стандартизованы, исключением является цена товара, определяемая в процессе совершаемых на бирже торговых сделок.

Особую значимость в процессе фьючерсной торговли имеет только вид приобретаемого товара и количество совершаемых контрактов, цена товара и срок его поставки (не позднее одного месяца) оговариваются в ходе заключения данного контракта. Основным отличительным признаком фьючерса является его обезличенность, участниками данного контракта выступает расчетный центр (палата) биржи, а не покупатель и продавец, что способствует им не зависеть друг от друга при выполнении тех или иных действий или даже отменить заключенный ранее контракт путем обратной сделки.

Фьючерсная торговля охватывает самый разнообразный спектр объектов, поскольку данная операция совершается на бирже с договорами, а не с самим непосредственно товаром.

Исторические корни фьючерсной торговли лежат в торговле на бирже овеществленными товарами. Изначально под биржей понималось определенное место, где осуществлялась крупнооптовая торговля с товаром, который имелся в наличии, с поставкой покупателю в кратчайшие сроки.

В процессе торговли на бирже реальными товарами происходила торговля с по образцам товаров, выставленным на бирже, с поставкой их через некоторый промежуток времени (исчисляемый зачастую месяцами). При этом товар мог быть еще не произведен, или произведен не в полном объеме, или уже произведен и готов к потреблению. Торговля с отсроченной поставкой по сравнению от немедленной поставки подразумевает согласование сторонами таких конкретных мер, как объем, качество, размер поставляемого товара и т.д.

Сделки, совершаемые по срокам будущих поставок, предполагают, в отличие от немедленной поставки товара, более жесткую стандартизацию и гарантирование исполнения контрактов. Иначе говоря, динамика развития крупнопромышленного производства обусловила, во-первых, необходимость осуществления стандартизации совершаемых на бирже сделок, и, во-вторых, обеспечение гарантий их выполнения. Процесс стандартизации осуществляемых на бирже торговых сделок направлен на облегчение их заключения, что, в свою очередь, способствует росту торгового оборота, а их обеспечение гарантиями предполагает существование юридического лица, выполняющего эту функцию. Именно данная функция стала отводиться биржам, которые стали

успешно выполнять данную работу, выступая гарантами выполнения процесса стандартизации совершаемых сделок¹.

Основной причиной широкого распространения фьючерсной торговли является ее способность избежать ограничений, присущих непосредственно торговле товарам на бирже. Товар, выступая как материальное благо, в процессе торговли им на бирже несет неминуемые ограничения, избежать которых позволяет торговля фьючерсами, а именно торговля правами на определенный товар.

Следует отметить, что процесс купли-продажи товара на бирже по своим объемам значительно уступает объемам совершаемых сделок на бирже по фьючерсным контрактам, связанные в основном с рынком непосредственно товаров опосредованно, поскольку доля реальной поставки товара составляет сравнительно небольшой процент от общего количества совершенных сделок. Основная суть опосредованного же характера связи состоит в том, что собственники контрактов совершают постоянную куплю-продажу их согласно меняющейся конъюнктуре рынка².

Появление торговли фьючерсами датируется второй половиной XIX столетия. Ее успешное развитие обусловлено снижением рисков для обращения капитала, вызванных ценовыми колебаниями, уменьшением объемов резервного капитала, необходимого в случае ухудшения конъюнктуры, ускорением возврата авансированного капитала в денежной форме, удешевлением кредитной торговли, снижением издержек обращения.

Фьючерсная торговля в отличие от торговли на бирже реальным товаром в подавляющем большинстве характеризуется фиктивностью совершаемых сделок, поскольку, как ранее было сказано, в реалии довольно-таки низок уровень непосредственных поставок товара, львиная доля фьючерсных контрактов заканчивается оплатой ценовой разницы; косвенной связью с рынком реальных товаров посредством хеджирования; полной унификацией пунктов контракта, за исключением срока поставки и цены и т.д.

Основной целью торговли фьючерсами, согласно вышеизложенному, в условиях рыночных отношений является обеспечение удовлетворения интересов представителей предпринимательства в страховании потенциальных ценовых колебаний на рынках реальных товаров, в ценовом прогнозе на ключевые товары, что впоследствии должно обеспечить прибыль в итоге биржевых торгов.

Торговля фьючерсами на бирже, в основе которой лежат названные предпосылки, является фундаментом подобного одним из основных механизмов прогнозирования цен на тот или иной товар, поскольку в данном случае наблюдается ситуация, когда соответствующий товар еще не произведен, либо не выращен, либо не добыт, но благодаря купле-продаже фьючерсных контрактов его цена уже сформирована и живет реальной жизнью, испытывая воздействие внешних процессов, происходящих в экономической сфере³.

Обособленность рынка фьючерсов от рынка реальных товаров позволяет страховать изменения цен на реальные товары. Отличительными признаками этих типов биржевых рынков являются состав их участников, динамика и уровень, место торговли и другие факторы.

Согласно биржевой деятельности фьючерсная торговля характеризует результат естественного развития торговли на бирже, осуществляемой в условиях свободного рынка, другими словами, в ходе конкуренции б разных видов посреднических субъектов хозяйствования.

Значительные преимущества фьючерсной торговли на фоне торговли реальным товаром обеспечили биржам вы-

живание в процессе становления современной рыночной экономики, создали условия для накопления капитала, необходимого для их функционирования и развития. Иначе говоря, основная цель бирж, которые развивают торговлю фьючерсами, заключается в получении доходов в тех объемах, соответствующих параметрам их существования в современных условиях рыночных отношений. Реализация данной задачи биржам возможна только в том случае, если они могли соответствовать определенным требованиям рынка на конкретных стадиях его эволюции.

Ключевыми звеньями системы торговли фьючерсами на бирже считаются⁴:

- системная и упорядоченная организация механизма непосредственно самой торговли;
- расчетная система и порядок ликвидации совершаемых сделок;
- механизм выполнения фьючерсных контрактов.

Любая биржа, которая занимается торговлей фьючерсными контрактами, самостоятельно определяет порядок совершаемых сделок, начиная от их заключения, заканчивая исполнением в соответствии с биржевым законодательством.

Как представляется, купля-продажа фьючерсов состоит из следующих взаимосвязанных следующих в строгой последовательности друг за другом этапов:

- принятия клиентом решения;
- заключения договора брокерского обслуживания и договора с членами расчетного центра на бирже;
- заказа клиента его выполнения;
- сбора информации о прошедших торгах;
- перерасчете по марже;
- перечисления маржевых платежей;
- выполнения поставок по контракту.

Благодаря фьючерсным биржам реализация товара значительно ускоряется, сокращается риск потерь в случае неблагоприятных ценовых колебаний, а также ускоряется возврат авансового капитала в объемах, максимально близких первоначально внесенному с плюсом соответствующей прибыли⁵.

В ходе исследования было установлено, что в основе выявления стоимости фьючерсов лежат такие факторы, как цена на физическом рынке соответствующего актива, процентная ставка, срок действия контракта, расхода на хранение, страхование актива.

Пристатейный библиографический список

1. Воронцов П. П. Актуальные вопросы оценки состояния конкуренции на товарном рынке // Российское предпринимательство. М., 2013. № 24 (246). С. 84-90.
2. Матвеева Т. А. Развитие таможенного права в условиях становления интеграционных объединений в рамках ЕврАзЭС // Административное право и процесс. М., 2013. № 6. С. 72-76.
3. Журавлёва Ю. Н., Микшина В. С. Математические модели прогнозирования стоимости финансовых инструментов // Информационные системы и технологии. М., 2012. № 3. С. 15-22.
4. Орешкин В. Состояние и перспективы развития мировых товарных рынков // Мировая экономика и международные отношения. М., 2000. № 8. С. 25-32.
5. Ревенко Л. С. Мировые товарные рынки: тенденции XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, 2013. Сер. 5, вып. 3. С. 27-45.

ГАДЖИЕВА Алина Ахмедовна

студентка 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена вопросам правового регулирования налогообложения в условиях «цифровой экономики». Автор отмечает их схожесть с некоторыми проблемами электронной коммерции в странах США и ЕС. В мировой экономике отсутствует единообразие в применении налогов на цифровую экономику. К примеру, в Индии имеется 6 % налог на доходы от рекламы с 2016 г., в Израиле НДС за цифровые услуги, в России налог на B2B и B2C за цифровые услуги ожидается в 2019 году, Саудовская Аравия НДС уплачивает за цифровые услуги с 2018 года, в Великобритании переадресованный налог на прибыль- GOOGLE налог со ставкой 25 %, налоги на устройства в Швейцарии, налог на сим-карты в большом количестве стран и т.д. Автор статьи анализируются основные проблемы налогообложения цифровой экономики и предлагаются возможные пути решения проблем налогообложения электронной коммерции.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, электронная коммерция, налоги, бизнес-услуги, материальные активы.

GADZHIEVA Alina Ahmedovna

4th year student of the Law Institute of the Dagestan State University

THE MAIN PROBLEMS OF TAXATION OF THE DIGITAL ECONOMY

The article is devoted to the legal regulation of taxation in the "digital economy". The author notes their similarity with some problems of e-Commerce in the USA and the EU. There is a lack of uniformity in the application of taxes on the digital economy in the world economy. For example, in India there is a 6 % tax on advertising revenues since 2016, in Israel the VAT for digital services, in Russia, the tax on B2B and B2C digital services is expected in 2019, Saudi Arabia pays the VAT for digital services since 2018, the UK diverted profit tax - GOOGLE tax with a rate of 25 %, taxes on the device in Switzerland, the tax on SIM cards in a large number of countries, etc. The author of the article analyzes the main problems of the taxation of the digital economy and proposes possible solutions to the problems of taxation of electronic Commerce.

Keywords: digital economy, digitalization, e-Commerce, taxes, business services, tangible assets.

Современная экономика становится цифровой. Мы живем в глобальном пространстве, в котором все подключено к интернету. Каждый день, по оценкам стран ЕС, отсылается 20 млрд. электронных писем, 150 млн. постов, в социальных сетях проводится 650 млн. онлайн поисков. Информационные технологии стали решающим фактором экономического роста. Можно выделить и чемпионов данного направления- США и Китай, от которых достаточно отстают и остальная Европа и страны Евразии. Система оцифровки открывает достаточные возможности для инноваций, инвестиций и даже создания предприятий и рабочих мест. Несмотря на то, что мы живем в цифровую эпоху, система налогообложения в странах и даже международная система налогообложения основаны на экономической реальности прошлого века.

В утвержденной в России «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017-2030 годы» определяется, что цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг¹.

Важная роль в «цифровизации» российской экономики отводится предпринимателям, в соответствии с которой должны активно участвовать в реализации данного проекта. Предполагается создание «умных городов», увеличение количества специалистов в сфере информационной безопасности, повышение финансовой грамотности населения, внедрение цифровых технологий в сферу здравоохранения. Предусматривается, что все поселки получат доступ к интернету, а в городах будет применяться покрытие сети 5G и более. Программу планируют

реализовать к 2024 году. Можно выделить следующие плюсы новой экономики: реализация дистанционной работы, упрощение платежей, свободный рынок, доступность для всех отраслей, высокий уровень производительности, электронный документооборот, сокращение бумажной «волокиты», снижение себестоимости производства.

Зачем же нужны новые правила налогообложения цифровой экономики?! Во-первых, сегодняшние налоговые корпоративные правила не соответствуют реалиям современной мировой экономики и не охватывают те бизнес-модели и бизнес-услуги, которые существуют. Инструменты имеющегося налогового права просто устарели и больше не подходят для этих целей. Во-вторых, нынешние налоговые правила не признают новые способы создания прибыли в цифровом мире, в частности, роль пользователей в создании стоимости для цифровых компаний. В принципе, налогообложение должно быть нейтральным и справедливым во всех секторах экономики. Но в результате возникает разрыв или несоответствие.

Для цифровых компаний, которые располагают довольно крупной долей рынка в странах, в которых уровень налогов становится близок к нулю, цифровая экономика позволяет управлять процветающим транснациональным бизнесом практически без налогов. Дигитализация позволяет компаниям легко перенести свои собственные материальные активы наряду с прибылью стран, где стоимость практически задается в юрисдикции, в более выгодные налоговые системы. Так, например, сбор платежей UBER в любом месте где оно находится, за пределами США, позволяет выплачивать роялти за использование нематериальных активов UBER, например, нидерландскому Uber International CV. Бизнес-модели, разработанные американскими технологическими гигантами Google, Apple, Facebook основывается на такого рода международном уклонении от уплаты налогов. Такие схемы и стимулируют экономический рост США и создают американские рабочие места.

Как же новые разработки цифровой компании повлияли на способность правительства собирать и оценивать налоги? Во-первых, цифровая экономика значительно ускорила переход к нематериальным активам. Все чаще такие активы как товарные знаки, авторские права, патенты и другие интеллектуальные права

1 Семенова Г. Н. Проблемы налогообложения в цифровой экономике // В сборнике: Образование, наука и бизнес-индикаторы развития цифровой экономики. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции молодых ученых ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». Под общей редакцией Е. Ю. Власовой. 2018. С. 43-49

составляют основу корпоративной ценности. Во-вторых, интернет обеспечивает беспрецедентную мобильность самих компаний, позволяя им вести огромный объем бизнеса.

Страны ЕС уже презентуют новые налоговые правила по цифровой экономике. Можно кратко выделить принципы, которые находятся в исследованиях стран ЕС. Начинают они с того, что нет четкого консенсуса относительно наиболее эффективного способа налогообложения цифровых транзакций. Началось, все с 2012 года, когда STARBAKSUK почти ничего не заплатило британскому правительству и был принят план BEPS (план мероприятий ОЭСР по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения). Хотя STARBAKS UK не относилась к IT-компаниям, вместе с тем эта ситуация показала тенденцию в области уклонения от уплаты оффшорных налогов. План BEPS это инструмент мягкого права. После него, 21 марта 2018 года ЕС выпустил цифровой налоговый пакет, где имелись два предложения по налогообложению цифровой экономики. Во-первых, предусматривалось, что доходы, получаемые компаниями в пределах ЕС будут облагаться налогом этим государством до тех пор, пока компания имеет постоянное представительство или, так называемое, «цифровое присутствие». Во-вторых, это промежуточные меры по сбору доходов в виде 3 % косвенного налога для трех основных видов услуг: интернет-реклама, цифровые платформы и передача данных, собранных от пользователей с налоговой юрисдикцией, основанной на местоположении пользователя. ЕС также предлагает третьим странам включать в договоры об избежании двойного налогообложения данную норму. Есть ограничения, которые не касаются небольших стартапов и некрупных фирм, поскольку распространяться налог будет только если компания имеет ежегодный доход в размере 750 млн. евро и в доход ЕС. В Европе крайне заинтересованы в том, чтобы облагать налогами не итоговую результирующую прибыль, а брать своё уже в момент продаж. Иными словами, ЕС думает о том, чтобы компании платили корпоративные налоги не в момент подсчёта итоговой прибыли, особенно когда прибыль аккумулируется за пределами Европы, а в момент продажи клиенту².

Ряд стран уже имеют аналогичный налог, к примеру, Израиль, Индия, некоторые штаты США. Кроме того, включены еще одни пороговые значения от общего объема доходов - 100 тыс. пользователей и 3 тыс. коммерческих контрактов.

Ввиду специфики Интернет-торговли даже передовые страны несут налоговые потери, а законодатели и налоговики поставлены в тупик, системам налогообложения может быть нанесен ущерб такого масштаба, что это может привести к ситуации, когда правительства не смогут удовлетворить законные требования своих граждан на социальные услуги. По данным исследовательского агентства Data Insight, оборот Интернет-торговли в России за 2014 год составил порядка 380 млрд. руб., т.е. 3,9 % всего российского розничного оборота. Темпы роста онлайн-торговли в 6-8 раз превышают темпы роста реальной торговли. К 2018 году, по прогнозам Data Insight, объем рынка онлайн-торговли в России вырастет в 4 раза, покупки в сети будут совершать 17-20 млн. россиян на сумму, примерно равную 100 млрд. руб. в месяц³. Годовой оборот Интернет-торговли в России по тому же прогнозу составит 890 миллиардов рублей. Россия может оказаться среди тех стран, которые в ближайшие годы понесут огромные налоговые потери, если существующая система налогообложения не будет адаптирована к условиям Интернет-коммерции.

Однако все основные проблемы налогообложения электронной коммерции в России во многом схожи с проблемами налогообложения электронной коммерции в США и в ЕС. Первая проблема касается налогообложения цифровой (нематериальной) продукции и онлайн-услуг в сегменте B2C и C2C. Электронную коммерцию сложно контролировать – личность и местонахождение покупателя сейчас можно установить зачастую только по данным банковской карты, а если оплата производится через электронную платежную систему, такую, как Web-money, то это вообще невозможно. Проблема неспособно-

сти налоговых органов проследить в данном случае электронные сделки остается нерешенной для всех государств.

Вторая проблема для России заключается в неполноценности российского налогового законодательства для регулирования налогообложения электронной коммерции, а именно: 1) в российском законодательстве на сегодняшний день определение электронной коммерции, Интернет-торговли или других соответствующих определений пока не закреплено, хотя сами термины неоднократно употреблялись в официальных документах; 2) в российском законодательстве отсутствует классификация цифровых продуктов, т.е. не определено, относить их к товарам или к услугам.

Увеличение доли цифровой экономики в объеме традиционной экономики с неотвратимой неизбежностью ставит перед научным и экспертным сообществом, перед государством необходимость пересмотра многих устоявшихся подходов в налогообложении⁴.

Проблемы налогообложения электронной коммерции во всех странах мира во многом схожи. При этом, можно выделить возможные пути решения данных проблем:

1. Развитие новых программ, которые позволят налоговым органам идентифицировать и отслеживать сделки в киберпространстве.

2. Дать законодательно закрепленное, четкое определение понятию «Интернет-торговля» или «электронная коммерция».

3. Обеспечить сбор статистических данных в сфере электронной торговли.

4. Внести изменения в статьи 38 НК РФ. Расширить определение «услуг», содержащихся в статье 38, посредством включения термина «электронно-поставляемые услуги»⁵.

5. Добавить в статью 148 НК РФ определение «место поставки» для услуг, предоставляемых в электронной форме.

Таким образом, современная цифровая экономика включает различные бизнес-модели, каждая из которых создает собственные налоговые проблемы. Необходимо найти набор общих правил, которые учитывали бы особенности всех этих бизнес-моделей.

Пристатейный библиографический список

1. Куликова Е. И. Развитие российского фондового рынка под воздействием изменений в финансовом регулировании // Финансовая жизнь. 2018. № 1. С. 95-100.
2. Потенциал российской экономики и инновационные пути ее реализации // Материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов: в 2 частях / Под ред. В. А. Ковалева и А. И. Ковалева. Омск, 2018. Том Часть 1.
3. Рамазанов Т. Некоторые аспекты налогообложения в цифровой экономике // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 6 (22). С. 137-141.
4. Семенова Г. Н. Малый бизнес и система оптимизации налогообложения // В сборнике: Перспективы развития предпринимательства в России сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры экономики и предпринимательства Института экономики, управления и права МГОУ. Москва, 2017. С. 28-31.
5. Семенова Г. Н. Проблемы налогообложения в цифровой экономике // В сборнике: Образование, наука и бизнес - индикаторы развития цифровой экономики Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции молодых ученых ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». Под общей редакцией Е. Ю. Власовой. 2018. С. 43-49.

4 Рамазанов Т. Некоторые аспекты налогообложения в цифровой экономике // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 6 (22). С. 137-141.

5 Семенова Г. Н. Малый бизнес и система оптимизации налогообложения // В сборнике: Перспективы развития предпринимательства в России сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедр экономики и предпринимательства Института экономики, управления и права МГОУ. М., 2017. С. 28-31

2 Куликова Е. И. Развитие российского фондового рынка под воздействием изменений в финансовом регулировании // Финансовая жизнь. 2018. № 1. С. 95-100

3 Там же. С. 95-100

ГЕРЕЕВ Руслан Залимханович

магистрант направления «Управление бизнесом» Института экономики и менеджмента Томского государственного университета

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОСНОВЕ ЕГО ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ

В статье рассмотрена сущность финансового состояния предприятия, исследованы методы, направления и показатели, используемые для анализа финансового состояния предприятия. Освещается роль систематической оценки финансового состояния предприятия как основы его развития. Рассмотрена разработка и внедрение стратегий для развития промышленного предприятия на основе уровня уже существующей финансовой устойчивости, так как это является необходимым условием успешного функционирования предприятия на современном этапе.

Ключевые слова: финансовое состояние, стратегия, финансовая устойчивость, оценка и диагностика финансового состояния, экономическая безопасность, стратегия развития.

GEREEV Ruslan Zalikhanovich

magister student of the direction «Business Management» of the Institute of Economics and Management of the Tomsk State University

Гереев Р. З.

DETERMINATION OF PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE OF THE INDUSTRY ON THE BASIS OF ITS FINANCIAL CONDITION

The article deals with the essence of the financial condition of the enterprise, the methods, directions and indicators used to analyze the financial condition of the enterprise. The role of a systematic assessment of the financial condition of the enterprise as the basis of its development is highlighted. The development and implementation of strategies for the development of industrial enterprises on the basis of the existing level of financial stability, as it is a necessary condition for the successful operation of the enterprise at the present stage.

Keywords: financial condition, strategy, financial stability, assessment and diagnostics of financial condition, economic security, development strategy.

Принятие важных управленческих решений, связанных с производством, сбытом, инвестициями и инновациями, основано на деловой осведомленности, которая выступает результатом отбора, анализа и оценки данных. Один из важнейших источников информации, способствующий принятию рациональных, научно обоснованных управленческих решений по поводу хозяйствующего субъекта - финансовое состояние предприятия, а именно, глубокий анализ этого состояния и всесторонняя его оценка.

Детализированный анализ финансового состояния позволяет получить подробную характеристику имущественного и финансового положения субъекта хозяйствования, результатов его функционирования в отчетном периоде, а также альтернатив развития субъекта в перспективе.

В случае изменения технологии производства, освоения новых рынков сбыта, увеличения или сокращения объемов производства продукции особое внимание уделяется привлечению, размещению и перераспределению имеющихся финансовых ресурсов. С помощью оценки финансового состояния предприятия на тот или иной период времени можно найти ответ на вопрос: «Эффективно ли оно распоряжалось финансовыми ресурсами в периоде, предшествующем данному».

Финансовое состояние предприятия характеризуется совокупностью финансовых показателей и является результатом кругооборота капитала или движения активов и источников их формирования¹.

Непредсказуемое увеличение спроса, появление конкурентоспособных товаров-заменителей в отрасли, проверка собственных сил для завоевания новых сегментов рынка побуждают предприятия создавать информационное поле для анализа, оценки, регулирования и моделирования своего финансового состояния. Опрос финансовых директоров фирм Российской Федерации подтвердил, что в рейтинге их функций в современных условиях первое место занимает финансовый анализ деятельности компании².

Финансовое состояние может анализироваться не только руководством и соответствующими службами предприятия. Учредители и инвесторы занимаются этим с целью контроля эффективности использования ресурсов, банки - для составления условий кредитования и выявления имеющихся рисков, связанных с этим предприятием, поставщики - для получения выплат в поставленные сроки, налоговые службы - для выполнения плана поступления средств и т.п.

Вопросы экономической оценки и анализа финансового состояния предприятия широко исследованы в работах отечественных ученых - В. Г. Артеменко, М. И. Баканова, И. Т. Балабанова, С. Б. Барнгольца, И. А. Бланка, Т. Б. Бердниковой, Н. В. Войтловского, Л. С. Васильевой, А. И. Гинсбурга, Е. В. Ефимовой, А. П. Калининой, И. И. Каракоза, В. В. Ковалева, И. В. Липсица, Н. П. Любушина, В. И. Макарьевой, Д. А. Панкова, Л. В. Прыкиной, Г. В. Савицкой, Е. С.

1 Онисько С. М., Марин П. М. Финансы предприятий: учебник для студентов высших учебных заведений. - Львов: Магнолия плюс, 2012. - С. 101.

2 Павловская О. В., Притуляк Н. М., Невмержицкая Н. Ю. Финансовый анализ: учеб. пособие для самост. изуч. дисц. - М.: Финансы, 2012. - С.61-62.

Таблица 1. Мнения отечественных экономистов по поводу сущности финансового состояния предприятия

Автор	Сущность финансового состояния
М. И. Баканов, А. Д. Шеремет	Финансовое состояние характеризует размещение и использование средств предприятия, обусловлено степенью выполнения финансового плана и мерой пополнения собственных средств за счет прибыли и других источников, а также скоростью оборота производственных фондов и особенно оборотных фондов
А. Д. Шеремет, Е. В. Негашева	Предприятие может относиться к одному из четырех типов финансового состояния: абсолютная устойчивость финансового состояния, нормальная устойчивость финансового состояния, неустойчивое финансовое состояние, кризисное финансовое состояние»
М. С. Абрютина, А. В. Грачев	Грамотный анализ финансового состояния может привести к уклонению от случайностей рыночной конъюнктуры и прогнозированию поведения партнеров.
А. Д. Шеремет, А. Ф. Ионова	Выражается в соотношении структуры его активов и пассивов, т.е. средств предприятия и их источников
И. В. Колчина	Характеризуется совокупностью показателей, отражающих процесс формирования и использования финансовых средств предприятия
Е. И. Шохин	Это комплексное понятие, характеризующееся системой абсолютных и относительных показателей, отражающих наличие, размещение и использование финансовых ресурсов предприятия
И. Л. Бузова	Определяет конкурентоспособность предприятия, его потенциал в деловом сотрудничестве, является оценкой степени гарантированности экономических интересов самого предприятия и его партнеров по финансовым и другим отношениям

Стояновой, Н. А. Русак, С. К. Татура, А. Д. Шеремета, Г. А. Штофера и др.

Мнения отечественных исследователей по поводу сущности финансового состояния предприятия, его элементов и составляющих представлены в табл. 1.

Как видно из данных табл.1, отечественные исследователи считают, что финансовое состояние предприятия - это комплексная экономическая категория, которая характеризуется системой показателей, отражающих способность субъекта хозяйствования отвечать по своим обязательствам в необходимых объемах в указанные сроки, рационально распределяя денежные потоки, сохраняя конкурентоспособность на рынке и привлекательность для инвесторов.

Зарубежная школа исследования финансового состояния предприятия тесно связывает данное понятие с оценкой вероятности банкротства субъекта хозяйствования для прогнозирования кризисной ситуации заранее, до появления ее признаков, а также возможного предотвращения данной ситуации в будущем. Большое количество исследований было проведено в условиях кризиса 60-70 годов прошлого века в США. Ученые-экономисты зарубежных стран У. Бивер, Э. Альтман, Д. Дюран, Л. Коробоу, О. Штур, Д. Мартин, М. Браун, Д. Стоун, К. Хитчинг, Дж. К. Ван Хорн, Р. Таффлер, Г. Спрингейт, Д. Фулмер и др. проанализировали финансовые показатели больших выборок различных предприятий, которые перестали существовать из-за банкротства.

Используя результаты своих исследований, Э. Альтман предложил оценивать финансовое состояние предприятия на основе интегральной модели, представляющей собой совокупность коэффициентов с удельными значениями для расчета интегрального показателя. Д. Дюран разработал методику интегральной оценки финансового состояния на основе системы оценки платежеспособности заемщика.

Таким образом, финансовое состояние - это сложная экономическая категория, которая характеризуется:

- 1) обеспеченностью финансовыми ресурсами, рациональностью их размещения и использования;
- 2) ликвидностью;
- 3) платежеспособностью;
- 4) финансовой устойчивостью;

5) рентабельностью;

6) деловой активностью.

Для предприятия финансовыми ресурсами выступают: собственный капитал, прибыль, полученные кредиты и размещенные на рынке ценные бумаги. Оно постоянно должно заботиться о повышении эффективности использования финансовых ресурсов, поскольку их приумножение будет способствовать расширению деятельности предприятия, его экономическому росту.

Благодаря оценке финансового состояния организация способна выявлять недостатки и направлять свою деятельность на их устранение для поддержания и улучшения финансового положения.

Недостаточное внимание к оценке финансового состояния организации может привести к убыточности деятельности и даже к ее банкротству.

Для того чтобы оценить финансовое состояние организации с точки зрения ее обеспеченности финансовыми ресурсами, целесообразности их размещения, степени использования, уровня кредитоспособности и степени развития организации необходима определенная система показателей.

В настоящее время существует множество методик по проведению оценки финансового состояния организации. Оценка финансового состояния авторами описывается с определенными отличительными особенностями. Например, в наборе показателей.

В Методологических рекомендациях Госкомстата России оценка финансового состояния является заключительным этапом.

Оценка финансового состояния организации производится по определенной системе коэффициентов. В нее включают: рентабельность (убыточность) активов общая; рентабельность (убыточность) активов чистая; рентабельность (убыточность) проданных товаров, продукции, работ, услуг; рентабельность (убыточность) продаж чистая; отсутствие дефицита денежных средств, краткосрочных финансовых вложений; отсутствие дефицита краткосрочной дебиторской задолженности; отсутствие дефицита запасов; отсутствие просроченных обязательств; отсутствие просроченной деби-

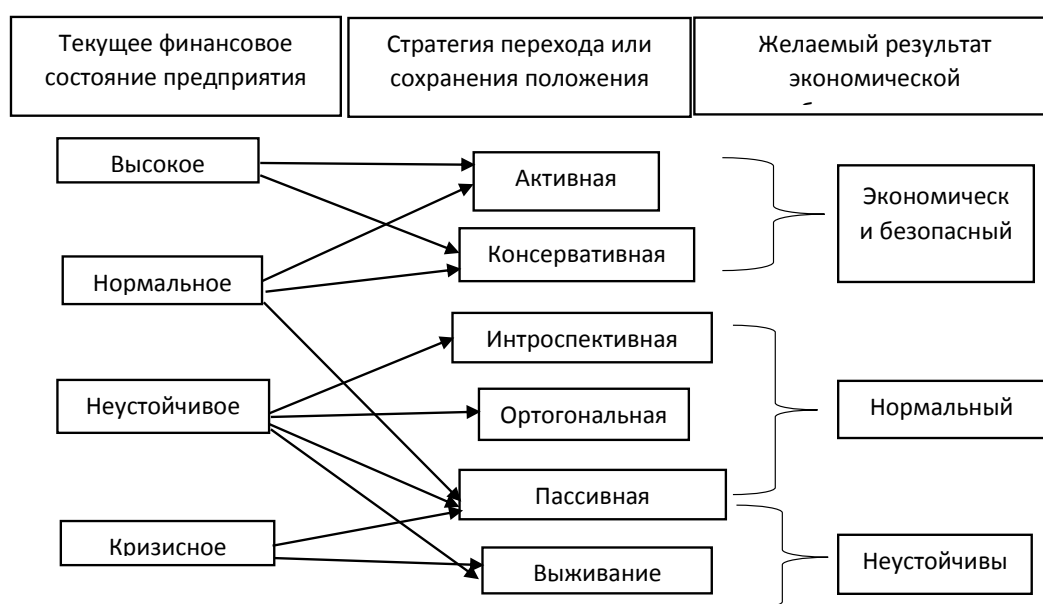

Рисунок 1. Схема применения стратегий с учетом положения и ожидаемых результатов

торской задолженности; чистые активы должны превышать размер уставного капитала, а оборотный капитал иметь величину больше нуля.

Данные показатели приводятся не менее чем за два года, предшествующие отчетному. Для того чтобы сделать заключительный вывод об организации, определяется динамика коэффициентов и дается оценка финансовому состоянию экономического субъекта.

По результатам финансового состояния организация оценивается на «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно».

Для каждой оценки предусмотрены рекомендуемые значения показателей, которые должны выполняться.

Методика Госкомстата России позволяет дать комплексную оценку положения дел в организации. В результате проведения оценки, можно выявить основные причины и недостатки, которые влияют на финансовое положение. Это дает возможность направить деятельность на улучшение финансового состояния до определенного уровня.

Необходимо отметить, что точность финансового анализа заключается в правильном использовании существующих методов и методик расчета финансовых коэффициентов, что позволит практически исследовать рассматриваемый объект.

Комплексный подход к анализу финансово-хозяйственной деятельности предприятия заключается во всестороннем охвате всех аспектов финансово-хозяйственной деятельности предприятия³.

В свою очередь объективность финансового анализа предполагает использование в качестве информационной базы надежной и достоверной финансовой отчетности, ведь от этого во многом зависит качество оперативного и прогнозного анализа результатов деятельности предприятия.

Оперативность финансового анализа определяется влиянием аналитической информации на принятие управленческих решений, что позволит своевременно разработать и принять систему, необходимые меры для исправления выявленных диспропорций в состоянии хозяйствующего субъекта.

Необходимо обратить внимание на то, что в научных трудах и учебно-методических разработках понятие «экономическое положение предприятия» отождествляется с понятием «финансовое состояние предприятия», что не совсем правильно по нескольким причинам. Во-первых, происходит подмена понятия «экономическое положение предприятия» (ЭСП) на термин «финансовое состояние предприятия» (ФСП). Во-вторых, понятие «экономическое положение предприятия» по своему содержанию более широкое, чем понятие «финансовое состояние предприятия». Общеизвестно, что есть: экономическая деятельность предприятия и ее составляющая - финансовая деятельность предприятия; экономический анализ и его составляющая - финансовый анализ; экономическая безопасность предприятия и ее составляющая - финансовая безопасность предприятия; система экономических показателей, частью которых является и финансовые показатели и т. д.⁴

Анализ финансово-экономического состояния ориентирован на оценку финансового состояния, финансовых результатов и эффективности деятельности предприятия. Он позволяет выявить направления и ограничения финансового развития предприятия.

Оценка финансово-экономического состояния предприятия предполагает определенную последовательность выполнения аналитической работы. Именно поэтому своевременная и объективная оценка финансово-экономического состояния предприятия имеет весомое значение, поскольку каждый владелец должен видеть потенциальные возможности увеличения прибыли предприятия, а их можно обнаружить исключительно своевременно и объективно проанализировав финансово-экономическое состояние предприятия⁵.

Итак, выделим основные стратегии перехода предприятий на более высокий уровень экономической безопасности, в основу которых легли общепринятые стратегии.

4 Просалова В. С., Смольянинова Е. Н. Теоретические подходы к понятию стратегии организации и формирование ее элементов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. - 2011. - № 4 (127). - С.28-36.

5 Савицкая Г. В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности: методологические аспекты. - М.: ИНФРА-М, 2010. - 272 с.

3 Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. Учебное пособие. - Мн.: Новое знание, 2014. - 704 с.

1. Активная стратегия возможна лишь в случае полного обеспечения предприятием финансовыми средствами. Это аргументировано тем, что дополнительный объем средств формирует запас для параллельной работы и мониторинга рынка.

2. Консервативная стратегия также возможна при полном обеспечении финансирования и формирования некоторой части оборотных активов. Однако показатель рентабельности у предприятия характеризуется либо постоянной отметкой, либо же имеет тенденцию к снижению. Предприятие нацелено на контроль за рисками, однако избегает неопределенности, связанной с потерями, теряет возможности, которые заполучают конкуренты, но гарантирует себе стабильность.

3. Пассивная стратегия. Предприятия, которые придерживаются данной стратегии, обладают небольшой частью средств, которые идут на покрытие внеоборотных активов, но не в состоянии профинансировать в запасы. Эта стратегия довольно понятна при плановом производстве, стабильности макроэкономики и низкой степенью вариабельности.

4. Ортогональная стратегия. Данная стратегия направлена на получение быстрых результатов в периоды кризиса. У такого предприятия нет времени и средств на покрытие всех обязательств, поэтому руководство принимает меры «быстрых сливок».

5. Интроспективная стратегия актуальна при получении быстрых результатов за счет внутренних резервов. На этом этапе можно распродать незадействованное оборудование, помещения, сдать в аренду основные средства, а также сузить специализацию, сегмент рынка.

6. Стратегия выживания. Цель – получение максимально возможного результата от «потухающего» бизнеса. Чаще всего эта стратегия означает частую смену собственника, что скорее говорит о продаже и извращении полубанкрота, чем о мере спасения предприятия.

На рисунке 1 представлена схема применения стратегий с учетом текущего положения и ожидаемых результатов.

Таким образом, анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия приобретает важное значение для принятия эффективных управленческих решений и является связующим звеном при выборе дальнейшей стратегии развития предприятия. Для выбора стратегии необходимым является изучение деятельности предприятия с целью объективной оценки результатов и выявления возможностей дальнейшего его повышения эффективности.

Пристатейный библиографический список

1. Волкова С. М. Как выполнить анализ финансово-хозяйственной деятельности организации // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. - 2013. - № 4.
2. Деева Н. М, Дедиков А. И. Финансовый анализ: учебное пособие. М. : Центр учебной литературы, 2011.
3. Зятковский И. В. Финансы предприятий: учеб. пособие для студ. экон. спец. высш. учеб. завед. - М.: Кондор, 2013.
4. Иванов И. Н. Экономика промышленного предприятия: учебник. - М: ИНФРА-М, 2011.
5. Онисько С. М., Марин П. М. Финансы предприятий: учебник для студентов высших учебных заведений. - Львов: Магнолия плюс, 2012.

6. Павловская О. В., Притуляк Н. М., Невмержицка Н. Ю. Финансовый анализ: учеб. пособие для самост. изуч. дисц. - М.: Финансы, 2012.
7. Просалова В. С., Смольянинова Е. Н. Теоретические подходы к понятию стратегии организации и формирование ее элементов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. - 2011. - № 4 (127).
8. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. Учебное пособие. - Мн.: Новое знание, 2014.
9. Савицкая Г. В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности: методологические аспекты. - М.: ИНФРА-М, 2010.
10. Финансовые измерения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amvefinance.m/dbuts-686-l.html> (дата обращения: 03.02.2019)

ВЭЙ Иян

аспирант Московского педагогического государственного университета

СБЫТОВАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИЯТИЯ: МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

В данной статье рассмотрены основные аспекты сбытовой политики. Рассмотрен понятийный аппарат сбытовой политики. Определена сущность сбытовой политики. Раскрыт механизм реализации сбытовой политики.

Ключевые слова: сбытовая политика, сбыт, сущность сбытовой политики, формы сбытовой политики, механизм реализации сбытовой политики.

WEI Yiyang

postgraduate student of the Moscow State Pedagogical University

SALES POLICY OF THE ENTERPRISE: MECHANISM OF IMPLEMENTATION

This article discusses the main aspects of sales policy. The conceptual apparatus of sales policy is considered. The forms of marketing policy are analyzed. The mechanism for the implementation of sales policy is disclosed.

Keywords: sales policy, sales, essence of sales policy, forms of sales policy, sales policy implementation mechanism.

На сегодняшний день любое предприятие отводит большое количество сил и средств на развитие своей сбытовой политики. Каждое предприятие обладает индивидуальностью, собственными моделями поведения (предпринимательского, организационного и др.), своим стилем, формами воздействия на сознание работников и уровнем коммуникационной проницаемости воздействий на целевые группы взаимодействующих с ним участников отношений. Поэтому сбытовая политика предприятия всегда стоит на первом месте.

Перед тем как рассмотреть формы и механизм сбытовой политики, определим понятийный аппарат сбытовой политики и ее сущность.

Сущность и понятие сбытовой политики в научных дискуссиях трактуется по-разному.

Так, авторы Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Ивах А. В. определили, что сбытовая политика предприятия – это комплекс стратегий и маркетинговых мероприятий, которые ориентированы на продвижение ассортимента выпускаемой продукции или услуг¹.

По мнению А. Е. Сакеновой, суть сбытовой политики заключается в том, чтобы реализовать товары и услуги предприятия, организовать доступность продукции, с целью получения прибыли и возврата вложенных средств, в создание и маркетинг².

На наш взгляд, определения сбытовой политики, предложенные авторами, недостаточно раскрывают его сущность. По нашему мнению, сбытовая политика предприятия – это совокупность взаимосвязанных элементов сбытовой деятельности, направленных на удовлетворение потребностей потребителей путем оптимального использования сбытового потенциала предприятия и обеспечение на этой основе эффективности продаж.

Далее рассмотрим механизм реализации сбытовой политики, который представлен на рисунке 1.

По данным рисунка видно, что в механизм реализации сбытовой политики входят такие компоненты, как: цель сбытовой политики, инструменты повышения эффективности сбытовой политики, методы реализации сбытовой политики, алгоритмы ее реализации.

Главной целью сбытовой политики предприятия является: производство товаров или услуг, а также дальнейший их сбыт.

Инструментами повышения эффективности сбытовой политики предприятия являются: разработка продукта или услуги; ценообразование; распределение продуктов или услуг; развитие коммуникаций (в том числе маркетинговых)³.

Методами реализации сбытовой политики предприятия являются: внедрение нового оборудования или технологий в производство продукции или услуг; комплексное изучение опыта конкурентов; повышение квалификации персонала (обучение и развитие) и т.д.

Элементы сбытовой политики взаимосвязаны между собой и включают: транспортировку продукции, хранение, доработку, а также контакты с потребителями (данные о клиентах, отзывы, обратная связь). Так, сбыт продукции невозможен без ее транспортировки и хранения, а при наличии каких-либо изъянов продукции, невозможно без доработки⁴.

Алгоритм реализации сбытовой политики предприятия имеет длительный и сложный процесс. В первую очередь, проводится анализ отрасли предприятия на выявление основных конкурентов их преимуществ и недостатков. На основе данного анализа, предприятие определяет виды продукции или услуг для их дальнейшего сбыта, после чего осуществляется составление сметы затрат на сбыт⁵.

Также предприятие осуществляет распределение каналов сбыта продукции или услуг (через торговых представителей, посредников, либо напрямую потребителю), на основе чего проводится организация торговых коммуникаций⁶.

3 Там же.

4 Там же.

5 Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Ивах А. В. К разработке маркетинговых стратегий предприятий в период нестабильной экономики // Журнал «Экономические исследования и разработки». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edrf.ru/article/16-08-2018>.

6 Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Глазырина Е. О. Управление конкурентной позицией субъекта на рынке // Журнал «Экономические исследования и разработки». 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edrf.ru/article/17-08-2018>.

1 Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Ивах А. В. К разработке маркетинговых стратегий предприятий в период нестабильной экономики // Журнал «Экономические исследования и разработки». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edrf.ru/article/16-08-2018>.

2 Сакенова А. Е. Сбытовая политика в деятельности современного предприятия // Научное сообщество студентов XXI столетия. сб. ст. по мат. ЛП междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3(51). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://sibac.info/archive/economy/4\(52\).pdf](https://sibac.info/archive/economy/4(52).pdf) (дата обращения: 17.11.2018).

Рисунок 1. Механизм реализации сбытовой политики предприятия

При реализации сбыта продукции или услуг предприятие производит планирование и анализ хода и динамики продаж, в котором анализируются предпочтения клиентов, выявляются недостатки, которые необходимо мгновенно устранить.

Для того чтобы сбытовая политика предприятия осуществлялась грамотно и эффективно, необходимо проводить планирование и оценку деятельности службы сбыта. На заключительном этапе проводится координация деятельности системы сбыта предприятия.

Таким образом, сбытовая политика предприятия представляет собой комплекс стратегий и маркетинговых мероприятий, которые ориентированы на продвижение ассортимента выпускаемой продукции или услуг. Сбытовая политика включает в себя такие формы, как: интенсивная, селективная, эксклюзивная формы. В механизм реализации сбытовой политики предприятия входят такие компоненты, как: цель сбытовой политики, инструменты повышения эффективности сбытовой политики, методы реализации сбытовой политики и алгоритмы реализации.

Пристатейный библиографический список

1. Лебедев А. Н. Механизм повышения конкурентоспособности бизнеса в условиях ограниченности ресурсов // В книге: Современное предпринимательство в инновационной экономике. Теория и практика. - М., 2015. - С. 84-93.
2. Сакенова А. Е. Сбытовая политика в деятельности современного предприятия // Научное сообщество студентов XXI столетия. сб. ст. по мат. ЛП междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3 (51). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://sibac.info/archive/economy/4\(52\).pdf](https://sibac.info/archive/economy/4(52).pdf) (дата обращения: 17.11.2018).
3. Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Глазырина Е. О. Управление конкурентной позицией субъекта на рынке // Журнал «Экономические исследования и разработки». 2018.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edrj.ru/article/17-08-2018>.
4. Щепакин М. Б., Хандамова Э. Ф., Ивах А. В. К разработке маркетинговых стратегий предприятий в период нестабильной экономики // Журнал «Экономические исследования и разработки». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edrj.ru/article/16-08-2018>.

СОКОЛОВА Елизавета Сергеевна

доктор экономических наук, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович

кандидат исторических наук, Департамент мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ СТРАН-УЧАСТНИКОВ ЕАЭС В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

В данной статье рассмотрена роль центральных банков стран-участников ЕАЭС в процессе формирования единого финансового рынка в рамках экономической интеграции. Уровень успешности экономической интеграции непосредственно зависит от того, на каком уровне принимают участие в данной интеграции центральные банки стран. В процессе исследования авторы провели анализ аналитических документов институтов ЕАЭС, трудов отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой тематике. На основе проведенного исследования авторы выявили важность повышения уровня гармонизации законодательств стран-участников интеграции и степени схожести работ центральных банков для формирования единого финансового рынка.

Ключевые слова: ЕЭК, ЕАЭС, финансовые рынки, экономическая интеграция, валютные рынки, международные финансовые институты.

SOKOLOVA Elizabeveta Sergeevna

Ph.D. in Economy, professor of the Department of world economy and world finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

MEHDIEV Elnur Tadzhammadinovich

Ph.D. in historical sciences, Department of world economy and world finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

THE ROLE OF THE CENTRAL BANKS OF THE COUNTRIES-PARTICIPANTS OF UES IN THE PROCESS OF FORMING A SINGLE FINANCIAL MARKET

This article discusses the role of the central banks of the EAEU member countries in the process of forming a single financial market in the framework of economic integration. The level of success of economic integration directly depends on the level at which the central banks of the countries participate in this integration. In the course of the study, the authors analyzed the analytical documents of the EAEU institutes, the works of domestic and foreign scientists on the subject under consideration. Based on the study, the authors revealed the importance of increasing the level of harmonization of the legislations of the countries participating in integration and the degree of similarity of central banks' work to form a single financial market.

Keywords: EEC, EAEU, financial markets, economic integration, currency markets, international financial institutions.

Среди наиболее эффективных путей борьбы с неустойчивыми трансграничными потоками, которые образовались в результате финансового кризиса 2007-2009 гг., можно особенно выделить экономические интеграционные объединения. Развитие интеграционных процессов в постсоветском регионе именно после финансового кризиса также не является случайностью. В 2010 г. Россия, Беларусь и Казахстан сформировали Таможенный союз, далее, в начале 2015 г. данным странам удалось перейти к следующему этапу интеграционного процесса и основать Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В течение этого же года к новому интеграционному объединению присоединились Кыргызстан и Армения.

Финансовая интеграция является одной из основополагающих элементов экономической интеграции. Также ее принято считать во многих интеграционных процессах одним из завершающих этапов. Вопрос финансовой интеграции на протяжении долгого периода времени оставался в стороне от обсуждений в евразийской экономической интеграции. Он стал приобретать актуальность на фоне мирового финансового кризиса, и

в рамках Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) страны-участники подписали ключевые соглашения, которые, в частности, были посвящены валютному регулированию и контролю. Данные соглашения были подписаны, преимущественно, для того, чтобы достичь либерализации трансграничных потоков капитала.

Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в мае 2014 г., создал более качественную базу для финансовой интеграции. Цель финансовой интеграции заключается в создании общего финансового рынка для того, что выработать единые подходы управления рисками на рынке финансов, благоразумные требования, порядок организации контроля над работой участников рынка финансов. Итак, пример финансового рынка демонстрирует правильную систему основания единого рынка путем снятия ограничительных факторов и параллельным внедрением ряда комплексных инструментов управления.

Одновременно с продвижениями в процессе формальной интеграции в виде разработки правовых норм

наднационального характера также развивался процесс неформальной интеграционной взаимосвязи. Данный процесс начал активным образом развиваться в банковском секторе начиная с середины первого десятилетия XXI века после того, как российские финансовые институты начали свою деятельность на рынках государств – будущих участников евразийского интеграционного объединения¹. Их влияние сильнее всего отражалось на белорусском финансовом рынке, поскольку на долю дочерних организаций российских банков к 1 октября 2014 года приходилась четверть всех активов².

Согласно анализу текущих режимов курсовой, валютной, монетарной политики стран-членов интеграции, их мер по управлению ликвидностью в финансовой сфере выявилось, что имеются значительные расхождения между странами по перечисленным параметрам.

В то время как Россия, Беларусь и Кыргызстан приняли режим гибкого курса обмена валют, курс национальной денежной единицы Армении в отношении к доллару США имеет достаточно стабильные позиции. Что касается Казахстана, данная страна до недавних пор пользовалась режимом таргетирования обменного курса со скользящей привязкой, однако в августе 2015 г. центральный банк решил девальвировать курс национальной валюты и перешел к режиму таргетирования инфляции. Следовательно, имеются различия и в режимах денежно-кредитной политики стран. Начиная с 2015 г. в Беларуси совершили переход к денежному таргетированию, а в России и Армении приняли инфляционное таргетирование. Классификация режима монетарной политики в Кыргызстане затруднительна³.

Одной из ключевых составляющих валютной интеграции в рамках ЕАЭС является Интегрированный валютный рынок (ИВР). На долю центральных банков стран-участниц интеграции приходится большая роль по повышению активности на ИВР, по увеличению количества банков-участников, по росту количества сделок, совершенных в национальных денежных единицах. Чтобы продвигать российский рубль в расчетах между странами ЕАЭС нужно, в первую очередь, стимулировать дедолларизацию и постепенно переходить на взаиморасчеты в российских рублях, в частности в совершении оплаты за энергоносители.

Пока центральные банки страны ЕАЭС на практике не начали применять своп-соглашения, хотя валютные рынки данных стран, можно сказать, что достаточно интегрированы. Свop-операции пользуются для решения проблем, связанных с временной потерей ликвидности в определенной валюте, и с помощью этих операций можно в сложный момент избежать потрясений, которые вызываются в результате технических или иных проблем.

С целью проведения мониторинга и анализа текущего положения на финансовых рынках, консультирования по вопросам, которые относятся к компетенции центральных

банков, по Договору о ЕАЭС был сформирован Консультационный совет по валютной политике.

Решения данного консультативно-совещательного органа центральных банков Решения Совета имеют рекомендательный характер⁴.

Что касается основных задач Совета, к ним относятся:

- развитие взаимодействия между центральными банками стран-участников интеграции касательно вопросов валютной политики;
- выявление возможных источников уязвимости, из-за которых может образоваться нестабильность на финансовых рынках и увеличиться взаимные колебания курсов национальных валют;
- сокращение уровня воздействия внешних эффектов на макроэкономическую стабильность в странах-участниках ЕАЭС;
- формирования рекомендаций, связанных с обеспечением продвижения пользования национальными валютами при взаиморасчетах.

Национальные законодательные требования, связанные с лицензированием, минимальные размеры капитала кредитных организаций, их операции и полномочия лежат в основе банковской системы стран-участниц Евразийского экономического союза. Иностранные банки в процессе внедрения своей деятельности на рынки других стран в большинстве случаев сталкиваются с определенными ограничениями, связанными с выдачей лицензий, требованиями, обязательными нормативами и др. Таким образом, иностранные банки имеют больше издержек по сравнению с местными банками. Чтобы избежать подобных проблем российский и белорусский регуляторы договорились открыть доступ на валютные рынки друг друга для банков на условиях не менее благоприятных, чем для местных банков. В дальнейшем к данному соглашению должны присоединиться и другие государства интеграционного союза.

Из-за невысокого уровня гармонизации работы финансовых рынков стран-участников интеграции, существенных расхождений в политике центральных банков и отсутствия общей денежной единицы может быть оправдана целесообразность принятия принципа «максимальной гармонизации» законодательств и формирования единого мегарегулятора лишь в 2025 г.

Для улучшения гармонизации законодательства стран-участников ЕАЭС в финансовой сфере руководители центральных банков заключили на очередном заседании Консультационного совета в Ереване 17 сентября 2018 г. соответствующее соглашение⁵. По данному соглашению определяются пути и этапы гармонизации законодательства государств-членов интеграционного союза в банковской, страховой областях, сфере услуг на фондовых рынках, основываясь на мировых принципах и стандартах или наиболее успешной мировой практике в области управления финансовыми рынками.

Данный документ направлен на создание в рамках экономической интеграции единого финансового рын-

1 Абалкина А. А. Формы и методы экспансии российских банков за рубеж // Деньги и кредит. 2014. № 3.

2 Myfin.by / Банки Беларуси. Кредиты. Вклады. Курсы валют URL: <http://myfin.by/stati/view/4107-rejting-belorusskihbankov-po-itogam-3-kvartala-2014-goda>

3 Денежно-кредитная политика государств — членов ЕАЭС: текущее состояние и перспективы координации. М.: ЕЭК, СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 132.

4 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Раздел XIV «Валютная политика».

5 Официальный сайт Евразийской Экономической Комиссии URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-09-2018-2.aspx>

ка, на обеспечение обоюдного признания лицензий для ведения деятельности в банковской, страховой сферах, в сфере услуг на фондовых рынках, на создание возможности для недискриминационного входа на финансовые рынки стран-участниц.

На основе соглашения будет формирована Программа по гармонизации, определяющая этапы и сроки реализации процесса гармонизации законодательства стран, которая практически будет играть роль «дорожной карты» для сближения норм, которые предусмотрены национальными законодательствами стран в финансовом секторе.

Несмотря на все текущие проблемы и недостатки, интеграция финансовых рынков стран ЕС на сегодняшний день считается наиболее успешной в мировой экономике. Изучение процесса интеграции в Евросоюзе в финансовой сфере достаточно актуально для стран ЕАЭС, принимая во внимание высокий уровень взаимозависимости финансовых рынков отдельных стран. Несмотря на то, что на сегодняшний день степень интеграции в ЕАЭС не достиг того уровня, чтобы перейти к валютному союзу и создать единый наднациональный регулятор, модель финансовой интеграции Евросоюза считается уникальным примером для евразийской интеграции.

Европейский центральный банк относится к Европейской системе центральных банков (ЕСЦБ). Данная система является сложной организацией, которая включает в себе ЕЦБ и национальные центральные банки всех стран Евросоюза⁶. Начиная с 1999 г. ряд стран начали использовать евро в безналичном обращении, и тем самым, положили основу Еврозоны. В Еврозону входят страны ЕС, принявшие в обращении единую валюту евро. С момента основания данного пространства к ЕЦБ перешла вся ответственность касательно проведения единой монетарной политики в Еврозоне. В качестве основной цели монетарной политики ЕЦБ считается обеспечение ценовой стабильности в Еврозоне. Данный наднациональный регулятор имеет исключительное право осуществлять эмиссию евро на территории Еврозоны.

Главным условием для обеспечения устойчивости на финансовых рынках является эффективное правовое регулирование и регулярный контроль их элементов, поскольку стабильная работа целого финансового рынка обеспечивается за счет стабильного функционирования каждого его элемента⁷. В результате создания Европейского центрального банка появились однородные требования к участникам финансового рынка и формировалось новое, наднациональное законодательство. В данном законодательстве были применены главные направления по развитию финансового сектора государств ЕС, а далее каждое государство унифицировала свои подходы, принимая во внимание европейское законодательство. Опытом ЕЦБ можно пользоваться, в осо-

бенности, чтобы внедрить и применить центральными банками стран ЕАЭС усовершенствованных надзорных практик, систем финансового оздоровления, мероприятий в отношении конкретных участников рынка, чтобы повысить их финансовую устойчивость и надежность.

Значение ЕЦБ повысилось в процессе разрешения долгового кризиса, когда ему пришлось в результате риска неплатежеспособности периферийных стран Еврозоны и угрозы падения банковского сектора предоставлять финансовую помощь государствам, которые были в тяжелом положении. Однако действия ЕЦБ по приобретению облигаций и предоставлению банкам дешевых денег в конце 2011 – начале 2012 г. не смогли предотвратить усугубление кризиса⁸. Таким образом, ЕЦБ в качестве кредитора последней инстанции имеет на себе риск давления в результате предоставления помощи странам, не имея при этом гарантий, что страны смогут улучшить свою экономическую ситуацию.

После анализа текущей ситуации в процессе финансовой интеграции стран ЕАЭС, стоит отметить, что большинство мер, осуществленных для формирования единого финансового рынка, рассчитаны на долгосрочный период. Странам необходимо преодолеть довольно долгий путь для достижения максимальной гармонизации законодательства, схожей финансовой политики и остальных поставленных целей. О важности формирования единых международных норм и правил для обеспечения финансовой стабильности говорит в своих выступлениях Сабина Лаутеншлегер, член Правления ЕЦБ и вице-председатель Наблюдательного совета ЕЦБ. По ее словам, финансовый сектор будет периодически стараться выходить за пределы сложившихся правил. Именно по этой причине, чтобы обеспечить финансовую стабильность нужно формировать единые международные нормы и правила⁹. Страны, которые полагают, что смогут обеспечить финансовую устойчивость без использования единых международных норм и правил ставят под угрозу общемировой финансовый сектор.

6 Беспалова О. В. Обзор деятельности европейского центрального банка (от начала создания до 2012 г.). Проблемы учёта и финансов. 2013. № 1 (9).

7 Энтин М. Л., Осокина Е. Б. Роль европейского центрального банка в современной системе обеспечения финансовой стабильности ЕС // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки». 2017. №. 4.

8 Липкова Б. Роль ЕЦБ в разрешении долгового кризиса Еврозоны // УПРАВЛЕНИЕ. № 4(44). 2013.

9 Lautenschläger S. The European banking sector — growing together and growing apart. Speech by Member of the Executive Board of the ECB and Vice-Chair of the Supervisory Board of the ECB at the LSE German Symposium, London, 2 March 2017. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2017/html/sp170302.en.html>

МАРКЕВИЧ Олег Евгеньевич

кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Сибирского государственного университета путей сообщения

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены роль и значение качества развития системы муниципального управления с точки зрения повышения эффективности функционирования национальной социально-экономической системы в целом. Систематизированы основные стратегические, организационные, финансовые, кадровые проблемы развития муниципалитетов Российской Федерации на современном этапе. Показано, что одной из основных проблем является недостаточная обеспеченность муниципальных образований собственными источниками финансирования. Выделены основные направления совершенствования деятельности муниципалитетов РФ; особое внимание уделено повышению интенсивности интеграции последних в структуру современной цифровой экономики.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципалитет, бюджетная обеспеченность, собственные доходы, дотации, межмуниципальное сотрудничество.

MARKEVICH Oleg Evgenjevich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of State and municipal administration sub-faculty of the Siberian State University of Communications

PROBLEMS OF FINANCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

In article the role and value of quality of development of a system of municipal management in terms of increase in efficiency of functioning of a national social and economic system in general are considered. The main strategic, organizational, financial, personnel problems of development of municipalities of the Russian Federation at the present stage are systematized. It is shown that one of the main problems is insufficient security of municipal units with own sources of financing. The main directions of improvement of activity of municipalities of the Russian Federation are allocated; special attention is paid to increase in intensity of integration of the last into structure of modern digital economy.

Keywords: local government, municipality, fiscal capacity, own income, grants, intermunicipal cooperation.

Эффективность развития национальной социально-экономической системы, устойчивое повышение качества жизни населения РФ непосредственно зависят от характера организации местного самоуправления, степени обеспеченности функционирования муниципалитетов собственными источниками финансирования. Действительно, крайне широкий спектр проблем социального развития населения и финансовой деятельности субъектов хозяйствования, в первую очередь мелких и средних, решается именно на муниципальном уровне управления экономической системой.

Основы функционирования муниципалитетов Российской Федерации регламентируются, в первую очередь, нормами Федерального Закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”. В нем, в частности, отражены следующие основные актуальные аспекты муниципального развития¹:

- общие принципы территориальной организации местного самоуправления в отечественной экономике;
- круг вопросов, регулируемых муниципалитетами;
- полномочия органов местного самоуправления;
- формы взаимодействия муниципалитетов с локальными институтами гражданского общества;

– финансово-экономические основы функционирования муниципальных образований;

– условия и характер ответственности должностных лиц сферы местного самоуправления и др.

Следует отметить, что одним из ключевых показателей эффективности развития муниципальных образований является уровень обеспеченности последних собственными доходами, который рассчитывается как отношение суммарных налоговых и неналоговых доходов местного уровня к общему бюджету муниципального образования². Как показано на рис. 1, по данному показателю в среднем развитие муниципалитетов РФ существенно уступает функционированию муниципальных образований развитых стран мира, в частности входящих в группу G7.

По мнению, в частности, Ю. С. Наседкина крайне недостаточный уровень обеспеченности большинства муниципалитетов РФ собственными доходами является основным препятствием активизации инвестиционно-инновационной активности на муниципальном уровне управления экономической системой³. А. В. Просвирнин рассматривает данную проблему более широко: по его мнению, крайне недостаточная бюджетная обеспеченность развития муниципалитетов в стратегической перспективе ведет к устойчивой деградации

1 Федеральный Закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” от 06.10.2003 № 131-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: свободный [Экономико-правовая база “Гарант”] (дата обращения: 21.12.2018).

2 Васильев А. А. Муниципальное управление и местное самоуправление. - М.: Инфра-М, 2017. - С. 81.

3 Наседкин Ю. С. Оценка бюджетной обеспеченности муниципальных образований региона: проблемы и решения // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2014. - № 1. - С. 220.

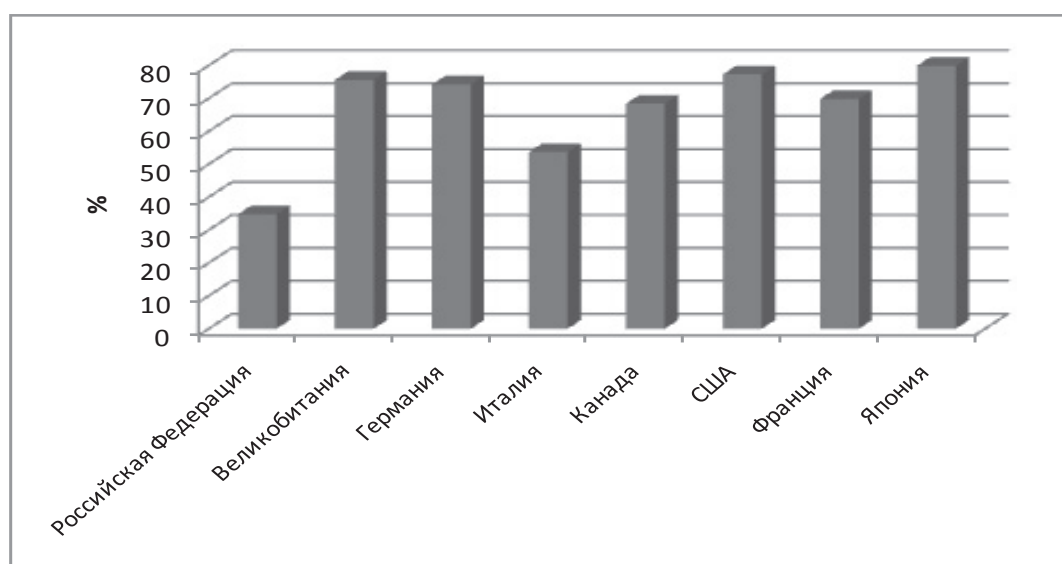

Рисунок 1. Средний уровень обеспеченности муниципальных образований РФ и государств G7 собственными доходами, 2017 г., %*

Таблица 1. Основные проблемы финансово-экономического развития муниципалитетов Российской Федерации (систематизировано автором)

Группы проблем	Основные проблемы
1. Стратегические	- отсутствие у большинства МО РФ комплексной стратегии долгосрочного социально-экономического развития; - неопределенность состава и структуры долгосрочного финансового обеспечения деятельности большинства муниципалитетов.
2. Организационные	- архаичность, недостаточная "гибкость" организационных структур управления многими МО; - низкая интенсивность и эффективность организации межмуниципального финансово-экономического сотрудничества; - достаточно низкая степень интеграции систем управления большинства МО РФ в структуру современной цифровой экономики.
3. В области финансирования деятельности	- устойчивая дефицитность большинства муниципальных бюджетов; - сложность привлечения МО банковского кредитования, в особенности долгосрочного; - недостаточная транспарентность, информационная "прозрачность" финансирования муниципальных закупок.
4. Кадровые	- сложность закрепления квалифицированных кадров на уровне экономических систем муниципальных образований, в особенности в сельской местности; - недостаточная эффективность программ повышения квалификации муниципальных служащих в национальной экономике.

человеческого капитала жителей соответствующих муниципальных образований⁴. Следует также отметить, что устойчивый дефицит подавляющего большинства муниципальных бюджетов РФ, в конечном счете покрываемый из средств бюджетов вышестоящего уровня, влечет и активизацию теневых коррупционных взаимодействий между представителями различных уровней бюджетной системы, поскольку различные муниципальные образования *de facto* являются прямыми конкурентами в части получения дотаций из федерального и регионального бюджетов.

По нашему мнению, основными причинами крайне низкой средней обеспеченности муниципальных бюджетов РФ собственными доходами являются:

– сложившаяся с начала 2000 г.г. существенная диспропорция между уровнями бюджетной системы в части распределения полученных доходов, в результате которой непосредственно в муниципальный бюджет поступают налог

на имущество физических лиц, земельный налог, налог на торговлю и ряд муниципальных сборов⁵;

– недостаточная интенсивность развития в национальной экономике муниципальных промышленных кластеров;
– низкая эффективность проектов межмуниципального сотрудничества, которые, при условии качественной реализации, могли бы служить дополнительным значимым источником пополнения муниципальных бюджетов (на актуальность данной проблемы для развития современных муниципальных образований Российской Федерации указывает, в частности, А. Р. Ямалева⁶);

– недостаточная результативность организации и осуществления муниципального финансового планирования.

В целом, по результатам анализа специальной литературы нами систематизированы основные современные проблемы финансово-экономического развития муниципалитетов РФ (таблица 1).

* Россия и страны мира: статистический ежегодник. - М.: Из-во Федеральной службы государственной статистики, 2018. - С. 459.

4 Просвирнин А. В. Проблемы бюджетной обеспеченности муниципальных образований Российской Федерации и ведущих государств мира // Проблемы экономики и управления. - 2018. - № 7. - С. 52.

5 Налоговый Кодекс Российской Федерации. - М.: Бек, 2018. - Ст. 15.

6 Ямалева А. Р. Межмуниципальное сотрудничество: содержание понятия и принципы реализации // Марийский юридический вестник. - 2016. - № 2. - С. 31.

Таким образом, как показано в таблице 1, одной из ключевых проблем социально-экономического и финансового развития современных муниципальных образований Российской Федерации заключается в долгосрочной стратегии функционирования. Стратегия позволяет определить ключевые приоритеты развития муниципального образования, наиболее рационально использовать ограниченные финансовые, материальные, трудовые и иные ресурсы, осуществлять рациональную координацию экономических интересов самого муниципалитета, коммерческих и некоммерческих организаций региона, объектов социальной сферы, инфраструктуры и т.п. Следует отметить, что у некоторых муниципальных образований РФ стратегия социально-экономического развития существует, но, как правило, носит в значительной степени номинальный характер.

Одной из базовых проблем развития муниципалитетов России является достаточно низкая степень интеграции последних в структуру современной цифровой экономики. У всех муниципалитетов РФ в настоящее время существуют сайты в сети Интернет, но они, как правило, не носят интерактивный характер, недостаточно информативны, не способствуют интенсификации решения проблем муниципального развития.

В этой связи, по нашему мнению, целесообразны следующие основные мероприятия по повышению степени интеграции современных муниципалитетов РФ в структуру цифровой экономики:

1. Формирование у отечественных МО современных сайтов в сети Интернет с эффективной структурированностью специальной информации, высоким уровнем интерактивности и т.п.

2. Развитие системы электронных закупок продукции, работ, услуг, организации и осуществления капитального строительства для муниципальных нужд. Электронные торги позволяют повысить эффективность и конкурентность муниципальных закупок, снизить вероятность формирования коррупционных рисков в процессе осуществления.

3. Содействие выходу наиболее потенциально эффективных инновационных муниципальных проектов на процедуру ICO. ICO (initial coin offering) представляет собой первичное размещение обязательств проекта на современных виртуальных биржах криптовалют⁷. Следует отметить, что возможности рынка криптовалют в настоящее время практически не используются отечественными муниципалитетами. Соответственно, те муниципалитеты РФ, которые смогут первыми организовать инновационные проекты, представляющие интерес для инвесторов на рынке криптовалют, получат определенные конкурентные преимущества на данном специфическом, крайне динамично развивающемся современном виртуальном рынке.

Наконец, для повышения эффективности развития муниципальных образований РФ целесообразна активизация мероприятий в сфере межмуниципального сотрудничества. Такого рода мероприятия могут быть связаны с реализацией совместных инвестиционных, в том числе инфраструктурных, проектов межмуниципального значения, организацией совместных программ повышения квалификации муниципальных служащих и т.п.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый Кодекс Российской Федерации. – М.: Бек, 2018.
2. Федеральный Закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” от 06.10.2003 №131-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: свободный [Экономико-правовая база “Гарант”] (дата обращения: 21.12.2018).
3. Васильев А. А. Муниципальное управление и местное самоуправление. - М.: Инфра-М, 2017. - 300 с.
4. Наседкин Ю. С. Оценка бюджетной обеспеченности муниципальных образований региона: проблемы и решения // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2014. - № 1. - С. 220-224.
5. Россия и страны мира: статистический ежегодник. - М.: Из-во Федеральной службы государственной статистики, 2018. - 512 с.
6. Просвирнин А. В. Проблемы бюджетной обеспеченности муниципальных образований Российской Федерации и ведущих государств мира // Проблемы экономики и управления. - 2018. - № 7. - С. 51-53.
7. Ямалеева А. Р. Межмуниципальное сотрудничество: содержание понятия и принципы реализации // Марийский юридический вестник. - 2016. - № 2. - С. 31 – 33.
8. Jordan M. How to value Initial Coin Offerings: A Qualitative Approach to ICO. - NY, 2017. – 380 p.

⁷ Jordan M. How to value Initial Coin Offerings: A Qualitative Approach to ICO. - NY, 2017. - P. 3.

ИСТАМГАЛИН Рамиль Сафиевич

доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ИСЕЕВА Эльвира Рамильевна

кандидат философских наук

ФАЗЛЕТДИНОВА Наиля Бафыльевна

аспирант кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ТРАНСГРЕССИИ Ж. БАТАЯ

В статье рассматриваются причины моральных паник как типичного феномена современного общества. Авторами обосновывается точка зрения, что эти причины могут быть выявлены применением концепции трансгрессии, разработанной Ж. Батаем. Сделан вывод о перспективности исследования феномена моральной паники в философском дискурсе.

Ключевые слова: моральная паника, массмедиа, трансгрессия, предел.

ISTAMGALIN Ramil Safievich

Ph.D. in Philosophy, professor of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

ISEEVA Elvira Ramilevna

Ph.D. in Philosophy

FAZLETDINOVA Nailya Bafilyevna

postgraduate student of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

MORAL PANIC IN THE CONTEXT OF G. BATAILLE'S TRANSGRESSION CONCEPT

The causes of moral panics as a typical phenomenon of modern society are considered in this article. The authors substantiate the point of view that these causes can be identified by applying the concept of transgression developed by G. Bataille. The conclusion about the prospects of the study of the phenomenon of moral panic in philosophical discourse is made.

Keywords: moral panic, mass media, transgression, limit.

Одной из известных особенностей постмодернистской гуманитарной мысли является «миграция» некоторых ее идей и терминов в информационное пространство, создаваемое печатными и электронными массмедиа. Эти идеи и термины «обживают» в медийном пространстве, иногда превращаются в «мемы» и, как правило, будучи лишены контекста, в котором были созданы, во многом утрачивают свое смысловое предназначение. Яркими примерами могут служить медийные судьбы бодрийяровского «симулякра» или лакановского «зеркала», смысловая девальвация которых немаломоим уступает частоте их употребления.

Отчасти похожая судьба постигла, конечно, менее разрабатываемый, но также укоренившийся, во всяком случае, в западном массмедийном пространстве, термин «моральная паника» (moral panic). Основную интеллектуальную родословную он ведет от появившейся ещё в 1972 г. работы британского социолога С. Коэна, впоследствии трижды переизданной с авторскими дополнениями (1980, 1987, 2002)¹. Эти переиздания, которые, безусловно, отражали скорее научную, чем медийную известность разработанной автором концепции, тем не менее, свою роль в популяризации термина сыграли. Впрочем, в немалой степени этому способствовало и содержание самой концепции, в котором массмедиа была отведена роль одного из главных авторов.

Предметом исследования С. Коэна явился феномен, получивший распространение в Великобритании конца

1960 – начала 1970-х гг.: непропорционально (для масштаба событий, послуживших причиной) широкой и эмоциональной общественной реакции на отклоняющееся от принятых стандартов поведение некоторых возникших в это время молодежных группировок. Происхождение такой реакции, для характеристики которой автор и применил термин «моральная паника». Главное место С. Коэн отвел состоянию британского общества этого времени, полагая, что происходившие социальные сдвиги существенно ухудшали для молодежи. Оно представлялось в качестве реальной угрозы традиционным британским ценностям и благодаря массивной медийной кампании провоцировало бурную реакцию общественного мнения, несоразмерную с масштабом распространения явления. С. Коэн приходил к заключению, что моральные паники будут и впредь неизбежно повторяться, поскольку «современная структура нашего общества продолжит генерировать проблемы для некоторых из его членов»². В предисловии к третьему изданию своей работы, он не без авторского удовлетворения констатировал верность данного прогноза, указав целых семь «известных кластеров социальной идентичности»³, ставших за истекшие годы источниками новых моральных паник³.

Медийная популярность «моральной паники», за которую, конечно, сам автор не ответствен, оказала «дурную услугу» судьбе его научной концепции, сформировав стойкое

1 The Cambridge Dictionary of Sociology / Gen ed. by Bryan S. Turner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – XX, 688 p.

2 The Cambridge Dictionary of Sociology / Gen ed. by Bryan S. Turner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – XX, 233 p.

3 См. Там же. – P. VIII.

представление о ключевой роли массмедиа в конструировании моральных паник. В результате ведущую роль в продуцировании моральных паник играют масс-медиа⁴. Отсюда делается вывод, что возникновение моральных паник не следует связывать только с ролью массмедиа в обществе модерна, обнаружение глубинных источников требует выхода за пределы традиционной социологии, использования методологического арсенала социальной науки в целом

В настоящей статье предпринимается попытка социально-философской интерпретации феномена моральной паники посредством использования гносеологического потенциала концепции «трансгрессии», разработанной в работах французского философа и писателя Жоржа Батая (1897-1962).

Непосредственной причиной, побуждающей обратиться именно к этой концепции, служит одно обстоятельство, обнаруживаемое в работах, посвященных моральной панике, но пока не получившее развернутого объяснения. В публикациях, исследующих этот феномен на эмпирическом материале и концентрирующих внимание на групповых девиациях субкультурных групп и механизмах массмедийного провоцирования моральной паники, отмечается, что далеко не все подобные девиации и массированные кампании, проводимые массмедиа, вызывают действительную моральную панику.

Образно говоря, наносимая девиантным поведением субкультурной группы «пощечина общественным вкусам» крайне редко способна вызвать и тем более длительное время поддерживать в обществе или у его значительной части моральную панику, но почти всегда моральная паника возникает (естественно, при активной роли массмедиа и политических сил), когда наносится удар «в солнечное сплетение» общественной морали, по сакральным ценностям, на которых она основывается.

Подобная, эмпирически обнаруживаемая закономерность возникновения (не возникновения) моральных паник ставит перед исследователем вопрос о причинах, побуждающих одних представителей общества уходить «за сакральные пределы», а других – столь болезненно реагировать даже на саму мысль о возможности такого поступка.

По нашему мнению, один из ответов на поставленный вопрос позволяет получить обращение к французской философии XX века, а именно к получившей концептуальное развитие в творчестве Ж. Батая идеи трансгрессии (transgression).

В дословном значении термин «трансгрессия» означает «нарушение закона, запрета». В самой общей трактовке, установившейся в современной философской мысли, трансгрессия – это «феномен перехода непроходимой границы и прежде всего – границы между возможным и невозможным»⁵.

Исходным для Ж. Батая являлось убеждение в заключенной в человеке, скрытой в подсознании непреодолимой тяге к движению за пределы возможного и допустимого. «В мире природы и в самом человеке, – писал он, – остается некое движение, которое всегда превосходит пределы и которое может лишь отчасти в них заключаться. Обычно мы не осознаем этого движения. Оно даже по определению есть то,

чего невозможно осознать, но мы ощутимым образом находимся в его власти»⁶. Поэтому трансгрессия, в представлении Ж. Батая и других, использовавших это понятие философов (М. Фуко и М. Бланшо), являлась способом, формой реализации именно «за-предельного» движения человека.

Ключевое место в переходе, преодолении всяких и всяческих границ человеческого бытия, заняло нарушение границы между жизнью и смертью. «В известном смысле смерть неизбежна, но в смысле более глубоком – недоступна», отмечал Ж. Батай⁷, а потому, «чтобы – в конце концов – человек открыл себя самому себе, ему следовало бы умереть, но ему следовало бы сделать это в жизни – созерцая собственное умирание ... следовало бы, чтобы любой ценой человек жил в тот миг, когда поистине умирает, или чтобы он жил с ощущением истинной смерти»⁸.

Подобная трактовка трансгрессии позволяет выстроить ассоциативный смысловой ряд, с одной стороны, с фрейдовским влечением к смерти (очевидно влияние на творчество Ж. Батая психоанализа), с другой стороны, что, может быть, и не входило в намерения автора, с социально-политической реальностью XX в., на протяжении которого миллионы людей не по своей воле вынуждены были испытать предельный опыт перехода границ возможного и невозможного.

Трансгрессия, подчеркивал Ж. Батай, приводя индивида на грань жизни и смерти, «отличается от «возврата к природе»: она снимает запрет, не уничтожая его»⁹. Если окончательный физический переход границы жизни и смерти возвращает человека природе, то переход, не завершившийся смертью в физическом смысле, но способный дать человеку опыт пребывания «за-пределом» (неудачное самоубийство или спасение в природной или техногенной катастрофе) превращается в слишком сильное искушение, чтобы отдельные индивиды могли устоять перед ним.

«Предел, – утверждал Ж. Батай, – имеется лишь затем, чтобы быть преодоленным» и «нет запрета, который не мог бы быть преодолен», что делает трансгрессию допустимой и даже нередко обязательной¹⁰. И в этом понимании с ним был солидарен М. Фуко: «Не существует предела, через который абсолютно невозможно переступить» и «трансгрессия доводит предел до пределов его бытия»¹¹.

Истоки движения к пределу Ж. Батай находил в самой природе человека, обладающего жизнью, чтобы прийти к смерти, и в осознании этого замкнутого круга испытывающего ужас конца и влечение к концу. «Люди, – полагал он, – подчиняются одновременно двум импульсам: ужасу, который заставляет отпрянуть, и влечению, которое вызывает зачарованное почтение. Этим двум противоположным движениям отвечают запрет и трансгрессия: запрет отталкивает, но зачарованность ведёт к трансгрессии». «Свои границы, вероятно, нужны любому существу, – признавал Ж. Батай, – однако оно не может с ними смириться. Именно нарушая

4 Истамгалин Р. С. Социальный идеал как отражение противоречий советского типа индустриального общества (1950–1980 гг.) // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 10. – С. 400.

5 Можейко М. А. Трансгрессия // История философии: Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Кн. Дом, 2002. – С. 1103-1105.

6 Батай Ж. Эротика // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – С. 515.

7 Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. – С. 135.

8 Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 257-268.

9 Батай Ж. Эротика // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – С. 512.

10 См. Там же. – С. 597, 532.

11 Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 117.

границы, необходимые для его сохранения, индивид утверждает свою суть ... Для жизни порой необходимо не бежать от теней смерти, а, наоборот, позволить им вырасти в ней – на границе потери чувств, там, где кончается сама смерть»¹².

Конечно, только сказанным не исчерпывается содержание трансгрессии в философии самого Ж. Батай, и, тем более, в интерпретациях, которые его концептуальное видение претерпело в философии М. Фуко и М. Бланшо. Но в рамках данной статьи этого, на наш взгляд, оказывается достаточно, чтобы обнаружить трансгрессионную природу событий, служащих источником состоявшихся моральных паник.

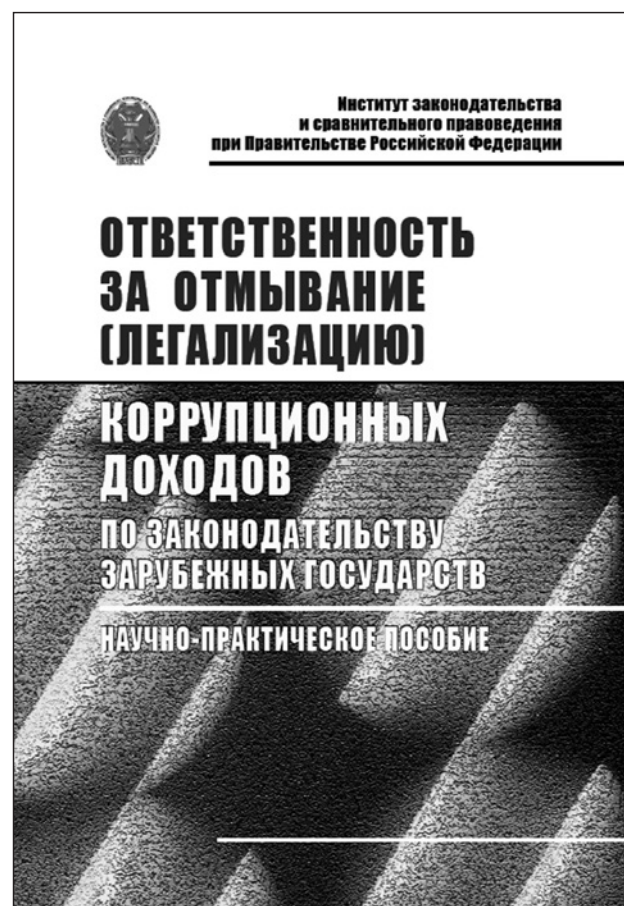
Не всякий поступок или действие, являющиеся или, во всяком случае, способные быть представленными как девиации, угрожающие базовым, сакральным ценностям общества, могут стать источниками моральной паники, в том числе и возникающей спонтанно, вне непосредственной связи с воздействием массмедиа. Для определения эффекта воздействия на общество такого трансгрессионного акта хорошо подходит образ, использованный М. Фуко: «Это словно зарница в ночи: она из глубины времен придает черное и плотное бытие тому, что отрицает, воспаляет его изнутри, а из глубины переполняет»¹³.

Не отрицая важнейшей роли, которую в возникновении моральных паник играют факторы, изучаемые силами и методами конкретных социальных наук, нам представилось важным в настоящем тексте привлечь внимание к тем перспективам, которые открывает изучение феномена моральных паник в философском дискурсе. Использование концептуальных представлений, сформировавшихся в обществе позднего модерна и постмодерна, в этом отношении, возможно, содержит наибольший гносеологический потенциал, поскольку как раз в этом обществе моральные паники не только стали достаточно привычным феноменом общественной жизни, но и имеют большие основания таковыми оставаться и впредь. «Быстрота изменений техногенной среды означала, что сохранение равновесного системного состояния требовало столь же быстрого и гибкого реагирования на происходящие техногенные изменения социальных структур и институтов, в целом социокультурной среды»

Пристатейный библиографический список

1. Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. – 336 с.
2. Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 245-267.
3. Батай Ж. Литература и Зло. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 166 с.
4. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – С. 491-705.
5. Можейко М.А. Трансгрессия // История философии: Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Кн. Дом, 2002. – С. 1103-1105.

6. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 111-131.
7. Истамгалин Р. С. Социальный идеал как отражение противоречий советского типа индустриального общества (1950–1980 гг.) // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 10.
8. The Cambridge Dictionary of Sociology / Gen ed. by Bryan S. Turner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – XX, 688 p.
9. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. – L.; N.Y.: Routledge, 2002. – XLIV, 282 p.
10. Critical Readings in Moral Panics and the Media / Ed. by Ch. Critcher. – Maidenhead, UK: Open University Press, 2006. – 350 p.
11. Rohloff A., Wright S. Moral Panic and Social Theory: Beyond the Heuristic // Current Sociology. – 2010. – Vol. 58. – No. 3. – P. 403-419.

¹² Батай Ж. Литература и Зло. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 52, 53.

¹³ Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 108.

САБИРОВ Владимир Шакирович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики

СОИНА Ольга Сергеевна

доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики

ТРИ КРУГА САМОДОЗНАНИЯ (ТОЛКОВАНИЕ РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ»)*

Рассказ Ф. М. Достоевского «Кроткая», сюжетную основу которого составляет самоубийство молодой женщины, в данной статье рассматривается как опыт самодознания, совершаемый владельцем ростовщической конторы, неожиданно ставшим вдовцом: его первоначальная реакция на роковое событие свелось к банальному самооправданию и обвинению погибшей жены, а затем более глубокая рефлексия над случившемся трансформировалась в нем в глубокое осознание собственных роковых ошибок в отношениях с «кроткой» и непоправимой вины перед ней. Однако этим не заканчивается преобразование личности главного героя рассказа: пережив глубокое душевное страдание (экзистенциальный вакуум), он стал вопрошать о глубинных духовных основаниях произошедшей трагедии и приблизился к пониманию высших религиозно-философских истин.

Ключевые слова: самоубийство, самодознание, самооправдание, вина, душевное страдание, экзистенциальный вакуум, правда, истина, любовь.

SABIROV Vladimir Shakirovich

Ph.D. in Philosophy, professor, Head of Philosophy and history sub-faculty of the Siberian State University of Telecommunications and Informatics

SOINA Olga Sergeevna

Ph.D. in Philosophy, professor of Philosophy and history sub-faculty of the Siberian State University of Telecommunications and Informatics

THREE CIRCLES OF SELF-INQUIRY (THE INTERPRETATION OF F. M. DOSTOEVSKY'S STORY THE «MEEK»)

F. M. Dostoevsky's story the «Meek», whose plot is based on the suicide of a young woman, is considered in this article as an experience of self-inquiry, committed by the owner of a usurer's office, unexpectedly turned into a widower: his initial reaction to the fatal event was reduced to a banal self-justification and the accusation of the deceased wife, and a deeper reflection on the incident was transformed into a deep understanding of his own fatal mistakes in relations with the «meek» and irreparable guilt in front of her. However, this does not end with the transformation of the personality of the protagonist of the story: having experienced deep mental suffering (existential vacuum), he began to ask about the deep spiritual foundations of the tragedy and approached the understanding of the highest religious and philosophical truths.

Keywords: suicide, self-inquiry, self-justification, guilt, mental suffering, existential vacuum, truth, love.

Ф. М. Достоевский в своих произведениях многократно обращался к теме убийства и самоубийства человека. Она интересовала его не с точки зрения остроты сюжета и как способ привлечения массового читателя. Через эти трагические события он не только пытался постичь драматизм человеческих взаимоотношений, тайну человеческой личности, но ему удавалось также с гениальной проницательностью изображать глубокое душевно-духовное преобразование людей. Рассказ «Кроткая» относится именно к такого рода сочинениям великого писателя.

Мы вынуждены обратиться к анализу этого произведения, потому что по какой-то таинственной причине данный рассказ оказался ложно истолкованным. Из-за жалости к погибшей «кроткой», ее муж, закладчик ростовщической конторы, ставший неожиданно вдовцом, воспринимается как отрицательный персонаж, и эта тенденция, к сожалению, преобладает во многих литературоведческих, психоаналитических, философских работах, что, отнюдь, не приближает нас к тем глубочайшим смыслам и обобщениям, которые заложены в рассказе, раскрывающем великую тайну, драму и трагедию отношений между мужчиной и женщиной во все

времена. С нашей точки зрения, требуется новая интерпретация рассказа Ф. М. Достоевского, более соответствующая его амплуа «не психолога, но реалиста в высшем смысле этого слова»¹, имея в виду духовный реализм произведений писателя и мыслителя («Здесь дьявол с Богом борется и место битвы сердца людей»²).

Если судить по названию рассказа, то главный герой этого произведения – это «кроткая», тем более, что ее неожиданное самоубийство является главной темой произведения. Однако рассказ ведется от лица ее мужа, которого она сделала вдовцом, вызвав в нем своим роковым поступком необыкновенно экспрессивную рефлексия, в которой яростное самооправдание и не менее жесточайшая самокритика взаимно переходят друг в друга, будто потоки разных вод, ввергающиеся в один стремительный водоворот безысходной человеческой трагедии. В таком случае на роль главного героя претендует именно хозяин ростовщической конторы, т.е. муж «кроткой». И здесь проявилось величайшее литературное новаторство Ф. М. Достоевского, который психологи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-90001\18.

1 Достоевский Ф. М. Из записной тетради 1880-1881 гг. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 65.

2 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 100.

чески достоверно показал, как муж женщины, сведшей счеты с жизнью, не избавившись еще от пережитого шока от совершенно безрассудного поступка жены, шаг за шагом расследует свое собственное поведение в отношениях с ней, первоначально оправдывая, затем обвиняя себя и, наконец, делая глубокие религиозно-философские и духовно-нравственные выводы и обобщения.

Попытаемся проследить по тексту рассказа за движениями мыслей и чувств главного персонажа рассказа, которые разворачиваются у тела покойной как воспоминания и одновременно как саморефлексия, попытка понять причины рокового события и свою роль в нем.

Уже в первые визиты в ростовщическую контору ее хозяин обратил внимание на скромную девушку, названную им «кроткой», потому что она не торговалась, а смиренно принимала любую плату за сданные ею вещи. Однако в этом ее поведение просматривалось не столько смирение, сколько обостренное чувство гордости, не позволявшее ей опускаться до споров за цену сдаваемой вещи с человеком, занимающимся столь «позорным» делом, как ростовщичество. Однако она вскоре вновь пришла к нему в контору, и он невольно принял у нее в залог камей, хотя до этого кроме золота и серебра прежде ни у кого ничего другого не брал. Этот поступок удивил его самого, и он, по сути дела, означал ни что иное как зарождение особого чувства мужчины к юной девушке. Следующим шагом уже была сознательная мысль о ней, закладчик стал разузнавать обстоятельства жизни «кроткой» и с каждым разом ждал ее все с большим и большим нетерпением. Что это, как не пробуждающаяся любовь мужчины к юной девушке. Она, конечно, не могла не сопровождаться желанием мужчины обратить и на себя внимание «кроткой».

Однако ее внимание было весьма специфическим: «кроткая» увидела в поведении закладчика, который попытался с ней заговорить и выразил сентенцию о том, что не нужно презирать таких, как он, вынужденных заниматься позорным в глазах людей делом. Реакция «кроткой» была мгновенной: «Вы мстите обществу? Да?»³ Это фразой «кроткая» еще раз дает понять, что, несмотря на бедственность своего положения, она в нравственном плане ставит себя выше его. Однако последующие рассуждения закладчика, показавшие наличие в нем определенной эрудиции и способности к не совсем тривиальному мышлению, поставили «кроткую» в некоторый интеллектуальный тупик, поколебав в ней сложившееся мнение о хозяине ссудной кассы. «И главное, я тогда смотрел уж на нее как на мою и не сомневался в моем могуществе. Знаете, пресладострастная это мысль, когда уж не сомневаешься-то»⁴. Удивительно, но в этой фразе многочисленные толкователи данного рассказа усмотрели садистские наклонности главного героя и его желания грубо властвовать над «кроткой»?! В то время как здесь мы являемся свидетелями первой победы мужчины над сердцем женщины, вселившей в него веру в свое грядущее счастье!

Далее, события развиваются вполне логично: закладчик делает предложение «кроткой», которая после некоторого

раздумья, взволновавшего главного героя рассказа возможностью отказа, приняла его предложение, по поводу которого он выразился искренне в том духе, что это он, а не она, оказался благодетельствованной стороной грядущего бракосочетания.

Данный факт подтверждается, в частности, тем обстоятельством, что все связанное со свадьбой стало осуществляться не по сценарию закладчика, а «кроткой», решившей соблюсти все атрибуты «нормального» бракосочетания, связанного с почтением тетушек, у которых она снимала угол, приготовлением приданого для невесты, правда, все за счет жениха.

Однако в дальнейшем эти идиллически развивавшиеся события начали разбиваться из-за некоторых странностей, которые стал проявлять муж по отношению к юной жене, выразившиеся в том, что он методически гасил ее вполне оправданные и естественные в той ситуации порывы благодарности и любви напускной сдержанностью и холодной расчетливостью.

Почему же муж кроткой так повел себя?

Вот как сам закладчик объясняет это.

Во-первых, он решил изображать из себя большую загадку, отвечая на ее порывы любви и ласки многозначительным молчанием, чем и остудил ее пыл. «Вот именно потому, что я не половинщик в счастье, а всего захотел (т.е. и ответной любви тоже. – В.С., О. С.), – именно потому я и вынужден был так поступить тогда: «Дескать, сама догадайся и оцени!» Потому что, согласитесь, ведь если б я сам начал ей объяснять и подсказывать, влиять и уважения просить, – так ведь я все равно что просил бы милостыни...»⁵. Здесь, несомненно, в поведении главного героя наблюдается также и присутствие гордости, свойственной людям, пережившим в своей жизни много унижений и оскорблений не только уязвленного самолюбия, но и человеческого достоинства.

Во-вторых, осознавая себя хозяином и старшим по возрасту, он решил, что стратегия строгого отношения к юной жене – самая подходящая, чтобы не избаловать и не развратить свою спутницу жизни, в особенности по части денег. Здесь тоже была своя логика, ибо мечтой закладчика было накопление определенной суммы денег для того, чтобы, бросив постыдное дело, уехать куда-нибудь в Крым, приобрести или построить там дом и обрести все атрибуты спокойной, размеренной, достойной семейной жизни с любимой женщиной, возможными и желанными детьми.

В-третьих, ощущая себя презренным существом, он хотел бы, чтобы его полюбили как человека, личность. Он воспринял пылкие выражения чувств со стороны «кроткой» как выражение всего лишь благодарности, но не любви. И так построил дальнейшую жизнь с ней, чтобы она именно любила его: «А я хотел широкости, я хотел привить широкость прямо к сердцу, привить к сердечному взгляду, не так ли?... Я хотел, чтоб она узнала сама, без меня, но уже не по рассказам подлецов, а чтобы сама догадалась об этом человеке и постигла его! Принимая ее в дом, я хотел полного уважения. Я хотел, чтоб она стояла предо мной в мольбе за мои страдания – и я стоил того. О, я всегда был горд, я всегда хотел или всего или ничего»⁶.

3 Достоевский Ф. М. Кроткая. Фантастический рассказ // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 9.

4 Там же. С. 10.

5 Достоевский Ф. М. Кроткая. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 14.

6 Там же.

Как мы уже писали выше, «кроткая», несмотря на свое зависимое положение в чужой семье, где она жила до замужества, и откровенную бедность, в нравственном отношении ощущала себя выше закладчика. Эта ее уверенность поколебалась после первого разговора с ним, показавшем его эрудицию и некоторый ум. Она, хоть и не без труднообъяснимых колебаний, но все же вышла замуж за ростовщика, доверила ему свою судьбу и, видимо, готова была даже искренне его полюбить. Однако этого не произошло из-за описанного выше поведения мужа, которое оскорбило ее чувства и вместо ожидаемого закладчиком постепенного узнавания ею его человеческой сущности и ответной любви в «кроткой» стал рождаться бунт против него, переходящий в стойкое чувство презрения и даже ненависти.

Последние чувства стали формироваться в ней не без влияния посторонних и отнюдь не достойных людей, через которых она узнала некоторые подробности жизни своего мужа.

Кульминационные события в рассказе начали разворачиваться после того, как «кроткая» пошла на свидание с Ефимовичем – бывшим сослуживцем и однополчанином закладчика, из чьих грязных уст она и услышала историю своего мужа (его отказ от участия в дуэли, считавшийся позором в офицерской среде и трех годах нищенского существования вплоть до получения небольшого наследства), который сумел разузнать об этой встрече и стал тайным свидетелем разговора этих двух случайных людей, сошедшихся с совершенно разными целями: один с грязными развратными намерениями, другая – чтобы развлечься от постылой жизни с нелюбимым мужем. «Кроткая», несмотря на свою юность, сразу поняла, с кем имеет дело, и подвергла своего «ухажера» самой остроумной словесной порке, приведшей закладчика в состояние восторга и умиления от ее интеллектуального превосходства и душевной чистоты. Свое поведение в дальнейшем закладчик описывает в позитивных тонах, ибо, вовремя выйдя из своего укрытия и прервав бессмысленную встречу, он не сказал ни одного слова упрека своей жене, фактически застав ее с несостоявшимся любовником. Тем более у него и мысли не было о разводе и возвращении жены на свои прежние житейские основания. Всю дорогу домой они промолчали, а по приходу закладчик лег спать, видимо, от пережитых впечатлений. Проснулся он уже утром, почувствовав у своего виска дуло пистолета, который всегда лежал на столе как средство защиты от возможных воров. Пистолет был в руках «кроткой». Если бы закладчик был трусом, каковым объявляли его сослуживцы, то, скорее всего, он совершил бы какие-либо беспорядочные и судорожные движения, пытался бы отобрать оружие, а то и воспользоваться им как средством защиты от посягательства на свою жизнь. Ничего этого не произошло, ибо муж, открыв глаза, тут же мужественно закрыл их, как ни в чем не бывало, отдавшись, так сказать, року событий. «Кроткая», однако, не выдержала этого психологического поединка и, строго говоря, была побеждена морально: она убедилась, что ее муж, совсем не тот человек, за которого его выдавали другие люди. Она лично убедилась и в том, что он отнюдь не трус. Из-за осознанной грубой ошибки в близком человеке у нее началась истерика, перешедшая в шестинедельную болезнь, во время которой закладчик проявил сострадание к больной и

показал себя заботливым и нежным мужем. Все произошедшие события укрепили убеждение мужчины в том, что он одержал окончательную моральную победу над юной женой, что она, наконец-то, убедилась в том, что имеет дело с достойным человеком, приобретшим полное право рассчитывать на ее ответные чувства. И вдруг после всего этого... «кроткая» совершает самоубийство. На этом этапе переживаний и осмысления произошедшей трагедии, воспринятой сугубо рационалистически, закладчик восклицает: «Что ж, я скажу правду, я не боюсь стать перед правдой лицом к лицу: она виновата, она виновата!...»⁷ Это первая реакция на произошедшее, в которой главный герой однозначно оправдывает себя. Однако эта адвокация своего поведения длится у него недолго. Его память движется дальше и упирается в самый переломный момент повествования.

«Кроткая» выздоравливала, а ее муж строил радужные планы на ближайшее будущее, как вдруг произошло для него нечто трагически невероятное. И это странное открытие знаменательно (как это почти всегда бывает у Достоевского!) исключительной экзистенциальной достоверностью: «кроткая» внезапно запела слабым и надорванным голосом как запертая в клетке птичка; и тут-то доселе гордый «маленький Наполеон», ростовщик и приобретатель, рационалист и «теоретик-воспитатель» вдруг почувствовал, что его любовь навеки может оказаться безответной: «Поет, и при мне! *Забыла она про меня, что ли?*»⁸. Только тут он понял, насколько сильно он любит свою несчастную жену.

Для закладчика это был чудовищный духовно-нравственный шок, фактически изменивший всю его антропологическую природу («Падала, падала с глаз пелена!»⁹). Решив разом порвать со своим ремеслом, он вдруг понял, что прежде всего ему надо заняться подорванным здоровьем молодой жены, на которое уже решил не жалеть никаких денег, скопленных с таким трудом и унижением: «Я всё ей говорил, что повезу ее в Булонь, купаться в море, теперь, сейчас. Через две недели, что у нее такой надтреснутый голосок... что начнется всё новое, а главное, в Булонь, в Булонь!»¹⁰ При этом он не внял тому, что между ним и «кроткой» существует целая пропасть непрощенных обид, слез и недоумений, вдруг разом, без подготовки жены к новым обстоятельствам их совместной жизни обрушился на нее с безудержным потоком любовных чувств, с почти нескрываемой мужской страстностью: «Она смотрела на меня большими глазами. Эта строгость, это строгое удивление разом так и разможили меня: «Так тебе еще любви? любви» – как будто спросилось вдруг в этом удивлении, хоть она и молчала. Но я всё прочел, всё. Всё во мне сотряслось, и я так и рухнул к ногам ее»¹¹. При этом в душе его родилось понимание, что ему не столько важна ее любовь и уважение к нему, которых он ранее добивался весьма странными и изощренными способами (более подробно о них скажем ниже), сколько именно она сама, такая, какая она есть, что без нее он вообще уже не мыслит своей жизни.

7 Достоевский Ф. М. Кроткая. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 17.

8 Там же. С. 27.

9 Там же.

10 Там же. С. 28.

11 Там же.

Всю эту вдруг открывшуюся ему правду любви и обновленной жизни он разом изложил жене, без обиняков и экивоков, как муж и *хозяин* их совместной, заново определявшейся судьбы, при этом совершенно не заметив, что жена, по-видимому, не только не поверила его преображению, но и ничего не забыла и не простила, в особенности, осуществленного над нею некогда нравственно-педагогического насилия и потому в этом новом обрушившемся на нее приступе любви и благодеяний почувствовала возможность очередного «эксперимента», жертвой которого не захотела стать ни при каких уже обстоятельствах.

И вот преобразенный и очистившийся в своих намерениях и побуждениях закладчик наблюдает поистине роковое событие: самоубийство молодой женщины, выбросившейся из окна его дома... с иконой Богородицы в руках как раз в тот момент, когда он, окрыленный и счастливый, возвращался домой паспортами для их заграничного путешествия.

Увлеченный своим благородством и проснувшимся чувством к обездоленной жизнью девушке, он и сам не заметил, как совершил две роковые ошибки, со временем приведшие их брак к трагическому финалу. Так он явно не придал должного значения одной роковой черте в характере своей будущей жены, о которой его предупреждала не мудрствующая сердцем служанка Лукерья: «Бог вам заплатит, сударь, что нашу барышню милую берете, только вы ей это не говорите, она *гордая*»¹² (Курсив наш. – О. С., В. С.).

Далее, многозначительно аттестовав себя будущей жене в качестве Мефистофеля, делающего зло в интересах предполагаемого будущего блага, он вполне по демонически, т.е. благородно внешне, но с некоторым ощутимым inferнальным подтекстом начал постепенно и неуклонно ломать гордую и чистую душу своей жены, заставляя ее полюбить и признать в нем именно холодного и безжалостного ростовщика, т.е. своего рода финансового Наполеона, величественного и загадочного, и сокрыв от нее все чистое, благородное и душевно-незапятнанное, что несомненно имелось в его характере и душе.

Таким образом, первые восторги любви молодой жены были им неожиданно пресечены; и вместо ожидаемого «медового месяца» быстро возникла холодная и рациональная проза жизни со скупой отмеряемыми расходами на потребительские нужды молодой семьи, расчетливой размеренностью быта и привычек, а главное – усаживанием молодой и чуткой женщины за ссудную кассу, т.е. почти принудительным ее вовлечением в весьма сомнительное ремесло мужа.

Вообще, результаты такой воспитательной (и поистине «мефистофелевской» практики!) не замедлили сказаться чрезвычайно быстро. Сначала «кроткая» попыталась взбунтоваться против мужа разного рода домашними способами; затем начала внимательно, кропотливо и с истинно полицейским энтузиазмом исследовать его прошлое и уж когда была поймана им «на месте преступления», т.е. за беседой с Ефимовичем, некогда оскорбившим и предавшим его сослуживцем и принудительно возвращена домой, муж не замедлил прибегнуть к окончательному и полностью ломающему ее гордость и достоинство унижению: покупкой ей отдельной кро-

вати, которую она истолковала как отказ ей в статусе жены и хозяйки и возвращение ее в прежнее положение «оскорбленной и униженной» приживалки.

Далее, результаты этого поистине inferнального воспитательного эксперимента над молодой и гордой душой не замедлили сказаться самым чудовищным образом. Попытавшись убить своего мучителя, а затем внезапно осознав, что он понял ее намерение (и потому, следовательно, отнюдь не трус, а просто несчастный и оклеветанный человек), она, не выдержав такого испытания, заболевает нервной горячкой, во время которой доселе гордый и рациональный муж вдруг внезапно осознает, что любит свою жену самой искренней, нежной и выстраданной любовью и уж, разумеется, готов простить ей решительно все: и «бунт» против выдуманной им системы воспитания, и слежку за ним, и встречу с некогда оскорбившим его человеком, и уж, конечно, попытку убить его.

Надо заметить, однако, что с окончательным «прощением» «кроткой» и вновь возвращением ее в положение супруги и хозяйки, муж промедлил самым роковым образом, пока вдруг не обнаружил, что она приучилась жить так, как будто его вообще не существует на свете. Однако это «открытие» было сделано слишком поздно и проявлено перед «кроткой» не вполне должным образом, лишь подтолкнув ее к роковому для себя и своего мужа решению.

Итак, во втором круге самодознания закладчик не просто глубоко осознал свои непростительные ошибки в отношении «кроткой», но испытал также муки стыда и совести, роковую вину перед своей юной женой: «Измучил я ее – вот что!»¹³ Тем самым он сделал себя главным виновником несчастья с «кроткой», окончательно разрушив в себе гордость, эгоизм и, таким образом, пережив глубокое экзистенциальное страдание («экзистенциальный вакуум», по выражению известного австрийского логотерапевта В. Франкла): «А теперь опять пустые комнаты, опять я один... Нет никого – вот беда!»¹⁴, сам того не подозревая создал в себе предпосылки для будущего духовного перерождения.

Почему Ф. М. Достоевский назвал свой рассказ «фантастическим»? Фантастическим ведь был у него и рассказ «Сон смешного человека».

Что же тогда может быть охарактеризовано в рассказе как фантастическое?

Нам представляется, что фантастическим этот рассказ Ф.М. Достоевский назвал не случайно, ибо, во-первых, заложил в нем некий провокационный смысл, совершенно не соответствующий характеру главной героини: ведь никто, кроме закладчика, не называет ее «кроткой»; во-вторых, писателя, особенно в последние годы его жизни, не покидала мысль, которую он выразил устами «смешного человека» из одноименного рассказа: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей»¹⁵. Действительно, как можно объяс-

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Сон смешного человека. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полн.собр.соч. В 30-ти томах. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 118. Переключка между двумя этими рассказами просматривается в частности и в употреблении писателем выражений «...соберу в тоску мыслей» (Кроткая), «И останавливаешься лишь на точках, о которых грезит сердце» (Сон смешного человека).

¹² Достоевский Ф. М. Кроткая. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 12.

нить, что два в принципе нравственно добродетельных человека, с чистыми душами, не запачкавшихся среди морально нечистоплотных людей, не смогли вовремя понять друг друга, испортили под конец взаимоотношения до такой степени, что они закончились столь непредсказуемо и фатально? Результат этого трагического непонимания – самоубийство молодой женщины, с одной стороны, а, с другой, – несчастье и погубленная жизнь зрелого мужчины. Вот это, действительно, фантастично, невероятно и невозможно!

Кстати, между «Кроткой» и «Сном смешного человека» наблюдается вполне очевидная идейная преемственность, которая выражается в изгойничестве главных действующих лиц: закладчика презирают окружающие, а над «смешным человеком» потешаются все, кому не лень. Можно сослаться также на одну очень важную деталь обоих произведений, в которых фигурирует пистолет, который является важным атрибутом сюжетного хода упомянутых рассказов, символизирующим переломный момент в жизни персонажей. Еще одна связующая нить – «кроткая» и маленькая девочка, которую «смешной человек» сначала обидел, а потом нашел после своего духовного преображения и, судя по всему, не оставил ее без своего попечения, заботы и любви. То, что не удалось сделать закладчику, выполнил «смешной человек». Так что мысль о том, что «смешной человек» – это нравственно и духовно переродившийся закладчик из рассказа «Кроткая», не является слишком натянутой, тем более, что эта перемена явно вызрела к финалу рассказа «Кроткая», написанного за год до появления в «Дневнике писателя» рассказа «Смешной человек». Еще одним веским аргументом в пользу этой версии служит тот факт, что «смешной человек» познал Истину, а о закладчике сам Ф. М. Достоевский в предисловии к рассказу «Кроткая» пишет: «Ряд высказанных им воспоминаний неотразимо приводит его наконец к правде: правда неотразимо возвышает его ум и сердце... Истина открывается несчастному довольно ясно и определительно, по крайней мере для него самого»¹⁶: «Люди на земле одни – вот беда! «Есть ли в поле жив человек?» – кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. Говорят, солнце живет вселенную. Взойдет солнце и – посмотрите на него, разве оно не мертвец? Всё мертво, и повсюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание – вот земля! «Люди, любите друг друга» – кто это сказал? чей это завет?... когда ее завтра унесут, что ж я буду?»¹⁷ – последняя фраза, сказанная героем трагического рассказа Ф. М. Достоевского во всей ясности и полноте утверждающая мысль о мертвенности обезбоженной жизни человека, оторвавшегося от Евангельской Истины, суть которой – Любовь, искупительная и спасительная. Трагедия двух главных персонажей рассказа, именно в том и состоит, что их любовь, с точки зрения Ф. М. Достоевского, не была одухотворена и не отвечала критериям, сформулированным в свое время ап. Павлом: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»¹⁸. Не эту ли мысль символизирует также тот факт, что «кроткая» выбросилась из окна с крепко прижатым к груди образом Богородицы, и, возможно, именно это обстоятельство пробило в сердце закладчика брешь, куда пролился луч божественной Истины.

Пристатейный библиографический список

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 14. Л.: Наука, 1976.
2. Достоевский Ф. М. Кроткая. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 24. Л.: Наука, 1982.
3. Достоевский Ф. М. Сон смешного человека. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти томах. Т. 25. Л.: Наука, 1983.
4. Достоевский Ф. М. Из записной тетради 1880-1881 гг. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 27. Л.: Наука, 1984.

С. Ю. БОГОМОЛОВ

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ
ТЕРРОРИЗМА**

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией
доктора юридических наук,
доцента А. В. Петрянина

¹⁶ Достоевский Ф. М. Кроткая. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 35.

¹⁸ 1 Кор. (13; 4-7)

СУДАКОВА Наталия Евгеньевна

директор Института педагогики, психологии и философии образования Московской академии профессиональных компетенций

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СРЕДСТВЕ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ: УСЛОЖНЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Работа отражает культурфилософский анализ проблемы идентификации личности в условиях нарастающих угроз и вызовов современности, проявленных сегодня, в том числе, в мультикультуральном усложнении действительности. Актуализируется проблема поиска способов консолидации сообществ средствами диалогизации социокультурных практик. Вскрываются механизмы увеличения ценностного разрыва в контексте исключения человека, в том числе этнически Другого. Акцентируется внимание на становлении в современном социуме феномена инклюзии, обуславливающего значимость самореализации Другого для социального развития. Осмысливаются вопросы безграничности виртуального бытия и влияние этого феномена на идентичность современного человека. Делается вывод о важности признания исключительной ценности неповторимого бытия Другого, проявленного сегодня, в том числе, в мультикультуральном контексте.

Ключевые слова: идентификация, мультикультуральность, диалогизация бытия, Другой, консолидация, мигрант, инклюзия, социальная реализация, ценность.

SUDAKOVA Nataliya Evgenjevna

director of the Institute of Pedagogy, Psychology and Philosophy of Education of the Moscow Academy of Professional Competences

PROBLEMS OF PERSONAL IDENTIFICATION IN RAPIDLY TRANSFORMING REALITY: THE COMPLEXITY OF MULTICULTURALISM IN THE CONTEXT OF INCLUSIVE VALUES STATEMENT

The work reflects the cultural-philosophical analysis of the problem of personal identification in the conditions of increasing threats and challenges of modernity, manifested today also in the multicultural complication of reality. The paper analyzes the challenge of finding methods of communities' consolidation by means of social and cultural practices into a dialogue. The mechanisms of increasing the value gap in the context of a person's exclusion, including an ethnically Different one, are revealed. Attention is focused on the formation of the phenomenon of inclusion in the modern society, which determines the importance of self-realization of the Other for social development. The work represents a summary of the virtual infinity of existence and the impact of this phenomenon on the identity of the modern man. It is concluded that it is important to recognize the exceptional value of the unique existence of the Other, manifested today in a multicultural context as well.

Keywords: identity, multiculturalism, dialogical existence, Other/Another, consolidation, migrant inclusion, social realization, value.

Судакова Н. Е.

Проблемы идентификации личности значительно усложняются вызовами современной реальности. Сложность (С. Хокинг), которая не только не останавливается в своём переструктурировании, но и является человеку в новом, усложняющем свою мультикультуральность, обличье. Мультикультуральные практики сосуществования имеют под собой значительный исторический, социальный и гуманитарный дискурс. В начале нового тысячелетия его актуализация очевидна, поскольку вызовы глобального мира, обостряя проблемы толерантного отношения к Другому, поиски механизмов консолидации сообществ в контексте диалогизации социокультурных практик, инструментов формирования межличностного и межкультурного взаимопонимания, дают импульс этническим компонентам как личностной, так и национальной идентичности¹. Основным фактором обозна-

ченной актуализации выступает стремление к культурному, следовательно, этническому и ценностному обособлению. Усугубляют данную ситуацию ценностные разрывы внутри этнической группы или культуры, стремительно растущие в современном мире, тем самым существенно обостряя проблематику мультикультурализма и усиливая потребность в инструментах формирования плюралистических взглядов как основы для гармоничного совместного сосуществования.

В этом же ракурсе теряет опору человек, который постоянно испытывает на себе усложняющееся внешнее воздействие. Существующие механизмы утверждения значимости личности, как в контексте самооценки, так и для окружающего его общества, подвергаются переоценке и последующей трансформации. Проблема стабилизации как вертикально, так и горизонтального многообразия бытия существенно нарастает, требуя своего решения.

Стремительные, подчас бесконтрольные, но оттого ещё сильнее требующие своей рефлексии трансформации, как социального, так и культурного ареала современного мира,

кавказском обществе: поиски путей укрепления: Коллективная монография / Под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. – М.: Российское философское общество. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. – С. 4-26.

1 Астафьева О. Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов // Вопросы социальной теории. – 2012. – Т. 6. – С. 97-107; Астафьева О. Н. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложности // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. – 2013. – № 1 (19). – С. 82-91; Астафьева О. Н. Многомерные конфигурации коллективных идентичностей: теоретические основания исследования // Национальная идентичность в северо-

обнаруживающие себя на всех уровнях межличностного взаимодействия, выводят на первый план проблему включения в социум Другого, определяемого в современной философии как носителя инаковости, где его облик многозначен как в социокультурном, этическом, гендерном, так и в других ракурсах. Одной из разновидностей Другого выступают сегодня мигранты – носители отличного от традиционного для данной территории социокультурного кода. Наличие инаковости не только отличает мигранта от коренного населения, но и, в конечном счёте, препятствует его гармоничному включению в социальную жизнь, обостряя различные аспекты социального взаимодействия, порой до чрезвычайно уродливых форм. Современные тенденции к возрастанию процессов миграции, обусловленные появлением нового информационного метапространства и открывшимися благодаря ему возможностями, стимулируют становление в современном социуме неизвестного ранее феномена культуры – инклюзии, как культуры приятия Другого.

Те ценностные ориентации, которые так настойчиво навязываются современному человеку глобальной культурой, ещё недавно транслируемые как единственно возможные в контексте гармоничного сосуществования человечества, сегодня подвергаются сомнению, поскольку, «ценности свободной и самоактивной личности вовсе не являются последним и окончательным пунктом развития, к которому устремлено всё человечество»², а «инокультурное сознание отвергает не только общество потребления как таковое, но и сами восходящие к Античности основы антропоориентированного социума. Десятки, если не сотни миллионов людей открыто и бешено ненавидят и презирают свободу. Ещё большее их число с неизъяснимым сладострастием срывают тонкую пленку рациональных дискурсов и погружаются в вязкую магму мифов, подчас архаичнейших»³. Приспосабливаясь к аксиологическим доминантам мультикультурального мира, меняются мировоззренческие координаты социального бытия современного человека, в результате чего значительно возрастает ценность включения в социум всех без исключения, где сама потребность в социальной реализации приобретает первостепенное значение. Мы свидетели, как актуализируется понимание, что инклюзивность бытия есть выражение природной потребности человека в социальной жизни как высшей ценности, потому что «Все, кому нужен социум, кто по своим исходным характеристикам может быть обозначен как “Другой, отличный от меня”, имеют право на включение, приятие, полноценную социализацию, – все, в независимости от состояния здоровья, пола, национальной или расовой принадлежности, способностей, образования, культурной идентичности, возраста, психологической зрелости и других отличительных черт»⁴.

Размышляя о том, что физиологические отличия стали основой для самого факта существования человека, для его продолжения как вида, где природа выступает хранителем нашей индивидуальности, того, что может быть явлено миру лишь однажды, а потому, безусловно, ценно, заметим, что то, что может быть представлено миру, не исчерпывается природным, оно включает в себя индивидуальный духовный лик, наши культурные особенности. Значимым является то, что разные социальные модели воплощения мужчины и женщины определяются биологическими факторами, которые закономерно влияют на становление ценностных ориен-

таций. Иллюстрацией данного утверждения могут служить, например, различия северных и южных народов, общностей, проживающих в противоположных климатических и географических точках – на границе суши или в глубине материка. Они подкрепляют ценность многообразия мира в контексте аксиоматизации идей открытого общества, где мультикультурализму отводится значительная роль.

Глобальные тенденции к единению не могли не отразиться на трансформации смыслов и ценностей современного общества, явившись, очевидно, и их причиной. Появление новой информационной парадигмы бытия потеснило старые модели сосуществования и в контексте процессов самоидентификации личности. Кто я, зачем я живу, что для меня ценно и важно? Данные вопросы приобрели сегодня новое звучание, значительно пошатнув старые стигмы. Если ранее национальный язык был определяющим элементом становления идентичности личности, то сегодня мы становимся свидетелями процесса «формирования» новой модели наднационального символического языка, который определяет векторы развития человека, требуя от социума его безусловного признания. Что это – универсализация культуры, ведущая к универсализации человека? Очевидно, что принятые им от социума смыслы и ценности не исчезают, а формируют собой уникальный конгломерат, в котором диковинно переплетаются с теми, которым только предстоит открыть нам свои истинные смыслы.

Можно констатировать, что процесс становления новой модели глобальной культуры испытывает значительное сопротивление локальных культурных образований, не только не давая ему завершиться, но и, в конечном счёте, формируя собой новые культурные страды. Таким образом, стоит согласиться с мнением М. В. Тлостановой, что поглотившие всё мировое сообщество «процессы универсализации привели к упрощению, с одной стороны, нового имиджа так называемой «мировой культуры», под которой подразумевалась западноевропейская, как универсальной и общечеловеческой (в этом выразилось романтическое влияние), а с другой стороны, к развитию национальных дискурсов во всех областях общественных и социальных наук, связанных с позитивистским толкованием истории, человеческого общества, национальной традиции»⁵.

Наверное, можно говорить о том, что в результате данных столкновений разнообразие существующих ценностей и паттернов развития прогрессивно увеличивается, расширяя дискурс мультикультурализма, постепенно приобретающий облик транскультуры. Но самое важное, что в этом многообразии формируется серьёзная потребность к утверждению безусловной значимости каждого человека, в том числе любого Другого, для общества, где актуализируется проблема выпадения человека из социального контекста, задающая ей инклюзивный вектор. Исходя из воззрений М. В. Тлостановой, что «сама граница нации-государства содержит мощный идентификационный заряд, возможность выстраивания иерархии групповой ассоциации индивида по разным признакам с семьей, обществом, классом, нацией, народом, закрепляя одновременно и положение «другого», не принадлежащего к этой сущности вне общепринятой системы координат»⁶, стоит подчеркнуть факт, что современные границы существующей виртуальной реальности отсутствуют, но её влияние на человека стремительно растёт. Стирание данных границ имеет отношение не только к человеку, постоянно мигрирующему между культурами, а такой феномен сегодня тоже не редкость, но и тому, кто вообще не покидает своего жилища, с головой погружаясь в виртуальный мир. Как человек соизмеряет себя с Другим в условиях, не имею-

2 Пелипенко, А. А. Контрэволюция как проявление глобального кризиса современного мира // Власть. – 2015. – № 6. – С. 35.

3 Там же.

4 Судакова Н. Е. Философская рефлексия инклюзии как феномена современной культуры: навстречу Другому // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – № 11. – Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 153.

5 Тлостанова М. В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации: Учеб. Пособие. – М.: РУДН, 2008. – С. 67.

6 Там же. – С. 68.

щих традиционных механизмов идентификации? Проблемы и вопросы встраивания человека в социальный контекст в условиях всё усложняющейся реальности нарастают, но пока не находят механизмов своей регуляции, требуя от общества их серьёзного осмысления.

В обозначенном ракурсе обретают иные смыслы инструменты формирования гармоничного взаимодействия, имеющие диалогический характер. Диалогизация как парадигма общечеловеческого бытия находит своё отражение в становлении нового феномена гуманизма – инклюзии, где актуализируется итог размышлений М. Бахтина – «быть – значит общаться диалогически»⁷. Именно в пространстве диалога происходит обретение культурной самобытности как человека, так и общности. Приятие Другого посредством сопричастности его культуре, согласно концепции субъект-субъектного взаимодействия М. Бубера, выступает сегодня «квинтэссенцией инклюзии, интегрирующей социальные общности, способствующей преодолению кризисных социокультурных явлений, ценностной девальвации как глобального, национального, так и межличностного характера»⁸. Наиболее ценным в обозначенном ракурсе становится понимание истинности бытия Г. С. Померанца, транспонирующего под себя концепцию М. Бубера: «Истина – не итог спора, где каждый отстаивает своё мнение. Она рождается в «отношении Я-Ты», при выходе из отчуждения субъекта Я и Оно; проще говоря в любви»⁹. Можно ли точнее сказать о том, что из себя представляет диалог культур, диалог смыслов, взаимодействие, в котором происходит не только приятие Другого, но реализация самого себя, своей неповторимой сущности в воплощении уникального проекта Вселенной – «человеческая жизнь».

Итак, в поисках иных смыслов существования, актуальных в новой реальности, человек возвращается к пониманию, что он и есть «цель сама по себе», сформулированному ещё И. Кантом¹⁰. Он утверждает во мнении, что разнообразие человеческого мира, проявляющее себя на протяжении всего периода существования человеческой цивилизации, есть высшая ценность бытия, а отношения Я-Ты, как «цель сама по себе», есть первооснова существования человеческого сообщества, где всегда и во всем есть место поиску смысла, устремлённого «к любви». Будучи смыслом и целью личность ощущает свою безусловную значимость, а потому, транслирует её Другому, препятствуя таким образом своему социальному исключению, интуитивно, но по-настоящему инклюзивно действуя в мире уже существующих ценностей и смыслов, где теряет свою ценность логика включения и исключения, лежащая, по мнению М. В. Тлостановой, «в основе понятия о национальной культуре, определяемого «канон» в его разных вариантах»¹¹. Инвариантность сознания проявляет себя в обозначенном контексте с позиции торжества инклюзивных ценностей, пестующих уникальность человеческой индивидуальности в мире, открытом для каждого, в том числе, любого Другого.

Становится актуальным понимание, что в поисках ответов на вопросы как совместить несовместимое, укреплять ценности добра, мира, согласия и приятия друг друга в условиях многообразия культур, современное общество интуитивным образом движется к постулированию идей ин-

клюзии в контексте признания исключительной ценности неповторимого бытия Другого, поскольку именно уважение к свободе выбора культурных ценностей в ситуации культурного многообразия и является основным критерием цивилизованного отношения общества по отношению к личности, а также препосылкой для мирного сосуществования человечества в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Астафьева О. Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов // Вопросы социальной теории. – 2012. – Т. 6. – С. 97-107.
2. Астафьева О. Н. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложности // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. – 2013. – № 1 (19). – С. 82-91.
3. Астафьева О. Н. Многомерные конфигурации коллективных идентичностей: теоретические основания исследования // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления: Коллективная монография / Под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. – М.: Российское философское общество. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. – С. 4-26.
4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Собрание сочинений: в 7-ми т. Т. 2. – М.: Рус. словари, 2000. – 800 с.
5. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука. Собр. Соч. в восьми томах. – СПб.: ЧОРО, 1994. – Т. 4. – 630 с.
6. Померанц Г. Встречи с Бубером. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
7. Пелипенко А. А. Контрэволюция как проявление глобального кризиса современного мира // Власть. – 2015. – № 6. – С. 34-41.
8. Судакова Н. Е., Сапельников Д. С., Попова М. В. Творчество в контексте культурфилософского осмысления и педагогического моделирования мировоззрения личности: монография. – М.: Буки Веди, 2016. – 184 с.
9. Судакова Н. Е. Философская рефлексия инклюзии как феномена современной культуры: навстречу Другому // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – № 11. – Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 152-154.
10. Тлостанова М. В. От философии мультикультурализма к философии транскulturации: Учеб. Пособие. – М.: РУДН, 2008. – 251 с.

7 Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. Собрание сочинений: в 7-ми т. Т. 2. – М.: Рус. словари, 2000. – С. 155.

8 Судакова Н. Е., Сапельников Д. С., Попова М. В. Творчество в контексте культурфилософского осмысления и педагогического моделирования мировоззрения личности: монография. – М.: Буки Веди, 2016. – С. 24.

9 Померанц Г. Встречи с Бубером. // Бубер М. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 3.

10 Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. Соч. в восьми томах. – СПб.: ЧОРО, 1994. – Т. 4. – С. 205.

11 Тлостанова М. В. – С. 68.

КОЧКАРОВ Руслан Махарович

кандидат юридических наук, доцент, ректор Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, г. Черкесск

СПЕЦИФИКА АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Автор статьи показывает специфику ценностного подхода к пониманию права, его значимость в современных философских и юридических теориях права. В статье делается акцент на том, что исключительно нормативное понимание права представляет собой редукцию, тогда как аксиологический аспект права способен продемонстрировать более широкие репрезентации феномена права, представление о его основаниях и связи антропологического уровня жизни с социальным через ценности права и деятельность социального субъекта. Указывается, что особую аксиологическую значимость в современном обществе имеют ключевые ценности человечества, которые выступают в качестве основополагающих правовых принципов, среди которых на первом месте находятся свобода, справедливость, равенство, безопасность, неприкосновенность личности. При этом данные аксиологические ориентиры права отчетливо проявляются далеко не всех действующих законодательных системах даже в условиях современности. Подчеркивается, что в российском правовом пространстве также существовала традиция поиска обоснования права в нравственности и моральных ориентирах общества.

Ключевые слова: общество, социальная реальность, ценность, аксиология, право, правосознание, социальный субъект, плюрализм, деятельность социального субъекта.

KOCHKAROV Ruslan Makharovich

Ph.D. in Law, associate professor, Rector of the North Caucasus State Humanitarian and Technological Academy, Cherkessk

Кочкаров Р. М.

THE SIGNIFICANCE OF THE VALUE APPROACH TO THE LAW IN CONTEMPORARY SOCIETY

The author of article shows specifics of valuable approach to understanding of the right, its role in modern philosophical and legal theories of the right. In article the emphasis is placed that exclusively standard understanding of the right represents a reduction whereas the axiological aspect of the right is capable to show deeper representation about a right phenomenon, its bases and communication of the anthropological standard of living with social through values of the right and activity of a social subject. It is indicated that the key values of humanity have a special axiological significance in modern society, which act as fundamental right principles, among which freedom, justice, equality, security, and personal immunity are in the first place. At the same time, these axiological orientations of law clearly manifest by no means all the existing legislative systems, even in modern conditions. It is emphasized that in the Russian legal space there was also a tradition of searching for the substantiation of law in morality and moral guidelines of society.

Keywords: society, social reality, value, axiology, sense of justice, social subject, pluralism, activity of a social subject.

В современной социальной философии аксиологический подход выступает в качестве одного из фундаментальных методологических принципов исследования социальной реальности¹. Значимость аксиологического измерения проблем исследования права, социальной реальности и социальности постоянно возрастает². Одной из современных подходов к исследованию феномена права чаще всего представляет собой не единую рационалистическую объяснительную схему, а некий условный плюралистический пласт «понимающих» представлений, дескрипций, впечатлений, призванных составить в совокупности условный образ права и общественной реальности в целом³. В методологическом смысле также право представляется сложным феноменом,

для исследования которого не может быть релевантен только один единственный подход. Как правило, для его исследования подбираются целые методологические комплексы из взаимодополняющих и непротиворечивых инструментов отражения правовой реальности. Немаловажно отметить тот факт, что, хотя в отечественной и зарубежной философии на протяжении длительного времени разрабатывалась дефиниция ценности и основания ценностного подхода, тем не менее, анализ и оценка роли ценностного фактора в понимании права и развитии общества получили гораздо меньшее внимание, чем рассмотрение ценностей в антропологии и социальной философии⁴. Вместе с тем понимание всех особенностей современных правовых процессов в их сложной динамике требует дальнейшей теоретической разработки ценностного подхода⁵.

1 Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследования современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241-247.

2 Бакланова О. А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2013. – № 2. – С. 142-145.

3 Бичахян М. К. Становление развитого правосознания как условие формирования правового пространства: философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 6 (97). – С. 22-26.

4 Бондаренко Н. Г. Специфика трансляции ценностей в традиционных и современных обществах // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 11 (126). – С. 444-445.

5 Кочкаров Р. М. Ценностный анализ права и закона // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. –

Чаще всего, когда речь идет не об абстрактном праве, а об исследовании реальных аспектов правовой реальности, право понимается как нормативный социорегулятор, оказывающий самое непосредственное нормирующее воздействие на разные сферы общественной жизни, от экономической, до духовной⁶. Позитивистский юридический подход нередко редуцирует аксиологический аспект права, поскольку он не всегда отвечает критериям операциональности и трудно поддается калькуляции и схематизации. И в лучшем случае оставляет в своих объяснительных схемах феномен правового сознания как наиболее операциональный и поддающийся научному исследованию. Аксиологический подход, напротив, рассматривает право как особую социокультурную ценность, связывающую человека с обществом, в котором происходит преломление индивидуальных представлений о справедливости и гуманизме в общественное представление об этих феноменах. Аксиология права базируется на личностном измерении права, которое отражается в феномене правового сознания и отражает смысл и значение права в индивидуальном сознании. Представление о том, что выступает в качестве базовой ценности права, не является однозначно установленным⁷. Это дискуссионный вопрос, в обсуждении которого аргументируется несколько важных ценностей, претендующих на то, чтобы считаться фундаментом права. Во-первых, такой ценностью может считаться личность, человек, носитель права и деятельный субъект. Однако противники данного подхода говорят о том, что антропологическая реальность очень слабо коррелирует с социальной и опосредуется на надындивидуальном уровне. Нормативная реальность права до известной степени является автономной и должна исследоваться именно в рамках этой автономности, то есть, не как антропологический, а как социальный феномен, обладающий собственной историчностью, собственной логикой развития⁸. Во-вторых, в качестве основания права часто усматривают феномен справедливости⁹. В-третьих, на право стать основанием исследования правовой реальности претендует также феномен свободы¹⁰. И хотя каждый из этих феноменов может вполне обоснованно давать отсчет собственному пониманию права, все три лежат в границах аксиологического подхода и не выходят за его пределы.

Ценностное понимание права также не рассматривается вне деятельности социального субъекта, именно деятельность, является связующим звеном между антропологической реальностью и социальной. Деятельность фундирует организационные силы и правовые институты. Через деятельность происходит воспроизводство правовой реальности и через нее же производится делегитимации и демонтажирование правовых институтов. Деятельность демонстрирует диалектику нормативности и свободы в человеческой и общественной жизни. В рамках аксиологического подхода право может

предоставить людям новое пространство для реализации личности и возможности развития. И в этом случае критерием положительной ценности права станет саморазвитие личности, а не её деградация и подавление в пользу отвлеченных от индивида общественных идеалов¹¹. Особое значение приобретают ключевые ценности человечества, которые выступают в качестве основных принципов права (например, свобода, справедливость, равенство, безопасность, неприкосновенность личности). В то же время, данные принципы находятся в основе далеко не всех правовых систем, а преимущественно, тех, где развивалась теория естественного права (страны Европы, США).

В России также существовала традиция поиска оснований права в нравственности и морали¹². Аксиологический подход сближает две нормативные системы – право и мораль, однако не отождествляет их. Право представляет собой более широкую и жесткую систему регламентации, мораль – более приближенную к антропологическому миру, менее ориентированную на социальное изменение. И менее объективированную при этом, разумеется. Когда происходит отрыв права от морали, как это не единожды пытались сделать представители юридического позитивизма, усматривающие ценность собственно в самом праве и недооценивавшие при этом роль моральной нормативной системы, правовая система стремительно удаляется от антропологического своего «полюса» и приближается к социальному. Она начинает работать на общественные нужды в ущерб человеческим и вследствие этого становится неэффективной, накапливает дисфункции и в таком состоянии нуждается либо в очень жесткой поддержке со стороны государства либо в новом обращении к приватному миру отдельного человека. Осмысление этой двойственной природы права – антропологической и социальной, также нуждается в отдельном внимании и легче всего такое осмысление проводить средствами аксиологии, поскольку ценности представляют собой скрепы, мостики между этими уровнями жизни. Несмотря на то, что ценности права носят деонтический характер, они зависят от выбора субъекта, он каждый раз производит их переоценку и её результатом становится решение о том, поддерживает ли он их или нет. Право является высшей ценностью, однако эта ценность не носит абсолютного характера, недостаток правового сознания способен в короткие сроки привести к обесцениванию права и появлению правового нигилизма.

Особенностью права также является характер должностования, «рамочный» характер поведения человека. Право представляет собой высший принцип, из которого должен исходить любой регламент общественных отношений и поведения людей, но он не гарантирует обязательного следования нормам права в том случае, если нормы права и морали начинают противоречить друг другу и создают конфликт личного и общественного. Иногда это противоречие создает третья нормативная система – религиозная – которая так же, как и другие, выполняет в обществе собственные функции регламентации общественных отношений, но, при определенных обстоятельствах, может захватывать в свое поле регламентацию моральных и правовых норм. Это как правило происходит в периоды кризисов, сложных системных перестроек общественной жизни, при транзитных состояниях со-

2013. – № 4 (37). – С. 73-78.

6 Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. – 2013. – № 10. – С. 5-12.

7 Лановая Г. М. Базовые ценности современного права // История государства и права. – 2014. – № 20. – С. 23-27.

8 Похилько А. Д., Бурьянова Е. И. Автономность правового бытия и сознания // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 167-169.

9 Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17. № 5. – С. 52-59.

10 Коломак А. И. Проблематизация исследования свободы в современной социальной теории // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 6 (97). – С. 30-33

11 Петров А. В. Правовая действительность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 150-158.

12 Капустин Б. Г. Идеология и крах советского строя // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. – № 6. – С. 70-81.

циальной системы. В этом случае религиозная системы, как наименее динамичная из всех, принимает на себя роль «гаранта» сохранения социальных ценностей. Однако, поскольку религиозные нормы являются ригидными и не способны отражать современное состояние общества, это не всегда идет на пользу самому обществу или его людям, желающим видеть нормы более гибкими и ориентированными на особенности сегодняшней жизни. Религия, регламентирующая нормы морали и права, становится столь же деантропологизированной и волюнтаристской, как и право, не опирающееся на нормы морали.

Если исследовать феномен права в динамическом аспекте, становится заметно, что право не только отличается от морали и религии большей подвижностью, динамичностью и адаптивностью. Право развивается из норм морали, между ними существует переходное состояние, которое называется «обычное право». Обычное право – это древнейшая форма образования «основного» римского права, представляющее собой совокупность обязательных правил поведения, сложившихся в рамках неоднократного их использования, санкционированных и в целом защищаемых государством, но при этом не зафиксированных в нормативных актах. Обычное право можно рассматривать как форму реализованного позитивного права. В обществах, в которых имеет место данное явление, правовая жизнь является относительно органичной и сбалансированной для повседневной практики, как правовой, так и общественной. Противопоставление обычного права юридическому праву, закреплённому в нормативных документах, препятствует формированию оптимальной и выверенной правовой системы общества. На современном этапе система права включает в себя достаточно большое число отраслей, среди которых, в процессе развития права, выделяются новые. Естественное право, на основании данной теории, не включает в себе никаких сверхъестественных или неизменных юридических норм, оно также и не кодекс нерушимых заповедей. Право представляет собой совокупность нравственных и правовых требований, разнообразных для каждой нации и временной эпохи, в рамках которой общество развивается в различных направлениях: социокультурном, политическом, экономическом¹³. Право не выражается в виде каких-либо обязательных законодательных правил и шаблонов. Для разных народов и в разные временные периоды оно являет собой специфическую задачу и специфическую совокупность определенных обязанностей от конституционного обеспечения функционирования монархического режима до правового обеспечения развития структур гражданского общества.

Таким образом, право как нормативная система нуждается в аксиологическом осмыслении, поскольку основывается на внутренней антитезе «внутреннего-внешнего». Только диалектика социального и антропологического способна раскрыть механизм функционирования права, его смысл и назначение, поскольку она отражает особенности конфликта между формой и содержанием данного феномена. Также аксиологический подход к пониманию феномена права способен показать его отличия от других нормативных систем – морали и религии, а также определить механизмы взаимодействия и взаимоперехода между ними в современном обществе. Аксиологическое понимание права показывает

его как ценность, образец, критерий и для деятельности социального субъекта, и для оценки норм позитивного права и определения деятельности государства.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Хубиев А. О. Структуры гражданского общества в политическом процессе современности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – № 1. – С. 13-17.
2. Бакланова О. А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2013. – № 2. – С. 142-145.
3. Бичахчан М. К. Становление развитого правосознания как условие формирования правового пространства: философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 6 (97). – С. 22-26.
4. Бондаренко Н. Г. Специфика трансляции ценностей в традиционных и современных обществах // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 11 (126). – С. 444-445.
5. Капустин Б. Г. Идеология и крах советского строя // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. – № 6. – С. 70-81.
6. Коломак А. И. Проблематизация исследования свободы в современной социальной теории // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 6 (97). – С. 30-33.
7. Кочкаров Р. М. Ценностный анализ права и закона // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – № 4 (37). – С. 73-78.
8. Лановая Г. М. Базовые ценности современного права // История государства и права. – 2014. – № 20. – С. 23-27.
9. Лисицын-Светланов А. Г., Малько А. В., Афанасьев С. Ф. Верховенство права как фактор экономического развития. // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88. – № 3. – С. 242-250.
10. Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. – 2013. – № 10. – С. 5-12.
11. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследования современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241-247.
12. Петров А. В. Правовая действительность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 150-158.
13. Похилько А. Д., Бурьянова Е. И. Автономность правового бытия и сознания // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 167-169.

13 Лисицын-Светланов А. Г., Малько А. В., Афанасьев С. Ф. Верховенство права как фактор экономического развития // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88. – № 3. – С. 242-250.

ВАСИЛЬЧЕНКО Валерий Александрович

кандидат философских наук, Консультант ООО «Центр социально-экономических исследований», г. Ставрополь

НУЖНА ЛИ РОССИИ «МЯГКАЯ СИЛА» В ЭПОХУ ТРАМПА?

В статье рассматриваются перспективы использования «мягкой силы» Россией и США. Подход Д. Трампа к внешней политике полностью игнорирует «мягкую силу» и нематериальные активы, которые государство может использовать для получения влияния, включая культуру, дипломатию и политические ценности. Сторонники Д. Трампа утверждают, что ставка на сильную экономику и «игру мускулами» позволяет США укреплять свои позиции и дает больше возможностей для заключения выгодных сделок. Это поднимает важные вопросы о текущем состоянии российской «мягкой силы».

Ключевые слова: США, Россия, внешняя политика, «мягкая сила», публичная дипломатия, неправительственные организации.

VASILCHENKO Valeriy Aleksandrovich

Ph.D. in Philosophy, Consultant of the LLC «Center for Social and Economic Research», Stavropol

DOES RUSSIA NEED THE SOFT POWER IN THE TRUMP ERA?

This article examines the Russian and American perspective of soft power. Trump's approach to wielding influence completely ignores soft power, which refers to the non-material assets a state can harness to gain influence, including its culture, policies and political values. Trump's supporters argue a stronger economy and Trump's muscular approach to foreign affairs has given the U.S. more bargaining power. This raises important questions about the current state of Russian «soft power».

Keywords: USA, Russia, foreign policy, soft power, public diplomacy, nongovernmental organizations.

Среди критических замечаний относительно внешнеполитических приоритетов президента США Дональда Трампа, наиболее часто звучит сожаление по поводу отхода от политики «мягкой силы». Такова, в частности, позиция автора концепции «мягкой силы» Джозефа С. Ная мл.¹ Он считает, что целый ряд ясных фактов свидетельствует о том, что президентство Трампа подрывает «мягкую силу» Америки. В частности, опрос общественного мнения, проведенный авторитетным Институтом Гэллапа в 134 странах, показал, что только 30 % респондентов одобряют политику Соединенных Штатов под руководством Д. Трампа, что демонстрирует падение почти на 20 пунктов по сравнению с президентством Барака Обамы². Рейтинг мировых лидеров возглавила Германия (41 % выборки), а Китай занял второе место с 31 % одобрения. Согласно опросу, Россия имеет 27 % одобрения своей глобальной роли.

Интерес вызывает тот факт, что крупнейшие рейтинговые потери США пришлось на ближайших союзников и партнеров Вашингтона в Западной Европе и Новом Свете. Наиболее значительное падение популярности американской внешней политики произошло в Бельгии, Канаде, Португалии и Норвегии. Резкое снижение доверия к лидерству США продемонстрировала Великобритания, где оно упало на 26 пунктов. Лишь каждый третий из британцев, участвовавших в опросе, выразил одобрение той роли, которую Америка

играет в мировой политике, в то время как 63 % оказались настроены негативно. Поддержка руководства США поднялась на 10 % и более только в четырех странах: Беларуси, Израиле, Македонии и Либерии. Она продемонстрировала умеренный рост также в России, странах Центральной Азии и Западной Африки.

В докладе, подготовленном по результатам исследования, имеется характерный подзаголовок: «Первый год Трампа: трудные времена для «мягкой силы» Соединенных Штатов». По мнению составителей доклада, для продвижения и защиты американского влияния в мире недостаточно подъема благосостояния граждан и наращивания экономической мощи, как заявляет Д. Трамп. Влияния невозможно достичь без приверженности своим международным обязательствам и тесного сотрудничества с партнерами и союзниками за рубежом. Стратегия Д. Трампа в 2017 г. заключалась в ослаблении ключевых для Америки союзов, которые, по мнению нового президента, в действительности не служат интересам США, в том числе в отказе от Транстихоокеанского партнерства и от глобального соглашения по климату. Он осложнил отношения с Канадой и Мексикой, неоднократно угрожая прекратить Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), и настаивая на том, что Мексика должна заплатить за постройку стены вдоль общей границы. Время проведения опросов Институтом Гэллапа в Европе совпало с европейскими поездками Д. Трампа в 2017 году, включая его присутствие в Брюсселе на саммите НАТО в мае, где он огорчил союзников, когда не высказался в поддержку коллективных гарантий безопасности членов альянса. Разногласия между США и их партнерами снова проявились на саммите G20 в Германии в июле, где руководители 19 глобальных экономик разошлись с США по вопросам климатической политики.

Доклад, подготовленный Институтом Гэллапа, завершается следующим выводом. Хотя первый год президентства

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-03-00038.

1 Nye J. Donald Trump and the decline of US soft power // The Strategist — The Australian Strategic Policy Institute Blog, 12.02.2018. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.aspistrategist.org.au/donald-trump-decline-us-soft-power/> (дата обращения: 08.12.2018).

2 Gallup. Rating World Leaders: 2018. The U.S. vs. Germany, China and Russia. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.politico.com/f/?id=00000161-0647-da3c-a371-86f76acc0001> (дата обращения: 08.12.2018).

Д. Трамп не был лишен успехов, среди которых поражение международного террористического квази-государства ИГИЛ в Ираке и Сирии, однако резкое падение одобрения руководства США в мире свидетельствует о том, что другие аспекты внешней политики Д. Трампа – и его собственные слова – сеют сомнения в приверженности США обязательствам перед своими партнерами за рубежом.

Другой факт, на который ссылается Дж. Най – в рейтинге наиболее влиятельных стран по критерию «мягкой силы» The Soft Power 30, публикуемом британским консалтинговым и PR-агентством Portland Communications, Америка сместилась с первого места, которое занимала в 2016 году, на третье место в 2017 году³. В 2017 г. рейтинг возглавила Франция, второе место заняла Великобритания. России удалось войти в топ-30 стран, обладающих наивысшим потенциалом «мягкой силы». У нее 26 место. Актуальный рейтинг «Soft Power 30, Ranking 2018» также не принес обнадеживающих для США результатов. Первое место заняла Великобритания, затем расположились Франция и Германия. США не смогли войти даже в тройку лидеров, оказавшись только на четвертом месте. У России 28-я позиция⁴.

Наконец, как пишет Дж. Най, сами сотрудники администрации Д. Трампа не считают, что «мягкая сила» имеет значение. В частности, директор Административно-бюджетного управления Мик Малвейни открыто заявил, что планируемая на 2018 г. смета доходов и расходов государства будет «бюджетом «жесткой силы», а не бюджетом «мягкой силы». Средства для Государственного департамента и Агентства США по международному развитию, включая ассигнования на борьбу с изменением климата и на культурные программы, сокращаются на 30 %. Освободившиеся финансы пойдут на субсидирование военных программ⁵. Таким образом, заключает Дж. Най, для защитников принципа «Америка прежде всего» формирование привлекательного образа Америки в глазах остального мира представляет собой второстепенный вопрос.

Комментируя изменения, происходящие с «мягкой силой» Америки в эпоху Д. Трампа, Дж. Най делает несколько важных замечаний теоретического характера. «Мягкая сила» зависит от притяжения, основанного на естественной привлекательности, а не от принуждения или подкупа. Если США олицетворяют собой общепризнанные ценности, они могут позволить себе отказаться от дорогостоящей и рискованной политики «кнута и пряника» в международных делах. Любое эффективное руководство требует командной работы и диалога с последователями, приверженцами и сотрудниками. С точки зрения Дж. Най, лидерство США в мире будет более прочным, если

американская администрация станет проявлять чуткость к проблемам своих партнеров⁶.

Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» государства проистекает из трех источников: культуры (в том случае, если культура является доступной и общепонятной), политических ценностей, таких как демократия и права человека (если подобные провозглашаются), и практической политики (которая рассматривается международным сообществом как легитимная, если основана на взаимном учете интересов). То, как правительство осуществляет внутреннюю политику (например, поддерживая свободу прессы), формирует двусторонние отношения (согласовывая свои шаги со своими партнерами) и реализует внешнюю политику в целом (содействуя общему развитию и правам человека), может воздействовать на других субъектов международных отношений, выступая как нравственный образец и пример для подражания. Во всех этих сферах Д. Трамп, по мнению Д. Най, сделал образ Америки менее привлекательным.

Обращает на себя внимание тот факт, что интерпретация Дж. Наем понятия «мягкой силы» является не вполне последовательной. С одной стороны, он утверждает, что «мягкая сила» отражает объективную привлекательность институтов государства с точки зрения возможности для других субъектов международной политики удовлетворять свои интересы. С другой стороны, он относит к практикам «мягкой силы» такие явно адресные маневры, как компромиссная риторика с целью вызвать симпатию, стремление к урегулированию противоречий с партнерами даже ценой собственной выгоды, финансирование программ по продвижению и поддержке определенных идеологий. Эти приемы уместней описывать в таких терминах, как «захват», «овладение», «удержание», «завоевание», чем «привлекательность» и «притяжение». Они относятся к арсеналу «жесткой силы», а не «мягкой».

Ни одно государство не может позволить себе игнорировать собственные интересы в погоне за признанием. Хотя непонимание и предубеждения влияют на политические и экономические отношения стран, но все же в меньшей степени, чем реальные возможности извлекать выгоду из совместных действий. При отсутствии у государства привлекательных ресурсов или доступа к ним хорошая репутация окажется столь же бесполезной, как неповрежденный предохранитель в полностью расплавленном моторе.

Исходя из сказанного, следует с осторожностью относиться к выводам Дж. Най об ослаблении «мягкой силы» Америки в период президентства Д. Трампа. Для подавляющего большинства субъектов международной политики в силу различных причин США остаются очень привлекательным политическим, военным, экономическим, культурным партнером. Интерес к сотрудничеству с США для стран Европы носит долгосрочный характер. Он основан на реальных потребностях в торговом и культурном обмене. Острые высказывания и резкие политические шаги Д. Трампа негативно повлияли на восприятие Америки европейским общественным мнением, но они в малой степени коснулись конкретных практик военного, экономического и культурного взаимодействия.

Это признает и сам Дж. Най когда указывает, что Америка есть нечто большее, чем президент или правительство.

3 THE SOFT POWER 30. A Global Ranking of Soft Power 2017. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (дата обращения: 08.12.2018).

4 THE SOFT POWER 30. A Global Ranking of Soft Power 2018. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (дата обращения: 08.12.2018).

5 Hains T. Trump Budget Director: «This Is A Hard Power Budget, Not A Soft Power Budget» // RealClearPolitics, 16.03.2017. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.realclearpolitics.com/video/2017/03/16/trump_budget_director_this_is_a_hard_power_budget_not_a_soft_power_budget.html (дата обращения: 08.12.2018).

6 Най Дж. Будущее власти. - М.: АСТ, 2014. - С. 148; Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. - Oxford: Oxford University Press, 2002. - P. xii.

В отличие от активов «жесткой силы» (таких как вооружения или финансы), ресурсы «мягкой силы» отделены от правительства и лишь частично реагируют на его деятельность. В либеральном обществе правительство не контролирует сферу культурного производства. Парадоксально, но отсутствие официальной культурной политики само по себе может быть источником влияния. Голливудские фильмы, которые демонстрируют ценности феминизма и свободы прессы, пишет Дж. Най, тем самым укрепляют «мягкую силу» Америки. Такую же роль играет работа благотворительных фондов США и высокое качество образования в американских университетах. Бизнес, университеты, фонды, церкви и другие неправительственные группы имеют свой собственный потенциал «мягкой силы», которая может увеличивать влияние государства, даже если противоречит официальным внешнеполитическим целям. По мнению Дж. Най, индивидуальные, частные источники «мягкой силы», вероятно, будут приобретать все большее значение в глобальную информационную эпоху.

Поэтому, хотя Дж. Най и утверждает, что внутренняя или внешняя политика, которая кажется высокомерной, безразличной к взглядам союзников и партнеров, основанной на узкоэгоистической концепции национальных интересов, может подорвать «мягкую силу», это касается лишь бюрократических аспектов влияния государства. Главным источником «мягкой силы» Америки являются ее институты, позволяющие эффективно рекрутировать союзников. Рост и снижение американской «мягкой силы» не имеет большого значения, если под «мягкой силой» понимать популярность как моду или основанную на эмоциях оценку, потому что страны сотрудничают исходя из национальных интересов. А американские институты предоставляют партнерам США достаточно возможностей для реализации их интересов независимо от текущей политической конъюнктуры.

К таким же выводам приводит и анализ данных, на основе которых составляется рейтинг The Soft Power 30. Падение поддержки глобальной роли Америки в 2017 г. по сравнению с 2016 г. явилось следствием исключительно опросов общественного мнения, то есть субъективных оценок. Объективные данные о качестве институтов никаких изменений не зафиксировали. По мнению авторов рейтинга, снижение популярности политики США в международном опросе связано с излишне жесткой риторикой принципа «Америка прежде всего», вызывающей эмоциональное неприятие у европейцев.

Как утверждают составители рейтинга The Soft Power 30, к счастью для США, ни один президент не может уничтожить обширные ресурсы «мягкой силы», копившиеся в течение десятилетий. США возглавляют рейтинги по индексам «Образование», «Культура» и «Информационные технологии», потенциал их «мягкой силы» огромен благодаря высочайшему уровню образовательных учреждений, культурному производству и технологическим инновациям. С наивысшим количеством ведущих университетов мира, благодаря престижному глобальному бренду Лиги плюща, США не имеют себе равных в способности привлекать иностранных студентов со всего мира. Что касается культуры, то США продолжают доминировать в киноиндустрии, на телевидении и в Интернете, и маловероятно, чтобы привлекательность и доступность американской культуры снизится в ближайшее время. В США также располагаются штаб-квартиры крупнейших технологических корпораций в мире, в том числе Amazon, Apple, Facebook, Google и Microsoft, а также многочисленные

стартапы в Силиконовой долине и в технологических центрах страны. США сохраняют высокие позиции в рейтинге «Предпринимательство». Появление Netflix и других игроков, предлагающих новые бизнес-модели на пересечении медиа и информационных технологий, позволяет предположить, что культура инноваций будет процветать в США еще длительное время. Высокое качество институтов гарантирует, что США будут сохранять огромный потенциал «мягкой силы» независимо от конъюнктурных колебаний политической повестки. Перемещения в рейтинге The Soft Power 30 на одну-две позиции малопоказательны и могут быть отнесены на счет неизбежных погрешностей в методологии исследования.

Примечательным является тот факт, что, несмотря на явную симпатию, которую новый американский президент демонстрирует по отношению к России, говорить о смягчении американо-российских противоречий не приходится. Период президентства Д. Трампа оказался отмечен для России как многочисленными конфликтными инцидентами (начиная с ракетной атаки США на военный аэродром в Сирии и заканчивая срывом встречи президента США с В. В. Путиным на саммите G20 в Аргентине после инцидента в Керченском проливе), так и новым витком санкций. Политический и экономический прессинг, которому подвергается Россия, не ослабевает. Личные пристрастия и свойства характера Д. Трампа не оказывают влияния на американский глобализм и стремление к гегемонии. Военно-политическая, экономическая и культурная экспансия США представляет собой объективную тенденцию. По причине наличия колоссального производства, ориентированного на глобальный рынок, и международных связей, которые необходимо обслуживать, США в принципе не могут перейти к доктрине изоляционизма. России следует учитывать, что значительные экономические, социальные и культурные ресурсы будут поддерживать потенциал американской «мягкой силы» на высоком уровне независимо от отдельных решений политиков в Вашингтоне.

Россия, безусловно, нуждается в «мягкой силе», однако отечественные аналитики проявляют несогласованность относительно того, в чем заключается российская «мягкая сила»⁷. Весьма характерной в этой связи является точка зрения, высказанная председателем Комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам А. К. Пушковым. Он считает, что, во-первых, «Россия – это страна, которая способна сыграть роль противовеса наиболее агрессивным действиям США, сейчас она это доказывает в Сирии... Второй резерв мягкой силы – область нравов. Россия сейчас становится оплотом гетеросексуальных союзов»⁸. Таким образом, А. К. Пушков трактует «мягкую силу» как привлекательность – действия России должны вызывать сочувствие и симпатию у тех, кто недоволен глобальной гегемонией США или изменением представлений о семье и браке на Западе. Однако остается совершенно неясным, каким образом эта мораль-

7 Давыдов Ю. П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 1. – С. 3-24; Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. – М.: РУДН, 2010. – С. 11.

8 Пушков А. К. Россия способна быть балансирующей силой в международных делах // Индекс Безопасности – 2013. – № 3 (106). – Т. 19. – С. 22-23.

ная поддержка может быть конвертирована в реальные внешнеполитические выигрыши. С другой стороны, А. К. Пушков справедливо замечает, что «наши отношения с Германией из-за Pussy Riot и сексуальных меньшинств уже давно разлетелись бы в пух и прах, если бы не... мощнейший якорь российско-немецких экономических связей»⁹. Здесь «мягкая сила» интерпретируется как заинтересованность партнеров в сотрудничестве даже вопреки существующим серьезным разногласиям, касающимся ценностей.

Заявка на роль уравнивающей Америки силы в глобальной системе отношений для России на сегодняшний момент является преждевременной. Россия оспаривает лишь некоторые аспекты либерального международного порядка, не отвергая его фундаментальным образом. У России недостаточно ресурсов для отрицания или переформатирования сложившихся принципов и правил международного взаимодействия и многосторонней дипломатии, в целом выгодных США. В настоящее время Россия не является международным форумом для поиска и выработки совместных решений и ответов на глобальные вызовы. Эту цель только предстоит поставить, и для ее достижения необходимо накапливать «мягкую силу» не в смысле создания образов, привлекательных для потенциальных партнеров (это один из инструментов «жесткой силы», поскольку здесь предполагается прямое влияние), а в смысле расширения способов взаимовыгодного сотрудничества. «Мягкая сила» – это центристская сила экономической взаимозависимости, а не сила уловок и манипуляций.

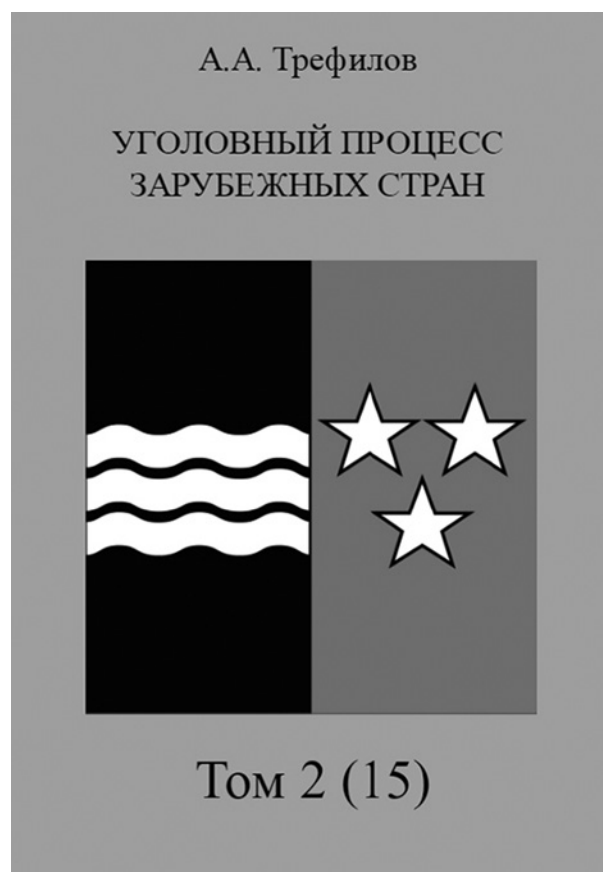
Весьма примечательным представляется тот факт, что комментируя и критикуя стратегию России в украинском и сирийском кризисе, Б. Обама специально обращает внимание на преимущества «мягкой силы». По его мнению, те, кто полагают, что Россия улучшила свои позиции, оказав поддержку сторонникам самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик, и развернув военные силы в Сирии, в корне неправильно понимают природу гегемонии во внешней политике. Реальная власть означает возможность достижения своих целей, не прибегая к политическому давлению и вооруженному нажиму. Скажем, Россия располагала бы гораздо более обширным арсеналом ресурсов для вмешательства во внутреннюю политику Украины в том случае, когда украинская клептократия, сохраняя формальный суверенитет над всей территорией, была бы как марионетка пристегнута к России нитями экономического контроля¹⁰. Оценки украинских событий, даваемые бывшим американским президентом, являются спорными, однако обращает на себя внимание, что «мягкая сила» в его трактовке ближе к экономической зависимости, чем к сколь угодно ненавязчивой пропаганде.

Сотрудничество в большинстве случаев является, если пользоваться шахматной терминологией, «первой линией» (то есть, лучшим продолжением) в проведении внешней политики. Сотрудничество обеспечивается четким, основанным на правилах порядком и, самое главное,

возможностями для реализации интересов, открытым доступом к ресурсам, которыми располагает партнер. Несмотря на наличие колоссальных ресурсов, Россия все еще существенно уступает США в масштабе и эффективности партнерских связей. Такая ситуация напоминает переполненный автобус с большим количеством пустых сидячих мест. То есть, имеющийся у России потенциал для сотрудничества трудно реализовать из-за институциональных – политических и правовых – ограничений. На макроуровне Россия нуждается в новом видении своего политического, экономического, социального и культурного развития.

Пристатейный библиографический список

1. Давыдов Ю. П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 1. – С. 3-24.
2. Най Дж. Будущее власти. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
3. Пушков А. К. Россия способна быть балансирующей силой в международных делах // Индекс Безопасности – 2013. – № 3 (106). – Т. 19.
4. Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.
5. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 222 pages.

⁹ Там же. – С. 22.

¹⁰ Goldberg J. The Obama Doctrine. The U.S. president talks through his hardest decisions about America's role in the world // The Atlantic Monthly Group, 04.2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/#7> (дата обращения: 24.03.2016).

ДЕМИЧЕВ Илья Валерьевич

старший научный сотрудник Центра социокультурного анализа Института стратегических исследований Республики Башкортостан, кандидат философских наук.

СТРУКТУРА И ВНЕШНЯЯ ОЦЕНКА ДИСКУРСОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ*

В данной статье рассматривается дискурс общественных объединений как основной инструмент обеспечения их жизнедеятельности. Прослеживается связь дискурса как устойчивой формы коммуникативной активности объединения, с основной активностью последнего, в рамках чего производится внутреннее деление дискурса на ядро, вспомогательные элементы и периферию, а также формулируется концепция дискурсивного фокуса. Проводится различие декларативного, рутинного, субъективного и фактического фокусов, в зависимости от основных аспектов практики общественного объединения. На основании этого выдвигаются критерии для внешней типологизации и оценки дискурсов объединений с точки зрения их апелляции к аудиториям, связности, распространенности, степени проективности или критичности, оценочных контекстов и т.п.

Ключевые слова: гражданское общество, общественное объединение, коммуникативное пространство, коммуникативная активность, дискурс, типологизация.

DEMICHEV Ilya Valerjevich

Ph.D. in Philosophy, senior scientific researcher of the Center for social and cultural analysis of the Institute for strategic studies of the Republic of Bashkortostan

Демичев И. В.

STRUCTURE AND EXTERNAL EVALUATION OF PUBLIC ASSOCIATIONS DISCOURSES

The article investigates the discourse of civil groups as a tool of supporting their activities. A connection between discourse, as a stable form of communicative activity of the group, and the main activity of the group can be traced, within which the discourse is subdivided into the core, the auxiliary components and the periphery, while the conception of the discourse focus. A distinction between declarative, routine, subjective and factual foci depending on the main aspects of the civil group's practice is drawn. On the basis of this, criteria for external classification and evaluation of discourses of groups are put forward, from the point of view of their appeal to audiences, coherence, proliferation, degree of projectivity and criticism, evaluative contexts and so on.

Keywords: civil society, public association, communicative space, communicative activity, discourse, typology.

Гражданские объединения обладают определенной спецификой относительно других крупных субъектов социальных взаимодействий – государства и бизнеса. Все три участника так или иначе ориентируются на мнения и представления населения, состязаются между собой и внутри себя за симпатии и поддержку его групп, однако располагают для этого различными инструментами, помимо пропаганды и иных форм коммуникационной активности. Так, государство использует силу принуждения и нормативно-правовое регулирование. Бизнес в коммуникации с населением активно использует меры рекламы, однако фокусной темой в ее рамках выступают поставляемые им блага, материальные и нематериальные, вписанные в некоторый «образ жизни». Последнее сближает бизнес с общественно-политическими субъектами, однако оно не выступает фокусом коммуникативной активности, играя роль концептуальной рамки и зависит от предпочтений аудиторий. Гражданские объединения, в отличие от государства и бизнеса, лишены как возможности использовать средства принуждения и нормативно-правового регулирования, так и непосредственного блага, которое будет восприниматься гражданскими сообществами. С другой стороны, гражданские объединения, оказывая влияние на общественные настроения и общественное мнение, выступают модификатором, влияющим и на госу-

дарственную политику, и на рекламные установки бизнеса. Исходя из этого, роль коммуникативной активности для гражданских объединений сложно переоценить: по сути, это единственный инструмент осуществления их жизнедеятельности и обеспечения ее ресурсами.

В этом смысле, структурной организацией пропаганды и коммуникативной активности гражданских объединений выступает их дискурс¹ – устойчивый комплекс тем, символов, риторики, форм подачи и т.д., которые, с одной стороны, выражают основные послы данного объединения, а с другой, воспринимаясь аудиториями, служат основанием для притяжения или неприятия этого объединения, его повестки и предлагаемых им мер и программ деятельности. Соответственно, анализ дискурса как конкретных объединений, так и гражданского общества в целом, соотнесение его с влиянием объединений на общественные процессы позволяет не только прояснять логику и тенденции процессов в общественно-политическом пространстве, но и получить картину состояния и тенденций самого общественного сознания, его структуры и содержания. Дискурсы гражданских объединений в этом отношении будут играть характер выражения смысловых блоков, функционирующих в поле массовой коммуникации, а также – с точки зрения организации самих дискурсов – ха-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 18-411-020026.

1 См., напр., Базылев В.Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. С.5 – 32.

рактор коммуникации публичных, общественно-значимых субъектов².

Исходя из этого, анализ дискурсов гражданских объединений можно вести с внешних, формальных позиций, типологизируя их по тем или иным основаниям, и с позиций внутренних, рассматривая конкретные логико-символические структуры в них. Если второе уже относительно активно исследуется³, то первое пока остается на уровне классификации гражданских объединений по идеологическому или практическому критерию, слабо связываясь с основными представлениями о дискурсе⁴.

1. Для начала следует отметить, что дискурс гражданских объединений представляет собой функцию от их деятельности в целом. В зависимости от того, чем преимущественно занимается данное объединение – тем или иным видом пропаганды или организационной деятельностью в том или ином сегменте общественных отношений – будут определяться не только подбор кадров и структуры организации и т.п., но и комплекс тем, которые постоянно циркулируют в самом объединении и исходят из него в окружающее коммуникативное пространство. Совокупность контрагентов, с которыми преимущественно взаимодействует объединение, будет определять целый спектр коммуникативных феноменов, от референтного образа «иног» до референтного же образа общества в целом. Специфика деятельности будет определять характер оценок окружающей ситуации и контрагентов, а отношение к ней со стороны населения – характер оценок этого населения.

Ориентация деятельности и фиксация ее форм, таким образом, будет определять и ориентацию коммуникативной активности и фиксацию ее форм, т.е. определять собственно, дискурс гражданского объединения. В этом смысле, первым, грубым критерием анализа будет формирование некоторого «перечня тем и образов», которые присутствуют в нем в выраженном виде. Это базовые координаты дискурсивного пространства гражданского общества в целом: что вообще присутствует в его рамках, а что отсутствует, как таковое. Сравнительное наполнение этого пространства субъектами будет определять мощность каждого смыслового сегмента, а сопоставление его со смысловыми блоками общественного сознания и содержанием государственной риторики – степень связности между совокупностью общественных объединений и, соответственно, общественными настроениями и установками государственной политики.

2 См., напр., Литвишко О.М. Дискурс-анализ гражданского общества: постановка проблемы исследования // Взаимодействие языков и культур. Материалы Международной научной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; Южно-Уральский государственный университет; Институт лингвистики и международных коммуникаций; Тяньцзиньский университет иностранных языков. Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 98-102.; Тихомиров А. В. Понятия «концепт» и «дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. №10 (65), 2009. С. 218-227.

3 См., напр., Литвишко О.М., Гарамян А.В. Язык гражданского общества, как объект лингвистического исследования. // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. №10, 2017. С. 33-38

4 Гредновская Е. В. Дискурс как телесная практика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. №№ 6 (106), 2008. С. 117-121; Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. Модальности социальных учений и гражданское общество // ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, КУЛЬТУРА сборник научных статей, посвященных 60-летию профессора А. А. Шестакова. Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Самара, 2015. С. 264-272.

Любая деятельность, в том числе, коммуникативная, общественного объединения будет иметь разнообразный характер, поэтому внутри этого «перечня тем и символов» неизбежно будет наблюдаться дифференциация – какая-то их часть будет иметь более значимый для объединения характер, какая-то менее значимый. В этом смысле логично распределять содержание дискурса на:

– ядро, куда будут входить основное содержание, выступающее целью деятельности;

– вспомогательные и дополнительные элементы, которые решают частные задачи и обеспечивают выполнение целей деятельности;

– тематическую периферию, которая ситуативно возникает в коммуникации, но не оказывает влияния на установки объединения, выступая, своего рода, информационными поводами или иллюстрациями для остальных элементов.

Это позволяет точнее описать структурность дискурсивного пространства объединения и гражданского общества в целом, выявляя его основные детерминанты и связи, зависимость элементов друг от друга. Ядро в данном случае будет выступать «фокусом» коммуникативной активности, в отношении которого остальные элементы дискурса будут играть вспомогательную или несущественную роль.

Стоит отметить, что здесь можно выявить различие между фокусами в зависимости от способа рассматривания объединений. Так, у любого объединения будут декларативные цели, комплекс рутинных практик и типичных ситуаций, в которых выражается ее функционирование, а также совокупность действительных представлений и целей, которыми руководствуются участники объединения – которые далеко не обязательно будут совпадать между собой. В зависимости от этого деления и сравнительной мощности каждого элемента будет меняться и реальная практика общественного объединения.

Например, формально декларативные цели выступают ядром, для реализации которых граждане объединяются в организацию и выполняют в ее рамках предписанные обязанности. Следовательно, чем более значимы для участников такие цели – тем ближе реальная практика объединения будет к ее формальной структуре; и наоборот. С другой стороны, рутинные практики и типичные ситуации по определению составляют содержание основных процессов в объединении, в рамках чего – и это характерно для достаточно длительного время существующих сложных организаций – частные задачи функционеров экзистенциально и фактически обретают большее значение, нежели общие цели, ради которых они работают. Следовательно, апелляция к этим целям будет иметь формальный характер, а на самом деле ядром деятельности будут выступать текущие процедуры и внутренние регламенты деятельности. С третьей стороны, различия между формализованными установками целей и протоколов – и личными установками участников, при условии сравнительно меньшего значения первых для них, будет сказываться не исполнении функций, которые становятся средствами обеспечения интересов участников, в свою очередь, выступающими, как цель деятельности организации. В то же время, нельзя не сказать, что речь идет именно о соотносительных значениях влияния каждого из трех аспектов: исчезновение одного из них (например, распад комплекса рутинных практик; игнорирование декларативных целей или личных установок участников) означает и фактическое отсутствие организации, как таковой.

Соответственно, имеет смысл говорить о фокусе декларативном, рутинном и субъективном, которые не тождественны, взаимно обусловлены, а их равнодействующая определяет фактический фокус дискурса объединения. Чем

меньше разница между ними, чем больше мощность каждого и чем согласованнее они между собой – тем выше совокупный эффект деятельности организации и больше проявлен фактический фокус; и наоборот. Можно предположить наличие некоторых критических состояний в этой системе фокусов, которые характеризовали бы и состояние объединения в целом – что требует дополнительного смежного исследования.

2. В первую очередь, можно определить, в отношении какой аудитории ориентирован фокус коммуникативной активности общественного объединения – т.е. на каком поле и на какие общественные ресурсы оно ориентировано⁵.

На практике апелляция общественного объединения всегда идет к группе граждан, так или иначе «откликающейся» на содержательную часть дискурса и входящую в коммуникативное сообщество, в котором этот дискурс транслируется. Однако в данном случае речь идет о репрезентации объединением себя и своих сторонников – они могут представляться либо собственно специфической группой (например, территориальной, стратовой, профессиональной, идеологической и т.п.), либо гражданами в целом (россияне, «все люди»). Отталкиваясь от такого позиционирования, можно судить о том, что данное объединение не только претендует на соответствующие ресурсы (например, ресурсы трудового коллектива, в случае профсоюза, или этнического сообщества, в случае национальной организации), но и предлагает определенный ценностный, символический и практический образ, или идентичность презентуемого сообщества⁶. Соответственно, согласие или несогласие с этим образом определяет отношение к объединению: несогласные выступают противостоящей стороной, согласные – потенциальными сторонниками.

Специфическим вариантом аудитории, к которой идет апелляция, выступают другие общественные объединения. По условиям функционирования гражданского общества, все общественные объединения выступают более или менее объединенным коммуникативным пространством: они объединены базовой функцией гражданского общества и специализированы либо по сегментам своей деятельности (например, экология или профсоюзы), либо по идейным направлениям (например, либералы и социалисты). В зависимости от базового позиционирования и дискурсивного фокуса данного объединения, другие объединения распределяются на «союзников», «противников» и «нейтральных» или «игнорируемых». Причем, такое распределение отнюдь не обязательно происходит в силу идеологической близости или противоречий: хрестоматийными примерами здесь выступают постоянное идеологическое противоборство «левых» (социалистов, коммунистов, марксистов разного толка), кажущийся парадоксальным их союз с либералами («левые либералы»). Можно предположить, что такие отношения определяются согласием или противоречием дискурсивных фокусов организаций (частным случаем чего является конкуренция на одном идеологическом или практическом поле) – или, по крайней мере, сопровождается их согласием или противоречием.

Другим специфическим вариантом аудитории выступают органы государственной власти. Формально их нельзя отнести к «гражданам», поскольку они бюрократически организованы и от личной позиции должностного лица здесь

мало, что зависит. В то же время, поиск контакта и взаимодействия с государством, а иногда – влияние на его политику, выступает одной из основных задач деятельности общественных объединений, и средством обеспечения этого выступает аккумуляция вокруг себя общественного мнения. Более узкое поле возможного взаимодействия диктует и сужение апелляции к государству. Она может касаться оценки политики и политического курса; частных вопросов (например, кадров, законов или правоприменения); вопросов собственного статуса (например, процедуры работы с гражданским обществом, отсутствия репрессий, занятие должностей и т.п.).

3. Относительно содержания дискурсы гражданских объединений можно типологизировать следующим образом.

По актуальному объему и количеству субъектов коммуникации дискурс можно обозначить, как ограниченный или распространенный. Это показывает масштаб влияния данного дискурса, а значит, и объединения, его продуцирующего или контролирующего, на общественное сознание: чем он более распространен, без относительно характера оценок его установок, тем большее влияние он имеет как на своих носителей, так и на своих оппонентов. Задавая темы коммуникации, иницирующая группа, в данном случае, объединение, тем самым не только задает вектор рефлексии, но и определяет структуру того, что входит или не входит в фокус общественного внимания. Учитывая принципиальную диалогичность дискурсов, это также говорит о его внутренней насыщенности – поскольку больше оказывается тем, подходов, точек зрения, находящихся отражение в коммуникации и подвергающихся рефлексии.

По внутренней связности дискурс можно охарактеризовать, как консолидированный, в рамках которого темы, символы и установки составляют иерархическую систему и взаимно обусловлены, и раздробленный. В последнем случае коммуникация объединения будет распадаться на комплекс самостоятельных дискурсов, объединенных только субъектом. Собственно, это отражает рефлексивность данного объединения, его способность, с одной стороны, связать разнотонные установки, появляющиеся в текущей практике, в системное целое, в том числе, за счет включения в поле своего дискурса установки других, а с другой, – реализовать собственную систему установок в поле общественной коммуникации.

По характеру освещения затрагиваемых и освещаемых тем дискурс можно определить в двух смежных, но различающихся аспектах. Во-первых, это критичность или проектность – в зависимости от того, сосредоточена ли пропаганда объединения преимущественно на констатации отрицательных сторон, которые следует исправить, или при этом предлагаются те или иные методы по их исправлению. Следует отметить, что, разумеется, формально практически у каждого общественного объединения есть оба компонента: сам смысл формирования его заключается в выделении какой-либо общественной проблемы и стремлении ее преодолеть. Однако в данном случае речь именно о преимущественном содержании дискурса объединения – хотя встречаются объединения, которые занимаются только критикой (например, у правозащитных объединений проектная часть редуцирована на самим предметом деятельности), или только проектными предложениями (например, благотворительные организации – у них критическая часть редуцирована успешностью собственной деятельности).

Во-вторых, это положительные или отрицательные контексты, как правило, эмоционального (хотя встречаются и теоретико-идеологического: некоторые левые или правые

5 См., напр., Шайхутдинова А.А. Политический дискурс о гражданском обществе: коммуникации и модернизация // Вопросы политологии. № 3 (19), 2015. С. 39-47

6 Мухтярова Н.Х. Идентификационный дискурс в гражданском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверской государственный университет, 2011. 21 с.

организации) характера. Эта сторона, учитывая публичность общественных коммуникаций, обладает не меньшим, а то и большим значением для объединений, поскольку обуславливает, с одной стороны, тропность аудиторий пропаганде, а с другой – катализирует собственно настроения последней. В самом деле, рациональная составляющая дискурса оказывается менее значимой для широкой аудитории, не вовлеченной в деятельность и коммуникативное пространство объединения непосредственно – она будет оценивать комплекс маркирующих признаков («свои или иные») и соответствие общему эмоциональному настрою («свои, но не интересные»), и только в случае положительной оценки появляется возможность воспринимать и соглашаться с тезисами объединения. Для вовлеченной в коммуникативное поле объединения аудитории рациональная составляющая будет иметь большее значение, однако оценочная сторона сохраняет свое влияние, поддерживая или меняя эмоциональную привязку участников.

4. Данная характеристика дискурсов общественных объединений, с одной стороны, основывается на собственном содержании их коммуникативной активности, а с другой, представляет собой функцию их положения в коммуникативном пространстве общности. Так, распространенность дискурса лишь отчасти зависит от самого объединения – в не меньшей степени это зависит от конфигурации процессов массовой коммуникации и наличия каналов ее распространения: если они присутствуют (вне зависимости, это традиционные СМИ или какие-либо формы интернет-коммуникаций⁷), то вхождение в транслируемые ими потоки информации резко наращивает распространенность дискурса. В противном случае трансляция осуществляется лишь в ограниченном круге аудиторий. От позиции таких каналов зависит и то, какая часть дискурса объединения становится известной – попадание в каналы массовой коммуникации только критической его части будет означать, что известной становится только она, а возможное проектное и любое иное содержание остается на уровне узких аудиторий.

Следовательно, для анализа дискурса объединения также следует выделять, какие его элементы в каких коммуникативных процессах воспроизводятся – массовых, собственных внешних (например, на собственном сайте объединения) и собственном внутреннем. Первое очерчивает информационное влияние объединения в общем коммуникативном пространстве, второе – в пространстве аудиторий, которые так или иначе уже взаимодействуют с объединением, третье – в собственном пространстве объединения. В зависимости от массовых, внешних или внутренних процессов и дискурс в целом, и его фокус могут существенно различаться.

В целом, наполнение дискурса общественного объединения всегда будет иметь характер некоторой «равнодействующей» при взаимодействии трех субъектов. Во-первых, самого объединения, о чем уже говорилось. Во-вторых, контактирующих с ним аудиторий – как сотрудничающих с объединением, так и противодействующих ему или нейтральных. Это влияние имеет характер внешней среды, к которой адаптируется активность. В-третьих, существующих коммуникативных каналов, которые так же обладают определенным набором тем и их вариаций, играющих роль фильтра.

Соотносительная мощь каждого из субъектов сказывается на содержании коммуникации. Так, если связь с аудиториями слаба (например, объединение не ставит перед собой цели солидаризировать сообщество и представлять его, рас-

считывая на простой подбор индивидуальных сторонников), то их установки будут оказывать и слабое воздействие на дискурс объединения, и между собой будут бороться установки каналов коммуникации и объединения. С другой стороны, если на первый план выходит популярность, как таковая, то, соответственно, меньшую роль будут играть собственные установки объединения в пользу установок коммуникативных каналов и целевых аудиторий.

5. Очевидно, что анализ дискурсов общественных объединений такого уровня – тем более, в отношении неформальных объединений – трудоемок. Поэтому в рамках настоящего исследования, носящего пилотный и качественный характер, было принято решение ограничиться более простым подходом: сбором информации у руководящих лиц в ходе глубинных интервью и сопоставление ее с результатами фокус-групп. В целом получаемые сведения обладают определенной погрешностью, однако она не имеет критического характера при данных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Базылев В.Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. С. 5-32.
2. Бардин А.Л., Кокарева А.Н., Михайлова Е.В. Гражданское общество в дискурсе российских СМИ // Власть. 2014. № 12. С. 130-139
3. Гредновская Е. В. Дискурс как телесная практика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. №№ 6 (106), 2008. С. 117-121.
4. Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. Модальности социальных учений и гражданское общество // ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, КУЛЬТУРА сборник научных статей, посвященных 60-летию профессора А. А. Шестакова. Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Самара, 2015. С. 264-272.
5. Литвишко О.М. Дискурс-анализ гражданского общества: постановка проблемы исследования // Взаимодействие языков и культур. Материалы Международной научной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; Южно-Уральский государственный университет; Институт лингвистики и международных коммуникаций; Тяньцзиньский университет иностранных языков. Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 98-102.
6. Литвишко О.М., Гарамян А.В. Язык гражданского общества, как объект лингвистического исследования. // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. №10, 2017. С. 33-38
7. Мухтярова Н.Х. Идентификационный дискурс в гражданском обществе: автореф. дисс. канд. филос. наук. Тверской государственный университет, 2011. 21 с.
8. Тихомиров А. В. Понятия «концепт» и «дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. №10 (65), 2009. С. 218-227.
9. Шайхутдинова А.А. Политический дискурс о гражданском обществе: коммуникации и модернизация // Вопросы политологии. № 3 (19), 2015. С. 39-47.

7 См., напр., Бардин А.Л., Кокарева А.Н., Михайлова Е.В. Гражданское общество в дискурсе российских СМИ // Власть. № 12. 2014. С. 130-139

ДЖУМАБАЕВА Наталья Викторовна

сотрудник Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

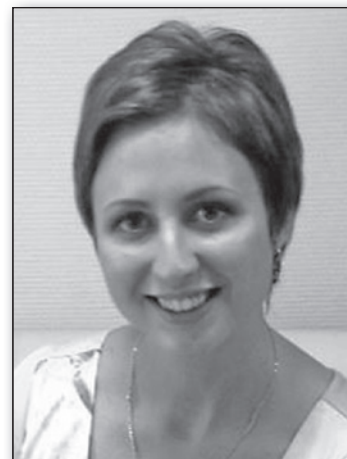
КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ – К ФИЛОСОФСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

Предпринимается попытка обозначить главные направления реконструкции экономических и социально-психологических характеристик социальных связей в терминах социальной онтологии и таким образом вскрыть философские основания концепции социального капитала. Обосновывается тезис о парадоксальности понятия «социальный капитал» и о его роли в трансформации социально-экономической парадигмы. Демонстрируется релевантность феноменологического подхода к изучению социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные связи, капитал, доверие, толерантность, Другой, социальная онтология.

DZHUMABAEVA Natalya Viktorovna

employee of the Federal research center «Krasnoyarsk scientific center of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences»

Джумабаева Н. В.

THE CONCEPT OF SOCIAL CAPITAL: FROM THE ECONOMIC AND SOCIOLOGICAL FACETS – TO PHILOSOPHICAL REFLECTION

An attempt is made to outline the main directions of reshaping the economic and socio-psychological characteristics of interpersonal relations in terms of social ontology and thus reveal the philosophical grounds of the concept of social capital. The claim about the paradox of the social capital concept and about its role in the transformation of the socio-economic paradigm is justified. The relevance of the phenomenological approach to the study of social capital is demonstrated.

Keywords: social capital, interpersonal relationships, capital, trust, toleration, Other, social ontology.

В последние три десятилетия интерес к понятию социального капитала неуклонно возрастает. Оно стало эффективным инструментом исследования социальных связей (или социальных сетей) с точки зрения их способности выступать в качестве экономического, политического или иного ресурса. Однако единства в трактовке содержания данного концепта не достигнуто. Многие вообще отрицают объективное существование соответствующего феномена, считая социальный капитал лишь абстрактным конструктом. Междисциплинарный характер и, в то же время, сохраняющаяся размытость понятия требуют прояснения смысла посредством философского анализа.

Цель статьи – обозначить основные векторы философского осмысления сущности социального капитала, рассматривая его в контексте собственно философских проблем и теорий.

По утверждению Р. Патнэма, впервые концепция социального капитала появляется в работах Лиды Джадсона Хэнифана, опубликованных в 1916 и 1920 гг.¹ Между тем, термин «социальный капитал» употреблялся и ранее, например, в работах Дж. Дьюи. Само же понятие восходит к трудам Д. Юма², А. де Токвиля³ и других выдающихся мыслителей прошлого. Так, Токвиль писал о значении «социального участия» для политики и экономики. В 1960-70-е гг. понятие

«социальный капитал» использовали многие социологи и экономисты: Дж. Джэкобс, Р. Сэлисбэри... Однако широкое признание оно получает начиная с 1972 года, а именно, после трудов П. Бурдьё⁴. Главные этапы дальнейшего становления концепции социального капитала связаны с именами таких авторов, как Дж. Коулман⁵, Р. Патнэм⁶ и Ф. Фукуяма.⁷ Наконец, этап кризиса концепции получил отражение в работах А. Портеса⁸, К. Фишера⁹, М. Вулкока¹⁰, акцентировавших расплывчатость, избыточность, метафоричность понятия.

Мы, однако, согласиться с этой критикой не можем хотя бы потому, что в основании любых фундаментальных научных теорий лежат метафоры, аналогии, понятия неопределимые, но интуитивно ясные¹¹. Вариативность же понятия

4 Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 63.

5 Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.

6 Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon&Schuster, 2000. – 135 p.

7 Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2008. – С. 52.

8 Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – Vol. 24. – P. 21.

9 Fischer C. Bowling Alone: What's the Score? // Social Networks. – 2005. – Vol. 27. – № 2. – P. 157.

10 Woolcock M. The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes // Isuma: The Canadian Journal of Policy Research. – 2001. – Vol. 2. – № 1. – P. 11-17.

11 Минеев В. В. Введение в историю и философию науки: учебник для вузов. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – С. 80, 147.

1 Hanifan L. J. The Rural School Community Center // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1916. – 130 – 138 p.

2 Юм Д. Трактат о человеческой природе // Соч. В 2 т. – М.: Мысль, 1996. Т. 1. – С. 560.

3 Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – С. 86.

часто позволяет использовать его как гибкий инструмент трансдисциплинарных исследований.

Социальный капитал – понятие парадоксальное. Оно содержит неизбежное внутреннее противоречие, поскольку предполагает экономическую трактовку того, что экономическим по своей сути не является – межличностных отношений. Более того, эта трактовка имеет характерную ценностно-идеологическую нагруженность, поскольку замысел редуцировать потенциал социальности, всю глубину отношения «человек–человек» к капиталу может считаться позитивным в рамках лишь вполне определенного, причем достаточно узкого мировоззрения. Таковы попытки Коулмана концептуализировать отношения между людьми в терминах кредита и долга или готовность Бурдье видеть в общении экономическую инвестицию. Их стремление редуцировать к экономическому аспекту, к количественной стороне дела нередуцируемые, часто несоизмеримые между собой человеческие качества. Однако тем самым метафора социального капитала открывает путь к постижению внеэкономических, в частности, онтологических оснований экономической реальности.

С точки зрения феноменологического подхода, задача философской рефлексии заключается в усмотрении глубинного смысла понятия, в беспредпосылочном описании опыта переживания некоторой интуитивно ясной сущности, которая может наполняться тем или иным конкретно-научным, конкретно-историческим содержанием¹². Какие именно смыслы изначально вкладывает сознание в концепты капитала, социальности и возникающего при их наложении социального капитала?

Капитал (от лат. capitalis – главный) свидетельствует, прежде всего, о своем главенствующем положении в структуре экономической, а также политической деятельности (ведь это слово может обозначать также столицу, резиденцию правительства). Посредством слова «капитал» сам язык проговаривается о том, что ключевое значение придается так называемым активам, имуществу, собственности, благостоянию, вещам, деньгам. Имуществу, которое вкладывается в частный бизнес, используется при дальнейшем расширении производства и якобы способно к самовозрастанию. Но не живому труду, не человеку. Однако в дальнейшем, от К. Маркса до Ж. Бодрийара и Ф. Фукуямы, непрерывно усиливается тенденция к расширительному толкованию термина. Складываются представления о человеческом, культурном, гражданском, социальном капитале, которые свидетельствуют о постепенной трансформации первоначального понятия капитала в свою противоположность.

Социальность – это выражение не столько примата целого над частью, сколько неперемного пребывания части в составе целого, в некоторой связи с Другими, а связь – это и есть постоянно длящееся взаимодействие. Социальность как сущность имеет внешнее проявление (зримая связь с Другими) и проявление внутреннее. Внешние взаимодействия отражаются в структуре самого элемента, то есть личности, человека, сознания, субъекта экономической деятельности, который всегда по самой своей сути диалогичен, предполагает присутствие Другого. Таким образом, в смысловой структуре социального капитала воспроизводятся важнейшие социально-онтологические сущности: взаимопомощь (соли-

дарность), бытие-с-Другим, доверие, толерантность, свобода, справедливость.

Колоссальное и, возможно, пока не осознанное до конца значение концепции социального капитала состоит в том, что она разрушает индивидуалистическую парадигму классической и даже неклассической экономической теории, становится серьезным вызовом либертарианским представлениям о субъекте экономической деятельности. Вместе с тем, правомерна и более позитивная оценка: социальный капитал – это феномен (и, соответственно, понятие), благодаря которому преодолевается коллизия между индивидуалистическими и коллективистскими тенденциями в развитии общества: индивид оптимально использует потенциал социума, а социум – потенциал индивида.

Американский политолог и социолог Роберт Патнэм в одной из своих известных книг описывает факт сокращения командной игры в боулинг на 40 % и рост одиночного боулинга за 13 лет с 1980 года по 1993 год¹³. По мнению социолога, это один из признаков падения уровня социального капитала, наряду с низкой избирательной активностью, снижением интереса к добровольчеству и так далее. То есть все больше людей отстраняются и от своих сообществ и друг от друга. Р. Патнэм указывает на «общую смену приоритетов от производства культуры к потреблению культуры, от участия в спортивных мероприятиях к просмотру спортивных телепрограмм, от домашнего музицирования к – компакт-дискам»¹⁴.

Это может привести к формированию несчастливых, неудовлетворенных людей, к экономической нестабильности, к снижению уровня жизни, распаду гражданского общества. В условиях глобальной информатизации меняется подход к формированию сообществ, их характеристики, цели и задачи. «Обществу нового типа свойственны более разнообразные дружеские контакты, индивидуализация занятий и ослабление связей внутри сообщества. Люди хотят разнообразия, низких входных барьеров и возможности быть собой»¹⁵.

Эволюция, происходящая в системе межличностных отношений, является отражением неизбежных трансформационных процессов. И в главной роли в процессе реформирования общества всегда выступает человек. Изменение образа жизни, изменение восприятия взаимоотношений между членами семьи, коллегами, знакомыми, отношение к решениям властей, оценка культурных преобразований в обществе являются признаками реструктуризации социального капитала. Исследователями разрабатываются современные теоретические и эмпирические методы изучения социального капитала, в том числе для построения и описания социальной структуры.

Например, влияние уровня жизни жителей страны на развитие и накопление социального капитала очень велико. Понятие образа жизни раскрывается, в частности, через уровень заработной платы и доходов, развитие систем образования, здравоохранения, жилищно-бытовые условия граждан. Удовлетворенность человека уровнем жизни благоприятно влияет на степень доверия к власти. Активная жизненная позиция, работоспособность и осознанный личный вклад каждого в развитие, например, предпринимательской

12 Гуссерль Э. Идея чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн.1. Общее введение в чистую феноменологию. – М.: Академический проект, 2009. – 489 с.

13 Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon&Schuster, 2000. – 135 p.

14 Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2005. – 421 с.

15 Там же.

деятельности благоприятно сказывается на финансовой стабильности страны в целом. Именно поэтому высокий уровень социального капитала характерен для стран с развитой экономикой. Государства с мощными преступными сообществами, высокой безработицей, возрастающей маргинализацией обладают низким уровнем социального капитала. И в данном случае ослабление культурных взаимосвязей играет не менее важную роль. В экономических моделях социума материальные ценности постепенно уступают место нравственным.

По мнению Ф. Фукуямы, социальный капитал отличается от других форм капитала тем, что он, как правило, создается и воспроизводится с помощью культурных механизмов – через религию, традиции и исторические обычаи¹⁶. Исследователи выделяют в теории социального капитала такие культурные составляющие как нормы и ценности. Нормы «превращают индивидов из корыстных эгоцентриков в полноценных членов общества, которым не чужды интересы всеобщего благосостояния»¹⁷. Представляя собой общечеловеческие принципы для создания благополучия социума и удовлетворения собственных потребностей человека, эффективная норма способна создать прочную форму социального капитала. В свою очередь, ценности выступают своеобразным реагентом социальных отношений, на основе которого происходит упорядочивание социального обмена ресурсами. Карандашев В. Н. пишет: «...Ценности являются хорошим индикатором для отслеживания процессов социального и индивидуального изменения, возникающего в результате исторических, социальных и личных событий»¹⁸. Ценности являются не только неотъемлемым компонентом формирования и развития социального капитала, но и основой увеличения доступных ресурсов, содержащихся в социальных сетях.

Социальные сети, в свою очередь, представляют собой социальные контакты, в них «сконцентрированы осознанные и неосознанные, необходимые и случайные, устойчивые и спонтанные межличностные контакты людей, обусловленные человеческой деятельностью»¹⁹. Социальные сети считаются одним из основных элементов социального капитала. Способность человека выстраивать личные контакты с другими людьми для обмена информацией, достижения различных целей (например, знакомство для выстраивания новых дружеских отношений), благоприятно сказываются на развитии человека как личности. В организации подобные структуры отношений внутри коллектива могут значительно влиять на совместную деятельность работников. Сотрудники, обладающие обширной сетью формальных и неформальных связей, быстрее и эффективнее решают рабочие вопросы, оказывая друг другу помощь. «Основными причинами входа в социальные сети могут быть следующие: потребность в принадлежности к группе, взаимопомощь в вопросах личного и профессионального характера, потребность в защите своих интересов, потребность в дополнительной информации, личная заинтересованность и симпатии к членам группы,

потребность во власти»²⁰. Благоприятное вхождение в ту или иную социальную сеть позволяет человеку быстрее почувствовать себя частью единого целого. Это позволяет получать нужную информацию о культуре, традициях и ценностях, действующих в данной группе (организации), выстраивать эффективные взаимоотношения с членами объединения.

Вместе с тем, не все виды социальных взаимодействий могут положительно сказываться на формировании социального капитала. Подобные контакты, так или иначе, должны приносить человеку или организации определенную социальную или экономическую выгоду, быть позитивными и полезными.

В. Г. Рожков пишет: «Чувство принадлежности и опыт жизни в социальных сетях (отношений доверия и толерантности) могут приносить людям большую пользу. «Доверие между отдельными людьми может стать и доверием между незнакомцами, войти в широкую ткань социальных институтов; наконец, оно становится широким набором ценностей, благ и ожиданий во всем обществе»²¹. Как отмечает Н. Я. Калужнова, социальные связи – результат и в какой-то степени эквивалент доверия²². Благодаря социальным связям и доверию в отношениях повышается доступ к информации, скорость развития карьеры, репутация и вес индивида. Также ускоряется процесс принятия решений, необходимых индивиду, со стороны участников сети или по их рекомендации.

Отношение доверия предполагает в разных сочетаниях лояльность, одобрение, поддержку, приверженность, готовность к контактам. Суть доверия – в ожидании того поведения, которое обусловлено контрактом (явным или неявным), во взаимной готовности к диалогу. С другой стороны, антитеза доверия – «недоверие» повышает издержки защиты прав собственности, затрудняет принятие решений и рождает негативные тенденции в сфере взаимодействия власти и общества. Существует также термин «безверие» для характеристики нейтральных ситуаций, когда индивид не высказывает ни доверия, ни недоверия некоему социальному субъекту²³. Таким образом, доверие является значимым социальным ресурсом для формирования комфортных условий развития человеческой жизнедеятельности. Однако речь идет о доверии рациональном, хотя и суть самой рациональности остается предметом философских дискуссий²⁴.

Сегодня наиболее актуальным подходом в науке является различение доверия как социологического, экономического, психологического или философского конструкта. Фрэнсис Фукуяма определял доверие как «важнейший компонент социального капитала»²⁵.

Еще в 1920 году Л. Ханифан выдвинула гипотезу о том, что «социальный капитал относится к...таким человеческим

16 Ларионова Н. И. Экономическая структура социального капитала // Научный Татарстан. – 2010. – № 3. – С. 181-185.
17 Мачеринскене И. Социальный капитал организации: методология исследования // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 29-39.
18 Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – С. 6.
19 Потенциал социальных сетей организации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mirbis.ru/data/file/kso/> (дата обращения: 09.12.2018).

20 Полищук Е. А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // Вестник Санкт – Петербургского университета. – Сер. 5. – Вып. 1. – 2005. – С. 10-15.
21 Рожков Г. В. Генезис инновационной экономики в России: монография / Г. В. Рожков; под ред. С. Г. Ерошенкова. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 886 с.
22 Калужнова Н. Я. Социальный капитал региона как барьер экономического развития // Развитие социальных систем как проблема управления: ежегод. науч. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – С. 209-215.
23 Sztompka P. Trust: a sociological theory. – Cambridge university press. – Cambridge, 1999. – 214 p.
24 Минеев В. В. В поисках оснований науки: проблема рациональности // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2007. – № 3. – С. 55-61.
25 Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и пути к процветанию. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004 – 730 с.

качествам, которые в обычной жизни называются доброжелательностью (расположение), дружба, социальные взаимоотношения между индивидуумами и внутри семьи, которые создают социальные ячейки общества»²⁶.

Социальный капитал зависит от социального класса, пола и культуры человека, он не растет и не воспроизводится в изоляции. Каждый из этих аспектов влияет на способность развития и воспроизведения социального капитала путем внедрения или изменения жизненных условий. Социальный капитал может являться не только катализатором эволюционных изменений в системе общественных отношений, но и одним из ключевых элементов в глобализации и информатизации процессов жизнедеятельности человеческого общества. Это динамично развивающийся ресурс, реорганизуемый общественные и производственные отношения между людьми, способные приносить доход в сфере производства товаров и услуг. Он выступает связующим элементом социальных институтов, лежащих в основе построения общества.

Рассмотренные в статье элементы социального капитала подтверждают философскую значимость исследуемого явления. В условиях ускорения глобальных трансформационных процессов в политической, экономической, социокультурной сферах, философско-антропологическое, онтологическое осмысление сущности социального капитала становится жизненной необходимостью.

Пристатейный библиографический список

1. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 40-67.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию. – М.: Академический проект, 2009. – 489 с.
3. Калюжнова Н. Я. Социальный капитал региона как барьер экономического развития // Развитие социальных систем как проблема управления: ежегод. науч. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. Ун-та, 2009. – С. 209-215.
4. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004.
5. Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122-139.
6. Ларионова Н. И. Экономическая структура социального капитала // Научный Татарстан. – 2010. – № 3. – С. 181-185.
7. Мачеринскене И. Социальный капитал организации: методология исследования // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 29-39.
8. Минеев В. В. В поисках оснований науки: проблема рациональности // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2007. – № 3. – С. 55-61.
9. Минеев В. В. Введение в историю и философию науки: учебник для вузов. Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 640 с.
10. Полищук Е. А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 5. – Вып. 1. – 2005. – С. 10-15.
11. Потенциал социальных сетей организации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mirbis.ru/data/file/kso/> (дата обращения: 09.12.2018).
12. Флорида Р. «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». – М.: Классика – XXI, 2005. – 421 с.
13. Рожков Г. В. Генезис инновационной экономики в России: монография; под ред. С. Г. Ерошенкова. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 886 с.
14. Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3 – С. 33-41.
15. Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992.
16. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и пути к процветанию. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 730 с.
17. Фукуяма Ф. Что такое социальный капитал? (лекция в Киеве). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://root.elima.ru/texts/?id=477> (дата обращения: 10.12.2018).
18. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Соч. В 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 1.
19. Fischer C. Bowling Alone: What's the Score? // Social Networks. – 2005. – Vol. 27. – № 2.
20. Hanifan L. J. The Rural School Community Center // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1967. – P.130-138.
21. Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – Vol. 24.
22. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon&Schuster, 2000. – 135 p.
23. Sztompka P. Trust: a sociological theory. – Cambridge university press. – Cambridge, 1999. – 214 p.
24. Woolcock M. The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes // Isuma: The Canadian Journal of Policy Research. – 2001. – Vol. 2. – № 1. – P. 11-17.

²⁶ Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3 – С. 33-41.

ПОЛЯРУШ Альбина Анатольевна

кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой гуманитарных и естественных дисциплин Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета

ДИАЛЕКТИКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СПОСОБНОСТЕЙ

В статье через призму диалектико-синергетического подхода рассматривается проблема способностей личности. Автор приходит к выводу о том, что диалектика, выступившая определённой предтечей синергетики в основных её идеях, и теория синергетики обладают настолько широкой позицией, что этот сплав мировоззренческих оснований обладает убедительными научно-теоретическими аргументами для педагогического переосмысления сущности способностей.

Ключевые слова: образовательный процесс, бифуркация, устойчивость, саморазвивающаяся система, нелинейная система, идеализация, диалектика, разум, способности, профессиональная ориентация, эксцентрированность личности, постнеклассика.

POLYARUSH Albina Anatolyevna

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of Humanities and natural sciences sub-faculty of the Achinsk branch of the Krasnoyarsk State Agrarian University

Поляруш А. А.

DIALECTIC-SYNERGISTIC APPROACH TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF ABILITIES

The article considers the problem of personality abilities through the prism of the dialectical-synergistic approach. The author comes to the conclusion that the dialectic, being a certain forerunner of synergetics in its basic ideas, and the theory of synergetics have such a broad position that this fusion of ideological bases has convincing scientific and theoretical arguments for pedagogical rethinking of the essence of abilities.

Keywords: educational process, bifurcation, stability, self-developing system, nonlinear system, idealization, dialectics, mind, abilities, professional orientation, eccentricity of personality, post-non-classics.

Бесспорно, сфера образования в современном информационном обществе становится определяющей для судеб как отдельного человека, так и для всего общества. Отсюда небывалую актуальность приобретает задача глубокого осмысления и систематизации образования. Однако специфика предмета создаёт иллюзию невозможности выяснения объективных законов учебного процесса, что подкрепляется современной методологией педагогической науки, принципиально ограничивающей поиск законов в гуманитарных областях. Отказ от специфических характеристик педагогической деятельности даёт возможность вскрыть глубокую внутреннюю и необходимую связь учебного процесса со всеми без исключения областями культуры, выяснить место и роль учебного процесса в системе общечеловеческих ценностей и современным состоянием науки.

Основные идеи синергетики как учения о закономерностях саморазвивающихся систем были схвачены философией задолго до того, как соответствующие структурные характеристики этих систем стали предметом естественнонаучного исследования.

Так, свою систему Гегель выводил из представлений о саморазвитии Абсолютной идеи, которая и генерировала сложную саморазвивающуюся систему. Это представление можно интерпретировать как реализацию прогностической функции всякой науки. Описывая развитие системы, Гегель формулирует законы и категории диалектики. Поэтому и систему, и метод Гегеля можно рассматривать как философские основания синергетики. Все диалектические законы и

категории согласуются с положениями синергетической концепции и, более того, выступают теоретическим основанием последних. Если в диалектике развитие рассматривается как разрешение противоречия, то в синергетике оно происходит через неустойчивость, случайность, бифуркации. «Без неустойчивости нет развития»¹.

В. С. Степин отмечает: «Идеализация нелинейной среды, представляющей собой сложную интегральную сеть взаимодействий, является одним из ключевых теоретических конструкторов синергетики. Этот конструкт используется во многих конкретных теоретических моделях самоорганизации, относящимся к самым различным областям, и ждёт своего плодотворного использования в дидактических системах»². Г. В. Лобастов эту мысль экстраполирует на сферу дидактики: «Ведь именно проблема идеального разрешается в образовательном процессе. Любая школа занята именно производством идеального состава человеческой субъективности. Другое дело, что школа никогда и нигде не отдавала себе ясного отчёта в том, что такое идеальная форма вообще. Это непонимание природы идеального оборачивается полуслепым поиском методических форм...»³.

- 1 Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: ДомКнига, 2014. С. 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1516471> (дата обращения: 14.11. 2018).
- 2 Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 12.
- 3 Лобастов Г. В. К философским основаниям педагогики В.В. Давыдова // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 47.

Перестройка мышления учителя невозможна без выхода педагогики за границы собственных представлений о формировании личности. Именно педагогика характеризуется узко профессиональным сепаратизмом, приверженностью традициям вплоть до консерватизма, делая это предметом особой гордости. Бытовое, интуитивное мышление педагогов выдвинуло красивый, но пустой, бессодержательный лозунг «личностно-ориентированное образование». Раннее профилирование учащихся средней школы стало неким достоинством, определённым результатом практических усилий педагогических коллективов, несмотря на то, что даже в серьёзной педагогической и психологической литературе невозможно найти теоретико-методологических основания данной идеи, а лишь искусственно подведённые, дилетантские «подпорки». Личностно-ориентированное образование неизбежно выдвигает проблему способностей.

В современной педагогической и психологической литературе сложно найти чёткое определение понятия «способность». В сознании профессионалов закрепился приблизительно такой стереотип: способности – это свойства личности, являющиеся условиями успешного осуществления определённого рода деятельности. Э. В. Ильенков, анализируя подход Гегеля к проблеме способностей, пишет: «...феномен, представляющий собой от начала до конца результат исторически сложившейся формы разделения труда между индивидами, находит свое мнимое объяснение в пустой ссылке на врожденную – биологически унаследованную – разницу между индивидами»⁴.

Сегодня на роль фундаментальных представлений общенаучной картины мира претендует именно синергетика, возникшая и становящаяся в лоне философии. Синергетика выступает научным знанием о саморазвивающихся системах.

Философский взгляд Г. В. Ф. Гегеля был намного ближе к современной концепции синергетики, чем у всех современных педагогов, как это было показано выше. Это невольно подтверждают С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева: «Мыслить синергетически значит мыслить диалектически»⁵. Необходимо признать, что объективно субстанция *всеобщего* (диалектика) есть исторический прообраз интегрального описания фазовых переходов (синергетика).

Наложим синергетическую парадигму на практику раннего профессионального профилирования старшеклассников и увидим, что наша педагогическая практика в высшей степени противоречит естественным законам: именно в сознании старшеклассников должна получить своё отражение научная картина мира как самое обобщённое представление о мире и его закономерностях. Не математическое или гуманитарное профилирование должно быть идеалом современного образовательного процесса, а развитие всех способностей личности, заложенных в потенции в каждый человеческий индивид.

Идея фазового перехода, экстраполированная на ситуацию неустойчивости (школьный возраст), побуждает переосмыслить педагогическую проблему способностей.

В этом отношении Гегель до сих пор чрезвычайно интересен и поучителен. С одной стороны, предельная острота понимания проблемы, а, с другой стороны, – зияющие прорехи в её решении, заделываемые чисто вербально, средствами чисто словесной диалектики, как пишет философ советского периода Э. В. Ильенков. Гегель установил чрезвычайно важную для педагогики зависимость между «онтогенезом» и «филогенезом» человека (биогенетический закон Мюллера – Геккеля) как «гомо сапиенса», как «мыслящего существа». В связи с этим превращение биологической особи вида «гомо сапиенс» в человеческую личность предстало перед его взором как процесс присвоения индивидом всего богатства исторически развившейся общественно-человеческой культуры, как процесс, вкратце воспроизводящий историю возникновения и эволюции самой этой культуры. Отсюда прямо вытекали и соответствующие выводы для всей системы образования. Индивид должен «присваивать» результаты развития культуры вместе с историей, их созидающей. Тем самым в поле зрения Гегеля попадает проблема разделения общественного труда, как фундаментальная проблема образования (образование в широком смысле слова, как вообще процесс индивидуального присвоения исторически сложившейся культуры во всем многообразии ее форм и видов). Другими словами, осмысленный выбор будущей профессии обучающийся способен сделать на основе максимально возможного постижения всего многообразия культурно-исторической деятельности людей, значит, всех предметов школьной программы в равной степени, без усечения содержания какого-либо из них, а в идеале – школьной программой, обогащённой новыми предметами.

Синергетические построения ждут своего эффективного применения в дидактике, поскольку учебный процесс построен на идеализации материальных объектов, и тот же процесс идеализации является одним из ключевых теоретических конструктов синергетики. В синергетике – это идеализация нелинейной среды. В ситуации неустойчивости, начала фазового перехода интегральное описание в терминах нелинейных сред оказывается наиболее эффективным.

Раннее профилирование учащихся средней стало неким достоинством, определённым результатом практических усилий педагогических коллективов, однако трудно найти в педагогической и психологической литературе теоретико-методологические основания данного процесса.

Синергетика, рассмотренная в её философском измерении, может быть охарактеризована как монизм. Она исходит из того, что мир подчиняется единым законам и может быть понят, по крайней мере, в определённых аспектах, на основе единой объяснительной модели. Именно с этой позицией вполне согласуется философское понимание способностей Гегелем и исследователем его философского наследия Э. В. Ильенковым, который, с позиций монизма, анализирует такое человеческое качество как способности⁶.

Любой биологический вид, по объективным законам природы, адаптирован к узким экологическим условиям. Вид же *Homo Sapiens*, пройдя длительный путь эволюции в отрицании инстинкта и обретения сознания, не приспособлен ни к какой узкой среде, а это значит, приспособлен ко

4 Ильенков Э. В. Гегель и проблема способностей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/4218686/> (дата обращения: 24.11.2018).

5 Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 15.

6 Вересов Н. Н. Выготский, Ильенков, Мамардашвили: опыты теоретической рефлексии и монизм в психологии // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 75 – 85.

всякой среде. Иными словами, отсутствие генетической предопределённости предполагает максимальное разнообразие вариантов индивидуального развития. Синергетика описывает эту закономерность как нелинейную систему.

Это обстоятельство порождает противоречие между биологически заложенной универсальностью задатков (внутренний компонент системы) и социальными различиями, вызванными исторически сложившейся формой разделения труда между людьми. Современная система образования закрепляет эту традицию подавления потенциально возможных биологических программ развития в угоду одной.

Идея единства познавательных способностей, что соответствует синергетическому принципу интегрального подхода, должна стать теоретической базой для коренного пересмотра содержания учебно-воспитательного процесса всех уровней системы образования.

Клише синергетики – порядок из хаоса. Такое положение вещей возможно лишь тогда, когда система открытая – система, в которой идёт постоянное взаимодействие внутренней сущности и внешних факторов. В результате такого взаимодействия возникает бифуркация – точка разветвления исходной линии. Дальнейший путь системы не произволен – он детерминирован внутренним взаимодействием между элементами системы, которое и играет роль детектора. Здесь – и конкуренция, и кооперация. Оба накладываются друг на друга, определяя равнодействующую⁷.

Новые состояния саморазвивающейся системы возникают как результат реализации её потенциальных возможностей⁸.

В случае образования такими потенциальными возможностями выступают наследственно передающиеся задатки, которыми обладает каждый представитель вида *Sapiens*. В состояниях неустойчивости в точках бифуркации система становится особо чувствительной к внешним воздействиям. Её сущностной характеристикой является актуализация определённых сценариев развития в зависимости от внешних воздействий. Причём возможны не всякие сценарии, их выбор в точках бифуркации определён генетическими особенностями системы. С этой точки зрения, деятельность, актуализируя те или иные сценарии «русла» развития системы становится соучастником естественного процесса развития. Реализация одного из возможных сценариев предстаёт и как искусственно созданная, и как результат естественного развития⁹.

Синергетика – учение о взаимодействии, исследовании общих закономерностей, которые действуют в системах, состоящих из отдельных частей.

Общебытийность сознания, возникшего в ходе эволюции и свойственного лишь Человеку, предполагает достижение человеком своей причастности к бытию во всей его глубине и широте, выход за рамки любой локальной ограниченности – бытовой, профессиональной, этнической, политико-идеологической.

Самоорганизация целостности это и есть развитие. Роль целого как интеграционно структурирующего, конституирующего начала, его приоритетность по отношению к своим частям и взаимосвязь с ними неоднократно подчёркивалась в истории философии.

Поскольку речь идёт о целостности развития, единстве многообразия, оптимизации взаимоотношений, о целостном мире, то нам представляется возможным и логически оправданной экстраполяция синергетической концепции на философскую позицию Э. В. Ильенкова относительно проблемы личности, а вместе с ней – и проблемы способностей.

Философ видит в общественном труде условие свободной активности индивидуального человека. В этом-то и выражается эксцентрированность человеческой сущности. Э. В. Ильенков подчёркивает: «Свобода человека в том, что сущность его не заключена в нём самом, в его теле. Если моя сущность вне меня, я не могу не быть активным, устремляясь к ней¹⁰. Если сущность человека эксцентрирована, то возникает диалектическое противоречие: с одной стороны, личность направлена вовне, на общественные отношения, а с другой, – необходимо оставаться неповторимой индивидуальностью, чтобы привносить в общество что-то своё. Разрешение этого противоречия возможно лишь через постоянный выход индивида за свои пределы индивидуальности к этой своей сущности, которая находится вне его. Этот переход, своеобразная трансценденция, – необходимое условие оставаться собой. Чем больше предметов оказывается в окружении человека, тем успешнее реализуется его сущность, так как они побуждают человека осваивать разнообразие форм реального мира. Через предметы (вещи) человек выходит в общественно-историческое, поскольку вещи были изготовлены и производятся людьми. Однако укрепившееся общественное представление о способностях целенаправленно ограничивает этот круг вещей и процессов, формируя ограниченную, фрагментарную личность; мир предстаёт перед сознанием разорванным, а в разорванном мире нельзя не разрываться. Здесь уместен критический анализ компетенций, представленных в Федеральных государственных образовательных программах всех уровней образования: компетенции – это выражение фрагментарной личности, востребованной в эпоху машинного производства, а не личности целостной, владеющей разумным, диалектическим мышлением, востребованной в эпоху знаний.

Эксцентрированное понимание человеческой сущности, сопряжённое с синергетическими представлениями о системном подходе, проливает свет на феномен целостности человека. Человеческая индивидуальность представляет собой, по выражению Ильенкова, «пульсирующую саморасширяющуюся целостность, имеющую своим пределом всю полноту совокупной деятельности человечества»¹¹. Освоение всей полноты окружающей среды побуждает человека к познанию материального и духовного мира, побуждает человека, по объективным законам, к постоянному выходу за пределы своей наличной целостности к тому, что расширяет состав его сущности.

7 Пригожин В. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-47.

8 Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=physics&author=haken-g&book=1985> (дата обращения: 18. 09. 2018).

9 Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. С. 257-258.

10 Ильенков Э. В. С чего начинается личность? М.: Политиздат, 1984. С. 189.

11 Лобастов Г. В. Ильенков как философ // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 12.

Важно отметить, что информационная парадигма современной школы, обрекающая ученика на обрывочное, лоскутное восприятие мира, по сути своей не обеспечивает осознанного познания всеобщих законов природы, в согласии, с которыми человек только и может успешно изменять её. Будучи осознанными, эти законы выступают как законы разума, как логические законы. Другими словами, научить мыслить молодое поколение – вот главное педагогическое условие формирования универсальной личности, способной разрешить противоречие между максимальным развитием универсальных задатков и специальной профессиональной направленностью. А это и есть отрицание узко прагматичных способностей.

Именно образование должно предоставить максимально широкое поле форм человеческой деятельности для формирования приоритетов и мотивов. Характеризуя самоорганизацию как процесс упорядочения в открытой системе, синергетика утверждает, что этот процесс тем эффективнее, чем больше в этой системе взаимодействующих элементов.

При освоении сложных саморазвивающихся систем, какими, безусловно, являются дидактические, важно различать человека как объект и как субъект деятельности. Он может выступать и тем, и другим, функционально расщепляясь. Тогда система выступает как человекоразмерная¹².

Игнорировать объективные законы развития природы и общества что образование подрастающих поколений и наука о нём не предопределяются, – значит, компрометировать педагогику.

Современный уровень развития науки представляет собой мощную базу для осознания учебного процесса как сложной саморазвивающейся системы, в которой синергетические понятия заговорили бы живым языком «самого великого человеческого дела – дела формирования личности, личности уникальной, вбирающей в себя всю полноту определений мира, оценивающей мир в новой системе ценностей», как Э. В. Ильенков называл дело воспитания подрастающего поколения.

Пристатейный библиографический список

1. Вересов Н. Н. Выготский, Ильенков, Мамардашвили: опыты теоретической рефлексии и монизм в психологии // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 74-87.
2. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
3. Ильенков Э. В. С чего начинается личность? М.: Политиздат, 1984. 358 с.

4. Ильенков Э. В. Гегель и проблема способностей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/4218686/> (дата обращения: 24.11.2018).
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: Дом Книга, 2014. 272 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1516471> (дата обращения: 14.11.2018).
6. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20.
7. Лобастов Г. В. Ильенков как философ // Вопросы философии, 2000. № 2. С. 11-15.
8. Лобастов Г. В. К философским основаниям педагогики В. В. Давыдова // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 45-61.
9. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979. 512 с.
10. Пригожин В. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.
11. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5-18
12. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики. Материалы международной конференции «Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды» 26-28 ноября, 2007, Институт прикладной математики имени М. В. Келдыша РАН, Москва. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/1032606/filosofiya/sinergeticheskij_kontekst_issledovaniya_samorazvivayuschihsysya_sistem (дата обращения: 28.12.2018).
13. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksshare.net/index.php?id1=4&category=physics&author=haken-g&book=1985> (дата обращения: 18.09.2018).
14. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 450 с.
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5842044/> (дата обращения: 08.12.2018).

¹² Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики. Материалы международной конференции «Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды» 26-28 ноября, 2007, Институт прикладной математики имени М. В. Келдыша РАН, Москва. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/1032606/filosofiya/sinergeticheskij_kontekst_issledovaniya_samorazvivayuschihsysya_sistem (дата обращения: 28.12.2018).

БАРДАКОВ Андрей Васильевич

соискатель кафедры философии Сибирского федерального университета

ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается воспитательный потенциал, опирающийся на содержательный историко-патриотический контекст традиционных религий страны, в условиях аксиологического столкновения глобализма и национальных культур, влияния процессов глобализации на базовые национальные ценности. В работе использованы методы системного анализа, проведено сопоставление зарубежных и российских работ, описывающих влияние глобализации, глокализации в современном обществе. Определение результатов исследования основывалось на принципе объективности, что обеспечило нейтральность авторской позиции. Проанализированы результаты социологических исследований, официальные документы, нормативно-правовая база. Результаты исследования показали, что использование ценностей традиционных религий России (православия, ислама, иудаизма, буддизма), может сформировать твердое аксиологическое основание, противостоящее аномии, дезинтеграции, унификации культуры, способствующее формированию глубокого патриотического чувства. Установлено, что традиционные религии, на примере деятельности Русской православной церкви в Красноярском крае, предлагают содержательную и организационную помощь в создании условий и непосредственном воспитании любви к Отечеству, не препятствуя при этом модернизационным процессам страны, восстанавливая солидарность и сплоченность общества, сглаживая конфликты и противоречия.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, патриотическое воспитание, церковно-общественная деятельность, традиционные религии, Красноярская митрополия.

BARDAKOV Andrey Vasiljevich

competitor of Philosophy sub-faculty of the Siberian Federal University

POTENTIAL OF TRADITIONAL RELIGIONS IN PATRIOTIC EDUCATION IN TERMS OF GLOBALIZATION

The article is reviewing educational potential, based on substantial historical-patriotic context of Russia's traditional religions, in terms of axiological encounter of globalism and national cultures, and of globalization processes' influence on basic national values. In this article methods of system analysis are used, and comparison of foreign and Russian studies on influence of globalization and glocalization in modern society are done. Determination of the study's results was based on the principle of objectivity, which provided neutrality of the author's position. Results of sociological researches, official documents and regulatory framework were studied. Results of the study show that using value categories of Russia's traditional religions (Orthodoxy, Islam, Judaism, Buddhism) can form a firm axiological base to counter anomie, disintegration, culture unification, and contribute to forming of a deep patriotic belief. It is concluded that traditional religions, as shown on the example of activities of the Russian Orthodox Church in the Krasnoyarsk Territory, offer informational and organizational help in providing the groundwork for and directly teaching love to homeland, while they don't obstruct country's modernization processes, restore solidarity and unity of society, smooth out it's conflicts and contradictions.

Keywords: globalization, glocalization, patriotic education, church-public activities, traditional religions, Krasnoyarsk Metropolis.

Бардаков А. В.

Глобализация оказывает неоднозначное влияние на социальные процессы в современной России, в том числе обнаруживая влияние на воспитание отношения к Отечеству. Наряду с положительными оценками процессов глобализации, определяемые экономическими достижениями, декларирующими «громкий призыв к устойчивому развитию»¹ и развитие связей регионов через глобальные возможности², в гуманитарном знании присутствуют настороженные и крайне негативные оценки последствий глобализации, связанных с формированием мультикультурных сообществ³ и возника-

ющими противоречиями между рациональным и нравственным, между транснациональным глобализмом и национальными культурами, что порождает конфликты и кризисы⁴.

В условиях столкновения «глобального» и «локального», стирания границ национальных государств, размытия базовых национальных ценностей, становится актуальным исследование условий патриотического воспитания, субъектов, влияющих на данный процесс, анализ их теоретического и практического потенциала. Среди таких субъектов в малой степени остаются изученными традиционные религии России (православие, ислам, иудаизм, буддизм), их современная деятельность в этом направлении. Цель нашего исследования — выявить воспитательный потенциал, опирающейся на

1 Chia S. Y. Modalities for Asean economic integration: Retrospect and going forward // The Singapore Economic Review. 2017. Vol. 62 (03). P. 561–591. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doi.org/10.1142/S0217590818400015>.

2 Chia S. Y. Globalization and regionalization: Singapore's trade and fdi // The Singapore Economic Review. 2015. Vol. 60 (03). P. 1550034. DOI: <http://doi.org/10.1142/S0217590815500344>.

3 Brooks R. Higher education mobilities: a cross-nation European comparison // Geoforum. 2018. Vol. 93. P. 87–96. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.05.009>.

4 Yilmaz O., Saribay A. Activating analytic thinking enhances the value given to individualizing moral foundations // Cognition. 2017. vol. 165. pp. 88–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.2017.05.009>.

содержательный историко-патриотический контекст традиционных религий.

В исследовании были использованы аналитический и синтетический методы, позволившие определить основные элементы изучаемого объекта, представить характер их взаимосвязей; проведено сопоставление зарубежных и российских работ, описывающих влияние глобализации и глокализации в современном обществе. Определение результатов исследования основывалось на принципе объективности, что обеспечило нейтральность авторской позиции. Изучены результаты социологических исследований (проведены на территории Красноярского края в 2015-2018 гг.), официальные документы, нормативная база. Историко-патриотическое содержание Русской православной церкви определено аксиологическим методом. Региональный отзыв на глобальные процессы проанализирован с опорой на подходы Р. Робертсона, У. Бека, А. И. Кырлежева, Д. А. Узланера, влияние традиционных религий на формирование национально-культурной идентичности, национальных ценностей – на подходы Т. Лукмана, С. Хантингтона, рассмотрение деятельности Русской православной церкви по теме исследования – на работы Ю. А. Кимелева, О. В. Верейкина, Л. Н. Митрохина, С. А. Гаврилова, В. М. Швецова, И. Н. Яблокова, Н. В. Щурова, М. М. Мчедловой.

Р. Робертсон, социолог и теоретик процессов глобализации, изучая взаимовлияние, взаимопроникновение диалектически связанных процессов интеграции на всемирном уровне и усиление локализации, подчеркивает, что глобализация является и объективным процессом сжатия мира, и субъективным процессом все большего осознания мира как единого целого⁵. Говоря о гомогенных и гетерогенных тенденциях, выделяет региональный отклик на вызовы глобализационных процессов, вводя в научный оборот термин «глокализация». Глокализация, как процесс экономического, социального, культурного развития, сочетающего разнонаправленные тенденции, содержит сохранение и усиление локальных региональных особенностей, как ответ на процессы глобализации. Исследователь Дж. Ритцер⁶ в числе первых отметил маскировку глобализационных процессов под «толерантный интернационализм», а по существу являющиеся достаточно агрессивной американской политикой продвижения консюмеризма – экономической идеологии постоянного увеличения объемов потребления материальных благ. Он говорит о развитии аксиологии основывающейся на коммодификации, как постепенном процессе превращения любых форм человеческой деятельности в денежный эквивалент, универсальный товар, при котором происходит вытеснение духовно-нравственных ценностей. Это отчасти подтверждает предвиденье М. Вебера, который при анализе мотивации социального действия указывал на развитие западной, по сути протестантской, цивилизации с растущим разложением, дезинтеграцией, распадом устоявшихся традиционных ценностей и норм, в том числе изначально религиозных мотивов и становление бытия человека в погоне за материальными благами, увеличением богатства, рост которого якобы подтверждает «божественную избранность» и посмертное спасение.⁷

Более глубоко ответную реакцию на глобальные процессы рассматривают известные социальные философы, такие как С. Хантингтон⁸ и Э. Гидденс⁹. Они акцентируют

внимание не только на экономических процессах (например, ярко выраженных в маркетинговых манипуляциях местной экзотикой), но представляют глокализацию как процесс, вскрывающий цивилизационные разломы, столкновения в национальных культурах. В области базовых национальных ценностей, несомненно одной из которых является патриотизм, очевиден конфликт между унификацией культуры, открытой вестернизацией и традициями нации, укорененными в собственном уникальном историческом опыте.

Глобализация неизбежно ведет к трансформации мира и формированию новых пространств. Философ У. Бек отмечает формирование «транснациональных жизненных миров», в которых можно выявить «социальную близость, несмотря на географическую дистанцию или социальную дистанцию, несмотря на географическую близость»¹⁰. З. Бауман, социальный философ, известный своими исследованиями современного общества, описывает «текущую современность», где происходит отмирание слов, институций, форм, а человек освобождается от длительных обязательств, становясь более мобильным. В условиях глобализации, от сложноконструированного мира происходит переход к миру без границ и условий. Бауман указывает на подрыв национального суверенитета, на то, что «бедные люди» никому, в сущности, не нужны и они не могут воспользоваться благами глобализации. Более того, на фоне социально-экономических трансформаций, идет мощное духовно-нравственное изменение, отрывающее человека от понятия Родины, связи с ней, превращая его в скитальца, коллекционирующего впечатления¹¹.

Отечественные социальные философы также подчеркивают аспект глобализации как западной экспансии и негативное влияние на сохранение национально-культурной идентичности, что обосновывают в своих работах В. Л. Иноземцев, Н. А. Моисеева, А. С. Панарин. Отечественный исследователь А. И. Шендрик, например, отмечает: «Глобализация ведет к унификации культурных миров, разрушающе действует на базовые ценности национальных культур, способствует распространению и утверждению американской массовой культуры...»¹².

Воспитание патриотизма в условиях устойчивого потребления, вызовов информационного общества, развития идей гедонизма, растущего «рынка идей» должно учитывать множество факторов, одним из которых являются традиционные религии. В трудах социальных мыслителей Р. Беллы, Т. Парсонса – религия, как подсистема культуры, выполняет функцию накопления и репрезентации базовых ценностей в условиях динамического развития общества и его трансформации. С. Хантингтон выделяет религию как определяющую характеристику цивилизации, значимый элемент идентификации личности. Социолог Т. Лукман говорит о религии как об обязательном элементе социальной жизни, принимающем различные формы в индустриальных и рационалистических обществах и оказывающем воздействие на формирование мировоззрения, в том числе людей, не ведущих явную церковную жизнь¹³. Исследователь П. Бергер, анализируя различные процессы, связанные с религией в глобализующемся и глокализирующемся мире, утверждает, что религия играет «...стратегическую роль в конструировании

5 Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series) // SAGE Publications, 1992. 306 p.

6 Ритцер Дж. Макдональдизация общества. М.: Праксис, 2011. 592 с.

7 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-вью, 2002. 352 с.

8 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Аст, 2016. 637 с.

9 Giddens A. Runaway World. How Globalization Is Reshaping our Lives. New York: Routledge, 2002. 124 p.

10 Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 53.

11 Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 188 с.

12 Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 56–68.

13 Luckmann T. The Invisible Religion. The Problem of Religion in Modern Society. New York: London, 1967. 128 p.

человеком социальной реальности», главная функция религии — «объяснение и освящение социального порядка»¹⁴.

В России, как стране проводящей модернизацию во многих сферах и связанное с этим все большее вовлечение в процессы глобализации, в тоже время задан курс на развитие патриотического воспитания, что находит отражение в стратегических документах страны¹⁵. Патриотизм признается одной из неоспоримых национальной ценностей, главой государства В. В. Путиным патриотизм был назван объединяющим началом российской нации, «национальной идеей»¹⁶.

В обществе присутствует запрос на воспитание патриотизма у детей и молодежи, так, социологическое исследование, проведенное в 2016 г. показало, что большинство опрошенных считают необходимым школе заниматься патриотическим воспитанием (89 %), а также связанным с ним духовно-нравственным воспитанием учащихся (85 %) ¹⁷. На это отвечает нормативная база основных образовательных программ, где данное направление включается «в целях формирования и развития личности в соответствии с семейными, общественными и социокультурными ценностями»¹⁸. Развивается воспитательная работа в школе, преподается шестимодульный культурологический курс «Основы религиозных культур и светской этики» (с 2012 г.), вводится предметная область «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Традиционные религии в данных процессах, являющиеся ответом на социально-культурные трансформации российского общества и уходом от глобалистско-гуманистической (секулярно-глобалистской) парадигмы воспитания к воспитанию на основе традиционных (российских) социокультурных, духовно-нравственных ценностей¹⁹, играют значимую роль. Так, Русская православная церковь, неразрывно связанная с историей развития России, определившая ее цивилизационный выбор в 988 г., в значительной мере влиявшая на причины многих исторических событий и мировоззрение народа, несущая идею «жертвенной любви» к Родине, выступала одним из гарантов межэтнического и межконфессионального мира в стране, взаимного уважения народами России прав, культуры и традиций друг друга²⁰.

Данную тему можно рассмотреть на материале Красноярской митрополии Русской православной церкви (совпадает с границами Красноярского края, включает на данный момент пять епархий: Красноярскую, Минусинскую, Канскую, Енисейскую, Норильскую). В церковно-общественной деятельности, осуществляемой на территории Красноярского края, выделяется историко-патриотический аспект, который можно представить в виде трех основных направлений.

Первое направление, популяризация любви к Отечеству на основе традиционных российских ценностей. Каждая

структура Красноярской митрополии (отделы, общественные советы, комиссии и т.д.), в определенной мере занимается патриотическим направлением, в том числе в публичном пространстве. В частности это подтверждается проведенной серией интервью (2016 г.) с руководителями епархиальных отделов Красноярской епархии (взята как наиболее репрезентативная; например, на вопрос «Считает ли Ваш отдел патриотическое направление важным в своей работе?» руководитель отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ ответил: «Патриотизм мы с коллегами считаем важнейшим и приоритетным направлением нашей работы. Общество не может быть обществом вне патриотического воспитания...») и результатами исследования ежегодных епархиальных отчетов (2015–2018 гг.), а также анализом светских и церковных СМИ (2015–2018 гг.). Являясь субъектами пропаганды патриотизма, издания Красноярской митрополии и церковные СМИ имеют большую аудиторию, например, в 2018 г. действовало 176 сайтов (сайты приходов, благочиний, епархий, учреждений; только официальный сайт Красноярской епархии за 2017 г. имел посещаемость в 574 уникальных посетителей в день и регулярность обновлений в среднем 6 сообщений в день), выпускается 13 периодических церковных изданий (ежемесячный тираж 1000–4500 экз.), ежегодно выпускаются книги, сборники конференций, буклеты, проспекты, методические разработки (например, в 2015 г. было выпущено 52 подобных издания, общий тираж в Красноярской епархии более 12000 экз.), ежегодно проводятся совместные со светскими СМИ медиапроекты (например, в 2017 г. проведено 27 совместных мероприятий, проектов в этой области), ведется системная работа на страницах в социальных сетях, видеоканале Красноярской епархии на Youtube. Контент данных изданий, СМИ отличает стремление к открытости, своевременному ответу на вызовы глобальной информационной среды, в целом следуя медиаполитике Русской православной церкви имеющей социодинамический характер²¹. Следует выделить, что многочисленные выступления Главы Красноярской митрополии митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона (Кутового) в церковных, светских СМИ и изданиях, часто касаются темы проблем и задач патриотического воспитания, подчеркивая что этот вопрос «... требует быть в движении; с одной стороны, сохранять строгую структуру духа, морали, солидарного национального проявления чувств, и в то же время необходимость обновления этого чувства, требует учитывать запросы живущих рядом людей другого языка, другой культуры, другой религии. ... суть религии – научить человека помнить, что он связан с той землей, которую называют Родиной»²².

Второе направление, изучение истории (в том числе краеведение), популяризация примеров патриотизма в истории края, смягчение противоречий в обществе, связанных с осмыслением истории (например, революция 1917 г. и последующая гражданская война). Так, на территории региона придается особое значение популяризации подвигов церковных деятелей, которые оставались верными служению своему народу, невзирая на обстоятельства, например, священник Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий) – хирург, исследователь, профессор медицины и архиепископ, спасший тысячи жизней в годы Великой Отечественной войны²³, новомученик Ди-

14 Berger P. Facing up to Modernity. New York: Basic Books, 1977. P. 148.

15 О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493.

16 Путин объявил патриотизм национальной идеей // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/02/03/putin/> (дата обращения: 28.01.18).

17 78 % россиян хотят вернуть уроки НВП. Левада-центр, 01.09.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2016/09/01/78-rossiyan-hotyat-vernuyt-uroki-nvp/> (дата обращения: 20.01.2018).

18 Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Ч. 1, ст. 87.

19 Метлик И. В., Потаповская О. М., Галицкая И. А. Взаимодействие социальных институтов в духовно-нравственном воспитании детей в российской школе: монография / Под ред. доктора педагогических наук И. В. Метлика. М: ФГБНУ ИИД СВ РАО, 2018. С. 51.

20 Антипенко Ю. Т. Патриотическое воспитание как важная составляющая духовно-нравственного воспитания детей и молодежи // Дом милосердия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dommil.com/articles/129/> (дата обращения: 30.01.18).

21 Жуковская Е. Е. Информационные риски и информационная политика Церкви XXI века. М.: ИК «Просветитель», НИС «Среда», 2018. С. 78.

22 Владыка Пантелеимон: перспектива освоения мира стоит перед юностью // Официальный сайт Красноярской епархии РПЦ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kerpc.ru/news/by_nid/12715/view (дата обращения: 20.07.2016).

23 Методические рекомендации для проведения в общеобразовательных организациях Красноярского края классного часа и краевых уроков. [Электронный ресурс]. Красноярск, 2016. 1 электрон, опт. диск (DVD-ROM).

митрий Неровецкий, до мученической смерти служивший своему народу²⁴. Данная деятельность имеет направление и оценку высказанную исследователем М. М. Мчедловой, которая отмечает: «Четко артикулировать запрос общества на справедливость и гуманизм, на человеческое достоинство, солидарность позволяет себе только Церковь... С этим связана аттрактивность Церкви как для верующих, так и для неверующих, обеспечивая Церкви огромный уровень доверия...»²⁵.

Третье направление, содействие развитию военно-патриотического воспитания в различных формах. В большой мере эта деятельность осуществляется Отделом по взаимодействию с Вооруженными Силами и Отделом по взаимодействию Красноярской митрополии с Енисейским казачеством. В том числе эта деятельность включает: духовно-просветительские встречи с военнослужащими воинских частей, оглашение и Крещение желающих новобранцев (за период 2015–2017 гг. православие приняло более 1500 новобранцев), служение священников на должности помощников командиров по работе с верующими; содействие использованию потенциала казачества для сохранения и популяризации традиционных духовно-нравственных ценностей, разрешению конфликтов, связанных с деятельностью казачьих структур и т.д. Также на территории края формируются организации военно-патриотического воспитания, например, дружина скаутов «Мангазея», цель организации – «содействие становлению успешной, социально-активной нравственной личности детей и подростков»²⁶, Сибирская школа воинского искусства «Пересвет», стремящаяся «...воспитать истинного защитника, искренне уважающего и любящего родную землю»²⁷, действуют филиалы межрегиональных общественных организаций (например, Красноярское отделение «Братства православных следопытов»). Значимое место в регионе занимает система кадетского и женского гимназического образования (развивается с 1998 г.), включающая 12 крупных организаций (кадетские школы-интернаты, Мариинские женские гимназии, кадетская школа и т.д.), имеющая собственные храмовые помещения и обязательный элемент образовательной программы по всем годам – «Основы православной культуры». При этом данная деятельность созвучна стратегическим документам края, закрепляющим взаимодействие с религиозными организациями²⁸.

Помимо этого, в крае разрабатываются новые направления, например, в сфере экономики (социальная ответственность бизнеса, этические основы предпринимательства и т.п.), где представляется, что «...экономика должна быть эффективной и справедливой. ... В экономике также имеет большое значение нравственная категория солидарности»²⁹,

для чего разрабатываются специальные курсы³⁰. Появляются региональные программы, придающие особое значение формированию у детей и подростков «... патриотизма, национального самосознания, гражданственности, духовно-нравственных и базовых национальных ценностей: семейных, национальных и общечеловеческих, передаваемых из поколения в поколение»³¹.

Результаты нашего исследования подтверждаются обсуждением на научно-практических конференциях и семинарах различного уровня. В частности, материалы были представлены и обсуждены на форуме молодых ученых «Нравственные и культурно-исторические ценности как основа национальной идентичности» (г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 25–27 апреля 2018 г.), IV межрегиональной научно-практической конференции «Духовно-нравственное воспитание личности школьника в условиях введения ФГОС: реализация образовательного потенциала предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (г. Красноярск, Архиерейский дом г. Красноярск, 25 октября 2018 г.), межконфессиональном форуме «Поликультурные духовные традиции Сибири» (г. Красноярск, Культурно-исторический центр «Успенский», 27 октября 2018 г.), круглом столе «Теология в педагогике высшей школы» (г. Москва, Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, 30 января 2019 г.).

Большинство участников обсуждений видят возможность и необходимость использования потенциала традиционных религий в воспитании патриотизма. Так, более ста участников выше названной IV межрегиональной научно-практической конференции, среди которых общественные деятели, ученые, авторы учебных пособий, священнослужители, представители власти, учителя, методисты из разных городов и районов края, одобрили ежегодное проведение данной конференции под руководством Красноярской митрополии Русской православной церкви (71 % опрошенных) и необходимость организации программ повышения квалификации по курсу «Основы духовно-нравственной культуры народов России» с активными формами обучения (79 % опрошенных); на семинаре-практикуме «Традиционная культура как один из способов воспитания патриотизма» (г. Красноярск, Культурно-исторический центр «Успенский», 31 октября 2018 г.) доклад, представляющий «Основы православной культуры» как важный элемент формирования глубокой и искренней любви к Отечеству, одобрило абсолютное большинство участвовавших руководителей и сотрудников учреждений культуры региона (87 % опрошенных). Данная тенденция наблюдается во многих регионах страны, где учителя и специалисты, создающие условия, непосредственно вовлеченные в воспитание патриотизма, подчеркивают значимость историко-патриотического направления деятельности Русской православной церкви: «Сегодня материалы по православному краеведению востребованы как в образовательном, так и в воспитательном процессе»³².

Таким образом, традиционные религии имеют актуальный потенциал в воспитании патриотизма, отвечающий нормативно-правовой базе, стратегическим документам в

24 Малашин Г. В. «Третий путь» о. Дмитрия Неровецкого. Материалы к житию священномученика Дмитрия Неровецкого (Апанского) и к истории Красноярской митрополии: историко-публицистические очерки. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2017. 324 с.

25 Мчедлова М. М. Религия и церковь как элементы мягкой силы // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной): материалы Третьей Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 373.

26 Дружина «Мангазея». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://дружина-мангазея.рф> (дата обращения: 20.07.2016).

27 Сибирская школа воинского искусства «Пересвет» // Крестовоздвиженский собор г. Лесосибирска. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krestsobor-les.ru/2011-12-11-20-20-06> (дата обращения: 20.07.2016).

28 Концепция развития системы патриотического воспитания и гражданского образования в Красноярском крае на 2014–2018 годы // «Российская газета». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/03/26/krasnoyarsk-ukaz52-reg-dok.html> (дата обращения: 20.07.2016).

29 Шашкин П. А. Вера. Труд. Капитал. Основные постулаты православной экономической этики. М.: ИНЭС, 2011. С. 3–4.

30 Бардаков А. В. «Церковь и экономика» // Архив Архиерейского образовательного центра Красноярской епархии РПЦ. Основной фонд. Д. 51. Л. 12.

31 Моница Г. Б., Пучканева Т. Н., Мазуренко Т. Б. «Вера. Надежда. Любовь». Программа психолого-педагогического сопровождения педагогов в духовно-нравственном развитии и воспитании детей от 5 до 17 лет. 1-е изд. Норильск, 2018. 48 с.: ил. С. 4.

32 Плахова Е. Н. Православное краеведение как способ формирования самосознания детей и молодежи Молодежь: свобода и ответственность. Материалы VI Региональных Покровских образовательных чтений. Энгельс: Издательство Покровской и Николаевской епархии, 2019. С. 40.

этой области, способствующий обеспечению соответствия содержания духовно-нравственного образования и воспитания нравственным ценностям, сложившимся в рамках определенной религиозной духовно-нравственной культуры³³. Церковно-общественная деятельность в данном аспекте, рассмотренная на материале Красноярского края, показывает свою положительную динамику, способность предлагать современные ресурсы воспитательной работы в условиях глобальных вызовов. Учитывая, что религиозность поддерживает социальную солидарность, способствует сотрудничеству³⁴, традиционные религии становятся важными партнерами в воспитании любви к Отечеству. При взвешенном, системном использовании потенциала традиционных религий, учитывая все факторы региональной социокультурной среды, можно значительно усилить воспитательную работу, сделав более возможным формирование личности гражданина искренне, твердо, глубоко разделяющего жизнь Родины со своей жизнью.

Пристатейный библиографический список

1. Бардаков А. В. «Церковь и экономика» // Архив Архиерейского образовательного центра Красноярской епархии РПЦ. – Основной фонд. – Д. 51. – Л. 12.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества; Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Ист-вью, 2002. – 352 с.
5. Жуковская Е. Е. Информационные риски и информационная политика Церкви XXI века. – М.: ИК «Просветитель», НИС «Среда», 2018. – 204 с.
6. Малашин Г. В. «Третий путь» о. Димитрия Неро-вещкого. Материалы к житию священномученика Димитрия Неро-вещкого (Апанского) и к истории Красноярской митрополии: историко-публицистические очерки. – Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2017. – 324 с.
7. Метлик И. В., Потаповская О. М., Галицкая И. А. Взаимодействие социальных институтов в духовно-нравственном воспитании детей в российской школе: монография / Под ред. доктора педагогических наук И. В. Метлика. – М.: ФГБНУ ИИД СВ РАО, 2018. – 240 с.
8. Методические рекомендации для проведения в общеобразовательных организациях Красноярского края классного часа и краевых уроков. [Электронный ресурс]. Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки сотрудников образования. – Красноярск, 2016. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
9. Моница Г. Б., Пучканева Т. Н., Мазуренко Т. Б. «Вера. Надежда. Любовь». Программа психолого-педагогического сопровождения педагогов в духовно-нравственном развитии и воспитании детей от 5 до 17 лет. – 1-е изд. – Норильск, 2018. – 48 с.: ил.
10. Мчедлова М. М. Религия и церковь как элементы мягкой силы // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной): материалы Третьей Международной научной конференции. – НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – С. 373.
11. Плахова Е. Н. Православное краеведение как способ формирования самосознания детей и молодежи. // Молодежь: свобода и ответственность. Материалы VI Региональных Покровских образовательных чтений. – Энгельс: Издательство Покровской и Николаевской епархии, 2019. – 208 с.
12. Ритцер Дж. Макдональдизация общества / Дж. Ритцер. – М.: Праксис, 2011. – 592 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Аст, 2016. – 637 с.
14. Шашкин П. А. Вера. Труд. Капитал. Основные постулаты православной экономической этики / П. А. Шашкин. – М.: ИНЭС, 2011. – 16 с.
15. Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 56–68.
16. Berger P. Facing up to Modernity. – New York: Basic Books, 1977. – 233 p.
17. Brooks R. Higher education mobilities: a cross-nation European comparison // Geoforum. – 2018. – Vol. 93. – P. 87–96. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.05.009>.
18. Chia S. Y. Globalization and regionalization: Singapore's trade and fdi // The Singapore Economic Review. – 2015. – Vol. 60 (03). – P. 1550034. DOI: <http://doi.org/10.1142/S0217590815500344>.
19. Chia S. Y. Modalities for Asean economic integration: Retrospect and going forward / S. Y. Chia // The Singapore Economic Review. – 2017. – Vol. 62 (03). – P. 561–591. DOI: <http://doi.org/10.1142/S0217590818400015>.
20. Giddens A. Runaway World. How Globalization Is Reshaping our Lives. – New York: Routledge, 2002. – 124 p.
21. Luckmann T. The Invisible Religion. The Problem of Religion in Modern Society. – New York: London, 1967. – 128 p.
22. Purzycki B.G. The evolution of religion and morality: a synthesis of ethnographic and experimental evidence from eight societies // Religion, Brain and Behavior. – 2018. – Vol. 8, Issue 2. – P. 101–132. DOI: <http://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267027>.
23. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series) // SAGE Publications, 1992. – 306 p.
24. Yilmaz O., Saribay A. Activating analytic thinking enhances the value given to individualizing moral foundations // Cognition. – 2017. – vol. 165. – P. 88–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.2017.05.009>.

33 Метлик И. В., Потаповская О. М., Галицкая И. А. Взаимодействие социальных институтов в духовно-нравственном воспитании детей в российской школе: монография / Под ред. доктора педагогических наук И. В. Метлика. М.: ФГБНУ ИИД СВ РАО, 2018. С. 51, 149.

34 Purzycki B. G., Henrich J., Apicella C., Atkinson Q. D., Baimel A., Cohen E., McNamara R. A., Willard A. K., Xygalatas D., Norenzayan A. The evolution of religion and morality: a synthesis of ethnographic and experimental evidence from eight societies // Religion, Brain and Behavior. 2018. Vol. 8, Issue 2. P. 101–132. DOI: <http://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267027>.

ДЗЮБА Любовь Михайловна

аспирант Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО

В статье исследуются уровни субъективного социального времени, которые касаются понимания корреляции между историческим и социальным временем. Показывается специфика социального и исторического времени. Представляются характерные особенности социальной направленности. Показывается, что исследования субъективного социального времени подразумевают нахождение концептуально-семантического аппарата, позволяющего в русле определенной системы интерпретировать не только корреляцию между социальным и историческим временем, но и определить акценты и основные характеристики различных видов деятельности социального субъекта.

Ключевые слова: социальная система, субъективное время, социальный процесс, социальный субъект, социальное время, историческое время.

DZUBA Lubov Mikhaylovna

postgraduate student of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE)

SUBJECTIVE TIME IN TERMS OF CORRELATION OF SOCIAL AND HISTORICAL

The article examines the levels of subjective social time, which relate to the understanding of the correlation between historical and social time. The specificity of social and historical time is shown. The characteristic features of social orientation are presented. It is shown that the research of subjective social time involves finding a conceptual and semantic apparatus, which allows to interpret not only the correlation between social and historical time, but also to determine the accents and the main characteristics of the various activities of the social subject in line with a certain system.

Keywords: social system, subjective time, social process, social subject, social time, historical time.

Отметим, что изучение проблемы, связанной с делящимся настоящим временем подразумевает наличие некоторых специальных исследований, касающихся этого концепта. Дело в том, что он нужен для того концептуально-семантического аппарата, который будет задействован при исследовании и изучении субъективного времени. Исследование семантической стороны делящегося настоящего представляется достаточно сложным, но достаточно интересным направлением в рамках социально-философских исследований. Кстати обратим внимание на тот факт, насколько автору известно в научной литературе по социальной философии и по философии, а также по истории, социологии, антропологии и ряду других наук, этот феномен не исследовался в систематической форме.

Уровень субъективного социального времени касается понимания корреляции между историческим и социальным временем. Если посмотреть на современную отечественную литературу, то исследования в данном направлении проводились в недостаточной степени. Более того, сам предмет исследования, в общем-то, не очень интересовал специалистов в области как философии, так и истории, и сами исследования уходили в направлении изучения исторического времени или социального времени. Саму диалектику исторического и социального времени в семантической форме никто до конца и не представил.

Обратим внимание, что подобная проблема является достаточно интересной, так как в имеющихся в отечественной и зарубежной литературе исследованиях достаточно часто речь идет не о социальном и историческом времени, а об социально-историческом времени, поэтому в данном случае хотелось бы, конечно, понять сущность данного феномена. Тем более, что исследование как социального и исторического времени по отдельности, также нашли отражение и в отечественных, и в зарубежных исследованиях. Отметим, что в общем-то дискурс идет не о выявлении категориальных или парадигмальных различий по отношению к концептам социального и исторического времени. Просмотрев целый ряд работ, посвященных данной проблематике, автор пришел к

выводу, что обычно приоритет отдается тому, что выступает предметом локального исследования в конкретной работе.

Поэтому заметим, что, когда рассуждение связано с рядом проблем, касающихся истории философии, то ученые в большинстве случаев отдают предпочтение понятию исторического времени, которое, по их мнению, должно включать в себя множество характеристик и эти характеристики так или иначе относятся к времени социальному. На наш взгляд, это еще одна ошибка тех исследователей, которые занимаются соотношением социального и исторического времени. Ведь в принципе в работе отечественных исследователей и зарубежных показано, что в рамках времени с учетом его исторической направленности и направленности социальной наблюдаются определенные векторы набора основных и базовых характеристик, связанных с параметром времени.

Причем эти характеристики имеют достаточно весомый вес, так как создают некоторый базис, на основе которого можно говорить не только о применении того или иного набора темпоральных характеристик по отношению к изучению конкретного исторического и социального фрагмента, но и говорить о том, что в принципе исследователь может перебирать такой набор, может выбирать массу характеристик и использовать их по назначению. Это момент пока остается в стороне от многих отечественных мыслителей, хотя целый ряд из них, например, А.М. Анисов, А.С. Карпенко, В.В. Попов и другие, достаточно четко обозначили в своих работах подобные характеристики¹.

Более того, В.В. Попов в рассмотрении моментной концепции времени обозначил не только ее основные характеристики, но и характеристики интервальной концепции. Причем в дальнейшем этот автор вышел на совмещенную структуру интервально-моментной структуры времени и появился новый набор характеристик. Заметим, что В.В. Попов, обращаясь к наследию ряда западных авторов, работающих

1 Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2016. - № 7-6. - С. 1110-1113.

в русле характеристик времени, необходимых для описания тех или иных фрагментов процесса, обратился, например, к таким ученым, как Хэмблин, Берджесс, Хамберстон, и он не только проанализировал их концепции интервального и моментного времени, но и показал, как конкретно в проанализированных теориях эти концепции улучшить с точки зрения их применения в рамках того или иного социально-гуманитарного исследования².

Видимо, ошибочной выглядит позиция тех исследователей, которые в рамках работы в экономике и социологии допускают понятие социального и субъективного времени и в тех случаях, когда дискурс идет непосредственно о социологических вопросах, например, касающихся формирования социальных групп или же истории развития человечества. Если же исследования проводятся в рамках экономики, то, естественно, дискурс пойдет о проблематике, касающейся отношения исторических и экономических вопросов.

В подобном случае субъективное социальное время можно понимать таким образом, что оно используется с позиции той конкретной науки, для которой оно в данный момент необходимо. Поэтому подчеркнем, что уровень субъективного социального времени является уровнем нахождения и соотношения между социальным и историческим временем. Подчеркнем, что если исследователь желает реконструировать и в дальнейшем интерпретировать и понять настоящее, он не сможет это сделать, не интерпретировав настоящее. Однако, обращаясь к настоящему времени нельзя исключить весь спектр вопросов прошлого времени и те вопросы, которые необходимо связывать с временем историческим. На наш взгляд, это является бессмысленным шагом в исследовании³.

Подчеркнем, что уровень исследования субъективного социального времени подразумевает нахождение некоторого концептуально-семантического аппарата, позволяющего в русле определенной системы интерпретировать не только корреляцию между социальным и историческим временем, но и определить те акценты и основные характеристики, которые могут быть отнесены как к одному, так и к другому виду деятельности⁴.

В данном случае можно сказать и о более общих проблемах, которые определяют то общее, тот набор черт, параметров и характеристик, которые непосредственно определяются в рамках социального и исторического времени. Дело в том, что в самой реальности социально-историческое время относится, в принципе, к одному и тому же объекту рассмотрения, разница во многом заключается в том, что подобный объект имеет различные длительности во времени и в данном случае очень важна дискретная характеристика времени, которая позволяет говорить о процессуальном характере действительности, в котором идет непрерывный исторический процесс⁵.

Если данную проблему перенести в более широкий контекст, то имеем дело с определенным пониманием фундаментальных исторических вопросов, связанных с историей и философией в соотношении с конкретным социально-философским исследованием. Причем в таком случае, когда подобная корреляция касается уровня конкретного вопроса, например, социального субъективного времени, то следует категории не только устанавливать с точки зрения из соотношения, но и обратить внимание на те сегменты, которые необходимы в данных интегральных исследованиях. Конечно,

следует в данном случае сказать о тех сегментах прошлого, которые так или иначе социальным субъектом постоянно реконструироваться, что будет касаться исторического времени, а также о тех фрагментах длительности в настоящем, что, с другой стороны, поддержит позицию понимания социального времени. Существует определенная тонкость, которая нередко не оценивается в русле исследования социально-исторического времени. Речь идет о том, что в подобной ситуации соотношения этих времен необходимо обращать внимание на то, что в русле истории правомерно провести рассуждения о том, что сам уровень развития социума касается исключительно понимания времени.

В этой связи нужно обратить внимание на то, что реально рассматривая и изучая историческое время, например, с позиции исторических эпох, можно обратить внимание на позицию В.П. Яковлева, который говорил о том, что именно с этого периода человечество начинает осознавать историю как такую, которая имеет длительность во времени, но не в пространстве⁶.

Со своей стороны заметим, что подобная позиция все же носит, в некоторой степени, логико-семантический и концептуальный характер, а не категориальный и стратегический. Этот вопрос, связанный с тем, что корреляция социального и исторического времени посредством исторических эпох обязательно приведет к той ситуации, когда мыслители зафиксируют то, что реальное субъективно-социальное время представляет собой разносторонний, но противоречивый континент, содержащий как прошлое социума, так и его настоящее.

Пристатейный библиографический список

1. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. - 2016. - № 7-6. - С. 1110-1113.
2. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. - 2016. - № 8-2. - С. 307-310.
3. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта «интервал» в исследовании социальных процессов // *Фундаментальные исследования*. - 2015. - № 2-4. - С. 872-875.
4. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // *Философия права*. - 2015. - № 2 (69). - С. 23-27.
5. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. - 2017. - № 1-2. - С. 365-368.
6. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // *Международный журнал экспериментального образования*. - 2015. - № 3-1. - С. 40-43.
7. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // *Международный журнал экспериментального образования*. - 2014. - № 8-2. - С. 42-46.
2. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. - 2016. - № 8-2. - С. 307-310.
3. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта «интервал» в исследовании социальных процессов // *Фундаментальные исследования*. - 2015. - № 2-4. - С. 872-875.
4. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // *Философия права*. - 2015. - № 2 (69). - С. 23-27.
5. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. - 2017. - № 1-2. - С. 365-368.
6. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // *Международный журнал экспериментального образования*. - 2015. - № 3-1. - С. 40-43.
7. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // *Международный журнал экспериментального образования*. - 2014. - № 8-2. - С. 42-46.

КОНСТАНТИНОВ Алексей Юрьевич

аспирант Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева

МИКРОФИЗИКА ВЛАСТИ В РЕЧИ РОССИЙСКОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПОСТУРАЛЬНОЙ ЙОГИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Йога становится все более заметной сферой культурной жизни, через которую транслируются различные ценности и установки. Данная статья посвящена исследованию проявления современных режимов неолиберальной власти в речи современного преподавателя йоги. В статье анализируются способы этой трансляции, их связь с современными подходами к реализации власти в обществе и производство определенной неолиберальной субъективности, сквозь призму которой все вещи «экономизируются», а выбор субъекта согласован с актуальными социально приемлемыми ценностями самодисциплины и личной ответственности. Делается вывод, что современная практика йоги формирует особую субъектность новейшего времени.

Ключевые слова: йога, неолиберализм, субъектность, дискурс, тело, правительственность, Фуко.

KONSTANTINOV Aleksey Yurjevich

postgraduate student of the V. P. Astafjev Krasnoyarsk State Pedagogical University

POWER MICROPHYSICS IN RUSSIAN YOGA TEACHER'S SPEECH THROUGH THE NEOLIBERALISM'S OPTICS

Yoga is becoming a more prominent sphere of cultural life and is capable to translate different values and policy. The article addresses development of modern power regimes through the modern yoga teacher's speech. The article analyzes methods of that translation as well as their connection with contemporary approaches to realization of power in the society. The author considers the question of manufacture of the so called neoliberal subjectivity which economizes everything around and makes personal choice conformed to actual socially approved values of self-discipline and personal responsibility. It is concluded that modern yoga practice is making special subjectivity of contemporary times.

Keywords. yoga, neoliberalism, self, subjectivity, discourse, body, governmentality, Foucault.

За последнее время йога как социальный феномен модифицировалась из эзотерической инокультурной системы концептов и техник в высшей степени популярную культурную сферу деятельности. С 2008 по 2012 можно увидеть 29% рост числа участников йога-движения год, а также 44,7% увеличение в расходах на товары, связанные с йогой. Это привело к тому, что только в США число жителей¹, практикующих йогу достигло более 20 миллионов и расходы на занятия и йога-продукты достигли 10 миллиардов долларов в год. Самым массовым направлением йоги стала постуральная практика с ее акцентом на использовании асан-поз, разных типов дыхания и отдельных элементов из медитативных и эзотерических техник. Популяризация йоги шла параллельно с ее коммодификацией, встраиванием в массовую культуру, появлением известных медийных фигур в йоге и т.п. Возникает справедливый исследовательский интерес к преобладающему дискурсу, который структурирует современную йогу, взаимодействию между господствующей неолиберальной стратегией субъективации и йогой, при этом работ, посвященных изучению этих явлений с критической социально философской перспективы крайне мало.

В статье ниже мы проанализируем, как микрофизика неолиберальной власти проявляет себя в речи российского преподавателя йоги, влияя на процесс субъективации индивидов так, чтобы воплощенная в теле субъектность была ограничена добровольным рациональным и ответственным выбором. Поскольку мир социального и приватная сфера жизни, в которых йога занимает свое видное место, являются

как источником, так и финальным продуктом конструктивизма, поскольку «суверенного и основополагающего субъекта, универсальной формы субъекта, которую можно найти повсюду, не существует» критическая теория М.Фуко² может выступать важным методом исследования. В данной статье сквозь призму дискурс-анализа будет описан коммуникативный стиль современных преподавателей йоги в России как практика субъективации.

Фуко, анализируя встроенные в любой общественный строй, «формы господства, которые будут препятствием для эмансипации или реализации возможностей людей»³, выделяет три формы такого господства. Власть суверенная, дисциплинарная и т.н. «правительственность». Проводя свою генеалогию, Фуко характеризует первую как свойственную абсолютным монархиям физическую власть воплощенного высшего властителя над подданными, а дисциплинарную, возникшую в Новое время в связи с развитием капитализма, как знающую власть, создающую индивида в дисциплинирующих социальных формах (медиализация, социализация и т.п.). При этом, в контексте современной йоги, нас больше интересует последняя форма, правительственность, которая отличается тотальностью, - вездесущностью в отношении любых социальных феноменов, - и самонаправленностью власти на саму себя: распределением власти в социуме, делегированием ее каждому индивиду, продуцированием автократичных субъектов, успешность которых зависит от степени (само)ре-

1 Smith S., Atencio M. Yoga is yoga. Yoga is everywhere. You either practice or you don't: a qualitative examination of yoga social dynamics, Sport in Society. 2017. P. 1.

2 Фуко М. Эстетика существования // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Практик, 2006. 301 с.

3 Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М., 2016. С. 591-126.

ализации личного объема власти над собой. Субъект одновременно предельно свободен вовне и абсолютно подчинен внутри, любые социальные конфликты сведены на индивидуальный уровень той или иной степени успешности самоактуализации. Таким образом, правильность есть такая технология управления, которая реализуется субъектом самостоятельно и тем эффективнее, чем она малозаметнее, чем эффективнее произошел переход власти с глобального институционального макро-уровня классических форм (государство, социальные институты) на микро-уровень конкретных индивидов.

Именно такой практикой самоактуализации, технологией субъективации и является современная йога. С одной стороны, либерализация и отрыв от традиционности в йоге в форме дисциплинарных практик возникает в начале 20 века с ее привитием на западную почву: появляются групповые занятия, стандартная фиксированная плата за обучение, гуру (носитель конечных истин о природе реальности, имевший суверенный контроль над телом ученика) превращается в преподавателя йоги (носителя конечных истин о природе йоге, дисциплинарно воздействующий на ученика), возникает стандартизация и унификация преподавания йоги (муштра), субъект йоги медиализируется и объективируется наукой. С другой, на протяжении прошлого века, йога как техника управления собой и другими исторически трансформировалась под воздействием процессов глобализации, мультикультурализма, появления массовой потребительской культуры, новых массмедиа. В целом, к концу 20 века кардинально изменились условия появления, проявления и развития йоги как особого режима власти, который не мог не стать частью большего расширенного дискурса власти – власти в эпоху неолиберализма. Этот термин лишен словарной четкости, может использоваться как идеология, политическая рациональность, экономическая система австрийской школы экономики, особая стадия развития капитализма и т.д. Для нас важно определение неолиберализма как «преобладающего типа рациональности, сквозь призму которой все вещи «экономизируются»⁴, и довольно характерным образом: люди рассматриваются исключительно как участники рынка, любая сфера деятельности трактуется как рынок, а любая структурная единица (публичная или частная, будь то человек, какая-либо деятельность или государство) определяется как коммерческое предприятие».

Кроме того, важно понимать, что для Фуко того субъекта, которым оперировала классическая философская традиция Нового времени, - некой самотождественной субстанции, лежащей в центре сознания (субъект с лат. *subjectum* «лежащее внизу; находящееся в основе»), носителя деятельности, сознания и познания⁵, такого субъекта по Фуко не существует. Субъект по мнению французского мыслителя, это процесс и итог «игр истины»⁶ - практик власти, связанных

с освобождением и подчинением. Таким образом, субъект дискурсивно производится и воспроизводится в различных практиках власти. При этом субъективация это процесс становления субъекта, который, трактуемый узко, как законченная конкретная данность, четко определенная границей своей историчности, называется Фуко, собственно субъектом, но в расширенном понимании, как одна из заданных возможностей организации некоего самосознания - субъективностью.

Литература на тему функционирования феномена йоги в неолиберальном этосе выделяет несколько ключевых концептуальных рамок, которые связаны с дискурсивно произведенным и воплощенным индивидом.

Часть исследователей обнаруживает, что внутри йоги обнаруживается связь между телесной воплощенностью и процессом социального и географического вытеснения. Йога коммодифицируется⁷, ее приобретение часто является признаком потребления среднего класса, что фреймирует йогу и зал, где она практикуется, местом эксклюзивным для некоторых, но не для всех.

Другие исследования показывают, что *homo eosophicus*⁸, субъект, живущий в постфордистском обществе, рассматривает йогу в инструментальном и индивидуалистическом смысле. Так, что современная йога становится источником контроля и техникой продуцирования таких субъектностей⁹, которые согласованы с актуальными социально приемлемыми ценностями самодисциплины и личной ответственности. В частности, Шнэбель показывает связь между мотивацией в йоге к постоянной самотрансформации, самоулучшению и неолиберальными нормами индивидуализма¹⁰, упорного труда и полагания на самого себя. По словам автора, «йога может выступать средством регуляции индивидов, их здоровья, внешности, и общей профессиональной успешности, предоставляя более продуктивное тело в неолиберальной капиталистической системе». Таким образом, йога инструментально продуцирует тело индивида как более эффективное, производящее, конкурентоспособное, а разум как более стрессоустойчивый, внимательный, продуктивный. Таким образом, неолиберальная субъективность, как ключевая категория в нематериальной экономике услуг, включающая как личность, знания, навыки, так и здоровье, внешность производится также в рамках йога-зала. Продуктивность работника сферы услуг отражается и в его силе, выносливости, стрессоустойчивости, внешней привлекательности, гибкости и т.д., которые он ждет от практики йоги, что в итоге с одной стороны позволяет индивиду максимизировать свой человеческий капитал, с другой делает его моральным субъектом, будучи вовлеченным в социально одобряемую деятельность по созданию такого капитала.

7 Kern L. Connecting Embodiment, Emotion and Gentrification: An Exploration through the Practice of Yoga in Toronto. *Emotion, Space and Society* 5 (1): 2012. P. 27-35.

8 Йога с партнером. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1028041/15/Teternikov_-_Spontannyy_tantricheskiy_tanec_yogi_s_partnerom.html

9 Smith S., Atencio M. Yoga is yoga. Yoga is everywhere. You either practice or you don't: a qualitative examination of yoga social dynamics. *Sport in Society*. 2017. 1 p.

10 Schnäbele V. The Useful Body: The Yogic Answer to Appearance Management in the PostFordist Workplace. In *Yoga Traveling: Bodily Practice in Transcultural Perspective*, edited by B. Hauser. 2013. P. 135-153.

4 Что такое неолиберализм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/15006>.

5 Йога с партнером. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1028041/15/Teternikov_-_Spontannyy_tantricheskiy_tanec_yogi_s_partnerom.html

6 Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. М.: Практика, 2006. 255 с.

Кроме того, для рассмотрения связи между йогой и индивидуализмом, анализа дискурсивных значений и практик, предполагающихся современной йогой возможно использование других фукольдианских концептов. Так Маркула в своем дискурсивном анализе образов и текстов на обложке популярного *Yoga Journal* за последние тридцать пять лет приходит к выводу, что йога часто определяется как целостный образ жизни, важный для противодействия современным раздражителям и отвлекающим факторам, как как инструмент «обнаружения своего истинного неизменного свободно-го «я», потерянного в безумии консьюмеризма». Однако исследователь оспаривает эту концептуальную рамку, полагая, что в реальности йогойский образ жизни был создан, чтобы максимизировать счастье через информированную «заботу о себе»¹¹: он «подкрепляет логику управляющего собой субъекта, который был освобождён только для того, чтобы свободно взять на себя ответственность за следование неолиберальному режиму заботы о себе».

В этой связи, важно понять каким образом в речи конкретных носителей ценностей современной йоги, её преподавателей, проявляют себя неолиберальные стратегии правительности, каким образом можно наглядно увидеть механику её реализации на уроках постуральной йоги.

В своей речи на занятиях российские преподаватели йоги часто используют не повелительные конструкции, но множество целеуказывающих фраз, в которых имеется такой морфологический признак, как отсутствие номинативного подлежащего.

Это несколько типов предложений, таких как безличные (действие/состояние развивается независимо от действующего лица/обладателя состояния), неопределённо-личные (действие/состояние неопределённого лица; само лицо не называется, акцент не на лице, а на действии) и обобщённо-личные (действие осуществляется широким, обобщённым кругом лиц). Можно наблюдать такие инструкции как¹² «таз поднимаем вверх, шею расслабили, пятки опускаем, вдох, поясница назад, наклон, кому сложно – колени согнуть».

С точки зрения семантики, такие предложения, хотя и не содержат упоминания действующего лица, все же подразумевают наличие субъекта действия. При этом, безличным предложениям присущ «оттенок пассивности, инертности»¹³ и грамматически они передают непроизвольность, спонтанность, стихийность действия (к примеру, «вдох, следует расслабиться»). Неопределённо-личные конструкции акцентируют внимание на глаголе, на действии, а его исполнитель отодвигается в тень заднего плана (например, «руки поднимаются»). Обобщённо-личные предложения в обычной речи чаще используются в поговорках или пословицах, что позволяет автору за множественным лицом, обобщением спрятать свое собственное лицо при выражении неких интимных, трудно вербализуемых переживаний (например, «медленнее дыхание – спокойнее ум»). При использовании неопределённо-личных предложений в значении обобщённо-личных, по-

следние зачастую приобретают также значение¹⁴ «все должны поступать так, это справедливо для любого лица».

Кроме того, с точки зрения модальности, используются глаголы изъявительного наклонения, которое представляет процесс как реальный¹⁵, наличествующий или отсутствующий, созерцающийся и не включающий отношение субъекта к действию, в значении повелительного наклонения (скажем, такие фразы, как «поднимаемся, поставим стопы параллельно, обращаем внимание не дыхание»). Последнее, как известно, выражает такое отношение в виде волеизъявления (приказа/просьбы).

Иными словами, в речи преподавателя присутствует безличное действие-указание, которое не является повелительной конструкцией, которое как бы существует само по себе, независимо от воли преподавателя. Преподаватель просто озвучивает некую истину-действие, за которую он не несет ответственности, но ответственность ложится на того, кто ее самостоятельно реализует, на студента, ученика, стремящегося к совершенствованию себя. Как указывается в одном из современных текстов по йоге: «Учитель редко употребляет повелительное наклонение. Большинство указаний к применению дается в виде советов и рекомендаций, оставляя принятие решений по ним на волю читателя-ученика». Весьма любопытна рационализация такого способа преподавания¹⁶: «такая позиция Учителя диктуется законом кармы, недопустимостью насилия со стороны Учителя и Учения. Закон кармы и свободной воли человека для Учителя невыблем».

Практика в таком классе йоги делается сама по себе, она и есть то главное, что происходит на занятии; инструктора как такового нет, наличествует транслятор неких истин-инструкций, но выбор за следование им и последствия этого следования (например, в виде травм/недомоганий) ложится на инструктируемого, наличие которого также только подразумевается. По словам преподавателя так называемой «тантрической» йоги Льва Тетерникова, «почти во всех школах Йоги учителя наставляют своих учеников, используя повелительное наклонение: «Сядьте! Откройте! Поднимите! Визуализируйте! Направьте! Поставьте! Вдохните! Задержите! Следуйте! Разрешите! Человек, занимающийся Йогой, может сказать про себя, что он всегда что-то делает. Во всех случаях предусматривается волевой контроль и присутствие собственного «Я»¹⁷. «Я» выполняю асану, «Я» двигаю рукой, «Я» отпускаю свои мышцы, «Я» позволяю своему телу идти вслед за моей Праной». С нашей точки зрения, на классах с безличными речевыми конструкциями «волевой контроль и присутствие собственного я» и личного выбора последнего актуализируются значительно сильнее, чем на занятиях со стандартными повелительными конструкциями (например, «поднимитесь, сделайте вдох»).

Таким образом, класс йоги это пространство не реализации студентом через йогу должного, традиции, но сама тра-

14 Там же. С. 89.

15 Белоусов В. Н. Наклонение // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; Издательский дом «Дрофа». 1997. 721 с.

16 Советы Агни Йоги: для немедленного применения, явные и скрытые. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oleg-kr44.bget.ru/content/view/88/27/>

17 Там же.

11 Markula P. Reading Yoga: Changing Discourses of Postural Yoga on the Yoga Journal Covers. *Communication and Sport* 2 (2): 2014.

12 Михаил Баранов на Carpathian Yoga Fest-2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=dxIBalBoos>

13 Там же.

диция делается, реализуется через (личный выбор) студента и с точки зрения такой традиции, воплощаемой в учителе, «человек становится орудием действия некоторой стихийной силы»¹⁸. То есть, речь современного преподавателя йоги в России одновременно демонстрирует основные черты правительности: либеральность (как в технологическом смысле в виде отсутствия авторитаризма, так и в плане особого типа мышления), создание субъективности потребителей йоги в их собственной телеологии и автономия этих потребителей, в основе которой установка действовать самостоятельно в согласии с общим интересом.

Интересно, что с одной стороны преподаватель, носитель такой речи, часто визуально также отделяет себя от студентов тем, что остается на своем коврике для йоги во время занятия, не сходит с него, с другой присоединяется к этой стихийной силе тем, что сам вместе со всеми выполняет все, что озвучивает. Эта амбивалентность роли преподавателя метафорически наглядно показывает, как происходит перераспределение власти в неолиберальном обществе¹⁹: «Управление стало, если угодно, более множественным, рассеянным, оптимизирующим и уполномочивающим. Однако оно странным образом и более дисциплинарное, строгое и карательное». Урок йоги в новейшее время становится воплощением особого режима бытия социального, при котором власть уже не гуру, но нанятого преподавателя, уже не управляет потребителем йоги, поскольку не проявляется традиционной бинарной оппозицией авторитарный гуру/ пассивный ученик, и противостояния внутри этой оппозиции. Сам ученик становится своим собственным гуру, принимая на себя всю ответственность за происходящее с ним.

Важно заметить, что существует популярное направление постуральной йоги (йога Айенгара), где все преподаватели используют именно стандартное повелительное наклонение глаголов в инструкциях. Мы связываем это с тем, что сама данная Школа постулирует единообразие в методах отстройки поз, детальность отстройки, многоуровневое обучение преподавателей с жесткой иерархичностью, авторитарность преподавания, что все в совокупности влияет на унификацию, в том числе, и речи преподавателя. Можно предположить, что, в виде исключения, основоположники йоги Айенгара в России случайным образом использовали именно повелительное наклонение, а затем эта практика по внутренним каналам коммуникации Школы, была экстраполирована на все последующие поколения инструкторов.

Пристатейный библиографический список

1. Акимов Г. Н. Современные трактовки безличных предложений // Материалы XXVIII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб, 1999. С. 3-10.
2. Белоусов В. Н. Наклонение // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Научное издательство «Большая

- Российская энциклопедия»; Издательский дом «Дрофа», 1997. 721 с.
3. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. – М., 2016. С. 591-126.
4. Йога с партнером. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1028041/15/Teternikov_-_Spontanny_tantricheskiy_tanec_yogi_s_partnerom.html (дата обращения: 21.11.2018).
5. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
6. Лекторский В. А. Субъект // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М., 2010. С. 659-660.
7. Михаил Баранов на Carpathian Yoga Fest-2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=dxIBAlbIo0s> (Дата обращения: 21.11.2018)
8. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Под ред. И. Б. Голуб. 3-е изд., испр. М.: Рольф, 2001. 375 с.
9. Советы Агни Йоги: для немедленного применения, явные и скрытые. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://olegkr44.bget.ru/content/view/88/27/> (дата обращения: 21.11.2018).
10. Фуко М. Возвращение морали // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Практикс, 2006. 284 с.
11. Фуко М. Эстетика существования // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Практикс, 2006. 301 с.
12. Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Практикс, 2006. 255 с.
13. Что такое неолиберализм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/15006> (дата обращения: 21.11.2018).
14. Kern L. Connecting Embodiment, Emotion and Gentrification: An Exploration through the Practice of Yoga in Toronto. *Emotion, Space and Society* 5 (1): 2012. P. 27-35.
15. Markula P. Reading Yoga: Changing Discourses of Postural Yoga on the Yoga Journal Covers. *Communication and Sport* 2 (2): 2014.
16. Schnäbele V. The Useful Body: The Yogic Answer to Appearance Management in the PostFordist Workplace. In *Yoga Traveling: Bodily Practice in Transcultural Perspective*, edited by B. Hauser, 2013. P. 135-153.
17. Smith S., Atencio M. Yoga is yoga. Yoga is everywhere. You either practice or you don't: a qualitative examination of yoga social dynamics, *Sport in Society*, 2017. 1 p.
18. Yoga Journal Releases 2012 Yoga in America Market Study». 2012. *Yoga Journal*. December, 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yogajournal.com/press/yoga_in_america (дата обращения: 21.11.2018).

18 Акимов Г.Н. Современные трактовки безличных предложений // Материалы XXVIII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб. 1999. С. 3-10.

19 Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М. 2016. С. 591-126.

КУПАЕВ Владимир Олегович

аспирант кафедры ЮНЕСКО РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИР-СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМА ЕДИНЫХ НАЦИЙ, СТРАН, ГОСУДАРСТВ (ТЕЗИС ИММАНИУЛА ВАЛЛЕРСТАЙНА)

Последовательно разобрав противоречия и сложности возникающие при объяснении Индии (статья называется «Существует ли Индия?»), И. Валлерстайн обратил внимание на трансформации мир-системы: старые формы объединения людей в страны и нации в некоторых случаях уходят в прошлое, открывая возможности для новых форм социальной солидарности и адаптации к мир-системе.

Ключевые слова: мир-система, капитализм, государство, нация, колониализм.

KUPAEV Vladimir Olegovich

ostgraduate student of UNESCO sub-faculty of the RANEPA under the President of Russian Federation

TRANSFORMATION OF THE MODERN WORLD-SYSTEM: THE PROBLEM OF UNITED NATIONS, COUNTRIES, STATES (THESIS OF IMMANUEL WALLERSTEIN)

Constantly examining the contradictions and difficulties arising from the explanation of India (the article is called "Does India Exist?"), I. Wallerstein drew attention to the transformation of the world-system: the old forms of connecting people into countries and nations in some cases are passing away, opening up opportunities for new forms of social solidarity and adaptation to the world-system.

Keywords: world-system, capitalism, state, nation, colonialism.

В школе мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна существует определенная социально-эпистемологическая и онтологическая установка о таких понятиях как «нация», «государство», «культура», «цивилизация», «легитимность», «суверенитет»¹. Это бесспорный стандартный набор терминов социальных и гуманитарных наук (также международного права и повседневного языка) для описания мира, Иммануил Валлерстайн и представители школы мир-системного анализа считают иначе: язык описания реальности и наша форма рациональности крайне историчны и становятся все менее пригодны для адекватного отображения меняющегося мира. Более того, социальные и гуманитарные науки появились сравнительно недавно и обладают инструментарием прошлых эпох (во многом, являются частью культуры прошлого): устоявшаяся политическая карта, межгосударственная система, организация людей в некие экономические и социальные структуры, очень часто были созданы в рамках колониального порядка (в его разных фазах) и выражали прошедшее состояние мир-системы². При переменах в отношении ядра и периферии мирового капитализма, в торговых балансах, в цепочках добавленной стоимости, в технологиях происходят социальные сдвиги, делая любой язык описания пересмотра, т.к. люди реорганизуются по-новому, создавая новый мир.

Для иллюстрации своего тезиса Иммануил Валлерстайн взял пример Индии: С одной стороны, можно вообразить, что в эпоху колониальных завоеваний полуостров был бы поделен между Парижем и Лондоном: было бы слово Индия сейчас? Скорее всего, существовал бы слой историков, философов, культурологов, доказывающих, что страны полуострова являются исконно древними независимыми образо-

ваниями, культурами, народами, цивилизациями, нациями. Возможно, между новыми странами (насколько они могут называться странами) случались войны и взаимные претензии, а также споры вокруг исторического наследия. История Индии написана небольшим «классом» исторических ученых, которые выражали властный заказ и собственный субъективный «вкус», концептуализируя социальный нарратив в заданных рамках. Последняя завершающая мысль о современной мир-системе (на примере Индии) И. Валлерстайна – никто не может однозначно сказать о будущем территории под названием Индия³⁴

Беликий мыслитель не стал продолжать логику своего тезиса в статье об Индии, отметив, что его позиция может быть распространена на другие страны, государства, нации, культуры.

Для проверки этого тезиса обратимся к примерам из разных стран.

Возьмем пример Бельгии: существует проблема двух стран внутри формально единой нации. Фландрия это территория с экстенсивным сельским населением, которое резко отстает в продвижении легкой промышленности и новых высокотехнологичных отраслей, Валлония это городская и богатая часть Бельгии. Население Бельгии также поделено этнически на две группы: валлоны (40 %) и фламандцы (60 %), между которыми существует напряженность - после последних выборов в 2007 году Бельгия ушла без правительства в течение шести месяцев из-за разногласий и скандалов между голландскоязычными Фландриями на севере и франкоязычной Валлонией на юге. Будущее Бельгии не ясно: «раз-

1 Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. - New York: Penguin Press, 1974. - 210 p.

2 Wallerstein I. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. - London: Macmillan, 1991. - 406 p.

3 Электронная библиотека статей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scribd.com/document/2923057/Does-India-exist> (дата обращения: 1.12.2018).

4 Hewitt Chr. Encyclopedia of Modern Separatist Movements. – Oxford, 1999. - 804 p.

вод возможен»⁵. Бельгия отлично иллюстрирует правоту И. Валлерстайна о сложности современной социальной жизни, большой социальной инерции прошлого, трудности в определении нации, государства, общества в современном мире, большом потенциале перемен в будущем.

Другой пример – Индонезия, которая формально признана независимой страной после серии восстаний против управления монархии Нидерландов. Это бывшая колония была административно организовывала внешней силой, что объединила острова будущей страны под свои нужды в рамках колониальной мир-системы Голландия. Эта страна существует на 18 000 обособленных островах (из которых 1000 имеет постоянное население), население Индонезии говорит на свыше 700 языках, не понимая друг друга (индонезийский язык не очень популярен), в разных частях Индонезии распространен разный хозяйственный уклад, адаптивный к средовой особенности проживания⁶. Проблема сепаратизма актуальна для Индонезии с момента признания ее единой страной и суверенитета: предпосылки для новых границ заложены в географию и социально-культурную жизнь людей. Назвать Индонезию нацией, культурой, цивилизацией, страной можно, но с огромными допущениями и оговоркой (о чем утверждает И.Валлерстайн на примере Индии).

Можно привести пример из Ближнего Востока и вспомнить сложную социальную структуру Ливана. Страна состоит из религиозных общин, которые внутри себя могут иметь этническое разделение (также как один этнос может иметь социально важное разделение по религиозному признаку). Все общины Ливана имеют свою территорию компактного проживания, что делает невозможным поиск единства «нации», «общества», «государства», даже в физической предметной реальности, а не только в культурных, спекулятивных, абстрактных, философских вещах:

«Общины Ливана имеют территориальную привязку. Наибольшая концентрация суннитского населения была на севере страны (42 %), шиитов на юге (51 %), друзы и марониты в горном Ливане (16,8 % и 66,5 % соответственно), греки-ортодоксы на севере (24 %), греки-католики и армяне в Бейруте и его пригородах (21,6 % и на юге (17,1 %)».

В условиях отсутствия единой культуры, доминирующего этноса, гражданской нации, и дисфункции институтов государства, права, экономики Ливан стал удобной площадкой для создания такого нестандартного явления в новейшей истории как Хезболаа – организации, имеющей статус террористической во многих странах мира, при этом владеющей своей долей на мировом рынке алмазов (за счет ливанской диаспоры в Латинской Америке), мандатами в парламенте Ливана, благотворительными и образовательными учреждениями, небольшими вооруженными силами (которые имеют опыт противостояния регулярной армии Израиля). Организация явно выполняет некоторые функции государства, наряду с нелегальными деяниями (что опять ставит вопрос о возможности использования стандартного социально-гуманитарного языка описания реальности в современном мире).

Ливан существовал как провинция Османской и Французской империй, территория управлялась внешними силами. В современных условиях Ливан сложно представить чем-

то единым и неделимым, что также подтверждает правоту И. Валлерстайна о смене межгосударственной системы.

При рассмотрении прочих признанных стран, наций, государств, обществ, культуры мы находим схожие с Индией, Индонезией, Бельгией, Ливаном проблемы⁷: Канада имеет проблему Квебека и собственной канадской идентичности, Италия разделена на несколько частей (север, Сицилия), у Нигерии огромная часть территории фактически «выпала» из правового поля (Боко Харам), Афганистан это территория с большой общинностью и фрагментированностью социума (если это социум вообще, если это страна вообще) и т.д. Во всех этих случаях можно найти трудности с употреблением понятий «государство», «нация», «общество», «цивилизация», и все чаще «страна».

Как следствие, позиция Иммануила Валлерстайна и школы мир-системного анализа верна, проверяема эмпирически и лежит в рамках открытых фактов и логики.

В мире назрела необходимость создания нестандартных форм взаимодействия людей. При рассмотрении Ливана была затронута проблема Хезболлы – эта организация является одним из примеров выхода из социального кризиса и экономической слабости региона. Современная ситуация в мире создала предпосылки для других попыток адаптации и улучшения жизни вне рамок единых наций, стран, государств, культур.

Пристатейный библиографический список

1. Bremmer I. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. - New York: Portfolio, 2012. - 430 p.
2. Christopher H. Encyclopedia of Modern Separatist Movements. - New York: Facts on file, 1999. - 1080 p.
3. Does India exist? /Scribd library. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.scribd.com/document/2923057/Does-India-exist> (дата обращения: 1.12.2018).
4. Hezbollah Finances: Funding the Party of God/ The Washington Institute. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/hezbollah-finances-funding-the-party-of-god> (дата обращения: 01.01.2019)
5. Minahan J. Encyclopedia of the Stateless Nations/ J. Minahan. - Washington: Viking Press, 2014. 540 p.
6. Norton A.R. Hezbollah: A short history. - London: Political books, 2018. - 272 p.
7. Ohmae K. The End of the Nation State. - London: Books, 1996. - 305 p.
8. Shaping Baden-Württemberg / Baden-Württemberg official site. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.baden-wuerttemberg.de/en/shaping-bw/> (дата обращения: 01.01.2019)
9. Wallerstein I. Historical Capitalism, with Capitalist Civilization. - London: Macmillan, 2008. - 174 p.
10. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. - New York: Penguin Press, 1974. - 210 p.
11. Wallerstein I. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. - London: Macmillan, 1991. - 406 p.

5 Financial Times. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/c45dfbd4-7349-11e5-bdb1-e6e4767162cc> (дата обращения: 1.12.2018).

6 Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/INDONEZIYA.html?page=0,4 (дата обращения: 1.12.2018).

7 PageM. Colonialism . An International Social,Cultural, and Political Encyclopedia/ R. Gobber. - New York: Penguin Press, 1204 p., также Hewitt Chr.: Encyclopedia of Modern Separatist Movements, Minahan J. Encyclopedia of the Stateless Nations / J. Minahan. - Washington: Viking Press, 540 p.

МАКСИМОВА Софья Игоревна

аспирант Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

В статье исследуются различные виды социальных процессов и социальных систем с выходом на их внутренние трансформации. Показывается специфика трансформирующегося социума как сложной социальной системы. Представляются характерные особенности социальных транзитов. Показывается роль фактора темпоральности в исследовании динамики общественного развития. Рассматриваются различные аспекты линейного и нелинейного понимания трансформаций социальной системы.

Ключевые слова: социальная система, трансформация, социальный процесс, социальный субъект, трансформирующийся социум, темпоральность.

MAKSIMOVA Sophya Igorevna

postgraduate student of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE)

FEATURES OF TRANSFORMATIONS IN SOCIAL SYSTEMS

The article investigates various types of social processes and social systems with access to their internal transformations. The specificity of transforming society as a complex social system is shown. The characteristic features of social transits are presented. The role of the temporality factor in the study of the dynamics of social development is shown. Various aspects of linear and nonlinear understanding of social system transformations are considered.

Keywords: social system, transformation, social process, social subject, transforming society, temporality.

В социально-философском смысле модернизация означает различные прогрессивные изменения. Специфичным моментом для трансформации выступает субъектная детерминация социума, которая выявляет имеющееся несоответствие его объективной и субъектной сторон. Решением таких конфликтов выступает процесс социальных трансформационных изменений.

Особенность трансформации заключается в том, что происходит обеспечение адекватного регулирования социальных изменений на различных уровнях общества. Поэтому всякую трансформацию, целесообразно рассматривать как этап с точки зрения социальных преобразований и развития социума, характеризующую социальную действительность, при этом подобный этап возможно исследовать в контексте философского познания.

Подобный концепт определяет многоуровневые и многомерные параметры, характеристики и особенности трансформаций, демонстрирующий изменения состояния качества соответствующей субстанции, располагающейся в соотношении с разнообразными состояниями, установившегося уровня общественного развития. В подобном случае следует рассуждать о трансформации, связанной с особенностями, отражающими содержательные и формальные характеристики, содержащиеся внутри зафиксированного состояния социума.

Изменение подобных уровней предполагает коренное преобразование и становление организации субстрата, характеризующего отличительные особенности содержания периода транзита. Такой период, естественно, находится в сущностных аспектах с трансформацией, а с точки зрения интервальной структуры напрямую коррелирует с имеющимися версиями бытия социума.

При рассмотрении подобного механизма трансформации, правомерно выходит социальная транзитивность,

концепт транзита, транзитивных процессов, состояний перехода. Тогда, когда представления трансформаций социума соотносятся с нелинейностью в развитии общества, то, естественно, весомую значимость обретают такие понятия как: флуктуация, аттрактор, бифуркация.

Следовательно, трансформации социума представляет собой чисто философский концепт, который возможно рассматривать как философскую категорию. Концептуальный и методологический фундамент определяет механизм и параметры и характеристики социального развития относительно перехода различных качественных параметров субстрата и особенностей внутренней структуры в рамках данного этапа развития общества.

В ситуациях, если предполагается, что в рамках трансформации социума имеется вероятность соотношения нелинейной и линейной перспектив социального развития, тогда некоторую двойственность подобного механизма перехода в рамках самоорганизующейся и саморазвивающейся социальной системы необходимо рассмотреть с точки зрения имеющегося синтеза структуры и функции, ведущие к необходимому результату, связанному с дуальностью. В этом случае трансформация с позиции исследования различного рода, например синергетических циклов, способна выступать как определенного вида процесс, независимо от линейности или нелинейности исходной сложной социальной системы. При этом с позиции интерпретации и фиксации такого социального процесса, возможно предполагать разнообразные состояния и характеристики, а также и транзитивные состояния.

Ситуация касается того, что в основе всякого процесса саморазвития, что вполне применимо и к социальной трансформации представляется состояние социальной системы, находящееся внутри транзитивного состояния с дальнейшей

оценкой в транзитивном процессе. В подобной ситуации необходимо вести дискурс о том, что интерпретируется состояние преобразующегося социума, когда всякое зафиксированное положение социальной трансформации относительно транзитивного состояния всегда будет весьма подвижным в соотношении с определенными границами развивающейся социальной системы.

Подобная стадия блокирует имеющиеся дискретности моментов и интервалов и предполагает обращение к рассмотрению характеристик и параметров качества относительно социальной трансформации. Естественно, такой процесс социального развития проходит с учетом определенного количественного наполнения базисных основ, принципов и характеристик самоорганизующихся и саморазвивающихся систем, образующих сложную систему. При этом, если исследовать процесс социального развития с учетом вектора его направленности, то будет представлено такое преобразование, которое определено относительно характеристики количества и касается того качества, которое получило свое существование¹².

Следовательно, в рамках истории социально-философской мысли дискурс по данному вопросу имел место, поэтому в этой ситуации целесообразно по методологическим и концептуальным соображениям вместо момента вести рассуждение об интервале или стадии, удобнее об интервале, так как в этой ситуации стадия исследуется с позиции элиминации дискретности. При этом, когда осуществляется пограничный транзит в контексте трансформации социума и принимая во внимание нелинейность изменения, то подобный переход представляет собой интервал транзита, иначе его обозначают как фазовый переход, такой переход представляют бифуркацией. Она, между тем, реально не представляет из себя точки, скорее необходимо вести дискурс о бифуркационном поле, что особо выделяется при рассмотрении сложных саморазвивающихся и самоорганизующихся сложных систем³.

При обращении к работам известных синергетиков с социально-философских позиций представляется, что бифуркационное поле – это такое поле, анализ которого приводит к ряду вопросов: почему в подобной ситуации целесообразнее утверждать об интервале времени, и почему в таком случае процесс транзита правомерно считать фазой? Отметим, что если произошел переход от зафиксированного бифуркационного поля, то начинает существовать новая трансформация в рамках нелинейного развития и правомерно вести дискурс о принципиально ином состоянии сложной социальной системы.

Трансформация в социуме предполагает многоуровневый и многомерный транзит из одного переходного состояния сложной социальной системы к иному его состоянию

с набором базисных и производных характеристик. Если рассуждать об ограниченности действия социальных трансформаций, то он представляет своеобразный интервал его качественных параметров, образующих определенность. Содержательная структура трансформации социума предполагает определенный спектр тенденций, конкурирующих друг с другом, что обусловлено существованием внутренних структурных противоречий в контексте трансформаций социума. Структура трансформации социума отличается разноразностностью и предполагает различные варианты развития бытия социума⁴⁵⁶.

В определении значимости выбора корректного и адекватного варианта бытия социума имеются субъективный и объективный параметры. Объективные параметры – это варианты преобразований, разрешение и развитие конфликтов и противоречий, субъективный параметр – субъект, с интерпретациями и оценками, с тем адекватным концептуально-семантическим аппаратом, который дает возможность исследовать и формировать динамическую сложную систему⁷.

Трансформация социума – это есть процесс преобразований реальности, естественной и социальной среды и масштабных системных изменений в деятельности познающего субъекта. Во-первых, существует модель социальной трансформации, основанная на телеологическом подходе. В этом случае рассматривается образование принципиально иной экономической системы, как практически мгновенного перехода из одного состояния социума и экономики этого социума к другому такому его состоянию. Причем это последнее состояние будет выражать изначально заданный проект, или возможно идеал, как сценарий некоторого будущего⁸.

Второй подход к модели социальной трансформации, основан на абсолютизированном эволюционизме. В этом случае, происходит реализованное западными странами в последнее время становление рыночной экономики. Однако в конце 20 века в этом направлении появились проблемы, связанные с представлением о том, что изменилась направленность исторического времени⁹.

- 1 Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7-6. С. 1110-1113
- 2 Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8-2. С. 307-310
- 3 Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта «интервал» в исследовании социальных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-4. С. 872-875

- 4 Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.
- 5 Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 365-368
- 6 Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-1. С. 40-43.
- 7 Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8-2. С. 42-46.
- 8 Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе учебное пособие для студентов высших учебных заведений по курсу «История и философия науки»: в авторской редакции / В. В. Попов, И. Н. Самойлова, Б. С. Щеглов; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Таганрогский гос. пед. ин-т». - Таганрог, 2007.
- 9 Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24-27.

Третья модель социальной трансформации, основана на генетическом подходе. В этом случае имеем дело с целой палитрой концепций, среди которых естественно выделяется концепция социальной инженерии Карла Поппера, который фактически призвал к тому, что социальный субъект в рамках своей деятельности, должен изначально предполагать существование множества проблем и идти в рамках данного подхода методом ошибок.

Четвертая модель социальных трансформаций связана с так называемой идеей «догоняющего общества», то есть предполагается, что те страны, в которых невысокий уровень развития, могут наблюдать развитие иных, западных странах, и на этом основании, в конечном счете, они, достигнут достаточно успешных результатов. Современность показывает, что это достаточно проблематично, и только ряд стран, в которые были вложены определенные, достаточно большие средства, получили определенные дивиденды¹⁰.

Необходимо иметь эффективные модели социальных трансформаций. Однако в подобных условиях, методом преодоления риска социального развития, будет являться та или иная модель, отражающая социальные изменения. Причем, такая модель, которая способна не только выявить негативные изменения, но и возможно правильно выбрать те перспективные и обоснованные направления, которые, в конечном счете, определяют правильную стратегию социальных трансформаций.

Пристатейный библиографический список

1. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7-6. С. 1110-1113.
2. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8-2. С. 307-310.
3. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта «интервал» в исследовании социальных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-4. С. 872-875.
4. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.

5. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 365-368.
6. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-1. С. 40-43.
7. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты / //Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8-2. С. 42-46.
8. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе учебное пособие для студентов высших учебных заведений по курсу «История и философия науки»: в авторской редакции / В. В. Попов, И. Н. Самойлова, Б.С. Щеглов ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Таганрогский гос. пед. ин-т». Таганрог, 2007.
9. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24-27.
10. Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Воронеж, 2003. Том Книга 3.

¹⁰ Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Воронеж, 2003. Том Книга 3.

ПОПОВ Виталий Владимирович

доктор философских наук, профессор Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета имени А. П. Чехова

МАКСИМОВА Софья Игоревна

аспирант Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

МУЗЫКА Оксана Анатольевна

доктор философских наук, профессор Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета имени А. П. Чехова

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье исследуется феномен темпоральности в корреляции с социальными трансформациями. Показываются особенности трансформирующегося социума. Представляется своеобразный семантический треугольник: социальные трансформации-альтернативы-транзитивность в социальном развитии. Показывается, что темпоральность необходимо изучать в определенном сочетании ее преемственности и прерывности. Рассматриваются гносеологические аксиологические, гносеологические и онтологические аспекты понимания социальных трансформаций и транзитивности в русле философии времени.

Ключевые слова: социальная трансформация, альтернатива, социальный субъект, транзитивность, трансформирующийся социум, темпоральность,

POPOV Vitaliy Vladimirovich

Ph.D. in Philosophy, professor of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

MAKSIMOVA Sophya Igorevna

postgraduate student of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE)

MUZYKA Oksana Anatoljevna

Ph.D. in Philosophy, professor of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

TEMPORALITY OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

The article studies the phenomenon of temporality in correlation with social transformations. The features of the transforming society are shown. A peculiar semantic triangle is presented: social transformations-alternatives-transitivity in social development. It is shown that temporality should be studied in a certain combination of its continuity and discontinuity. Gnoseological axiological, epistemological and ontological aspects of understanding social transformations and transitivity in line with the philosophy of time are considered.

Keywords: social transformation, alternative, social subject, transitivity, transforming society, temporality.

Феномен социальной трансформации реально привлекает к себе умы ученых различных философских школ и направлений, причем такая заинтересованность касается того, что социальные трансформации нередко связывают с преобразовывающимся обществом, становящимся обществом, изменяющимся обществом и т.д., но такие соотнесения ведут к познавательному и исследовательскому интересу как с семантических, так и с концептуальных позиций. При этом методологические подходы к социальным трансформациям, особенно в корреляции с социальной транзитивностью, в современной литературе в соотнесении с факторами темпоральности и оценки вышли на приоритетные позиции.

Современное общество представляется как трансформирующийся социум, в котором социальные процессы проходят на различных уровнях социального бытия. Ученые, изучающие такие процессы, обычно обращаются к внутренней структуре социума, внутренней транзитивности, альтернативности в развитии. Особое место занимают периоды транзита, в которых осуществляется переход социального бытия с одного уровня на другой, выявляются внутренние противоречия трансформирующегося социума.

История философской мысли показала не только интерес к обсуждаемой проблеме, были определены перспективные стратегии, связанные с определением и кон-

струированием социальных трансформаций, причем, как с методологических, так и теоретических позиций относительно роли и сущности трансформаций в развитии социума.

Отметим, что такие были определены динамические концепты и понятия, способные представлять и отображать внутренние особенности социальных трансформаций, соотносящихся с периодами перехода или транзита (посредством моделей, модельных конструкций, уместных формализаций и т. д.).

Внесение в онтологические моменты современной социальной философии определенных концептов, обогащающих ее концептуально-семантический аппарат в области корреляции структуры и сущности социальных трансформаций в соотнесении с темпоральностью, связано с изучением трансформирующегося социума, в котором на ведущие роли выходят кризисы и противоречия. Такая ситуация предполагает значимость нахождения конкретных механизмов разрешения таких кризисов в контексте социальных трансформаций с привлечением концепции социальной транзитивности и темпоральной референции¹

1 Аверина Н.В., Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и недетерминистских теориях исторического процесса // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 86-90

Отметим, что постнеклассическая наука представила новую парадигму, основанную на синергетике, что дает новые возможности в исследовании социальных трансформаций. Появляется нелинейное представление социальных трансформаций, приоритеты относятся к альтернативному конструированию социальных процессов. Трансформирующийся социум возможно представлять как сложную социальную систему со своими законами функционирования и развития, с привлечением в концептуальный аппарат понятий флуктуации и аттрактора. По-новому понимаются и диссипативные структуры².

Между тем, системное представление этой проблемы в современной философской литературе не нашло широкого внимания и осмысления. Вообще, ситуация определяется тем, что философы приоритетно сосредоточили внимание на локальных фрагментах рассматриваемой проблемы, оставляя в стороне ее интегральное понимание.

По мнению авторов, в настоящее время необходимо раскрыта роль темпоральности в исследовании альтернативности социальных трансформаций, продемонстрировать возможности различных видов темпоральных структур и темпоральной референции для корректного и адекватного отображения и описания социальных трансформаций. Имплицитно существует необходимость изучения оценочных и темпоральных референтов, приоритетно определяющих методологические и теоретические основания социально-философского рассмотрения социальных трансформаций в контексте концепции социальной транзитивности³.

Социальные трансформации предполагают глубинные, качественные социальные изменения, при которых в самом содержании социальной реальности происходят парадигмальные сдвиги. И это отражается на всех областях общественной жизни, причем происходят социальные трансформации всех локальных моментов или внешних проявлений глубинных сущностей тех или иных процессов, явлений или событий⁴⁵.

Социальная трансформация стала рассматриваться достаточно близко с проблемой глобализации. Подобную корреляцию представители различных направлений понимали по-разному, однако предполагали, что глобализация, цивилизация и социальная трансформация образуют определенное единство, которое является методологически значимым в

объяснении многих реальных и глобальных процессов, которые происходят в современном мире⁶⁷.

Альтернативы социальных трансформаций изначально подразумевают наличие определенного количества тенденций, которые можно представлять, как некоторый спектр, берущий свое начало в переходных или кризисных периодах. Необходимо проецировать его на определенный интервал с которым он коррелирует. Эта корреляция будет связывать как кризисный период, период нестабильности, так и интервал времени, отражающий бытие социума. На приоритетные позиции выступает интервально-моментная теория как темпоральная основа социальных трансформаций в рамках исторического и социального развития, представляющая главную роль в рамках осуществления субъектом своих проектов в контексте осуществления многообразных аспектов исторического и социального моделирования⁸.

Постулируем, что альтернативное движение тенденций и перспектив в рамках социальной трансформации реально получает определенное систематическое оформление с точки зрения того, что фрагмент будущего предстает не только в своем качестве, обозначающего область альтернатив общественного развития, в этой ситуации приоритет переносится на специфику подобного фрагмента сценария будущего, что безусловно касается различных аспектов реконструкции самой концепции возможных миров и корреляции с соответствующими семантиками⁹.

Возможно разрешение альтернатив в социальных трансформациях с позиции привлечения структур ветвящегося времени и предположения сферы конструирования некоторой системы возможных миров, относительно которой правомерно рассматривать делящееся настоящее в контексте возможных миров и тех семантик, которые в настоящее время получили свою валидность в рамках этой концепции, причем дискурс идет об их корреляции и с актуально выбранным миром^{10 11}.

Существует иной вариант, когда социальный субъект связан с позицией, направленной на конструирование имеющих альтернатив социальной трансформации, предполагая брать за основу не актуальный мир, а исследовать альтернативное конструирование в контексте его отношения к нестабильным, противоречивым, кризисным и переходным состояниям в рамках исторического или социального процесса. И, конечно, в русле имеющихся тенденций социального развития, которые определяют область тенденций,

2 Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1998. 695 с

3 Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7-6. С. 1110.

4 Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта интервал в исследовании социальных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-4. С. 872-875.

5 Научные исследования: информация, анализ, прогноз. Кравчук П.Ф., Попов В.В., Лыгина Н.И., Копылов В.И., Кириков О.И., Коровин С.С., Рындак В.Г., Усенко Н.И., Лазарева В.А., Нохрина Н.Н., Семенченко И.В., Щеглов Б.С., Петрушенко С.А., Гриценко Н.В., Иванова Р.П., Корнажевская Л.А., Симонова Г.И., Скляров И.Ю., Соколова Е.Н., Ковелина Т.А. и др. Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора О.И. Кирикова. Воронеж, 2003. Том 1.

6 Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

7 Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419-421.

8 Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

9 Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 365-368.

10 Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-2. С. 36-39.

11 Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8-2. С. 42-46.

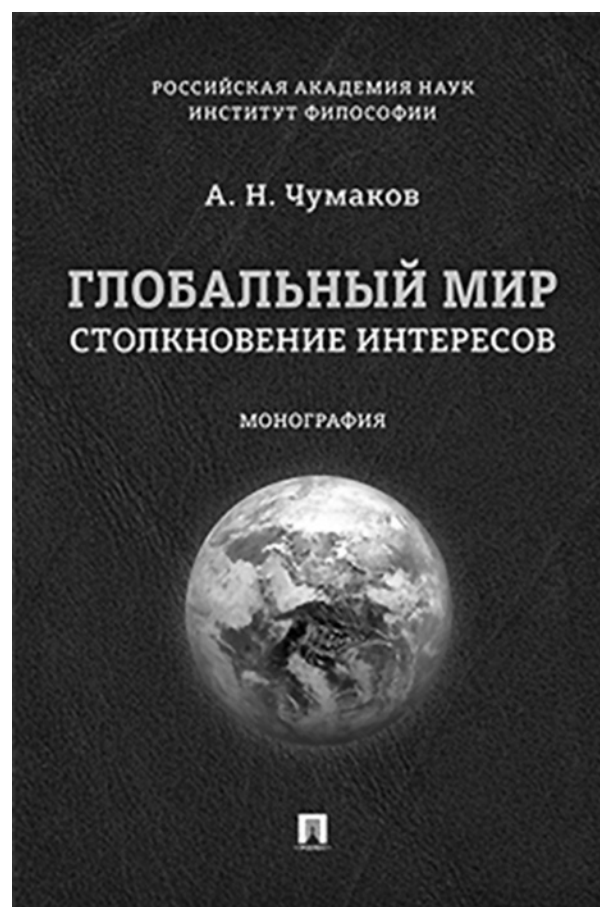
перспектив и альтернатив, формирующих сегмент будущего¹².

Альтернативные сценарии и социальные трансформации в контексте транзитивности выступают представляются междисциплинарными и следовательно правомерно подчеркнуть, что онтологические моменты социальной философии в данном случае имеют приоритет при их исследовании, но данные проблемы могут быть также с успехом использованы в социологических науках, экономических науках, и так далее. Отметим, что феномены социальных трансформаций и социального транзита, действительно, волновали ученых на протяжении всего развития философской мысли и многие интенции как раз и связывались с тем, как рассматривать то или иное общество, в каком статусе: модернизирующимся, становящимся, трансформирующимся или изменяющимся?

Пристатейный библиографический список

1. Аверина Н.В., Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и недетерминистских теориях исторического процесса // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 86-90.
2. Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1998. 695 с.
3. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7-6.-С. 1110.
4. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта интервал в исследовании социальных процессов //Фундаментальные исследования. 2015. № 2-4. С. 872-875.
5. Научные исследования: информация, анализ, прогноз. Кравчук П.Ф., Попов В.В., Лыгина Н.И., Копылов В.И., Кириков О.И., Коровин С.С., Рындак В.Г., Усенко Н.И., Лазарева В.А., Нохрина Н.Н., Семенченко И.В., Щеглов Б.С., Петрушенко С.А., Гриценко Н.В., Иванова Р.П., Корнажевская Л.А., Симонова Г.И., Скляр И.Ю., Соколова Е.Н., Ковелина Т.А. и др. Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора О.И. Кирикова. Воронеж, 2003. Том 1.
6. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.
7. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419-421.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

9. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 365-368.
10. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-2. С. 36-39.
11. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8-2. С. 42-46.
12. Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение. Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., и др. Воронеж, 2003. Том Книга 3.

¹² Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение .Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., и др. Воронеж, 2003. Том Книга 3.

ЗАБНЕВА Эльвира Ивановна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления Филиала Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева в г. Новокузнецке

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается идея становления гражданского общества как результата исторического развития социума в его диалектическом взаимодействии с государством. Доказано, что современное состояние соотношения понятий Россия и гражданское общество является одним из наиболее дискуссионных вопросов научной общественности в силу отсутствия определенных устойчивых традиций его функционирования. В своих размышлениях автор предлагает ответить на два основных нерешенных вопроса: каким должно быть гражданское общество в России, чтобы соответствовать реалиям современной действительности, и каков механизм его формирования?

Ключевые слова: гражданское общество, государство, взаимодействие, развитие, управление.

ZABNEVA Elvira Ivanovna

Ph. D. in sociological sciences, associate professor of Economics and management sub-faculty of the Branch of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University in Novokuznetsk

MODERN RUSSIA AND CIVIL SOCIETY: THE PHILOSOPHICAL ASPECT

The article deals with the idea of formation of civil society as a result of the historical development of society in its dialectical interaction with the state. It is proved that the current state of the relationship between the concepts of Russia and civil society is one of the most controversial issues of the scientific community due to the lack of certain stable traditions of its functioning. In his thoughts, the author offers to answer two main unresolved questions: what should be the civil society in Russia to meet the realities of modern reality, and what is the mechanism of its formation?

Keywords: civil society, state, interaction, development, management.

Понятие гражданского общества имеет глубокие исторические корни. Первые упоминания мы находим в трудах античных философов, уже тогда пытающихся объяснить его тесную взаимосвязь с государством¹. И. Кант и А. Смит обосновали его основополагающую составляющую для государства, как общества формирующего нравственные качества людей и наиболее развивающего их природные задатки². Буржуазные революции конца XVIII и начала XIX вв. провозгласили ключевые ценности гражданского общества: свободу и ответственность. В современной науке гражданское общество трактуется как совокупность инициативных и добровольно организованных отношений граждан с институтами государства, где на первом месте интересы и потребности граждан, а государство – гарант их прав и свобод.

Формирование гражданского общества есть не только процесс, но и результат многовекового развития социума в его тесном диалектическом взаимодействии с государством. Политическая история России во многом свидетельствует о драматичности данного диалога. Нигде в Европе практика патерналистского государственного управления не получила столь сильной идейной аргументации, как в России, что привело к многообразию теоретических обоснований абсолютизации государственной власти.

Начиная с древнерусской политической мысли, содержание которой заключалось в настоятельной необходимости централизованного государства, способного не только макси-

мально результативно реализовать потребности своих граждан, но и противостоять внешним врагам, сплотить общество единой религией, мы приросли к идее сакрализации самодержавной власти.

Политическая реформа России, предпринятая Петром I, трансформировала идеи патернализма в официальную общегосударственную идеологию этатизма. И уже в период правления Екатерины II просвещенный абсолютизм предстал в своем концентрированном выражении. Позже он был дополнен принципом легитимизма, согласно которому деятельность правящей династии основывалась на русском праве и представляла национальные интересы населения.

В дальнейшем укоренение патерналистской политики в управлении, неразвитость политической культуры, законодательно незакрепленная система правовых отношений власти и граждан, приводящая к отсутствию гражданских инициатив, породили полицейские и тоталитарные режимы, которые еще на многие годы отложили развитие гражданского общества.

Однако нельзя отрицать исторический феномен Минина и Пожарского и связанный с этим процесс восстановления государственности из пепла «бунташного» XVII в., идеи земщины как возможности и права народа самому управлять своими делами, идею «ничейности» земли и связанное с этим особое отношение русского человека к институту частной собственности. Все это является доказательством того, что попытки трансляции гражданского общества как явления в России существовали.

Современное состояние соотношения понятий Россия и гражданское общество является одним из наиболее дискуссионных вопросов научной общественности. Многие исследователи оценивают положение гражданского общества в России критически. По их мнению, в настоящее время мы имеем дело, скорее, с совокупностью атомизированных и до-

1 Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1975-1983. Т. 4. – М., 1983

2 Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1963-1966. Т. 4. – М., 1965

3 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – (Серия: Антология экономической мысли) – 960 с.

вольно бесправных индивидов, нежели со сформированным гражданским обществом⁴⁵.

Существует и менее скептическая точка зрения: современное российское гражданское общество – явление не исчезающее, но в то же время и не традиционное, будучи слабым и внутренне разобщенным, пребывающим на низком уровне развития, оно имеет место быть⁶⁷.

Есть и те, кто полагают, что российское гражданское общество существует и динамично развивается, опирается на самобытные традиции, конкретный социокультурный и исторический контекст, поэтому и оценивать его нужно по-особому⁸.

Настолько существенная разобщенность во мнениях, касаемых современного состояния российского гражданского общества, объясняется, прежде всего, отсутствием четких традиций его развития, в настоящий момент мы в большей степени довольствуемся фиксацией процессов взаимодействия и взаимной адаптации всех участвующих в политической жизни сторон и их реакцией на меняющуюся линию поведения каждой из них.

Сегодня мы проповедуем формирование личности с качествами ответственности и заинтересованности в делах управления государством, обладающей достаточным уровнем политической и правовой культуры. Но воплощение подобного положения в практику российских государственно-общественных отношений все еще является перспективной задачей для российской государственности. До сих пор существует два основных нерешенных вопроса, каким оно должно быть, чтобы соответствовать реалиям современной действительности и каков механизм его формирования?

Отвечая на первый вопрос, мы должны понимать, что российское гражданское общество по своему происхождению резко отличается от схожих западных феноменов, где его формирование происходило в течение длительного периода времени, закономерно и органически развиваясь, поэтому прямое приложение их опыта к российской действительности невозможно. К тому же нельзя не учесть и реалии западного общества сегодня, следует признать справедливость суждения о том, что оно переживает кризис индивидуализма, гражданское общество, лишённое общности, трансформируется в индивидуализированное сообщество, где полифония личности, социума и власти недостижима, а гражданин атомизируется⁹.

Напротив, не имеет смысла абсолютизировать идею уникальности российской государственности, и тем самым пытаться изобрести «велосипед» отечественной модели гражданского общества¹⁰. В этом контексте может быть стоит развивать идеи незападного типа демократии, основной характеристикой которой является идентичность, чувство принадлежности индивида к обществу, тем более, что такие страны показали свою состоятельность в современной реальности.

Однако при любом перенесении существующего опыта на отечественную почву нужно учитывать социокультурный контекст России, её исторические традиции, уникальность

русской политической культуры в целом и менталитет россиян. Очень важно сегодня сохранить исконные ценности отечественной гражданственности: коллективизм, патриотизм, благотворительность.

Механизм формирования настолько же понятен, насколько и сложен для реализации. Формирование гражданского общества возможно лишь при созданных государством правовых, экономических, политических и культурных предпосылках для самореализации индивидов и социальных групп. Но создать их может только сильное государство, ставшее сильным за счет единения народа. С другой стороны, следует признать, что ускорение формирования гражданского общества невозможно в силу того, что оно имеет естественную динамику. Зрелый гражданин начинается с развитого самосознания, возникающего из индивидуальных начал личности и общественного воспитания.

Установление подобного баланса между правами и обязанностями гражданина, оптимального соотношения свободы и ответственности личности возможно лишь, если человек поверит государству, а государство сформирует человека.

В рамках данного положения целью гражданского общества должно стать формирование результативного взаимодействия общества и государства в части поиска консенсуса между потребностями первого и возможностями второго. Государство традиционно должно выступить гарантом обеспечения каждому индивиду высокого уровня и качества жизни, равенства развития и возможностей реализации жизненных целей. И при этом предоставлять своим гражданам гарантированную возможность участия в решении государственных и публичных дел, тем самым сужая сферу государственно-административного воздействия за счет расширения сферы публичного управления, основанной на оптимизации взаимодействия общественности и государственной власти при решении общезначимых задач. Только тогда можно будет говорить о возможности формирования гражданского общества в России, как результата, ресурса и источника демократического правового социального государства.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева М. К. Современное состояние гражданского общества в России // *Власть*. – 2008. – № 5. – С. 15-18.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1975-1983. Т. 4. – М., 1983.
3. Бауман З. Индивидуализированное сообщество. – М., 2001.
4. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1963-1966. Т. 4. – М., 1965.
5. Левашов В.К. Мера гражданственности в социализации // *Социологические исследования*. 2007. – № 5. – С. 62-66.
6. Митрошенков О.А. Смена идентичности как социокультурный проект: управленческие контексты (социально-философский анализ) // *Вопросы социальной теории*. – 2011. Том V. – С. 242-261.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – (Серия: Антология экономической мысли) – 960 с.
8. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. – М., 1997.
9. Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии). – Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 70-84.
10. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России // *Pro et contra*. – 2006. – № 1. – С. 9-14.

4 Митрошенков О.А. Смена идентичности как социокультурный проект: управленческие контексты (социально-философский анализ) // *Вопросы социальной теории*. – 2011. Том V. – С. 242-261.

5 Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии). – Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 70-84.

6 Левашов В.К. Мера гражданственности в социализации // *Социологические исследования*. 2007. – № 5. – С. 62-66.

7 Там же. – С. 62-66.

8 Ананьева М.К. Современное состояние гражданского общества в России // *Власть*. – 2008. – №5. – С. 15-18.

9 Бауман З. Индивидуализированное сообщество. – М., 2001.

10 Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. – М., 1997.

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «РАЗРЕШЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ СПОРОВ В СТРАНАХ АТР (АВСТРАЛИЯ, ГОНКОНГ, ИНДИЯ, ИНДОНЕЗИЯ, КИТАЙ, МАЛАЙЗИЯ, НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ, СИНГАПУР, США, ТАИЛАНД, ЯПОНИЯ)», ПОДГОТОВЛЕННОЙ АВТОРСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Е. Е. ФРОЛОВОЙ И Е. П. ЕРМАКОВОЙ

В статье представлен обзор монографии «Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония)», подготовленной авторским коллективом Юридического института РУДН под редакцией Е.Е. Фроловой и Е.П. Ермаковой. Разрешение финансовых споров стало одной из основных тенденций международного коммерческого арбитража в 2018 г., что без сомнения определяет актуальность рецензируемой монографии. В странах, перечисленных в названии монографии, уже длительное время действуют законы и иные нормативные акты (правила, регламенты, инструкции), в той или иной мере регулирующие порядок разрешения споров между потребителями финансовых продуктов (пакетов взаимосвязанных финансовых услуг, финансовых инструментов и технологий, предлагаемых финансовыми институтами на финансовом рынке в качестве товара). Также в рецензируемой монографии дан анализ правового регулирования новых технологий FinTech на примере Австралии, Гонконга, Индии, Японии.

Ключевые слова: финансовые споры в странах АТР, потребители финансовых услуг, цифровые технологии, арбитражные центры.

KLEANDROV Mikhail Ivanovich

Ph.D. in Law, professor, Corresponding member of RAS, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored lawyer of the Russian Federation, Honored scientist of the Russian Federation

REVIEW OF THE MONOGRAPH "RESOLUTION OF FINANCIAL DISPUTES IN ASIA-PACIFIC COUNTRIES (AUSTRALIA, HONG KONG, INDIA, INDONESIA, CHINA, MALAYSIA, NEW ZEALAND, SINGAPORE, USA, THAILAND, JAPAN)", EDITED BY E. FROLOVA AND E. ERMAKOVA

The article presents an overview of the monograph "Resolution of financial disputes in Asia-Pacific countries (Australia, Hong Kong, India, Indonesia, China, Malaysia, New Zealand, Singapore, USA, Thailand, Japan)", prepared in the Law Institute of RUDN edited by E. Frolova and E. Ermakova. Resolution of financial disputes has become one of the main trends of international commercial arbitration in 2018, which undoubtedly determines the relevance of the reviewed monograph. In the countries listed in the title of the monograph, for a long time there are laws and other regulations (rules, regulations, instructions), to some extent regulating the procedure for resolving disputes between consumers of financial products (packages of interrelated financial services, financial instruments and technologies offered by financial institutions in the financial market as a commodity). The reviewed monograph also analyzes the legal regulation of new FinTech technologies on the example of Australia, Hong Kong, India, Japan.

Keywords: financial disputes in Asia-Pacific countries, consumers of financial services, digital technologies, arbitration centers.

Финансовый сектор большинства развитых зарубежных стран претерпел за последние годы немало изменений. Значительная часть этих изменений коснулась разрешения споров финансового характера. Не остался без изменений и избираемый подход к разрешению таких споров: растет практика применения альтернативных способов их разрешения. Появились постоянно действующие учреждения, специализирующиеся на использовании таких способов. В Гонконге это – FDRC, в Сингапуре это – FIDReC, в США и Великобритании это – Служба финансового омбудсмена, то есть лица, уполномоченного оказывать содействие в защите прав потребителей финансовых услуг. Названная служба известна тем, что практикует свободный, бесплатный доступ, придерживается неформальных процедур рассмотрения споров, а само рассмотрение осуществляет на основе принципов справедливости. Решения, принятые службой, обладают весьма высоким процентом исполнения. Не удивительно, что отмеченные факторы делают такого рода учреждения весьма привлекательными в глазах потребителей финансовых услуг¹.

Внимательный наблюдатель за процессами, происходящими в сфере финансовых услуг, не мог не заметить, что интерес к таким процессам проявляют не только услугополучатели, но и национальные законодатели. Появление такого интереса в России привело к принятию

нового на текущий момент правового акта, предназначенного к применению в данной сфере, – закона № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», действующего с 3 сентября 2018 г. Следуя традиции закрепления дефиниций важнейших используемых понятий, этот закон предложил определение финансового омбудсмена: гражданин, рассматривающий требования физических лиц к финансовым организациям. Весьма интересный обзор вопросов, связанных с деятельностью финансовых омбудсменов, а также предстоящим созданием в России службы финансового уполномоченного подготовлен и опубликован одной из солиднейших компьютерных справочных правовых систем – «КонсультантПлюс»².

Следует заметить, что в настоящее время мировой рынок финансовых услуг достиг особенно впечатляющих масштабов своего развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе, причем ведущим фактором этого развития выступает рост экономики Китайской Народной Республики, связи с которой пронизывают этот регион. Объективные предпосылки возможного возникновения споров между акторами этого рынка обуславливают трансграничный характер их подавляющего большинства. Подтверждением этому служат результаты опроса, проведенного Лондонским университетом королевы Марии в 2015 г., показавшие рост их количества, с одной стороны, и сосредоточение их рассмотрения в

1 Опыт финансового омбудсмена Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asros.ru/public/files/2/1845-ombudsmen_brit_183.doc Дата обращения 04.10.18.

2 Обзор: «Кому и зачем нужен финансовый омбудсмен» (КонсультантПлюс, 2018) // СПС КонсультантПлюс.

крупнейших мировых арбитражных центрах, с другой³. По мнению китайских юристов Дэна Хайди и Гао Руйминь, эта тенденция продолжилась и в 2018 году вследствие укрепления роли юрисдикций Азиатско-Тихоокеанского региона в качестве форума для разрешения трансграничных споров⁴.

Отмеченные обстоятельства вызывают потребность в научном освещении комплекса вопросов, связанных с рассмотрением финансовых споров в этом регионе⁵. Внимание тех, кто имеет возможность знакомиться с исследованием такого рода вопросов российскими правоведом, заслуживает быть обращенным на одну из недавних монографий, подготовленную коллективом авторов из Российского университета дружбы народов⁶, и которая

сохраняет страноведческий контур, обозначенный в предыдущем труде этого коллектива⁷.

Монография интересна не только юрисдикционным диапазоном освещаемой темы – Австралия, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония. Читателя привлекают прежде всего выявленные авторами особенности правового регулирования арбитражного разрешения финансовых споров в странах АТР. Так, применительно к деятельности сингапурского Центра международного арбитража SIAC показано, что эффективным способом привлечения новых сторон к выбору арбитража способна выступать модернизация арбитражных регламентов. Новеллы Арбитражного Регламента SIAC 2016 г. и Регламента инвестиционного арбитража 2017 г., стали, по словам авторов, долгожданным обновлением международного арбитражного ландшафта в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Важнейшими чертами такого обновления авторы называют: 1) помещение порядка назначения арбитров в строгие временные рамки; 2) пополнение списка потенциальных арбитров в Центре SIAC специалистами в области разрешения инвестиционных споров; 3) наделение председательствующего арбитра правом самостоятельно принимать процессуальные решения, если стороны не договорились об ином; 4) закрепление за арбитражным трибуналом полномочий по назначению эксперта, если стороны не договорились об ином.

Из поля авторского зрения не выпало то обстоятельство, что в регионе отвергается запрет разрешения финансовых споров посредством арбитража (в частности, действовавший некоторое время назад в Австралии), что, несомненно, свидетельствует о расширении арбитрабельности споров в финансовой сфере.

Закономерен интерес авторов к стремительному росту цифровых технологий, приводящему к «дигитализации ценностей оборота», конструированию понятия «имущества в цифровой форме», утверждению оборотоспособности таких явлений, как «цифровые активы»⁸. Определенным импульсом к авторским размышлениям в этом направлении, вероятно, стал предложенный в январе 2018 г. российским министерством финансов законопроект о регулировании цифровых активов в России⁹. Знакомство с этим законопроектом способно существенно обогатить цивилистическую эрудицию правоведов, удерживающих в круте своих научных интересов регламентацию финансовых и кредитно-расчетных отношений. В нем, в частности, предложено признавать в качестве «цифрового финансового актива» имущество в электронной форме, создаваемое с использованием криптографических средств. Вероятно, это позволит включить в круг средств платежа криптовалюту и токены, а блокчейны использовать в качестве повышения надежности цифровых транзакций¹⁰.

3 Наиболее востребованным арбитражным центром в течение последних пяти лет являлся Сингапур, за которым следует Специальный административный район Гонконг. – The 2015 Survey 'Improvements and Innovations in International Arbitration' carried out by the School of International Arbitration at Queen Mary University of London. See full survey results published at <http://www.arbitration.qmul.ac.uk/docs/164761.pdf>. Дата обращения 05.10.18

4 Haidi Teng, Ruimin Gao. Trends in Asia Pacific cross-border disputes in 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kwm.com/en/knowledge/insights/trends-in-asia-pacific-cross-border-dispute-resolution20180412> Дата обращения 04.10.18.

5 Русакова Е.П. Альтернативное разрешение финансовых споров в Гонконге и материковом Китае // Черные дыры в российском законодательстве, 2017, № 5, с. 28-32; Ермакова Е. П. Финансовая система Индии: переход к цифровой экономике и финансовой интеграции // Пробелы в российском законодательстве, 2018, № 3, с. 168-171; Ситкарева Е.В. Альтернативное урегулирование финансовых споров в Индонезии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной конференции памяти В. К. Пучинского. М., РУДН, 2017, с. 85-93; Артемьева Ю.А. Банковская система Китайской Народной Республики // Проблемы экономики и юридической практики, 2017, № 4, с. 90-95; Dudin M.N., Frolova E.E., Kucherenko P.A., Vernikov V.A., Voykova N.A. China in innovative development of alternative energy advanced industrial technologies // International journal of energy economics and policy, 2016, vol. 6, № 3, p. 537-541; Протопопова О.В. Финансовая система Малайзии // Труды Института государства и права Российской академии наук, 2017, том 12, № 5, с. 170-181; Фролова Е.Е. Понятие финансового спора в соответствии с положениями Закона Новой Зеландии о поставщиках финансовых услуг 2008 г. (с изменениями 2014 г.) // Черные дыры в российском законодательстве, 2017, № 4, с. 51-54; Ивановская Н.В. Альтернативные способы разрешения финансовых споров в Новой Зеландии: «Служба разрешения финансовых споров - FDRS» // Черные дыры в российском законодательстве, 2017, № 6, с. 61-64; Фролова Е.Е. Правовое регулирование альтернативного разрешения споров между поставщиками и потребителями финансовых услуг в Сингапуре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 2017, № 24 (273), с. 159-164; Ермакова Е.П. Регулятор FINRA и его функции в разрешении финансовых споров в США // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти В.К. Пучинского. М., РУДН., 2017, с. 16-25; Dudin M.N., Sakerin V.D., Smirnova O.O., Frolova E.E., Sepiashvili E.N. State anti-crisis management of banking sector: looking for optimization ways and contemporary development trends // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2014. Т. 5. № 2. С. 74-81; Русакова Е.П. Альтернативное урегулирование финансовых споров в Японии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти В.К. Пучинского. М., РУДН., 2017, с. 69-77; Фролова Е.Е. Финансовая система Японии: правовое регулирование споров между поставщиками и потребителями финансовых услуг // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 2018, том 9, № 1, с. 67-73.

6 Артемьева Ю.А., Ермакова Е.П., Ивановская Н.В., Протопопова О.В., Русакова Е.П., Ситкарева Е.В., Фролова Е.Е. Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США,

Таиланд, Япония). Под общ. ред. д.ю.н., проф. Е.Е. Фроловой и к.ю.н. доц. Е.П.Ермаковой // М., Инфотропик Медиа, 2019, 416 с. См. Артемьева Ю.А., Ермакова Е.П., Ивановская Н.В., Протопопова О.В., Русакова Е.П., Ситкарева Е.В., Фролова Е.Е. Разрешение финансовых споров в странах АТР. Индия. М., 2018. 76 с.

8 Цифровые активы – это различные файлы (фотографии, иллюстрации, текстовые документы, файлы верстки, видеофайлы и др.), используемые в деятельности организации и, как правило, представляющие материальную и интеллектуальную ценность. Понятие «цифровые активы» используется в контексте систем управления цифровыми активами (DAM). Цифровой актив (файл) в системе DAM является объектом хранения и управления. Одна из представленных в России систем управления цифровыми активами – Elvis DAM компании WoodWing (Нидерланды). // Попов А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.glossostav.ru/word/2413/> Дата обращения 02.10.18.

9 Минфин представил законопроект о регулировании цифровых активов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/4901634> Дата обращения 01.10.18.

10 Токен определяется в законопроекте как вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем для привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых записей. Блокчейн обозначен как «распределенный реестр цифровых транзакций, то есть как систематизированная база цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра».

Трудно пока судить о перспективах, которые этот законопроект, остающийся пока не принятым, окажется способным открыть. Сохранение запрета сделок с криптовалютами российское министерство финансов находит создающим условия для использования такой валюты в противоправных целях. Показательно, что в других странах, – в США, например, – предпринимаются попытки объяснить и обучить своих граждан весьма осторожному обращению с «цифровыми активами». В монографии подробно исследуется в этой связи деятельность американского агентства FINRA, которое на своем сайте сформулировало ряд правил для инвесторов. На этом сайте указывается, что инвестиции в цифровые активы (такие как токены, ICO¹¹ и криптовалюты) подвержены значительной неопределенности, а риски подобных инвестиций отличаются от рисков вложений в более традиционные активы, такие, например, как акции или облигации. Криптовалюты действительно могут иметь большой потенциал для инноваций на рынках капитала и финансовых рынках, однако инвесторам грозят повышенные трудности в проверке информации о соответствующих продуктах, необходимой для принятия обоснованных решений. Рынки цифровых активов демонстрируют высокую волатильность, что повышает спекулятивные риски.

Заслуживает одобрения стремление авторов исследовать самые новые, но не самые простые для анализа вопросы цифровых технологий в сфере финансовых услуг. Так, в ряде параграфов, посвященных финансовым системам Австралии, Гонконга, Индонезии, Сингапура, Японии, хорошо освещается деятельность созданного при поддержке правительства Гонконга Финансового комитета «FinTech» (*FinTech Steering Committee*); показываются налоговые преимущества (*Tax advantages*) и льготы для предприятий «FinTech» в Австралии; раскрывается содержание лицензионных требований к компаниям «FinTech»; характеризуется массив норм (*regulatory sandbox*), создаваемых Австралийской комиссией по ценным бумагам и инвестициям (ASIC); проливается свет на деятельность Банка Японии, который с 2016 г. активно продвигает внедрение технологий «Fintech» в банковскую систему страны.

Подводя итог сказанному, отмечу, что направление и содержание современных исследований российских правоведов, посвященных финансовым услугам и возникающим в связи с их предоставлением спорам, отличается острой актуальностью, вниманием к широкому кругу источников, совершенством применяемого научного аппарата, высокой сравнительно-правовой ценностью. Подтверждением этому служит послужившая предметом настоящего отзыва коллективная монография российских юристов.

Пристатейный библиографический список

1. Артемьева Ю.А. Банковская система Китайской Народной Республики // Проблемы экономики и юридической практики, 2017, № 4, с. 90-95.
2. Артемьева Ю.А., Ермакова Е.П., Ивановская Н.В., Протопопова О.В., Русакова Е.П., Ситкарева Е.В., Фролова Е.Е. Разрешение финансовых споров в странах АТР. Индия. М., РУДН, 2018. 76 с.
3. Ермакова Е.П. Финансовая система Индии: переход к цифровой экономике и финансовой интеграции // Проблемы в российском законодательстве, 2018, № 3, с. 168-171.
4. Ермакова Е.П. Регулятор FINRA и его функции в разрешении финансовых споров в США // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти В.К. Пучинского. М., РУДН, 2017, с. 16-25.
5. Ивановская Н.В. Альтернативные способы разрешения финансовых споров в Новой Зеландии: «Служба разрешения финансовых споров - FDRS» // Черные дыры в российском законодательстве, 2017, № 6, с. 61-64.
6. Минфин представил законопроект о регулировании цифровых активов // <https://tass.ru/ekonomika/4901634>
7. Обзор: «Кому и зачем нужен финансовый омбудсмен» (КонсультантПлюс, 2018) // СПС Консультант Плюс
8. Опыт финансового омбудсмена Великобритании // https://asros.ru/public/files/2/1845-ombudsmen_brit_183.doc
9. Попов А. Цифровые активы // <http://www.glossostav.ru/word/2413>
10. Протопопова О.В. Финансовая система Малайзии // Труды Института государства и права Российской академии наук, 2017, том 12, № 5, с. 170-181.
11. Русакова Е.П. Альтернативное разрешение финансовых споров в Гонконге и материковом Китае // Черные дыры в российском законодательстве, 2017, № 5, с. 28-32.
12. Русакова Е.П. Альтернативное урегулирование финансовых споров в Японии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти В.К. Пучинского. М., РУДН, 2017, с. 69-77.
13. Ситкарева Е.В. Альтернативное урегулирование финансовых споров в Индонезии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей международной конференции памяти В.К. Пучинского. М., РУДН, 2017, с. 85-93.
14. Фролова Е.Е. Понятие финансового спора в соответствии с положениями Закона Новой Зеландии о поставщиках финансовых услуг 2008 г. (с изменениями 2014г.) // Черные дыры в российском законодательстве, 2017, № 4, с. 51-54.
15. Фролова Е.Е. Правовое регулирование альтернативного разрешения споров между поставщиками и потребителями финансовых услуг в Сингапуре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 2017, № 24 (273), с. 159-164.
16. Фролова Е.Е. Финансовая система Японии: правовое регулирование споров между поставщиками и потребителями финансовых услуг // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 2018, том 9, № 1, с. 67-73
17. Haidi Teng, Ruimin Gao. Trends in Asia Pacific cross-border disputes in 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kwm.com/en/knowledge/insights/trends-in-asia-pacific-cross-border-dispute-resolution-20180412>
18. Dudin M.N., Frolova E.E., Kucherenko P.A., Vernikov V.A., Voykova N.A. China in innovative development of alternative energy advanced industrial technologies // International journal of energy economics and policy, 2016, vol. 6, № 3, p. 537-541.
19. Dudin M.N., Sekerin V.D., Smirnova O.O., Frolova E.E., Sepiashvili E.N. State anti-crisis management of banking sector: looking for optimization ways and contemporary development trends // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2014. Т. 5. № 2. С. 74-81.
20. Initial Coin Offerings (ICOs)—What to Know Now and Time-Tested Tips for Investors. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finra.org/investors/alerts/initial-coin-offerings-what-to-know>
21. The 2015 Survey 'Improvements and Innovations in International Arbitration' carried out by the School of International Arbitration at Queen Mary University of London. See full survey results published at [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arbitration.qmul.ac.uk/docs/164761.pdf>.

11 Initial Coin Offerings (ICOs)—What to Know Now and Time-Tested Tips for Investors. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finra.org/investors/alerts/initial-coin-offerings-what-to-know>. Дата обращения 05.10.18.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕвразЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата за аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.